
НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
1871
ГОДЪ ВТОРЫЙ
НИВА
С.ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАВАЕМЫЙ
А.Ф. МАРКСОМЪ
Въ большой Морской
на углу Невскаго просп.
д. Росмана № 9—13.
П. МАРКОВ.
К. ВЕЙЕРМАНЪ

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 23 Декабря 1871 года.

Типографія и Литографія А. Траншеля,
(на углу Невскаго и Владимірскаго проспектовъ, домъ № 45—1).

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 5 іюля 1871 года. **Годъ II.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Князь Василько Теребовльскій.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ КОНЦА XI ВѢКА,

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ И XIV КАРТИНАХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

ДѢЙСТВІЕ I.

КАРТИНА II.—ВЛАДИМІРЪ НА ВОЛЫНИ.

(Свѣтлица во дворцѣ князя Давида Игоревича).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Владимірскій на Волыни, **Давидъ Игоревичъ.** Средняго роста; лицо благообразное, съ острымъ носомъ и клинообразной бородкой; бѣгающіе глаза придаютъ непріятное выраженіе его физіогноміи, быстро измѣняющейся. 42-хъ лѣтъ. Одѣтъ въ широкое полукафтанье шелковое, въ сафьянныхъ сапогахъ и шапочкѣ.

Княгиня Марія Ростиславна, супруга его. Высокая, полная, съ величаною осанкою; нѣсколько блѣдна—съ грустнымъ выраженіемъ на кроткомъ лицѣ. Глаза съ поволокою, заплаканы. На ней парчевая душегрейка опушенная соболемъ, штофный опашень, обшитый позументами. Широкіе рукава шелковой сорочки вышиты шелкомъ разныхъ цвѣтовъ. Во всю грудь, въ семь рядовъ, жемчужное крупное ожерелье съ алмазнымъ крестомъ. На головѣ парчевая шапочка, на жемчужной поднизи. Изъ-подъ шапочки широкими складками на плечи и спину падаетъ фата.

Кнышинъ.

Турякъ.

Вѣстникъ великокняжескій. Въ желѣзной шапкѣ, цареградской паволокѣ и сафьянныхъ сапогахъ. Мужчина молодой.

Дѣтской (пажъ) при ложницѣ князя.

Театръ представляетъ обширную залу. Направо, сквозь открытыя арки верхнихъ переходовъ теплыхъ сѣней — ходъ въ теремъ княгини; налѣво—малая дверь въ ложницу. Прямо три большія окна косящетыя, съ цвѣтными (красными, зелеными и сиреневыми) стеклами въ свинцовыхъ переплетахъ. Около двери въ ложницу широкая лавка, покрытая стеганымъ полавочникомъ. Передъ лавкою — столъ, покрытый цареградскимъ узорочнымъ ковромъ. На столѣ, ближе къ краю, стоятъ чеканныя золотыя съ финифтями чаши цареградскія и рѣзной, слоновой кости баулъ. На лавкѣ у края лежатъ аксамитныя ножны съ золотыми дробницами и съ финифтью, да со слюзнями.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Давидъ (*сидитъ у стола и разсматриваетъ дорогой мечь, съ золотою насѣчкою на клинкѣ*). А дорого бы далъ Святополкъ, чтобы доподлинно добиться: кто уходилъ его братца... полоумнаго Ярополка?... Мы догадливы небойсь... пустили во время слухъ, что Ростиславичи... Кажется онъ и нынѣ еще вѣритъ, что они... (*смѣется*). А вдругъ бы... пришелъ... да увидѣлъ, что мечь-то Ярополка вотъ здѣсь... Подумалъ бы... вѣдь... Да нѣтъ! и тутъ бы, чего добраго, пожалуй что не догадался!... (*задумывается и вздрог-*

нувъ, бросаетъ мечъ и смотритъ пытливо, заслышавъ шаги. Входитъ Кнышинъ, и почтительно остановясъ у дверей, отвѣшиваетъ молча низкіе поклоны, держа въ обѣихъ рукахъ, за спиною, свою бобровую шапку)... А! это ты?! Ну... что скажешь, старина? Небойсь голова трещитъ со вчерашняго похмѣлья?... Турякъ, я ужь знаю, какъ васъ всѣхъ накатилъ... Такъ вѣдь... ну, молви самъ по совѣсти!

Кнышинъ (*съ улыбкою, кланяясь въ поясъ*). Попили, нече грѣха таить, княже державный! Турякъ Дмитро хлѣбосолъ... честь твоя вѣдаешь какой... было всево вволю, по твоей великой милости. Одно (*морщится*) не ладно сошло... Замятенье...

Князь Давидъ (*съ безпокойствомъ устремляя глаза на Кнышина*). Замятенье?... какое еще тамъ!..

Кнышинъ (*какъ бы не хотя высказываться*). Да... такъ (*пожимаетъ плечами*) маленько не ладно... вышло одно дѣло; одначе... ничего, кажется... не всѣ по-ня-ли сто-рон-ніе-то люди. Только спугнулъ всѣхъ— разошлись съ-одново. А то... ничего все было... сперва-то.

Князь Давидъ (*съ гнѣвомъ, нетерпѣливо*). Да ты, старый хрычъ, говори у меня толкомъ, коли спрашиваютъ... все какъ было, безъ увертокъ!... Не поводи дурацкими-то плечищами своими... не коробиться, а баять речисто—да внятно. Рѣчи не мотай, а выкладывай по-ряду: такъ-молъ и такъ!

Кнышинъ. Да, инде изволишь слушать.—Ушанъ выпилъ... задремалъ... да во снѣ и гаркни... не въ себѣ, такъ вотъ, къ примѣру (*кричитъ*): «Разбой!... князь Ростиславъ!»... (*понижая голосъ*) покойничекъ вишь Ушанцу покажись съ пьяныхъ-отъ глазъ, да будто и погрози... (*снова кричитъ*). «Не я колдовалъ твою дочь кнейню»....

Князь Давидъ (*внезапно бросается на Кнышина и зажимаетъ ему ротъ*). Тсс!

Кнышинъ (*силясь освободить ротъ изъ-подъ ладони князя, ничего не понимая, продолжаетъ*). «Мм-марь-рью!... Яр-ро-п-полк-къ!»

Князь Давидъ. Ни слова! Только пикни у меня (*давитъ ему шею, но, постепенно приходя въ себя, отпускаетъ его, и отходитъ медленно на свое мѣсто*). Ну — чего разорался? — могъ бы тише... Услышу я... а другимъ... никому... знать давать... не... нужно! (*Садится*).

Кнышинъ. Да я еще не очень... Послушалъ бы, какъ Ушанъ-отъ рявкнулъ на весь теремъ... А я... чѣмъ виновенъ... (*обидчиво*) давить не за што... Велѣлъ самъ... показать... какъ было (*махнувъ рукой*). И безъ меня слышали...

Князь Давидъ. Кто былъ?

Кнышинъ. Турякъ былъ... жена ево... Сновидъ съ Кіева... Василій игуменъ... Малуша!

Князь Давидъ. И они!.. Еще?

Кнышинъ. Да купцовъ двое... да наша дворня... кой-кто... Кто бишь? Дай Богъ памяти!

Князь Давидъ. Ну... Ушанъ кричать, а вы-то што?

Кнышинъ. Всѣ бѣжать... и я со всѣми.

Князь Давидъ (*постепенно возвышая голосъ*). Гдѣ же ты былъ по сей часъ?... ко мнѣ бы прямо должонъ... олухъ... тутъ же.... заразъ!...

Кнышинъ (*оробѣвъ, перебираетъ шапку потупясь, — вполголоса*). Заночилъ уже ты княже въ ту пору. Вторы пѣтухи пѣли... не пора. Я и... непосмѣлъ!.. Да все едíное—не важно. Ей-же-ей, не важно!

Князь Давидъ (*въ раздумьѣ—утишившись*). Ты думаешь? (*смотритъ на него пристально*). И не лжешь?

Кнышинъ (*поднимая голову и смотря на князя прямо*). Какъ Богу истинному!... правое слово — не важно... не разобрали што къ чему...

Князь Давидъ (*выпуская изъ груди долгій вздохъ и успокоиваясь*). Смотри же—не зѣвать впередъ! Коли што?—Ко мнѣ... прямо!... и говори какъ есть... не таить и не молчать...

Кнышинъ (*отвѣшивая низкой поклонъ*). Ничего не опущу надежа осударь! А Ушану не слѣдъ, послѣ экова художества, пити... коли на языкъ не воздерженъ...

Князь Давидъ. А за чѣмъ же вы-то спаиваите парня молодова... неразумнаго?...

Кнышинъ. Княже милостивый, такимъ озорникамъ, какъ Лазарь да Кольча, никто не указъ... Сами изъ рукъ рвутъ... Да и пришли, обое уже шумны таки... дуже шумны!

Князь Давидъ (*соображая*). Ну... коли очень пьянъ да крикнулъ не въ себѣ—ты кажется молвилъ— пожалуй... не всѣ и разобрали... А вотъ... Малуша была (*Кнышину*)... О ней что скажешь?—Это хитрая старуха—мимо ушей не пропуститъ! Да Василій игуменъ!.. ну что онъ поговорилъ?

Кнышинъ. Малуша—точно-што... со злости, што Ушанъ облаялъ, пеняла (*подходитъ ближе къ князю, вытягиваетъ шею и произноситъ тише*). Князь, молвила, княиню свою разлюбилъ никакъ, что насъ старыхъ слугъ въ обиду даетъ... (*слова какъ бы припоминаетъ*). Да совсѣмъ изъ ума вонъ у меня у стараго пса... еще Ушанъ же, попрежъ того, выболтнулъ угрозу каргѣ-то-нашей—Малушѣ... не то г-ритъ будетъ, какъ свернемъ головы Васильку да Мономаху... ну, да опять не всѣ вслушалися...

Князь Давидъ (*нахмурясь и гнѣваясь постепенно*). Пошелъ вонъ, старый плутъ!.. все новыя сплетни разводишь ты... не понимаешь, что васъ и вражду вашу къ отрокамъ моимъ, всю знаю я?... и вижу, какъ низко клевещете... Ступай, песъ, и не смѣй показываться!

Кнышинъ (*вздохнувъ*). На то воля буди твоя, княже! (*кланяется и уходитъ*).

Князь Давидъ (*принужденно улыбаясь*). Спровадилъ одного! — Все онъ кажется высказалъ; вещи скверныя, однако... этотъ Ушанъ... наболталъ псамъ съ пьяныхъ-то глазъ (*испускаетъ долгій и тяжелый вздохъ*). Нужно будетъ узнать, какъ старуха настроила княгинюшку мою!... (*кричитъ*). Дѣтской! (*Вбѣгаетъ изъ ложницы Дѣтской*). Поди къ княгинѣ въ теремъ и попроси ее государыню навѣстить насъ въ одиночествѣ *и въ недузѣ лежащихъ*... Слышь, такъ и молви—въ недузѣ лежащихъ... не переври только!... (*ложится на лавку и покрывается паволокою, зажмуривъ глаза*). (*Дѣтской уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

(Изъ ложницы, легко вступая, входитъ Турякъ, и остановясь передъ княземъ, заглядываетъ на него подозрительно).

Турякъ (*думая что князь Давидъ спитъ— вполголоса*). Да онъ видно неможетъ... давно пол-

день ужь, а все еще почиваетъ. Неспроста это самое... Ей-ей неспроста!...

Князь Давидъ (*открывая вдругъ глаза, съ гнѣвомъ*). Тебѣ что надо, безпутный? Покоя мнѣ отъ васъ нѣтъ. Только заведешь глаза — разбудятъ какъ разбудятъ, а ночь ноченьскую безсонница моритъ!...

Турякъ. Я, княже, не во гнѣвъ твоей милости, и самъ смекаю, што недомогаетъ честь твоя... И вошелъ кажись тихо... половичка не ворохнулась... избави Господи разбудить!... Не буди тово. Покой осударя князя дороже намъ самыхъ животовъ нашихъ рабскихъ. Што мы будемъ безъ осударей? Я готовъ не токмя...

Князь Давидъ (*прерывая его*). Не ври! А лучше признавайся: какъ это вы съ Ушаномъ хмару-то вчера смастерили? какое видѣнье на пиру...

Турякъ. Да изволишь вѣдати, княже мой милостивый... Ушану, кажись, вздремнулось маленечко, у меня за столомъ, а онъ штой-то съ просонья неладное и загорланилъ. Не вслушался я только въ слова тѣ самы, а знаю одно—гости мои всѣ огуломъ бѣжать. Я останавливаю—не тутъ-то было! такъ и разошлися... а окромя этова самова не знаю что бы еще?...

Князь Давидъ (*про себя*). Такъ пустякъ и въ правду! (*заслышавъ вдалекѣ шелестъ шаговъ княгини, Туряку шопотомъ*). Въ ложницу провались... (*закрываетъ глаза*).

(*Турякъ тихо скрывается въ ложницу и закрываетъ дверь*).

ЯВЛЕНІЕ III.

(Входитъ Княгиня).

Княгиня (*подходя и садясь на лавку подлѣ мужа, тихонько будитъ его притворный сонъ*) Давидъ! Свѣтъ мой ясный, што съ тобой? Присылаешь сказать, что совсѣмъ задумалъ хмурой хворѣ поддаться, а что бы ранѣе прислать по свою Марью? Кому дороже жизнь твоя, какъ не мнѣ, рабѣ и подругѣ твоей? Я бы лаской прогнала давно уже твой недугъ.... будь онъ самый не милостивый (*цѣлуетъ его*). (*Князь Давидъ, какъ бы проснувшись, открываетъ глаза*). Какой добрый ангелъ шепнулъ тебѣ, что подъ бокомъ у тебя есть твоя Маша?.. А она тоскуетъ, горюетъ, больно горюетъ, не видя цѣлые мѣсяцы своего Давида!.. (*заглядываетъ съ любовію въ глаза ему*). А не знаетъ, чѣмъ его только прогнѣвила!

Князь Давидъ (*беретъ обѣ ея руки и жметъ въ своихъ рукахъ.—Вкрадчиво*). Маша моя!—Не поминай другъ стараго. Я такъ виноватъ, что не смѣлъ—хотя и давно думалъ—послать къ тебѣ: не надѣялся, что ты будешь такая добрая... Теперь мы вмѣстѣ... прошлое было страшный сонъ (*обнимаетъ ее*). Ты очнулась и забыла (*привлекая ее на грудь*), что тамъ прежде видѣлось. (*Представляется страстнымъ и растроганнымъ*). Мужъ смотритъ въ глаза своей Машѣ, видитъ любовь въ нихъ къ ея безпутному Давиду, видитъ что она готова его простить,... чтобы жить начать сызнова, въ любви да въ совѣтѣ. (*Цѣлуетъ ее*) Такъ вѣдь?...

Княгиня (*на половину повѣривъ и растрогавшись*). Князь Давидъ, спасибо за то тебѣ, если ты такъ милостиво обманываешь меня безталанную. Я готова за правду принять и ложь такую сладкую... но... вѣдь ты не настолько золъ, чтобы насмѣхаться надомною?—Скажи: да! Я и всему повѣрю... готова вѣрить...

Князь Давидъ. Къ чему же это все недовѣріе, душа моя,—говорю нынѣ тебѣ искренно! Вотъ тебѣ рука моя...

Княгиня (*вздыхаетъ*). Богъ же тебѣ судья, если теперь обманешь.

Князь Давидъ. Да!—вѣрь Богу: беру его въ свидѣтели, что моя единственная радость — одна ты, ненаглядная Маша (*снова привлекаетъ ее къ себѣ*). Часто грустилъ и грущу я нынѣ объ одномъ... вижу, недугъ одолѣваетъ и... чего добраго (*вздыхаетъ протяжно*) придется раньше, чѣмъ думалось бы, оставить тебя... свѣтъ мой, (*сквозь слезы*) вдовствовать...

Княгиня. Не говори этого Давидъ!.. Умрешь ты—я не переживу тебя... не-за-чѣмъ... вдовѣть не останусь... Если умирать—вмѣстѣ!

Князь Давидъ (*оживляясь*). Вмѣстѣ хочешь умереть—вмѣстѣ жить будемъ, лучше, мы съ тобой!.. на зло всѣмъ недоброжелателямъ, сколько ихъ ни есть у насъ.... Только ты, душа, не слушай навѣтовъ ни братьевъ, ни Малуши...

Княгиня. Не безпокойся. Ты не знаешь, видно, Малуши (*съ упрекомъ*). Она способна со мной плакать,—когда ты меня на глаза не принимаешь... говоришь, вѣчно одно: (*передразнивая его*) «недосугъ... видѣть жену... дѣломъ занятъ... важнымъ».—Но Малуша будетъ только благословлять Создателя, если къ ея Машѣ станетъ ласковъ князь Давидъ Игоревичъ... какъ въ первые дни... любви нашей! (*Скрываетъ голову на груди мужа*)... Нѣтъ, Малуша—не врагъ, а другъ тебѣ вѣрный и неизмѣнный... (*Цѣлуетъ мужа приподнявшись*).

Князь Давидъ. Ну, хорошо! быть такъ; только бы другъ этотъ не вооружилъ тебя и другихъ противъ меня, какими-нибудь вздорными пересказами.

Княгиня. И это напрасно! Малуша мнѣ никогда, ни полслова, ни намека, супротивъ тебя не сдѣлала... Еще говорю... не вѣдаешь ты и представить не можешь ея привязанности къ намъ обоимъ.

Князь Давидъ. И взаправду?—И ни чего, ни вчера, ни сегодня (*дѣлая надъ собою усиліе*), ни прежде... не говорила?

Княгиня. Божусь тебѣ...

Князь Давидъ. Хорошо!—вѣрю. Стало намъ съ тобой остается цѣловаться, да миловаться... Стараго не вспоминать и вновь не начинать (*садитъ жену на колѣни*). И заживемъ мы съ благовѣрной государынею, княгинею Марьею Ростиславною, на княжествахъ нашихъ Владимірскомъ, Теребовльскомъ, Перемышльскомъ и иныхъ... въ чести да въ почести...

Княгиня. А братья что—на ихъ княженьи намъ быть не слѣдъ, гнать ихъ грѣхъ...

Князь Давидъ. Зачѣмъ же гнать!.. я не къ тому говорю... Сохрани Боже, но мало ли что бываетъ. Вотъ, напримѣръ, Святополкъ теперь въ Кіевѣ, а можетъ онъ потерять Кіевъ... И дадутъ Васильку Кіевъ, либо смоленскій удѣлъ... Володарю—Галичь... а намъ они отдать могутъ свои удѣлы. Ну, почему же тогда мнѣ не быть на княженьяхъ: Перемышльскомъ, Теребовльскомъ и иныхъ...

Княгиня. Такъ развѣ... Да къ чему намъ увеличивать нашъ удѣлъ: дѣтей нѣтъ... кому прочить?

Князь Давидъ. Могутъ быть еще... Ты не перестарокъ какой... Я тоже...

Княгиня. А говорилъ, что отчаеваешься въ жизни... умирать сбираешься...

Князь Давидъ. Одно говорится, другое думается... поживемъ еще въ Кіевѣ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Тѣ же и Турякъ).

Турякъ (*спѣшно вбѣгаетъ изъ ложницы и громко произноситъ, такъ что вздрагиваютъ князь и княгиня*) Изъ Кіева вѣстникъ! Отъ великаго князя Святополка—угодно, осударь княже, пріяти?

Князь Давидъ. Очень нужное развѣ это? Спроси: зачѣмъ?

Турякъ. Я ужь спрошалъ, да молвитъ одно, что повѣдать можетъ единому князю, твоей милости, весьма нужныя вѣсти!

Князь Давидъ. Впусти его къ намъ...

Княгиня (*садится подлѣ мужа и поправляетъ свой уборъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

(Тѣ же и Вѣстникъ).

Князь Давидъ. Какъ живетъ-можетъ, осударь братъ нашъ старѣйшій, въ отца мѣсто, князь великій Святополкъ Изяславичъ, въ Кіевѣ?

Вѣстникъ (*кланяясь низко*). Государь, князь великій, солнышко наше красное, его милость, Святополкъ Изяславичъ, челомъ тебѣ велѣлъ побити, осударю князю милостивому, Давиду Игоревичу, на столѣ твоемъ Владимірскомъ на Волыни, и указомъ звати тебѣ, осударя, на общій съѣздъ братій князьевъ благовѣрныхъ русскихъ, о сей же веснѣ быти имущій на Любечи-полѣ. И на тоемъ на съѣзду надлежитъ вамъ, братіямъ, княземъ державнымъ, урядъ положити земному міру. И на той съѣздъ прибыти тебѣ довлѣетъ, княже властивый, по Христовѣ дни въ первыхъ седмицѣхъ. Здравъ буди, осударю княже! (*кланяется и выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

(Тѣ же безъ Вѣстника).

Княгиня (*тоскливо*). Только я было разлакомилась пожить съ моимъ Давидомъ по душѣ,—а его ужь хотятъ опять взять у меня!.. Надолго?

Князь Давидъ. Не думаю (*съ безпокойствомъ*). Да и ума приложить не могу: чтó бы это былъ за съѣздъ такой? никогда не бывало никакихъ съѣздовъ... и не слыхивали.

Княгиня. Экой хитрецъ: будто и впрямъ не слыхалъ?—Ну кто повѣритъ! Со Святополкомъ вѣдь ты въ ладахъ, все знаютъ.

Князь Давидъ. Хоть не въ большихъ ладахъ, однако... видѣлся еще о святкахъ, да онъ ни полслова. Видно не его это дѣло... съѣздъ.

Княгиня. Чье же, безъ него?

Князь Давидъ. А вотъ узнаемъ, какъ съѣзжу въ Кіевъ...

Княгиня. Развѣ ты раньше еще думаешь туда съѣздить?

Князь Давидъ. И не думалъ—да нужно!... поневолѣ ѣдешь. Что же это въ самомъ дѣлѣ такое? (*Начинаетъ ходить по свѣтлицѣ*).

Княгиня (*вставая*). Какъ поѣдешь, зайди проститься?

Князь Давидъ. (*обнимая и цѣлуя жену*). Непремѣнно, мой свѣтъ! (*Княгиня уходитъ, въ раздумьѣ*).

П. П—въ.

(Продолженіе будетъ).

Петровскій дворецъ въ Москвѣ.

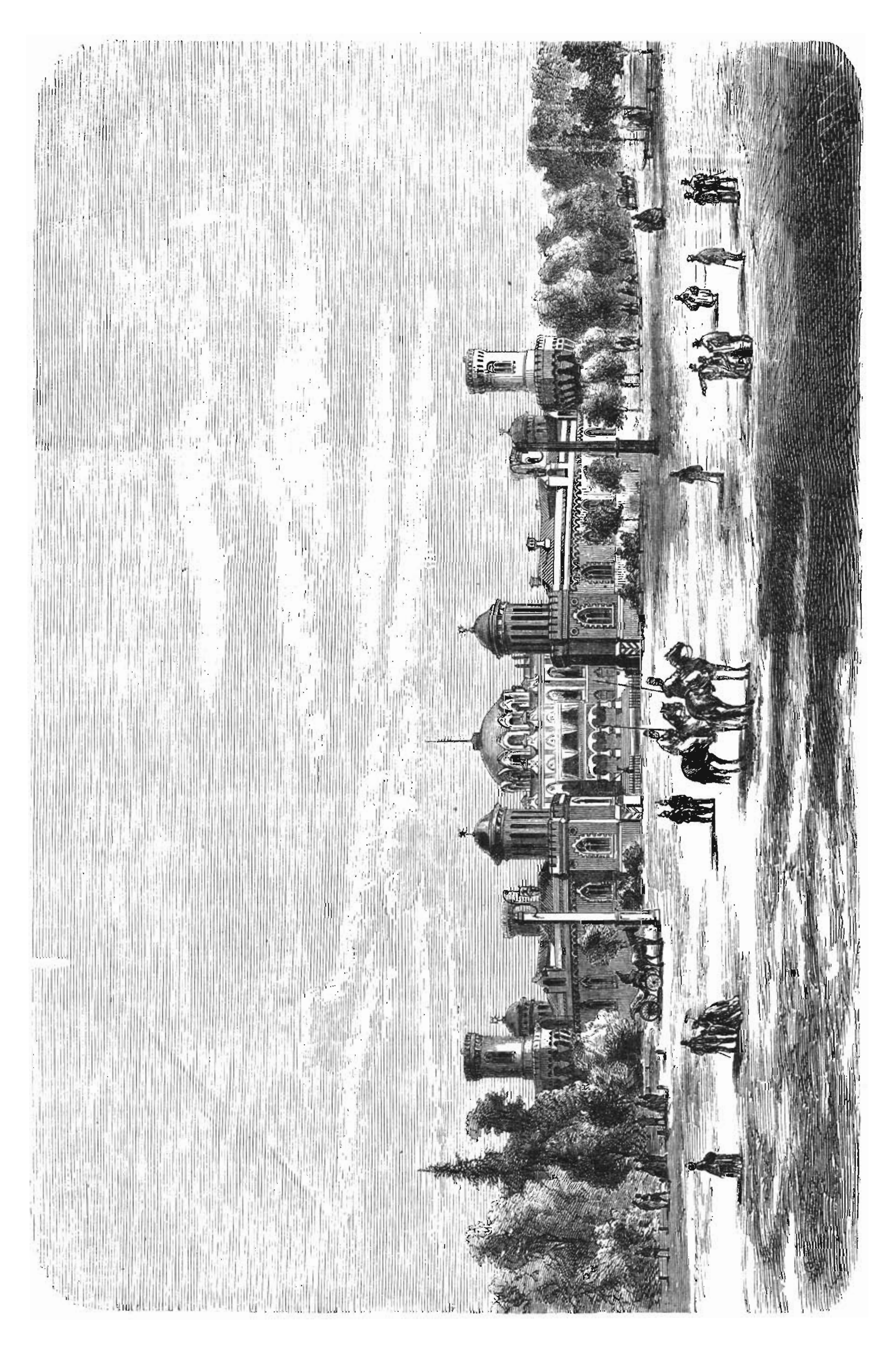
Петровскій дворецъ, фасадъ котораго изображенъ на прилагаемой при семъ картинкѣ, находится въ Москвѣ, въ двухъ верстахъ отъ тріумфальныхъ воротъ Александра I, по правую сторону петербургскаго шоссе. Это чрезвычайно оригинальное зданіе, напоминающее своими зубчатыми башенками (которыя окружаютъ его со всѣхъ сторонъ) средневѣковые замки, а своимъ порталомъ — мавританскіе дворцы. Яркій цвѣтъ этого дворца придаетъ ему, несмотря на его столѣтнее существованіе, еще довольно свѣжій видъ. Точно такъ же и внутренность этого дворца сохраняетъ все изящество, свойственное тому времени, когда онъ былъ построенъ.

По мнѣнію (котораго, замѣтимъ мимоходомъ, держатся даже многіе жители Москвы), что этотъ дворецъ построенъ Петромъ Великимъ, образовавшееся вслѣдствіе того, что онъ названъ по его имени, совершенно ошибочно. Петровскій дворецъ построенъ въ 1770 году Екатериною II, которая останавливалась въ немъ во время своихъ проѣздовъ въ Москву. Съ тѣхъ поръ онъ служитъ только временною квартирою императорскаго двора во время торжественныхъ пріѣздовъ въ Москву царской фамиліи—передъ коронаціей и послѣ бракосочетанія наслѣдника престола.

Не менѣе блестящая роль выпала Петровскому дворцу и въ 1812 году (17—30 сентября), когда — по выраженію Виктора Гюго — Москва «пылала какъ факелъ» (*c'est Moscou qui s'allume, la nuit, comme un flambeau*) или, — по выраженію Глинки — «какъ мученикъ» (Ты, какъ мученикъ, горѣла, бѣлокаменная, и рѣка въ тебѣ кипѣла бурнопламенная). Въ Кремлѣ не было уже никакой возможности оставаться. Тогда французскій императоръ отправился, рискуя жизнію, по дымившимся улицамъ къ уединенному Петровскому дворцу. Въ теченіи четырехъ дней, въ комнатахъ этого, обыкновенно столь тихаго, дворца звенѣли шпоры Наполеона и его офицеровъ. Но Петровскій дворецъ былъ самымъ сѣвернымъ пунктомъ, до котораго суждено было долетѣть, во время его баснословнаго полета, французскому орлу. Со двора поскакали наполеоновскіе офицеры, чтобъ передать его приказанія объ обратномъ походѣ, который привелъ его — къ острову св. Елены. На зубцахъ Петровскаго дворца начертала судьба слова: «До сихъ поръ, не дальше!»

За Петровскимъ дворцомъ находится Петровскій паркъ, который почти вдвое моложе его. За 50 лѣтъ до этого тутъ была голая степь; теперь, благодаря искусству, она превратилась въ прелестный садъ, гдѣ особенно любятъ гулять москвичи.

Передъ дворцомъ, на другой сторонѣ столбовой дороги тянется необозримое «Ходынское поле», гдѣ лѣтомъ стоятъ лагеремъ московскіе полки. За дворцомъ —

Петровскій дворецъ въ Москвѣ.

сельская тишина; передъ дворцомъ — воинственный шумъ.

Временами, когда Государь производитъ тутъ смотръ или ученье, тихій замокъ оживаетъ на короткое время, и прекрасныя залы подъ куполомъ наполняются офицерами. Во время пребыванія во дворцѣ Государя, надъ куполомъ развѣвается императорское знамя.

Лунная ночь.

(*Продолженіе*).

«Ты сердишься», сказала Ольга заботливо и отерла слезы».

«Я не сержусь, сказалъ мужъ, взялъ ее за голову, поцѣловалъ, сѣлъ на лошадь и отправился на рубку лѣса».

«Въ короткое время Ольга перевернула вверхъ дномъ весь домъ. Вмѣстѣ съ этимъ все каломейское общество слилось повидимому въ одинъ кружокъ, стало казаться однимъ большимъ салономъ, гдѣ очень весело проводили время и центромъ котораго была молодая прекрасная женщина, жадно упивавшаяся этою новою для нея жизнію».

«Одинокая барская усадьба вдругъ оживилась; даже высокіе тополи стали шумѣть какъ-то привѣтливѣе. Лугъ запестрѣлъ разноцвѣтными женскими платьями; пестрые мячи и воланы полетѣли въ воздухъ; въ саду слышались веселые голоса и смѣхъ.»

«Медленно краснѣли древесныя листья. Любо было гулять вѣтру по сжатымъ полямъ. Словно маленькіе флаги колыхались на голыхъ кустахъ паутинки; журавли треугольниками тянулись къ югу. Въ развѣвающемся платьѣ и кокетливой шапочкѣ съ колеблющимся перомъ, несется по полю на бѣлоснѣжномъ степнякѣ Ольга. Вслѣдъ за ней мчатся на ретивыхъ коняхъ молодые помѣщики и дамы въ фантастическихъ костюмахъ. Раздаются звуки охотничьяго рога. Скрывавшійся въ травѣ заяцъ приподнимаетъ свои длинные мохнатые уши, присѣдаетъ отъ изумленія, а потомъ бѣжитъ къ лѣсу. Хрипло-залаявшая лисица пробирается кустами въ сторону».

«Небо становится все сѣрѣе, все туманнѣе; вокругъ старыхъ тополей кружатся вороны; словно зеленые огоньки, изъ-за забора сверкаютъ ночью глаза волка. Въ одно холодное солнечное утро равнина является какъ бы покрытая частымъ бѣлымъ пушистымъ покрываломъ; на окнахъ сверкаютъ маленькіе брильянтики; съ крышъ и деревьевъ каплетъ; на току кричатъ воробьи. Еще недѣля, другая—и снѣгъ уже не сходитъ. Выдвигаются изъ сарая сани съ запыленною головою лебедя. Свиститъ тонкая трость казака, опускаясь на медвѣжьи шкуры. Въ огромныхъ печахъ, стиля *renaissance*, трещитъ огонь. Словно хищныя птицы, несутся со всѣхъ сторонъ къ господской усадьбѣ сани; вдали слышатся звуки колокольчиковъ; въ передней лежитъ цѣлая гора шубъ; освободившись отъ своихъ теплыхъ, мягкихъ покрововъ, дамы входятъ въ гостиную и закуриваютъ папиросы; мужчины съ трудомъ натягиваютъ лайковыя перчатки на свои окоченѣвшіе пальцы. Вотъ кто-то садится за фортепьяно, беретъ нѣсколько аккордовъ, и пары уже стоятъ рядами, готовыя начать танецъ. Одна недѣля смѣняется другою, одинъ домъ другимъ. Игорные столы не закрываются, длинныя трубки дымятся; пустыя бутылки стоятъ въ погребѣ въ видѣ большихъ каре, словно старая гвардія при Ватерлоо».

«Когда при тускломъ свѣтѣ наступающаго дня, закутанная въ шубу изъ темнаго сибирскаго соболя и утонувшая въ пушистомъ мѣхѣ своихъ саней, Ольга возвращается домой, — впереди ея ѣдутъ казаки съ факелами, съ которыхъ каплетъ въ снѣгъ шипящая смола, и всѣ знакомые провожаютъ Ольгу, какъ провожали бы царицу».

«И она дѣйствительно царица, неограниченная повелительница этого веселаго кружка; она блеститъ, она побѣждаетъ, она счастлива. Уже называютъ ея возлюбленнымъ такого-то и такого-то, которые, ухаживая за нею, особенно граціозно и своеобразно подносятъ ей конфекты и за это пользуются милостью снимать и надѣвать на нее мѣховые сапожки, тогда какъ Ольга ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не нарушила еще вѣрности своему мужу. Она обращалась съ нимъ дружелюбнѣе чѣмъ когда-либо, она старалась вознаградить его самою нѣжною внимательностью; но толки общества, сосѣдей, прислуги дошли и до него. Онъ имѣлъ довѣріе къ своей женѣ, но онъ дорожилъ своею честью,—и самая ничтожная сплетня, бросавшая какую бы то ни было тѣнь на Ольгу, жестоко терзала ему душу».

«Онъ становился все тише, все холоднѣе. Когда приходилъ кто нибудь посторонній, онъ потихоньку уходилъ изъ дому заднимъ ходомъ. Все рѣже и рѣже сопровождалъ онъ свою жену во время ея поѣздокъ. Весною онъ основалъ вмѣстѣ съ русскими помѣщиками экономическій клубъ и предпринялъ цѣлый рядъ улучшеній въ своемъ помѣстьѣ; онъ выписывалъ нѣсколько газетъ; накупилъ множество книгъ; началъ сближаться съ крестьянами и посѣщать деревенскія корчмы, намѣреваясь баллотироваться въ ландтагъ. По окончаніи уборки хлѣба онъ часто ходилъ на охоту одинъ, только съ собакою и возвращался домой часто поздно ночью. Ольга была уже въ постели, но не смыкала глазъ и ждала его съ біеніемъ сердца. Но онъ думалъ, что она спитъ и неслышными шагами уходилъ къ себѣ въ комнату. А между тѣмъ никогда еще не интересовалась она имъ до такой степени. Она придавала большое значеніе всему, что онъ ни дѣлалъ. Когда онъ уходилъ изъ дому, она просматривала газеты, которыя онъ читалъ, перелистовывала его книги».

«Теперь стала она догадываться о томъ, что такое любовь,—и чувствовала, что она могла бы полюбить своего мужа».

«И вотъ тутъ-то, когда она стала такъ мало для него значить, что онъ могъ проводить цѣлые часы разговаривая съ мужиками (которые, приходя къ нему, распространяли такой отвратительный запахъ юфти), а для нея, напротивъ того, не находилъ ни словечка; когда она сидѣла подлѣ него цѣлые вечера, а онъ не спускалъ глазъ съ книги; когда онъ могъ уйти спать, не поцѣловавъ ее,—вотъ тутъ-то она и стала домогаться съ какимъ-то страстнымъ нетерпѣніемъ его любви.

Она придумывала самые очаровательные неглиже, она кокетничала съ мужемъ, какъ кокетничала бы съ самымъ страстнымъ изъ своихъ обожателей. Онъ долженъ былъ любить ее; она хотѣла, чтобъ онъ любилъ ее».

«Все перепробовала она — и наконецъ дошла до отчаяннаго средства».

«Она рѣшилась возбудить въ немъ *ревность*».

«Но гдѣ найти такую личность, которая могла бы возбудить ревность въ этомъ холодномъ, умномъ, самоувѣренномъ человѣкѣ! Ольга искала и не находила достойнаго. Ею овладѣло сильное безпокойство, не оставлявшее ее ни въ гостяхъ, ни дома».

«Однажды мужъ ея стоялъ у садовой рѣшетки и печально смотрѣлъ на опускавшееся за лѣсъ солнце, на одинокіе стебельки, остававшіеся на сжатыхъ поляхъ, на траву, на древесные листья, подернутые краснымъ цвѣтомъ. Вдругъ, совершенно неожиданно, она обвила его шею руками и схватила его теплую, сухую руку, которая въ ту же минуту стала холодна какъ ледъ».

«Почему ты не со мной? заговорила она съ выраженіемъ преданности, — ты избѣгаешь меня? Тебѣ что нибудь не нравится во мнѣ? Какою я должна бы быть по твоему? Любишь ли ты еще меня?»

«Михаилъ погладилъ ее по щекѣ и устремилъ опять глаза на лежавшій передъ нимъ пейзажъ. Ольга страстно обняла его и прижалась своими устами къ его. Онъ тихо освободился отъ ея объятій. «Ты ѣдешь завтра къ Завальскимъ на охоту. Ты хочешь, чтобъ я поѣхалъ съ тобою?»

«Ольга съ испугомъ взглянула на него.»

«Не въ томъ дѣло».

«Нѣтъ, въ томъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь: — пойдемъ домой, становится свѣжо».

«По возвращеніи домой, онъ посадилъ Ольгу къ себѣ на колѣни и покрылъ поцѣлуями ея затылокъ, губы, грудь; ея сердце замерло отъ восторга. Вдругъ онъ сказалъ: «Зажги лампу и принеси мнѣ газету».

«Его жена сжала свою маленькую ручку въ кулакъ и плакала всю ночь до самого утра».

«У ней были еще на глазахъ слезы, когда онъ помогалъ ей сѣсть на лошадь; она какъ-то странно взглянула на него, хлестнула лошадь и ускакала».

«День былъ ясный и теплый. Весело неслась охота по открытому полю. Въ лѣсу охотники раздѣлились, ея мужу пришлось стоять въ густой чащѣ. Прекрасная, всепобѣждающая женщина съ пораненымъ сердцемъ, съ полными слезъ глазами, управляла охотою. Она открыла перваго зайца, когда онъ, ища спасенія, бѣжалъ изъ лѣсу въ поле, и указала на него маленькой дрожащей ручкой. На него спустили борзыхъ, зазвучали рога. Съ дикимъ крикомъ «ура!» бросились всадники вслѣдъ за испуганнымъ звѣремъ».

«Презрительно смѣясь надъ жизнію, летѣла Ольга черезъ рвы, ручей и заборы; каждый нервъ въ ней дрожалъ отъ жестокаго удовольствія; она смѣялась какъ дитя, слѣдящее за полетомъ мячика, когда наконецъ борзыя подбросили вверхъ звѣря плачущаго слезами смертной тоски. Во всѣхъ взорахъ свѣтилось удивленіе къ отважной всадницѣ; ея тщеславіе справляло новую оргію, а между тѣмъ это былъ только жалкій заяцъ, испускавшій дыханіе у ея ногъ; мущины цѣловали ея влажныя отъ испарины перчатки и махали шапками. Съ раскраснѣвшимися щеками, со сверкающими глазами взглянула она вокругъ себя».

«Въ сторонѣ, на краю лѣса стоялъ молодой человѣкъ, котораго она до сихъ поръ не замѣчала. Онъ смотрѣлъ на нее съ какою-то строгостію и молчалъ».

«Eh bien, monsieur, надменно вскричала она, — нравлюсь ли я вамъ?»

«Мнѣ? нѣтъ, сухо отвѣчалъ онъ».

«Ольга быстро обернула лошадь къ нему. «А почему, смѣю спросить?» спросила она — больше заинтересованная, чѣмъ оскорбленная».

«Женщина, которая тѣшится смертной тоской животнаго, должна быть очень безсердечна, или очень *легкомысленна*».

«Въ эту минуту душою бѣдной суетной женщины овладѣло что-то въ родѣ ненависти — демонической, страшной, неодолимой; но это было совершенно другое чувство! Она безмолвно смотрѣла на молодаго человѣка».

«Онъ былъ настолько хорошъ, что могъ возбудить ревность въ ея мужѣ. Теперь она это знала. Вѣдь только этого-то она и искала. И онъ осмѣлился обращаться съ ней съ такимъ равнодушіемъ, онъ за это долженъ поплатиться. Больше она уже ничего у него не спрашивала».

«Это былъ первый человѣкъ, который говорилъ такимъ образомъ съ нею, который обращался съ нею такъ сурово, почти враждебно».

«А между тѣмъ у него были такіе добрые глаза».

«Вскорѣ послѣ того, она дрожала отъ лихорадочной жажды мести въ то время, какъ онъ едва ли обращалъ на нее какое нибудь вниманіе, живо разговаривая съ другими за столомъ и въ танцовальной залѣ. Она для него не существовала — и она видѣла, что онъ игралъ въ обществѣ значительную роль. Никогда еще не было у ней такъ тоскливо на душѣ».

«Она узнала, что это былъ нѣкто по имени Владиміръ Подолевъ, объ которомъ тогда много говорили и котораго всѣ чрезвычайно уважали».

«Владиміръ былъ очень не любезенъ съ вами, сказала ей хозяйка дома, прекрасная умная женщина, сдѣлавшаяся изъ простой крестьянки помѣщицей. — Это ужь такая у него манера; онъ престранный человѣкъ, онъ глядитъ на все иначе чѣмъ мы, глубже, проницательнѣе; отъ его ума, повидимому, ничто не можетъ скрыться. Вы еще лучше станете объ немъ думать, когда поговорите съ нимъ».

«И гордая женщина, отвѣчавшая на всевозможныя клятвы и обожаніе однимъ презрительнымъ хмуреньемъ бровей, пошла къ нему и заговорила съ нимъ».

«Вы оскорбили меня, начала она дрожащими, блѣдными губами. Тутъ у ней захватило дыханіе».

«Истина всегда тяжела, возразилъ Владиміръ, — но она необыкновенно цѣлительна для больныхъ душъ. И его глаза кольнули ее въ сердце».

«Вы замѣтили, продолжала глухимъ голосомъ Ольга, — что я, какъ кажется, *легкомысленна*. Я обдумывала ваши слова, объясните мнѣ ихъ, я ихъ не понимаю».

«Какимъ образомъ долженъ я съ вами объясняться? сказалъ равнодушно Владиміръ.»

«Вы находите, что человѣку не слѣдуетъ убивать звѣрей? спросила Ольга, и въ ея глазахъ сверкнула насмѣшка.»

«Владиміръ улыбнулся. «Чисто женская логика», заговорилъ онъ: «объ *убійствѣ* животныхъ не было и рѣчи, я говорилъ о томъ только, что ихъ не слѣдуетъ *травить* и *мучить*. Вообще о *правѣ* въ этомъ свѣтѣ

не слѣдовало бы и говорит', а говорить только о *необходимости*, которая управляетъ всѣмъ. Въ концѣ концовъ человѣку надобно жить—и убивать для того чтобъ жить. Если онъ питается растеніями, то и тутъ даже убиваетъ, потому-что и у растеній есть жизнь. Онъ можетъ убивать животныхъ, но не болѣе того, насколько это *необходимо*; онъ не долженъ ихъ мучить, потому-что животныя имѣютъ, подобно намъ, волю, чувство и разумъ. Они мыслятъ, хоть и не такъ сильно какъ мы,—и тѣшиться ихъ муками такъ же дурно, какъ и любоваться убійствомъ въ циркѣ гладіаторовъ. Женщина, которая въ состояніи травить звѣря, представляется мнѣ одною изъ тѣхъ жестокихъ русалокъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь и смерть и которыя такъ охотно оборачивали большой палецъ. Такая женщина не остановится со временемъ ни передъ какою жертвою, хотя бы дѣло шло о человѣческой жизни,—такъ какъ то небольшое количество разума, которымъ мы отличаемся отъ животныхъ, и безъ того уже въ женщинѣ мало значитъ».

«Благодарю васъ, сказала Ольга послѣ нѣкотораго молчанія, впродолженіе котораго она стояла какъ бы остолбенѣлая. «Теперь пойдемте въ зало». Она безъ всякой церемоніи взяла его за руку и отправилась назадъ въ зало. Когда онъ послѣ этого стоялъ въ дверяхъ и она проносилась мимо него въ танцѣ, на него всякій разъ падалъ теплый, солнечный взоръ ея темныхъ тоскующихъ глазъ. Всякій разъ, когда ей приходилось выбирать, она выбирала его; она употребляла всевозможныя усилія, чтобы завязать съ нимъ разговоръ, но онъ отвѣчалъ ей спокойно и немногими словами».

«Собираясь ѣхать домой, Ольга съ видомъ досады завернулась въ свою шубу и съежилась, словно паукъ, у котораго разорвали паутину».

«Что такое въ сущности этотъ Владиміръ Подолевъ? спросила она нѣсколько минутъ спустя своего мужа съ неописаннымъ пренебреженіемъ».

«Вотъ человѣкъ, такъ человѣкъ!.. объ чемъ только я съ нимъ не говорилъ!» возразилъ Михаилъ — онъ былъ неспособенъ къ зависти — «у него помѣстье на русской границѣ въ Цлокцовскомъ округѣ, а теперь онъ и тутъ взялъ въ аренду большое имѣнье. Онъ все стремится дальше, былъ за границей, много учился, не тунеядецъ, но и не утопистъ, а главное не франтъ, не дамскій угодникъ, какъ наши молодые люди». Онъ взглянулъ при этомъ на Ольгу».

«Владиміръ вѣдь не полякъ?»

«Какъ ты можешь въ этомъ сомнѣваться! Можетъ ли полякъ выучиться чему-нибудь порядочному? Онъ русскій. Объ этомъ нечего и спрашивать».

«И не далѣе какъ въ ту же самую ночь бѣдная высокомѣрная женщина придумывала, какимъ бы образомъ поймать ей въ свои сѣти этого самонадѣяннаго молодаго человѣка. Утромъ Ольга встала съ твердымъ намѣреніемъ заняться этимъ дѣломъ».

«Она не спрашивала себя, не пострадаетъ ли онъ при этомъ. Довольно того, что это доставляло ей удовольствіе,—такъ надобно разставить вокругъ него сѣти, а потомъ травить его, какъ лисицу».

«Но это было не такъ-то легко».

«Нѣсколько дней спустя Владиміръ пріѣхалъ къ ея мужу. Ольга утѣшала себя, что онъ пріѣхалъ изъ-за нея и встрѣтила его съ торжествующей улыбкой. «Мой мужъ на деревнѣ и поздно возвратится» сказала она, ожидая, что Владиміръ какимъ-нибудь образомъ измѣнитъ себѣ и выразитъ свое удовольствіе. Но онъ сказалъ чрезвычайно сухо: «въ такомъ случаѣ я пріѣду завтра».

«Отчего же вы не хотите остаться со мною?»

«Я пріѣхалъ взглянуть на его хозяйство, но вы не можете показать мнѣ его», возразилъ Владиміръ».

«Подождите его».

«Не могу», отвѣчалъ онъ. «Вамъ я не принесу никакого удовольствія, а для меня время такъ дорого, что я не могу тратить его на фразы. Жизнь такъ коротка, а работы и предметовъ для изученья вдоволь. Честь имѣю кланяться». И онъ ушелъ».

«На другой день онъ пришолъ опять. Это было подъ вечеръ. Ольга читала новый французскій романъ,—и какъ сидѣла на качающемся стулѣ, такъ и осталась. Онъ разговаривалъ въ сосѣдней комнатѣ съ ея мужемъ. Дверь была притворена, Ольга не хотѣла слушать, упорно смотрѣла въ книгу, но не пропопила ни одного слова. Съ досадою замѣчала она, какъ умно и ясно, какъ дѣльно говорилъ всегда Владиміръ; онъ разбиралъ только то, что изучилъ предварительно; въ его рѣчахъ вещи и люди представлялись, такъ-сказать, прозрачными. Ея мужъ нѣсколько разъ повторялъ. «У тебя, мой другъ, есть чему поучиться!» Она знала, что это значило въ устахъ ея мужа».

«Было совсѣмъ темно, когда Михаилъ назвалъ Ольгу по имени, приглашая ее войдти къ нимъ. Съ какою-то особенною поспѣшностью явилась она въ освѣщенныхъ дверяхъ. Она видѣла только сигары мужчинъ, свѣтившіяся во мракѣ, словно маленькіе огненные кружки; но она замѣтила однакоже, что Владиміръ всталъ, чтобы раскланяться ей, потому-что его сигара вдругъ быстро поднялась вверхъ, словно свѣтящійся червякъ».

«Михаилъ приказалъ подать чаю. Когда казакъ, накрывъ маленькій столъ, поставилъ на него лампу и кипящій самоваръ, Ольга явилась—и отвѣтивъ легкимъ движеніемъ головы на поклонъ Владиміра, опустилась въ стоявшее всѣхъ ближе къ ней небольшое кресло. Казакъ подалъ нѣсколько холодныхъ кушаньевъ. Ольга налила чашки, закурила на лампѣ свою папироску и откинулась назадъ. Послѣ этого мужчины стали продолжать свой разговоръ, въ то время какъ она смотрѣла на синій дымъ, медленно расходившійся въ видѣ кружковъ, которые все болѣе и болѣе увеличивались,—или же, опустивъ глаза съ длинными темными рѣсницами, наблюдала за Владиміромъ».

«Онъ былъ не то чтобы хорошъ, но, какъ говорится, интересенъ — еще совсѣмъ молодъ, можетъ быть даже моложе ея самой, средняго роста, худъ, почти хилъ, съ небольшими руками и ногами, но въ его осанкѣ и движеніяхъ было что-то чрезвычайно энергическое. На его длинномъ худомъ лицѣ не было ни малѣйшаго румянца, но покрытое загаромъ, жолчное, оно было больше смугло, чѣмъ блѣдно. Лобъ у него былъ скорѣе низокъ, чѣмъ высокъ, съ замѣтными выпуклостями надъ довольно большимъ выгнутымъ носомъ и глазами. Острый подбородокъ и полныя, замѣтно выдающіяся губы съ двумя рядами ослѣпительныхъ зубовъ довершали остальное. Владиміръ не носилъ бороды,—но за то у него были густые темные волосы, гладко зачесаные назадъ, вродѣ того какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе пасторы и учителя. Замѣчая все это, Ольга избѣгала его взора, потому-что разъ взглянувши ему въ глаза, пришлось бы глядѣть только на нихъ: такъ привлекатель-

ны были эти глаза съ ихъ спокойнымъ, свѣтлымъ, магнетическимъ взоромъ. Большіе, глубокіе темные глаза — безпрестанно мѣнявшіе выраженіе. Они то сверкали дьявольской насмѣшкой изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ, то плавали въ влажномъ, тепломъ блескѣ подъ длинными шелковыми рѣсницами, то врѣзывались въ вашу душу своимъ холоднымъ лезвеемъ,—но при этомъ вы постоянно могли замѣтить въ нихъ ту честность пониманія, ту правду сердца, которыя не допускали никакого сомнѣнія».

«А между тѣмъ, несмотря на всю его сдержанность и разсудительность, все существо его дышало какой-то поэзіей».

«Таковъ былъ этотъ человѣкъ, который такъ же мало обращалъ вниманія на эту прекрасную женщину, какъ на какой-нибудь заборный колъ».

«Онъ очень серіозно разговаривалъ съ ея мужемъ о земледѣліи, коноводствѣ, уходѣ за лѣсомъ, а потомъ о мѣстныхъ дѣлахъ. Ольга бросила свою папироску и стала слушать».

«Мы надоѣли вамъ, madame?» сказалъ насмѣшливо Владиміръ».

«Нѣтъ», возразила Ольга, «мнѣ гораздо пріятнѣе слушать васъ, чѣмъ наши такъ-называемые разговоры. Мы такъ легко забываемъ, какъ бѣдно и хрупко все наше существованіе, какъ сильно мы должны трудиться и бороться. Строгость, съ какою вы глядите на все, производитъ на меня самое благодѣтельное дѣйствіе. Мнѣ кажется, что я — если только можно такъ выразиться — что я какъ будто бы перехожу изъ моего раздушенаго будуара въ хвойный лѣсъ, дышу свѣжимъ, чистымъ воздухомъ, и моя грудь расширяется». Тщеславная женщина сказала все это безъ всякаго высокомѣрія, просто, почти довѣрчиво».

«Владиміръ сначала посмотрѣлъ на нее долгимъ, пронзительнымъ взоромъ, а потомъ подалъ ей руку; но какъ холодна была она, эта рука, и какъ тверда, точно изъ желѣза».

Ольга разсказывала такъ плавно, ея то поднимающаяся, то понижающаяся рѣчь была такъ мелодична, что это производило такое впечатлѣніе, какъ будто бы она читала свою исторію, пріятно повышая и понижая голосъ, или же заучила ее наизусть и пересказывала теперь слово въ слово. Она очевидно еще разъ переживала все прошлое; всякая черта, тонъ, звукъ, всякое движеніе какъ бы перенеслись для нее изъ прошедшаго въ настоящее. Я закрылъ глаза и только слушалъ, не смѣя даже громко дышать.

(Продолженіе будетъ).

Петербургская примадонна Лукка
на театрѣ военныхъ дѣйствій.

(Продолженіе).

Когда начальникъ санитарнаго поѣзда передалъ полковнику приказанія, оставшіяся для дамъ неизвѣстными, поѣздъ съ г-жею Лукка и ея веселыми спутниками опять пришолъ въ движеніе. Начиная отъ избушки сторожа желѣзной дороги, съ г-жею Лукка не случилось ничего особеннаго, или лучше сказать ничего такого, что̀ стоило бы сохранить для потомства.

Ея разсказъ о молодомъ безрукомъ героѣ навелъ на общество сильную грусть—и веселые офицеры, задумавшись можетъ-быть о той участи, которая ожидаетъ ихъ впереди, почти уже ничего не говорили во всю остальную дорогу.

Въ Саарбрюкенъ пріѣхали поздно вечеромъ. Раскланявшись съ г-жею Лукка и ея каммеръ-юнгферой и пожелавъ г-жѣ фонъ-Раденъ найти какъ можно скорѣе своего мужа, они поспѣшили отыскать отведенныя имъ квартиры.

Г-жа Лукка спросила у одного кондуктора, гдѣ бы отыскать ей себѣ квартиру.

— Квартиру? повторилъ кондукторъ, взглянувъ на нее съ удивленіемъ.—О квартирахъ въ Саарбрюкенѣ нѣтъ и рѣчи, все занято солдатами.

— А я та̀къ устала! сказала бѣдная женщина.—Не можете ли вы указать намъ какого-нибудь мѣстечка, гдѣ бы мы могли переночевать. Какъ бы оно ни было мало, я заплачу за него по царски.

Подумавъ нѣсколько минутъ кондукторъ, отвѣчалъ ей:

— Я былъ недавно въ пастушьей хижинѣ у моего двоюроднаго брата.

— Пойдемте же поскорѣе къ нему, упрашивала его г-жа Лукка.

— Нѣтъ, тамъ поставили двѣнадцать солдатъ и одного ефрейтора, и церковь тоже полнымъ-полна французскими плѣнными. Единственное мѣсто, которое, къ удивленію, еще не занято... это... и онъ запнулся.

— Какое же это мѣсто?

— Сарай для пожарныхъ трубъ, не въ обиду вамъ будь сказано. Я могъ бы устроить тамъ для васъ отличнѣйшую постель изъ чистой соломы и душистаго сѣна; только это было бы ужь слишкомъ обидно для васъ.

— Да почему же именно обидно?

— А потому что въ мирное время мы запираемъ туда мошенниковъ.

— Любезный другъ, это бы еще куда ни шло; но лежать на голой соломѣ, безъ одѣяла?

— О нѣтъ, возразилъ кондукторъ,—въ мягкихъ шерстяныхъ одѣялахъ, даже совершенно новыхъ, тутъ нѣтъ недостатка; господа офицеры сейчасъ выдадутъ мнѣ ихъ, коль скоро я скажу, что это для дамъ.

— Вотъ тебѣ, любезный другъ, луидоръ. Веди же насъ туда поскорѣе! Какъ-бы и это убѣжище не перехватили у насъ, для того чтобы помѣстить въ немъ солдатъ!

— А!.. вы изъ благородныхъ. Пожалуйста же идите за мной. И онъ пошелъ быстрыми шагами впередъ. Дамы хотѣли идти за нимъ.

— Эй вы, госпожи! закричалъ имъ вслѣдъ носильщикъ.—Тутъ стоитъ ящикъ и сундукъ. Ваши это, что-ли, вещи?

— Неси ихъ въ сарай для пожарныхъ трубъ! приказала Эдита и послѣдовала, вмѣстѣ съ своей повелительницей, за импровизированнымъ хозяиномъ гостинницы.

— Въ сарай для пожарныхъ трубъ? бормоталъ носильщикъ.—Это не краденое? Сундукъ-то легокъ, но ящикъ—чортъ бы его побралъ—порядочно таки тяжелъ. И онъ отнесъ ихъ, какъ ему приказывали въ сарай.

Кондукторъ сдержалъ слово. Онъ очень скоро разложилъ въ темномъ и тѣсномъ сараѣ нѣсколько связокъ соломы; потомъ ушолъ и возвратился, минутъ пятнадцать спустя, съ одѣялами, такъ что приготовленная при помощи подобныхъ матеріаловъ постель оказалась очень и очень недурною.

— Теперь, госпожи, сказалъ онъ, глядя съ удовольствіемъ на свое произведеніе,—я зажгу вамъ еще фонарь, г. полковникъ далъ мнѣ нарочно для этого восковую свѣчу и приказалъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе; онъ ужасно жалѣлъ, что не можетъ отвести дамамъ квартиру получше, въ особенности же такимъ какъ г-жа Лукка.

— Такъ онъ меня знаетъ? спросила удивленная примадонна.

— Да. Когда я сталъ просить у него одѣялъ для дамъ, пришолъ г. поручикъ, назвалъ ваше имя и разсказалъ также, какъ вы варили для раненыхъ въ полѣ кофе. Тутъ г. полковникъ какъ вскрикнетъ: «Вотъ-то славная женщина! Я поставлю передъ сараемъ стражу, чтобъ ее не обокрали ночью,—если ужь ничего больше не могу для нея сдѣлать».

— Стражу?

— Да. Для того, говоритъ, чтобъ у ней ничего не украли. Ну, госпожа, почивайте спокойно и пусть вамъ снится все пріятное. Покойной ночи!

— Подожди минутку, добрый человѣкъ! сказала умоляющимъ голосомъ г-жа Лукка. — Запирается эта дверь?

— Нѣтъ; послѣдній мошенникъ, который сидѣлъ здѣсь, оторвалъ замокъ да и улизнулъ съ нимъ. Но за то къ вамъ приставятъ стражу. Ложитесь въ постель и почивайте себѣ безъ всякаго опасенія.

Съ этими словами кондукторъ исчезъ, и женщины остались одни.

— Эдита, прошептала примадонна,—мы будемъ спать поочередно. Я буду сидѣть до двѣнадцати часовъ, а тамъ вы.

— Зачѣмъ же, милостивая государыня?

— Дверь, какъ вы слышали, не запирается. Мало ли что можетъ случиться!

— Я нашла средство для защиты, г-жа баронесса, вскричала обрадованная Эдита.

— Въ чемъ же оно состоитъ?

— Я придвину къ двери ящикъ съ припасами и поставлю на него сундукъ; это будетъ маленькая баррикада. Вотъ и кончено; видите, какъ скоро!

— Плохой бастіонъ, въ особенности при сильномъ приступѣ! замѣтила, грустно улыбнувшись, примадонна. Вслѣдъ за этимъ обѣ дамы легли на свое общее ложе, укутавшись въ мягкія, теплыя одѣяла.

Благодѣтельный Морфей уже принялъ ихъ обѣихъ въ свои мягкія объятія, какъ вдругъ въ дверь начали снаружи стучаться, сперва тихо, а потомъ и покрѣпче.

— Милосердное небо, сжалься надъ нами! Пропали, пропали! кто спасетъ меня? вскричала камеръ-юнгфера и въ одну минуту была уже у двери, для того чтобъ прибавить къ баррикадѣ тяжесть своей собственной, не совсѣмъ легкой особы.—Кто тамъ? спросила она, нѣсколько успокоившись на счетъ прочности баррикады.

— Это я, поручикъ фонъ-Л., вашъ спутникъ, прошепталъ мужской голосъ.

— Но, государь мой, чего вы ищете тутъ въ сараѣ въ такое позднее время ночи? спросила разгнѣванная примадонна.

— Я хочу только объявить вамъ черезъ дверь, чтобъ вы ничего не боялись и почивали спокойно, такъ какъ я, по приказанію полковника, стою на стражѣ передъ сараемъ. Вслѣдъ за этимъ онъ, словно новый Альмавива, запѣлъ арію изъ Севильскаго цирюльника: «Желаю вамъ спокойной ночи!» и исчезъ, тихонько смѣясь.

— Странный мечтатель! сказала раздосадованная примадонна, и успокоенныя приставленной къ нимъ стражей, дамы опять легли въ постель. Ихъ усталость была такъ велика, что онп спали крѣпкимъ сномъ до четырехъ часовъ утра.

Тутъ вдругъ загремѣли барабаны, зазвучали трубы, послышались рѣзкія слова команды, загрохотали колеса пушекъ и другихъ тяжелыхъ орудій. Въ Саарбрюкенѣ очевидно случилось что-нибудь необыкновенное. Въ одну минуту баррикада была разрушена, и г-жа Лукка очутилась на открытомъ воздухѣ.

— У насъ тревога, сударыня!.. вскричалъ, подбѣгая къ ней, поручикъ фонъ-Л.—Французы сдѣлали новую вылазку. Теперь все уже прошло, я остался для того только чтобъ доложить вамъ объ этомъ. До свиданія! Постойте однакоже, чуть было не забылъ... Вашъ супругъ въ Понтъ-а-Муссонѣ, въ лазаретѣ.

— Какъ далеко это отсюда?

— По меньшей мѣрѣ десять миль. Извините! На войну ты долженъ ѣхать, рыцарь! *A revoir!*

И онъ умчался съ быстротою молніи.

По выступленіи войскъ изъ Саарбрюкена, это мѣсто какъ будто вымели. Завидя издали какого-то старика, примадонна закричала ему:—добрый старичокъ, нельзя ли тутъ достать какого-нибудь экипажа?

— Ни даже одного колеса! пробормоталъ старикъ и хотѣлъ было идти дальше.

— Еще одинъ только вопросъ, упрашивала она старика.—Кто еще здѣсь изъ нашего войска?

— Только гросъ-герцогъ ольденбургскій. Да вотъ и онъ самъ съ своимъ штабомъ. *Bon jour!* И старикъ исчезъ.

— Поскорѣе, Эдита! Это послѣдняя наша надежда! вскричала г-жа Лукка—и обѣ дамы стали рядомъ, подлѣ того мѣста, гдѣ долженъ былъ проѣхать гросъ-герцогъ.

Гросъ-герцогъ ольденбургскій медленно приближался къ нимъ, разговаривая съ нѣкоторыми изъ окружавшихъ его офицеровъ.

— Добраго утра, ваша свѣтлость! привѣтствовала его примадонна.

Изумленный гросъ-герцогъ остановилъ свою лошадь, и взглянувъ на г-жу Лукку, вскричалъ: «Да ужь не ошибаюсь ли я? Нѣтъ, вѣдь вы берлинская примадонна, г-жа Лукка? Я нѣсколько разъ имѣлъ удовольствіе слышать васъ въ оперѣ.

— Ваша свѣтлость, мнѣ очень пріятно, что вы такъ милостивы и вспомнили мою незначительную особу. Ко двору двору его свѣтлости, гросъ-герцога мекленбургскаго, меня представляли; здѣсьже, на площади, я дѣлаю это сама. Честь имѣю представиться—Паулина Лукка!

— Очень радъ! возразилъ гросъ-герцогъ, прикладывая руку къ шапкѣ.—Но что заставило васъ пріѣхать сюда въ такое тревожное время?

— Я хочу взять домой моего раненаго мужа, который лежитъ теперь въ Понтъ-а-Муссонѣ. До Саарбрюкена я добралась, но здѣсь то именно я и сѣла на мель.

— Какъ такъ? спросилъ, улыбаясь гросъ-герцогъ.

— Не могу тронуться съ мѣста и найти экипажа,

поэтому-то я и обращаюсь къ вашей свѣтлости съ убѣдительнѣйшею просьбою помочь мнѣ въ этомъ.

— Этого я, г-жа Лукка, не могу сдѣлать при всемъ моемъ желаніи, сказалъ съ сожалѣніемъ гросъ-герцогъ: — я могу въ настоящую минуту располагать только одною фурою, которая занята моими служителями и разною необходимою во время путешествія утварью.

— Ваша свѣтлость, возразила съ живостію примадонна, — у вашихъ служителей если не ошибаюсь очень здоровыя ноги. Не могутъ ли двое изъ нихъ дойти до Понтъ-а-Муссона пѣшкомъ? Тогда нашлось бы мѣсто для меня и моей камеръ-юнгферы, а также и для моего небольшаго багажа.

— Но я все-таки не могу предложить подобнаго экипажа такой знаменитой пѣвицѣ, какъ вы!

— Свѣтлѣйшій гросъ-герцогъ! Худо ѣхать — все-таки лучше чѣмъ идти пѣшкомъ! Больше вы ничего не имѣете противъ этого экипажа?

— Нѣтъ, это единственное препятствіе.

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ выслать изъ фуры трехъ человѣкъ, для того чтобъ мы могли занять ихъ мѣсто.

Гросъ-герцогъ уступилъ смѣясь этому желанію, потомъ дружески протянулъ примадоннѣ руку, — пригласилъ ее посѣтить, по окончаніи войны, его дворъ, — извинился на скорую руку и поѣхалъ рысью вмѣстѣ съ своими офицерами.

Трое служителей уже сошли съ фуры и поставили туда ящикъ и сундукъ, а потомъ взошла туда и г-жа Лукка вмѣстѣ съ своею горничною, и экипажъ покатился по направленію къ Понтъ-а-Муссону.

Онѣ доѣхали туда не прежде какъ къ концу слѣдующаго дня, проведя такимъ образомъ около полутора сутокъ (онѣ даже спали), послѣ различныхъ приключеній, исчислять которыя было бы слишкомъ долго.

Но гдѣ найти больнаго! Весь Понтъ-а-Муссонъ превратился въ большой лазаретъ; почти надъ каждымъ домомъ развѣвалось печальное знамя съ женевскимъ крестомъ. Г-жа Лукка расправшивала во всѣхъ домахъ, направо и налѣво, и наконецъ получила въ пятнадцатомъ слѣдующее извѣстіе: «Поручикъ фонъ-Раденъ, тяжело раненый, въ первомъ этажѣ, комната № 9».

— Такъ онъ *тяжело* раненъ? вскричала она, и злое предчувствіе стѣснило ей грудь.

— Мы надѣемся однакоже спасти его, успокоивалъ ее врачъ, — успокойтесь, сударыня, еще все можетъ поправиться.

— Не повредитъ ли ему, если я вдругъ войду къ нему въ комнату? спросила огорченная супруга.

— Я почти боюсь этого, возразилъ врачъ. — Въ здравомъ разсудкѣ и въ лихорадочномъ бреду онъ не переставалъ произносить ваше имя. Потрудитесь идти за мною; но я позволю себѣ позвать васъ въ комнату больнаго только тогда, когда приготовлю его къ этому.

Поднявшись вмѣстѣ съ врачомъ на лѣстницу, она прождала нѣсколько минутъ въ корридорѣ; тутъ врачъ отперъ дверь и прошепталъ: «Онъ спитъ, войдите потихоньку!»

Примадонна вошла, ища глазами своего возлюбленнаго мужа; но какое прискорбное зрѣлище представилось глазамъ ея! Въ маленькой душной комнатѣ стояла кровать, которая по величинѣ своей могла бы годиться только для ребенка; на ней лежалъ мужчина, по меньшей мѣрѣ шести футовъ, свѣсивъ ноги черезъ задокъ кровати, съ лицомъ свинцоваго цвѣта, почти совершенно закрытымъ перевязками и бандажами, съ сильно распухшими губами и носомъ.

— Это мой мужъ? спросила дрожащимъ голосомъ примадонна.

— Г. поручикъ фонъ-Раденъ, да.

Она опустилась на стулъ и закрыла себѣ лицо обѣими руками.

— Сударыня, сказалъ врачъ съ легкимъ упрекомъ, — я не привелъ бы васъ сюда, еслибъ вашъ мужъ не говорилъ мнѣ, какъ вы сильны духомъ.

Примадонна встала, ея лицо было блѣдно, но выражало рѣшительность.

— Мой мужъ не ошибается, сказала она твердымъ голосомъ и подошла къ постели. — Адольфъ, прошептала она: — твоя Паулина здѣсь!

— Онъ спитъ еще, замѣтилъ врачъ.

— Но вѣдь глаза-то у него совсѣмъ открыты? возразила она.

— Только лѣвый; сухія жилы этого глаза разорваны выстрѣломъ, онъ не можетъ уже закрывать его и шевелить рѣсницами. На лѣвое ухо онъ глухъ; точно также онъ не можетъ владѣть вполнѣ и лѣвою частью рта, да и всей вообще лѣвою стороною лица.

— И это такъ и останется? спросила она со страхомъ.

Врачъ пожалъ плечами. — Будемъ надѣяться на лучшее.

— Паулина! прошепталъ больной, съ трудомъ выговаривая это слово: языкъ у него тоже пострадалъ отъ выстрѣла.

— Пожалуйста, сударыня, станьте за передокъ кровати, прошепталъ врачъ. — Вашъ супругъ просыпается, и ваше внезапное появленіе потрясло бы его слишкомъ сильно.

Больной зашевелился, врачъ сѣлъ у его постели и пощупалъ ему пульсъ.

— Вы долго спали, господинъ баронъ; легче-ли вамъ теперь?

— Немножко, прошепталъ больной: — я опять очень пріятно грезилъ.

— Вамъ снилась ваша жена? Вы называли ея имя.

— Моя Паулина, да. Я видѣлъ, что она какъ будто бы подошла къ моей постели; она плакала и прошептала: «Адольфъ!»

— Еслибъ этотъ сонъ обратился въ дѣйствительность? спросилъ врачъ.

— Я скорѣе повѣрю тому, что ангелъ сойдетъ ко мнѣ съ неба! возразилъ грустно улыбаясь больной.

Глубоко тронутая супруга не могла болѣе удерживать себя.

— Адольфъ! вскричала она прерывающимся отъ слезъ голосомъ и стала на колѣни передъ его кроватью.

(Продолженіе будетъ).

Большой Сенъ-Бернаръ и бернардинскіе монахи.

Семейство заблудившееся въ швейцарскихъ горахъ — какой богатый сюжетъ для человѣка съ живымъ воображеніемъ! Въ какой степени воспользовался этимъ сюжетомъ Жирарде, одинъ изъ лучшихъ живописцевъ французской школы, предоставляемъ судить самимъ читателямъ. Страдальчески-изнуренное лицо матери и внезапно-оживившееся лицо дѣвочки, указывающей на приближающихся къ нимъ бернардинскихъ монаховъ съ вѣр-

ными, понятливыми собаками, не требуютъ дальнѣйшихъ поясненій. Точно такъ же и мѣстность, гдѣ происходитъ эта потрясающая душу драма, болѣе или менѣе извѣстна всякому, хотя бы только изъ разсказовъ тѣхъ безчисленныхъ путешественниковъ, которые ежегодно стекаются къ Альпамъ. Остаются тѣ подробности, которыя большею частію опускаются путешественниками и недоступны кисти живописца,—именно: подробности касательно исторіи и настоящаго состоянія монастыря св. Сенъ-Бернара; ими-то мы и намѣрены заняться, причемъ бросимъ взглядъ и на гору Большой Сенъ-Бернаръ, гдѣ расположенъ этотъ монастырь.

Альпы, какъ извѣстно, раздѣляются на три части: *Западныя* (отъ Средиземнаго моря до Монъ-Блана, величайшей горы этой системы и всей части свѣта), которыя имѣютъ вообще сѣверное направленіе, *Центральныя* (отъ Монъ-Блана до Дрей-Геррена) съ восточнымъ направленіемъ, состоящія изъ нѣсколькихъ параллельныхъ цѣпей, и *Восточныя*, которыя, начиная отъ Дрей-Геррена, раздѣляются долиною Дравы на два крыла: сѣверо-восточное, достигающее своими послѣдними вѣтвями Дуная, и юго-восточное, доходящее до сѣверо-восточнаго залива Адріатическаго моря, называемаго Фіумскимъ.

Большой Сенъ-Бернаръ принадлежитъ къ системѣ Центральныхъ Альпъ, именно къ той цѣпи этихъ горъ, которая извѣстна подъ именемъ Пеннинскихъ или Валлійскихъ Альпъ *(penna* — по кельтски шпицъ) и примыкаетъ къ Монъ-Блану. Онъ лежитъ въ швейцарскомъ кантонѣ Валлисъ на границѣ піемонтской долины Аоста и поднимается своею высочайшею вершиною до 10,327 футовъ надъ уровнемъ океана. Черезъ эту гору идетъ проходъ, извѣстный еще въ древнія времена. Онъ направляется при Мартиньи изъ ронской долины въ долину Дрансы *(Val d'Entremont)*, проходитъ черезъ Орсьеръ, Лиддесъ, *St. Pierre Mont-Joux* и поднимается черезъ зеленый *Plan du Praz* къ одинокой гостинницѣ *Cantine*, гдѣ прекращаются всѣ проѣзжія дороги. Отсюда черезъ дикій узкій проходъ на высотѣ 5920 ф. *(défilé du Marengo)*, подвергаясь опасности погибнуть отъ безпрестанныхъ обваловъ и лавинъ, путникъ достигаетъ двухъ убѣжищъ въ скалахъ, потомъ переходитъ черезъ мостъ рѣку Дрансу и достигаетъ наконецъ знаменитаго монастыря или гостинницы св. Бернара, расположенной на одной изъ сенъ-бернарскихъ вершинъ, вышиною въ 7368 футовъ; это самое высокое зимнее жилье въ альпійскихъ горахъ, средняя температура котораго равняется температурѣ южной оконечности Шпицбергена (0, 79° Р). Въ древности здѣсь, на равнинкѣ находился храмъ, въ которомъ Верагры, тогдашніе обитатели Валлиса, покланялись богу Пеннинусу. Впослѣдствіи Римляне воздвигнули на этомъ мѣстѣ храмъ Юпитеру. По приказанію императора Константина этотъ храмъ былъ сломанъ—и на мѣстѣ его воздвигнута христіанская часовня, которая была разрушена во время вторженія варваровъ. Названіе Сенъ-Бернара гора получила отъ имени святаго Бернара Ментона, савойскаго дворянина, который воздвигнулъ въ X столѣтіи на развалинахъ преждебывшей часовни монастырь и умеръ въ 1008 году аббатомъ этого новаго монастыря. Въ скоромъ времени бернардинскій монастырь пріобрѣлъ значительныя помѣстья въ различныхъ мѣстахъ, которыми онъ владѣлъ до 1587 года, когда Карлъ Эммануилъ III, король сардинскій, не сойдясь съ швейцарскими кантонами касательно выбора пробста, присоединилъ къ своему государству монастырскія владѣнія, такъ-что у монастыря остались только тѣ, которыя находились въ Валлисѣ и Бернѣ. Теперешнія монастырскія строенія, воздвигнутыя въ половинѣ XVI столѣтія, массивны и такъ пространны, что въ нихъ свободно можетъ помѣститься до 60 путешественниковъ, а въ случаѣ нужды впятеро больше. По уставу здѣсь должно жить отъ 20 до 30 монаховъ августинскаго ордена; но живетъ 10—12 съ 7 прислужниками (maroniers). Для отыскиванія и спасенія заблудившихся путешественниковъ, они держатъ большихъ сильныхъ собакъ, англійской породы, которымъ привязываютъ обыкновенно на шею небольшой хлѣбъ и бутылку вина для изнуренныхъ и заблудившихся людей. Въ опасное время эти собаки бѣгаютъ по окрестностямъ даже ночью, и найдя заблудившагося и засыпаннаго снѣгомъ путника, громкимъ лаемъ, который слышенъ на разстояніи часоваго пути, зовутъ монаховъ спасти его. Одна собака, въ теченіи своей службы, нашла и спасла 40 человѣкъ. Всякій странникъ, какого бы онъ ни былъ званія, къ какой бы онъ ни принадлежалъ народности и религіи, находитъ въ монастырѣ дружескій пріемъ и уходъ. Платы не требуется. Въ 1849 году въ монастырѣ перебывало 18—19000 путешественниковъ, съ которыхъ было собрано не болѣе 3,500 франковъ. Въ числѣ монаховъ есть итальянцы, французы и нѣмцы. Всѣ они, большею частію, люди съ основательнымъ образованіемъ, которые могутъ разговаривать съ путешественниками на главныхъ европейскихъ языкахъ и владѣютъ коллекціями древностей и по различнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Все это благодѣтельное заведеніе держится въ величайшемъ порядкѣ и чистотѣ. Большая столовая убрана картинами, бюстами и различными подарками, полученными на память отъ путешественниковъ; въ хорошенькой маленькой церкви каждый день служатъ обѣдню. Но всего замѣчательнѣе здѣсь такъ-называемый *домъ мертвыхъ*; это расположенная отдѣльно отъ другихъ помѣщеній зала, гдѣ сохраняются трупы погибшихъ, найденные въ снѣгу, которые, будучи выставлены на чистый, холодный воздухъ, не подвергаются тлѣнію, но дѣлаются чѣмъ-то въ родѣ мумій. Такъ какъ постоянно мерзлая земля (которая даже въ серединѣ лѣта оттаиваетъ здѣсь только на нѣсколько дюймовъ глубины) не допускаетъ рыть могилы, то болѣе древніе скелеты выносятся въ близь-лежащее помѣщеніе, обнесенное стѣною, гдѣ они лежатъ рядами, лицомъ къ небу, и съ теченіемъ времени бѣлѣютъ. Въ недавнее время монастырь, благодаря сдѣланнымъ во всей Европѣ пожертвованіямъ, значительно распространили и снабдили трубами для топки. Ежегодные доходы монастыря простираются до 26,000 талеровъ, которые получаются большею частію отъ пожертвованій.

Недалеко отъ монастыря лежитъ *Col des ténèbres*, на который довольно легко входятъ и съ котораго открывается великолѣпный видъ на Монъ-Бланъ. Въ исторіи новѣйшихъ войнъ—переходъ Наполеона I черезъ Сенъ-Бернаръ считается однимъ изъ самыхъ отважныхъ предпріятій. По дорогѣ, доступной до тѣхъ поръ однимъ только вьючнымъ лошадямъ, было провезено 150 пушекъ и все что только требуется для тридцатитысячной арміи, готовой къ бою. Стволы пушекъ были положены въ выдолбленые древесные пни и доставлены такимъ образомъ на мѣсто одною половиною каждаго батальона, тогда какъ другая половина несла ружья и ранцы товарищей, а также и съѣстные припасы кото-

Семейство, заблудившееся въ швейцарскихъ горахъ.
Съ картины Жирарде.

рыхъ достало бы на 5 дней; лафеты были разобраны, а отдѣльныя ихъ части навьючены на муловъ. Этотъ переходъ, совершенный съ безпримѣрною настойчивостью, можетъ равняться только съ знаменитымъ походомъ Ганнибала. Въ часовнѣ монастыря показываютъ еще памятникъ генерала Дезе (павшаго въ сраженіи при Маренго), который былъ поставленъ ему Наполеономъ I, и мраморную чорную доску въ воспоминаніе этого перехода. Изъ монастыря дорога идетъ мимо глетчера Валлійскихъ Альповъ въ Сенъ-Реми, въ долину, по которой течетъ Дора Балтеа, гдѣ (при Аостѣ) начинается почтовый трактъ.

Внутреннее обозрѣніе.

Въ прошлый разъ, говоря о развитіи эпидемій въ разныхъ частяхъ нашего отечества, мы указали на тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что главнымъ разсадникомъ заразительныхъ болѣзней являются мѣстности густонаселенныя, гдѣ гнѣздится бѣдный рабочій людъ,—гдѣ, наконецъ, самыя условія занятій этого люда благопріятствуютъ эпидемическому распространенію болѣзней. Въ этотъ разъ мы постараемся намѣтить другія причины, отъ которыхъ зависитъ появленіе той или другой болѣзни,—причины, обращающія на себя самое серіозное вниманіе близко заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ людей. На первомъ планѣ можно поставить бѣдность крестьянскаго сословія, доходящую до того, что размѣры ея оказываютъ прямое вліяніе на смертность дѣтей въ младшемъ возрастѣ, т. е. чѣмъ бѣднѣе населеніе деревни, тѣмъ болѣе тамъ умираетъ малолѣтнихъ дѣтей. На это замѣчательное явленіе указываетъ докторъ Моравскій, который, по порученію псковскаго губернатора, изъѣздилъ Великолуцкій уѣздъ и результаты своихъ наблюденій представилъ въ составленной имъ запискѣ о санитарномъ состояніи этого уѣзда. Онъ говоритъ, что въ крестьянскихъ семьяхъ, гдѣ нѣтъ коровъ, дѣти мрутъ почти поголовно,—а въ уѣздѣ встрѣчаются цѣлыя деревни, въ которыхъ нѣтъ ни одной коровы. Отъ употребленія одной только растительной пищи происходитъ истощеніе организма, постоянно обремененнаго непомѣрною работой. При этомъ докторъ Моравскій упоминаетъ о томъ грустномъ обстоятельствѣ, что, послѣ знаменитыхъ неурожаевъ 1867 и 1868 годовъ, число рождающихся въ этой мѣстности мальчиковъ вдругъ стало уменьшаться въ сравненіи съ числомъ дѣвочекъ (тогда какъ при нормальныхъ условіяхъ, количество рожденій обыкновенно бываетъ въ пользу мужескаго пола). Отъ недостатка питательной и удобоваримой пищи, обусловливаемаго главнѣйшимъ образомъ бѣдностью населенія, происходятъ даже специфическія болѣзни. Такъ, по извѣстіямъ «Петерб. Вѣдомостей», въ Суражскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, вслѣдствіе употребленія въ пищу хлѣба, состоящаго (за совершеннымъ отсутствіемъ ржаной муки) изъ спорыньи и другихъ вредныхъ веществъ, распространилась между крестьянами болѣзнь, сопровождаемая большою смертностью. Свѣденія эти взяты корреспондентомъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, именно изъ рапорта суражскаго исправника мѣстному губернатору. Поэтому начальникъ губерніи былъ вынужденъ отнестись въ губернскую земскую управу съ просьбою о принятіи безотлагательныхъ мѣръ къ улучшенію положенія суражскихъ крестьянъ. Замѣчательно, что Суражская земская управа, которой казалось бы болѣе чѣмъ кому нибудь другому должно быть извѣстно истинное положеніе дѣлъ въ уѣздѣ,—эта управа печатно заявила, будто бы продовольствіе тамошнихъ крестьянъ настолько обезпечено, что никакой ссуды изъ продовольственнаго капитала не потребуется... Другою немаловажною причиною распространенія эпидемическихъ болѣзней является недостатокъ медицинской помощи. Недостатокъ этотъ до сихъ поръ восполнялся наймомъ, со стороны земства, одного или двухъ врачей на цѣлый уѣздъ, устройствомъ двухъ или много-много трехъ сельскихъ аптекъ, наймомъ нѣсколькихъ фельдшеровъ и т. далѣе. Кому приходилось лицомъ къ лицу сталкиваться съ деревенскою средой, жить ея жизнію и на опытѣ испытать всѣ ея неудобства въ медицинскомъ отношеніи,—для того будетъ совершенно понятно, въ какой степени недостаточны эти мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли какая нибудь физическая возможность для одного человѣка, даже при самомъ пламенномъ усердіи и образцовой добросовѣстности съ его стороны, въ какіе нибудь семь-восемь дней объѣхать площадь въ четыре тысячи квадр. верстъ, съ населеніемъ въ 80 тыс. человѣкъ, размѣщающихся въ 200 селахъ и деревняхъ? А между тѣмъ именно въ такомъ затруднительномъ положеніи находятся наши земскіе врачи, которые, не имѣя возможности найти для себя нѣсколькихъ болѣе или менѣе искусныхъ помощниковъ, принуждены довольствоваться ежемѣсячнымъ объѣздомъ мѣстностей, ближайшихъ къ уѣздному городу, въ которомъ обыкновенно живетъ земскій врачъ, и лишь въ крайнихъ случаяхъ отправляться въ болѣе отдаленныя села и деревни. Крайними же случаями считается обыкновенно появленіе какой нибудь эпидеміи на людяхъ или на скотѣ. Тогда земскій врачъ командируется туда немедленно,—но на мѣсто назначенія, вслѣдствіе разлива рѣкъ, ледохода или бездорожицы, прибываетъ тогда уже, когда эпидемія достигла значительныхъ размѣровъ. Случается и такъ, что въ то время, какъ врачъ не успѣлъ еще принять мѣръ въ одномъ селѣ, его требуютъ въ другое, иногда въ совершенно противоположной сторонѣ уѣзда. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ какъ нельзя болѣе необходима помощь хорошаго свѣдущаго фельдшера, и нѣкоторыя земства обратили на эту статью особенное вниманіе. Съ удовольствіемъ можно остановиться на примѣрѣ Крестецкаго земства Новгородской губерніи, задумавшаго экономическимъ образомъ приготовить для уѣзда нѣсколькихъ свѣдущихъ фельдшеровъ. Съ этою цѣлью выбраны были изъ крестьянской среды три мальчика, и, подъ руководствомъ мѣстнаго врача, съ ними пройденъ былъ, теоретически и практически, курсъ фельдшерскаго искусства. Но утѣшительнѣе всего при этомъ мысль, высказанная Крестецкимъ земствомъ, что дѣятельность фельдшеровъ тогда только можетъ принести пользу народу, когда вмѣстѣ съ необходимыми спеціальными познаніями и должнымъ искусствомъ, они усвоятъ себѣ тѣ нравственныя и гражданскія качества, которыя должны служить для народа образцомъ, т. е. чтобы не чуждаясь народа, не взирая на него свысока, фельдшеръ любилъ бы его, любилъ всю сельскую обстановку и свое занятіе. До сихъ же поръ фельдшеръ, выходя изъ крестьянскаго или мѣщанскаго сословія, воспитанный внѣ этой среды, порвавшій съ ней всякія связи, становится въ какое-то неестественное положеніе къ своимъ паціентамъ и тѣмъ отбиваетъ въ нихъ охоту обращаться къ помощи врача, подрывая въ тоже время довѣріе къ самой медицинѣ. Въ этомъ отношеніи взглядъ крестьянъ на врачебную помощь сходенъ со взглядомъ ихъ на школу: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вся бѣда происходитъ отъ недовѣрія однихъ и отъ неумѣнія другихъ взяться за дѣло; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ—причины эти сложились исторически и представляютъ наслѣдіе крѣпостнаго права со всѣми его прискорбными сторонами и особенностями. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы это недовѣріе къ врачебной помощи было у насъ повсемѣстно и чтобы оно составляло отличительное свойство одного только крестьянскаго сословія; у насъ имѣются ввиду нѣсколько случаевъ, показывающихъ напротивъ того, что при сколько-нибудь сносномъ обращеніи врача съ своими деревенскими паціентами, эти послѣдніе не только не утрачиваютъ охоты обращаться къ

нему за совѣтомъ, но оказываютъ ему полное довѣріе какъ мастеру своего дѣла и какъ человѣку.

Заговоривъ о причинахъ распространенія болѣзней въ нашемъ крестьянскомъ быту, нельзя также пройти молчаніемъ повальныхъ болѣзней скота, отъ которыхъ зачастую страдаютъ и люди. Чума, сибирская язва и проч. представляютъ истинные бичи сельскаго населенія. Трудно представить, до какой степени опустошительны бываютъ эти болѣзни въ нашихъ безчисленныхъ «селахъ и весяхъ!» Въ одномъ Вытегорскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, въ лѣто прошлаго года погибло 795 лошадей, 240 коровъ, 90 овецъ; всего на сумму болѣе 28,000 р. с. Огромное число лошадей погибаетъ ежегодно на рѣчныхъ системахъ, по которымъ сплавляется множество судовъ въ Петербургъ изъ внутреннихъ губерній, въ особенности же на Маріинской. До какой степени опустошительно дѣйствіе сибирской язвы на этой послѣдней—видно изъ того, что въ настоящее лѣто министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, для предупрежденія случаевъ распространенія болѣзни, ассигновано цѣлыхъ 15 тыс. рублей;—что многія изъ земствъ стараются вводить у себя обязательное страхованіе скота, нанимаютъ ветеринаровъ, изыскиваютъ всевозможныя мѣры если не къ пресѣченію, то по крайней мѣрѣ къ ослабленію эпидеміи, подумываютъ даже о чумопрививаніи, подобно тому, какъ это сдѣлано въ имѣніи Вел. Кн. Елены Павловны и проч. и проч. Впрочемъ всѣ эти мѣры могутъ быть введены лишь отчасти: страхованіе скота можетъ принести пользу лишь въ томъ случаѣ, когда не обременяя крестьянъ платежами, оно тѣмъ не менѣе будетъ обезпечивать для нихъ вознагражденіе въ размѣрахъ потеряннаго и никоимъ образомъ не менѣе цѣнности павшаго скота,—а для этого необходимо, чтобы страхованіе обнимало собою возможно большее число головъ; различныя мѣры, предпринимаемыя уже при появленіи эпидеміи, какъ показываетъ опытъ, дѣйствуютъ слабо и во всякомъ случаѣ не могутъ замѣнить собою средствъ, *предупреждающихъ* болѣзнь; наконецъ, прививаніе чумы хотя и рекомендуется нѣкоторыми ветеринарами, но представляетъ, во всякомъ случаѣ, средство довольно рискованное, а потому распространеніе его въ массѣ недостаточныхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ настоящее время едва-ли возможно. По нашему мнѣнію, раціональнѣе всего было бы заботиться объ устраненіи тѣхъ невыгодныхъ условій, при которыхъ обыкновенно происходитъ распространеніе повальной болѣзни между крестьянскимъ скотомъ, чтобы, съ одной стороны, обращено было вниманіе на его содержаніе, а съ другой—на крайне испорченную воду, которою онъ долженъ пользоваться за неимѣніемъ хорошихъ водопоевъ. Намъ положительно извѣстно, что до сихъ поръ, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, во многихъ деревняхъ домашній скотъ по прежнему продолжаютъ поить не изъ колодцевъ, а изъ какихъ-то грязныхъ лужъ, въ которыхъ въ лѣтнее время обыкновенно мочатъ коноплю, холсты, полощутъ бѣлье, моютъ овецъ и пр. Такихъ деревень особенно много въ губерніяхъ малороссійскихъ, гдѣ, за отсутствіемъ рѣки, довольствуются такъ-называемыми *кружками*, т. е. прудами и небольшими озерами стоячей воды, не обращая ни малѣйшаго вниманія на положительную негодность такихъ водопоевъ. Одинаково разрушительно дѣйствуютъ на крестьянскій скотъ ночлеги его въ лѣсу, близъ болотъ, гдѣ онъ бродитъ по колѣно въ росистой травѣ, или на сырыхъ низменныхъ луговинахъ, подъ дождемъ и на холодномъ осеннемъ вѣтру. Къ сожалѣнію, этому послѣднему горю помочь весьма трудно, такъ-какъ крестьяне, за недостаткомъ сѣна и травы, поневолѣ принуждены пускать свой скотъ на ночь въ выпасныя мѣста, чтобы на другой день имѣть возможность на немъ работать. Во многихъ же деревняхъ пасутъ скотъ ночью для того, чтобы не быть пойманными на потравѣ... Вообще эта сторона крестьянскаго хозяйства представляетъ едва-ли не самое больное его мѣсто, и съ наступленіемъ лѣта невольно приходятъ невеселыя мысли о возможности появленія у насъ повальныхъ болѣзней, къ предупрежденію которыхъ не принято никакихъ почти мѣръ.

Политическое обозрѣніе.

20 іюня (по нов. стилю 2 іюля) происходили во Франціи выборы депутатовъ на свободныя вакансіи въ Національное Собраніе. День этотъ, несмотря на ожидавшіяся тревоги, прошелъ очень мирно. Со стороны правительства приняты были всевозможныя мѣры предосторожности: повсюду бродили толпы полицейскихъ; солдаты занимали караулы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подавались голоса; за подозрительными кандидатами открыто слѣдила полиція. Было нѣсколько арестовъ, но вообще порядокъ не нарушался. Результатъ выборовъ, въ главныхъ чертахъ, уже извѣстенъ. Оказывается, что значительное большинство избранныхъ принадлежитъ къ партіямъ умѣренно-республиканской и крайне-республиканской. Монархисты успѣли провести не болѣе десятка своихъ кандидатовъ, а бонапартисты поражены въ конецъ. Разсчитываютъ, что настоящіе выборы доставили Тьеру отъ 80—90 голосовъ, кандидатуру которыхъ онъ поддерживалъ. Тѣмъ не менѣе, большинство голосовъ въ Національномъ Собраніи и теперь еще принадлежитъ партіи консервативной, поддерживающей монархію, хотя и не бонапартистскую. Парижъ долженъ былъ выбрать 21 депутата; большая часть ихъ изъ партіи республиканской. Въ гор. Марсели выбранъ извѣстный республиканецъ Гамбетта, котораго популярность, кажется, не только не ослабла, но даже какъ будто усилилась. Агитація въ пользу этого человѣка ревностно велась и въ Парижѣ, гдѣ его имя производило постоянный энтузіазмъ и гдѣ вывѣшены были заявленія о томъ, что, для спасенія республики, необходимо заручиться кандидатурой такого завзятаго республиканца какъ Гамбетта. Въ провинціяхъ замѣтенъ еще болѣе значительный перевѣсъ республиканскихъ депутатовъ, особенно въ Ліонѣ, Бордо, въ департаментахъ Сѣверномъ, Энскомъ и другихъ. Замѣчательно также, что во многихъ департаментахъ, въ которыхъ въ февралѣ настоящаго года поданы были голоса за бонапартистовъ, теперь избраны истинные республиканцы. Говоря вообще, эти выборы какъ нельзя лучше оправдали надежды умѣренныхъ республиканцевъ и примирили между собою господствующія партіи. Можно надѣяться, что продленіе полномочій Тьера теперь обезпечено болѣе прежняго; то же самое должно сказать о республикѣ. Орлеанисты же остались въ сторонѣ и едва ли станутъ добиваться преобладанія. По приведеніи въ извѣстность результата выборовъ, Національное Собраніе будетъ распущено на нѣсколько недѣль.

Настроеніе нѣкоторой части парижскаго населенія, именно буржуазіи, выразилось на бывшемъ въ Парижѣ смотру довольно опредѣленно. Надо замѣтить, что смотръ этотъ назначенъ былъ еще нѣсколько недѣль тому назадъ, но вслѣдствіе дурной погоды постоянно откладывался и состоялся лишь за два дня до выборовъ. Корреспонденты русскихъ и иностранныхъ газетъ единогласно показываютъ, что публика много кричала: «да здравствуетъ Тьеръ!» и совсѣмъ не кричала: «да здравствуетъ Національное Собраніе!» Съ восторгомъ также былъ принятъ маршалъ Макъ-Магонъ; между нимъ и Тьеромъ произошла довольно умилительная встрѣча, отъ которой старикъ Тьеръ прослезился и не могъ выговорить ни слова. Само по себѣ незначительное, это событіе показываетъ однако, что нынѣшній глава исполнительной власти гораздо болѣе популяренъ, чѣмъ можно было думать судя по его первоначальнымъ дѣйствіямъ. Опираясь, съ одной стороны на буржуазное и крестьянское большинство, съ другой на республиканцевъ, онъ можетъ разсчитывать на успѣхъ

своей примирительной политики гораздо болѣе чѣмъ какая-нибудь изъ существующихъ партій. Что бы ни говорили противники этого государственнаго человѣка, но ему нельзя отказать ни въ дальновидности, ни въ искренней любви къ своему отечеству, для спасенія котораго онъ готовъ пожертвовать даже собственными убѣжденіями и склонностями. Этою готовностью объясняется переходъ его на сторону той части французскаго народа, которая взяла перевѣсъ при настоящихъ выборахъ.

Французскія газеты сообщаютъ интересныя подробности о военномъ судѣ, которому будутъ подлежать парижскіе инсургенты. Судъ обыкновенно состоитъ изъ семи членовъ; всѣ они принадлежатъ къ разнымъ чинамъ арміи. Предсѣдателемъ бываетъ полковникъ, за тѣмъ слѣдуютъ: 1 баталіонный командиръ, 2 капитана, 1 поручикъ, 1 подпоручикъ и 1 унтеръ офицеръ. Обвинителемъ бываетъ обыкновенно капитанъ. Послѣднее слово на судоговореніи принадлежитъ защитнику Для того чтобы мнѣніе старшихъ не имѣло вліянія на младшихъ, нижніе чины подаютъ свои мнѣнія раньше—по восходящей линіи. Три мнѣнія, поданныя въ пользу подсудимаго (противъ четырехъ мнѣній, его обвиняющихъ), равняются оправдательному приговору. Нельзя не сознаться, что, при такихъ условіяхъ, соединенныхъ со строгимъ и тщательнымъ судебнымъ слѣдствіемъ, признающимъ только самые неопровержимые факты, столько же шансовъ къ оправданію человѣка, виновность котораго не совсѣмъ доказана, сколько къ освобожденію невиннаго.

19 іюня (1 іюля по нов. стилю) итальянскій король Викторъ Эммануилъ переѣхалъ изъ Флоренціи въ Римъ. Такимъ образомъ, перенесеніе столицы Италіи въ «вѣчный городъ» можно считать уже совершившимся фактомъ. За нѣсколько дней передъ этимъ, итальянскому министру иностранныхъ дѣлъ представлялись нѣкоторые изъ представителей европейскихъ державъ уже въ новой столицѣ. Говорятъ, что нынѣшнимъ правительствомъ Франціи даны французскому посланнику въ Италіи особыя на этотъ счетъ инструкціи, смыслъ которыхъ, какъ увѣряютъ, не совпадаетъ съ настоящимъ взглядомъ правительства Виктора-Эммануила, и что будто-бы въ настоящемъ вопросѣ между этими двумя католическими державами трудно ожидать полнаго соглашенія. Неизвѣстно какой оборотъ приняло бы это дѣло въ томъ случаѣ, если бы партіи клерикаловъ удалось взять верхъ на послѣднихъ выборахъ во Франціи; но теперь можно положительно сказать, что съ усиленіемъ въ Національномъ Собраніи прогрессистовъ, возьмутъ перевѣсъ идеи и стремленія другаго рода. Перенесеніе столицы Италіи въ Римъ такъ сильно подѣйствовало на папу, что онъ начинаетъ серіозно помышлять о своемъ переселеніи въ Корсику. Въ этомъ гостепріимствѣ Франціи надо видѣть новое доказательство того, насколько въ самомъ дѣлѣ сильно въ этой странѣ вліяніе клерикальной партіи.

Почтовый ящикъ.

И. Г. Г. въ Ч. увѣдомляется, что присланная имъ статья не можетъ быть напечатана въ журналѣ «Нива».

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 2 Іюля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Тип... д. № 45—1.

№ 28. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 12 іюля 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росиана. № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Лунная ночь.

(*Продолженіе*).

«Владиміръ сталъ приходить чаще», продолжала она, «Ольга обращалась съ нимъ совершенно иначе, чѣмъ съ другими мужчинами; съ нимъ она была скромна, безпритязательна; когда онъ говорилъ, она слушала, спрашивала о томъ или другомъ, но сама мало говорила—и ея глаза были какъ бы прикованы къ нему. Она стала одѣваться съ изысканно-изящною простотою: на ней было всегда темное шелковое платье съ закрытымъ лифомъ и маленькимъ бѣлымъ воротничкомъ. Широкія косы ея великолѣпныхъ волосъ лежали на ея головѣ, словно большія темныя петли».

«Въ то время какъ другіе пили изъ ея башмаковъ,

она осыпала Владиміра безчисленными знаками вниманія и положительно ухаживала за нимъ. Всякое замѣчаніе съ его стороны казалось ей важнымъ».

«Однажды онъ обронилъ нѣсколько полновѣсныхъ словъ противъ употребленія корсета».

«Въ слѣдующій же вечеръ она явилась въ широкой кацавейкѣ изъ темнаго бархата, подбитой и обложенной куньимъ мѣхомъ».

«Вотъ это такъ нарядъ!», сказалъ Владиміръ, смотря на нее, въ первый еще разъ, съ какимъ-то удовольствіемъ».

«Я никогда ужь больше не надѣну корсета», возразила съ живостію Ольга».

«Почему это?»

«Да вѣдь вы же говорили противъ этого», вскричала она, «а вы все знаете лучше насъ».

«За чаемъ она неосторожно коснулась его руки мѣховой опушкой своего рукава и увидѣла, какъ это электрически подѣйствовало на него; ея грудь приподнялась; въ ея глазахъ сверкнуло торжество».

«Но онъ въ ту же самую минуту замѣтилъ, что она хочетъ покорить его, и сталъ съ этихъ поръ еще сдержаннѣе прежняго, избѣгалъ ея по мѣрѣ возможности и еще болѣе привязался къ ея мужу».

«Нѣсколько дней спустя разговоръ какъ-то зашелъ объ одной кокеткѣ, изъ-за которой молодой офицеръ погибъ на дуэли».

«Можетъ ли быть въ подобной женщинѣ какое-нибудь чувство чести или любви къ своимъ дѣтямъ», замѣтилъ Михаилъ, «когда она не боится даже крови?»

«Подобнаго рода женщины такъ же смотрятъ на честь какъ и завоеватели; онѣ цѣнятъ ее по успѣху», сказалъ съ насмѣшкою Владиміръ: «такая женщина жертвуетъ своей суетности счастьемъ, любовью, уваженіемъ, всѣмъ. Но человѣкъ честный и съ характеромъ всегда будетъ держаться поодаль отъ нея: только фаты, глупцы и негодяи могутъ быть ея добычею; она какъ кошка, которая, не будучи способна къ благородному хищничеству, ловитъ дома мышей и мухъ. Эта порода впрочемъ все болѣе и болѣе увеличивается, потому-что наша образованная женщина — тунеядка, которая читаетъ романы и играетъ на фортепьяно; вотъ гдѣ зло-то».

«Вы презираете искусства?» вмѣшалась Ольга».

«О нѣтъ», отвѣчалъ онъ съ живостію: «но безъ труда нѣтъ истиннаго удовольствія. Люди, создавшіе безсмертныя произведенія искусства, тоже трудились; они макали кисть или перо въ кровь своего сердца. Только тотъ, кто самъ произвелъ что-нибудь, въ состояніи понимать ихъ и наслаждаться ими».

«Вы правы», печально возразила Ольга. «Какъ часто чувствовала я въ груди своей ужасную пустоту, отвращеніе къ жизни!».

«Попробуйте трудиться», заговорилъ строгимъ голосомъ Владиміръ, «вы еще молоды; васъ можетъ-быть еще можно спасти».

«Ольга не смѣла на него взглянуть».

«Прошли недѣли».

«Барская усадьба окружена густыми туманами; обширная равнина опять покрыта глубокимъ снѣгомъ; прудъ задернутъ сверкающимъ льдомъ. А между тѣмъ сани стоятъ еще въ пыли въ сараѣ и въ пушистыхъ медвѣжьяхъ шкурахъ кишитъ моль. Ольга зарывается въ мягкія подушки своей кушетки и строитъ планы. Чѣмъ меньше дѣйствуетъ на Владиміра огонь ея пламенныхъ взоровъ, тѣмъ съ большей неукротимостью требуетъ ея высокомѣріе побѣды надъ нимъ; она оскорблена, ранена, унижена передъ самой собою. Она должна видѣть его у ногъ своихъ—и тогда-то станетъ она топтать его съ радостью побѣдителя. Ей не приходитъ на умъ, что это можетъ быть опасно для нея. Она въ первый еще разъ встрѣчаетъ такого человѣка, который стóитъ того, чтобъ его побѣдили,—и тутъ-то ея красота, ея искусство оказываются недѣйствительными».

«Нѣтъ, онъ долженъ быть ея, она не постоитъ ни за какой цѣной — ни за какой!»

«Она знаетъ, что онъ уважаетъ трудъ,—и вслѣдствіе этого начинаетъ трудиться».

«Ты имѣешь чрезвычайно благодѣтельное вліяніе на жену», сказалъ однажды вечеромъ ея мужъ Владиміру, въ то время какъ Ольга сидѣла за пяльцами; «посмотри какъ она, съ нѣкотораго времени, постоянно занята».

«Владиміръ взглядываетъ на нее. «Развѣ я говорилъ вамъ, чтобъ вы портили глаза и вдавливали грудь?» сухо сказалъ онъ. «Встаньте, сію же минуту!» Ольга повиновалась. «У васъ есть дѣло лучше этого», продолжалъ онъ: «какъ ни нравится мнѣ ваше хозяйство, но тѣмъ не менѣе я замѣчаю въ вашемъ домѣ недостатокъ той блестящей чистоты, которою такъ сильно отличается Голландія и часть Германіи. Вотъ вамъ дѣло, при которомъ вы останетесь здоровы и прекрасны».

«Это была первая дань ея красотѣ со стороны этого серіознаго, желѣзнаго человѣка. Изумленная Ольга обратила къ нему свое лицо, по которому разлилась яркая краска,—и съ робостію и въ то же время съ благодарностію взглянула на него».

«Въ слѣдующій разъ она попалась навстрѣчу Владиміру въ то время, какъ сметала паутину съ потолка столовой. Онъ взялъ у ней изъ рукъ вѣникъ и поставилъ его въ уголъ. «Эта работа не для васъ», заговорилъ онъ мягко: «я говорилъ не съ тѣмъ, чтобъ ваши нѣжныя, полнокровныя легкія глотали столько пыли».

«Но какъ же мнѣ быть», сказала она: «моя прислуга далеко не похожа на голландцевъ!»

«Они привыкнутъ къ этому со временемъ», вскричалъ онъ. «Будьте только къ нимъ строги и въ тоже время справедливы,—да не на одинъ день, но впродолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, всего года. Не забывайте никогда, что вы госпожа,—что если вы исполняете работу вашей лѣнивой прислуги, то дѣлаете это случайно, подобно Наполеону, стоявшему на караулѣ вмѣсто заснувшаго гренадера».

«Сказавъ это, Владиміръ взялъ ее подъ руку и повелъ по всему дому, въ кухню и погребъ».

«Тутъ будетъ для васъ дѣла съ утра до вечера, если вы станете присматривать за всѣмъ этимъ. Управляйте, распоряжайтесь, приказывайте: это ваше дѣло. Ведите кромѣ того счеты, вы доставите такимъ образомъ вашему мужу существенное облегченіе».

«Онъ указалъ ей съ террасы на садъ. «Когда придетъ весна, вы можете тутъ сѣять, сажать, рыть, поливать, полоть; все это принесетъ вамъ большую пользу. Тутъ можете вы быть и *жестоки* (какъ слѣдуетъ быть, по временамъ, каждой женщинѣ), ведя немилосердную войну съ гусеницами и червями. Но за то я рекомендую вамъ пчелиныя улья и моихъ маленькихъ, трудолюбивыхъ любимицъ. Теперь же», сказалъ онъ въ заключеніе, ведя ее назадъ въ зало, «теперь я попрошу васъ что-нибудь сыграть мнѣ; вы играете съ такимъ пониманіемъ и чувствомъ».

«Ольга дрожала всѣмъ тѣломъ».

«Потупивъ взоры, она сѣла за фортепьяно и ея пальцы пробѣжали по клавишамъ».

«Я понимаю вашу игру, когда смотрю на ваши пальцы, эти тонкіе, прозрачные, какъ бы одушевленные пальцы», тихо сказалъ онъ».

«Ольга поблѣднѣла такъ, что у ней побѣлѣли даже губы; она приложила на одну минуту руку къ сердцу, потомъ стала играть».

«Сонату Бетховена: «лунное сіяніе».

«При первыхъ тихо-жалобныхъ звукахъ адажіо, Владиміръ закрылъ рукою глаза. Всевозможныя чары лунной ночи лились на нее и на него; вокругъ ложились глубокія тѣни; вмѣстѣ съ магическимъ, дрожащимъ, скорбнымъ свѣтомъ, ихъ души носились въ мерцающей грустной мелодіи. Когда послѣдній звукъ исчезъ въ воздухѣ, Ольга опустила руки».

«Оба молчали».

«Отреченіе, покорность судьбѣ», сказалъ онъ наконецъ, «вотъ что̀ говоритъ намъ эта дивная соната, точно такъ же какъ и природа и окружающій насъ міръ. Покорность судьбѣ, что̀ бы ни ожидало насъ впереди: пусть это будетъ обманутая любовь которая продолжаетъ жить въ вѣрномъ сердцѣ, или же любовь сама осуждающая себя на молчаніе. Мы всѣ должны учиться отреченію».

«Онъ взглянулъ на Ольгу. Его глаза были влажны. Онъ говорилъ необыкновенно мягко».

«Нѣсколько времени онъ избѣгалъ ея и не приходилъ къ нимъ. Ольга поняла его».

«Потомъ насталъ день, когда ея мужъ уѣхалъ для закупокъ въ окружной городъ Каломею. Она осталась дома. У нея ежеминутно замирало сердце. Она знала, что *онъ* долженъ придти—и когда первыя тѣни сумерокъ осѣнили комнату, она быстро надѣла на себя опушенную мѣхомъ кацавейку и сѣла за фортепьяно. Почти безсознательно стала она играть сонату. Вдругъ она прервала ее диссонансомъ. Она горѣла какъ въ огнѣ въ своей роскошной шубкѣ, она сорвала ее и, скрестя руки на волнующей груди, стала ходить, большими шагами, взадъ и впередъ по комнатѣ».

«Вдругъ она остановилась».

«Кровь бросилась ей въ щоки, она завернулась въ кацавейку и протянула ему руку».

«Гдѣ же Михаилъ?» спросилъ онъ».

«Въ Каломеѣ».

«Въ такомъ случаѣ я»...

«Вѣдь вы не уйдти хотите?»

«Владиміръ медлилъ».

«Я съ ранняго утра радовалась тому, что буду говорить съ вами, говорить наединѣ», сказала Ольга подавленнымъ голосомъ. «Пожалуйста останьтесь со мною».

«Владиміръ положилъ свою шапку на фортепьяно и сѣлъ въ одно изъ маленькихъ коричневыхъ креселъ, Ольга сдѣлала еще нѣсколько шаговъ по комнатѣ и потомъ остановилась передъ нимъ».

«Любили ли вы уже, Владиміръ?» быстро и рѣзко спросила она его. «О, конечно?» Ея губы презрительно сжались».

«Нѣтъ», возразилъ онъ съ глубокой важностію».

«Ольга молча смотрѣла на него».

«И вы въ состояніи любить?» робко спросила она. «Не думаю».

«Вы опять ошибаетесь», возразилъ Владиміръ. «Натуры, подобныя моей, которыя не расплачиваются мелкою монетою, которыя созрѣваютъ, не тратясь на мелкія чувства,—одни только можетъ-быть въ состояніи *любить дѣйствительно*. Какимъ образомъ могли бы ощутить подобное чувство эти недозрѣлыя, зеленыя сливы, юноши и молодыя дѣвушки. Оно *доступно только мужчинѣ*. Можетъ быть также и женщинѣ, но большая часть ихъ уже растратила свое сердце».

«А какова должна быть та женщина, которую вы могли бы полюбить?» спросила Ольга, не перемѣняя своего положенія».

«Владиміръ молчалъ».

«Это интересуетъ меня до послѣдней степени возможности», пробормотала она».

«Долженъ ли я отвѣчать?»

«Пожалуйста».

«Въ такомъ случаѣ я скажу, она должна быть совершенной противуположностью вамъ», сказалъ онъ сухимъ, стѣсненнымъ голосомъ».

«Ольга поблѣднѣла, какъ смерть, потомъ кровь бросилась ей въ лицо, а глаза наполнились слезами. Она молчала».

«Что же вы не смѣетесь?!», вскричалъ съ грустнымъ юморомъ Владиміръ, «это должно казаться вамъ необыкновенно смѣшно».

«Вы не любезны», возразила Ольга подавленнымъ отъ слезъ голосомъ».

«Зато справедливъ», отвѣчалъ онъ безъ всякой пощады».

«У васъ отвращеніе ко мнѣ», заговорила Ольга, гордо отбрасывая назадъ голову, «я давно уже чувствовала это».

«Владиміръ засмѣялся короткимъ, хриплымъ, безконечно-грустнымъ смѣхомъ. «Ну, такъ я вамъ скажу всю всю правду», вскричалъ онъ съ сильной горечью, «*меня влечетъ къ вамъ больше, чѣмъ ко всякой другой женщинѣ въ цѣломъ свѣтѣ*».

«Ольга съ испугомъ взглянула на него; ея сердце поднялось вверхъ съ такой силой, какъ будто бы хотѣло вырваться изъ груди; у нея шумѣло въ ушахъ».

«Я могъ бы полюбить васъ», продолжалъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ, съ взоромъ полнаго самоотверженія».

«Ну и любите меня!» вскричала Ольга».

«Нѣтъ», тихо отвѣчалъ онъ, «для этого требуется прежде всего *уваженіе*».

«Она вздрогнула».

«Пожалуйста поймите меня какъ слѣдуетъ», продолжалъ онъ: «я не хочу оскорблять васъ, я хочу только объясниться съ вами. Въ концѣ концовъ то, что̀ сводитъ вмѣстѣ людей—не болѣе какъ естественное побужденіе, такое же какъ и у животныхъ; но нѣтъ естественнаго побужденія безъ выбора. Дѣло идетъ тутъ не объ насъ, а объ нашемъ родѣ, — не объ нашемъ наслажденіи, а объ новой жизни; потому-что каждый день есть день творенія. Инстинктивно мужчина и женщина ищутъ другъ въ другѣ качествъ, которыхъ нѣтъ въ нихъ самихъ, которыя они особенно уважаютъ или любятъ,—и тѣмъ проницательнѣе, тѣмъ настойчивѣе бываетъ этотъ выборъ, чѣмъ больше приходится имѣть дѣло разсудку. Такимъ образомъ, хотя *истинная любовь* и происходитъ изъ сильнаго влеченія природы, изъ магнетическаго инстинкта, но *длиться* она можетъ только вслѣдствіе полнаго взаимнаго уваженія какъ особей, такъ и ихъ свойствъ. Если я зашелъ слишкомъ далеко, вы можете смѣяться надо мною!»

Кремль въ Москвѣ.

«Я не смѣюсь», возразила Ольга мрачно. «И такъ выходитъ, что вы не имѣете ко мнѣ того уваженія»...

«Того полнаго уваженія», прервалъ ее Владиміръ, «котораго я требую, когда долженъ отдать женщинѣ свое сердце и жизнь».

«Вы презираете меня!» заговорила съ гнѣвомъ Ольга и у ней застучало въ вискахъ».

«Нѣтъ, я жалѣю васъ», возразилъ Владиміръ, «я принимаю въ васъ сердечное участіе, я часто думаю о васъ, я желалъ бы спасти васъ».

«За что вы меня презираете?» вскричала она съ посинѣвщими дрожащими губами. «У васъ нѣтъ на это никакого права. Я не хочу, чтобъ вы меня презирали».

«Что вамъ во мнѣ?» сказалъ съ горечью Владиміръ, «вамъ, передъ которой все преклоняется!»

«За что презираете вы меня?» вскричала Ольга изъ глубины души. «Говорите, я хочу этого». Вмѣстѣ съ этимъ она какъ-то дико поставила ногу на стулъ, и ея глаза засверкали ненавистью и злобой».

«Хорошо. Такъ выслушайте же меня», сказалъ Владиміръ съ ледяной холодностью. «Вы—женщина рѣдкой красоты, съ сильной душою, съ мягкимъ, нѣжнымъ нравомъ,—женщина, созданная для того, чтобъ сдѣлать самаго лучшаго мужчину своимъ рабомъ. Довольны ли вы этимъ? Нѣтъ, вы хотите праздновать каждый день новую побѣду, покоиться каждую ночь на свѣжихъ миртахъ. Ваша суетность ненасытна: она какъ коршунъ снѣдастъ ваше сердце; а между тѣмъ это маленькое сердце не можетъ рости, подобно тому какъ росло сердце титана,—и такимъ образомъ вы кончите отвращеніемъ къ жизни, ненавистью къ людямъ и презрѣніемъ къ самой себѣ».

«Ольга застонала, потомъ начала громко плакать, она рвала на себѣ волосы и скрежетала зубами. Когда она подняла руку, ея шубка распахнулась—и она стояла съ гнѣвно-волнующейся грудью, съ пылающими глазами, съ распущенными чорными волосами, разъярясь на него какъ менада».

«Владиміръ всталъ».

«Она жалобно вскрикнула и подняла вверхъ сжатые кулаки».

«Онъ нахмурился и взглянулъ на нее. Тутъ у нея опустились руки, а голова упала на грудь».

«Нѣсколько минутъ спустя, его уже не было въ комнатѣ, а она лежала на коврѣ и рыдала».

«Прошли дни, недѣли, мѣсяцъ».

«Владиміръ не приходилъ».

«Онъ избѣгалъ и ея мужа».

«Ольга страшно страдала. Она знаетъ теперь, что онъ ее любитъ,—но знаетъ также, что онъ ее презираетъ, и овладѣвшая ею страсть еще болѣе усиливается, какъ отъ его любви, такъ и отъ его ненависти. Она начинаетъ письмо и опять рветъ его; она приказываетъ осѣдлать лошадь, чтобы ѣхать къ нему и не ѣдетъ. Цѣлые часы стоитъ она въ кухнѣ, не сводя глазъ съ пылающаго на очагѣ огня. Ею овладѣваетъ такое чувство, которое было ей до сихъ поръ еще неизвѣстно. Она думаетъ только о немъ. Когда она стоитъ въ сумерки у окна, ей каждую секунду кажется, какъ будто бы она слышитъ топотъ его лошади, его шаги, его голосъ. Всю ночь напролетъ мечется она по своей постели и засыпаетъ только къ утру».

«Теперь только начинаетъ она понимать поэтовъ и музыку».

«Смерклось. Она сидитъ за фортепьяно и играетъ сонату: «лунное сіяніе», и вмѣстѣ со звуками льются ея слезы. Ея мужъ подходитъ тихонько къ ея стулу и привлекаетъ ее къ себѣ. Онъ не спрашиваетъ, и она молча кладетъ ему на грудь голову и плачетъ.»

Голосъ Ольги понизился до шепота. Она стыдливо отвернулась отъ меня, вся ея душа трепетала цѣломудренно-страстной любовью».

«Это было въ сочельникъ», продолжала она: «Ольга, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, ѣхала въ саняхъ изъ Тулавы, отъ священника, которому онъ передалъ нѣсколько брошюръ; они проѣзжали мимо владиміровой усадьбы».

«Ольгой овладѣлъ глубокій ужасъ, когда ея мужъ совершенно неожиданно велѣлъ остановиться передъ воротами. «Мы позовемъ его къ себѣ, пойдемъ». Ольга не двигалась. «Ты не хочешь?» Она покачала головою. Ея мужъ вошелъ въ домъ и черезъ нѣсколько времени возвратился съ Владиміромъ, который почтительно поклонился и потомъ вошелъ къ нимъ въ сани. Во время ѣзды никто не сказалъ слова. Ольга сидѣла подлѣ Владиміра, не шевелясь; разъ только, когда онъ нечаянно коснулся ее, она вздрогнула. Когда они пріѣхали, Владиміръ какъ-то странно улыбался глядя на знакомую ему усадьбу».

«Помогши своей женѣ выйти изъ саней и снявъ съ нея тяжелую шубу, Михаилъ, потирая себѣ съ видомъ удовольствія руки, сказалъ: «Теперь у насъ будетъ такой сочельникъ, какъ слѣдуетъ. Пойду посмотрѣть, чтó дѣлаютъ дѣти. Послѣ этого онъ вышелъ изъ гостиной, оставивъ Ольгу одну съ Владиміромъ».

«Ольга небрежно бросилась въ кресло и закурила папироску. Вдругъ она рѣзко засмѣялась. «Ваше отвращеніе, ваше презрѣніе такъ велики», сказала она, «что вы не хотите даже быть со мною подъ одной крышей».

«Вы не хотите понять меня»,холодно сказалъ Владиміръ».

«Ахъ!» вскричала Ольга, «вы не способны къ сколько нибудь глубокому чувству, иначе вы судили бы не такъ строго».

«Вы думаете?» сказалъ онъ, замѣтно поблѣднѣвши. «Ну такъ выслушайте же меня еще разъ. Я *люблю васъ!*»

«Ольга бросила папироску и захохотала дикимъ смѣхомъ».

«И вы *первая женщина*, которую я люблю», спокойно продолжалъ онъ, «я люблю васъ такъ, что *терзаюсь*—и терзаюсь не потому что не могу обладать вами, но потому что мнѣ *не слѣдовало бы любить* васъ. У меня разрывается сердце, что изъ такой чудной натуры образовалась такая ужасная личность».

«Ольга вздрогнула отъ внутренней боли; она взглянула на него съ робкимъ и умоляющимъ видомъ».

«Не глядите на меня такимъ образомъ», вскричалъ онъ; «я долженъ не щадить васъ. У меня нѣтъ никакого состраданія къ вамъ. Имѣли ли вы состраданіе къ молодому Богдану, котораго г. Завальскій убилъ изъ за васъ въ березовой рощицѣ подъ Тулавой,—или къ Димитрію Литвинову, котораго вы свели съ ума, онъ застрѣлился? Чувствовали ли вы состраданіе къ вашимъ дѣтямъ, къ вашему мужу, когда позволили ухаживать за собою Завадскому, когда графъ»...

«Когда я дѣлала это?» вскричала съ ужасомъ Ольга, вскочивъ съ своего мѣста и сплеснувъ руками. «Кто сказалъ вамъ это?»

«Всѣ говорятъ», отвѣчалъ съ насмѣшкою Владиміръ.»

«Въ такомъ случаѣ всѣ лгутъ», энергически возразила Ольга, гордо поднимая голову; ея щоки пылали, ея глаза были полны самоувѣренности. «Но я говорю правду, Владиміръ; я невинна въ этой крови, ни одна ея капля не можетъ пасть на меня».

«Не трудитесь увѣрять меня», отвѣчалъ онъ, тяжело дыша, «я не вѣрю вамъ».

«Ольга взглянула на него, вся пылая, безъ слезъ, съ сердцемъ полнымъ боли и любви, и потомъ медленно и съ опущенной головою пошла въ сосѣднюю комнату».

«Такъ повѣрьте этимъ письмамъ!» вскричала она слѣдовавшему за ней Владиміру, выхватывая изъ своего письменнаго столика пакетъ, обвязанный розовой ленточкой».

«Вашъ мужъ можетъ каждую минуту возвратиться», быстро проговорилъ онъ».

«Пусть приходитъ», возразила Ольга съ видомъ гордой невинности, «я не позволю безчестить себя. Вы должны сперва выслушать меня, а потомъ уже осуждать. Вотъ письмо Литвинова, писанное за два дня до его смерти. Можетъ ли писать такимъ образомъ человѣкъ, который вслѣдствіе несчастной любви намѣревается лишить себя жизни?»

«Она презрительно бросила ему письмо».

«Владиміръ развернулъ его и съ лихорадочной поспѣшностью пробѣжалъ заключавшіяся въ немъ строчки».

«Вотъ письма Богдана. Читайте. Это ли письмо любовника, который гибнетъ въ поединкѣ за женщину? Литвиновъ застрѣлился, потому что у него было больше долговъ, чѣмъ состоянія,—а Богданъ вышелъ на дуель съ г. Завальскимъ изъ за карточной ссоры. Вотъ письма Завадскаго, графа Мнишека и всѣхъ тѣхъ, кого называютъ моими обожателями. Пишутъ ли такъ мущины къ такой женщинѣ, которая наградила ихъ своей благосклонностью? Признаюсь, я кокетка, я тщеславна, жестока, но я не потерянная женщина. За то, что мужчины ухаживаютъ за мною, за то что женщины клевещутъ на меня,—мнѣ приписываютъ всевозможныя вины. Я погрѣшила, но не такъ сильно, какъ вы думаете. *Я никогда не нарушала вѣрности моему мужу*. Клянусь вамъ».

«Она обернулась было къ деревянному распятію, висѣвшему надъ ея постелью, но вдругъ остановилась».

«Нѣтъ!» вскричала она, «клянусь вамъ моими дѣтьми. Теперь вы знаете все; ну что же осуждаете меня?»

«Владиміръ все еще смотрѣлъ на письма. «Я былъ несправедливъ въ отношеніи васъ», заговорилъ онъ, и его голосъ дрожалъ, «простите меня если можете».

«Онъ зашелъ слишкомъ далеко, и стоялъ теперь передъ нею потрясенный и обезоруженный».

«Насмѣхайтесь надо мною», возразила Ольга съ робкой, грустной нѣжностью во взорѣ, «я виновата. Я чувствую, что гибну; я еще не то что вы думаете, но готова сдѣлаться такою. Я должна пасть. У меня нѣтъ никакой поддержки. Я не знала, что такое мужчина, что такое любовь мужчины; теперь я чувствую, что *въ жизни женщины это все*, и я должна гибнуть безъ нея, терзаться, умирать. Вы можете спасти меня, одни вы, теперь оттолкните меня отъ себя!»

«Владиміръ прижалъ одну ея руку къ сердцу, а другую ко лбу. Она рыдая бросилась къ нему на грудь и съ силой отчаянія обвилась руками вокругъ его шеи,—и сильный, желѣзный человѣкъ заплакалъ, привлекъ къ себѣ бѣдную женщину и побѣжденный припалъ къ ея устамъ. Все исчезло у нихъ изъ глазъ—они чувствовали только какъ сердца ихъ, полные скорбнаго блаженства, бились одно подлѣ другаго».

(Продолженіе будетъ).

Московскій Кремль и колокольня Ивана Великаго.

Начнемъ нашъ обзоръ съ мѣстностей, откуда взоры могутъ любоваться всѣми кремлевскими зданіями, и обратимся прежде къ дальнимъ возвышенностямъ Москвы, напримѣръ: къ Воробьевымъ горамъ; съ этой громадной земляной скамьи можно смотрѣть и не насмотрѣться на всю туманную діораму Москвы, и въ особенности на центръ ея — на златоглавый Кремль. — Симоновъ монастырь (съ горы на гору) есть тоже превосходный пунктъ для зрѣлища. По мѣрѣ приближенія къ Москвѣ съ «Поклонныхъ горъ» (по Смоленской и Серпуховской дорогѣ) [1]), прежде всего возникаетъ предъ путешественниками колокольня Ивана Великаго съ сверкающей главой своей и водруженнымъ надъ нею искристымъ крестомъ. Подступая къ Москвѣ (въ 1812 г.) по Смоленской дорогѣ, Наполеонъ въѣхалъ на Поклонную гору—и оттуда, какъ будто изъ подъ распахнутаго занавѣса, открылась предъ нимъ великолѣпная панорама древней столицы, а прежде всего ярко блеснулъ крестъ Ивана Великаго и выяснилось это громадное зданіе, окруженное величественными соборами съ массивными главами. Пораженный этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, Наполеонъ невольно пріостановился, и, самодовольно улыбнувшись, сталъ разсматривать Москву въ зрительную трубку; вмѣстѣ съ нимъ весь штабъ его и войско, увидѣвъ Кремль, неистово обрадовались, восклицая: Moscou! Moscou!—и стали обниматься и поздравлять другъ друга съ обѣтованною землею.

Съ южной стороны, т. е. отъ Замоскворѣчья, съ набережной или съ самой Москвы-рѣки, видъ на Кремль, на всѣ части зданій, даже на откосы и покатости горы его,—отчетливѣе, какъ будто осязательнѣе, рельефнѣе; отсюда, при первомъ взглядѣ на него, душа упивается эстетическимъ наслажденіемъ: тамъ каждое зданіе, по оригинальной красотѣ своей, каждый вершокъ земли—дышатъ безсмертнымъ воспоминаніемъ о событіяхъ, прошедшихъ по лицу русской земли. Московскій Кремль (въ древности «Дѣтинецъ») есть тоже, что былъ Акрополисъ въ древнихъ Аѳинахъ или Капитолій въ Римѣ. Увлекаясь поэзіею минувшаго, вспомнимъ, что здѣсь восторжествовала наша православная вѣра, которую тщетно старался поколебать трехкоронный папскій Римъ; на кремлевскомъ холмѣ незыблемо утвердился престолъ сильной монархіи; въ таинственномъ сумракѣ соборовъ его совершались и совершаются безкровныя жервы на «четыредесяти-двухъ» жертвенникахъ,—это гора благодати, называемая «Сіономъ» русскаго царства. Кремль построенъ неправильнымъ треугольникомъ, гора его по-

---

[1]) Около 7 верстъ отъ Москвы; полагаютъ, что русскіе воины, отправляяся въ старину въ походы противъ враговъ, съ этихъ горъ прощались съ Москвой.

прямой линіи, имѣетъ 14 саж. $2^1/_5$ арш., а весь Кремль— двѣ версты и сорокъ саженъ.

Не вполнѣ исторически и не строго-топографически я описываю его; здѣсь представляются далеко не всѣ, но только нѣкоторыя, самыя замѣчательныя зданія его, окружающія колокольню Ивана Великаго, съ лучшей точки зрѣнія, т. е. съ южной стороны,—и кратко упоминаются главные факты, выясняющіе знаменитость этихъ зданій; картина, прилагаемая къ моей статьѣ, дополнитъ и освѣтитъ описаніе.

Полагаютъ, что первый храмъ въ Кремлѣ построенъ (изъ дубоваго лѣса) великимъ княземъ Даніиломъ, въ началѣ XIV ст., въ пустынѣ, на мѣстѣ Букаловой хижины, подъ сѣнію дремучаго бора, между чертольемъ (оврагомъ) и болотомъ, въ честь «Спаса Преображенія» [2]); въ 1528 г. онъ перестроенъ и находится внутри главнаго дворца, посреди двора, въ древнемъ видѣ своемъ.—«Архангельскій соборъ», во имя св. Михаила Архангела, тоже бывшій деревянный, выстроенъ сыномъ князя Даніила, Іоанномъ Калитою въ 1333 г.; нынѣшній же сооруженъ въ 1509 г. Въ этой царской усыпальницѣ первый похороненъ благовѣрный князь Даніилъ московскій [3]). Отъ Архангельскаго собора сдѣланъ сходъ на Москву-рѣку, обложенный чугунною рѣшоткою.

Почти одновременно съ нимъ является и «Успенскій соборъ», тоже при Калитѣ, въ 1336 г., по благословенію св. Петра митрополита, который самъ заложилъ храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы, вмѣстѣ съ своею гробницею, и предрекъ величіе и славу Москвѣ. Этотъ соборъ былъ нѣсколько разъ перестроенъ и совершенно конченъ въ 1474 г. (по плану Болонскаго зодчаго Аристотеля); онъ такъ понравился великому князю Іоанну III, что войдя въ него, князь воскликнулъ: «вижу Небо». Этотъ соборъ есть мѣсто священнаго вѣнчанія русскихъ монарховъ.—«Благовѣщенскій соборъ» западной стороною своею примыкаетъ къ дворцу, а южною обращенъ къ Замоскворѣчью; онъ началъ строиться въ 1397 г. при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ, у «сѣней» дворца его, почему и именуется донынѣ въ актахъ: «Блавѣщеніе у государя на сѣняхъ». Онъ былъ дворцовымъ приходскимъ храмомъ, въ которомъ владѣтели Россіи крестились, говѣли, и бракосочетались. Въ концѣ XV ст. онъ былъ разобранъ при великомъ князѣ Іоаннѣ III и выстроенъ новый. Не было ни одного государя, который бы въ этотъ храмъ не сдѣлалъ какого-нибудь приношенія. По фасаду и украшеніямъ этого собора, полагаютъ, что онъ сооруженъ по плану какого-нибудь іерусалимскаго или константинопольскаго храма. Мѣсто, на которомъ онъ выстроенъ, есть самое красивое и возвышенное въ Кремлѣ; къ москворѣчью—придѣлана къ нему свѣтлая паперть, за стеклянными рамами, куда, вѣроятно ходили послѣ обѣдни цари и царицы отдохнуть и любоваться на обширную столицу и на свое Воробьево, гористое село; съ одной стороны паперть сообщалась съ дворцомъ, а съ другой — широкое каменное крыльцо, существующее и теперь, вело въ фруктовый садъ, въ которомъ выкладены были свинцомъ бассейны, наполненные красивыми рыбками, для потѣхи царевенъ. Этотъ садъ существовалъ до временъ императрицы Екатерины II.

Чудовъ (мужской) монастырь, самой древней архитектуры, основанъ въ 1366 г. св. Алексѣемъ митрополитомъ, тамъ почиваютъ и мощи; прежде онъ именовался Лаврою. Въ немъ крещены: царь Алексѣй Михайловичъ, Петръ I, и государь императоръ Александръ Николаевичъ. — «Вознесенскій» (женскій) монастырь, между Николаевскимъ дворцомъ и Спасскими воротами, величественной архитектуры, построенъ супругою великаго князя Димитрія Донскаго, Евдокіею, 1329 г. (перестроенный при Петрѣ I), а соборная церковь его заложена въ началѣ XV ст.—«Бывшій архіерейскій домъ» составляетъ уголъ на площадь, противъ берега Москвырѣки; нижняя сторона его идетъ къ Вознесенскому монастырю, а западная примыкаетъ къ Чудову; онъ построенъ при Екатеринѣ, и въ послѣднее время передѣланъ и переименованъ въ «Николаевскій дворецъ»; онъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ, въ 1818 г. апрѣля 17, родился нынѣ царствующій Государь Императоръ Александръ II.

На высотѣ кремлевской горы расположена обширная площадь, съ которой видъ на Москворѣчье и обратно оттуда—превосходенъ. За два вѣка назадъ эта площадь застроена была домами московскихъ вельможъ со всѣми удобствами и причудами привольной жизни ихъ. Теперь послѣ общаго обозрѣнія Кремля, взглянемъ на одно изъ лучшихъ украшеній его, на великолѣпный императорскій дворецъ, сооруженный императоромъ Николаемъ I, и освященный въ 1849 г. въ день Свѣтлаго Воскресенья. Видъ на него и изъ него на Москву чарующъ; архитектура его изящна, красива и поразительно-величественна. Она не византійская, не готическо-итальянская и не восточная, а чисто «русская». Собственный вкусъ государя приведенъ въ исполненіе зодчимъ Тономъ, весь фасадъ дворца сгармонированъ съ древними московскими памятниками. Императоръ Николай подробно разсматривалъ всѣ чертежи, орнаменты и планы его. Этотъ дворецъ, сооруженный на ограниченномъ пространствѣ земли, при всей своей коллоссальности, являетъ полное величіе царскихъ чертоговъ. Онъ расположенъ въ видѣ прямоугольника и обращенъ главнымъ, южнымъ фасадомъ своимъ къ Замоскворѣчью, а на сѣверномъ находятся древніе, вычурные царскіе терема; восточной стороной соединяется онъ съ Грановитой палатой, а западная съ особымъ корпусомъ предназначена собственно для членовъ царской фамиліи и соединена съ Оружейной палатой. Въ пространствѣ между этими дворцами находится площадь. Со всякой стороны дворца видна художественная сгрупировка всѣхъ отдѣльныхъ частей зданій его.

Жаль, что мелководье Москвы-рѣки отнимаетъ много жизни въ той сторонѣ; впрочемъ, порою тянущіяся по ней барки и снующія утлыя лодочки одушевляютъ общую картину. Интересно смотрѣть съ кремлевской горы на Москву-рѣку въ половодье, когда она разобьетъ ледяныя оковы свои и замчется волнами далеко за грани береговъ своихъ; но самые грандіозные виды въ той сторонѣ бываютъ въ дни коронацій, когда всѣ зданія кремлевскія залиты огнями, или во время духовныхъ процессій, напримѣръ: при спускѣ на іордань духовенства, облеченнаго въ златотканныя ризы, предшествуемаго иконами, съ развѣвающимися хоругвями; также въ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія, когда, среди глубокой ночной тишины, послѣ ·аскатистаго вы-

[2]) Около него построенъ былъ и монастырь, *Спасовъ домъ*, послѣ переведенный въ дальній конецъ города, нынѣ Новоспаскій монастырь.

[3]) Царь Алексѣй Михайловичъ, въ 1652 г., приказалъ перенести мощи его въ Даниловъ монастырь (что за Серпуховскими воротами).

стрѣла пушки, звучный колоколъ Ивана Великаго возвѣститъ начало величественнаго христіанскаго торжества—и изъ всѣхъ соборовъ, подъ стройное, умилительное пѣніе стихиръ, двинется круговой ходъ богомольцевъ, озаренныхъ свѣчами, а руки ихъ, въ крестномъ знаменіи, зашевелятся на груди въ благоговѣйной молитвѣ.

Виды, какъ съ Ивана Великаго на всю неоглядную обширность Москвы съ окрестностями ея, такъ и на самое это грандіозное зданіе, поразительно хороши, особенно съ южной стороны; отъ Лобнаго мѣста и Кремлевскаго сада половина картиннаго Кремля заслонена оградой, но отъ Замоскворѣчья и вообще съ высокихъ мѣстъ эта колокольня, со всѣми окружающими ее зданіями, является во всей чудной красотѣ своей.

Многіе изъ любознательныхъ путешественниковъ, осматривая Кремль, предпринимаютъ трудъ взлѣзать на самый верхній этажъ ея, чтобы полюбоваться оттуда панорамою Москвы, а жители нашей столицы всходятъ туда болѣе о Святой недѣли, когда для богомольцевъ бываютъ отворены всѣ кремлевскіе соборы и всѣ находящіяся въ нихъ святыя сокровищницы. Какое дивное зрѣлище является съ этой высоты! всѣ предметы, не только люди, но и большіе, движущіеся экипажи представляются микроскопическими. Въ наше время видъ Москвы опрятнѣе и великолѣпнѣе, но встарину былъ онъ поэтичнѣе; кстати бросимъ краткій взглядъ и на то время: въ необъятномъ пространствѣ представлялись тогда зданія своебытной архитектуры—и барскія хоромы, и брусяныя избы, и фигурные теремки и вышки, и неприглядные балаганы, и закопченыя кузницы, и вѣтряныя мельницы, размахивавшія своими исполинскими крыльями; тогда во многихъ мѣстахъ сверкала и лилась живая вода, невидимыхъ теперь уже рѣчекъ, кромѣ полногрудой Москвы-рѣки и ярой Яузы; мѣстами полосились гряды огородовъ, даже въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ, а кругомъ всего этого темнѣли зыбкія массы садовъ и цѣлыхъ рощей,—желтѣли, тянулись большія дороги и вились крученымъ снуркомъ проселочныя...

Къ кремлевскимъ соборамъ принадлежитъ «Ивановская колокольня», извѣстная болѣе подъ именемъ Ивана Великаго; это фаросъ нашей столицы, являющійся путешественнику первымъ предметомъ, при приближеніи его къ Москвѣ. И высота колокольни, и возвышенное мѣстоположеніе въ центрѣ города, на которомъ она воздвигнута, представляютъ ее громаднымъ зданіемъ; съ этой колокольни можно обозрѣть Москву на всемъ ея пространствѣ, во всей ея поразительной красотѣ. Зрѣлище это тѣмъ привлекательнѣе, что съ каждаго этажа колокольни панорама разнообразныхъ зданій представляется въ различномъ видѣ и размѣрѣ, препоны нѣтъ взору, окрестность видна за 30 и болѣе верстъ въ ширь и въ даль.

Не одни русскіе знаютъ этотъ московскій колоколъ, многіе путешественники и посланники иностранные видѣли, любовались и писали объ немъ въ своихъ мемуарахъ; а кто не видалъ его, тотъ слыхалъ объ немъ, объ его величіи,—какъ напримѣръ, шведскій король, Карлъ XII, который, вторгаясь въ Россію, сказалъ, что онъ, взявъ Москву, повѣситъ шпоры свои на Ивановской колокольнѣ, въ память пребыванія своего въ столицѣ.

На мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится эта осьмиугольная колокольня, была небольшая церковь, во имя «св. Іоанна, списателя лѣствицы», построенная великимъ княземъ Іоанномъ Даниловичемъ Калитою; пришедши въ ветхость, она была разобрана при царѣ Борисѣ Годуновѣ и вновь имъ создана въ честь того же угодника (нынѣ находится она подъ колоколами). По имени этой церкви и колокольня названа «Ивановскою»; она есть памятникъ царствованія Годунова и построена имъ во время голода (постигшаго Россію около 1600 г.), когда со всѣхъ сторонъ народъ, алчущій хлѣба, собирался въ Москву за милостынею—и царь, во избѣжаніе праздности народа, приказалъ занимать его построеніемъ каменныхъ зданій, за назначенную плату и прокормленіе. Она существуетъ 270 лѣтъ; высота ея съ крестомъ отъ поверхности земли 38 ½ саж., а высота ея отъ уровня воды Москвы-рѣки слишкомъ 57 саж. [4]). Надписью подъ главою колокольни Годуновъ хотѣлъ, вмѣстѣ съ своимъ именемъ, передать памяти потомства и имя сына своего, Θеодора [5]); царь Михаилъ Θеодоровичъ, не смотря на справедливую непріязнь фамиліи Романовыхъ къ имени Годунова, приказалъ сохранить эту надпись.

Возлѣ Ивановской колокольни, въ пристройкѣ, гдѣ нынѣ церковь св. Николая, подъ большимъ Успенскимъ колоколомъ, встарину находился соборъ Рождества Богородицы; его начали созидать при великомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ и докончили при Іоаннѣ IV. Изъ внутренности этого храма къ Успенскому собору вела каменная лѣстница, сломанная при императорѣ Павлѣ, потому-что внизу выстроили главную гауптвахту, а гдѣ находились двери на лѣстницу, изъ церкви, тамъ сдѣлали балконъ. Подлѣ алтаря церкви св. Николая устроена была при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ другая пристройка, для помѣщенія большихъ колоколовъ; это зданіе взорвано было въ 1812 году при побѣгѣ французовъ изъ Москвы, а новое выстроено въ 1814 году; теперь тамъ помѣщается одинъ «будничный» колоколъ. Между древнею церковію св. Іоанна (списателя лѣствицы), гдѣ нынѣ высится стройная колокольня Ивана Великаго и соборами Успенскимъ и Архангельскимъ, былъ деревянный срубъ съ крышею, не очень высокій, и на немъ висѣлъ колоколъ, считавшійся «большимъ» (въ 1000 п.), онъ слитъ былъ въ первой половинѣ XVI вѣка. По необыкновенной величинѣ его, въ тогдашнее время, простой народъ прозвалъ его «Царемъ-колоколомъ»; въ него благовѣстили только въ большіе праздники и церемоніальные дни.

Глава Ивановской колокольни вызолочена чрезъ огонь червоннымъ золотомъ; вышиною она въ 5 саж. и 1 арш.; внутри вѣнчавшаго ея креста основа была желѣзная, по угламъ 4 брусковыя полосы, а въ срединѣ ихъ толстый желѣзный стержень, которымъ крестъ въ вершинѣ главы былъ укрѣпленъ. Въ 1809 году крестъ снимали, когда золотили всю главу, обитую мѣдными листами; вышиною онъ былъ въ двѣ сажени и два аршина; на верхней перекладинѣ главы, на которой обыкновенно изображается надпись: *І. Н. Ц. І.*, вырѣзаны были на мѣди крупными буквами слова: *Царь славы.* Теперешній крестъ есть новый; старый снятъ по при-

---

[4]) Извѣстный архитекторъ Божановъ, въ царствованіе Екатерины II, при рытіи берега Москвы-рѣки, для закладки предполагаемаго огромнаго кремлевскаго дворца, сдѣлалъ замѣчаніе, что фундаментъ колокольни равенъ со дномъ рѣки.

[5]) Эта надпись сдѣлана большими мѣдными позлащенными буквами: «Изволеніемъ св. Троицы, повелѣніемъ Великаго Государя, Царя и Великаго князя Бориса Θеодоровича Годунова, всея Россіи Самодержца и сына его, благовѣрнаго Великаго Государя-Царевича, князя Θеодора Борисовича всея Россіи, храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто государства ихъ».

казанію Наполеона, которому кто-то сказалъ, что крестъ золотой и что между русскими есть преданіе, будто съ потерею ивановскаго креста настанетъ конечная гибель Россіи; вѣроятно, властолюбивый завоеватель имѣлъ намѣреніе везти этотъ огромный трофей съ большимъ торжествомъ въ Парижѣ. По устной молвѣ извѣстно, что никто изъ французскихъ инженеровъ и механиковъ не отважился лѣзть на такую высоту и снять крестъ съ колокольни безъ твердыхъ подмостковъ и укрѣпленій. Наполеонъ спѣшилъ выступить изъ Москвы, а для подобной операціи требовалось много времени — и вотъ является какой-то русскій крестьянинъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ: снять крестъ въ самое короткое время; на это охотно согласились. Наполеонъ со всѣмъ штабомъ своимъ присутствовалъ при этомъ любопытномъ зрѣлищѣ. Мужичокъ, взобравшись по одной веревкѣ на ужасную высоту, съ изумительною быстротою и проворствомъ расклепалъ крестъ, снялъ и спустилъ его по той же веревкѣ внизъ. Говорятъ, что Наполеонъ, вмѣсто благодарности мужику, поступилъ съ нимъ по извѣстному правилу, проповѣданному имъ: J'aime la trahison, et je déteste le traitre, приказавъ тутъ же его растрѣлять, какъ измѣнника своему государству.

Значеніе и важность Ивановской колокольни увеличивается еще тѣмъ, что въ придѣлъ находящейся при ней церкви св. Іоанна Лѣствичника перенесена (въ 1816 г.) чудотворная икона святителя Николая Гостунскаго изъ упраздненнаго Гостунскаго собора. Въ исторіи нашей весьма любопытно сооруженіе этого собора, не менѣе достопримѣчательно и уничтоженіе его: на томъ мѣстѣ, въ Кремлѣ, гдѣ онъ находился, было ордынское подворье, въ которомъ жили баскаки (чиновники ханскіе, сборщики податей); они имѣли надзоръ за великими князьями; тамъ, въ сердцѣ Кремля, около опочивальни святыхъ, кишили татары со всѣми аттрибутами неопрятнаго житья своего, подъ символическимъ полумѣсяцемъ, вздернутомъ на высокомъ шестѣ. Это сосѣдство особенно не понравилось супругѣ великаго князя Іоанна Васильевича III, Софіи Ѳоминичнѣ; чтобы избавиться отъ грубыхъ и опасныхъ соглядатаевъ, она послала богатые дары къ женѣ хана, съ просьбою объ уступкѣ ей ордынскаго подворья, для сооруженія на этомъ мѣстѣ храма, который она желала выстроить по нѣкоему видѣнію. Татарская царица исходатайствовала ей это дозволеніе; татаръ переселили въ Замоскворѣчье [6]), а на развалинахъ ихъ дома выстроили деревянную церковь во имя «Николая Льнянаго», образъ котораго перенесенъ былъ въ Москву съ береговъ рѣки Гостуни. Великій князь Василій Іоанновичъ, въ 1506 году, вмѣсто деревянной выстроилъ каменную церковь, благолѣпно украсилъ ея внутренность и указалъ именовать ее соборомъ.

По изгнаніи французовъ изъ Москвы, для распространенія тѣсной кремлевской площади, рѣшено было уничтожить Гостунскій соборъ, ограбленный непріятелями; очевидцы разсказываютъ, что при торжественномъ перенесеніи иконы святителя Николая въ придѣлъ св. Іоанна Лѣствичника, священнослужители и народъ провожали ее со слезами и рыданіями. Есть преданіе, что императоръ Петръ, отправляясь въ походы, служилъ молебны въ Гостунскомъ соборѣ; дочь его, Елизавета, также имѣла особенное усердіе къ храму Николая Льнянаго. Еще издревле велось слѣдующее обыкновеніе у москвитянъ: родители, помолвивъ дочерей своихъ, приходили съ ними къ Николѣ Гостунскому, служили ему молебенъ и записывали имена жениха и невѣсты въ книгу, хранившуюся при соборѣ, какъ бы поручая ихъ ходатайству угодника Божія [7]).

Кстати замѣтимъ, что дьяконъ Гостунскаго собора, Иванъ Ѳедоровъ, былъ первымъ типографщикомъ въ Москвѣ и вмѣстѣ съ Петромъ Тимофѣевымъ Мстиславцемъ напечаталъ первую книгу, «Апостолъ» (1564 г.).

Теперь скажемъ о главной принадлежности Ивановской колокольни — о колоколахъ ея. Самый большой колоколъ, бывшій на ней, назывался «Успенскимъ», вѣсомъ въ 3,551 пудъ; онъ вылитъ былъ въ 1760 г. при императрицѣ Елисаветѣ, мастеромъ Елизовымъ. На немъ представлены были изображенія: съ одной стороны Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи, а съ другой Успенія Божіей Матери и московскихъ чудотворцевъ — святителей Петра и Алексѣя митрополитовъ; подъ ними же императорскіе портреты: Петра I, Екатерины I, Елисаветы Петровны, Петра III, Екатерины II и Павла I. Во время катастрофы 1812 г., при общемъ погромѣ Москвы и взорваніи Кремля, этотъ колоколъ совершенно разбился. Въ Успенскій колоколъ, въ случаѣ смерти царя, ударяли три раза протяжно и плачевно; на первой недѣлѣ великаго поста до XVIII столѣтія благовѣстили въ другой колоколъ (въ Реутъ), потому что на этой недѣли цари говѣли и ходили къ Божіей службѣ въ Благовѣщенскій соборъ, — поэтому Реутъ назывался еще въ простонародіи «Голодарь [8]).

По изгнаніи непріятелей изъ Москвы, въ Кремль долго никого не впускали; ко всѣмъ воротамъ, ведущимъ къ нему, приставлены были казаки. Въ то время колокольня Ивана Великаго въ основаніи своемъ мало повредилась, но находившаяся подлѣ нея Филаретовская пристройка и при ней Рождественская церковь были взорваны, а другая часть, Годуновская, толька треснула сверху до низу. На томъ мѣстѣ, гдѣ пристройка соединялась съ колокольней, изломъ красныхъ кирпичей уподоблялся кровавой ранѣ; разрушенная часть представляла огромную кучу камней, на которыхъ лежали три большіе колокола, силою взрыва перевернутые кверху дномъ (изъ нихъ у Реута отшиблась часть ушей); мы сказали, что Успенскій колоколъ разбился и лежалъ безъ языка [9]); опредѣлено было его перелить [10]).

Императоръ Александръ I поручилъ надзору Пр. Августина исправленіе Ивановской колокольни, вслѣдствіе чего преосвященный пригласилъ съ собою архитекторовъ тщательно осмотрѣть ее; но между ними не было высказано опредѣленнаго мнѣнія о ея прочности. Тогда Августинъ послалъ симоновскаго архимандрита Герасима осмотрѣть внутренность колокольни; Герасимъ взошолъ на нее — и вдругъ зазвонилъ въ колокола. Преосвященный, находившійся на кремлевской площади, улыбнулся и сказалъ окружавшимъ его: «если

---

[6]) Что доказывается названіями тамошнихъ улицъ: *Большая и малая ордынка, татарская.*

[7]) Изъ описанія жизни и чудесъ св. Николая извѣстно, что онъ помогъ однимъ бѣднымъ родителямъ выдать замужъ своихъ дочерей, убожество которыхъ могло довести ихъ до преступленія; это, вѣроятно, и было поводомъ тому, что православные москвитяне просили благословенія св. угодника на сочетавшуюся чету (см. житіе св. Николая подъ 6-мъ числомъ декабря въ чети-минеѣ).

[8]) Онъ самый большой послѣ Успенскаго, имѣетъ вѣсу 2000 п.

[9]) Отшибенный языкъ вѣсилъ 114 п.

[10]) Воскресный и будничные колокола остались невредимы.

Иванъ Великій устоялъ отъ непріятелей, то и теперь устоитъ; слышите, онъ звукомъ своимъ какъ будто подтверждаетъ мои слова».

Самый важный недостатокъ на Ивановской колокольнѣ оказался въ томъ, что большой колоколъ ея (Успенскій) разбился. Надобно было перелить его; но кому поручить такое трудное дѣло?.. изъ всѣхъ литейныхъ московскихъ заводовъ лучше и прочнѣе всѣхъ организованъ былъ заводъ купца Богданова, онъ занималъ обширное мѣсто (около церкви Спаса, что въ Спасской); у Богданова былъ 5 домнъ (плавильныя печи), другіе заводчики не могли состязаться съ нимъ [11]). И вотъ, послѣ долговременныхъ исканій мастера, который бы взялся переплавить расшибенный колоколъ съ значительною прибавкою мѣди, Пр. Августинъ, съ тогдашнимъ главнокомандующимъ Москвы, графомъ Тормосовымъ, остановили свое вниманіе на искусствѣ Богданова; но Богдановъ, понимая всю важность этого дѣла, неохотно соглашался приняться за него. Наконецъ это дѣло было слажено въ 1817 г. Много, много употребилъ трудовъ, заботъ и стараній Богдановъ, для отливки колосальнаго колокола, въ 4000 пудъ. Его повѣсили на колокольню въ 1819 г. и къ прежнимъ портретамъ прибавили изображенія тогдашняго царствующаго дома [12]).

По сторонамъ большаго Успенскаго колокола висятъ слѣдующіе три: «семисотый» литый въ 1704 г. мастеромъ Маторинымъ, «вседневный» или «будничный», названный такъ по указу патріарха Іосифа, перелитъ изъ стараго въ 1782 г. мастеромъ Завьяловымъ (слишкомъ въ 1000 п.), «Реутъ»—въ 2000 п. литъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ пушечнымъ мастеромъ Цеховымъ; онъ называется еще поліелейнымъ. Сверхъ того на колокольнѣ Ивана Великаго находится 34 колокола, изъ нихъ 5 «переборныхъ», подобранные по тонамъ. Они висятъ въ трехъ ярусахъ, самые замѣчательные изъ нихъ слѣдующіе:

Въ *нижнемъ ярусѣ*: колоколъ «Медвѣдь»—въ 450 п. литъ въ 1501 г. мастеромъ Аѳонасьевымъ, (послѣ перелитъ); «Лебедь» одинаковаго вѣса, также перелитъ изъ стараго въ 1775 г.; «Ростовскій и Новгородскій», (но онъ не тотъ знаменитый «вѣчевой колоколъ» который Іоаннъ III привезъ изъ Новгорода въ Москву; изъ того, полагаютъ, слили «набатный» колоколъ, хранящійся въ Арсеналѣ). Въ нижнемъ этажѣ, подъ большими колоколами, при императрицѣ Екатеринѣ II, помѣщалась «Рентерея» (казначейство).

Въ *среднемъ ярусѣ*: колоколъ «Новый» въ 200 п., онъ названъ еще «Нѣмчиномъ», потому что на немъ иностранная надпись, изъ которой явствуетъ, что онъ литъ въ 1651 г.; на срединѣ его изображеніе Божіей Матери съ Предвѣчнымъ младенцемъ. «Корсунскій» перелитъ изъ стараго, и «Марьинскій, вклада на память боярина Бориса Ивановича Годунова и «бабы его», т. е. жены.

Въ *верхнемъ ярусѣ* заслуживаютъ вниманіе два «зазвонные» колокола; они имѣютъ бѣловатый цвѣтъ и издаютъ чистый звукъ, что заставляетъ многихъ (и съ нѣкоторою вѣроятностію) полагать что они вылиты изъ серебра.

Между нижнимъ и 2-мъ ярусами колоколовъ на Иванѣ Великомъ есть высокая цилиндрическая пустота, шириною болѣе 4 сажень въ діаметрѣ, въ которую входъ отъ колоколовъ нижняго яруса и около которой идетъ винтомъ лѣстница на 2 ярусъ. Въ этомъ-то мѣстѣ, по преданію, самозванецъ, сдѣлавшись московскимъ царемъ, хотѣлъ устроить католическій костелъ.

Въ заключеніе взглянемъ на самый огромный колоколъ, долго пробывшій (почти съ самаго своего рожденія) въ ямѣ, у подножія Ивана Великаго, и обращающій на себя особенное вниманіе не только русскихъ, но всѣхъ иностранныхъ путешественниковъ.

Колоколъ этотъ по справедливости названъ «царемъ-колоколомъ, потому что нѣтъ ему равнаго во всемъ мірѣ, какъ по тяжести, такъ и по величинѣ; онъ превосходитъ даже славный «Пекинскій» (въ Китаѣ) колоколъ, вѣситъ 12,000 пуд. и перелитъ, при императрицѣ Аннѣ, въ 1734 г. изъ стараго «Годуновскаго» колокола [13]), съ значительною прибавкою мѣди. Можетъ-быть нѣкоторые старожилы помнятъ, какъ онъ висѣлъ на брусьяхъ подъ деревяннымъ шатромъ, устроеннымъ надъ тою самою ямою, въ которой онъ отлитъ и во время троицкаго пожара (1735 г.) опять въ нее упалъ, при чемъ отшибся отъ него край. Съ большимъ трудомъ исторгнутъ онъ изъ ямы и въ настоящее время стоитъ на прочномъ пьедесталѣ, въ Кремлѣ.

Сколькихъ знаменательныхъ происшествій былъ свидѣтелемъ Иванъ Великій, этотъ регентъ московскихъ колоколовъ, и свидѣтелемъ не безмолвнымъ!.. Кимвальный звукъ его — благовѣстникъ нашихъ торжествъ...

С. Любецкій.

Графъ Ѳедоръ Петровичъ Литке,

адмиралъ, генералъ-адъютантъ, президентъ Академіи Наукъ.

Графъ Ѳедоръ Петровичъ Литке родился въ 1797 г. Будучи превосходно приготовленъ къ морской службѣ еще въ родительскомъ домѣ, онъ поступилъ 23-го сентября 1813 г. волонтеромъ въ флотилію, отправлявшуюся, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга графа Гейдена, въ Балтійское море для осады города Данцига, который былъ занятъ арміей извѣстнаго французскаго генерала Раппа. 29-го мая того же года Ѳ. П. Литке былъ произведенъ въ гардемарины; 26-го сентября получилъ чинъ мичмана, а за особенную храбрость, выказанную имъ въ трехъ сраженіяхъ (21-го и 23-го августа и 4-го сентября), происходившихъ передъ этой крѣпостью, награжденъ знакомъ военнаго отличія и орденомъ Анны 4-й степени.

[11]) Въ послѣдствіи времени извѣстный художникъ Виталій на заводъ Богданова отливалъ статуи къ тріумфальнымъ воротамъ въ Москвѣ.

[12]) Замѣчательна была отливка этого колокола, особенно вѣшаніе этой громады на колокольню; но объ этомъ скажется въ другое время.

[13]) Въ Годуновскій колоколъ при царяхъ звонили только въ первоклассные праздники и во время аудіенцій, даваемыхъ въ Кремлѣ иностраннымъ посламъ.

Въ 1817—1819 годахъ Ѳ. П. Литке совершилъ, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Головнина, на корветѣ «Камчатка», первое кругосвѣтное путешествіе. Въ 1818 г. онъ былъ произведенъ въ лейтенанты и награжденъ, по возвращеніи въ Россію, орденомъ Анны 3-й степени за замѣчательную предусмотрительность и другія заслуги, оказанныя имъ во время этой экспедиціи. Два года спустя, іюля 1821 г., молодаго лейтенанта сдѣлали начальникомъ брига «Новая Земля» и поручили ему изслѣдовать въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ необитаемый, безплодный островъ Архангельскъ, заключающій въ себѣ 3,000 □ м. и принадлежащій къ губерніи того же имени. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, Ѳ. П. Литке открылъ наконецъ, 10-го августа, берега этого острова, но не могъ пристать къ нему, по причинѣ огромныхъ ледяныхъ глыбъ,—и былъ принужденъ такимъ образомъ прекратить свою трудную и опасную экспедицію. Возвратившись назадъ черезъ Бѣлое море, онъ прибылъ 11-го сентября въ архангельскую гавань. Главнѣйшимъ результатомъ этой первой экспедиціи было полное убѣжденіе въ томъ, что сѣверные берега Новой Земли свободны ото льда. И въ слѣдующіе за тѣмъ три года графъ Литке начальствовалъ надъ отправленной въ тѣ же страны экспедиціей, посѣтилъ берега Лапландіи, исправилъ при этомъ многія погрѣшности и невѣрности въ картахъ этихъ земель, сдѣлалъ различныя, чрезвычайно важныя открытія, и наконецъ нашелъ, что только южные берега Новой Земли недоступны. За эту экспедицію онъ былъ награжденъ 1-го февраля 1823 г. чиномъ капитанъ-лейтенанта. Въ 1828 г. вышло чрезвычайно интересное описаніе этихъ экспедицій подъ заглавіемъ: «Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ, совершенное по приказанію Императора Александра I-го на военномъ бригѣ «Новая Земля» и т. д.», которое было впослѣдствіи переведено на нѣмецкій языкъ извѣстнымъ естествоиспытателемъ Эрманомъ.

Необыкновенныя способности Ѳ. П. Литке къ подобнаго рода экспедиціямъ, вмѣстѣ съ тою опытностью, которую онъ имѣлъ случай пріобрѣсть еще во время своего перваго кругосвѣтнаго путешествія, имѣли слѣдствіемъ, что ему, не смотря на его юношескій возрастъ, было поручено начальство и надъ четвертой русской кругосвѣтной экспедиціей, которая доставила ему европейскую извѣстность.

14-го августа 1826 г. Ѳ. П. Литке выѣхалъ изъ Кронштадта на командуемомъ имъ самимъ корветѣ «Сенявинъ» (названнымъ такъ по имени Сенявина, вице-адмирала и начальника извѣстной экспедиціи въ Адріатическое море и Архипелагъ), вмѣстѣ съ капитаномъ Станюковичемъ, который долженъ былъ сопровождать его на корветѣ «Моллеръ» (получившемъ это названіе въ честь графа Моллера, сдѣлавшагося впослѣдствіи морскимъ министромъ) до Уналашки, одного изъ Лисьихъ островокъ. Станюковичъ оставилъ Литке только въ Вальпарайзо. Прежде всего Ѳ. П. Литке отправился въ Ново-Архангельскъ (на островѣ Ситхѣ), главный городъ Россійско-Американскихъ владѣній, уступленныхъ въ недавнее время Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Оттуда онъ отправился, въ 1827 г., въ Уналашку, гдѣ и пробылъ нѣсколько времени, а потомъ посѣтилъ для топографической съемки берега Камчатки, откуда онъ отправился на Каролинскіе острова (въ Великомъ океанѣ), для того чтобы произвести на Уаланѣ, самомъ восточномъ изъ этихъ островокъ, ученыя наблюденія и изслѣдованія. Послѣ этого онъ открылъ различные острова, которыхъ не было до тѣхъ поръ ни на одной картѣ: между 6° и 7° сѣверной широты и 201° и 202° западной долготы группу островокъ, названныхъ имъ «Островами Сенявина» (въ честь вице-адмирала, по имени котораго былъ названъ его корветъ), и одинъ островъ въ архипелагѣ Помоту, который онъ назвалъ «Моллеромъ», точно такъ же какъ одинъ изъ островокъ Карскаго моря носитъ его собственное имя.

Къ концу 1827 г. Ѳ. П. Литке прибылъ въ Маниллу, гдѣ къ нему присоединился опять корветъ «Моллеръ». Такъ-какъ во время его пребыванія въ Манилдѣ губернаторъ этого острова (Эшапаръ) умеръ, то, оставляя опять 30 января 1828 г. Маниллу, Литке взялъ съ собой въ Россію обоихъ его сыновей, Педро и Діего, и перваго изъ нихъ даже усыновилъ. Послѣ отсутствія, продолжавшагося три года и пять дней, Ѳ. П. Литке 16-го сентября 1828 г. опять бросилъ якорь въ Кронштадтѣ.

До какой степени интересны результаты этого кругосвѣтнаго путешествія (за совершеніе котораго онъ былъ пожалованъ 22-го сентября 1829 г. капитаномъ перваго ранга и награжденъ орденомъ Анны 2-й степени), которые были изложены въ различныхъ сочиненіяхъ, можно видѣть между прочимъ изъ письма Александра Гумбольдта. Въ этомъ письмѣ, посланномъ имъ Ѳ. П. Литке изъ Берлина, Гумбольдтъ благодаритъ его за сочиненіе: «*Voyage autour du monde... par Frédéric Lutke... Partie hist., avec un atlas litographié d'après les desseins originaux d'Alex. Postels et du Baron Kittlitz (3 tom., Paris 1835—1836)... Partie naut. (1 tome, Paris 1835)*».

Въ этомъ письмѣ, написанномъ на французскомъ языкѣ, Гумбольдтъ пишетъ слѣдующее:

«Господинъ адмиралъ!

«Если я такъ долго медлилъ принести вашему превосходительству мою горячую благодарность за то превосходное твореніе, которое вы соблаговолили прислать мнѣ и которое напоминаетъ о такомъ количествѣ тяжелыхъ и мужественныхъ трудовъ,—то это случилось только потому, что я жилъ въ ожиданіи того времени, когда я буду въ состояніи поднести вамъ оба первые тома моихъ изслѣдованій касательно исторіи географіи. Я буду счастливъ, если вамъ будетъ угодно благосклонно принять ихъ и вы не безъ интереса пробѣжите ихъ. Въ скоромъ времени я надѣюсь доставить вамъ мое сочиненіе о теченіяхъ Южнаго океана между параллельными кругами Каллао и Акапулько, вдоль прибрежныхъ мѣстъ. Въ этомъ сочиненіи я воспользовался именно тѣми превосходными и вѣрными наблюденіями, которыя заключаются въ навигаціонной части вашего великаго «Путешествія вокругъ свѣта» стр. 184—189. Вообще мнѣ было бы трудно выразить вамъ, господинъ адмиралъ, съ надлежащею живостію все то удивленіе и интересъ, съ какими я перечитывалъ, съ перомъ въ рукѣ, страница за страницею, ваши четыре книги, которыя только что появились. Я не только заимствовалъ изъ нихъ превосходныя наблюденія касательно всѣхъ частей физической географіи, но я восхищался также и прелестными описаніями обычаевъ... (слѣдующаго за этимъ въ оригиналѣ слова нельзя разобрать). Эти важные бары Уроссы, которые одни пользуются правомъ ѣсть плоды кокосовой пальмы и которые живутъ вдали отъ другихъ классовъ на отдѣльномъ островѣ, представляющемъ что-то въ родѣ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья; это неравен-

ство правъ, поддерживающееся безъ помощи оружія или палки (baton correcteur) — совершенно новыя, малоизвѣстныя явленія въ старомъ свѣтѣ. Я сильно заинтересовалъ нашего превосходнаго Государя во время моего пребыванія въ Потсдамѣ, обращая его вниманіе на все то, что ваше «Путешествіе» (живописному исполненію котораго онъ — совершенно справедливо — удивлялся) представляетъ привлекательнаго касательно жизни тѣхъ народовъ, которыхъ намъ угодно называть «варварами».

Въ 1830 г. Литке предпринялъ въ качествѣ командира фрегатовъ «Анна» и «Принцъ Оранскій», а также брига «Аякса», вмѣстѣ съ гардемаринами морскаго корпуса, поѣздку на берега Исландіи и Франціи для упражненія ихъ въ маневрахъ. Получивъ потомъ за восемнадцать полугодовыхъ морскихъ компаній орденъ Георгія 4-й степени, онъ былъ посланъ въ 1831 году въ Польшу для надзора за выгрузкой провіанта въ Данцигѣ и отправку его по Вислѣ. За выказанную имъ при этомъ ловкость и энергію, онъ получилъ орденъ Владиміра 3-й степени, а въ слѣдующемъ году былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ Императора и вскорѣ потомъ ему было довѣрено воспитаніе Великаго Князя Константина Николаевича старшаго, назначавшагося для морской службы. Въ этомъ званіи графъ Литке оставался до 1847 г., а съ 1847 и до 1852 г. исполнялъ должность ассистента Великаго Князя. Сверхъ этого онъ съ 1846 по 1850 г. былъ президентомъ общества ученыхъ въ морскомъ министерствѣ, а со времени основанія географическаго общества былъ съ 1845 по 1850 г. вице-президентомъ этого общества, которое, въ 1856 году, опять избрало его въ эту должность. Съ 1851 и до 1853 г. онъ былъ главнокомандующимъ ревельской гавани и военнымъ губернаторомъ Ревеля, съ 1853 до 1855 г. главнокомандующимъ и военнымъ губернаторомъ Кронштадта. Въ 1842 г. онъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ, въ 1845 — адмираломъ, въ 1855 — членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1867 году возведенъ въ графское достоинство. Состоя съ 1831 года въ званіи члена-корреспондента Академіи Наукъ, онъ 23 февраля 1864 года былъ сдѣланъ президентомъ этой Академіи. Его великія заслуги доставили ему всеобщее уваженіе и оцѣнены по достоинству не только у насъ въ Россіи, но и за границею, какъ со стороны различныхъ коронованныхъ особъ, такъ и со стороны ученыхъ обществъ.

Графъ Ѳ. П. Литке.

Прилагаемый портретъ чрезвычайно вѣрно передаетъ черты маститаго дѣятеля науки.

Внутреннее обозрѣніе.

Ни одно изъ промышленныхъ предпріятій нашего времени не привлекаетъ къ себѣ столько капиталовъ и дѣятелей, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ. Серьезное-ли вниманіе къ нуждамъ своего отечества, относительная-ли легкость полученія концессій, или, наконецъ, страсть къ наживательству имѣютъ здѣсь свое мѣсто—въ точности рѣшить не беремся; но фактъ этотъ не подлежитъ никакому сомнѣнію и невольно обращаетъ на себя взоры людей, смотрящихъ на дѣло не съ одной только коммерческой точки зрѣнія.

Давно-ли, кажется, было время, когда всѣ наши желѣзные пути сообщенія ограничивались двумя линіями: Царскосельской и Николаевской;—когда не было и рѣчи о возможности проведенія даже половины того количества дорогъ, какимъ мы располагаемъ въ настоящее время, а тѣмъ болѣе того, на какое разсчитываемъ въ недалекомъ будущемъ;—когда на многихъ главнѣйшихъ вѣтвяхъ не было не только желѣзной, но даже шоссейной дороги? А между тѣмъ, это преобразованіе совершилось на нашихъ глазахъ и притомъ въ самый незначительный промежутокъ времени, въ какіе-нибудь 15—16 лѣтъ! Ясно, что до необходимости проведенія новыхъ желѣзныхъ путей и улучшенія существующихъ мы уже додумались—и наше намѣреніе приводимъ въ исполненіе съ поспѣшностью, которой нельзя не позавидовать

при исполненіи и болѣе важныхъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, желѣзно-дорожныя предпріятія наши, если не вполнѣ и не всегда удовлетворяютъ требованіямъ публики и своей задачѣ, за то въ большинствѣ случаевъ приносятъ весьма видные барыши, отъ которыхъ остаются въ выигрышѣ правленія акціонерныхъ обществъ вообще, а строители дорогъ въ особенности. По официальнымъ извѣстіямъ, къ 1-му января 1871 года у насъ состояло *тридцать пять* желѣзныхъ дорогъ, съ протяженіемъ въ 9,688 верстъ; въ этомъ числѣ—двѣ правительственныя желѣзныя дороги: Московско-Курская (теперь уже переданная въ частныя руки) и дорога отъ Елисаветграда до Крюкова. По всѣмъ этимъ дорогамъ въ 1870 году провезено: пассажировъ 14.685,988 человѣкъ и грузовъ 674.150,970 пудовъ; валоваго сбора онѣ дали 78.636,438 рублей $15^{1}/_{4}$ коп. Такъ какъ о доходности дороги, и слѣдовательно о выгодности всего предпріятія, судятъ по годовому поверстному сбору, то вотъ данныя объ этомъ предметѣ за 1870 годъ. Болѣе 25 тыс. рублей на версту дала одна—Николаевская линія; болѣе 20 тыс. одна—Московско-Рязанская; болѣе 15-ти тысячъ двѣ—Царскосельская и Рязанско-Козловская; болѣе 10-ти тыс. двѣ—Московско-Нижегородская и Московско-Курская; болѣе 9 ти тысячъ — Рижско-Динабургская и Варшавско-Вѣнская; болѣе 8-ми тысячъ—Петергофская и Петербурго-Варшавская; болѣе 7-ми тысячъ—Волго-Донская и Динабурго-Витебская; болѣе 6-ти тысячъ—Орловско-Витебская и Курско-Кіевская; болѣе 5-ти тысячъ—Варшавско-Бромбергская и Грушево-Ростовская; болѣе 4-хъ тысячъ—Рижско-Митавская, Козловско-Воронежская и Варшавско-Тереспольская; болѣе 3-хъ тысячъ — Шуйско-Ивановская, Ряжско-Моршанская и Лодзинская; поверстный сборъ остальныхъ 13 дорогъ, по разнымъ причинамъ, не могъ быть высчитанъ. Изъ тѣхъ дорогъ, поверстный сборъ которыхъ извѣстенъ, сравнительно съ 1869 годомъ, большая часть дорогъ, именно 16, дали въ прошломъ году увеличеніе сбора; только по слѣдующимъ *шести* дорогамъ: Московско-Нижегородской, Рязанско-Козловской, Московско-Рязанской, Ряжско-Моршанской, Козловско-Воронежской и Шуйско-Ивановской, сборы въ 1870 году были менѣе чѣмъ въ 1869-мъ. Пассажировъ наибольшее число перевезено дорогами: Петербургско-Варшавскою—слишкомъ $1^{1}/_{2}$ миліона, Николаевскою—около $1^{1}/_{2}$ миліона; наименьшее—Волго-Донскою: около 24-хъ тысячъ.

Изъ этого перечня главнѣйшихъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, вмѣстѣ съ обозначеніемъ поверстнаго на нихъ сбора, видно: во 1-хъ, что протяженіе дороги не имѣетъ прямаго вліянія на ея доходность; во 2-хъ, что старѣйшія изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ являются и наиболѣе доходными (Николаевская, Царскосельская); въ 3-хъ, что наиболѣе доходными линіями являются, притомъ, такія, которыя соединяютъ столицы съ внутренними губерніями (Николаевская, Московско-Нижегородская, Московско-Курская); въ 4-хъ, что наименѣе доходными оказываются юго-восточныя желѣзныя дороги, на которыхъ къ тому-же замѣтно нѣкоторое уменьшеніе сбора противъ 1869 года; въ 5-хъ, что уменьшеніе это послѣдовало въ особенности на дорогахъ замосковскихъ; и въ 6-хъ, что наибольшее число пассажировъ перевезено длиннѣйшими изъ нашихъ желѣзныхъ путей (Петербурго-Варшавская и Николаевская).

Поверстный сборъ, переведенный на сутки, даетъ слѣдующія числа: Николаевская 75 рублей въ сутки съ версты, Московско-Рязанская 55 р., Царскосельская 46, Рязанско-Козловская 42, Московско-Нижегородская 40 и т. д. Такимъ образомъ на весь путь, суточный сборъ Николаевской дороги представляетъ среднимъ числомъ 45,300 рублей, Царскосельской 1,150 р., Московско-Рязанской 10,175 р., Рязанской-Козловской 8,232 р.. Петербурго-Варшавской 22,990 рублей и проч. Говоря вообще, валовой сборъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ увеличивается не только съ каждымъ годомъ, но даже съ каждымъ мѣсяцемъ. Впрочемъ, онъ не всегда показываетъ истинную доходность предпріятія: расходы по эксплуатаціи такъ различны на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, что на многихъ изъ нихъ они превышаютъ 50%; слѣдовательно, чистый доходъ желѣзной дороги находится въ обратномъ отношеніи къ расходамъ ея по эксплуатаціи, т. е. онъ бываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе тратится на эксплуатацію дороги. Вычисленіе же чистаго дохода можетъ быть лишь приблизительно вѣрно и въ основаніи своемъ должно имѣть курсовую цѣну акцій тѣхъ обществъ, въ рукахъ которыхъ находятся желѣзныя дороги. Биржевые бюллетени свидѣтельствуютъ, что акціи Главнаго Общества Рос. жел. дорогъ держатся въ цѣнѣ, благодаря бойкому дѣлу на Николаевской линіи; то-же должно сказать отчасти объ акціяхъ Царско-Сельской и Рижско-Динабургской желѣзныхъ дорогъ. Нѣкоторыя изъ вновь открывшихся линій, какъ напр. Московско Ярославская и Финляндская, не представляютъ еще данныхъ, по которымъ можно было бы составить вѣрное понятіе объ ихъ доходности. Тоже самое должно сказать и о двухъ узкоколейныхъ дорогахъ: Новгородской и Ливенской. Первая изъ нихъ открыта въ половинѣ мая, а вторая въ половинѣ апрѣля. По поводу узкоколейныхъ дорогъ въ нашей печати высказано нѣсколько соображеній, имѣющихъ, какъ намъ кажется, практическое значеніе. Главнѣйшій доводъ, приводимый обыкновенно въ защиту такого рода дорогъ, заключается въ ихъ сравнительной дешевизнѣ. На это противники возражаютъ, что узкоколейныя дороги имѣютъ уже то существенное неудобство, что ихъ вагоны не могутъ ходить по дорогѣ обыкновенной, т. е. ширококолейной; а слѣдовательно должны будутъ перегружаться, что неминуемо повлечетъ за собою лишніе расходы, лишнюю трату времени и, кромѣ того, лишній случай для порчи перевозимыхъ грузовъ. Если же эти дороги и могутъ принести нѣкоторую пользу, то ужъ никакъ не на такихъ короткихъ разстояніяхъ, какія выбраны для Ливенской и Новгородской дорогъ. Приводя эти соображенія, «Петерб. Вѣдомости» обращаютъ вниманіе нашихъ желѣзнодорожныхъ придпринимателей на удобства желѣзноконныхъ путей, которые, не требуя на свое устройство слишкомъ большихъ расходовъ, представляютъ, однако, много преимуществъ передъ паровыми желѣзными дорогами, въ особенности по отношенію къ дешевизнѣ. Намъ тоже кажется, что со временемъ желѣзноконныя дороги займутъ между нашими путями сообщенія видное мѣсто; ихъ роль — служить многочисленными побочными вѣтвями для соединенія главнѣйшихъ дорогъ между собой и для подвоза къ нимъ грузовъ съ рѣчныхъ пристаней и ярморочныхъ пунктовъ.

Кромѣ означенныхъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ уже производится движеніе, не мало еще дорогъ строющихся и, кромѣ того, на многія даны концессіи и уже производятся изысканія. Не имѣя возможности перечислить всѣхъ ихъ, мы остановимся лишь на болѣе примѣчательныхъ. Воронежско-Ростовская жел. дорога уже почти готова и предполагается къ открытію въ іюлѣ настоящаго года; Либавская откроется въ іюлѣ или августѣ; на Поти-Тифлисской откроется вскорѣ первый участокъ. Изъ *проектируемыхъ* желѣзныхъ дорогъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ Сибирско-Уральская жел. дорога. Изъ нѣсколькихъ (представленныхъ въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ) проектовъ остановились на томъ, что для этой мѣстности необходима будтобы спеціальная горнозаводская дорога: отъ Екатеринбурга до Кушвы и Добрянскаго (гр. Строганова) заводовъ, съ вѣтвію къ луньевскимъ заводамъ гг. Всеволожскихъ. Нѣкоторыя изъ земствъ Бессарабской области хлопочутъ о постройкѣ вѣтви для соединенія Кишинево-Прутской жел. дороги съ Черновицко-Львовской. Общество города Бахмута (Екатерин. губерніи) ходатайствуетъ о концессіи на вѣтвь отъ города Бахмута до Курско-Харьковско-Азовской жел. дороги. Нѣсколько соединительныхъ вѣтвей проектируются въ Царствѣ Польскомъ.

Изъ новостей по желѣзно-дорожному дѣлу можемъ сообщить слѣдующія. Возбужденный Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ вопросъ о пониженіи провозной платы по желѣзнымъ дорогамъ для рабочаго класса, благодаря со-

дѣйствію исправляющаго должность министра путей сообщенія, разрѣшенъ въ благопріятномъ для рабочихъ смыслѣ. Правленіе Волго-Донской жел. дороги согласилось уже сдѣлать пониженіе платы за провозъ для рабочихъ артелей, не менѣе 10 человѣкъ при одновременномъ проѣздѣ; правленія другихъ, именно: Курско-Азовской, Орловско-Грязской и Воронежско-Ростовской жел. дорогъ, находятъ возможнымъ учредить въ товарныхъ поѣздахъ (?) особые вагоны 4-го класса, въ которыхъ рабочіе могутъ быть перевозимы по пониженной противъ 3-го класса цѣнѣ. Въ Одессѣ, при таможней жел. дорогѣ открылось новое отдѣленіе, занятія котораго состоятъ въ наблюденіи за нагрузкою и выгрузкою товаровъ, охраненіи ихъ пути и въ разборѣ жалобъ и недоразумѣній, возникающихъ по товарному движенію. — По технической части заслуживаетъ вниманія недавно возбужденный вопросъ о замѣнѣ нынѣ дѣйствующихъ оптическихъ сигналовъ (красныхъ шаровъ и фонарей)—такъ-называемыми петардами, т. е. особенными разрывными снарядами, которые, какъ сигналъ, кладутся на рельсы и, при движеніи поѣзда, съ оглушительнымъ трескомъ разрываются. Впрочемъ, эта замѣна, если она состоится, можетъ послужить поводомъ ко многимъ несчастіямъ съ пассажирами, не привыкшими къ громовымъ сигналамъ.—Но особенно замѣчательно предпріятіе, задуманное извѣстнымъ заводчикомъ г. Путиловымъ,—именно: проведеніе желѣзной дороги отъ его заводовъ, что на петергофскомъ трактѣ у возморья, ко всѣмъ существующимъ въ Петербургѣ жел. дорогамъ. Проектируемая дорога, слѣдовательно, будетъ огибать весь городъ. Такимъ образомъ, иностранныя суда, идущія съ грузомъ въ столицу или внутрь Россіи, не будутъ уже имѣть надобности перегружаться въ Кронштадтѣ, но, входя прямо въ устроиваемый г. Путиловымъ портъ, будутъ сдавать свои грузы на его дорогу, а та уже станетъ доставлять ихъ, по назначенію, на другіе жел. пути. Нельзя не признать за этимъ предпріятіемъ и раціональности, и практичности: въ успѣхѣ же его сомнѣваться невозможно.

Политическое обозрѣніе.

Прошедшая недѣля была не особенно богата политическими событіями. Если не считать преній во французскомъ Національномъ Собраніи по двумъ второстепеннымъ вопросамъ, да вновь изданнаго манифеста графа Шамбора, какъ представителя клерикальной партіи во Франціи, — то почти не на чѣмъ будетъ остановиться. Первый изъ упомянутыхъ вопросовъ касается отсрочки платежей по коммерческимъ обязательствамъ, подлежащимъ оплатѣ въ департаментахъ Сены. Мѣру эту предполагалось ввести — во вниманіе къ бѣдственному положенію мѣстностей, наиболѣе пострадавшихъ отъ войны, которая, разоривъ владѣльцевъ, остановила всякія коммерческія дѣла и тѣмъ привела многихъ къ совершенному банкротству. Во время преній по этому вопросу, нѣкоторые изъ членовъ Національнаго Собранія предлагали распространить такую мѣру и на провинціи; но предложеніе это, оспариваемое министромъ юстиціи, принято не было. Семимѣсячная отсрочка по векселямъ, представленнымъ къ платежу не позже 12-го ноября 1870 года, возобновлена еще на 4 мѣсяца, такъ что уплата по этимъ векселямъ должна послѣдовать не раньше 13-го іюля и не позже 13 окт. настоящаго года. Второй изъ обсуждавшихся вопросовъ вызвалъ самыя бурныя пренія въ собраніи. Рѣчь шла о залогахъ для періодическихъ изданій. Правительство предлагаетъ ввести эту мѣру для того, чтобы обуздать печать и привести ее къ умѣренности въ мнѣніяхъ и сдержанности въ выраженіяхъ. Надо знать, что мѣра эта, имѣвшая большое значеніе при бонапартистскомъ управленіи, была отмѣнена правительствомъ народной обороны въ сентябрѣ прошлаго года, а теперь вновь вводится. Не мудрено, что въ Національномъ собраніи, чуть не на половину состоящемъ изъ прогрессистовъ, предложеніе это встрѣтило сильнѣйшую оппозицію. Высказано было, что залогъ съ періодическихъ изданій отзывается главнымъ образомъ на бѣднякахъ, которые не въ состояніи внести его; что назначеніемъ его дается монополія людямъ состоятельнымъ, тогда какъ они далеко не всегда являются элементомъ консервативнымъ; что штрафы обыкновенно не достигаютъ цѣли; что если залогъ есть гарантія штрафа, то почему-же въ такомъ случаѣ не требуютъ его при другихъ преступленіяхъ? что газета, внесшая залогъ, можетъ проводить такія же вредныя идеи какъ и не внесшая его; что залоги съ газетъ какъ признано опытомъ еще во времена имперіи, никого и ничего не предупреждаютъ и служать вознагражденіемъ не частнымъ лицамъ въ случаѣ ихъ диффамаціи, а только государству; что они подрываютъ достоинство печати и вводятъ систему подставныхъ передъ карающимъ закономъ и проч. и проч. Защитники закона о залогахъ, и въ томъ числѣ докладчикъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Ламбрехтъ, настаивали на возстановленіи этой мѣры, потому что она обезпечиваетъ для суда штрафы и гражданскіе иски съ издателей и авторовъ,—что она гуманнѣе другой мѣры: тюремнаго заключенія, которому долженъ былъ бы подвергнуться писатель,—что, наконецъ, она вовсе не такъ обременительна, особенно въ виду предполагаемаго уменьшенія ея до 7,500 фр. съ каждаго изданія, и т. д. На обсужденіе этого вопроса употреблено нѣсколько засѣданій; въ засѣданіи 6-го іюля онъ былъ пущенъ на голоса и принятъ большинствомъ 317 противъ 199.

Манифестъ графа Шамбора, о которомъ упомянуто выше, появился въ клерикальной газетѣ «Union». Въ немъ высказывается худоскрываемое неудовольствіе по поводу послѣднихъ выборовъ и намѣреніе выступить впередъ когда позволятъ обстоятельства. Вообще, впечатлѣніе отъ этого манифеста было самое непріятное для французовъ. Не то чтобы явилось опасеніе за спокойствіе страны, въ которой всѣ партіи начинаютъ уже приходить къ соглашенію,—или чтобы придавалось серьезное значеніе попыткамъ возстановленія во Франціи клерикальнаго господства; но всѣмъ и каждому непріятно было это отчужденіе, этотъ одинокій голосъ, чуждый разумныхъ интересовъ французскаго народа.

Нельзя не упомянуть также о циркулярѣ военнаго министра во Франціи къ главнокомандующему версальской арміей и къ генераламъ, командующимъ отдѣльными частями. Изъ этого интереснаго документа узнаемъ, что со времени вступленія въ министерство генерала Сиссэ (военный министръ), къ нему безпрестанно поступаютъ прошенія о представленіи къ наградамъ офицеровъ французской арміи. Требуютъ награды нетолько тѣ которые оставались во Франціи и сражались съ непріятелемъ, но и тѣ которые были въ плѣну у нѣмцевъ. Многочисленность просьбъ о наградахъ привела военнаго министра къ необходимости оставлять безъ вниманія большинство ихъ и къ напоминанію, что представленіе офицеровъ къ наградамъ и указаніе на ихъ заслуги, если онѣ были упущены изъ виду, принадлежитъ ихъ непосредственному начальству, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не имъ самимъ. Циркуляръ свой министръ заключаетъ надеждой на патріотизмъ и личныя жертвы офицеровъ французской арміи, которыя зачтутся ей «какъ новое доказательство ея дисциплины и самоотверженія».

Французскія провинціальныя и столичныя газеты разсказываютъ о нѣсколькихъ случаяхъ столкновенія между нѣмецкими солдатами и обывателями тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся еще нѣмецкія войска. Вслѣдствіе этого, нѣмецкими генералами изданы постановленія, имѣющія смыслъ правилъ при осадномъ положеніи. Безпорядки такого рода были въ городахъ: Амьенѣ, Нанси, Сенъ-Кантенѣ и другихъ.

Недовольство противъ побѣдителей существуетъ и въ завоеванныхъ провинціяхъ. По извѣстіямъ *нѣмецкихъ* газетъ, положеніе дѣлъ въ Эльзасѣ не особенно утѣшительно. Населеніе настроено враждебно. Несмотря на обѣщаніе императорскаго правительства вознаградить жителей за всѣ убытки, причиненные войной, — эльзасцы не выказываютъ за это ни малѣйшей признательности. Преобразованія, вводимыя въ завоеванныхъ провинціяхъ, идутъ довольно медленно, вслѣдствіе того что военное начальство до сихъ поръ не можетъ поручиться за спокойствіе страны. А потому, въ Берлинѣ начинаютъ поговаривать о продленіи диктатуры за 1872 годъ.... Въ незавидномъ положеніи и Германія. Рѣзче всего послѣдствія войны выказываются въ промышленности страны, которая сильно потерпѣла отъ недостатка рабочихъ рукъ и потребителей. Война не только оторвала руки отъ работы, но и разрушила тысячи рабочихъ заведеній. «Тысячи народа изъ ландвера и резерва возвращаются на родину, увѣнчанные лаврами побѣды, а дома ихъ разорены, жены въ нуждѣ, дѣти въ запущеніи, мастерскія разрушены, давальцы разошлись, кредитъ потерянъ, спросъ на поставку товара уменьшился, долги накопились въ теченіе года». Одна изъ нѣмецкихъ газетъ доказываетъ, что уплата Франціею контрибуціи не покроетъ частныхъ потерь, понесенныхъ Германіей. Большая часть денегъ, — говоритъ она, — пойдетъ на покупку новыхъ военныхъ запасовъ и на усовершенствованіе оружія, а также на приготовленія разнаго рода къ военнымъ дѣйствіямъ. Промышленность же страны ничего не выиграетъ. Какъ видимъ, побѣда Германіи не безъ горькой примѣси.

Въ англійскихъ Палатахъ на дняхъ обсуждался проектъ министерства о преобразованіи арміи. Извѣстно, что эта великая держава, въ организаціи военныхъ силъ, придерживается совсѣмъ иного порядка чѣмъ какая-бы-то ни было изъ европейскихъ державъ: англійское войско пополняется не посредствомъ набора, какъ напр. у насъ въ Россіи, и не такъ какъ въ Пруссіи, а вербовкой молодыхъ людей отъ 17 до 25 ти-лѣтняго возраста; офицерскія же мѣста, начиная съ полковника и до самыхъ младшихъ, могутъ пріобрѣтаться покупкой, впрочемъ за весьма высокія цѣны. Теперешнее министерство внесло въ Палаты проектъ закона о прекращеніи продажи военныхъ чиновъ. Проектъ этотъ принятъ Палатою Общинъ, хотя весьма незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Изъ преній по этому вопросу выяснилось, что правительство Великобританіи намѣрено организовать постоянную армію. При этомъ замѣчательно, что оппозиція была противъ либеральнаго проекта Гладстона о прекращеніи продажи военныхъ чиновъ, а правая сторона— поддерживала министерство. Во всякомъ случаѣ—вопросъ объ организаціи въ Англіи постоянной арміи представляетъ своего рода «знаменіе времени».....

Промышленное извѣстіе.

Спѣшимъ подѣлиться новинкою съ тѣми изъ нашихъ читателей, которыхъ интересуетъ кустарная и вообще мелкая промышленость, находящаяся, какъ извѣстно, далеко не въ цвѣтущемъ состояніи при громадномъ развитіи большихъ фабрикъ и заводовъ въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ-предпринимателей. Многіе и давно уже сознавали всю невыгодность и тягость условій, въ которыя поставленъ мелкій промышленникъ, но немногимъ удавалось даже додумываться до такого практическаго средства помощи, какое нынѣ осуществляется на дѣлѣ въ слѣдующемъ изобрѣтеніи.

Фабрика машинъ М. Вебера, въ Берлинѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ поставляла себѣ главною задачею: улучшая и удешевляя производство такъ-называемыхъ *переносныхъ паровыхъ машинъ* (semi portable engines, по весьма меткому выраженію англійскихъ инженеровъ), доставить мелкой промышленности, которая до послѣдняго времени принуждена была ограничиваться употребленіемъ живыхъ двигателей, возможность пользоваться выгодами пара, доступными до тѣхъ поръ лишь большимъ заведеніямъ. Эта цѣль нынѣ достигнута въ обширнѣйшемъ смыслѣ, — и фабрика М. Вебера нашла не только въ Германіи, но и заграницей, даже по ту сторону океана значительный сбытъ своимъ произведеніямъ, какъ это видно изъ того факта, что на слѣдующей недѣли отправляется 500 переносныхъ паровыхъ машинъ въ Пернамбуко.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 9 Іюля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркс. въ С.П-б. Б. Морск. Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 19 іюля 1871 года.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Лунная ночь.

(*Продолженіе*).

«Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги, Владиміръ быстро всталъ и подошелъ къ окошку; Ольга, больше мертвая чѣмъ живая, прислонилась къ письменному столу. Ея мужъ вошелъ, взглянулъ на нихъ проницательнымъ взоромъ и объявилъ, что рождественскій столъ готовъ. Онъ ничего не сказалъ, но въ продолженіи всего вечера былъ неразговорчивъ и какъ будто бы грустенъ, тогда какъ Ольга глотала стаканъ за стаканомъ и весело рѣзвилась съ дѣтьми. Наконецъ она освѣтила ясли и позвала прислугу. Вмѣстѣ съ прислугою пришли славить Христа двое пѣвцовъ: старый, почтенный человѣкъ съ бѣлой бородой и молодой парень съ живыми глазами; они начали пѣть наши старинныя чудныя рождественскія пѣсни, то полныя скорбнаго отреченія, то игриво-замысловатыя или же сумасбродно-веселыя, какъ характеръ нашего народа. Всѣ присутствующіе стали подпѣвать имъ».

«И въ то время какъ они пѣли о томъ, кто лежалъ въ бѣдныхъ ясляхъ и кого съ благоговѣніемъ привѣтствовали пастухи, потому-что Онъ пришолъ избавить насъ отъ грѣха и смерти,—у Ольги показались на глазахъ слезы, ея голосъ перервался, она съ покорностью сложила руки и взглянула на того, кому отдала душу».

«Проснувшись на слѣдующее утро, Ольга замѣтила, что все вокругъ нея какъ будто бы перемѣнилось. Полоска солнечнаго свѣта, лежавшая на полу, возбудила въ ней дѣтскую радость; снѣгъ, покрывавшій садъ и поля, сверкалъ такъ весело; вороны, скакавшія вокругъ замерзшихъ бѣлыхъ глыбъ, казались такими блестящими, какъ будто бы только-что искупались, а ея собственное сердце было полно какой-то сладкой тревоги».

«На второй день праздника Михаилъ отправился къ сосѣднему помѣщику, малороссу, у котораго былъ званый обѣдъ. Владиміръ зналъ это».

«Послѣ обѣда — уже начинало темнѣть — Ольга услышала звуки колокольчиковъ, привязанныхъ къ его лошадямъ».

«Она побѣжала къ нему на встрѣчу, но вдругъ остановилась—и стыдливо потупивъ глаза, подала ему руку. Владиміръ дружески пожалъ ее и повелъ любимую, трепещущую женщину къ маленькому коричневому дивану, гдѣ онъ прижалъ ее къ своему сердцу. Отъ всего ея существа, отъ ея позы вѣяло почти дѣвической чистотою, когда она робко и нѣжно положила голову ему на плечо; въ эту минуту она ни о чемъ не думала, ни о себѣ, ни даже объ немъ,—она прильнула къ его груди и была счастлива».

«Ждали ли вы меня?» началъ съ робостію Владиміръ».

«Она слегка кивнула головою, не измѣняя положенія, потомъ вдругъ взяла его руку и обвила ею свою шею».

«Вы конечно думаете о томъ, зачѣмъ я пріѣхалъ?» продолжалъ онъ».

«Что тутъ думать?» наивно сказала она. «Я люблю васъ и ни о чемъ не думаю».

«Ваша совѣсть не говоритъ вамъ, что намъ слѣдуетъ опредѣлить наше положеніе?» глухо спросилъ онъ».

«Вы вѣдь знаете, что у меня нѣтъ совѣсти», возразила она, и рѣзвая улыбка, заигравшая на ея губахъ, распространилась по всему лицу».

«Моя голова опять охладѣла», важно продолжалъ Владиміръ, «я честно взвѣсилъ наше положеніе. Теперь все зависитъ отъ васъ. Я пріѣхалъ для того чтобъ мы высказались, чтобъ мы разъяснили наше будущее».

«Что это?» возразила она. «Я люблю васъ выше всего, я ничего больше не хочу знать».

«Ольга!» вскричалъ онъ почти съ испугомъ».

«Ну?» она выпрямилась. «Не хотите ли вы мнѣ сказать, что съ вашей стороны это было минутное увлеченіе и что вы обманулись, что вы не любите меня?»

«Я такъ люблю васъ... вы не знаете, какъ я люблю васъ, вы не можете этого знать», говорилъ онъ съ трогательнымъ чистосердечіемъ. «Вы должны узнать правду. Такъ вы не можете быть счастливы. Должна ли эта любовь, которая возвышаетъ насъ надъ самими нами, низвергнуть васъ въ ту грязь, въ которой мнѣ такъ больно было васъ видѣть? До сихъ поръ вы не были счастливы, но вы были честны и вѣрны своему долгу,—и я долженъ быть тѣмъ человѣкомъ, который станетъ учить васъ грѣшить, лицемѣрить, обманывать! И будетъ ли у васъ покойно сердце, если вамъ придется показывать два лица: одно мужу, другое возлюбленному, и вы сами наконецъ не будете знать, которое изъ нихъ лжетъ? Я не хочу этого. Я не хочу чтобъ вы унизились, я хочу очистить ваше сердце, я хочу поднять его изъ мишуры тщеславія, я хочу спасти васъ, а не погубить. Ольга! милая, милая Ольга! а потомъ— вѣрьте мнѣ — я не способенъ къ тому, что такъ легко дѣлаютъ другіе. О! зачѣмъ не могу я сказать тебѣ: *будь моей женою!* У насъ бракъ таинство—и мнѣ кажется въ высшей степени жалкимъ воровать за спиною у мужа его жену, и къ тому же еще у твоего мужа. Я люблю и уважаю его. А потомъ — я не могу дѣлиться тобою. Я могу отказаться; но называть тебя своей—и знать, что любимая мною женщина въ объятіяхъ другаго, этого я не могу».

«Ольга слушала его съ широко-открытыми глазами. «Когда такъ, чего же ты хочешь? Я не понимаю тебя; вѣдь это мой мужъ, онъ имѣетъ на меня священное право»...

«Если это право священно», строго возразилъ Владиміръ, «въ такомъ случаѣ мы не станемъ нарушать его,—я навѣрное».

«Владиміръ!»

«Его имя вырвалось у ней изъ груди почти съ болью, она повисла ему на шею. «Что мнѣ дѣлать? Говори! Вѣдь я хочу всего, чего только хочешь ты».

«Я хочу только, чтобъ мы были честны, Ольга», возразилъ онъ, «и честно поступали. Любишь ли ты меня?»

«Ольга страстно прижала свои влажныя, горячія губы къ его. «Теперь только знаю я, что это такое, когда любятъ», прошептала она, «я не могу уже быть безъ тебя, безъ твоихъ глазъ, безъ твоего голоса; цѣлуй же меня».

«Не такъ», сказалъ онъ тихо освобождаясь отъ нея, «я прежде всего хочу отъ тебя правды». Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ».

«Если твоя жизнь зависитъ отъ моей», продолжалъ онъ, «какъ моя отъ твоей, въ такомъ случаѣ разлучись съ своимъ мужемъ открыто, честно, передъ лицомъ всего свѣта».

«Ольга вздрогнула. «Этого я не могу», пробормотала она, «о, мои бѣдныя дѣти! А Михаилъ — какъ онъ любитъ меня — и что сказалъ бы объ этомъ свѣтъ? уже самая моя честь приказываетъ»...

«Владиміръ подошелъ къ ней и нѣжно обнялъ ее».

«Я не принуждаю», сказалъ онъ кротко, «я не требую, чтобъ ты слѣдовала за мною, но въ такомъ случаѣ ты должна повиноваться своему долгу, подавить чувство ко мнѣ»...

«Владиміръ!» воскликнула, оцѣпенѣвъ и поблѣднѣвъ отъ испуга, Ольга, «ты хочешь оставить меня!»

«Она повергласъ къ его ногамъ—и прижимаясь головою къ его колѣнямъ, вскричала въ отчаяніи и обливаясь слезами».

«Не оставляй меня! Ради Бога не оставляй меня! Я безъ тебя погибну, умру — я не оставлю тебя!»

«Владиміръ пытался обнять ее, она только крѣпче обнимала его и плакала у его ногъ».

«Я буду любить тебя всегда», говорилъ онъ съ выраженіемъ грусти, «одну тебя и никакую другую женщину; я буду приходить къ тебѣ каждый день. Я познакомлю тебя съ поэтами, съ исторіей прошлыхъ вѣковъ, съ цвѣтами, животными, звѣздами; я буду любить твоихъ дѣтей и твоего мужа». Онъ привлекъ ее къ себѣ и нѣжно поцѣловалъ въ макушку».

«Если ты предоставишь меня ему, это будетъ значить, что ты не любишь меня», бормотала Ольга».

«Но не предоставлю ли я тебя ему, если ты будешь моей возлюбленной и останешься его женой?» сказалъ съ горечью Владиміръ».

«Ольга молчала».

«Мы должны отказаться», началъ онъ опять».

«Я не могу».

«Ты должна принудить себя къ этому; я не допущу тебя до паденія», тихо сказалъ онъ, «ты знаешь теперь, отъ чего ты *можешь* отказаться, отъ чего *нѣтъ*».

«Я знаю только то, что я хочу, чтобъ ты былъ весь мой».

«Опомнись», строго сказалъ онъ, «я долженъ ѣхать».

«Владиміръ!»

«Я долженъ. Я даю тебѣ время, испытай себя, рѣшись и напиши мнѣ; у тебя будетъ легче на душѣ. Тогда я стану приходить опять, какъ бывало до сихъ поръ, съ спокойствіемъ въ душѣ, съ чувствомъ дружбы, безъ злобы и — безъ надежды».

«Онъ протянулъ ей руку».

«Ты уходишь и не цѣлуешь меня?» вскричала Ольга, обвивая его руками, и такъ крѣпко впилась ему въ губы, что когда она выпустила его, на нихъ выступила кровь. «Ступай теперь», рѣзко сказала она, прикрѣпляя свои косы. «Ступай! — о! — ты не можешь идти — ты совсѣмъ ослабѣлъ!»

«Дѣйствительно», пролепеталъ Владиміръ. Его руки обвились вокругъ нея, на глазахъ выступили слезы. «Вотъ поэтому-то я и уйду». Онъ выпустилъ ее изъ рукъ и быстро вышелъ».

«Въ саняхъ онъ еще разъ обернулся назадъ. Она стояла на крыльцѣ и махала ему платкомъ».

«Тщетно ждала его Ольга въ слѣдующіе дни. Наступилъ канунъ Новаго года—тутъ уже онъ не могъ не пріѣхать; но онъ не пріѣхалъ. Въ день Новаго года онъ прислалъ свою карточку».

«Ольга заперлась въ свою комнату и стала строить планы, но не пришла ни къ какому рѣшенію. Всѣ мелочи жизни, сомнѣніе, огорченія обрушились на ея сердце».

«Тщетно она спрашиваетъ себя, чего она хочетъ; она перестаетъ наконецъ думать, ее несетъ волна, передъ нею нѣтъ уже ничего кромѣ великаго, мерцающаго счастья».

«На слѣдующее утро она, не надѣвая чулокъ, въ однихъ только туфляхъ, спѣшитъ къ письменному столу. Она не знаетъ, что̀ она пишетъ; она знаетъ только, что онъ долженъ придти; она томится лихорадкой ожиданія. Казакъ долженъ сію же минуту осѣдлать лошадь и ѣхать, но онъ возвращается безъ отвѣта, а Владиміръ не приходитъ».

«Онъ сидитъ у окна своей рабочей комнаты, въ своемъ полинялом креслѣ, изъ котораго вездѣ вылѣзла пакля; передъ нимъ печальный, безмолвный зимній ландшафтъ. Владиміръ читаетъ книгу, которую онъ называетъ своей библіей, которая утѣшаетъ и освѣжаетъ его, «*Фауста*» *Гете*. Нѣтъ ни одной книги на его языкѣ, которую бы онъ такъ любилъ какъ эту».

«Тебѣ извѣстно лишь одно стремленье,
«Не узнавай же никогда другаго!
«Ахъ, двѣ души живутъ теперь во мнѣ».

«Теперь только понимаетъ онъ послѣдній стихъ; уже смеркается, онъ откидываетъ назадъ голову, закрываетъ глаза—и этотъ стихъ звучитъ у него въ душѣ».

«Легкій шумъ. Что-то крадется почти неслышными шагами. Это вѣрно кошка, онъ остается въ томъ же положеніи».

«Теперь полуподавленный мелодическій смѣхъ — и прямо надъ нимъ. Пораженный изумленіемъ, онъ оборачивается; Ольга стоитъ уже передъ нимъ, и сбросивъ съ себя тяжелую шубу, кидаетъ ее на него».

«Прежде чѣмъ онъ отъ нея освободился, Ольга сѣла уже къ нему на колѣни, обвила его своими руками и покрыла поцѣлуями».

«Боже мой! Что вы дѣлаете? Какой вы подвергаетесь опасности?» вскричалъ съ ужасомъ Владиміръ. «Встаньте, ступайте отсюда сію минуту!»

«Я не тронусь съ мѣста», бормотала Ольга, «я ничего не боюсь, я съ тобою». И она еще крѣпче обняла его и положила голову къ нему на колѣни».

«Ольга, милая Ольга, я изнемогаю отъ страха за тебя; умоляю тебя, оставь меня!» говорилъ Владиміръ».

«Ты оставилъ меня», возразила она, «я не покину тебя. Я останусь до вечера и буду приходить каждый день».

«Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ!» вскричалъ онъ».

«Я вѣдь пришла же», сказала Ольга рѣшительно».

«Онъ долго смотрѣлъ на нее, какъ будто бы желая узнать ее. Онъ уже не понималъ ее; та-ли это робкая, стыдливая, нерѣшительная женщина?»

«У него загорѣлась голова».

«Если ты рѣшила мою судьбу», говорилъ онъ съ волненіемъ, «то говори».

«Ольга не шевельнулась».

«Говори, прошу тебя, говори!»

«Она чувствовала, какъ дрожали его колѣна».

«Я не могу выбирать между тобою и моими дѣтьми», возразила она, не осмѣливаясь взглянуть на него. «Не мучь меня; дай мнѣ то, что̀ я даю тебѣ: *любовь*,— и не спрашивай ни о чемъ больше».

«Я дѣлаю это для тебя же. Ольга, милая, дорогая Ольга, отвѣчай мнѣ!» молилъ съ тоскою Владиміръ».

«Я не хочу отвѣчать», сказала она».

«Дѣло идетъ о тебѣ, о твоемъ счастьи, твоей совѣсти, о спокойствіи твоей души», продолжала она».

«О тебѣ идетъ дѣло, а не обо мнѣ», вскричала она воспламеняясь, «о твоемъ самолюбіи, объ этомъ чучелѣ которое ты зовешь своею честью, о твоихъ безцѣнныхъ правилахъ! Ты не можешь принести жертвы тамъ, гдѣ я отдаю все».

«Владиміръ вскочилъ; соболья шуба Ольги упала съ него на землю. И она тоже встала, облокотилась на высокую спинку кресла—и смотрѣла, какъ дорогой ей человѣкъ въ тяжелой, несказанной мукѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

«Я пришла затѣмъ, чтобъ доказать тебѣ, что ради тебя я все могу поставить на карту», продолжала она съ энергическимъ повышеніемъ голоса, «все что только мое, мою честь, моихъ дѣтей, моего мужа. Теперь оттолкни меня отъ себя, сдѣлай это».

«Я не хочу этого», пролепеталъ Владиміръ».

«Такъ чего же ты хочешь?» спросила Ольга, приближаясь къ нему. «Вѣдь я хочу быть твоей, твоей женой».

«Развѣ ты не жена другаго?» сказалъ холодно и рѣзко Владиміръ, и въ глазахъ его сверкнула та дьявольская, нечеловѣческая насмѣшка, отъ которой Ольга трепетала всегда до глубины сердца».

«На этотъ разъ она презрительно, съ полуопущенными глазами, выдержала его взоръ, а потомъ равнодушно сказала: «подай мнѣ мою шубу, я хочу ѣхать».

«Владиміръ молча одѣлъ соболемъ ея плечи».

«Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери и остановилась».

«Въ эту минуту ею опять съ непонятною силою овладѣло что-то похожее на ненависть къ нему, — къ нему, который такъ твердо, такъ свободно стоялъ передъ нею».

(Окончаніе будетъ).

Похороны въ лѣсу.

(Изъ Брема).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я жилъ въ загородномъ домѣ, который былъ окруженъ садомъ, точно такъ же какъ и всѣ дома на этой улицѣ. Мои предшественники насадили въ этомъ саду разныхъ кустарниковъ,—и тутъ-то, какъ это случается вообще въ садахъ, образовались пріюты для нѣкоторыхъ изъ нашихъ лучшихъ пѣвчихъ птицъ, которыя, само-собою разумѣется, не замедлили завладѣть ими. Онѣ услаждали мнѣ ранніе утренніе часы, единственное время, которое я могъ посвятить тогда моимъ авторскимъ занятіямъ. *Лѣсная*

и садовая горихвостка, *монахъ и травникъ*, *садовая завирушка*, *пѣночка* и *соловей* были самыми видными членами пернатаго общества, жившаго на довольно красивомъ клочкѣ земли; въ особенности же послѣдній изъ нихъ приносилъ мнѣ много радости, потому-что принадлежалъ къ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ пѣвцовъ, какихъ я когда-либо слышалъ.

Я не изъ числа тѣхъ писателей, которые желали бы удержать истиннаго любителя отъ ловли птицъ и заточенія ихъ въ клѣтки, гдѣ ихъ ожидаетъ «жестокая участь плѣнниковъ»; я, напротивъ того, отъявленный защитникъ всѣхъ тѣхъ, которые, подобно мнѣ, не могутъ жить въ комнатѣ безъ пѣвчей птицы или, по крайней мѣрѣ, не хотѣли бы жить безъ нея. Смѣшны кажутся мнѣ такъ называемые «защитники пѣвчихъ птицъ», потому-что (несмотря на всѣ ихъ притязанія на мудрость) они почти всегда соединяютъ въ себѣ положительное непониманіе или хоть только незнаніе съ поверхностной сентиментальностью, и могутъ увлечь своими пошло-сладкими фразами развѣ человѣка несвѣдущаго, но не опытнаго любителя, который хотя и лишилъ свободы нѣсколькихъ птицъ, но проповѣди котораго о «защитѣ птицъ» гораздо дѣйствительнѣе ихъ собственныхъ. Не любители, требующіе для удовлетворенія своей страсти не болѣе сотой части свободно-живущихъ птицъ, опустошаютъ наши лѣса,—а способъ пользованія ими, лишающій пѣвчихъ птицъ ихъ жилища; еще вреднѣе въ этомъ отношеніи пернатые хищники, изъ которыхъ каждый похищаетъ пѣвчихъ птицъ болѣе, чѣмъ двадцать любителей, вмѣстѣ взятыхъ. И это вовсе не покушеніе на «вѣчныя права природы» со стороны любителя, если онъ позволяетъ себѣ поймать какую нибудь птицу; напротивъ того, порабощая себѣ «свободно-рожденныхъ птицъ», онъ пользуется правомъ сильнаго относительно животнаго царства и дѣлаетъ то самое, что́ ставилось въ заслугу нашимъ приручателямъ животныхъ. Тѣмъ не менѣе я стою на сторонѣ тѣхъ, кто требуетъ защиты птицъ посредствомъ законоположенія и строжайшаго надзора за всевозможными парками, рощицами, публичными садами, и т. п., потому-что любитель не имѣетъ права доставлять себѣ наслажденіе въ ущербъ другимъ и можетъ ловить себѣ птицъ тамъ, гдѣ ихъ больше и гдѣ эта потеря скорѣе вознаграждается: въ большомъ лѣсу.

Извините меня за это отступленіе: я не могъ удержаться отъ того, чтобъ не высказать здѣсь своего взгляда, потому что въ настоящее время непризванные защитники птицъ (и «знаменитости» и не знаменитости) больше чѣмъ когда-либо силятся заподозрить *благородную* страсть къ птицамъ и наводняютъ всѣ періодическія изданія своими статьями, которыя они такъ-сказать фабрикуютъ на скорую руку. Я имѣю право защищать эту страсть, потому-что говорю не такъ какъ говоритъ о цвѣтахъ слѣпой, и, независимо отъ *Глогера*, заявилъ свою просьбу о защитѣ птицъ гораздо раньше и съ гораздо болѣе ясными доказательствами, чѣмъ мои послѣдователи и подражатели, которымъ я обязанъ многими поправками.

Я поступилъ совершенно въ духѣ истиннаго любителя и хозяина птицъ, когда сталъ просить своихъ сосѣдей о покровительствѣ для пернатыхъ пѣвцовъ нашего сельскаго уголка. И я достигъ цѣли; сосѣди поддержали меня по мѣрѣ силъ своихъ; одинъ устроилъ густую изгородь, другой ящики для вывода птенцовъ, а третій не жалѣлъ пороху и свинца для устраненія назойливыхъ кошекъ. Въ скоромъ времени намъ стали извѣстны всѣ гнѣзда нашихъ маленькихъ любимцевъ, и мы съ величайшимъ интересомъ слѣдили за яицами, старыми и молодыми птицами.

Зима увела отъ насъ нашихъ пернатыхъ друзей, весна опять возвратила ихъ намъ. Это были тѣ самые, которые покинули насъ. Они въ первую же минуту своего прибытія выказали полнѣйшее знакомство съ мѣстностью—это бросалось въ глаза.

Между тысячами пѣвчихъ птицъ я сразу узналъ нашего соловья. Онъ пѣлъ такъ, какъ не пѣлъ никто во всей окрестности; онъ принадлежалъ къ тѣмъ мастерамъ, которые должны привлекать къ себѣ цѣлое племя болѣе или менѣе разнородныхъ учениковъ и послѣдователей. Его ликующій голосъ возвышался надъ всѣми другими голосами; онъ пѣлъ съ такимъ огнемъ, тянулъ такъ долго, какъ могутъ пѣть и тянуть только немногіе изъ его породы. Кустарникъ былъ его любимымъ мѣстопребываніемъ—и тутъ-то, повидимому, онъ долженъ былъ свить себѣ гнѣздо. Случилось иначе.

Однажды утромъ, въ маѣ мѣсяцѣ, сосѣдка, жившая въ одномъ со мною домѣ, принесла мнѣ съ влажными глазами нашего соловья — безжизненнаго, но еще теплаго. Онъ пѣлъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ съ такимъ самозабвеніемъ, съ такимъ огнемъ, какихъ никогда еще въ немъ не было,—онъ ликовалъ. Теперь онъ былъ мертвъ; на его трупѣ уже можно было замѣтить начало оцѣпенѣнія. Я разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ: въ немъ не было никакого поврежденія; ни одно перышко не тронулось съ мѣста, полость рта была суха, не окровавлена. Смерть вырвала его вдругъ, неожиданно; его послѣднее дыханіе было звукомъ. Когда я сталъ потомъ анатомировать его, моя догадка обратилась въ достовѣрность: онъ скончался отъ удара. Наблюдатели, передающіе намъ подобные случаи, были оправданы въ моихъ глазахъ.

Зачѣмъ скрывать? Эта потеря сильно огорчила меня. У меня было на душѣ такъ тяжело, какъ будто бы умеръ человѣкъ. Вмѣстѣ съ этимъ меня занимали другія мысли, которыя я готовъ назвать страстью къ изслѣдованіямъ. Передо мною былъ примѣръ «естественной» смерти птицы; я почти присутствовалъ при этомъ въ качествѣ наблюдателя. Хотя я видѣлъ смерть нѣсколькихъ птицъ, которыхъ держали въ клѣткахъ, но изъ свободно живущихъ птицъ на моихъ глазахъ умерли очень немногія—и то только во времена крайнихъ бѣдствій.

Это чрезвычайно замѣчательный и не легко объясняемый фактъ. Оставляя въ сторонѣ случаи всеобщаго бѣдственнаго состоянія, птичьи трупы встрѣчаются рѣдко,—по крайней мѣрѣ такіе, о которыхъ можно бы было сказать положительно, что птица умерла «естественною смертью».

Другое дѣло, если нашихъ перелетныхъ птицъ застанетъ врасплохъ зима. Они не могутъ такъ легко рѣшиться на обратный путь (какъ тѣ породы, которыя сперва прибываютъ къ намъ и нерѣдко оставляютъ опять, на долгое время, уже занятыя ими жилища), но медлятъ, выжидаютъ, упорно ищутъ себѣ пищи въ окрестностяхъ, хотя и не находятъ ничего, все еще надѣются, слабѣютъ, изнемогаютъ и гибнутъ.

Мнѣ памятно одно изъ такихъ переходныхъ временъ, длившееся отъ 7 до 17 апрѣля, котораго я былъ свидѣтелемъ еще въ дѣтствѣ. Большая часть нашихъ перелетныхъ птицъ уже прибыла; нѣкоторыя изъ нихъ

Похороны въ лѣсу.

уже собирались садиться на яица. Тутъ вѣтеръ перемѣнился и вмѣсто весеннихъ дождей нанесъ глубокій зимній снѣгъ. Холодъ и голодъ страшно свирѣпствовали между бѣдными птицами. Ихъ трупы лежали цѣлыми дюжинами на проложенныхъ дорогахъ, гдѣ онѣ искали спасенія; сколько же ихъ погибло въ кустахъ и лѣсу—объ этомъ нельзя было составить себѣ полнаго понятія и узнали это только въ слѣдующемъ году.

Изо дня въ день отецъ выходилъ изъ дому съ нами, мальчиками, и приказывалъ намъ сметать близъ кустовъ снѣгъ, а потомъ сыпалъ на эти мѣста мучныхъ червяковъ, муравьиныхъ яицъ, хлѣбныхъ крошекъ, молотой конопли и всевозможныхъ сѣмянъ; изо дня въ день возобновлялъ онъ свои сожалѣнія о бѣдныхъ крошкахъ, которыя продолжали гибнуть цѣлыми массами. Наконецъ бѣда миновалась. Благодаря примѣру отца, старательно охраняемые или по крайней мѣрѣ не опустошаемые мальчишками, лѣса наполнились мало по малу пернатыми обитателями и ихъ пѣснями—но не прежде какъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Подобныя бѣдствія могутъ случаться вездѣ, какъ на сушѣ, такъ и на водѣ, не исключая и моря. Такъ наприм. одинъ галиційскій естествоиспытатель разсказываетъ о пигалицахъ, погибшихъ вслѣдствіе подобныхъ же обстоятельствъ. Я нашелъ въ пальмовомъ лѣсу, въ Аравіи, сотни труповъ нашихъ грачей, которые погибли тамъ конечно не отъ людей,—потомъ въ Менсальскомъ озерѣ (въ Египтѣ), которое въ зимнее время бываетъ переполнено крылатыми переселенцами, дюжины погибшихъ утокъ,—а на лапландскихъ птичьихъ горахъ, гдѣ собираются милліоны плавающихъ птицъ, множество чистиковъ (alca), пыжиковъ (uria) и чаекъ; Фаберъ видѣлъ на берегахъ Исландіи цѣлыя кучи мертвыхъ глупышей и былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ, какъ морскія птицы, предчувствуя приближеніе смерти, стремились къ тому мѣсту, гдѣ висѣли ихъ колыбели. Такихъ примѣровъ можно найдти еще нѣсколько, но къ счастью они рѣдки.

При такихъ обстоятельствахъ птичьи трупы встрѣчаются во всевозможныхъ степеняхъ разложенія, тогда какъ въ обыкновенное время можно цѣлые годы бродить по лѣсу, не замѣтивъ ни одного. Перьевъ довольно много, но мяса и костей, словомъ: тѣлъ — нѣтъ. Въ большей части случаевъ перья обозначаютъ мѣсто, гдѣ хищная птица разорвала и съѣла пойманную добычу, слѣдовательно погребла ее въ своемъ желудкѣ, и этимъ все объясняется.

Но не всѣ птицы съѣдаются хищниками или ловятся любителями; не всѣ попадаются въ сѣти итальянцевъ, французовъ и испанцевъ, отправляясь на зимнія квартиры или возвращаясь на родину; не всѣ находятъ себѣ могилу въ волнахъ моря. Множество птицъ умираетъ отъ различныхъ болѣзней, старости, и т. п. Куда же онѣ дѣваются? Какимъ образомъ онѣ изчезаютъ? Кто ихъ убираетъ?

На эти вопросы можно отвѣчать довольно опредѣлительно: «ихъ хоронятъ».

Гораздо раньше чѣмъ у людей вошло въ обыкновеніе «отдавать землѣ то, что принадлежитъ землѣ», довольно значительное число насѣкомыхъ (въ особенности, жуковъ) исполняло, да и теперь еще исполняетъ должность могильщиковъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя изъ нихъ называются этимъ именемъ какъ въ просторѣчіи, такъ и въ наукѣ. Вмѣстѣ съ ними, хотя и отдѣльно отъ нихъ, каждое само по себѣ, дѣйствуютъ и многія другія насѣкомыя: однѣ—кладя на трупъ свои яица, другія — съѣдая мышечное мясо, оглaдывая связки и кости, и т. п., но только одни могиляки работаютъ по плану и съобща, и они-то собственно и совершаютъ погребеніе.

Такъ какъ ихъ дѣятельность описывали уже несчетное число разъ и она болѣе или менѣе извѣстна каждому, то я могу ограничиться немногими словами.

Могиляки, жуки бродящіе большею частью ночью, появляются при маленькихъ трупахъ обыкновенно довольно скоро, немного времени спустя послѣ мясныхъ мухъ, которыхъ можно считать какъ бы провозвѣстниками смерти. Необыкновенно развитое чувство обонянія приводитъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ трупъ. Жужжа на лету, стекаются они туда, изслѣдуютъ трупъ и почву—и принимаются, послѣ того какъ ихъ соберется извѣстное число, за свою работу. Съ болѣе значительными трупами жуки не могутъ справиться, точно такъ же какъ и съ твердой почвой, которая заключаетъ въ себѣ непреодолимыя для ихъ силъ препятствія. Для достиженія своей цѣли, они нуждаются въ болѣе или менѣе мягкомъ грунтѣ. Они держатся одного и того же плана настолько, что каждый изъ нихъ дѣйствуетъ на нѣкоторомъ розстояніи отъ другаго. Они подползаютъ подъ трупъ, а также сдвигаютъ его нѣсколько съ мѣста, выбрасываютъ задними ножками вырытую землю, образуютъ такимъ образомъ подлѣ мертваго тѣла впадину обнесенную валомъ, и достигаютъ наконецъ того, что трупъ, увлекаемый своею собственною тяжестію, спускается туда. Продолжая такимъ образомъ, они мало по малу зарываютъ трупъ въ землю до глубины одного фута или около этого, заставляютъ его исчезнуть съ поверхности земли, скрываютъ его отъ другихъ хищниковъ и кладутъ на него свои яица, обезпечивая своему будущему потомству необходимую пищу.

Вотъ такія-то похороны изображены и на прилагаемомъ при этомъ рисункѣ. Мертвый соловей лежитъ въ лѣсу, въ цвѣтущую пору его и своей собственной жизни. Лѣсныя розы, вероника и незабудки окружаютъ его будущую могилу, вблизи которой, какъ можно видѣть по изображенію на дубѣ, уже случилось какое-то несчастіе. Къ нему склоняются лѣсные колокольчики, надъ нимъ колышется траурный плащъ (vanessa Antiopa, родъ бабочки). На него падаютъ слезы розы. Могильщики уже появились. Вверху жужжитъ могилякъ (necrophorus vespello), собираясь присоединиться къ своимъ родственникамъ (necrophorus hnmator, mortuorum, sepultor, germanicus и vestigator); справа подползаетъ еще сотрудникъ — тоже короткокрылое насѣкомое. Одинъ изъ общества начинаетъ уже дѣйствовать. Въ нѣсколько часовъ они исполнятъ свою должность, окончатъ свою работу,—и отъ соловья, который можетъ-быть пѣлъ въ это же самое утро, полный силы и огня, останется только маленькій холмикъ, окруженный и покрытый цвѣтами.

Какъ ни поэтична обстановка лѣсныхъ похоронъ, изображенныхъ на нашемъ рисункѣ, тѣмъ не менѣе въ этой обстановкѣ нѣтъ ничего такого, чего не могло бы быть въ дѣйствительности. Тутъ все до послѣдняго стебелька вѣрно природѣ—и эта правда изображенія оправдываетъ идеализацію факта.

Петербургская примадонна Лукка
на театрѣ военныхъ дѣйствій.
(*Продолженіе*).

Мы не станемъ описывать сцены свиданія. Врачу пришлось предостерегать, утѣшать, успокоивать; доказывая молодой супругѣ, что тысячи другихъ несчастныхъ пострадали отъ войны еще болѣе чѣмъ ея мужъ, врачъ успѣлъ вызвать въ ней болѣе спокойное и даже болѣе веселое расположеніе духа.

— Нельзя-ли моему мужу чего нибудь покушать? спросила она врача.—Я привезла ящикъ съ заготовленною впрокъ зеленью. Она невольно вздохнула, говоря объ этой зловѣщей растительной пищѣ.

— Мнѣ бы только кофе! пролепеталъ больной. — Кофе, кофе! Ничего больше!

— О, въ такомъ случаѣ твое желаніе будетъ исполнено. У тебя будетъ такой же чудесный кофе, какой мы съ тобой пили у Гиллера.

Врачъ приказалъ принесть кофейникъ, и черезъ четверть часа комната наполнилась благоуханіемъ разлитаго въ чашки кофе. Больной—какъ разсказывала потомъ г-жа Лукка—выпилъ пять чашекъ,—такъ велика была потребность его желудка въ этомъ питательномъ веществѣ.

Послѣ этого она сейчасъ же стала распрашивать: гдѣ бы ей отыскать нѣсколько просторныхъ комнатъ и мягкихъ постелей, какъ для больнаго, такъ и для себя и своей горничной. Врачъ сказалъ ей, что въ настоящую минуту во всемъ Понтъ-а-Муссонѣ остается, какъ извѣстно, одинъ только домъ, гдѣ есть еще незанятыя комнаты и постели; но владѣлецъ его, французскій чиновникъ, утверждаетъ, что у него у самого всѣ больны, и не пускаетъ никого въ свой домъ.

— Какъ!? вскричала примадонна, — у француза есть пустыя комнаты, а мой мужъ будетъ задыхаться здѣсь, когда у меня въ рукахъ паспортъ графа Эйленберга! Будь покоенъ, Адольфъ, скоро ты будешь на другой квартирѣ, гораздо лучше этой». И схвативъ зонтикъ и шляпу, она устремилась къ указанному ей дому.

Долго звонила она тамъ, пока наконецъ къ ней вышелъ тощій человѣкъ, въ халатѣ съ большими разводами и съ остроконечной шапкой на головѣ. Послѣ тщетныхъ просьбъ и предложеній платы за комнаты и постели, она обратилась къ угрозамъ—и въ доказательство своего могущества показала ему французскую страницу своего паспорта. Это подѣйствовало самымъ скорымъ образомъ. Французъ сдался и отдалъ въ распоряженіе опасной дамы двѣ лучшія комнаты вмѣстѣ съ тремя свѣжими и мягкими постелями. Разумѣется, онъ потребовалъ за это большихъ денегъ; но г-жа Лукка, безъ малѣйшаго торгу, заплатила ему блестящими фридрихсдорами, что повидимому внушило ему большое уваженіе къ ней.

Въ тотъ же самый вечеръ больной, а также его жена, ея горничная и ящикъ съ припасами—были уже на новой квартирѣ.

Цѣлыхъ десять дней ухаживала Паулина за своимъ больнымъ мужемъ съ величайшимъ самоотверженіемъ; не смотря на страшное зловоніе его гноящихся ранъ, она не отходила отъ его постели.

Камеръ-юнгфера варила каждый день предписанную врачомъ порцію изъ зелени, которую больной могъ принимать только въ очень разжиженномъ состояніи; такимъ образомъ его здоровье все больше и больше поправлялось.

Не будучи въ состояніи передать подробнымъ образомъ женѣ своей исторію своихъ ранъ—ему все еще было трудно говорить—г. фонъ-Раденъ указалъ ей на одного унтеръ-офицера, по имени Вальтера, который сражался рядомъ съ нимъ и, будучи раненъ въ ногу, лежалъ въ томъ же самомъ госпиталѣ, гдѣ находился и фонъ-Раденъ.

Узнавъ, что этотъ унтеръ-офицеръ уже могъ ходить, при помощи палки, г-жа Лукка пригласила его къ себѣ, и онъ разсказалъ ей слѣдующее.

«Пятнадцатаго августа — такъ началъ онъ свой разсказъ—французы выступили изъ Меца, чтобы пробиться на дорогу къ Вердюню; храбрый императоръ и его многообѣщающій наслѣдникъ прятались въ серединѣ. Но этотъ походъ французовъ кончился далеко не такъ скоро, какъ они воображали, потому-что имъ грозили со всѣхъ сторонъ нѣмцы. Должно-быть императоръ не очень-то полагался на свой конвой, потому-что шестнадцатаго, рано утромъ, онъ при поворотѣ на Шалонъ взялъ да и улизнулъ. Это было большое для него счастье, потому-что того же числа въ полдень мы задержали Базена при Марсъ-ла-Турѣ. Непріятельская армія заняла двѣ деревни, мызу и прилежащія къ нимъ высоты.

«Сгоните этихъ молодцовъ съ высотъ!» вскричалъ генералъ фонъ-Штюлпнагель. Это удалось намъ послѣ упорной битвы. Мы выгнали французовъ съ высотъ и изъ обѣихъ деревень и заняли тамъ ихъ мѣсто. Но около часу пополудни непріятель занялъ въ свою очередь лѣсокъ Ст. Арну и направилъ оттуда убійственный огонь на бранденбургцевъ, которые падали какъ комары въ дыму. Около половины четвертаго на полѣ битвы показался принцъ Фридрихъ-Карлъ и сталъ объѣзжать наши ряды; гранаты и ядра такъ и сыпались вокругъ него и его свиты, такъ-что нѣсколько солдатъ, находившихся по близости его, были ранены. Принцъ сейчасъ же, какъ явился, принялъ главное начальство. До четырехъ часовъ сражалась артиллерія, но тутъ раздалось: «въ штыки! маршъ!» Мы только того и ждали. «Ура!» раздалось со всѣхъ сторонъ и мы бросились на французовъ.

«Поручикъ фонъ-Раденъ, вашъ супругъ, сражался въ первомъ ряду, не обращая вниманія на пули, которыя сыпались на насъ какъ градъ. «Ребята», кричалъ онъ намъ, «мы должны взять лѣсокъ еще засвѣтло». Я не выпускалъ его изъ глазъ, какъ вдругъ, смотрю, у него опустилась рука со шпагою, глаза какъ будто бы оцѣпенѣли, и онъ повидимому не замѣчалъ той убійственной борьбы, которая происходила вокругъ него. Я почуялъ что-то недоброе. Въ одну минуту я очутился подлѣ него и увидалъ, что у него рана подъ лѣвымъ глазомъ, изъ которой течетъ на щеку кровь.

«Господинъ поручикъ!» вскричалъ я, прикоснувшись къ его рукѣ, «вы ранены въ лицо». Но онъ не слыхалъ меня. Онъ стоялъ какъ будто бы приросши къ землѣ, устремивъ глаза вдаль и крѣпко держа въ рукѣ шпагу, точно околдованный. Я слегка охватилъ его, думая, что онъ того и смотри упадетъ, и закри-

чалъ громовымъ голосомъ: «господинъ поручикъ, вы ранены!» Тутъ онъ медленно обернулъ ко мнѣ лицо... ахъ, милостивая государыня, какъ измѣнилось въ нѣсколько минутъ это лицо! Немного спустя, онъ какъ будто бы опомнился и проговорилъ едва внятнымъ голосомъ, такъ-какъ изъ задѣтаго пулей языка сильно шла кровь: «унтеръ-офицеръ Вальтеръ!» — «Слушаю, господинъ поручикъ». — «Мнѣ, кажется, очень плохо, Вальтеръ?» — «Слушаю, господинъ поручикъ, и я также думаю это. Пуля вошла внутрь подъ лѣвымъ глазомъ и вышла вправо у подбородка. Это очень опасная рана. Не желаете-ли чего передать вашему семейству? Я съ удовольствіемъ выполню».

«Возьмите мои часы и это брильянтовое кольцо, отдайте ихъ моей женѣ и скажите ей, что она была моей послѣдней мыслью»...

«Тутъ онъ лишился чувствъ, голова его медленно опустилась на мое плечо—и я долженъ былъ собрать всѣ мои силы, чтобы поддержать его. Я подозвалъ двухъ товарищей, отнесъ его, съ помощію ихъ, на такое мѣсто, гдѣ по крайней мѣрѣ онъ былъ въ безопасности отъ лошадиныхъ копытъ и пушечныхъ колесъ; тутъ я положилъ ему подъ голову свой ранецъ, прикрылъ его своимъ плащемъ и бросился съ удвоенною яростію на негодныхъ французовъ. Съ наступленіемъ сумерекъ поле битвы, а съ нимъ и побѣда, остались за нами. Когда мнѣ показалось, что все уже кончилось, я какъ можно скорѣе возвратился къ тому мѣсту, гдѣ мы положили нашего раненаго; но въ ту минуту, какъ я нагнулся къ нему, послышался свистъ пули,—еще одно мгновеніе и она попала мнѣ въ ногу, да такъ несчастливо, что я упалъ безъ памяти къ ногамъ моего, какъ мнѣ казалось, умершаго поручика.

«Когда я пришелъ въ себя, я увидалъ, что я въ лазаретѣ въ Понтъ-а-Муссонѣ, и услыхалъ къ величайшей радости, что и г. поручикъ находится подъ одной со мною крышей и жизнь его внѣ опасности. А между тѣмъ въ нѣкоторыхъ газетахъ уже было напечатано о его смерти.

«Восемь часовъ лежалъ вашъ супругъ на полѣ сраженія между убитыми и ранеными; я и теперь еще смотрю какъ на чудо, что онъ остался живъ».

Такъ окончилъ унтеръ-офицеръ свой разсказъ; г-жа Лукка слушала его, не переводя дыханія. Она все еще не перестала бояться за своего мужа.

Вошедшій докторъ успокоилъ однакоже г-жу Лукка, увѣряя ее, что по крайней мѣрѣ жизнь ея мужа уже внѣ опасности и что, благодаря ея нѣжному уходу, его силы вполнѣ возвратятся.

По уходѣ Вальтера, г-жа Лукка спросила доктора, проснулся ли ея мужъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ докторъ, — онъ все еще спитъ крѣпкимъ сномъ, и я приказалъ прислужнику, который ходитъ за нимъ, никого не пускать къ нему, потому что полное спокойствіе принесетъ ему больше пользы, чѣмъ всѣ медикаменты. Да и васъ, милостивая государыня, я попрошу не входить къ нему часа три - четыре и предоставить его на все это время моему надзору.

— Я очень охотно покоряюсь вашимъ распоряженіямъ, господинъ докторъ, отвѣчала г-жа Лукка, — только знаете ли что — безъ занятій мнѣ тутъ очень скучно. Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь новенькаго?

— Еще бы не быть, отвѣчалъ докторъ, — за милю отсюда вчера произошло кровопролитное сраженіе; впрочемъ, французы были по обыкновенію отражены.

— Нельзя ли мнѣ взглянуть на поле сраженія? У меня далеко не такъ слабы нервы, какъ вы можетъ-быть думаете.

— Ну, это довольно трудновато, отвѣчалъ улыбаясь докторъ.—Прежде всего, женщинъ туда не пускаютъ.

— А сестры милосердія? развѣ онѣ не женщины?

— Этого я не говорю, но вѣдь онѣ занимаются тамъ уходомъ за больными. Но вамъ едва ли удастся получить позволеніе, такъ какъ тутъ дѣло идетъ только объ томъ, чтобы удовлетворить вашему любопытству.

— Ахъ, любезный докторъ, сказала, глубоко вздыхая, г-жа Лукка,—вы не можете представить себѣ какъ мнѣ хочется посмотрѣть вблизи на поле сраженія. Что, тамъ очень страшно?

— Такъ страшно, что вы содрогнетесь при одномъ его описаніи. Куда ни взглянешь—вездѣ убитые, раненые, лошадиные трупы; все шоссе и лежащія по обѣимъ сторонамъ его поля усѣяны раздробленнымъ оружіемъ, касками, кепи; тутъ же лежатъ и осколки нашихъ гранатъ, свидѣтельствующіе объ убійственной силѣ нашихъ батарей.

— Кое-что изъ того, о чемъ вы разсказываете, я ужь видѣла, когда ѣхала сюда,—сказала, слегка вздрогнувъ, г-жа Лукка.—Но куда это вы шли сегодня утромъ съ солдатами?

— Я ходилъ вмѣстѣ съ передовой стражей на высоты. Тамъ все вчера еще свидѣтельствовало о той кровопролитной битвѣ, которая происходитъ тутъ. Но сегодня тамъ все уже убрано. Наши нѣмецкіе форпосты находятся всего шаговъ на восемьсотъ отъ французскихъ, такъ что въ хорошую подзорную трубку можно видѣть ихъ кепи.

— Я привезла съ собою подзорную трубку изъ Берлина отъ Петипьера, вскричала г-жа Лукка, — хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть въ нее на французскіе форпосты. Не знаете ли, господинъ докторъ, гдѣ мнѣ можно достать себѣ разрѣшеніе?

— Разрѣшеніе на посѣщеніе форпостовъ можетъ дать вамъ только уланскій ротмистръ Ст..., начальникъ здѣшней этапной команды.

— Не тотъ ли это Ст..., тайный коммерціи совѣтникъ, которому принадлежатъ желѣзные и угольные заводы подъ Саарбрюкеномъ.

— Тотъ самый.

— Да вѣдь онъ двойной милліонеръ!

— Въ мирное время—конечно; но въ военное онъ простой уланскій ротмистръ, а въ настоящую минуту онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и этапный командиръ.

— Гдѣ его квартира? настойчиво спрашивала она.

— Видите вонъ тотъ домъ на холму? вотъ тамъ-то онъ и разбилъ свою главную квартиру.

— Господинъ докторъ, пожалуйста присмотрите хорошенько за моимъ мужемъ; а я, прежде чѣмъ онъ успѣетъ проснуться, осмотрю французскіе кепи. Моя камеръюнгфера можетъ остаться здѣсь, она робкаго характера. И такъ, квартира г. ротмистра тамъ на холму? Пойду просить у него пропускнаго вида, а можетъ быть онъ дастъ мнѣ еще и конвой.

— Не думаю, возразилъ докторъ.

— Ужь я выпрошу. До свиданія, любезный докторъ. Не говорите объ этомъ моему мужу, а то онъ станетъ безпокоиться. Я возвращусь къ кофе; моя камеръ-юнгфера сваритъ его. Вы конечно не откажетесь выкушать вмѣстѣ со мною чашечку? Addio, Signore Dottore!

И съ проворствомъ легкой серны поспѣшила она въ квартиру ротмистра. Врачъ покачалъ ей вслѣдъ головою и пробормоталъ улыбаясь:—настоящее дитя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большая упрямица!

Ротмистръ только что принялъ рапортъ отъ уланскаго дозора, извѣщавшій его о томъ, что подъ Седаномъ все уже готово къ битвѣ. Въ то же самое время адъютантъ передалъ ему приказаніе распорядиться, чтобы форпосты какъ можно зорче наблюдали за высотами при Понтъ-а-Муссонѣ и мѣшали, по мѣрѣ возможности, собранію французовъ на этомъ пунктѣ.

Въ это время вошелъ вѣстовой и доложилъ:—господинъ ротмистръ, васъ спрашиваетъ какая-то берлинская дама.

— Дама? спросилъ удивленный ротмистръ.—Она не сказала вамъ своего имени?

— Г-жа фонъ-Раденъ, извѣстная также, какъ она говоритъ, подъ простымъ именемъ «Паулины».

— Г-жа Лукка! вскричалъ ротмистръ, вскакивая съ своего мѣста, чтобы самому отворить дверь.

— Madame, говорилъ онъ ей, привѣтствуя ее, — ваше посѣщеніе и удивляетъ, и радуетъ меня. Хотя мнѣ и говорили нѣсколько дней тому назадъ, что вы пріѣхали сюда изъ Берлина съ похвальнымъ намѣреніемъ взять домой вашего тяжело-раненаго супруга; но, къ сожалѣнію, у меня до сихъ еще поръ не было времени засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Съ этими словами ротмистръ подалъ ей стулъ.

— Если гора нейдетъ ко мнѣ, то я самъ пойду къ ней, сказалъ Магометъ; и я, какъ видите, поступаю по турецки, сказала примадонна садясь на стулъ.

— Прежде всего, какъ здоровье вашего супруга?

— Благодарю васъ, онъ поправляется съ каждымъ днемъ, а все еще онъ такъ слабъ, что не можетъ ѣхать домой; но докторъ обѣщаетъ, что черезъ нѣсколько дней мужъ будетъ въ состояніи вынести это путешествіе и я съ нимъ уѣду.

— Madame—но прежде всего я позволю себѣ вопросъ—какъ долженъ я называть васъ послѣ вашего замужества? Г-жа фонъ-Раденъ? г-жа баронесса или милостивая государыня?

— Называйте меня, возразила она съ комическою важностію,—просто и коротко: милостивая государыня. Это звучитъ лучше, да въ этомъ есть еще и особенный смыслъ. На театральныхъ афишахъ меня по прежнему зовутъ: г-жа Лукка.

— Какъ вамъ угодно, милостивая государыня! Что подѣлываютъ любезные берлинцы?

— Берлинцы пьютъ кофе, обѣдаютъ, ужинаютъ и чуть не спятъ передъ столбами, гдѣ прибиваются депеши,—такъ имъ не терпится узнать о томъ, что̀ тутъ дѣлается. Но чтобъ не задержать васъ слишкомъ долго, узнайте сразу, господинъ ротмистръ, что я пришла къ вамъ съ просьбой.

— Она будетъ исполнена, если только это въ моей власти. Въ чемъ же, смѣю спросить, дѣло?

— Мнѣ хотѣлось бы побывать на форпостахъ, чтобы посмотрѣть оттуда на французовъ.

Ротмистръ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Вы хотите на форпосты? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Да, но только до тѣхъ поръ, пока не проснется мой мужъ.

— Милостивая государыня, вы вѣрно хотите пошутить. Театръ войны существенно разнится отъ опернаго.

— Я очень хорошо знаю это. Тутъ пули исполняютъ партію сопрано, митральезы—баритона, а бомбы—баса. Это чудо а не концертъ—и я очень не прочь бы послушать его; бетговеновскія-то симфоніи я могу имѣть каждый день дома.

— А если въ васъ попадетъ пуля?

— Э, полноте, она этого не сдѣлаетъ—французскія пули слишкомъ вѣжливы. Пожалуйста, господинъ ротмистръ, дайте мнѣ пропускной видъ и двухъ улановъ. Неужели же я оставлю театръ войны, не видавъ непріятеля? Да это все то же что быть въ Римѣ и не видать папы. Пожалуйста! Я не могу терять много времени, къ четыремъ часамъ я должна быть дома, гдѣ меня будутъ ждать къ кофе, да и мужъ можетъ спросить меня.

— Милостивая государыня, какъ мнѣ ни жалко, но *этой* просьбы я не могу исполнить. Никогда не возьму я на себя отвѣтственности за то, что способствовалъ подобному шагу съ вашей стороны.

— Да я засвидѣтельствую письменно, что беру всю отвѣтственность на свою собственную голову.

И не говоря больше ни слова, она схватила лежавшій на столѣ листъ бумаги, написала что̀ обѣщала—и протянула его къ ротмистру съ словами: «Вотъ вамъ разрѣшительная грамота, а если вамъ этого мало, то вотъ вамъ мой паспортъ, гдѣ господинъ министръ приказываетъ всѣмъ вообще властямъ исполнять, по мѣрѣ возможности, мои желанія.

— И я очень охотно исполню это; впрочемъ, я больше уступаю силѣ.

— Силѣ?

— Силѣ вашей любезности.

— Пожалуйста, противъ этого я ничего не могу сказать. И такъ, мы отправляемся на форпосты!

Вручивъ примадоннѣ пропускной видъ, ротмистръ прикомандировалъ къ ней, въ видѣ конвоя, одного вахмистра и десять уланъ, съ которыми она отправилась къ высотамъ, гдѣ стояли форпосты.

Это было тридцатаго августа; солнце обливало землю своими жаркими лучами; г-жа Лукка, держа въ правой рукѣ en-tout-cas, а въ лѣвой подзорную трубку, бодро шла впередъ, напѣвая арію изъ «Свадьбы Фигаро»:

«Гдѣ блестятъ мечи и копья,
«Тамъ забудь мольбы и стоны».

Уланы ѣхали за нею рысью,—и такимъ образомъ, спустя около получаса, они достигли черезъ рвы и валы до первой линіи форпостовъ, гдѣ солдаты окружили себя окопами, точно кроты, для того чтобъ защитить себя, по мѣрѣ возможности, отъ непріятельскихъ пуль.

Уже на дорогѣ сюда, надъ головами нашихъ путешественниковъ пролетѣло нѣсколько отдѣльныхъ пуль; но теперь, когда они остановились, пули стали падать такъ часто, что одно изъ уланскихъ знаменъ отлетѣло отъ копья. Лошади всадниковъ начали тревожиться.

— Что̀ тутъ такое дѣлается? спросила г-жа Лукка.

— Госпожа баронесса, отвѣчалъ быстро подъѣхавшій къ ней вахмистръ, прикладывая руку къ каскѣ, —если я еще четверть часа простою здѣсь съ своими уланами, то ни одинъ изъ нихъ не уцѣлѣетъ. Французы рѣшительно не могутъ видѣть уланскаго знамени— и тамъ, гдѣ оно покажется, они не жалѣютъ военныхъ снарядовъ.

Тутъ его рыжая лошадь поднялась на дыбы, потому что надъ самымъ ея ухомъ просвистала пуля.

— Ради Бога! сказала испуганная примадонна,—я не хочу чтобъ изъ-за меня люди рисковали жизнію. Ступайте домой да поскорѣе, галопомъ. Я поблагодарю, когда возвращусь, господина ротмистра.

Ей незачѣмъ было повторять своего приказанія. Уланы, получившіе отъ ротмистра приказаніе слушаться ея во всемъ, умчались съ быстротою вихря. Вмѣстѣ съ ихъ удаленіемъ прекратились и выстрѣлы.

(*Окончаніе будетъ*).

Гостинодворскіе саечники въ С.-Петербургѣ.

Если вы имѣете счастье или несчастье жить въ Петербургѣ или же хоть только бывали въ немъ, то при взглядѣ на прилагаемый при этомъ рисунокъ вы только разсмѣетесь, припомнивъ тѣ усилія и продѣлки, по-

Гостинодворскіе саечники въ С.-Петербургѣ.

средствомъ которыхъ изображенные на немъ торговцы сайками стараются сбыть свой товаръ, и не станете читать нашихъ поясненій. Если же вы такъ несчастливы — тутъ мы уже не колеблясь употребляемъ слово «несчастливы», потому-что, какъ хотите, а счастьемъ этого нельзя назвать — если вы никогда не бывали въ этомъ очаровательномъ эльдорадо, въ этой *terra desideria* большей части провинціаловъ, то наши поясненія будутъ для васъ не лишними.

На углу Невскаго проспекта и Большой Садовой, какъ разъ при входѣ въ Гостиный дворъ, стоитъ два ряда довольно большихъ столовъ, покрытыхъ кусками довольно грубаго холста, на которыхъ лежатъ сайки, круглые крендели и другія произведенія русской кухни. Идя между этими двумя рядами столовъ въ Гостиный дворъ или хоть только подходя къ нимъ, вы слышите: «сайки! сайки! горячія, мягкія сайки! Баринъ! баринъ» или же — барыня! сайки! горячія сайки», и т. д., до тѣхъ поръ пока вы не войдете въ Гостиный дворъ. Какъ бы вы быстро ни шли, какъ бы мало ни обнаруживалось въ васъ желанія купить себѣ саекъ, ихъ продавцы все-таки будутъ приглашать васъ къ себѣ своимъ крикомъ. Но если вы дѣйствительно вздумаете купить что-нибудь на одномъ изъ этихъ столиковъ и обернетесь въ ту или другую сторону, то тутъ крики усиливаются уже до послѣдней степени возможности. Продавцы саекъ приподнимаютъ свои шапки, почтительно кланяются вамъ, указывая на свой товаръ — точь въ точь какъ изображено на прилагаемомъ при семъ рисункѣ — и наперерывъ другъ передъ другомъ приглашаютъ васъ къ своему столу. Они такъ усердно упрашиваютъ васъ, такъ расхваливаютъ свой товаръ (при чемъ очень часто бросаютъ не совсѣмъ-то выгодную тѣнь на товаръ своего сосѣда), что право надо

имѣть каменное сердце, или ужь слишкомъ мало свободнаго времени, чтобы не купить у нихъ сайки или кренделя. Мягкія, горячія сайки не всегда оказываются такими, по крайней мѣрѣ онѣ далеко не такъ хороши какъ увѣряютъ ихъ продавцы, — по что нужды! Посмотрите, какія славныя, чисто-русскія физіогноміи! добродушные и вмѣстѣ съ тѣмъ смышленые глаза, русыя бороды, и этотъ костюмъ!.. Нѣтъ, какъ хотите,

Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ!..

Эти добрые люди, въ потѣ лица достающіе себѣ кусокъ хлѣба — иначе стали ли бы они такъ хлопотать о полученіи 5—10 лишнихъ копѣекъ? — напоминаютъ вамъ своимъ видомъ другія условія жизни, другія мѣстности нашего отечества, тѣ самыя, гдѣ можетъ быть протекло ваше счастливое дѣтство, среди простыхъ, добрыхъ людей, почти не тронутыхъ цивилизаціей, на лонѣ родной природы, — и вы невольно купите у нихъ сайку, хотя подъ рукой у васъ всевозможныя печенья, которыя продаются въ нѣмецкихъ булочныхъ подъ вывѣской золотаго кренделя или въ русскихъ подъ золотымъ калачомъ.

Президентъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ,

Улиссъ Сидней Грантъ.

Улиссъ Сидней Грантъ, нынѣшній президентъ «великой республики», родился 15 (27) апрѣля 1822 года въ Point Pleasant, въ графствѣ Клермонтъ, въ штатѣ Огіо. Тамъ и теперь еще можно видѣть на берегу Огіо, противъ штата Кентукки, маленькій одноэтажный домикъ, гдѣ стояла колыбель его. Его отецъ — шотландскій уроженецъ — человѣкъ бѣдный, но неутомимо-дѣятельный и энергическій, готовилъ себя въ молодости въ кожевники, но сдѣлался впослѣдствіи земледѣльцемъ. Именемъ гомерова героя президентъ Грантъ обязанъ своей бабкѣ съ материнской стороны, любительницѣ классической древности. Но объ изученіи маленькимъ Грантомъ греческаго языка не могло быть и рѣчи, такъ какъ онъ ходилъ въ школу своего селенія только зимою, а лѣтомъ долженъ былъ помогать своему отцу въ полевыхъ работахъ.

Пристрастіе къ огнестрѣльному оружію и лошадямъ обнаружилось въ немъ еще въ дѣтствѣ. Когда ему было всего четыре года, отецъ взялъ его съ собой въ гости къ сосѣду. Этотъ послѣдній зарядилъ пистолетъ и сталъ показывать мальчику, какъ надо стрѣлять. Это такъ понравилось маленькому Гранту, что онъ закричалъ: «Дайте, я выстрѣлю хоть одинъ разъ!» Онъ очень любилъ верховую ѣзду и посѣщалъ всѣ, располагавшіеся по сосѣдству, цирки. На восьмомъ году отецъ послалъ его съ лошадью къ одному хлѣбопашцу, который хотѣлъ купить ее. Когда этотъ послѣдній спросилъ о цѣнѣ, маленькій Грантъ отвѣчалъ:

— Мой отецъ сказалъ мнѣ, чтобы я просилъ за нее 60 долларовъ, но если вы не дадите ихъ, то я могу отдать и за 55.

— Ну такъ я дамъ тебѣ 55, возразилъ хлѣбопашецъ.

— Нѣтъ, сказалъ мальчикъ, — это слишкомъ дешево, я не возьму меньше 60 долларовъ. Такая здоровая сильная лошадь — лучше я уведу ее назадъ!

Онъ настоялъ на своемъ и принесъ своему отцу 60 долларовъ.

Точно такъ же и вѣрность своему долгу вмѣстѣ съ замѣчательной энергіей рано обнаружились въ характерѣ Гранта. Когда ему было одиннадцать лѣтъ, отецъ послалъ его въ лѣсъ на телѣгѣ запряженной въ двѣ лошади, для того чтобы помочь двумъ поденщикамъ, которые тамъ работами, положить и привезти домой два тяжелые древесные обрубка. Но когда онъ прибылъ на означенное мѣсто, то тамъ никого не было. Что теперь дѣлать? Онъ не хотѣлъ возвратиться домой не сдѣлавъ дѣла — и сталъ придумывать, какимъ бы образомъ помочь этому. Онъ подвозитъ телѣгу какъ разъ къ самымъ обрубкамъ, отыскиваетъ нѣсколько длинныхъ древесныхъ стволовъ лежавшихъ въ лѣсу, строитъ изъ нихъ что-то въ родѣ моста между задней частью телѣги и землею, привязавъ ихъ веревками къ телѣгѣ; потомъ достаетъ привезенныя цѣпи, кладетъ ихъ на землю, скатываетъ на нихъ посредствомъ шеста первый обрубокъ и обвиваетъ его ими; потомъ припрягаетъ къ обрубку одну изъ своихъ лошадей и заставляетъ ее встащить его на телѣгу. Взваливъ такимъ образомъ на телѣгу оба обрубка, при чемъ ему пришлось порядочно потрудиться, онъ прикрѣпляетъ ихъ цѣпями и съ торжествомъ возвращается домой.

Грантъ не выказывалъ въ дѣтствѣ никакихъ талантовъ — и у него было такъ же мало честолюбія въ это время, какъ и впослѣдствіи; но онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ пользовался тѣми скудными средствами къ образованію, которыя были предоставлены ему. Если онъ что́ изучалъ, то изучалъ всегда основательно, — и стараясь усовершенствовать свое образованіе, привыкъ къ безпрерывному труду.

1-го іюля 1839 года Грантъ — на семнадцатомъ году жизни — поступилъ кадетомъ въ военную академію въ Wast-point въ Нью-Іоркскомъ штатѣ, въ которой онъ получалъ даромъ не только полное образованіе, но и все прочее, пищу, одежду и т. п. Онъ наверсталъ посредствомъ прилежанія недостатокъ въ предварительныхъ свѣденіяхъ; впрочемъ и тутъ также онъ не принадлежалъ къ числу отличныхъ учениковъ, но былъ очень любимъ и уважаемъ, какъ учителями, такъ и товарищами. Названіе «Uncle Sam», которое дали ему эти послѣдніе за его солидность, какъ нельзя лучше подходило къ нему. Онъ отличался только въ верховой ѣздѣ. Правда, онъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ математикѣ и въ приложеніи ея къ тактикѣ и инженерной части, но даже самые короткіе изъ его друзей не предполагали, чтобы его могла ожидать такая великая будущность.

Въ іюлѣ 1843 г., по окончаніи курса, онъ поступилъ подпоручикомъ въ 4-й армейскій полкъ. Во время войны съ Мексикой (1846—1848 г.), онъ отличился во многихъ сраженіяхъ и очень скоро получилъ чинъ поручика, а затѣмъ капитана. По окончаніи этой войны онъ отправился въ Нью-Іоркъ, женился на миссъ Дентъ, но все еще оставался въ арміи и участвовалъ въ 1851 въ битвѣ съ орегонскими индѣйцами. Въ 1854 г., не имѣя никакой надежды на повышеніе, онъ вышелъ въ отставку. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, до самаго от-

крытія междоусобной войны, онъ пробовалъ себя въ различныхъ отрасляхъ гражданской дѣятельности. Нѣкоторое время онъ занимался *сельскимъ хозяйствомъ* на фермѣ своего тестя, около Сенъ-Луи, и многіе до сихъ еще поръ помнятъ, какъ онъ возилъ продавать на рынокъ срубленный имъ же самимъ лѣсъ, въ тѣлежкѣ, запряженной муломъ. Въ кафтанѣ изъ грубой матеріи, въ старой войлочной шляпѣ, въ засученныхъ въ сапоги панталонахъ стоялъ онъ подлѣ своего воза. Но скоро эта дѣятельность, очень плохо вознаграждавшая его труды, перестала удовлетворять его—онъ перепыталъ еще нѣсколько отраслей промышленности, *торговалъ шерстью*, и наконецъ отецъ его далъ ему мѣсто на своемъ *кожевенномъ* и *сѣдельномъ заводѣ* въ *Галена* (въ штатѣ Иллиноисъ). Этому мѣсту онъ обязанъ тѣмъ, что *кожевники* и до сихъ поръ особенно преданы ему.

Но ему не хватало того жалованья, которое онъ получалъ тутъ. Его старая страсть—*лошади*—стоила ему такъ дорого, что часто, когда отецъ посылалъ его собрать долги, его издержки превышали собранныя деньги. Впослѣдствіи времени онъ, конечно, сталъ бережливѣе; онъ выучился этому въ походахъ и доказалъ это во время своего управленія военнымъ департаментомъ, сдѣлавъ чрезвычайно значительныя сбереженія.

Тутъ открылась междоусобная война. Президентъ Линкольнъ требовалъ 35,000 человѣкъ. Грантъ предложилъ свои услуги—онѣ были приняты. Со всѣхъ сторонъ стекались люди, способные носить оружіе. Онъ былъ сдѣланъ *полковникомъ* одного полка волонтеровъ, а вскорѣ потомъ *бригаднымъ генераломъ*. Въ этомъ званіи ему очень скоро представился случай обнаружить двѣ главныя черты своего характера, которыя, по нашему мнѣнію, дѣлаютъ ему величайшую честь: *терпимость* въ отношеніи чужихъ убѣжденій и *великодушіе* въ отношеніи врага. Начиная съ той минуты, когда онъ, овладѣвъ въ 1860 г. *Падукою*, обратился къ жителямъ съ прокламаціей, въ которой онъ говорилъ: «Съ мнѣніями мнѣ нечего дѣлать, я имѣю дѣло только съ вооруженнымъ бунтомъ и съ помощниками его помощниковъ,» —и до его великодушнаго поступка съ генераломъ *Ли* и арміею конфедератовъ, эти обѣ черты обнаруживаются во всѣхъ его дѣйствіяхъ и поступкахъ. Признавая всегда съ полнымъ безпристрастіемъ храбрость своего противника, онъ, какъ извѣстно, избавлялъ его, послѣ передачи города, отъ тяжелой церемоніи выдачи оружія, «потому-что», говорилъ онъ своему роптавшему войску, не охотно покорявшемуся этой мѣрѣ, «мы не должны забывать, что они *американцы*, а американцевъ не слѣдуетъ унижать».

Мы имѣемъ въ виду обозначить, покрайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, тѣ заслуги, которыя были оказаны Грантомъ его отечеству, а не слѣдить въ подробности за его военной карьерой, поэтому и ограничимся немногими словами насчетъ его дальнѣйшихъ подвиговъ на этомъ поприщѣ.

Извѣстно, какой рядъ пораженій претерпѣла сѣверная армія при началѣ войны, какъ 70 лѣтній генералъ *Скоттъ* оказался неспособнымъ для управленія войскомъ, какъ горько обманулись въ генералѣ *Макъ-Кленанѣ*, какъ *Бурнсайдъ* погубилъ понапрасну на высотахъ Фридрихсбургскихъ цѣлыя тысячи и какъ даже самъ *Меадъ*, несмотря на свою славную побѣду при Гетгинсбургѣ, не достигъ ничего, потому-что не съумѣлъ воспользоваться этою побѣдою и уничтожить *Ли* вмѣстѣ съ его арміею.

Тутъ имя генерала Гранта стало слышаться все чаще и чаще; оно было связано съ именами самыхъ кровопролитныхъ сраженій и самыхъ славныхъ побѣдъ.

Въ Теннеси и Кумберландѣ всѣ форты должны были сдаться ему—и его знаменитый отвѣтъ на предложеніе о перемиріи: «*No terms other than an unconditional and immediate surrender can be accepted*» (никакія другія условія, кромѣ безусловной и немедленной сдачи, не могутъ быть приняты) пріобрѣлъ ему названіе, начальныя буквы котораго соотвѣтствуютъ начальнымъ буквамъ его имени (U. S. G.): *Unconditional Surrender Grant*».

Теперь всѣ взоры были обращены на него. Онъ былъ тѣмъ человѣкомъ, которому надлежало положить конецъ войнѣ, подавить возстаніе и возстановить союзъ. Скоро онъ былъ сдѣланъ *генералъ-маіоромъ*, а потомъ *генералъ-лейтенантомъ*; онъ велъ войско отъ побѣды къ побѣдѣ. *Виксбургъ* и *Портъ Гудсонъ* пали. Онъ одержалъ блестящую побѣду при *Каттаноги* и все болѣе и болѣе пріобрѣталъ любовь и довѣріе народа, хотя никогда не искалъ его благорасположенія. А потомъ онъ повелъ войско на югъ и проникъ внутрь «*Wilderness*» — тутъ-то многимъ робкимъ сердцамъ стало казаться, что онъ не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, которыя были возложены на него; но Грантъ, не смущаясь, идетъ далѣе. Его не останавливаютъ ни мины подъ ногами, ни засады по обѣимъ сторонамъ. *Петерсбургъ* падаетъ, *Ричмондъ* взятъ—и нѣсколько дней спустя генералъ *Ли* сдается ему въ *Аппоматоксѣ* со всею своею арміею.

Подобно генералу Мольтке, Грантъ чрезвычайно *молчаливъ*, и въ этомъ-то можетъ-быть и заключается, главнымъ образомъ, тайна его силы. Въ странѣ, гдѣ (вслѣдствіе высшаго развитія общественной жизни) *говорится* страшно много, *молчаніе* само уже по себѣ добродѣтель. Въ такой войнѣ, какъ та, которая такъ счастливо окончена Грантомъ, все зависитъ быть-можетъ отъ того, чтобы не открывать даже самымъ близкимъ къ дѣлу лицамъ ни одной мѣры, ни одного плана, до тѣхъ поръ пока они не будутъ приведены въ исполненіе. Точно такъ же недоступенъ онъ и для политическихъ происковъ, въ которыхъ онъ никогда не принималъ участія. Поэтому-то всѣ попытки различныхъ политиковъ заставить его объяснить свои политическіе виды — кончались всегда совершенной неудачей, ибо Грантъ сейчасъ же сводилъ разговоръ на другіе предметы, обыкновенно на своихъ лошадей, такъ что многіе мудрые люди вывели изъ этого заключеніе, будто бы Грантъ не умѣетъ говорить ни о чемъ, кромѣ своихъ лошадей, и протрубили это по всему свѣту.

Точно такъ же и въ отношеніи къ народу—молчаливость Гранта великое качество. Онъ такой человѣкъ, на котораго обыкновенная лесть и одобреніе толпы не производитъ никакого дѣйствія. Онъ истинно скромный и безпритязательный человѣкъ, который ненавидитъ шумныя оваціи, торжественныя рѣчи и т. п. Онъ можетъ-быть заходитъ въ этомъ слишкомъ далеко. Вскорѣ послѣ побѣды при Каттанугѣ, онъ взялъ кратковременный отпускъ, для того чтобъ навѣстить своего больнаго сына, который находился въ Сенъ-Луи. Узнавши о его прибытіи, жители устроили въ честь его большой обѣдъ; Грантъ принялъ приглашеніе. Во время обѣда предложили тостъ за его здоровье, за которымъ послѣдовали самыя шумныя выраженія одобренія. Отвѣтъ Гранта былъ слѣдующій: «Милостивые государи! въ отвѣтъ

на ваши рѣчи я могу только благодарить васъ!» Точно ему такъ же и на шумные возгласы народа, который давши серенаду, требовалъ отъ него спича (*speech*), Грантъ отвѣчалъ только слѣдующими немногими словами: «Милостивые государи, благодарю васъ за эту честь. Я не могу говорить рѣчей. Это такая вещь, которой я никогда не дѣлалъ, да и не намѣренъ дѣлать. Пожалуйста, извините меня».

Въ отвѣтъ на эти немногія слова раздались громкіе радостные клики, по окончаніи которыхъ генералъ надѣлъ опять шляпу, вынулъ сигару и остался на балконѣ курить и смотрѣть на поднимающіяся ракеты. Больше онъ ничего не могъ сказать.

Точно такъ же говорилъ онъ въ 1860 г. и на обѣдѣ, который дали ему въ Нью - Іоркѣ кожевники:

«Милостивые государи, вы знаете, что я никогда не говорю рѣчей. Но я очень радъ встрѣтиться здѣсь съ моими старыми собратьями *of the leather trade*».

Во время тѣхъ безчисленныхъ овацій, которыя были сдѣланы ему, онъ всегда держался такъ же спокойно, почти безучастно. Всѣ почести и подарки онъ принимаетъ такимъ же образомъ, какъ были приняты имъ его повышенія по службѣ — онъ никогда не искалъ ни того ни другаго. Никогда не агитировалъ онъ въ свою пользу, но просто исполнялъ свой долгъ,—и когда они являлись, онъ принималъ ихъ спокойно, безъ ложной скромности и безъ лицемѣрнаго самоуниженія. Одинъ генералъ, который, передъ выборомъ его въ президенты, тщетно осаждалъ его со всѣхъ сторонъ, вскричалъ наконецъ съ досадою: «Но, генералъ, что же долженъ я сказать о васъ народу?» — «Ровно ничего» отвѣчалъ Грантъ, безъ малѣйшей перемѣны въ лицѣ.

Что Грантъ отлично владѣетъ словомъ, что онъ образованный человѣкъ, что у него твердыя убѣжденія, что и въ политикѣ онъ очень хорошо знаетъ чего добивается,—этого не станетъ отрицать никто изъ тѣхъ, кому случалось читать его «приказы» или его рапорты о сраженіяхъ. Впрочемъ, въ послѣднихъ онъ такъ возвышаетъ заслуги другихъ генераловъ, что часто полное понятіе о его собственныхъ заслугахъ можно получить только изъ объясненій его офицеровъ, какъ напр. *Шармана*.

Президентъ Сѣверо-американскихъ штатовъ, Улиссъ Сидней Грантъ.

А между тѣмъ, онъ-то именно и былъ душою арміи— онъ былъ такъ неутомимо-дѣятеленъ и такъ неусыпно-бдителенъ, что казался просто вездѣсущимъ. Прибавимъ къ этомъ простоту его привычекъ и вкусовъ, граничащую съ отсутствіемъ потребностей; его почитатели разсказываютъ въ шутку, что весь его багажъ состоялъ изъ зубной щетки. Это былъ отличный примѣръ для солдатъ, которымъ приходилось испытывать различныя лишенія, и это-то конечно онъ и имѣлъ въ виду.

Онъ строго преслѣдовалъ въ солдатахъ безнравственность и прекратилъ грабежъ тѣмъ, что наказывалъ ихъ за него лишеніемъ жалованья. Съ другой стороны, онъ обращался съ ними какъ другъ и товарищъ — и самымъ строгимъ образомъ наказывалъ офицеровъ за всякій несправедливый поступокъ съ ними.

Своею личною храбростію и строго-нравственнымъ поведеніемъ онъ подавалъ примѣръ своимъ войскамъ. Его, точно такъ же какъ всѣхъ общественныхъ дѣятелей, начиная съ Вашингтона, обвиняли въ томъ, что онъ будто бы пьяница. Это опровергнуто безпристрастными показаніями. Впрочемъ, Линкольнъ превосходно отвѣтилъ на это обвиненіе. Когда ему разсказывали, что Грантъ пьетъ, онъ сказалъ: «Я желалъ бы знать источникъ той водки, которую онъ пьетъ, для того чтобы послать каждому изъ моихъ генераловъ по одной бочкѣ такой водки».

Грантъ конечно не безъ страстей. Онъ куритъ, не переставая,—сигара повидимому тогда только выходитъ изъ его рта, когда онъ вынимаетъ ее для того, чтобъ сказать нѣсколько словъ. Онъ куритъ, когда дѣлаетъ смотръ своимъ войскамъ,—куритъ и въ то время, когда вокругъ него свистятъ пули и ядра.

Но главная его страсть, какъ мы уже говорили, лошади. Его гордость состоитъ въ томъ, чтобы обладать самыми лучшими изъ нихъ, а величайшее удовольствіе въ томъ, чтобы скакать на нихъ во весь опоръ

Такимъ образомъ случилось однажды — вскорѣ послѣ окончанія войны — что онъ, вопреки запрещенію, проскакалъ на своемъ легкомъ скакунѣ по вашингтонскимъ улицамъ. Будучи задержанъ полицейскимъ чиновникомъ и отведенъ въ полицію, онъ съ привычнымъ спокойствіемъ заплатилъ назначенные пять долларовъ штрафу.

Грантъ, какъ по характеру такъ и по наружности, истый американецъ. Онъ средняго росту, силенъ и плотенъ. У него свѣжій здоровый цвѣтъ лица, голубые глаза, высокій, прекрасно-округленный лобъ и каштановые волосы. Онъ ходитъ нѣсколько согнувшись и держа, по американскому обычаю, обѣ руки въ карманахъ. Вся его наружность вообще внушаетъ величайшее довѣріе. Онъ чрезвычайно преданъ своему семейству и былъ всегда столь же добрымъ сыномъ и братомъ, какъ превосходнымъ мужемъ и отцомъ. Онъ всего охотнѣе проводитъ вечера въ кругу своего семейства — тутъ онъ играетъ съ своими дѣтьми (у него ихъ четверо: три сына и одна дочь), заставляетъ меньшаго изъ нихъ ѣздить у себя на колѣнахъ, повѣряетъ ихъ успѣхи въ школѣ; своихъ престарѣлыхъ родителей, которые уже отпраздновали свою золотую свадьбу, посѣщаетъ по нѣскольку разъ въ годъ, хотя они живутъ за 850 англійскихъ миль отъ Вашингтона. Грантъ принадлежитъ къ епископской методистской церкви, которую онъ регулярно посѣщаетъ.

Вообще этотъ человѣкъ отличается во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣнною вѣрностью своему долгу — онъ былъ душою своего дѣла во время войны и военнымъ министромъ во время мира. Поэтому-то, когда, узнавъ отъ депутаціи изъ Чикаго объ избраніи его въ кандидаты на президенство, онъ отвѣчалъ кратко и просто, что обѣщаетъ исполнить свой долгъ, то это была не фраза съ его стороны, а слово, на которое можно вполнѣ положиться.

3-го ноября 1868 года Грантъ былъ выбранъ въ президенты,—и судя по тому, что сдѣлано имъ въ это короткое время, можно смѣло надѣяться, что Грантъ будетъ достойнымъ преемникомъ Вашингтона и Линкольна.

Судебная хроника.

Въ послѣднее время было нѣсколько замѣчательныхъ процессовъ, съ содержаніемъ которыхъ мы намѣрены познакомить нашихъ читателей. Особенно интересными между ними являются: дѣло о кражѣ книгъ изъ Публичной библіотеки и политическое дѣло объ открытомъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Имперіи заговорѣ. Слѣдуя хронологическому порядку, въ какомъ разбирались эти дѣла, мы остановимся сначала на первомъ изъ изъ нихъ.

Дѣло Пихлера. Съ осени 1869 года, въ Императ. Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ началась пропажа книгъ, постепенно увеличивавшаяся. Сначала подозрѣніе пало на рабочихъ, занимавшихся поправкою зданія; но вскорѣ обнаружилось, что пропажа не прекращалась и послѣ того какъ работы были кончены. Начальство библіотеки терялось въ догадкахъ, не зная откуда шла бѣда. Сдѣлано было распоряженіе, чтобъ послѣ извѣстнаго часа въ библіотеку не впускать никого изъ постороннихъ лицъ, съ тѣмъ что если пропажи будутъ продолжаться и по введеніи этой мѣры, то станетъ очевиднымъ преступное участіе кого-либо изъ служащихъ въ библіотекѣ. Надежды въ этомъ случаѣ оправдались: пропажа не только не прекращалась, но еще усилилась. Принуждены были слѣдить за всѣми служащими, что продолжалось до начала марта 1871 г., пока наконецъ не обнаружилось, что виновникомъ всего этого былъ служившій въ библіотекѣ баварскій подданный, докторъ богословія Алоизій Пихлеръ, извѣстный въ Европѣ ученый, человѣкъ принятый здѣсь въ высшемъ обществѣ. На квартирѣ его нашли около 4,500 книгъ, принадлежащихъ Публичной Библіотекѣ, между которыми оказались книги не только богословскаго содержанія, но и изъ другихъ отдѣловъ, множество вырванныхъ гравюръ и рисунковъ, переплетенныхъ въ особые томики. На большей части этихъ книгъ были стерты орлы Библіотеки и двѣ начальныя буквы, выставляемыя обыкновенно на переплетахъ всѣхъ томовъ, принадлежащихъ этому богатому книгохранилищу. Большая часть ихъ уже была уложена въ ящики и забита гвоздями, для отправки заграницу. Д. Пихлеръ, на спросъ его, откуда у него явилось такое количество книгъ, сознался, что въ продолженіи двухъ лѣтъ выносилъ ихъ изъ Публичной Библіотеки; что онѣ нужны были ему для его постоянныхъ занятій; что бралъ онъ ихъ, не зная о существованіи правилъ, запрещающихъ выносить книги изъ библіотеки, но что современемъ намѣревался заявить объ этомъ начальству; что орлы и другіе библіотечные знаки были соскоблены не имъ, а двоюродною сестрою его Кр. Виммеръ, которая, предполагая, что всѣ эти книги пріобрѣтены имъ отъ другихъ владѣльцевъ, наклеивала на выскобленныхъ мѣстахъ ярлыки съ надписью «библіотека Пихлера»; что въ Мюнхенѣ онъ бралъ по нѣсколько сотенъ книгъ на домъ и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ, а слѣдовательно не могъ думать, чтобы то же самое не было дозволено ему въ Россіи. Способъ же, посредствомъ котораго ему удавалось незамѣтнымъ образомъ выносить изъ библіотеки книги, состоялъ въ томъ, что онъ постоянно носилъ два сюртука и, кромѣ того, мѣшокъ, пришитый подъ однимъ изъ нихъ помогавшею ему въ этомъ дѣлѣ двоюродной его сестрою. Изъ показаній свидѣтелей, товар. министра нар. просвѣщенія Делянова, библіотекарей Бычкова и Собольщикова, а отчасти и самого Пихлера, видно, что похищеніе было обставлено имъ разнаго рода условіями, съ цѣлію отвлечь отъ себя подозрѣніе въ кражѣ: такъ, онъ ходилъ постоянно въ длинномъ пальто и отказывался оставлять его въ прихожей; не снималъ резиновыхъ галошъ и тѣмъ дѣлалъ свои шаги неслышными; когда обнаружилась кража 72-хъ томовъ Вольтера, онъ, вмѣстѣ съ другими библіотекарями, возмущался наглостью такаго крупнаго похищенія и при этомъ выразился даже, что столь наглая покража могла быть сдѣлана только въ Россіи; наконецъ, онъ же нѣсколько разъ, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе, указывалъ на другихъ лицъ, которыя будто бы приходили въ отдѣленія и шарили по полкамъ. Защитникъ подсудимаго, прис. повѣр. Арсеньевъ въ своей рѣчи старался доказать, что Пихлеръ дѣйствовалъ полу-безсознательно, подъ вліяніемъ страсти (книгоманіи), а это видно изъ того, что въ дѣйствіяхъ подсудимаго, сначала до конца, проглядываетъ такая необдуманность, такое отсутствіе самой элементарной сообразительности, что невольно заставляетъ предполагать объ отсутствіи корыстнаго разсчета. Петербургскій Окружной судъ, на разсмотрѣніе котораго, въ концѣ іюня нын. года, поступило это дѣло, предложилъ присяжнымъ засѣдателямъ два вопроса, на которые они отвѣчали, что Ал. Пихлера признаютъ виновнымъ въ похищеніи изъ Публ. Библіотеки книгъ, съ цѣлію присвоить себѣ ихъ, и въ порчѣ многихъ другихъ сочиненій, а двоюр. сестру его Кр. Виммеръ—въ сокрытіи означеннаго преступленія, но требующею снисхожденія. Кромѣ того, къ подсудимому Пихлеру будетъ предъявленъ отъ Публичной Библіотеки гражданскій искъ, въ размѣрѣ 1,892 рублей. Судъ постановилъ: на основаніи 1655, 548, 175 ст. Ул и 828 и 725 Устр. Угол. Пр., подсудимаго Пихлера, лишивъ

всѣхъ правъ состоянія, ордена св. Станислова 2-й степени, сослать на житье въ Тобольскую губернію, съ воспрещеніемъ, въ продолженіи года, отлучки изъ назначеннаго мѣста, и въ теченіе двухъ лѣтъ—изъ губерніи. Приговоръ этотъ представить на усмотрѣніе Государя Императора. Кресц. Виммеръ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ, заключить въ рабочій домъ на 4 мѣсяца, а по освобожденіи выслать заграницу, съ воспрещеніемъ возвращенія, а въ случаѣ непринятія ея въ отечествѣ—отдать подъ надзоръ полиціи. Гражданскій искъ признать подлежащимъ удовлетворенію, размѣръ коего опредѣлить особо.

II. Нечаевское дѣло. Съ 1-го іюля, въ С.-Петербургской Судебной Палатѣ разбирается извѣстное политическое дѣло о заговорѣ, составленномъ съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи. Присутствіе Судебной Палаты состоитъ изъ предсѣдателя и пяти членовъ; къ нимъ присоединены еще четыре сословныхъ члена: исправляющій должность губернскаго предводителя дворянства, царскосельскій уѣздный предводитель дворянства, с.-петербургскій городской голова и волостной старшина 2-й Александровской волости. Кромѣ того, шестеро защитниковъ и прокуроръ. Дѣло это поглощаетъ вниманіе публики, которая съ самаго ранняго утра собирается у дверей Палаты и слушаетъ пренія, продолжающіяся иногда до поздняго вечера. Болѣе 80-ти лицъ привлечено къ этой исторіи, не считая свидѣтелей. Подсудимые раздѣлены на 11 группъ, которымъ соотвѣтствуютъ столько-же обвинительныхъ актовъ. Дѣло это начато въ 1869 году и только теперь могло быть приведено къ окончанію; оно занимаетъ нѣсколько томовъ, въ нѣсколько тысячъ листовъ, такъ-что на прочтеніе его защитниками потребовалось болѣе недѣли; разбираться же оно будетъ, вѣроятно, около мѣсяца.

До сихъ поръ, т. е. до 10-го іюля, все еще разбирается дѣло первой группы подсудимыхъ, къ которой принадлежатъ 11 лицъ. Сущность обвинительнаго акта по этому дѣлу состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1869 года, въ Медико-Хирургической Академіи, Университетѣ и Технологическомъ Институтѣ происходили въ средѣ студентовъ этихъ заведеній волненія, причиною которыхъ было заявленное молодежью требованіе имѣть свою студенческую кассу и права составлять сходки для обсужденія дѣйствій этой кассы. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ волненія эти были прекращены; но при разслѣдованіи дѣла, кромѣ указанной причины, было открыто, что желанія эти, а съ ними и выражавшая ихъ молодежь, были не болѣе какъ орудіемъ въ рукахъ людей, преслѣдовавшихъ совсѣмъ иныя цѣли. Въ концѣ марта тогоже года задержано было напечатанное въ типографіи Дементьевой воззваніе подъ заглавіемъ «Къ обществу», въ которомъ неизвѣстный авторъ, отъ имени студентовъ, обращается къ общественному мнѣнію, стараясь объяснить истинную причину происходившихъ между ними безпорядковъ. Дальнѣйшія разслѣдованія показали, что въ Москвѣ, между слушателями Петровской Академіи, а также между нѣсколькими посторонними лицами, существовало нѣчто въ родѣ тайнаго общества, имѣвшаго цѣлію вербовку новыхъ членовъ, организованіе изъ нихъ кружковъ, сборъ денегъ, пропагандированіе какихъ-то идей между разными слоями общества и т. д. Поводомъ къ раскрытію этого послужили многіе изъ предосудительныхъ документовъ, найденные при обыскѣ у дворянина Успенскаго, бывшаго въ то время прикащикомъ въ книжномъ магазинѣ Черкесова, какъ напр. заграничный паспортъ на чужое имя, бланки «Комитета народной расправы» съ печатью, на которой изображенъ топоръ, «Общія правила организаціи», революціонное воззваніе подъ заглавіемъ «Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ» и т. под. Главнымъ организаторомъ этого общества, какъ и вообще руководителемъ всего дѣла, является бывшій учитель Сергіевскаго приходскаго училища въ Петербургѣ, Сергѣй Нечаевъ, который, при посредствѣ дворянина Успенскаго, осенью 1869 года, организовалъ между слушателями Петровской Академіи кружокъ, выдавалъ себя за посланнаго отъ всемірнаго революціоннаго комитета изъ Женевы, для возбужденія въ Россіи народнаго возстанія, указывая при этомъ на 19-е февр. 1870 года какъ на самый удобный для народнаго движенія день,—составилъ, для руководства, общія правила организаціи и «правила сѣти отдѣленій», вербовалъ новыхъ членовъ и распредѣлялъ роли между старыми, ѣздилъ въ Петербургъ для организованія здѣсь особаго кружка, наконецъ замыслилъ и исполнилъ убійство слушателя Петровской Академіи Иванова, сдѣлавшагося членомъ кружка, но во многомъ расходившагося съ Нечаевымъ. Роль кружковъ должна была заключаться, первое время, въ подготовительной работѣ, т. е. въ скопленіи капиталовъ, въ направленіи общественнаго мнѣнія, въ поддержаніи агитаціи и т. д. Убійство Иванова совершено при слѣдующихъ обстоятельствахъ. По показанію Успенскаго, Кузнецова и другихъ подсудимыхъ, Ивановъ не сходился во взглядахъ съ Нечаевымъ; вслѣдствіе чего между ними происходили частые споры, постепенно усиливавшіе раздраженіе съ той и съ другой стороны. Мысль объ убійствѣ Иванова, который становился для кружка опаснымъ, возникла у Нечаева и затѣмъ 21 ноября при помощи дворянина Успенскаго, купеч. сына Кузнецова, мѣщанина Николаева и отставнаго коллежскаго секретаря Прыжова, была приведена въ исполненіе въ академическомъ гротѣ. Ивановъ, часу въ 5-мъ вечера, былъ заведенъ туда Николаевымъ и Прыжовымъ; тамъ ожидали его остальные трое. Послѣ выстрѣла изъ пистолета, сдѣланнаго Нечаевымъ Иванову прямо въ голову, къ несчастному привязали камни и стащили его въ прудъ, гдѣ потомъ случайно онъ и былъ найденъ.—Что касается до цѣли тайнаго общества, открытаго въ Москвѣ, то по словамъ обв. акта, она опредѣляется изъ того, что «послѣ долгихъ споровъ съ Нечаевымъ о способахъ къ измѣненію государственнаго устройства Россіи путемъ мирнаго распространенія знаній въ массѣ народа или съ помощію внезапнаго политическаго переворота», перевѣсъ взяла мысль дѣйствовать круто, т. е. такъ, какъ совѣтовалъ Нечаевъ,—стремиться къ произведенію возстанія въ народѣ, совершивъ передъ этимъ нѣсколько политическихъ убійствъ въ высшихъ сферахъ государственнаго управленія и между журналистами. Такимъ образомъ, на основаніи уликъ, пріобрѣтенныхъ слѣдствіемъ, суду с. петербургской судебной палаты предаются 11 лицъ, обвиняемыхъ въ слѣдующемъ: 1) Бывшій прикащикъ книжн. маг. дворянинъ *Петръ Успенскій*, 2) бывшій слушатель Петровской земледѣльческой Академіи въ Москвѣ, купеч. сынъ *Алексѣй Кузнецовъ*, 3) отст. Колл. секретарь *Иванъ Прыжовъ*, 4) московскій мѣщанинъ *Николаевъ*—всѣ четверо въ томъ: во-1-хъ, что, по соглашенію съ прибывшимъ изъ Женевы осенью 1869 года Нечаевымъ, составили въ Москвѣ, а изъ нихъ Кузнецовъ началъ составлять и въ Петербургѣ, заговоръ съ цѣлію ниспроверженія правительства во всемъ государствѣ и перемѣны образа правленія въ Россіи, при чемъ злоумышленіе ихъ было открыто правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ,—и во 2-хъ, въ томъ, что они, по предварительному между собою соглашенію, но по подговору вышепоименованнаго Нечаева, совершили 21-го ноября 1869 г. убійство слушателя Петровской Академіи Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто, т. е. обвиняются въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ 249, 250, 13 и 3 п. 1,453 ст. Улож. о Нак. изд. 1866 г. 5) бывшій слушатель той-же Академіи *Иванъ Флоринскій*—въ томъ, что принималъ участіе въ дѣйствіяхъ заговора съ знаніемъ о цѣли ихъ, т. е. въ предусм. тѣми-же 249 и 250 ст. Ул. 6) Сынъ Священника, бывшій учитель сельской школы въ с. Ивановѣ, *Владиміръ Орловъ*, 7) Бывшій прикащикъ московскаго книжнаго магазина Черкесова, дворянинъ *Феликсъ Волховскій*, 8) кандидатъ правъ *Петръ Ткачевъ* и 9) бывшій студентъ Медико-Хирургической Академіи *Михаилъ Кориновскій* въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ и перемѣнить образъ правленія,

совершили для этого приготовительныя дѣйствія, причемъ также злоумышленіе ихъ было открыто правительствомъ заблаговременно, т. е. въ преступленіи, пред. тѣми-же 249 и 250 ст. Улож. 10) Жена полковника *Елизавета Томилова*—въ томъ, что дѣйствіями своими помогала обвиняемымъ Нечаеву и Орлову совершать приготовленія къ государственному преступленію, которое потомъ выразилось въ составленіи означеннаго заговора, причемъ Томилова знала о такомъ ихъ злоумышленіи, т. е. обвиняется въ преступленіи, предусм. 13, 121, 249 и 250 ст. Улож. о Наказ. и 11) С.-Петерб. мѣщанка *Александра Дементьева* въ томъ, что напечатала въ своей типографіи и затѣмъ распространила воззваніе «Къ обществу», съ цѣлію возбудить къ явному неповиновенію власти верховной, т. е. въ преступленіи, предусм. 251 ст. Ул. о Наказаніяхъ.

О результатахъ суда по этому дѣлу, а также приговоръ надъ означенными лицами, мы сообщимъ въ свое время. Судебныхъ же преній и вообще весь ходъ процесса, по крайнему недостатку мѣста, мы не имѣемъ возможности изложить даже въ самомъ сокращенномъ видѣ.

Политическое обозрѣніе.

Успѣхи прусскаго оружія за послѣднюю войну и за войну 1866 года съ австрійцами—заставили многія изъ государствъ Европы подумать объ усовершенствованіи своей военной части и заняться преобразованіемъ ея на началахъ, сходныхъ съ прусскими. Даже самая устойчивая изъ всѣхъ державъ—Англія—и та не избѣгла общей участи. Проектъ министерства Гладстона (о которомъ упоминалось прошлый разъ), какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтилъ сильнѣйшій отпоръ въ консервативной палатѣ лордовъ. Герцогъ Ричмондъ и другіе члены сильно нападали на правительство, заявляя необходимость оставить продажу офицерскихъ мѣстъ на прежнемъ основаніи, а проектъ министерства отвергнуть. Дѣло дошло до того, что Гладстонъ принужденъ былъ обратиться къ королевѣ и, посредствомъ даннаго ею повелѣнія, привести свой билль въ исполненіе. Такимъ образомъ, на основаніи этого повелѣнія, съ 1-го ноября 1871 г. продажа чиновъ въ арміи отмѣняется навсегда. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ законъ стоитъ въ предверіи цѣлаго ряда мѣръ, которыя министерство намѣрено провести въ наискорѣйшемъ времени; очень можетъ статься также, что, постепенно приуготовляемые къ этимъ преобразованіямъ, члены палатъ перейдутъ потомъ на сторону нововведеній и тѣмъ устранятъ необходимость прибѣгать къ той неконституціонной мѣрѣ, на которую долженъ былъ рѣшиться Гладстонъ въ виду упорнаго сопротивленія Верхней Палаты. Преобразованія по военной части вводятся и въ другихъ государствахъ. Особенно рѣшительный характеръ получаютъ они въ Швеціи, гдѣ назначенная для разработки этого вопроса коммиссія пришла къ убѣжденію, что право лицъ ставить за себя наемщика должно быть отмѣнено—и военной повинности должны подлежать всѣ граждане, не исключая даже народныхъ учителей и проповѣдниковъ. Въ Швейцаріи, этой маленькой но неприступной странѣ, также замышляютъ преобразованія. Но тамъ обращается вниманіе не столько на перевооруженіе войскъ, сколько на необходимость радикальныхъ измѣненій въ системѣ военнаго образованія офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Офицеры, по проекту особой военной коммиссіи, должны составлять постоянный, никогда не распускаемый, штабъ; унтеръ-офицеры обязаны, въ теченіе года, по три дня въ недѣлю посѣщать спеціальныя унтеръ-офицерскія школы. Лагерное время будетъ увеличено. Военныя реформы коснулись даже Турціи. До сихъ поръ въ этой странѣ артиллерія была устроена по образцу прусской, а пѣхота и кавалерія на манеръ французскихъ. Теперь всѣ роды войска хотятъ привести къ одному образцу—прусскому. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно, кажется, сдѣлать безошибочное заключеніе, что общій голосъ европейскихъ державъ, предпочитающихъ прусскую военную систему всѣмъ остальнымъ, имѣетъ за себя то тревожное состояніе, которое наступило для нихъ послѣ блистательной побѣды дисциплинированной Германіи надъ недисциплинированной Франціей.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 16 Іюля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Тип. [illegible] № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 26 іюля 1871 года.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Лунная ночь.

(Окончаніе).

«Она хочетъ быть его мукою и блаженствомъ, онъ долженъ томиться, трепетать передъ нею. Она не выноситъ того, что онъ *не хочетъ обладать ею.* До тѣхъ поръ, пока его страсть не поглотитъ всего, его сомнѣній, его нравственныхъ правилъ, онъ не любитъ ее, любитъ не такъ какъ хотѣло бы ея гордое, суетное сердце. Она чувствуетъ, что должна совершенно отдаться ему, для того чтобъ владѣть имъ какъ своей собственностью, которую никто не будетъ въ состояніи отнять у нея».

«Она топаетъ ногою, а потомъ говоритъ коротко и рѣзко: «Я не уйду». Злая улыбка играетъ на ея губахъ въ то время, какъ она садится въ кресло и сбрасываетъ шубу».

«Прости меня», начинаетъ Владиміръ, «я оскорбилъ тебя, я страшно жалѣю объ этомъ. Слышишь ли, Ольга, милая Ольга? говори же. Ты знаешь теперь, что̀ я думаю. Ты любишь меня, ты не можешь жить безъ меня — я самъ вижу это теперь. И я также не могу представить себѣ, какъ бы я сталъ жить безъ тебя. Прошу тебя, рѣши за меня, оставь домъ, гдѣ никогда уже не будетъ мира; будь моею, совершенно моею. Я перенесу тебя на рукахъ черезъ эту суровую жизнь, буду служить тебѣ, защищать тебя, буду жить для одной тебя».

«Развѣ я не хочу быть твоею, совершенно твоею?» вскричала Ольга съ фанатической преданностью, глядя на него большими, покойными глазами».

«Владиміръ покачалъ головою, сѣлъ на старый, оборванный диванъ, и потупилъ лицо къ землѣ».

«Ты сомнѣваешься»? вскричала она. «Ну, ты не можешь убѣдить меня, а я тебя могу».

«Нѣжная краска разлилась по лицу ея, она быстро подошла къ двери, заперла ее и бросилась передъ нимъ на колѣни».

«Ольга, что̀ у тебя на умѣ?»

«Поди ко мнѣ!» сказала она, «какъ ты дрожишь!» — она съ нѣжностію подсѣла къ нему. «Не бойся меня».

«Я въ самомъ дѣлѣ боюсь», возразилъ онъ, словно въ лихорадкѣ, «сжалься надо мною, уйди!»

«Я сжалилась и остаюсь», возразила она смѣясь, «да, ты погибъ».

«Ея зрачки расширились, ея ноздри дрожали; когда она, нѣжно прильнувъ къ нему, начала цѣловать его, она оскалила зубы, словно граціозный хищный звѣрь, въ разгарѣ разнузданной жестокости».

«Ты душишь меня своими поцѣлуями», бормоталъ Владиміръ, «моя душа дѣлается въ рукахъ твоихъ какъ воскъ».

«Но прекрасная искусительница не удовлетворилась его душою. «Ты долженъ потерять разсудокъ»! шептала она, «тогда мы сравняемся!»

«И она опять цѣловала его влажными горячими губами, которыя сводили его съ ума; онъ привлекъ ее

къ себѣ и сталъ безсознательно разбирать обѣими руками ея распустившіеся влажные волосы».

«Не гляди на меня», пролепетала она».

«И наконецъ наступила минута, разомъ уничтожившая ихъ сомнѣнія, страданія, ихъ сдержанность. Тотъ, кого она любила, принадлежалъ ей; въ немъ не было ни одной капли крови, которая не была бы полна ею».

«И когда, успокоенный на груди ея, онъ упалъ потомъ къ ея ногамъ и глядѣлъ на нее съ выраженіемъ обожанія, она засмѣялась короткимъ, торжествующимъ смѣхомъ».

«Видишь ли ты», бормотала она, «ты презиралъ меня, отталкивалъ отъ себя, и вотъ ты лежишь теперь у ногъ моихъ, и если бы я хотѣла»....

«Я оскорбилъ тебя», говорилъ онъ, какъ бы мечтая, «теперь ты можешь топтать меня ногами».

«Ахъ ты простота»! шаловливо вскричала она, «что мнѣ въ этомъ проку? Подумай-ка».

«Если бы только я могъ думать!», возразилъ онъ. Отъ всего существа его вѣяло тихой грустью. «Одно сильное чувство», продолжалъ онъ, «поглощаетъ все прочее. Я отдалъ тебѣ мои лучшія мысли, чувства, правила цѣлой жизни, и ты сдуваешь ихъ, словно это трепещущіе шары одуванчика. Я не спрашиваю тебя, что̀ теперь будетъ; я знаю только то, что я хочу быть твоимъ, твоей собственностью, твоимъ рабомъ».

«Она ничего не возражала, въ ея душѣ было тихо; она знала теперь, что̀ такое любовь и счастье»...

«Ольга, вскорѣ послѣ своей свадьбы, подарила своей кормилицѣ небольшой хуторъ или фольварокъ, лежавшій второнѣ и окруженный кустарниками».

«Вѣрная, преданная кормилица стала теперь ея повѣренной, и любящіеся видѣлись у ней въ маленькой комнатѣ, которую Ольга убрала, украдкою, самымъ роскошнымъ образомъ».

«Владиміръ былъ теперь вполнѣ преданъ ей».

«Оба плавали въ блаженствѣ. Чувство, жившее во глубинѣ души ея и проливавшее свѣтъ и блескъ на весь окружающій міръ, какъ бы изгладило изъ Ольгиной жизни всевозможныя муки, всевозможныя непріятности. Среди этого безконечнаго счастья ею вдругъ овладѣла глубокая боязнь, дѣвическая стыдливость, трогавшія до глубины души ея возлюбленнаго. Она вздрагивала всякій разъ какъ Владиміръ касался ея одежды».

«Въ это-то время началъ говорить въ Ольгѣ этотъ второй голосъ. Это неземные владиміровы глаза пробудили въ ней эту вторую душу».

«Это случилось во время грозы. Свѣчи были потушены, только красныя молніи освѣщали извнѣ комнату, и Ольга полусонная лежала на груди его. Вдругъ явились видѣнія — и она заговорила съ Владиміромъ».

«Онъ сначала не понялъ, потрясъ ее за руки и назвалъ по имени. Но она не пробуждалась. Тутъ овладѣлъ имъ безъименный ужасъ — и онъ сталъ прислушиваться отчасти съ любопытствомъ, а отчасти съ боязнію къ Ольгинымъ рѣчамъ, пока не разошлись облака; только вдали слышались еще глухіе раскаты грома; освѣщаемая полнымъ сіяніемъ мѣсяца, Ольга лежала какъ бы преображенная.

«Скоро Владиміръ привыкъ ко второй Ольгиной душѣ, охотно прислушивался къ ея голосу, и эта вторая душа тоже любила его. Но Ольга отдала бы за него свою жизнь, — и часы, которые она проводила съ Владиміромъ, протекали для нея какъ блаженное сновидѣніе. Теперь Ольга возненавидѣла общество, и только для избѣжанія толковъ являлась еще въ немъ отъ времени до времени».

«Владиміръ часто пріѣзжалъ въ ея усадьбу и нерѣдко оставался на ночь. Онъ спалъ тогда тутъ, въ этой комнатѣ, на этой постели, и Ольга»....

Она запнулась.

Теперь я все понялъ.

«И Владиміръ былъ такъ добръ», продолжала Ольга, «онъ всякій разъ привозилъ книгъ, читалъ ихъ Ольгѣ, и съ ангельскимъ терпѣніемъ обучалъ ея дѣтей».

«Когда настала весна, онъ вмѣстѣ съ Ольгой обработывалъ садъ. Тогда тутъ не было ни одного цвѣтка, котораго бы они не посадили вмѣстѣ, а на столѣ не появлялось ни одного кочна капусты, ни одной рѣпы, которые не были бы выращены ими, и пчелы садились на ольгины руки и ползали у ней по волосамъ. Она знала каждое гнѣздо въ саду, малиновку на старомъ грушевомъ деревѣ, маленькаго чижика, соловья, потому-что Владиміръ показалъ ихъ ей, — и она смотрѣла часто, какъ старки улетали и прилетали и кормили пушистыхъ птенцовъ».

«Лѣтомъ они ходили въ поле и садились на краю лѣса или на террасѣ, небо было все въ звѣздахъ, и Владиміръ разсказывалъ ей удивительныя вещи изъ разныхъ поэтовъ, такъ на память, стихами».

«Ольга стала теперь чрезвычайно усердно рисовать ландшафты и сцены съ натуры, — и если она что нибудь изобрѣтала, и Владиміръ разсматривалъ это, и она видѣла по его сіяющимъ глазамъ, что онъ доволенъ этимъ, тогда не было на землѣ такого счастья, которое могло бы сравниться съ ея собственнымъ».

«Послѣ уборки хлѣба, они путешествовали вмѣстѣ по карпатскимъ горамъ. Михаилъ ѣхалъ впереди подлѣ *гуцуловъ**), которые указывали имъ дорогу, а Владиміръ велъ подъ уздцы ольгину лошадь. Они всходили на черную гору, видѣли глубокое, темное озеро на ея вершинѣ и смотрѣли съ высочайшихъ вершинъ этой горы на родную равнину, которой, повидимому, нѣтъ конца».

«А когда зима прогнала ихъ въ маленькій теплый домикъ, то любовь убрала для нихъ его старыя стѣны миртами и розами, а музы наполнили его пріятный сумракъ свѣтомъ и мелодіей».

«Ея мужъ садился обыкновенно съ дѣтьми на диванъ, Владиміръ въ маленькое темное кресло, а Ольга за фортепіано. Она играла чудныя сочиненія великихъ нѣмецкихъ композиторовъ, или пѣла съ Владиміромъ какую нибудь грустную малороссійскую пѣсню. Часто онъ приносилъ книгу и объяснялъ что-нибудь изъ нея, потомъ они читали, тоже вмѣстѣ, изъ Фауста, Эгмонта, изъ Ромео и Юліи. Въ такомъ случаѣ онъ бывалъ всегда Фаустомъ, Эгмонтомъ, Ромео, а она — Гретхенъ, Клерхенъ или Юліей, которая, прильнувъ взорами къ его глазамъ и губамъ, говоритъ ему:»

«Ужъ близко утро. Я хотѣла бъ, милый,
«Чтобъ ты ушолъ, но лишь не дальше птички,
«Которую, поймавъ, шалунъ пускаетъ,
«Какъ узника, закованнаго въ цѣпи,
«Спрыгнуть съ своей руки, а между тѣмъ
«Все тянетъ онъ ее за шелковинку
«Къ себѣ»...

«Когда замерзалъ маленькій прудикъ, они въ солнечное послѣобѣденное время катались по немъ на конькахъ, и Владиміръ училъ ее выводить на льду разныя

*) Русскіе обитатели восточно-галиційскихъ карпатскихъ горъ.

фигуры. Когда они ѣхали въ саняхъ, Ольга прикрывала своей собольей шубой его колѣна и клала свои ноги на его, какъ на скамейку».

«Но у ней бывали и тяжелые часы».

«Временами ею овладѣвало глубокое раскаяніе—и она хотѣла во всемъ признаться своему мужу и поплатиться за свое блаженство. Временами же она желала бы убѣжать съ Владиміромъ и сдѣлаться его женой, но тутъ ее удерживали дѣти и ея честь. Она колеблется, ломаетъ себѣ голову и мучить себя; а потомъ, когда она покоится въ его объятіяхъ, на его вѣрной груди, всѣ сомнѣнія ея забыты, всѣ мысли умолкаютъ, и она вполнѣ счастлива».

«А впрочемъ, нѣтъ».

«Владиміръ молчитъ, но она читаетъ часто на его мрачномъ челѣ печальное самообвиненіе: я обманулъ друга, который довѣрился мнѣ; я покрылъ позоромъ и грѣхомъ женщину, которую хотѣлъ возвысить».

«Ее мучитъ нѣчто совершенно другое».

«Замѣчаютъ, что она худо живетъ съ мужемъ, ее жалѣютъ, а она такъ безумно счастлива, такъ гордится своимъ счастьемъ, что желала бы крикнуть на весь свѣтъ: «я люблю, я любима имъ, которому всѣ удивляются,—и я *первая*, которая поставила ногу на его гордую голову».

«Она требовала тайны—и именно она-то и не выноситъ ея. Она желала бы, чтобъ ей завидовали, а еще больше ему, котораго она возвысила своею благосклонностью до степени божества».

«Такимъ образомъ, она сама становится предательницей любви своей».

«Она не упускаетъ ни одного случая отличить Владиміра какимъ бы то ни было образомъ. Одинъ онъ можетъ держать ей стремя, выводить ее изъ саней, снимать съ нея шубу; его выбираетъ она въ танцахъ, онъ него требуетъ себѣ прохладительнаго, ему приказываетъ она налить себѣ стаканъ, разрѣзать кусокъ дичи, который у нея на тарелкѣ. Потомъ она съѣдаетъ маленькій кусочекъ и подаетъ ему на вилкѣ слѣдующій, или же пьетъ изъ его стакана, оставляя свой, и ищетъ коснуться его ноги кончикомъ своей. Ея глаза вѣчно устремлены на него или на дверь, если его нѣтъ тутъ; а когда онъ войдетъ, она блѣднѣетъ, а потомъ, сію же минуту, вся покраснѣетъ. Если рѣчь зайдетъ объ немъ, она беретъ съ жаромъ его сторону—и говоритъ о его характерѣ, о его умѣ съ такимъ энтузіазмомъ, который бросается въ глаза даже самымъ добросердечнымъ и невнимательнымъ людомъ».

«Начинается шопотъ, толки — сплетеніе правды, лжи и низости, и наконецъ никто уже не сомнѣвается въ томъ, что Владиміръ Подолевъ счастливый любовникъ прекрасной гордой женщины».

«Объ этомъ намекаютъ ея мужу, онъ довольно долго обороняется противъ сомнѣнія въ своей женѣ, наконецъ имъ овладѣваетъ подозрѣніе—и онъ начинаетъ наблюдать за нею».

«Такъ прошелъ годъ».

«Весна опять бросаетъ свой прелестный розовый свѣтъ, свой первыя яркія цвѣта на крыльцо, а оттуда черезъ открытую дверь въ маленькій залъ, гдѣ Ольга сидитъ съ мужемъ и возлюбленнымъ за чайнымъ столикомъ».

«Воздухъ такъ странно свѣжъ и ароматенъ, далекое вечернее небо сверкаетъ безчисленными звѣздами, въ зеленѣющемся полѣ кричитъ перепелъ, сердцемъ овладѣваетъ необъяснимая боязнь и тоска, сладостная грусть, тревожное счастье».

Вокругъ лампы жужжатъ маленькія ярко-зеленыя мухи и бѣлыя бабочки порхаютъ вокругъ матоваго стекляннаго шара. Владиміръ раскрылъ одинъ томъ Шекспира, Ольга смотритъ изъ-за его плеча и читаетъ вмѣстѣ съ нимъ».

«*Ромео*: «Сомнѣнья нѣтъ, современемъ мы будемъ
«Съ отрадой вспоминать объ этомъ горѣ.
«*Джульетта*: Какая мысль зловѣщая во мнѣ!
«Мнѣ кажется, когда тебя я вижу
«Стоящимъ тамъ, внизу, — что ты въ могилѣ.
«Иль слабъ мой глазъ, иль очень ты ужь блѣденъ.

«Ольгу вдругъ какъ будто бы укололи въ сердце, ею овладѣла неопредѣленная боязнь, и она взглянула на Владиміра, который дѣйствительно былъ страшно блѣденъ».

«Я не могу больше читать», пролепетала она, «у меня сердце точно хочетъ выскочить изъ груди».

«Это отъ весенняго воздуха», сказалъ ея мужъ, «запремте дверь».

«Ольга выходитъ на минуту на крыльцо, потомъ возвращается назадъ и наливаетъ чашки. Она сидитъ теперь противъ своего возлюбленнаго».

«Ея мужъ неусыпно наблюдаетъ за нею, и въ то время какъ онъ повидимому углубленъ въ газету, онъ замѣчаетъ, какъ она обмѣнивается съ Владиміромъ взоромъ, полнымъ безумной нѣжности. Въ самое время она трогаетъ его ногу своей».

«Это моя нога», сказалъ Михаилъ».

«Ольга вздрагиваетъ и съ трепетомъ склоняется надъ столомъ; она видитъ страшно-обезображенное лицо мужа въ ту минуту, какъ онъ медленными шагами идетъ изъ комнаты».

«Ты предала насъ», говоритъ тихимъ голосомъ Владиміръ».

«Я сама боюсь этого», бормочетъ она: «пусть же онъ узнаетъ все, и тогда я твоя, вся твоя, твоя жена, Владиміръ».

«Онъ съ благодарностью глядитъ на нее и прижимаетъ къ своимъ губамъ ея руку».

«О, какъ я люблю тебя — и съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ все болѣе, да болѣе! Ты долженъ остаться здѣсь», продолжаетъ она, «мы еще не обо всемъ переговорили»...

«Только не сегодня», молитъ онъ съ испугомъ, «у меня дурное предчувствіе; ради Бога, нѣтъ!»...

«Михаилъ кашлянулъ прежде чѣмъ вошелъ, напился чаю, а потомъ сталъ жаловаться на головную боль. «Пойдемте спать», глухо сказалъ онъ.

«Владиміръ пожалъ ему и Ольгѣ руку, а потомъ ушелъ въ свою комнату, гдѣ онъ, не раздѣваясь, бросился въ постель».

«Послѣ полуночи на террасѣ послышался шелестъ женской одежды».

«Владиміръ быстро подошелъ къ окну. Все опять стихло. Вдругъ изъ того мѣста, гдѣ лежала глубокая тѣнь, выскочила Ольга и обвила его своими руками».

«Вотъ тебѣ и злое предчувствіе!» смѣялась она».

«Владиміръ не возражалъ, помогъ ей войдти, недовѣрчиво взглянулъ въ садъ и заперъ окошко».

«Тѣмъ временемъ Ольга сѣла».

«Ты боишься меня», шутила она. «Ты имѣешь на это полное право». И вдругъ она обвила своими бѣ-

лыми руками словно сѣтью его шею и привлекла его къ себѣ»...

«Мнѣ такъ жарко», сказала она черезъ нѣсколько времени, «открой окно».

«Владиміръ покачалъ головою».

«Что съ тобою?» вскричала она съ серебристымъ смѣхомъ. «Ты, кажется, боишься моего мужа?» Она встала, открыла окно и потомъ опять прильнула къ нему».

«Пожалуйста, уйди», говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ».

«Ты не шутишь?» возразила она».

«Если ты меня хоть немножко любишь, уйди, умоляю тебя!»

«Ольга только покачала головою и стала играть его волосами».

«Тутъ онъ сдѣлалъ сильное движеніе къ окну; она вздрогнула и быстро отвернула лицо».

«Было уже поздно».

«Ея мужъ стоялъ передъ ними».

«Ольга откинулась назадъ безгласная, словно оцѣпенѣлая, въ то время какъ Владиміръ въ одно мгновеніе ока сталъ между имъ и ею».

«Она не нуждается въ твоей защитѣ», холодно сказалъ Михаилъ, «я ничего ей не сдѣлаю. Ступай въ свою комнату, Ольга, намъ нужно сказать нѣсколько словъ наединѣ».

«Она медленно вышла изъ комнаты съ долгимъ скорбнымъ взглядомъ, устремленнымъ на Владиміра, который смотрѣлъ на нее неестественно-блестящими глазами, заперлась въ своей спальнѣ и бросилась съ тупой и молчаливой скорбью на свое ложе».

«Черезъ нѣсколько времени она услыхала шаги своего мужа, который шелъ къ себѣ въ комнату, потомъ стукъ лошадиныхъ копытъ, а потомъ долгое время все было тихо».

«Наконецъ ея мужъ прошелъ твердыми шагами по корридору, на дворѣ заржала его лошадь, и онъ ускакалъ».

«Это было къ утру. Начинало свѣтать».

«Ольга вышла изъ своей комнаты».

«Кто тамъ?» вскричала она».

«Все молчало. Она дошла до крыльца и еще разъ вскрикнула. Тутъ со двора показался казакъ, зѣвая и протирая заспанные глаза».

«Гдѣ Владиміръ?» спросила она. «И гдѣ баринъ?»

«Баринъ написалъ нѣсколько писемъ», сказалъ равнодушно казакъ, раскусывая соломинку, «а потомъ уѣхалъ, а господинъ Владиміръ уѣхалъ еще прежде».

«Она знаетъ теперь, что они бьются на дуэли, и шатаясь идетъ назадъ въ свою комнату, чуть не падая на каждомъ шагу; кровь холодѣетъ въ ея жилахъ, плакать Ольга не можетъ».

«Она бросается на колѣни передъ распятіемъ, которое виситъ надъ ея постелью, и бьетъ себя кулаками въ лобъ; она надѣется, что Владиміръ убьетъ ея мужа, отца ея дѣтей, и молится... до тѣхъ поръ пока промчавшійся по улицѣ всадникъ не остановился передъ усадьбою».

«Ольга прислушивается съ сердцемъ полнымъ тоски, склонивъ голову на бокъ; всѣ ея пульсовыя жилы бьются, она не смѣетъ шевельнуться».

«Послышались шаги... она помертвѣла».

«Это ея мужъ».

«Онъ ужъ передъ ней».

«Онъ умеръ», говоритъ онъ—его голосъ дрожитъ— «вотъ его письмо къ тебѣ — честь спасена. Ты можешь теперь уйдти, если хочешь»...

«Больше она уже не слыхала, у ней зашумѣло въ ушахъ, и она упала въ обморокъ».

«Когда она пришла въ себя, она лежала на томъ же мѣстѣ—и ея первый взглядъ упалъ на висѣвшее на стѣнѣ распятіе».

«Она не помнила того, что случилось, только у ней было какъ-то пусто и мутно въ головѣ, а сердце какъ будто бы изранено».

«Тутъ она увидала письмо, взглянула на него—и способность мыслить медленно возвратилась къ ней, но она какъ будто бы оцѣпенѣла въ своей горести, источникъ слезъ изсякъ, она почти равнодушно развернула письмо и прочла:»

«Моя возлюбленная жена!

«Ты была мнѣ всѣмъ, моей жизнью, моимъ счастьемъ, моей честью. Изъ-за тебя я измѣнилъ своему долгу, отрекся отъ своихъ лучшихъ убѣжденій. То, что я сдѣлалъ, требовало строгой кары».

«Когда ты будешь читать эти строки, моя судьба будетъ уже рѣшена. Не плачь обо мнѣ. Ты до такой степени наполнила счастьемъ и блаженствомъ одинъ годъ моей жизни, что за него можно отдать все жалкое человѣческое существованіе. Благодарю тебя».

«Будь счастлива, а если это для тебя невозможно, то будь честна и исполняй свой долгъ».

«Пусть я буду жить въ твоемъ воспоминаніи. Прощай.

Твой навсегда

«Владиміръ».

«Ольга молча сложила письмо, встала, одѣлась и начала укладывать свои вещи. Она хотѣла сейчасъ же оставить домъ своего мужа».

«Тутъ она услыхала въ корридорѣ шаги своихъ дѣтей, распахнула дверь, и когда они бросились къ ней на шею съ радостными восклицаніями, она упала передъ ними — и сундуки остались на прежнемъ мѣстѣ».

«Владиміра нашли въ тулавской березовой рощицѣ. Это самое тихое мѣсто на десять миль въ окружности. Полевой сторожъ нашей волости — Леопольдъ знаетъ его — это такъ-называемый старый служака — наткнулся на него, бродя по лѣсу».

«Онъ лежалъ на спинѣ, съ пулей въ груди, съ пистолетомъ въ рукѣ».

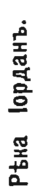
«При немъ нашли письмо, въ родѣ тѣхъ, какія обыкновенно пишутся въ подобныхъ случаяхъ. Вотъ всѣ и рѣшили, что онъ застрѣлился самъ, и похоронили его за стѣнами кладбища».

«Что слѣдуетъ за этимъ, случается сплошь и рядомъ каждый день, но все-таки принадлежитъ сюда же».

«Ольга возненавидѣла своего мужа всею душою и все-таки осталась въ его домѣ; горе почти свело ее съ ума; часто ею овладѣвала страшная ненависть, она уже зарядила пистолетъ, которымъ онъ убилъ Владиміра, для того чтобъ застрѣлить его, — и все-таки осталась у него, потому-что она должна *быть любимой*, иначе она не можетъ жить, и ей отрадно, что онъ ее любитъ, что онъ страдаетъ отъ страшнаго сознанія, что она его и все-таки не его».

«Часто она тяготится жизнію до послѣдней степени возможности».

«Съ тѣхъ поръ лицо ея покрыто страшной блѣд-

Рѣка Іорданъ.

ностью; ея сердце не перестаетъ болѣть, а въ лунную ночь она должна бродить, бродить безъ отдыха»...

Она замолчала.

— Теперь Леопольдъ знаетъ все, сказала она съ трогательной покорностью,— теперь онъ пойметъ Ольгу— и будетъ молчать.

Я поднялъ руку какъ бы для клятвы.

— Онъ не измѣнитъ ей, я знаю это, сказала она,— доброй ночи. Пѣтухъ пропѣлъ уже второй разъ, на востокѣ показалась полоска свѣту, бѣлая какъ молоко. Я ухожу.

Она пошла медленными шагами, распрямляя свои роскошные члены и провела обѣими руками по волосамъ, которые подъ ея пальцами затрещали и заискрились. Въ окнѣ она еще разъ обернулась и приложила ко рту палецъ.

Затѣмъ она исчезла.

Я долго прислушивался, потомъ всталъ и подошелъ къ окну. Кругомъ не было ничего, кромѣ облитаго лунымъ серебромъ ландшафта и глубокой ночной тишины.

. . . .

Когда на другое утро я вошелъ въ маленькую столовую, хозяинъ пригласилъ меня позавтракать съ нимъ.

— А потомъ я самъ выведу васъ на дорогу, предупредительно сказалъ онъ.

— А гдѣ же ваша супруга? спросилъ я, нѣсколько помедливъ.

— Моей женѣ нездоровится, отвѣчалъ онъ довольно небрежно,— она страдаетъ мигренью, въ особенности во время полнолунія. Не знаете ли вы какого-нибудь средства противъ этой болѣзни? Одна старуха совѣтывала мнѣ соленые огурцы, что́ вы думаете объ этомъ?

Мы разстались только по ту сторону лѣса.

Несмотря на его дружеское приглашеніе, я ни разу не былъ у него,—и всякій разъ, какъ я проѣзжаю мимо одинокой усадьбы съ темными тополями, на меня находитъ какой-то грустный ужасъ.

Я никогда больше не видалъ Ольги, но во снѣ мнѣ часто является ея прелестный образъ съ величаво-блѣдной головой, съ закрытыми глазами и распущенными роскошными волосами.

Рѣка Іорданъ.

Приступая къ описанію Іордана, мы считаемъ необходимымъ сказать сперва нѣсколько словъ о той мѣстности, среди которой течетъ эта рѣка и которой суждено было играть такую важную роль въ исторіи религій.

Палестина (*Ханаанъ или обѣтованная земля*) заключаетъ въ себѣ не болѣе 400 кв. миль. Прежде, но не теперь—послѣ опустѣнія—Ханаанъ былъ извѣстенъ, какъ прелестная страна съ отличными пастбищами и богатой растительностью; ея такъ-называемыя пустыни были ни что иное, какъ невоздѣланные луга. Она вошла въ пословицу, какъ земля въ которой текутъ молоко и медъ. Это земное благословеніе служило образцомъ того духовнаго благословенія, которымъ страна эта была надѣлена щедрѣе другихъ. Всѣ событія, разсказанныя въ св. Писаніи, совершались здѣсь,—а потому не удивительно, что она издавна была предметомъ благочестиваго уваженія. Въ Средніе вѣка все западное христіанство старалось отнять ее у магометанъ посредствомъ Крестовыхъ походовъ (1095—1270), но это имъ не удалось—и Палестина до сихъ поръ составляетъ часть Турецкой имперіи.

Палестина занимаетъ южную половину известковаго или мѣловаго плоскогорья, которое, начинаясь къ западу отъ средняго теченія Евфрата, проходитъ до 2000′ и потомъ круто обрывается въ большую ложбину или продольную долину, извѣстную подъ именемъ долины *Эль-Горъ*. Въ этой ложбинѣ на сѣверъ течетъ *Оронтъ*, нынѣ *Эль-Ази*, на югъ *Іорданъ*. По ту сторону рѣкъ плоскогорье снова поднимается и ниспадаетъ къ Средиземному морю. Сѣверная часть плоскогорья есть турецкая провинція *Сирія*, южная какъ сказано выше—*Палестина*.

Іорданъ—единственно значительная и почти единственно не пересыхающая рѣка Палестины. Область его истоковъ находится на южномъ склонѣ горы *Гермонъ* (нынѣ *Джебекъ-Эль-Шейхъ*), 9500′, находящейся въ соединеніи съ Антиливаномъ. Изъ двухъ главныхъ источниковъ этой рѣки, одинъ, восточный (имѣющій западное направленіе), беретъ начало на высотѣ 1194 футовъ, а другой, западный (текущій по направленію къ югу)—на высотѣ 2354 футовъ. Соединенная рѣка принимаетъ южное направленіе, течетъ по узкой долинѣ, замкнутой крутыми горными стѣнами, въ небольшое илистое и заросшее тростникомъ озеро *Меромъ* (теперь *Баръ-Эль-Гуле*), лежащее на высотѣ 265 футовъ. Отсюда начинается замѣчательное пониженіе іорданской долины. Вытекающая изъ южной оконечности этого озера, рѣка становится тиха и мутна, но скоро опять свѣтлѣетъ и течетъ между поросшими тростникомъ берегами. Въ $1^1/_2$ миляхъ отъ ея выхода изъ озера Меромъ, гдѣ она имѣетъ 64—80 фут. ширины, черезъ нее ведетъ мостъ Іакова, построенный послѣ Крестовыхъ походовъ; а еще черезъ $2^1/_2$ мили она вливается въ *Генисаретское озеро*, лежащее уже на 612 футовъ ниже уровня Средиземнаго моря. Выйдя изъ южной оконечности Генисаретскаго озера, гдѣ она имѣетъ 100 фут. ширины и 4—5 фут. глубины, Іорданъ вступаетъ въ долину Эль-Горъ (1—2 миль въ ширину), которая простирается до Мертваго моря и далѣе и отчасти представляетъ одни только голые холмы, отчасти же образуетъ прекрасную равнину, покрытую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самою роскошною растительностью. На этой равнинѣ Іорданъ течетъ такъ извилисто, что на разстояніи 12 миль длины и 1 мили ширины онъ протекаетъ покрайней мѣрѣ 40 миль и образуетъ 27 быстринъ. Его берега покрыты тростникомъ и тамарискомъ. Въ южной части своего теченія Іорданъ проходитъ солонцовато-глинистую голую равнину. Лежащій на западъ отъ него Іерихонъ, когда-то славившійся пальмовыми рощами и благоухающими садами, точно такъ же какъ своими великолѣпными строеніями и дворцами, превратился теперь въ бѣдную деревню. Неподалеку отъ него показываютъ мѣсто, гдѣ Христосъ принялъ крещеніо отъ Іоанна,—и эта часть берега всегда покрыта толпами богомольцевъ, стекающихся сюда для того, чтобъ искупаться въ этихъ водахъ. Впрочемъ, гдѣ есть вода, тамъ и теперь еще теченіе рѣки сопровождается удивительною роскошью растительности, оживленной цѣлыми

стаями пѣвчихъ птицъ. Наконецъ, на разстояніи 27 миль отъ своего истока, Іорданъ (имѣющій тутъ 540 фут. ширины и 3 фута глубины) изливается двумя рукавами въ *Мертвое море*, лежащее на 1245 фут. ниже уровня Средиземнаго моря. Главнѣйшіе притоки Іордана суть: съ правой стороны: Церка или Ябокъ и Шеріатъ-эль-Мандуръ, берущій начало въ Гарунскихъ горахъ.

Петербургская примадонна Лукка
на театрѣ военныхъ дѣйствій.

(Окончаніе).

Госпожа Лукка безстрашно пошла впередъ, оглядываясь направо и на лѣво, и скоро достигла до самыхъ крайнихъ форпостовъ. Здѣсь увидала она ободранный пулями пень—и порядочно усталая, избрала его своимъ кресломъ. Отсюда дѣйствительно можно было видѣть въ подзорную трубку французскіе штыки, сверкавшіе на солнцѣ. Мѣстность между нѣмецкими и французскими форпостами было совершенно ровная.

Стоявшій тутъ солдатъ 48-го полка, истый, чистокровный берлинецъ, уже нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее въ величайшимъ удивленіемъ, не будучи въ состояніи объяснить себѣ ея появленія. Теперь, оставивъ защищавшій его земляной валъ, онъ подошелъ къ ней ближе.

— Госпожа, заговорилъ онъ, — что вамъ тутъ надо?

— Мнѣ хотѣлось взглянуть вблизи на военное ремесло, отвѣчала она безъ малѣйшаго замѣшательства.

— Мм!.. пробормоталъ солдатъ.—Взгляните-ка на пень, на которомъ вы сидите.

— Да я ужъ смотрѣла на него, передъ тѣмъ какъ сѣсть.

— Какъ вы думаете, кто его такъ ободралъ?

— Должно быть непріятельскія пули, отвѣчала она.

— И вы рѣшились сѣсть на него?

— Еслибъ у меня былъ подъ рукою диванъ, я разумѣется предпочла бы его.

Это внушило уваженіе солдату.

— Если вы такъ храбры, сказалъ онъ съ истинно солдатскимъ добродушіемъ,— то я поподчую васъ сливами!

При этихъ словахъ, онъ опустилъ руку въ свой только-что вымытый мѣшокъ для хлѣба и досталъ оттуда чудеснѣйшихъ жолтыхъ сливъ, которыя онъ высыпалъ примадоннѣ на колѣни.

— Покорнѣйше благодарю, отвѣчала она смѣясь и уже поднесла ко рту одну сливу, какъ солдатъ закричалъ:

— Бомба! нагнитесь!

— Гдѣ, гдѣ? спрашивала она съ любопытствомъ, смотря вверхъ.

Въ эту минуту шагахъ можетъ-быть во ста отъ нея лопнула граната.

— Теперь я посовѣтывалъ бы вамъ, сказалъ солдатъ выразительнымъ тономъ,—какъ можно скорѣе уйти отсюда. Французы, какъ видно, разсердились не на шутку.

И говоря это, онъ со всевозможною поспѣшностью укрылся за землянымъ валомъ, куда, по его убѣдительной просьбѣ, послѣдовала за нимъ и г-жа Лукка.

Прошло четверть часа, но французы ни разу не выстрѣлили.

— Вотъ и прекрасно, сказалъ солдатъ,—значитъ они успокоились. Ступайте же, госпожа, поскорѣе, потому что они, того и смотри, опять примутся за то же.

— Я достаточно наглядѣлась на военное ремесло и сейчасъ же уйду, отвѣчала примадонна,—но вы должны прежде исполнить одну мою просьбу. Мнѣ хотѣлось бы взять съ собою въ знакъ памяти нѣсколько осколковъ отъ той гранаты, которая лопнула близь меня.

— Вы хотите гранатныхъ осколковъ? сколько угодно!.. и черезъ нѣсколько минутъ онъ съ рыцарскою вѣжливостью подалъ ей въ бонбоньеркѣ нѣсколько гранатныхъ осколковъ, которыя госпожа Лукка показывала потомъ съ торжествующимъ видомъ пишущему эти строки.

Тѣмъ временемъ ея проснувшійся супругъ ждалъ ее съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

— А, да ты уже проснулся, муженекъ? воскликнула она съ дѣтской игривостью, входя въ комнату.

— Но, Паулина... началъ проповѣдывать ей больной, но она быстро прервала его словами:

— Милый Адольфъ, ты все еще запинаешься, когда говоришь; побереги же свой несчастный языкъ, да и докторъ не велитъ тебѣ много говорить,—неправда ли, докторъ?

— Но, Линхенъ... заговорилъ-было фонъ-Раденъ.

— Молчи, молчи, закричала она,—у тебя заболятъ зубы, Адольфъ, пожалѣй же себя. Лучше напьемся кофе. Эдита, кофе! и больной оставилъ всякую попытку на проповѣдь, тѣмъ болѣе что, какъ онъ заранѣе зналъ, его слова пошли бы на вѣтеръ, ибо, разъ рѣшившись на что, «Паулинхенъ» непремѣнно достигала своей цѣли.

Нѣсколько дней спустя послѣ Седанской битвы, поручикъ фонъ Раденъ, хорошо укутанный и тщательно перевязанный, находился уже, вмѣстѣ съ своею женою и ея камеръ-юнгферой, на возвратномъ пути въ Берлинъ. Заготовленная въ прокъ зелень была вся съѣдена въ Понтъ-а-Мусонѣ, а ящикъ, въ которомъ она хранилась, обращенъ въ пепелъ.

Одинъ берлинскій банкиръ, спросившій г-жу Лукка въ Нейндорфѣ подъ Мангеймомъ, зачѣмъ она пріѣхала туда въ такое опасное время, получилъ отъ нея въ отвѣтъ:

— Я взяла моего старика съ театра войны, потому что при моемъ уходѣ онъ гораздо скорѣе выздоровѣетъ дома.

Четыре мѣсяца спустя, г-жа Лукка сдѣлалась счастливой матерью прехорошенькой дочки, которая пережила, хотя и пассивнымъ образомъ, столько необыкновенныхъ приключеній.

Не думаемъ, чтобъ въ этомъ разсказѣ было какое-нибудь преувеличеніе, покрайней мѣрѣ въ томъ, что касается до г-жи Лукка. Чтобъ подтвердить наше мнѣніе, а также для того, чтобъ познакомить нашихъ читателей съ ея біографіею, мы передадимъ ее почти въ томъ же видѣ, какъ она помѣщена въ «*Gartenlaube*».

«Это было въ воскресенье, въ 1856 году. На хорахъ церкви св. Карла въ Вѣнѣ царствовало величай-

шее смятеніе. Было уже безъ малаго десять часовъ, а г-жа Т., знаменитая пѣвица придворнаго театра, обѣщавшая пѣть во время возношенія даровъ соло, еще не являлась. Церковь была уже полна набожными и любопытными посѣтителями, какъ вдругъ распространилась страшная вѣсть, что г-жа Т, больна и не можетъ быть. Что случилось съ нею? Дѣйствительно ли она заболѣла? или ей показалось вчера вечеромъ, что ей слишкомъ мало аплодировали? или же драгоцѣнные камни на уборѣ ея соперницы сверкали ярче ея собственныхъ?—Кто могъ рѣшить это!.. довольно того, что она не явилась и публика не услышитъ ее. Но обѣдня должна была начаться; до десяти часовъ не доставало только одной минуты, какъ вдругъ регента осѣнила, повидимому, блестящая мысль,—онъ подошелъ быстрыми шагами къ капельмейстеру и сказалъ ему нѣсколько словъ; капельмейстеръ недовѣрчиво покачалъ головою, но все-таки поднялъ палочку, и церковь огласилась звуками «*Kyrie-Eleison*». Это была чудесная Моцартова обѣдня, но только истинные знатоки и поклонники церковной музыки благоговѣйно прислушивались къ этимъ торжественнымъ звукамъ; остальная часть посѣтителей ожидала съ нетерпѣніемъ возношенія даровъ, когда голосъ знаменитой пѣвицы, пѣвшей до сихъ поръ на театрѣ, долженъ былъ раздаться на службѣ Всевышнему. Наконецъ наступила желанная минута—всѣ взоры обратились къ тому мѣсту, гдѣ появлялись всегда солисты; лорнеты и подзорныя трубки пришли въ движеніе—и что же? вмѣсто величественной фигуры знаменитой пѣвицы, на хорахъ показалась маленькая головка, едва превышавшая перила,—и собравшаяся публика услышала пѣніе совершенно отличное отъ того котораго она ожидала съ такимъ нетерпѣніемъ, но которое однакоже завладѣло всеобщимъ вниманіемъ, такъ оно было полнозвучно и вмѣстѣ съ тѣмъ не ровно, безъискуственно, но одушевленно, безъ этого правильнаго перехода въ различныхъ степеняхъ изложенія, который дается только музыкальнымъ образованіемъ, но такъ свѣжо и естественно, такъ тепло, такъ своеобразно въ своей безъискуственности, что всѣ слушатели были тронуты.

Не успѣла обѣдня кончиться какъ на хорахъ показался одинъ страстный любитель музыки. «Кто пѣлъ соло?» спросилъ онъ.

Одинъ изъ музыкантовъ указалъ на пѣвицу.

— Какъ? у этой маленькой дѣвочки такой большой голосъ?! Кто же она такая?

Въ это время къ нему подошелъ регентъ хора, Рупрехтъ; онъ зналъ спрашивавшаго. «Это маленькая Лукка», сказалъ онъ: «не правда ли, она прекрасно поетъ? У дѣвочки громадный талантъ, но она ничему не учится, и если знаетъ что-нибудь, то это я вбилъ въ нее хлопая по спинѣ смычкомъ; это удавалось какъ нельзя лучше».

— Но зачѣмъ же родители этой дѣвочки не учатъ ее надлежащимъ образомъ? Зачѣмъ не даютъ они ей тщательнаго воспитанія? Зачѣмъ нейдетъ она на театръ? Она нажила бы тамъ себѣ состояніе.

— Да, замѣтилъ достойный регентъ,—да она уже ангажирована на театръ около *Kärtnerthor*... въ качествѣ хористки. Родители ничего не могутъ для нея сдѣлать: отецъ былъ чѣмъ-то въ родѣ торговца шелковыми товарами; въ 1848 году онъ лишился всего своего состоянія, такъ что едва можетъ платить мнѣ за уроки. Малютка часто играла съ дѣтьми пѣвца Эрля, который живетъ здѣсь по близости; онъ заставилъ ее однажды въ шутку пропѣть то, что онъ съигралъ ей сперва на скрипкѣ,—и былъ пораженъ ея чистымъ и сильнымъ голосомъ. Онъ обратилъ вниманіе родителей на ея необыкновенный талантъ; но что они могли сдѣлать? Мать просила меня давать уроки ея дочери; я сдѣлалъ, что могъ,—ей было тогда десять лѣтъ — теперь ей идетъ пятнадцатый—и она должна уже думать о томъ чтобъ помогать своему семейству... ей ничего больше не остается какъ согласиться на предложенныя условія. Впрочемъ, еслибъ даже у ея родителей и было состояніе, то и тогда они не могли бы ее принудить къ систематическому ученью; этотъ маленькій чертенокъ страшно упрямъ—и чего она не захочетъ, того не вобьешь въ нее даже смычкомъ».

Такъ говорилъ достойный регентъ хора церкви св. Карла и такъ же думалъ капельмейстеръ театра около «*Kärtnerthor*», зная, что ему дѣвочка готовила не мало непріятностей. Когда онъ, разсердившись на нее, посовѣтовалъ ей однажды поступить лучше въ танцовщицы, потому что она прыгала какъ коза, она отвѣчала ему: «а почему же и нѣтъ?», сдѣлала антраша и начала подражать движеніямъ знаменитой танцовщицы, такъ что весь хоръ покатился со смѣху, въ которомъ наконецъ принялъ участіе и раздраженный капельмейстеръ.

Тѣмъ временемъ ея голосъ все болѣе и болѣе развивался. На нее стали обращать вниманіе; даже извѣстная всесвѣтская пѣвица Медори, пѣвшая въ то время на оперномъ вѣнскомъ театрѣ, стала интересоваться ею.

Маленькая упрямица сама видѣла, что для возможности дѣлать все по своему — необходима другая карьера, а не карьера хористки, и такимъ образомъ получила наконецъ на ольмюцскомъ театрѣ мѣсто пѣвицы «итальянскихъ партій», съ платою по 60 гульденовъ въ мѣсяцъ, но пока только на полгода.

Случаю угодно было, чтобы наша героиня насладилась небольшимъ тріумфомъ еще прежде, чѣмъ оставила вѣнскую сцену. Въ тотъ вечеръ, когда кончался ея ангажментъ, давали Веберова «Волшебнаго стрѣлка». Предводительница свадебнаго хора, которая должна была пѣть: «*wir winden dir den Jungferkranz*», вдругъ заболѣла, и на ея мѣсто была выбрана Паулина. Добрые жители Вѣны давно уже привыкли видѣть въ этой роли такихъ актрисъ, къ которымъ гораздо болѣе пристала бы старинная солдатская пѣсня: «*Schier dreissig Jahre bist du alt*» (Тебѣ уже около тридцати лѣтъ), чѣмъ эта свѣтлая пѣснь юности, такъ что когда передъ ними вдругъ явилось цвѣтущее личико съ огненными глазами и волосами цвѣта воронаго крыла, и одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ голосовъ зазвучалъ такъ весело и такъ звонко,—они принялись аплодировать изо-всѣхъ силъ, и дирекція придворнаго опернаго театра намѣревалась удержать на своемъ небосклонѣ эту вновь открытую звѣзду, но было уже слишкомъ поздно. На другой день Паулина уѣхала; 7 сентября 1850 г. она въ первый разъ явилась на сценѣ ольмюцскаго театра въ роли Эльвиры въ оперѣ Эрнани и имѣла такой блестящій успѣхъ, что на нее въ скоромъ времени посыпались очень выгодныя предложенія отъ различныхъ оперныхъ театровъ Германіи. Она могла выбирать, и не болѣе какъ черезъ четыре мѣсяца по прибытіи въ Ольмюцъ отправилась въ крѣпость въ качествѣ арестованной.

Теперь довольно трудно опредѣлить съ точностію, что было причиною этого ареста; гораздо легче разъяснить самые запутанные дипломатическіе переговоры,

самые трудные государственные вопросы, чѣмъ нѣкоторыя театральныя дѣла. Довольно того, что въ одинъ прекрасный день маленькая Паулина Лукка на-отрѣзъ объявила, что она до тѣхъ поръ не пойдетъ на сцену, пока извѣстная дама (точно такъ же членъ сцены) не извинится передъ нею въ оскорбительныхъ намекахъ и рѣчахъ. Ей указывали на контрактъ, гдѣ очень ясно было сказано, что за подобные отказы условливающіеся лица будутъ наказываться заключеніемъ въ тюрьму. Она, не долго думая, отправилась въ крѣпость и пробыла тамъ цѣлыя сутки, пока наконецъ различные толки, возбужденные въ публикѣ этимъ случаемъ, не принудили директора обратить вліяніе на упомянутую выше даму, и

Марія Магдалина.

Съ картины Д. П. Баттони, гравировалъ на деревѣ И. Матюшинъ.

эта послѣдняя не исполнила требованія раздраженной примадонны. Говорятъ, впрочемъ, что въ этой страшной крѣпости Паулинѣ было вовсе не худо; она принимала у себя въ кельѣ даже коменданта и его супругу— и гораздо веселѣе провела съ ними время, чѣмъ въ обществѣ своего директора и его половины. Что оставляя крѣпость, она въ то же самое время оставляла и театръ— къ этому она была совершенно равнодушна; ее ожидалъ ангажементъ въ Прагѣ съ содержаніемъ въ три тысячи гульденовъ; выйдя изъ воротъ ольмюцской крѣпости, она пошла по пути безпрерывныхъ, все болѣе и болѣе блестящихъ тріумфовъ.

Въ мартѣ 1860 г. она дебютировала въ роли Валентины въ Гугенотахъ и въ роли Нормы. Восторгамъ публики не было конца. Богемская аристократія, всегда отличавшаяся любовью къ музыкѣ, приняла ее въ свой кругъ и княгиня Коллередо, сестра губернатора, графа Клама-Галласа, особенно протежировала «прелестному избалованному ребенку». Слава Паулины Лукка разнеслась по всей Европѣ—и въ Прагу отовсюду стекались директоры, режиссеры и агенты разныхъ театровъ, предлагая ей самыя выгодныя условія. Ея выборъ остановился на предложеніи директора королевскихъ берлинскихъ театровъ, съ которымъ она заключила контрактъ на три года, съ содержаніемъ въ 4,000 талеровъ въ годъ.

Только три пѣвицы: Зонтагъ, Шредеръ-Девріенъ и Дженни Линдъ были приняты въ Берлинѣ съ такимъ энтузіазмомъ, какой встрѣтила Паулина Лукка при первомъ своемъ появленіи на сценѣ берлинскаго королевскаго опернаго театра. Но первыя три пѣвицы соединяли въ себѣ необыкновенный талантъ вмѣстѣ съ основательною и тщательною обработкою, тогда-какъ Лукка дѣйствовала на публику единственно своею естественностью, прекраснымъ голосомъ, привлекательною наружностью, оригинальностью исполненія, его страстностью и задушевностью, являющимися у ней результатомъ вдохновенія, а не слѣдствіемъ болѣе или менѣе основательнаго изученія искусства. Каждая новая роль была для нея новымъ тріумфомъ, а вмѣстѣ съ этимъ ея личность привлекала на себя всеобщее вниманіе и за стѣнами театра.

Директоръ берлинскихъ театровъ, Гюльзенъ, прекрасно зналъ, что пріобрѣлъ для берлинской сцены талантъ, способный сдѣлаться для нея неисчерпаемымъ источникомъ доходовъ, — и когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда въ Берлинъ, у примадонны, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ усилій, начало болѣть горло, онъ выхлопоталъ ей поѣздку на воды насчетъ театраль-

ныхъ суммъ. По возвращеніи Лукки съ водъ въ Берлинъ, осенью 1861 г., Мейерберъ, окончившій свою «Африканку», предложилъ ей взять на себя партію Селуки въ этой оперѣ и самъ руководилъ пѣвицу при изученіи какъ этой партіи, такъ и партіи Валентины въ Гугенотахъ.

Въ 1863 г. Лукка приняла ангажементъ директора лондонскаго ковентгарденскаго театра, Гея, на три дебюта, съ вознагражденіемъ въ 150 гиней. Въ роли Валентины въ Гугенотахъ она возбудила здѣсь такой же энтузіазмъ, съ какимъ ее встрѣчали вездѣ, и разсудительный директоръ ангажировалъ пѣвицу на весь оперный сезонъ 1865 г. за 250 гиней въ мѣсяцъ; онъ полагалъ, что «устроилъ отличное дѣло», потому-что это была очень незначительная плата сравнительно съ тѣмъ, что̀ доставила бы ему Лукка,—но онъ обчелся. Пріѣхавъ въ концѣ 1864 г. въ Лондонъ, примадонна явилась въ роли Маргариты въ Фаустѣ, и исполняла ее съ такимъ совершенствомъ, что публика устремилась въ ковентгарденскій театръ, позабывъ королевскую оперу, гдѣ въ то время пѣла знаменитая въ Лондонѣ Титьенсъ. Гей теръ себѣ отъ удовольствія руки—какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день г-жа Лукка исчезла. Дѣло было въ томъ, что, принимая въ разсчетъ тѣ огромныя суммы, которыя она доставляла ему своей игрою, г-жа Лукка требовала прибавки, а директоръ, вмѣсто того чтобъ согласиться на это далеко не несправедливое требованіе, не согласился на это, опираясь на контрактъ; прибавимъ къ этому, что и ея подруги по театру не поскупились въ отношеніи ея насчетъ тѣхъ любезностей, которыми соперницы услаждаютъ другъ другу жизнь,—вотъ наша героиня и отправилась опять на континентъ.

Сначала Гей полагалъ, что обойдется и безъ своенравной пѣвицы, и даже можетъ-быть радовался, что избавился отъ нея; но вскорѣ оказалось, что разсчетъ пѣвицы былъ несравненно вѣрнѣе соображеній директора. Въ слѣдующемъ же году въ Лондонѣ ставилась на сцену «Африканка». Гей получилъ на поставку этой оперы право отъ парижскаго издателя—и для того чтобы привлечь публику въ свой театръ, долженъ былъ пригласить такую пѣвицу, которая могла бы соперничать съ Манлезенъ, примадонной королевской итальянской оперы. Ни одна изъ пѣвицъ (въ этомъ долженъ былъ сознаться Гей) не могла бы выйти съ торжествомъ изъ состязанія съ Манлезенъ, кромѣ Лукки,—и онъ былъ принужденъ еще разъ пригласить ту, которая съиграла съ нимъ такую шутку въ прошломъ году. Лукка подписала контрактъ на три съ половиной мѣсяца, по истеченіи которыхъ Гей обязался выплатить ей 20,000 талеровъ. Явившись въ Африканкѣ въ роли Селуки, она употребила всѣ зависящія отъ нея средства, припомнила всѣ уроки, воспользовалась всѣми наставленіями покойнаго Мейербера и исполнила эту партію такимъ блестящимъ образомъ, что далеко оставила за собою всѣхъ соперницъ. Снова посыпались со всѣхъ сторонъ приглашенія и ангажементы; она приняла ангажементъ изъ Петербурга и согласилась на нѣсколько дебютовъ, предложенныхъ ей въ Парижѣ, куда заѣхала на обратномъ пути изъ Лондона въ Берлинъ и гдѣ была предметомъ всеобщаго вниманія. Оберъ, въ домѣ котораго она пѣла партію Церлины въ Фра-Діаволо, подарилъ ей перо, которымъ онъ написалъ эту оперу; Россини разсыпался передъ нею въ любезностяхъ. Не менѣе блестящій пріемъ ожидалъ ее въ Петербургѣ, какъ въ 1869 такъ и въ 1870 году, а въ Берлинѣ поклоненіе ея таланту сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ культа.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1865 г. Паулина Лукка вышла замужъ за поручика прусской гвардіи, барона фонъ-Радена. Это былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ офицеровъ прусской арміи; она выбрала его изъ множества другихъ высокородныхъ жениховъ, и въ настоящее время она занимаетъ такое положеніе въ обществѣ, какимъ не пользовалась еще ни одна пѣвица. Даже Зонтагъ, выйдя замужъ за графа Росси, удалилась со сцены, на которую она вступила опять только вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Но Лукка продолжаетъ пѣть на сценѣ, тогда какъ ея мужъ вышелъ, напротивъ того, въ отставку. Метеоръ берлинской оперы, неподвижная звѣзда, вокругъ которой все обращается наподобіе планетъ, она занимаетъ и въ берлинскомъ обществѣ блестящую роль; въ ея салонѣ собирается все что̀ есть лучшаго въ Берлинѣ—и попасть на ея рауты добиваются всѣ львы берлинскаго высшаго свѣта.

Марія Магдалина.

Картина Помпео Джероламо Баттони въ Дрезденской галлереѣ.

Изображеніе типа раскаявшейся грѣшницы въ лицѣ Магдалины—особенно любили выражать художники вѣка *возрожденія*. На западѣ, въ теченіи среднихъ вѣковъ, имя и происхожденіе этой святой жены—*проповѣдницы* Евангелія, *наравнѣ съ апостолами*,—служило предметомъ продолжительныхъ и горячихъ споровъ. Въ Германіи и Франціи, въ XIII вѣкѣ, особенно послѣ открытія яко бы мощей этой святой, чрезвычайно распространено было почитаніе ея памяти. Епископъ Эраклій въ Литтихской епархіи соорудилъ храмъ во имя Маріи Магдалины, а аббатъ Клюнійскій Одонъ (ум. 944 г.) произносилъ одну изъ первыхъ обширныхъ рѣчей съ каѳедры, въ праздникъ *равноапостольной* странницы, которую легенды юга Европы провели изъ Іерусалима въ Марсель и оставили въ средѣ кроткаго населенія Прованса оканчивать вѣкъ въ молитвахъ, поселясь въ пещерѣ или раззоренной башнѣ и слезами изглаживая ошибки юности. Молитва и размышленія о благости Создателя надъ книгою вѣчной истины—таковъ характеръ прекрасной грѣшницы, который, вслѣдъ за легендарными повѣстями, стала выражать кисть геніяльныхъ художниковъ Рима, Венеціи, Ломбардіи, Испаніи и Фландріи,—большею частію колористовъ. Помпео Баттони былъ послѣдній изъ художниковъ той категоріи, которые, какъ Корреджіо, находили болѣе соотвѣтственнымъ характеру ихъ идей и настроенію фантазіи—изображать Магдалину *размышляющею*; тогда какъ Тиціанъ, Веронезе, Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ, Гвидо Рени и Караччи обыкновенно въ Магдалинѣ выражали слезы, небезобразящія прекраснаго лика красавицы, а своими жемчужными брызгами такъ-сказать выдѣляющія рѣзче свѣжесть карнаціи,—и если не небесный во-

сторгъ горитъ иногда, подъ кистью ихъ, въ поднятыхъ глазахъ красавицы, за то нельзя имъ отказать въ удачномъ воспроизведеніи земныхъ прелестей, которымъ слезы служатъ лучшимъ украшеніемъ.

Баттони пошелъ, по нашему мнѣнію, среднею дорогою между послѣдователями Тиціана и корифеями школъ Рима и Ломбардіи. Онъ, вслѣдъ за Корреджіемъ, представилъ въ пещерѣ, окруженной могучей растительностью, лежащую на коврѣ зеленаго дерна, прекрасную женщину, въ полномъ разцвѣтѣ прелестей. Бѣлокурые длинные волосы, съ прекрасной головы ея, падаютъ на большую развернутую книгу, въ которую устремлены глаза пустынницы. Конечно, яркая лазуревая драпировка, щеголевато выступая изъ темнаго жерла пещеры, не вдругъ даетъ понять, что читающая спасается и погружена въ богомысліе. Но, при такихъ формахъ, при такихъ свѣжихъ и сочныхъ краскахъ, при такой гармоніи общаго тона картины, у записныхъ зоиловъ критиковъ не хватаетъ настолько желчи, чтобы потребовать отъ капитальнаго произведенія, каково Баттони,—большей выдержанности въ характерѣ сюжета и задачи. Не одинъ, къ тому же, этотъ мастеръ злоупотребляетъ своимъ талантомъ, относясь къ нему не серіозно и не заботясь много объ идеѣ, довольный одною внѣшностью выполненія. Таковы, если угодно, художники блистательнаго вѣка возрожденія, начиная съ Рафаэля — царя живописцевъ. Еще болѣе грѣшитъ въ этомъ отношеніи живопись вѣка XVII. Что же касается прошедшаго столѣтія, въ которомъ жилъ Баттони (род. въ Луккѣ 1708 г., ум. въ Римѣ 1787 г.), то ни учители его первоначальные, Бруджьери и Ломбарди, ни самъ, прозванный *философомъ въ живописи*, знаменитый другъ его Рафаэль Менгсъ, не простирали никогда требованія идеи такъ далеко, какъ мы, въ нашъ вѣкъ. Художники въ вѣкъ возрожденія еще учились, много учились и проглотили классическую мудрость древнихъ. Въ XVII вѣкѣ, художники обратились къ технической выработкѣ, не имѣя уже досуга читать многое и о многомъ. А въ 1700-хъ годахъ никто изъ мастеровъ, принимавшихся за кисть, по крайней мѣрѣ въ Италіи, не былъ ученъ или любознателенъ на столько, чтобы знать исторію сюжета, который принимался трактовать.

Баттони къ тому же былъ натуралистъ по преимуществу, хотя натурализмъ его, какъ и все въ XVIII вѣкѣ, былъ далеко не неподдѣльный, а скорѣе модный, доходящій ровно настолько, сколько находили достаточнымъ корифеи и учители вкуса, трактовавшіе о сочиненіи картинъ по правиламъ приличія позъ и драпировокъ,—даже о приличіи при томъ-то такого-то пейзажа, а при этомъ инаго. Объ этнографическихъ особенностяхъ фигуръ, соотвѣтственно принадлежности къ извѣстной расѣ; о соотношеніи выраженія лица съ характеромъ персонажа и естественности или неестественности разъ-навсегда-придуманнаго рутиннаго пріема композиціи—тогдашніе аристархи нисколько не думали. Если же бы кто захотѣлъ съ ними въ этомъ отношеніи поспорить, то они бы сослались на того либо на другаго великаго художника прежнихъ временъ, и считали бы себя все сказавшими и вполнѣ доказавшими правильность своего рѣшенія.

Чуваши.

Одно изъ разнородныхъ племенъ населяющихъ Казанскую губернію, заслуживающее наиболѣе вниманія, это безспорно Чуваши. Происхожденіе этаго народа до настоящаго времени вели отъ финскаго племени; новѣйшія изслѣдованія возбудили противорѣчія и относятъ Чувашъ къ Тюрко-Монгольскому племени. Но наша цѣль не исторія происхожденія Чувашъ; мы беремъ ихъ въ настоящемъ какъ они есть—и постараемся передать насколько можно подробнѣе оригинальныя черты, нравственныя свойства, образъ жизни, однимъ словомъ все то, что мы успѣли собрать объ этомъ народѣ, находящемся еще почти въ младенчествѣ, и представляющемъ уже въ этомъ народномъ возрастѣ много зачатковъ достойныхъ разработки. Это народъ кроткій, мирный, честный, гостепріимный, одаренный понятливостью и быстрымъ соображеніемъ; народъ свѣжій, нетронутый еще живительной рукой цивилизаціи, и не смотря на то (за малыми исключеніями) чуждый злонамѣренныхъ побужденій; народъ мягкій, воспріимчивый на все доброе какъ чистый воскъ въ рукахъ опытнаго художника.

Чуваши большею частію одарены пріятнымъ очертаніемъ лица: въ темныхъ продолговатыхъ глазахъ проглядываетъ смѣтливость, въ нѣсколько угловатыхъ чертахъ выражается добродушіе; цвѣтъ кожи довольно смуглый, волосы чаще темнорусые, но бываютъ и бѣлокурые, большею частью у женщинъ, между которыми есть очень красивыя. Пріемы ихъ мягки и довольно медленны; языкъ бѣдный, но не лишенный пріятности для слуха.

Одежду Чувашъ составляетъ бѣлая, довольно длинная рубаха сверхъ шароваръ, отороченная на рукавахъ и внизу красивыми вышивками; верхняя одежда: кафтанъ сѣрый или бѣлый на подобіе русскаго, опоясанный цвѣтнымъ поясомъ; на головѣ круглая шляпа или шапка.

Женская одежда: бѣлая или красная рубашка съ закрытой шеей и длинными узкими рукавами, украшенная на груди, рукавахъ и внизу затѣйливыми разноцвѣтными вышивками; передникъ, такъ же обшитый вышивками, кружевомъ, или цвѣтной бахрамой и нашивками; вмѣсто пояса низко опоясано узкое полотенце, тоже вышитое, или оторочено съ распущенными сзади концами. На головѣ у опаекъ (замужнихъ женщинъ) круглый уборъ (хошна) на подобіе кострюли безъ верху, унизанный монетами или за недостаткомъ ихъ тухланками т. е. серебрянными и мѣдными блестящими кружками на подобіе монетъ величиною въ гривенникъ и болѣе; сверхъ надѣвается довольно не граціозно полотенце (сарпанъ), съ головы плотно охватывающее шею и приколотое сзади съ опущенными разноцвѣтными коймами. На хошнѣ сосредоточивается большая часть богатства опаекъ, иногда на этомъ уборѣ нашито денегъ до 100 р. и болѣе. Нарядъ этотъ тяжелъ и довольно неудобенъ. У хирокъ (дѣвушекъ) тотъ же костюмъ, только на головѣ вмѣсто хошны тухья, остроконечная шапочка вышитая изъ разноцвѣтнаго крупнаго бисера, оканчивающаяся постепенно съуживающимся шпилемъ съ блестящею на верху пулькой.

На шеѣ множество ожерелій изъ бусъ, монетъ, тух-

ланокъ и раковинъ; въ ушахъ (большею частью на ушахъ непродѣтыхъ) блестящія серги, на рукахъ браслеты, на пальцахъ кольца. Чувашки вообще любятъ наряжаться, и стараются украшать себя всевозможными побрякушками; монеты тщательно собираются ими, и переходятъ изъ рода въ родъ.

Чуваши селятся не такъ какъ наши крестьяне: ихъ избы не стоятъ въ рядъ и не примыкаютъ одна къ другой, но разбросаны по произволу въ разныхъ направленіяхъ, раздѣляясь множествомъ переулковъ и разнаго рода неправильныхъ пристроекъ; избы почти вездѣ курныя, что развиваетъ между Чувашами частыя глазныя болѣзни.

Передъ каждымъ домомъ—пристройка въ родѣ террасы или балкона, на которой они обыкновенно ночуютъ въ лѣтнее время. Около избы разсажены ветлы для тѣни, а больше кажется для предохраненія отъ пожара; внутренность жилья всегда опрятна. Передъ каждымъ почти домомъ разведенъ хмѣльникъ; Чуваши почти не пьютъ водки, но постоянно употребляютъ пиво, которое составляетъ непремѣнную принадлежность хозяйства. Починая бочку пива, глава семейства затеплитъ свѣчку, помолится Богу и приступаетъ къ напитку съ нѣкоторымъ семейнымъ церемоньяломъ. Скотъ, по ихъ понятію, высшее благословеніе Божіе, и держатъ его по возможности въ большомъ количествѣ. Одно изъ любимыхъ ихъ животныхъ—козы, которыхъ всегда много въ ихъ стадахъ.

На поляхъ своихъ Чуваши засѣваютъ рожь, овесъ, ячмень, полбу, просо; яровой хлѣбъ и лепешки составляютъ ихъ любимую пищу.

Для русскихъ, какъ помѣщиковъ такъ и крестьянъ, Чуваши самые добрые, милые и покойные сосѣди. Оставляйте смѣло ваши жилища настежь, Чувашинъ не воспользуется вашей простотой; пустите его въ лѣсъ за дровами или инымъ продуктомъ, онъ не возьметъ древеснаго листа сверхъ уговореннаго; поручите ему вашъ скотъ, вашъ лѣсъ, вашу мѣльницу, все то, гдѣ нуженъ строгій надзоръ хозяина, у чего можетъ погрѣть руки наемный человѣкъ,—Чувашинъ всегда и вездѣ оправдаетъ ваше довѣріе, не украдетъ, не обманетъ, и будетъ добросовѣстно заботиться о соблюденіи вашего интереса, насколько достанетъ его силъ.

Въ нерѣдкихъ случаяхъ воровства, порубки лѣса, конокрадства довольно развитаго въ этомъ краѣ—изъ ста одинъ случай, что бы виновнымъ оказался Чувашинъ. Мало того что въ этомъ народѣ воровство рѣдкость, исключеніе, его честность доходитъ иногда до щепетильности: случится вамъ при какомъ либо расчетѣ ошибиться въ его пользу на нѣсколько грошей, онъ самъ обличитъ вашу ошибку; оброните на дорогѣ какую нибудь вещь, онъ будетъ бѣжать за вами до тѣхъ поръ, пока не догонитъ васъ и не вручитъ потерянный предметъ. То же самое сдѣлаетъ, если нужно отворить вамъ околицу, или оказать другую какую услугу.

Попробуйте остановиться у избы Чуваша и попросить у него ковшъ воды, онъ непремѣнно предложитъ вамъ пива, хлѣба, яицъ, всего что только найдетъ въ его хозяйствѣ.

Нравственность Чувашей замѣчательно чиста: семейныя отношенія хранятся свято, безнравственный поступокъ не нашолъ бы вѣры между ними.

Чуваши почти всѣ крещены; но по справедливости можно ли назвать ихъ христіанами? Они ходятъ въ церковь, исполняютъ всѣ обряды, соблюдаютъ посты, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ понятіи о высшемъ существѣ почти рядомъ стоитъ олицетвореніе другаго миѳическаго божества, противуположнаго первому; это керемедь, о которомъ они отзываются таинственно, котораго боятся какъ высшаго дѣятеля зла, стараются обезоружить жертвами; исповѣданіе христіанской вѣры, и вмѣстѣ съ нимъ уцѣлѣвшіе остатки языческихъ вѣрованій, глубокой древности!

Общимъ именемъ Керемедь называется и самое божество и алтарь его служенія.

Керемедь въ смыслѣ божества есть преимущественно владыка лѣсовъ, которые наполняетъ своимъ страшнымъ могуществомъ, но иногда живетъ въ оврагахъ. Въ каждой почти деревнѣ есть пастухъ Керемедя, обязанный находиться при его служеніи.

Керемедь есть старое развѣсистое дерево, дубъ, имѣющій по видимому одинаковое значеніе съ священными дубравами древнихъ Германцевъ.

Общее названіе божества и мѣста его поклоненія и такое смѣшеніе духовнаго съ матеріальнымъ—объясняется самимъ преданіемъ о происхожденіи Керемедя, выросшаго будто бы въ видѣ многочисленныхъ деревъ изъ праха сына Божія, убитаго при началѣ мірозданія злымъ духомъ.

Подъ такимъ-то избраннымъ деревомъ, по указанію Іомзы (колдуна или знахаря, Іомзи бываютъ и женщины), совершаются жертвоприношенія Чувашъ, въ довольно безобидномъ впрочемъ видѣ. Они приносятъ живаго жеребенка условнаго цвѣта и вида, теленка, гуся или другое животное и оставляютъ его подъ деревомъ. Смыслъ этой жертвы тотъ, что безъизвѣстность судьбы покинутаго такимъ образомъ животнаго смягчитъ, умилостивитъ гнѣвъ злаго бога.

Бываютъ случаи, въ которыхъ животное закалывается и съѣдается, при чѣмъ откладываютъ долю Керемедю.

Въ послѣднее время частые падежи, неурожаи и другія невзгоды навели нѣкоторыхъ Чувашъ на счастливую мысль; они придумали дѣлать пряничныхъ коньковъ, пѣтуховъ и другихъ животныхъ, и вмѣсто живыхъ жертвъ приносятъ Керемедю ихъ изображенія въ этомъ видѣ; впрочемъ на такое вольнодумство не многіе рѣшаются, всячески считая его отступленіемъ.

Иногда приносятъ Керемедю и деньги, по указанію того же Іомзы и закапываютъ подъ дерево, но эти приношенія они стараются зарывать тайно. Есть мѣста гдѣ зарыты большія суммы денегъ; но гдѣ именно они хранятся, довольно трудно доискаться.

Всѣ жертвоприношенія Чувашъ дѣлаются большею частію въ случаяхъ болѣзни. Заболѣваетъ кто нибудь въ домѣ, Чувашинъ спѣшитъ къ Іомзѣ; жертва приносится, больному пользы не оказывается; идетъ Чувашинъ къ священнику; пробуетъ медицинскія пособія какія случатся, прибѣгаетъ къ молитвѣ—и если больному все нѣтъ исцѣленія, опять обращается къ Іомзѣ, назначающему жертвы постепенно все болѣе и болѣе чувствительныя. Иногда тѣ же Іомзи предписываютъ поставить свѣчу какому-либо святому, отслужить молебенъ; вообще Іомзи, въ особенности женщины, стараются не идти очевидно въ разрѣзъ съ христіанскими обрядами, и тѣмъ еще болѣе поддерживаютъ двойственность вѣры въ этомъ народѣ.

Христіанскія понятія Чувашъ сходятся нѣсколько съ взглядомъ на жизнь и патріархальный бытъ ихъ праотцевъ вѣтхаго завѣта. Бога (Торра) они представляютъ въ видѣ пастуха несмѣтнаго, необыкновеннаго

достоинства стада; по ихъ убѣжденію, тому, чья жизнь праведнѣе на землѣ, предоставится въ будущей счастье пасти большую часть этого стада и владѣть имъ.

Икона въ ихъ глазахъ есть скорѣе олицетвореніе божества, чѣмъ его эмблема или изображеніе.

У Чувашъ икона едва ли не самая святыня. Одинъ сельскій священникъ, узнавъ, что Чувашинъ не соблюдаетъ постовъ, сдѣлалъ ему выговоръ. Чрезъ нѣсколько времени, войдя въ избу этого человѣка, онъ былъ удивленъ, увидѣвъ, что образъ висѣвшій въ углу, былъ обращенъ лицомъ къ стѣнѣ, — и когда спросилъ о томъ хозяина, тотъ послѣ нѣкоторыхъ уловокъ сознался, что заподозрилъ Николу въ томъ, что это онъ передалъ батькѣ о его невоздержаніи, потому что другихъ свидѣтелей не было, а во-избѣжаніе новыхъ доносовъ повернулъ его глазами къ стѣнѣ.

Некрещеныхъ Чувашъ не много; эти исповѣдуютъ многобожіе съ разными подраздѣленіями, и окружаютъ свои священные обряды такой тайной, что не только трудно, было бы не безопасно проникнуть въ сокровенныя убѣжища гдѣ они совершаютъ свои служенія.

Многіе изъ нихъ ходятъ въ русскую церковь и усердно, по своему убѣжденію, молятся Единому Богу. Мы спросили разъ одного таковаго Чувашина, отъ чего онъ не обратится въ христіанскую вѣру; на это онъ отвѣчалъ: «креститься лишняя трата, нѣтъ нужды, только бы худа не дѣлать, а мой грѣха не зналъ».

Двойная вѣра крещеныхъ Чувашъ проглядываетъ во всѣхъ ихъ обрядахъ и обычаяхъ. Воскресенье они идутъ въ церковь, а пятницу посвящаютъ Керемеди, условному празднованію; въ этотъ день они не жнутъ не косятъ на своихъ поляхъ, хотя позволяютъ себѣ работать наймомъ на чужихъ; не затопляютъ печи; женщины не моютъ бѣлья.

Языческія преданія и обстановка повторяется у чувашъ во всѣхъ случаяхъ: такъ при погребеніи они кладутъ въ могилу покойнаго дычки, казадыкъ, кусокъ хлѣба, кружку пива, табаку и другіе предметы, могущіе по по ихъ мнѣнію пригодиться умершему на томъ свѣтѣ. Такой обычай, кромѣ вниманія и заботливости объ усопшемъ, объясняется еще ихъ боязнью мертвыхъ, — и слѣдуя внушеніямъ своей безобидной природы, они спѣшатъ задобрить покойника, предупредивъ всѣ его потребности, приговаривая: «теперь у тебя все есть, лежи смирно и насъ не тронь». Отчужденіе ихъ отъ умершихъ такъ велико, что едва успѣетъ человѣкъ испустить духъ, они спѣшатъ отвезти его на кладбище, и въ случаѣ несогласія священника скорѣе оставятъ умершаго въ церкви, даже на улицѣ, чѣмъ у себя въ домѣ.

Отдавъ послѣдній долгъ усопшему собрату по христіанскому закону, спѣшатъ къ Керемедю, и тамъ совершается тризна; при этомъ торжествѣ принимаютъ принимаютъ непремѣнное участіе собаки, которыхъ Чуваши держатъ въ большомъ количествѣ, называютъ своими друзьями и стараются доставить этимъ животнымъ по возможности хорошее житье. И на поминкахъ люди и собаки усаживаются въ кружокъ, и вмѣстѣ совершаютъ заупокойную тапезу, состоящую изъ ячменныхъ лепешекъ, сыру, баранины и конины, ихъ любимаго кушанья.

На прилагаемомъ рисункѣ изображенъ зажиточный Чувашинъ съ женою.

Чуваши.

Рисов. съ фотогр. на деревѣ В. Шпакъ, гравир. И. Матюшинъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Судебная хроника.

Нечаевское дѣло *). По прочтеніи обвинительнаго акта, приступлено было къ допросу подсудимыхъ. Изъ нихъ только трое: Успенскій, Кузнецовъ и Николаевъ, безъ всякихъ оговорокъ, признали себя виновными; г-жа Дементьева признала себя виновною только въ напечатаніи и распространеніи воззванія; г. Прыжовъ—только въ участіи въ тайномъ обществѣ, цѣль котораго ему была неизвѣстна; остальные же шестеро подсудимыхъ виновными себя не признали. Спрошенный на судѣ *Успенскій* объяснилъ, что съ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ онъ сошелся на литературныхъ вечерахъ, бывавшихъ у него на квартирѣ въ 1868 и 1869 годахъ, что въ 1868 году, по дѣламъ книжной торговли, онъ ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ случайно встрѣтился съ Ткачевымъ. Знакомство съ нимъ было совершенно книжное. Участія въ студенческихъ волненіяхъ подсудимый не только не принималъ, но даже имъ не сочувствовалъ; напротивъ того, онъ всегда былъ того мнѣнія, что подобныя стремленія молодежи могутъ привести только къ ре-

*) См. № 29 «Нивы».

акціи, которой онъ всегда опасался. Знакомство съ Нечаевымъ произошло черезъ Орлова, который представилъ его подъ вымышленнымъ именемъ Павлова; на первыхъ же порахъ Успенскій замѣтилъ разницу въ воззрѣніяхъ своихъ и Нечаева: подсудимый предпочиталъ путь мирнаго развитія народа посредствомъ его образованія, а Нечаевъ считалъ революцію единственнымъ выходомъ изъ настоящаго положенія. Послѣ долгихъ споровъ и послѣ того, какъ стало извѣстно отъ Нечаева, что общество его существуетъ въ огромныхъ размѣрахъ, Успенскій далъ свое согласіе на вступленіе туда. Главною причиною, побудившею Успенскаго поступить въ это общество, были извѣстія о многочисленныхъ арестахъ, сдѣланныхъ въ то время между его знакомыми, и въ особенности арестъ 15-ти лѣтней сестры его, которая провела 9 мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости. Все это не могло не повліять на образъ мыслей его, все это заставило склониться къ дѣйствіямъ Нечаева, подчиниться его вліянію, получить отъ него прокламаціи, бланки революціоннаго комитета и проч., участвовать въ организованіи общества, цѣль котораго все таки была довольно мирная, и наконецъ принимать участіе въ убійствѣ Иванова, который становился для нихъ опаснымъ своей болтливостью и желаніемъ отдѣлиться отъ общества. Вопросъ объ устраненіи Иванова сначала былъ рѣшенъ теоретически, когда въ собраніи зашла рѣчь вообще о членахъ общества, почему-либо сопротивляющихся рѣшеніямъ комитета; а потомъ, передъ самымъ отъѣздомъ Нечаева въ Петербургъ, составился планъ дѣйствій и была приведена въ исполненіе самая мѣра. Главнымъ организаторомъ заговора, а также участникомъ въ убійствѣ подсудимый считаетъ Нечаева.— Подсудимый *Кузнецовъ* показалъ, что познакомился съ Нечаевымъ черезъ посредство слушателя Петровской Академіи Долгова, во второй половинѣ сентября 1869 года. При первой же встрѣчѣ между ними завязался споръ, въ которомъ Кузнецовъ опровергалъ мнѣніе Нечаева о возможности произвести возстаніе въ народѣ; при этомъ Кузнецовъ указывалъ на другіе пути для помощи народу, на устройство школъ, артелей и ассоціацій; но Нечаевъ смѣялся надъ этимъ, увѣряя, что это путь весьма опасный, такъ-какъ на немъ легко могутъ заподозрить человѣка въ разныхъ политическихъ стремленіяхъ. Потомъ онъ сталъ предлагать Кузнецову вступить въ общество и склонилъ къ этому, увѣривъ, что онъ можетъ помогать дѣлу, если не личнымъ своимъ участіемъ, то хоть деньгами; говорилъ, что опасности быть открытымъ не предстоитъ никакой, потому-что принятая организація устраняетъ именованіе по фамиліямъ, а вмѣсто ихъ употребляетъ особые знаки и нумера; что если онъ станетъ помогать обществу, то его личность будетъ гарантирована отъ опасности во время народнаго возстанія. Отъ Нечаева были получены прокламаціи и уставъ «Международнаго Общества»; подъ его ближайшимъ участіемъ составленъ кружокъ 1-й степени, членомъ котораго сдѣлался Кузнецовъ; на первомъ засѣданіи этого кружка были прочтены «Правила организаціи» и объявлено о существованіи комитета, которому должны были безпрекословно повиноваться кружки и черезъ одного изъ выбранныхъ членовъ представлять ему отчеты. Обязанность членовъ кружка состояли, главнымъ образомъ, въ образованіи новыхъ кружковъ, которые получали названіе кружковъ 1-й степени, а первоначальный кружокъ, послѣ того, возводился на 2-ю ступень и назывался центральнымъ кружкомъ. Низшіе кружки, т. е. кружки 1-й степени, обязаны были давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ кружку 2-й степени, т. е. центральному, а этотъ послѣдній прямо сносился съ комитетомъ. Впослѣдствіи, явилась еще третья ступень—«кружокъ отдѣленій», составившійся изъ представителей центральныхъ кружковъ—по выбору комитета. Каждому изъ членовъ отдѣленія назначено было спеціальное занятіе: одинъ долженъ былъ дѣйствовать въ крестьянской средѣ (Прыжовъ), другой — въ купеческой (Кузнецовъ) и т. д. Представителемъ «кружка отдѣленій» былъ Успенскій. Далѣе Кузнецовъ показалъ, что, не имѣя возможности, по своимъ занятіямъ въ Академіи, посвящать обществу много времени, онъ прибѣгалъ къ обману, представлялъ ложные отчеты и старался показать, что много трудится для цѣлей общества, тогда-какъ вся его дѣятельность ограничивалась только сборомъ и представленіемъ денегъ, которыхъ онъ собралъ до 300 руб. У Кузнецова же былъ складъ костюмовъ, въ которые должны были переодѣваться, въ случаѣ надобности, члены общества. Объ убійствѣ Иванова онъ подтвердилъ все изложенное въ обвинит. актѣ и въ показаніи Успенскаго, присовокупивъ, что когда зашла рѣчь объ этомъ на квартирѣ Успенскаго, то онъ всѣми силами старался отговорить Нечаева отъ задуманнаго намѣренія—и если уступилъ, то потому только, что боялся, чтобы съ нимъ не поступили такъ же, какъ съ Ивановымъ. Послѣ убійства Иванова, Нечаевъ вмѣстѣ съ Кузнецовымъ, которому комитетъ поручилъ быть помощникомъ Нечаева, отправились въ Петербургъ, для организованія 9-го отдѣленія. Нечаевъ былъ въ костюмѣ инженернаго офицера и въ бѣлыхъ перчаткахъ, которыя скрывали раны на его рукахъ, полученныя имъ при совершеніи убійства. Въ Петербургѣ они обращались ко многимъ лицамъ, но все неудачно: агитировали между технологами и студентами Земледѣльческаго Училища, но безуспѣшно. Нечаевъ сердился, но Кузнецову, по его словамъ, было не до того: отъ различныхъ душевныхъ потрясеній онъ до того ослабѣлъ, что не помнилъ, что̀ нужно дѣлать и за что̀ взяться. Въ такомъ состояніи онъ былъ арестованъ.—Подсудимый *Николаевъ* объяснилъ, что съ Нечаевымъ познакомился въ началѣ 1869 г., черезъ Орлова. Еще до встрѣчи съ Нечаевымъ, подсудимому было извѣстно, что онъ принималъ участіе въ студенческихъ волненіяхъ въ Петербургѣ. Нечаевъ произвелъ на Николаева самое выгодное впечатлѣніе и сразу подчинилъ его себѣ. Вотъ почему, по просьбѣ Нечаева, подсудимый вручилъ ему свой паспортъ для обмѣна на заграничный и, самъ оставшись безъ всякаго вида, принужденъ былъ скрываться то въ Москвѣ, то въ с. Ивановѣ, то во Владимірѣ. Наконецъ, онъ пристроился въ Тулѣ, гдѣ поступилъ въ одну артель и тамъ учился слесарному мастерству. Изъ Тулы онъ былъ вызванъ Прыжовымъ въ Москву для какого-то общаго дѣла. Тамъ онъ встрѣтилъ Нечаева и очень ему обрадовался, надѣясь получить отъ него паспортъ обратно. Тогда-же, по настоянію Нечаева, онъ долженъ былъ принять участіе въ убійствѣ Иванова. Съ Ткачевымъ и Дементьевой онъ познакомился въ Москвѣ, черезъ Орлова, который привелъ ихъ къ нему на квартиру. При этомъ Орловъ объяснилъ, что пріѣздъ Дементьевой сдѣланъ былъ съ тою цѣлію, чтобы повѣнчаться съ нимъ, но что онъ, Орловъ, не можетъ этого исполнить. Между тѣмъ, ей необходимо выйти замужъ для того, чтобы получить деньги на покупку типографіи, такъ-какъ она несовершеннолѣтняя и до замужества ей деньги не могутъ быть выданы. Тогда Николаевъ предложилъ Дементьевой повѣнчаться съ нимъ. Цѣлую недѣлю хлопоталъ онъ, чтобы устроить свадьбу, но этого не удалось, потому-что Николаеву не доставало лѣтъ и священникъ не соглашался вѣнчать.—Подсудимый *Прыжовъ*, не признавая себя виновнымъ въ убійствѣ Иванова, заявилъ, что онъ вступилъ въ общество съ цѣлію чисто соціальною; что хотя Нечаевъ произвелъ на него благопріятное впечатлѣніе, но никакихъ споровъ о политическихъ убѣжденіяхъ у него съ нимъ не было. Самое участіе его въ кружкѣ было незначительно: онъ не вербовалъ членовъ, не собиралъ денегъ, не агитировалъ въ народѣ. Вообще, онъ слишкомъ любилъ народъ, чтобы отдавать его въ руки Нечаева. Противъ убійства онъ громко протестовалъ— и этимъ, вѣроятно, возстановилъ противъ себя Нечаева, который на другой день послѣ преступленія, разсматривая револьверъ, какъ будто нечаянно спустилъ курокъ, отчего выстрѣлъ послѣдовалъ почти въ упоръ подсудимому.—Подсудимый *Орловъ* объяснилъ, что въ Петербургъ его не вызывалъ никто, но что онъ пріѣзжалъ

сюда учиться и, кромѣ того, повидать сестру Нечаева, которую любилъ. Этимъ чувствомъ объясняются и его отношенія къ брату любимой имъ женщины. По пріѣздѣ въ Петербургъ, ему необходимо было отыскать себѣ работу, и съ этою цѣлью онъ отправился къ Ткачеву. Но въ Петербургѣ онъ не могъ оставаться болѣе 7-ми дней, такъ какъ у него не было паспорта. Чтобы достать его, онъ отправляется обратно въ Иваново; на дорогѣ, въ Москвѣ, гдѣ онъ прожилъ около 4-хъ дней, встрѣчается съ Нечаевымъ, который объявилъ ему, что за участіе въ студенческихъ волненіяхъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, откуда бѣжалъ. Орловъ далъ ему свой паспортъ, чтобы тотъ имѣлъ возможность уѣхать заграницу. Но съ этимъ паспортомъ Нечаеву уѣхать не удалось; а потому Орловъ доставилъ ему паспортъ Николаева. Затѣмъ, по полученіи письма отъ Нечаевой, Орловъ снова отправился въ Петербургъ, гдѣ жилъ у Томиловой «въ качествѣ нахлѣбника». Здѣсь, находясь въ кругу людей, трактующихъ «о матеріяхъ важныхъ», какъ онъ выразился, и чувствуя свое зависимое положеніе, онъ подлаживался къ нимъ, принималъ участіе въ ихъ разговорахъ и проч. Но такое фальшивое положеніе его постоянно мучило; онъ сознавалъ всю его ложь и пытался изъ нея выйти... О той послѣдовательной лжи, которую проводилъ Нечаевъ, онъ тогда не имѣлъ понятія, вѣря ему вовсемъ на слово. Впрочемъ, ни въ какіе откровенные разговоры онъ съ Нечаевымъ не вступалъ и о политическихъ его видахъ ничего не зналъ. — Подсудимый *Флоринскій* показалъ, что ни отъ Успенскаго, ни отъ Прыжова, съ которыми онъ познакомился въ іюлѣ 1869 г., онъ ничего о существованіи тайнаго общества не слыхалъ и ни къ какимъ политическимъ замысламъ причастенъ не былъ. Никакого ревизора по революціонному дѣлу, о которомъ говорится въ обвинительномъ актѣ, онъ не привозилъ, а привозилъ офицера Лихутина, Нечаева зналъ за Павлова и ему не довѣрялъ, хотя, по его просьбѣ, и переписалъ двѣ прокламаціи; о преступности ихъ не зналъ, но онѣ казались ему подозрительными. Дѣйствительно, Нечаевъ посылалъ его къ ст. Маврицкому со сверткомъ разныхъ противозаконныхъ бумагъ, но онъ ихъ, на дорогѣ, изорвалъ. Что Нечаева онъ избѣгалъ и ни о какихъ кружкахъ отъ него не слыхалъ. Побужденіемъ слѣдовать приказаніямъ Нечаева былъ денежный разсчетъ, равно какъ и въ другихъ случаяхъ.—Подсудимый *Кориноскій* не призналъ себя виновнымъ въ студенческихъ волненіяхъ и объяснилъ, что хотя и былъ выбранъ депутатомъ отъ медицинскихъ студентовъ для представленія прошенія начальству, но въ безпорядкахъ, происходившихъ между студентами по закрытіи Академіи, никакого участія не принималъ. Виновнымъ же себя онъ признаетъ только въ томъ, что, вмѣстѣ съ другими студентами, рѣшился подать прошеніе объ увольненіи изъ Академіи. Съ Орловымъ, Успенскимъ, Флоринскимъ и Николаевымъ былъ знакомъ, но ни въ какихъ политическихъ замыслахъ съ ними не участвовалъ. — Подсудимая *Томилова* познакомилась съ Нечаевымъ на Николаевской желѣзной дорогѣ, совершенно случайно: ей нуженъ былъ дешевый учитель для ея маленькаго брата, и Нечаевъ предложилъ отыскать такого. Бывая у Томиловой, Нечаевъ перевезъ къ ней потомъ и свою сестру, для обученія шить на машинѣ. По его приглашенію, подсудимая однажды была на студенческой сходкѣ, въ квартирѣ одной своей знакомой. Послѣ этой сходки онъ былъ арестованъ, о чемъ Томилова узнала изъ записки, присланной Нечаевымъ сестрѣ своей. Затѣмъ, отъ Орлова она узнала о бѣгствѣ Нечаева заграницу, откуда потомъ, для передачи сестрѣ, получала письма. Были письма отъ Нечаева къ ней и къ ея мужу. Ничего противозаконнаго она въ нихъ не находила. Въ одномъ изъ писемъ Нечаевъ жаловался на свою крайнюю нужду; Томилову это тронуло и она, черезъ контору Гинцбурга, послала ему 100 рублей. Никакихъ политическихъ разговоровъ съ Нечаевымъ не имѣла и даже не подозрѣвала въ немъ такого агитатора. Записки же предосудительнаго содержанія взяла отъ Орлова по его просьбѣ, не зная, что онѣ въ себѣ заключаютъ. — Подсудимый *Волховскій* разсказалъ, что онъ былъ знакомъ съ Успенскимъ и Орловымъ: съ первымъ у него были товарищескія отношенія, со вторымъ обыкновенныя. У перваго въ квартирѣ бывали литературные вечера, въ которыхъ Волховскій принималъ дѣятельное участіе. Вторымъ онъ интересовался какъ преподавателемъ и устроителемъ школы въ с. Ивановѣ. Николаева и Прыжова видѣлъ въ магазинѣ Черкесова; съ Ткачевымъ и Дементьевой видѣлся одинъ разъ, отвозя имъ тюкъ съ книгами изъ магазина, но знакомства съ ними не имѣлъ. Наконецъ, рукописи о студенческой исторіи онъ дѣйствительно получилъ отъ студента Енишерлова, но взялъ ихъ только потому, что съ минуты на минуту ждалъ къ себѣ гостей и желалъ, поэтому, поскорѣе отдѣлаться отъ незваннаго пришельца. Потомъ онъ, по своей разсѣянности, гдѣ-то затерялъ ихъ.—Подсудимый *Ткачевъ* сознался, что листокъ «Къ обществу» былъ составленъ имъ и, по его просьбѣ, напечатанъ въ типографіи Дементьевой. Поводомъ къ составленію этого воззванія было слѣдующее: въ 1869 году, по закрытіи Медицинской Академіи, въ обществѣ стали распространяться слухи о томъ, что будто бы учащаяся молодежь не нуждается ни въ кассахъ, ни въ сходкахъ, а что она представляется безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ какихъ-то агитаторовъ. Желая опровергнуть эти слухи, нѣкоторые студенты Технологическаго Института и Университета обратились къ Ткачеву съ просьбой напечатать опроверженіе въ газетѣ, но такъ-какъ этого было сдѣлать нельзя, то Ткачевъ рѣшился составить объясненіе, напечатать его безъ цензуры и потомъ разослать въ редакціи. Дѣйствовалъ онъ здѣсь безъ злаго умысла, а съ единственною цѣлью оправдать студентовъ передъ обществомъ. Съ Нечаевымъ былъ знакомъ и тотъ бывалъ у него на квартирѣ въ числѣ другихъ молодыхъ людей. Отъ фиктивнаго брака съ Николаевымъ онъ Дементьеву отговаривалъ, но потому только, что не зналъ, съ какимъ человѣкомъ ей придется имѣть дѣло.—Подсудимая *Дементьева* объяснила, что напечатала воззваніе къ «Обществу» съ цѣлію оправдать студентовъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія, такъ-какъ это послѣднее, ставъ на ихъ сторону, могло бы побудить начальство исполнить желанія студентовъ—имѣть свою кассу и сходки; такихъ листковъ она разбросала около сорока экземпляровъ; завела типографію для того, чтобы помочь бѣднымъ женщинамъ, которымъ закрытъ доступъ къ другимъ поприщамъ дѣятельности; что, наконецъ, для полученія 3000 р., оставшихся послѣ смерти матери, ей необходимо было выйти замужъ. Съ Ткачевымъ же она не могла повѣнчаться, такъ-какъ онъ находился тогда подъ надзоромъ полиціи. А потому она прибѣгла къ фиктивному браку съ Николаевымъ, который не состоялся только потому, что они запоздали, дотянувъ дѣло до послѣдняго дня масляницы, когда вѣнчать не позволяется обычаемъ.

Послѣ обвинительной рѣчи прокурора Половцева и рѣчей защитниковъ: прис. повѣр. кн. Урусова, Спасовича, Хартулари, Соколовскаго, Турчанинова, Буймистрова и Деппа, произнесенъ былъ палатою слѣдующій приговоръ:

«Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло о заговорѣ съ цѣлію ниспровергнуть существующее въ Россіи правительство, по отношенію къ 11-ти лицамъ находитъ, что осенью 1869 года, въ Москвѣ, составлено было тайное общество, имѣвшее цѣлію измѣнить существующій въ Россіи образъ правленія, и признаетъ затѣмъ виновными:

«1) Дворянина П. Г. Успенскаго, 22-хъ лѣтъ, личнаго почетнаго гражданина А. К. Кузнецова, 24-хъ лѣтъ, отставнаго коллежскаго секретаря И. Г. Прыжова, 42-хъ лѣтъ, и мѣщанина Н. Н. Николаева, 19-ти лѣтъ, въ томъ, что они были соучастниками означеннаго тайнаго общества и въ томъ, что въ качествѣ сообщниковъ, но по подговору Нечаева, совершили убійство студента Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто. 2) Сына священника И. И. Флоринскаго, 24-хъ лѣтъ, въ томъ, что, зная о существова-

ніи означеннаго общества, принималъ участіе въ дѣйствіяхъ онаго. 3) Дворянина П. Н. Ткачева, 27-ми лѣтъ, и мѣщанку А. Д. Дементьеву, 19-ти лѣтъ, въ томъ, что первый сочинилъ и отдалъ для напечатанія и распространенія, а послѣдняя напечатала и распространила воззваніе «Къ обществу», заключающее въ себѣ отзывъ оскорбительный и направленный къ колебанію общественнаго довѣрія къ распоряженіямъ правительственныхъ установленій и оправданію воспрещенныхъ ими дѣйствій, съ цѣлію возбудить къ этимъ распоряженіямъ и установленіямъ неуваженіе. 4) Находя затѣмъ подсудимыхъ: священническаго сына В. Ф. Орлова, дворянина Ф. В. Волховскаго, вдову полковника Е. Х. Томилову и священническаго сына М. И. Коринѳскаго по настоящему дѣлу невинными, судебная палата, на основаніи 318, 1,453 п. 3, 1,035, 134, 152, 19, 31, 139, 143, 129, 38. и 140-й ст. улож. о наказ. и 771-й уст. угол. суд., опредѣляетъ:

«1) подсудимыхъ Успенскаго, Кузнецова, Прыжова и Николаева лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: Успенскаго—въ рудникахъ на 15 лѣтъ, Кузнецова—въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ, Прыжова—въ крѣпостяхъ на 12 лѣтъ и Николаева въ крѣпостяхъ на 7 лѣтъ и 4 мѣсяца, затѣмъ поселить въ Сибири навсегда; 2) подсудимаго Флоринскаго заключить въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ, съ отдачею затѣмъ подъ строгій надзоръ полиціи на 5 лѣтъ; 3) подсудимыхъ Ткачева и Дементьеву заключить въ тюрьму: перваго на 1 годъ и 4 мѣсяца, а Дементьеву на 4 мѣсяца; 4) подсудимыхъ Коринѳскаго, Волховскаго, Томилову и Орлова признать по суду оправданными; 5) о примѣненіи мѣры пресѣченія способовъ уклониться отъ суда относительно Флоринскаго, Ткачева и Дементьевой составить особое постановленіе; 6) приговоръ о Ткачевѣ не приводить въ исполненіе, въ виду имѣющихся въ палатѣ о немъ другихъ дѣлъ—и 7) приговоръ этотъ по вступленіи въ законную силу относительно Успенскаго и Прыжова, на основаніи 945-й ст. уст. угол. суд., представить на Высочайшее усмотрѣніе. Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ черезъ 2 недѣли послѣ послѣдней резолюціи по настоящему дѣлу».

Предсѣдатель. Подсудимые Орловъ, Волховскій, Коринѳскій и Томилова! Не угодно-ли вамъ выйти на средину залы. (*Подсудимые вышли*). Подсудимые! Вы свободны отъ суда и отъ содержанія подъ стражею. Господа, отнынѣ вамъ мѣсто не на позорной скамьѣ, а среди публики, среди всѣхъ насъ.

Политическое обозрѣніе.

Во Франціи общественное мнѣніе занято предстоящими выборами въ генеральные совѣты. Полагаютъ, что они состоятся въ половинѣ августа; отъ этихъ выборовъ ожидаютъ окончательнаго скрѣпленія республики а, слѣдовательно, прекращенія всякихъ попытокъ къ нарушенію спокойствія. Впрочемъ, несмотря на помощь города, принявшаго на себя треть долга нанимателей платящихъ за квартиру менѣе 600 фр., бѣдное населеніе Парижа находится въ ужасномъ положеніи: наниматели, оказавшіеся въ срокъ 8-го іюля несостоятельными, были выгнаны изъ своихъ квартиръ домовладѣльцами. Такихъ изгнанныхъ жильцовъ насчитываютъ до 50 тыс.; многіе изъ нихъ лишились даже послѣдняго своего имущества. Жалобамъ нѣтъ конца; спеціальные суды не успѣваютъ разбирать ихъ, тѣмъ болѣе что новый законъ о наймѣ квартиръ не удовлетворяетъ ни нанимателей, ни домовладѣльцевъ. Къ этому незавидному положенію присоединяется маленькое недовѣріе къ правительству по поводу происковъ клерикальной партіи: въ Національное Собраніе поступаютъ прошенія отъ французскихъ епископовъ, настаивающихъ на возстановленіи свѣтской власти папы. Въ засѣданіи 22-го іюля обсуждался докладъ коммиссіи по этому вопросу. Докладчикъ предлагалъ принять эти прошенія къ руководству, препроводивъ ихъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, Жюль-Фавру. Въ отвѣтъ на это Тьеръ сказалъ цѣлую рѣчь, и въ ней довольно неопредѣленно выразилъ свою склонность къ папизму, которая однако не даетъ ему права склонять къ тому всю націю, а потому онъ готовъ поступиться ею въ виду несчастнаго положенія страны. При этомъ было указано на сочувствіе къ объединенію Италіи первостепенныхъ державъ: Пруссіи, Россіи и Австріи, что́ дѣлаетъ невозможнымъ какое-либо вмѣшательство въ римскій вопросъ со стороны Франціи. Къ заявленію Тьера присоединился Гамбетта, что́ вызвало цѣлую бурю между противниками этого депутата. Вопросъ однако былъ рѣшенъ согласно предложенію коммиссіи. Назначеніе на должность парижскаго архіепископа—лица, не признавшаго догмата папской непогрѣшимости, можетъ вызвать неудовольствіе въ Римѣ, о чемъ папскій нунцій счелъ своимъ долгомъ предупредить Тьера. Но со стороны этого послѣдняго едва-ли можно ожидать въ настоящемъ случаѣ какой-нибудь уступки. Тѣмъ болѣе нельзя ожидать этого отъ Національнаго Собранія, въ которомъ, послѣ недавнихъ выборовъ, либеральная партія взяла уже окончательный перевѣсъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 23 Іюля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.-П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. [illegible] Невск. и Влад. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 2 августа 1871 года. **Годъ II.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Борьба съ небомъ.

(Изъ семейныхъ преданій одной венгерской фамиліи).

Повѣсть венгерскаго писателя Морица Іокая, переводъ съ нѣмецкаго.

Закатъ солнца въ пустынѣ.

Далеко кругомъ, насколько можно было обнять взоромъ, тянулась голая, однообразная равнина, гдѣ господствовали три рода растеній, извѣстныхъ въ просторѣчіи подъ именемъ «волчьяго молока», «чертополоха» и «царской свѣчи», а у ботаниковъ подъ именемъ «*euphorbium*» (молочая), «*erringium*» (колючки) и «*verbascum*» (царской свѣчи или царскаго скипетра).

Первое изъ этихъ растеній, съ обильнымъ млечнымъ сокомъ, словно показывало, что этотъ участокъ земли, питая своихъ дѣтей, какъ бы вскармливаетъ волковъ. Названіе втораго намекаетъ на то, будто бы этою землею завладѣлъ чортъ. Третье, «царская свѣча», получило свое названіе отъ того, что тамъ, гдѣ встрѣчается этотъ кустарникъ (вышиною въ человѣческій ростъ) подобный пылающему факелу съ желтыми цвѣтами, земля тучна и плодородна, хотя давно уже не обработывается.

Всѣ дороги заросли репейникомъ, такъ-что на нихъ не было видно ни малѣйшаго слѣда колесъ. Отъ жилыхъ строеній остались одпѣ только развалины въ видѣ стѣнъ съ окнами безъ рамъ, а изъ высокой травы выглядывали кости падшихъ звѣрей.

Вѣтеръ разметалъ цѣлые холмы; онъ засыпалъ всю окрестность мелкимъ бѣлымъ зыбучимъ пескомъ, который покрылъ нетолько травы, надъ которыми онъ проносился, но похоронилъ подъ собою кустарники и даже цѣлыя деревья съ ихъ вершинами, и достигнувъ до края болота, вступилъ въ новую борьбу съ тиной, пока не заставилъ ее отступить, вмѣстѣ съ тощей растительностью. Два властелина было у этой почвы: въ вѣтреное время зыбучій песокъ, а въ дождливое — болото.

На блѣдно-желтомъ, словно страдающемъ блѣдной немочью небѣ, солнце заходило, не бросая отъ себя лучей, въ видѣ тусклаго шара. На горизонтѣ не было ни одного облака. Только вдали на востокѣ показалось какое-то воздушное явленіе, но и это было не облако. Это было что-то въ родѣ исполинскаго римскаго S, съ рѣзкими темными очертаніями, которыхъ не золотила даже вечерняя заря. Эта плывующая въ воздухѣ громада не переставала измѣняться по мѣрѣ своего приближенія, и все болѣе и болѣе увеличиваясь, приняла ломанную линію греческаго Σ, потомъ видъ безконечно-длинной змѣи, свернулась наподобіе черепахи, и, распустивъ хвостъ и крылья, вытянулась наподобіе баснословнаго дракона.

Кругомъ, на сколько можно было обнять взоромъ, не было ни одной башни, только въ едва замѣтной дали темнѣлась полоса лѣсу, изъ середины котораго выглядывалъ маленькій, бѣлый домикъ. По направленію къ этому домику ѣхала рысью, въ разсыпную, по

заросшей дрокомъ и болиголовомъ степи, группа всадниковъ—дерзкія, изсохшія фигуры въ тряпьѣ, награбленномъ во всевозможныхъ лоскутныхъ рядахъ цѣлаго свѣта: панцыри изъ валлонской буйволовой кожи, съѣденные молью, древне-венгерскіе спинные мѣха, татарскія кольчуги, бархатныя шубы съ истертыми рукавами и оборванными висячими золотыми шнурами, турецкіе шаровары, спускающіеся въ сапоги съ отворотами и шпорами, шишаки и кивера изъ медвѣжьей кожи. Оружіе было въ томъ же родѣ: пистолеты и обвитыя цѣпью булавы, кривыя сабли и трехгранные кинжалы, изогнутые бердыши и длинныя копья. Физіогноміи соотвѣтствовали платью и оружію: старыя, словно обтянутыя коричневымъ сафьяномъ, лица съ финно-эстляндскими чертами, съ длинными взъерошенными усами и растрепанной бородой; сѣдыя, косматыя брови надъ темными сверкающими глазами и толстые пучки волосъ, заплетенныхъ въ узелъ; коротко-остриженныя головы, угловатыя щеки, блестящіе татарскіе глаза и тыквообразные турецкіе черепа. Толпа людей, похожая на караванъ, странствующій между Бухарою и Самаркандомъ.

Представленная нами картина снята между Тейсомъ и Дунаемъ и относится ко второй половинѣ прошлаго столѣтія, именно ко времени царствованія королевы Маріи-Терезіи.

Изображаемая полоса земли была совершенно опустошена. Сначала внѣшняя война, а потомъ внутренніе раздоры истощили ее до послѣдней степени возможности. Различныя національности одного и того же государства разоряли другъ друга. Императорскихъ наемниковъ называли «Лабанцами», а наемниковъ венгерскихъ владѣтельныхъ князей Ракосци и другихъ «Куруцами». Куруцы губили Лабанцевъ, а Лабанцы Куруцовъ; на нихъ напали «Райцы» — сербы греческаго исповѣданія—и уничтожили тѣхъ и другихъ. Въ заключеніе явились императорскія войска и истребили всѣхъ трехъ. Они отбросили Куруцовъ въ Турцію, Райцевъ въ Россію, а Лабанцевъ во всѣ части свѣта. Такимъ образомъ остался только тотъ (а скорѣе, не остался), кто долженъ былъ обработывать поле—и всѣ поземельные участки лежали въ пару, не имѣли владѣльцевъ и были необитаемы людьми. Вотъ тутъ-то и свѣтила упомянутая выше «королевская свѣча».

Но странствующій караванъ, ѣхавшій рысью по Пустѣ (пустоши), принадлежалъ не къ торжествующей партіи, а къ наемникамъ, которыхъ прогнала отъ себя эта послѣдняя.

И вотъ они грабятъ по собственной иниціативѣ; да что же имъ было и дѣлать иначе? Работать нечего и не для кого; оставалось только жалѣть, что некого было и грабить-то.

Въ томъ бѣлѣющемся вдали домикѣ живетъ благородный владѣлецъ, Габоръ фонъ-Кондай: не дурно бы сдѣлать ему визитъ поздно вечеромъ, можетъ-быть отъ него и можно еще поживиться.

Онъ самъ былъ начальникомъ шайки, можетъ-быть предводителемъ этой же самой орды. Что нужды? Вѣдь волки жрутъ же другъ друга. «Ты господинъ, а мы бѣдные хлопцы. Ты одинъ, насъ много. Ты сытъ, мы голодны». Таковъ законъ.

Но, по дорогѣ къ лѣсному жилищу, всадникамъ пришлось бороться съ тѣмъ явленіемъ, которое все ближе и ближе спускалось къ нимъ сверху. Оно разрослось уже по всему небу и представляло собою такой же видъ, какъ колоссальная птица арабскихъ сказокъ Рохъ, крылья которой простираются отъ восхода до заката. Это была черная, непрозрачная масса, не принимавшая въ себя и не бросавшая отъ себя ни одного луча. Наконецъ она начала опускаться на землю, скатываясь внизъ, словно черные осадки, словно свернувшійся оживленный дымъ. При ея приближеніи послышался оглушительный шумъ, словно шипѣло море кипящаго масла, словно жужжали милліоны кубарей.

Туча саранчи спустилась на землю. Баснословное насѣкомое, одѣтое въ панцырь, на стекловидныхъ крыльяхъ котораго написано, какъ говоритъ народное преданіе, еврейскими или халдейскими письменами (это могутъ разобрать смыслящіе люди): «Меня послали, я иду; я произошла изъ праха проклятой земли!»

Черезъ нѣсколько минутъ на небѣ не было уже солнца, а на землѣ свѣта, настали ночь и мракъ. Словно страшный ливень обрушились на землю жужжащія насѣкомыя; баснословное чудовище, каждый атомъ котораго жилъ своею собственною жизнью и въ то же время посягалъ на чужое. Тщетно старались защититься отъ него посредствомъ плащей и шляпъ всадники! Жужжащія массы забивались въ пряди ихъ волосъ, въ гривы ихъ лошадей, которыя, придя въ бѣшенство, становились на дыбы, такъ-что всадники съ трудомъ удерживались на сѣдлахъ. Стая саранчи становилась все гуще да гуще; цѣлыми кучами жужжала она вокругъ ихъ головъ; лошади ржали, всадники богохульствовали, но въ этомъ шумно-волнующемся морѣ, гдѣ кружилась голова, не было уже слышно ни ржанія лошадей, ни богохульства всадниковъ. Среди этого адскаго мрака, жеребцы скакали впередъ, не будучи управляемы всадниками; всадники старались уже только о томъ, чтобъ защитить себѣ глаза; они спотыкались въ глубокія ямы, они прорывались черезъ терновые кустарники, они тонули въ болотѣ, они соскакивали съ сѣделъ, пока наконецъ послѣ упорной, продолжавшейся болѣе часу борьбы, они вышли изъ тучи упавшей на землю саранчи и увидѣли опять небо, объятое вечернимъ сумракомъ.

Одинокое лѣсное жилище было обращено къ большой дорогѣ, которая тоже заросла травой. Сложенная изъ обозженаго кирпича ограда была тоже разрушена. Воротный створъ висѣлъ на крюкѣ; большой пространный дворъ былъ пустъ. И тутъ также не было ничего такого, что́ было бы нужно ограждать стѣнами и воротами.

Дверь дома была только притворена; замычка ослабла. Можно было пройти изъ передней въ хозяйскую комнату безъ всякаго спросу.

И тамъ также не было ничего завиднаго; старые шкапы безъ замковъ и засововъ, шатающіеся стулья, у которыхъ не доставало либо спинки, либо ножки, и дубовый столъ,—вотъ въ чемъ состояла вся барская роскошь.

Вечерняя заря свѣтила еще въ окно, когда посѣтители Пусты ворвались въ комнату черезъ открытую дверь. Впереди шелъ загорѣлый житель степи, съ заплетеными въ косы волосами, за нимъ слѣдовалъ Валлонецъ, а тамъ всѣ прочіе.

Хозяинъ дома сидѣлъ за дубовымъ столомъ; въ рукѣ у него былъ ножъ съ черенкомъ изъ оленьяго рога; передъ нимъ лежали початый чорный хлѣбецъ и чорная рѣдька.

— Хвала Господу Іисусу Христу! сказалъ сѣдой Лабанецъ, съ насмѣшливой покорностью отодвигая назадъ шапку.

— Хвали Его, возразилъ равнодушно хозяинъ дома, даже не приподнявшись.

Это былъ красивый мужчина высокаго роста, богатырскаго сложенія. Въ чертахъ его лица была удивительная смѣсь презрѣнія, дерзости и страсти.

Когда онъ увидалъ входящихъ къ нему гостей, его лицо зардѣлось краской стыда и гнѣва; но когда они съ нимъ заговорили, то онъ уже поблѣднѣлъ. Ему хотѣлось шутить.

— Не нуждаетесь-ли вы, баринъ, въ обществѣ? спросилъ съ коварной покорностью старый разбойникъ, гладя съ обѣихъ сторонъ свои взъерошенные усы.

— Очень радъ видѣть васъ, кумъ, возразилъ дворянинъ, все еще не трогаясь со стула.—Не угодно ли со мною откушать? Ужинъ на столѣ.

— Это что такое? сказалъ старый Лабанецъ, приближаясь къ столу.—Какъ? чорный хлѣбъ и рѣдька? Такъ вотъ чѣмъ питается дворянинъ?

— Какъ видите, кумъ. Впрочемъ это послѣдній хлѣбъ во всемъ домѣ.

— Можетъ ли это быть?

— Очень легко. Табунъ лошадей увелъ сербскій разбойникъ, свинопасъ убѣжалъ съ свиньями, а пастухъ съ овцами—и никто не возвратился. А тутъ явилась саранча и съѣла все до послѣдняго стебелька.

Хозяинъ всталъ, открылъ окно и указалъ на пустой дворъ.

Старый Лабанецъ сдѣлалъ видъ, какъ будто бы утираетъ слезы и началъ жалобно вопить:

— О, баринъ, добрый баринъ! Такъ вотъ до какой печальной участи дошелъ ты? И съ видомъ величайшаго участія онъ упалъ ему на шею, охватилъ его плечи, въ то время какъ одинъ изъ его товарищей бросился ему въ ноги, какъ будто бы выражая свою покорность, и охватилъ ихъ до самыхъ колѣнъ.

Господинъ Габоръ слишкомъ поздно замѣтилъ эту военную хитрость. Изъ этихъ нѣжныхъ объятій вышло только то, что когда онъ захотѣлъ употребить въ дѣло свои кулаки, то руки и ноги были уже у него связаны, и его посадили въ кресло.

Тутъ они заговорили съ нимъ уже иначе.

— Ахъ ты обманщикъ! И ты думаешь, что можешь дурачить насъ! Ты видѣлъ издали, какъ мы ѣхали, и разсудилъ, что не можешь запереться отъ насъ, поставилъ на столъ чорный хлѣбъ и рѣдьку, а теперь говоришь о голодѣ. Постой же, мы угостимъ тебя твоимъ же добромъ. Ребята, ступайте въ погребъ и въ кладовую.

Товарищи бросились исполнять это приказаніе, но очень скоро возвратились съ извѣстіемъ, что въ погребѣ остались только затхлыя бочки, а въ кладовой только заплеснѣвелые горшки и проголодавшіяся мыши.

При этомъ открытіи орда Лабанцевъ пришла въ ярость.

— Такъ мы затѣмъ притащились сюда, чтобы точно такъ же умереть съ голоду?

— Берите, что́ есть! сказалъ издѣваясь связанный.

— Ни одного глотка водки, ни одного куска хлѣба! неистовствовалъ старый разбойникъ.

— Не правда! Тамъ на столѣ лежитъ еще хлѣбъ!

— Что? вскричалъ съ величайшею яростію старый Лабанецъ, взялъ остатокъ хлѣба, лежавшій на столѣ, бросилъ его на полъ и раздавилъ его каблукомъ сапога. Сонмъ Манихеевъ—какъ говоритъ Библія—нашелъ ругательныя прозвища даже для хлѣба.

Это еще болѣе разсмѣшило связаннаго.

— Смѣйся, смѣйся! кричалъ Лабанецъ:—я задамъ тебѣ такой урокъ острымъ желѣзомъ, что ты долго будешь его помнить! Тутъ онъ вынулъ изъ-за пояса кривой ножъ, и обративъ его остріемъ къ глазамъ скрученнаго дворянина, спросилъ его, скрежеща зубами:—Ну, такъ гдѣ же спрятано сокровище? Гдѣ спрятано огромное сокровище?

Связанный дворянинъ пересталъ уже улыбаться. Его лицо приняло прежнюю блѣдность.

— Сокровища? У меня ихъ много!

— Давай ихъ сюда!

— Чего вы хотите, золота или серебра?

— Того и другаго!

— У меня есть и то и другое.

— Гдѣ же?

— Здѣсь, въ столовомъ ящикѣ, выдвиньте его.

Трое изъ шайки разомъ подскочили къ столу, взломали ящикъ, но увидя, что онъ пустъ, съ удивленіемъ отпрыгнули назадъ.

— Тутъ ничего нѣтъ, ничего, кромѣ лоскутка отсырѣвшей бумаги!

— Прочтите его! сказалъ связанный.

Старый Лабанецъ покачалъ головою.—Прочесть? да вѣдь мы живемъ не во времена короля Матвѣя Корвина, который основалъ въ Офенѣ академію для сорока тысячъ студентовъ, самъ наблюдалъ за тѣмъ, какъ учатъ въ деревенскихъ школахъ, и пожаловалъ цикотскому учителю орденъ двойнаго бокала. Теперь хорошо уже и то, если умѣетъ читать епископъ.

— Кто изъ васъ можетъ читать писанное?

Лабанецъ въ панцырѣ изъ буйволовой кожи былъ грамотный. Онъ воспитывался у монаховъ. Ему-то и передали рукопись. Окончивъ чтеніе, онъ сбросилъ съ головы шишакъ, бросился къ связанному дворянину, въ одну минуту перерѣзалъ веревки, которыми были перевязаны у него руки, поцѣловалъ эти руки, упалъ передъ нимъ на колѣни, затѣмъ такъ же быстро вскочилъ и началъ прыгать отъ радости по комнатѣ, махая надъ головою рукописью. Онъ, повидимому, сошелъ съ ума.

Добрый ударъ въ спину опять привелъ его въ себя.

— Что написано въ этой бумагѣ? Говори сію же минуту.

— Что тутъ написано? Золото и серебро! Тутъ заключаются сокровища Дарія, которыя, какъ говорятъ, зарыты въ Венгріи! Бархатныя одежды цѣлыми тюками и попойки по цѣлымъ недѣлямъ. Райская жизнь до самой смерти! Вино такое, какъ у поповъ, и каждый день по хорошенькой дѣвушкѣ! Огонь, пламя, кровь, поцѣлуи, деньги, вино, война, пиры—все!

— Онъ съ ума сходитъ!

— Выслушайте теперь меня! сказалъ, вставая съ величественнымъ видомъ Габріэль Кондай и срывая съ рукъ разрѣзанныя веревки.—Все, о чемъ кричитъ этотъ помѣшавшійся парень, дѣйствительно заключается въ этомъ письмѣ и все это дается вамъ. Этотъ листъ бумаги—грамота нашей всеславноцарствующей королевы Маріи-Терезіи, уполномочивающая меня набирать конное войско. Война открылась; наша государыня отправляется въ походъ противъ прусскаго короля и баварскаго курфирста. Намъ дана грамота и печать для того, чтобъ мы могли по собственному усмотрѣнію врываться въ ихъ земли и налагать за с[...]иною непріятеля контрибуцію на его города, въ то время какъ главное

войско ведетъ войну глазъ-на-глазъ. Хотите идти со мною?

Разбойничья шайка бросилась съ радостными восклицаніями къ своему прежнему начальнику. Они подняли его на плеча, и выхвативъ изъ ноженъ сабли, клялись идти за нимъ даже въ адъ.

— Нѣтъ, въ рай! ликовалъ старый Лабанецъ. — Баварія—рай! Я знаю ее. Не даромъ говорятъ у насъ на родинѣ: «Мы живемъ какъ Господь Богъ въ Баваріи?»

Три дня спустя чатардскій лѣсъ наполнился людьми. Толпы всадниковъ спѣшили туда со всѣхъ сторонъ. У каждаго изъ нихъ было свое собственное оружіе и лошадь. Тамъ уже были жарившіеся быки и цѣлыя бочки вина—добытые неизвѣстно какими путями. Уже не хозяинъ дома угощалъ разбойниковъ, а они его, и привели даже ему лошадь.

Когда странствующая шайка, пройдя чатардскій лѣсъ, достигла Пусты, она увидѣла передъ собою чорную почву.

И эта почва двигалась, какъ будто бы земля шла впередъ.

Вдругъ эта чорная почва начала возвышаться и медленно подпялась на воздухъ. Это была туча саранчи, тянувшейся съ востока на западъ.

А нѣсколько дней спустя и добрые баварцы увидѣли это странное облако, являющееся сначала въ видѣ огромнаго римскаго S, потомъ въ видѣ греческаго Σ, потомъ змѣи, затѣмъ дракона или птицы Рохъ, о которой расказывается въ арабскихъ сказкахъ.

Что-то послѣдуетъ за этимъ облакомъ!

* * *

Какъ разъ въ это же самое время, на берегахъ отдаленной европейской рѣки, другая прекрасная и свѣдущая въ искуствѣ плѣнять сердца повелительница—царица Елисавета—собирала своихъ казаковъ и башкиръ, которыхъ она точно такимъ же образомъ уполномочила на опустошеніе прекрасной бранденбургской области.

Знатоки военнаго искусства чрезвычайно одобряютъ придуманный тогда планъ выманить короля Фридриха II изъ его положенія (послѣ того какъ онъ въ 1760 г. почти совсѣмъ окружилъ при Готтербергѣ австрійскаго главнокомандующаго), взявши втылу его посредствомъ отважнаго нападенія Берлинъ и Потсдамъ.

Планъ союзниковъ удался. *Тотлебенъ*, *Тетенборнъ*, *Ласси* взяли Берлинъ, но за добычу они поссорились. Изъ всей добычи, въ Бёрлинѣ, Ласси досталось только двѣсти тысячъ талеровъ. По Потсдаму посчастливилось; онъ былъ занятъ Павломъ Антономъ *Эстергази*, вторымъ княземъ изъ этой фамиліи. Еще болѣе посчастливилось Габору Кондаю въ томъ отношеніи, что онъ служилъ не подъ начальствомъ этого князя,—потому-что князь запретилъ своимъ войскамъ всякій грабежъ, а самъ вывезъ изъ Потсдама одно только изображеніе прусскаго короля и его флейту.

Тѣмъ большее несчастіе грозило замку королевы. Въ Шенгаузенъ пришли орды Кондая, а лозунгомъ всѣхъ, кто только служилъ подъ начальствомъ Ласси, была обязанность губить врага всевозможными средствами. Но храбрецы, съ которыми мы познакомились въ началѣ нашего разсказа, не нашли, къ сожалѣнію, въ замкѣ королевы ни золота, ни серебра, которымъ тамъ слѣдовало бы всегда быть.

Они взламывали каждую дверь, разрушали каждую сколько-нибудь подозрительную стѣну: сокровища не появлялись. Точно такъ же не находили они нигдѣ и начальника замка.

Въ паркѣ королевы былъ искуственный прудъ, въ которомъ въ мирное время держали золотыхъ и серебряныхъ рыбокъ. На серединѣ этого пруда стояла осьмиугольная китайская пагода. Подозрительная вещь!

На всемъ пруду не было ни одного челнока; ихъ всѣхъ спустили подъ воду.

Слабая защита для пагоды. Кондай бросился на лошади въ прудъ, за нимъ бросились его сообщники и всѣ поплыли къ пагодѣ. Они открыли себѣ дорогу толчкомъ и вошли.

Въ этой пагодѣ скрывался начальникъ замка, рыцарь фонъ-Брандтъ.

Онъ вышелъ на встрѣчу ворвавшимся разбойникамъ.

— Что угодно господамъ рыцарямъ? спросилъ онъ.

— Гдѣ сокровища королевы?

— Тамъ, куда не можетъ проникнуть ни одинъ человѣкъ.

— Ну, такъ я проникну туда, потому-что я чортъ! Гдѣ она?

— Брандтъ не скажетъ этого.

— Нѣтъ? Товарищи! разведите подъ нимъ огонь или вбейте ему въ ногти желѣзные гвозди, тогда-то онъ скажетъ.

— Узнайте же, господа рыцари, возразилъ старикъ, —что я уже былъ однажды въ огнѣ. Замокъ загорѣлся, а мое дитя было тамъ. Я бросился туда, чтобы спасти его. Я схватилъ его. Моя одежда пылала. Моя кожа была опалена, у меня сходили ногти съ пальцевъ, но я не потерялся. Я вырвалъ мою дочь изъ огня. Попытайте, не буду ли я теперь сговорчивѣе!

— И такъ, у тебя есть дочь? вскричалъ Кондай.— Въ такомъ случаѣ бьюсь объ закладъ, что ты признаешься.

Изъ внутренности пагоды послышались глухія рыданія. Кондай толкнулъ эту дверь и переступилъ за порогъ.

Тутъ онъ увидѣлъ молодую женщину, стоявшую на колѣняхъ и прижимавшую къ груди своей маленькаго сына.

Это была дочь начальника замка, а мужъ ея служилъ въ цитенскихъ гусарахъ.

Молодая женщина была прелестна.

Кондай подошелъ къ ней, и, схвативъ ее за руки, спросилъ:

— Гдѣ спрятаны королевскія сокровища?

Женщина запнулась.—Я не знаю этого! отвѣчала она. У молодой женщины были въ ушахъ драгоцѣнныя серьги: черныя жемчужины обложенныя бриллiантами.

Кондай схватился за одну серьгу и повторилъ свой вопросъ:

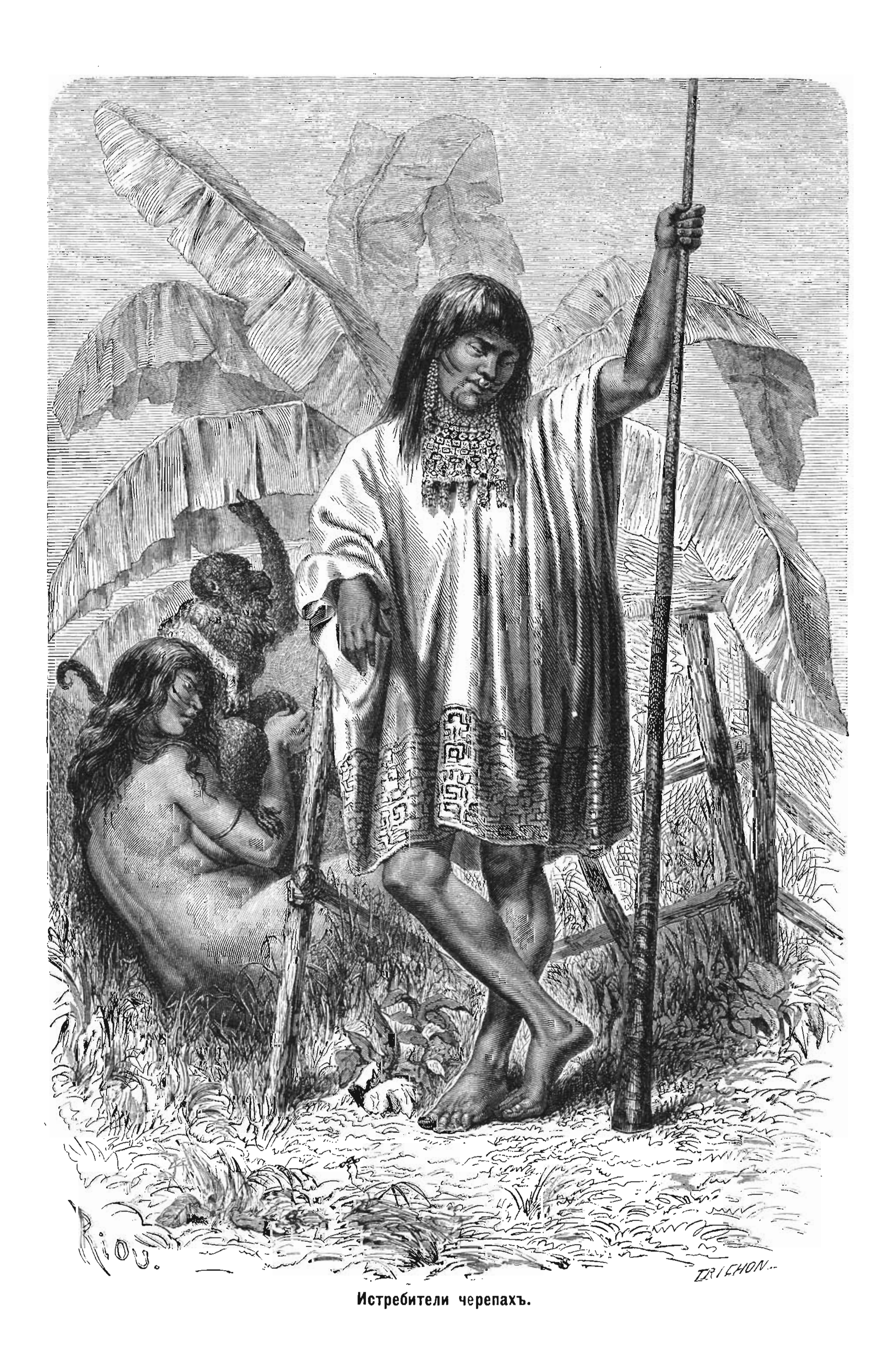
— Скажешь ли ты, гдѣ королевскія сокровища?

— Я не могу сказать этого! простонала молодая женщина.

— Нѣтъ?

Въ ту же самую минуту Кондай сорвалъ съ уха молодой женщины серьгу съ драгоцѣнной жемчужиной съ такой губостью, что у ней изъ него хлынула кровь.

При видѣ крови молодая женщина такъ сильно испугалась, пришла въ такое отчаяніе страшась предстоявшаго ей впереди, что, оттолкнувъ отъ себя дитя, бросилась черезъ окно въ прудъ. Напрасно брос-

Истребители черепахъ.

лись за ней туда. Она не показывалась на зеркальной поверхности воды.

Старый начальникъ замка поднялъ руку по направленію къ Кондаю.

— Будь проклятъ! вскричалъ онъ,—въ этой жизни и въ аду! Будь семь разъ проклятъ, ты и твои потомки за то, что ты убилъ у меня дочь! Если у тебя есть жена, которую ты любишь; если у тебя родится дитя, которое ты станешь обожать;—пусть Богъ поразитъ тебя въ пихъ!

Кондай смѣялся.

— Глупецъ! вскричалъ онъ.—У меня нѣтъ никого, кого бы я могъ любить; но если мнѣ вздумается когда-нибудь жениться, то божусь тебѣ, что на моей невѣстѣ будетъ въ день свадьбы эта серьга. Впрочемъ, я знаю, что мнѣ нужно. Твоя дочь выдала мнѣ, гдѣ спрятаны королевскія сокровища. Онѣ тутъ, на днѣ пруда! спустите воду!

Онъ угадалъ. Осушивъ прудъ, разбойники наткнулись на четвероугольный камень, который прикрывалъ яму, гдѣ скрывались королевскія сокровища. Дочь стараго Бранта лежала еще на камнѣ, крѣпко уцѣпившись за желѣзное кольцо.

Разсказываютъ еще и теперь, что изъ пруда вывезли двадцать четыре воза золота и серебра. Добыча простиралась до милліона на тогдашнія деньги, и все это Кондай услалъ впередъ.

Два дня спустя пришло извѣстіе, что король Фридрихъ II, приближается къ Берлину; такимъ образомъ пришлось убираться вонъ лабанцу—и онъ поднялся, обозначая свой путь пожарами. Похищенный милліонъ былъ уже въ вѣрномъ мѣстѣ.

Одно тутъ было худо: на эту громадную добычу было слишкомъ много претендентовъ. Цѣлая орда хотѣла разбогатѣть отъ нея. Хорошо бы было раздѣлаться съ ними какъ нибудь подешевле.

Эта сдѣлка состоялась какъ нельзя лучше, вслѣдствіе того, что рыцарь Габоръ завелъ свой отрядъ, во время битвы при Торгау, въ середину лабиринта прусскихъ полковъ, при чемъ еще нельзя было знать: удастся ли ему спасти самого себя или же и онъ будетъ изрубленъ вмѣстѣ съ своей шайкой? Случилось первое. Это была настоящая львиная пещера, въ которой до тѣхъ поръ бились, пока одна сторона не уничтожила другую. Изъ этой битвы, длившейся вплоть до ночи, спасся самымъ чудеснымъ образомъ одинъ только Кондай. Онъ прыгнулъ на лошади въ одинъ изъ прудовъ и счастливо переплылъ его. Онъ видѣлъ съ другаго берега, какъ рубили его товарищей. Нѣкоторые изъ нихъ вздумали было подражать его отвагѣ и перейти черезъ прудъ въ бродъ. Но дно густо поросло водяными растеніями. Одинъ только достигъ, подобно ему, противуположнаго берега. Это былъ длинноногій валлонецъ; но когда онъ подъѣхалъ къ нему, его лошадь запуталась въ густой чащѣ водяныхъ растеній и потонула въ прудѣ. Самъ всадникъ долго еще барахтался, пока болотные гномы не схватили его за ноги и не стали тянуть все глубже да глубже. Утопающій кричалъ о помощи своему начальнику. Посредствомъ брошенныхъ ему поводьевъ, его можно бы было вытащить изъ болота. Но Кондай не сдѣлалъ ничего подобнаго, и увидѣвъ, что пѣнистыя волны сомкнулись надъ головой утопающаго, поѣхалъ далѣе. Вотъ и послѣдній изъ его товарищей удовлетворенъ; всѣ они умерли. Теперь онъ одинъ—наслѣдникъ этого захваченнаго милліона, этихъ нагруженныхъ серебромъ фуръ. Ни одна пуля, ни одинъ ударъ сабли не коснулись его. Онъ вернулся домой счастливымъ солдатомъ, покрытымъ славой и обладателемъ несмѣтнаго богатства.

(Продолженіе будетъ).

Истребители черепахъ.

Въ одномъ изъ уголковъ Южной Америки, въ провинціи Перу, по берегамъ Укаяли, Санта-Риты, Киприи и Гипаріи, живетъ небольшое племя индѣйцевъ Канибосовъ, находящееся на самой низкой степени умственнаго развитія. Вся одежда мужчинъ состоитъ изъ тканаго бумажнаго мѣшка (tari), женщины ходятъ нагишомъ; тѣ и другія раскрашиваютъ лицо и тѣло красною и черною краскою, при чемъ кокетство и туалетъ составляетъ почти исключительное занятіе и времяпрепровожденіе мужчинъ,—женщина же скорѣе вьючный скотъ чѣмъ подруга своего мужа: на ея обязанности лежитъ обработка полей, приготовленіе пищи, тканье, выдѣлка глиняной посуды, хожденіе за своимъ повелителемъ на охоту, причемъ она носитъ на спинѣ добычу, весла и нагей. Мужчины только строятъ пироги (лодки) для своихъ экскурсій по окрестнымъ рѣкамъ. Оружіе Канибосовъ—лукъ и стрѣлы, намазанныя ядомъ тикуны, дубина и сарбаканъ.

Но напрасно лѣса и воды представляютъ Канибосу изобильный и разнообразный выборъ пищи: онъ лакомъ только до черепахъ—и это предпочтеніе, доходящее до маніи, обратило его въ самаго свирѣпаго истребителя этихъ животныхъ. Черепахоѣдъ по натурѣ, онъ проводитъ цѣлые дни на берегу, изучая нравы этого земноводнаго, начиная отъ кладки яицъ до переселенія.

Между 15 августа и 1 сентября,—временемъ, когда черепахи въ Укаяли кладутъ яйца,—снѣгъ перестаетъ падать на вершины Андовъ, вслѣдствіе чего происходитъ уменьшеніе скорости теченія рѣкъ, пониженіе уровня и осушеніе обширныхъ прибрежныхъ песковъ. Отливъ воды подаетъ Канибосамъ сигналъ къ охотѣ. Въ назначенный день, они садятся съ семействами въ пироги, запасаются нужными орудіями и посудой—и плывутъ вверхъ или внизъ по рѣкѣ, смотря по тому, руководитъ ли ими капризъ или инстинктъ. Поѣздки бываютъ отъ десяти до двѣнадцати и сорока миль.

Когда охотники замѣтятъ на плоскости берега прерывистыя линіи, волнообразныя борозды, которыя оставляетъ послѣ себя черепаха, они высаживаются и строютъ шагахъ въ двухстахъ отъ воды временные шалаши, гдѣ скрываются, поджидая появленія амфибій. Инстинктъ охотниковъ такъ вѣренъ, что помѣщеніе ихъ на берегу предшествуетъ обыкновенно днемъ или двумя приходу черепахъ.

Въ темную ночь, между двѣнадцатью и двумя часами, рѣка вдругъ начинаетъ бурлить, подъ вліяніемъ громаднаго прилива; тысячи черепахъ тяжело выползаютъ изъ воды и разсыпаются по берегу.

Присѣвъ на корточки или стоя на колѣнахъ подъ лиственной крышей, Канибосы въ глубокомъ молчанiи ожидаютъ удобной минуты. Черепахи, по выходѣ изъ воды, раздѣляются на отряды и быстро принимаются рыть передними лапами ровъ, нерѣдко до двухсотъ метровъ длиною и постоянно шириною до четырехъ, глубиною до двухъ футовъ. Усердiе ихъ при этой работѣ таково, что взметаемый кругомъ песокъ окружаетъ ихъ словно туманомъ.

Когда размѣры рва кажутся имъ достаточны, каждая черепаха выползаетъ на край, быстро поворачивается задней частью къ углубленiю и выпускаетъ на дно не менѣе сорока и не болѣе семидесяти яицъ съ мягкой скорлупкой; вслѣдъ за тѣмъ, заднiя ноги принимаются работать въ свою очередь и быстро засыпаютъ ровъ. При этомъ хаосѣ движущихся лапъ, не одна черепаха, сталкиваемая нечаянно своими товарищами съ насыпи, скатывается внизъ и засыпается живою. Громадная работа оканчивается вся не болѣе какъ въ четверть часа.

Когда траншея засыпана и черепахи въ безпорядкѣ начинаютъ возвращаться къ рѣкѣ, наступаетъ моментъ, такъ долго подстерегаемый Канибосами. По крику одного изъ нихъ, вся толпа встаетъ и бросается преслѣдовать амфибiй, не съ цѣлiю отрѣзать имъ отступленiе,— люди были бы сбиты съ ногъ неудержимымъ стремленiемъ массы, — но чтобы бѣжать по флангамъ, схватывать отсталыхъ и переворачивать ихъ на спину; прежде чѣмъ главныя силы армiи исчезнутъ, тысячи плѣнницъ нерѣдко остаются въ рукахъ *воротильщиковъ*, какъ миссiонеры называютъ охотниковъ за черепахами.

Съ первыми проблесками зари начинается избiенiе: верхнiе и нижнiе щитки амфибiй летятъ въ куски подъ ударами топора; внутренности вырываются и отдаются женщинамъ, которыя отдѣляютъ отъ нихъ тонкiй желтый жиръ, считающiйся гораздо выше гусинаго по мягчительному дѣйствiю. Распластанные трупы бросаются въ добычу коршунамъ и орламъ-рыболовамъ, слетающимся со всѣхъ сторонъ при видѣ бойни. Передъ истребленiемъ, Канибосы отбираютъ двѣсти или триста черепахъ для употребленiя въ пищу и для торга съ миссiями. Послѣ того мужчины и женщины принимаются за выдѣлку жира, который перетапливаютъ и взбиваютъ до пѣны посредствомъ деревянныхъ лопаточекъ. Изъ плотной желтой массы жиръ превращается въ безцвѣтную неслипающуюся жидкость. Канибосы разливаютъ его по кувшинамъ, затыкая отверстiя листьями водорослей.

Остатки, потроха, внутренности выбрасываются изъ котловъ въ воду, гдѣ рыбы и кайманы съ ожесточенiемъ оспариваютъ ихъ другъ у друга.

Окончивъ выварку жира, туземцы принимаются за яйца, которыя вмѣстѣ съ мясомъ и жиромъ черепахъ составляютъ предметъ торговли съ миссiями. Яйца вынимаются полными корзинами изъ рва, куда ихъ складывали самки наканунѣ, и сваливаются грудою въ небольшую пирогу, предварительно вымытую, выскобленную и назначенную замѣнить прессовальню. Стрѣлами о пяти зубьяхъ мужчины и женщины прокалываютъ яйца и выпускаютъ маслянистый желтокъ въ широкiя створки раковинъ, замѣняющiя ложки. На обломанную скорлупу выливается нѣсколько ушатовъ воды, какъ на яблочныя или виноградныя выжимки, потомъ все это сильно перемѣшивается,—и когда остатки желтка отдѣлятся и всплывутъ на поверхность, ихъ старательно собираютъ. Затѣмъ остается выварить это масло, сбить, бросить въ него нѣсколько щепотокъ соли и вылить въ кувшины.

Приготовляемые Канибосами жиръ и масло промѣниваются миссiонерамъ (которые употребляютъ его въ кушанье) на стеклярусъ, ножи, удочки и черепашьи остроги. Такимъ образомъ, ежегодно истребляется несмѣтное количество яицъ, а слѣдовательно и самыхъ черепахъ.

Чуваши.

(Окончанiе).

Свадьбы Чувашъ носятъ вѣрный отпечатокъ, какъ ихъ быта, такъ и взгляда на семейную жизнь. Недавно еще у нихъ велось обыкновенiе увозить невѣсту съ поля прямо въ церковь, гдѣ совершался обрядъ вѣнчанья. Такъ общепринято было у нихъ это дѣло, что родители пропавшей дѣвушки не мало не тревожилисі ея внезапнымъ исчезновенiемъ, говоря хладнокровно, что видно ей женихъ нашолся. Такъ какъ священники часто отказывались вѣнчать такiя четы, стараясь искоренить этотъ обычай, то многiе стали замѣнять его другимъ, болѣе обезпечивающимъ; увезши дѣвушку, молодой человѣкъ привозилъ ее въ свой домъ—и продержавъ ее у себя нѣсколько дней, являлся вмѣстѣ съ ней къ священнику, который уже обязанъ былъ вѣнчать.

Не было примѣровъ чтобы подобныя похищенiя не кончались свадьбой.

Намѣреваясь жениться, Чувашинъ долго высматриваетъ задуманную невѣсту, чему способствуютъ вечеринки не рѣдкiя въ чувашскомъ быту.

Первый приступъ къ помолвкѣ полагаетъ Iомза, возлагая руки на голову невѣсты и призывая на нее благословенiе свыше. За тѣмъ начинаются приготовленiя къ свадьбѣ; родственницы и подруги невѣсты принимаются снаряжать ее шитьемъ приданаго. Наконецъ за нѣсколько дней до свадьбы наступаютъ празднованiя, состоящiя изъ питья пива, поѣздокъ къ роднымъ и катанья по окрестнымъ деревнямъ. Эти катанья дѣлаются обыкновенно въ плетеныхъ повозкахъ, крытыхъ сверху бѣлымъ холстомъ на подобiе нашей коляски; лошади разукрашены разными побрякушками, женихъ и дружки увѣшаны лентами, женщины разодѣты въ свои лучшiе наряды. Для большаго парада, въ каждой плетенкѣ одна изъ женщинъ ѣдетъ стоя, иногда она же правитъ лошадьми; монеты на ея головѣ блестятъ какъ золото; грудь, руки унизаны тоже монетами и ожерельями; издалека раздаются звонкiе колокольчики, поѣздъ чувашской свадьбы слышенъ за полверсты.

Обвѣнчавшись, молодая не ѣдетъ къ своему мужу, а возвращается къ родителямъ, гдѣ остается нѣсколько дней, до тѣхъ поръ пока молодой не прiѣдетъ ее похитить.

Въ иныхъ мѣстностяхъ мужъ прiѣзжаетъ за своей новобрачной открыто, офицiяльно, въ сопровожденiи многочисленныхъ гостей, въ домъ тестя также наѣзжа-

ютъ гости иногда изъ нѣсколькихъ деревень, и съ музыкой, пѣснями и ликованьями молодую увозятъ изъ родительскаго дома.

Большею же частью похищеніе молодой жены происходитъ ночью, часто условившись заранѣе о днѣ и часѣ, хотя всѣ домашніе дѣлаютъ видъ, будто ничего о томъ не знаютъ. По своей деревнѣ они ѣдутъ тихо, осторожно, какъ бы опасаясь, чтобы кто не отнялъ дорогой добычи,—хотя въ сущности знаютъ, что ни у кого изъ близкихъ и тѣни нѣтъ такого покушенія; по выѣздѣ же изъ своего селенія начинаются громкія пѣсни, музыка на пузырѣ, инструментъ въ родѣ гудка; молодая на лошади, обыкновенно данной ей отцомъ въ приданое, покрытая съ ногъ до головы бѣлымъ покрываломъ; за ней молодой и его свита, пріятели; звонкія пѣсни, дикіе возгласы, звуки пузыря, все это вмѣстѣ невольно приковываетъ вниманіе, поражая оригинальностью зрѣлища.

Похищеніе невѣсты или жены явно выражаетъ свободу выбора.

Во всѣхъ русскихъ деревенскихъ семействахъ невѣстка—существо вполнѣ страдательное, общая прислуга, работница на весь домъ; всѣ тяжести труда падаютъ на невѣстку, часто всѣ домашнія невзгоды вымѣщаются на ней же. Въ чувашскомъ быту совсѣмъ на оборотъ: молодую хозяйку принимаютъ привѣтливо, въ ней видятъ помощницу, надежду семейства,—и большею частію ей предоставляется управленіе домашняго хозяйства. Женщина вообще высоко стоитъ въ быту чувашей, жена въ полномъ смыслѣ чтится какъ подруга жизни, какъ мать; послѣднее подтверждается даже обычаемъ называть жену по имени только до рожденія перваго ребенка, послѣ чего мужъ называетъ ее матка. Женщины участвуютъ во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ, раздѣляютъ всѣ работы мужчинъ, жнутъ, косятъ, занимаются домашнимъ хозяйствомъ. Въ степныхъ мѣстахъ женщины вмѣстѣ съ мужчинами ѣздятъ въ лѣсъ, за 50 верстъ и болѣе.

Чувашки имѣютъ обыкновеніе брать съ собой дѣтей въ поле, что конечно отчасти замедляетъ ихъ работы; зато малютки во-время и надлежащимъ образомъ накормлены, и не подвергаются ежедневно опасности быть изуродованными на рукахъ четырехъ-лѣтней няньки.

У чувашъ, не смотря на ихъ неразвитое состояніе, есть своего рода знанія и искусства, пріобрѣтенныя опытомъ и поддерживаемыя врожденнымъ любопытствомъ этого народа. Вообще чувашинъ интересуется все знать, все видѣть; ни одинъ незнакомый предметъ не ускользнетъ отъ его вниманія. Такая любознательность не можетъ остаться безъ вознагражденія и не принести плодовъ, хотя медленныхъ, но полезныхъ.

Чуваши съ успѣхомъ занимаются пчеловодствомъ, нѣкоторые изъ нихъ держатъ много ульевъ; въ одномъ селеніи есть старикъ, у котораго до 1,000 пеньковъ.

Чувашскіе холсты отличаются бѣлизной и ровной выдѣлкой. Хорошее, тонкое полотно—предметъ восторженнаго вниманія чувашекъ; лоскутокъ голландскаго полотна вызываетъ ихъ восторженныя восклицанія и восхищеніе, какъ случается иногда съ образованнымъ человѣкомъ при видѣ художественной картины.

Вышивки чувашскихъ женщинъ по простому холсту, безъ руководства узоровъ, дѣйствительно заслуживаютъ вниманія: онѣ шьютъ съ изнанки довольно мелкимъ продолговатымъ швомъ, шолкомъ грубыхъ цвѣтовъ и выдѣлки, сученымъ вмѣстѣ съ бумагой,—и изъ этого матерьяла выводятъ правильными затѣйливыми фигурами пестрые борты, входящіе непремѣнно въ составъ ихъ туалета, такъ гладко и ровно, что съ перваго взгляда ихъ можно принять за тканые. Бисерныя шапочки хирокъ представляютъ образцы отчетливой, искусственной работы.

Чуваши знаютъ употребленіе многихъ цѣлительныхъ травъ и кореньевъ, удачно вылѣчиваютъ отъ укушенія бѣшеной собаки или змѣи, даже отъ нѣкоторыхъ болѣзней.

Чуваши по нѣкоторымъ соображеніямъ предугадываютъ довольно вѣрно перемѣну погоды, качество предстоящаго урожая, среднюю температуру времени года—и въ этомъ пользуются довѣріемъ русскихъ земледѣльцевъ.

Трудно опредѣлить, на чемъ именно чуваши основываютъ свои предсказанія; по видимому на многихъ данныхъ: зарожденье молодаго мѣсяца, сіянье звѣздъ, полетъ грозы, слѣдъ зайца по свѣжему снѣгу, все имѣетъ въ ихъ глазахъ смыслъ, изъ котораго они выводятъ свои заключенія.

Чуваши—хорошіе земледѣльцы. Особенно замѣчательна ихъ жатва, до того тщательная, что съ перваго взгляда на сжатое поле кажется, будто на немъ не осталось ни одного колоса; но при этомъ ихъ работы медленны сравнительно съ русскими.

Суевѣрія и народныя преданія чувашъ облечены въ фантастическую форму: такъ напримѣръ, они убѣждены, что по временамъ происходитъ ночная пляска лѣсовъ, гдѣ каждое дерево открѣшается отъ корня и пускается въ общій шумный пиръ, по окончаніи котораго все опять устанавливается по мѣстамъ и приходитъ въ обыкновенный порядокъ. Самымъ простымъ случаямъ, самымъ обыкновеннымъ дѣйствіямъ они придаютъ колоритъ волшебной сказки.

Мельница въ ихъ глазахъ имѣетъ таинственный смыслъ, и хотя нерѣдко мельникъ чувашинъ живетъ на мельницѣ одинъ-одинехонекъ, тѣмъ не менѣе мысленно населяетъ ее разными фантастическими существами, произведеніями его собственнаго игриваго воображенія.

При появленіи повальной болѣзни или скотскаго падежа, олицетворяя нѣкоторымъ образомъ понятіе боли, они приписываютъ ее недоброму человѣку—и окапываютъ свое селеніе небольшой канавой, или проводятъ сохой борозду. Если незнакомый человѣкъ забредетъ случайно въ эту завѣтную черту, его принимаютъ за недоброжелателя, нападаютъ на него и безпощадно прогоняютъ бичами.

Еще доказательство олицетворенія идеи болѣзни у чувашъ: когда въ домѣ опасно больной или умершій, они имѣютъ обыкновеніе уносить изъ дому въ лѣсъ и развѣшивать на деревѣ одежду больнаго или покойнаго, въ томъ убѣжденіи что болѣзнь уйдетъ отъ нихъ съ этими вещами.

Между чувашъ существуетъ печальная особенность, несовмѣстная съ ихъ добрыми качествами: это наклонность къ самоубійству. За потерянный рубль, за простую ссору, чувашъ легкомысленно лишаетъ себя жизни; за нанесенную обиду чувашъ грозится, что сдѣлаетъ обидчику лиху бѣду, то есть прокрадется въ его жилище и тамъ его найдутъ повѣсившимся или удавившимся, и дѣйствительно даетъ такой зарокъ. При кроткой, нравственной природѣ чувашина, нѣтъ сомнѣнія, что эта

ужасная черта исчезнетъ при дальнѣйшемъ развитіи этого народа.

Въ послѣднее время нѣкоторые изъ сельскихъ священниковъ занялись изученіемъ чувашскаго языка, переведены многія молитвы, часть литургіи, которая и совершается иногда на этомъ языкѣ. Надо видѣть, съ какимъ рвеніемъ чуваши бѣгутъ въ церковь, прислушиваются къ каждому слову, сдѣлавшемуся понятнымъ для каждаго изъ нихъ. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ есть школы, изъ ихъ же дѣтей сформированы домашнимъ образомъ пѣвчіе; бываютъ порядочные голоса; пѣніе если не совсѣмъ стройное, то по крайней мѣрѣ и не вовсе въ разладъ, въ нѣкоторыхъ церквахъ очень порядочное. Въ одномъ изъ здѣшнихъ селъ школу учредила у себя, частнымъ образомъ и конечно не въ широкомъ размѣрѣ, сестра священника, дѣвушка умная и дѣльная. Частью пользуясь совѣтами брата, частію собственными стараніями, она занимается съ дѣтьми видимо полезнымъ образомъ, и трудъ ея увѣнчивается успѣхомъ.

Пытливая природа чувашина влечетъ его ко всему новому, незнакомому; не понимая вполнѣ пользы ученья, онъ видитъ въ немъ удовлетвореніе своему любопытству—и желанье узнать то, что ему неизвѣстно, развиваетъ въ немъ охоту къ грамотности; по этой же причинѣ и успѣхи ихъ быстрѣе. Дѣвочки, находящіяся въ помянутой школѣ, кромѣ грамоты занимаются шитьемъ, вышиваньемъ, вязаньемъ.

Того замѣчательнѣе, что лѣсные и степные чуваши гордятся, щеголяютъ грамотностью своихъ дѣтей.

Были попытки отъ земства завести нѣсколько школъ, но большая часть ихъ не состоялась по причинѣ недостаточнаго числа учащихся: русскіе не воспользовались ими по принципу,—чуваши, увлеченные примѣромъ и вліяніемъ русскихъ, которыхъ (сравнительно съ собой) по врожденной скромности считаютъ передовыми.

Всѣхъ чувашей считается до 430,000; они живутъ въ губерніяхъ Казанской, Симбирской и Нижегородской.

А. Л.

Опасности дѣтскаго возраста.

Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ со дня рожденія ребенка, какъ онъ уже успѣлъ освоиться съ употребленіемъ своихъ членовъ и справляется съ ними какъ только можетъ. Органы чувствъ, зрѣніе, слухъ, вкусъ и др. воспринимаютъ пока только очень сильныя впечатлѣнія. Ребенокъ хватается за самые яркіе предметы; рѣзкій стукъ и шумъ, сильный запахъ возбуждаютъ къ дѣятельности и развиваютъ его еще слабыя чувства. Органъ вкуса развитъ въ этотъ періодъ жизни болѣе чѣмъ какой-либо другой. Да оно и неудивительно. Первое съ чѣмъ встрѣчается ребенокъ при своемъ появленіи на свѣтъ — это пища. Вкусовые нервы языка также постоянно раздражаются; ребенокъ получаетъ болѣе или менѣе пріятныя ощущенія и естественно стремится разнообразить и получать ихъ въ возможно большемъ количествѣ. Поэтому онъ хватаетъ своими ручонками все что ему попадается на глаза, въ особенности предметы яркіе, поражающіе его своими красками или блескомъ—и конечно подноситъ ко рту то, что можетъ очень вредно подѣйствовать на его еще очень слабый, неокрѣпшій организмъ. Такимъ образомъ, уже въ этотъ періодъ младенчества ребенокъ подвергается всѣмъ возможностямъ отравленія и вообще всѣмъ нарушеніямъ правильнаго отправленія организма.

Но вотъ прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ—и ребенокъ уже не довольствуется прежнимъ несложнымъ удовлетвореніемъ своихъ потребностей. Требованія его дѣлаются шире, причемъ онѣ не ограничиваются уже одними вкусовыми ощущеніями, но и слуховыми и обонятельными.

Не говоря уже о томъ, что нужно удалять всѣ тѣ предметы, которые по своимъ химическимъ свойствамъ могутъ быть вредны или опасны для дитяти, или своимъ остріемъ легко могутъ поранить его,—кромѣ этого нужно держать подальше отъ него всѣ тѣ крошечныя вещицы, которыя по своей величинѣ легко могутъ быть упрятаны имъ въ ротъ или уши. Къ этимъ послѣднимъ нужно отнести бобы, горошины, маленькія монеты, косточки, пуговички и т. п.

Но если (по недосмотру нянекъ или родителей) ребенокъ успѣетъ засунуть какой-нибудь маленькій предметъ въ свой наружный слуховой проходъ, то ни подъ какимъ предлогомъ не слѣдуетъ до прибытія врача самимъ пытаться вытащить его оттуда. Эти попытки ведутъ обыкновенно къ тому, что предметъ еще глубже уходитъ въ ухо. Можетъ случиться даже такъ, что прорывается барабанная перепонка—и предметъ попадаетъ въ такъ-называемое среднее ухо, вызывая здѣсь сильное воспаленіе, глухоту, а иногда даже и воспаленіе мозга со всѣми его печальными послѣдствіями.

Лучше всего въ такихъ случаяхъ посылать тотчасъ же за врачемъ, которому легко удастся опытной и вѣрной рукой извлечь посторонній предметъ. Если же по какому нибудь случаю посторонній предметъ засѣлъ глубоко и неможетъ быть легко вытащенъ, то намъ въ подобныхъ случаяхъ служитъ одно очень простое и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрное средство. Мы впускаемъ въ ухо струю теплой воды, которая, собираясь между барабанной перепонкой и вошедшимъ тѣломъ, легко выталкиваетъ этотъ послѣдній изъ уха.

Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ средство это остается недѣйствительнымъ – и тогда конечно приходится прибѣгать къ особенно-устроеннымъ инструментамъ.

Подобныхъ же попытокъ извлеченія посторонняго тѣла нужно избѣгать и въ тѣхъ случаяхъ, если тѣло это попало въ носъ ребенка. Неопытныя руки ухудшаютъ только дѣло. Можетъ очень легко случиться, что маленькій предметъ, самъ по себѣ проходившій чрезъ носовыя отверстія, но при попыткѣ извлечь вдавленный еще глубже, вхожденіемъ воздуха попадетъ черезъ заднія носовыя отверстія въ глотку, а отсюда глубокимъ вдыханіемъ прогоняется въ гортань и дыхательное горло: случаи, которые, за неимѣніемъ скорой помощи, обыкновенно кончаются смертію.

Но гораздо многочисленнѣе и опаснѣе тѣ случаи, когда какой либо предметъ неосторожно попадаетъ въ ротъ ребенка. Если предметъ при этомъ проглатывается, то при условіи, что онъ не острый и не угловатый, непосредственно достигаетъ желудка и здѣсь вмѣстѣ съ другими кусками пищи подвергается общему процессу пищеваренія. Съ другой же стороны, проглоченный предметъ не достигаетъ желудка и застряваетъ въ глоткѣ или въ пи-

щеводѣ; къ такимъ предметамъ принадлежатъ иголки, рыбьи косточки, маленькія монеты и др.; даже обыкновенныя съѣдобныя тѣла (какъ напр. картофель, гостинцы), но худо измельченныя, легко могутъ остановиться въ глоткѣ или въ узкихъ мѣстахъ пищевода.

Если такой предметъ застрялъ въ одномъ изъ вышеназванныхъ мѣстъ, дѣти начинаютъ тосковать, сильно кашлять, жалуются на боль въ опредѣленномъ мѣстѣ шеи и имѣютъ сильный позывъ къ рвотѣ. Глотаніе въ такихъ случаяхъ или воспрепятствовано совершенно или только отчасти. Эти признаки взятые вмѣстѣ—могутъ указать незнающимъ родителямъ на то, что ребенокъ подавился. Тутъ не нужно терять времени, а должно тотчасъ же, открывъ ребенку ротъ, впустить правый указательный палецъ какъ можно глубже въ глотку, ибо весьма легко можетъ случиться что проглоченный предметъ остановился здѣсь—и закрывая собою отверстіе въ дыхательное горло или слишкомъ сильно нажимая язычекъ, этимъ самымъ и производитъ явленія удушья. Конечно, если постороннее тѣло сидитъ въ глоткѣ, то захвативъ его пальцами, не трудно удалить оттуда. Въ другихъ случаяхъ, одно уже прикосновеніе пальцевъ къ мягкому небу вызываетъ сильное сокращеніе глоточныхъ мышцъ, которыя такимъ образомъ и выгоняютъ предметъ наружу.

При этомъ нужно замѣтить, что въ случаѣ если въ пищеводѣ застрянетъ безвредное легко-тающее тѣло, какъ напр. кусокъ сахару, леденецъ и т. п., то можно съ пользою давать ребенку пить, потому что отъ этого тѣло легко уменьшается и потомъ поступаетъ въ желудокъ. Въ другихъ же случаяхъ лучше подождать прибытія врача, потому что даже общеупотребительное проглатываніе кусочковъ хлѣба хотя и оказываетъ иногда пользу, но не-вѣрно-употребленное можетъ принести еще большій вредъ. Съ одной стороны эти кусочки хлѣба, попадая въ пищеводъ и не имѣя возможности пройти далѣе, еще болѣе увеличиваютъ общее страданіе; съ другой же, давя на ниже-ихъ-лежащій предметъ, еще болѣе вдавливаютъ его въ ткани пищевода.

Но опасности эти все еще не такъ велики, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда попавшее въ ротъ тѣло настолько мало, что легко можетъ попасть въ узкую щель дыхательнаго горла. Случается это особенно часто во время громкаго разговора, смѣха или плача, т. е. когда въ открытую щель дыхательнаго горла идетъ усиленный токъ воздуха. Проглатываемое тѣло, вмѣсто того чтобы пройти по надгортанному хрящу въ пищеводъ, попадаетъ въ открытую щель гортани.

Если такимъ образомъ оказывается очень опаснымъ проглатываніе вообще маленькихъ предметовъ, то изъ этого очевидно слѣдуетъ, какъ не разумно давать маленькимъ дѣтямъ овощи или фрукты содержащіе въ себѣ косточки, не очистивъ ихъ предварительно. Любимыя дѣтьми вишни часто проглатываются цѣликомъ. Но въ особенности опасна игра, очень распространенная, состоящая въ томъ, что дѣти подбрасываютъ маленькіе камушки кверху и потомъ стараются поймать ихъ ртомъ. Принимаемое ими при этомъ положеніе, съ закинутою назадъ головою, особенно способствуетъ вхожденію посторонняго тѣла въ щель дыхательнаго горла.

Разъ это случилось—слѣдуетъ неминуемая и мучительная смерть.

Въ одинъ жаркій іюльскій день мы всѣ сидѣли за столомъ. Обѣдъ подходилъ къ концу, и мы дожидались только послѣдняго блюда—вишень. Мы-молодежь въ особенности любили ихъ и ждали съ нетерпѣніемъ, а потому когда блюдо было подано, мы, даже безъ сигнала со стороны матери, принялись за нихъ съ особеннымъ рвеніемъ. Мой маленькій пятилѣтній братъ, сидѣвшій какъ разъ противъ меня (подробности этого дня мнѣ особенно врѣзались въ памяти), тоже не упускалъ случая полакомиться этими вкусными ягодами. Я между тѣмъ постоянно поглядывалъ на часовую стрѣлку, которая быстро подвигалась къ двумъ часамъ, и замѣтилъ моему старшему брату, что кажется уже пора отправляться въ школу. Это предложеніе особенно понравилось моему маленькому брату, который сталъ громко смѣяться, при мысли какъ онъ останется одинъ съ мамой и съѣстъ цѣлое блюдо вишень.

Но вдругъ веселый смѣхъ прервался, глаза его расширились, а выраженіе ихъ съ секунды на секунду дѣлалось болѣе и болѣе тоскливымъ.

Не подозрѣвая ничего ужаснаго въ этой быстрой перемѣнѣ, я удивленно смотрѣлъ на него.

Лицо его стало замѣтно краснѣть, а въ чертахъ лица появилось выраженіе страшной тоски.

Потомъ вдругъ онъ вскочилъ — и съ такою силою, что въ одну минуту стоялъ уже на стулѣ съ посинѣвшимъ лицомъ и распростертыми впередъ руками.

Все это было дѣломъ не болѣе полуминуты. Теперь только отецъ замѣтилъ наши испуганныя лица—и удивляясь внезапно наступившей тишинѣ, оглянулся въ сторону, въ которую были направлены наши взгляды. Но замѣтивъ случившееся, онъ вскочилъ въ страшномъ ужасѣ и съ крикомъ: «ребенку попала въ дыхательное горло косточка», бросился къ брату. Схвативъ его и наклонивъ нѣсколько впередъ, онъ всунулъ ему въ ротъ свой указательный палецъ, чтобы этимъ вызвать рвоту. Дѣйствительно, послѣдовало нѣсколько судорожныхъ сокращеній глотки, но косточка все не выходила; состояніе бѣднаго ребенка дѣлалось все хуже и хуже. Лицо его уже приняло темносиній отливъ, а члены стали конвульсивно поддергиваться.

Видя, что рвотой врядъ ли удастся удалить посторонній предметъ, отецъ бросился съ ребенкомъ къ себѣ въ кабинетъ, позвавъ на-скоро попавшагося ему навстрѣчу кучера. Прибѣжавъ туда, онъ положилъ сына на столъ, поручивъ кучеру держать его неподвижно, а самъ вытащивъ большой операціонный ножъ сталъ имъ разрѣзывать рубашку на шеѣ. Потомъ, вынувъ другой поменьше, онъ приложилъ его съ намѣреніемъ разрѣзать шею и вскрыть дыхательное горло.

Но едва успѣлъ ножъ коснуться шеи, какъ мальчикъ сдѣлалъ сильное сокращеніе мышцами глотки (вѣроятно вслѣдствіе рефлекса), за которымъ послѣдовало глубокое вдыханіе, потомъ безчисленное множество поверхностныхъ дыхательныхъ движеній, причемъ темно-синій цвѣтъ лица исчезъ совершенно и ребенокъ открылъ глаза.

Онъ былъ спасенъ. Вѣроятно косточка, выйдя изъ дыхательной щели, перешла въ пищеводъ и такимъ образомъ безпрепятственно попала въ желудокъ.

Замѣчательныя постройки древнихъ и новыхъ временъ.

VI. Древне-христіанскіе архитектурные стили.

1. Римскій древне-христіанскій стиль.

Христіанство, а также и вторженіе германскихъ народовъ должны были имѣть существенное вліяніе на преобразованіе римскихъ условій жизни, а слѣдовательно и на искусство западной Европы, между тѣмъ какъ аравитяне и ученіе Магомета дѣлали тоже самое для Востока.

Чтобы выразить ту противоположность, которая существуетъ между вновь возникшею художественною дѣятельностью и величавымъ спокойствіемъ и благородною простотою классическаго искусства,—искусство различныхъ временъ и народовъ, начиная со времени распространенія этихъ обѣихъ религій, называютъ *романтическимъ*. Но это названіе не соотвѣтствуетъ новой художественной дѣятельности во всѣхъ ея фазахъ, такъ какъ новыя начала совпадаютъ со временемъ упадка и варварства искусства, а болѣе свободное движеніе искусства и его поэтическій полетъ начинаются не прежде какъ черезъ нѣсколько столѣтій и достигаютъ своего полнаго развитія только въ средніе вѣка. Поэтому-то слово «романтическое искусство» употребляется обыкновенно только для общаго обозначенія цѣлой группы различныхъ архитектурныхъ стилей — въ противоположность до-христіанскимъ и новѣйшимъ.

Эти упомянутыя выше новыя начала извѣстны теперь подъ именемъ «древнехристіанскаго искусства», такъ какъ они возникли у древнихъ народовъ, принявшихъ христіанскую религію, вслѣдствіе новыхъ религіозныхъ потребностей. Естественно, что вмѣстѣ съ новыми религіозными потребностями долженъ былъ появиться и новый способъ зодчества. Но искусство упало до такой степени, что не могло исполнить этого самостоятельнымъ и органическимъ образомъ; тогдашніе художники скорѣе воспользовались прежними формами искусства для новыхъ комбинацій—и такимъ образомъ произошелъ новый римскій древнехристіанскій стиль, существенно разнящійся отъ тѣхъ, которые существовали прежде. Сѣверные народы, вторгавшіеся въ Италію (Остъ-Готы и Лонгобарды), не могли имѣть никакого вліянія на успѣхи тогдашняго зодчества,—и будучи, сравнительно съ римскою культурою, грубы и невѣжественны, скорѣе усвоили себѣ римскій христіанскій стиль и распространили его такимъ образомъ не только въ Италіи, но и между Франками и Англосаксами.

Вслѣдствіе раздѣленія римской имперіи на западную и восточную (396 г. по Р. Х.) и основанія новой столицы, Константинополя на мѣстѣ прежней Византіи, на ряду съ римскимъ христіанскимъ стилемъ образовался «византійскій», о которомъ мы будемъ говорить нѣсколько ниже.

Такъ какъ первые христіане не составляли отдѣльнаго народа или государства, а также не имѣли собственнаго искусства и должны были употреблять для сооруженія и украшенія своихъ зданій тѣхъ архитекторовъ, живописцевъ и ваятелей, которые были у римлянъ и грековъ, то первыя христіанскія зданія очень мало отличаются отъ прежнихъ языческихъ. Поэтому-то слово «древне-христіанскій стиль» относится собственно только къ христіанскимъ храмамъ, преобразованнымъ базиликамъ. Что же касается до другихъ общественныхъ зданій и жилыхъ строеній, они долго еще оставались тѣми же что и прежде—и измѣнились только впослѣдствіи, вмѣстѣ съ перемѣною нравовъ и обычаевъ римлянъ, когда и новая религія пріобрѣла болѣе значительное вліяніе на архитектуру. Въ то время какъ на западѣ искусство римлянъ перешло въ руки варваровъ, въ Византіи оно, напротивъ того, сложилось въ новую самостоятельную систему.

Римская древне-христіанская архитектура нашла себѣ главное приложеніе въ *римско-христіанскихъ базиликахъ* и въ *среднемъ нефѣ церквей*.

Существованіе этого искусства продолжается до конца девятаго столѣтія, слѣдовательно до того времени, когда вновь появившіеся элементы начали, какъ мы разскажемъ въ свое время, вытѣснять классицизмъ. Но на ряду съ этимъ новымъ искусствомъ въ Италіи, въ особенности же въ Римѣ, продолжало существоватъ и классическое.

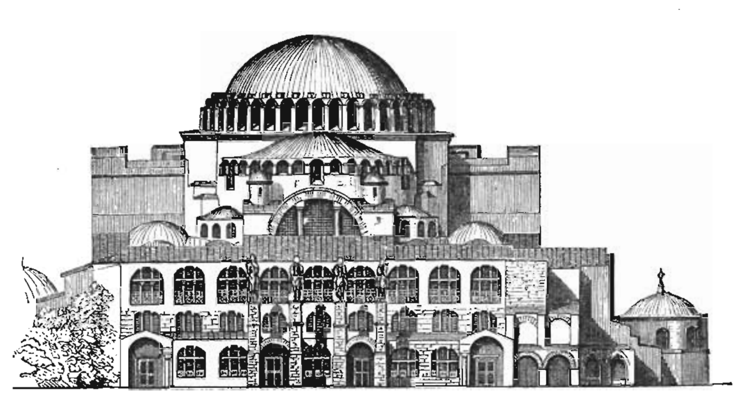
Когда христіанамъ впервые дозволили строить себѣ храмы, то за образецъ этихъ новыхъ зданій были взяты базилики, служившія римлянамъ мѣстомъ суда и торговыхъ сдѣлокъ, при чемъ было удержано даже ихъ названіе. Первыя христіанскія базилики были, какъ можно предполагать, довольно схожи съ своими прототипами—съ тою однакоже разницею, что средняя часть базилики, которая у римлянъ была, большею частью, открыта, у христіанъ прикрывалась потолкомъ. Но вскорѣ (къ концу четвертаго столѣтія) первоначальное расположеніе этихъ зданій начинаетъ замѣтно измѣняться. Образуется новая форма базилики, которая удерживается и въ слѣдующія затѣмъ столѣтія. Если основная форма вообще и остается та же, то все таки она получаетъ другія пропорціи. Но что всего болѣе придаетъ своеобразности христіанской базиликѣ, это ея внутренность. Уже вслѣдствіе одного того, что среднее помѣщеніе покрыто, христіанская базилика существенно разнится отъ римской; у римлянъ оно не было покрыто и представляло такимъ образомъ родъ открытаго двора, обнесеннаго колоннами,—тогда какъ въ христіанскихъ базиликахъ это помѣщеніе образуетъ главный нефъ, значительно превышающій боковые нефы и заканчивающійся *абсидомъ* (полукругомъ). Такимъ образомъ типъ христіанскихъ базиликъ сложился слѣдующимъ образомъ:

Внутренность была раздѣлена двумя рядами колоннъ на три части или нефа; два длинныхъ продольныхъ боковыхъ нефа были предоставлены мужчинамъ и женщинамъ, а средній нефъ, гораздо шире и выше боковыхъ нефовъ, заканчивался напротивъ входа полукруглою выпуклостью (нишею, абсидомъ или трибуною). Колонны хотя и прикрыты иногда античнымъ архитравомъ, но большею частью соединены между собою полукруглыми арками, на которыхъ лежитъ стѣна, нерѣдко прорѣзанная маленькими узкими окошечками. Эти окна, точно такъ же какъ и тѣ, которыя прорѣзаны въ стѣнахъ боковыхъ нефовъ, соотвѣтствуютъ промежуткамъ между колоннами и точно такъ же покрыты полукружіями, какъ и колонны. Иногда передъ абсидомъ устроивался еще *поперечный нефъ* (форма креста).

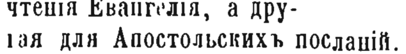
Большія базилики имѣютъ иногда по пяти продольныхъ нефовъ: средній главный нефъ, а по обѣимъ бокамъ его по два болѣе-низкихъ нефа.

На востокѣ передъ абсидомъ или трибуною устроивался въ поперечномъ нефѣ алтарь, прикрытый, большею

частію, балдахиномъ, поддерживаемымъ четырьмя колоннами. Сзади въ самой трибунѣ находится епископское сѣдалище, возвышающееся на нѣсколько ступеней, а по бокамъ его сидѣнья для высшаго духовенства, расположенныя полукругомъ. Передъ алтаремъ, въ концѣ средняго продольнаго нефа, устроено продолговатое помѣщеніе для низшаго духовенства или хора, обнесенное мраморной рѣшеткой, вслѣдствіе чего это помѣщеніе и получило названіе *хора*. По обѣимъ сторонамъ хора находится по кафедрѣ (*Ambs*), богато украшенной мозаиками: одна для чтенія Евангелія, а другая для Апостольскихъ посланій.

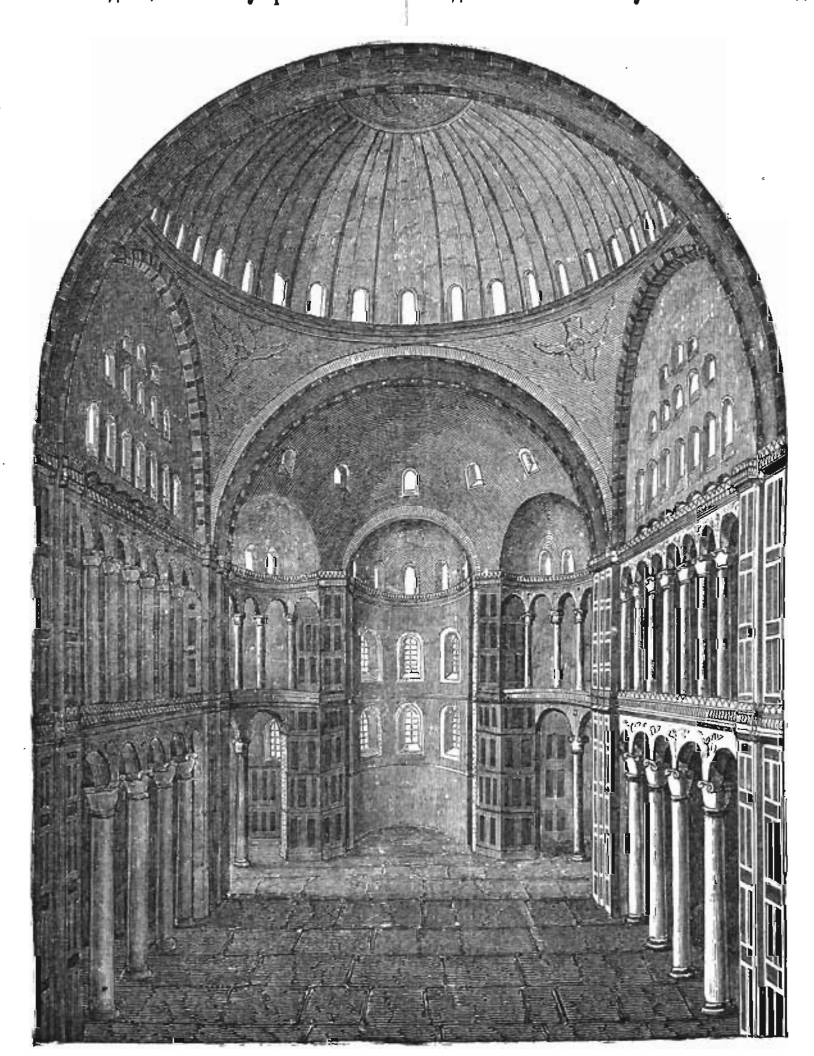

1. Фасадъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ.

Все это пространство съ находящимся внутри его алтаремъ, отдѣленное отъ нефовъ, называется *Sanctuarium* и возвышается на одну или двѣ ступени надъ церковнымъ поломъ. По обѣимъ сторонамъ его, въ концѣ боковыхъ нефовъ, устроивались иногда еще особыя отдѣльныя помѣщенія: одно *Senatorium* для важныхъ сановниковъ, а другое *Matroneum* для знатныхъ женщинъ.

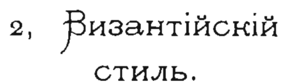
Наконецъ, подлѣ входа устоивалось иногда узкое помѣщеніе, отдѣленное перилами, для кающихся, которые уже были допускаемы въ святилище. Передъ церковью воздвигались портики вокругъ *передняго двора* (*Atrium*, *Paradisus*, *Vestibulum*, *Pronaos*), гдѣ помѣщались кающіеся, исключенные изъ церковной общины. Въ серединѣ этого двора устроивался колодезь, *Cantharus*, для омовенія рукъ, въ видѣ символическаго указанія на внутреннее очищеніе. Отсюда-то и произошелъ обычай святить воду.

2. Внутренность церкви св. Софіи въ Константинополѣ.

Къ числу особенностей христіанскихъ базиликъ относится еще то, что подъ стоящимъ передъ трибуною *главнымъ алтаремъ* (впослѣдствіи времени стали устроивать еще второстепенные алтари) находилась подземная часовня, *Krypta*, для помѣщенія останковъ тѣхъ святыхъ, которымъ была посвящена церковь. Иногда эта часовня была простымъ склепомъ, но чаще представляла собою родъ подземной залы съ колоннами, въ родѣ тѣхъ какіе находятся въ римскихъ катакомбахъ. Эти подземные ходы съ многочисленными развѣтвленіями, вырытые первоначально для сбереженія строеваго матеріала, служили потомъ убѣжищемъ и мѣстомъ погребенія для христіанъ, которые устроивали тутъ родъ часовенъ для богослуженія. Впослѣдствіи, когда христіанская религія была признана въ Римѣ, надъ этими могилами мучениковъ или надъ входами въ катакомбы стали сооружать церкви болѣе значительныхъ размѣровъ, а находившіяся подъ ними часовни надъ могилами мучениковъ подали, вѣроятно, мысль объ устройствѣ *Криптъ* и при церковныхъ зданіяхъ, строившихся въ другихъ мѣстахъ.

Хотя форма христіанскихъ базиликъ произошла скорѣе вслѣдствіе обычаевъ и потребностей, обусловленныхъ культомъ; хотя она образовалась подъ вліяніемъ отчасти выродившагося, а отчасти только еще возникающаго искусства; — тѣмъ не менѣе въ цѣломъ она производитъ величественное и успокоительное впечатлѣніе.

2. Византійскій стиль.

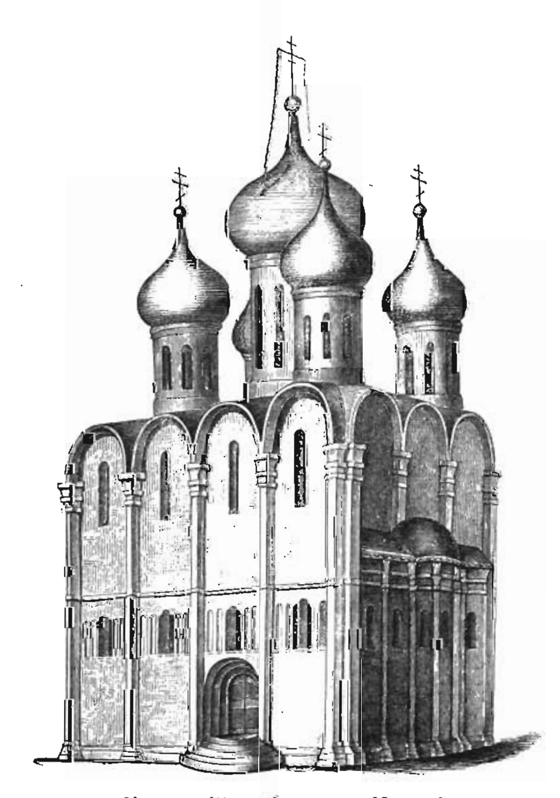
Послѣ раздѣленія римской имперіи на западную и восточную (395 г.), въ послѣднемъ изъ этихъ государствъ, въ особенности въ его новой столицѣ Константинополѣ, возникло новое направленіе, на которое имѣли вліяніе восточные элементы. Изъ этого направленія развился византійскій архитектурный стиль, — и шестое столѣтіе, совпадающее съ царствованіемъ Юстиніана, играетъ особенно важную роль въ развитіи этого стиля. Вскорѣ послѣ этого, вслѣдствіе вторженія Аравитянъ и завоеванія ими цѣлыхъ провинцій, начинается вліяніе этого народа на развитіе византійскаго архитектурнаго стиля. Въ свою очередь и византійскій стиль не остался безъ вліянія на аравійскій, какъ будетъ по-

казано въ статьѣ объ этомъ стилѣ. Крестоносцы распространили его въ одиннадцатомъ столѣтіи и въ другихъ земляхъ, а господство франковъ въ греческой имперіи способствовало его успѣхамъ. Но слѣдовавшіе за тѣмъ греческіе государи не могли отразить побѣдоносныхъ войскъ турецкаго султана, и такимъ образомъ греческая имперія сдѣлалась добычею турокъ въ серединѣ пятнадцатаго столѣтія.

Въ византійскомъ архитектурномъ стилѣ должно различать двѣ эпохи. *Первая*, начинающаяся Константиномъ и оканчивающаяся Юстиніаномъ (въ серединѣ шестаго столѣтія), есть эпоха образованія новаго стиля до завершенія его твердою системою, главную основную часть которой составляетъ *устройство купола*. Во второмъ, болѣе продолжительномъ періодѣ, эта система проявляется отчасти въ строгомъ подражаніи съ еще болѣе значительнымъ прибавленіемъ восточныхъ формъ, отчасти же (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ) подпадаетъ вліянію западнаго искусства.

3. **Разрѣзъ церкви Богоматери въ Константинополѣ.**

5. **Церковь съ покатою крышей.**

4. **Успенскій соборъ въ Москвѣ.**

6. **Колокольня.**

За крайнимъ недостаткомъ мѣста мы не можемъ вдаться въ болѣе или менѣе подробное описаніе византійскаго стиля, а потому, представивъ его существенныя черты, мы перейдемъ къ описанію церкви св. Софіи въ Константинополѣ, считавшейся самымъ лучшимъ образцомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ типомъ этого стиля.

Съ шестаго столѣтія,—еще до того времени, когда Западъ создалъ каменный сводъ съ деревяннымъ потолкомъ,—Востокъ, занятый прочностью покрышки, избралъ куполъ—полукруглый колпакъ, устойчивость котораго не зависитъ отъ замка сводовъ и полукруглая кладка котораго уничтожила давленіе стѣнъ, разлагая это давленіе. Въ Константинополѣ длинные нефы превратились въ собраніе квадратныхъ комнатъ, увѣнчанныхъ куполами. Размѣры античныхъ базиликъ испортились и утратились; но великія красоты выкупали зданіе. Выпуклость карнизовъ; могучій рельефъ поддержекъ, выступовъ и навѣсовъ, сглаживающій переходъ отъ квадратнаго нефа къ круглому куполу; единство зданія, части котораго жмутся къ его центру, какъ бы для того, чтобъ поддержать или подпереть тяжесть массы; — все это дѣлаетъ византійскую архитектуру и оригинальною и поразительною.

Церковь св. Софіи, воздвигнутая Константиномъ въ четвертомъ столѣтіи и нѣсколько разъ горѣвшая, была возобновлена Юстиніаномъ съ величайшимъ стараніемъ и значительными издержками. Она была превосходнымъ

образцомъ для позднѣйшихъ построекъ этого рода и славилась какъ величиною, такъ и объемомъ сводовъ и блескомъ украшеній.

Наружная основная форма этого зданія образуетъ четвероугольникъ въ 252 фута длины и 228 футовъ ширины. Въ серединѣ этого четвероугольника, четыре массивные столба, образующіе другой (внутренній) квадратъ и соединенные между собою полукруглыми арками, несутъ плоскій куполъ посредствомъ находящихся между этими арками трехъугольныхъ навѣсовъ.

Направо и налѣво (если смотрѣть со стороны входа) по обѣимъ сторонамъ прикрытаго куполомъ квадрата стоитъ по четыре колонны, соединенныхъ арками и поддерживающихъ назначавшіеся для женщинъ хоры. Къ каждой изъ открытыхъ сторонъ этого квадрата примыкаетъ полукружіе съ полукуполомъ, который нѣсколько ниже главнаго купола (рис. 1). Въ эти полукуполы врѣзываются съ каждой стороны еще три выпуклости (Wölbungen). Средняя изъ этихъ выпуклостей, устроенная коробовымъ сводомъ (впереди на той сторонѣ гдѣ находится главный входъ и на задней противуположной), образуетъ нишу для хоровъ, тогда какъ боковыя выпуклости имѣютъ видъ коллоссальныхъ нишей, прикрытыхъ полукуполами, покоящимися на двухъ поставленныхъ одна надъ другою колоннадахъ. Такимъ образомъ все внутреннее пространство представляетъ овальный средній нефъ, который завершается на западѣ сводомъ (оканчивающимся прямою линіею), а на востокѣ нишею для хоръ; точно такъ же и по направленію къ вышинѣ, рядъ выпуклостей различнаго рода и вышины, идущихъ отъ средняго купола, представляетъ собою нѣчто цѣлое.

Вокругъ этого высокаго средняго помѣщенія находится (за исключеніемъ той стороны, гдѣ стоитъ алтарь) два этажа второстепенныхъ помѣщеній, которыя, впрочемъ, не имѣютъ вида продольныхъ нефовъ, какъ въ базиликахъ, но на каждой изъ двухъ боковыхъ сторонъ раздѣляются на три отдѣленія, вслѣдствіе чего все вообще цѣлое представляется глазамъ не въ видѣ одного открытаго помѣщенія, а скорѣе въ видѣ продолговатаго круглаго зала съ колоннами и арками (рис. 2).

Въ одно и то же время какъ и церковь св. Софіи, въ Византіи возникла другая форма церковныхъ построекъ, обозначающая второй періодъ византійскаго искусства и составляющая самую характеристическую черту византійскаго стиля,—именно: основная форма креста въ соединеніи съ сводчатою системою, состоящею изъ пяти куполовъ, причемъ высокій средній нефъ, пересѣченный поперечнымъ нефомъ такой же вышины, образуетъ греческій крестъ, надъ разрѣзомъ котораго устроивается на столбахъ куполъ, а потомъ подобные же куполы, только безъ оконъ, на каждой вѣтви креста. Вмѣсто куполовъ, вѣтви креста прикрывались иногда коробовымъ сводомъ (рис. 3). Къ переднему фасаду церкви примыкаетъ обыкновенно *Narthex* (паперть), или портикъ, прикрытый куполовиднымъ сводомъ.

3. Русско-византійскій стиль.

О нашей національной архитектурѣ, въ основу которой легло какъ извѣстно византійское искусство, было уже не разъ говорено на страницахъ нашего журнала. Вотъ почему, отсылая нашихъ читателей къ этимъ статьямъ, въ особенности же къ описанію Покровскаго собора (Василій Блаженный) въ Москвѣ, помѣщенному вмѣстѣ съ превосходнымъ изображеніемъ этого оригинальнѣйшаго зданія нашего государства въ № 3 «Нивы» за 1870 г.,—мы скажемъ только нѣсколько словъ о трехъ прилагаемыхъ при этомъ рисункахъ, которые даютъ наглядное понятіе о той эпохѣ нашей архитектуры, когда русское искусство только-что начало принимать своеобразныя формы и слѣдовательно представляло болѣе или менѣе сильное подражаніе византійскому.

Успенскій соборъ въ Москвѣ (рис. 4) былъ воздвигнутъ въ 1437 году, при митрополитѣ Филаретѣ, но въ слѣдующемъ году онъ распался отъ землетрясенія и былъ возстановленъ Аристотелемъ Фіоравенти въ 1475—1479 годахъ. Этотъ храмъ вскорѣ сдѣлался царскою усыпальницею, а надгробія царей и великихъ князей еще увеличиваютъ таинственность его суроваго характера. Многоцѣнный иконостасъ собора въ своей живописи изображаетъ полную идею Вселенской церкви, союзъ стараго завѣта съ новымъ.

Рисунокъ 5-й представляетъ церковь съ покатой крышей и пятью врѣзывающимися въ нее подножіями, завершающимися пятью луковицеобразными куполами. Этотъ способъ церковной постройки составляетъ, по мнѣнію знатоковъ дѣла, одну изъ самыхъ характеристическихъ особенностей русско-византійскаго стиля, точно такъ же какъ и колокольни (рис. 6), которыя только въ новѣйшее время стали строиться отдѣльно отъ церквей.

Внутреннее обозрѣніе.

Въ концѣ прошлаго мѣсяца послѣдовало Высочайшее утвержденіе проектовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія объ измѣненіи и дополненіи устава гимназій и прогимназій. Какъ извѣстно, проекты эти возбудили разногласіе въ Государственномъ Совѣтѣ, вслѣдствіе чего проектъ реальныхъ училищъ тамъ вовсе не разсматривался и обсужденіе его отложено до осени текущаго года; проектъ-же, касающійся преобразованій въ существующихъ гимназіяхъ, былъ принятъ и удостоился Высочайшаго утвержденія. Въ настоящее время, съ обнародованіемъ главнѣйшихъ основаній этого измѣненія, мы можемъ въ общихъ чертахъ сообщить его читателямъ. Прежде всего надо замѣтить, что проекты измѣненій и дополненій касаются гимназическаго устава 1864 года, допускавшаго, какъ извѣстно, дѣленіе гимназій на классическія и реальныя,—между которыми была та существенная разница, что воспитанники гимназій классическихъ, съ успѣхомъ окончившіе курсъ, принимались въ университеты безъ экзамена или съ небольшимъ повѣрочнымъ испытаніемъ; окончившіе же курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ, при поступленіи въ высшее учебное заведеніе, должны были подвергаться извѣстному испытанію. Въ настоящее время предпринимается реформа такого рода, чтобы гимназіи, какъ классическія, такъ и реальныя, были подведены подъ одинъ общій типъ гимназій классическихъ,—взамѣнъ же реальныхъ гимназій предполагается устроить такъ-называемыя реальныя училища. Такимъ образомъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, существующія классическія гимназіи не могутъ быть обращаемы ни въ реальныя гимназіи, ни въ реальныя училища; окончившіе курсъ въ реальныхъ училищахъ не будутъ допускаться ни въ одинъ изъ факультетовъ университета; министру народнаго просвѣщенія вмѣняется въ обязанность, по сношеніи съ II-мъ

Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, представить на Высочайшее утвержденіе сводъ постановленій о гимназіяхъ и прогимназіяхъ, съ тѣмъ, чтобы: а) гимназіи и прогимназіи классическія наименовать въ сводѣ просто гимназіями и прогимназіями, и б) исключить изъ этого свода все относящееся до реальныхъ гимназій; наконецъ, существующія реальныя гимназіи остаются на прежнемъ основаніи впредь до обсужденія Государственнымъ Совѣтомъ внесеннаго министромъ народнаго просвѣщенія проекта устава о реальныхъ училищахъ. Въ настоящее время еще не извѣстно, какой характеръ получатъ проектируемыя реальныя училища; а потому, не желая забѣгать впередъ, мы пока ограничимся только выраженіемъ желанія, чтобы съ учрежденіемъ этихъ образовательныхъ заведеній положено было прочное основаніе развитію у насъ реальныхъ знаній и чтобы эти училища не съуживали, а расширяли область нынѣшнихъ реальныхъ гимназій. Что касается до вводимыхъ въ уставъ 1864 года измѣненій и дополненій, то они главнымъ образомъ касаются не столько самой его сущности, сколько нѣкоторыхъ частностей относительно распредѣленія предметовъ, числа уроковъ, числа классовъ, назначенія и расходованія платы за ученіе и т. под. Въ гимназіяхъ полагается не семь классовъ, какъ это было до сихъ поръ, а 8, считая въ томъ числѣ и приготовительный. Для каждаго изъ первыхъ шести классовъ полагается годичный курсъ, для седьмаго же класса двухъ-годичный. Въ VII классѣ ученики старшаго и младшаго отдѣленій обучаются вмѣстѣ; отличнѣйшіе изъ нихъ, въ видѣ исключенія, по опредѣленію педагогическаго совѣта и съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, допускаются къ окончательному испытанію изъ всего гимназическаго курса и по окончаніи перваго года ученія въ VII классѣ. Размѣръ платы за ученіе опредѣляется мѣстными педагогическими совѣтами, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія. Въ случаѣ перехода изъ одной гимназіи или прогимназіи въ другую, если въ сей послѣдней установлена бо̀льшая плата за ученіе, доплачивается лишь разность въ платѣ. Отъ платы за ученіе освобождаются дѣти совершенно недостаточныхъ родителей, заслуживающіе этого по своему прилежанію и поведенію, но не болѣе 10 процентовъ общаго числа учащихся въ заведеніи. По мѣрѣ возможности, приготовительный и низшіе четыре класса помѣщаются отдѣльно отъ высшихъ. Классическіе языки составляютъ значительную часть гимназическаго курса. Преподаваніе греческаго языка вводится по мѣрѣ приготовленія и пріисканія способныхъ учителей. Со времени введенія въ программу греческаго языка, обязательнымъ становится изученіе только одного изъ новыхъ языковъ—французскаго или нѣмецкаго. Правила испытанія учениковъ, число уроковъ по каждому предмету и распредѣленіе ихъ по классамъ, правила для выпускнаго экзамена, правила о взысканіяхъ съ учениковъ и проч. составляются Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, а послѣднія изъ нихъ — педагогическими совѣтами и утверждаются министромъ.

Составленныя Министерствомъ Юстиціи предположенія о введеніи судебной реформы въ девяти губерніяхъ Западнаго Края получили, наконецъ, Высочайшее утвержденіе. Указомъ Правительствующему Сенату отъ 23-го іюня Высочайше повелѣно: въ теченіе 1871 года приступить ко введенію мировыхъ судебныхъ установленій, отдѣльно отъ общихъ, въ слѣдующихъ девяти губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Кіевской, Волынской, Подольской, Минской, Витебской и Могилевской. Мировые суды открываются тамъ на точномъ основаніи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года и положенія 19-го октября 186? г., съ примѣненіемъ, впредь до введенія земскихъ учрежденій, особыхъ временныхъ правилъ. Порядокъ введенія въ Западномъ краѣ мировыхъ судовъ тотъ же, какъ и въ остальныхъ частяхъ Имперіи: прежніе суды первой степени упраздняются въ теченіе трехмѣсячнаго срока, по усмотрѣнію министра юстиціи; съ открытіемъ мировыхъ судовъ, палаты, уголовная и гражданская, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ существуютъ отдѣльно, соединяются въ одну палату гражданскаго и уголовнаго суда, для производства дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣдомства мировыхъ судей; должности уѣздныхъ стряпчихъ упраздняются, а взамѣнъ нихъ, при губернскомъ прокурорѣ, назначаются нѣсколько товарищей его. Пререканія о подсудности между мировыми судьями и судебными слѣдователями разрѣшаются соединенными палатами. Къ этому необходимо присовокупить, что мировые судьи, впредь до введенія въ Западномъ Краѣ земскихъ учрежденій, будутъ назначаться отъ короны, при имущественномъ цензѣ въ 100 десятинъ для нѣкоторыхъ губерній, а въ исключительныхъ случаяхъ даже безъ всякаго имущественнаго ценза. Нельзя не порадоваться за эту первую мѣру на пути къ сплоченію означенныхъ губерній съ остальными частями государства; нельзя также не пожелать, чтобы намѣреніе правительства ввести судебную и другія реформы въ этомъ исключительномъ краѣ осуществилось какъ можно скорѣе—и тѣмъ уничтожило бы ту обособленность, въ которой онъ до сихъ поръ находится. Кажется, что это будетъ самый лучшій и вѣрный путь для сближенія. Надо надѣяться, что особенныя условія, въ которыя ставится тамъ судебная реформа, представляютъ лишь мѣру временную, объясняемую исключительными обстоятельствами, и что впослѣдствіи этому краю предоставлена будетъ возможность воспользоваться и тѣми сторонами судебной реформы, введеніе которыхъ теперь признано преждевременнымъ. Въ этомъ смыслѣ, новая мѣра относительно западныхъ губерній имѣетъ большое значеніе—и мы встрѣчаемъ ее съ полнымъ сочувствіемъ. Что же касается до личнаго ценза для мировыхъ судей западныхъ губерній, то нельзя не пожелать примѣненія къ нимъ ценза, существующаго въ остальныхъ частяхъ Россіи, гдѣ дѣйствуютъ мировыя учрежденія, т. е., чтобы спеціальное юридическое образованіе поставлено было для судьи однимъ изъ первыхъ условій. Имѣя ввиду значительное число кандидатовъ, числящихся при Министерствѣ Юстиціи въ ожиданіи вакансій на мѣста по судебному вѣдомству, можно думать, что многіе изъ нихъ, удовлетворяя означенному требованію, не отказались бы посвятить себя мировому дѣлу въ западномъ краѣ. Мировые судьи изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, послужили бы такимъ образомъ значительнымъ подкрѣпленіемъ для тамошней интеллигенціи, теряющейся въ массѣ полуобразованной шляхты и забитаго «хлопства».

Кромѣ двухъ вышеозначенныхъ узаконеній, мы можемъ упомянуть еще о третьемъ, касающемся земскихъ кредитныхъ учрежденій. Государственный Совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго поступило представленіе министра финансовъ и проектъ нормальнаго положенія о земскихъ банкахъ, мнѣніемъ положилъ: взамѣнъ этого проекта и въ разъясненіе ст. 68-й положенія о земск. учрежденіяхъ, предоставляющей губернскимъ земскимъ собраніямъ ходатайствовать объ учрежденіи земскихъ банковъ, постановить слѣдующее. Земскимъ собраніямъ, какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ, предоставляется учреждать кредитныя установленія двухъ родовъ: или для выдачи долгосрочныхъ ссудъ подъ залогъ недвижимой собственности извѣстной губерніи или уѣзда, или для пріема вкладовъ и выдачи ссудъ краткосрочныхъ подъ залогъ движимыхъ имуществъ и подъ учетъ векселей. Въ первомъ случаѣ операціи кредитнаго учрежденія производятся посредствомъ выпуска процентныхъ закладныхъ листовъ, обезпечиваемыхъ, кромѣ залога, еще круговымъ ручательствомъ заемщиковъ, или основнымъ банковымъ капиталомъ; во второмъ—операціи кредитнаго учрежденія должны обезпечиваться или этимъ капиталомъ, или началомъ взаимнаго кредита. Въ одномъ и томъ же учрежденіи операціи того и другаго рода не могутъ быть соединяемы. Кредитныя учрежденія перваго рода преобразуются въ поземельные земскіе банки, а вторыя—въ ссудныя товарищества. Въ означенномъ узаконеніи говорится также о назначеніи, которое должна имѣть чистая прибыль отъ операцій

земскихъ кредитныхъ учрежденій, основные капиталы которыхъ образованы будутъ изъ остатковъ отъ земскихъ сборовъ; при этомъ особенно указывается на учрежденіе ссудосберегательныхъ кассъ, какъ на необходимое подспорье для крестьянскаго населенія. Образцомъ для будущихъ земскихъ банковъ съ долгосрочнымъ кредитомъ должны служить: Высочайше утвержденный уставъ Херсонскаго земскаго банка, уставъ Общества Взаимнаго Позем. Кредита и Харьковскаго земельнаго банка; а для кредитныхъ учрежденій съ краткосрочными ссудами — новѣйшіе уставы акціонерныхъ банковъ и предпочтительно Обществъ Взаимнаго Кредита. Объ отступленіяхъ отъ этихъ уставовъ, если таковыя потребуются, министръ финансовъ входитъ съ представленіемъ въ законодательномъ порядкѣ.

О значеніи этой законодательной мѣры, а также о развитіи у насъ краткосрочнаго кредита въ формѣ ссудныхъ товариществъ, — мы предоставляемъ себѣ поговорить въ другой разъ.

Политическое обозрѣніе.

Два весьма серіозные вопроса озабочиваютъ въ настоящее время общественное мнѣніе Франціи. О первомъ изъ нихъ—рѣшеніи Національнаго Собранія по поводу петицій французскихъ епископовъ—было уже говорено въ прошедшій разъ. Остается прибавить, что рѣшеніе это было весьма дурно принято въ Италіи: большинство тамошнихъ газетъ хотя и одобрительно высказалось о рѣчи Тьера (по поводу желаній извѣстной части французскаго духовенства), находя въ его словахъ ту осторожность, которая должна отличать въ настоящее время правительство Франціи, — тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе сильно возстаетъ противъ клерикальнаго рѣшенія Собранія. Во Франціи также не мало противниковъ этого рѣшенія Но и болѣе независимыя газеты начинаютъ даже поговаривать о томъ, что не мѣшало бы Національное Собраніе упразднить, такъ-какъ оно своимъ существованіемъ обязано совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ теперь не можетъ быть и рѣчи,—а что на его мѣсто должно стать Учредительное Собраніе, при иномъ составѣ и направленіи. Другой, столь же важный для французовъ вопросъ—изысканіе средствъ на покрытіе недочета въ 600 милліоновъ франковъ. Министръ финансовъ, Пуйе-Кертье, поставленъ въ крайне затруднительное положеніе: съ одной стороны, ему не хочется идти противъ Тьера, который не согласился на предложеніе коммиссіи о сокращеніи расходовъ на войско; съ другой стороны, опасно было бы слишкомъ упорно настаивать на увеличеніи налога на сырые продукты, ввозимые во Францію, въ виду того, что эта мѣра могла бы возбудить сильнѣйшее неудовольствіе въ средѣ богатыхъ фабрикантовъ; наконецъ, можно ожидать еще большей бури со стороны землевладѣльцевъ и бѣднѣйшаго класса населенія, если будетъ увеличенъ налогъ на землю и продукты первой необходимости.

Какъ бы то ни было, но обстоятельства не ждутъ, и вопросъ объ источникѣ для покрытія дефицита въ 600 мил. фр. долженъ быть рѣшенъ какъ можно скорѣе. — Не мало шума надѣлала также отставка Жюля-Фавра, который, не желая компрометировать высокій постъ министра иностранныхъ дѣлъ, въ виду возбужденнаго имъ процесса за оскорбленіе его въ печати, а также по другимъ причинамъ,—долженъ былъ оставить министерское кресло и передать портфейль одному изъ государственныхъ секретарей. Отставка этого министра возбудила нѣкоторыя опасенія въ республиканской партіи, которой угрожала опасность лишиться еще двухъ своихъ министровъ, въ томъ числѣ министра народн. просв. Жюль-Симона. Но, благодаря усиліямъ Тьера, опасенія эти не оправдались. Въ понедѣльникъ, 23-го іюля, начались засѣданія военныхъ судовъ для разбора дѣлъ по парижскому возстанію. Обвиняемые распредѣлены по группамъ. Первая группа содержитъ въ себѣ членовъ Коммуны и Центральнаго комитета. Къ этой первой категоріи принадлежитъ 105 лицъ, изъ которыхъ арестовано до сихъ поръ только 20. Извѣстный Рошфоръ состоитъ во второй группѣ. Между арестованными встрѣчаются лица чуть-ли не всѣхъ національностей: по свѣдѣніямъ французскихъ газетъ, было арестовано до 300 поляковъ, 250 итальянцевъ, 165 бельгійцевъ, 50 русскихъ, 50 венгерцевъ и молдовалаховъ, нѣсколько испанцевъ и человѣкъ 20 нѣмцевъ. Аресты продолжаются до сихъ поръ во всѣхъ концахъ Франціи, хотя далеко не съ прежнимъ усердіемъ. По поводу ихъ возникли между Франціей и Швейцаріей переговоры о выдачѣ нѣкоего Разуа, котораго эта послѣдняя отказалась выдать, объявивъ, что она согласится на это лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ доказано участіе этого человѣка въ уголовныхъ, а не политическихъ преступленіяхъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 30 Іюля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.-П.-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. [illegible] д. № 45—1.

№ 32. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 9 августа 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (**А. Ф. Марксъ**) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Борьба съ небомъ.

(*Продолженіе*).

Долгая, семилѣтняя война, начавшаяся 1 октября 1756 года битвой при Ловозитцѣ, кончилась наконецъ 15 февраля 1763 г. Губертсбургскимъ миромъ. Все успокоилось на лаврахъ и орденахъ.

Сожженные германскіе города и села были вновь отстроены, покинутыя венгерскія пустоши населились. Въ территоріи между Дунаемъ и Тейсомъ паслись стада рогатаго скота, овецъ и дикихъ лошадей. Если кому-нибудь приходилось ѣхать два дни сряду, съ самого ранняго утра и до поздней ночи, по берегу Дуная, и путникъ спрашивалъ попадавшихся на дорогѣ пастуховъ: чей рогатый скотъ, овецъ и лошадей они пасутъ,—то впродолженіи цѣлыхъ двухъ дней онъ слышалъ все одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Его милости, графа Габора Кондая.

Итакъ, графъ! владѣлецъ помѣстья, простиравшагося отъ берега одной рѣки до берега другой!

Въ это время въ Венгріи легко было разбогатѣть. Тридцать лѣтъ кряду помѣстья не приводились въ порядокъ. Одна часть владѣльцевъ отправилась на войну, и кто въ 1733 году уѣхалъ бѣлокурымъ юношей, тотъ, возвратясь черезъ тридцать лѣтъ сѣдымъ старикомъ, долго долженъ былъ искать свидѣтелей, которые могли бы удостовѣрить въ его личности. А потомъ ему приходилось отправляться въ капитулы, охранявшіе его права на владѣніе, если только и они также не были сожжены непріятелемъ. Въ большей части случаевъ возвращались только внуки, которые знали по преданію, что эта пустошь, это владѣніе составляло когда-то собственность ихъ предковъ. Теперь тутъ сидѣла другая, могущественная власть—и тягаться съ ней было бы трудно. Приходилось имѣть дѣло съ «*Neoacquistika*», закономъ регулировавшимъ новыя пріобрѣтенія. Вмѣстѣ съ этимъ, имѣніемъ могъ завладѣть тотъ, кто былъ сильнѣе. Собственность завѣдомыхъ бунтовщиковъ сейчасъ же конфисковали и награждали ею заслуженныхъ вѣрноподанныхъ, отличившихся на войнѣ. Что же касается до тѣхъ, которые, поселившись въ дальнихъ странахъ, не явились въ судъ по востребованію,—они, въ лицѣ своихъ потомковъ, теряли изъ-за бездѣлицы владѣнія, которыхъ они никогда не видали. На кунью шубу, вышитую шолкомъ, они промѣнивали пустоши въ десять тысячъ моргеновъ. А если находился человѣкъ, который настаивалъ на своемъ правѣ и не уступалъ дороги все болѣе и болѣе распространявшемуся магнату, то ему приходилось вынести столько непріятностей, столько гоненій: его посѣвы топтали охотники, его пастуховъ убивали, его хижины жгли, его самого вовлекали въ тяжбы, подвергали всевозможнымъ взысканіямъ, отягощали военнымъ постоемъ,—словомъ: такъ тѣснили, что онъ наконецъ убѣгалъ изъ владѣнія своихъ предковъ и его собственность переходила къ могущественному властелину, который среди своихъ несмѣтныхъ владѣній, жилъ королемъ въ своемъ чатардскомъ замкѣ.

Этотъ замокъ былъ образецъ французскаго архитектурнаго стиля, съ статуями и башнями, съ вызолоченными гербами и рѣшетками, всѣ главные входы были украшены деревянными барельефами, всѣ обои шолковые, а потолки расписаны какъ въ церкви. Гости встрѣчали тутъ уже не чорный хлѣбъ и чорную рѣдьку, но всегда накрытый столъ и всегда полный погребъ. Замокъ былъ мѣстомъ собранія для веселыхъ гулякъ чуть не всего государства.

Всемилостивѣйшая королева задумала приручить дикаго героя. Она еще прежде осыпала его милостями, онъ сталъ полковникомъ, графомъ и кавалеромъ военнаго ордена.

Габріэля Кондая призвали въ Вѣну, ко двору. Онъ получилъ титулъ превосходительства, его сдѣлали государственнымъ барономъ Венгріи. Оставалось только женить его.

Нельзя сказать, однакоже, чтобы онъ былъ особеннымъ поклонникомъ женскаго пола. Женщина была для него тоже что бокалъ: если ты опорожнилъ его, то разбей его объ стѣну! Рыцарь Габоръ не желалъ пить дважды изъ одного и того же стакана.

Но всемилостивѣйшая королева Марія Терезія была великая чародѣйка по этой части! Она устроивала тогда много браковъ между венгерцами и нѣмцами. Бунтующаго льва опутали золотыми нитями, шелковыми волосами. Онъ ломалъ желѣзо, но противъ этихъ нѣжныхъ оковъ у него не хватило силъ.

При дворѣ королевы находилась одна знатная княжеская дочь, потомокъ старинной нѣмецкой фамиліи Дереръ-фонъ-Тиффенбургъ и родственница Кауницу съ материнской стороны, принцесса *Агата*. Это была замѣчательная красавица, напоминавшая своимъ видомъ античныя статуи, съ головою, при созданіи которой художникъ разсчитывалъ можетъ-быть на то, чтобъ люди самаго тонкаго вкуса и знатоки искусства не могли сказать ничего противъ его произведенія. Поэтому-то тутъ и не было недостатка ни въ чемъ, кромѣ жизни. Принцесса была прекрасная маска, не имѣвшая никакого общаго чувства съ внѣшнимъ міромъ. Она не любила и не ненавидѣла, она не искала ничего, она не скучала, она только блистала.

На этомъ блескѣ много мотыльковъ обожгло себѣ крылья. Отъ чего же было и Габріелю Кондаю не ослѣпиться ея наружностью?

Королева желала, чтобъ изъ нихъ вышла пара. Прекрасная дѣвушка нравилась Кондаю и ему нравилась также герцогская корона надъ двойнымъ гербомъ. Принцесса Агата не сказала ни да ни нѣтъ; она не радовалась и не плакала. Обручальные подарки жениха не прояснили ея лица; брилліанты и перлы не бросили на нее никакого отблеска, но и никакой тѣни. Габріэль просилъ ее, чтобъ она для клятвы передъ алтаремъ украсила себя одной серьгой, для которой у него не было пары. Тамъ была чорная жемчужина, которая долженствовала быть талисманомъ. Принцесса приняла ее, и серьга была на ней во время вѣнчанья. Когда они стояло передъ олтаремъ — королева сама была при этомъ съ ними—невѣста не повторила ни одного слова изъ тѣхъ клятвъ, которыя ей читали, хотя церемонія совершалась венгерскимъ первосвятителемъ въ церкви св. Стефана въ Вѣнѣ; а когда онъ спросилъ: «любишь ли ты своего мужа?», то вмѣсто молчащей невѣсты должна была отвѣчать королева. «Разумѣется, ты его любишь, какъ же нѣтъ!», и ея величество, положивъ свои руки на плечи прекрасной невѣсты, заставила ее преклонить колѣни на скамейкѣ около ея жениха, когда ихъ благословляли.

Какъ бы то ни было, но все было въ порядкѣ, бракъ заключенъ и Кондай увезъ свою прекрасную молодую жену въ свой чатардскій замокъ. Около году спустя, Габоръ Кондай отправилъ въ Вѣну экстреннаго курьера къ ея величеству королевѣ спросить: дозволитъ ли она, чтобъ его перворожденный сынъ былъ названъ при крещеніи Іосифомъ въ честь ея наслѣднаго принца?

Всемилостивѣйшая королева не только дала на это позволеніе, но еще прислала великолѣпный подарокъ новорожденному и собственноручно написанное поздравительное письмо.

Когда графиня Агата лежала еще въ постели, она позвала своего супруга къ себѣ, и обвивши его шею своими алебастровыми руками, сказала ему:

— Теперь я признаюсь тебѣ, что люблю тебя; ты мое блаженство, я обожаю тебя.

И при этомъ она такъ цѣловала его въ лицо и губы, что человѣкъ могъ обратиться въ ангела, а ангелъ въ дьявола.

Потому-что принцеса Агата не любила своего мужа; она скорѣе ненавидѣла его, гнушалась имъ. А когда она признавалась ему, что любитъ его, когда съ жаромъ прижимала его къ груди своей—она мстила ему самымъ безжалостнымъ образомъ, какъ можетъ мстить только женщина... У ней была смерть въ сердцѣ! Она знала, что она не переживетъ дня, и хотѣла своею смертью привести въ отчаяніе своего мужа.

Кондай же, напротивъ того, почувствовалъ себя послѣ этого признанія, на седьмомъ небѣ. Онъ показался самому себѣ полубогомъ; у него закружилась голова, онъ ощутилъ что-то въ родѣ того, какъ будто бы онъ одержалъ побѣду надъ человѣческими и сверхъчеловѣческими силами. Онъ былъ какъ въ чаду и это длилось до вечера. Вечеромъ же врачъ намекнулъ ему на то, чтобы онъ приготовился къ величайшему несчастію: герцогиня должна умереть.

Габріель фонъ-Кондай чуть не задушилъ врача при этихъ словахъ, а тамъ бросился ему въ ноги. Но врачъ ничего уже не могъ сдѣлать.

— Надѣйтесь на милосердіе Божіе, а человѣкъ уже не въ состояніи помочь тутъ. Кондай бросился къ своей женѣ, она уже не узнавала его, она боролась со смертью.

Кондай не могъ вынести этого предсмертнаго хрипѣнія, глядѣть на это искаженное лицо. Онъ кинулся въ свою оружейную комнату и крикнулъ своей челяди, что застрѣлитъ того, кто придетъ къ нему съ извѣстіемъ о смерти герцогини.

А когда онъ что́ обѣщалъ, то приводилъ это обыкновенно въ исполненіе. Пистолеты всегда лежали у него на столѣ.

Тѣмъ не менѣе, на другой день пришлось идти къ нему съ этой роковой вѣстью. Но никто не рѣшался на это. Наконецъ явился истопникъ, цыганъ, говоря, что онъ согласенъ войдти и разбудить барина этимъ извѣстіемъ.

Того не нужно было будить, потому-что онъ не спалъ всю ночь.

— Ну! что тамъ такое! закричалъ Кондай заглядывавшему въ двери цыгану.

— Я отъ госпожи герцогини.

— Ты ее видѣлъ?

— Да, я ее видѣлъ, но она не видала меня.

— Она умерла? вскричалъ графъ.

— Ну вотъ, графъ долженъ застрѣлить самого себя, сказалъ цыганъ, — потому-что ваша милость сами сказали первое слово!

Прекрасная женщина дѣйствительно умерла.

Теперь Кондай въ первый разъ ощутилъ въ своемъ сердцѣ что-то въ родѣ удара ножа — страшное горе человѣка, который видитъ передъ собою трупъ жены своей, жены которая сказала ему: «я люблю тебя!»

И все-таки никто не долженъ видѣть, какъ у него болитъ сердце!

Притомъ же ему остается еще послѣ покойной одно существо, которому она оставила въ наслѣдство всю свою любовь: дитя. Оно было такъ же прекрасно, какъ мать, съ такими же большими голубыми глазами и такими же золотыми волосами.

Когда похоронили мать, Кондай провелъ весь день у своего дитяти. Кормилица сказала ему, что это ангелъ.

— Ангелъ! вспылилъ отецъ. — Я не могу воспитывать для небеснаго царства ангела. Мой сынъ долженъ быть такой же, какъ я. Неправда ли, маленькій бродяга?

И дитя улыбнулось. Маленькій бродяга!

Въ одинъ день однако же кормилица доложила его милости, что изъ маленькаго графа Іосифа выйдетъ ангелъ. Онъ страдаетъ болью въ горлѣ, и...

Тутъ графъ вышелъ изъ себя и потребовалъ врача къ себѣ въ комнату.

— Мой сынъ при смерти, сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. — Здѣсь на столѣ стоитъ шкатулка, полная золота, а возлѣ нея лежитъ пистолетъ, полный свинца. Если вы вылечите моего сына, это золото ваше; если же онъ умретъ, вы послѣдуете за нимъ!

Врачъ охотно убѣжалъ бы отъ этой альтернативы, но его не пустили. Его стерегли какъ плѣнника. Онъ не имѣлъ покоя ни днемъ, ни ночью.

Да и отецъ ребенка тоже. День и ночь ходилъ онъ взадъ и впередъ по своимъ огромнымъ заламъ, гдѣ эхо повторяло его шаги. Садился ли онъ, ложился ли онъ, не было ему покоя нигдѣ. И это тоже пришлось ему испытать — какую рану носитъ человѣкъ въ груди своей, когда его возлюбленное дитя лежитъ на смертномъ одрѣ.

На третій день въ полночь врачъ, который самъ былъ чрезвычайно блѣденъ, сказалъ ему, что онъ долженъ быть готовъ на все; въ болѣзни ребенка наступилъ кризисъ. Можетъ - быть черезъ часъ его уже не будетъ въ живыхъ.

Кондай началъ богохульствовать.

— О, графъ, лучше молиться! пролепеталъ врачъ.

— Молиться! вскричалъ магнатъ и побѣжалъ въ свою оружейную комнату. Врачъ убѣжалъ и заперся отъ него.

Кондай схватилъ два пистолета—и съ непокрытою головою, полуодѣтый, бросился изъ дому въ паркъ, а за нимъ и вся челядь.

Въ эту ночь на дворѣ бушевала страшная буря. Молнія спускалась зигзагами на близь-лежащій лѣсъ и освѣщала какимъ-то страннымъ свѣтомъ разорванныя облака, мелькавшія какъ привидѣнія.

— Судьба! вскричалъ безумный отецъ, прибѣжавъ въ лѣсъ,—гдѣ ты, судьба! Если ты хочешь бороться, приходи; борись со мной, а не съ бѣднымъ ребенкомъ! Я мужчина! Я гляжу тебѣ въ глаза, я противлюсь тебѣ! Бей меня!

Молніи пробѣжали по небу, словно они хотѣли сказать: «молчи ты, червь!»

— Сюда бей! Рази сюда! Сверкай сюда на меня, какъ я на тебя!

И направивъ при этомъ одинъ пистолетъ, онъ выстрѣлилъ въ облако.

Въ ту же самую минуту изъ этого раздѣлившагося облака блеснула ослѣпительная молнія и при потрясающемъ землю громѣ раздробила липу, простиравшую свои вѣтви надъ головою бѣснующагося.

Челядь въ ужасѣ упала на колѣни и закрыла себѣ глаза. Но онъ при свѣтѣ пылающаго дерева сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ, и потрясая растрепанными кудрями, обратилъ свое дерзкое лицо къ небу и вскричалъ:

— Тотъ ударъ не попалъ въ меня! Ну - ка, еще одинъ!

И при этомъ онъ второй разъ выстрѣлилъ въ тучу.

А потомъ сталъ бить себя кулаками въ грудь:

— Сюда стрѣляй! Бей сюда! Ударь же въ меня, если ты судьба!

Но гроза прошла, молнія уже не сверкала, все замолкло, все успокоилось. Проливной дождь прекратился, вѣтеръ утихъ. Деревья уже не шумѣли, была торжественная тишина.

Бѣснующійся пошелъ, шатаясь, назадъ въ замокъ; никто не рѣшился слѣдовать за нимъ туда. Когда онъ, держась за перила, взошелъ на лѣстницу, ему попался на встрѣчу врачъ. Лицо этого послѣдняго сіяло радостью.

— Слава Богу, графъ, болѣзнь приняла хорошій оборотъ. Вашъ сынъ спасенъ.

— А! вскричалъ ликующій отецъ: — я побѣдилъ!

Дитя было дѣйствительно спасено. Оно выросло; оно стало мужемъ. Изъ него вышелъ именно такой человѣкъ, какого желалъ себѣ отецъ, какимъ онъ воспиталъ его. Дикій, непостоянный, безстрашный, смѣлый до безумія.

Отецъ не могъ налюбоваться на него. «Въ немъ кипитъ кровь? Онъ перебѣсится! Онъ дѣлаетъ глупости? Это идетъ молодости! Онъ тратитъ деньги? У него ихъ вдоволь. Онъ не преклоняется ни передъ кѣмъ? Точь въ точь его отецъ! Онъ непостояненъ въ любви? Пусть насладится жизнію!»

Двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду юноша уже пользовался своего рода извѣстностью отъ Вѣны до турецкой границы. Отецъ былъ отъ этого въ восторгѣ.

Это былъ юноша съ прекраснымъ, нѣжнымъ лицомъ. Въ день его рожденія, когда ему пошелъ двадцать-четвертый годъ, отецъ позвалъ его къ себѣ.

— Сынъ мой! Ты совершеннолѣтній. Я думаю, тебѣ слѣдуетъ теперь жениться.

— И я тоже.

— У графа Лобковича прекрасная дочь.

— Знаю.

— Я назначилъ ее тебѣ въ жены.

— Хорошо.

Кондай рѣшилъ въ своемъ умѣ, что у него чрезвычайно сговорчивый сынъ.

— Теперь я буду просить объ одномъ. Это причуда, но тѣмъ не менѣе я связанъ клятвою. Въ нашей сокровищницѣ есть разровненная серьга, которая заключаетъ въ себѣ талисманъ. Ея исторію знаю только я

и не открываю ее никому. Когда я вѣнчался съ твоей матерью, я просилъ ее надѣть эту серьгу. И я жилъ съ ней очень счастливо, пока она была жива, и былъ счастливъ въ тебѣ. Теперь я прошу тебя, дай также и моей будущей невѣсткѣ надѣть этотъ талисманъ.

— Хорошо.

Юноша принялъ серьгу. Потомъ они назначили день, въ который графъ Іосифъ долженъ ввести въ домъ свою молодую жену. Его отецъ, графъ Габріэль, не могъ ѣхать съ нимъ, ему не позволяла этого подагра. Но онъ приготовился принять сына съ княжескою пышностію.

Графъ Іосифъ смотрѣлъ молча на всѣ приготовленія.

Въ назначенный день, когда уже собрались свадебные гости, старый графъ велѣлъ нести себя въ дѣдовскомъ креслѣ въ переднюю, чтобы принять тамъ невѣсту; онъ собирался встрѣтить ее у мраморныхъ ступеней, когда подъѣдетъ запряженная шестернею карета.

Шестерня остановилась; изъ позолоченой кареты вышелъ сперва молодой графъ, а за нимъ прекрасная, смуглая цыганка съ сверкающими глазами и красными щеками и съ ребенкомъ на каждой рукѣ.

— Вотъ моя жена... говорилъ графъ Іосифъ, представляя сіятельному отцу мать обоихъ дѣтей.

— Это... это что такое? прохрипѣлъ старикъ; онъ хотѣлъ-было встать, но упалъ опять въ кресло.

Его сынъ Іосифъ молча указалъ на серьгу, которая была надѣта на цыганкѣ.

— Ты женился на этой... вскричалъ отецъ съ оцѣпенѣлымъ взоромъ.

— Она мать моихъ обоихъ дѣтей? возразилъ съ непокорнымъ видомъ графъ Іосифъ.

— Пандуры! заревѣлъ старый магнатъ съ пылающимъ отъ гнѣва взоромъ, — схватите эту дѣвку и ея отродье, навяжите имъ на шею камень и бросьте ихъ въ прудъ!

— Отецъ! Это моя жена, мои дѣти!

— Онѣ собачьи! Бросьте ихъ въ прудъ!

Пандуры знали, что они должны повиноваться, и бросились на женщину, хватаясь за ея длинные волосы, за ея дѣтей.

Въ эту минуту въ поблѣднѣвшемъ юношѣ проснулась кровь его отца.

Онъ вырвалъ у одного пандура пистолетъ. Раздался выстрѣлъ.

Отецъ упалъ съ кресла, весь въ крови...

Подъ впечатлѣніемъ перваго ужаса при видѣ этого страшнаго дѣла всѣ убѣжали куда зря—свадебные гости, пандуры, женщина съ дѣтьми. Отцеубійца скрылся въ замкѣ.

Старикъ былъ смертельно раненъ. Но онъ жилъ еще цѣлыхъ три дня, чтобы видѣть все, что̀ послѣдовало за этимъ.

Онъ видѣлъ какъ въ замокъ прибыли судейскіе чиновники и вооруженные пандуры, чтобы отыскать тамъ убійцу, и какъ они открыли его въ одной изъ нишей замка, куда онъ забился. Молодой человѣкъ оборонялся съ бѣшенствомъ отчаянія. Но они повалили его на полъ, въ глазахъ отца, и связали его; они били его въ лицо и сковали ему руки и ноги. Какъ гремѣли желѣзныя цѣпи, когда его тащили за волосы по мраморному полу корридоровъ!

И какъ долго еще послѣ этого раздавались его жалобные крики — вопли того сына, котораго онъ берегъ какъ зеницу ока, котораго онъ такъ любилъ— и который теперь убилъ его! и голова котораго скатится теперь за нимъ въ могилу! Та чудная бѣлокурая голова, которая такъ похожа на голову его матери—и будучи изображена въ различныхъ степеняхъ возраста, улыбается въ спальнѣ отца изъ позолоченыхъ рамъ: какъ младенецъ, какъ отрокъ и какъ юноша. И вотъ ее опять срисуютъ: какъ голову приговореннаго къ смерти, чтобъ по тогдашнему обычаю выставить это изображеніе за три дни до казни на публичное поруганіе!

Но и этого еще было мало для умирающаго старика.

Онъ долженъ былъ видѣть, какъ на третій день государственная опека водворила въ замкѣ будущую вдову вмѣстѣ съ ея дѣтьми, какъ настоящихъ владѣльцевъ этого же самого замка. Законъ призналъ цыганку законной женой—и тотъ же законъ сдѣлаетъ ее затѣмъ вдовою.

И только тогда, когда прекрасная, блѣдно-смуглая женщина остановилась у его смертнаго одра съ длиннымъ шелковымъ шлейфомъ, съ ребенкомъ на каждой рукѣ, съ жемчужной серьгой въ ухѣ — тогда только онъ умеръ.

Полгода спустя ему бросили въ могилу прекрасную бѣлокурую голову его сына.

Богъ можетъ карать и мечомъ!

Но мы не проповѣдуемъ мистицизма. Кто идетъ противъ Бога, тотъ вызываетъ на борьбу атомы природы, создающіе міръ элементы, начинаетъ борьбу съ зимой и лѣтомъ, съ теплотою крови и безошибочностью чиселъ, съ органическими силами химіи, съ общественнымъ мнѣніемъ, съ исторіей, логикой, съ цѣлымъ человѣчествомъ, со всѣмъ что̀ непобѣдимо и въ чемъ живетъ Божеская сила.

Несмотря на это, борьба еще не кончилась.

Она длилась цѣлое столѣтіе посредствомъ всевозможныхъ превратностей бѣдственной судьбы, посредствомъ всевозможныхъ родовъ безумія, посредствомъ дуэлей, посредствомъ всевозможныхъ изобрѣтеній страсти и безумія, со всѣмъ и противъ всего, что̀ было спокойствіемъ и миромъ, что̀ любило, что̀ считалось общественнымъ порядкомъ или что̀ существовало какъ законъ—все равно: былъ ли онъ написанъ въ сердцѣ или на бумагѣ.

Съ годами замокъ и господство перешли въ руки обоихъ цыганкиныхъ дѣтей. Они были близнецы. Ихъ отецъ и дѣдъ были непокорные, буйные люди, но у нихъ не было противниковъ одинаковаго съ ними званія; внуки же встрѣтили соперниковъ одинаковаго съ ними происхожденія: другъ друга.

Это была отчаянная борьба, олимпійское состязаніе въ искуствѣ губить другъ друга. Кто успѣвалъ придумать больше зла, тотъ былъ классическимъ побѣдителемъ. При каждой вспышкѣ гнѣва, они хватались за пистолеты, за винтовки. Они стрѣляли другъ въ друга, въ свою челядь, въ своихъ чиновниковъ. Это такъ же легко приходило имъ на умъ, какъ другимъ людямъ бранныя слова,—и существованіе каждаго изъ нихъ сопровождала та невозвратимая пуля, которою ихъ предокъ выстрѣлилъ въ небо.

И въ этой-то борьбѣ распалось княжеское владѣніе.

Четвертому поколѣнію не осталось уже ничего, кромѣ великолѣпнаго чатардскаго замка, да и то потому только, что на него не было покупщика. Онъ годился только для большихъ баръ.

Два правнука тѣснили тамъ другъ друга до послѣдней степени возможности. Одинъ завладѣлъ верхнимъ этажемъ, а другой нижнимъ. Тотъ, который жилъ вверху, провелъ водосточную трубу въ сводъ, подъ которымъ жилъ его меньшой братъ, и грозилъ утопить его въ помояхъ, какъ крысу. Въ свою очередь этотъ послѣдній провелъ въ верхній этажъ дымовую трубу и выкуривалъ такимъ образомъ своего старшаго брата, какъ лисицу.

А не то они садились играть въ карты — разъ одинъ братъ проигралъ свое право на замокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ платье которое было на немъ, и тогда старшій братъ выгналъ меньшаго изъ дому на босую ногу; а въ другой разъ младшій, раздобывшись деньгами, выигралъ собственность старшаго и выгналъ этого послѣдняго на снѣгъ въ одной рубашкѣ.

Ихъ бѣдственное положеніе начало принимать мало-по-малу какой-то комическій оттѣнокъ. Когда ихъ перестали бояться, когда на нихъ никто уже не сердился, надъ ними начали смѣяться.

Это былъ самый жестокій ударъ судьбы.

(*Окончаніе будетъ*).

Высокопреосвященный Арсеній, митрополитъ Кіевскій.

Митрополитъ Кіевскій, Высокопреосвященный Арсеній—до монашества Ѳеодоръ Павловичъ Москвинъ, родился въ 1796 году въ селѣ Вороновѣ Костромскаго уѣзда. Родителя его, дьякона при сельской церкви, звали Павелъ Михайловичъ Москвинъ. Отданный въ мѣстную семинарію, Ѳеодоръ Павловичъ Москвинъ прошелъ въ ней блистательно весь курсъ—и какъ лучшій ученикъ отправленъ въ С.-Петербургскую духовную академію для высшаго богословскаго образованія. Академическій курсъ пройденъ былъ съ не меньшимъ успѣхомъ—и въ 1825 году Москвинъ при окончаніи курса удостоенъ степени магистра. Онъ уже постриженъ былъ съ нареченіемъ Арсеніемъ (11 сентября 1822 г.), рукоположенъ въ іеродіаконы, а ко времени окончанія академическаго курса въ іеромонахи (5 августа 1823 г.). Іеромонахъ Арсеній опредѣленъ баккалавромъ богословія при академіи, давшей ему окончательное научное развитіе, для довершенія котораго представлялся его любознательности теперь и лучшій способъ—по случаю назначенія сперва помощникомъ библіотекаря, а потомъ (14 іюля 1824 г.) библіотекаремъ академіи. Въ ту же осень отецъ Арсеній сопричисленъ къ чину соборныхъ іеромонаховъ Александроневской лавры (16 октября 1824 г.). Не прошло года какъ послѣдовало новое назначеніе ученаго іеромонаха Арсенія (коммиссіею духовныхъ училищъ) ректоромъ Могилевской семинаріи съ порученіемъ класса богословія въ ней (26 авг. 1825 г.). Отцу Арсенію пришлось надолго оставить столицу и на новомъ поприщѣ испытать свои силы и счастливыя способности. По прибытіи въ Могилевъ назначенъ онъ членомъ консисторіи, и въ слѣдующемъ году возведенъ въ санъ архимандрита (1 декабря 1826 г.), настоятеля Могилево-братскаго монастыря. Опредѣленіе благочиннымъ монастырей Могилевской епархіи (16 марта 1827 г.) потребовало разъѣздовъ и визитацій обителей, а между тѣмъ, рядомъ съ этимъ, въ теченіе каникулярнаго времени дано порученіе обозрѣть въ городѣ Гомелѣ уѣздное и приходскія училища. Разъѣзды впрочемъ не отвлекали дѣятельнаго духовнаго администратора отъ его прямыхъ служебныхъ обязанностей, такъ что въ короткое время успѣлъ архимандритъ Арсеній устроить свой монастырь наилучшимъ образомъ, за что отъ епархіальнаго архіерея получилъ благодарность и сдѣланъ цензоромъ проповѣдей произносимыхъ въ епархіи (августъ 1827 года); послѣднихъ обязанностей не пришлось однако исполнять будущему іерарху, тогда же переведенному на должность ректора Орловской семинаріи и настоятеля Мценскаго Петропавловскаго монастыря. Новая обитель въ первое же время сдѣлалась предметомъ заботъ попечительнаго настоятеля, труды котораго по ней также скоро вызвали признательность епархіальнаго начальства (26 апрѣля 1823 г.), незамедлившаго дачею различныхъ порученій вездѣ успѣвавшему молодому архимандриту. Онъ, напр., произвелъ обозрѣніе училищъ въ Ливнахъ и Сѣвскѣ и сдѣлался дѣятельнымъ членомъ Орловскаго Тюремнаго комитета хотя на короткое время. Въ сентябрѣ 1829 года его вновь перевели въ третью семинарію—Казанскую, сдѣлавъ настоятелемъ третьеклассснаго же Троицкаго монастыря въ

Высокопреосвященный Арсеній, митрополитъ Кіевскій
Съ фотографіи рисовалъ Нейманъ, на деревѣ рѣзалъ О. Ротъ.

г. Рязани. Впрочемъ, въ слѣдующемъ году дано ему настоятельство второкласнаго Спасскаго монастыря, за отличное же усердіе и труды по управленію мѣстною семинаріею награжденъ архимандритъ Арсеній орденомъ св. Анны 2-й степени (25 апрѣля 1831 г.). Между тѣмъ, до начала новаго учебнаго года, изъ Казани онъ переведенъ въ Тверь, сдѣланъ настоятелемъ сперва второклассnúmнаго же Отроча монастыря, а въ декабрѣ этого же года—первокласснаго Калязинскаго. Управленіе этими обителями смѣнялось такъ быстро, что не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ, вызванный въ Петербургъ, тверской ректоръ нареченъ святѣйшимъ Синодомъ въ епископы и въ Казанскомъ соборѣ—12 марта 1832 г.—принялъ хиротонію. Новый іерархъ получилъ въ управленіе Тамбовскую епархію, гдѣ въ теченіе девяти лѣтъ полезные обществу труды его въ первое время же были замѣчены и удостоились всемилостивѣйшаго поощренія орденомъ св. Анны 1 ст. (25 апрѣля 1835 г.). Изъ Тамбова, Высочайшей власти благоугодно было ревностнаго пастыря перевести въ Каменецъ-Подольскъ съ возведеніемъ въ санъ архіепископа (Указъ св. Синоду 5 апрѣля 1841 г.), а спустя четыре года (14 апрѣля 1845 г.), «полезное служеніе церкви и постоянныя попеченія о благоустройствѣ епархіи» доставили іерарху орденъ св. Владиміра 2 ст. большаго креста. Выборъ св. Синода и довѣренность монарха скоро вызвали Высокопреосвященнаго Арсенія на иное, еще болѣе широкое поприще дѣятельности, приличной званію архипастыря. Ноября 6 1848 г. Всемилостивѣйше повелѣно быть ему архіепископомъ Варшавскимъ управляющимъ Волынскою епархіею, съ назначеніемъ священно-архимандритомъ Почаевской Успенской лавры. Въ памятный годъ смутъ средней Европы (1849 г.), пастырская заботливость Высокопреосвященнаго Арсенія о распространеніи въ народѣ истинъ вѣры и благочестія нравственнаго—вызвала благодарность Св. Синода. Управленіе же Орловскою епархіею и постоянная попечительность о пользѣ духовной паствы награждены Всемилостивѣйшимъ причисленіемъ заслуженнаго іерарха къ ордену Св. Александра Невскаго (20 мая 1850 г.) Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, въ день своего священнаго коронованія, также не оставилъ безъ монаршаго поощренія пастырскую дѣятельность предстоятеля Православной церкви въ Варшавѣ, Всемилостивѣйше пожаловавъ ему алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ, «за неусыпныя заботы о возвышеніи и утвержденіи православія въ паствѣ его». Когда же кончина Высокопреосвященнаго Григорія упразднила митрополію Новгородскую и С.-Петербургскую, на которую перемѣщенъ изъ Кіева Митрополитъ Исидоръ, выборъ монарха въ преемники ему на Каѳедрѣ Кіевской остановился на Высокопреосвященномъ Арсеніи, который съ того времени (1860 г. 1 іюля), уже десять лѣтъ, кротко управляютъ паствою въ колыбели русскаго христіанства, какъ свѣтильникъ на *свѣщницѣ*, горя и свѣтя духовно-православному міру.

Всеобъемлющая міровая сила.

Со временъ древне-греческой философіи до настоящаго времени однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ вопросовъ для размышленія и изслѣдованія былъ вопросъ о *силѣ* и *матеріи*.

Для того, чтобъ хотя приблизительно опредѣлить, что́ такое сила и матерія, разсмотримъ значеніе слова явленіе природы. Этимъ словомъ обозначаютъ все происходящее въ вещественномъ и постигаемомъ нашими чувствами. Всѣ подобныя измѣненія, насколько они до сихъ поръ изслѣдованы, считаются слѣдствіями взаимнаго дѣйствія тѣлъ.

Неизвѣстно ни одного случая, гдѣ было бы замѣчено измѣненіе въ какомъ нибудь тѣлѣ, независимое отъ вліянія другихъ тѣлъ.

Во многихъ случаяхъ такая связь замѣчается уже при самомъ разсматриваніи явленій; но чаще лишь при посредствѣ цѣлаго ряда соображеній и умозаключеній.

Такъ, связь между колебаніемъ висящихъ предметовъ и притяженіемъ ихъ землею до Галилея никѣмъ не была замѣчена. Галилей же, будучи еще мальчикомъ и находясь въ церкви во время богослуженія, слѣдилъ глазами для развлеченія за колебаніями люстры, висѣвшей на потолкѣ, и пришелъ къ тому заключенію, что колебанія люстры происходятъ отъ задержанія ея паденія, послѣ того какъ она была выведена изъ равновѣсія, обусловливаемаго притяженіемъ земли. Такимъ образомъ имъ были открыты законы паденія тѣлъ.

Подобныя взаимодѣйствія физическихъ тѣлъ называются проявленіемъ силъ, а причины этихъ проявленій—силами.

Опытъ показываетъ, что всякая сила, вслѣдствіе которой одно тѣло стремится привести въ движеніе другое тѣло, съ своей стороны также встрѣчаетъ давленіе, но въ противоположномъ направленіи, со стороны тѣла приводимаго въ движеніе. Слѣдовательно, одно тѣло не можетъ дѣйствовать на другое безъ того, чтобы одновременно не быть подверженнымъ вліянію этого другаго тѣла—такимъ образомъ, что оба они стремятся сдвинуть другъ друга съ извѣстною силою.

Нагляднымъ образомъ это можно видѣть на билліардныхъ шарахъ. Билліардные шары, какъ извѣстно, дѣлаются изъ слоновой кости, вещества, отличающагося наибольшею степенью упругости, то есть имѣющаго способность принимать свой первоначальный видъ послѣ потери его отъ удара, сгибанія и т. п. Такъ, два билліардные шара, сталкиваясь между собою центральнымъ ударомъ, отскакиваютъ одинъ отъ другаго и двигаются въ противоположномъ направленіи ихъ столкновенія. Изъ этого видно, что билліардная игра основана на свойствахъ удара упругихъ тѣлъ. Многія явленія ея до сихъ поръ еще не разъяснены анализомъ науки. Въ физическихъ же кабинетахъ для нагляднаго показанія законовъ удара упругихъ тѣлъ служитъ приборъ Гравезанда, состоящій изъ станка, къ которому на шнуркахъ привѣшено нѣсколько билліардныхъ шаровъ, расположенныхъ на одной линіи и на ровной высотѣ и касающихся между собою. При отведеніи одного или нѣсколькихъ шаровъ отъ прочихъ и при оставленіи ихъ свободно падать, послѣ ихъ столкновенія съ остальными шарами прибора, съ противуположной стороны отскакиваетъ соотвѣтственное число шаровъ.

При ударѣ тѣлъ неупругихъ, то есть сплющивающихся отъ удара, законъ дѣйствія и противодѣйствія

остается тотъ же; но при этомъ часть силы удара уходитъ на измѣненіе вида сталкивающихся тѣлъ, примѣромъ чего могутъ служить свинцовыя вещи.

Изъ этого опытнаго закона нѣтъ ни одного исключенія—и онъ остается справедливымъ также и для частей одного и того же тѣла, когда между ними проявляются движущія силы. И такъ, дѣйствіе и противодѣйствіе находится въ равновѣсіи другъ съ другомъ.

Возьмемъ еще примѣры. Очевидно, что камень, лежащій на столѣ, давитъ на послѣдній всею своею тяжестію. Вслѣдствіе упругости доски стола, камень съ своей стороны выдерживаетъ такое же давленіе, потому что безъ этого онъ продавилъ бы доску. Даже, если камень держать въ рукѣ, то соотвѣтственное противодѣйствіе выполняется мышечною силою. Если, вслѣдствіе быстраго движенія руки (швырка), давленіе на камень усиливается и онъ наконецъ летитъ, то, судя по впечатлѣнію на ладони, также и противодѣйствіе камня, до тѣхъ поръ покуда онъ остается еще въ соприкосновеніи съ поверхностію руки, дѣлается больше его вѣса. Камень, летящій по воздуху, давитъ на послѣдній, сгущаетъ его и сдвигаетъ; а воздухъ производитъ такое же противодѣйствіе и этимъ постепенно ослабляетъ его движеніе.

Силы, дѣйствующія между частями, составляющими одно тѣло, называются внутренними силами. Дѣятельность ихъ ограничивается движеніями по противуположнымъ направленіямъ, при одинаковомъ давленіи и безъ сдвиженія общаго центра тяжести.

Лучшимъ примѣромъ того, что внутреннія силы не могутъ нарушить равновѣсія цѣлаго, могутъ служить такъ-называемыя болонскія капли. Это ничто иное какъ капли расплавленнаго стекла, опущенныя въ воду. Стекло, быстро охлаждаясь въ водѣ, сохраняетъ расположеніе частицъ, свойственное расплавленному состоянію. Поэтому капли эти въ охлажденномъ своемъ видѣ существуютъ при огромномъ напряженіи ихъ частицъ; доказательствомъ чего служитъ то, что при отламываніи кончика ихъ, онѣ распадаются въ мельчайшую пыль.

Напротивъ того, общее движеніе всѣхъ частей цѣлаго требуетъ дѣйствія съ извнѣ, слѣдовательно присутствія и дѣятельности внѣшнихъ силъ.

Этотъ законъ былъ извѣстенъ уже древнимъ—и Архимедъ, основываясь на немъ, сказалъ: «дайте мнѣ точку опоры и я сдвину землю», потому что для дѣйствія внѣшнихъ силъ имъ необходима своя собственная точка опоры.

Такъ одною силою лошадей телѣга не можетъ быть сдвинута съ мѣста, если движеніе лошади не посредствуется треніемъ ея копытъ о землю, въ значеніи противуположнаго ровнаго давленія. Поэтому-то зимою, при гололедицѣ, когда опасаются выскальзыванія ногъ лошадей (однозначущаго съ уменьшенною тягою), и натачиваютъ подковы. Слѣдовательно и здѣсь возможность движенія зависитъ отъ внѣшняго вліянія.

Подобный примѣръ мы видимъ и на рыбакахъ Псковскаго озера, которые, ловя рыбу зимою изъ прорубей, для безопасности своей, чтобы не сваливаться въ прорубъ и чтобы твердо стоять, подковываютъ у сапогъ подошвы.

Живыя существа обладаютъ внутреннею силою, благодаря которой они, до извѣстной степени, владѣютъ свободною подвижностію своихъ членовъ, но только въ вышеприведенномъ смыслѣ. Такъ, всякій организмъ имѣетъ многочисленные снаряды, органы, служащіе для передачи другимъ частямъ тѣла какихъ-либо дѣйствій, происходящихъ въ одной части тѣла, и для доставленія имъ надлежащихъ точекъ опоры. Потому движенія, производимыя отдѣльными членами, могутъ быть очень разнообразны; а движенія всего тѣла, будучи разсматриваемы какъ цѣлое, въ смыслѣ перемѣщенія тѣла относительно внѣшняго міра (однимъ словомъ, передвиженія его центра тяжести), не могутъ быть произведены при помощи внутреннихъ силъ, дѣйствующихъ въ немъ,—при этомъ нужно средство для дѣйствія съ извнѣ, напримѣръ, при движеніи, опора на земли и треніе.

Этимъ также объясняется, почему падающій не можетъ измѣнить своего направленія, чѣмъ была бы уничтожена сила паденія.

Если же падающій ухватится за что нибудь, но все-таки не удержится, то и этимъ сила паденія будетъ ослаблена настолько, съ какою силою ухватится падающій.

Такимъ образомъ, у всѣхъ живыхъ существъ мѣстоперемѣщеніе находится въ совершенной и безусловной зависимости отъ внѣшнихъ вліяній. Наши движенія только отъ того принимаютъ произвольный и самостоятельный оттѣнокъ, что мы умѣемъ преодолѣвать нѣкоторыя внѣшнія препятствія и употреблять ихъ въ свою пользу.

Всякая часть какого-либо тѣла въ свою очередь опять составляетъ тѣло и доступна внѣшнимъ вліяніямъ. Уже давно извѣстно, что самыя маленькія тѣла и ихъ частицы, будучи достаточно сближены, могутъ пріобрѣтать свойство взаимно притягиваться или отталкиваться.

Такъ, два зеркальныя стекла, будучи положены одно на другое, такъ сильно пристаютъ одно къ другому, что остаются въ сцѣпленіи, если даже поднять ихъ на воздухъ; а двѣ капли воды или ртути, при сближеніи до соприкосновенія, сливаются.

Точно такъ же капля воды, вслѣдствіе притяженія ея частицъ къ стеклу, остается висѣть на стеклянной палочкѣ. Поэтому изъ стакана, чашки, или вообще изъ посуды, смачиваемой жидкостями, вслѣдствіе сильнаго притяженія частицъ жидкости и посуды, нельзя вылить всей жидкости, потому что въ послѣдней всегда останется нѣсколько капель. Различною степенью притяженія частицъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ объясняются интересныя явленія волосности (капиллярности) и формы поверхности жидкостей у стѣнокъ сосудовъ. Именно въ очень тонкихъ, волосныхъ трубкахъ жидкость, смачивающая ихъ, поднимается выше уровня, до котораго погружены эти трубки, и тѣмъ выше чѣмъ уже трубки. На этомъ свойствѣ капиллярности основывается прониканіе сырости въ верхніе этажи каменныхъ домовъ, потому что по порамъ кирпичей вода поднимается какъ по трубкамъ. Жидкости же не смачивающія трубокъ—въ нихъ стоятъ ниже уровня, до котораго погружены трубки; примѣромъ чего служитъ ртуть. Такъ какъ степень дѣйствія волосности находится въ связи съ просвѣтомъ трубокъ, то поэтому въ барометрахъ для уменьшенія вліянія волосности, вліяющей на вѣрность показаній барометра, употребляются трубки надлежащей ширины. У стѣнокъ сосудовъ жидкости смачивающія стоятъ выше, а несмачивающія—ниже.

Напротивъ, между газообразными тѣлами замѣтно значительное отталкиваніе, стремленіе отдаляться. Эти

силы, дѣйствующія между всѣми частицами тѣлъ, называются общимъ именемъ частичныхъ или молекулярныхъ силъ.

Въ тѣлѣ, сохраняющемъ какое-либо состояніе болѣе или менѣе значительное время, частичныя силы находятся въ равновѣсіи, то есть давятъ другъ на друга съ одинаковою силою и притомъ въ противоположныхъ направленіяхъ. Измѣненія устойчиваго равновѣсія (какъ переходъ изъ твердаго состоянія въ жидкое, или изъ жидкаго въ газообразное) постоянно представляются слѣдствіемъ внѣшнихъ причинъ, напримѣръ охлажденія, нагрѣванія,—именно: какъ слѣдствіе причинъ, которыми нарушается равновѣсіе молекулярныхъ силъ или только на время или навсегда, то есть до измѣненія равновѣсія дѣйствіемъ какой-либо силы, какъ при переходѣ въ состояніе новаго равновѣсія.

Такъ, вода отъ охлажденія превращается въ ледъ, а отъ нагрѣванія въ паръ, причемъ эти частичныя измѣненія сохраняются только при существованіи условій, при которыхъ они образовались. Не то бываетъ съ водою, когда водяной паръ пропускаютъ черезъ раскаленную фарфоровую трубку, наполненную кусками пемзы; вода при этомъ разлагается на свои составныя части, кислородъ и водородъ,—и при охлажденіи паръ уже болѣе не сгущается въ воду, потому что для соединенія раздѣлившихся элементовъ воды требуются особыя условія, какъ наприм. содѣйствіе электричества.

Отъ вліянія внѣшнихъ силъ частицы тѣла могутъ измѣнять свои взаимныя положенія, сдвигаться, сближаться или удаляться. Если эти измѣненія не переступаютъ извѣстныхъ границъ, то, по удаленіи внѣшняго дѣйствія, частицы тѣла принимаютъ прежнее состояніе равновѣсія частичныхъ силъ. Сила, производящая это, называется упругостью. Очевидно, что она должна быть равна и противуположна давленію, производимому съизвнѣ.

Упругость тѣлъ имѣетъ большое значеніе для практики. Такъ на упругости стали основано дѣйствіе рессоръ, для ослабленія тряски при ѣздѣ, устройство рессорныхъ вѣсовъ, динамометровъ, служащихъ для измѣренія силы, а также анероидныхъ (т. е. воздушныхъ) барометровъ и т. п. Хорошимъ примѣромъ упругости стали служатъ клинки толедскихъ шпагъ, которые можно сгибать въ кольцо, не опасаясь того, что не распрямятся.

Твердыя тѣла имѣютъ очень различную степень упругости относительно растягиванія, перелома, сгибанія, скручиванія и проч.

Предѣлы упругости при изломѣ различныхъ тѣлъ, а также предѣлы упругости при раздавливаніи тѣлъ—имѣютъ огромное значеніе въ архитектурѣ для вычисленія толщины балокъ, высоты стѣнъ и т. п.; а предѣлы упругости при скручиваніи очень важны для опредѣленія размѣровъ осей машины. Поэтому на практикѣ для предотвращенія опасности отъ излома, растяженія, скручиванія пользуются только $\frac{1}{10}$—$\frac{1}{20}$ частью упругости свойственной тѣламъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ относительной упругости (при изломѣ) при поперечномъ сѣченіи 1 квадр. дюймъ и при длинѣ тоже одинъ дюймъ, считая отъ мѣста защемленія въ стѣнѣ: буковое дерево ломается при нагруженіи 1600—3600 фунт., кованное желѣзо—9,000—13,600 фунт., кирпичъ—30—50 ф.

(Продолженіе будетъ).

Въ парижскомъ „домѣ мертвыхъ"

Нынѣшній годъ былъ однимъ изъ самыхъ урожайныхъ годовъ для парижскихъ кладбищъ. Одни ряды гробовъ смѣнялись другими—и многія сотни рукъ не переставали зарывать въ землю несчастныхъ жертвъ роковаго времени. Голодъ, холодъ, всевозможныя болѣзни и бѣдствія уносили ихъ тысячами, и въ то время, какъ непріятель все сильнѣе и сильнѣе стучался въ ворота Парижа, требуя его сдачи,—внутри города смерть, принявшая одинъ изъ самыхъ страшныхъ образовъ, расхаживала изъ дому въ домъ, а на улицахъ, ведущихъ къ *Père-Lachaise*, Монмартру, Монпарнасу и другимъ, менѣе значительнымъ кладбищамъ, толпились люди съ блѣдными и впалыми щеками, забывавшіе на время свои собственныя бѣдствія для того, чтобъ отдать послѣдній долгъ усопшимъ.

Многіе посѣтители Парижа, проходившіе по улицѣ *Roquette* на одно изъ самыхъ знаменитыхъ парижскихъ кладбищъ, замѣчали съ неодобреніемъ, что французъ гоняется за роскошью даже передъ лицомъ смерти и что даже тутъ въ немъ обнаруживается что-то въ родѣ кокетства, спекулирующаго на горесть и слезы оставшихся въ живыхъ.

Для подтвержденія своего мнѣнія они указываютъ на всѣ эти лавки, которыя тянутся по обѣимъ сторонамъ улицы *Roquette*, гдѣ выставлены на продажу могильные камни, урны, кресты, рѣшетки, вѣнки всевозможныхъ сортовъ, формъ и цвѣтовъ. Желаніе нравиться, тѣшить глаза обнаруживается здѣсь даже тогда, когда слѣдовало бы отказаться отъ всякаго суетнаго чувства,—и поддѣлываясь подъ скоропреходящее настроеніе покупщика, продавецъ становится спекулянтомъ, старающимся сколотить себѣ капиталъ изъ чужаго горя. Событія послѣдняго времени вызвали и здѣсь также значительную, хотя и скоропреходящую перемѣну; несчастнымъ жителямъ Парижа пришлось принимать смерть во всемъ ея ужасѣ и смотрѣть ей прямо въ глаза.

А между тѣмъ какъ недавно еще сама природа помогала парижанамъ смягчать и скрывать несказанныя бѣдствія! Какъ хороши эти тѣнистыя аллеи въ *Père-Lachaise* съ ихъ колоннами, платанами, клёнами, тополями, кипарисами и всѣми этими цвѣтами, которые посажены тутъ любящей рукой. Видъ кладбища *Père-Lachaise,* точно также какъ и всѣхъ вообще парижскихъ кладбищъ весною, лѣтомъ и осенью, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и отрадныхъ видовъ; но зимою все мрачно, даже и это чудное кладбище *Père-Lachaise*. Бѣлъ и холоденъ снѣговой покровъ, покрывающій могилы; деревья и кустарники голы, а отъ безлиственныхъ аллей, чернѣющихся на свѣтломъ фонѣ, вѣетъ какимъ-то непріятнымъ чувствомъ. Тысячи памятниковъ прикрыты безжалостнымъ покровомъ зимы; мраморъ, такъ примѣтно сіявшій изъ-за зелени, теперь какъ будто бы похолодѣлъ и замерзъ,—и даже тотъ чудесный видъ, который открывается съ «La Chapelle» на безконечное море парижскихъ домовъ, на парижскіе

Кладбище Père-Lachaise въ Парижѣ.

дворцы, колонны, башни, бульвары и площади исчезъ, задернутый густымъ сѣрымъ туманомъ.

Кладбище *Père-Lachaise*—такое мѣсто, гдѣ лучше всего можно изучить исторію Франціи за послѣдніе восемьдесятъ лѣтъ. Здѣсь, какъ съ гордостію замѣчаютъ парижане, находится больше тысячи камней съ именами полководцевъ, государственныхъ мужей, поэтовъ, художниковъ, именами, говорящими о славѣ Франціи. А эти безчисленныя могилы, вырытыя въ послѣднее время, на которыхъ записана исторія постигшихъ Францію бѣдствій? Воспоминаніе о нихъ останется въ сердцахъ парижанъ даже и тогда, когда маленькіе черные кресты, украшающіе большую часть этихъ могилъ, будутъ опять сняты и сломаны.

Чтобы пройти кладбище *Père-Lachaise* надобно около трехъ часовъ, а чтобъ не заблудиться на его извилистыхъ дорожкахъ и аллеяхъ надобенъ проводникъ. Мы не знаемъ, можно-ли принимать буквально приведенное выше изрѣченіе о «тысячѣ слишкомъ памятниковъ славы», но кладбище *Père-Lachaise* составляетъ и будетъ составлять одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и значительныхъ пунктовъ Парижа—и ни одинъ изъ посѣтителей Парижа не оставитъ этого города, не посѣтивъ могилы Абеляра и Элоизы и многихъ другихъ памятниковъ еще болѣе знаменитыхъ людей, не пройдя по тѣмъ улицамъ и переулкамъ, которые образовались по правую и по лѣвую руку наиболѣе извѣстныхъ кладбищъ и заслужили кладбищу *Père-Lachaise* названіе «города мертвыхъ».

На прилагаемомъ при этомъ рисункѣ изображенъ одинъ небольшой уголокъ этого знаменитаго кладбища, украшенный всею прелестью и поэзіей лѣта, которое краситъ даже кладбища,—и съ этимъ-то уголкомъ мы и познакомимъ нашихъ читателей.

Широкая дорога, пролегающая черезъ кладбище *Père-Lachaise*, ведетъ туда, откуда всходятъ по лѣстницѣ въ *la Chapelle*, вправо отъ большой группы памятниковъ, подъ которыми покоятся корифеи искусства, въ томъ числѣ *Беллини* и *Тальма*. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ изображены на нашемъ рисункѣ. Памятникъ творца «Сомнамбулы», «Монтекки и Капулетти» и «Нормы» еще издали обращаетъ на себя вниманіе замѣчательною красотою всѣхъ своихъ частей. Онъ украшенъ бюстомъ Беллини и статуею генія музыки, погруженнаго въ глубокую думу. Минуя Герольда, Крейтцера и Мегуля, мы подходимъ къ мѣсту покоя знаменитаго трагика *Тальмы*, отличающемуся строгою простотою. Его геніальный талантъ, его обширныя свѣдѣнія, его значеніе какъ трагика и какъ реформатора въ нѣкоторыхъ отросляхъ его искусства—извѣстны; онъ былъ любимцемъ Наполеона I, который любилъ проводить время въ его обществѣ. На его памятникѣ нѣтъ ничего, кромѣ его имени «Тальма», начертаннаго крупными буквами. *Son nom fait ses éloges* (его имя говоритъ о его славѣ).

Недалеко отъ него, подлѣ Боэльдьё и Херубини, лежитъ Шопенъ, родомъ полякъ, поселившійся послѣ многихъ странствованій въ Парижѣ, гдѣ онъ и умеръ, авторъ множества прелестныхъ произведеній, отличающихся своею оригинальностью и грустью. Его памятникъ простъ и прекрасенъ. На монументѣ, точно такъ же какъ и на гробницѣ Беллини, сѣтуетъ богиня музыки, опустивъ голову и руки и глядя съ глубокой печалью внизъ.

На значительномъ разстояніи отъ этого памятника находится двойная гробница съ именами *Мольера* и *Лафонтена*—самого знаменитаго комическаго писателя и самого знаменитаго баснописца Франціи. Оба саркофага, обнесенные одной общей рѣшеткой, лежатъ на высокихъ пьедесталахъ, а въ серединѣ ихъ протягиваетъ свои вѣтви темно-блестящее лавровое дерево, словно размышляя, которому бы изъ двухъ писателей поднести ихъ. Праха обоихъ усопшихъ тутъ нѣтъ; тутъ стоятъ только ихъ саркофаги; ихъ остатки разсѣяны; челюсть Мольера находится, какъ извѣстно, въ *Hôtel de Cluny*, гдѣ она хранится въ прекраснѣйшей комнатѣ, въ великолѣпномъ бюро маршала Креки.

Причудливая судьба присудила, словно нарочно, тяжелый, неуклюжій памятникъ самому привлекательному, граціозному и очаровательному изъ всѣхъ лирическихъ поэтовъ—*Беранже*. Массивный, закругленный сверху камень, вокругъ котораго шумятъ кипарисы, заключаетъ въ себѣ два портрета: его и его брата. Вотъ уже тринадцать лѣтъ какъ поэтъ «Короля Ивето» отнесенъ и положенъ сюда въ могилу обожающимъ его парижскимъ народомъ.

Задачею нашей небольшой статьи было, какъ мы замѣтили выше, только описаніе того небольшаго уголка парижскаго «города мертвыхъ», который изображенъ на нашемъ рисункѣ; поэтому-то, описавъ эту послѣднюю могилу, мы и простимся съ нашими читателями.

Фаустъ и Маргарита.

(Съ картины Арри Шеффера).

Великое произведеніе великаго нѣмецкаго поэта слишкомъ извѣстно, для того чтобъ мы отважились представить здѣсь хотя самую сжатую характеристику «Фауста» Гёте — тѣмъ болѣе что нѣтъ почти никакой возможности въ журнальной статьѣ говорить о книгѣ, на которую написаны цѣлые томы комментарій такими глубокими знатоками, какъ Динцеръ и проч. Поэтому, помѣщая рисунокъ съ картины Арри Шеффера, изображающій едва-ли не самый поэтическій моментъ первой части «Фауста», мы позволимъ себѣ лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ напомнить читателямъ эту сцену, коснувшись при этомъ случаѣ какъ личности автора, такъ и значенія его безсмертнаго произведенія, находящихся въ самой тѣсной взаимной связи.

Душа и сердце, чувство и разумъ Гёте въ теченіи его поприща развивались въ необыкновенно-счастливой гармоніи между собою. Не одни лишь прирожденные дары духа проявлялъ Гёте въ своихъ твореніяхъ, но во всю жизнь свою неустанно стремился пріобрѣтать вновь и такимъ образомъ дополнять познаніемъ, расширять свое внутреннее *я*, чѣмъ и достигъ онъ развитія въ себѣ такой личности, въ которой физическая и духовная стороны находились въ дивномъ равновѣсіи. Отсюда — неодолимая сила, съ которой онъ дѣйствовалъ на всякаго, вступавшаго въ сношеніе съ нимъ. Отсюда же — идеальность и субъэктивность, которыя поражаютъ насъ въ немъ и въ то же время остаются объэктивными, — такъ какъ Гёте былъ того мнѣнія, что

человѣкъ лишь настолько познаетъ самого себя, насколько онъ познаетъ внѣшній міръ, воспринимая этотъ міръ въ *себя* и видя *себя* въ этомъ мірѣ; поэтому Гёте всегда стремился уловить Идею въ Дѣйствительности, созерцать ее въ ней и воплотить въ осязаемомъ образѣ. Безъ сочетанія Идеи съ Дѣйствительностью (природою) онъ не считалъ возможнымъ искусства и вполнѣ отдался реальному идеализму, котораго цѣль — дать дѣйствительности поэтическую форму. Съ самой юности стремился онъ воспринимать въ себя и усвоивать себѣ все какъ оно есть, разсматривая вещи съ ихъ истинной точки зрѣнія и не внося предвзятыхъ о нихъ понятій. Такъ какъ природа есть истина, то и мудрость для Гёте заключалась въ одной истинѣ, и онъ менѣе всѣхъ поэтовъ удалялся отъ дѣйствительной осязаемой истинности вещей, стараясь лишь передавать ихъ вѣрно съ природою; ничто не было ему противнѣе какого бы то ни было благонамѣреннаго лицемѣрія: онъ хотѣлъ быть лишь искреннимъ—въ добрѣ и злѣ равно—какъ сама природа. Оцѣнивая вполнѣ сущность христіанства, со свободою протестанта, онъ въ то же время основывалъ свое религіозное міросозерцаніе главнѣйше на любви къ природѣ и человѣку, признавая Бога въ природѣ, а послѣднюю въ Богѣ; это привело его къ пантеистическому взгляду на міръ, видящему повсюду и во всемъ въ совокупности правящее присутствіе Бога. Это воззрѣніе Гёте съ поразительною полнотою выступаетъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ «Фауста»:

Маргарита.

Ну, Генрихъ, обѣщай!

Фаустъ.

Все, что́ могу лишь я.

Маргарита.

Скажи, въ чемъ состоитъ религія твоя?
Ты благороденъ, добръ,—я очень это знаю;
Но, видишь, я подозрѣваю,
Что мало вѣры у тебя.

Фаустъ.

Оставимъ это, милое дитя!
Коль знаешь, что я добръ,—имѣй же снисхожденье!
Я за мою любовь
Отдамъ и жизнь, и кровь,
Но ничьего не трону убѣжденья.

Маргарита.

Но это все не то̀... Намъ вѣра вѣдь нужна.

Фаустъ.

Нужна?

Маргарита.

Ахъ, еслибъ я была властна
Хоть мало надъ поступками твоими!
Въ тебѣ передъ обрядами святыми
Благоговѣнія не вижу я слѣда.

Фаустъ.

Я уважаю ихъ всегда.

Маргарита.

Но все неискренно, не съ вѣрою святою.
Ужь сколько времени, ты въ церковь ни ногою,
Да и на исповѣдь не ходишь никогда.
Скажи мнѣ: вѣруешь ты въ Бога?

Фаустъ.

Дитя мое! въ комъ дерзости такъ много,
Чтобы сказать: «я вѣрую въ Него?»
Спроси—духовника-ли своего,
Философа-ль—и ихъ отвѣтъ избитый
Насмѣшкой отзовется ядовитой
На дерзкаго, который произнесъ
Тотъ необдуманный вопросъ.

Маргарита.

Такъ ты не вѣруешь?

Фаустъ.

Чистѣйшее созданье!
Ты ошибаешься. Кто смѣлъ Его назвать?
Кто «вѣрую въ Него» могъ съ твердостью сказать?
Иль, чувствуя во всемъ Его здѣсь пребыванье,
Кто, дерзкій, могъ не вѣровать въ Него—
Источника всего?
Не Онъ ли все собою обнимаетъ?
Не Онъ ли все въ одномъ себѣ вмѣщаетъ:
Тебя, меня, весь міръ? Не всю ли неба сводъ
Вселенную обнялъ и вѣчный свѣтъ къ намъ льетъ?
Ты чувствуешь въ землѣ упругость подъ ногами,
Ты видишь, какъ привѣтливо надъ нами
Сонмъ зажигаютъ звѣздъ ночныя небеса?
Не зеркало-ль моимъ глазамъ твои глаза?
Не все ли это рвется и тѣснится
И въ голову, и въ сердце, милый другъ,
И въ тайнѣ вѣчной движется, стремится,
Невидимо и видимо вокругъ?
Пусть этимъ всѣмъ исполнится твой духъ,
И если ощутишь ты въ чувствѣ томъ глубокомъ
Блаженство—о! тогда его ты назови,
Какъ хочешь: пламенемъ любви,
Душою, счастьемъ, жизнью, Богомъ—
Для этого названья нѣтъ:
Все-чувство... имя-жь—звукъ одинъ гремящій,
Звукъ безъ значенья, дымъ летящій
И помрачающій небесный, яркій свѣтъ.

Такъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Гёте изображалъ только то, что̀ было пережито имъ самимъ; даже мелкія стихотворенія его всегда были отраженіемъ извѣстнаго состоянія его духа въ данную минуту. Онъ постоянно стремился осуществить въ себѣ *идеальнаго человѣка*, ставилъ себѣ задачу жизни въ свободномъ и изящномъ саморазвитіи и въ сохраненіи своей внутренней цѣльности, такъ что на всѣхъ путяхъ своей жизни Гёте является вполнѣ законченнымъ характеромъ и человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Достигнуть этого было нелегко; тяжелой борьбы стоило осилить юношескій пылъ и, подчинивъ его тому что̀ было призваніемъ — искусству, перелить въ форму прекраснаго. Этою-то формою (по крайней мѣрѣ, совершеннѣйшею изъ всѣхъ твореній Гёте) и является Фаустъ, съ самаго начала и до конца борящійся со зломъ (Мефистофелемъ), ибо не хочетъ признать необходимости ограничить порывы своего духа къ безконечному; отсутствіе смиренія приводитъ его къ полному крушенію въ концѣ первой части трагедіи, но не къ совершенной погибели, такъ какъ и по исчезновеніи Фауста съ Мефистофелемъ остается еще возможность и даже вѣроятность, что высшая сила Фауста одолѣетъ духа зла, чѣмъ дѣйствительно и завершается вторая часть «Фауста». Рядомъ съ нимъ возникаетъ характеръ Маргариты, выполненный съ неподражаемымъ искусствомъ и правдивостью,—символъ высшей беззавѣтно - отдающейся любви во всей ея чистотѣ — любви которая этою самою чистотою и силою своей спасаетъ юную грѣшницу. Припомните, какою истинно-художественною простотою, какою трогательною сердечностью запечатлѣна сцена, выбранная Арри Шефферомъ для его рисунка...

Маргарита *(срывая цвѣтокъ)*.

Позвольте на минутку.

Фаустъ.

Что такое?
Связать букетъ ты хочешь?

Маргарита.

Такъ, пустое...
Игра...

Фаустъ.

Что?

Маргарита.

Будете смѣяться надо мной!
Подите... *(обрываетъ листки и лепечетъ про-себя).*

Фаустъ.

Что же ты лепечешь, ангелъ мой?

Маргарита *(вполголоса)*.

Любитъ—не любитъ...

Фаустъ.

О милое, чистѣйшее созданье!

Маргарита *(продолжая)*.

Любитъ—нѣтъ, любитъ—нѣтъ. *(Вырывая послѣдній листокъ, съ радостью:)* Любитъ!

Фаустъ.

О, ангелъ мой! Пусть это слово будетъ
Тебѣ отвѣтомъ неба! Да, онъ любитъ!
Ты понимаешь ли, что значитъ это: «любитъ»?
(Онъ беретъ ее за обѣ руки).

Маргарита.

Мнѣ что-то страшно стало вдругъ!

Фаустъ.

Не бойся, не бойся, мой другъ!
Дай выразить этому взору,
Пожатью горячему рукъ
Все то, что не выразишь словомъ!
Позволь мнѣ предаться блаженству вполнѣ,
Блаженству, о другъ мой сердечный,
Которому быть должно вѣчно здѣсь, вѣчно!
(Маргарита, вырываясь, убѣгаетъ. Онъ стоитъ нѣсколько времени въ размышленіи, потомъ уходитъ за нею).

Такова искренность Фауста во всѣхъ его заблужденіяхъ — и такъ же искренны его раскаяніе и муки послѣ каждаго изъ нихъ, какъ только онъ сознаетъ, что не можетъ воскликнуть:

....Погоди
Мигъ быстролетный наслажденья,
Ты сладокъ!..

Эта постоянная борьба съ самимъ собою и приводитъ Фауста къ тому *святому отреченію*, благодаря которому самъ Гёте достигъ высочайшей степени развитія какъ личности своей такъ и творческаго дара. Другими словами, главная мысль «Фауста» — борьба Идеи противъ тѣсныхъ предѣловъ Дѣйствительности и Жизни, — борьба имѣющая значеніе общечеловѣческое и олицетворяющая судьбы всего человѣчества въ личности Фауста, который разрѣшаетъ задачу примиренія между собою Знанія и Жизни. Таково міровое значеніе великаго произведенія величайшаго изъ нѣмецкихъ поэтовъ.

Внутреннее обозрѣніе.

Холера начинаетъ не на-шутку разыгрываться. Во многихъ мѣстахъ нашихъ центральныхъ и юго-восточныхъ губерній она свирѣпствуетъ съ особенною силою. Холерный ядъ какъ-бы переносится вѣтромъ, слѣдуя отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, преимущественно въ мѣстностяхъ, по которымъ проходятъ главнѣйшие наши пути сообщенія: Николаевская желѣзная дорога и рѣчная система Волги. Ослабѣвшая въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, она тѣмъ съ большею силою явилась въ Москвѣ, Рязанской, Ярославской, Костромской и Владимірской губерніяхъ; затѣмъ не замедлила перейти въ сосѣднія съ Москвою: Тульскую и Калужскую губерніи; подвинулась къ Саратову, Тамбову и, какъ слышно, коснулась даже Астраханской губерніи. Особенно сильно дѣйствіе ея въ Рыбинскѣ, жители котораго очень встревожены этой новой бѣдою. Значительная часть тамошняго купечества выѣхала изъ города; третья часть рабочихъ ушла искать заработковъ въ другихъ мѣстахъ; поэтому, въ торговыхъ дѣлахъ наступило затишье. Оставшіеся торговцы платятъ за нагрузку неслыханныя цѣны, но и тутъ не могутъ достать рабочихъ. По Маріинской системѣ также открылась между судорабочими холера; то же самое должно сказать о Ладожскомъ и Шлиссельбургскомъ уѣздахъ Петербургской губерніи, по которымъ, какъ извѣстно, проходятъ суда на пути слѣдованія своего изъ центральныхъ губерній къ Петербургу. Въ Тамбовѣ эпидемія весьма сильна,—тамъ до сихъ поръ еще заболѣваетъ около 150 человѣкъ въ сутки, изъ которыхъ умираетъ болѣе половины. Въ Костромской губерніи она не такъ значительна, если судить по числу заболѣвающихъ и умершихъ, но за то характеръ ея тамъ скоротечный, такъ-что болѣзнь оканчивается смертью иногда въ какіе-нибудь два-три часа, и во всякомъ случаѣ продолжается не болѣе сутокъ. На сѣверо-западѣ холера свирѣпствуетъ въ особенности въ гор. Ригѣ и Вильнѣ; въ первомъ изъ нихъ умираетъ по 40 и болѣе человѣкъ въ день, тогда-какъ въ Петербургѣ, населеніе котораго въ пять разъ больше рижскаго, умираетъ не болѣе 15 чел. Изъ уѣздовъ Тамбовской губерніи болѣе сильное развитіе эпидеміи замѣчается въ Тамбовскомъ, Борисоглѣбскомъ и Кирсановскомъ.

Столь значительное распространеніе холерной эпидеміи побудило многія изъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденій принять возможно-скорыя и рѣшительныя мѣры противъ этого народнаго бѣдствія. Во многихъ городахъ возникаютъ такъ-называемые санитарные комитеты; обсуждаются средства къ прекращенію или предупрежденію эпидеміи; принимаются мѣры къ устраненію неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій городской жизни, какъ-то: очисткѣ дворовъ и надворныхъ построекъ, вывозу нечистотъ, дезинфекціи (очисткѣ) воздуха; учреждается надзоръ за продажею съѣстныхъ припасовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продажа зелени даже вовсе запрещена; наконецъ, печатаются во всеобщее свѣдѣніе правила для предохраненія отъ холеры. Изъ мѣръ болѣе рѣшительныхъ можно указать на устройство временныхъ больничныхъ пріютовъ, раздачу летучихъ аптечекъ, на командировку врачей и студентовъ 5-го курса Медицинской академіи въ мѣста сильнѣйшаго распространенія болѣзни, на осмотръ мѣстъ, по своимъ условіямъ служащихъ разсадниками эпидеміи и т. д. Въ Петербургѣ высочайше утвержденная санитарная коммисія назначила особыхъ пять врачей для осмотра судорабочихъ по разнымъ рѣкамъ и каналамъ столицы. Эти врачи, съ 26 іюня по 5 іюля, успѣли осмотрѣть 2,610 судовъ и освидѣтельствовали состояніе здоровья 8,322 человѣкъ, между которыми оказалось больныхъ 31 человѣкъ. Большая часть этихъ больныхъ найдена на Калашниковской пристани и Обводномъ каналѣ. Нѣсколько студентовъ Медицинской академіи отправились въ Ладожскій и Шлиссельбургскій уѣзды петербургской губерніи; другіе поѣдутъ, какъ слышно, въ Тамбовскую губернію. Врачами рекомендуется много новыхъ средствъ противъ холеры; нѣкоторыя изъ этихъ средствъ довольно оригинальны и во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія. Такъ напр., виленскій докторъ г. Малешевскій предлагаетъ, для предупрежденія холерныхъ припадковъ, носить на груди гальваническіе кружки изъ двухъ отшлифованныхъ пластинокъ мѣдной и цинковой, надѣвая ихъ такъ чтобы онѣ приходились какъ разъ на ложечномъ углубленіи («подъ ложечкой»). Эти кружки, скрѣпленные вмѣстѣ, привязываются тесьмой вокругъ всего тѣла (или надѣваются на шею) и носятся до совершеннаго прекращенія холеры. Дѣйствіе гальваническаго тока, образующагося отъ соединенія этихъ пластинокъ, по увѣренію врача, служитъ настолько сильнымъ противодѣйствіемъ болѣзни, что изъ 206 лицъ, носившихъ, по его совѣту, эти кружки, никто не заболѣлъ холерою. Заслуживаетъ также вниманія средство, употребляемое лондонскимъ врачемъ Гутчинсономъ: онъ совѣтуетъ животъ намазывать коллодіумомъ, и при этомъ давать внутрь довольно сильные пріемы рома или водки.

Что касается до характера нынѣшней эпидеміи, то отличительнымъ ея свойствомъ является, какъ всѣми замѣчено, ея скоротечность. Этимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, объясняютъ и громадное число умирающихъ по отношенію къ общему числу больныхъ,—число, достигающее въ иныхъ

Фаустъ и Маргарита.

(Съ картины Арри Шеффера).

мѣстностяхъ до 60% (Кострома, Тамбовъ и Рыбинскъ). При такомъ условіи, скорая медицинская помощь встрѣчаетъ конечно значительныя затрудненія.

Читатели, вѣроятно, не забыли о бывшихъ въ Одессѣ, весною настоящаго года, безпорядкахъ, послѣдствіемъ которыхъ было разграбленіе имущества многихъ европейскихъ семействъ, многочисленные случаи насилія и разбоя на одесскихъ улицахъ, нѣсколько убійствъ и т. п. Теперь, пользуясь свѣдѣніями изъ «Одесскаго Вѣстника», мы можемъ сообщить о результатѣ этого дѣла, т. е. о рѣшеніи суда надъ обвиненными лицами. По прекращеніи безпорядковъ 1 апрѣля, было передано судебной власти 1,095 лицъ, арестованныхъ полиціею и войсками. Для составленія имъ поименныхъ списковъ, собранія свѣденій о виновности и для распредѣленія по группамъ, назначено было три товарища прокурора окружнаго суда; для разбирательства дѣлъ по этому предмету—особый мировой судья, а для производства слѣдствій—особый слѣдователь. Изъ всего числа арестованныхъ, 519 человѣкъ были вскорѣ освобождены за недостаткомъ уликъ. Но зато по послѣдующимъ указаніямъ было привлечено къ дѣлу еще 618 лицъ, такъ-что было возбуждено преслѣдованіе противъ 1,202 лицъ. Изъ этого числа, дѣла о 582 челов. оказались подсудными мировому судьѣ—и изъ нихъ судьею приговорено: а) къ тюремному заключенію, отъ 10 до 1½ мѣсяца,—79 чел.; б) подвергнуто аресту, отъ 4 до 2-хъ слишкомъ мѣсяцевъ,—191 чел.; в) приговорено къ денежному штрафу 107 (отъ 50 к. до 15 р.). Неоконченныхъ осталось о 50 лицахъ. Изъ этихъ 377 лицъ: греческихъ подданныхъ только 7 челов., турецкихъ, персидскихъ и молдавскихъ 7, русскихъ 348 челов.; остальные 29 челов. принадлежатъ къ подданнымъ различныхъ западноевропейскихъ государствъ. Между русскими болѣе всего иногородныхъ крестьянъ, мѣщанъ и колонистовъ. Въ числѣ судившихся было 11 женщинъ. Къ дѣламъ подсуднымъ окружному суду привлечено 620 лицъ; ихъ будутъ судить въ сентябрѣ настоящаго года. Изъ этого перечня судившихся видно, кто были дѣйствительные а не фиктивные участники въ одесскихъ безпорядкахъ и какая національность имѣетъ между ними наибольшее число представителей. Впрочемъ, главнѣйшіе виновники, дѣла о которыхъ подлежатъ разбирательству окружнаго суда, не показаны по сословіямъ и національностямъ, хотя трудно предположить, чтобъ и между ними греческій элементъ былъ особенно силенъ. Кто живалъ на югѣ, и въ особенности въ губерніяхъ малороссійскихъ, для того натянутыя отношенія между національностями еврейской и русской не покажутся слишкомъ странными. Гораздо болѣе странно то, что большинство нашихъ публицистовъ, затрогивая этотъ вопросъ, всю тяжесть обвиненія сваливаютъ на одну сторону; изобличаютъ дѣйствительно главнѣйшіе ея недостатки, но въ то же самое время забываютъ объ «историческихъ причинахъ» податливости русскихъ евреямъ, забываютъ о недостаткахъ противной стороны, которые приводятъ къ подобнымъ печальнымъ проявленіямъ народной воли. Недостатокъ просвѣщенія и самодѣятельности въ одномъ племени и крайнее развитіе пронырливости въ другомъ—вотъ тѣ главныя причины, которыми обусловливаются взаимныя отношенія названныхъ выше національностей. Этимъ же объясняется родъ занятій и соціальное ихъ положеніе: одна захватила въ свои руки легкій коммерческій трудъ и, пользуясь легкой наживой и склонностью къ бережливости, сдѣлалась хранительницею капиталовъ страны; другая, не смотря на свое численное превосходство, или можетъ-быть благодаря именно этому превосходству лишенная всякаго развитія, чуждая всякой предпріимчивости, не привыкшая ни къ ярморочному скитальчеству, ни къ сбереженіямъ, ни къ взаимному содѣйствію,—стала въ экономическую зависимость отъ первой и связала себя съ нею на долгое время. При такихъ ненормальныхъ экономическихъ отношеніяхъ, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь сочувствіи: болѣе зависимая изъ сторонъ, болѣе нуждающаяся изъ нихъ является поэтому и болѣе нетерпимой; при удобномъ случаѣ она разражается сильнымъ протестомъ противъ чуждой національности, а слѣдовательно и противъ своей безпомощной неразвитости, примѣшивая за одно ужь и религіозную сторону. Торговля же тутъ ни при чемъ, хотя и справедливо, что на югѣ она находится въ рукахъ однихъ только евреевъ.

Коснувшись этой послѣдней, нельзя не упомянуть о важнѣйшихъ новостяхъ въ коммерческомъ и промышленномъ мірѣ. Первая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что при министерствѣ финансовъ учреждается особая коммиссія изъ членовъ отъ министерствъ: морскаго, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ, по вопросу о развитіи торговаго мореплаванія и морскихъ промысловъ въ Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ. Въ этой коммиссіи будутъ обсуждаться проекты бывшаго архангельскаго губернатора Качалова. О мѣрахъ, къ какимъ придетъ коммиссія поэтому дѣлу, мы не забудемъ сообщить читателямъ. Вторая новость касается предположеннаго увеличенія налога на сахаръ туземнаго производства и уменьшенія пошлины на иностранный.

Мѣра эта предпринимается съ цѣлію возвысить доходъ, получаемый государствомъ съ этой отрасли промышленности. Въ коммиссіи, занимающейся разработкой настоящаго вопроса, присутствуетъ до 40 членовъ, въ томъ числѣ нѣсколько сахарныхъ заводчиковъ.

Политическое обозрѣніе.

На этихъ дняхъ во Франціи разрѣшится чрезвычайно важный вопросъ. Дѣло въ томъ, что въ прошлую субботу, 31-го іюля, въ Національное Собраніе внесено предложеніе о продленіи власти Тьера на три года, съ присвоеніемъ ему титула президента республики. Глава исполнительной власти, становясь президентомъ республики, не пріобрѣтаетъ ничего существеннаго, такъ-какъ всѣ его распоряженія должны быть контрасигнованы однимъ изъ министровъ; а эти послѣдніе считаются отвѣтственными передъ національнымъ собраніемъ. Зато отъ разрѣшенія этого вопроса много выигрываетъ страна: положеніе и роли партій опредѣляются, толки о формѣ правленія откладываются до болѣе удобнаго времени; дѣйствія Тьера становятся въ зависимость не отъ личныхъ его взглядовъ, очень часто несогласныхъ со взглядами либеральнаго большинства, а отъ желаній страны, которая желала-бы наконецъ остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ. Какъ передаетъ телеграфъ, означенное предложеніе внесено лѣвымъ центромъ Національнаго Собранія, значитъ, наиболѣе вліятельною частью либеральной партіи. Впрочемъ, въ этомъ вопросѣ почти всѣ партіи собранія сходятся между собою; одна только крайняя правая сторона во всеуслышаніе объявляетъ, что власть Тьера, этого завзятаго «революціонера» (!), «грозитъ опасностью отечеству». Какъ-бы то ни было, но рѣшеніе этого вопроса признано неотложнымъ—и не сегодня-завтра мы узнаемъ, какимъ большинствомъ голосовъ получитъ Тьеръ свое президентство. А что это ему удастся—сомнѣваться, кажется, нельзя: такой осторожный и дальновидный политикъ, какъ Тьеръ, ни за что бы не рѣшился ставить на карту свою политическую репутацію, не будучи заранѣе увѣренъ въ успѣхѣ дѣла. Съ другой стороны, лучшая часть французовъ отлично понимаетъ, что болѣе удачнаго выбора страна въ настоящее время сдѣлать не можетъ. Во Франціи не мало людей способныхъ и талантливыхъ, но политическихъ ея дѣятелей въ настоящемъ смыслѣ слова — можно по пальцамъ пере-

честь. Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежитъ и новый министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Шарль Ремюза — старый другъ, единомышленникъ и ровесникъ Тьера. Онъ извѣстенъ какъ человѣкъ ученый и какъ краснорѣчивый ораторъ. Его имя связано со многими политическими событiями во Францiи. Въ 1840 году онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; потомъ его нѣсколько разъ избирали депутатомъ. Съ Тьеромъ они не сходятся только въ одномъ вопросѣ внѣшней политики—римскомъ, такъ-какъ гр. Ремюза — рѣшительный противникъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Италiи вообще и Рима въ особенности. Назначенiе новаго министра встрѣчено въ Италiи съ особеннымъ удовольствiемъ.

На дняхъ, въ Нацiональномъ Собранiи кончились пренiя о генеральныхъ совѣтахъ по проэкту особой коммиссiи, занимавшейся обсужденiемъ этого вопроса. Проэктъ преобразованiй, предложенный этою коммиссiю, имѣетъ весьма важное значенiе въ особенности для Францiи, гдѣ такъ сильна централизующая сила Парижа и гдѣ даже самые либеральные люди являются противниками сколько-нибудь самостоятельной жизни провинцiй. Централизацiя до такой степени въѣлась во французскiе нравы, что стоило большаго труда и энергiи отстоять проэктъ отъ нападокъ французскихъ либераловъ стараго закала и тѣмъ поставить провинцiи въ болѣе независимое къ столицѣ отношенiе. Такимъ образомъ, генеральные совѣты, вслѣдствiе новаго закона, становятся въ своихъ дѣйствiяхъ болѣе самостоятельными, освобождаются отъ влiянiя префектовъ, которымъ впрочемъ предоставляется право присутствовать, съ совѣщательнымъ голосомъ, въ засѣданiяхъ департаментской коммиссiи, прiобрѣтаютъ право раскладки прямыхъ налоговъ на мѣстныя нужды, завѣдыванiе различными департаментскими имуществами и благотворительными учрежденiями. Обсуждая проэктъ коммиссiи, правительство, а за нимъ и либералы стараго закала не хотѣли поступиться верховною властiю Парижа—и этимъ объясняется допущенiе префектовъ къ участiю въ засѣданiяхъ департаментскихъ коммиссiй. Отдѣленiю административной власти отъ судебной и земской, составляющему, какъ извѣстно, азбуку разумнаго политическаго устройства, французы только теперь начинаютъ придавать серiозное значенiе. Но—лучше поздно чѣмъ никогда.

Теперь обращаемся съ событiю, которое имѣетъ не столько политическiй, сколько международный, характеръ, но для насъ, русскихъ, представляетъ большой интересъ и значенiе.

2 iюля, государственный канцлеръ, князь Горчаковъ принималъ въ Фридрихсгафенѣ протестантскую депутацiю, которая надѣялась испросить расширенiя правъ протестанства въ балтiйскихъ губернiяхъ. Депутацiя эта состояла изъ 32-хъ членовъ: 10 американцевъ, 8 англичанъ, 5 швейцарцевъ, 4 нѣмцевъ, 2 голландцевъ, 1 бельгiйца, 1 датчанина и 1 венгерца. Она была раздѣлена на 4 группы—и отъ каждой изъ нихъ былъ представленъ особый адресъ. Депутацiя просила о расширенiи «свободы совѣсти въ Ливонiи и Эстляндiи», подъ которою ораторъ, говорившiй отъ имени всѣхъ членовъ, разумѣлъ не только право исповѣдывать ту или другую религiю, но и право свободно проповѣдывать свою вѣру, доказывать ея превосходство передъ другими. Князь Горчаковъ отвѣчалъ депутатамъ въ томъ смыслѣ, что существующiе въ Россiи законы не преслѣдуютъ ни одной церкви, они только не допускаютъ православныхъ переходить въ другую вѣру. Поэтому, онъ совѣтывалъ не настаивать ни на аудiенцiи у Государя, ни на подачѣ ему адресовъ. Въ заключенiе канцлеръ завѣрилъ депутатовъ, что задача настоящаго царствованiя состоитъ въ томъ, «чтобы свести русское законодательство, по вопросу священной свободы совѣсти, на путь Соединенныхъ Штатовъ, Англiи Голландiи и Швейцарiи»; что другаго ручательства, кромѣ извѣстной вѣротерпимости русскаго Государя, онъ не можетъ предложить имъ; что, наконецъ, принятiе отъ нихъ адресовъ имѣло бы видъ нѣкотораго моральнаго давленiя на рѣшенiя нашихъ внутреннихъ дѣлъ, котораго допустить невозможно ни съ какой стороны. Изъ всеподданнѣйшаго донесенiя государственнаго канцлера видно, что отвѣтъ его возбудилъ сожалѣнiе въ депутатахъ, но что признаковъ раздраженiя не было замѣтно никакихъ.

Если такъ горячо стоятъ за свободу совѣсти протестанты, то нельзя сказать того-же о католикахъ, которые, послѣ извѣстнаго заявленiя знаменитаго Деллингера, воздвигли цѣлый рядъ гоненiй противъ священниковъ, не признающихъ папской непогрѣшимости. То и дѣло приходится читать или объ отлученiи отъ церкви, провозглашаемомъ во всѣхъ церквахъ какой нибудь католической епархiи или о другихъ проискахъ клерикаловъ. Въ недавнее время этой участи подвергся священникъ Волльманнъ въ Браунсбергѣ, въ сѣверной Германiи, котораго отлучили отъ церкви за непризнанiе послѣдняго догмата папства. Происки клерикаловъ встрѣчаютъ противодѣйствiе даже въ такихъ католическихъ державахъ, каковы: Австрiя, Саксонiя и Испанiя. Въ первыхъ двухъ странахъ петицiи, поданныя правительству многими членами католической церкви, оставлены безъ послѣдствiй; правительство же послѣдней получило просьбу, подписанную множествомъ католиковъ, о томъ, чтобы пригласить папу переселиться въ Испанiю, гдѣ, по всей вѣроятности, ему будетъ покойнѣе нежели въ Римѣ и гдѣ онъ найдетъ изрядное количество сердецъ, которыхъ еще не коснулось разъѣдающее влiянiе современнаго рацiонализма. Надо полагать, что взглядъ правительства короля Амедея на этотъ предметъ не будетъ слишкомъ рѣзко отличаться отъ извѣстныхъ убѣжденiй короля Италiи.

Въ Австрiи все еще продолжаются натянутыя отношенiя между правительствомъ и входящими въ составъ ея провинцiями: Богемiей и Галицiей. Ожидаемаго соглашенiя между австро-венгерскою партiею и чехами, не смотря на неоднократныя попытки съ той и другой стороны, до сихъ-поръ еще не послѣдовало. Галицiйскiе же поляки, напротивъ того, съ каждымъ годомъ дѣлаются все смѣлѣе и смѣлѣе въ своихъ требованiяхъ. Въ недавнее время они требовали отъ правительства слѣдующихъ административныхъ уступокъ: 1) чтобы польскiй языкъ введенъ былъ въ преподаванiе въ Львовскомъ высшемъ училищѣ и въ университетѣ; 2) чтобы право назначенiя высшихъ чиновниковъ въ Галицiи, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, принадлежало только министру, назначенному спецiально для Галицiи; 3) Галицiя должна имѣть своего намѣстника (назначенiе на этотъ постъ Голуховскаго пришлось полякамъ по-нутру); 4) чтобы высшiе посты во всѣхъ министерствахъ замѣщались поляками; 5) установленiе епископства въ Краковѣ; 6) права дарованiя концессiй на желѣзныя дороги въ Галицiи и проч. Говорятъ, что требованiя эти не совсѣмъ совпадаютъ съ намѣренiями правительства относительно Галицiи. Тѣмъ не менѣе, совѣщанiя графа Гогенварта (представителя правительства) съ галицiйскими депутатами идутъ своимъ порядкомъ и—можетъ статься—приведутъ къ какому-нибудь соглашенiю. Вообще, австрiйскiе поляки не скрываютъ своихъ плановъ на будущее; это видно не столько изъ пунктовъ, предъявленныхъ галицiйскими депутатами графу Гогенварту, сколько изъ недавно появившагося заявленiя князя Георгiя Чарторыйскаго, которое онъ выдаетъ за общiй голосъ своихъ соотечественниковъ. Въ этомъ заявленiи говорится, что главная цѣль политики австрiйскихъ поляковъ—возстановленiе независимой Польши; временная же цѣль ея—Австрiя; что могущество этой державы выгодно для поляковъ, хотя она и требуетъ кореннаго переустройства, въ смыслѣ федеральнаго государства; что, наконецъ, только при этомъ послѣднемъ условiи и возможно соглашенiе между галицкими поляками и австровенгерскимъ правительствомъ. Но если такъ притязательны австрiйскiе поляки, то далеко нельзя сказать того-же о полякахъ, проживающихъ во Францiи. Вожди консервативной польской партiи, въ томъ числѣ ученые, Островскiй, Янушкевичъ и другiе, подали Нацiональному Собранiю докладную записку, въ которой они стараются доказать, что хотя нѣкоторые изъ по-

ляковъ и служили Коммунѣ, но что это были не болѣе какъ исключенія, съ которыми огромное большинство проживающихъ во Франціи поляковъ не имѣетъ ничего общаго. Такихъ сторонниковъ Коммуны между поляками насчитывается не болѣе сотни, да и между этими иные остались въ войскахъ Коммуны лишь вслѣдствіе нищеты. Затѣмъ выставляются заслуги польской націи въ послѣднюю войну: упоминается о сочувствіи, какое французскіе плѣнные находили къ себѣ въ познанскихъ и силезскихъ полякахъ; о сборахъ денегъ по подпискѣ въ пользу французскихъ раненыхъ; о пожертвованіи, въ началѣ войны, однимъ изъ главнѣйшихъ эмигрантовъ полумилліона на военные расходы Франціи и т. д. Поэтому, и въ виду понесенныхъ самими поляками потерь за послѣднюю войну, они надѣются, что имъ будетъ возвращено прежнее расположеніе Франціи, которая съ давнихъ временъ оказываетъ имъ свое гостепріимство.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою 6 Августа 1871 г. Издан. А. Ф. Марксъ въ С.-П.-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. [illegible] д. № 45—1.

№ 33. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 16 августа 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ**: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13.

Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Борьба съ небомъ.

(Окончаніе).

Равнина между Дунаемъ и Тейсомъ представляетъ теперь уже другую картину. Тутъ уже не пасутся по необъятному пространству стада овецъ и лошадей; все застроено, обработано. Вы видите чудную мозаику словно изъ свѣтло-и-темнозеленыхъ шахматныхъ досокъ, между которыми бросаются въ глаза розовыя игральныя кости и желтые четвероугольники. Тамъ и сямъ пестрѣютъ ярко-красныя полосы, сине-лиловые окраины, цвѣты табаку, свекловица или посѣвы масляничныхъ растеній. Между ними перекрещиваются желѣзнодорожные поѣзды, показываются одинокія хозяйственныя фермы, обрамленныя зеленѣющими садами. Торговые пути соединяютъ деревни, города, шоссейные тракты и строенія, а между роскошными посѣвами мелькаютъ тамъ и сямъ дымящіяся трубы громадныхъ фабрикъ, этихъ великановъ современной миѳологіи, гдѣ гнѣздится душа новаго творчества.

Теперь между Германіей и Венгріей идетъ другая, нескончаемая борьба: борьба промышленности. Это такая война, гдѣ побѣда обѣихъ сторонъ ведетъ къ общему благу.

Это конецъ многихъ иллюзій стараго времени. Рыцарскіе замки стали достопочтенными развалинами; дворянскими гербами никто уже не хвалится; подданные свободны, привилегіи прекратились; монастыри опустѣли; зато тутъ стоятъ школы, а рѣку бороздятъ пароходы. И стараго способа вести хозяйство нѣтъ: кругомъ сѣютъ, жнутъ и молотятъ машины. Дикіе табуны и дикія стада овецъ размѣщаются въ стойлахъ; мѣсто разбойничьихъ ордъ заняли счетчики да компаніоны.

И чатардскій замокъ пошелъ съ молотка. Послѣдніе два родственника, стараясь отнять его другъ у друга, оба потеряли его еще въ началѣ столѣтія. Нынѣ и замокъ также обращенъ въ фабрику. Силезскій богатый промышленникъ, нѣкто Зибельманъ, купилъ его. Теперь тамъ поселился его сынъ. Башня замка, не служившая уже ни къ чему съ тѣхъ поръ какъ надъ ней перестало развѣваться знамя съ фамильнымъ гербомъ, давно уже была снесена—и изъ ея кирпичей выстроили высокую дымовую трубу.

Дымовая труба на мѣстѣ башни! А на мѣстѣ замка сахароварня! Вмѣсто знамени вывѣска, а передъ барскимъ паркомъ желѣзная дорога, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была когда-то ограда. Да самаго-то парка уже и не было, иначе было бы лучше. Чатардскій владѣлецъ могъ бы отправляться въ такомъ случаѣ прямо на станцію желѣзной дороги, тогда какъ теперь — по причинѣ лежащаго между его домомъ и станціею лѣса— ему приходилось дѣлать шестичасовой объѣздъ, для того чтобъ доставить на станцію свой товаръ.

Этотъ фабрикантъ, скупившій уже всѣ сосѣднія владѣнія, далъ бы за этотъ лѣсъ какую угодно цѣну. Но владѣлецъ его отвѣчалъ ему, что лѣсъ—фидеикоммисное имѣніе и потому не можетъ быть проданъ. По-

слѣ этого хозяинъ фабрики хотѣлъ по крайней мѣрѣ получить позволеніе сдѣлать тутъ просѣку къ желѣзной дорогѣ. Но владѣлецъ лѣса отказалъ и въ этомъ. Въ фидеикоммиссныхъ имѣніяхъ нельзя срубить ни одного дерева.

А этимъ владѣльцемъ былъ Тиберій фонъ Кондай, послѣдній мужской потомокъ когда-то могущественной фамиліи. Этотъ лѣсъ его предковъ былъ теперь его единственною собственностью. Графъ не даетъ оттуда ни одного прутика, а его жилище—тотъ бѣленькій домикъ, гдѣ, около столѣтія тому назадъ, его прадѣдъ Габріель Кондай угощалъ «Лабанцевъ» чорнымъ хлѣбомъ. Правнукъ никогда еще не видалъ у себя столько гостей. У него никто не бываетъ. У несчастія нѣтъ друзей. Что онъ дѣлаетъ? какъ онъ живетъ тамъ среди лѣса? Этого не зналъ никто. Весь лѣсной участокъ былъ огороженъ деревянными кольями, а передъ каждымъ входомъ висѣла деревянная доска съ надписью: «Тутъ запрещено охотиться».

А охотиться чрезвычайно пріятно.

Страстные любители охоты идутъ часто въ самыя отдаленныя мѣстности, если узнаютъ, что тамъ водится дичь особеннаго рода. Ненастная погода въ пустыняхъ рѣки Дравы, точно такъ же какъ мятели въ лѣсахъ Мармароша, сводятъ нерѣдко, въ какой-нибудь рыбачьей хижинѣ или въ пещерѣ козьяго пастуха, людей которые собрались сюда со всѣхъ четырехъ концовъ имперіи и до сихъ поръ никогда не видали другъ друга.

Такимъ образомъ въ одной изъ необитаемыхъ хижинъ Мармароша собралось однажды въ концѣ октября четверо охотниковъ изъ дворянскаго сословія, которыхъ загнала сюда по одиночкѣ внезапно-поднявшаяся метель и которые всѣ вмѣстѣ собирались охотиться за глухарями. Эта птица такъ уже рѣдка въ Венгріи, что охотники готовы сдѣлать изъ-за нея миль тридцать.

Господа развели огонь, достали изъ своихъ охотничьихъ сумокъ остатки провіанту, угощали другъ друга изъ большой пузатой фляги и превесело проводили время, тогда какъ на дворѣ бушевала буря. Одинъ изъ нихъ былъ пожилой человѣкъ съ сѣдыми волосами, другой атлетическаго сложенія, третій круглъ и толстъ, четвертый же, напротивъ того, стройный молодой человѣкъ съ пушистыми усами. Каждое лицо просилось въ картину.

Если бы нашъ венгерскій предокъ Альмошъ, который вотъ уже тысячу лѣтъ лежитъ въ землѣ именно между этими двумя холмами, проснулся и увидѣлъ бы этихъ четырехъ человѣкъ вмѣстѣ — онъ конечно бы обратился къ нимъ (согласно съ сагою о семи полководцахъ), какъ къ старому Кунду, къ сильному Губѣ, къ дородному Цуарду и къ ловкому Левентѣ.

Охотники уже разсказали на народномъ венгерскомъ языкѣ нѣсколько чрезвычайно забавныхъ исторій и развеселили другъ друга замысловатыми анекдотами, когда одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Сердце радуется, что въ этой жалкой руснакской пустоши сошлось случайно четверо *истыхъ*, *урожденныхъ венгерцевъ*, которые такъ отлично владѣютъ роднымъ языкомъ... Желательно бы, чтобъ они объявили другъ другу и свои почтенныя фамиліи».

Пожилой человѣкъ сказалъ, нѣсколько колеблясь:

— Моя фамилія — Брауэнфельзъ.

Другой прибавилъ къ этому уже болѣе веселымъ тономъ:

— Моя — Каленберъ.

Спрашивавшій возразилъ съ улыбкою:

— Очень хорошо. Я — Траутенау.

Молодой человѣкъ едва уже удерживался отъ смѣху.

— А я — Отто Зибельманъ.

Тутъ всѣ засмѣялись.

Первые три фамиліи принадлежали къ числу такихъ именъ, которыя давно уже извѣстны въ Венгріи. Ихъ представители, уже цѣлое столѣтіе, были венгерскими землевладѣльцами, пользовавшимися всеобщимъ уваженіемъ, политическими и національными предводителями партій. Четвертый считался еще новымъ человѣкомъ. Но и онъ уже пустилъ корни.

Въ этой исторіи каждое слово исторически вѣрно, хотя она и разсказана безъ исторической сухости. Въ почвѣ Венгріи, гдѣ, какъ разсказываетъ сказка, ростутъ на пескѣ цвѣты, съ которыхъ, когда ихъ срѣжешь, каплетъ кровь,—въ рукопожатіи венгерскаго мужчины, въ сверкающемъ взорѣ венгерскихъ женщинъ,—въ вольномъ воздухѣ безграничныхъ степей, въ ея низменностяхъ,—во всеобщей скорби о прошедшемъ и въ мужественной надеждѣ на будущее, въ венгерской народной пѣсни и въ любви—есть какая-то особенная чарующая сила.

Когда четыре охотника вдоволь посмѣялись, они начали разсказывать другъ другу, какимъ образомъ они сюда попали. Землевладѣльцы ужо кончили молотьбу хлѣба. А сахароваръ не могъ еще начать работъ, такъ какъ свекловица еще въ землѣ. Когда же онъ начнетъ собирать ее, то ему не будетъ покоя ни днемъ ни ночью; но покуда онъ можетъ поохотиться за глухарями. И онъ прибавилъ къ этому:

— Конечно у меня дома, на равнинѣ, есть лѣсъ по близости, гдѣ водится множество глухарей...

— Глухарей? У тебя? спросилъ старикъ, качая головой. — Я не зналъ этого, какъ ни хорошо знаю я нашу обширную Венгрію отъ одного конца до другаго. Гдѣжь бы это было?

— Въ чатардскомъ лѣсу.

— А, это другое дѣло! вскричали разомъ всѣ трое. — Да, тамъ можетъ-быть еще водятся и зубры.

Тутъ они стали разсказывать другъ другу, что знали по наслышкѣ о владѣльцѣ чатардскаго лѣса. Съ нимъ не очень-то пріятно было бы встрѣтиться на разстояніи ружейнаго выстрѣла!

— Говорятъ, онъ пристрѣливаетъ всякаго, кто переступитъ за его порогъ. Онъ скорѣе согласится умереть съ голоду, чѣмъ продать хоть одну щепку изъ лѣсу. Онъ питается дичью; въ его домѣ нѣтъ никогда хлѣба. Вино, которое онъ получаетъ въ обмѣнъ за кожи дикихъ звѣрей, не производитъ на него никакого дѣйствія—и онъ настаиваетъ его на сѣменахъ бѣлены. Счастье еще что онъ бываетъ одинъ, когда пьетъ. Безумный человѣкъ!

Такъ говорили между собою охотники.

— Какъ бы то ни было, а я все-таки получу отъ него лѣсъ! вскричалъ Зибельманъ. — Если ничто не подѣйствуетъ, я женюсь на его дочери!

Всѣ засмѣялись.

— На вѣдьмѣ съ желѣзнымъ носомъ, о которой разсказывается въ венгерскихъ сказкахъ, на дѣвицѣ съ хоботомъ!

— Что мнѣ въ этомъ! Я все-таки женюсь на ней! Я подрядчикъ. Мнѣ нужно просѣка черезъ чатардскій лѣсъ.

Охотники отвѣчали на это, что онъ просто чортъ.

Потомъ они улеглись на своихъ крестьянскихъ полушубкахъ, и пожелавъ другъ другъ пріятныхъ сновидѣній, заснули.

Недѣлю спустя послѣ этой встрѣчи въ Мармарошѣ, Отто Зибельманъ подъѣзжалъ къ таинственному лѣсу. Достигнувъ перваго пограничнаго кола, онъ привязалъ къ нему лошадь, и приказавъ смотрѣть за нею одному изъ крестьянъ собиравшихъ свекловицу, вошелъ въ лѣсъ по проложенной тропинкѣ.

Когда онъ пробирался такимъ образомъ впередъ подъ развѣсистыми деревьями, промежутки между которыми были наполнены и замкнуты пасленомъ (solanum) и кустами ежевики, ему пришла на умъ народная сказка о «розочкѣ съ шипами». Козули и олени глядѣли на него изъ-за кустовъ съ любопытствомъ, но безъ страха; на вѣткѣ ворковала дикая горлица; тетеревъ токовалъ, распуская вѣеромъ хвостъ, а золотые фазаны тащили его за собой въ видѣ шлейфа. Изъ дупла какого-то дряхлаго дерева выглядывала, словно изъ окна, цѣлая семья ласокъ; а на круглой полянѣ сидѣлъ, навостривъ уши, заяцъ, прислушиваясь и какъ бы спрашивая: «кто бы это такой шелъ сюда?» Ни одинъ изъ звѣрей не боялся, повидимому, приближающагося.

У Зибельмана не было никакого другаго оружія, кромѣ особаго рода топорика, извѣстнаго въ Венгріи подъ именемъ фокоша,—да и тотъ онъ взялъ только для защиты себя, въ случаѣ если на него нападетъ чудакъ-хозяинъ или собаки.

Объ лѣсѣ въ самомъ дѣлѣ ходили дурные слухи. Даже работники, собиравшіе свекловицу, намекали Зибельману, чтобы онъ былъ осторожнѣе: графъ Тиберій Кондай застрѣливаетъ всякаго, кто только войдетъ въ его лѣсъ.

Гость конечно могъ бы идти прямо къ дому; но онъ не сдѣлалъ этого, потому-что люди, знавшіе графа Тиберія, заранѣе предупредили его, что графъ запираетъ ворота, какъ только завидитъ кого-нибудь. Поэтому-то Зибельманъ сдѣлалъ обходъ, чтобы подойти къ дому сзади и такъ-сказать вторгнуться въ него.

Тѣмъ временемъ какъ онъ, ища дороги, плуталъ по лѣсу, наступилъ вечеръ. Но мѣсяцъ ярко свѣтилъ черезъ зелень. Наконецъ Зибельманъ достигъ лѣсной поляны и увидѣлъ передъ собою домъ.

На сторонѣ, обращенной къ лѣсу, находилась длинная веранда, обвитая сверху до низу дикимъ виноградомъ. Стоявшая на дворѣ осень уже окрасила его листья въ красную и желтую краску.

Подъ этой верандой сидѣла женщина. Передъ нею стоялъ столикъ съ цитрой и — сколько можно было судить — нотной тетрадью. Мѣсяцъ обливалъ это существо серебрянымъ свѣтомъ.

Зибельману опять пришла на умъ сказка о «розочкѣ съ шипами». Лѣсная фея, въ бѣломъ какъ снѣгъ платьѣ съ разсыпавшимися по плечамъ, какъ растопленное золото, волосами! Ея очаровательно-блѣдное лицо было обращено къ мѣсяцу. Ея тонкіе, бѣлые пальцы извлекали изъ струнъ цитры мечтательные звуки; она вторила имъ или варьировала ихъ нѣжнымъ, симпатическимъ голосомъ... а потомъ проводила пальцами по нотному листу, какъ бы ощупывая его. Она какъ будто бы дѣлала на немъ какія-то отмѣтки, хотя и не смотрѣла туда. Полураскрывъ ротъ, она смотрѣла скорѣе на мѣсяцъ, въ то время какъ писала, какъ будто бы желая перенести на бумагу тихій трепетъ его лучей.

Но что было всего пріятнѣе для Отто, это то, что дѣвушка не замѣчала повидимому его приближенія. Хотя высокая трава и заглушала шумъ его шаговъ, но мѣсяцъ такъ ярко свѣтилъ, что она могла не видать его.

— Добраго вечера! сказалъ онъ громко, спѣша обратить на себя ея вниманіе.

При этихъ звукахъ дѣвушка вскочила въ испугѣ, и обратившись къ приближающемуся, привѣтливо поклонилась ему.

Отто совершенно иначе представлялъ себѣ «вѣдьму съ желѣзнымъ носомъ»; но можетъ-быть это была не настоящая.

— Я Отто Зибельманъ, сосѣдъ, и пришолъ къ господину графу, сказалъ онъ.

— Моего отца нѣтъ дома, возразила молодая дѣвушка кроткимъ тономъ.

Зибельману показалось, будто бы милое существо смотрѣло на него съ улыбкою, какъ обыкновенно встрѣчаютъ только знакомыхъ. Поэтому-то онъ и долженъ былъ завесть какой-нибудь разговоръ.

— Графиня любуется прекраснымъ луннымъ сіяніемъ?

— Луннымъ сіяніемъ? возразила она съ удивленіемъ, — гдѣ оно?

— Ахъ! воскликнулъ невольно удивленный молодой человѣкъ.

— Я ничего этого не вижу, продолжала молодая дѣвушка и при этомъ опять улыбнулась.

Отто въ испугѣ отступилъ назадъ. Эти глаза, полные такого чуднаго выраженія, не видѣли! эта дѣвушка была слѣпа. И это даже не огорчаетъ ее! она улыбается, сознаваясь въ этомъ.

— Я не вижу только внѣшняго міра, сказала дѣвушка въ видѣ утѣшенія, какъ будто бы желая развеселить незнакомца, котораго она огорчила своими словами. — Но тѣмъ яснѣе вижу я за предѣлами внѣшняго міра весь внутренній міръ.

— И онъ, конечно, прекрасенъ?

— Видите ли и вы тотъ міръ, который и безъ солнца и мѣсяца полонъ свѣта, и гдѣ живутъ, не показываясь другъ другу въ видѣ того или другаго образа? Я воображаю себѣ, что, закрывши глаза и оставшись наединѣ съ самимъ собою, всякій можетъ его видѣть.

— Графиня тутъ дѣйствительно совершенно одинока.

— Когда моего отца нѣтъ дома, тогда я, конечно, остаюсь совершенно одна.

— И вы не боитесь?

— Почему? Вѣдь я никому ничего не дѣлаю.

— Но развѣ вамъ не страшны злые люди?

— Такъ стало быть на свѣтѣ есть злые люди?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ съ такимъ невиннымъ, чистосердечнымъ взглядомъ, что Отто началъ завидовать дѣвушкѣ, которая очевидно была слѣпа до такой степени.

— И вы не скучаете, графиня, когда остаетесь такимъ образомъ совершенно одна?

— Нѣтъ. У меня есть домашнія дѣла, которыми я занимаюсь цѣлый день, а когда кругомъ станетъ тихо, тогда я знаю, что это вечеръ, беру свой инструментъ —и такимъ образомъ мы бываемъ вдвоемъ. Онъ говоритъ со мною, а я съ нимъ. Я говорю ему слова, онъ даетъ мнѣ для нихъ мелодію; изъ этого составляется одно цѣлое. Это доставляетъ мнѣ большую отраду.

Тутъ, чтобъ не лишить себя удовольствія или чтобъ подѣлиться имъ съ чужимъ человѣкомъ, она заиграла

на цитрѣ пѣсню, которую она сама сочинила, и пропѣла въ нѣжномъ минорномъ тонѣ стихотвореніе, полное глубокаго смысла.

Отто съ удивленіемъ смотрѣлъ на это юное созданіе, почти ребенка, которое охраняли здѣсь одни только звѣзды. Онъ готовъ былъ слушать ее до самаго утра.

Приближающіеся шаги прервали это удовольствіе. Дѣвушка хорошо знала эти шаги, тотчасъ же радостно вскочила, словно она могла видѣть, словно она была не слѣпая, побѣжала твердымъ шагомъ на встрѣчу идущему, и обвивъ его шею своими руками, пролепетала: «отецъ!»

Новоприбывшій былъ еще молодой человѣкъ, тоже съ бѣлокурыми волосами, котораго можно было принять скорѣе за брата, чѣмъ за отца дѣвушки. У него были прекрасныя, правильныя черты лица; только онъ слегка косилъ глазами, какъ всѣ вообще мужскіе потомки фамиліи Кондай.

У него былъ въ рукахъ длинный кожаный футляръ. Навѣрное, пистолетный ящикъ!

— Пришолъ мой конецъ, подумалъ Отто. Онъ ждалъ на верандѣ приближающагося и за тѣмъ выступилъ впередъ.

— Графъ, я вашъ сосѣдъ, Отто Зибельманъ. Я хотѣлъ видѣть васъ и ворвался въ вашъ паркъ, подъ опасеніемъ, что вы застрѣлите меня, принявъ меня за охотника.

— Я? застрѣлю? спросилъ съ удивленіемъ графъ Тиберій. — Милостивый государь, въ этомъ домѣ нѣтъ огнестрѣльнаго оружія.

Это было сказано съ открытымъ, чистосердечнымъ видомъ. Графъ подалъ руку своему гостю.

— Для защиты отъ разбойниковъ ружье въ такомъ уединенномъ жилищѣ было бы не лишнее!

Графъ Тиберій пожалъ плечами.

— Въ моемъ домѣ нѣтъ денегъ. Я говорю это безъ всякой горечи.

Это признаніе дало Зибельману возможность свести разговоръ на цѣль своего посѣщенія.

— А я какъ нарочно пришолъ къ вамъ по денежному дѣлу, сказалъ онъ.

— Я предчувствую это! Но мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Прежде поужинайте съ нами.

Графъ шепнулъ дочери нѣсколько словъ, послѣ чего она удалилась.

— Ну, теперь мнѣ придется выпить вина, настоеннаго на бѣленѣ! подумалъ опять Отто, и его подрало морозомъ по кожѣ.

Графъ повелъ своего гостя въ комнату и просилъ его садиться.

Это была очень просто меблированная комната. Графъ отворилъ старинный шкафъ и вынулъ изъ принесеннаго имъ футляра множество маленькихъ сткляночекъ, которыя онъ разставилъ въ шкапу, послѣ чего опять затворилъ его.

Отто навострилъ уши. «Яды различныхъ родовъ!» подумалъ онъ.

Но на этотъ разъ Зибельману не долго пришлось томиться въ ожиданіи, не подадутъ ли ему для питья яду.

— Я гомеопатъ, сказалъ обращаясь къ нему графъ. — Только пожалуйста никому не говорите этого, потому что если начальство узнаетъ объ этомъ, то запретитъ мнѣ лѣчить. У меня вѣдь нѣтъ диплома.

— А развѣ ваши больные не измѣняютъ вамъ?

— Это крестьяне и потому умѣютъ хранить тайну. Къ тому же, я лечу больше дѣтскія болѣзни и повальныя болѣзни скота. Это самые тяжелые бичи нашей страны. Въ прошломъ году я спасалъ въ трехъ деревняхъ дѣтей отъ скарлатины. Три года тому назадъ я отклонилъ отъ нашихъ мѣстъ чуму рогатаго скота. Но... вы не за тѣмъ пришли ко мнѣ. Васъ привело ко мнѣ какое нибудь другое дѣло. Это большая рѣдкость, если сюда придетъ человѣкъ въ порядочномъ сюртукѣ. Вамъ было страшно идти сюда, не правда ли?

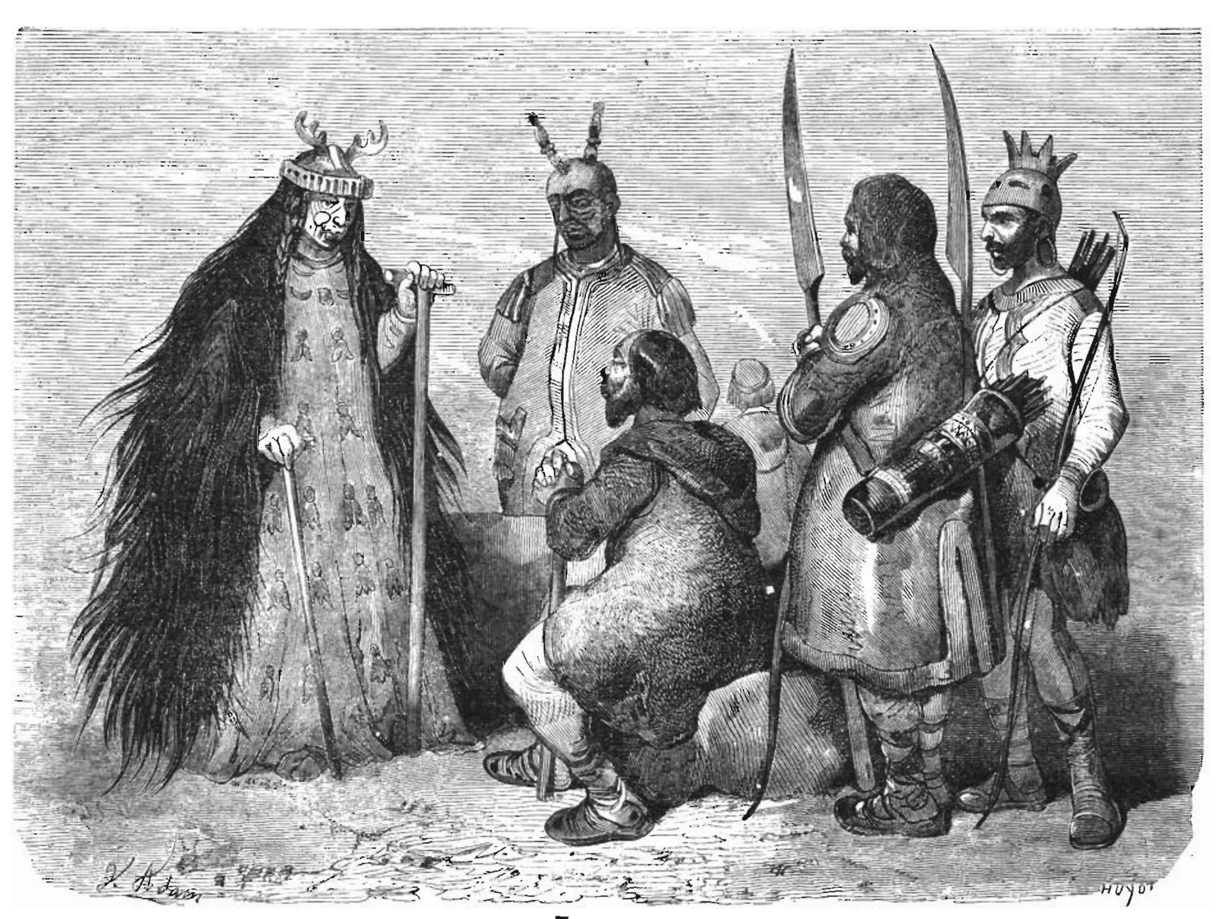
— Я не отвергаю этого. Ваша замкнутость даетъ поводъ различнымъ слухамъ. Я пришолъ къ вамъ, графъ, по тому же самому дѣлу, касательно котораго мой отецъ велъ съ вами переписку—однако безуспѣшно. Я сказалъ себѣ: «ну, что же! Я самъ пойду къ нему; мы переговоримъ объ этомъ». Я люблю быть глазъ-на-глазъ со всякимъ, съ кѣмъ только я веду дѣло. Поэтому я повторяю мое предложеніе. Если бы графъ уступилъ мнѣ весь лѣсъ, я далъ бы за него 120,000 гульденовъ. Но если вы не хотите продавать его, то я прошу васъ позволить мнѣ сдѣлать просѣку въ лѣсу, шириною въ 6 сажень, до желѣзной дороги. За эту уступку графъ можетъ назначить какую ему угодно цѣну. Никакая цѣна не покажется мнѣ слишкомъ высокой, потому-что я нуждаюсь въ этой дорогѣ для моихъ дѣлъ.

— Мой молодой сосѣдъ! возразилъ графъ Тиберій, приглашая своего гостя сѣсть возлѣ себя.—Вы были откровенны со мной. Я буду еще откровеннѣе съ вами. Тѣ, которые совѣтовали вамъ не ходить ко мнѣ, потому-что во мнѣ гнѣздится духъ бѣшенства, сказали вамъ правду. Онъ дѣйствительно живетъ во мнѣ. Это я самъ. Но я сдерживаю его желѣзными руками. Я никогда не выпускаю его головы изъ-подъ своей пяты. Временами онъ покушается сбросить меня, но я не допускаю этого, я топчу его. Меня мучитъ жажда вина, а между тѣмъ на моемъ столѣ не бываетъ никакого другаго напитка кромѣ воды. Я—натура повелѣвающая, а между тѣмъ не позволяю себѣ держать прислуги, я и моя дочь дѣлаемъ все сами. Я страстный охотникъ, въ моемъ лѣсу и паркѣ бездна чудеснѣйшей дичи, а у меня въ домѣ нѣтъ никакого оружія и я не ѣмъ ничего такого, на чемъ была кровь. Я вижу всякій день роковыя владѣнія — нѣкогда достояніе моихъ предковъ, розданныя крестьянамъ, захваченныя переселенцами,—и изо дня въ день посѣщаю хижины деревенскихъ жителей и поселенцовъ для того, чтобъ лѣчить ихъ больныхъ дѣтей. Я владѣю еще этимъ первобытнымъ лѣсомъ, продажа котораго доставила бы мнѣ большія деньги, при помощи которыхъ я могъ бы опять сдѣлаться важнымъ человѣкомъ,—и я не терплю у себя въ домѣ ни одного гроша, не беру тѣхъ денегъ, которыя мнѣ навязываютъ, и живу довольно бѣдно, лишаю себя многаго.

Въ отвѣтъ на все это Отто Зибельманъ только пожалъ плечами, удивляясь тому, чтó конечно казалось ему оставшимися еще симптомами безумія.

— Скажу вамъ еще болѣе. Вы узнаете все и тогда сами скажете: эта собственность дѣйствительно не продажная. Я послѣдній потомокъ преданной проклятію фамиліи. Это извѣстно всѣмъ. Фактъ, что мой предокъ *вызывалъ* когда-то *на борьбу небо*, давно уже сдѣлался собственностью народной саги. Онъ вызвалъ его изъ-за своего умирающаго сына. Ужасная мысль, но въ основѣ ея лежитъ отцовское сердце! Онъ дорого

поплатился за это. Когда этотъ сынъ выросъ, онъ, чтобъ защитить своихъ собственныхъ дѣтей отъ жестокосердія ихъ дѣда, застрѣлилъ своего отца. Еще болѣе ужасная мысль; но и въ основѣ этой мысли тоже лежитъ отцовское сердце. Отцеубійцѣ отрубили голову, а потомъ похоронили его здѣсь въ лѣсу. Его похоронили тайно, безъ всякой примѣты; только въ кору одного стараго дерева была вложена серебряная дощечка съ его именемъ. Кора давно уже срослась надъ этой дощечкой. Никто не знаетъ, гдѣ лежитъ мой несчастный прадѣдъ." И такимъ образомъ можетъ случиться, что вмѣстѣ съ корнями перваго же дерева, которое вы срубите здѣсь въ лѣсу, вы вытащите чело-

Тунгузы.
рисовалъ В. Адамъ, гравир. Гюо.

вѣческій черепъ, который будетъ взывать ко мнѣ: «Я убилъ, я умеръ, я подвергся проклятію изъ-за тебя, а ты даже не даешь мнѣ покою въ землѣ!» Не смѣйтесь надо мною! Я не боюсь никакихъ привидѣній, но я боюсь самого себя! Эта борьба, которую мой предокъ началъ съ небомъ... его потомки еще продолжаютъ ее! Удары такъ и сыпались на нихъ. Богъ разилъ ихъ ихъ-же собственными руками. Едва они успѣвали родиться, какъ ихъ ожидалъ уже «вызовъ», которому они должны были повиноваться. До сихъ поръ еще не родилось въ нашей фамиліи дѣвочки; тамъ всегда бывали одни только мужчины. Я послѣдній въ моемъ родѣ; но борьба все еще продолжается,—теперь, впрочемъ, только съ одной стороны, потому-что я не обороняюсь, не отражаю ударовъ. Я выношу съ терпѣніемъ мою судьбу, у меня устали руки, я не отклоняю головы отъ удара. «Оно» все еще бьетъ. Можетъ-быть это скоро кончится. Мое дитя—дѣвушка. Небо не станетъ вести борьбы съ дѣвушкой. И къ тому же еще съ слѣпой дѣвушкой!

Зибельманъ отвернулся.

— Теперь вы знаете, почему я не продаю лѣса. Попадись мнѣ деньги въ руки, я былъ бы такимъ же расточителемъ, также возмущался бы противъ судьбы и людей, какъ и мои предшественники; я растратилъ бы послѣднія тысячи, какъ они растратили милліоны, и моя дочь сдѣлалась бы нищей—слѣпой нищей! Теперь вы знаете, милостивый государь, что у меня нельзя купить изъ этого лѣса ни одного кустарника, ни одного птичьяго гнѣзда, тѣмъ болѣе клочка земли, хотя бы только въ кулакъ величиною!

Зибельманъ былъ побѣжденъ.

— Въ такомъ случаѣ графъ позволитъ, по крайней мѣрѣ лично мнѣ—протоптать тропинку къ этому дому!

Графъ подалъ ему руку.

— Мы будемъ всегда сердечно рады вамъ.

Въ эту минуту послышался нѣжный голосъ молодой графини, которая звала ихъ къ себѣ.

— Моя дочь, Цецилія, сказалъ отецъ съ улыбкою и съ сіяющими счастьемъ глазами.

Графиня Цецилія звала ихъ къ ужину. Онъ былъ накрытъ въ верандѣ. Тѣ же самыя блюда, какія готовились у Овидія въ ожиданіи странствовавшихъ по землѣ боговъ:

Медъ, хлѣбъ, густое молоко.

Всякое кушанье, на которомъ была когда нибудь кровь, всякій напитокъ, въ которомъ таился огонь, были изгнаны съ этого стола.

Отецъ и дочь сидѣли другъ подлѣ друга на узень-

кой скамейкѣ съ спинкой. Отто видѣлъ, какъ сильно они любили другъ друга, какъ счастливы они были другъ въ другѣ. Онъ завидовалъ имъ.

Цецилія, дѣтски ласкаясь къ отцу, провела своими нѣжными пальцами по его лицу.

— Я вижу здѣсь внутри себя. Я вижу тебя такъ хорошо, что могла бы слѣпить твой бюстъ, еслибъ у меня былъ воскъ.

— Если позволите, графиня, я принесу вамъ такого воску, какой обыкновенно употребляютъ для лѣпки, сказалъ Отто.

— Покорнѣйше благодарю.

Ужинъ кончился, уже было поздно. Гость простился и собирался уйти. Когда графъ узналъ, что Зибельманъ оставилъ свою лошадь на самомъ дальнемъ концѣ лѣса, онъ предложилъ проводить его. Ночью легко можно было сбиться съ дороги.

Но не успѣли они выдти изъ парка, какъ увидали маленькую крестьянскую дѣвочку, которая отчаянно гналась за ними—и растерявшись, просила графа дать какое нибудь лекарство ея маленькому брату, не то онъ задохнется.

Отто предложилъ графу возвратиться назадъ, увѣряя, что онъ легко найдетъ опять ту дорогу, по которой пришелъ сюда. Онъ помнитъ, что тамъ есть ручеекъ, а потомъ мостъ, а ужь оттуда нельзя сбиться съ пути.

Затѣмъ они пожелали другъ другу спокойной ночи; графъ возвратился домой, а Отто вошелъ въ лѣсъ.

Но тутъ, между деревьями, ему пришлось убѣдиться, что въ полночь человѣку гораздо труднѣй найтись чѣмъ днемъ. Онъ замѣтилъ, что онъ до такой степени заблудился въ лабиринтѣ лѣса, что потерялъ всякое понятіе о томъ, въ какую сторону ему нужно идти. Наконецъ онъ дошелъ до ручья. Теперь нужно было только найти мостъ. Но, мостъ не показывался. Ручей все еще тянулся — и Отто подумалъ, что ему лучше всего слѣдовать его теченію. Но не смотря на это, мостъ все-таки не являлся, а ручей не прекращался. Вдругъ деревья стали рѣдѣть. Отто подошелъ къ просѣкѣ—и тутъ только замѣтилъ, что пришолъ опять къ тому же дому, изъ котораго онъ недавно вышелъ.

Положеніе его было смѣшно. Войти, признаться, что онъ послѣ получасовой ходьбы опять вернулся туда, откуда вышелъ!.. Да и кромѣ того въ домѣ можетъ-быть уже легли спать. Не смотря на это, онъ подошелъ ближе. Ему не изъ чего было выбирать.

Прислонившись къ одной изъ колоннъ веранды, ярко освѣщенная луннымъ сіяніемъ, стояла, прелестная какъ фея, хозяйка дома. Неподвижно, съ опущенными глазами. Она смотрѣла въ свой собственный міръ. Какая жалость вызывать ее изъ этого міра!

— Прошу извиненія, графиня!

— А, это опять вы! Она уже знала звукъ его голоса.

— Къ стыду моему, я долженъ признаться, что не могу никакъ выбраться изъ лѣса. Я противъ воли возвратился назадъ и теперь принужденъ прибѣгнуть къ снисходительности графа и просить его, чтобъ онъ проводилъ меня по крайней мѣрѣ до ручья.

— Моего отца нѣтъ дома, отвѣчала дѣвушка,—онъ пошелъ на деревню къ больному ребенку, а деревня далеко отсюда. Но я провожу васъ до перекрестка.

— Вы, графиня? спросилъ изумленный юноша.

— Разумѣется, я знаю каждую тропинку, каждую дорожку въ нашемъ лѣсу, я знаю каждое дерево.

— Но такъ поздно ночью!

— Не все-ли равно для меня, что день, что ночь. Идите за мною. Я укажу вамъ дорогу.

При этомъ она завернулась въ бѣлый вязаный шарфъ, поспѣшно сошла съ веранды и пошла по дорогѣ къ лѣсу. Отто слѣдовалъ за нею.

Дѣвушка шла передъ нимъ съ такою увѣренностью, такими легкими, эластичными шагами, какъ будто бы она видѣла въ темнотѣ; она заранѣе называла всѣ мѣста, мимо которыхъ имъ приходилось проходить.

— Вотъ жасминный кустарникъ, который этотъ годъ цвѣтетъ уже второй разъ; вотъ дерево съ дупломъ, гдѣ живетъ цѣлая семья ласочекъ; онѣ сейчасъ же замѣчаютъ меня, когда я прохожу по этой дорогѣ; слышите, какъ онѣ свистятъ? Здѣсь большая липа пустила свои корни поперегъ дороги; смотрите, не споткнитесь!

— И вы не боитесь?

— Чего?

Отто удивлялся этому прелестному существу, которое не понимало, какъ можно бояться ночью, въ пустынномъ лѣсу, наединѣ съ мужчиной.

— А вотъ и мостикъ. Богъ съ вами! отсюда вы уже сами найдете дорогу до ограды изъ кольевъ.

— Но какъ же вы пойдете назадъ одна черезъ темный лѣсъ?

— Для меня лѣсъ одинаково свѣтелъ—и я всегда бываю тамъ одна.

— Но я боюсь за васъ, не случилось бы съ вами чего нибудь на дорогѣ.

— Если такъ, то я стану пѣть какую нибудь пѣсню до тѣхъ поръ, пока не дойду до дому, а вы оставайтесь здѣсь на мосту до тѣхъ поръ, пока будете ее слышать. Хотите?

Отто былъ совершенно очарованъ этимъ предложеніемъ. Такимъ образомъ, дѣвушка возвратилась въ лѣсъ, распѣвая пѣсню, полную чувства. Отто, прислонившись къ периламъ моста, прислушивался и смотрѣлъ ей вслѣдъ въ ту сторону, гдѣ во мракѣ лѣса скрылся прелестный образъ. Пѣсня слышалась еще долго и кончилась веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ. Этотъ смѣхъ былъ знакомъ, что пѣвица дошла до дому.

Отто, углубившись въ думу, дошелъ до своей лошади. Подлѣ нея спалъ работникъ, собиравшій свекловицу; онъ, по всему вѣроятію, давно уже спалъ тамъ. На другой день Зибельманъ опять пошелъ въ домъ, что стоялъ въ лѣсу, а потомъ и на слѣдующій день, и такъ изо дня въ день. Онъ находилъ всегда какой нибудь предлогъ для этого.

Цецилія принялась за лѣпку изъ воску—это любимое занятіе слѣпыхъ. Она вылѣпила бюстъ своего отца. Могущество фантазіи, помогавшее ея пальцамъ воспроизводить такія черты, которыхъ она никогда не видала, было удивительно. У слѣпыхъ кончики пальцевъ видятъ.

Отто ходилъ туда каждый день, а Цецилія все еще ничего не боялась, да и графъ тоже не боялся никого кромѣ самого себя.

Однажды послѣ обѣда Отто опять что-то замѣшкался въ верандѣ. Пусть тамъ у него варятъ сахаръ какъ знаютъ. Сладость одного голоса онъ не промѣнялъ бы теперь на цѣлый океанъ сиропа!

Цецилія кончала бюстъ.

— Посмотрите-ка! сказала она поднося къ нему восковую модель. — Хорошо ли такъ? Нравится ли вамъ?

— Превосходно! возразилъ Отто, и словно какъ будто бы назначеніе его глазъ состояло въ томъ чтобы говорить, а губъ — смотрѣть, онъ напечатлѣлъ жаркій поцѣлуй на довѣрчиво-протянутой ему рукѣ.

Тутъ дѣвушка слегка вскрикнула и такъ испугалась, что восковой бюстикъ выскользнулъ у ней изъ рукъ.

Въ тотъ же самый вечеръ, когда графъ Тиберій, обойдя своихъ больныхъ, возвратился домой, Цецилія сказала ему:

— Отецъ, мнѣ страшно быть дома одной!

Она уже научилась бояться.

На другой день Отто опять пришолъ туда, раннимъ утромъ. Но едва увидѣлъ онъ Цецилію, какъ совершенно растерялся. На графинѣ въ этотъ день была только одна серьга. Зибельманъ заговорилъ съ ней голосомъ, трепетъ котораго показывалъ сильное внутреннее волненіе.

— Графиня потеряла другую серьгу?

Въ ухѣ Цециліи блестѣлъ извѣстный талисманъ съ черной жемчужиной, осыпанной брильянтами.

— Нѣтъ, эта серьга—фамильная святыня, она переходитъ къ намъ по наслѣдству; женщины нашей фамиліи обязаны надѣвать ее разъ въ годъ въ извѣстный день для памяти; этотъ день — сегодня. Когда-то эту серьгу носила моя мать!

Отто сейчасъ же, какъ только было можно, ушолъ.

Но не далѣе какъ послѣ полудня онъ опять уже возвратился къ нимъ. Графъ Тиберій былъ вмѣстѣ съ своей дочерью.

— Милостивый государь, вы были до сихъ поръ такъ добры ко мнѣ, что довѣряли всѣ тайны. Я не открылъ вамъ своихъ. Теперь я прошу у васъ одного: скажите мнѣ, какое обстоятельство связано съ этой серьгой, въ которую вдѣлана черная жемчужина?

Лицо графа Тиберія омрачилось. Нѣсколько секундъ онъ, какъ казалось боролся съ собой, а потомъ сказалъ:

— Хорошо, милостивый государь! Узнайте же и это. Мой предокъ былъ во время семилѣтней войны предводителемъ одного отряда волонтеровъ. Эти ожесточившіеся отъ войны люди взяли приступомъ Шенгаузенъ, подъ Берлиномъ, въ Пруссіи. Тутъ скрывали королевскія сокровища. Комендантъ замка не хотѣлъ открыть того мѣста, гдѣ они находились: тогда мой прадѣдъ вырвалъ у его дочери изъ уха эту серьгу, чтобы выпудить у ней признаніе. Это ее такъ испугало и привело въ такое отчаяніе, что она бросилась въ прудъ. Съ тѣхъ поръ каждая женщина носящая имя Кондай, которая только была старшею въ родѣ, носила эту разрозненную серьгу во время ежегоднаго возвращенія этого дня,—сперва въ знакъ сопротивленія судьбѣ, а теперь въ знакъ раскаянія. Вотъ исторія серьги съ чорной жемчужиной.

— Благодарю васъ! сказалъ Зибельманъ. — Я дополню эту исторію. Пара къ этой серьгѣ у меня. Эта молодая женщина, дочь стараго Бранта, которая погибла въ шенгаузенскомъ прудѣ, была моя прабабка. Вотъ остальная половина вашей фамильной святыни.

При этомъ онъ вынулъ изъ боковаго кармана сафьянную коробочку, въ которой лежала вторая серьга, пара къ той, которая была на графинѣ.

— Теперь, графъ, когда обѣ части этого украшенія вмѣстѣ, пусть они вмѣстѣ и остаются. А такъ какъ вы не принимаете подарковъ и одна изъ этихъ серегъ принадлежитъ по всей справедливости мнѣ, то я буду просить васъ отдать мнѣ обѣ серьги — а вмѣстѣ съ этимъ и ту, которая ихъ носитъ!

Графъ схватилъ руку своей дочери.

— Понимаешь ли ты тутъ что-нибудь?

Дѣвушка рыдала и дрожала.

— А, такъ вотъ чего именно ты боялась!

Зибельманъ нагнулся къ прелестной дѣвушкѣ.

— О Цецилія, взгляните же и на меня!

Цецилія провела кончиками своихъ нѣжныхъ пальцевъ по лицу юноши. И можетъ быть только одни духи да ея возлюбленный слышали, какъ она прошептала:

— Я вижу тебя!

Тутъ она закрыла глаза и не могла достаточно налюбоваться на него въ томъ внутреннемъ мірѣ, гдѣ все такъ прекрасно, все такъ свѣтло, хотя тамъ нѣтъ ни солнца, ни луны.

Дневное свѣтило опускалось къ горизонту; надъ ними раскидывалось дугою чистое, ясное, золотистое небо, гдѣ не было ни облака.

Графъ Тиверій, сложивъ руки, устремилъ влажный взоръ къ небу.

Надъ нимъ, на золотистомъ вечернемъ небѣ, сверкала яркая звѣзда, словно бдительное небесное око, словно путеводная звѣзда безконечнаго милосердія.

Борьба съ небомъ достигла своего конца!

Народы Россіи *).

II. Тунгузы.

Тунгузы принадлежатъ къ манчжурскому племени, которое завоевало Китай, подчинивъ своей власти едва не треть всего населенія земнаго шара. Въ Россіи границы этого народа слѣдующія: на сѣверѣ Ледовитое море, на востокѣ земля коряковъ и чукчей и Охотское море, на югѣ Корея, рѣка Амуръ и озеро Байкалъ, а на западѣ Енисей и Кеть. Въ этихъ предѣлахъ насчитываютъ до 70,000 тунгузовъ, которые по мѣстожительству носятъ различныя названія: енисейскихъ, иркутскихъ или байкальскихъ, якутскихъ, охотскихъ или ламутовъ и нерчинскихъ.

Въ то время, какъ одна вѣтвь манчжурскаго племени имѣетъ богатую литературу и сдѣлала свой языкъ придворнымъ въ Пекинѣ, — другая, подпавшая подъ власть Россіи, остается такою же грубою и невѣжественною, какою была и въ то время, когда въ первый разъ встрѣтилась съ русскими казаками.

Что касается до наружнаго вида тунгузовъ, то главныя характеристическія черты ихъ состоятъ въ чорныхъ жесткихъ волосахъ, большихъ, узковатыхъ и вкось-расположенныхъ темнокарихъ глазахъ, въ смуглом цвѣтѣ лица и слегка приплюснутомъ носѣ. Къ этому нужно прибавить, что у большей части тунгузовъ отъ природы нѣтъ бороды, а если волосы и ростутъ иногда на подбородкѣ, то ихъ выщипываютъ ножемъ. Высокій ростъ, стройный станъ, плотное сло-

*) См. «Нива» 1871 г. № 20.

женіе, мужество и сила, которыя такъ рѣдки бываютъ въ тунгузахъ чистой крови, въ особенности бродячихъ, говорятъ о смѣшеніи ихъ съ русскими. Волосы на головѣ тунгузы отпускаютъ длинные, и мужчины плетутъ ихъ въ одну толстую косу, конецъ которой оставляется въ видѣ клочка; кромѣ того, они носятъ особую повязку, въ нѣсколько вершковъ ширины на лбу и съуживающуюся постепенно до ушей, за которыми она привязывается подъ косу.

Одежда тунгузовъ изящна и легка. Лѣтняя шьется изъ кожи, обработанной въ замшу, а зимняя дѣлается изъ мѣховыхъ шкуръ. Изъ оленьей кожи женщины шьютъ одежду весьма прочно, употребляя вмѣсто нитокъ жилы животныхъ; изъ тонкихъ ножныхъ шкуръ сшиваютъ покрывала, отличающіяся красотою и эффектнымъ выборомъ красокъ.

Слѣдующія семь вещей составляютъ необходимую принадлежность каждаго тунгуза и берутся имъ съ собою въ его странствованіяхъ:

Копье на медвѣдей, *тунга*, *гидда*, состоящее изъ кругло-обточеннаго березоваго ствола, въ сажень длиною, съ желѣзнымъ наконечникомъ. Винтовка, *пактерауенъ*, разнаго калибра, но всегда съ кремневымъ замкомъ. Конскій хвостъ, для отмахиванія мухъ и комаровъ, *арпукъ*, привязываемый къ тонкой, въ нѣсколько вершковъ длиною, деревянной рукояткѣ. Китайская трубка, *улла*, обыкновенно жестяная, отъ 6 до 8 вершковъ длиною. Тонкая дощечка, *панаnге*, $1^1/_2$ фута длины и 3 — 4 вершка ширины, посредствомъ двухъ ремней закидываемая черезъ плечи и носимая на спинѣ въ видѣ ранца: къ ней привязывается одежда, чтобы лежала ровно и не мѣшала во время ходьбы. Челнокъ, въ сажень длины, берестовый *чауфъ*, который подвигается на водѣ помощью балансирнаго шеста, снабженнаго на обоихъ концахъ узкими весельными лопастями (перьями); такая новая лодка стóитъ до 2 р. с. и отлично приспособлена для странствованія въ мѣстности, покрытой мелкими озерами и топкими болотами. Острога для ловли рыбы, *крамки*, въ шесть вершковъ длины, о трехъ зубьяхъ, снабженныхъ на концѣ крюками. Вила эта прикрѣпляется къ дереву въ 2—3 сажени длины и только 1 вершокъ толщины—и употребляется въ дѣло лишь въ тихую погоду, когда рыба явственно видна въ водѣ; такимъ образомъ въ особенности бьютъ тайменей (salmo fluviatilis).

Жилища тунгузовъ называются на ихъ языкѣ *гаранъ*, и состоятъ изъ наклонныхъ одна къ другой, въ видѣ конуса, 14—20-ти стоекъ, покрываемыхъ березовою корою. Дверь жилища виситъ на ремнѣ, прикрѣпленномъ къ вершинѣ конуса, и спускается оттуда сверхъ отверстія, образуемаго промежуткомъ, который оставляется въ этомъ мѣстѣ между стойками. Оставъ хижины при перемѣнѣ становища бросается, потому что набрать новыхъ стоекъ можно безъ труда повсюду.

Относительно пищи тунгузы весьма мало разборчивы — и хотя любятъ хлѣбъ, но большую часть года принуждены довольствоваться мясомъ отъ убиваемыхъ ими животныхъ. Всѣ нужды тунгузовъ удовлетворяются однимъ животнымъ и однимъ растеніемъ—оленемъ и березою. Это тѣмъ болѣе поразительно, что какъ въ одеждѣ, такъ и въ хозяйствѣ и вообще во всемъ, чтó они приготовляютъ изъ грубаго матеріала—березы и оленя, замѣчается нѣкоторая изящность.

Табакъ составляетъ также необходимую потребность для каждаго тунгуза; табакъ курятъ простой, получаемый съ своихъ огородовъ, или черкасскій, смѣшивая его для уничтоженія крѣпости съ толченою сосновою корою.

Тунгузъ весьма радушенъ и гостепріименъ, но не смотря на то, что всѣ они живутъ въ обществѣ довольно дружно, замѣтно сильное пристрастіе къ ябедамъ и сутяжничеству. Всего чаще предметомъ ссоры бываетъ буйство въ пьяномъ видѣ. Наклонность ихъ къ вину есть общая со всѣми инородцами. У тунгузовъ пьютъ всѣ отъ мала до велика, не исключая женщинъ и дѣвушекъ. Въ пьяномъ видѣ они рѣзко выказываютъ безумство и неистовство дикаря. Тунгузъ не знаетъ мѣры въ винѣ или аракѣ и пьетъ до тѣхъ поръ, пока не прійдетъ въ безпамятство.

Тунгузы честны во всей силѣ слова. Если кто взялъ въ долгъ и назначилъ время платежа, то сдержитъ свое слово непоколебимо-твердо. Съ купцами они никогда не торгуются, и если цѣна превышаетъ наличный капиталъ забайкальскаго тунгуза, то все, чтó онъ имѣетъ на лицо, отдастъ, въ заключеніе скажетъ: «другъ, обожди до будущаго года, приходи въ такое-то мѣсто и получишь». Торговецъ вѣритъ и отдаетъ товаръ, зная, что тунгузъ сдержитъ свое слово.

Женщина въ семействѣ болѣе трудолюбива и дѣятельна; она и хозяйка и работница. Мужъ же знаетъ только промыслы и полевыя работы, которыя все-таки преимущественно исполняются женщинами. На нихъ лежитъ исполненіе всѣхъ обязанностей и удовлетвореніе всѣмъ житейскимъ нуждамъ; онѣ строятъ жилища, дубятъ кожи, шьютъ платья, справляютъ хозяйство, даже правятъ оленями и смотрятъ за стадами.

Не смотря на исповѣданіе православной вѣры, суевѣрія и предразсудки тунгузовъ простираются до того, что овладѣть воображеніемъ тунгуза нѣтъ ничего легче. Некрещеные тунгузы преданы шаманству, но, за неимѣніемъ признанныхъ шамановъ, отправляютъ религіозные обряды и сами. Крещеные большею частью считаютъ крещеніе одною формальностью и, соблюдая въ присутствіи русскихъ всѣ обряды православной церкви, едва лишь удалятся въ свои привольные лѣса, тотчасъ же обращаются къ родной вѣрѣ шамановъ. Причина этому заключается въ непостоянномъ образѣ жизни тунгузовъ и въ недостаточности русскихъ церквей въ этихъ пустынныхъ и малолюдныхъ пространствахъ.

На прилагаемомъ рисункѣ изображена тунгузская колдунья, которая ворожитъ и гадаетъ собравшимся вокругъ нея тунгузамъ.

(Окончаніе будетъ).

Самландскій янтарь и его добываніе въ послѣднее время.

Если, странствуя по самой западной половинѣ восточно-прусскаго сѣвернаго берега, славящейся красотою своихъ видовъ, вы зайдете въ Варникскій паркъ, то съ вершины «Fuchsspitze», поднимающейся между его тысячелѣтними деревьями наподобіе башни, вы увидите въ милѣ оттуда, у подножія Брюстеръортскаго маяка,

группу маленькихъ чорныхъ лодокъ, которыя, повидимому, стоятъ на якорѣ безъ всякаго движенія. Но подойдя къ этимъ лодкамъ ближе, вы замѣчаете на нихъ и подъ ними самую живую дѣятельность совершенно особеннаго рода. Это флотилія водолазовъ кенигсбергъ-мемельскаго торговаго дома Стантіенъ и Беккеръ, занимающагося янтарнымъ промысломъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ изображенію тѣхъ чрезвычайно интересныхъ пріемовъ, которые употребляются въ послѣднее время для добыванія янтаря, что́ именно составляетъ предметъ нашей статьи, мы считаемъ необходимымъ бросить нѣсколько взглядовъ на исторію этого дѣла.

Какъ въ средніе вѣка безпрепятственному наслажденію красотами природы въ этой чрезвычайно живописной странѣ мѣшали непріятные путеводители на тотъ свѣтъ, извѣстные подъ именемъ висѣлицъ,—такъ и пожилые люди изъ первой трети нашего столѣтія передаютъ намъ болѣе или менѣе забавныя вещи о тѣхъ продѣлкахъ, которыя приходилось имъ выносить отъ «береговыхъ казаковъ», защитниковъ тогдашнихъ коронныхъ арендаторовъ. Это положеніе вещей, чрезвычайно стѣснительное для посѣтителей морскихъ купаленъ, было прекращено въ 1837 г. королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, который приказалъ предоставить право добыванія янтаря береговымъ крестьянамъ и рыбакамъ за незначительное вознагражденіе. Такимъ образомъ этотъ промыселъ перешелъ въ руки бѣдныхъ туземцевъ, которые продолжали добывать это ископаемое посредствомъ тѣхъ же самыхъ способовъ, какіе употреблялись еще ихъ предками: вычерпыванья, выкапыванья и вырѣзыванья.

Такъ продолжалось до 1862 г., когда гг. Стантіенъ и Беккеръ, въ то время мелкіе мемельскіе промышленники, предложили кенигсберскому окружному правленію взять на себя очищеніе мемельскаго фарватера въ Куришгафѣ—что́ стоило значительныхъ суммъ—и притомъ не даромъ, но еще съ платою по двадцати пяти талеровъ за каждый рабочій день, если только сюда будетъ включено и право добыванія янтаря.

«Для того чтобъ заработать большія деньги, нужна своего рода храбрость», говоритъ графъ Хлодвигъ въ послѣднемъ сочиненіи Ауэрбаха. Ну, а въ этомъ-то родѣ новѣйшаго рыцарства упомянутые выше господа, сдѣлавшіеся изъ простыхъ рядовыхъ генералами промышленности, не имѣли недостатка.

Главная квартира новой фирмы была расположена въ мѣстечкѣ Шварцъортъ, лежащемъ мили въ полторы отъ Мемеля, тамъ, гдѣ находятся прекрасные остатки древняго, теперь занесеннаго пескомъ Гохвальда, и скоро въ этой новой восточно-прусской Калифорніи возникло своего рода Санъ-Франциско, достигшее въ короткое время самаго цвѣтущаго состоянія. Согласно съ быстро-возрастающими потребностями, значительная полоса земли покрылась различными заведеніями новаго торговаго дома: складочными мѣстами для строительныхъ матеріаловъ, мастерскими для производства машинъ, магазинами и амбарами, помѣщеніемъ для инспектора и бараками для работниковъ.

Даже добываніе посредствомъ землечерпальныхъ машинъ, которое производится теперь при помощи двѣнадцати паровыхъ землечерпальныхъ машинъ, приспособлено къ положенію дѣла вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли. Медленно подвигаясь впередъ и проникая постепенно все глубже да глубже, водоливныя машины съ ведрами (такъ-называемыя *Paternoster*), разставленныя по обѣ стороны землечерпальныхъ машинъ, острымъ угломъ къ дну залива, прорываютъ канаву въ янтарномъ пласту и въ то же время переводятъ его содержаніе въ слѣдующіе за ними ящики, снабженные рѣшетчатой крышкой. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ глубины, увеличивается и количество ила, извлекаемаго изъ залива вмѣстѣ съ янтаремъ, пока не достигнутъ до подошвы янтарнаго слоя. Послѣ этого начинается болѣе легкая и болѣе прибыльная дѣятельность этихъ черпальныхъ машинъ, состоящихъ изъ тяжелыхъ (плотно окованныхъ) и легкихъ (проткнутыхъ наподобіе сита) ведеръ, смѣняющихся одни другими. Въ канавѣ, заключающей въ себѣ теперь уже до 5, а часто и до 15 футовъ глубины, тяжелыя ведра двигаются быстрѣе и производятъ сильное стремленіе воды, которое расшатываетъ янтарь и гонитъ его отчасти въ эти ведра, а отчасти въ слѣдующія за ними, устроенныя наподобіе сита, а эти въ свою очередь выбрасываютъ его на упомянутые выше ящики съ рѣшетками. Здѣсь драгоцѣнная находка освобождается отъ всякой ненужной примѣси, потомъ кладется въ мѣшки и отвозится въ Мемель, гдѣ она еще разъ процѣживается и сортируется въ особо устроенномъ для этого заведеніи.

Такимъ образомъ, посредствомъ нѣсколькихъ сотенъ работниковъ, смѣняющихся каждые восемь часовъ, работы продолжаются днемъ и ночью до тѣхъ поръ, пока не наступятъ сильные морозы.

Понятно, что подобнаго рода работа, совершаемая во всякую погоду и въ суровое время года, большею частію совершенно раздѣтыми людьми, составляетъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ и изнурительныхъ работъ. Но здоровыя натуры тамошнихъ литовцевъ оказались какъ нельзя лучше соотвѣтствующими этой цѣли, при условіи достаточнаго вознагражденія. Мы будемъ еще говорить объ этихъ подводныхъ циклопахъ при описаніи подводныхъ работъ.

Если мы справимся насчетъ результатовъ этой отрасли пріобрѣтенія, за которую принялись теперь съ такою энергіею, то окажется, что шварцъортское заведеніе землечерпальныхъ машинъ дало за послѣдніе годы, при тридцати рабочихъ недѣляхъ въ годъ, среднимъ числомъ по семидесяти пяти фунтовъ янтарю въ годъ. Дѣйствительная стоимость этого драгоцѣннаго ископаемаго не можетъ быть опредѣлена никакими исчисленіями, потому-что цѣны на фунтъ колеблятся между четырмя зильбергрошами за самый мелкій сортъ янтаря (мусоръ), употребляемый для куренья и приготовленія лака, и двадцатью пятью талерами*) за крупные сорта, употребляемые для мундштуковъ и т. п.,—не говоря уже о томъ, что янтарь, какъ и всякая драгоцѣнность, цѣнится по величинѣ и качеству—и самые драгоцѣнные сорта соломеннаго цвѣта, назначающіеся преимущественно для кабинетовъ рѣдкостей, поднимаются до болѣе или менѣе высокихъ цѣнъ, которыя не могутъ быть опредѣлены положительнымъ образомъ. Точно такъ же трудно опредѣлить и доходы новаго торговаго дома. Довольно того, что его агенты и компаніи находятся въ настоящее время въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Константинополѣ, Бомбеѣ, Калькуттѣ, Гонконгѣ, Іеддо, Мацатланѣ (въ Мексикѣ) и во многихъ другихъ мѣстахъ.

*) Прусскій талеръ содержитъ 30 зильбергрошей, а 14 прусскихъ талеровъ равны 15 рублямъ.

Если такимъ образомъ научныя изслѣдованія были въ настоящемъ случаѣ опережены смѣло-берущейся за дѣло промышленностью, то нельзя отрицать и того, что наука блестящимъ образомъ загладила это упущеніе. Благодаря тщательнымъ геологическимъ изслѣдованіямъ Цаддаха, Берента и другихъ, «янтарная загадка» вполнѣ разрѣшена—и свѣтильникъ науки разогналъ тотъ мракъ, которымъ было такъ долго облечено мѣсто рожденія и нынѣшнее мѣсто напластованія этого драгоцѣннаго минерала.

Янтарь, *electron* (солнечный камень) Одиссеи; по прелестнымъ греческимъ миѳамъ, окаменѣвшія слезы сестеръ безразсуднаго Фаэтона, превращенныхъ въ деревья въ то время, какъ оплакивали погибель брата; этотъ баснословный камень, монополіею продажи котораго завладѣли въ древности финикіяне, распустивъ страшные слухи о мѣстѣ его нахожденія, и который цѣнился когда-то наравнѣ съ золотомъ, — образовался въ тотъ періодъ созданія, который извѣстенъ у насъ подъ именемъ третичнаго, изъ быстро-отдѣлившейся смолы нѣкоторыхъ породъ хвойныхъ (сосновыхъ) деревьевъ, покрывавшихъ собою обширныя полосы тогдашняго сѣвернаго континента. Часто повторявшіеся случаи нахожденія въ янтарѣ задержанныхъ на всемъ бѣгу насѣкомыхъ, напоминающихъ собою минутныя изображенія новѣйшей фотографіи, говорятъ о крайне быстромъ теченіи смолы, отдѣлившейся массами и можетъ быть вслѣдствіе какого нибудь болѣзненнаго процесса. Съ восторгомъ археолога, который въ засыпанномъ когда-то Везувіемъ городкѣ находитъ сохранившійся до мельчайшихъ подробностей культурный образъ античной жизни, открываетъ естествоиспытатель въ этихъ окаменѣлостяхъ никогда и нигдѣ уже не повторяющееся зрѣлище многообразнаго міра маленькихъ животныхъ, сохранившагося здѣсь до тончайшихъ чертъ; этихъ породъ исчезнувшаго, тысячелѣтія тому назадъ, «дня творенія» насчитываютъ теперь не менѣе двадцати четырехъ тысячъ.

Увлеченные вслѣдствіе не вполнѣ разъясненнаго событія въ природѣ на значительное разстояніе отъ своей первой колыбели, почвы хвойнаго лѣса, эти массы янтаря осаждались на днѣ моря третичной формаціи, которое они обложили мало-по-малу синеватымъ глинистымъ рухлякомъ и подверглись постепенному процессу окаменѣнія. Эта «голубая земля» золотоносная янтарная жила новаго свѣта, за которою слѣдятъ теперь съ такимъ усердіемъ, прикрытая пластами земли позднѣйшихъ формацій (дилювіальной и аллювіальной), тянется, вѣроятно, по всему Самландскому полуострову. Въ сѣверозападной части этого полуострова ея существованіе на протяженіи около шести квадратныхъ миль при различной глубинѣ, которая въ береговыхъ горахъ доходитъ до сорока футовъ отъ поверхости моря, доказано научнымъ образомъ. Вотъ истинно колоссальная подземная сокровищница — на глубинѣ, среднимъ числомъ, десяти футовъ! Но откуда берется въ Балтійскомъ морѣ, славившемся еще до императора Нерона своимъ янтаремъ, этотъ минералъ, который оно извергаетъ еще и теперь?

Очевидно, все изъ того же самаго голубаго янтарнаго пласта, который идя подъ морскимъ бассейномъ на сѣверъ, а можетъ быть также на десять миль на западъ отъ данцигскаго меридіана, вслѣдствіе сильнаго склоненія морскаго дна обнажается и разъѣдается напоромъ волнъ. Эти послѣднія производятъ тутъ почти то же самое дѣйствіе въ большомъ видѣ, какое тяжелыя машины, употребляемыя въ шварцъортскомъ пласту, производятъ въ маломъ. При благопріятномъ направленіи утихающаго вѣтра, оторванный отъ своего ложа янтарь гонится, вмѣстѣ съ его постоянной спутницей, морскою нитью (родъ морской травы), напоромъ волнъ къ землѣ и вылавливается (вычерпывается) тутъ, посредствомъ сѣткообразнаго мѣшка, быстро собравшимися на берегъ при его появленіи поселянами,— причемъ мужчины, стоя по грудь въ водѣ, выливаютъ содержаніе мѣшка стоящимъ поодаль женщинамъ и дѣтямъ, для болѣе тщательнаго процѣживанья. Работа нешуточная, въ особенности поздней осенью, когда рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ превращаетъ въ ледъ брызжущую въ лицо морскую пѣну.

Но именно болѣе значительные по величинѣ куски этого драгоцѣннаго матеріала, опутанные морскою нитью и опускаются всего чаще на дно, далеко отъ прибоя волнъ, будучи задержаны большими камнями. Въ такомъ случаѣ люди, занимающіеся ловлей янтаря, выжидаютъ, чтобы море совершенно утихло, и тогда приступаютъ къ другому способу добыванія, который употреблялся до сихъ поръ, именно къ вырѣзыванью янтаря.

Лѣтомъ рано утромъ вы увидите довольно часто лодки этихъ ревностныхъ искателей клада, съ пятью или шестью человѣками, которые, высунувшись изъ нихъ, внимательно разсматриваютъ зеленоватыя соленыя волны, заключающія въ себѣ отъ десяти до тридцати футовъ глубины. Посредствомъ длинныхъ пикъ съ остріями различныхъ формъ, а въ случаѣ нужды съ большими изогнутыми вилами о двухъ зубцахъ, одни изъ нихъ расшатываютъ камень, въ то время какъ другіе ловятъ и вытаскиваютъ посредствомъ такого же длиннаго сѣткообразнаго мѣшка окружающую янтарь траву. Чрезвычайно богатые пласты янтаря, загроможденные тяжелыми камнями и валунами и разработываемые у подножія сѣверо-западной оконечности Брюстеръорта, обуреваемые вѣтрами и волнами, занимаютъ до шестисотъ шаговъ въ длину и до четырехсотъ въ ширину.

Для полученія этого «подводнаго камня», который чрезвычайно цѣнится за свой прекрасный цвѣтъ и доброту, тутъ дѣлали нѣсколько опытовъ. По распоряженію правительства, въ прошломъ столѣтіи пробовали употребить на это дѣло водолазовъ; но эти послѣдніе должны были въ скоромъ времени отказаться, отчасти вслѣдствіе суровости климата, къ которому они не привыкли, а также и вслѣдствіе соперничества туземныхъ работниковъ. Такъ какъ вышеописанный способъ «вырѣзыванья» оказался недостаточнымъ для устраненія тяжелыхъ камней, прикрывающихъ собою янтарь, то вслѣдствіе этого стали употреблять большіе клещи и подъемныя блоковыя машины, посредствомъ которыхъ стали поднимать большіе камни на паромы; чрезвычайно затруднительное и не всегда успѣшное средство для извлеченія прицѣпившейся ко дну моря драгоцѣнности. Поэтому-то водолазный аппаратъ, изобрѣтенный французскимъ флотскимъ капитаномъ *Rouquayrol-Denayrouze*, былъ какъ нельзя болѣе на руку хозяевамъ новаго торговаго дома, видѣвшимъ его на парижской всемірной выставкѣ 1867 г. Они выписали двухъ молодыхъ французскихъ механиковъ, свѣдущихъ также и въ водолазномъ искусствѣ,—и эти послѣдніе сдѣлались не только учителями образовавшейся мало-по-малу въ

Брюстеръортѣ компаніи водолазовъ, но и главными мастерами при изготовленіи новыхъ аппаратовъ и т. п.

Послѣ этого небольшаго отступленія, необходимаго для того, чтобъ ознакомить нашихъ читателей съ той мѣстностью, о которой идетъ дѣло, мы обратимся опять къ водолазамъ, дѣятельность которыхъ мы намѣрены описать въ слѣдующихъ за этимъ строкахъ.

И такъ, благосклонный читатель, представьте вы себѣ, что я, пишущій эти строки, нахожусь въ Брюстеръортѣ въ веселомъ обществѣ, съѣхавшемся сюда для купанья въ морѣ, и что у меня въ рукахъ билетъ для объѣзда брюстеръортскаго берега, окруженнаго множествомъ подводныхъ камней, полученный мною отъ гостепріимныхъ хозяевъ торговаго дома, занимающагося разработкой здѣшняго янтаря. Любезный инспекторъ, г. Ст., проводящій большую часть года на обуреваемомъ вѣтрами мысѣ Ландсендъ, среди моряковъ, говорящихъ большею частію на чуждыхъ для него языкахъ, посадилъ насъ всѣхъ—мужчинъ и женщинъ—въ большую лодку, напоминающую собою знаменитый Ноевъ ковчегъ, и мы плывемъ, подъ его предводительствомъ, къ флотиліи водолазовъ, находящейся приблизительно шаговъ на тысячу отъ насъ, въ то время, какъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ прислушивается къ нашему разговору, происходящему на любезномъ его сердцу нѣмецкомъ языкѣ. Наша лодка дѣлаетъ поворотъ, для того чтобъ остановиться противъ одного челнока съ воздушными насосами, какъ вдругъ одна изъ находившихся съ нами дѣвицъ, смотрѣвшая въ воду, пронзительно вскрикиваетъ.

Изъ «взволновавшихся водъ» вынырнулъ «мокрый человѣкъ» и посмотрѣлъ на нее «страшными, нечеловѣческими глазами». Вслѣдъ за этимъ другое, точно такое же «пугало», которое увѣдомили о нашемъ посѣщеніи посредствомъ легкаго сотрясенія спасительной веревки, вынырнуло какъ разъ передъ нашими глазами,—и надобно признаться, что своею безобразною головою и огромными, величиною въ тарелку, глазами онъ скорѣе напоминаетъ собою какую нибудь первобытную ящерицу, громадныхъ размѣровъ, чѣмъ современнаго «*homo sapiens*».

Глубоко и тяжко онъ духъ переводитъ
Небесный привѣтствуя радостно свѣтъ!

Потому что:

Изъ гроба, изъ алчныхъ, клокочащихъ волнъ
Онъ всплылъ невредимъ и отважности полнъ!

Но разсмотримъ сперва хорошенько этого молодаго водолаза, который только-что одѣлся для своей подводной работы.

Сверхъ теплой шерстяной матеріи, охватывающей все тѣло, на немъ надѣта еще каучуковая одежда (сдѣланная изъ цѣльнаго куска), особаго фасона, приспособленнаго, также какъ и фасонъ шлема, къ мѣстнымъ условіямъ; водолазамъ приходится работать, большею частью, лежа. Вмѣсто тяжелаго мѣднаго шлема французскаго изобрѣтенія, употреблявшагося еще въ прошломъ году, который охватываетъ голову и шею наподобіе старинныхъ рыцарскихъ шлемовъ, теперь употребляется снарядъ въ родѣ литавры, который будучи герметически привинченъ къ капишону изъ каучуковой матеріи, покрывающему всю голову водолаза, виситъ у него передъ лицомъ, не отягощая головы и затылка. Другая выгода этого снаряда состоитъ въ томъ, что водолазъ, который, безъ этого снаряда, могъ бы вдыхать и выдыхать изъ себя воздухъ только ртомъ, въ настоящемъ случаѣ можетъ наполнять пространство внутри снаряда воздухомъ посредствомъ шести и восьмикратнаго выдыханія носомъ и подыматься такимъ образомъ наверхъ безъ посторонней помощи. На этомъ новомъ шлемѣ сдѣланы, также какъ и на старомъ, три отверстія (для глазъ и рта), которыя запираются круглыми герметически-ввинченными окошечками, защищенными крѣпкими положенными крестъ-на-крестъ проволоками. Но какимъ образомъ дышетъ водолазъ при помощи французскаго аппарата? Послѣ шлема самый важный снарядъ для водолаза—это тотъ маленькій чорный ящикъ изъ крѣпкаго листоваго желѣза, который пристегнутъ у него теперь на спинѣ, въ видѣ ранца. Это-то и есть у него резервуаръ для воздуха (его искуственное, если хотите, дыхательное горло), потому что въ этомъ хранилищѣ, куда идетъ сверху каучуковая кишка, имѣющая до сорока футовъ длины, дыханіе приводится въ порядокъ посредствомъ чрезвычайно замысловатаго клапана. Этотъ клапанъ при каждомъ вдыханіи пропускаетъ только то количество воздуха, которое необходимо для одного вздоха, а при выдыханіи поднимается вверхъ, открывая дорогу выдохнутому воздуху, который и улетучивается посредствомъ запирающагося сію же минуту «губнаго клапана», устроеннаго въ верхнемъ углу ящика.

По окончаніи этого туалета, водолазу вставляютъ въ ротъ рыльце каучуковой кишки, которое онъ крѣпко стискиваетъ зубами, потомъ ему привязываютъ къ ногамъ, рукамъ и плечамъ полцентнера свинцу и

Подернулась гранью суровая мгла,
И бездна надъ отрокомъ челюсть свела.

Экипажъ лодки водолазовъ, готовой приступить къ дѣлу, состоитъ изъ восьми человѣкъ: двухъ водолазовъ, двухъ паръ работниковъ, попеременно качающихъ насосомъ воздухъ, одного человѣка, который держитъ въ рукахъ спасительную веревку и обращаетъ вниманіе на всякое ея сотрясеніе, какъ бы оно ни было тихо, и надзирателя, принимающаго отъ выходящихъ изъ воды водолазовъ найденный ими янтарь, который они держатъ въ поясныхъ карманахъ. Воздушный насосъ, изобрѣтенія ученаго магдебургскаго бургомистра, но только съ значительными улучшеніями, состоитъ изъ двухъ отлично сдѣланныхъ мѣдныхъ цилиндровъ (извѣстныхъ подъ именемъ сапоговъ и почти одинаковой съ нимъ величины) къ вертящимся клапаномъ на днѣ, вдѣланномъ туда для того, чтобъ снующій вверхъ и внизъ поршень не дѣйствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ аспираторъ. Дѣйствуя воздушнымъ насосомъ вродѣ того какъ дѣйствуютъ пожарною трубою, работники не спускали, въ то же самое время, глазъ съ небольшаго циферблата, устроеннаго въ серединѣ лодки надъ бортомъ. Это манометръ (мѣритель воздушнаго давленія), показывающій давленіе атмосферы посредствомъ воздушнаго столба, который идетъ черезъ него въ каучуковую кишку. Излишество тутъ, какъ извѣстно, можетъ быть также вредно, какъ и недостатокъ. При такой предосторожности становится понятно, какимъ образомъ не смотря на то, что въ Брюстеръортѣ работаетъ постоянно около 60 человѣкъ водолазовъ и при подводной работѣ, продолжающейся около пяти часовъ въ сутки,—тутъ было всего только два несчастныхъ случая. Конечно, при этомъ надобно взять въ расчетъ и желѣзную натуру этихъ людей и ихъ привычку къ морю. Они набираются

отчасти изъ молодаго поколѣнія окрестныхъ рыбаковъ, но больше изъ живущихъ по берегамъ Куришгафа литовцевъ. Эти-то великаны, при хорошей поденной платѣ и при извѣстной долѣ барыша за болѣе значительныя лыхъ вилъ или своего товарища, работающаго у другой кишки той же самой лодки. И все-таки встрѣчаются такіе колоссальные камни, которые не поддаются даже соединеннымъ силамъ этихъ атлетовъ.

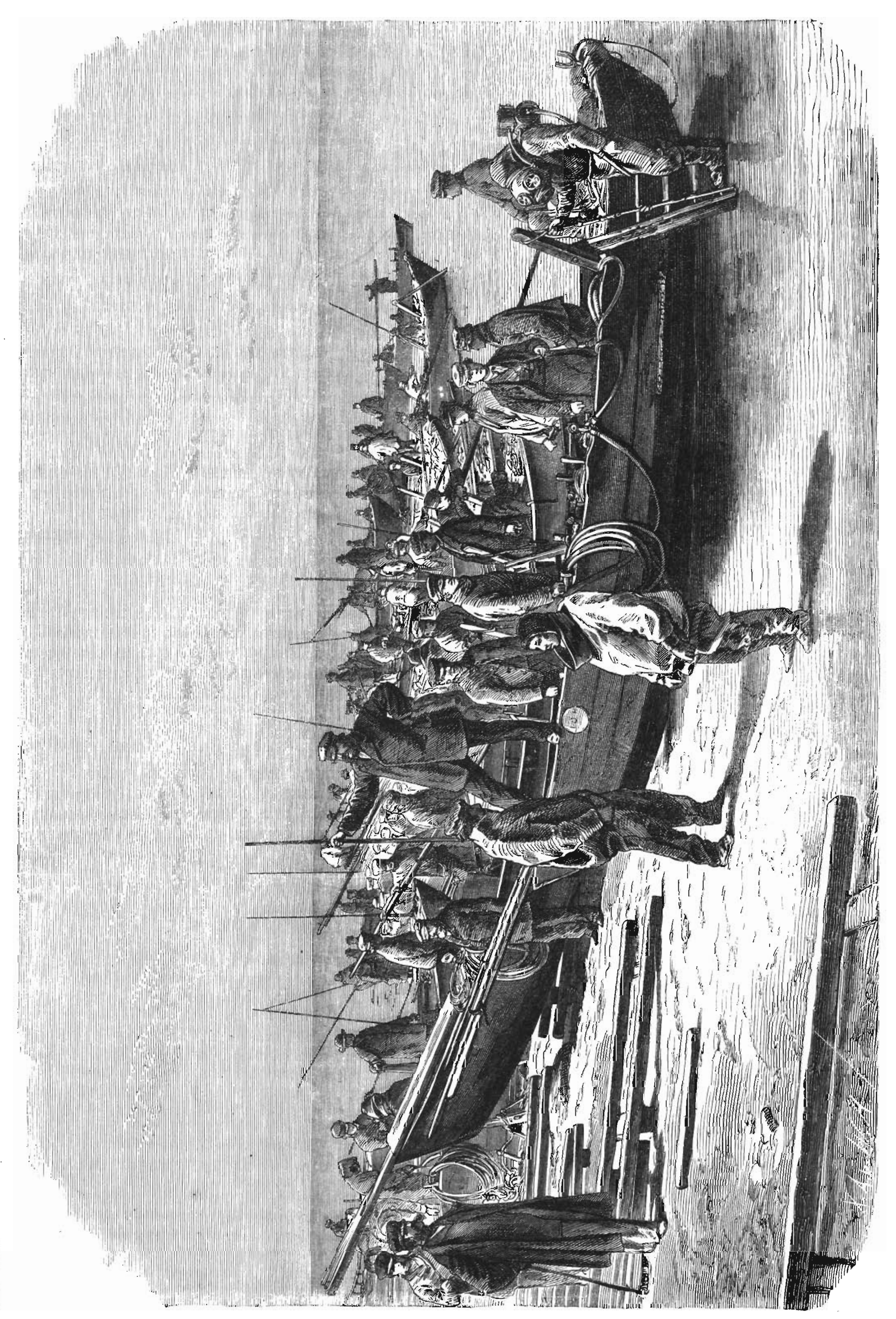

Водолазы за работою на днѣ моря.

находки, совершенно повидимому довольны своимъ жребіемъ, хотя погруженіе въ влажную стихію при нѣсколькихъ градусахъ зимняго холода конечно не принадлежитъ къ числу пріятностей жизни. А между тѣмъ, вопреки этому холоду, когда они поднимаются изъ холодныхъ какъ ледъ волнъ, съ нихъ часто льетъ потъ; ибо для того чтобъ справиться съ крѣпко - прицѣпившимися другъ къ другу камнями, водолазу довольно часто приходится прибѣгать къ помощи тяже-

— По крайней мѣрѣ вы можете утѣшать себя тѣмъ, сказали мы, обращаясь къ г. Ст., — что при такомъ строгомъ контролѣ ваши водолазы не могутъ обкрадывать васъ!

— Какъ бы не такъ! возразилъ онъ, пожимая плечами: — не далѣе какъ на этихъ дняхъ я отпустилъ половину изъ нихъ, потому-что они собирались на днѣ моря не для насъ, а для себя. Я узналъ объ этомъ совершенно случайно, вслѣдствіе предательства.

Флотилія водолазовъ въ Брюстеръортѣ.

Когда мы, послѣ этой поѣздки, вошли въ комнату инспектора, то очутились, какъ бы въ Аладиновой сокровищницѣ, среди груды мѣшковъ съ драгоцѣннымъ солнечнымъ камнемъ, лежавшимъ тутъ въ безпорядкѣ, въ томъ видѣ какъ онъ былъ унесенъ со дна моря. Какая пестрая смѣсь! Большіе, величиною въ кулакъ, куски янтаря соломеннаго цвѣта, которые, послѣ легкой шлифовки, должны будутъ увеличить собою богатую коллекцію мундштуковъ какого-нибудь сераскира; свѣтлыя, какъ кость, струйчатыя плитки, назначенныя для классическихъ ожерельевъ, которыя будутъ отправлены въ Албано, Фраскати, даже въ Римъ, а потомъ это безчисленное множество янтарныхъ бусъ желтаго и свѣтло-краснаго цвѣта съ золотистой, какъ у старой мадеры или стараго токайскаго, искрой, которымъ суждено можетъ-быть блестѣть на бархатной шеѣ какой-нибудь отаитянки, обитательницы Тимбукту или Капской земли.

Низшіе сорты янтаря, употребляемые для куренія, для приготовленія блестящаго янтарнаго лака, янтарной кислоты, и т. п. рѣдко встрѣчаются въ Брюстерьортѣ, мѣстѣ нахожденія «самаго лучшаго товара».

На прощаньѣ — потому-что мы задумали побывать еще въ копяхъ, лежащихъ въ двухъ миляхъ отъ Брюстерьорта, — мы сторговали небольшую партію янтаря, какъ для памяти, такъ и для того чтобъ сдѣлать изъ него самимъ нѣсколько вещичекъ, тѣмъ болѣе что для этого требуется только нѣсколько пилочекъ, а политура возстановляется посредствомъ пемзы, мѣла, воды и наконецъ собственныхъ пальцовъ...

Сортировка янтаря для промышленныхъ цѣлей производится въ Кенисбгергѣ слѣдующимъ образомъ. Чтобы узнать какого онъ цвѣта и доброты—куски кладутъ на длинную, обитую свинцомъ доску и откалываютъ отъ нихъ посредствомъ острой лопаточки маленькій угловой кусокъ черноватой непрозрачной коры.

Наконецъ раскопки (послѣдній способъ добыванія янтаря, о которомъ мы еще не говорили) производятся въ различныхъ пунктахъ сѣвернаго и западнаго берега Самланда, отчасти сельскими общинами на своей собственной землѣ, но чаще насчетъ кенигсбергскихъ фирмъ, такъ какъ это дѣло требуетъ большаго основнаго капитала. Въ одинъ-то изъ такихъ «рудниковъ», находящійся въ прибрежномъ селеніи Зассанъ, мы и сбирались отправиться; мы встрѣтили тутъ самый первобытный и безъискуственный способъ горнаго производства.

Чтобъ добраться до янтарнаго пласта, упомянутой выше «голубой земли», часто нѣсколько сотенъ работниковъ, принимающихся за это дѣло весною, разметываютъ береговыя горы, состоящія иногда изъ одного песку, а иногда изъ вязкаго супеска и глины, на протяженіи пятидесяти и восьмидесяти футовъ въ длину и въ ширину или даже и болѣе; а потомъ все это бросается въ воду.

Такъ какъ «голубая земля», какъ замѣчено, лежитъ на краяхъ береговъ, большею частію, ниже уровня моря, то вторгающуюся воду приходится устранять посредствомъ черпальныхъ машинъ, рудоподъемныхъ машинъ и т. п., что сопряжено съ величайшими затрудненіями. Если до пласта дойдутъ во-время, т. е. еще до наступленія зимнихъ бурь, которыя иногда уничтожаютъ всю работу, то разработка его оканчивается иногда въ нѣсколько недѣль слѣдующимъ образомъ. Отъ двадцати до тридцати человѣкъ, снабженныхъ маленькой острой лопаткой становятся во фрунтъ на покрышкѣ пласта—и отступая назадъ, раскалываютъ ее посредствомъ осторожно-направляемыхъ ударовъ лопаточки до самой ея «подошвы». Янтарь, изобличающій себя посредствомъ сопротивленія тихонько-введенной лопаточки, освобождается со всевозможною осторожностію изъ окружающей его глины и передается надзирателямъ стоящими насупротивъ работниками.

Какъ высоко достоинство янтаря и какъ велико его обиліе въ янтарной жилѣ, заключающей въ себѣ часто только отъ трехъ до четырехъ футовъ, видно изъ того, что ея разработка, въ томъ числѣ и уборка такихъ громадныхъ массъ земли (доходящихъ отчасти до ста и болѣе футовъ толщины), считается прибыльною.

Но этотъ послѣдній способъ разработки янтаря, угрожающій, изъ-за сомнительныхъ результатовъ разореніемъ всего гористаго прибережья, которое столь же живописно какъ и полезно для страны, сильно неодобряется спеціалистами. Они указываютъ на другія, болѣе раціональныя мѣры,—и очень можетъ быть, что эта отрасль промышленности перейдетъ въ скоромъ времени въ руки настоящихъ рудокоповъ, и эти товарищи гномовъ и кобольдовъ станутъ извлекать изъ дѣвственной самландской почвы сокровища, на которыя мы привыкли смотрѣть не иначе какъ на подарки «сильно взволнованной Амфитриты».

Фельетонъ.

Нынѣшнее лѣто въ Петербургѣ особенно богато всякаго рода увеселеніями. Ихъ такъ много, что для того, чтобы побывать вездѣ хоть по одному разу — необходимо употребить нѣсколько недѣль, а можетъ быть и мѣсяцевъ. Дать о каждомъ изъ этихъ увеселеній хотя бы самый поверхностный отчетъ—нѣтъ никакой возможности; поэтому мы ограничимся лишь обзоромъ мѣстъ, наиболѣе посѣщаемыхъ и любимыхъ петербургскою публикою. Такой пріемъ поможетъ намъ сдѣлать кое-какія заключенія о вкусахъ этой публики, а также о томъ, въ какой степени разныя увеселительныя зрѣлища удовлетворяютъ съ одной стороны — ея требованіямъ, а съ другой—требованіямъ эстетическаго чувства.

Концерты обыкновенные, концертики, концерты-монстры, концерты съ благотворительною цѣлью, концерты безъ всякой цѣли, концерты историческіе, концерты съ лотереей и концерты безъ оной, гулянья народныя, гулянья военно-народныя, гулянья для дѣтей, наконецъ, просто гулянья, музыкальные вечера обыкновенные, большіе музыкальные вечера, спектакли, гонки судовъ, смотры, скачки и проч. и проч.—всѣ эти увеселенія имѣютъ между собою общаго только то, что находятъ для себя публику и подчасъ весьма многочисленную. Разсыпавшіеся по окрестностямъ Петербурга дачники посѣщаютъ обыкновенно ближайшія къ мѣсту ихъ жительства увеселенія; а потому можно сказать, что почти у каждаго изъ увеселительныхъ заведеній есть своя публика, свои завсегдатаи, свои цѣнители и судьи, даже свои вкусы и преданія. Нѣсколько увеселительныхъ зрѣлищъ, ограниченныя извѣстною мѣстностью, составляютъ одну группу и посѣщаются главнымъ образомъ туземною публикою; такъ

напр. павловскій вокзалъ, въ которомъ даются ежедневные концерты капельмейстеромъ Мансфельдтомъ, дѣтскія потѣшныя игры, происходящія въ паркѣ и въ дер. Тярлево, близъ Павловска, наконецъ скачки въ Царскомъ Селѣ, — привлекаютъ къ себѣ преимущественно павловскихъ и царскосельскихъ дачниковъ; спектакли и концерты въ Лѣсномъ корпусѣ — публику этихъ мѣстъ и окрестностей и т. далѣе. Эпидемія увеселеній (если можно такъ выразиться) проникла даже въ клубы, которые въ своихъ лѣтнихъ помѣщеніяхъ устраиваютъ разные вокально-музыкальные вечера, съ иллюминаціей, пѣсенниками и т. под. Петербуржцу же, прикованному къ своей дѣятельности даже въ лѣтнее время, въ это короткое, непостоянное и даже холодное время, хочется испить чашу лѣтнихъ увеселеній до дна, чтобы, по примѣру одной изъ героинь Островскаго, имѣть право сказать, что «хоть день, да мой!» И вотъ онъ, освободившись отъ департаментской духоты, оторвавшись отъ скучной конторки, спѣшитъ за городъ, на острова, или куда-нибудь подальше. Если онъ любитель музыки и врагъ всякихъ кафешантанныхъ куплетовъ, то отправляется въ Павловскъ, гдѣ за одинъ рубль серебромъ получаетъ возможность слушать прекрасный оркестръ Мансфельдта и хоръ изъ мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ голосовъ подъ управленіемъ извѣстнаго князя Юрія Голицына. Программа голицынскихъ концертовъ составляется съ большимъ разнообразіемъ и вкусомъ: музыка русскихъ композиторовъ перемѣшивается въ ней съ отрывками изъ твореній лучшихъ итальянскихъ и нѣмецкихъ маэстро; нашъ незабвенный Глинка фигурируетъ рядомъ съ Россини и Вагнеромъ, романсы Даргомыжскаго, народныя русскія и малороссійскія пѣсни перемѣшиваются съ музыкой Мейербера и польками Штрауса. Стройность и звучность громаднаго хора, талантливое, увлекательное дирижерство, наконецъ, выборъ любимыхъ публикою мотивовъ — доставляютъ истинное музыкальное наслажденіе. Избалованная хорошей музыкой, павловская публика относится одинаково радушно ко всѣмъ выдающимся музыкальнымъ произведеніямъ, и поэтому, совершенно безпристрастна и космополитична. Она вообще довольно сдержанна и не доходитъ до того музыкальнаго восторга, въ который способна повергнуть народная музыка при талантливомъ исполненіи князя Голицына. Нельзя сказать того-же о воскресныхъ посѣтителяхъ павловскаго вокзала, когда большая половина публики состоитъ изъ пріѣзжихъ изъ Петербурга и другихъ мѣстъ: уровень музыкальнаго пониманія въ этотъ день обыкновенно падаетъ, и публика неистовыми криками требуетъ повторенія такихъ легенькихъ, но эфектныхъ пьесъ, какъ «Жжонка» Шуберта, Арія, сочин. королемъ Людовикомъ XIII и т. под.

Насладившись прекрасною павловскою музыкою, петербуржецъ ищетъ болѣе легкихъ, болѣе пикантныхъ удовольствій; ищетъ онъ ихъ и находитъ въ Новой Деревнѣ, въ достославномъ заведеніи Минеральныхъ Водъ. Заведеніе это отличается легкимъ французскимъ характеромъ и посѣщается извѣстною частью петербургской молодежи. Нынѣшній содержатель его, г. Деккеръ-Шенкъ, принявшій въ свои руки бразды правленія отъ знаменитаго въ лѣтописяхъ петербургскихъ увеселеній Ив. Ив. Излера, употребилъ не мало труда и средствъ, чтобы придать своему заведенію какъ можно болѣе разнообразія и изящества. Деккеръ-Шенковская труппа, судя по нѣкоторымъ ея персоннажамъ, положительно хороша какъ въ вокальномъ отношеніи, такъ и по балетной части, которая отличается полнотою и искусствомъ (Г-жа Босси). Что касается до програмы увеселеній, то, при всемъ своемъ разнообразіи и интересности, она имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что почти всѣ ея нумера исполняются въ концертномъ залѣ, куда, вслѣдствіе дороговизны мѣстъ, можетъ проникнуть лишь самая незначительная часть публики: на долю же посѣтителей сада приходятся только упражненія гимнастовъ, да оркестръ музыки, правда, очень хорошій. Отъ этого для г. Деккеръ-Шенка происходитъ двойной проигрышъ: какъ съ саду, такъ и въ залѣ бываетъ мало публики; въ первомъ — отъ недостатка увеселеній, а во второмъ — отъ дороговизны мѣстъ которыя немногимъ по-карману. Впрочемъ, въ послѣднее время, сдѣланы въ этомъ отношеніи нѣкоторыя улучшенія и въ саду даются концерты-монстры подъ управленіемъ г. Карлберга, управлявшаго подобными концертами въ Лондонѣ, Нью-Іоркѣ и другихъ городахъ. Кромѣ того, въ послѣднее время изъ сада Минеральныхъ водъ пущенъ былъ г. Сивелемъ, извѣстнымъ воздухоплавателемъ, шаръ, который потомъ благополучно спустился на луговой низменности, между Парголовымъ и дер. Юкки. Въ концертномъ залѣ, кромѣ французскихъ шансонетокъ съ болѣе или менѣе игривымъ характеромъ и прозрачными намеками на современныя событія, какъ напр. въ куплетахъ «A bas les hommes», героически исполняемыхъ г-жею Лафуркадъ, кромѣ различныхъ пантомимныхъ сценъ и небольшихъ балетовъ, исполняются даже цѣлыя оперетки неизмѣннаго Оффенбаха, и исполняются прекрасно. Въ публикѣ, посѣщающей заведеніе Минеральныхъ водъ, много иностранцевъ (преимущественно французовъ).

Вообще, оффенбахіады не потеряли значенія въ глазахъ извѣстной части нашей публики. «Прекрасная Елена» не только не сходитъ со сцены, но благодаря такимъ исполнительницамъ, какъ г-жа Кронебергъ, положительно укрѣпляется на ней: такъ, мы видимъ, что изъ казенныхъ театровъ эта оперетта перешла въ театры частные и заняла почетное мѣсто въ репертуарѣ любительской труппы въ Лѣсномъ корпусѣ. О провинціальной публикѣ и говорить нечего: тамъ навѣрно всѣ убѣждены, что кому удалось видѣть «Прекрасную Елену», тотъ можетъ умереть спокойно.

Слабымъ подражателемъ гг. Излеру и Деккеръ-Шенку является г. Егаревъ въ своемъ «Русскомъ Семейномъ Саду», что въ Офицерской улицѣ. Въ саду г. Егарева, на особой сценѣ, даются довольно разнообразныя представленія: тутъ вы увидите гимнастовъ, танцы, услышите французскіе куплетцы съ неизмѣнными взвизгиваніями, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не можетъ обойтись ни одна французская пѣвица, тирольскія пѣсни и наконецъ знаменитую въ своемъ амплуа г-жу Филиппо. Сія послѣдняя, каждый разъ, по настоятельнѣйшему требованію публики, исполняетъ снискавшую ей извѣстность пѣсенку «L'amour ce n'est que cela». Такимъ образомъ, за одно только лѣто, она пропоетъ ее, считая по 6 разъ въ недѣлю, слишкомъ 100 разъ! Пропаганда, какъ видите, весьма значительная. Къ счастью, она распространяется въ массѣ такой публики, которая чѣмъ другимъ, а ужъ неопытностію и незрѣлостью похвалиться ни въ какомъ случаѣ не можетъ; слѣдовательно, за нравственность ея можно быть совершенно покойнымъ. Говоря вообще, въ увеселительномъ заведеніи г. Егарева можно остановиться только на очень хорошемъ оркестрѣ г. Флиге, первомъ послѣ павловскаго, да на американскихъ гимнастахъ бр. Гросби. Садъ помѣщается чуть не въ центрѣ города, среди городскаго шума, пыли и духоты, которая еще болѣе увеличивается отъ фонарей и разныхъ каптилокъ, во множествѣ раставленныхъ въ саду. Прибавте къ этому порядочную толкотню, давку, грязный буфетъ и — картина будетъ полная.

Гораздо большимъ разнообразіемъ и привлекательностью отличается не менѣе извѣстный петербуржцамъ Крестовскій садъ, содержимый г. Мартыновымъ. Не говоря уже о выгодахъ самого помѣщенія, на берегу Малой Невки, у пароходной пристани, среди сосноваго лѣса, вдали отъ трескотни экипажей и проч., заведеніе это привлекаетъ многочисленную публику крайне разнообразнымъ составомъ своихъ представленій и въ особенности своею несравненною Эммою Браатцъ. Если на сценахъ заведеній гг. Деккеръ-Шенка и Егарева можно видѣть и слышать одних только иностранцевъ, то въ Крестовскомъ саду большинство нумеровъ исполняется русскими и при составленіи программы, очевидно, разсчитывается на русскій вкусъ, русскіе нравы и русскую публику. Сцена Крестовскаго сада служитъ, та-

кимъ образомъ, ареною для всякихъ начинающихъ отечественныхъ талантовъ, которыхъ, къ удивленію россіянъ, оказывается не малое таки количество. Одинъ напр., парродируетъ Горбунова, другой Монахова, третій Вейнберга, четвертая г-жу Филиппо, переложенную на русскіе нравы, пятый Никольскаго и т. далѣе. Всѣ они, какъ подражатели, разумѣется, далеки отъ своихъ оригиналовъ, но вообще довольно забавны и публикою любимы. Самый единодушный и непритворный восторгъ возбуждаютъ сцены изъ еврейскаго быта,а также русскіе романсы,исполняемые г. Клотомъ. Кромѣ различныхъ сценъ, куплетовъ, малороссійскихъ пѣсенъ и русскихъ романсовъ, кромѣ многочисленныхъ гимнастическихъ упражненій талантливаго семейства Браатцъ, на сценѣ Крестовскаго сада ежедневно поетъ небольшой хоръ изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ — въ московско-цыганскомъ вкусѣ и исполняются разные характерные танцы. Главнымъ же фокусомъ, въ которомъ сходятся всевозможные вкусы, устраняются всякія несогласія и сосредоточивается вся притягательная сила Крестовскаго сада—является безподобная Эмма Браатцъ. Съ необыкновенною ловкостью, силою, гибкостью тѣла и другими акробатическими достоинствами, она соединяетъ въ себѣ: прелестную наружность, классическую красоту всего тѣла, изящество и благородство манеръ и, наконецъ, замѣчательное достоинство, съ которымъ она держитъ себя передъ довольно смѣшанною публикою заведенія г. Мартынова. Ловкость и изящная простота, проглядывающія во всѣхъ ея даже головоломныхъ упражненіяхъ на канатѣ и трапеціи, и смѣлость, съ какою она ихъ выполняетъ, уничтожаютъ то непріятное впечатлѣніе, которое обыкновенно производятъ на зрителей подобныя зрѣлища, тѣмъ болѣе, если они исполняются женщиной.

Изъ мѣстъ, гдѣ можно провести время не только съ удовольствіемъ, но и съ пользою, можно указать на Зоологическій садъ, помѣщающійся въ Александровскомъ паркѣ, что на Петербургской сторонѣ. Въ немъ изрядное количество всякаго рода животныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя довольно рѣдки, какъ напр. летучія собаки, кенгуру, дикобразъ, казуары, ручной слонъ, ежедневно играетъ небольшой оркестръ и три раза въ недѣлю даются представленія акробатомъ Егоромъ Васильевымъ. Сей послѣдній, бывшій полотеръ, а нынѣ, какъ говорится въ афишахъ,—«первый русскій акробатъ», ходитъ по туго натянутому, на высотѣ 85 футовъ отъ земли канату, на которомъ выдѣлываетъ, хотя не совсѣмъ ловко, но за то смѣло, довольно обыкновенныя штуки. Впрочемъ, для перваго раза недурно и это.

Что касается до храмовъ Мельпомены, то въ лѣтнее время они, какъ извѣстно, оставляются въ покоѣ. Вмѣсто чуднаго голоса Ваш-Лавровской, подъ темными ихъ сводами раздается гнусливый тенорокъ штукатура-кашинца, распѣвающаго отъ скуки пѣсенку, сложенную въ деревнѣ и передѣланную въ Питерѣ; вмѣсто раздражительнаго благоуханія бельэтажа, разносится крѣпкая махорка театральнаго сторожа, переговаривающагося съ рабочими изъ ложи 2-го яруса; на томъ самомъ мѣстѣ, куда обыкновенно проваливается Донъ-Жуанъ или волшебница Наина и гдѣ летали наши полувоздушныя балерины,—стоитъ теперь прозаическое ведро красильщика, конечно не для иллюзіи поставленное... Все красится, чистится, передѣлывается.

Незамѣтный наблюдатель.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Хотя богатство матеріаловъ, ежегодно накопляющихся въ редакціи «Нивы», такъ велико, что мы нерѣдко затрудняемся помѣщеніемъ ихъ на страницахъ нашего журнала, тѣмъ не менѣе, желая содѣйствовать распространенію свѣденій о нашемъ отечествѣ преимущественно предъ всѣми прочими знаніями, редакція обращается къ тѣмъ изъ гг. подписчиковъ, которые пожелаютъ почтить насъ присыланіемъ корреспонденцій объ интересныхъ событіяхъ, а также статей всякаго рода, касающихся мѣстной этнографіи, народнаго быта и хозяйства, съ покорнѣйшей просьбой высылать таковыя по извѣстному нашему адресу.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою 13 Августа 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 34. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 23 августа 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Въ лѣсу.

Стынетъ вечеръ, догорая,
Сторона моя лѣсная —
Словно въ дымкѣ золотой.
Не колышатся березы,
А давно-ль шумѣли грозы,
Лѣсъ ломая вѣковой.

Посмотри — заснули птицы,
Ярко вспыхнули зарницы,
И ползетъ сѣдая мгла —
Тихо, тихо отъ востока.
Звѣзды робкія высоко
Ночка лѣтняя зажгла.

Спой мнѣ пѣсню, злыя муки
Отойдутъ подъ эти звуки,
О быломъ мнѣ говори,
Чтобъ въ душѣ моей мятежной
Пробудилъ твой голосъ нѣжный
Мирный свѣтъ лѣсной зари.

В. Н. Д.

Хищная птица.

(Изъ малороссійскаго быта).

Разъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, зашелъ я, по дѣлу своему, въ Б... Волостное Правленіе, помѣщающееся въ довольно большомъ для мѣстечка домѣ, чистенько обмазанномъ снаружи бѣлою глиною.

На крыльцѣ и въ передней комнатѣ, отдѣльными группами, сидѣли и стояли казаки, крестьяне-собственники и временно-обязанные, и вели межъ собой оживленные разговоры. Я подошелъ къ одной изъ группъ.

Пожилой казакъ, съ сильно озабоченнымъ выраженіемъ лица, обсказывалъ товарищамъ свое дѣло, назначенное въ этотъ день къ рѣшенію, и спрашивалъ у нихъ совѣта, чтó говорить ему передъ судьями.

— А ежели мнѣ судьи скажутъ такъ, предполагалъ тяжущійся,—чтó отвѣчать мнѣ на это?

— Вотъ такъ говори, совѣтовали товарищи.

— Хорошо, какъ оно придется въ ладъ, отвѣчалъ казакъ, вызванный къ суду,—а ежели я позабуду, да не смогу высказать такъ, какъ вы мнѣ говорите, чтó тогда будетъ?

— А какъ позабудешь, то приходи къ намъ. Мы тебя добре науштаемъ [1]), чтобъ ты больше не забывалъ.

— Что у васъ тутъ такое сегодня? спросилъ я у одного изъ совѣтчиковъ.

— Да судить будутъ судьи наши, отвѣчалъ онъ,

[1]) Науштаемъ — отъ слова «ухо», натвердимъ, укрѣпимъ въ памяти.

качнувъ головой на сосѣднюю комнату. — Развѣ не знаете?!

Я вошелъ туда, и какъ разъ во-время. Судебное разбирательство только-что начиналось [2]).

У большаго стола, накрытаго зеленымъ сукномъ, стояло человѣкъ пять изъ казаковъ и временно-обязанныхъ крестьянъ.. То были выборные судьи, люди пожилыхъ лѣтъ и степеннаго виду. Я присѣлъ въ сторонкѣ и сталъ прислушиваться къ ихъ разговору. Говорили они о предметахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ предстоявшему судебному разбирательству. Частенько слышались въ ихъ разговорѣ «карбованцы», «кварты» и «полкварты» горѣлки, фамилія одного еврея, содержавшаго лучшій шинокъ въ мѣстечкѣ, подъ громкимъ наименованіемъ «Парыжа», упоминался какой-то Иванъ Баранчукъ.

— Онъ тоже дѣло понимаетъ, говорилъ про него одинъ изъ судей.—Мы его упечемъ.

Этотъ Иванъ Баранчукъ, какъ оказалось впослѣдствіи, по наведеннымъ мною справкамъ, принадлежалъ къ числу *богатырей* мѣстечка и мѣтилъ въ судьи. Богатыри, т. е. зажиточные люди межъ казаками и крестьянами, выбираютъ въ судьи обыкновенно богатырей же и поддерживаютъ другъ друга на выборахъ; а потому желающіе занять эту должность заранѣе, косвенными путями, заявляютъ о томъ: присутствуютъ на судебныхъ засѣданіяхъ, по шинкамъ ходятъ съ судьями и угощаютъ ихъ, а при случаѣ и сужденія свои высказываютъ о предстоящемъ къ рѣшенію или рѣшонномъ уже дѣлѣ.

Но вотъ писарь начинаетъ читать истцовое прошеніе. Судьи продолжаютъ свой пріятельскій разговоръ.

— Да сядьте же, пожалуйста, обращается онъ къ нимъ съ увѣщаніемъ,—да слушайте, что я вамъ читать буду.

Судьи усаживаются и слушаютъ.

Казакъ проситъ на казака за землю. Когда-то, много лѣтъ тому назадъ, «дідъ, чи прадідъ», истецъ и самъ положительно о томъ не знаетъ, заложилъ одному изъ предковъ отвѣтчика «нивку» въ три десятины за одинъ карбованецъ. Къ прошенію приложена и закладная.

Но васъ, читатель, удивитъ быть-можетъ ничтожность суммы займа сравнительно съ стоимостью залога. Случалось въ старину не рѣдко, что нива въ десятину закладывалась за кварту горилки. Бывали случаи и покуріознѣе—и не залога, а продажи.

Позвольте на минуту отступить отъ разсказа.

Разъ, въ одномъ селѣ, знакомая мнѣ вдовствующая попадья вынесла цѣлую связку бумагъ, тщательно сложенныхъ и перевязанныхъ веревочкой еще покойнымъ ея мужемъ.

— А разберите мнѣ, пожалуйста, просила она меня,—вотъ эти записки. Можетъ, есть тутъ такія, которыя и не нужны, такъ ихъ лучше отсюда выбросить.

Я сталъ разбирать и нашелъ межъ старинными купчими одинъ очень любопытный документъ.

То была партикулярная купчая. Нѣкій казакъ продалъ десятину пахатной земли за рѣшето сухарей.

Мнѣ любопытно было узнать объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилась такая продажа.

— Да такъ же, добродію, отвѣчала простодушно на мой вопросъ старая попадья.—Годъ былъ голодный, а у Васильца (фамилія казака) семья большая. Вотъ приходитъ онъ ко мнѣ—сынъ его былъ у меня тогда въ работникахъ—и проситъ хлѣба. Вынесла я ему рѣшето «сухарцівъ», а онъ мнѣ за то нивкой поступился.

«Дорогою же цѣной», подумалъ я, «продавала ты свои «сухарьцп», наготовленные про запасъ изъ даровыхъ *книшей* [3]), собранныхъ въ народѣ».

Или, вотъ еще случай. Этотъ будетъ, пожалуй, покуріознѣе перваго.

Разъ, одинъ казакъ вытребованъ былъ изъ своего села въ Управу, по какому-то дѣлу, въ качествѣ свидѣтеля, что-ли, положительно сказать не могу, и зашелъ послѣ разбирательства въ шинокъ. Выпилъ онъ добре, а закусить нечѣмъ. Вотъ одинъ изъ товарищей его, сосѣдъ по хатѣ, и предлагаетъ ему *шматокъ* [4]) сала да *глекъ* [5]) молока изъ взятой про запасъ провизіи.

— Что-жь ты дашь мнѣ за это? спросилъ онъ у проголодавшагося казака.

— Да я тебѣ нивку уступлю...

— А кто же намъ купчую напишетъ?

— Да вотъ завтра придетъ ко мнѣ дьякъ за *роковщиной* [6]), отвѣчалъ казакъ, сгарая нетерпѣніемъ прибрать къ рукамъ сало и молоко,—такъ онъ намъ и купчую напишетъ. А какъ лѣзть намъ до писаря, такъ тому платить нужно...

Трудно было повѣрить, чтобъ могла состояться подобная сдѣлка, хотя разсказывалъ мнѣ о томъ и внукъ покупщика. Я выразилъ сомнѣніе, выслушавъ его разсказъ.

— Да у меня и документъ есть, отвѣчалъ онъ.— Вотъ, читайте, если не вѣрите.

То былъ лоскутъ ветхой бумаги. Я прочиталъ, и не вѣрилъ глазамъ своимъ.

«Я, нижеподписавшійся, такой-то казакъ, такого-то села», писалъ дьякъ за неграмотнаго продавца, «продалъ съ доброй моей воли, за согласіемъ жены моей и дѣтей, а не съ каковаго-либо принужденія, въ вѣчное потомственное владѣніе, такому-то казаку, въ такомъ-то урочищѣ, нивку, въ три дня съ упругомъ [7]), за цѣну: шматка сала и глекъ молока».

У казака, видите-ли, не было при себѣ грошей; послать же въ село за закуской было некого, а самому сходить—далеко и лѣнь.

Но возвратимся къ нашему разсказу.

Истецъ хочетъ выкупить теперь заложенную землю. Отвѣтчикъ, одинъ изъ богатырей, конечно того не желаетъ. Его даже нѣтъ и на лицо.

Судьи выслушали прошеніе и посматриваютъ другъ на друга.

— Что же? говорите! подталкиваетъ писарь.—Скажите, какъ по вашему будетъ?

Одинъ изъ судей, побойчѣе другихъ, вполнѣ увѣренный въ томъ, что съ его мнѣніемъ будутъ согла-

[2]) Судебныя разбирательства назначаются въ Волостныхъ Правленіяхъ, большею частью, по воскресеньямъ или праздникамъ, въ дни нерабочіе.

[3]) Книшъ—житный, т. е. ржаной пирогъ, безъ начинки.

[4]) Шматокъ—кусокъ.

[5]) Глекъ—кувшинъ.

[6]) Такъ называется особый поборъ, взимаемый въ Малороссіи духовенствомъ съ народа. Каждый казакъ и крестьянинъ долженъ ежегодно (потому и роковщина—отъ *рокъ*, годъ) привести попу мѣшокъ жита или гречки. Дьяконъ, дьячекъ и пономарь сами ѣздятъ за сборомъ роковщины.

[7]) Три дня съ упругомъ составляютъ двѣ десятины съ половиною, такъ какъ въ днѣ заключается $^{3}/_{4}$ дес., а упругъ=$^{1}/_{8}$ дня.

сны остальные, начинаетъ говорить, и конечно въ пользу отсутствующаго отвѣтчика. Истецъ—человѣкъ бѣдный—по мнѣнію его, не имѣетъ права выкупать заложенной земли. Нѣтъ въ его приговорѣ ни ссылки на законъ, ни какого бы то ни было юридическаго основанія.

— Мнѣ кажется, что такъ нужно! заключилъ судья и посмотрѣлъ многозначительно на старшину и засѣдателя. Знаетъ онъ хорошо, что имъ воспрещено вмѣшиваться въ судебныя разбирательства.—Много ихъ найдется такихъ. Какъ имъ поводъ дать, такъ у насъ самихъ послѣ этого шматка земли не будетъ!..

Проходитъ минута въ молчаніи.

— А какъ вы, люди добрые, скажете? обратился судья къ сотоварищамъ.

— Оно-то не такъ, какъ вы говорите... началъ одинъ изъ нихъ, а за нимъ и остальные, повторяя его слова.—А вотъ какъ нужно...

А «какъ»—и сами того не знаютъ. Да нельзя же, видите-ль, такъ сразу и согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ «наиразумнѣйшимъ» судьей. Нужно же поперечить ему, хотя такъ, для видимости.

— А какъ же по вашему? спросилъ ихъ тотъ съ вызывающимъ видомъ.

Тогда спорщики ухватились за головы, да и заговорили всѣ въ одинъ голосъ:

— Ну, ужь коли насъ перебивать, Микита Антонычъ, такъ пусть будетъ такъ, какъ вы говорите!

И, обратившись къ писарю, судьи приказали:—Пишите приговоръ!

Писарь усмѣхнулся, взялъ «Выписки изъ Свода Законовъ» и прочиталъ одну изъ статей. Выходитъ, что судьи постановили свой приговоръ въ явную противность закону [8]).

— Да, когда-то оно такъ было! отвѣчали ему неграмотные судьи.—А теперь пускай такъ будетъ, какъ мы скажемъ. Пишите-жь приговоръ!

И, поглядывая недовѣрчиво на писаря, проговорили межь собой:—Видно онъ карбованца взялъ, такъ-такъ по книгѣ и пишетъ!

— Да смотрите же, чтобъ вамъ не пришлось отвѣчать за то! замѣтилъ писарь и сталъ писать приговоръ.

— А отвѣчать, такъ и будемъ отвѣчать! самонадѣянно отозвались судьи. — Если обидно кому, такъ пускай жалуется на насъ.

Написалъ писарь приговоръ и прочиталъ истцу.

Зналъ видно истецъ, что не добьется ничего жалобой,—а потому, въ надеждѣ умилостивить своихъ судей, сталъ имъ обсказывать бѣдное свое житье-бытье и еще на словахъ доказывать право на заложенную предкомъ его землю.

Судьи слушали его нетерпѣливо и пришли наконецъ въ негодованіе.

— А въ старину знаешь какъ было? спросилъ его одинъ изъ судей съ гнѣвливымъ выраженіемъ въ голосѣ.—Вонъ, тамъ, у порога постоишь! А теперь пойдетъ, да калякаетъ, да калякаетъ!

— То (т. е. отвѣтчикъ) съ дѣдовъ и прадѣдовъ хозяинъ, подхватилъ другой.—А ты—ледаще!

— Да если-бъ дѣдъ мой съ батькомъ не пропивали, замѣтилъ истецъ, задѣтый за живое,—такъ и я-бъ такой же хозяинъ былъ, какъ и онъ...

— Вотъ тогда-то то и было, какъ батько твой былъ хозяиномъ, отвѣтили ему на его замѣчаніе,—а какъ пропился, такъ ты теперь ледаще!

— Такъ вотъ онъ, Б...ой народный судъ! подумалъ я, вставая съ мѣста.

И чего, казалось, лучше желать по принципу самоуправленія: выбирайте сами себѣ судей изъ среды своей, по вашимъ судебнымъ дѣламъ, смѣняйте ихъ, если не будутъ они соотвѣтствовать своему назначенію. И выборъ ихъ, кажется, свободенъ, не стѣсненъ ни чѣмъ, и мѣняютъ ихъ четыре раза въ году, и контроль свыше есть за ихъ судоговореніемъ, и защита отъ нихъ неправо-обвиненному...

— А какъ по вашему, пане, будетъ? спросилъ меня одинъ изъ судей, тотъ самый, который руководилъ товарищами по суду, когда я выходилъ изъ комнаты засѣданій. Онъ хотѣлъ знать мое мнѣніе объ ихъ судебномъ приговорѣ.

— Вы люди знающіе, много по свѣту ходили и много видѣли... А мы люди темные... какъ знаемъ, такъ и судимъ...

Но слова его отзывались фарисейскимъ смиреніемъ, самоприниженіе, сознаніе въ темнотѣ и слѣпости—неискренностью.

— Не темный ты человѣкъ, подумалъ я про него, — и видишь, и знаешь хорошо, что не по закону и не по совѣсти судишь, и другихъ еще сбиваешь на то.

— Довелось бы мнѣ судить, такъ судилъ бы по закону, отвѣчалъ я ему.

— Э, знаете что, пане, сказалъ онъ мнѣ, и на этотъ разъ съ полною откровенностью,—какъ все по закону судить, такъ намъ тогда и на свѣтѣ не жить... Нужно въ очи людямъ дивиться!

Нужно въ очи людямъ дивиться, т. е. судить по человѣку... Богатъ онъ, вліятеленъ—правъ; бѣденъ—виноватъ.

Такъ смотрятъ на законъ и отправленіе своихъ обязанностей многіе волостные судьи настоящаго времени, которымъ «громада» даетъ власть творить надъ собой судъ и расправу.

Я вывожу въ настоящемъ разсказѣ моемъ одного изъ тѣхъ мелкопомѣстныхъ пановъ малороссійскихъ, которые, понабравшись, во время службы своей «на Губерніи», кой-какихъ свѣдѣній въ законахъ, руководили, и словомъ, и дѣломъ, тяжущихся въ народѣ. Тогда волостной судъ находился въ рукахъ одного человѣка. Голова былъ и судьей и администраторомъ. Каковъ былъ этотъ старый судъ, въ сравненіи съ нынѣшнимъ, коллегіальнымъ и самостоятельнымъ, предоставляю судить читателю по прочтеніи разсказа [9]). Съ своей стороны, замѣчу только, что настоящій гласный волостной судъ прекратилъ темное вмѣшательство въ него постороннихъ людей, отнявъ у нихъ ту прибыльную практику, кото-

---

[8]) Одною изъ статей Литовскаго Статута допускался закладъ земли «на упадъ», т. е. на срокъ, по истеченіи котораго залогодатель, не выкупившій своихъ земель, теряетъ на нихъ право. Нынѣ же дѣйствующій законъ не полагаетъ срока на выкупъ заложенной казацкой земли: она можетъ быть выкуплена во всякое время. Въ приводимомъ же мною случаѣ, волостные судьи, постановляя рѣшеніе не въ пользу залогодателя, руководились, безъ всякаго сомнѣнія, произволомъ и личными своими разсчетами.

[9]) Ни старшина, ни засѣдатель не имѣютъ права вмѣшиваться въ судебныя разбирательства, что однакожь не лишаетъ ихъ возможности дѣйствовать, въ иныхъ случаяхъ, заодно съ судьями, придавая дѣлу направленіе, согласное съ ихъ видами.

рая тяжелымъ гнетомъ ложилась на тяжущихся въ народѣ.

I.

Панъ Шулякъ принадлежалъ къ породѣ хищныхъ. Не даромъ, и фамилія была у него такая [10]).

Я захватилъ пана Шуляка на мѣстечкѣ только въ послѣдній годъ его жизни. Это былъ древній уже старикъ, лѣтъ подъ девяносто, но бодрый еще и дѣятельный, въ здравомъ умѣ и въ твердой памяти.

Складъ его до нельзя высохшаго лица, какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ, вполнѣ гармонировалъ съ наклонностями его хищной натуры. Каріе, чрезвычайно подвижные глаза его взглядывали изъ подъ длинныхъ, нависшихъ бровей — особенно въ минуты корыстнаго задора, гнѣва или досады,—чисто по ястребиному, а крючковатый, заостренный носъ, почти соприкасавшійся съ острымъ подбородкомъ, удивительно какъ напоминалъ собою клювъ хищной птицы. Посмотришь на него, бывало, какъ ходитъ онъ по базару и высматриваетъ лакомые куски изъ вывезенной на продажу провизіи, распустивъ по вѣтру полы своей старосвѣтской шинели,—ну такъ и кажется, что ястребъ носится въ воздухѣ подъ птичьимъ дворомъ, выжидая удобной минуты, чтобъ опуститься на свою добычу...

Но слабъ уже былъ полетъ его въ это время, старые глаза измѣняли, притупились и острые когти на его могучихъ когда-то лапахъ.

Да и добыча уже ускользала отъ нихъ, посмышленѣе стала всякая слабая мирная птица, надзоръ за нею бдительнѣе прежняго, охрана надежнѣе.

Панъ Шулякъ, какъ и большинство пановъ на мѣстечкѣ, происходилъ изъ казачьяго роду. Его отецъ, простой казакъ, еще въ царствованіе Екатерины II, былъ крамаремъ, т. е. торговцемъ. Тогда торговля и всякаго рода промышленность находились въ рукахъ у казаковъ. Теперь крамарей замѣнили евреи.

Разъ какъ-то доходитъ страшный слухъ до мѣстечка, что торгующіе казаки въ скоромъ времени будутъ переименованы въ мѣщанъ. Вотъ сошлись крамари вмѣстѣ и стали думать крѣпкую думу, какъ бы избыть имъ «сего лыха». «Помірковали» [11]) они, потолковали, и рѣшили собрать «якъ можно більше грошей» и послать съ ними выборныхъ людей въ .....ой [12]). А въ .....вѣ сидѣлъ тогда ихъ благопріятель, одинъ изъ значительныхъ пановъ мѣстечка. Собрали они гроши, выбрали изъ среды своей пятерыхъ «наиразумнѣйшихъ» людей и отправили ихъ въ городъ. Въ числѣ этихъ пяти былъ и отецъ нашего Шуляка.

Пріѣхали «наиразумнѣйшіе» люди въ .....въ и «роспытали» отъ добрыхъ, что есть тамъ «такій чоловікъ», который «патенты на чины мае и продае». Пришли къ нему наши казаки, поклонились привезенными «громадьскими грошами» — и вернулись на мѣстечко корнетами.

Заикнулась, было, торгующая казачья громада о своихъ грошахъ, такъ куда! Носы подняли вновь испеченные паны, и доступу къ нимъ нѣтъ...

Такъ-то попалъ Шуляковъ отецъ въ корнеты, не служивши нигдѣ ни прежде, ни послѣ сего.

Правда, выбранъ онъ былъ потомъ на трехлѣтіе начальникомъ мѣстечка [13]), но то была служба почетная, да къ тому же и прибыльная.

Завелъ онъ, говорятъ, между прочимъ ночные обходы. Ходятъ, бывало, обходчики по мѣстечку и забираютъ пьяныхъ. Приведутъ ихъ на утро къ пану начальнику, случалось, человѣкъ до пятидесяти; а тотъ въ наказаніе и разошлетъ ихъ на свои работы, кого жать, кого косить, плетни городить, рвы копать,—въ зимнее же время—молотить, или дрова рубить. Они замѣняли ему крѣпостныхъ.

Былъ у корнета Шуляка малолѣтній сынокъ. Его, какъ панича, счелъ за нужное родитель грамотѣ обучить и на семнадцатилѣтнемъ возрастѣ въ ближайшій городъ на службу отправилъ. Здѣсь поступилъ молодой Шулякъ въ губернское правленіе, дослужился до перваго чину, былъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ засѣдателемъ по выбору, послѣ чего получилъ тепленькое мѣстечко при нѣкоемъ богоугодномъ заведеніи. Долгонько таки держался онъ тутъ, нагрѣвая руки, до третьяго чину добрался, попался подъ судъ, но вышелъ сухъ изъ воды и поселился въ родномъ мѣстечкѣ на постоянное жительство.

Вотъ сѣлъ Шулякъ на мѣстечкѣ и сталъ заниматься сочиненіемъ прошеній, а подъ часъ и доносовъ. Человѣкъ онъ былъ отъ природы умный и находчивый, а послуживши «на губерніи», въ знаніи законовъ искусился и руку въ писаніи бумагъ понабилъ.

Раздолье было тогда людямъ такимъ межъ темнаго и забитаго народа. То были хищныя щуки, безъ устали, всю долгую жизнь свою, гонявшіяся за мелкою, беззащитною рыбою...

(Окончаніе будетъ).

[10]) Шулякъ—ястребъ.

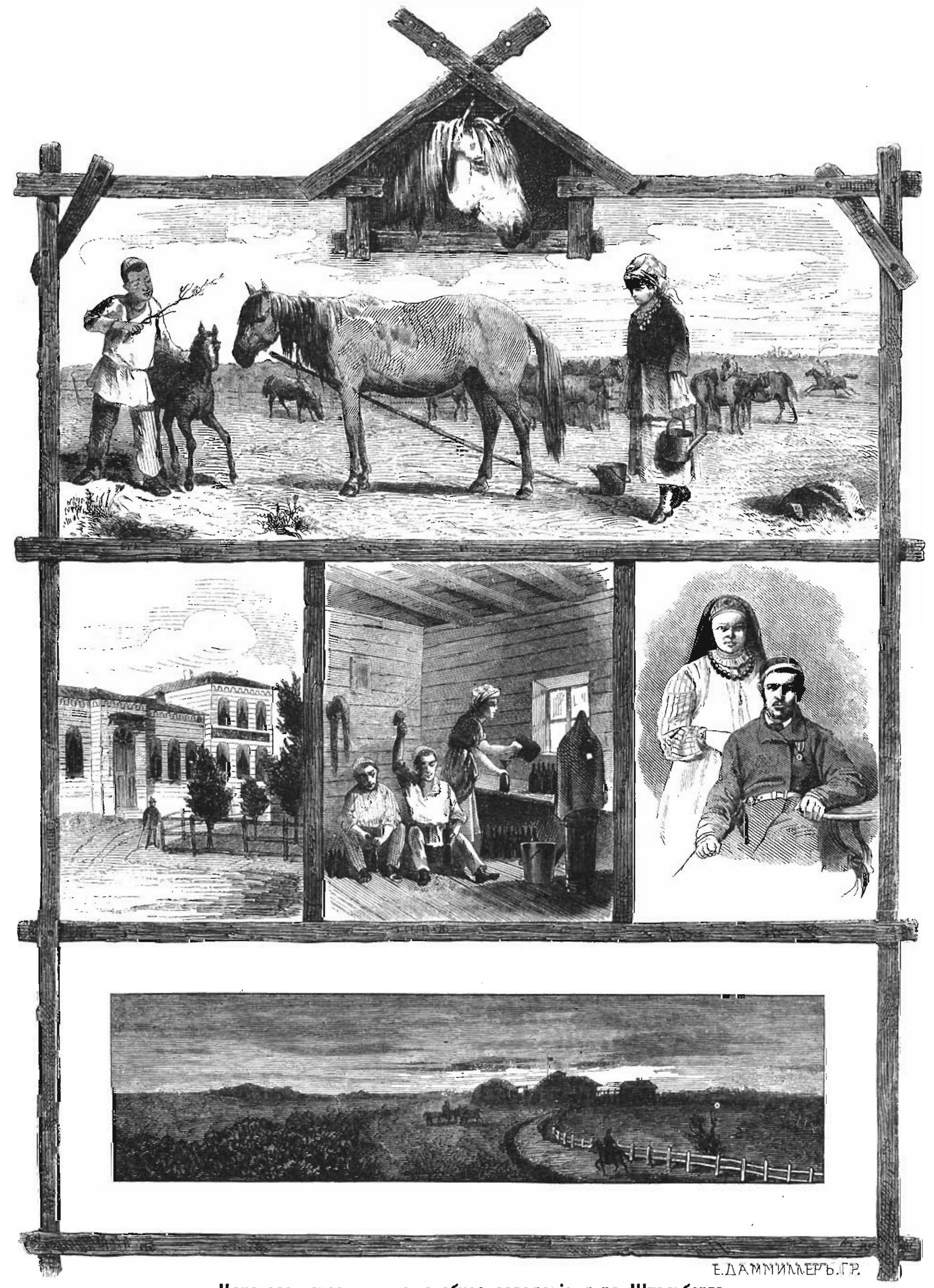
[11]) Мірковать—говорить, разсуждать о мірскихъ дѣлахъ.

[12]) Мѣстечко Б*** входило тогда въ составъ .....ой Губерніи.

[13]) Въ тѣ времена были еще начальники мѣстечекъ. Назначались они по выбору изъ мѣстныхъ пановъ, на трехлѣтіе, и были чѣмъ-то въ родѣ нашихъ городничихъ.

Царскосельское кумысо-лечебное заведеніе.

Мы едва-ли ошибемся, предположивъ, что изъ нашихъ читателей рѣдко кому удавалось видѣть вблизи кумысо-лечебное заведеніе. Считая этого рода заведенія, а въ особенности царскосельское, въ высшей степени интересными и достойными вниманія, мы прилагаемъ изображеніе лечебницы дра-Штальберга въ Царскомъ Селѣ. На верху рисунка представлена въ видѣ эмблемы голова степной матки. Подъ этой головой изображено пастбище кобылицъ съ верховымъ пастухомъ, а на первомъ планѣ самый процессъ доенія кобылицы. Этотъ процессъ настолько разнится отъ подобнаго процесса у другихъ животныхъ, что мы считаемъ необходимымъ дать нѣсколько предварительныхъ свѣденій, почерпнутыхъ нами изъ разспросовъ. Матка даетъ молоко только при жеребенкѣ, т. е. пока онъ сосетъ; для того чтобы воспользоваться этимъ молокомъ, жеребятъ отлучаютъ утромъ и ставятъ на кормъ (сѣно, трава, овсяная мука, вода и т. п.) на такое мѣсто, гдѣ матки могутъ ихъ видѣть (доильня съ рѣшетчатымъ заборомъ),

Царскосельское кумысо-лечебное заведеніе д-ра Штальберга.

Рисов. В. Шпакъ, гравир. Е. Даммюллеръ.

но гдѣ пространство между тесинами забора не позволяетъ просовывать морду для того, чтобы пососать.

Такимъ образомъ жеребята отлучены, а матки пасутся и выдаиваются разъ до пяти въ день. Приступаютъ къ дойкѣ всегда вдвоемъ. Мужчина накладываетъ кобылицѣ черезъ голову шестъ съ ремнемъ (укрюкъ); животное знаетъ, что оно словлено, и стоитъ смирно. Затѣмъ доильщица опускается на колѣно и начинаетъ доить. Такъ какъ кобылица можетъ произвольно спускать и удерживать молоко, то часто приходится под-

пустить сперва жеребенка и, давши ему немного пососать, затѣмъ уже выдаивать все молоко. На гравюрѣ представленъ именно тотъ моментъ, когда жеребенокъ выгоняется для высасыванія. Вечеромъ жеребята выпускаются и пасутся всю ночь съ матками.

Картинка подъ фигурою кобылицы передаетъ намъ моментъ разливки свѣжаго, приготовленнаго въ жестяной кадкѣ, кумыса въ бутылки.

Считаемъ не лишнимъ упомянуть объ опрятности, съ которою мастеръ приготовляетъ и разливаетъ кумысъ. Кумысъ выливается изъ кадки въ ведро съ горлышкомъ непремѣнно черезъ рѣдкое сито, изъ ведра же въ ковши опять черезъ сито.

Направо — портреты старшаго мастера Абдула Меджида съ женою: первый удостоенъ Высочайшей награды за многолѣтнее приготовленіе отличнаго качества кумыса. Налѣво—лечебное заведеніе въ Царскомъ на углу бульвара; а внизу—кумысо-приготовительное заведеніе, что по Колпинскому шоссе въ 2-хъ верстахъ отъ Царскаго.

Видѣвши все производство на мѣстѣ, мы должны сознаться, что мы никакъ не предполагали, чтобы оно было столь многосложно и сопряжено съ такими большими расходами. Содержать близь Петербурга табунъ въ 80 головъ съ столькими же жеребятами круглый годъ — стóитъ не дешево, — и если мы, прежде находили, что цѣна кумысу довольно высока, то теперь совершенно убѣдились въ противуположномъ.

Научная сторона этого дѣла интересовала насъ уже давно, а именно съ 1867 года, когда мы прочли въ парижскихъ медицинскихъ журналахъ, что д-ръ Штальбергъ читалъ въ парижской академіи о кумысѣ. Послѣднее слово было французамъ повидимому чуждо, такъ какъ въ газетахъ было объясненіе этого слова (le lait de jument fermenté). Тутъ-то мы впервые поняли всю важность мысли нашего соотечественника, старавшагося доказать, что кумысъ можно приготовлять при извѣстныхъ условіяхъ вездѣ и тѣмъ самымъ дать громадный толчекъ вопросу о леченіи чахотки и другихъ тяжкихъ болѣзней, соединяя южный климатъ съ этимъ превосходнѣйшимъ средствомъ. Прочитавъ брошюру д-ра Штальберга, мы убѣдились, что его доводы логичны и научно вѣрны.

Онъ именно доказываетъ, что качество молока зависитъ болѣе отъ породы животнаго, чѣмъ отъ его корма (который во всякомъ случаѣ долженъ быть лишь сытенъ и удобоваримъ).

Намъ не разъ приходилось убѣждаться собственными глазами въ томъ, что на фермахъ, гдѣ кормились разныхъ породъ коровы однимъ и тѣмъ же кормомъ, молоко получалось до такой степени разнаго качества, что знатоки узнавали каждый разъ по вкусу молока породу животнаго, отъ котораго оно было взято. Доказавши разъ, что кумысъ цѣлебный можетъ быть приготовляемъ вездѣ, г. Штальбергъ сдѣлалъ огромный шагъ впередъ, ибо теперь зависитъ отъ каждаго врача создать кумысолечебное заведеніе, гдѣ ему угодно. Такимъ образомъ самое леченіе этимъ средствомъ становилось доступно и такимъ больнымъ, которые по различнымъ обстоятельствамъ никакъ не могутъ оставлять свое мѣсто жительства,—наконецъ, оно удешевилось на двѣ трети и болѣе.

Не станемъ говорить о пользѣ этого средства, такъ какъ у насъ оно уже давно пріобрѣло значительную популярность; считаемъ однако необходимымъ указать на нѣкоторыя болѣзни, въ которыхъ кумысъ производитъ отличнѣйшее дѣйствіе. До сихъ поръ думали, что кумысъ можно употреблять лишь въ чахоткѣ; между тѣмъ есть цѣлый рядъ болѣзней, въ которыхъ онъ производитъ дѣйствіе замѣчательное, какъ-то: въ малокровіи, блѣдной немочи, въ дизентеріяхъ хроническихъ, въ цынгѣ и т. д.

Благодаря иниціативѣ г. Штальберга, кумысъ сталъ играть чрезвычайно важную роль въ медицинѣ и не только у насъ, но и заграницею. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчали въ нынѣшнемъ году во многихъ заграничныхъ медицинскихъ журналахъ весьма лестные отзывы какъ о трудѣ г. Штальберга, такъ и о будущности кумыса. Такъ, извѣстный ученый профессоръ Траубе въ Берлинѣ высказался въ такомъ смыслѣ, что кумысъ доставитъ Россіи въ санитарномъ отношеніи блестящую будущность. Само собою разумѣется, что повсюду кинулись приготовлять кумысъ изъ разнаго молока; сперва начали здѣсь въ Петербургѣ— но съ полной неудачей, что впрочемъ можно было предвидѣть, такъ какъ желудокъ, не обращая вниманія ни на какіе теоретическіе выводы, отказывается переваривать кислое, испорченное молоко. Такая же участь постигла и кумысъ въ Берлинѣ, который приготовлялся тамъ прошлое лѣто въ большомъ размѣрѣ изъ коровьяго молока, съ прибавкою (согласно анализу) молочнаго сахара; выходилъ однако напитокъ даже не похожій на кумысъ. Въ нынѣшнемъ году открыли заведеніе въ Баденъ-Баденѣ, въ Отенштейнѣ, гдѣ-то во Франціи... однимъ словомъ: стараются вездѣ—и утѣшительно отчасти то, что русское средство, благодаря старанію нашего же соотечественника, пріобрѣтаетъ гражданство во всей Европѣ.

Да будетъ намъ позволено высказать свое мнѣніе касательно будущности кумыса. Кумысъ, приготовляемый въ Царскомъ Селѣ, ни въ чемъ не уступаетъ самому лучшему степному кумысу, и долженъ производить самые блистательные результаты въ леченіи чахотки, если онъ будетъ приготовляться тамъ, гдѣ зимуютъ грудные больные, именно въ Швейцаріи, Франціи, Италіи и т. д.

Есть однако и у насъ свой югъ, который не уступитъ многимъ хваленымъ мѣстностямъ въ Германіи и Сѣверной Италіи, — это Крымъ. Устройте въ Крыму кумысо-лечебное заведеніе со всѣми европейскими удобствами—и къ намъ пріѣдутъ изъ-за границы пользоваться, ибо кумысъ пока наша монополія: степныя лошади у насъ и опытность въ этомъ пользованіи тоже наша.

Пожелавъ молодому, нами описанному заведенію всякаго успѣха и процвѣтанія, мы съ особеннымъ удовольствіемъ будемъ слѣдить за ходомъ развитія этого дѣла. Намъ пока извѣстно не малое число случаевъ, въ которыхъ кумысъ въ Царскомъ Селѣ произвелъ отличнѣйшее дѣйствіе; мы знаемъ даже положительно, что въ прошлую зиму кумысъ служилъ исключительнымъ питаніемъ тяжко-больнаго. Выписываемъ еще случай изъ брошюры «Кумысъ».

«Г-жа С. 29 лѣтъ, тѣлосложенія средняго, замужемъ, имѣетъ троихъ дѣтей. Отецъ умеръ отъ чахотки, мать жива. Послѣ вторыхъ родовъ (двойней), 2 года тому назадъ, обильное кровотеченіе, и съ тѣхъ поръ хвораетъ, кашель съ мокротою, иногда съ кровью, одышка, слабость и худоба. Припадки все усиливались, силы упали до того, что съ трудомъ ходила. Послѣ употре-

бленія водъ состояніе улучшилось. За прошлою осенью снова простудилась, кашель съ кровохарканіемъ, одышка и т. далѣе. Послѣ употребленія фармацевтическихъ средствъ поправилась нѣсколько. Въ теченіе года опять сильное кровохарканье. Леченіе сывороткой имѣло послѣдствіемъ явное улучшеніе общаго состоянія, кашель былъ не такъ частъ и силенъ, мокрота слизисто-гнойная, аппетитъ лучше,—между тѣмъ физическіе признаки тѣ же.

Послѣ пріѣзда сюда изъ-за 2,000 верстъ, больная изнемогла въ высшей степени, появилось опять кровохарканье; откашливая кровь, больная чувствуетъ какъ будто облегченіе. Одышка сильная, не позволяющая больной и шевелиться, кашель особливо силенъ по утрамъ и вечерамъ, ночи же больная проводитъ въ безсонницѣ отъ кашля. Слабость до того велика, что больная не можетъ ни встать съ постели, ни читать, ни работать. Цвѣтъ лица желто-зеленоватый. Ночные поты. Дыханіе 48 въ минуту, пульсъ 126. Утренняя температура въ теченіи 5 первыхъ дней отъ 38,0 до 38,9, вечерняя же отъ 39,3 до 41,2. Мокрота густая, образующая въ водѣ комки, падающіе ко дну.

Приступлено къ употребленію кумыса съ перваго же дня; пріемы отъ двухъ стакановъ въ день, прибавляя каждый день по 2 стакана.

Черезъ недѣлю больная чувствуетъ себя крѣпче, такъ-что встаетъ съ постели и сидитъ въ креслахъ, сонъ лучше, спитъ часа по 3 сряду. Пульсъ 108. Кровохарканья нѣтъ. Пота нѣтъ.

Черезъ 2 недѣли послѣ начатія леченія кумысомъ, больная въ состояніи была пріѣхать въ лечебницу. Мокрота жиже, больше слизи, вообще мокроты отдѣляется меньше. Больная можетъ ходить, но съ помощью другаго и не далеко. Сонъ хорошъ, аппетита нѣтъ. Цвѣтъ лица принимаетъ розовый оттѣнокъ.

Леченіе продолжалось отъ 29-го іюня до 6-го сентября и больная была въ слѣдующемъ положеніи:

Наружный видъ здороваго человѣка, румяныя щеки, блестящіе глаза, груди полныя, формы вообще круглыя, походка свободная, одышка только при подъемѣ на лѣстницы. Кашель по временамъ, непродолжительный; мокроты отдѣляется мало. Аппетитъ хорошъ, сонъ также. 26 дыханій. Вѣсъ тѣла 53,137 гр., слѣдовательно прибыло съ начала болѣзни 9,401 гр.

Тупой звукъ въ названныхъ выше мѣстахъ не такъ далеко распространенъ.

Кавернозное дыханіе въ лѣвомъ легкомъ едва слышно, бронхіальное дыханіе такое же. Въ правомъ легкомъ дыханіе яснѣе, чѣмъ прежде. Больная чувствовала себя такъ хорошо, что не побоялась отправиться безъ провожатаго. О состояніи ея здоровья теперь ничего неизвѣстно».

Считая излишнимъ описывать множество подобныхъ случаевъ излеченія, мы ограничиваемся высказываніемъ нашего убѣжденія, что мы пріобрѣли въ кумысѣ весьма драгоцѣнное, ни чѣмъ не замѣняемое средство, за каковое пріобрѣтеніе г. Штальбергу отъ имени нашихъ страждущихъ спасибо.

Др. Г.

Всеобъемлющая міровая сила

(Продолженіе).

Когда частицы разнородныхъ тѣлъ приходятъ въ соприкосновеніе, то уже вслѣдствіе одного ихъ взаимодѣйствія, чаще же отъ вліянія благопріятныхъ внѣшнихъ вліяній могутъ обнаруживаться явленія съ характеромъ химическихъ процессовъ.

Но тѣла дѣйствуютъ другъ на друга не только при соприкосновеніи, а и на разстояніяхъ, даже на огромныхъ, почему они и находятся въ непрерывномъ и оживленномъ сообщеніи.

Сюда относятся явленія взаимнаго притяженія міровыхъ тѣлъ, явленія тяготѣнія, а также притяженія земли, магнитныя, электрическія, теплоты и свѣта.

Разсматривая факты съ этой точки зрѣнія, удалось открыть тѣсную связь во всемъ матеріальномъ мірѣ, причемъ каждый членъ его имѣетъ существенное вліяніе на весь остальной міръ и, сообразно своей величинѣ, производитъ вліяніе соотвѣтственное разстояніямъ.

Такъ, хотя луна и спутникъ земли и хотя земля удерживаетъ ее своимъ притяженіемъ, но и луна въ свою очередь притягиваетъ къ себѣ землю, что даже фактичнымъ образомъ видно изъ приливовъ и отливовъ морей, при которыхъ возвышеніе и пониженіе уровня воды зависитъ отъ притяженія луною, отчего и приливы эти называются лунными. Притяженіе солнца тоже замѣчается въ такъ-называемыхъ солнечныхъ приливахъ и отливахъ, вдвое слабѣйшихъ чѣмъ лунные приливы и отливы, что вполнѣ согласуется съ разстояніемъ солнца въ 400 большемъ чѣмъ разстояніе луны, хотя масса солнца въ 355,000 больше массы земли, тогда какъ масса луны въ 88 разъ меньше массы земли. Вслѣдствіе суточнаго обращенія земли около оси съ запада на востокъ, ежедневно должны происходить два лунныхъ прилива и отлива, но отъ собственнаго движенія луны они ежедневно запаздываютъ на 50 минутъ. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе комбинаціи ихъ съ приливами и отливами солнца, различной глубины морей и очертаній материковъ,—ходъ приливовъ и отливовъ, а также и законы ихъ измѣненій чрезвычайно запутаны; но не смотря на то они весьма обстоятельно разъяснены Лапласомъ. Замѣтимъ еще, что самые сильные приливы бываютъ во время новолуній, т. е. когда луна и солнце находятся на одной линіи, по одну или по обѣ стороны земли, а самые слабые во время квадратуръ (первой и послѣдней четверти), потому что тогда въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ наступаетъ солнечный приливъ и лунный отливъ и на оборотъ.

Поэтому и говорится, что при совершенствѣ наблюденій можно было бы наблюдать паденіе песчинки на другомъ концѣ океана.

Такъ какъ фактически нельзя доказать того, чтобы источникъ вліянія на какое-нибудь тѣло въ свою очередь не былъ опять тѣломъ, то поэтому существенно и совпадаютъ понятія силъ природы и свойствъ тѣлъ. Свойства тѣлъ ничто иное какъ дѣйствія ихъ на другія тѣла,—дѣйствія воспринимаемыя нашими чувствами, потому-что безъ посредства чувствъ мы ничего не можемъ знать о существованіи тѣлъ, слѣдовательно и о ихъ свойствахъ.

Здѣсь можно привести прекрасныя слова Дове, касающіяся ограниченности нашихъ чувствъ, за предѣлами которыхъ внѣшній міръ перестаетъ существовать для насъ. Вообразимъ себѣ, такъ приблизительно говоритъ онъ, въ темной комнатѣ желѣзный стержень совершающій менѣе тридцати двухъ колебаній въ секунду; тогда въ существованіи этого стержня можно убѣдиться только посредствомъ осязанія. Но вотъ число колебаній стержня увеличивается, достигаетъ до 32 въ секунду—и до нашего уха доходитъ низшій басовой звукъ; съ увеличеніемъ же числа колебаній звукъ этотъ становится все выше и выше, переходитъ въ дребезжащій и наконецъ исчезаетъ. Между тѣмъ число колебаній увеличивается, мы начинаемъ чувствовать теплоту. Наконецъ стержень начинаетъ свѣтиться, переходитъ различныя степени раскаленія, дѣлается бѣлокалильнымъ —и потомъ опять наступаетъ темнота, потому что тутъ предѣлъ воспріимчивости глаза. Эта картина, представляемая Дове, безъ всякаго сомнѣнія идеализована для всѣхъ пяти чувствъ—и во всей полнотѣ конечно никогда не можетъ быть воспроизведена на практикѣ.

Такимъ образомъ, только при ложномъ пониманіи возможенъ противоестественный взглядъ, что силы природы представляютъ нѣчто самостоятельное, отдѣльное отъ тѣлъ.

Хотя силы—какъ свойства тѣлъ—неотдѣлимы отъ понятія о тѣлесности, но все-таки оба эти понятія не тождественны, потому что различныя тѣла могутъ имѣть очень различныя свойства и даже свойства одного и того же тѣла подвержены многочисленнымъ измѣненіямъ.

Такъ, сѣра, при охлажденіи, послѣ плавленія кристаллизуется въ одной формѣ (призмы), а изъ сѣрнистаго углерода—въ другой (ромбоэдрахъ). Кромѣ того, расплавленная сѣра, будучи вылита въ воду, остается мягкою въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Также гипсъ, изъ котораго отиваютъ различныя архитектурныя украшенія, и ангидритъ (минералъ, по прозрачности напоминающій парафинъ), изъ котораго также приготовляютъ разныя столовыя украшенія, представляютъ одно и то же вещество, состоящее изъ извести и сѣрной кислоты. Алмазъ, каменный уголь, древесный уголь также состоятъ изъ одного и того же вещества. Подобныхъ примѣровъ существуетъ множество.

Такимъ образомъ, въ каждомъ тѣлѣ должна находиться основа или канва, проявляющая эти измѣненія и благодаря которой проявляются различныя силы. Эта основа, взятая отвлеченно, безъ свойствъ, въ физикѣ называется матеріею.

Въ прежнее время существовало мнѣніе, что природа боится пустоты (horror vacui). Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводилось то обстоятельство, что, благодаря этому, въ насосахъ поднимается вода, когда отъ поднятія поршня подъ нимъ образуется пустое пространство. Неосновательность этого объясненія бросилась въ глаза, когда во Флоренціи былъ построенъ очень высокій насосъ и вода въ немъ остановилась на высотѣ 32 футовъ. Галилей, къ которому тогда обратились за объясненіемъ этого факта, не могъ объяснить его—и только его ученику Торричелли (1644 г.) поднятіе воды до высоты 32 футовъ удалось объяснить давленіемъ атмосфернаго воздуха. Для доказательства этого положенія онъ воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что давленіемъ воздуха жидкости въ трубкахъ должны удерживаться на высотахъ, соотвѣтствующихъ ихъ плотностямъ. Поэтому для удобства опыта онъ взялъ наиболѣе тяжелую жидкость ртуть, которая, вслѣдствіе того что она въ $13^1/_2$ разъ тяжелѣе воды, должна была уравновѣшиваться воздухомъ на высотѣ въ $13^1/_2$ разъ меньшей чѣмъ 32 фута, то есть на высотѣ 28 дюймовъ. Для опыта онъ взялъ стеклянную трубку дюймовъ въ 30, которая съ одного конца была запаяна, наполнилъ ее ртутью и, заткнувъ отверстіе пальцемъ, опрокинулъ надъ ртутью. Ртуть въ трубкѣ опустилась до высоты 28 дюймовъ, выше же находилась пустота, хотя и не абсолютная, а наполненная парами ртути. Такимъ образомъ, выраженіе, что природа боится пустаго пространства нѣкоторымъ образомъ справедливо,—и, по воззрѣніямъ современной физики, матерія выполняетъ весь міръ, дѣлима, и всякое тѣло заключаетъ ее въ себѣ въ большей или меньшей степени плотности. Сумма матеріальныхъ частицъ, заключающаяся въ объемѣ тѣла, составляетъ массу тѣла.

Предметомъ изслѣдованія естествознанія можетъ быть не отвлеченная матерія, а только матерія оживленная свойствами, потому что свойства отъ матеріи неотдѣлимы. Матерія со свойствами есть вещество.

Дѣйствіе тѣлъ на наши чувства представляетъ средство для изученія и различенія тѣлъ; поэтому можно сказать, что вещество есть все постигаемое посредствомъ чувствъ.

Неизвѣстно: состоитъ ли все вещественное изъ одного простого, неразлагаемаго вечества, или не представляетъ ли природа въ этомъ отношеніи большее разнообразіе. Химія только временно принимаетъ довольно большое число (болѣе 60) простыхъ тѣлъ. Химикъ Прутъ полагалъ, что существуетъ только одно простое тѣло, водородъ, а всѣ другія простыя тѣла представляютъ только различныя степени сгущенія его, такъ какъ сравнительные вѣса ихъ составляютъ кратныя числа вѣса водорода, самаго легкаго тѣла.

Мнѣніе Прута есть только гипотеза, хотя и возможная, но не доказанная, потому что до сихъ поръ ни одно простое тѣло не удалось разложить на водородъ.

Такъ какъ силы природы представляютъ собою отношенія, соединяющія между собою тѣла, то понятно, что всякое тѣло, будучи изолировано отъ всего внѣшняго міра, не будетъ проявлять никакихъ свойствъ. Въ этомъ и заключается смыслъ выраженія, столь важнаго для изученія теоріи движенія, что масса тѣла инертна или косна.

Всякое тѣло относительно какой-нибудь дѣйствующей на него силы — можно расматривать какъ недѣятельную массу, для чего нужно только представить себѣ устраненными вліянія другихъ силъ природы. Вѣрность этого положенія явствуетъ изъ понятія о недѣятельности, инерціи, потому что инертная масса сама по себѣ не можетъ обнаруживать никакой силы, слѣдовательно и противодѣйствія, почему всякое внѣшнее вліяніе должно дѣйствовать на нее совершенно свободно. Поэтому, примѣрно, свободное паденіе тѣла въ пустомъ пространствѣ можно разсматривать какъ движеніе инертной массы, потому что при этихъ условіяхъ движеніе находится исключительно подъ вліяніемъ тяжести.

Такъ какъ всѣ тѣла безъ исключенія подвержены тяжести или (что все-равно) притяженію земли и при томъ въ прямомъ отношеніи къ ихъ массамъ, то есть что вдвое меньшая масса и притягивается вдвое слабѣе, то поэтому, если въ пустомъ пространствѣ нѣсколько различныхъ тѣлъ начнутъ падать съ одной высоты и

въ одно и то же время, то земли они достигнутъ въ одно время. Въ этомъ можно убѣдиться, оставляя падать перышко и монету въ стеклянной трубкѣ, изъ которой выкачанъ воздухъ посредствомъ воздушнаго насоса. Въ воздухѣ же, напротивъ того, болѣе легкое тѣло падаетъ дольше, что происходитъ отъ сопротивленія воздуха поверхности падающихъ тѣлъ. Вслѣдствіе того, что вмѣстѣ съ легкостію тѣлъ увеличивается ихъ объемъ, а слѣдовательно и поверхность,—очень легкія тѣла при своемъ паденіи встрѣчаютъ очень большое сопротивленіе воздуха, почему и падаютъ чрезвычайно медленно, а при содѣйствіи вѣтерка даже кажутся плавающими въ воздухѣ. Законъ же паденія тѣлъ (состоящій въ томъ, что пространства пройденныя тѣломъ при паденіи пропорціональны квадрату времени, употребленному при паденіи) остается справедливъ какъ для тѣлъ падающихъ въ воздухѣ, такъ и въ пустомъ пространствѣ,—конечно, съ поправкою для замедленія паденія, происходящаго отъ сопротивленія воздуха паденію.

Тяжесть тѣлъ называется вѣсомъ и въ практикѣ измѣряется вѣсами. Хотя съ абсолютной точки зрѣнія вѣсъ какого-нибудь тѣла не вездѣ одинаковъ и измѣняется съ широтою мѣста, вслѣдствіе различной степени притяженія земли (зависящаго отъ величины разстоянія отъ центра земли, потому что радіусъ земли по направленію къ экватору постепенно увеличивается), но такъ какъ измѣненіе вѣса всѣхъ тѣлъ происходитъ равномѣрно, то тѣло вѣсъ котораго опредѣленъ точно, гдѣ бы то ни было, во всѣхъ мѣстахъ видимо вѣситъ столько же. Поэтому взвѣшиваніе есть вѣрное и простое средство для сравниванія величинъ различныхъ массъ тѣлъ.

Сейчасъ мы только что сказали, что радіусъ земли въ различныхъ широтахъ имѣетъ различную величину, что зависитъ отъ сфероидальнаго вида земли, сплюснутой у полюсовъ на $^1/_{299}$ радіуса ея. Эта сплющенность земли произошла отъ центробѣжной силы, въ то время когда земля находилась въ расправленно-жидкомъ состояніи. Въ настоящее время есть опытное доказательство того, что капли жидкостей отъ центробѣжной силы принимаютъ сплющенную форму, а при увеличеніи силы отдѣляютъ отъ себя кольцо, которое, участвуя во вращеніи эллипсоида, при увеличивающейся быстротѣ вращенія, наконецъ разрывается на части. Эти опыты фактически подтвердили гипотезу Лапласа о происхожденіи планетъ солнечной системы, а также кольца, находящагося около планеты Сатурна и его спутниковъ, образовавшихся изъ другаго кольца. Ихъ произвелъ Плато, слѣдующимъ образомъ. Въ стеклянный сосудъ, наполненный смѣсью воды со спиртомъ, имѣющею плотность (удѣльный вѣсъ) равную плотности масла, помощію пипетки опустимъ масло; оно приметъ форму большой капли, висящей на концѣ пипетки. Потянувши осторожно пипетку кверху, закрывши ее предварительно сверху пальцемъ, отдѣлимъ ее отъ капли, которая останется на своемъ мѣстѣ. Вводя въ эту каплю желѣзный кружочекъ, прикрѣпленный къ проволокѣ и смазанный масломъ, дабы онъ присталъ къ этой каплѣ такимъ образомъ, чтобы она расположилась симметрически вокругъ него и проволоки, и начиная вращать рукояткою проволоку приведемъ во вращеніе каплю, которая сначала сплющится, а потомъ при болѣе быстромъ вращеніи отдѣлитъ кольцо и т. д.

Такъ и маятникъ въ рукахъ остроумнаго Фуко послужилъ для опытнаго доказательства вращенія земли около ея оси. Для достиженія этой цѣли Фуко воспользовался свойствомъ маятника, которое свойственно и вращающимся тѣламъ, сохранять свою плоскость колебанія. Свойство тѣлъ вращающихся около осей сохранять плоскость вращенія—можно отлично наблюдать на дѣтской игрушкѣ волчкѣ, который при вращеніи своемъ даже и въ наклонномъ положеніи, не падаетъ на бокъ, что безъ сомнѣнія зависитъ отъ равновѣсія центробѣжной силы, обнаруживающейся въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла волчка.

Такъ какъ вращенія земли мы не можемъ замѣчать, потому что участвуемъ въ немъ сами, поэтому намъ кажется обратное,—именно, что движется плоскость колебанія маятника. Вслѣдствіе того, что на полюсѣ меридіанъ описываетъ кругъ ровно въ сутки, — тамъ мы увидѣли бы, что въ сутки плоскость колебанія маятника тоже описала бы полный кругъ; на экваторѣ же плоскость колебанія маятника совсѣмъ бы не обнаружила вращенія, потому что здѣсь мередіанъ относительно плоскости колебанія маятника имѣетъ не вращательное, а только поступательное движеніе. Въ мѣстахъ же промежуточныхъ между полюсомъ и экваторомъ видимое движеніе плоскости колебанія маятника—тоже вращательное, но только въ нихъ плоскость колебанія маятника описываетъ полный кругъ медленнѣе чѣмъ въ сутки, смотря по широтѣ мѣста. Такъ, въ Берлинѣ, лежащемъ на 52°30′ сѣверной широты, плоскость колебанія маятника описываетъ полный кругъ въ 30 часовъ 15 минутъ.

Эти опыты удобнѣе всего производить въ высокой комнатѣ, къ потолку которой прикрѣпляется тонкая и длинная проволочка съ тяжелымъ грузомъ; на полу же подъ точкою привѣса этого маятника описывается кругъ съ дѣленіями. При колебаніи маятника видно какъ плоскость его колебанія переходитъ съ одного дѣленія круга на другое, согласуясь съ движеніемъ солнца.

Всѣ эти разсужденія показываютъ, почему идеальныя понятія: сила и масса, въ ученіи о движеніи, расматриваются какъ самостоятельныя величины — и дѣйствительно онѣ измѣримы и выражаются числами.

(Продолженіе будетъ).

Народы Россіи.

II. Тунгузы.

(Окончаніе).

Тунгузъ не имѣетъ родины, потому что вся жизнь его проходитъ въ безпрерывномъ передвиженіи съ одного мѣста на другое. Онъ безпрестанно переходитъ отъ рѣкъ въ горы, изъ горъ въ долины и къ озерамъ,— и родится, такъ-сказать, на походѣ, а потому не помнитъ настоящаго мѣста своего рожденія, не заботится о немъ, даже не спрашиваетъ объ этомъ у своихъ родныхъ,—однимъ словомъ: онъ не имѣетъ родины и не

привязанъ ни къ какой мѣстности, а подобно звѣрю скитается по необитаемымъ пустынямъ и тайгамъ: это его стихія.

Русскіе звѣропромышленники, изъ видовъ корысти, посѣщая эти отдаленныя мѣстности и встрѣчаясь тамъ съ тунгузами, не понимающими ни родины, ни общежитія, но скитающимися по лѣсамъ и горамъ, почти непроходимымъ,—назвали ихъ «бродячими тунгузами».

Это названіе, данное сначала всѣмъ тунгузамъ, сохранилось до сихъ поръ—и теперь еще принадлежитъ вообще какъ тѣмъ, которые безпрестанно скитаются по дебрямъ, не выходя изъ нихъ къ осѣдлостямъ русскихъ, такъ и тѣмъ, которые, встрѣчаясь съ русскими въ тайгѣ и получая отъ нихъ хлѣбъ, привыкли къ хлѣбной пищѣ, и нынѣ въ извѣстное время постоянно выходятъ къ русскимъ селеніямъ, для заготовленія себѣ хлѣбнаго продовольствія.

Бродячая жизнь тунгузовъ находится въ непосредственной зависимости отъ необходимаго для нихъ пропитанія и одежды, для которыхъ этотъ бѣдный народъ не много имѣетъ средствъ.

Главные промыслы ихъ: звѣроловство и рыболовство. Дѣятельность и любовь къ свободѣ свойственны всѣмъ тунгузамъ—и только нужда можетъ ихъ принудить идти осенью на работу къ русскимъ рыбопромышленникамъ.

Впрочемъ, обыкновенно нанимаются потрошить рыбу только женщины и дѣвушки, между тѣмъ какъ мужчины занимаются звѣриною ловлею. Русскіе вообще очень хвалятъ тунгузскихъ работницъ за рвеніе къ работѣ, понятливость и расторопность. Мужчины услужливы, откровенны и очень разговорчивы. Настоящая родина всѣхъ тунгузовъ дремучій лѣсъ, въ немъ извѣстенъ имъ каждый утесъ и каждое дерево—и памятливость тунгуза на мѣстности въ самомъ дѣлѣ изумительна. Здѣсь-то, въ лѣсахъ, они неутомимо взбираются по самымъ недоступнымъ крутизнамъ и спускаются въ самыя непроходимыя чащи и болота.

Не смотря на нужду и лишенія, претерпѣваемыя ими зимою въ пустынныхъ лѣсахъ, они все-таки не рѣшаются на долгіе сроки наниматься на работу у русскихъ, потому что любовь къ независимости превозмогаетъ тѣлесную немощь.

Ежедневное побужденіе къ ѣдѣ заставляетъ тунгуза искать пропитанія, для котораго онъ оставляетъ свою юрту—и съ панягою за спиною, съ винтовкою на плечѣ, ходитъ иногда нѣсколько дней сряду по слѣдамъ какого нибудь звѣря, скрадываясь передъ нимъ, старается застрѣлить его, чтобы имѣть пищу какъ для своего семейства, такъ и для тѣхъ тунгузовъ, которые съ нимъ вмѣстѣ кочуютъ. Только одна крайняя нужда заставляетъ тунгуза бросить свободную жизнь въ лѣсахъ. Своею беззаботностью, веселостью, подвижностью, ловкостью и отчасти остроуміемъ и юморомъ (качествами, совершенно противуположными мрачности, неуклюжести и непривѣтливости самоѣда, остяка и якута) тунгузъ напоминаетъ француза тундръ и лѣсовъ. Въ восточной Сибири французы вмѣстѣ съ якутами перевозятъ тяжести и путешественниковъ, причемъ послѣдніе не разъ имѣли случай убѣдиться въ тунгузской ловкости и веселости. Тотчасъ по прибытіи на мѣсто, тунгузы быстро устраиваютъ ночлегъ, разводятъ огонь, начинаютъ варить пищу, веселиться и пѣть пѣсни.

Если путешественникъ захочетъ увидѣть ловкость тунгузовъ, то ему стóитъ только сказать имъ нѣсколько словъ и дать по глотку водки. Между прочими фокусами тунгузы показываютъ и слѣдующій. Двое изъ нихъ вертятъ веревку такъ, чтобы она не касалась земли, а третій прыгаетъ черезъ нее, поднимаетъ лукъ, натягиваетъ его, пускаетъ стрѣлу и во все это время ни разу не коснется ногами веревки. Смѣлые тунгузы подставляютъ ноги даже подъ остріе оружія, которымъ изо всей силы размахиваетъ лежащій на землѣ тунгузъ. Даже если бы путешественникъ былъ охотникъ до шахматной игры, то и въ этомъ искусствѣ онъ иногда можетъ найти свѣдущаго партнера.

Звѣроловство и рыболовство влекутъ ихъ въ разныя времена года къ разнымъ мѣстамъ обитаемой ими дикой природы. Въ продолженіе нашего астрономическаго года они считаютъ своихъ два: одинъ *лѣтній*, а другой *зимній*. Каждый изъ этихъ годовъ раздѣляется на 6 мѣсяцевъ.

Началомъ мѣсяца служитъ появленіе на небѣ новолунія. Полнолуніе же составляетъ раздѣлъ мѣсяца на двѣ половины; а половина луны, при возрожденіи и при ущербѣ, дѣлитъ каждую половину мѣсяца на двѣ части. Такимъ образомъ, всякій мѣсяцъ раздѣляется на четыре недѣли, включая каждую по семи дней; но дней недѣльныхъ тунгузы особенными именами не называютъ, находя, что всѣ дни въ году одинъ на другой похожи.

Говоря вообще, тунгузы обращаютъ мало вниманія на счисленіе времени, а случившіяся въ жизни событія припоминаютъ по мѣсту своего кочеванія, или приводятъ на память какое нибудь разительное для нихъ происшествіе, напримѣръ появленіе оспы или падежъ оленей, не заботясь ни мало о точномъ показаніи годовъ. Впрочемъ и этого раздѣленія и счисленія времени имъ очень достаточно для выполненія заключенныхъ условій или договоровъ о свиданіи въ такомъ-то мѣстѣ и въ такое-то время съ русскими звѣроловами и промышленниками, для обмѣна собранныхъ ими звѣриныхъ шкуръ, а также для одновременной сдачи ясака, на назначенномъ мѣстѣ, въ исходѣ ноября или въ началѣ декабря мѣсяца. Кромѣ этихъ двухъ случаевъ, тунгузъ наблюдаетъ только появленіе новолуній, по которымъ предпринимаетъ кочеваніе къ извѣстному для него мѣсту и тамъ приступаетъ къ занятію своими промыслами.

Тунгузы ежегодно приходятъ для сдачи ясака къ одному и тому же сборному мѣсту, такъ что *Баунтовскіе* съ давнихъ временъ собираются на нижней оконечности Баунтовскаго озера, при истокѣ изъ него рѣки Нижней Ципы, а потому здѣсь выстроена часовня и два зимовья съ нѣсколькими амбарами. Одно изъ этихъ зимовьевъ, для помѣщенія чиновниковъ, отбирающихъ ясакъ, выстроено на общественный тунгузскій счетъ; а другое, для помѣщенія купцовъ съ ихъ прикащиками и прислугою, выстроено иждивеніемъ купца Черныхъ. *Верхнеангарскіе* собираются для сдачи ясака въ селѣ Верхнеангарскѣ, а *Нижнеангарскіе* въ селѣ Душкачанѣ и Нижнеангарскѣ.

Торговля съ тунгузами на ярмаркахъ почти не имѣетъ денежныхъ оборотовъ, а производится преимущественно мѣною товаровъ на шкуры. Кикиръ на рѣкѣ Нерчѣ служитъ сборнымъ пунктомъ, куда съѣзжаются тунгузы *Нерчинскіе*, *Керенскіе* и *Альтминскіе* для оспопрививанія, чтó бываетъ въ іюнѣ. Собирается туда обыкновенно юртъ до 50. Нерѣдко открывается тутъ

же ярмарка, но купцы успѣваютъ уже заранѣе обобрать тунгузовъ, а потому и продаются здѣсь только остатки. Стоянка ихъ продолжается не болѣе четырехъ дней, послѣ чего всѣ расходятся по своимъ промысламъ.

Что касается до осѣдлыхъ тунгузовъ, то расположенныя по разнымъ мѣстамъ Забайкальскаго края селенія основаны предками нынѣшнихъ тунгузовъ, обращавшимися постепенно отъ кочевой жизни къ осѣдлости; мало-по-малу, чрезъ сближеніе съ русскими и принятіе христіанской вѣры, усвоивъ себѣ бытъ своихъ сосѣдей, они обратились къ хозяйству и землепашеству.

Внутреннее обозрѣніе.

Съ 19-го іюля по 6-е августа, въ С.-Петербургской судебной палатѣ разсматривалось дѣло о второй группѣ подсудимыхъ, обвинявшихся «въ составленіи заговора, съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи». Къ этой группѣ принадлежало 33 человѣка, изъ которыхъ одна женщина. Большинство подсудимыхъ были слушателями Петровской Земледѣльческой Академіи и состоятъ изъ молодыхъ людей отъ 20 до 30 лѣтъ. Изъ нихъ 15 человѣкъ содержались въ крѣпости, 17 въ срочной тюрьмѣ и 1 на поручительствѣ. Составъ судебной палаты былъ тотъ же, что и для подсудимыхъ первой категоріи, при 11 подсудимыхъ. Всѣ подсудимые, по словамъ обвинительнаго акта, преданы суду по обвиненію въ томъ, что принимали участіе въ заговорѣ, составленномъ въ 1869 г. въ городѣ Москвѣ, «съ цѣлію ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ и перемѣнить существующій въ Россіи образъ правленія»; что приступили уже «къ различнымъ приготовительнымъ по сему заговору дѣйствіямъ, зная о цѣли оныхъ, при чемъ злоумышленіе сіе было открыто правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, т. е. обвиняются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 249 и 350 ст. улож. о наказ.» Большинство обвиняемыхъ или сами сознались, что принадлежали къ тайному обществу, или были уличены въ томъ свидѣтельскими показаніями. Почти всѣ они вступили въ общество по приглашенію кого-нибудь изъ судившихся въ первой группѣ, или по убѣжденію Нечаева, хотя и не состоявшаго ни въ какомъ кружкѣ, но считавшагося главнымъ организаторомъ общества «Народная расправа». Объ организаціи кружковъ, вербовкѣ членовъ, сборѣ денегъ, распространеніи прокламацій и прочаго подсудимые показали то-же самое, что уже извѣстно читателямъ изъ отчета о первой группѣ; а потому намъ нѣтъ надобности приводить здѣсь эти показанія. Послѣ полутора-суточнаго совѣщанія, судебная палата признала виновными «въ соучастіи въ противозаконномъ сообществѣ, направленномъ къ измѣненію существующаго въ Россіи государств. устройства», слѣдующихъ 23 лица: Долгова, Рипмана, Бѣляеву, Климина, князя Черкезова, Скипскаго, Ив. Рязанцева, Вл. Рязанцева, Гавришева, Коробьина, Попова, Пирамидова, Мутафова, Игиханова, Рахимова, Пимена Енкуватова, Шестакова, Домитія Енкуватова, Ланге, Лау, Свѣчина, Ивакина и Коведеява. Остальныхъ 10, а именно: Семена Кузнецова, Хаджибекова, Сарибекова, Шанаева, Леонида и Николая Голиковыхъ, Римскаго-Корсакова, Костыркина, Пажона-де-Монсе и Бутурлина, судъ призналъ невиновными. Изъ признанныхъ виновными, ссылкѣ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, подвергся одинъ только князь Черкезовъ (на $1^1/_2$ года); остальные 22 человѣка подвергнуты заключенію въ тюрьмѣ отъ 1 года до 3 недѣль. Кромѣ того, относительно четырехъ подсудимыхъ, для которыхъ опредѣлено двухъ-мѣсячное пребываніе въ тюрьмѣ, рѣшено ходатайствовать о помилованіи предъ Его Императорскимъ Величествомъ — въ виду особыхъ уважительныхъ обстоятельствъ, вызывающихъ на снисхожденіе.

17-го іюля текущаго года воспослѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о преобразованіи управленія города Петербурга. Сущность этого преобразованія состоитъ въ томъ, что, въ видѣ опыта, на 3 года, должности с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера и его помощника упраздняются, а взамѣнъ ихъ учреждаются должности петербургскаго градоначальника и его помощника. Первому, по отношенію къ управленію столицею, предоставляются права губернатора и въ то же время права непосредственнаго начальника городской полиціи. Второй содѣйствуетъ ему въ исполненіи его обязанностей. Министръ внутреннихъ дѣлъ, совмѣстно съ шефомъ жандармовъ, даетъ с.-петербургскому градоначальнику инструкцію по дѣламъ объ охраненіи общественной безопасности и общественнаго порядка въ столицѣ. Такимъ образомъ, этимъ новымъ положеніемъ Петербургъ выдѣляется изъ состава Петербургской губерніи и становится болѣе самостоятельнымъ въ полицейскомъ отношеніи.

Въ первыхъ числахъ августа мѣсяца, въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, происходили большіе маневры войскъ гвардіи и нѣсколькихъ армейскихъ полковъ. Всѣ участвовавшіе въ маневрахъ войска были раздѣлены на два большихъ корпуса: сѣверный и южный. Первый изъ нихъ занималъ мѣстность къ сѣверу отъ столицы, до третьяго Парголова, и находился подъ командою Великаго Князя Николая Николаевича; вторымъ, расположеннымъ къ югу отъ Петербурга, командовалъ генералъ-адъютантъ Дрентельнъ. Войска были одѣты въ походной формѣ, при чемъ у южнаго корпуса на шапкахъ были вѣтки. Отпущено было пѣхотѣ—по 100 патроновъ на человѣка, кавалеріи—по 20, артиллеріи—по 80 зарядовъ на орудіе. Маневры 2-го, 3-го, 4-го и 5-го августа состояли въ передвиженіи южнаго корпуса, черезъ Петербургъ, по направленію къ дер. Вартемяки, Парголово и друг. Поэтому, цѣль сѣвернаго корпуса заключалась въ томъ, чтобъ заставить отступить авангарды южнаго корпуса; а южанамъ приходилось выдерживать натискъ сѣвернаго корпуса, чтобы потомъ имѣть возможность въ полномъ порядкѣ отступить за Петербургъ въ случаѣ превосходныхъ силъ непріятеля. Такъ оно и случилось: авангардъ сѣвернаго корпуса, послѣ упорнаго сопротивленія, овладѣлъ деревнями Токсово и Вартемяки, но дальше сихъ послѣднихъ не пошолъ, потому-что у дер. Лупполово часть южнаго корпуса «стала твердою ногою». Затѣмъ, однако, была взята сѣверянами и эта позиція. Главная квартира Государя Императора находилась на мызѣ «Осиновая Роща». 7-го августа началось отступленіе южанъ за Петербургъ, совершившееся въ полномъ порядкѣ; такимъ образомъ, планъ сѣверянъ, состоявшій въ томъ, чтобы, подавивъ огромнымъ большинствомъ своихъ силъ отряды южнаго корпуса, отрѣзать имъ путь отступленія къ Петербургу—не удался. 9-го августа цѣли маневрирующихъ сторонъ состояли въ слѣдующемъ: сѣверный корпусъ, перейдя въ южный районъ, долженъ былъ исполнить трудную задачу дебушированія изъ Петербурга и овладѣть выходами изъ Царскаго Села, Пулкова и Краснаго Села, чтобъ имѣть возможность наступать на любой изъ этихъ пунктовъ; южному корпусу необходимо было разгадать движенія непріятеля и затруднять дебушированіе его изъ Петербурга. Это было исполнено и, благодаря зарвавшимся кирасирамъ и уланамъ сѣвернаго корпуса, даже съ значительнымъ для южанъ успѣхомъ. Южный корпусъ сохранилъ свои позиціи, а сѣверный долженъ былъ

отступить. Маневръ окончился въ 3 часа пополудни. Въ продолженіе его, все время, шелъ сильный дождь. По окончаніи маневровъ, войска вступили на зимнія квартиры. Во время маневровъ были испробованы нѣкоторыя военныя нововведенія какъ по части провіанта, такъ и относительно передвиженія войскъ; произведено примѣрное разрушеніе жел. дороги, лахтинскаго моста, исправленіе дорогъ саперами, посаженными на лошадей, и пр.

Приведемъ кстати статистическія данныя о нынѣшнемъ составѣ русской арміи по свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ послѣдней книжкѣ «Военнаго Сборника». Къ 1870 году состояло генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ 28,140, нижнихъ чиновъ 683,246; всего 711,386 человѣкъ. Изъ этого числа нижнихъ чиновъ находилось: въ пѣхотѣ 534,537 ч. въ кавалеріи 59.334 чел., въ артиллеріи 73,726 чел., въ инженерныхъ войскахъ 15,649 чел. Общая сумма расходовъ въ 1869 году по перевозкѣ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и водою простиралась до 882,606 рублей. Наборъ 1869 года доставилъ русской арміи 82,563 человѣка. Противъ 1869 года, войска у насъ меньше, несмотря на рекрутскій наборъ. Это уменьшеніе объясняется выходомъ въ отставку высшихъ чиновъ и безсрочнымъ отпускомъ значительнаго числа низшихъ.

Въ пятницу, 13-го августа, происходилъ высочайшій смотръ флоту и броненосной эскадрѣ въ Кронштадтѣ. Къ сожалѣнію, неблагопріятная погода, бывшая въ этотъ день, помѣшала многимъ посѣтить Кронштадтъ и полюбоваться нашимъ флотомъ. Этотъ послѣдній увеличивается съ каждымъ годомъ. Кромѣ недавно-спущенной императорской яхты «Держава», строится въ Николаевѣ другая винтовая яхта, подъ названіемъ «Ливадія».

Объ императ. яхтѣ «Держава», назначенной для морскихъ путешествій Государя, находимъ въ газетахъ слѣдующія подробности. Къ постройкѣ этой яхты приступлено въ 1865 году. Значитъ, она строилась безъ малаго 6 лѣтъ. Длина ея 312 футовъ, ширина 42 ф., глубина интрюма 26 ф. 10 д. и водоизмѣщеніе 3,113,6 тоннъ. Построена яхта изъ дуба, гондурасскаго краснаго дерева, лиственницы и сосны, въ Петербургѣ, въ новомъ адмиралтействѣ, казенными средствами. Строитель ея былъ генералъ-лейтенантъ Дмитріевъ 1-й. Механизмъ для нея въ 720 силъ изготовляется на адмиралтейскихъ ижорскихъ заводахъ. Стоимость яхты, до спуска ея въ воду, простирается до 925,130 р. $67^3/_4$ коп.

На дняхъ объявлено распоряженіе, что винтовой фрегатъ «Свѣтлана», корветъ «Богатырь» и клиперъ «Абрекъ» составляютъ отдѣльный отрядъ для плаванія въ Америку съ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. Начальникомъ этого отряда назначенъ генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Посьетъ. Его высочество отправится въ Новый Свѣтъ 16-го или 18 августа, возвратится же изъ путешествія лишь весной будущаго года.

Тунгузская деревня.

Политическое обозрѣніе.

Нельзя не признать, что въ настоящее время положеніе главы исполнительной власти во Франціи весьма щекотливо и что нужно не мало политическаго такта и умѣнья, чтобы выйти изъ теперешнихъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. Съ одной стороны, положеніе дѣлъ въ странѣ требуетъ скораго рѣшенія вопроса о правительственной формѣ, съ другой—выборъ этой формы встрѣчаетъ затрудненія въ Національномъ Собраніи, члены котораго не могутъ сойтись на какомъ-нибудь одномъ предложеніи. Вотъ уже нѣсколько засѣданій какъ съ трибуны раздаются голоса, предлагающіе все новые и новые проекты о продленіи власти Тьера. Насколько можно судить по этимъ проектамъ, партіи раздѣлились такимъ образомъ, что лѣвая сторона, (т. е. республиканцы) насчитывающая въ себѣ 350 членовъ, поддерживаетъ проектъ о продленіи власти Тьера на 3 года съ титуломъ президента республики и съ отвѣтственностью министровъ предъ Національнымъ Собраніемъ (см. № 32 «Нивы»); за этотъ проектъ также стоятъ нѣкоторые изъ членовъ неопредѣленнаго оттѣнка, такъ-что общее число членовъ, на которое можетъ разсчитывать Тьеръ, достигаетъ 400, а при особенно счастливомъ расположеніи голосовъ, и до 500. Правая же сторона (роялисты и бонапартисты) считаетъ въ своей средѣ 210 членовъ, на которыхъ можетъ положиться, и, кромѣ того, нѣкоторое число голосовъ изъ депутатовъ неопредѣленнаго оттѣнка. Такимъ образомъ, если партія республиканцевъ возьметъ перевѣсъ, то къ ней пристанетъ

значительное количество голосовъ, не заявившихъ себя ни съ какой стороны, что составитъ большинство двухъ-третей голосовъ Палаты; и на-оборотъ, при успѣхѣ правой стороны, который, впрочемъ, подлежитъ большому сомнѣнію, эти колеблющіеся депутаты примкнутъ къ ней и тѣмъ дадутъ перевѣсъ иной формѣ правленія.

Даже приверженцы Наполеона III не потеряли еще надежды на возстановленіе прошлаго. Въ Парижѣ разнесся, было, слухъ, что 15-го августа, въ имянины бывшаго императора, бонапартисты намѣрены произвести нѣсколько демонстрацій въ его пользу, а потомъ, въ случаѣ удачи, поднять и открытое возстаніе. Правительство было такъ сильно встревожено этими слухами, что къ означенному дню призвало войска къ оружію и напечатало воззваніе къ жителямъ, запрещающее демонстраціи какъ въ пользу бонапартизма, такъ и противъ него. Къ счастью, день 15-го августа прошелъ совершенно спокойно и тревога оказалась напрасною.—Пока въ Національномъ Собраніи идутъ пренія по поводу того или другаго проекта, коммиссіи продолжаютъ работать надъ частными вопросами, представляющими, однако, чрезвычайную важность. Такъ бюджетная коммиссія, отвергнувъ правительственный проектъ закона о налогѣ на сырые продукты, приняла проектъ Каз. Перье о подоходномъ налогѣ. Этотъ проектъ принятъ впрочемъ большинствомъ только 16 голосовъ противъ 10. Она же проектируетъ государственный бюджетъ на 1872 годъ, откуда видно, что общая сумма прямыхъ налоговъ составляетъ слишкомъ 564 мил. франковъ, изъ которыхъ почти $^2/_3$ приходится на поземельный сборъ. Нельзя сказать, пройдетъ-ли проектъ о подоходномъ налогѣ въ Національномъ Собраніи; но есть основаніе полагать, что несмотря на сильное подкрѣпленіе, полученное либеральною партіею отъ выборовъ 2-го іюля, онъ будетъ имъ отвергнутъ подобно извѣстному проекту финансиста Жермена (см. Полит. обозр. въ № 26 «Нивы»).—8-го августа (по нов. стилю) было первое засѣданіе военнаго суда надъ парижскими инсургентами. По увѣренію французскихъ газетъ, оно весьма слабо привлекло къ себѣ вниманіе публики. Только немногія изъ лицъ, получившихъ билеты на засѣданія суда, воспользовались своимъ правомъ. Трудно объснить себѣ такое явленіе, особенно для Парижа, жители котораго такъ падки ко всякаго рода новинкамъ и зрѣлищамъ. Самое большое вниманіе сосредоточивается на засѣданіяхъ 3-го военнаго суда, рѣшающаго судьбу 18 главныхъ виновниковъ, попавшихъ въ руки правительства. Обвинительный актъ, составленный прокуроромъ Гаво, старается доказать, что между послѣдней революціей во Франціи и Международнымъ Обществомъ рабочихъ существуетъ тѣсная связь. Послѣ общаго обвинительнаго акта, прочтены были обвинительные акты противъ каждаго изъ 18 подсудимыхъ. Эти люди принадлежатъ къ различнымъ слоямъ общества, отличаются между собою какъ образованіемъ, такъ и направленіемъ. Главными организаторами и участниками въ возстаніи являются: механикъ Асси—главный коноводъ стачекъ въ Крезô, Паскаль Груссе—бывшій делегатъ по иностраннымъ дѣламъ, Ферре, бордосскій ветеринарный врачъ Рожеръ, бывшій флотскій офицеръ Люлье, Рауль Урбэнъ, живописецъ Бильорэ, бывшій учитель Вердюръ, литераторъ Ферра, рабочій Шампи, рабочій Деканъ, сапожникъ Тренке, красильщикъ Викторъ Клеманъ, рисовальщикъ Улиссъ Паранъ, студентъ медицины Журдъ, врачъ Растуль, живописецъ Курбе—бывшій директоръ академіи изящныхъ искусствъ, и Лисбонъ. О приговорѣ суда надъ этими подсудимыми мы сообщимъ въ свое время.

Въ Англійской палатѣ лордовъ недавно происходили весьма оживленныя пренія по поводу упраздненія продажи чиновъ въ арміи. Какъ извѣстно, упорство Верхней Палаты въ

Тунгузы, ѣдущіе на собакахъ.

этомъ вопросѣ заставило министерство Гладстона испросить у королевы изданіе декрета, уничтожающаго это ненормальное явленіе. Этотъ поступокъ вызвалъ цѣлую бурю негодованія между лордами. Во главѣ оппозиціи сталъ герцогъ Ричмондъ, по предложенію котораго Палата, большинствомъ 162 голосовъ противъ 82, выразила министерству свое недовѣріе. Ораторы, говорившіе противъ министерства, завѣряли, что въ настоящемъ вопросѣ общественное мнѣніе будетъ не на его сторонѣ, и что министерство своею непопулярною въ Англіи мѣрою «разшатало основанія конституціи страны», чтобы воспользоваться этой мнимой побѣдой. Неконституціонная мѣра министерства Гладстона сильно не понравилась и радикальной части Палаты Общинъ. 9-го августа въ Англіи закрылась парламентская сессія, по обыкновенію, тронною рѣчью королевы. Въ этой рѣчи, прочитанной лордомъ-канцлеромъ, дѣлается общій обзоръ законодательныхъ мѣръ, принятыхъ или разсмотрѣнныхъ парламентомъ, и указывается на сопротивленіе Палаты Лордовъ въ вопросѣ о продажи чиновъ въ арміи. Въ столицѣ Ирландіи—Дублинѣ, въ концѣ прошлаго мѣсяца, произошло кровавое столкновеніе между полицейскими и народомъ, пытавшимся составить митингъ (народную сходку) для достиженія амнистіи (помилованія) феніевъ. При этомъ болѣе 100 человѣкъ ранено, въ томъ числѣ много полицейскихъ сержантовъ.

Всѣ иностранныя и русскія газеты много говорятъ о свиданіи императоровъ германскаго и австрійскаго въ Гаштейнѣ. Не смотря на многочисленныя увѣренія полу-офиціальной прессы, что свиданіе это не имѣетъ никакого политическаго значенія, что оно не болѣе какъ взаимный обмѣнъ любезностей между представителями дружественныхъ державъ,—въ этомъ событіи кроется иной смыслъ и значеніе. Не даромъ же, одновременно съ свиданіемъ монарховъ, происходило свиданіе и графа Бейста (австрійскаго министра) съ княземъ Бисмаркомъ (государственнымъ канцлеромъ Пруссіи); не даромъ также обоимъ монархамъ предстоитъ встрѣтиться еще въ Зальцбургѣ... Нѣмецкая партія въ Австріи съ торжествомъ потираетъ руки, видя въ этомъ событіи ручательство за успѣхъ своей политической программы, которая, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы всѣми силами удержать за нѣмцами первое мѣсто между различными національностями Австрійской имперіи.

Персію посѣтили многія несчастія. Кромѣ холеры и чумы, во многихъ городахъ и селахъ появилась особенная болѣзнь, сопровождающаяся нарывами въ горлѣ и ушахъ. Болѣзнь эта почти всегда смертельна. Лечиться не у кого, такъ-какъ на Востокѣ докторовъ нѣтъ и никакихъ санитарныхъ мѣръ обыкновенно не предпринимается. Ко всему этому присоединяется голодъ, до того ужасный, что люди принуждены вырывать покойниковъ и кормиться ими. Страшная засуха обѣщаетъ, что такое положеніе дѣлъ протянется еще долго. Въ пользу голодающихъ англичанами открыта подписка.

Библіографія.

«Нашъ другъ.» Книга для чтенія въ школѣ и дома и руководство къ начальному обученію родному языку. Составилъ баронъ Н. А. Корфъ. 1871 г. Спб. 23 печ. листа, цѣна 45 коп.

Новая книга эта является необходимымъ дополненіемъ къ прежнимъ трудамъ почтеннаго автора. Если въ его «Русской Начальной школѣ» мы встрѣчаемъ указанія только по части дидактической и училищевѣденію, то въ настоящемъ трудѣ выполняется имъ другая цѣль, столь-же существенная какъ и первая,—дается разнообразный и здоровый матерьялъ для обученія въ народныхъ школахъ и въ небогатыхъ семействахъ. Задавшись вопросомъ о томъ, какая именно книга необходима для начальной школы и семейнаго чтенія съ дѣтьми, авторъ рѣшаетъ его такъ, что, кромѣ сообщенія нужныхъ свѣденій изъ окружающаго міра, книга эта должна имѣть и воспитательное значеніе, должна повліять на «улучшеніе матерьяльнаго и нравственнаго быта» учащихся по ней, воспитывать въ нихъ любовь къ труду и знаніямъ, энергію, находчивость, изобрѣтательность и, наконецъ, подвинуть ихъ умственное развитіе вообще. Онъ рекомендуетъ давать ее дѣтямъ послѣ того, какъ они прочитали «Родное Слово» Ушинскаго,—слѣдовательно, когда механизмъ чтенія ими уже достаточно усвоенъ. Въ составъ книги входятъ: сто двадцать *оригинальныхъ* статей для чтенія, множество различныхъ умственныхъ упражненій и письменныхъ задачъ, хрестоматія, состоящая изъ 20 стихотвореній русскихъ анторовъ, таблица мѣръ и вѣсовъ, молитвы, образцы расчетной книжки, долговаго обязательства, прошенія мировому судьѣ, приходорасходной книги и проч. и проч. Статьи для чтенія размѣщены не по отдѣламъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, а въ разбивку и притомъ крайне разнообразно. Это, по словамъ автора, сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы строгою классификацією предметовъ не утомить дѣтей, не наскучить имъ, заставляя ихъ по нѣсколько уроковъ кряду читать и слышать о предметахъ однородныхъ или сходныхъ между собою; а напротивъ того, чтобы, при разнообразіи предметовъ для чтенія, держать постоянно на сторожѣ дѣтское вниманіе и пользоваться имъ для сопоставленія и сравненія. Не желая однако впасть въ другую крайность, авторъ, въ учительскихъ бесѣдахъ, слѣдующихъ послѣ каждыхъ трехъ статей для чтенія, постоянно обращается съ вопросами изъ пройденнаго, заставляя при этомъ учащихся классифицировать предметы по ихъ внутреннимъ и внѣшнимъ признакамъ. Этой же цѣли, между прочимъ, достигаютъ и письменныя работы, задаваемыя ученикамъ послѣ каждой прочитанной и разобранной статьи. Наконецъ, правила грамматики сообщаются практически или при диктовкѣ, слѣдующей за каждой бесѣдой, или же при самостоятельной письменной работѣ. Такимъ образомъ, цѣлымъ рядомъ подобныхъ упражненій достигаются всѣ тѣ требованія, которыя обнимаютъ собою преподаваніе отечественнаго языка, а именно: вразумительность и сознательность чтенія, пріобрѣтеніе новыхъ понятій и образовъ, а также новыхъ словъ и выраженій, умѣнье излагать мысль письменно и устно въ связномъ разсказѣ, наконецъ, грамматическое знаніе языка. При этомъ, статьи и упражненія по нимъ расположены въ книгѣ такимъ образомъ, что заставляютъ постоянно обращаться къ пройденному; вслѣдствіе чего, ученикъ, не поспѣвшій къ первому курсу упражненій, поспѣетъ ко второму или третьему, въ которыхъ найдетъ свѣденія, имъ пропущенныя, и, такимъ образомъ, не нарушитъ связи между своими познаніями. Все это чрезвычайно тактично—и кто имѣлъ дѣло съ обученіемъ дѣтей, тотъ согласится съ нами, что лучшаго пріема выдумать нельзя. Въ двухъ только отношеніяхъ можно упрекнуть автора,—во 1-хъ въ томъ, что нѣкоторыя изъ статей слишкомъ мелочны по своему содержанію (№№ 6, 14, 25, 31), слишкомъ торопятся давать такіе выводы и свѣденія, которые съ бо̀льшею пользою и безъ особеннаго труда могли бы быть выведены изъ послѣдующей бесѣды учителя съ дѣтьми. Самъ авторъ имѣетъ въ виду пріучить дѣтей къ самодѣятельности, задавая имъ письменныя работы; слѣдовало-бы только дать этому педагогическому принципу еще большее развитіе. Во 2-хъ, группировка статей по три для каждой бесѣды—кажется намъ совершенно произвольною, тѣмъ болѣе, что очень часто, по содержанію своему, онѣ не могутъ быть сведены въ одну группу, ибо не имѣютъ между собою ничего общаго.

Смѣсь.

Страсть къ искусству. Недавно въ Террѣ-Гаужѣ, въ Индіанѣ, американская публика представила новый примѣръ своей замѣчательной страсти къ искусству. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидали тамъ представленія, въ которомъ долженъ былъ участвовать извѣстный комикъ Оуэнъ. Въ первый вечеръ его появленія театръ былъ полонъ сверху до низу любителями, и за лучшія мѣста было заплочено 20—25 долларовъ. Пора было уже и начинать; всѣ напряженно ждали поднятія занавѣса. Но занавѣсъ не шевелился,—и только тогда, когда нетерпѣніе райка начало обнаруживаться нѣсколько шумными демонстраціями, передъ рампою показался режиссеръ въ чорномъ фракѣ и мрачнымъ голосомъ, словно приглашая на похороны, передалъ публикѣ убійственное извѣстіе, что вслѣдствіе задержки поѣзда желѣзной дороги, г. Оуэнъ запоздалъ и пріѣдетъ не раньше 11-ти часовъ. Представленіе будетъ отложено до завтрашняго вечера, но кто предпочитаетъ взять свои деньги назадъ, тотъ можетъ получить ихъ въ кассѣ. Тутъ голосъ изъ партера сдѣлалъ предложеніе рѣшить по голосамъ, не лучше-ли остаться всѣмъ вмѣстѣ до 11-ти часовъ вечера и насладиться потомъ представленіемъ. Это предложеніе было единогласно принято. Актеры постарались занять публику музыкой и декламаціей и описали ей самымъ обстоятельнымъ образомъ все устройство и механизмъ большой сцены. Въ такихъ занятіяхъ прошло время. Въ четверть двѣнадцатаго Оуэнъ въ самомъ дѣлѣ появился. Такія сильныя доказательства приверженности къ нему публики заставили его забыть усталость и онъ въ одну минуту приготовился сыграть свою роль. Съ своей стороны и публика не обнаружила передъ нимъ ни малѣйшаго признака усталости: всѣ безъ исключенія мѣста въ театрѣ были заняты, пока наконецъ, въ три часа слишкомъ, занавѣсъ упалъ въ послѣдній разъ.

Къ исторіи рекламы. Давнымъ-давно извѣстно въ литературѣ, что для вновь появившейся книги даже порицающая критика все же лучше такъ-называемаго мертваго молчанія.

Вотъ что разсказываетъ по этому поводу принцесса Елизавета-Шарлота орлеанская, правдивость которой не подлежитъ никакому сомнѣнію. «Кардиналъ Мазарини, — пишетъ она изъ С.-Клу въ письмѣ отъ 27-го апрѣля 1720 г. — говаривалъ обыкновенно: «французы самый удивительный народъ въ мірѣ: они кричатъ противъ меня и насмѣхаются надо мною въ пѣсняхъ, но не мѣшаютъ мнѣ дѣлать, а я съ своей стороны не мѣшаю имъ кричать и пѣть пѣсни, но дѣлаю что хочу».

«Забавно, что онъ приказывалъ отыскивать всѣ сочиненные на него пасквили, дѣлая видъ, какъ будто бы это очень сердитъ его, а потомъ поручалъ распродавать ихъ, какъ будто бы украдкою отъ него. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ 10,000 талеровъ».

Важныя находки по части естественныхъ наукъ. Маршъ, профессоръ палеонтологіи и директоръ необыкновенно богатаго музеума въ Нью-Гевенѣ, въ Коннектикутѣ, въ свою первую поѣздку въ малоизвѣстныя страны на западѣ Америки, предпринятую имъ въ 1869 году съ научной цѣлью, вывезъ оттуда оставъ ископаемой лошади, вышиною не больше двухъ футовъ. Второе путешествіе этого ученаго въ тѣ же страны, совершенное имъ въ прошлое лѣто, повело къ дальнѣйшимъ въ высшей степени важнымъ открытіямъ. Такимъ образомъ, въ песчаныхъ буграхъ въ Лупъ-Форкѣ Маршъ нашелъ шесть видовъ лошадей, два вида носорога, много тропическихъ животныхъ меньшаго размѣра и нѣсколько видовъ ископаемыхъ птицъ. Изслѣдованіе источника антилопъ (въ мѣстечкѣ того же имени, гдѣ находится одна изъ станцій тихо-океанской желѣзной дороги), въ которомъ, какъ говорили, на глубинѣ 68 футовъ найдены ископаемыя человѣческія кости, обнаружило всю несправедливость этого заявленія. Но за то естествоиспытатель нашелъ тамъ ископаемыя кости миніатюрной лошади, которой онъ далъ названіе *Equus pardulus*. Количество найденныхъ костей такъ велико, что онъ можетъ уже представить структуру четырехъ различныхъ видовъ лошадей: «структуру *Equus pardulus*; лошади о трехъ пальцахъ, одного типа съ типомъ Гиппаріонъ; лошади, у которой сзади два маленькія болтающіяся копыта, и лошади которая больше существующей теперь расы».—Кромѣ того Маршъ нашелъ въ этомъ источникѣ два вида носорога, одно животное имѣющее сходство съ свиньей, одно или двухъ верблюжьяго рода и нѣсколько плотоядныхъ; одно изъ этихъ послѣднихъ было больше льва. Въ цѣломъ онъ открылъ пятнадцать видовъ несуществующихъ въ настоящее время звѣрей—и притомъ на очень незначительномъ пространствѣ, имѣющемъ всего десять футовъ въ поперечникѣ при шести только футахъ глубины. Маршъ полагаетъ, что это мѣсто лежало нѣкогда на берегу большаго озера и что животныя, придя туда пить, утонули въ тинѣ.—На возвратномъ пути домой путешественники остановились на нѣкоторое время въ фортъ-Валласъ въ Канзасѣ, окрестность котораго мѣловой формаціи; Маршъ отыскивалъ мезозавровъ въ этой области, которая составляла прежде не глубокій бассейнъ озера. Изслѣдованія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Сохраняющіеся въ Нью-Гевенскомъ музеумѣ спинные позвонки морскихъ змѣй представляютъ очевидныя доказательства этого, и профессоръ Маршъ составилъ изъ нихъ морскую змѣю 60 футовъ длины. Такимъ образомъ морскія змѣи, покрайней мѣрѣ въ ископаемомъ состояніи, переходятъ изъ области басни въ область дѣйствительности.

Загадочное явленіе. Во время ужасной французско-нѣмецкой войны замѣтили совершенно особенное явленіе, которое желательно бы объяснить научнымъ образомъ. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили большія сраженія и даже на значительномъ разстояніи кругомъ, замѣчено, что поля и сады представляли, всѣ безъ исключенія, картину самаго жалкаго уничтоженія всякой растительности, которая или окончательно погибла или же, вытянувшись въ длину, была чрезвычайно скудна и рѣдка. Всѣ растенія имѣли такой видъ, какъ будто бы поливались какою-нибудь кислотною водою. Одинъ ученый агрономъ, котораго спрашивали объ этомъ, сказалъ, что не можетъ приписать этого грустнаго явленія суровости послѣдней зимы, но думаетъ, что причиною его скорѣе то страшное количество пороха, которое было сожжено во Франціи за послѣдніе шесть мѣсяцовъ. Когда порохъ вспыхнетъ, онъ—какъ объясняетъ этотъ спеціалистъ—производитъ въ воздухѣ сѣро-водородный газъ, который распространяется въ атмосферѣ на значительное пространство, а потомъ будучи гонимъ вѣтромъ, падаетъ вмѣстѣ съ туманомъ и дождемъ на растенія и уничтожаетъ ихъ. «Кто изъ насъ не замѣчалъ», сказалъ онъ въ заключеніе, «что во время продолжительнаго дождя или большаго тумана, стелющійся въ воздухѣ дымъ изъ трубъ, который заключаетъ въ себѣ пары отъ известковыхъ и кирпичныхъ печей, причинялъ точно такія же явленія, даже на болѣе значительномъ разстояніи». Спеціалисты сочтутъ конечно сотни и тысячи центнеровъ пороху, который сожгли въ эту войну, и опредѣлятъ по этому сколько кубическихъ футовъ сѣро-водорода, отдѣлилось отъ него и вошло въ составъ воздуха. Но подтвердятъ ли они, что сѣро-водородъ можетъ на такомъ значительномъ протяженіи уничтожить развитіе растительности? Самимъ французскимъ крестьянамъ конечно мало дѣла до научнаго изслѣдованія причины; они, когда заговоришь съ ними объ этомъ, твердятъ одно: «S'est une malédiction, (это казнь).

Глубочайшая буровая скважина. Буровая скважина въ шперенбургской шахтѣ каменной соли въ окрестностяхъ Берлина достигла уже 5,500 футовъ глубины ($1\frac{4}{7}$ версты); а пластъ каменной соли, имѣющій въ настоящее время до 3,200 футовъ (457 сажень) вертикальнаго протяженія, все еще не кончился. Его все еще продолжаютъ сверлить, для того чтобъ узнать всю его толщину. Достигнутая посредствомъ сверленья глубина 5,500 футовъ—вообще самая величайшая, до какой только до сихъ

поръ проникали внутрь земли, какъ этимъ способомъ, такъ и при горномъ производствѣ. Мнимо-необыкновенную толщину этого пласта каменной соли стараются объяснить тѣмъ, что онъ стоитъ вверхъ ногами, то есть, что этотъ слой (вслѣдствіе какого-нибудь поднятія или опущенія горы, происшедшаго послѣ его образованія) измѣнилъ первоначальное положеніе въ болѣе наклонное или же и совершенно вертикальное. Дальнѣйшее сверленье или подтвердитъ это предположеніе, или объяснитъ это явленіе другими причинами.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 20 Августа 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.-П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. ... Невск. и Вард. д. № 45—1.

№ 35. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 30 августа 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Хищная птица.

(Окончаніе).

II.

Въ мѣстечкѣ открылось для нашего Шуляка обширное поле дѣятельности. Частыя тяжбы межъ казаками изъ-за земель, постоянныя ссоры и столкновенія межь панами, поднимавшіяся не рѣдко изъ-за-какихъ-нибудь пустяковъ и вызывавшія дѣло, поддерживали и питали прибыльную практику крючковатаго, изворотливаго сутяги. Казакъ-ли иной отыскивалъ землю изъ «батьковщины» или «материзны» [14]), на комъ-либо изъ своихъ родственниковъ; духовную ли нужно было, иногда и фальшивую, состряпать иному пану; плуту ли какому выпутаться изъ воровскаго дѣла,—всѣ они шли къ пану Шуляку, никому не отказывавшему въ совѣтѣ и въ помощи, но никогда не остававшемуся безъ вознагражденія. Не столько грошами (деньги въ тѣ времена были рѣдки) бралъ онъ съ нихъ, сколько нивками,—и сколотилъ, такимъ образомъ, порядочное состояніе, заключавшее въ себѣ нѣсколько сотъ десятинъ самой лучшей пахатной и луговой земли.

Вечеръ. Сидитъ панъ Шулякъ въ своемъ небольшомъ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, заставленнымъ томами свода законовъ, заваленнымъ разными бумагами, сидитъ и строчитъ заказное прошеніе. Вотъ снялъ онъ съ себя огромный глазной зонтикъ, съ наслажденіемъ понюхалъ табаку и, вставъ изъ-за стола, началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, видимо обдумывая какой-нибудь замысловатый пунктецъ въ прошеніи.

— Пане! сказала вошедшая баба.—Человѣкъ какой-то хочетъ повидать васъ.

— Пусть идетъ сюда, отвѣчалъ панъ и усѣлся за столъ.

Въ кабинетъ ввалился молодой казакъ, лѣтъ двадцати-пяти, и отвѣсилъ, съ смѣшнымъ присѣданьемъ, низкій-пренизкій поклонъ.

— А что скажешь братику? ласково обратился къ нему Шулякъ.

— Поздоровъ, Боже, васъ, панотче! сказалъ казакъ.—Есть дѣльце до васъ...

— Какое? спросилъ Шулякъ, и на тонкихъ его губахъ мелькнула едва замѣтная улыбка удовольствія.

— Да, братъ мой старшій, продолжалъ проситель, перекладывая изъ руки въ руку свою баранью мѣховую шапку, — когда я еще былъ малымъ, то онъ всѣмъ послѣ смерти батьки орудовалъ... А теперь люди сторонніе доказываютъ, что онъ въ урочищѣ Хвощоватомъ нивками владѣетъ, а я нѣтъ... Тѣ нивки мнѣ слѣдуютъ... Такъ, какъ Богъ, такъ и вы, пане, заступитесь за меня, зорудуйте мнѣ ихъ...

— Хорошо, братику! проговорилъ Шулякъ, снимая

[14]) Батьковщина — земля доставшаяся въ наслѣдство отъ отца; материзна—отъ матери.

круглыя серебряныя очки. — Я заступлюсь. А что ты мнѣ дашь за то?

— Да, нивка тамъ есть у меня... отвѣчалъ казакъ, зная напередъ, чего хочется пану. — Она въ поможествѣ съ вашими, пане, такъ я вамъ ее переуступлю... Пускай ваша будетъ!.. А мнѣ бы тѣ выхлопотать, что братъ у меня отнялъ... Онѣ мнѣ по рукѣ...

— Хорошо, хорошо, братику! сказалъ Шулякъ, вставая. — Я тебѣ ихъ выхлопочу. Да смотри, чтобъ нивка, которую обѣщалъ, за мной была.

И, отобравъ необходимыя для себя свѣдѣнія, онъ отпустилъ просителя.

III.

На другой день, панъ Шулякъ зазываетъ къ себѣ Голову. Руку ему подаетъ, на диванъ усаживаетъ, чаемъ, наливками разными угощаетъ. Умѣлъ онъ и принять, и угостить нужнаго ему человѣка.

— Смотрите-жь, говорилъ онъ ему, объяснивъ, въ чемъ дѣло. — Я вамъ прошеніе напишу въ правленіе, а вы, надѣюсь, для меня услужите. Можетъ, когда-нибудь и я услужу вамъ.

Съ Головами Шулякъ всегда жилъ въ ладу, какъ съ людьми для него необходимыми. А Головы, въ свою очередь, нуждались въ немъ, даже заискивали передъ нимъ, какъ передъ человѣкомъ, знавшимъ всю подноготную и къ тому же вліятельнымъ. Его даже боялись эти люди, у которыхъ зачастую рыльце бывало въ пушку. Да какъ было и не бояться имъ этого «могущаго», въ свое время, пана, когда у него, случалось, и губернаторы и управляющіе палатою [15]), проѣздомъ, коммиссары, заѣздомъ, останавливались и угощались. О засѣдателяхъ же и о другихъ мелкихъ чинахъ и говорить нечего. И едва-ли кто изъ болѣе богатыхъ пановъ жилъ лучше его на мѣстечкѣ. Хлѣбосолъ онъ былъ, надо отдать ему въ томъ справедливость, и радушно такъ всегда принималъ и угощалъ, хотя хлѣбосольство у него было и не безъ заднихъ мыслей. Изъ начальства ли кто заѣдетъ, бывало, въ мѣстечко, важная ли особа какая, проѣздомъ, остановится на станціи (чрезъ мѣстечко пролегаетъ почтовая дорога),—тотчасъ летитъ къ нимъ панъ Шулякъ въ коляскѣ, на самыхъ лучшихъ лошадяхъ своихъ, и любезно приглашаетъ къ себѣ. А дома межъ тѣмъ столъ прикажетъ накрывать, и закусками, и винами, и наливками разными заставить.

Зато ужь и живность всякая наилучшаго качества, и рыба самая отборная, всегда на базарѣ про пана Шуляка оставлялись. Точно табу какое-то на нихъ налагалось. Подойдетъ, бывало, иной покупатель, и цѣну хорошую даетъ, — такъ нѣтъ. «Это Григорію Иванычу», скажетъ ему торговецъ. И не платилъ онъ за то почти ничего. Даетъ гроши, — хорошо, а нѣтъ — и такъ сойдетъ. О нихъ никто, бывало, изъ продавцевъ и не заикнется. То была подать, установившаяся какъ-то сама собою, безъ прямаго заявленія правъ на нее съ одной стороны и безъ протеста съ другой. Открыто, по крайней мѣрѣ, никто не заявлялъ никогда неудовольствія на такіе поборы.

IV.

Въ назначенный день тяжущихся братьевъ призываютъ въ правленіе. Сидитъ тамъ голова за зеленымъ столомъ. При немъ ассистентомъ одинъ изъ засѣдателей.

— Прочитай прошеніе! приказываетъ онъ, обращаясь къ писарю.

Писарь читаетъ прошеніе, сочиненное Шулякомъ, написанное тяжелымъ приказнымъ языкомъ, съ обстоятельнымъ перечисленіемъ нивокъ, слѣдуемыхъ истцу, съ переименованіемъ свидѣтелей, долженствующихъ уличить отвѣтчика въ захватѣ непринадлежащихъ ему земель.

— Вотъ твой братъ, обратился голова къ отвѣтчику, въ поясненіе прочитанному прошенію, — жалуется на тебя, что ты тамъ какими-то нивками не подѣлился съ нимъ...

— Какъ это? отвѣчалъ тотъ, изумляясь. — Чтó ему слѣдовало, я все отдалъ послѣ смерти батьки.

— Нѣтъ, панотче! вмѣшался истецъ. — Онъ мнѣ того совсѣмъ не давалъ...

— Какъ же ты не владѣешь! усовѣщивалъ братъ брата. — Гдѣ какая была у насъ батьковщина, тѣмъ я съ тобой пополамъ подѣлился.

— Брешешь, брате! рѣзко проговорилъ голова. — А духывница [16]) есть у тебя?

— Да какая-жь духывниця? отозвался отвѣтчикъ, разводя руками. — Духывницы нѣтъ у насъ. Какъ осталось отъ батьки нашего два сына, я да Павло, такъ на что же намъ духывниця эта сдалася?

— Что-жь ты раньше не жаловался? обратился тогда голова къ истцу. Онъ не нашолся, чтó отвѣчать на резонное замѣчаніе казака о духовномъ завѣщаніи.

И, помолчавъ съ минуту, какъ бы выжидая отъ него отвѣта, прибавилъ:

— Кто тебѣ писалъ прошеніе?

А самъ знаетъ о томъ хорошо. Да нужно же чѣмъ-нибудь заявить о своемъ безпристрастіи въ разбирательствѣ дѣла.

— Да уже, панотче, отвѣчалъ истецъ уклончиво,— кто бы ни писалъ, да написалъ... Въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей...

— Ну, хорошо! заключилъ голова. — Приходите оба на другой недѣлѣ. А теперь мнѣ некогда. Да собери свидѣтелей своихъ, кто тебѣ будетъ доказывать, прибавилъ онъ, обращаясь къ истцу.

На другой день, голова наводитъ справки о свидѣтеляхъ и призываетъ ихъ къ себѣ на-домъ.

— Доказчику первая палка! читаетъ онъ имъ въ наставленіе. — Смотрите, говорить въ одно, не сбиваться!

— Хорошо, хорошо, панотче! отвѣчаютъ ему свидѣтели, низенько кланяясь.

— А вы знаете, кто взялся за это дѣло? спросилъ ихъ голова, понизивъ голосъ, съ важнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственнымъ выраженіемъ.

— А кто такой, панотче? спрашиваютъ свидѣтели.

— Панъ Шулякъ взялся! И, объявивъ имъ фамилію «могущаго» ходатая по дѣламъ, голова приподнялъ правую руку и потрясъ указательнымъ пальцемъ, какъ бы желая сказать этимъ: — смотрите-жь, держите ухо востро!

V.

Недѣлю спустя, въ назначенный день, являются тяжущіеся въ правленіе. Тутъ же на лицо и свидѣтели.

Голова призываетъ писаря и приказываетъ ему вторично прочитать истцовое прошеніе.

[15]) Государственныхъ имуществъ.

[16]) Духывниця — духовное завѣщаніе.

— А что, добрые люди? Такъ оно, какъ вы свидчете[17]? спрашиваетъ голова у собранныхъ свидѣтелей, когда писарь прочиталъ ихъ показанія, прописанныя въ прошеніи.

— Да какъ же, панотче! отвѣчаютъ тѣ въ одинъ голосъ.

— Ну, вотъ видишь! обратился голова къ отвѣтчику. — Зачѣмъ же ты обижаешь своего меньшаго брата? Вотъ и люди показываютъ... Нужно тѣ нивки ему отдать...

— Милуйте - жалуйте, панотче! началъ тогда просить отвѣтчикъ, низко кланяясь. — Да я сколько ужь лѣтъ ими владѣю, а онъ теперь вздумалъ позываться...

Но голова не внемлетъ его просьбамъ.

— Нужно отдать! повторяетъ онъ рѣшительно.

Тяжело казаку раставаться съ землей, которою владѣлъ онъ спокойно, по праву, долгое время, и привыкъ считать своею неотъемлемою собственностью, но еще тяжелѣе для него уступить меньшому брату.

— Нѣтъ, панотче! сказалъ онъ, подумавъ съ минуту. — Не отдамъ я тѣхъ нивокъ!

— Не отдашь?! Да какъ же это можно? прикрикнулъ голова. — А я прикажу... Гей, Лазарю! пишите приговоръ!

Писарь написалъ приговоръ и прочиталъ тяжущимся братьямъ.

— Да смотри-жь у меня! заключилъ голова внушительно, обращаясь къ старшему изъ нихъ. — Чтобъ съ сегодня и нога твоя не была на тѣхъ нивкахъ!

А меньшой братъ, довольный рѣшеніемъ, кланяется головѣ до земли, цѣлуетъ у него руку.

VI.

Панъ Шулякъ, какъ сильная хищная птица, гонялся только за крупною дичью, великодушно уступая мелкую пташку своимъ собратьямъ по ремеслу, далеко ниже его стоявшимъ по силѣ, ловкости и быстротѣ полета.

Водилось въ тѣ времена не мало и мелкихъ хищниковъ на мѣстечкѣ, изъ той же ястребиной породы, къ которой принадлежалъ и нашъ Шулякъ. Тѣмъ же бумажнымъ дѣломъ промышляли они, только добыча была не та. Перепадали, правда, имъ иногда и малые кусочки землицы, такъ, *четь*[18] какая нибудь, но чаще работали они изъ-за подачки грошами или натурою. Боялись они могучаго своего собрата и никогда не мѣшались въ его дѣла.

— Не лѣзь, братику! скажетъ, бывало, Шулякъ иному изъ нихъ, когда узнаетъ, что тому попалось въ руки прибыльное дѣльце. — Оно мнѣ подходящее, а я тебѣ другое что̀ предоставлю.

Ну, и не лѣзли. А не послушается иной, такъ пересилитъ его панъ Шулякъ, взявшись хлопотать за противную сторону, и вдобавокъ еще насолитъ ему.

Прибавилъ Шулякъ къ довольно круглому уже состоянію своему еще добрую нивку *въ четыре дня.* И за что же? За одно прошеніе, да за умѣнье жить въ свѣтѣ. А все кажется мало.

Вотъ сидитъ онъ, зарывшись въ бумаги, въ своемъ тепломъ гнѣздѣ, а изворотливый умъ его занятъ жадною мыслью о новомъ пріобрѣтеніи.

— А сходи-ка, Хивря, до Кобчика, сказалъ онъ горничной дѣвушкѣ,—да скажи ему, чтобъ онъ вечеркомъ сегодня ко мнѣ зашелъ.

[17] Свидчутъ — свидѣтельствуютъ.
[18] Четь — четверть десятины.

Панъ Кобчикъ принадлежалъ къ мелкой породѣ хищниковъ. Доводился онъ какъ-то сродни нашему Шуляку и, искусившись подъ его руководствомъ въ сочинительствѣ прошеній, служилъ не рѣдко послушнымъ орудіемъ въ рукахъ корыстолюбиваго своего патрона.

Приходитъ Кобчикъ, маленькій человѣчекъ, лѣтъ подъ сорокъ, и дружески пожимаетъ руку своему двоюродному дядюшкѣ. Черты его лица напоминаютъ фамильное сходство: тѣ же, какъ будто, глаза, тотъ же носъ и тотъ же подбородокъ, только въ меньшихъ размѣрахъ и какъ-то недоконченно и недоразвито.

— Знаешь что, племянничекъ? началъ Шулякъ не откладывая дѣла въ долгій ящикъ.—Нивка тамъ, въ Веселыхъ Горбахъ, добрая есть, въ сосѣдствѣ съ моей землей, такъ я хочу чтобъ она моя была.

А зналъ онъ отличнѣйшимъ образомъ всѣ тѣ земли, которыя находились въ смѣжности съ его разбросанными тамъ и сямъ полями,—и въ какомъ количествѣ, и какого достоинства, и кому принадлежитъ.

— Она за Шкилёмъ, продолжалъ Шулякъ, усаживая гостя своего на диванъ и угощая пуншемъ.

— За какимъ-то Шкилёмъ? спросилъ Кобчикъ, съ наслажденіемъ вдыхая въ себя ароматы ямайскаго рому.—За Петромъ или за Андреемъ?

— За Андреемъ, отвѣчалъ Шулякъ, — что недавно съ братомъ позывался.

— А, а! подхатилъ Кобчикъ, смекнувъ, въ чемъ дѣло.—Знаю, знаю...

— Такъ что же молчитъ онъ, этотъ Шкиль? говорилъ между тѣмъ его достопочтенный дядюшка.— Такъ, сразу и поступился... Нужно ему искать тѣхъ отнятыхъ нивокъ...

Постороннему человѣку, не посвященному въ тайны Шуляковой юриспруденціи, показалось бы очень страннымъ, какъ это адвокатъ, выигравшій тяжбу, горюетъ о томъ, что противная сторона замолчала, считая дѣло свое окончательно потеряннымъ.

Но у пана Шуляка выработался свой особый взглядъ на адвокатскую профессію, обусловившій, благодаря общественной неурядицѣ того времени, ту не менѣе своеобразную практику, которая поставляла себѣ правиломъ брать, если представится удобный случай, и съ той, и съ другой стороны.

— Да, нужно ему такого человѣка пріискать, повторилъ Шулякъ, помолчавши,—который взялся бы выхлопотать ему тѣ нивки...

Онъ любилъ, въ иныхъ случаяхъ, говорить намеками и благоволилъ къ тѣмъ, которые понимали ихъ.

Не даромъ же Кобчикъ и пользовался его благорасположеніемъ.

— Гм! проговорила эта маленькая хищная птичка, взросшая подъ крыломъ Шуляка.—Какъ же намъ такого человѣка не пріискать!

И маленькими, острыми глазками смотрѣлъ онъ, казалось, въ этотъ моментъ, на самого себя.

— Вотъ онъ, говорили они,—этотъ человѣкъ!

Долго еще въ тотъ вечеръ сидѣлъ дядюшка съ племянничкомъ за дружеской, интимной бесѣдой. Вволю побалакали они, сытно и сладко поужинали, и разошлись.

— Такъ смотри-жь! говорилъ Шулякъ Кобчику на прощаньи.—Та нивка чтобъ была за мной. А я тебѣ другимъ разомъ услужу.

VII.

На другой день зашелъ Кобчикъ къ Андрею Шки-

лю, такъ, за дѣломъ будто какимъ своимъ, поговорилъ съ нимъ о томъ, о семъ, да съ участіемъ какъ бы мимоходомъ и спросилъ:

— А что, братику? Я слышалъ, что тебя братъ позывалъ...

— Да, пане, позывалъ, отвѣчалъ Шкиль, видимо довольный тѣмъ, что панъ принимаетъ участіе въ его положеніи.

— За что же онъ тебя позывалъ? спросилъ Кобчикъ съ видомъ человѣка, который не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о причинахъ, вызвавшихъ тяжбу.

Шкиль охотно отвѣчаетъ на вопросъ и, разумѣется, толкуетъ ему дѣло въ свою пользу.

— А какъ же васъ тамъ разсудили въ Правленіи? продолжалъ допытываться Кобчикъ.

— Да на его сторону... Нужно тѣ нивки отдать, проговорилъ Шкиль, понуря голову.

— А ты чего же молчишь! пріободрялъ его Кобчикъ вкрадчивымъ, сладенькимъ голосомъ.

— Да если-бъ нашелся добрый человѣкъ, такъ я бы еще потягался, отвѣчалъ казакъ оживляясь.

— Такъ что же? И въ голосѣ Кобчика зазвучала струна самого теплаго участія.—Дай мнѣ твое дѣло. Я похлопочу.

— Э, пане! милуйте-жалуйте! началъ тогда обрадованный Шкиль.—Не дайте пропасть.

— Твое дѣло правое! А за правое дѣло я всегда заступлюсь! продолжалъ между тѣмъ достойный ученикъ Шуляка, съ скрытою радостью, что казакъ идетъ на удочку.

И, помолчавши съ минуту, какъ бы обдумывая предстоящее къ защитѣ правое дѣло, прибавилъ:

— А что же дашь ты мнѣ за труды? Дѣло важное... нужно обработать умненько...

— Да что же вамъ дать, пане? отвѣчалъ Шкиль, впадая опять въ грустное настроеніе духа.— Грошей у меня нѣтъ... развѣ нивку...

— Ну, и то хорошо! прорвалъ его Кобчикъ равнодушнымъ тономъ.—Нивку такъ нивку...

И, заручившись обѣщаніемъ, онъ безцеремонно указалъ на ту самую нивку, которую такъ желательно было пріобрѣсти его патрону.

Шкиль не сразу согласился. Жаль было ему разстаться съ однимъ изъ лучшихъ полей своихъ.

— Ну, да пускай же мой верхъ будетъ! сказалъ онъ наконецъ, махнувъ рукой. И пообѣщалъ отдать поле то своему ходатаю.

Написалъ Кобчикъ Шкилю прошеніе и подалъ его въ Волостное Правленіе.

А самъ, подъ рукой, и шепнулъ головѣ:—Смотрите-жь! Будете производить сужденіе по сему прошенію, то судите какъ сперва судили... А то и сами подъ судъ попадете...

Голова и самъ не дуракъ: понимаетъ, въ чемъ дѣло. Ну да не мѣшало, на всякій случай, и пригрозить.

Дѣло о захваченныхъ и присужденныхъ къ возвращенію нивкахъ вновь пересматривается по прошенію Шкиля, но, разумѣется, рѣшается по старому. Прежній приговоръ остается въ своей полной силѣ.

Приходитъ Шкиль къ Кобчику и плачется.

— Да что же, пане! наше дѣло неправое... Голова снова не на мою сторону присудилъ...

— Такъ что-жь мнѣ дѣлать?! отвѣчаетъ ему Кобчикъ. Голосъ его сухъ, рѣчь не медоточива.

— Убытки одни—хлопотать тебѣ по этому дѣлу... Ничего не подѣлаешь... Шулякъ вступился за твоего брата...

Видитъ казакъ, что дѣйствительно «шкода» одна хлопотать, что ничего не подѣлаешь, когда панъ Шулякъ вступился.

— А какъ же, пане? спросилъ Шкиль, почесавъ себѣ лобъ.—Та нивка, что я вамъ пообѣщалъ, за вами будетъ?

— А какъ же! отрѣзалъ ему Кобчикъ уже недовольнымъ голосомъ.—Развѣ я даромъ хлопоталъ? Это не мое дѣло. Моя бумага, и я же писалъ, такъ за труды всеконечно нужно мнѣ съ тебя получить...

Постоялъ тогда Шкиль у порога, «подивился» на своего ходатая, да и проговорилъ, вздохнувши:

— А что же, пане! Грошей у меня нѣтъ, заплатить вамъ печѣмъ, такъ пускай же оно такъ и будетъ!..

Такимъ-то путемъ пріобщалъ панъ Шулякъ нивку за нивкой къ своей «батьковщинѣ», заключавшей въ себѣ всего пять-шесть десятковъ десятинъ земли. Были у него и другіе пути, приводившіе его къ той же цѣли. То были пути или ловкаго вмѣшательства въ чужія дѣла по наслѣдствамъ, или прямо-насильственнаго захвата. Ниже я привожу нѣсколько примѣровъ этого послѣдняго способа пріобрѣтенія. О первомъ же читатель узнаетъ изъ слѣдующаго разсказа.

Была у пана Шуляка мельница-топчакъ, и задумалъ онъ провести отъ нея новую, ближайшую дорогу въ поле (стояла усадьба его на самомъ краю мѣстечка), чтобъ не ѣздили люди за помоломъ черезъ его панскій дворъ. Планъ не дуренъ; но какъ привести его въ исполненіе? Жаль ему было трогать своего сада: яблони такія большія край самаго плетня стояли и отличную *скянку* [19]) ежегодно давали.

— Вотъ, еслибъ сосѣдняго грунта немного прихватить! подумалъ Шулякъ, и пригласилъ къ себѣ своего сосѣда.

Приходитъ сосѣдъ, панъ Кавунецъ, мичманъ въ отставкѣ, человѣкъ еще новый на мѣстечкѣ, только-что пріобрѣтшій себѣ небольшую усадебку. Ласково такъ принимаетъ его панъ Шулякъ, угощаетъ и, не медля, заводитъ рѣчь о дѣлѣ.

— Я, заключилъ онъ, объяснивши сосѣду, въ чемъ состояла его просьба,—откровенный малороссіянецъ. Съ сосѣдями своими всегда живу въ добромъ согласіи, не люблю ссориться. До сихъ поръ на меня уже сорокъ жалобъ поступило, а я никогда ни на кого не жаловался.

— Да, подумалъ панъ Кавунецъ, уже слыхавшій кое-что объ его подвигахъ,—потому ты не жаловался, что ни кто не посмѣетъ тебя обидѣть, а ты самъ всѣхъ обижаешь...

— Такъ уступите мнѣ, почтеннѣйшій сосѣдъ, продолжалъ Шулякъ,—малую частицу вашего грунта. Мы, по доброму сосѣдству, свои люди — сочтемся. Когда нибудь и я услужу вамъ.

«Дай ему кусочекъ землицы», подумалъ панъ Кавунецъ: «такъ онъ и больше захочетъ. Пусти лису на порогъ, такъ она и на печь залѣзетъ... Да не хотѣлось ему на первыхъ порахъ расходиться съ своимъ сосѣдомъ.—Такъ и быть», рѣшилъ онъ: «пожертвую малою частицею грунта».

— Пусть будетъ по вашему, Григорій Иванычъ,

[19]) Особый сортъ крупныхъ, долголежалыхъ яблоковъ.

сказалъ онъ ему.—Переставьте плетень по ровецъ (а за плетнемъ, во всю длину грунта, до самой дороги, шла канава). Его можно засыпать. Вотъ вамъ и дорожка!

— Эге! возразилъ Шулякъ.—Этого мнѣ мало. Нужно будетъ часомъ и возамъ проѣхать...

— Нѣтъ, не могу больше, Григорій Иванычъ! отвѣчалъ Кавунецъ, рѣшившись не поддаваться.—Развѣ вы не знаете, что у меня грунтъ и безъ того очень малъ?

— Ну, на то ваша добрая воля. Дѣлайте, какъ знаете! съ замѣтною сухостью въ голосѣ проговорилъ Шулякъ, и всталъ съ мѣста. «А если не хочешь» значило то въ переводѣ: «такъ и убирайся во свояси».

И, распрощавшись съ своимъ гостемъ, хозяинъ счелъ за нужное повторить ему, что онъ откровенный малороссіянецъ, и что съ сосѣдями своими не любитъ ссориться.

На другой день послѣ этого объясненія, уѣхалъ панъ Кавунецъ въ ближній городъ, за вводомъ во владѣніе купленнымъ имъ имѣньецемъ. Но каково же было его изумленіе, когда, вернувшись домой, увидѣлъ онъ, что его и безъ того небольшой грунтъ уменьшился на четыре сажени во всю безъ малаго тридцати-саженную его длину. Ни рва, ни огорода, на которомъ взошла уже было посѣянная овощь, и не слѣда не осталось. Старый плетень стоялъ на новомъ мѣстѣ. Отрѣзанный кусокъ земли былъ вспаханъ и засѣянъ гарбузами [20]).

И вся эта перемѣна совершилась въ одни сутки.

— Пришелъ, оправдывались предъ Кавунцемъ его домашніе,—Шулякъ съ 20-ю работниками, такъ что-жь намъ было съ нимъ дѣлать?! Постояли, да посмотрѣли только на его работу, какъ онъ плетень переставлялъ, да затѣмъ землю нашу оралъ...

Жалобу на самоуправный захватъ хотѣлъ-было сгоряча писать панъ Кавунецъ, да отсовѣтовали ему добрые люди позываться съ опаснымъ сосѣдомъ.

[20]) Гарбузъ—тыква.

— Чтобъ хуже, смотрите, чего не сдѣлалъ! говорили ему.—«Шкода» одна тягаться съ этимъ человѣкомъ...

Не легко было пану Кавунцу перенести такую обиду, да дѣлать было нечего. Подумалъ, подумалъ, да и сказалъ, махнувъ рукой:—А нехай ему бісъ! Подпалитъ еще, пожалуй: тогда ужь очень скверно будетъ!

Такъ и не начиналъ дѣла.

Былъ у пана Шуляка, въ одномъ урочищѣ, небольшой лѣсокъ, на дрова лишь годный, а рядомъ съ нимъ стояла *дубина*, принадлежавшая пану Пацирѣ. Видитъ Шулякъ, дубы славные, какъ на подборъ, одинъ другаго толще, обхвата въ два и болѣе. Сталъ онъ свой лѣсокъ рубить, да заурядъ и дубину вырубилъ.

Услыхалъ хозяинъ о порубкѣ, пріѣхалъ на мѣсто. А въ лѣсу у него хоть шаромъ покати — одни пни торчатъ только. Жалобу подалъ панъ Пацира на пана Шуляка.

Вотъ стали ихъ дѣло на судѣ разбирать.

— То издревле мой лѣсъ былъ, отписывался Шулякъ. — Дѣдъ и отецъ мой владѣли имъ. Такъ и свидѣтели показываютъ.

И свидѣтелей представилъ. Тѣ дѣйствительно показали, что лѣсъ Шуляковъ.

Частенько прибѣгалъ онъ къ этому средству. Не трудно было тогда подыскать свидѣтелей. Собери да угости горилкой, такъ что угодно покажутъ. А у Шуляка такіе люди всегда бывали подъ рукой.

— Предъявите планы на вашъ лѣсъ, запросили въ судѣ у тяжущихся.

А плановъ ни у того, ни у другаго—нѣтъ.

Ну и присудили: вырубленный лѣсъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, признать собственностью Шуляка, а Пацирѣ въ искѣ отказать.

Отдавалъ панъ Шулякъ свою мельницу-топчакъ въ арендное содержаніе.

Разъ, нанимаетъ ее у него какой-то кацапъ-купецъ изъ ближняго города. Заключили условіе: срокъ найма годовой, плата триста рублей. Деньги должны быть сполна уплачены впередъ.

Его Императорское Высочество

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ.

Рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ О. Ротъ.

Сталъ купецъ на мельницѣ работать: муку молоть, крупу драть. Проходитъ мѣсяцъ, другой. Все идетъ хорошо. Отъ хозяина никакихъ придирокъ.

— Вотъ, думаетъ арендаторъ,—говорили мнѣ, что съ Шулякомъ опасно дѣло имѣть: какъ разъ надуетъ. Брехня одна!

Только разъ, нужно купцу муку вывозить изъ мельницы, а ворота—на замкѣ. Это было еще до куріозной выходки Шуляка съ паномъ Кавунцемъ. Нужно было выѣзжать и въѣзжать черезъ дворъ.

Поворчалъ хозяинъ, когда спросили у него ключи, что безпокоятъ его часто, но все-таки отперъ ворота.

Проходитъ еще недѣля, и ворота опять на замкѣ.

— Что за оказія! думаетъ купецъ, и идетъ къ Шуляку.

— Зачѣмъ это вы, Григорій Иванычъ, говоритъ онъ ему,—ворота на замокъ запираете? Вы же знаете, что у меня почти-что каждый день ввозъ и вывозъ...

— Это мое дѣло, отвѣчаетъ Шулякъ спокойно.— Не хочу я, чтобъ вы черезъ дворъ мой ѣздили...

— Да какъ же я иначе въѣду и выѣду? съ усмѣшкой спрашиваетъ его арендаторъ.—Вѣдь другой дороги нѣтъ на мельницу!..

— Какъ знаете! отрѣзалъ Шулякъ.—Сдѣлайте ее себѣ...

— Да гдѣ-жъ мнѣ взять ее? возражаетъ купецъ, все еще полагая, что панъ шутитъ съ нимъ.—Не черезъ сосѣдній же дворъ ѣздить!

— Ѣздите черезъ сосѣдній дворъ... продолжалъ Шулякъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ.—А я больше воротъ открывать вамъ не буду!

— Помилуйте, да это ни съ чѣмъ не сообразно! серіозно начинаетъ уже говорить арендаторъ, понявъ наконецъ, что панъ не шутитъ.—Это притѣсненіе съ вашей стороны! Я буду жаловаться...

— Жалуйтесь! Этого я воспретить вамъ не могу, сказалъ Шулякъ, и передалъ ему копію съ условія.

— Потрудитесь прочитать, почтеннѣйшій. Гдѣ-жъ говорится тутъ, что проѣздъ на мельницу долженъ быть черезъ мой дворъ?

Купецъ перечиталъ условіе. Дѣйствительно, въ немъ ни слова не сказано о проѣздѣ.

— Да это само собою разумѣется! сказалъ онъ.— Не по воздуху же мнѣ летать, чтобъ въ млинъ вашъ попасть...

— Это произвольное съ вашей стороны толкованіе, отвѣчалъ Шулякъ.—Нужно буквы держаться. Не сказано ничего о проѣздѣ, значитъ и нѣтъ его. Летайте по воздуху... Шаръ такой себѣ сдѣлайте...

И онъ засмѣялся сухимъ, оскорбительнымъ смѣхомъ.

Арендаторъ разсердился наконецъ.

— Это безчестно съ вашей стороны! сказалъ онъ ему. — Обманули человѣка, да еще и смѣетесь надъ нимъ... Ну, да я этого такъ не оставлю!..

И онъ вышелъ преисполненный негодованія.

— Жалуйтесь! закричалъ ему вслѣдъ панъ Шулякъ.—А съ завтрашняго дня нѣтъ для васъ ни выѣзда, ни въѣзда на мой дворъ!

Подалъ купецъ жалобу становому, куму и пріятелю Шуляка.

— Ничего изъ этого не выйдетъ, сказалъ тотъ ему.—Въ условіи не оговоренъ проѣздъ на млинъ. И въ судѣ, если перенесете туда жалобу, то же вамъ скажутъ.

Приставъ былъ правъ. И полиція, и судъ, дѣйствительно, отказали купцу.

Видитъ тогда арендаторъ, что нѣтъ ему доступа къ мельницѣ, плюнулъ на нее и на ея хозяина, да и уѣхалъ въ городъ.

А Шуляку то и съ руки. Триста карбованцевъ ни за что, ни про что взялъ, а съ млина своего новые грóши сталъ за помолъ забирать.

Но пора и разстаться съ тобой, доблестный герой былаго. Трудно перечислить всѣ твои подвиги, ибо имя имъ—легіонъ.

Много обобралъ ты, на своемъ долгомъ вѣку, чужаго добра, строча перомъ въ тиши своего кабинета, не мало труда положилъ ты на это дѣло и много поработалъ надъ нимъ твой изворотливый, изобрѣтательный умъ,—и что же? Еще при жизни твоей ушло отъ тебя это добро, нажитое путями всякой неправды, прахомъ разсыпались плоды преступнаго твоего любостяжанія....

Пришлось пережить тебѣ свое паденіе, умирать съ горькою мыслью о томъ, что семья твоя должна будетъ покинуть послѣдній, описанный за долги домъ...

— Чудное дѣло! говорятъ старожилы мѣстечка, на глазахъ которыхъ возрастало Шуляково достояніе.—И земли сколько понахватывалъ, и грóшей было довольно. И не мотъ, не картежникъ былъ. А умеръ—похоронить стало нечѣмъ!

— Какъ пришло, такъ и ушло! отвѣчаютъ на этотъ запросъ въ народѣ, и здѣсь-то, въ этихъ словахъ, нужно искать разгадки странной судьбы людей, подобныхъ нашему Шуляку.

Его Императорское Высочество

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ.

Предлагая въ этомъ № «Нивы» портретъ Его Императорскаго Высочества, мы ограничимся немногими фактами, ставшими достояніемъ печати. Мы не считаемъ себя въ правѣ передавать слуховъ, ходящихъ въ народѣ о Цесаревичѣ, на комъ сосредоточиваются надежды Россіи, хотя они еще болѣе увеличиваютъ ту прирожденную такъ-сказать сердцу русскаго человѣка любовь, съ какой онъ смотритъ на всѣхъ вообще членовъ Августѣйшаго семейства, въ особенности же на будущаго преемника Царя, къ имени котораго онъ обыкновенно прибавляетъ слово «батюшка».

Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Александровичъ родился 26 февраля 1845 г. Будучи вторымъ сыномъ Государя, онъ конечно не ожидалъ той высокой участи, которая готовилась ему впереди, какъ вдругъ преждевременная и всею Россіею оплаканная кончина Великаго Князя Цесаревича Николая Александровича, съ которымъ онъ былъ связанъ узами самой нѣжной дружбы, выдвинула Его Высочество на первое мѣсто. Сознавая всю великость той роли, которую возложило на него Провидѣніе, юный Великій Князь немедленно приступилъ къ усовершенствованію своего образованія и

удивлялъ—по всеобщимъ отзывамъ—своихъ наставниковъ тѣмъ необыкновеннымъ рвеніемъ, съ какимъ онъ приступалъ къ этому дѣлу, и быстротою своихъ успѣховъ. Осенью 1866 г. Государь Наслѣдникъ вступилъ въ бракъ со второю дочерью датскаго короля Христіерна IX-го, принцессою Маріею-Софіею-Фредерикой-Дагмарою, получившею послѣ перехода въ православіе имя Великой Княжны Маріи Ѳеодоровны. Отъ этого брака родились три сына, Великіе Князья: Николай Александровичъ, родившійся 6-го мая 1868 года, Александръ Александровичъ, скончавшійся въ 1869 г., и Георгій Александровичъ, родившійся 27 апрѣля нынѣшняго года.

Со времени своего бракосочетанія, Государь Наслѣдникъ сталъ принимать серіозное участіе въ государственныхъ дѣлахъ—и все, что разсказываютъ объ этомъ участіи, еще болѣе увеличиваетъ народную любовь къ нему. Такъ наприм. будучи назначенъ, въ 1868 году, Высочайшею волею почетнымъ предсѣдателемъ временной центральной коммиссіи для сбора и распредѣленія пособія голодающимъ, Государь Наслѣдникъ не только приступилъ къ этому дѣлу съ величайшимъ рвеніемъ, но еще обнаружилъ при этомъ въ высшей степени замѣчательное пониманіе народныхъ нуждъ и всего вообще строя русскаго общества. Въ видахъ предупрежденія спекуляцій хлѣбныхъ торговцевъ, Государь Наслѣдникъ придумалъ въ высшей степени цѣлесообразную мѣру. По его ходатайству былъ отпущенъ коммиссіи заимообразно и подъ величайшею тайною изъ Государственнаго Казначейства милліонъ рублей сер., и на эти деньги произведены агентами коммиссіи повсемѣстныя закупки хлѣба. Благодаря этой мѣрѣ, хлѣбъ былъ пріобрѣтенъ по умѣреннымъ цѣнамъ и будущность голодающихъ обезпечена.

Что это живое доказательство любви къ своимъ будущимъ подданнымъ было оцѣнено тѣми, къ кому оно относилось, можно видѣть уже изъ того, что 26-го февраля слѣдующаго 1868 года, изъ кружки, выставленной у Аничкина дворца для сбора приношеній въ пользу голодающихъ, была вынута вечеромъ сумма въ нѣсколько тысячъ рублей, по преимуществу мелкими деньгами, которыя жертвовалъ народъ изъ трудовыхъ своихъ копѣекъ, празднуя день рожденія того, кто такъ заботился о его нуждахъ.

Такимъ образомъ, благодаря этимъ прекраснымъ начинаніямъ, Россія нынѣ смотритъ спокойно впередъ на свое будущее и глубоко вѣритъ въ то, что народъ, освобожденный и возрожденный Александромъ II, будетъ точно такъ же быстро идти по пути самобытнаго развитія и земскаго преуспѣянія и въ царствованіе его будущаго преемника.

Изъ домашней жизни римской женщины.

Въ нашемъ столѣтіи археологія больше чѣмъ когда-либо стремилась познакомиться съ древнею культурою нагляднымъ образомъ и поэтому-то пользовалась съ особеннымъ рвеніемъ остатками древнихъ памятниковъ. Какъ изъ безчисленныхъ изображеній, покрывающихъ стѣны египетскихъ гробницъ, храмовъ и другихъ зданій, успѣли составить себѣ полную, до мельчайшихъ подробностей, картину той своеобразной жизни, которая наполняла, цѣлыя тысячелѣтія тому назадъ, нильскую долину; какъ изъ покрывающихъ ниневійскіе дворцы скульптуръ составили себѣ подобное же, хотя и гораздо болѣе отрывочное понятіе о древне-асирійской жизни;—такъ и римскіе памятники: руины, статуи, картины, монеты, утварь всякаго рода послужили къ тому, чтобъ дополнить и оживить пріобрѣтенныя путемъ литературы свѣденія о культурѣ и частной жизни древнихъ римлянъ. Нечего и говорить о томъ, какъ помогло и помогаетъ въ этомъ отношеніи удивительное открытіе Геркуланума и Помпеи, засыпанныхъ первымъ (сколько извѣстно) изверженіемъ Везувія, — хотя эти раскопки, ограничившіяся въ скоромъ времени одною Помпеею (такъ-какъ Геркуланумъ лежитъ отчасти подъ толстымъ слоемъ лавы, а отчасти подъ городомъ Портичи, тогда какъ Помпея прикрыта только рыхлой золою), открыли только незначительную, много-что третью часть этого города.

Здѣсь только сохранилось для любознательности позднѣйшаго потомства множество римскихъ частныхъ домовъ, снабженныхъ большею частью мебелью и домашнею утварью, почти въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ оставлены, восемьнадцать столѣтій тому назадъ, спасавшимися бѣгствомъ жителями; тогда какъ находящіяся въ другихъ мѣстахъ развалины составляютъ остатки только самыхъ прочныхъ, слѣдовательно только общественныхъ зданій. Здѣсь, гдѣ мы чувствуемъ себя какъ бы перенесенными въ ежедневную жизнь древности, художникъ находитъ богатую пищу для своего таланта, вызывая своею кистью исчезнувшіе образы прошедшаго и оживляя эти опустѣвшія жилища множествомъ небольшихъ чертъ, въ вѣрности которыхъ ручаются находящіеся на лицо остатки. Картина дюссельдорфскаго художника *Филиппи*, снимокъ съ которой мы предлагаемъ нашимъ читателямъ, представляетъ вѣрное, до мельчайшихъ подробностей, воспроизведеніе сцены въ древне-римской уборной, основанное на добросовѣстномъ, сдѣланномъ на мѣстѣ, изученіи предмета.

Живописецъ вводитъ насъ во внутренность помпейскаго дома, построеннаго въ томъ въ высшей степени приспособленномъ къ климату стилѣ, который, за исключеніемъ южной Испаніи, нигдѣ уже не встрѣчается въ Европѣ, но на востокѣ употребляется повсемѣстно. Жизнь новѣйшаго дома обращена наружу, а жизнь античнаго сосредоточивалась внутри; наружныя стѣны перваго прорѣзываются рядами оконъ, тогда какъ нижній этажъ послѣдняго представляетъ со стороны улицы глухую стѣну безъ оконъ, такъ-что по улицамъ античнаго города ходили какъ бы между садовыми оградами; только верхніе этажи заключали въ себѣ по нѣскольку оконъ, прорѣзанныхъ тамъ и сямъ, смотря по надобности и слѣдовательно безо всякой симметріи. Центромъ, вокругъ котораго двигалась жизнь античнаго дома, былъ одинъ или два *атріума* (родъ внутренняго двора. См. 24-й № «Нивы» за нынѣшній годъ: «Римская архитектура»), куда выходили и откуда освѣщались жилыя комнаты. Это помѣщеніе, окружавшееся въ болѣе богатыхъ домахъ крытыми колоннадами и составлявшее нѣчто среднее между залой и дворомъ, доставляло возможность наслаждаться удовольствіемъ на открытомъ воздухѣ, не оставляя внутренности своего дома. Отъ солнца и дождя защищала находящаяся

надъ колоннадами крыша, наклоненная со всѣхъ четырехъ сторонъ; кромѣ того надъ находящимся на серединѣ атріума отверстіемъ раскидывался еще, смотря по надобности, наметъ. Атріумы украшались зеленью деревьевъ и кустарниковъ, росшихъ въ землѣ или въ кадкахъ, а колонны обвивались, какъ изображено на нашемъ рисункѣ, виноградною лозою; въ серединѣ атріума находился водоемъ, устраивавшійся въ зажиточныхъ домахъ въ видѣ фонтана, украшеннаго мраморными и бронзовыми статуями. Отверстія для дверей, соединявшія жилыя комнаты съ атріумомъ, замыкались обыкновенно не дверями, а занавѣсами; кольца, въ которыхъ продѣвались шнурки, для того чтобъ отдергивались и задергивались эти занавѣсы, встрѣчаются еще и теперь въ нѣкоторыхъ изъ помпейскихъ домовъ. Собственно оконъ въ выходящихъ на атріумъ помѣщеніяхъ нижняго этажа нѣтъ, такъ-какъ отверстія для дверей служили въ то же время и для освѣщенія. Какъ ни соотвѣтствуетъ этотъ архитектурный стиль южному климату и условіямъ жизни, но античный домъ окончательно вытѣсненъ въ нынѣшней Италіи домомъ новѣйшаго стиля; одни только монастырскіе дворцы, окруженные въ большей части случаевъ колоннадами и представляющіе собою что-то въ родѣ сада, куда выходятъ кельи, носятъ на себѣ слѣды древне-римской архитектуры. Но житель Андалузіи обращаетъ еще и теперь дворъ своего дома, такъ называемый *Патіо*, въ жилище, и ѣстъ и спитъ наслаждаясь благоуханіемъ растеній, подъ шумъ фонтана, въ тѣни коллонады или раскинутаго надъ этимъ открытымъ помѣщеніемъ намета.

Слѣдовательно, различныхъ удобствъ жилаго строенія, которыя мы, жители сѣвера, обреченные на пребываніе въ комнатахъ, такъ высоко цѣнимъ, въ римскихъ домахъ не было, да древніе и не замѣчали этого недостатка, такъ-какъ они большую часть дня проводили внѣ дома. Этимъ-то и объясняется между прочимъ незначительная величина помпейскихъ комнатъ, которыя въ большей части случаевъ служили только спальнями или столовыми. Точно такъ же и все вообще убранство и расположеніе жилыхъ помѣщеній обусловливалось климатомъ и условіями тогдашней жизни. Роскошь красокъ, свойственная южной природѣ, которая съ самого начала такъ сильно поражаетъ и ослѣпляетъ жителя сѣвера, переносилась древними и во внутренность ихъ жилищъ, а высоко-развитое, хотя и безсознательное чувство прекраснаго требовало всегда болѣе или менѣе изящныхъ формъ.

Извѣстно, что въ Помпеѣ въ каждомъ домѣ повторяется одинъ и тотъ же способъ уборки комнатъ, только въ болѣе богатомъ или въ болѣе простомъ видѣ, смотря по средствамъ владѣльца, — какъ будто бы одно и то же общество художниковъ убирало этотъ городъ, который восемнадцать столѣтій тому назадъ такъ сильно пострадалъ отъ землетрясенія (передъ тѣмъ, какъ Везувій засыпалъ его), что всѣ дома, сплошь и кряду, нуждаются въ реставраціи и новомъ убранствѣ. Вездѣ въ этихъ домахъ каменные полы обложены мозаикой. Вездѣ стѣны расписаны самыми живыми красками, большею частію извѣстнымъ «помпейскимъ пурпуромъ», а потомъ раздѣлены арабесками и архитектурными орнаментами на части, украшенныя различными изображеніями, большей или меньшей величины, между которыми чаще всего встрѣчается изображеніе граціозно-парящей фигуры. Часто даже колонны расписаны или обложены мозаикой, что́ конечно такъ же грѣшитъ противъ вкуса какъ и колонны, каннелированныя только въ двухъ верхнихъ третяхъ, а въ нижней нѣтъ, въ родѣ того какъ это представлено на нашемъ рисункѣ. Вообще, живописное и архитектурное украшеніе помпейскихъ домовъ не выдерживаетъ строгой критики, но въ цѣломъ они представляютъ пріятный и изящный видъ; даже самая ихъ пестрота не составляетъ дисгармоніи съ роскошью красокъ окружающей ихъ природы. До какого громаднаго развитія достигло въ тѣ времена искусство, можно видѣть изъ того, что даже такой, конечно небогатый и необширный городъ, какъ Помпея, потребовалъ для украшенія своихъ частныхъ жилищъ столько архитекторовъ, живописцевъ, ваятелей и мозаистовъ.

Но какъ велика была требовательность древнихъ насчетъ художественнаго украшенія комнатъ, такъ умѣренна была она относительно ихъ меблировки и домашней утвари,—и въ этомъ тоже отношеніи они скорѣе сходятся съ жителями востока, чѣмъ съ современными европейцами. Жилыя помѣщенія восточныхъ народовъ, исключая идущихъ вдоль стѣнъ дивановъ, цыновокъ и ковровъ, обыкновенно пусты; а древне-римскія, кромѣ кровати или дивана и нѣсколькихъ стульевъ, заключали въ себѣ обыкновенно только парадную утварь: треножники, канделябры, круглые столики изъ рѣдкаго дерева на слоновыхъ ножкахъ, драгоцѣнные сосуды и посуду и тому подобныя вещи, назначенныя скорѣе для украшенія, чѣмъ для употребленія. Но и простая домашняя утварь среднихъ классовъ была облагорожена художественными формами, а многочисленные сосуды съ ручками самого изящнаго вида и всевозможныхъ формъ, о которыхъ могутъ дать понятіе нѣсколько чрезвычайно счастливо-выбранныхъ экземпляровъ, изображенныхъ на нашемъ рисункѣ, служатъ—и совершенно справедливо—до сихъ еще поръ образцами для новѣйшей промышленности.

Изображенная на нашемъ рисункѣ помпеянка разсматриваетъ свою прическу—произведеніе ея рабы-египтянки—въ одно изъ тѣхъ ручныхъ зеркалъ (встрѣчающихся во множествѣ еще и теперь), которыя представляютъ гладковышлифованною поверхностью своей бронзы или серебра чрезвычайно несовершенный суррогатъ нашихъ стеклянныхъ зеркалъ. Между безчисленнымъ множествомъ прическъ, извѣстнымъ намъ по бюстамъ и изображеніямъ тѣхъ временъ, художникъ выбралъ одну изъ самыхъ простыхъ. Еще не оконченный нарядъ показываетъ намъ двѣ главныя части римской и греческой женской одежды: длинное перетянутое поясомъ нижнее платье и широкую верхнюю накидку. Это дѣлаетъ честь вкусу тогдашнихъ римлянокъ, что онѣ удержали, по крайней мѣрѣ въ сущности, эту столько же сообразную съ природою и простую, сколько художественно-прекрасную одежду прежнихъ временъ, которая обрисовываетъ формы, не искажая и не обезображивая ихъ, подобно многимъ средне-вѣковымъ и новѣйшимъ платьямъ. Въ особенности же шнуровка составляетъ совершенно неизвѣстное для древнихъ временъ изобрѣтеніе, чему конечно слѣдуетъ приписать замѣчательную стройность большинства тогдашнихъ женщинъ. Касательно цвѣта и рисунка тогдашнія матеріи для платьевъ были чрезвычайно разнообразны: были полосатыя, клѣтчатыя, двуличневыя и т. п.; художникъ и здѣсь такъ же, какъ при выборѣ прически и украшенія для груди (состоявшаго у рим-

лянокъ изъ жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и золотыхъ работъ), предпочелъ простыя, но исполненныя вкуса богатымъ и пестрымъ.

Безчисленны, какъ мы уже говорили, были головные уборы тогдашняго времени, тѣмъ болѣе, что шляпы женщины тогда еще не носили, а употребляли только головной платокъ или ниспадающее внизъ покрывало. Многочисленные бюсты, разсѣянные по всѣмъ европейскимъ музеумамъ, представляютъ намъ примѣры самыхъ разнообразныхъ головныхъ уборовъ, начиная отъ самыхъ простыхъ причесокъ древнѣйшихъ временъ,—когда волнистые волосы, раздѣленные или нераздѣленные назади проборомъ, схваченные и завитые въ узелъ, поддерживались на затылкѣ посредствомъ пряжки или повязки,—и до тѣхъ локоновъ, о которыхъ Ювеналъ говоритъ: «Она строитъ на своей головѣ этажъ за этажемъ и дѣлаетъ изъ нее посредствомъ подпорокъ настоящую башню».

У Овидія, большаго щеголя, есть даже на этотъ счетъ своя особенная теорія: «при продолговатомъ лицѣ — говоритъ этотъ тонкій знатокъ красоты и женщинъ — нужно раздѣлять волосы до самой макушки, какъ дѣлаетъ это Лаодамія, а круглому лицу очень идетъ, когда волосы вьются надъ лбомъ локонами, а уши открыты».

Что этотъ сложный туалетъ не всегда обходился даромъ служанкамъ — это само собою разумѣется, и изображенная на нашемъ рисункѣ рабыня съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, какія встрѣчаются тысячами на египетскихъ монументахъ, напоминаетъ намъ объ одной изъ величайшихъ язвъ древности—рабствѣ, осуждавшемъ цѣлую половину человѣчества на недостойное человѣка существованіе.

Ювеналъ въ своей сатирѣ противъ женщинъ описываетъ, между прочимъ, какъ разгнѣванная повелительница, не прерывая своихъ занятій, приказываетъ бить свою рабыню плетью до тѣхъ поръ, пока наконецъ у бьющаго слуги опускаются отъ усталости руки, и она кричитъ «вонъ!»; а Овидій увѣщеваетъ женщинъ не царапать лица одѣвающимъ ихъ служанкамъ и не колоть имъ иглами голыхъ рукъ и груди. «Ни одна женщина» говоритъ этотъ граціозный насмѣшникъ: «не должна позволять себѣ подобныхъ вспышекъ въ присутствіи своего поклонника, потому-что это можетъ внушить ему опасеніе насчетъ кротости ея характера».

Присутствіе египтянки или нубійки въ женской комнатѣ италіянскаго города напоминаетъ намъ о томъ безпримѣрномъ смѣшеніи національностей, которое могло имѣть мѣсто только въ римской всемірной имперіи. Въ особенности же много встрѣчалось тогда на помпейскихъ улицахъ уроженцевъ нильской долины. Гавань Путеоли (теперь совершенно опустѣвшее Пуццоли), посредствомъ которой происходили, главнымъ образомъ, сношенія съ Египтомъ и востокомъ, лежитъ всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Помпеи. Тутъ, въ качествѣ купцовъ, агентовъ и т. п., жили представители различныхъ національностей: сирійцы, евреи, финикіяне, египтяне и пр., которые, само собою разумѣется, продолжали тутъ свое отечественное богослуженіе, а отсюда распространяли его и внутрь государства. Такимъ образомъ, въ Помпеѣ находится одинъ изъ самыхъ интересныхъ храмовъ, именно храмъ Изиды, а многочисленныя надписи знакомятъ насъ съ состояніемъ тамошняго братства Изиды.

Не всякому таланту удается совершить то, чего успѣлъ достигнуть дюссельдорфскій художникъ. Какъ ни скроменъ выбранный имъ предметъ, но простая сцена въ уборной воскрешаетъ въ воображеніи того, кто смотритъ на его картину, всю пеструю и блестящую жизнь, которая наполняла когда-то Помпею.

Расколъ и раскольничьи секты въ Россіи.

Современныя движенія въ расколѣ все болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе русской читающей публики.

Соотвѣтственно возрастающему спросу, въ журналахъ появляются изслѣдованія, разсказы и очерки, затрогивающіе ту или другую сторону старообрядчества, выходятъ въ свѣтъ отдѣльныя сочиненія, болѣе или менѣе пространныя монографіи, полемическіе опыты, а иногда и просто памфлеты, направленные противъ живыхъ личностей, держащихся *древняго благочестія*...

Но если бы кто пожелалъ ознакомиться вкратцѣ съ полною исторіею происхожденія и развитія раскола на Руси, пришлось бы рыться въ такой кучѣ разрозненныхъ матеріаловъ или обращаться къ такимъ многотомнымъ сочиненіямъ (каковы, напримѣръ, исторіи Русской Церкви), что нежелающему посвятить себя этому предмету спеціально—едва-ли достало бы досуга и охоты для этого ознакомленія. Вотъ почему мы надѣемся, что предлагаемый очеркъ прочтется не безъ интереса тѣми изъ нашихъ читателей, которые знаютъ расколъ болѣе по наслышкѣ или изъ отрывочныхъ журнальныхъ статей.

I.

Зачатки раскола.—Стригольники и жидовствующіе.—Искаженіе книгъ и обрядовъ. — Максимъ-Грекъ. — Стоглавъ. — Книгопечатаніе. — Дальнѣйшія попытки исправленія книгъ до Никона.

Исторію раскола начинаютъ обыкновенно съ исправленія священныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ или нѣсколько ранѣе Максимомъ Грекомъ. Но сѣмена волненій и смутъ, поднявшихся въ то время, таились въ нѣдрахъ болѣе глубокой старины—вотъ къ этимъ-то зачаткамъ раскола мы предварительно и обратимся.

Первое проявленіе сектаторства на Руси относится ко второй половинѣ XIV вѣка. Около этого времени въ Новгородѣ и Псковѣ обнаружилась ересь, привлекшая вниманіе не только митрополитовъ русскихъ, но и патріарховъ константинопольскихъ. Еретики не признавали необходимости въ священствѣ, укоряли духовенство въ дурномъ поведеніи и утверждали, что міряне сами могутъ учить вѣрѣ. Таковы были эти *стригольники,* получившіе свое наименованіе отъ разстриженнаго діакона новгородскаго Карпа, который возбуждалъ народъ клеветами на епископовъ: будто бы они благодать священства продавали за деньги. Различныя хулы его на церковь и духовенство были своевременно обличены соборнымъ посланіемъ патріарховъ вселенскихъ и митрополитовъ всероссійскихъ къ гражданамъ Пскова и

Новгорода; но это не остановило развивавшейся ереси. Послѣдователи разстриги, казненнаго во время похода царя Іоанна Васильевича на Новгородъ, бѣжали за рубежъ земли Русской и поселились у поляковъ и шведовъ, большею частью въ Курляндіи и около Риги отъ Нарвы до Полоцка. Объ стригольникахъ весьма мало достовѣрныхъ свѣденій, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что они имѣли большое вліяніе на послѣдующія событія, а именно, во время исправленія книжнаго, когда они примкнули къ прочимъ отступникамъ отъ православія,—и этимъ объясняется та быстрота и внезапность, съ которой развился и укоренился на сѣверѣ расколъ *безпоповщины*.

Другимъ явленіемъ, предшествовавшимъ расколу и впослѣдствіи отозвавшемся въ немъ такъ-называемыми *субботниками*, была ересь *жидовствующихъ*, распространившаяся по Россіи въ царствованіе Іоанна III-го Васильевича. Еретики эти появились въ Кіевѣ въ половинѣ XV вѣка, а можетъ-быть и раньше. Они учили, что Троицы святой нѣтъ, что Христосъ былъ не Богъ, а человѣкъ, что не слѣдуетъ почитать ни угодниковъ Божіихъ, ни иконъ и проч. Жидъ Схарія занесъ эту ересь въ Новгородъ, прибывъ туда вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ. Первыми послѣдователями Схаріи стали здѣсь два попа, Діонисій и Алексѣй, весьма уважаемые народомъ за наружное благочестіе, что̀ и содѣйствовало быстрому распространенію ереси. Кромѣ того еретики владѣли ученостью и книгами, какихъ въ то время не было у православнаго духовенства, — на что̀ горько жалуется архіепископъ новгородскій Геннадій, въ посланіи своемъ къ митрополиту Симону и проситъ его ходатайствовать предъ Іоанномъ объ устроеніи училищъ;—а потому борьба противъ ереси выходила далеко не ровная. Слава Діонисія и Алексѣя росла; великій князь, будучи въ Новгородѣ (1480), взялъ ихъ съ собою въ Москву. Но здѣсь, въ какія нибудь девять лѣтъ, ересь такъ глубоко пустила корни, что въ числѣ ея поборниковъ оказались: симоновскій архимандритъ Зосима, даровитый дьякъ Ѳедоръ Курицынъ и даже невѣстка великаго князя Елена, мать Димитрія, которому Іоаннъ III, подозрѣвая жену свою Софію Ѳоминичну въ злыхъ умыслахъ, хотѣлъ передать престолъ помимо своего сына Василія Іоанновича. Въ 1489 г. тайный сторонникъ еретиковъ, Зосима, былъ посвященъ въ митрополиты; народъ волновался; въ домахъ, на дорогахъ, на базарѣ съ сомнѣніемъ разсуждали о вѣрѣ, основываясь на словахъ еретиковъ. Тогда-то, по вызову новгородскаго архіепископа Геннадія, преслѣдовавшаго жидовствующихъ въ своемъ городѣ, на борьбу съ ними въ Москвѣ возсталъ игуменъ и основатель Волоколамскаго монастыря Іосифъ. Строгій подвижникъ, съ двадцатилѣтняго возраста испытавшій свои силы въ безмолвномъ иночествѣ, Іосифъ писалъ противъ еретиковъ обличительныя слова (числомъ 16, собранныхъ впослѣдствіи въ «Просвѣтителѣ»), заставилъ Зосиму сойти съ митрополіи и наконецъ уговорилъ великаго князя созвать соборъ для суда надъ отступниками. По свидѣтельству самого Іосифа, «державный повелѣлъ: всѣхъ отвергшихся Христа и по жидовски мудрствующихъ, однихъ огню предать, другимъ языки рѣзать и наказывать ихъ другими способами». Но тѣмъ зло еще не пресѣклось. Для того чтобы побороть еретиковъ, а слѣдовательно и великую княгиню Елену, Іосифъ долженъ былъ стать за Софью и ея сына Василія, которыхъ поддерживали люди незначительные, дѣти боярскіе и дьяки, между тѣмъ какъ на сторонѣ Елены и Димитрія были вельможи и люди сильные, особенно князья Патрикѣевы и родственники ихъ князья Ряполовскіе-Стародубскіе. Софьѣ удалось вернуть довѣріе Іоанна и одержать верхъ надъ врагами: Ряполовскому отрубили голову, а Патрикѣевыхъ постригли въ монахи. Поэтому-то въ княженіе Василія Іоанновича, князь Василій Патрикѣевъ, постриженный подъ именемъ Вассіана, по прозвищу Косой, продолжалъ ожесточенную борьбу съ Іосифомъ Волоцкимъ, поддерживая и защищая жидовствующихъ. Лжеученіе Схаріи отзывается еще при Іоаннѣ Грозномъ въ ереси Матвѣя Бакшина, который не признавалъ Іисуса Христа равнымъ Богу Отцу, и въ ереси Ѳеодосія Косаго, который училъ, что Христосъ—простой человѣкъ.

Но гораздо болѣе важнымъ слѣдствіемъ борьбы съ жидовствующими — было появленіе перваго собранія книгъ св. писанія на славянскомъ языкѣ, составленное при архіепископѣ новгородскомъ Геннадіѣ, въ 1499 г., и сохранившееся до нашего времени подъ названіемъ «синодальнаго списка Библіи». Ожесточенная полемика съ жидовствующими впервые вынудила наше духовенство озаботиться собраніемъ всѣхъ книгъ св. писанія въ одинъ общій сводъ, тѣмъ болѣе, что еретики часто почерпали доводы именно изъ тѣхъ книгъ, которыхъ не было подъ рукой у Геннадія. Въ этомъ сводѣ нѣкоторыя книги Ветхаго Завѣта были вновь переведены съ латинскаго печатнаго перевода Библіи, извѣстнаго подъ названіемъ «Вульгаты», такъ-какъ не нашлось людей, достаточно знакомыхъ съ греческимъ языкомъ для перевода съ греческаго текста.

Тѣмъ не менѣе, при всеобщемъ невѣжествѣ и застоѣ тогдашняго общества, при склонности къ суевѣрію и ложнымъ истолкованіямъ всего недоступнаго общему пониманію, ереси продолжали распространяться; книги св. писанія искажались и обезображивались множествомъ ошибокъ по неопытности переводчиковъ и писцовъ; между отдѣльными церквами и монастырями происходили ссоры изъ-за разногласій при отправленіи богослуженія. Порча книгъ писцами началась издавна: такъ-называемые «худые номоканунцы» упоминаются въ первый разъ еще въ XII вѣкѣ. Что же касается путаницы въ богослужебныхъ обрядахъ, то она особенно рѣзко проявлялась въ Новгородѣ и Псковѣ. Почти оторванный отъ Греціи и всего православнаго Востока тяжкимъ игомъ татаръ, сѣверно-русскій народъ боялся малѣйшихъ измѣненій въ обрядѣ, чтобы не сдѣлаться отщепенцемъ отъ православія; а этотъ страхъ, при недостаткѣ знанія, порождалъ недоразумѣнія,—и возникали обряды несогласные съ древними греческими, неизвѣстные въ южной Кіевской Руси, которая сохранила больше связей съ Византіей. Въ началѣ XV вѣка въ первый разъ упоминается о такомъ недоразумѣніи во Псковѣ, когда будто бы преподобный Ефросинъ допустилъ въ своемъ монастырѣ *сугубую аллилуію*, заимствованную, по мнѣнію нѣкоторыхъ, у латинской церкви,—и было много споровъ и несогласія во Псковѣ. Въ томъ же столѣтіи возникло недоумѣніе о *хождени по солонь*, т. е. какъ ходить при освященіи церкви и при другихъ обрядахъ, по солнцу или противъ; лѣтописецъ говоритъ, что «нѣцій прелестницы (льстецы и соблазнители) клеветаша вел. кн. Іоанну Васильевичу III на митрополита Геронтія, что онъ не по солнечному всходу ходитъ со крестами вокругъ церкви». Въ XIV вѣкѣ, въ Галиційской Руси впервые появляется *дву-*

перстное сложеніе, по случаю распространенія тамъ армянъ-монофизитовъ; отсюда, въ XV вѣкѣ, оно перенесено въ Новгородъ и усвоено многими какъ противодѣйствіе ереси жидовствующихъ, а вскорѣ затѣмъ стало ходить по рукамъ слово, приписываемое Ѳеодориту (ученику св. Зосимы Соловецкаго), заключавшее въ себѣ наставленіе о двуперстномъ сложеніи креста.

Слово это особенно замѣчательно тѣмъ, что оно послужило поводомъ къ явному столкновенію между несвѣдущими ревнителями старины и первымъ исправителемъ книгъ св. писанія въ Россіи.

Святители русскіе давно уже сознавали потребность въ такомъ исправленіи богослужебныхъ книгъ, но дѣятельное участіе въ этомъ впервые принялъ Василій Іоанновичъ, сынъ великаго собирателя земли русской, Іоанна III и царевны Греческой Софіи. Въ 1518 году великій князь обращался ко вселенскому патріарху и во св. гору Аѳонскую съ просьбою прислать въ Москву мужа просвѣщеннаго для перевода и исправленія книжнаго, — и вотъ общимъ выборомъ св. горы и съ благословенія патріаршаго пришелъ въ Россію изъ обители Ватопедской Максимъ Грекъ, ставшій впослѣдствіи однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей. Большую часть молодости Максимъ провелъ въ Венеціи и Флоренціи, центрахъ тогдашняго просвѣщенія, служившихъ прибѣжищемъ всѣмъ греческимъ ученымъ, которые спасались отъ турецкаго ига. Здѣсь изучилъ онъ классиковъ, древніе языки и два новыхъ: итальянскій и французскій. Немалое вліяніе долженъ былъ оказать на него и знаменитый Савонарола, громившій въ проповѣдяхъ своихъ распущенность современныхъ нравовъ и своеволіе духовенства, защищавшій древнехристіанскія начала религіи и нравственности. По возвращеніи въ Грецію, Максимъ постригся на Аѳонѣ и предался изученію твореній св. Отцевъ Церкви. Прибывъ въ Россію на 38 году жизни, въ цвѣтѣ силъ, принятый съ честью при дворѣ великокняжескомъ, онъ въ теченіи первыхъ девяти лѣтъ занимался въ Чудовѣ монастырѣ исправленіемъ и переводомъ церковныхъ книгъ, а также образованіемъ переводчиковъ, которые могли бы ему помогать. Сначала онъ объяснялся на языкѣ латинскомъ, при пособіи толмачей великокняжескихъ, но потомъ и самъ глубоко изучилъ (по краснорѣчивому выраженію его) «бесѣду шумнаго вѣщанія россійскаго». Въ теченіи 38-лѣтней жизни въ Россіи онъ написалъ около 140 сочиненій противъ остатковъ ереси жидовствующихъ, противъ латинства, противъ ложнаго пониманія нѣкоторыхъ догматовъ, противъ лихоимства властей и неправосудія сильныхъ, противъ смутъ боярскихъ и пр. Немалое вліяніе оказывалъ онъ и устными бесѣдами: къ кружку его принадлежали Вассіанъ Косой, князь Андрей Курбскій и мн. др.

Удаленіе на покой кроткаго митрополита Варлаама и избраніе на его мѣсто гордаго Даніила было началомъ бѣдствій для Максима. Давно уже безграмотные ревнители старины злобились на него за исправленіе книгъ, давно уже бояре подкапывались подъ него за обличеніе ихъ; Даніилъ же лично оскорбился на Максима за то что ученый не согласился перевести исторію церковную Ѳеодорита, ибо заключила въ себѣ много писемъ Аріанскихъ. Насколько просвѣщенъ былъ самъ владыка, можно видѣть изъ того, что онъ, будучи сторонникомъ двуперстнаго знаменія, въ словѣ о крестѣ (приписываемомъ Ѳеодориту) изъяснялъ выраженіе: «*отъ двухъ бо палицъ* составляется крестъ» такимъ образомъ: *отъ двухъ пальцевъ*. Понятно, что многоученый грекъ не могъ сойтись съ Даніиломъ. Ожидали только случая погубить Максима, и воспользовавшись тѣмъ, что ученый былъ противъ развода великаго князя съ его супругою Соломоніею за ея неплодіе, обвинили Максима сначала въ недоброхотствѣ къ русской державѣ, а потомъ въ умышленномъ искаженіи церковныхъ книгъ. Максимъ былъ заключенъ въ Волокаламскій монастырь, гдѣ его томили въ дымной кельѣ безвыходно, при Іосифѣ перевели Максима въ Отрочь-Монастырь—и только Макарій разрѣшилъ ему поселиться въ Троицкой лаврѣ, гдѣ знаменитый подвижникъ и кончилъ жизнь свою послѣ тридцати-трехъ-лѣтнихъ томленій. Такъ тяжела была судьба перваго справщика богослужебныхъ книгъ на Руси.

Максимъ Грекъ еще доживалъ свои страдальческіе годы въ Троицкой лаврѣ, когда опять почувствовали необходимость продолжить начатое имъ исправленіе книгъ. Къ этому времени распространились еще новыя заблужденія; таково напр. мнѣніе, что четвероконечный крестъ есть печать Антихриста и только одинъ осьмиконечный есть истинное знаменіе Господне; такова прибавка лишняго слова «*истиннаго*» въ осьмомъ членѣ символа вѣры (и въ Духа Святаго Господа *истиннаго* и животворящаго) и проч. и проч. Юный царь Іоаннъ Васильевичъ IV, послѣ бурной эпохи дѣтства и смутъ боярскихъ, созвалъ Соборъ въ 1551 году по совѣту митрополита Макарія. На этомъ Соборѣ, извѣстномъ подъ именемъ *Стоглава* (по числу главъ, въ которыхъ изложены его постановленія) молодой царь, вмѣстѣ съ лучшими людьми того времени, заявилъ о существованіи на Руси разныхъ церковныхъ нестроеній и возсталъ противъ главнаго зла — полнѣйшей безграмотности за отсутствіемъ школъ. «Бога ради, потрудитесь, говорилъ онъ,—дабы исправить истинное и непорочное нашей вѣры, и то что отъ божественнаго писанія въ исправленіе церковнаго благочинія». Соборъ призналъ нужду исправленія старыхъ печатныхъ книгъ, символъ вѣры повелѣлъ хранить безъ приложенія вышеупомянутаго лишняго слова въ осьмомъ членѣ и заедино почитать четырехконечной и осьмиконечный крестъ. Но, къ сожалѣнію, въ постановленія замѣшалось ученіе о двуперстномъ сложеніи и о сугубой аллилуіи, а потомъ и другія подобныя мнѣнія, какъ напр. ученіе о небрадобритіи. Митрополитъ Макарій и его сотрудники конечно не думали утверждать ложь, но вѣроятно введены были сами въ заблужденіе прежде бывшими книгами; таково мнѣніе знаменитаго автора «бесѣдъ къ глаголемому старообрядцу» покойнаго митрополита Московскаго и Коломенскаго Филарета. Что митрополитъ Макарій не былъ согласенъ на эти нововведенія, видно изъ написанной имъ книги Четьи Минеи или Житія святыхъ, хранящейся и донынѣ въ патріаршей ризницѣ; тамъ прямо говорится: «иже поютъ мнози по дважды аллилуіа а не трегубно, на грѣхъ себѣ и на осужденіе поютъ» и далѣе: «почто не слагаешь три перста и не крестишься десною рукою, но твориши крестъ съ обоими персты, и воображеніе креста твоего зрится вонъ?» Изъ этого понятно, почему Макарій не рѣшился подписать Стоглава, съ коимъ не соглашался. Тѣмъ не менѣе, ревнители раскола впослѣдствіи считали Стоглавъ главною своей опорой и нерѣдко преднамѣренно искажали списки его въ свою пользу, напр. въ статьяхъ о перстосложеніи выскабливая слова «*трехъ*» и замѣняя его по скобленному словомъ «*двухъ*».

Продолжая заботиться объ умноженіи и исправленіи книгъ, Іоаннъ рѣшился наконецъ завести типографію для единообразнаго ихъ изданія — и вотъ началось на Руси книгопечатное дѣло. Первая книга, Апостолъ, вышла въ свѣтъ въ 1564 году въ Москвѣ — и первыми печатниками были діаконъ отъ Николы Гостунскаго Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофѣевъ Мстиславецъ. Этихъ первыхъ дѣятелей постигла судьба Максима Грека. По смутамъ и зависти людей недоброжелательныхъ, типографія была сожжена, а печатники бѣжали за границу, по собственнымъ ихъ словамъ: «крайняго ради озлобленія отъ многихъ начальниковъ и священноначальниковъ и учителей, которые па нихъ, зависти ради, многія ереси измышляли, желая превратить благое на зло и Божіе дѣло вконецъ погубить, какъ то въ обычаѣ злонравныхъ и неискусныхъ въ разумѣ людей». Къ несчастію, ошибки вкрались и въ книги, которыя печатались съ рукописей безъ надлежащаго исправленія, что окончательно освятило въ глазахъ народа многія ошибочныя мнѣнія. Не потрудились даже установить единообразнаго писанія именъ, наприм. въ нѣкоторыхъ рукописяхъ имя Спасителя писали *Ісусъ* вмѣсто *Іисусъ;* это правописаніе усвоили и печатнымъ книгамъ, а многіе вслѣдствіе того считали ересью писать *Іисусъ*.

Однако сынъ Іоанна царь Ѳеодоръ возобновилъ книгопечатаніе—и оно продолжалось при Годуновѣ и Шуйскомъ, по благословенію патріарховъ Іова и Гермогена, до тѣхъ поръ пока смутная эпоха самозванцевъ не пріостановила печатнаго дѣла. Но дѣло это въ то время покинуто было совершенно на произволъ печатниковъ—и потому напечатанныя тогда книги (Тріодь цвѣтная, Октоихъ, Минея служебная и уставъ церковный) наполнены самыми грубыми ошибками, хотя смиреніе печатниковъ замѣчательно, такъ какъ они въ предисловіяхъ нерѣдко умоляютъ извинить, если что по немощи или недоразумѣнію сократилось или измѣнилось.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ поручено было знаменитому архимандриту Троицко-сергіевскаго монастыря Діонисію, вмѣстѣ съ другими знающими людьми, заняться исправленіемъ служебника или требника. Полтора года занимались они этимъ дѣломъ, нашли много погрѣшностей и прибавленій — и снова повторилась надъ ними судьба перваго справщика Максима Грека. Между прочимъ въ молитвѣ на освященіи воды Діонисій исключилъ лишнее слово *огнемъ* (освяти воду Духомъ твоимъ святымъ и *огнемъ*). Митрополитъ Крутицкій Іона, по зависти къ Діонисію, не разсудивъ о томъ соборно, прямо обвинилъ его въ ереси, заключилъ на смиреніе въ Новоспасскій монастырь, приказывалъ въ торжественные дни до обѣдни приводить его къ себѣ на дворъ, въ оковахъ; народъ бросалъ въ него каменьями и грязью, такъ какъ была по городу распущена молва, что явились такіе еретики, которые хотятъ огонь совсѣмъ вывести, — и только по возвращеніи изъ польскаго плѣна родителя царя, Филарета Никитича, Діонисій былъ оправданъ.

Филаретъ неусыпно заботился о продолженіи начатаго дѣла, но преемники его, Іоасафъ и Іосифъ не унаслѣдовали его мудрости; изданіе книгъ подверглось страшному произволу справщиковъ. Особенно при Іосифѣ, справщики собранные не изъ иноковъ, а изъ городскаго духовенства, зараженнаго толками суевѣровъ, — были виновниками того, что на основаніи ихъ погрѣшностей окончательно утвердился расколъ. То были Аввакумъ, протопопъ Казанскаго собора, и придворный протопопъ Стефанъ, ключарь соборный Іоаннъ, діаконъ Успенскій Ѳеодоръ и Григорій Нероновъ; изъ иногородныхъ же Лазарь священникъ изъ Романова, Никита изъ Суздаля, прозванный впослѣдствіи Пустосвятомъ, Логинъ протопопъ изъ Мурома и Даніилъ изъ Костромы. Всѣ они впослѣдствіи стали главами раскола, когда разогналъ ихъ Никонъ. Начальникомъ же типографіи былъ князь Львовъ, дворецкій бояринъ, подъ покровительствомъ котораго могли свободно дѣйствовать сѣятели раскола,— и съ тѣхъ поръ, книги, изданныя при патріархѣ Іосифѣ сдѣлались зерцаломъ старообрядства и уже казались старыми въ сравненіи съ Никоновскими.

(Продолженіе будетъ).

Внутреннее обозрѣніе.

С.-Петербургскій Окружной Судъ опубликовалъ недавно отчетъ о своей дѣятельности за 1870 годъ. Изъ этого отчета узнаемъ какъ о характерѣ, такъ и о размѣрахъ дѣлопроизводства въ означенномъ учрежденіи. Общее число дѣлъ, уголовныхъ и гражданскихъ, производившихся въ отдѣленіяхъ окружнаго суда, равняется 12,684; въ этомъ числѣ гражданскихъ 10,684 дѣла, уголовныхъ 2,000. Болѣе половины (5,329) гражданскихъ дѣлъ окончено въ продолженіе 1870 года; за это же время окончено производствомъ 1,274 уголовныхъ дѣла. Такимъ образомъ, общее число рѣшенныхъ дѣлъ составляетъ 6,603, т. е. болѣе 50 процентовъ; для уголовныхъ дѣлъ, процентъ оконченныхъ дѣлъ нѣсколько больше чѣмъ для гражданскихъ. За то же время въ отдѣленіяхъ окружнаго суда было 742 судебныхъ засѣданія; изъ этого количества 282 засѣданія были по дѣламъ гражданскимъ и 460 по уголовнымъ дѣламъ. Въ уголовныхъ отдѣленіяхъ 398 судебныхъ засѣданій происходили съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и 62 безъ ихъ участія. Въ каждомъ засѣданіи съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разрѣшалось, среднимъ числомъ, 2,42 дѣла, а безъ участія присяжныхъ засѣдателей—4 дѣла. Большинство уголовныхъ дѣлъ назначалось къ слушанію черезъ двѣ недѣли. Изъ числа постановленныхъ въ 1870 году приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ 59; изъ нихъ уважено только 12. Кромѣ того, судебной палатой отмѣнено 5 приговоровъ суда—вслѣдствіе поданныхъ апелляціонныхъ отзывовъ. Изъ разсмотрѣнныхъ судомъ уголовныхъ дѣлъ, наибольшее число принадлежитъ преступленіямъ противъ собственности частныхъ лицъ (болѣе 90%) и въ особенности кражѣ со взломомъ, которая вообще составляетъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ преступленій. Число обвинительныхъ приговоровъ составляетъ 68%, а оправдательныхъ 32. Апелляціонныхъ жалобъ на рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ подано было 405, т. е. 25% общаго числа всѣхъ рѣшеній. Частныхъ жалобъ на опредѣленіе суда было подано 175. Присяжные засѣдатели, по заявленію суда, исполняли свои обязанности весьма добросовѣстно. Газета «Судебный Вѣстникъ», говоря о дѣятельности гражданскихъ отдѣленій окружнаго суда, объясняетъ большое количество оставшихся къ 1871 году нерѣшенными дѣлъ (5,319) тѣмъ, что назначеніе къ слушанію гражданскихъ дѣлъ зависитъ отъ самихъ тяжущихся а потому этой цифрѣ нельзя придавать большаго значенія; со стороны же суда, просьбы о назначеніи дѣлъ къ слушанію удовлетворялись черезъ 5 — 12 дней. Большинство гражданскихъ дѣлъ были ведены или самими проси-

Уборная помпеянки.

(См. стр. 551).

телями или частными адвокатами, что, по словамъ отчета, не мало обременяло судъ, вслѣдствіе подаваемыхъ ими неосновательныхъ просьбъ и письменныхъ отзывовъ, только запутывающихъ и затемняющихъ дѣла ко вреду правосудія. Присяжные повѣренные принимали участіе только въ 993 дѣлахъ, что составляетъ не болѣе 20 проц. общаго числа разсмотрѣнныхъ дѣлъ.

Изъ этого перечня статистическихъ данныхъ дѣятельности здѣшняго окружнаго суда можно извлечь слѣдующіе общіе выводы: а) что производство уголовныхъ дѣлъ ведется живѣе дѣлъ гражданскихъ; б) что главными причинами этого является: порядокъ назначенія дѣлъ къ слушанію, принятый въ гражданскихъ отдѣленіяхъ суда, запутанность и сложность гражданскихъ дѣлъ; в) что на рѣ-

шенія по дѣламъ уголовнымъ приносится гораздо меньше жалобъ чѣмъ по дѣламъ гражданскимъ; г) что присяжные засѣдатели, при добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, произносятъ обвинительныхъ приговоровъ болѣе чѣмъ оправдательныхъ и д) что частная адвокатура у насъ весьма значительна.

Городская дума въ Петербургѣ проектируетъ налогъ на квартиры, который могъ бы облегчить больничный и адресный сборы а также сборъ за прописку паспортовъ. Вопросъ объ этомъ, по словамъ «Правит. Вѣстника», былъ возбужденъ въ одной изъ думскихъ коммисій о возможности увеличить 60-ти копѣечный сборъ до рубля. Городская коммиссія, находя крайне обременительнымъ подобное увеличеніе, въ особенности для недостаточнаго класса петербургскаго населенія, который и безъ того уже обремененъ разными сборами, предложила ввести квартирный налогъ взамѣнъ нынѣ-существующихъ: больничнаго, адреснаго и паспортнаго. Въ прошломъ году, общая дума, на осужденіе которой поступили соображенія этой коммиссіи, воздерживалась отъ окончательнаго рѣшенія — по неимѣнію статистическихъ данныхъ, которыя бы дали ясное понятіе о возможности установленія въ Петербургѣ этого налога. Въ настоящее время, на основаніи полученныхъ изъ статистистическаго комитета данныхъ и матерьяловъ о квартирномъ сборѣ въ Берлинѣ, однимъ изъ членовъ городской коммиссіи внесенъ на обсужденіе ея проэктъ правилъ объ этомъ новомъ у насъ налогѣ. По поводу налога на квартиры, который, по словамъ «Петерб. Листка», непремѣнно предполагается ввести, эта газета говоритъ, что такимъ путемъ надѣются опредѣлить количество средствъ, находящихся въ распоряженіи нанимателя. А это необходимо будто бы для того, что при введеніи новаго городоваго Положенія въ Петербургѣ предполагается допустить къ выбору гласныхъ и къ баллотировкѣ въ гласные и тѣхъ жителей столицы, которые занимаютъ квартиры не менѣе какъ въ 1,200 руб. въ годъ. Поэтому и налогъ предназначается только на тѣ квартиры, за которыя платятъ не менѣе этой суммы; остальныя же квартиры предполагается освободить отъ всякаго налога.

И такъ, если справедливъ слухъ, что проектируемый налогъ будетъ обнимать собою однѣ только дорогія квартиры, то нельзя не одобрить такой мѣры. По нашему крайнему разумѣнію, этотъ новый видъ сборовъ можетъ быть поставленъ въ одну категорію съ налогомъ на окна, печи и т. п. и есть ни что иное какъ налогъ на воздухъ и свѣтъ; всѣ они главнымъ образомъ отзываются на недостаточныхъ людяхъ, заставляютъ ихъ еще болѣе тѣсниться въ своихъ жалкихъ помѣщеніяхъ, чтобы какъ можно меньше нести квартирнаго сбора, и въ концѣ концовъ все-таки не приносятъ той существенной выгоды, какой отъ нихъ ожидаютъ. Вѣроятно, подобными же соображеніями руководствовалась и думская коммиссія, проектирующая сборъ только съ такихъ нанимателей, которые платятъ за свои помѣщенія не менѣе 1,200 руб. Это тѣмъ законнѣе, что налогъ на дорогія помѣщенія стѣснителенъ не въ такой мѣрѣ какъ налогъ на дешевыя, потому что чѣмъ квартира дороже, тѣмъ меньшее число людей обыкновенно живетъ въ ней, и наоборотъ. Слѣдовательно, всякій сборъ для дорогой квартиры не будетъ въ такой мѣрѣ отзываться на гигіенической обстановкѣ нанимателей, въ какой онъ отзывается для квартиры болѣе дешевой. Особенно тяжелымъ оказался бы этотъ сборъ въ настоящее время, когда цѣны на квартиры въ Петербургѣ возрасли до невѣроятной степени. Извѣстны многіе примѣры, что домовладѣльцы, не довольствуясь постепеннымъ возвышеніемъ цѣнъ на квартиры, въ размѣрахъ не превышающихъ 25 и 30 процентовъ, вдругъ подняли эти цѣны на 50, 75, 100 и даже 180 процентовъ! *) При тѣснотѣ помѣщенія петербургскихъ жителей, доходящей до того, что въ одной квартирѣ, среднимъ числомъ, помѣщается болѣе 7 человѣкъ (такъ что, среднимъ же числомъ, на одного человѣка приходится, вѣроятно ни какъ не болѣе 1½ кубич. сажени воздуха), наконецъ, въ виду несоразмѣрнаго съ вмѣстимостью домовъ населенія столицы,—было бы рѣшительно невозможно распространеніе налога на всѣ квартиры безъ изъятія. Съ другой стороны, было-бы немыслимо, въ виду новаго налога, оставить безъ уменьшенія адресный, больничный и другіе сборы, на несправедливость которыхъ было уже столько разъ указываемо какъ обществами, такъ и правительственными учрежденіями. Поэтому, при стремленіи къ возможной уравнительности сборовъ между плательщиками, городская дума вѣроятно не упуститъ изъ виду это важное обстоятельство.

Вопросъ о постройкѣ постояннаго черезъ р. Неву моста, повидимому, не покидается петербургскою думой. Она намѣрена привести въ исполненіе эту мысль, воздвигнувъ мостъ на мѣстѣ нынѣшняго Литейнаго. Въ существующей для сей цѣли коммиссіи было выведено, что на этотъ предметъ понадобится не менѣе 2 мильоновъ рублей, считая тутъ расходы на сооруженіе вмѣстѣ съ расходами на конкурсъ по составленію проектовъ постройки. За тотъ проектъ, который будетъ признанъ коммиссіею наиболѣе соотвѣтствующимъ цѣли, думою опредѣлено вознагражденіе въ 6,000 рублей; за признанный, по своему достоинству, вторымъ—3,000 рубл. и наконецъ, за третій—1,500 рублей. Сверхъ того, въ распоряженіе коммиссіи ассигновано 10,000 рублей—на отлитографированіе чертежей, плановъ и т. д. Для представленія проектовъ назначенъ шестимѣсячный срокъ со дня публикаціи.

Проектъ засыпки Екатерининскаго канала и устройства на его мѣстѣ бульвара будетъ также приведенъ въ исполненіе. Говорятъ, что по срединѣ бульвара предполагаютъ провести желѣзно-конную дорогу, которая такимъ образомъ будетъ перерѣзывать весь городъ, отъ востока къ западу, въ направленіи противоположномъ большинству нынѣ существующихъ желѣзноконныхъ дорогъ въ Петербургѣ.

Политическое обозрѣніе.

18-го августа, въ Парижѣ и Версалѣ господствовало сильное волненіе: въ этотъ день рѣшался вопросъ о продленіи власти Тьера. Повсюду чувствовалось замѣтное возбужденіе—да и было отчего, такъ какъ, въ случаѣ пораженія Тьера, страна рисковала остаться вовсе безъ правительства. Правая сторона Національнаго Собранія, недовольная дѣйствіями этого государственнаго человѣка, начала - было уже подыскивать ему преемника—и съ этою цѣлью обращалась съ предложеніями къ маршалу Макъ - Магону, герцогу Омальскому, къ президенту Греви и другимъ. Но лица эти подъ разными предлогами, отклонили отъ себя столь высокую честь. Дѣло вообще приняло такой дурной оборотъ, что самъ Тьеръ и его министры стали уже отчаяваться въ успѣхѣ. Эти послѣдніе заранѣе вручили Тьеру свои просьбы объ отставкѣ, съ тѣмъ чтобы удалиться вмѣстѣ съ нимъ. Глава исполнительной власти, огорченный недовѣріемъ правой стороны, столь ярко выразившимся въ преніяхъ о распущеніи національной гвардіи, не на шутку побаивался за свою участь. Но несмотря на всѣ эти неблагопріятные признаки, въ Собраніи дѣло приняло иной оборотъ, и г. Тьеръ вышелъ

*) Всѣхъ квартиръ въ Петербургѣ считается болѣе 60 тысячъ; изъ нихъ болѣе одной трети *безплатныхъ* квартиръ. Слишкомъ 40 тыс. *платныхъ* квартиръ приносятъ домовладѣльцамъ около 20 мил. рублей сер. Значитъ, одна квартира, среднимъ числомъ, оплачивается 500 руб., а одинъ человѣкъ платитъ за свое помѣщеніе 71 рубль въ годъ.

изъ борьбы побѣдителемъ. Большинствомъ 490 голосовъ противъ 93 проектъ о продленіи его власти былъ принятъ собраніемъ въ полномъ составѣ. Въ тотъ же день глава исполнительной власти получилъ поздравленіе отъ князя Меттерниха, обратившагося къ нему именемъ австро - венгерскаго правительства. Вслѣдъ за тѣмъ получены были поздравленія и отъ представителей другихъ державъ. Спустя два дня послѣ рѣшенія этого вопроса, г. Тьеръ обратился къ Національному Собранію съ адресомъ, въ которомъ онъ благодаритъ послѣднее за оказанное ему довѣріе. При этомъ, въ общихъ чертахъ высказывается программа дѣйствій правительства, которая будетъ состоять: въ преобразованіи Франціи, въ установленіи прочнаго порядка внутри, дарованіи ей мира извнѣ, освобожденіи ея отъ иноземнаго занятія и въ стараніи внушить къ ней уваженіе со стороны другихъ державъ. Судя по донесеніямъ префектовъ, результатъ голосованія Національнаго Собранія 19-го августа произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе въ департаментахъ. Отъ этого ожидаютъ оживленія торговли и всѣхъ отраслей промышленности. Понятно, что это рѣшеніе французскаго Національнаго Собранія внушитъ и болѣе довѣрія къ Франціи со стороны другихъ государствъ, въ особенности же со стороны Германіи.

Военный судъ постановилъ на-дняхъ слѣдующій приговоръ по дѣлу о главныхъ участникахъ въ дѣлахъ коммуны: Ферре и Люлье приговорены къ смертной казни; Урбэнъ и Тренке — къ пожизненной каторжной работѣ; Асси, Бильорэ, Шампи, Режеръ, Паскаль Груссе, Вердюръ и Ферра — къ ссылкѣ, съ заключеніемъ въ крѣпость; Журдъ и Растуль — къ простой ссылкѣ; Курбе — къ шести-мѣсячному тюремному заключенію и 500 франковъ пени (безъ малаго 150 рублей); Клеменъ — къ трехъ-мѣсячному тюремному заключенію; Деканъ и Улиссъ Паранъ оправданы судомъ. Пока еще нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ принятъ былъ этотъ приговоръ общественнымъ мнѣніемъ Франціи; но правительство не перестаетъ заботиться объ ограниченіи дѣятельности Международнаго Общества, съ которымъ отчасти связывалась и дѣятельность парижской коммуны. Министромъ юстиціи внесенъ въ Національное Собраніе проектъ закона, по которому французъ, вступающій въ Международное Общество рабочихъ или принадлежащій вообще къ какому-нибудь международному обществу, преслѣдующему одинаковыя съ первымъ цѣли, подвергается тюремному заключенію отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ и штрафу отъ 50-ти до 1000 франковъ, съ лишеніемъ, притомъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Противъ названнаго общества, которое — замѣтимъ кстати — распространено повсюду, въ особенности же въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, и насчитываетъ въ средѣ своей чуть не сотни тысячъ членовъ, принимаются мѣры и въ другихъ странахъ, именно: въ Германіи и Италіи. Не мало шума надѣлало въ Національномъ Собраніи событіе, случившееся въ одномъ только Ліонѣ, но нашедшее себѣ сочувствіе и въ нѣсколькихъ другихъ большихъ городахъ Франціи. Мы разумѣемъ здѣсь праздникъ школъ, устроенный ліонскимъ муниципалитетомъ (городскимъ управленіемъ) съ согласія и даже при участіи префекта. Дѣло въ томъ, что вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ въ городскихъ школахъ Ліона законъ Божій вовсе исключенъ изъ преподаванія; заботы же о религіозномъ образованіи дѣтей возложены на родителей, которые, по словамъ ліонцевъ, обязаны замѣнить собою школу, такъ какъ сія послѣдняя не должна вмѣшиваться въ дѣла совѣсти, а слѣдовательно, не можетъ служить мѣстомъ религіозной пропаганды. Клерикальные и консервативные члены Національнаго Собранія сдѣлали объ этомъ событіи запросъ министру народнаго просвѣщенія, Жюль Симону, который, съ своей стороны, заявилъ публично свое неодобреніе ліонскому событію и обѣщалъ принять мѣры чтобы возстановить уваженіе къ закону. Послѣ горячихъ споровъ между членами правой и лѣвой стороны, рѣшено было перейдти къ очереднымъ занятіямъ, выразивъ при этомъ, что Національное Собраніе твердо разсчитываетъ на соблюденіе закона о народныхъ школахъ во всей его полнотѣ и во всѣхъ мѣстностяхъ Франціи. Къ числу новостей можетъ быть отнесена та, что въ весьма непродолжительномъ времени нѣмецкія войска очистятъ форты и оставятъ Францію, такъ какъ послѣдніе 100 милліоновъ франковъ третьяго полумильярда уже уплочены Германіи. Французскія желѣзныя дороги приготовляются къ перевозкѣ 150-тысячной арміи нѣмцевъ.

Въ столицѣ Пруссіи происходитъ непріятная исторія между мастерами и рабочими. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ берлинскіе каменщики произвели стачку и отказались работать; за ними въ скоромъ времени послѣдовали столяры, за столярами плотники, за плотниками рабочіе машиннаго дѣла и т. д. Мастера въ свою очередь не замедлили коалиціи рабочихъ противопоставить свою собственную коалицію и вотъ завязалась неравная но упорная борьба. Но въ концѣ-концовъ рабочіе принуждены будутъ уступить своимъ «патронамъ», тѣмъ болѣе что правительство, видя, что мастера, вслѣдствіе стачки рабочихъ, не въ состояніи будутъ выполнить своихъ контрактовъ, рѣшилось оказать имъ снисхожденіе и тѣмъ окончательно развязало имъ руки. Мастера же почему-то упрекаютъ правительство въ потворствѣ рабочему движенію, пугаютъ его призракомъ соціализма (отъ котораго, впрочемъ, рабочіе сторонятся) и собираются подать парламенту петицію, съ цѣлію ограничить народныя собранія.

Смѣсь.

Современный почталіонъ. — Во время прусской войны, между осажденнымъ Парижемъ и провинціями установилась довольно правильная почтовая корреспонденція, причемъ обязанности почталіоновъ приняли па себя голуби. Каждый имѣлъ право послать въ Парижъ письмо, состоящее изъ 20 словъ, платя за каждое 12½ коп.; письмо сначала шло въ центральное бюро въ Турѣ, не отвѣчавшее, впрочемъ, за вѣрную доставку до мѣста назначенія.

Можетъ-быть читатель думаетъ, что трудность пересылки заключается въ томъ, что одинъ голубь можетъ унести съ собою небольшое число писемъ и что такимъ образомъ необходимо огромное число этихъ летучихъ почталіоновъ, чтобы удовлетворить потребностямъ публики. Но это совершенно невѣрно. Французское правительство въ Турѣ посылало съ каждымъ голубемъ 3,500 депешъ, въ 20 словъ каждая, слѣдовательно въ 70,000 словъ.

Возможностью такой пересылкѣ мы обязаны микроскопу и фотографіи. На всемірной выставкѣ, въ 1867 году, продавались выточенныя изъ кости палочки, въ которыхъ находилось шарообразное стекло, одна сторона котораго была совершенно гладко отшлифована, на другой же находилась фотографія. Эта послѣдняя представляла зданіе выставки, окруженное портретами регентовъ, а все стекло было величиною съ ○. Если смотрѣть черезъ отверстіе шара, то картина представлялась величиною въ двѣ рублевыхъ монеты—и зданіе можно было разсмотрѣть очень отчетливо. На плоскости такой же величины можно было бы легко написать полстраницы нашего журнала, которая для простаго глаза кажется пыльной дощечкой, между тѣмъ какъ при помощи хорошей лупы можно прочитать все написанное.

Способъ прикрѣпленія этихъ депешъ состоитъ въ слѣдующемъ: письмо свертывается и прикрѣпляется къ стержню одного изъ среднихъ перьевъ хвоста. Выбирается среднее перо потому, что во время полета оно прикрывается другими—и только во время поднимапія кверху хвостъ распускается вѣерообразно. На

другихъ перьяхъ отпечатываются нумеръ птицы, мѣсто отсылки и другія замѣтки.

Голубиная почта извѣстна впрочемъ уже съ давняго времени. При основаніи Рейтерова телеграфнаго бюро въ 1849 г., депеши, получаемыя въ Вервье, отправлялись отсюда въ Ахенъ при помощи голубей. Впродолженіи многихъ лѣтъ между Парижемъ и Антверпеномъ учреждались спорные полеты для 70 — 80 голубей.

При Наполеонѣ I изъ Парижа въ Брюссель часто отправляли голубей съ депешами счастливыхъ выигрышей того дня.

Если заглянуть въ болѣе древнія времена, то оказывается, что и римляне, и греки знали этотъ способъ почтовой корреспонденціи и часто этимъ путемъ извѣщали о своихъ побѣдахъ.

Можетъ крестоносцамъ никогда не удалось бы завоевать Іерусалимъ, если бы въ ихъ руки не попалъ голубь, посланный царемъ персидскимъ къ осажденнымъ, который несъ извѣстіе о скоромъ прибытіи его на помощь.

Натуральный газъ.—Одна американская газета извѣщаетъ: «Городъ Эри, находящійся въ Пенсильваніи, находится какъ разъ на границѣ округа, въ которомъ существуетъ петролейный спиртъ. Въ этой мѣстности подъ земною поверхностью образуется въ огромныхъ количествахъ естественный газъ, могущій собою совершенно замѣнить искуственный. 26-го октября городъ Эри въ первый разъ освѣщался этимъ натуральнымъ газомъ. Его получаютъ изъ источниковъ, которыхъ до сихъ поръ открыто четырнадцать. Газъ этотъ получаютъ на глубинѣ 550 футовъ и добываютъ ежедневно въ количествѣ 20,000 кубическ. футовъ.

Сыновняя любовь. Въ столицѣ Японіи, городѣ Іеддо, случился примѣръ необыкновенной сыновней любви. Три сына одной бѣдной вдовы трудились день и ночь чтобы выработать скудное пропитаніе себѣ и матери. Но когда наступила дороговизна, и денегъ выработываемыхъ ими не хватало даже на самыя первыя нужды, они рѣшились на довольно странный поступокъ. Вслѣдствіе постоянныхъ грабежей и разбойничествъ губернаторъ города назначилъ довольно значительное вознагражденіе каждому, кто поймаетъ и представитъ преступника въ руки правосудія. Поэтому они и согласились, чтобы одинъ изъ нихъ выдалъ себя за преступника, а двое другихъ должны были представить въ руки полиціи и на полученное за это награжденіе содержать мать.

Жребій долженъ былъ рѣшить, кто изъ троихъ будетъ жертвой,—и онъ палъ на самаго младшаго, который безпрекословно далъ себя связать и былъ тотчасъ представленъ предъ судью. Братья получили слѣдуемое вознагражденіе, а бѣдный, ни въ чемъ не повинный юноша, былъ заключенъ въ тюрьму. Но прежде чѣмъ уйти, они просили позволенія въ послѣдній разъ повидаться съ братомъ—и всѣ трое со слезами на глазахъ стали прощаться. Судья, бывшій нечаяннымъ свидѣтелемъ всей этой сцены ни какъ не могъ понять, какимъ образомъ преступникъ можетъ выказать столько любви и ласки людямъ продавшимъ его. Поэтому, когда братья удалились, онъ поручилъ одному изъ своихъ слугъ прослѣдить за ними и замѣтить домъ въ который они войдутъ. Едва они успѣли добраться домой и разсказать матери все что случилось и бѣдная женщина узнала, что младшій сынъ ея находится въ темницѣ, какъ тотчасъ объявила, что скорѣе умретъ съ голоду, нежели пожертвуетъ своимъ сыномъ. «Ступайте, сказала она,—отнесите деньги, которыя вы получили и возвратите мнѣ сына, если онъ еще только живъ; но если онъ уже умеръ, то позаботьтесь о гробѣ, потому что я не переживу его смерти».

Слуга судьи, видѣвшій все это, поспѣшилъ домой и разсказалъ своему хозяину о всемъ слышанномъ. Судья призвалъ къ себѣ заключеннаго и угрозами заставилъ разсказать всю правду. Случай былъ необыкновенный, а потому онъ донесъ о немъ губернатору, который—пораженный такимъ благороднымъ поступкомъ—велѣлъ призвать всѣхъ трехъ братьевъ. Когда они явились во дворецъ, онъ похвалилъ ихъ за такую любовь, и младшему, не жалѣвшему своей жизни для спасенія матери, онъ назначилъ пенсію въ полторы тысячи кронъ, другимъ же двумъ по пятисотъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Позволено цензурою 27 Августа 1871 г. Издат. А. Ф. Маркса въ С.-П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Владим. п. № 45—1.

№ 36. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 6 сентября 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Зеленая таможня.

(Изъ давнопрошедшаго).

— Wdawny czasze rizice byla pevneisze jak dziszai espediczia (въ стары годы контрабанда была еще вѣрнѣй чѣмъ нынѣ торговля черезъ таможни), говорилъ мнѣ по польски, перемѣшивая пальцами табакъ въ табакеркѣ, ***...скій 2 гильдіи купецъ, еврей Зельманъ Гоз.....ъ (Zelman Goz....n) зашедшій вечеромъ отъ нечего дѣлать въ мою убогую квартиру на русской границѣ, въ деревни Л....ъ, состоявшей лѣтъ семь тому назадъ, т. е. до сожженія ея бандами польскихъ повстанцевъ, изъ таможеннаго помѣщенія, изъ 7-ми довольно порядочныхъ домовъ, въ которыхъ помѣщался чиновный и офицерскій людъ, и 19-ти или 20-ти хотя и не совсѣмъ убогихъ но и не роскошныхъ хатъ, принадлежавшихъ также частнымъ владѣльцамъ, двумъ помѣщикамъ и одной вдовѣ помѣщицѣ.

Личность и фигура Гоз....а—довольно интересная и даже отчасти симпатичная, болѣе привлекающая къ себѣ чѣмъ отталкивающая; можете представить себѣ мужчину средняго росту, плотно сложеннаго, съ черною длиною густою бородою закрывающей почти всю грудь, съ ножками удивительно малаго размѣра, на которыхъ онъ переступалъ мелкими шагами, подаваясь всѣмъ корпусомъ впередъ, держа постоянно въ рукахъ бумажный набивной носовой платокъ,—съ большимъ орлинымъ носомъ и большими глазами, въ которыхъ свѣтилась тихая доброта вмѣстѣ съ нѣкоторою хитростію и недовѣріемъ, вслѣдствіе постоянныхъ тревогъ, частыхъ потерь и неудачь, съ которыми сопряжена торговля контрабандой. Нужно было имѣть большое довѣріе къ себѣ, чтобъ заставить этого человѣка говорить откровенно, — и то каждую минуту вы въ немъ замѣчали какую-то внутреннюю тревогу; эти тихіе спокойные глаза вдругъ забѣгаютъ и заблещутъ какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, — и онъ, какъ бы внутренно спохватясь: хорошо ли онъ дѣлаетъ что разсказываетъ, устремитъ ихъ на нѣсколько секундъ въ первый попавшійся предметъ, придетъ опять въ свое прежнее спокойное состояніе и продолжаетъ свой разсказъ далѣе.

Какъ житель пограничнаго мѣстечка и какъ торговецъ занимающійся контрабандной торговлей, которую онъ наслѣдовалъ отъ отца, вмѣстѣ съ маленькимъ домишкомъ и лавченкой въ ***..., онъ нѣсколько разъ въ жизни своей былъ богатъ (по тамошнему) но еще чаще того доходилъ до послѣдняго гроша — смотря по удачи ночныхъ экспедицій. Но никогда ни одинъ бѣдный (особенно изъ его единовѣрцевъ) не отходилъ отъ его порога безъ помощи, несмотря на то что у него у самого было огромное семейство и онъ—не имѣя еще сорока лѣтъ отъ роду—былъ уже дѣдушкой.

Послѣднія же его неудачи въ торговлѣ контрабандой совсѣмъ его разорили, и онъ принужденъ былъ поступить въ родѣ прикащика къ одному богатому купцу, тоже изъ евреевъ, ведущему довольно порядочную заграничную торговлю.

— Не можетъ быть, пане Гоз....нъ, сказалъ я ему по-русски,—чтобъ рисзика *) была когда нибудь вѣрнѣе чѣмъ правильная торговля.

— Нѣтъ, prosze Pána, была, отвѣтилъ въ свою очередь Гоз....нъ, мѣшая русскія и польскія слова съ прибавленіемъ жидовско-нѣмецкихъ, такъ что нужно было привыкнуть понимать его, — была, если только она ведется умно и если она оплочена, т. е. если я иду черезъ границу свѣдома надзирателя (т. е. офицера пограничной стражи, какъ ихъ назадъ тому лѣтъ семь или восемь называли евреи и нижніе чины пограничной стражи—и надо полагать что можетъ быть еще и теперь называютъ), но не только первой, а и второй линіи.

Видя, что мой еврей сегодня не прочь поговорить, а можетъ быть кое-что и поразсказать, я предложилъ ему выпить стаканъ чаю съ ромомъ, такъ-какъ въ это время я самъ пилъ чай.

— Со мной было разъ вотъ какое происшествіе, началъ онъ свой разсказъ, садясь къ столу, когда человѣкъ поставилъ передъ нимъ стаканъ съ чаемъ и ушелъ къ себѣ въ кухню,—имѣлъ я товару за границей на 50 коней, товаръ былъ все хорошій, цѣнный: шелкъ, тюль, кружева, вельверетъ и проч., а перекрадать (т. е. переправлять) черезъ границу я за то его не торопился, что дожидался письма изъ губерніи, отъ купца которому принадлежалъ этотъ товаръ и для котораго я взялся обдѣлать это дѣло, а кромѣ того еще съ письмомъ и денегъ на расходы. Пріѣзжаетъ того же дня въ полдень, въ который случилось это происшествіе, ко мнѣ на квартиру, надзиратель съ 1-й линіи нашей люки [2]), которому я уже говорилъ, что у меня есть товаръ за границей (покойникъ Р......овъ славный былъ человѣкъ, онъ у насъ тутъ и умеръ года четыре тому назадъ) и говоритъ мнѣ, «а что, Гоз....нъ, сдѣлаемъ сегодня ночью экспедицію на зеленую комору», а зеленой коморой, т. е. по русски таможней, у насъ въ то время называлось вести товаръ не по дорогѣ, а просто прямо черезъ границу зеленымъ полемъ; самое лучшее и любимое мѣсто у насъ здѣсь было для такихъ экспедицій, это около рваной струги, знаете этотъ обрывъ что не далеко отъ двора пана Ж.....го.

— Знаю, отвѣтилъ я.

— Весело Frey Handel! добавилъ онъ съ улыбкою, нюхая табакъ.—Я подумавъ и говорю надзирателю, началъ онъ снова,—«нѣтъ, пане капитане, потому, что хотя у меня и есть товаръ за границей, про который я вамъ уже говорилъ, но товаръ не мой а такого то, и я дожидаюсь отъ него письма и денегъ на расходы.

Надзиратель, посидѣвши у меня и выпивъ стаканъ вина, уѣхалъ обратно домой; спустя часъ или два, послѣ его отъѣзда, пріѣзжаетъ ко мнѣ изъ губерніи самъ купецъ, хозяинъ товара, и требуетъ отъ меня чтобъ я непремѣнно, этой же ночью, перекралъ его товаръ черезъ границу, а черезъ день или черезъ два онъ долженъ уже быть въ губерніи, потому что товаръ модный а дѣло идетъ къ зимѣ, назначены выборы а съ ними вмѣстѣ, какъ вы знаете, и балы. Я ему сталъ говорить и представлять свои резоны, что я не думалъ, чтобъ ему такъ вдругъ понадобился товаръ, а потому ничего не приготовилъ къ этому и самъ не приготовился, а теперь время уже за полдень, то врядъ-ли и успѣю что сдѣлать. Нѣтъ, мой купецъ стоитъ на своемъ: доставь ему товаръ, да и только.

Нечего дѣлать, нужно было хлопотать. Къ надзирателю 1-й линіи, который уже былъ у меня, ѣхать мнѣ не хотѣлось да и время не было; къ тому же, какъ я вамъ уже говорилъ, человѣкъ онъ былъ хорошій, мы съ нимъ жили хорошо—и я вполнѣ увѣренъ былъ, что онъ самъ не напортитъ, и разсчетъ я съ нимъ, думаю, послѣ сдѣлаю. Опять же у насъ, въ нашихъ околицахъ, 1-я линія, какъ и теперь, ничего не значила; у насъ всегда была главная вещь 2-я линія, потому что если 1-я линія замѣтивъ банду [3]) идущую черезъ границу и откроетъ тревогу, а 2-я линія не подхватитъ и не погонится, то не много возьмутъ; а если первая открывъ тревогу погонится сейчасъ же по слѣду, а вторая не прозѣваетъ да подхватитъ во время, тогда банда и очутится какъ въ ящикѣ,—тогда бѣда: Nech Pan Bůch brónie, особенно гдѣ проходъ узкой или по сторонамъ его болото, рытвина или канава глубокая, тогда половина паковъ и отдай объѣздчикамъ.

На второй линіи въ то время былъ надзиратель панъ Дз... тоже славный человѣкъ и стоялъ въ деревнѣ М.... Поѣхалъ я къ нему, уговорился съ нимъ по 3 рубля съ коня и шесть паковъ товару (извѣстно самой дряни) бросить на поимку, чтобъ слѣдъ замаскировать; товаръ былъ сложенъ въ корчмѣ въ Ольшовкѣ [4]) и потому долженъ былъ идти все лѣсомъ между постами Т...... и Ф..гдѣ знаете стоитъ статуя Яна [5]) до самой деревни Ц..... гдѣ постъ 2-й линіи, мимо этой деревни, какъ вамъ извѣстно, течетъ рѣчка и выстроенъ мостъ.

Панъ надзиратель позвалъ къ себѣ пана вахмистра, который тутъ же былъ, переговорилъ съ нимъ и сейчасъ же сдѣлалъ распоряженіе: кромѣ дежурныхъ всѣхъ объѣздчиковъ и стражниковъ постовъ М...... и Ц...... послать въ дальніе патрули, подъ тѣмъ видомъ, будто-бы онъ получилъ секретный доносъ, что въ эту ночь на тѣхъ пунктахъ, куда онъ ихъ посылаетъ, будетъ прорывъ контрабанды.

Покончивъ съ нимъ въ нимъ въ дер. М..... и пріѣхавъ обратно домой въ ***...., я сейчасъ же набралъ нужное мнѣ число людей; а какъ большая часть изъ мѣщанъ

---

*) Rizieka, по-русски рискъ, въ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстечкахъ Царства Польскаго, на мѣстномъ нарѣчіи евреевъ контрабандировъ, называется торговля контрабандой; на вопросъ вашъ: «отчего вотъ тотъ-то такъ обѣднялъ?» не скажутъ вамъ: «контрабанда его сгубила», а скажутъ: «рисзика его сгубила».

[1]) Каждое пограничное мѣстечко, евреи котораго занимаются контрабандой, имѣетъ на чертѣ границы свою «Люку» т. е. дистанцію, на которой расположены отрядъ или два погр. стража,—и не всегда сами хозяева товара о немъ хлопочутъ, какъ переправить черезъ границу, а по большей части коммисіонеры этого дѣла; самъ же товаро-хозяинъ живетъ гдѣ нибудь въ большомъ городѣ и платитъ имъ извѣстный процентъ за ихъ хлопоты, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ это дѣло устроено такъ раціонально, что ежелибы, напримѣръ К.....скій и Сп.....скій, однимъ словомъ, какого нибудь другаго мѣстечка, еврей контробандиръ, по какимъ нибудь причинамъ, не могъ переправить свой товаръ, или отданный ему на коммиссію черезъ свою люку, а долженъ идти на люку хоть напр. М......хъ, то онъ обязанъ пріѣхать извѣстить кого либо изъ старшихъ евреевъ конрабандировъ, мастеровъ и коноводовъ этого дѣла, того мѣстечка, а иногда по условію и дать сколько нибудь въ пользу бѣдныхъ этого мѣстечка (извѣстно евреевъ), а то иначе измѣнютъ, донесутъ кому слѣдуетъ, т. е. имѣешь свою люку, не порти намъ дѣло.

[2]) Партіи или шайки контрабандировъ; евреи въ царствѣ Польскомъ преимущественно ихъ называютъ «бандами».

[3]) Желѣзный заводъ не болѣе полуверсты отъ нашей границы.

[4]) Въ царствѣ Польскомъ и вообще въ западномъ краѣ, гдѣ живутъ католики, есть обычай ставить не далеко отъ деревень кресты и статуи святыхъ, по большей части черезъ чуръ топорной работы. Поименованная здѣсь статуя стоитъ, какъ я полагаю, еще и до сихъ поръ около мостика, перекинутаго черезъ болотную рѣчку.

католиковъ нашего мѣстечка (по крайней мѣрѣ настоящіе контрабандисты, добро-конные и которые по большей части ходятъ просто на рискъ) имѣли работу для другаго купца и были уже за границей, то мнѣ пришлось взять мужиковъ изъ сосѣднихъ деревень съ ихъ рабочими лошадьми,—и какъ было дѣло къ вечеру, то лошади эти, бывъ уже въ этотъ день до полудня въ поляхъ на работѣ, нѣсколько поустали, значитъ и подавнѣе были не такъ надежны, если дѣло случится на утекъ.

Отправивши всю эту конницу съ знаками [5]) разными путями за границу, я самъ, какъ только начало темнѣть, взявъ съ собой купца, хозяина товара, поѣхалъ съ нимъ въ д. Ц..... и тамъ остановился у лѣснаго стражника В..... [6]), будто бы къ нему имѣлъ дѣло, чтобъ не подать виду мужикамъ; впрочемъ, зашелъ сперва на постъ чтобъ удостовѣриться: такъ ли сдѣлалъ панъ надзиратель какъ обѣщалъ. Точно, на посту кромѣ дежурнаго, который дремалъ сидя на лавкѣ около дверей кардона (поста), да двухъ бабъ—никого нѣтъ. Я дежурному сейчасъ три рубля сунулъ въ руку, т. е. значитъ: смотри, молчи. Ладно, говоритъ дежурный, понимаемъ,—и сейчасъ же пошелъ напротивъ въ корчму; выпилъ kieliszek (т. е. рюмку) водки, и потомъ завалился спать тутъ же на лавкѣ около поста.

Ночь была хотя и осенняя, но тихая и теплая такая, мѣсяцъ по временамъ то спрячется за облака, то снова покажется. Часу во второмъ партія переправилась черезъ границу, прошла лѣсомъ до самой деревни, прошла деревню и мостъ, и стала подвигаться къ цегельнѣ (т. е. къ кирпичному заводу), который, вы знаете, выстроенъ около версты отъ моста за мелкимъ лѣсомъ. Я вышелъ на дорогу, посмотрѣлъ ей вслѣдъ: все было смирно, спокойно; вдругъ слышу выстрѣлъ, потомъ другой, третій... и пошла потѣха. Меня просто какъ кипяткомъ будто бы обдало; ну, думаю, пропало все,—и сейчасъ, бросивъ тутъ въ деревнѣ купца товаро-хозяина, вскочилъ въ брику и кричу фурману: Ruchay iak najpréndzey do domu (т. е. трогай какъ можно скорѣй домой), чтобъ перехватить паки хотя съ тѣхъ лошадей, которыя успѣютъ вскочить въ мѣстечко. Оказалось, что изъ 50-ти лошадей съ паками прискакало только шесть; семь лошадей и съ паками достались въ руки стражи; а остальные тридцать семь, побросавъ паки съ товаромъ (чтобъ облегчить лошадей), кинулись въ разныя стороны, только бы домой съ душой уйдти. Такъ ихъ ловко подобрала стража!

Я тутъ ни въ чемъ не былъ виноватъ; напиши мнѣ товаро-хозяинъ или самъ пріѣзжай днемъ раньше, все бы пошло какъ по маслу,—а то пріѣзжаетъ и пристаетъ какъ съ ножомъ къ горлу: доставь ему товаръ да и только, хоть по воздуху!

Спустя часъ послѣ меня, пріѣзжаетъ вслѣдъ за мной въ мѣстечко *** и самъ хозяинъ товара; какъ увидалъ, что дѣло-то совсѣмъ пропащее, такъ чуть съ ума не сошелъ: то начнетъ плакать, то рвать на себѣ волосы, то меня упрекать,—а я-то тутъ въ чемъ виноватъ!?

Причиною всему былъ вахмистръ 1-й линіи Семиковъ; это такая была бестія, что пропустить за извѣстную сумму или забрать—было для него особенное счастіе,—и все ему какъ то, такъ и другое сходило съ рукъ, потому-что онъ имѣлъ черезъ свою жену руку у начальника округа, и съ нимъ по одному дѣлу, которое я вамъ послѣ разскажу, постоянно грызся; къ тому-жь онъ думалъ, что я помимо его хочу это дѣло сдѣлать и ему ничего не дать. Онъ-то и получилъ доносъ, не знаю только какимъ именно способомъ, отъ сына Солтыса дер. Л..... Мартина, тоже контробандира,—да и заѣхалъ съ 5-ю объѣздчиками къ кирпичному заводу; ну, какъ разъ тутъ на дорогѣ, когда проѣдешь съ правой стороны холмъ, въ родѣ крутаго обрыва, а съ лѣвой мелкій саженый лѣсъ, и встрѣтилъ банду, какъ слѣдуетъ. На тревогу еще подоспѣли два объѣздчика съ 1-й линіи, бывшіе тутъ недалеко въ патрулѣ. А панъ надзиратель 2-й линіи, услышавъ выстрѣлы, смекнулъ, что дѣло-то не ладно, взялъ съ собой вахмистра, который тутъ же былъ деревнѣ и сидѣлъ даже въ его квартирѣ, дожидаясь окончанія нашей экспедиціи на Зеленую Комору; перепугались оба, и чтобъ не имѣть отвѣтственности, которая бы въ случаѣ доноса могла пасть на нихъ, а также показать свое усердіе передъ начальствомъ, сѣли на лошадей да тоже маршъ на тревогу. Банда и очутилась какъ въ ящикѣ—только съ душой утекай.

Что́ тутъ дѣлать! дѣло дрянь, бѣда, а выручать все-таки надо, потому-что товару стражъ забралъ болѣе чѣмъ на 5,000 рублей, а это чистая сгуба (бѣда) для небогатаго купца,—молитъ меня сквозь слезы товаро-хозяинъ: «какъ хочешь, Зельманъ, будь отцомъ, выручай».

Думалъ я думалъ, что тутъ дѣлать, вертѣлъ мозгами и такъ и сякъ... однако-жь, пришла мысль въ голову—и сейчасъ же послѣ этой свалки, такъ часовъ въ пять, отправился я къ нимъ въ Л.....ту. Пріѣзжаю туда, сперва зашелъ къ надзирателю Р.....ву, вошелъ тихонько какъ котъ къ нему въ комнаты и поклонившись ему низко, «такъ и такъ, говорю, пане-капитане»; а тотъ уже зналъ объ этомъ происшествіи, сидитъ у столика и пьетъ кофе съ сигарой, сердитый такой, ничего не говоритъ и не смотритъ даже на меня,—а мнѣ и самому-то стыдно и совѣстно противъ него, молилъ я его молилъ, все сидитъ да молчитъ, потомъ какъ вскочитъ со стула, да какъ почнетъ меня лаять: «а ты такій свекій (т. е. такой сякой) мошенникъ, лабусъ, помимо меня захотѣлъ хандловать! вѣдь я былъ у тебя вчера утромъ, спрашивалъ у тебя, сдѣлаешь или нѣтъ сегодняшнюю ночь экспедицію, — а ты что мнѣ сказалъ, а, говори?»

Я ему на это и говорю: «я потому сказалъ: «нѣтъ», что, видитъ Богъ, я и самъ не зналъ, что товаро-хозяину понадобится такъ скоро товаръ и самъ онъ за нимъ пріѣдетъ, какъ это было вчера подъ вечеромъ; а что я не пріѣхалъ къ нему, пану-капитану, то я навѣрное думалъ, что по старому нашему знакомству и благородству его души онъ мнѣ не испортитъ, и я передъ нимъ не скрою сколько было коней и сколько было паковъ,—къ тому-жь еще надзиратель 2-й линіи это подтвердитъ, и слѣдующая ему пану надзирателю доля всегда готова у меня. А что касается до его вахмистра, то мы съ нимъ имѣемъ старые счеты и послѣ съ нимъ посчитаемся, когда это дѣло кончимъ.

[5]) Евреи, товаро-хозяева, или ихъ коммисіонеры, отправляя контрабандировъ за границу за товарами, даютъ имъ извѣстные знаки (signy) написанные на клочкѣ бумаги; послѣдніе, прибывъ за границу, отдаютъ ихъ хозяину склада—и тотъ по этимъ знакамъ выдаетъ имъ уже товаръ.

[6]) Разстрѣлянъ въ 1865 году, за участіе въ послѣднемъ мятежѣ, въ которомъ принималъ дѣятельное участіе, и былъ начальникомъ банды жандармовъ вѣшателей около Прусской границы.

Наконецъ мой панъ капитанъ смиловался надо мной и говоритъ мнѣ, чтобъ я шелъ къ пакгаузному и съ нимъ переговорилъ.

Мнѣ этого только и надо было, потому-что панъ пакгаузный былъ человѣкъ ловкій на всѣ дѣла, гдѣ бы только можно было нажить.

Когда я пришелъ къ пакгаузному, то первое слово его было сказанное мнѣ съ усмѣшкой: «Что пане Гоз..... jak teras handel na Zieloney komorzé (какова торговля на Зеленой Таможнѣ)?— «Ничего» я говорю, а на сердцѣ просто центнеръ прусскій лежитъ; разсказалъ я ему все, онъ съ видимымъ удовольствіемъ все выслушалъ (хотя уже обо всемъ зналъ стороною).

Хорошій, я вамъ забылъ сказать, въ то время былъ у насъ этотъ пакгаузный: никому онъ зла не сдѣлалъ, а черезъ свою доброту самъ себѣ skadziel (портилъ); бывало утромъ кромѣ кофею ничего, въ обѣдъ пара kieliszek (рюмокъ) водки и бутылку вина, а за то уже вечеромъ ogodzinie dziewiaetej albo osmej (часовъ въ девять или восемь) зазоветъ къ себѣ веселую компанію — и пьетъ съ ними чуть не всю ночь.

Отъ пана надзирателя я сейчасъ же пошелъ къ пакгаузному; тотъ только еще всталъ съ постели и съ семействомъ пьетъ чай въ столовой. Это вѣдь, вамъ надо сказать, не то что нонече!.. поглядѣли бы вы, какъ въ то время жили эти паны: столъ сервированъ все серебромъ, да дорогимъ фарфоромъ и хрусталемъ, жена въ батистовомъ утреннемъ капотѣ, дѣти сидятъ съ гувернанткой,—просто роскошь! Предложили мнѣ сперва кофею, я отказался, потомъ чаю,—хотя мнѣ и не до него было, но чтобъ не показать мое смущеніе, я принялъ его; мнѣ сейчасъ же налили стаканъ и поставили на столъ около зеркала. Когда пакгаузный вышелъ къ себѣ въ кабинетъ за сигарою, я сейчасъ туда же за нимъ и говорю ему: «вотъ въ чемъ дѣло, пане пакгаузный». «Хорошо», говоритъ, «это можно обдѣлать, только на мою долю чтобъ было 500 рублей, а что касается до прочихъ, это уже твое дѣло съ ними уладить; а теперь попроси ко мнѣ пане Р.....ве, т. е. надзирателя». Слава Богу, думаю, съ тѣмъ-то мы почти уже уладили, самое-то главное тебя только нужно было.

И надо вамъ сказать, что этотъ панъ пакгаузный хотя и имѣлъ карманъ уже довольно толстый, но еще почище пане помощника до денегъ былъ жадный, и на всѣ вещи человѣкъ способный.

Отъ него я зашелъ опять къ пану помощнику, съ тѣмъ окончательно порѣшилъ, а отъ него опять къ пану капитану, а тотъ меня уже ждалъ одѣвшись у себя въ квартирѣ. «Ну какъ, говоритъ, что хорошаго подѣлалъ?» «Ничего, говорю, пане капитане, дѣло кажется клеится; васъ проситъ къ себѣ пакгаузный». «Хорошо, говоритъ, пойдемъ вмѣстѣ». Пошли! Тотъ сейчасъ далъ намъ наставленіе или лучше-сказать приказъ, какъ надо сдѣлать. А главное изъ шести посильщиковъ (кромѣ вахмистра, съ которымъ я взялся уладить тутъ же при сдачѣ товара) одинъ былъ грамотный, а именно объѣздчикъ Карпенко; но куда его дѣть? вотъ штука-то, которую надо было придумать. Послать въ патруль—не ловко; оставить при сдачѣ пошлины въ пакгаузъ—еще хуже, все дѣло испортитъ. Думали, думали: что тутъ дѣлать? Вышли на улицу и стоимъ передъ домомъ пакгаузнаго; стоимъ какъ полуумные оба, не знаемъ что и придумать въ этомъ, какъ кажется, пустомъ, но въ нашемъ положеніи довольно серіозномъ случаѣ,—а тутъ какъ разъ на наше счастіе конвертъ съ перомъ [1]) на лѣвый флангъ отъ бригаднаго. Какъ вскрикнетъ панъ капитанъ: «Кто изъ объѣздчиковъ дома на посту?» «Нѣтъ никого, ваше благородіе», отвѣчаетъ ему дежурный стражникъ при кордонѣ, «кромѣ одного Карпенко». «Позвать ко мнѣ Карпенко». Тотъ явился: «Что прикажете, ваше благородіе?» Панъ капитанъ, передавая ему конвертъ, говоритъ такъ тихо и спокойно: «Возьми этотъ конвертъ и вези поскорѣй до В... (3 версты), ежели тамъ не найдешь дома объѣздчиковъ, то до Б...., а ежели и тамъ не найдешь объѣздчиковъ, то валяй далѣе, до Б...., а поимку сдадутъ и безъ тебя товарищи». «Слушаю, ваше благородіе», говоритъ объѣздчикъ, а самъ дурень и не догадался, что объѣздчики съ двухъ первыхъ постовъ были собраны вахмистромъ Семиковымъ для задержанія нашего товару и должны были находиться при сдачѣ его въ пакгаузъ, а ему придется ѣхать до самого Б...., около 11-ти верстъ въ одну сторону; но чтожъ дѣлать, начальникъ приказываетъ, ослушаться нельзя,—къ тому-жъ, на радостяхъ получить большую награду за эту поимку, онъ уже былъ порядкомъ хлебнувши.

Панъ капитанъ хотя и тихонькой былъ на видъ, хотя за годъ передъ этимъ происшествіемъ и собирался застрѣлится отъ страху изъ пистолета, когда пошла банда съ товаромъ черезъ границу съ его вѣдовъ (т. е. согласія) въ 300 коней и тутъ чуть ихъ не накрыли, а какъ это было, то я вамъ когда нибудь послѣ разскажу,—однакожь тоже былъ человѣкъ ловкій, и въ этотъ день не терялся, а велъ себя хватомъ.

Наконецъ пришелъ уже третій часъ, пора сдавать товаръ въ пакгаусъ; панове успѣли уже пообѣдать, я переговорилъ кое-что съ вахмистромъ; объѣздчики, на радостяхъ что взяли хорошую поимку, успѣли насидѣться и порядочно напиться въ корчмѣ у Ивана.

— Скажи мнѣ пожалуйста, пане Гоз...нъ, прервалъ я его,—отчего здѣшняго корчмаря называютъ Иваномъ, вѣдь онъ полякъ, то должны называть его Яномъ.

— Точно что онъ полякъ, отвѣтилъ мнѣ Гоз....нъ,— только онъ служилъ въ русскомъ войскѣ и былъ деньщикомъ у генерала, потому-то его панъ директоръ Г....ъ, отъ котораго онъ и деньги-то нажилъ, называлъ его постоянно Иваномъ, а за нимъ объѣздчики и хлопы всей деревни—и до сихъ поръ его не называютъ иначе какъ панъ Иванъ.

Наконецъ приходитъ пакгаузный съ объѣздчиками, собираются и прочіе, и отпираютъ пакгаусъ чтобъ принимать поимку. «Неси паки въ пакгаусъ», кричитъ пакгаузный на объѣздчиковъ; тѣ сейчасъ, одни къ фурѣ, другіе къ лошадямъ которыя были съ паками,— мигомъ все съволокли въ пакгаусъ.

«Ну, все ли, принесли?» спрашиваетъ панъ пакгаузный. «Все ваше благородіе», отвѣчаютъ объѣздчики, а онъ между тѣмъ, взявъ донесеніе надзирателя, пошелъ провѣрить число; «вѣрно», говоритъ: «досмотрщикъ, пори».

Разспороли первый пакъ, вынули товаръ все вельверетъ, т. е. бумажный бархатъ. «Считай куски!» кричитъ пакгаузный на досмотрщиковъ. А досмотрщики были у него народъ все настеганый, особенно одинъ изъ нихъ по фамиліи Пименовымъ именовался, изъ

[1]) Конвертъ съ перомъ или летучка посылается въ экстренныхъ случаяхъ по границѣ отъ поста до поста рысью.

Петропавловскій соборъ въ крѣпости.

Рисовалъ съ натуры де-ла-Шарлери. Гравир. Паннемакеръ.

крещеныхъ евреевъ просто бѣдовый былъ. «Столько-то» отвѣчаютъ досмотрщики. «Сколько локтей на карткахъ т. е. на этикетахъ?». «Столько-то» отвѣчаютъ досмотрщики.

«Хорошо», отвѣчаетъ пакгаузный, а самъ пишетъ въ опись: «клеенки бумажной столько-то кусковъ, столько-то вѣсу и столько-то аршинъ»; онъ уже такъ себя приспособилъ къ переводу прусскихъ локтей (Ellen), на наши аршины, что дѣлалъ переложеніе на память и рѣдко когда ошибался.

(Окончаніе будетъ).

Прогулка по Петербургу.

Если у насъ ощущается недостатокъ въ такихъ сочиненіяхъ, которыя представляли бы намъ болѣе или менѣе полную и живую картину Петербурга, его прошедшаго и настоящаго; если мы бѣдны даже руководителями, простыми указателями, которые представляли бы въ тѣсной рамѣ ручной книги хотя очеркъ этой огромной картины,—то мы еще бѣднѣе такими сочиненіями, которыя знакомили бы насъ съ нашей сѣверной столицей нагляднымъ образомъ, посредствомъ изображеній замѣчательнѣйшихъ памятниковъ, видовъ окрестностей, и т. п. А между тѣмъ Петербургъ, сосредоточивающій въ себѣ жизненную дѣятельность Россіи, неотразимо влечетъ къ себѣ сердца и умы русскихъ и все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе чужестранцевъ.

Задача нашего изданія состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы представлять цивилизацію, нравы и обычаи всѣхъ народовъ, вообще, въ особенности же все что только имѣетъ отношеніе къ прошедшему и настоящему нашего отечества. Такимъ образомъ болѣе или менѣе полное изображеніе Петербурга или хоть только главныхъ его замѣчательностей—обусловливается уже самою программою нашего изданія, и мы имѣемъ въ виду представить картину его прошедшаго и настоящаго состоянія посредствомъ цѣлаго ряда рисунковъ, которые будутъ сопровождаться текстомъ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко
По мшистымъ, топкимъ берегамъ;
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца,
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ. И думалъ онъ:
Отсель грозить мы будемъ шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду,
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно.

Мѣсто, занимаемое нынѣ С.-Петербургомъ, издавна принадлежало Россіи и обтекающая его Нева была извѣстна русскимъ еще до временъ Нестора. Двѣ древнія провинціи по обѣ стороны рѣки, по лѣвую *Ижорская страна, Ингрія* или *Ингерманландія,* а по правую *Корелія*—принадлежали сперва Новгороду, а потомъ Москвѣ до 1617 года, когда разстроенное состояніе, въ которое была ввергнута Россія бѣдствіями 1612 г., принудили московское правительство уступить шведамъ все захваченное ими прибережье финскаго залива.

Преобразуя Россію, Петръ, подобно Константину Великому, чувствовалъ потребность въ новой столицѣ, гдѣ бы могла выработаться новая культура,—и стремленіе этого великаго государя къ тому, чтобы вдвинуть Россію въ семью прочихъ европейскихъ государствъ и упрочить ея матеріальное благосостояніе развитіемъ морской торговли, повело къ продолжительной и упорной борьбѣ, начавшейся со шведами въ 1700 году и столь блистательно оконченной ништадскимъ миромъ (30 августа 1721 г.), упрочившимъ за Россіей обладаніе значительной частью прибалтійскаго края и ея политическое господство на сѣверо-востокѣ. Къ началу этой достопамятной борбы относится основаніе нашей сѣверной столицы.

На другой же годъ войны, русскіе разгромили стѣны Нотербурга (нынѣшній Шлиссельбургъ), а немного спустя и Ніеншанца, прикрывавшаго устье Охты. Но только въ 1703 году, послѣ побѣды, одержанной лично Петромъ I близь Екатерингофа, 10 мая надъ эскадрой, отдѣлившейся отъ шведскаго флота, Петръ овладѣлъ всѣмъ теченіемъ Невы, отъ истока ея до самаго устья. Желая какъ можно скорѣе утвердиться на приморскомъ берегу, Петръ рѣшилъ учредить здѣсь сначала только военный портъ, а впослѣдствіи и городъ, въ которомъ должны были сосредоточиться всѣ элементы для новой жизни преобразующагося царства.

Для основанія крѣпости Петръ Великій выбралъ изъ числа островковъ, образуемыхъ протоками Невы, одинъ небольшой островокъ, длиною въ 400 и шириною въ 200 сажень, находящійся посреди Невы и называвшійся по шведски *Jennissari* (заячій островъ). Въ праздникъ св. Троицы, 16 мая 1703 года, собственными руками Петра былъ положенъ на этомъ островѣ первый камень бастіона крѣпости, наименованной въ честь св. Апостоловъ Петра и Павла, Петропавловскою.

Въ то же время, на другомъ противулежащемъ островѣ *Koivissari* (березовомъ), Петербургскій островъ или нынѣшняя Петербургская сторона, предназначено было построеніе Санктпетербурга. Но прежде чѣмъ разсказывать какъ молодой городъ росъ, словно сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ, бросимъ сначала бѣглый взглядъ на избранную для него мѣстность.

Петербургъ расположенъ съ своими предмѣстьями на берегахъ Невы и ея притоковъ, на нѣсколькихъ островахъ, близь Финскаго залива. Въ началѣ XVIII вѣка не одни берега Невы, но и все пространство, занимаемое нынѣ Петербургомъ и его красивыми окрестностями, были усѣяны болотомъ и топкимъ лѣсомъ; только мѣстами, и то весьма рѣдко, виднѣлись бѣдныя, большею частію покинутыя деревушки, состоявшія изъ полуразвалившихся хижинъ, гдѣ жили туземные поселяне, промышлявшіе рыбною ловлею или лоцманствомъ, для проведенія судовъ, приходившихъ съ моря въ Неву. О климатѣ нечего и говорить. Онъ извѣстенъ нашимъ читателямъ если не по опыту, то хоть по наслышкѣ.

Не отъ произвола частныхъ владѣльцевъ, а по распоряженіямъ правительства производилась первоначальная постройка города. Петръ Великій самъ лично

наблюдалъ за работами и жилъ въ небольшомъ домикѣ построенномъ, вскорѣ послѣ заложенія крѣпости и основанія первыхъ зданій, на петербургскомъ островѣ, въ двухъ стахъ саженяхъ отъ крѣпости, на самомъ берегу Невы. Кромѣ всякого рода ссыльныхъ, туземныхъ жителей, плѣнныхъ шведовъ и бѣглыхъ солдатъ, ежегодно, по повелѣнію Петра, высылались на работы изъ всѣхъ русскихъ городовъ, посадовъ и селеній, исключая только Азовской и Кіевской губерній, въ два срока по 20,000 человѣкъ крестьянъ, которые были обязаны брать съ собою плотничные инструменты и другія орудія и хлѣбъ для путеваго продовольствія. Однакоже высылка этихъ работниковъ, продолжавшаяся постоянно почти десять лѣтъ (1708—1718), мало приносила выгодъ, потому-что люди, не привыкшіе ни къ климату, ни къ новому образу жизни, занемогали, бѣгали и умирали. Съ 1718 года постановлено было передать постройки въ руки частныхъ подрядчиковъ и высылку крестьянъ замѣнить денежнымъ сборомъ.

Не менѣе дѣятельныхъ мѣръ со стороны правительства требовалось и для того, чтобъ населить новостроющійся городъ. Добровольныхъ переселенцевъ являлось мало; почему Петръ велѣлъ съ 1712 года высылать въ Петербургъ на безсрочное жительство: недорослей всѣхъ городскихъ жителей знатныхъ и нижнихъ чиновъ, не находившихся въ ученьи или на службѣ, также выбираемыхъ изъ купеческаго и ремесленнаго сословія первостатейныхъ и среднихъ людей, зажиточныхъ съ семействами,—и подвергнулъ той же обязанности царедворцевъ и другихъ чиновъ, имѣвшихъ во владѣніи крестьянъ по 30 дворовъ и болѣе, торгующихъ чернослободцевъ Московской и прочихъ губерній и людей изъ гостиной сотни.

Но обратимся къ Петропавловской крѣпости. Подъ неусыпнымъ присмотромъ самого государя, работы подвигались съ необыкновенною скоростію—и въ тотъ же годъ, земляной валъ съ 4 воротами, 6 болверками, равеллиномъ и 300 орудій представлялъ довольно надежный оплотъ противу шведовъ. Петръ Великій раздѣлилъ работы на участки, почему болверки и получили наименованія своихъ строителей. Въ 1734 году крѣпость была окончательно построена, а въ 1784 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, вся сторона крѣпости, выходящая на Неву, была обложена тесанымъ гранитомъ; въ царствованіе же императора Павла I былъ сдѣланъ кронверкъ изъ кирпича. Внутри крѣпости находится монетный дворъ и соборъ св. Апостоловъ Петра и Павла. Съ валовъ крѣпости возвѣщаютъ пушечной пальбою о великихъ событіяхъ въ отечествѣ.

Петропавловскій соборъ, изображенный на прилагаемомъ при этомъ рисункѣ, каѳедральный. Онъ былъ заложенъ 30 мая 1714 года, въ тотъ день, когда празднуется память преподобнаго Іссакія Далматскаго и совершается воспоминаніе о рожденіи Петра Великаго, и оконченъ Анной Іоанновной 1733 г. 30 апрѣля 1756 г. молнія ударила въ шпицъ колокольни и соборъ загорѣлся; главныя повреждения потерпѣли куполъ и иконостасъ, которые однако же исправлены по прежнему.

Нынѣ престоловъ два: 1-й во имя Апостоловъ Петра и Павла; 2-й великомученицы Екатерины, устроенный въ 1773 году.

Въ настоящее время соборъ этотъ имѣетъ 30 сажень длины и 14 сажень ширины. Вышина отъ полу до сводовъ 7 саж. 1 арш.

Иконостасъ, рѣзной работы и весь вызолоченный червоннымъ золотомъ, сдѣланъ въ Москвѣ русскими художниками, работавшими надъ нимъ четыре года (1722 — 1726). Царскія врата, одинакой работы съ иконостасомъ, раздѣлены на четыре части, которыя всѣ растворяются при священнослуженіи архіерейскомъ, а вполовину — при архимандричьемъ или священническомъ.

Около иконостаса, съ наружной стороны, находятся святыя мощи: 1) Многоцѣлебная риза Спасителя, въ небольшомъ ковчежцѣ. 2) Глава мученика Іакова Персіянина въ ковчегѣ. 3) Разныхъ святыхъ, въ одномъ большомъ складномъ ковчегѣ.

Двадцать девять мѣстныхъ и праздничныхъ образовъ въ соборѣ писаны были русскими художниками, вытребованными, по повелѣнію Екатерины I, изъ Москвы; прочіе—иностранными.

На правой сторонѣ у столба императорское мѣсто, подъ бархатнымъ балдахиномъ, съ вытканнымъ русскимъ гербомъ и коронами. Подлѣ этого мѣста другое, также для Высочайшей фамиліи.

У лѣваго столба каѳедра, на которой Ѳеофанъ говорилъ извѣстную рѣчь при погребеніи Петра Великаго.

Внутренняя сторона сводовъ росписана подъ мраморъ и украшена изображеніемъ херувимовъ. Полъ изъ разноцвѣтной, полированной плиты.

Петропавловскому собору принадлежатъ вещи драгоцѣнныя по воспоминаніямъ. Самыя замѣчательныя:

1) *Паникадило большое*, выточенное изъ слоновой кости собственными руками Петра Великаго, вышиною болѣе 10 футовъ, о трехъ ярусахъ, въ каждомъ по 9 подсвѣчниковъ. Въ среднемъ яблокѣ, съ четырехъ сторонъ 4 медали, круглыя, тѣсненыя на черепахѣ, и изображенія: 1) Портретъ Петра; 2) Полтавская битва; 3) взятіе Шаутбенахта, морское сраженіе; 4) надпись на большемъ яблокѣ вокругъ крупными словами: *Дѣло многотрудныхъ рукъ Петра перваго, Великаго Императора и Самодержца Всероссійскаго, 1723 году.*

2) *Паникадило*, которое Петромъ I сдѣлано въ 1724 году, во время пребыванія его на Олонецкихъ водахъ; въ середину яблока этого паникадила, по просьбѣ супруги Петра Великаго, Екатерины, положена была имъ же составленная хартія: *Сіе приносится въ знакъ благодаренія Господу Богу за цѣлебныя воды. Сдѣлана при оныхъ, марта 14 дня, 1724 года. Петръ.*

3) *Крестъ*, также выточенный изъ слоновой кости самимъ Петромъ Великимъ.

4) *Ковчежецъ съ хлѣбомъ*, поднесеннымъ Суворову жителями Варшавы вмѣстѣ съ ключами города, въ октябрѣ 1794.

5) *Трофеи*, пріобрѣтенныя русскими войсками въ войнахъ съ Турціею въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Они развѣшаны надъ окнами, около карнизовъ.

Въ Петропавловскомъ соборѣ покоятся бренные останки особъ Императорской фамиліи, кромѣ Петра II, который скончался въ Москвѣ и погребенъ тамъ же. На гробницѣ преобразователя Россіи придѣлана золотая медаль, на одной сторонѣ которой профиль императора въ вѣнкѣ и съ надписью вокругъ: *Отъ благодарнаго потомства*, а на другой Геркулесъ, покоящійся на основаніи Петербурга. Эта медаль поднесена была, въ 1803 году, Александру I, въ день празднованія столѣтія города.

На гробницахъ: Александра I, обыкновенная сере-

брянная медаль, въ память 1812 года, — цесаревича Константина Павловича, ключь отъ крѣпости Модлина.

Съ наружной стороны, надъ алтаремъ, возвышается куполъ и колокольня, оканчивающаяся острымъ шпилемъ, на которомъ утверждено яблоко, поддерживающее ангела съ крестомъ; къ нему придѣланъ громовой отводъ. Вышина колокольни отъ фундамента до верха креста 65, безъ креста 57, шпица съ яблокомъ 26 сажень. Шпицъ покрытъ мѣдными золочеными листами и на позолоту его и верхнихъ украшеній, употреблено было 2814 червонцевъ или 22 фунта чистаго золота; но послѣ въ крестѣ и ангелѣ оказались разныя поврежденія, для исправленія чего потребовалось много времени и значительныхъ издержекъ. Но крестьянинъ Телушкинъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1830 года, произвелъ всю работу одинъ безъ пособія лѣсовъ и въ три дня. Впрочемъ, въ 1855 году были поставлены лѣса до самой верхушки шпица, который прикрѣпили болѣе прочнымъ образомъ.

Часы, съ курантами на колокольнѣ, куплены Петромъ Великимъ въ Амстердамѣ за 45,000 рублей; а въ 1759 году, Елисавета Петровна пожаловала сюда новые часы, также съ курантами, взамѣнъ испорченныхъ во время грозы.

Празднества совершаются 29 іюня и 24 ноября. Также день Преполовенія есть крѣпостной праздникъ; тогда происходитъ водоосвѣщеніе и крестный ходъ, и народу позволяется ходить по крѣпостнымъ валамъ.

Браковъ въ этомъ храмѣ не совершается.

Бобръ.

Когда мы всматриваемся хорошенько въ представителей животнаго царства, будь это звѣри или птицы, то одни изъ нихъ возбуждаютъ въ насъ живое участіе своимъ образомъ жизни, а другіе своею особенною ловкостію, которая не разъ уже возбуждала въ насъ величайшее удивленіе. Но какъ же велика бываетъ степень удивленія, какъ велико должно быть наше участіе къ звѣрю, совершающему съ величайшею легкостію такія вещи, которыя не всегда даются даже самымъ искуснымъ изъ нашихъ архитекторовъ, имѣющихъ подъ рукою всевозможныя средства. Этотъ звѣрь — бобръ, самое своеобразное животное изъ породы грызуновъ, и его-то образъ жизни и искусство мы и попытаемся представить нашимъ читателямъ въ слѣдующихъ за этимъ строкахъ.

Бобръ встрѣчается по всей Европѣ, впрочемъ вездѣ очень рѣдко; онъ водится больше въ русской Азіи, въ особенности же въ сѣверной Америкѣ. Бобръ любитъ преимущественно спокойное уединеніе лѣсистыхъ и малонаселенныхъ рѣчныхъ областей. Высокіе, свѣсившіеся берега потоковъ и рѣкъ, озеръ, прудовъ или такихъ водъ, которыя находятся въ соединеніи съ рѣчной водой, густо-поросшіе ивовыми кустами или деревьями или же пограничные съ другими лиственными лѣсами,—составляютъ его любимое пребываніе.

Собственно жилище бобра (въ мѣстахъ, гдѣ онъ живетъ не колоніями, а только въ семействѣ) составляетъ постройка или лучше сказать нора, т. е. выкопанное имъ самимъ углубленіе подъ высокимъ свѣсившимся берегомъ, или подъ подмытыми водою стволами деревьевъ, но всегда настолько близкое къ потоку, къ рѣкѣ или къ ручью съ высокими берегами, чтобы большая часть нужныхъ ему для постройки прутьевъ свѣшивалась въ воду, а также, чтобы замѣтивъ малѣйшую опасность, онъ могъ бы убѣжать съ быстротою стрѣлы. Но кромѣ бобровъ, живущихъ въ норахъ, отдѣльными семействами, есть и другіе бобры, живущіе въ болѣе или менѣе многочисленномъ обществѣ и въ болѣе искусно устроенныхъ жилищахъ.

«Все, что я до сихъ поръ ни читалъ о бобрахъ», говоритъ извѣстный путешественникъ Картрайтъ (Cartwriht), «чистое заблужденіе, ведущее свое начало отъ такихъ людей, которые никогда не видали сами жилищъ этихъ звѣрей, но полагаются на разсказы охотниковъ, очень рѣдко говорящихъ правду.

Обыкновенно бобры начинаютъ постройку своихъ жилищъ въ августѣ мѣсяцѣ, слѣдующимъ образомъ: если избранный ими природный бассейнъ покрытъ близь берега до извѣстной глубины водою, то они начинаютъ рыть подъ водою на береговомъ откосѣ дыру, которая идетъ въ косвенномъ направленіи до поверхности почвы, а изъ выкинутой черезъ отверстіе земли образуется небольшой холмикъ, къ которому примѣшивается множество кусочковъ дерева, а также и камни. Этотъ холмикъ получаетъ видъ купола и возвышается обыкновенно на 4 а иногда и на 7 футовъ надъ землею. Его основаніе, большею частію, отлого; его большій поперечникъ заключаетъ въ себѣ 10—12, а меньшій 8—9 футовъ. Смотря по высотѣ этого холма, подъ нимъ дѣлается углубленіе для жилища бобра и его семьи, которое тщательно поддерживается на одномъ уровнѣ съ наибольшею высотою воды. Въ передней части этого жилища устроивается слегка отлогій выходъ къ водѣ, а входъ и выходъ изъ него совершается подъ водою. Охотники называютъ этотъ входъ «угломъ». Бобры очень рѣдко довольствуются однимъ, обыкновенно они устроиваютъ по два, а иногда и по три выхода. Внутренность жилища состоитъ изъ одного помѣщенія, похожаго на печку, полъ котораго устланъ мелкими и тонкими деревянными щепками.

Недалеко отъ угла находится запасной магазинъ. Здѣсь бобры сохраняютъ корни водяныхъ растеній и сучья, которыми они питаются. Послѣдніе они сажаютъ въ илъ, нижними частями внизъ. Авторъ видѣлъ такіе магазины, гдѣ этихъ матеріаловъ хватало бы на цѣлую тѣлегу,— и бобры такъ трудолюбивы, что они никогда не перестаютъ увеличивать ихъ и все болѣе и болѣе растрестранять свои жилища, до тѣхъ поръ пока ихъ водоемъ не покроется льдомъ; но и тутъ они продолжаютъ до послѣдней возможности поддерживать отверстіе во льду.

Если имъ покажется, что отверстіе не довольно глубоко, то они поднимаютъ воду, не допуская ея стекать посредствомъ перемычки, которую они устраиваютъ изъ дерева, камней, глины и песку; эти плотины очень прочны. Если этой мѣры недостаточно для того, чтобъ поднять въ надлежащей степени воду на берегу пруда, то бобры устроиваютъ свою крѣпость въ самомъ пруду, въ нѣсколькихъ метрахъ отъ берега; они начинаютъ съ нижней части и складываютъ въ кучу вырытую землю,

потому-что имъ непремѣнно нужно имѣть три фута воды надъ отверстіемъ входа, такъ какъ иначе замерзшая вода совершенно заперла бы имъ входъ. Если въ бассейнѣ есть островъ, они выбираютъ его для своихъ построекъ, потому-что здѣсь они всего безопаснѣе отъ нападеній; точно такъ же они выбираютъ предпочтительно южную сторону. Внутрь земли въ жилищахъ бобровъ нѣтъ выхода, потому-что съ одной стороны подобное отверстіе облегчило бы доступъ дикимъ звѣрямъ, а съ другой — наступившіе холода произвели бы такую температуру, которой бобры не выносятъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ это повело бы за собою и замерзаніе воды у входа.

Тѣмъ не менѣе эти архитекторы не всегда бываютъ непогрѣшимы въ своихъ работахъ. Иногда они дѣлаютъ постройки въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ для нихъ достаточной пищи или гдѣ (при значительной высотѣ и во время таянія льда) ихъ постройки покрываются водою— и они должны бѣжать изъ нихъ, сдѣлавъ отверстіе въ крышѣ, вслѣдствіе чего вода внутри жилища замерзаетъ и они не могутъ уже въ немъ жить. При такихъ обстоятельствахъ они гибнутъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Иногда бобры живутъ три или четыре года кряду въ одной и той же постройкѣ, но большею частію они сооружаютъ каждый годъ новыя, а иногда только исправляютъ старое, покинутое жилище, или же строятъ подлѣ него другое, которое соединяется вверху со старымъ и сообщается съ нимъ внутри, вслѣдствіе чего образовалось мнѣніе, будто ихъ жилища состоятъ изъ нѣсколькихъ комнатъ. Они сооружаютъ также новую постройку подлѣ той, гдѣ они жили прежде, для того чтобы она могла служить имъ, въ случаѣ нужды, убѣжищемъ.

Употребляютъ ли бобры свои прутья въ видѣ лопаточекъ, Картрайтъ не можетъ рѣшить этого навѣрное; но онъ не думаетъ, чтобъ они дѣлали это, потому-что хотя мускулы ихъ и многочисленны, но не сильны; по его мнѣнію, гораздо вѣроятнѣе то, что они употребляютъ для разбиванія земли свои переднія лапы.

Чрезвычайно интересенъ способъ, какимъ образомъ приготовляютъ бобры нужное для ихъ построекъ дерево. Коль скоро выборъ мѣста для жилища сдѣланъ, они отправляются, въ нашихъ странахъ не прежде наступленія ночи, на порубку. Это послѣднее происходитъ слѣдующимъ образомъ: бобръ садится передъ стволикомъ на заднія лапки, наклоняетъ его своими острыми, трехъугольными и слѣдовательно устроенными для глоданья зубами въ ту сторону, куда ему слѣдуетъ упасть, на разстояніи 8 дюймовъ отъ земли, при чемъ онъ быстро гложетъ дерево, какъ бѣлка орѣхъ, отгребаетъ передними лапками отпадающія щепы, гложетъ т. е. рѣжетъ на другой сторонѣ футами 3 выше, потомъ кругомъ, до тѣхъ поръ пока стволикъ теряетъ равновѣсіе и падаетъ въ ту сторону, гдѣ онъ глубже надрѣзанъ. Тоненькіе стволики онъ обыкновенно прокусываетъ насквозь съ одной и той же стороны. Но на тѣ, которые заключаютъ въ себѣ отъ 3—4 футовъ въ поперечникѣ онъ не покушается. Коль скоро стволъ упалъ, бобръ отрѣзываетъ всѣ суки такъ чисто, что можно подумать, будто тѣ мѣста откуда выходили суки, оскоблены скобелью. Послѣ этого все общество бобровъ начинаетъ доставлять очищенный такимъ образомъ стволъ и все необходимое для постройки—по водѣ къ тому мѣсту, гдѣ должна стоять новая крѣпость или гдѣ слѣдуетъ привесть въ надлежащее состояніе старую, обрушившуюся. Никогда общество бобровъ, какъ бы оно ни было велико или мало, не приступаетъ къ рубкѣ дерева, не поставивъ стражи, которая увѣдомляетъ объ предстоящей опасности, ударивъ хвостомъ въ воду.

Бобры питаются древесной корой, орѣхами, тополями и ивою всевозможныхъ родовъ. Они кормятся преимущественно мягкимъ деревомъ и свѣжей корой. Собираемый ими зимній запасъ, для восьми или десяти бобровъ, заключаетъ въ себѣ, согласно съ напечатанными въ «Mèmoires des Sarassin» извѣстіями, 30 футовъ въ квадратѣ и по малой мѣрѣ 8—10 футовъ въ вышину. Въ Америкѣ бобровникъ, тамошній ясень, стираксовое, сассафрасовое и всѣ роды сладкихъ камедныхъ деревьевъ— ихъ любимая пища. Лѣтомъ борбръ ѣстъ также и полевые плоды и всевозможные коренья: каломеля, кувшинчиковъ, тростника, и т. д. Бобръ ѣстъ какъ бѣлка, сидя на заднихъ лапкахъ, всегда вблизи глубокой воды, обратившись къ ней задомъ, вѣроятно для того, чтобъ замѣтивъ опасность, быть въ состояніи сейчасъ же броситься въ воду. Онъ съ необыкновеннымъ проворствомъ вертитъ передними лапами передъ мордочкой вѣтви, которыхъ онъ не ѣстъ, а подвижность челюстей у него гораздо живѣе и значительнѣе чѣмъ у бѣлки или хомяка.

Случка бобровъ происходитъ въ январѣ или февралѣ. Самка, по самымъ надежнымъ и внимательнымъ наблюденіямъ, носитъ четыре мѣсяца и производитъ въ апрѣлѣ или маѣ, на заранѣе приготовленномъ ложѣ, устланномъ мохомъ, сухими листьями, тонкимъ тростникомъ и т. п., отъ двухъ до четырехъ дѣтенышей, которые девять дней остаются слѣпыми и кормятся грудью отъ четырехъ до шести недѣль. На пятой недѣлѣ мать приноситъ имъ пальмовыхъ, ивовыхъ и другихъ вѣтокъ. Не отецъ, но мать занимается содержаніемъ дѣтей и ихъ приготовленіемъ къ практической жизни, такъ-что по достиженіи восьми или девяти-недѣльнаго возраста, они вполнѣ способны сами прокормить себя и выстроить свое собственное жилище или крѣпость.

Бобръ, будучи пойманъ въ раннемъ возрастѣ и вскормленъ молокомъ и булками, потомъ сладкими молодыми побѣгами осины, ивы, орѣшника, и т. п., привыкаетъ мало-по-малу къ плодамъ, овощамъ, орѣхамъ, и т. п. и становится при этомъ очень ручнымъ. Въ королевскомъ саду въ Нимфенбургѣ, подъ Мюнхеномъ, держали прежде въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ довольно большое число бобровъ въ особенныхъ прудахъ, и они стали совершенно ручными. Они ѣли кору ивъ, березъ, и т. п. и раскалывали оскобленые стволики и сучья на тонкія продолговатыя щепы, которыя они употребляли для своего ложа. Они принимали хлѣбъ, а еще охотнѣе плоды, но если имъ предлагали рыбу и раковъ, они сію же минуту удалялись съ видимымъ отвращеніемъ къ подобному кушанью. Многіе изъ нихъ жили до 25 лѣтъ.

Въ нѣмецкихъ краяхъ бобръ отчасти убивается охотниками при помощи лягавыхъ собакъ, частію же ловится въ сѣтк и верши. Такъ называемое «закалываніе бобровъ» производится въ мелкихъ неглубокихъ водахъ. Три человѣка особенно искусные въ этомъ дѣлѣ, вооружась желѣзными вилами прикрѣпленными къ деревянной рукояткѣ, съ крюками на острыхъ концахъ, подкрадываются къ входамъ крѣпостей, выжидаютъ тутъ, пока собаки не выгонятъ находящихся тамъ бобровъ и закалываютъ ихъ въ водѣ.

Чрезвычайно интересенъ способъ какимъ образомъ охотятся за бобрами въ сѣверной Америкѣ. «Сѣверо-

американскій индѣецъ», пишетъ Шатобріанъ, «ждетъ для охоты наступленія того времени когда выпадетъ снѣгъ и сѣверозападный вѣтеръ разъяснитъ небо и приведетъ за собою сухой холодъ. Тутъ вызываютъ охотниковъ. Прежде всего обращаются съ торжественной молитвой къ великому бобру (идолу охоты). Индѣецъ запасается дубиною, для того чтобъ пробить ледъ, и сѣтью для ловли бобровъ. Впрочемъ, какъ ни сурова бываетъ зима, но все-таки нѣкоторые небольшіе пруды въ верхней Канадѣ не замерзаютъ, что происходитъ или отъ множества теплыхъ ключей или отъ особеннаго положенія этихъ прудовъ. Подобныя никогда не замерзающія водохранилища устраиваются часто самими бобрами. Въ плотинѣ, замыкающей бобровый прудъ, проламываютъ большую дыру—и удивительный городъ (рядъ бобровыхъ крѣпостей) выходитъ наружу. Охотники становятся на валу съ дубинами въ рукахъ и собаками позади себя и выжидаютъ, въ то время какъ вода въ жилищахъ бобровъ все болѣе и болѣе падаетъ—и эти послѣдніе, испуганные этимъ явленіемъ, кидаются къ плотинѣ, чтобы задѣлать брешь, происшедшую отъ неизвѣстной имъ причины. Всѣ они плывутъ наперерывъ другъ передъ другомъ, одни осматриваютъ брешь, другіе отправляются къ берегу за строительными матеріалами, а нѣкоторые спѣшатъ въ сосѣднія поселенія, чтобы увѣдомить объ этомъ тамошнихъ согражданъ. Но бѣдные звѣрки окружены со всѣхъ сторонъ. Усердный работникъ убивается на валу, а бѣгущаго въ лѣтнее жилище преслѣдуетъ охотникъ, осыпаетъ его ослѣпляющимъ порошкомъ, а охотничья собака душитъ его. Въ лѣсу слышится крикъ побѣдителя, вода окончательно стекаетъ—и охотники берутъ городъ приступомъ.

Коль скоро подобная бобровая ловля кончена, охотники идутъ домой, распѣвая хвалебные гимны великому бобру съ акомпаниментомъ барабана. Тутъ вбиваютъ въ землю столбы и вѣшаютъ на каждый изъ нихъ по два бобра. По приказанію предводителя охотники распарываютъ единовременно брюхо всѣмъ бобрамъ и сдираютъ съ нихъ кожу. Если между убитыми попадется самка, то это приводитъ всѣхъ въ величайшее смущеніе, потому-что убійство самки бобра составляетъ не только религіозное, но и политическое преступленіе, причину войны между двумя индѣйскими племенами. Охота заключается пиршествомъ, состоящимъ изъ боброваго мяса. Какой нибудь ораторъ говоритъ рѣчь въ воспоминаніе объ убитыхъ, какъ будто бы онъ не былъ виновенъ въ ихъ смерти, и хвалитъ ихъ умъ и предусмотрительность».

Принимая во вниманіе ту пользу, которую приноситъ бобръ своей шкурой, своимъ мясомъ, а въ особенности бобровой струей, употреблявшейся въ видѣ лекарства еще во время грековъ и римлянъ, намъ слѣдовало бы какъ можно тщательнѣе беречь эту дичину, которая и безъ того уже съ распространеніемъ культуры становится все рѣже и рѣже въ нашихъ странахъ. Поэтому-то во всей Германіи бобръ или объявляется собственностью короны или защищается особенными законами—и вслѣдствіе этого часто спасается отъ выстрѣловъ слишкомъ страстныхъ любителей охоты.

Всеобъемлющая міровая сила.

(*Продолженіе*).

Изъ всеобщности закона тяготѣнія, одинаково дѣйствующаго какъ на земныя такъ и на небесныя тѣла, заключается о тождествѣ веществъ, находящихся какъ на землѣ такъ и въ небесномъ пространствѣ,—и дѣйствительно, химическій анализъ аэролитовъ, а спектральный лучей солнца подтвердилъ это предположеніе.

Спектральный аппаратъ Бунзена и Кирхгофа основывается на томъ, что пары нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ и ихъ соединеній, находясь въ безцвѣтномъ пламени, сообщаютъ этому пламени такое свойство, что свѣтъ его, будучи пропущенъ черезъ узкую щель въ зрительную трубу, а по выходѣ изъ нея разложенъ въ призмѣ и наконецъ разсмотрѣнъ при помощи другой зрительной трубы, даетъ, въ измѣненныхъ спектрахъ, постоянныя цвѣтныя линіи, характеристическія для каждаго вещества. Такимъ образомъ получены спектральныя линіи для металловъ: калія, натрія, литія, цезія, рубидія, кальція, стронція, барія.

Чувствительность спектральнаго анализа превосходитъ всякое вѣроятіе. При помощи его, въ нѣкоторыхъ минеральныхъ источникахъ Германіи были открыты металлы цезій и рубидій, которые до сихъ поръ обыкновеннымъ анализомъ были просматриваемы.

Если умѣреннымъ солнечнымъ свѣтомъ освѣтить пламя, содержащее пары натрія и разсматриваемое въ спектральномъ приборѣ, то на мѣстѣ линіи характеристической для натрія появляется свѣтлая линія на темномъ полѣ,—а при большей силѣ солнечнаго свѣта на мѣстѣ ея появляется темная линія, тождественная съ фрауенгоферовскою линіею D, полученною имъ при изслѣдованіи солнечнаго спектра и непроисходящею отъ вліянія атмосферы, подобно многимъ другимъ линіямъ спектра. Это свойство зависитъ отъ того, что цвѣтное пламя, заключающее въ своемъ спектрѣ свѣтлыя, рѣзкія линіи, до такой степени ослабляетъ лучи линій того же цвѣта, проходящіе черезъ него, что вмѣсто свѣтлыхъ линій являются темныя, что справедливо только тогда, когда за этимъ пламенемъ будетъ находиться достаточно сильный источникъ свѣта. Такимъ образомъ, превращеніе различныхъ цвѣтныхъ линій металловъ въ темныя, при помощи солнечнаго свѣта, показываетъ присутствіе тѣхъ же элементовъ въ раскаленной солнечной атмосферѣ. Кирхгофъ доказалъ въ солнцѣ присутствіе натрія и калія.

Тяготѣніе, какъ притяженіе земли, насколько намъ извѣстно, составляетъ единственную силу природы, которой подчинены всѣ тѣла при всѣхъ ихъ измѣненіяхъ. Фактически-доказанная неизмѣнность вѣса тѣлъ при всевозможныхъ условіяхъ представляетъ важнѣйшее доказательство того, что процессы природы не разрушаютъ вѣсомую матерію—и точно такъ же изъ имѣющихся опытовъ нѣтъ никакого основанія полагать, что посредствомъ земныхъ процессовъ можетъ образовываться вещество. Изслѣдованія новѣйшей химіи доказали, что ни растенія, ни животныя не содержатъ никакихъ простыхъ тѣлъ, которыя не были бы приняты съизвнѣ.

Какъ растенія, такъ и животныя заключаютъ въ себѣ кислородъ, водородъ, азотъ, углеродъ, калій, на-

трій, кальцій, кремній, фосфоръ, сѣру и другіе элементы. Кислородъ, азотъ и углеродъ растенія черпаютъ изъ воздуха, а остальные элементы изъ земли при посредствѣ воды. Вслѣдствіе этого почва, на которой долго растутъ одни и тѣ же растенія и притомъ скашиваются съ нея, теряетъ свое плодородіе, для возвращенія котораго ее необходимо удобрять минеральными веществами. Вслѣдствіе густаго народонаселенія Китая и Японіи, въ этихъ странахъ уже за нѣсколько тысячелѣтій поняли причину истощенія почвы и отыскали средства къ постоянному ея удобренію. Поэтому въ Китаѣ и Японіи тщательно собираютъ волосы, сбриваемые съ головъ жителей, а также и пометъ какъ людей, такъ и животныхъ. Такое тщательное собираніе помета, какъ оно существуетъ въ этихъ странахъ, на наши глаза представляется комичнымъ. Такъ, въ городахъ Китая и Японіи повсюду бродятъ собиратели помета и зорко слѣдятъ за всякимъ случаемъ подобрать его,—а всякій хозяинъ непремѣнно будетъ въ претензіи на гостя, если послѣдній уйдетъ изъ его дома, не возвратя ему удобренія взамѣнъ съѣденнаго угощенія! Но за то и урожай въ Китаѣ и Японіи въ 10 — 20 разъ превосходитъ урожаи въ Европѣ. Въ Европѣ только въ послѣднія десятилѣтія стали понимать, какъ слѣдуетъ, условія сохраненія плодородія полей, благодаря изслѣдованію и ученію Либиха. Англичане, своею системою ватерклозетовъ, болѣе всѣхъ грѣшатъ относительно истребленія средствъ къ существованію будущихъ поколѣній.

Кромѣ вѣсомыхъ веществъ, существуютъ еще тѣла непознаваемыя чувствами, но о существованіи которыхъ нельзя не заключить съ совершенною увѣренностью; такъ, напримѣръ, изъ зеркальнаго изображенія заключаютъ о существованіи предмета, произведшаго его.

Для нашей цѣли достаточно указать на то, что свѣтъ и теплота, исходящіе отъ солнца, нуждаются въ средствѣ для ихъ передачи. Въ настоящее время для объясненія явленій свѣта и теплоты прибѣгаютъ къ теоріи волнистыхъ движеній, происходящихъ въ чрезвычайно тонкой и повсюду распространенной жидкости, эфирѣ.

Теорія же свѣта Ньютона, названная имъ эмиссіонной (по той причинѣ, что по ней сущность свѣта заключается въ выбрасываніи всякимъ свѣтящимся тѣломъ частицъ, которыя, достигая до глаза, производятъ впечатлѣніе свѣта), въ настоящее время уже совершенно оставлена, потому что не была въ состояніи объяснить позже открытыхъ свѣтовыхъ явленій, какъ напримѣръ интерференціи свѣта, наглядно доказанной Френелемъ посредствомъ двухъ зеркалъ,—тогда какъ теорія волнистыхъ движеній свѣта до сихъ поръ въ состояніи объяснять всѣ свѣтовыя явленія. Кромѣ того теорія волнистыхъ движеній, открытая Гюйгенсомъ одновременно съ теоріею Ньютона, представляетъ полнѣйшее согласіе и другими теоріями волнистыхъ движеній звука и теплоты,—тогда какъ Ньютонова теорія стоитъ совершенно изолированно отъ нихъ. Далѣе, для объясненія различныхъ цвѣтовъ, теорія Ньютона требуетъ вспомогательной гипотезы: именно, что впечатлѣніе различныхъ цвѣтовъ зависитъ отъ разнородности высылаемыхъ частицъ свѣта; между тѣмъ какъ различіе цвѣтовъ теоріею волнистыхъ движеній объясняется простона-просто различною быстротою движеній частицъ эфира,—подобно тому, какъ и различные звуки объясняются различною быстротою движеній воздушныхъ волнъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о чрезвычайно интересномъ явленіи интерференціи свѣта. Френель несомнѣнно доказалъ, что точка, освѣщенная двумя источниками свѣта, можетъ имѣть различную степень ясности, смотря по разности разстояній ея отъ обоихъ источниковъ свѣта. Для производства своихъ опытовъ, онъ взялъ два черныя стекла, поставилъ ихъ вертикально почти на прямой линіи, такъ-что они образовали очень тупой уголъ, а передъ ними на нѣкоторомъ разстояніи помѣтилъ ширму, для принятія отраженнаго отъ стеколъ свѣта. Оба эти стекла онъ освѣтилъ узкимъ пучкомъ свѣта, пущеннымъ черезъ ставень, находящійся сбоку одного изъ зеркалъ. Если бы эти стекла находились на одной линіи, то свѣтъ, отраженный отъ нихъ на ширму, вездѣ бы отражался только отъ одного стекла; но такъ какъ они образуютъ между собою тупой уголъ, то на ширмѣ будетъ находиться полоса, освѣщенная отраженнымъ свѣтомъ отъ обоихъ стеколъ. Середина этой полосы остается свѣтлою при всякомъ положеніи источника свѣта, наклоненіи стеколъ и разстояніи ширмы. Причина этого зависитъ отъ того, что эта средина одинаково удалена отъ обоихъ источниковъ отраженнаго свѣта, которые сразу, въ одинъ и тотъ же моментъ, высылаютъ свѣтъ. Изъ этого видно, что два свѣтовые луча одинаковаго свойства, т. е. выходящіе изъ одинаковыхъ источниковъ свѣта и освѣщающіе точку одинаково удаленную отъ нихъ обоихъ, взаимно усиливаютъ другъ друга. Совсѣмъ другое происходитъ при соединеніи лучей свѣта, неимѣющихъ одинакихъ свойствъ,—доказательство чего мы и видимъ въ мѣстахъ ширмы, находящихся по обѣ стороны середины свѣтлой полосы; оно заключается въ томъ, что тутъ находятся ряды цвѣтовъ, переходящихъ другъ въ друга до тѣхъ поръ, покуда они сдѣлаются совершенно неясными. Эти цвѣта, смотря по разстоянію ширмы и увеличенію или уменьшенію угла наклоненія стеколъ, измѣняютъ свое положеніе, сближаются и наконецъ, при наклоненіи зеркалъ подъ угломъ въ 170°, сливаются, такъ что болѣе уже ничего не видно.

Эти явленія дѣлаются несравненно проще, если на стекла пустить не бѣлый обыкновенный цвѣтъ, а какой нибудь одинъ изъ цвѣтовъ солнечнаго спектра. Тогда вмѣсто ряда цвѣтовъ являются только свѣтлыя и темныя полосы, потому что тогда отъ комбинаціи разнокачественныхъ лучей свѣта не можетъ уже являться преобладающимъ какой нибудь цвѣтъ, а являются только болѣе свѣтлыя или темныя полосы.

Все это показываетъ, что свѣтъ, дѣйствуя на свѣтъ, можетъ производить тьму и что ясность соединеннаго свѣта зависитъ отъ разности пути, пройденной обоими встрѣтившимися лучами свѣта. Поэтому ясность соединеннаго свѣта бываетъ различная,—причемъ съ увеличеніемъ разности пути двухъ встрѣтившихся лучей свѣта—сначала она уменьшается, потомъ увеличивается, опять уменьшается и т. д., совершенно такъ же, какъ при встрѣчѣ двухъ водяныхъ волнъ; смотря потому, какими частями онѣ сталкиваются, соединенная волна бываетъ слабѣе или сильнѣе, на чемъ и основано сказаніе о пресловутомъ девятомъ валѣ.

Дѣлимость матеріи и ея неразрушаемость составляютъ существенныя основанія такъ-называемой атомистической теоріи, принимающей, что малѣйшія частицы или атомы неразрушимы, имѣютъ протяженіе и что тѣла образованы наложеніемъ ихъ другъ на друга.

Хотя дѣлимость вещества на практикѣ и прости-

рается до очень высокой степени, но до отдѣльныхъ атомовъ никогда не суждено добраться. Самыя маленькія инфузоріи, монады, едва видимыя при самыхъ сильныхъ увеличеніяхъ микроскопа, имѣютъ способность питаться и выдѣлять вещества негодныя уже для питанія; для этого же нужно имѣть поры, а поры никакъ не могутъ быть образованы на одномъ атомѣ,—слѣдовательно и эти монады представляютъ собою громадное скопленіе атомовъ! Точно такъ же мускусъ не теряетъ своего вѣса, наполняя своимъ запахомъ цѣлыя комнаты, въ теченіе многихъ лѣтъ; а сколько частицъ онъ потеряетъ за это время! Даже и человѣкъ, при помощи приборовъ, можетъ производить дѣленіе до значительно высокой степени; такъ напр. одинъ червонецъ можно расплющить на такіе тонкіе листочки, что ими можно покрыть всадника съ лошадью. Тонкіе листочки золота даже пропускаютъ черезъ себя зеленоватый цвѣтъ, чѣмъ и подрываютъ авторитетъ понятія о свойствѣ непрозрачности металловъ.

Какъ извѣстно, дѣятельность, возбуждаемая между атомами частичными силами, происходитъ только при самомъ тѣсномъ сближеніи, причемъ обыкновенное сближеніе на это не имѣетъ вліянія. Напротивъ того, многія явленія, какъ разстяженіе, сдавливаніе, сдвиженіе частицъ, безъ нарушенія ихъ связи, указываетъ на то, что разстоянія атомовъ сравнительно съ ихъ величиною очень значительны. Эти промежутки не пусты, на что́ указываютъ явленія свѣта и теплоты, но восполнены эфиромъ. По ученію оптики, внутри тѣлъ эфиръ болѣе плотенъ, — слѣдовательно, онъ притягивается вѣсомою матеріею; между частицами же эфира замѣтно только отталкиваніе.

При знаніи законовъ явленій природы, послѣднія могутъ быть предвидимы, а точное знаніе всѣхъ ихъ составило бы всевѣдѣніе естествознанія.

Примѣромъ научнаго предвидѣнія можно привести то обстоятельство, какъ Леверрье, разсматривая карту планетной системы, пришелъ къ тому заключенію, что (для существующаго равновѣсія въ движеніи планетъ) за Ураномъ необходимо должна еще находиться другая планета, которую назвали Нептуномъ,—вычислилъ ея величину, путь, и даже указалъ, гдѣ ее слѣдуетъ искать въ данный моментъ, что́ и оправдалось на опытѣ. Точно такъ же, по вычисленію части пути нѣкоторыхъ кометъ, (именно тѣхъ, пути которыхъ все еще предоставляютъ эллипсъ, хотя и очень растянутый, а не переходятъ въ раскрытую линію вслѣдствіе болѣе сильнаго притяженія другихъ звѣздъ, по мѣрѣ приближенія къ нимъ и отдаленія отъ солнца) было предсказано ихъ возвращеніе, какъ наприм. для кометы Энке. Предсказаніе же солнечныхъ и лунныхъ затмѣній теперь уже составляетъ самое обыкновенное дѣло, тогда какъ прежде эти явленія, по своей необыкновенности, наводили ужасъ на цѣлыя страны, обитаемыя невѣжественными народами.

Въ настоящее время мы еще безконечно далеки отъ этой цѣли человѣческихъ стремленій. Она все болѣе и болѣе удаляется отъ насъ, по мѣрѣ того какъ мы приближаемся къ ней. Какъ ни велика масса новаго, ежегодно открываемаго, но масса неизслѣдованнаго еще не уменьшается; напротивъ того, область ея все болѣе и болѣе расширяется передъ взоромъ, изощреннымъ упражненіемъ, по мѣрѣ того какъ мы въ нее проникаемъ.

Всего менѣе мы знаемъ о вещахъ, находящихся въ тѣснѣйшемъ къ намъ отношеніи, о силахъ органической природы и ихъ законахъ.

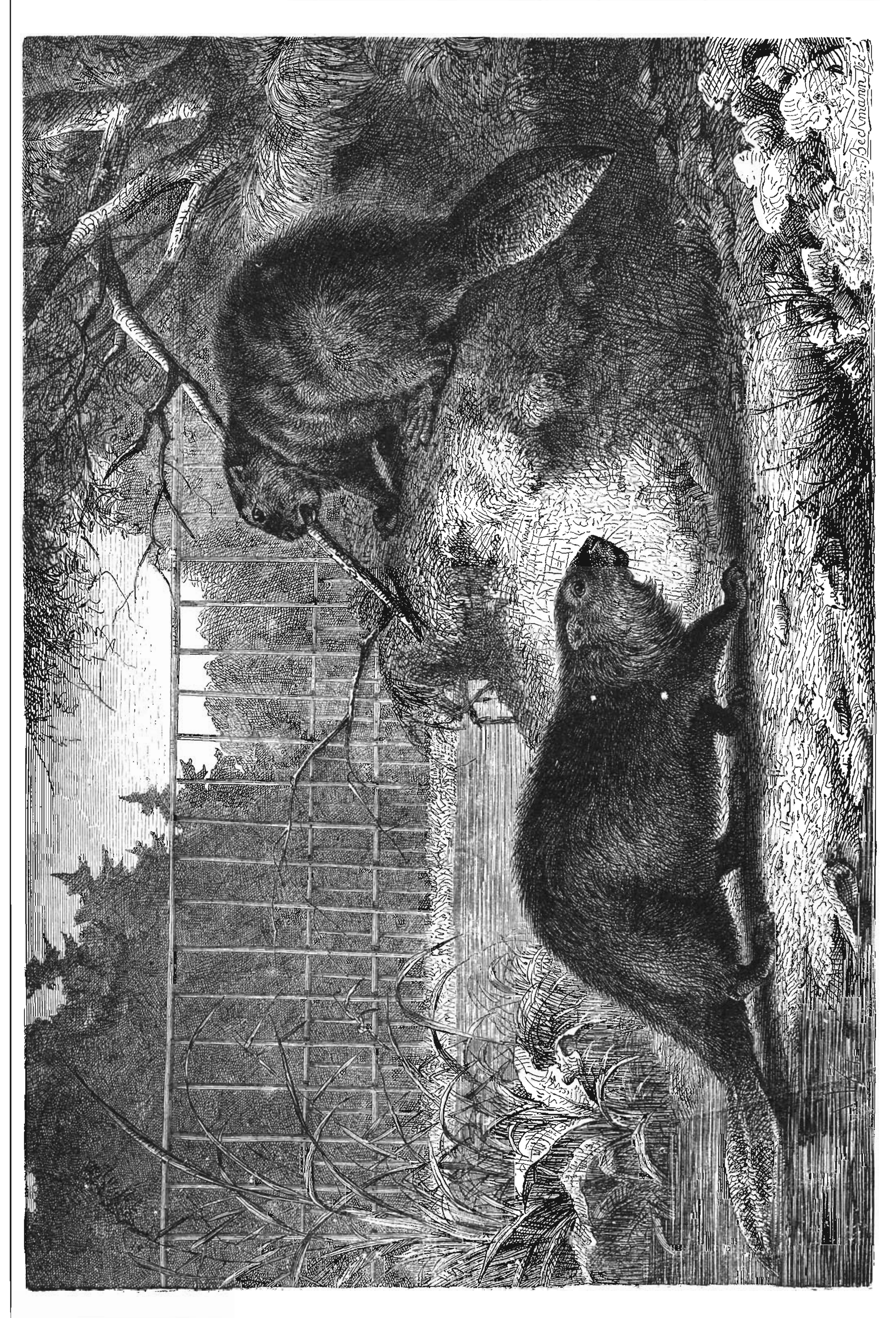
Физика и химія открыла въ достаточномъ количествѣ законы, выраженные очень простымъ образомъ, по мѣрѣ и числу. Для явленій же такъ-называемой живой природы они еще не добыты. Старанія талантливыхъ ученыхъ привести въ извѣстность образованіе и развитіе даже самой простой органической клѣточки до сихъ поръ оставались еще тщетны.

Извѣстно, что силы неорганической природы дѣйствуютъ также и въ органической. Движеніе соковъ въ растеніяхъ, крови въ жилахъ животныхъ, процессъ дыханія, пищеваренія и проч. совершаются по законамъ, которые, при подобныхъ обстоятельствахъ, не отличаются отъ законовъ неорганической природы.

Для наглядности этого положенія возьмемъ примѣры. Такъ, движеніе соковъ растеній, насколько это изслѣдовано, главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ эндосмоза, отъ свойства оболочки клѣточекъ (изъ которыхъ образованы всѣ растенія и животныя) всасывать съизвнѣ черезъ свои поры болѣе жидіе растворы, чѣмъ тѣ которые находятся въ самихъ клѣточкахъ. Эта способность поддерживается постояннымъ выдѣленіемъ воды изъ листьевъ отъ дѣйствія теплоты, которое у растеній достигаетъ огромныхъ размѣровъ, потому-что, по опытамъ Гельса, подсолнечникъ въ $3^1/_2$ фута высоты ежедневно среднимъ числомъ испаряетъ воды 1 фунтъ 4 унціи. Такимъ образомъ листья, дѣйствуя подобно насосу, постоянно поддерживаютъ извѣстную степень концентраціи сока въ клѣточкахъ—и этимъ обусловливаютъ возможность эндосмоза. При эндосмозѣ растеній конечно слѣдуетъ принимать въ разсчетъ специфическія свойства клѣточекъ, зависящія отъ ихъ состава. По этой-то причинѣ одно растеніе преимущественно всасываетъ одни вещества, а другое — другія; но абсолютной способности всасывать только необходимыя для себя вещества—нѣтъ ни у растеній, ни у животныхъ, что́ видно изъ того, что какъ тѣ такъ и другія всасываютъ и ядовитыя вещества. Еслибы этой способностью обладали животныя, то тогда на нихъ не дѣйствовалъ бы ядъ—и они не отравлялись бы.

Явленія эндосмоза открыты Дютроше и въ настоящее время имѣютъ примѣненіе на практикѣ. Это примѣненіе сдѣлано Гремомъ—и при анализѣ веществъ служитъ для отдѣленія минеральныхъ растворовъ отъ органическихъ веществъ смѣшанныхъ съ ними, для той цѣли, что присутствіе органическихъ веществъ маскируетъ неорганическія и вмѣстѣ съ этимъ не позволяетъ открывать ихъ обыкновенными реакціями, характерными для нихъ. Этимъ пользуются для отдѣленія мышьяка въ случаѣ отравы. Для этой цѣли испытуемую жидкость выливаютъ въ сосудъ, образованный изъ деревяннаго или гуттаперчеваго обруча, затянутаго пузыремъ или растительнымъ пергаментомъ (бумагою, обработанною купоросным маслом). Этотъ сосудъ, названный Гремомъ діализаторомъ (а самое явленіе — діализомъ), опускаютъ на воду и оставляютъ на ней плавать сутки или двое. Въ это время большая часть мышьяка переходитъ въ воду, на которой плаваетъ діализаторъ.

(Продолженіе будетъ).

Бобръ.

Судебная хроника.

I. Нечаевское дѣло. На разсмотрѣніе дѣла о подсудимыхъ *третьей* группы употреблено было судебной палатой семь дней, отъ 16-го до 22-го августа. Въ эту группу вошло 15 человѣкъ, изъ которыхъ судились только 13, такъ-какъ двое изъ обвинявшихся, во время содержанія подъ стражею, умерли. Составъ подсудимыхъ третьей категоріи разнообразнѣе двухъ первыхъ группъ: въ нее входитъ студенты Медико-Хирургической Академіи (де-Тейльсъ и Поповъ), студенты Технологическаго Института (Росляковъ, Лазаревскій и Дебогорій-Мокріевичъ), студенты Земледѣльческаго Института (Святскій и Ковалевскій), слушатель Петровской Академіи (Викторъ Лунинъ), отставной подпоручикъ (Иванъ Лихутинъ), сестра его (Ек. Лихутина), жена поручика (Юлія Бобарыкова), жена коллежскаго совѣтника (Александровская) и жена дворянина (Любовь Воронцова). Лица эти обвинялись: одни въ томъ, что принимали участіе въ дѣйствіяхъ составленнаго въ Москвѣ заговора, зная о цѣли его; другіе, что хотя и не принимали прямаго въ этомъ дѣлѣ участія, но, зная о существованіи тайнаго общества, не донесли о томъ правительству; наконецъ третьи, что, по подговору Нечаева, посредствомъ угрозъ и обмана, заставили дворянина Калачевскаго выдать имъ вексель въ 6,000 рублей. Участіе первыхъ въ дѣйствіяхъ московскаго общества, по словамъ обвинительнаго акта, состояло въ томъ, что они сносились съ членами московскихъ кружковъ: Кузнецовымъ, Нечаевымъ и княземъ Черкезовымъ, получали отъ нихъ прокламаціи, прочитывали ихъ, не распространяя однако, давали убѣжище у себя пріѣзжимъ изъ Москвы членамъ, по приглашенію ихъ ѣздили туда для переговоровъ,—причемъ Иванъ Лихутинъ выдавалъ себя за агента женевскаго революціоннаго комитета, а подсудимая Александровская, уступая просьбамъ и даже угрозамъ Нечаева, согласилась съѣздить съ нимъ въ Женеву и возвратилась оттуда съ прокламаціями преступнаго содержанія, но на границѣ была арестована. На слѣдствіи подсудимые объяснили: Иванъ Лихутинъ—что «сочувствовалъ революціоннымъ идеямъ и надѣялся достичь путемъ возстанія не того демократическаго правленія, о которомъ мечталъ Нечаевъ, но только представительнаго правленія съ бо́льшею, относительно, свободою личности и слова...»; студентъ де-Тейльсъ—что причины, побудившія его вступить въ организацію, заключались въ томъ его убѣжденіи, вынесенномъ изъ непосредственныхъ наблюденій надъ положеніемъ народа, «что земледѣльческими ассоціаціями, о которыхъ онъ мечталъ прежде, нельзя принести никакой пользы народу»; что при бѣдственномъ положеніи массы, никакія спеціальныя знанія, вносимыя въ нее образованными людьми, не могутъ имѣть дѣйствительнаго примѣненія—и потому де-Тейльсъ сознавая, что и онъ лично своею спеціальностью не въ состояніи помочь народу, убѣдился, что мирный путь невозможенъ. Г-жа Александровская объяснила, что уступила Нечаеву въ его просьбѣ ѣхать съ нимъ за границу только изъ опасенія преслѣдованія со стороны революціоннаго комитета; прокламаціи же, которыя были при ней, она намѣревалась представить по начальству. По выслушаніи обвинительной рѣчи прокурора Половцова и рѣчей одиннадцати защитниковъ, судебная палата постановила приговоръ, по которому подсудимые: Ив. Лихутинъ, де-Тейльсъ и Александровская признаны были виновными «въ принятіи участія въ дѣйствіяхъ составленнаго осенью 1869 года въ Москвѣ противозаконнаго сообщества, направленнаго къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка государственнаго устройства»; Екатер. Лихутина—виновною «въ недонесеніи о существованіи вышеупомянутаго сообщества», но, за силою 128 ст. улож. о наказ., неподлежащею наказанію. Кромѣ того, палата нашла виновными: Ив. Лихутина еще въ томъ, что «изъ личныхъ видовъ согласилъ другихъ вовлечь дворян. Калачевскаго, чрезъ умышленное сообщеніе ему ложныхъ извѣстій о предстоящемъ ему арестѣ, къ невыгодной для него, Калачевскаго, сдѣлкѣ по имуществу», и Александровскую—въ томъ еще, что «покушалась на злоумышленное распространеніе преступныхъ сочиненій». Остальные восемь подсудимыхъ судомъ оправданы. На основаніи вышеизложеннаго, судъ приговорилъ: 1) подсудимую Александровскую, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе, въ мѣста не столь отдаленныя; 2) Лихутина, по лишенію нѣкоторыхъ, означенныхъ въ ст. 50 улож. особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить въ смирительный домъ на годъ и 4 мѣсяца, а по освобожденіи отдать его подъ надзоръ полиціи на 1 годъ; 3) де-Тейльса заключить въ тюрьму на 4 мѣсяца, съ оставленіемъ, по освобожденіи изъ тюрьмы, подъ надзоромъ полиціи въ продолженіе 5-ти лѣтъ».

II. Дѣло Огарева. О дѣлѣ этомъ въ свое время много говорили какъ въ печати, такъ и въ обществѣ. Самые противорѣчивые слухи еще болѣе усиливали интересъ къ нему и желаніе, чтобы оно разбиралось гласно. Интересъ сосредоточивался отчасти на лицахъ, обвиняемыхъ въ растратѣ дворянскихъ денегъ,—частію на томъ, какимъ образомъ дворянство Владимірской губерніи отнеслось къ преступленію содѣянному его представителемъ,—и наконецъ на самомъ судѣ, назначенномъ по этому дѣлу. Слѣдствіе по означенному преступленію началось еще въ 1867 году, и только 21-го августа настоящаго года дѣло могло быть назначено къ слушанію въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Сената, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Всѣхъ обвиняемыхъ 15 человѣкъ. Во главѣ ихъ стоитъ бывшій предводитель дворянства Владимірской губерніи Мих. Огаревъ; затѣмъ слѣдуютъ: уѣздный предводитель дворянства Рейнвальдъ, депутатъ владимірскаго дворянства и казначей депутатскаго собранія Рангъ и 12 другихъ депутатовъ дворянства той же губерніи. Сущность дѣла состоитъ въ слѣдующемъ:

При пріемѣ въ мартѣ 1867 года, бывшимъ владимірскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства графомъ Апраксинымъ, отъ исправляющаго временно эту должность Рейнвальда, дворянской кассы, оказался значительный недочетъ дворянскихъ денегъ, который, по приведеніи новымъ предводителемъ въ извѣстность, составилъ сумму въ 78 тыс. рублей. По обстоятельствамъ дѣла и по собственному сознанію, обвиненіе въ растратѣ этихъ денегъ пало на предмѣстника графа Апраксина, бывшаго губернскаго предводителя, коллежскаго совѣтника Огарева; причемъ прикосновеннымъ къ дѣлу лицомъ оказался также и г. Рейнвальдъ. Кромѣ того, къ суду привлечены были и 13 уѣздныхъ депутатовъ. Подробное разсмотрѣніе всего производства по этому дѣлу привело къ убѣжденію, что общая сумма растраченныхъ Огаревымъ денегъ составляетъ только 62 тыс. руб. Деньги эти взяты были имъ въ разное время и изъ разныхъ суммъ, а именно: 18,950 р. взяты изъ наличнаго капитала владим. дворянства и замѣнены росписками Огарева и другихъ лицъ; 1,695 р., полученные отъ мировыхъ посредниковъ, истрачены имъ также неизвѣстно на что; затѣмъ слѣдуютъ 12 тыс. рублей, отпущенныя дворянствомъ, въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, на содержаніе канцеляріи двор. депут. собранія, но не показанныя въ расходѣ; наконецъ, 30,232 рубля, оставшіеся у Огарева послѣ покупки процентныхъ бумагъ на суммы институтскаго капитала. Кромѣ растраты дворянскихъ денегъ на сумму 62 т. рублей, Огаревъ обвиняется еще въ нѣкоторомъ подлогѣ: такъ, получивъ отъ князя Голицына выкупное свидѣтельство въ 27,380 рублей для покрытія сдѣланныхъ растратъ, онъ предложилъ дворянскому депутатскому собранію записать его на приходъ какъ пріобрѣтенное будто бы на имя дворянства на деньги изъ институтскаго капитала. На

самомъ же дѣлѣ—выкупное свидѣтельство было взято Огаревымъ на сохраненіе, подъ росписку, съ обязательствомъ возвратить его владѣльцу по первому требованію, но возвращено не было. При производствѣ слѣдствія о растратѣ дворянскихъ денегъ, обнаружились важныя упущенія со стороны депутатовъ дворянства, которымъ поручена была повѣрка денежныхъ суммъ. Въ силу укоренившагося обычая, основаннаго на довѣріи къ губернскому предводителю, какъ объяснили гг. депутаты, повѣрка эта состояла только въ подписаніи акта осмотра; денежныя же суммы Огаревъ самъ вынималъ изъ сундука и провозглашалъ ихъ цѣнность; при этомъ кто изъ присутствовавшихъ желалъ, тотъ клалъ на счеты. Этимъ и объясняется полное невѣдѣніе дворянъ о состояніи ихъ денежной кассы. Когда же, впослѣдствіи, при пріемѣ должности графомъ Апраксинымъ, обнаружились всѣ дѣйствія бывшаго предводителя, то большинство дворянства рѣшило не предавать Огарева уголовной отвѣтственности,—на томъ основаніи, что сдѣланныя имъ затраты были вынуждены ограниченностью его средствъ, а должность предводителя безвозмездная; взамѣнъ же этого и не смотря на обнаруженное преступленіе, Огаревъ былъ избранъ предводителемъ еще на второе трехлѣтіе—и не вступилъ въ эту должность только потому, что не было избрано втораго кандидата. Наконецъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, дворянство Владимірской губерніи рѣшилось отказаться и отъ гражданскаго иска противъ Огарева. Участіе другихъ подсудимыхъ въ настоящемъ дѣлѣ, по словамъ обвинительнаго акта, состояло въ томъ, что Рейнвальдъ и Рангъ знали о растратѣ дворянскихъ денегъ и не донесли объ этомъ; кромѣ того, первый — что не исполнилъ правилъ, необходимыхъ при пріемѣ должности; а второй—что скрылъ растрату, которая ему, какъ дворянскому казначею, не могла не быть извѣстна во всей подробности; двѣнадцать же остальныхъ депутатовъ обвинялись въ неповѣркѣ суммъ на самомъ дѣлѣ, послѣдствіемъ чего было допущеніе растраты денегъ въ громадномъ количествѣ. — По выслушаніи обвинительной рѣчи товарища оберъ-прокурора Стадольскаго и рѣчей защитниковъ (Огарева защищалъ князь Урусовъ), присяжные вынесли приговоръ, которымъ признали колл. совѣтника Огарева виновнымъ какъ въ растратѣ принадлежащихъ владимірскому дворянству суммъ, такъ и въ преступленіи, взводимомъ на него по поводу выкупнаго свидѣтельства князя Голицына, но заслуживающимъ снисхожденія. Остальные подсудимые признаны невиновными. На основаніи этого вердикта присяжныхъ, Сенатъ постановилъ: 1) «бывшаго владимірскаго губернскаго предводителя дворянства Огарева, на основаніи 152, 354, 362 ст. улож., и 828 ст. уст. угол. судопр., лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Тобольскую губернію, о чемъ, на точномъ основаніи 945 ст. уст., представить на Высочайшее усмотрѣніе Его Императорскаго Величества. 2) Прочихъ подсудимыхъ признать по суду оправданными. 3) На основаніи 316 ст. уст., подсуд. Огарева, впредь до исполненія приговора, подвергнуть домашнему аресту».

Политическое обозрѣніе.

Едва только успѣло забыться настроеніе парижанъ по случаю 15-го августа (именинъ Наполеона III), какъ французскому правительству представились новыя заботы—принятіе мѣръ противъ неугомонныхъ французовъ, собиравшихся праздновать годовщину сентябрской революціи. Извѣстно, что 4-е сентября прошлаго года было во Франціи днемъ провозглашенія революціи и образованія временнаго правительства съ Гамбеттой во главѣ. Съ тѣхъ поръ прошелъ годъ—и во Франціи многое измѣнилось къ лучшему. За это время ей пришлось пережить самыя тяжелыя испытанія: пораженія подъ Седаномъ, Метцомъ, Страсбургомъ, взятіе Парижа, Франкфуртскій миръ, владычество Коммуны, бомбардированіе Парижа версальскими войсками, разрушеніе и пожаръ его, терроръ со стороны побѣдителей и побѣжденныхъ, созывъ Національнаго Собранія, борьбу партій и, наконецъ, торжество умѣренныхъ республиканцевъ, выразившееся избраніемъ Тьера въ президенты республики. Предвидя новыя демонстраціи по поводу годовщины 4-го сентября и зная очень хорошо характеръ французовъ, правительство Тьера рѣшило не праздновать этого дня; съ этою цѣлью былъ разосланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ циркуляръ, которымъ воспрещались всякія публичныя празднества по случаю годовщины провозглашенія революціи. Намѣреніе правительства было поддержано печатью, столичною и провинціальною, признавшею всю неумѣстность подобнаго празднованія, особенно ввиду занятія страны иностранными войсками. То же самое было выражено представителями правительственной и общественной власти во многихъ городахъ Франціи. Такимъ образомъ, день 4-го сентября прошелъ совершенно спокойно, если не считать мирнаго закрытія мастерскихъ, опустѣвшихъ послѣ полудня, да празднованія четырехъ республиканскихъ газетъ, которыя въ этотъ день совсѣмъ не выходили. Тѣмъ не менѣе, правительствомъ, на всякій случай, были приняты самыя рѣшительныя мѣры: войскамъ предписано остаться въ казармахъ, по улицамъ весь день ходили сильные патрули, въ одинъ Ліонъ могло двинуться до 50,000 войска...

Гораздо серіознѣе движеніе, начавшееся въ провинціяхъ по поводу присвоенія Національнымъ Собраніемъ правъ собранія учредительнаго. Надо замѣтить, что нынѣшнее Національное Собраніе Франціи было созвано и избрано только для того, чтобы высказаться по вопросу: должна-ли продолжаться война Франціи съ Германіей—и если нѣтъ, то на какихъ условіяхъ долженъ быть заключенъ миръ. Такъ-какъ давно ожидаемый миръ уже наступилъ и такъ-какъ, съ другой стороны, страна нуждается въ упроченіи настоящаго правительства, основаннаго верховной волею народа,— то полномочія нынѣшняго собранія должны скоро окончиться и будетъ избрано новое собраніе, съ болѣе опредѣленнымъ характеромъ. Въ такомъ направленіи высказываются провинціи, представляющія президенту Національнаго Собранія прошенія о распущеніи этого учрежденія. По разсчетамъ газетъ, собрано уже до 500 тысячъ подписей; но число ихъ постоянно увеличивается и, какъ увѣряютъ, будетъ весьма значительно. Поддерживаемые избирателями, депутаты лѣвой стороны, нѣсколько дней тому назадъ, представили въ Собраніе проектъ закона объ избраніи новаго Собранія и о распущеніи настоящаго. Проектъ этотъ подписанъ 56 депутатами, въ томъ числѣ: Эдгаромъ Кинэ, Луи-Бланомъ и Гамбеттой. Изъ послѣднихъ новостей можемъ сообщить ту, что 28-го августа началось очищеніе парижскихъ фортовъ и четырехъ ближайшихъ къ Парижу департаментовъ отъ нѣмецкихъ войскъ. Увѣряютъ, что къ концу этой недѣли оно будетъ окончено.

О гаштейнскихъ переговорахъ между представителями Германіи и Австріи ходятъ слухи такого рода, что будто бы эти государства, «отказываясь прежде всего сами отъ всякаго наступательнаго образа дѣйствій, будутъ противиться самымъ рѣшительнымъ образомъ всякому нарушенію мира»— со стороны какой-либо изъ европейскихъ державъ. Бельгійскія газеты, обсуждая эту политическую программу, выражаютъ недоумѣніе о томъ, кого именно подразумѣваютъ здѣсь подъ именемъ державъ, стремящихся къ нарушенію мира. Перебирая всѣ государства Европы, онѣ не могутъ остановиться ни на одномъ изъ нихъ, такъ-какъ въ настоящее время, дѣйствительно, нѣтъ державы, которая обна-

руживала бы желаніе и возможность затѣвать новую войну, не обезпечивъ себя надежнымъ образомъ въ будущемъ. Подъ обезпеченіемъ же надо разумѣть: съ одной стороны, перевооруженіе арміи и вообще преобразованіе ея на новыхъ началахъ; а съ другой—коалиціи (союзы) державъ, составленныя «на всякій случай». Этотъ послѣдній характеръ получаетъ въ глазахъ всѣхъ и гаштейнское свиданіе, на которомъ обѣ державы обѣщали одна другой свое содѣйствіе — подъ условіемъ признанія за каждой изъ нихъ настоящаго мѣста въ семьѣ европейскихъ державъ. О сущности переговоровъ сообщено главнѣйшимъ европейскимъ кабинетамъ «для свѣдѣнія»; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Итальянскій, изъявили уже полное свое согласіе съ началами, принятыми въ руководство на этомъ свиданіи.

Одна только Англія, повидимому, больше занята своими внутренними дѣлами, чѣмъ политическими свиданіями континентальныхъ правителей. Въ этой странѣ подготовляется серіозное неудовольствіе противъ Верхней Палаты, по поводу недавнихъ рѣшеній ея объ избирательномъ биллѣ и объ упраздненіи продажи чиновъ въ арміи. Въ этихъ двухъ вопросахъ Палата Лордовъ высказалась противъ либеральныхъ предложеній министерства, чѣмъ сильно возстановила противъ себя общественное мнѣніе. Министръ Гладстонъ получаетъ отъ разныхъ учрежденій и рабочихъ ассоціацій адресы, выражающіе сочувствіе либеральнымъ вчинаніямъ министерства и порицающіе поведеніе Верхней Палаты, которая идетъ въ разрѣзъ съ рѣшеніями «народной палаты»; произноситъ рѣчи передъ собраніемъ рабочихъ, которые не могутъ не сознавать, что дѣло Гладстона есть ихъ собственное дѣло,—что поддержка его министерства есть поддержка демократическихъ принциповъ, развивающихся въ ихъ отечествѣ,—что, наконецъ, настало время для реформъ болѣе глубокихъ и болѣе дѣйствительныхъ. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить также сочувствіе англичанъ движенію феніевъ; послѣдніе, не смотря на запрещеніе полиціи и на первую неудачу, устроили-таки громадный митингъ въ паркѣ Феникса, въ Дублинѣ. Но въ этотъ разъ не было никакой торжественности и никакихъ серіозныхъ безпорядковъ. Постановили обратиться къ королевѣ съ прошеніемъ объ освобожденіи политическихъ преступниковъ. Мечта о самобытной Ирландіи, какъ видно, не покидаетъ феніевъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою 3 Сентября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.-П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Тип. [illegible] д. № 45—1.

№ 37. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 13 сентября 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петпта. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехія) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Сватьба на привалѣ.

(Разсказъ странствующаго актера).

Родина моя далеко отстоитъ отъ знаменитаго, многими прославленнаго града святаго Петра. Она лежитъ въ той чудной, славной мѣстности, гдѣ желѣзо, различныхъ видовъ и родовъ металлы, а также восточный, горный хрусталь—ни-почемъ; гдѣ лихаго, веселаго народа премногое множество, гдѣ фабричные и заводскіе—все люди толковые, здравомыслящіе, бывалые, тонкіе, кремнистые: законы по статьямъ безъ запинокъ читаютъ... Въ такой цивилизованной сторонѣ мнѣ предстояла легкая возможность просвѣтиться, понабраться уму-разуму въ то время, когда я остался бездомнымъ, круглымъ сиротою, схоронивъ отца на четырнадцатомъ году отъ моего появленія на свѣтъ... Царство ему небесное! — Хлѣбное мѣсто имѣлъ, былъ солянымъ приставомъ, а мнѣ, сердечному, только-что и оставилъ двѣ пары старыхъ сапоговъ, форменную пару, да еще шинель, которую взялъ отъ меня торговецъ табакомъ за долгъ покойнаго. Матушки своей я и не помню; давно она, бѣдная, исчезла съ лица земли,—думаю, еще въ то время, когда я былъ полуживымъ, безсмысленнымъ подобіемъ ребенка. Образованіе я кой-какое имѣлъ, писать былъ мастеръ, букву выводилъ съ оттѣнками, съ колеромъ, съ преотважными завитками, а надо вамъ сказать, что еще въ тридцатыхъ годахъ у насъ на провинціи, напримѣръ, за крючковатое *Б*, или тамъ за курчавое *В*, на вводномъ листѣ или купчей, всегда платились лишнихъ два двугривенничка. Нашелся у меня благодѣтель, крестный отецъ мой, столоначальникъ гражданской палаты, онъ-то и взялъ меня къ себѣ въ писцы. Утвердили меня въ этой должности,—и по особенному ходатайству крестнаго, на первый разъ, не въ примѣръ другимъ, назначили жалованья пять рублей двадцать шесть копѣекъ, то-есть, на нынѣшнія деньги, полтора цѣлковыхъ. Крестный былъ у меня примѣрный, добродѣтельнѣйшей души человѣкъ, а потому радушно предоставлялъ мнѣ кой-какіе доходы, такъ что въ хорошій, урожайный мѣсяцъ въ карманъ мой перепадало до двадцати-пяти, а иногда и слишкомъ, рублей ассигнаціями. Чего бы, кажется, больше и надо мальчишкѣ? Жить бы на эти деньги можно было припѣваючи... Такъ нѣтъ же: несчастная поэзія совершенно сбила меня съ толку; она, казалось, предстала предо мною во всемъ своемъ величіи, во всей своей красѣ и — какъ злосчастная, въ то же время плѣнительная искусительница—совсѣмъ забрала меня въ свои руки. Дѣло въ томъ, что я трагедій много зналъ. Выйду, бывало, въ лѣсокъ, а то и въ чистое поле, обращусь къ своду небесному или къ березамъ да и начну громогласно читать стихи, декламировать во всю мочь... Какъ это?.. Да...

Бояре, воеводы!
Чрезъ Донъ пришедшіе народы....

Декламаціи свои я всегда сопровождалъ подобающимъ выразительнымъ жестомъ, восторженнымъ голосомъ, и

съ самодовольною улыбкою кидалъ влѣво и вправо рукою.

Ну вотъ и дочитался же я наконецъ. Мнѣ было лѣтъ уже двадцать, а я все еще продолжалъ получать только пять рублей двадцать шесть копѣекъ, и окладное жалованье мое потому собственно не увеличивалось, что благодѣтель мой умеръ, а другаго Богъ не посылалъ; взять, значитъ, такого безкорыстнаго доброжелателя негдѣ было, наша сторонка не изобиловала ими.

Изъ памяти моей не изгладилось это достопамятное, такъ-сказать, происшествіе... въ началѣ лѣта 1838 г. пріѣхала, или пришла, не знаю достовѣрно, въ нашъ пресловутый городокъ цѣлая труппа актеровъ. Въ концѣ города, на самомъ выгонѣ красовался у насъ старый балаганъ, окутанный со всѣхъ сторонъ рогожами; въ балаганѣ этомъ хранилась когда-то казенная соль. Актеры выпросили у городничаго въ свое распоряженіе этотъ сквозной балаганъ, и на третій день толпа любопытныхъ уже читала огромную афишу, прибитую на поверстномъ столбѣ, поставленномъ рядомъ съ рогожными стѣнами театра. Афиша была въ высшей степени заманчива, да и о театрѣ-то у насъ почти не имѣли тогда понятія. Не могу въ точности припомнить названія піесъ, которыя шли въ первый спектакль, но знаю только одно вѣрно, что разыгрывалась какая-то потрясающая, разбойничья драма, съ кинжалами, сѣкирами и кистенями, а въ заключеніи актеръ Галактіонъ Трезубиновъ одинъ, при помощи парика и чепчика, разыгралъ мастерски піесу въ двухъ лицахъ. Я собралъ послѣдніе свои грошики и купилъ себѣ на нихъ билетъ... Не помню, какимъ образомъ возвратился я домой,—такое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня первый видѣнный мною спектакль!.. Знаю только — не спалъ я эту ночь, а бредилъ, бредилъ съ открытыми глазами... то мнѣ представлялся разбойничій вертепъ, и я въ немъ точу ножъ, какъ настоящій разбойникъ, товарищи же мои въ это время затягиваютъ: «внизъ по матушкѣ по Волгѣ» — и я пѣлъ, пѣлъ такъ неистово, что моя добродушная хозяйка не разъ подходила къ моей кровати, шептала что-то такое надо мною и осѣняла меня крестнымъ знаменіемъ,—а въ заключеніе, когда я на своемъ ложѣ вообразилъ себя главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, атаманомъ, умирающимъ подъ ножомъ есаула, и началъ судорожно какъ бѣшеный метаться на постели, хозяйка подумала что со мною приключился родимчикъ и накрыла меня поспѣшно сальной скатертью...

Начинало свѣтать. Тревожно проснулся я, наскоро одѣлся, и въ какомъ-то полуоцѣпенѣніи, полузабытьи выбѣжалъ на улицу. Накрапывалъ мелкій дождь; я не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, а шелъ себѣ впередъ быстрыми шагами, какъ будто уходилъ отъ кого, какъ будто бы за мной гналась цѣлая шайка разбойниковъ или лазутчиковъ... Но вотъ передо мною горка, а за горкой стоитъ огромная лужа. Переступаю я горку, храбро шагаю я въ лужу и—брызги воды, смѣшанной съ грязью, полетѣвшія мнѣ прямо въ лицо, заставляютъ меня очнуться. Я стоялъ уже у самаго театральнаго балагана, въ немъ слышался стукъ топоровъ и порядочная суматоха, возня. При входѣ въ высокое святилище музъ, на сосновомъ обрубкѣ помѣщался пожилой мужчина, съ предлиннѣйшими усами и съ лысой головой, какъ у болвана, на которомъ примѣряютъ чепчики. Несмотря на дождь перепадавшій на голову незнакомца, онъ спокойно сидѣлъ безъ верхняго платья и, крѣпко защемивъ свой орлиный носъ огромными, почти пудовыми мѣдными очищами, преусердно строчилъ иглою, штопая какую-то куртку голубаго плиса.

— Позвольте узнать, спросилъ я, обращаясь къ портному, который, какъ было видно, не страшился ни насморка, ни гриппа, — позвольте узнать, гдѣ я могу встрѣтить...

Портной не далъ мнѣ докончить начатаго вопроса и медленно приподнимаясь спросилъ:

— Що треба, що кажите, папычъ?

— Я говорю, что мнѣ желательно было бы встрѣтить хозяина труппы—и если возможно, то узнать, какъ его зовутъ.

— То-есть вамъ, панычъ, треба видѣть *антертрепенера* труппы... Асе я, а зовутъ мене Истукарій Кандидіанычъ, по хфамиліи Прудопрудченко... къ вашимъ услугамъ, панычъ... Що кажите?

— Такъ вы-то и есть сами хозяинъ? смѣшавшись повторилъ я.

— Самый настоящій *антертрепенеръ*. Що кажите?

Бодрость моя пропала окончательно, трепеща и заикаясь проговорилъ я:

— Видите ли, господинъ Прудопрудченко... у меня, такъ-сказать, сильнѣйшая страсть, непреодолимая охота къ представленіямъ... я-бы... желалъ бы... къ вамъ... въ актеры.

— Гмъ! спокойно прокашлянувъ, выразительно произнесъ почтенный старикъ, затѣмъ освободилъ свой носъ отъ тяжеловѣсныхъ очковъ, проницательно поглядѣлъ мнѣ въ глаза, потомъ внимательно оглядѣлъ меня съ ногъ до головы и съ головы до ногъ, и также спокойно проговорилъ:

— Можно. Вы, сударикъ мой, когда-нибудь грали? Ни?

— Никогда не игралъ.

— Ну, а кто же вамъ казавъ (говорилъ) що вы можете грать?

— Собственное мое чувство, самосознаніе...

— А що-нибудь прочитаете?

— Могу.

— Потруждайтесь-ко. Старикъ оставилъ свою работу, скрестилъ по наполеоновски руки и опустился на свое сѣдалище. — Ну, панычъ, смѣлѣе...

Не помню, какъ я оправился, собрался съ духомъ, и какъ прочелъ что-то изъ «Недоросля» или изъ «Ябеды». Не запомню хорошо.

— Эге!.. Да это-же, сударику мой, не совсѣмъ ледащe... Право! Гарно, гарно! А нуте-ко, панычъ, на роль любовника можете... а? У меня вотъ нема любовника, а послѣ завтра хотимъ непремѣнно давать «Пьятнадцатилѣтняго короля», и тамъ есть, бисъ его іюшь... такъ що-то мудровато зовется... да, бишь, Рюю-Гомецъ...

— Могу, отозвался я.

— Эге... дило, дило! Такъ пійдемте, я васъ счурую, ознакомлю съ вашими будущими товарищами: ребята теплые, вси таланты... у-ухъ же якіе важные таланты, тилько, бисъ ихъ знаетъ, пьютъ какъ лошади — хоть по ведру въ сутки. Да! почекайте... Условіе напередки: впервые жалованья не будете получать, а тилько одни харчи да уголъ, и то общій— въ сбивку... Мы вже вси артисты, настоящіе артисты! Гм!

Антрепренеръ широко распахнулъ створчатыя двери сарая—и мы вошли въ святилище музъ... Дѣйствительно, музы, т. е. первые корифеи труппы г. Прудопрудченки, въ полумракѣ сидѣли на полу кружкомъ и выправляли старые ржавые гвозди; первый трагикъ съ первымъ комикомъ строгали доски, статисты работали пилами и топоромъ.

— Это мы всѣ и всегда такъ трудимся до репетиціи, сказалъ Истукарій Кандидіановичъ Прудопрудченко. — Ложи строимъ... Хе! мастера народъ. А нуте, братпки! крикнулъ онъ, ведя меня за руку и обращаясь къ почтенному обществу тружениковъ, — Ястребовъ, Трезубиновъ, Силотаповъ, Аліандрова Людмила Васильевна... побачте — вотъ вамъ... любовникъ, знатный любовникъ. Читаетъ же... ай-я-яй, какъ добре читаетъ!.. Полюбите его, братики, да роль Рюю Гомеца пожалуйте.

Артисты - плотники тотчасъ же обступили меня, закидали вопросами — и такъ какъ наставалъ часъ антракта ихъ работамъ, то и потащили съ собою къ кипящему самовару.

— Взойдемте въ наши чертоги! сказалъ Ястребовъ, первый комикъ труппы и очень добрый малый.

— Пойдемте, пойдемте, прекраснѣйшій любовникъ, сказала ласковымъ голосомъ Людмила Васильевна, премиленькая и даже прекрасивая дѣвушка, актриса на всѣ руки, учившая роли по слуху за незнаніемъ грамотѣ.

— Ну, вотъ и помѣщеніе, хабура наша! сказалъ, потирая самодовольно руки, почтеннѣйшій Прудопрудченко, когда мы перешли сцену и, какъ говорится, проползли подъ приподнятую рогожку, исправлявшую должность драпировки и отдѣлявшую сцену отъ уборной; она же была и гостиная, и столовая и даже спальня странствующихъ бѣдняковъ. Уборная дѣлилась на двѣ части дырявымъ лоскутомъ старой декораціи. Лѣвую половину занимали женщины, а правую—мужчины.

За чаемъ явился графинчикъ съ водкой—и скоро съ миролюбивой, дружной семьею этихъ странствующихъ витязей я сдѣлался совершенно свой; хмурился на меня только одинъ изъ статистовъ, который служилъ въ должности суфлера и ламповщика и въ то же время мѣтилъ занять праздное амплуа перваго любовника.

Наконецъ, послѣ многихъ дружескихъ изліяній, роль любовника была мнѣ отдана и взято честное слово явиться завтра на репетицію, что̀ я съ готовностью обѣщалъ исполнить, клянясь и честью и совѣстью нетолько явиться на репетицію, но и предстать съ готовою ролью.

Въ палату я послалъ рапортъ о болѣзни съ своею добродушною хозяйкою, которая такъ тамъ росписала и раскрасила мой мнимый недугъ, что приходорасходчикъ, онъ же и экзекуторъ, строжайшимъ образомъ, подъ страхомъ лишенія мѣста, приказалъ сторожу выпроводить меня тотчасъ же, какъ только я покажусь въ передней. Въ отставку я не рисковалъ подавать; да и какъ, согласитесь сами, я могъ рѣшиться на такой важный шагъ до перваго дебюта?

Цѣлый день и затѣмъ всю слѣдующую ночь я усердно зубрилъ роль Рюи-Гомеца, а между тѣмъ, — красивое личико искусительницы, Людмилы Васильевны, которая на этотъ разъ должна была играть роль юнаго короля, ни на одно мгновеніе не оставляло меня въ покоѣ. Репетиція прошла удовлетворительно, сборъ на объявленный спектакль былъ еще удовлетворительнѣе, чему много способствовали четыре ложи, сооруженныя руками королевы, короля, герцогини, стражею, маршаломъ... словомъ, всѣми благородными, горделивыми испанцами поставленной комедіи.

Прудопрудченко былъ въ неописанномъ восторгѣ, самъ всѣхъ подкрашивалъ, подмалевывалъ, одѣвалъ, зашивалъ прорѣхи на костюмахъ. Меня завила и нарумянила Людмила Васильевна, за что̀ я осмѣлился поцѣловать ей заманчиво-пухленькую ручку.

Въ дырочку, прорванную въ занавѣсѣ, намъ удалось провѣдать, что сборъ у насъ блистательный, почему нѣкоторые изъ артистовъ начали уже громко поговаривать, что сегодня за ужиномъ кромѣ обыкновеннаго вареннаго картофеля должно̀ явиться и мясо и наливочка. Наставала для меня торжественная и вмѣстѣ страшная, рѣшительная минута. Я находился въ какомъ-то странномъ, ненормальномъ положеніи; бродилъ я въ какомъ-то полусознательномъ состояніи между кучами разбросанныхъ по полу париковъ и тамъ и тутъ раскиданныхъ костюмовъ; сердце мое было горячо, а кровь холодѣла въ жилахъ, духъ у меня занимался и била меня препорядочная лихорадка.

— Вызовите частицу запаса вашего мужества, будьте храбрѣе, приступайте къ дѣйствію смѣлѣе, говорила мнѣ, между прочимъ, Людмила Васильевна, а на сценѣ глядите прямо на меня... да попристальнѣе, посвободнѣе: не сведетъ...

— Озябъ, братику — съ перепугу трясовица завзяла... Нате-ко, братику, рюмочку кизлярочки и здоровеньки, храбреньки будемъ, замѣтилъ Прудопрудченко, щедрою рукою предложивъ мнѣ ободрительнаго.

Но вотъ раздалось роковое: «по мѣстамъ! по мѣстамъ!»

— Репликъ не забывайте только! скороговоркой поспѣшила сказать заботливая Людмила Васильевна, — а на сценѣ трынъ-трава, нипочемъ.

Піеса началась... Я стоялъ какъ на угольяхъ.

— Вамъ, братику! шепнулъ мнѣ нашъ Прудопрудченко. По первому выходу, мнѣ слѣдовало только перебѣжать сцену и произнести нѣсколько словъ, а затѣмъ скрыться на лѣво въ комнатахъ герцогини, что̀ я и исполнилъ съ прыткостью и ловкостью зайченка, да такъ скоро, что успѣлъ проговорить мою фразу только уже за декораціею—и такъ, что ни я зрителей, ни зрители меня, кажется, нетолько не замѣтили, но даже и словъ-то моихъ не разслышали...

Почтеннѣйшій Прудопрудченко немного нахмурился... Но мнѣ было не до него, теперь я уже не могъ отдѣлаться одною прыткостью ногъ: мнѣ, злополучному, предстояло вести цѣлую сцену съ королемъ, именно ту сцену, когда Карлъ, арестованный въ комнатахъ герцогини, встрѣчаетъ влѣзающаго въ окно Рюи-Гомеца... И полѣзъ я въ окно... но едва вступилъ я на сцену, какъ глаза мои были поражены встрѣчею съ сидящею въ ложѣ прямо передо мною важною личностью нашего предсѣдателя... Холодъ мигомъ обдалъ всѣ мои члены, ноги и руки судорожно задрожали, синеватая блѣдность покрыла лицо мое, — а предсѣдатель безжалостно продолжалъ свое дѣло, онъ ни на минуту не переставалъ съ напряженнымъ любопытствомъ лорнировать меня...

Но эта-то, повидимому, не слишкомъ счастливая встрѣча и принесла мнѣ полное счастіе. Публика, незнакомая съ ходомъ піесы и лишенная малѣйшаго понятія о положеніи дѣйствующихъ лицъ, вообразила, что офицеръ, встрѣтивъ неожиданно короля, долженъ непремѣнно устрашиться, придти въ испугъ, —и что этотъ-то именно испугъ я выражаю съ такимъ правдоподобіемъ, съ такою

поразительною высоко-артистическою точностью, какъ сама натура, естественность... Театръ при крикахъ «браво» задрожалъ отъ дружныхъ рукоплесканій—и долго слышалось это восторженное «браво», настоящую причину котораго знали только я да удивленный предсѣдатель... Я ободрился и повелъ сцену съ свободою бывалаго, стараго актера.

Испарина крупными каплями струилась съ моихъ висковъ, въ нихъ бойко бились всѣ жилки, когда я переступилъ планку декораціи и очутился лицомъ къ лицу съ Прудопрудченко.

Старикъ кинулся ко мнѣ на шею, обнялъ и крѣпко поцѣловалъ меня.

— Ну, братику, сказалъ онъ, — ты же артистъ великій... Якъ-то гарно злякався... ну, точно самого чорта, биса встрѣтилъ... великолѣпно!.. пусть хоть и роли не понялъ, да все-жь видно чудо сотворить можешь. Пійдемъ же, братику мой, пить кизляру.

Товарищи тоже меня поздравили. Одной только Людмилѣ Васильевнѣ сообщилъ я настоящую причину того эффекта, который въ спискѣ артистовъ Прудопрудченки поставилъ меня на первое амплуа. За откровенность мою Людмила Васильевна предложила мнѣ пару вяземскихъ коврижекъ, подаренныхъ ей какимъ-то поклонникомъ изъ офицеровъ гарнизонной команды.

На другой день, не желая выпускать изъ рукъ такого сокровища,—какъ назвалъ меня Прудопрудченко,— онъ предложилъ мнѣ, кромѣ харчей и общей квартиры, табакъ и право: гдѣ бы мы не играли, на ярмаркахъ или просто въ городѣ, забирать въ кредитъ и пить въ буфетѣ каждый мѣсяцъ на одиннадцать рублей ассигнаціями. Въ тотъ же день предсѣдатель самъ изволилъ соблаговолить прислать мнѣ аттестатъ объ отставкѣ... Но я не горевалъ.—Не стану описывать и пересказывать всѣхъ тѣхъ мытарствъ, какія перепадаютъ на долю странствующаго актера. Въ теченіе какихъ нибудь пяти-шести мѣсяцевъ, мы обошли и объѣхали болѣе пятнадцати или шестнадцати городовъ и безъ счету бѣлорусскихъ мѣстечекъ, подвигаясь по бѣлорусскому тракту на роменскую ярмарку. Боже мой— какая это была разноцвѣтная жизнь, жизнь съ различнаго рода приключеніями! Иногда случай благопріятствовалъ намъ,—мы оставляли городъ при хорошихъ и даже блистательныхъ сборахъ, съ веселыми напѣвами различныхъ водевильныхъ куплетовъ, и забравшись всею семьею въ громадный жидовскій фургонъ, продолжали наше дальнѣйшее путешествіе безъ особенныхъ заботъ; иногда же приходилось намъ просто-на-просто раздѣлить по рукамъ бутафорскія вещи, и взваливъ на одну тощую клячу всѣ наши парусинные лѣса и замки, брести по колѣно въ вязкой грязи верстъ сто и больше до какого нибудь жалкаго уѣзднаго городка. Голодные, холодные, исхудалые, грязные жрецы Мельпомены и Таліи, какъ поражающія тѣни Сумбеки, входили мы въ городъ, и тутъ только благодѣтельная фортуна, сжалившись надъ нашимъ страдательнымъ положеніемъ, съ постоянною и вмѣстѣ удивительною поспѣшностью высылала намъ на встрѣчу какого нибудь благодѣтельнаго жида, въ трогательно-предупредительныя, гостепріимныя объятія котораго мы радостно кидались; въ благодарность за наше дружеское изліяніе, нашъ новый знакомецъ, чувствительный спаситель-жидокъ, давалъ намъ пріютъ, правда, не слишкомъ-то роскошный (сквозной дырявый чуланъ), кормилъ насъ, уповая единственно лишь на одни наши сборы, и за какой нибудь ничтожный, совершенно грошовый интересъ улаживалъ всѣ наши дѣла, метался какъ угорѣлый, нанималъ сарай, разносилъ афиши, доставлялъ въ реквизитъ перчатки, сюртуки, шляпы, фраки—у насъ этого ничего не было, не водилось.

Въ мѣстечкѣ Ст..., Херсонской губерніи, которое намъ пришлось проходить на голодный желудокъ, не кушавши ничего ровно двое сутокъ, насъ обступили временно квартировавшие тамъ офицеры К...го гусарскаго полка. Послѣ различнаго содержанія разспросовъ съ ихъ стороны и разсказовъ съ нашей о подвигахъ артистическаго труда, молодые офицеры рѣшились пособить нашему горю, требуя отъ насъ спектакля на открытомъ воздухѣ. Піесъ у насъ было много разученныхъ, а потому желаніе офицеровъ не могло насъ поставить въ затруднительное положеніе, и будучи до сыта накормлены, мы радостно принялись за наше дѣло и дружно разыграли двѣ веселенькихъ піески, за которые и собрали отъ щедротъ зрителей до ста-семидесяти-пяти рублей серебромъ, — это было уже богатство! А между тѣмъ, во время хода первой піесы, въ которой я не принималъ участія, почтеннѣйшій Прудопрудченко, переговоривъ предварительно о чемъ-то съ съ милой Людмилой Васильевной, отозвалъ меня всторону.

— Ну, братику, сказалъ онъ,—вотъ прекрасный случай порѣшить старое дѣло...

— Какое? спросилъ я, о чемъ-то смутно догадываясь.

— Повѣнчаться съ Людмилою Васильевной.... Она тебя, братику, любитъ, ты ее тоже... Мы всѣ какъ истъ это бачимъ...

— Но средства, Истукарій Кандидіановичъ... Конечно, я не прочь, не отказываюсь...

— Охъ, дурень ты, дурень... Средства?! Теперь-то и удить ихъ... Ну, согласенъ, чтоли?.. Вонъ тутъ и церковь, и попъ... Ну, щоˊ-жъ вы не говорите?..

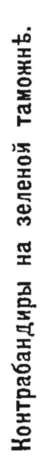
— Дѣлайте, что умѣете, рѣшительно проговорилъ я.—Я готовъ...

— Умница—разумница! заключилъ попечительный Прудопрудченко, пожавъ мнѣ въ то же время руку. — Ужь ты только, братику, предоставь моему таланту... Будемъ женихаться на славу.

Въ послѣдней піесѣ играли только я да Людмила Васильевна—и играли мастерски, просто на славу и диво нашей публики. Когда смолкъ общій апплодисментъ нашихъ восторгавшихся многочисленныхъ зрителей,—говорю: многочисленныхъ потому именно, что за стульями офицеровъ помѣщалось, по крайней мѣрѣ, два или три эскадрона гусаръ, съ ихъ непремѣнными коханками и хозяйками,—тогда Прудопрудченко, взявъ меня и Людмилу Васильевну за руки, подвелъ насъ къ рампѣ, то есть къ доскѣ, утвержденной въ землю колышками и отдѣлявшей сцену отъ партера.

— Почтенные, храбрые и добрые паны, гг. ахфицеры! За вашу ласку, помощь и милость слизно мы благодарны вамъ... Вотъ первые два сюжета моей труппы, моя поддержка, — и сегодня эта достойная, талантливая пара сочетается законнымъ бракомъ, на походѣ, въ вашей поселенской церкви... Просимъ милости: не откажите попировать съ нами и за здоровье четы, столь счастливой и достойной, выпить на нашемъ пиру по доброй чарци горилки...

— Браво! Браво! шумно раздалось въ толпѣ веселыхъ офицеровъ:—идетъ, идетъ!

Контрабандиры на зеленой таможнѣ.

— Дѣдушка, дѣдушка! заговорило нѣсколько молодыхъ корнетовъ, обступая стараго ротмистра, у котораго усы были длиннѣе висѣвшаго у него на боку палаша. Ротмистръ, ухарски надвинувъ на глаза фуражку и заложа руки въ карманы шальваръ, посвистывалъ и покачивался на высокихъ каблукахъ.

— Ну, что вамъ, чада мои милые, чада зеленые? серіозно спросилъ онъ, обращаясь къ офицерамъ.

— Дѣдушка, подхватилъ одинъ изъ корнетовъ,—мы тебѣ предоставляемъ честь у сей достойной четы занять мѣсто посаженаго отца...

— Ха, ха, ха!.. Это наша просьба, дѣдушка, подхватили другіе.

— Ползетъ, по маслу ползетъ! шепнулъ Прудопрудченко, а мы съ Людмилой Васильевной знай себѣ усердно отвѣшивали поклоны; всѣ другіе артисты отъ полноты души желали нашего соединенія, чуя великолѣпную попойку...

— Ладно, мои чада, ладно мои зеленые, сказалъ ротмистръ.—И то вѣдь правда: настоящимъ, отцемъ я былъ три раза... Но ни крестнымъ, ни посаженымъ еще быть не доводилось... Угодно-съ? спросилъ онъ, обращаясь къ намъ.

— Почтемъ за счастье, отозвались мы.

— Ладно, дѣло. Ну, чада мои, смирно! Слушать моей команды: здѣсь-ли вахмистръ Миргородскій?

— Здѣсь! отозвался бравый унтеръ-офицеръ, поспѣшно сбросивъ въ полную руку фуражку и ловко становясь передъ эскадроннымъ.

— Миргородскій, важно сказалъ послѣдній, — потрудитесь засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе многоуважаемой супругѣ вашей и передайте ей, что ротмистръ баронъ фонъ - Шлахтбауманъ, почтительнѣйше проситъ сдѣлать ему честь, принять на себя почетное званіе и обязанности посаженой матушки у сей благородной четы. Онъ указалъ на насъ.

— Слушаю-съ! отозвался вахмистръ.

— Потомъ, получивъ согласіе многоуважаемой супруги вашей, отправьтесь къ отцу Симеону и нижайше просите его, чтобы онъ былъ готовъ къ совершенію брака двухъ любящихся первыхъ сюжетовъ...

— Слушаю-съ!

— Ползетъ, ползетъ! радостно шепталъ Прудопрудченко.

— А вы, князь, продолжалъ расходившійся ротмистръ, обращаясь къ тому изъ офицеровъ, который высказалъ ему общее желаніе товарищей,— вы, какъ замѣчательный шалунъ и геніальный мастеръ на всѣ оваціи, имѣете немедленно приготовить въ вашемъ домѣ свадебный столъ, музыку и всѣ принадлежности... Понимаете?..

— Слушаю-съ! взявъ подъ козырекъ съ серіозною и почтительною миною отозвался корнетъ, дѣлая поворотъ по формѣ съ каблука.

— Букетъ же для невѣсты... господа, общій!...

— Общій, общій! раздалось въ толпѣ молодежи.

— Ну-съ, пойдемте, будущіе страдальцы! заключилъ ротмистръ, и мы двинулись къ церкви.

Часа черезъ два совершился обрядъ. У церковной паперти, меня съ молодою супругой почтенный батюшка усадилъ въ прекрасный тарантасъ; для всей труппы и небольшаго числа офицеровъ также были готовы экипажи. По прошествіи получасовой ѣзды, мы завидѣли въ степи и въ кущѣ тополей хуторочекъ, состоявшій изъ четырехъ мазанокъ со службами; мазанки были бѣлы какъ рафинадъ, дорожка въ маленькомъ паркѣ, ведущая къ главной мазанкѣ, желтѣла мелкимъ, тщательно укатаннымъ пескомъ.

Музыка встрѣтила насъ.

— Пусть ихъ шалятъ, шепнулъ Прудопрудченко;— намъ же оно не убыточно.

Князь первый поздравилъ насъ, взялъ за руки и торжественно ввелъ въ большую, невысокую комнату, прекрасно меблированную на холостую ногу, убранную роскошными коврами, турецкими диванами, завѣшанную оружіемъ и заставленную жасминными, черешневыми чубуками и кальянами всѣхъ видовъ...

Подъ звуки туша, веселое и доброе общество офицеровъ встрѣтило насъ съ налитыми бокалами въ рукахъ.

— На почетное мѣсто молодыхъ, позвольте, господа, говорилъ между тѣмъ ротмистръ, не измѣняя своей серіозной физіогноміи.—Эй! чаю, пуншу, жжёнки, закуски и винъ!.. Прошу! и батюшка усадилъ насъ за свадебный столъ.

Надо сказать, что князь дѣйствительно могъ называться руководителемъ, директоромъ свадебныхъ овацій. Столъ, за который усадили меня съ милѣйшею и, какъ впослѣдствіи оказалось, нѣжнѣйшею супругою, столъ этотъ былъ убранъ съ большимъ вкусомъ, затѣйливо, и какъ я разглядѣлъ его, такъ онъ заманчиво, живописно рисовалъ для насъ съ супругой цѣлую шараду жизни... По краямъ и концамъ дорогой пунцовой бархатной скатерти ползли затѣйливые вѣнки и узоры, составленные изъ самыхъ свѣжихъ и ароматическихъ цвѣтовъ, тонувшихъ въ листьяхъ то яркой, то темной, то желтоватой, золотистой зелени... Рамка стола украшалась также; ближе къ намъ, по столу раскидывались группы затѣйливо-фантастическихъ рисунковъ изъ дышущихъ полною жизнью розъ и камелій, дальше дикая крапива перевивалась съ можжевельникомъ— и все это оканчивалось прекраснѣйшимъ букетомъ изъ чертополоха.

Послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго, нашъ посаженый, сопровождаемый обществомъ товарищей, снова поздравилъ насъ. Прудопрудченко не выдержалъ и заревѣлъ «ура!» Артисты, уже изрядно воспользовавшіеся закуской, дружнымъ голосомъ подхватили его восторженный кликъ. Жена моя заплакала... Я тоже не выдержалъ, разчувствовался и хотѣлъ было обратиться къ добрымъ и ласковымъ офицерамъ съ благодарственною рѣчью.

Послѣ стола ротмистръ отвелъ меня въ сторону.

— Позволь, душа моя, сказалъ онъ, — принести тебѣ въ даръ шесть паръ брюкъ, два сюртука, три отличнѣйшихъ жилета, совершенно новый, только-что съ иголки портнаго вышедшій халатъ, великолѣпное одѣяло, вывезенное мною изъ Англіи, шинель, и небольшой чемоданчикъ съ хорошимъ, тонкимъ бѣльемъ... Нѣжься подъ одѣяломъ и красуйся въ моихъ безукоризненныхъ сорочкахъ...

Впослѣдствіи въ этомъ чемоданѣ оказался еще букетъ—пестренькій, миленькій, правда, не душистый, безъ аромата и мускуса; но онъ былъ прекрасно сформированъ изъ разноцвѣтныхъ ассигнацій.

Хуторъ мы оставили передъ разсвѣтомъ. Тотъ-же добрый ротмистръ сформировалъ намъ нѣсколько подводъ на сто верстъ впередъ—и надѣленный нашими

благословеніями, отпустилъ насъ съ миромъ. Послѣ такой счастливой встрѣчи съ гусарами, труппа наша ожила и повеселѣла. Деньги кого не оживляютъ, кого не развязываютъ. Мы вкатили въ Ромны, какъ говорится, съ шикомъ на двухъ еврейскихъ тройкахъ, и уже не нуждаясь въ жидѣ - факторѣ, сами наняли балаганъ и расположились въ немъ, тотчасъ-же приступивъ къ составленію ярмарочнаго репертуара. Рѣшено было дать «Гамлета», и жена, закупивъ чернаго каленкору и плису, принялась сооружать для моей личности печальный костюмъ принца Датскаго. Мы потирали руки отъ удовольствія, зная, что нашимъ ничтожнымъ соперникомъ по ярмарочнымъ спектаклямъ явился какой-то нѣмецъ — и только. Труппу его составляли три собаки, жена, двѣ обезьяны и дочка. Соперникъ неопасный! Но туча собиралась надъ нами... и разразилась она съ пріѣздомъ стараго антрепренера Крутчановскаго, появившагося на ярмарку съ двумя большими труппами изъ двухъ городовъ. Прудопрудченко завылъ волкомъ... Это-бы еще ничего, небольшая бѣда, но къ полному пораженію и низложенію нашему — трагикъ и комикъ дезертировали къ Крутчановскому... Истукарій Кандидіановичъ, глубоко пораженный такою коварной измѣною, запилъ жестоко и оставилъ насъ на произволъ судьбы. Что было дѣлать намъ?—оставалось идти по слѣдамъ нашихъ бѣглецовъ, но мы съ женой уже опоздали... Крутчановскій въ насъ не имѣлъ нужды, ему только и надобно было низложить нашего Прудопрудченку, оставить его безъ драмы и водевиля,—а между тѣмъ въ нашемъ свадебномъ букетѣ много недосчитывалось теперь сѣренькихъ листиковъ, и я съ нѣжною супругою остались только при четырехъ пятирублевыхъ василькахъ. Прудопрудченко положительно и окончательно запрудилъ, онъ пилъ неистово; мы-же съ ужасомъ заглядывали въ наше будущее — и наконецъ рѣшили съ женою на послѣдніе рубли добраться какъ нибудь до Кременчуга; тамъ въ это время находилась труппа странствующихъ актеровъ подъ управленіемъ дѣвицы Козыревой.—Вотъ, кое какъ съ Божіею помощью и съ двадцатью рублями пустились мы въ путь, вершками мѣряя свои расходы, такъ что питались однимъ млекомъ да хлѣбомъ, а иногда и огурцами, употребляя послѣдніе не по прихоти, а по ихъ дешевизнѣ... Дѣло близилось къ осени. Но какъ мы ни экономничали, а въ благодатный Кременчугъ въѣхали только съ двумя рублями, и—о, ужасъ! Козырева переселилась, какъ мнѣ сказали, въ Нѣжинъ.

Убитый, въ конецъ уничтоженный, отуманенный явился я съ этою вѣстью къ женѣ моей на постоялый дворъ.

— Что съ тобой, Саша? спросила жена, когда я нетвердымъ шагомъ переступилъ порогъ нашей грязной таверны.—Смотри, на тебѣ лица нѣтъ: что случилось?

— Мы пропали, Людмилушка, мрачно отозвался я. Хоть на базаръ съ протянутой рукой идти, такъ и то только будетъ въ пору...

— Это какимъ образомъ?

— Труппы здѣсь нѣтъ, она въ Нѣжинѣ.

— Ну, такъ чтожъ?.. Пойдемъ въ Нѣжинъ...

— Какъ, пѣшкомъ? спросилъ я,

— Да... нѣтъ, вотъ погоди, ротмистръ, твой посаженый батюшка, пришлетъ за тобою шарабанъ, двухъ ливрейныхъ лакеевъ, ящикъ сигаръ и корзинку съ винами и различной закуской... Ха, ха... Ахъ ты хныкалка! Ну, чего глаза-то таращишь?.. Отдохнемъ день, да и маршъ!.. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей: гдѣ покормятъ, гдѣ поколотятъ, — это ничего, дѣло наше дорожное... Успокойся-ка, да потрудись спросить у жида какой нибудь закваски, напитаемся и уснемъ, а утро вечера мудренѣе.

— Но помилуй, Людмила, возразилъ я,—тебѣ идти пѣшкомъ и этакую даль?

— Ну, такъ придумай что нибудь получше: иди въ лакеи, а я пойду въ горничныя.. Ха, ха, ха! Его благородіе, коллежскій регистраторъ, да еще дворянинъ съ супругою будутъ — одинъ ваксить сапоги, другая гладить барынины юбки и кокетничать съ бариномъ...

Я кинулся обнимать ее со слезами на глазахъ.

— Такъ идемъ-же, чортъ возьми! вскричалъ, я,— идемъ... да что я говорю идемъ...

— Конечно, подхватила Людмила,—гдѣ пойдемъ, а гдѣ и поѣдемъ... О, я знаю, что у тебя уже являются средства...

— Такъ, такъ! говорилъ я, пыряя мой чемоданъ.

— Да ужъ такъ, душечка, Сашенька, посватайка жидку твое безукоризненное голландское бѣлье и брюки .. да кстати отдай и плисоваго Гамлета...

— Конечно, конечно... умница, дорогая, желанная! О, мы съ тобой не пропадемъ, Людинька!..

Облегчась отъ чемодана, на другой день рано утромъ я и жена, каждый имѣя подъ мышкою небольшой узелокъ съ необходимымъ бѣльемъ и съѣстнымъ, бодро выступили въ походъ. Утро было превосходное, тихое, солнечное, воздухъ и ясное небо успокоивали тревогу души... Мы шли безпечно, спокойно, какъ будто впереди намъ предстояло встрѣтить розы и благодатную, безтревожную жизнь. Съ небольшими привалами, мы сдѣлали въ первый день около сорока верстъ и прострадали ночь въ жидовскомъ шинкѣ. Коннаго попутчика въ дальнемъ нашемъ странствованіи однакожъ не попадалось,—и на шестые сутки къ вечеру, въ страшно-ненастную погоду, выбившись изъ послѣднихъ силъ, я и жена, изнеможенные, убитые и разбитые, остановились въ небольшомъ парусникѣ при большой дорогѣ. Ноги наши распухли, все тѣло ныло какъ изломанное, какъ жестоко избитое. Энергія оставила насъ... Болѣе двухъ дней какъ мы обманывали одинъ другаго, увѣряя обоюдно, что силъ и здоровья хватитъ еще на тысячу верстъ. Теперь откровенно признались мы въ физической невозможности продолжать наше странствованіе. Дрожа отъ холода, жена опустила на колѣни блѣдное, исхудалое лицо, устремивъ неподвижный, полный слезъ взглядъ на наши опустѣвшіе узелки, валявшіеся у ея ногъ. Я страдалъ за двоихъ, за себя и за бѣдную женщину; у меня даже не доставало силы для того, чтобы набрать сухихъ сучьевъ и развести огонь.

— Все кончено, Саша, сказала жена: — голодъ, простуда и смерть...

— Будемъ молиться, Людмила! отвѣчалъ я.—Богъ не безъ милости... Еще у насъ есть десятокъ бубликовъ и двѣ тарани. Перекуси-ка...

— Бѣдный Саша, милый, бѣдный, сказала она, какъбы говоря сама съ собою,—я одна виновата въ твоихъ страданіяхъ... Еслибы я чисто полюбила тебя съ перваго раза, какъ мнѣ казалось это... мнѣ-бы слѣдовало гнать тебя изъ нашей кабалы, изъ этой тру-

щобы вѣчнаго горя... Мнѣ-бы слѣдовало разъяснить тебѣ, въ какой омутъ бросаешься ты... а меня на это не хватило... Нѣтъ!.. Три дня собственной радости— и цѣлый вѣкъ страданій для тебя...

— Людя, другъ мой, Людя, ты заговариваешься, перебилъ я. — Полно... Успокойся. Пойдемъ... тутъ гдѣ нибудь есть деревушка!.. Я почувствовалъ въ себѣ изумительныя, невѣроятныя силы, поднялъ ее на руки какъ ребенка, и хотѣлъ уже двинуться въ дорогу, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ, отъ насъ раздался весьма знакомый намъ голосъ, напѣвавшій арію «Видостана» изъ четвертой части «Русалки».

«Вотъ замокъ змѣй—яда,
Туда я войду
И въ челюстяхъ ада
Невѣсту найду...
Готовъ я сражаться!..»

— Тсъ! прошептала жена. Глаза ея, почти выйдя изъ орбитъ, выражали надежду и радость.—Господи! Это... онъ, Саша!—И на истерическій хохотъ ея далеко-далеко и звонко отозвалось эхо пaрусника.

По большой дорогѣ, на встрѣчу намъ, на самомъ подножіи подъема моста, перекинутаго черезъ какое-то топкое болото, показалась дѣйствительно фигура Ястребова. Онъ шелъ среди самой густой глинистой грязи, шагая свободно, какъ по паркету, какъ по знакомому ему театральному помосту; безпечность и даже довольство выражались во всей его фигурѣ, начиная отъ глазъ и кончая шаловливымъ упражненіемъ съ палкой, на которую онъ опирался... Это былъ совершенно Ястребовъ, нашъ величайшій комикъ, когда-то студентъ медицины, изгнанный изъ факультета за невоздержное поползновеніе къ чаркѣ. Одно смущало насъ и ставило въ тупикъ всѣ наши догадки: это костюмъ непризнаннаго медика. Бѣловато-сѣрая поярковая шляпа съ широкими полями, отяжелѣвшими отъ дождя, надвигались на самый затылокъ путника и предательски открывала густыя брови своего владѣтеля; черное суконное манто, живописно раскидываемое вѣтромъ, открывало синюю куртку, шитую рыжими шнурками, коричневыя брюки прятались въ голенища огромныхъ сапоговъ;—къ довершенію всего этого маскараднаго наряда, Ястребовъ несъ за плечами, на широкомъ ремнѣ, какую-то коробку, шкатулку, тщательно обложенную клеенкой...

При вскрикѣ жены, путникъ остановился, прислушался, оглядѣлся нѣсколько разъ и пошелъ впередъ.

— Ястребовъ! крикнулъ я, когда онъ уже поровнялся съ нами.

Странствующій пейзанъ поправилъ шляпу, встряхнулъ на плечѣ свою ношу и остановился, все еще не замѣчая насъ.

— Ястребовъ! повторила жена

— Ага! Вотъ они: Робинзонъ и его Пятница, ниспосланная ему Богомъ въ среду! съ веселою и добродушною улыбкою проговорилъ нашъ бывшій товарищъ, открывъ насъ и идя къ нашему пріюту подъ пару густыхъ сосенъ.—Куда и откуда? спросилъ онъ, бросая на землю свой мокрый плащъ и снимая свою котомку.

Мы разсказали наши бѣдствія.

— Эге! задумчиво отозвался Ястребовъ:—generandi gloria melis! сказалъ онъ,—дѣла ваши крѣпко испорчены... Вѣдь ужь если васъ добивать окончательно, то вотъ вамъ и finis coronatum opus,—сирѣчь: конецъ вѣнчаетъ дѣло... Искомая вами честная компанія и трехъ денъ не прожила въ Нѣжинѣ и также по образу пѣшаго хожденія изволила направить свои стопы въ болѣе благодатныя страны, гдѣ «поютъ птички синички, хвостомъ машутъ и лисички...» Она торопится медленнымъ, церемоніальнымъ шагомъ въ Вологду... Но, ничего, не унывайте, друзья мои, добавилъ Ястребовъ:—вѣрно для вашего крошечнаго благополучія самъ Богъ послалъ вамъ мою встрѣчу... Дѣла ваши устрою... Увидите.... А между тѣмъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, побесѣдуемъ теперь... Дождь пересталъ... Иду набрать хворосту, — разведемъ огонекъ и напьемся чайку.

— Какъ и чай съ вами есть? съ какою-то странною улыбкою спросила жена.

— А то какъ же?.. Все... и сахаръ...

Черезъ полчаса отрадный, оживляющій огонекъ запылалъ подъ пріютившими насъ соснами.

Мы узнали, что въ общемъ разгромѣ Прудопрудченковскаго менажа, Ястребовъ лишился всего своего гардероба, похищеннаго однимъ изъ статистовъ, а потому счелъ себя вправѣ завладѣть полнымъ костюмомъ добродѣтельнаго отца изъ «Материнскаго благословенія или бѣдность и честь»,—а теперь отправлялся по приглашенію на постоянный губернскій театръ, къ антрепренеру X...., гдѣ и насъ надѣялся устроить... Мы подкрѣпились надеждой и чаемъ, и бодро двинулись въ путь.

Десять лѣтъ прошло съ той незабвенной поры, когда мнѣ такъ внезапно открылось все благородство сердца и ума моей маленькой жонки. Въ эти десять лѣтъ постоянныхъ трудовъ и лишеній, я достигъ завѣтнаго идеала всѣхъ бродячихъ актеровъ: я сталъ директоромъ постояннаго театра въ ***, а Людмила бросила сцену для пятерыхъ малютокъ, которыхъ любитъ безъ ума. Мы живемъ въ довольствѣ, согласіи и возможномъ счастіи, вспоминая тѣ отдаленные дни, которые теперь являются намъ золотыми грёзами.

М. Л. Люзиньянъ.

Зеленая таможня.

(Окончаніе).

— Вотъ-то были часы!.. не утерпѣлъ мой Гоз...нъ, чтобъ не вздохнуть при этомъ.—Не возили резиканты якъ терасъ (теперь) лучшій товаръ въ портахъ и подъ суманами *), а все въ пакахъ. Такимъ манеромъ онъ болѣе одной трети товару совсѣмъ не записалъ въ опись, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, т. е. въ своемъ качествѣ, мѣрѣ и вѣсѣ, часть товару и совсѣмъ не записалъ, а ежели что и записалъ въ опись, такъ какъ оно должно быть (потому что вѣдь тоже совѣсть надо имѣть, да оно немножко и страшно) то самую малость.

«Теперь ступайте къ допросу, да смотрите говорите правду какъ было задержаніе».

*) Контрабандиры, лучшій и дорогой товаръ теперь никогда невозятъ въ пакахъ, а всегда подъ одеждой, потому что ихъ самихъ рѣдко когда захватитъ стража, а ежели когда захватитъ то ему ничего не стоитъ, изъ-за спины или запазухи въ темную ночь выбросить товаръ.

Венгерская додоло или дождевая дѣвушка.

Когда уже совсѣмъ съ допросомъ покончили, панъ пакгаузный и говоритъ имъ: «ну, теперь все кончено, вѣдь оцѣнка вамъ объявлена?» «Объявлена, ваше благородіе». «Такъ можете отправиться домой по кордонамъ». Тѣ, извѣстное дѣло, зашли еще въ корчму къ Ивану, выпить на прощаніе по kieliszky (рюмкѣ) на дорогу, нѣкоторыхъ изъ нихъ потомъ повезли на фурѣ, а другіе такъ еще кое-какъ смогли на коней сѣсть.

Какъ только все успокоилось, мы сейчасъ съ паномъ пакгаузнымъ взялись за другое дѣло; онъ мнѣ продиктовалъ, а я себѣ записалъ, какого товару и сколько записано въ описи, потомъ взялъ фурманку и сейчасъ же отправился въ Пруссію, и тамъ у тамошнихъ купцовъ накупилъ товару всякой всячины, который бы только подходилъ сортомъ, мѣрою и вѣсомъ.

На другой день утромъ и привезъ его сюда вмѣстѣ съ товаромъ Гр...ча, у котораго въ этотъ день была экспедиція (т. е. транспортъ который идетъ законнымъ путемъ черезъ таможню); тутъ панъ пакгаузный его принялъ вмѣстѣ съ товаромъ Гр...ча въ пакгаусъ, а мой-то настоящій товаръ (который былъ взятъ стражею на поимку) выдалъ мнѣ почти весь сполна, т. е. замѣнилъ одинъ другимъ,—да къ тому-жь еще когда стали послѣ досмотра пломбировать товаръ Гр...ча, то и мой за одно опломбировалъ, а чтобъ удобнѣе вывести его, приказалъ уложить его въ одни и тѣ же паки съ товаромъ Гр...ча, такъ я его и вывезъ по одному ярлыку съ его товаромъ.

Вотъ вамъ и Zielona komora, которая иногда бываетъ лучше настоящей; я часто замѣчалъ, что вы смѣетесь когда вамъ вспомнятъ про нее, но надо вамъ сказать еще, что торговля черезъ нее имѣетъ своего рода науку или снаровку: дѣдъ училъ этой торговли моего отца, отецъ меня,—но мнѣ, какъ кажется, уже не придется учить этой торговли моего сына, условія приходятъ уже не тѣ.

— Но однако-жь спокойной ночи пану, мнѣ нужно отправиться еще на почту, съ послѣдними словами мой гость, взявъ шапку и понюхавъ табаку, поплылъ переваливаясь на своихъ маленькихъ ножкахъ къ дверямъ.

Прилагаемый при этомъ рисунокъ представляетъ экспедицію контрабандировъ на зеленую таможню.

Бѣлая крыша одинокой корчмы, унизанная ледяными сосульками, составляетъ рѣзкій контрастъ съ окружающимъ ее темнымъ сосновымъ лѣсомъ. Синій дымъ, выходящій густыми клубами изъ полуразвалившейся трубы, радуетъ взоры усталаго путника, обѣщая ему тепло и отдыхъ, хотя сама по себѣ корчма не имѣетъ ничего привлекательнаго. Войдя въ нее черезъ низенькую дверь, вы рискуете встрѣтить не совсѣмъ радушный пріемъ хозяевъ, которые ожидаютъ можетъ быть съ минуты на минуту пріѣзда контрабандистовъ, а густой дымъ, выходящій изъ жерла гигантской печки, словно изъ кратера, лѣзетъ вамъ въ глаза и носъ. Но ваши окоченѣвшіе отъ мороза члены согрѣваются, вы просите хозяевъ присмотрѣть за вашими лошадьми, располагаетесь закусить и отдохнуть и уже начинаете дремать. Вдругъ слышится страшный шумъ. Ржаніе лошадей, лай собакъ, хлопанье бичей, людской говоръ, все это говоритъ вамъ, что на дворѣ случилось что-то необыкновенное. А между тѣмъ необыкновеннаго-то именно тутъ и нѣтъ. Напротивъ, пріѣздъ контрабандистовъ въ эту корчму, которая служитъ складочнымъ мѣстомъ ихъ товаровъ, — дѣло самое обыкновенное. Около пятнадцати саней останавливаются передъ корчмою, а вдали виднѣются еще другіе. Дикія, чрезвычайно картинныя фигуры расхаживаютъ по обширной полянѣ, которая за минуту передъ этимъ была совершенно пуста. По ихъ говору вы узнаете литовцевъ. Высокаго роста, жилистаго и сильнаго тѣлосложенія, они напоминаютъ вамъ своей одеждой тѣхъ полудикихъ американскихъ піонеровъ, которые описываются въ романахъ Купера. Короткіе полушубки изъ грубой матеріи собственнаго издѣлія, широкіе, доходящіе до колѣнъ панталоны, лапти изъ липовой мочалы или сапоги изъ порыжѣвшей кожи, наконецъ шапки изъ лисьяго, волчьяго или медвѣжьяго мѣха, самыхъ странныхъ формъ, — все это такъ и проситcя въ картину. Особенно бросается въ глаза старый еврей-подрядчикъ, стоящій въ центрѣ изображенной нами группы. Его старое лицо, все изрытое морщинами, его хитрые глаза, сверкающіе изъ-подъ сѣдыхъ бровей, лучше всего свидѣтельствуютъ о его подозрительномъ ремеслѣ, занимаясь которымъ онъ посѣдѣлъ, ни разу не измѣнивъ, какъ онъ выражается, *чести*. Какъ ни странно это увѣреніе, но въ немъ есть своя доля правды, потому-что купцы, довѣряющіе свои товары подобнымъ подрядчикамъ, ставили часто на карту (въ особенности во время процвѣтанія контрабанды) отъ 10 до 15 тысячъ, такъ что мошенникъ могъ бы сколотить себѣ порядочныя деньги, выдавъ за извѣстное вознагражденіе, порученный ему товаръ пограничной стражѣ. Подлѣ стараго еврея-подрядчика стоитъ около полудюжины контрабандистовъ, старающихся доказать ему, что для успѣха экспедиціи необходимо еще разъ поподчивать ихъ водкой, благо шинокъ подъ рукою. Но старый, хитрый сынъ Израиля родился, какъ онъ выражается, «не сегодня и не вчера»; онъ уже порядочно угостилъ нанятыхъ имъ людей, какъ это обыкновенно дѣлается при экспедиціяхъ подобнаго рода, и замѣтивъ, что любимый ихъ напитокъ слишкомъ сильно подѣйствовалъ на нихъ, на-отрѣзъ отказываетъ имъ въ этомъ.

Дальнѣйшая судьба этой послѣдней экспедиціи намъ неизвѣстна.

Венгерская додоло или дождевая дѣвушка.

Въ странѣ съ такимъ смѣшаннымъ народонаселеніемъ, какъ Венгрія, обычай «додолы» или дождевой дѣвушки наблюдается въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ особенности же онъ въ ходу у «Райцевъ» или Румынъ.

По своему виду додоло похожа на германскаго майскаго мальчика, который, въ различныхъ мѣстахъ Германіи, совершенно закутывается въ зелень. Она имѣетъ также сходство и съ англо-саксонской фигурой, которая снаряжается въ Лондонѣ 1-го мая молодыми трубочистами.

Додоло или дождевая дѣвушка должна привести за собою дождь. Если на дворѣ давно уже стоитъ засуха, то какая-нибудь бѣдная дѣвушка одѣвается вся зеле-

ными вѣтвями и отправляется на деревню въ сопровожденіи одной или нѣсколькихъ другихъ дѣвицъ.

Дождевая дѣвушка или «додоло» является на дворѣ или передъ домомъ крестьянина и поетъ монотоннымъ голосомъ: «додоло! додоло!» Дѣти и домашніе, въ особенности женщины, собираются вокругъ нея, образуютъ хороводъ и начинаютъ плясать, не переставая пѣть на всевозможные тоны: «додоло! додоло!».

Спустя довольно много времени, является хозяинъ, молча смотрѣвшій на хороводъ, съ ведромъ воды и выливаетъ его на голову или, лучше сказать, на зеленую верхушку додоло, которая принимаетъ это угощеніе съ хохотомъ и веселыми прыжками.

Хозяинъ совершаетъ это обливаніе въ три пріема, внутренно молясь при этомъ о дождѣ — съ твердой увѣренностью, что эти мольбы будутъ исполнены.

Додоло танцуетъ, а обливанье въ такомъ жаркомъ климатѣ, какъ климатъ юго-восточной Венгріи, дѣлаетъ ее еще веселѣе. Дѣти еще нѣсколько времени продолжаютъ танцовать вокругъ нея, а одна изъ провожающихъ ея дѣвушекъ собираетъ между тѣмъ дары. Они состоятъ изъ мелкой монеты, впрочемъ въ весьма незначительномъ количествѣ, большею же частію изъ яицъ, зерноваго хлѣба, муки, сала или масла. Бѣдные дѣти, спутники додоло, уносятъ эти дары на домъ и распространяютъ на нѣсколько дней довольство въ бѣдныхъ хижинахъ.

Крестьянинъ, облившій додоло съ ногъ до головы, твердо надѣется на то, что онъ сдѣлалъ очень полезное дѣло для прекращенія засухи.

Если вскорѣ послѣ этого пойдетъ дождь, онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о сдѣланныхъ имъ додоло или дождевой дѣвушкѣ дарахъ, и при случаѣ опять прибѣгнетъ къ такому дѣйствительному средству.

Этотъ народный обычай, славяно-романскаго происхожденія, распространился и у нѣмцевъ, имѣвшихъ соприкосновеніе съ этими племенами; точно такъ же и мадьярскія сосѣднія деревни съ большимъ усердіемъ приносятъ дождю жертвы и встрѣчаютъ благодатную додолу съ радостью и дарами.

Прогулка по Петербургу.

Начавъ нашу «Прогулку по Петербургу» съ исторіи его основанія, мы остановились на тѣхъ мѣрахъ, какія были употреблены Петромъ Великимъ для его заселенія и на описаніи Петропавловской крѣпости и находящагося въ ней собора. Теперь, приступая къ описанію другихъ достопримѣчательностей нашей сѣверной столицы, мы разскажемъ вкратцѣ исторію дальнѣйшаго ея развитія.

Первыя частные дома были построены въ 1704 г. на Петербургской сторонѣ, которая до 1710 г. вмѣщала въ себѣ почти весь городъ. Въ 1705 г. была окончена корабельная верфь, заложенная Петромъ Великимъ, и къ этому же году принадлежитъ первое заселеніе лѣваго Невскаго берега небольшимъ числомъ иностранцевъ, а также чиновниковъ и служащихъ морскаго вѣдомства. Первые изъ нихъ строили для себя небольшіе деревянные дома кверху, а другіе книзу Невы, вдоль по набережной. Первые каменные дома были построены въ 1810 г., одинъ княземъ Меньшиковымъ, на Васильевскомъ Островѣ (получившемъ это названіе отъ артиллерійскаго капитана *Василія Корчмина,* квартировавшаго здѣсь прежде съ своею командою, которому Петръ Великій посылалъ всегда приказы съ надписью: «*къ Василію на островъ*»), а другой государственнымъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ, на Петербургской сторонѣ, тамъ гдѣ изъ Большой Невы отдѣляется Малая Невка. Въ томъ же году Петръ Великій, осматривая въ Петербургѣ мѣста, которые бы можно было назначить подъ строеніе, обратилъ вниманіе на мѣсто, издавна называвшееся Виктори, по преданію о знаменитой побѣдѣ, одержанной тамъ Александромъ Невскимъ,—и избравъ его для основанія монастыря въ память этого князя, положилъ основаніе нынѣшней Александро-Невской Лаврѣ. Тѣмъ временемъ населеніе Адмиралтейской стороны начало быстро увеличиваться. Причиною этому было болѣе возвышенное положеніе лѣваго берега сравнительно съ правымъ и не столь топкая почва. Преимущество это было замѣчено самимъ царемъ, который, предназначивъ эту часть для казенныхъ построекъ, велѣлъ построить себѣ въ 1711 г. въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ Большой Невы истекаетъ Фонтанка, небольшой каменный двухъ-этажный домъ, назначенный для его лѣтняго пребыванія и потому названный Лѣтнимъ дворцомъ или Лѣтнимъ домомъ. При этомъ домѣ былъ обширный садъ, съ длинными аллеями, который отъ дворца получилъ и до сихъ поръ носитъ названіе Лѣтняго. Желая прежде застроить берега Невы, а потомъ уже производить строеніе внутри, Царь въ томъ же самомъ году велѣлъ заселять берегъ Большой Невки, противуположный Петербургскому острову, чѣмъ положилъ начало строенію на Выборгской сторонѣ. Въ 1713 году Петръ приказалъ прорубить въ лѣсу прямую дорогу отъ Адмиралтейства къ Александро-Невскому монастырю, получившую съ этого времени названіе Невскаго проспекта или *Большой проспективы.* Стараясь угодить желанію Царя, не перестававшаго укрѣплять городъ множествомъ новыхъ зданій, вельможи продолжали застраивать его каменными домами. Топкая болотистая почва города представляла такія препятствія, которыя могли быть побѣждены только при помощи необыкновенно сильной воли и самаго упорнаго труда. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всякая тѣлега, въѣзжавшая въ городъ, всѣ пристававшіе къ нему суда должны были привозить съ собою извѣстное количество камня для мощенія улицъ. Послѣ смерти Петра Великаго, распоряженія правительства касательно устройства Петербурга утратили свою прежнюю энергію, хотя Екатерина I и продолжала жить тамъ. Петръ II предпочиталъ Петербургу Москву и умеръ въ этомъ послѣднемъ городѣ. Императрица Анна Іоанновна поселилась въ Петербургѣ и жила обыкновенно въ большомъ красивомъ домѣ графа Апраксина, перешедшимъ по завѣщанію къ Петру II и находившемся на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго Дворца. Въ ея царствованіе Петербургъ украсился множествомъ новыхъ зданій, а улицы приняли болѣе правильный видъ. Анна Іоанновна учредила особую Коммиссію, которая сочинила планъ столицы и раздѣлила ее на пять частей: Адмиралтейскую, Васильевскую, Петербургскую, Литейную и Московскую. Первоначальнымъ устройствомъ набережныхъ Петербургъ обязанъ Екате-

ринѣ II. По повелѣнію ея, весь лѣвый берегъ Невы, отъ Литейнаго дома до конца Галернаго двора, былъ обнесенъ гранитною стѣною, что не могло однако же спасти города отъ наводненій, изъ которыхъ самыми гибельными были наводненія 1777 и 1824 годовъ. Во время послѣдняго изъ этихъ наводненій вода поднялась болѣе чѣмъ на 13 футовъ выше своего обыкновеннаго уровня.

Въ слѣдующихъ за этимъ статьяхъ мы надѣемся дополнить этотъ краткій очеркъ исторіи Петербурга болѣе подробными свѣденіями, при описаніи различныхъ достопримѣчательностей города,—а въ ожиданіи этого, мы посовѣтуемъ тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые желали бы составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное понятіе о топографіи Петербурга, подняться на колокольню Исакіевскаго собора, съ которой открывается одинъ изъ самыхъ восхитительныхъ видовъ. Оттуда, глядя на сѣверъ, вы видите Васильевскій Островъ, биржу, Академію Наукъ, Университетъ, 1-е Павловское Военное Училище (прежде 1-й Кадетскій Корпусъ), Академію Художествъ и проч. Всѣ эти зданія расположены какъ разъ напротивъ рѣки. Нѣсколько вправо виднѣется Петропавловская крѣпость, а къ сѣверу и къ западу отъ нея острова: Аптекарскій, Каменный, Петровскій, Крестовскій и Елагинъ. Къ востоку отъ Большой Невы и на сѣверномъ берегу ея расположены казармы, верфи, фабрики и другія казенныя постройки. Южная, Адмиралтейская сторона, составляющая самую важную часть города, представляется взорамъ разстилающейся вдоль берега Невы, продолжающей свое теченіе къ юго-западу на разстояніи шести верстъ. По эту сторону Невы живетъ Императоръ, Императорская фамилія, Дворъ, высшіе классы общества и большая часть народонаселенія. Зданія здѣсь представляются въ видѣ сплошныхъ массъ, раздѣленныхъ Мойкою, Екатерининскимъ каналомъ и Фонтанкою на три полукруглыхъ отдѣленія, пересѣкающихся, въ свою очередь, тремя главными улицами, выходящими въ прямомъ направленіи отъ Адмиралтейской площади: Невскимъ проспектомъ, Гороховой улицей и Вознесенскимъ проспектомъ. Направленіе этихъ трехъ главныхъ артерій города и трехъ каналовъ опредѣляютъ направленіе большей части другихъ улицъ, изъ которыхъ самыя замѣчательныя: Большая и Малая Морская, Милліонная, Мѣщанская и Садовая. За Фонтанкою, оба берега которой застроены великолѣпными зданіями, гдѣ живутъ высшіе классы общества, простираются самыя отдаленныя части города, поднимающіяся мало-по-малу изъ болотъ бывшей Ингріи или Ингерманландіи. Къ востоку отъ Большой Невы лежитъ Охтенскій кварталъ, самая бѣдная часть города, обитаемая по большей части рабочими классами, точно также какъ и Александро-невская и Рождественская части города, лежащія на противуположномъ берегу.

Къ этому краткому очерку мѣстности Петербурга намъ остается прибавить одно. Цѣль нашихъ обоихъ очерковъ, какъ историческаго, такъ и топографическаго, состоитъ не въ томъ, чтобы представить полное и подробное описаніе Петербурга, гдѣ указывались бы въ систематическомъ порядкѣ различныя достопримѣчательности города—чего не позволили бы уже самые размѣры нашего изданія—а только въ томъ, чтобы изображенія этихъ достопримѣчательностей, которыя мы имѣемъ въ виду помѣщать, отъ времени до времени, въ нашемъ изданіи, представляли собою части одной и той же картины,—картины Петербурга, а не отдѣльныя изображенія того или другаго памятника. Поэтому-то, приступая къ описанію этихъ памятниковъ, мы и сочли нужнымъ, бросить сперва общій взглядъ на самый городъ.

Если Петербургская сторона, гдѣ было положено Петромъ Великимъ первое основаніе будущему величію города, — колыбель Петербурга; то Адмиралтейская часть города *), средоточіе, сердце столицы, заключающая въ себѣ большую часть Императорскихъ дворцовъ, важнѣйшія государственныя и правительственныя мѣста, великолѣпныя палаты и блистательныя набережныя,—послѣднее, если можно такъ выразиться, слово Петербурга, и въ эту-то часть города мы и пригласимъ теперь нашихъ читателей, именно на Дворцовую площадь.

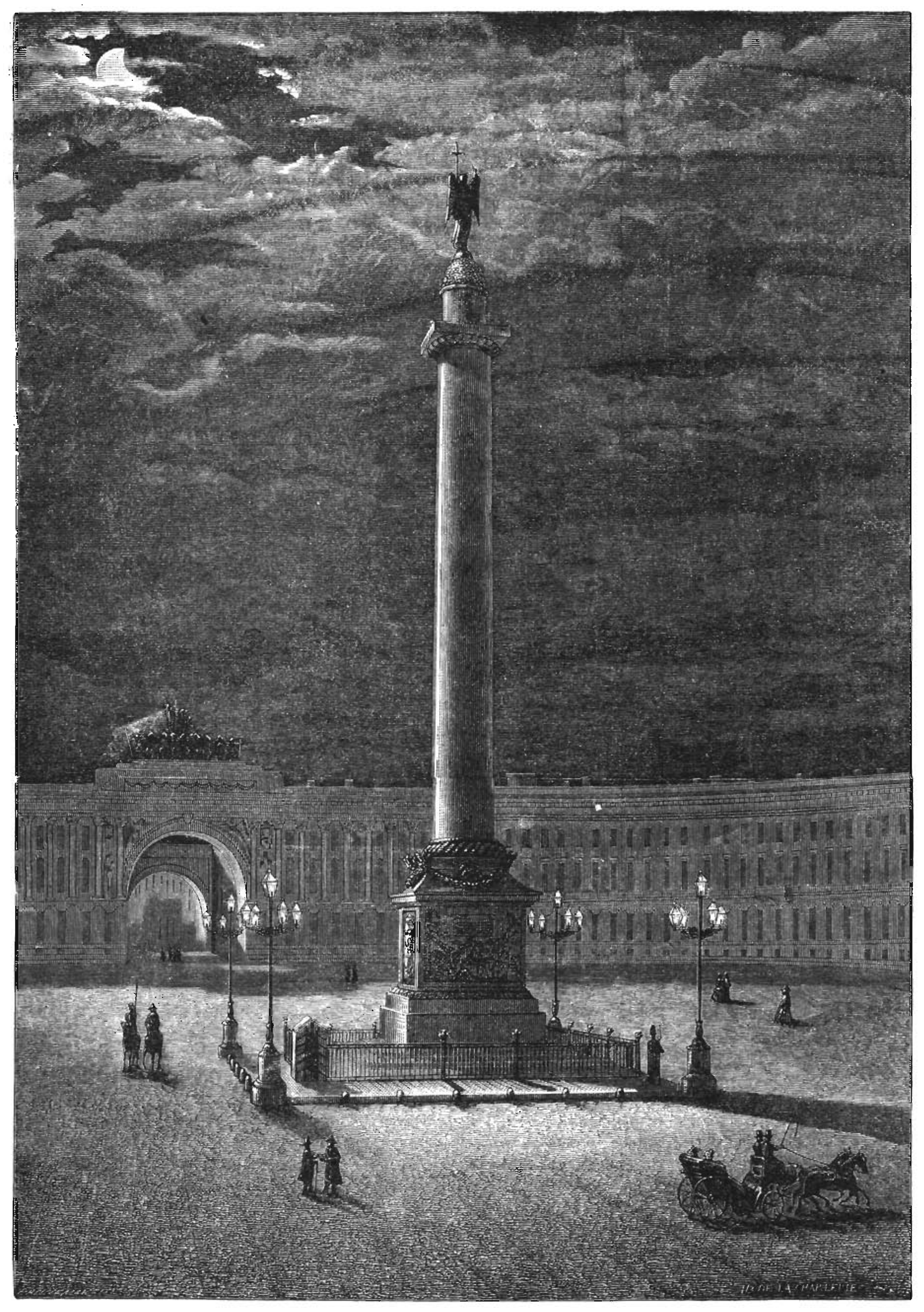
Площадь эта находится между Зимнимъ Дворцомъ, зданіемъ Главнаго Штаба и Адмиралтейской площадью. Въ 1788 г. она была обстроена тремя домами, которые окружали ее въ видѣ амфитеатра; это положеніе она сохранила и до нынѣ, хотя прежнія зданія замѣнены уже Главнымъ Штабомъ. При Екатеринѣ II, на Дворцовой площади, во время празднествъ, разставляли передъ народомъ жареныхъ быковъ и фонтаны съ виномъ, а въ торжественные дни гвардія и другія войска, составлявшія Петербургскій гарнизонъ, приносили поздравленія съ музыкою и барабаннымъ боемъ.

Въ настоящее время площадь эта вмѣщаетъ въ своемъ центрѣ Александровскую колонну, одинъ изъ самыхъ величественныхъ памятниковъ. Колонна эта, изъ цѣльнаго гранита красноватаго цвѣта, длиной въ 12 сажень, воздвигнута въ день тезоименитства покойнаго императора Александра I и празднованія памяти Александра Невскаго, 30 августа 1832 года. На вершинѣ ея, на бронзовомъ полушаріи, поставленъ ангелъ, вылитый изъ бронзы, который лѣвою рукою держитъ крестъ, правую простираетъ къ небу, а ногою попираетъ змія; пьедесталъ, также изъ гранита, украшенъ бронзовыми барельефами, представляющими трофеи войны и мира; на сторонѣ же, обращенной къ Зимнему дворцу, находится надпись:

Александру Первому
Благодарная Россія.

Вышина всего памятника 22 сажени и 5 вершковъ. Окружность колонны въ верхней части 4, въ нижней 5 сажень; вѣсу 44,100 пуд. Мѣди употреблено на нижнюю и верхнюю части 8000 пуд. Пьедесталъ колонны огражденъ четырехъ-угольною рѣшеткою, которая составлена изъ связанныхъ пикъ; по сторонамъ рѣшетки—бронзовые фонари, освѣщаемые газомъ. Изъ нижнихъ чиновъ роты дворцовыхъ гренадеръ назначается ежедневно по одному часовому въ караулъ къ колоннѣ. Постройку этого прекраснаго памятника производилъ архитекторъ Монферрандъ. Бронзовыя изваянія—работы академика Орловскаго.

*) Адмиралтейская сторона или собственно петербургскій материкъ подраздѣляется каналами на пять особыхъ островов, на которыхъ расположены: Адмиралтейская, Казанская, Спасская, Коломенская, Литейная, Московская, Нарвская, Рождественская и Александровская части города.

Александровская колонна въ Петербургѣ

Рисовалъ де-ла-Шарлери, гравировалъ Паннемакеръ.

Внутреннее обозрѣніе.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» печатаются краткія свѣденія о занятіяхъ коммиссій, назначенныхъ для разрѣшенія вопроса о военной повинности. Коммиссій этихъ двѣ: одна изъ нихъ занимается разработкой новаго положенія о личной военной повинности, а другая—составленіемъ положенія о запасныхъ войскахъ и о государственномъ ополченіи. Какъ та, такъ и другая, распадаются еще на нѣсколько частныхъ отдѣловъ, и каждый изъ нихъ разрабатываетъ одинъ какой нибудь вопросъ. За тѣмъ, по разработкѣ вопроса, эти отдѣлы представляютъ доклады предсѣдателю,

который вноситъ ихъ въ общее собраніе коммиссій, гдѣ уже приходятъ къ окончательному заключенію. Такимъ образомъ, по 1-е іюля настоящаго года, обѣими коммиссіями разсмотрѣны *шесть* вопросовъ первостепенной важности. Первымъ изъ нихъ можетъ быть поставленъ *вопросъ объ общихъ срокахъ службы.* Голоса членовъ 1-го отдѣла, занимавшагося обсужденіемъ этого предмета, раздѣлились между двумя мнѣніями: одни (большинство) предлагали назначить полный срокъ службы въ 15 лѣтъ, изъ которыхъ 5 лѣтъ дѣйствительной службы; другіе находили достаточнымъ ограничиться 12-ю годами, съ 4-мя годами дѣйствительной службы; наконецъ, одинъ членъ коммиссіи предлагалъ 6 лѣтъ дѣйствительной службы, съ тѣмъ, чтобы въ частяхъ, не требующихъ продолжительнаго обученія, введены были временные отпуски по прослуженіи 5 и даже 4½ лѣтъ. Въ соединенной коммиссіи взяло перевѣсъ мнѣніе, положившее принять: полный срокъ службы въ 15 лѣтъ, а срокъ дѣйствительной службы въ 6 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобъ разсчетъ ежегоднаго контингента (поставки рекрутъ) дѣлался по 5-ти лѣтнему сроку, и чтобъ люди, оказывающіеся излишними противъ мирнаго состава, увольнялись во временный отпускъ, по прослуженіи не менѣе 4½ лѣтъ. Для людей же, находящихся въ спеціальныхъ родахъ оружія или на спеціальныхъ должностяхъ, напр. унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ и проч., которые не могутъ быть увольняемы во временный отпускъ,—срокъ состоянія въ запас должень быть сокращенъ: для унтеръ-офицеровъ на два а для остальныхъ на 1 годъ. Выводъ этотъ мотивировался слѣдующими соображеніями: при сокращеніи нынѣшнихъ сроковъ службы необходима крайняя осторожность,—и во всякомъ случаѣ, впослѣдствіи легче будетъ сократить срокъ, оказавшійся слишкомъ длиннымъ, нежели увеличить срокъ, оказавшійся слишкомъ короткимъ; съ другой стороны, для нѣкоторыхъ спеціальныхъ войскъ, требующихъ не менѣе 6-ти лѣтъ для полнаго своего образованія, потребовалось бы назначить другіе сроки, что имѣло бы неудобство во многихъ отношеніяхъ; затѣмъ, переводъ арміи изъ одного состава въ другой возможенъ только при временныхъ отпускахъ,—временные же отпуски бываютъ только при болѣе продолжительныхъ срокахъ службы, такъ какъ ими могутъ пользоваться только люди, вполнѣ обученные военному дѣлу; наконецъ, излишнее сокращеніе сроковъ дѣйствительной службы могло бы вредно отозваться на пополненіи кадра унтеръ-офицеровъ. Защитники болѣе короткихъ сроковъ службы приводили въ пользу своего мнѣнія то, что подобные сроки были бы весьма выгодны для населенія, такъ-какъ при нихъ люди возвращались бы со службы въ болѣе молодыхъ годахъ, и военная повинность распредѣлялась бы болѣе равномѣрно; сверхъ того, короткіе сроки службы выгодны были бы для государства и въ томъ еще отношеніи, что при нихъ военная реформа скорѣе могла бы быть приведена въ исполненіе и имѣла бы послѣдствіемъ образованіе въ средѣ народа большаго числа лицъ, вполнѣ ознакомленныхъ съ военнымъ дѣломъ. Срокъ дѣйствительной службы для войскъ, расположенныхъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ (Туркестанѣ, въ Семипалатинской, Забайкальской, Амурской и другихъ областяхъ), вслѣдствіе малонаселенности сихъ послѣднихъ и колонизирующаго значенія тамошняго воинства, коммиссія признала необходимымъ увеличить до 7-ми лѣтъ, съ сокращеніемъ, взамѣнъ этого, срока состоянія въ запасѣ до 2-хъ лѣтъ.

Обсужденіе *вопроса о возрастѣ лицъ*, призываемыхъ на службу, привело всѣхъ къ единогласному заключенію, что «призыву долженъ подлежать одинъ только возрастъ, для того чтобы люди, не попавшіе на службу, могли спокойно заниматься своимъ дѣломъ, не опасаясь быть оторванными отъ него впослѣдствіи; кромѣ того, для призыва долженъ быть избранъ болѣе ранній возрастъ, чтобы на службу поступали люди еще не сдѣлавшіеся семейными и неуспѣвшіе обзавестись своимъ хозяйствомъ и избрать себѣ опредѣленный родъ занятій». Но имѣя ввиду, что слишкомъ ранній возрастъ не можетъ доставить арміи крѣпкихъ и совершенно сложившихся людей, рѣшено было призывать на службу молодыхъ людей, окончившихъ 21-й годъ. Если же и между таковыми найдутся недостигшіе совершенной зрѣлости, то имъ должна быть даваема отсрочка на одинъ и на два года, до слѣдующихъ призывовъ.

Вопросъ *объ организаціи призыва*, объ учрежденіяхъ, которыя должны имъ завѣдывать, объ учетѣ лицъ, подлежащихъ военной повинности и проч. рѣшенъ былъ такимъ образомъ: для устройства правильнаго призыва, Имперія должна быть раздѣлена на призывные участки, отъ 8,000 до 20,000 душъ мужескаго пола въ каждомъ; въ участкѣ находится свой призывный пунктъ, въ которомъ производится пріемъ людей въ военную службу. Раздѣленіе уѣздовъ на участки и избраніе призывныхъ пунктовъ поручается уѣзднымъ земскимъ собраніямъ,—а тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, особымъ коммиссіямъ изъ предводителя дворянства, исправника, городскаго головы и мировыхъ посредниковъ. Въ городахъ этимъ завѣдываютъ думы или городскія общественныя управленія. Для учета лицъ, подлежащихъ военной повинности, во всѣхъ призывныхъ пунктахъ должны находиться общіе списки, составленные изъ частныхъ списковъ, которые ведутся при волостныхъ и городскихъ управленіяхъ. Списки должны быть періодически повѣряемы и исправляемы. Для завѣдыванія призывомъ и пріемомъ, учреждаются особыя губернскія и уѣздныя по военной повинности присутствія. Губернскія присутствія составляются изъ губернатора, двухъ членовъ губернской земской управы, а гдѣ таковой нѣтъ — двухъ членовъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, губернскаго воинскаго начальника и прокурора, а во время переосвидѣтельствованія лицъ, подлежащихъ военной повинности, еще изъ двухъ медиковъ. Уѣздныя присутствія состоятъ: изъ предсѣдателя (по мнѣнію большинства членовъ коммиссіи, уѣзднаго предводителя дворянства, а по мнѣнію меньшинства — лица, особо избраннаго для этого земствомъ), одного члена отъ земской управы, исправника, военнаго офицера и еще одного члена, избираемаго земствомъ особо для каждаго участка и входящаго въ составъ присутствія только въ своемъ участкѣ; кромѣ того, во время освидѣтельствованія, къ нимъ присоединяются еще два медика и одинъ военный пріемщикъ.

По разработкѣ вышеозначенныхъ вопросовъ, коммиссія о личной военной повинности приступила къ обсужденію вопроса о *системѣ призыва.* Чтобы сдѣлать военную повинность менѣе обременительною для населенія и распредѣлить ея равномѣрно, необходимо избрать мѣрило, которое опредѣляло бы количество рабочихъ силъ въ каждомъ хозяйствѣ. Такимъ мѣриломъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ 2-го отдѣла, можетъ быть принято число братьевъ-работниковъ, имѣющихся въ каждомъ семействѣ; по мнѣнію же другихъ, такое мѣрило невѣрно, ибо рабочая сила крестьянскихъ хозяйствъ не всегда зависитъ отъ числа братьевъ-работниковъ, которые очень часто живутъ врозь, а слѣдовательно не составляютъ одного хозяйства. Вслѣдствіе такого разногласія, рѣшено было отложить обсужденіе этого вопроса до того времени, когда будутъ собраны возможно-полныя свѣдѣнія объ экономическомъ и семейномъ бытѣ крестьянъ.

Дѣятельность коммиссіи, составляющей положеніе о резервныхъ и запасныхъ войскахъ, выразилась разработкою проектовъ объ устройствѣ запасныхъ мѣстныхъ батальоновъ и эскадроновъ; ею сдѣланы также разсчеты по распредѣленію ежегоднаго контингента рекрутъ и отпускныхъ чиновъ по губерніямъ и уѣздамъ, опредѣлены для каждой губерніи число и пункты расположенія мѣстныхъ батальоновъ и проч.

Въ то время, какъ означенныя коммиссіи трудятся надъ составленіемъ новаго положенія о военной повинности, въ военномъ мірѣ предпринимаются улучшеніе за улучшеніемъ: передѣлываются ружья изъ обыкновенныхъ въ скорострѣль-

ныя, производятся опыты надъ переносными палатками, заготовляются разные консервы (гороховая колбаса, гречневая каша и проч.), дѣлаются опыты призыва отпускныхъ чиновъ и т. д. Объ этихъ послѣднихъ узнаемъ изъ корреспонденціи «Русскихъ Вѣдомостей», помѣщенной въ № 184 этой газеты. Предполагаемый опытъ назначенъ во второй половинѣ сентября и будетъ происходить въ двухъ уѣздахъ. Уѣзды эти еще не назначены, для того чтобы всѣ они были готовы къ производству въ нихъ призыва. Призывъ же дѣлается съ цѣлію «испытать готовность военныхъ и гражданскихъ (полицейскихъ) мѣстныхъ властей къ исполненію возложенныхъ на нихъ по настоящему предмету обязанностей». Такой опытъ относится къ опытамъ «мобилизаціи» (передвиженія) войскъ, усовершенствованіе которой имѣетъ столь важное значеніе для успѣха войны. Въ связи съ этимъ находится постройка военныхъ желѣзныхъ дорогъ и полевыя поѣздки офицеровъ главнаго штаба, предпринятыя недавно въ Петербургскомъ военномъ округѣ, для подготовки ихъ къ предназначаемымъ имъ въ военное время обязанностямъ. Такія поѣздки, какъ слышно, будутъ введены во всѣхъ военныхъ округахъ имперіи.

Въ заключеніе, не выходя изъ принятой нами программы, упомянемъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на китайской границѣ. Дѣйствія эти направлены противъ таранчей, азіатскаго народа монгольскаго происхожденія, который, не смотря на свою дикую жизнь, располагаетъ значительными артиллерійскими силами, состоящими изъ чугунныхъ и мѣдныхъ орудій, пускаетъ въ дѣло не однѣ только стрѣлы и копья, но и ружья, пистолеты и вообще дѣйствуетъ не партизански, а открытой, правильно сформированной силой. По донесеніямъ генерала Колпаковскаго, 18-го іюня, была взята русскими крѣпость Чинъ-ча-ход-зи, которую защищали нѣсколько тысячъ таранчей и дунчанъ.

Политическое обозрѣніе.

Наиболѣе выдающимися событіями прошедшей недѣли были: пренія во французскомъ Національномъ Собраніи о перенесеніи министерствъ изъ Парижа въ Версаль и вопросъ о временномъ распущеніи палаты — съ одной стороны, и результаты выборовъ въ австрійскій Рейхсратъ — съ другой. Вопросъ о перенесеніи министерствъ изъ столицы Франціи въ Версаль поднятъ былъ однимъ изъ депутатовъ правой стороны (консерваторовъ) совершенно неожиданно и надѣлалъ много шума въ Собраніи. Дѣло въ томъ, что президентъ республики (Тьеръ) и его министры находятся въ настоящее время въ Версалѣ, а самыя министерства — въ Парижѣ; кромѣ того, въ Версалѣ же происходятъ и засѣданія Національнаго Собранія. Члены правой стороны, недолюбливающіе Парижъ за неспокойный нравъ его жителей, хотятъ во что бы то ни стало умалить политическое значеніе «великаго города», отнявъ у него всякую возможность дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на провинціи, — и съ этою цѣлью хлопочутъ, чтобы Версаль сдѣлался фактически столицею Франціи. Понятно, что большинству французовъ, привыкшихъ считать Парижъ средоточіемъ всей политической, общественной и научной дѣятельности страны, не можетъ нравиться подобная мысль. И вотъ чѣмъ объясняется ожесточенная борьба между членами правой и лѣвой стороны, возгорѣвшаяся въ собраніи при обсужденіи этого вопроса. Борьба эта, впрочемъ, не привела ни къ чему, такъ-какъ рѣшено было оставить нынѣшній временный порядокъ въ силѣ на неопредѣленное время. Какъ бы то ни было, но вопросъ о развѣнчаніи Парижа сильно трогаетъ парижанъ, и они вѣроятно не упустятъ случая припомнить его нынѣшнимъ «деревенскимъ» депутатамъ.

Предложеніе объ отсрочкѣ засѣданій Національнаго Собранія обсуждалось въ особой коммиссіи, докладъ которой объ этомъ былъ выслушанъ Палатой 13-го сентября. Затѣмъ слѣдовало чтеніе президентскаго посланія о томъ же предметѣ и рѣшеніе Палаты, которая постановила отсрочить свои засѣданія на два слишкомъ мѣсяца; для наблюденія же за дѣйствіями правительства образовать коммиссію изъ 25 членовъ — по возможности изъ всѣхъ партій Національнаго Собранія. Президентское посланіе, съ полною откровенностью раскрывавшее предъ собраніемъ всѣ затрудненія настоящей минуты, когда странѣ болѣе чѣмъ когда-либо предстоитъ надобность подумать о своемъ будущемъ, — было встрѣчено Палатой довольно холодно. Произошло это, вѣроятно, отъ нѣкоторой безцвѣтности и преднамѣренной осторожности, съ какою написано это посланіе. Тьеру, очевидно, не хочется навязывать странѣ ту или другую правительственную форму, ни даже какимъ-либо образомъ вліять на ея рѣшенія. Впрочемъ, одно мѣсто посланія какъ будто показываетъ если не бóльшую симпатію, то во всякомъ случаѣ бóльшее довѣріе къ «примѣрамъ прошлаго и славнымъ преданіямъ цѣлаго тысячелѣтія» предъ неизвѣстностью будущаго, къ которому однако стремится человѣчество.

Но такъ или иначе, а финансовыя затрудненія, въ которыя поставлена Франція, принудятъ ее во многомъ отказаться отъ этого «славнаго прошлаго», — сократить расходы по министерствамъ военному и морскому, преобразовать свое управленіе, улучшить систему сборовъ и т. д. Государственный бюджетъ Франціи въ слѣдующемъ году будетъ составлять не менѣе $2^1/_2$ мильярдовъ франковъ, четвертая часть которыхъ, именно 640 милл. франковъ (болѣе 180 милл. рублей), пойдетъ на уплату процентовъ и на погашеніе долговъ, сдѣланныхъ въ недавнее время. Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, необходимо или установить новые налоги, или сдѣлать сбереженія въ расходахъ на войско и флотъ. Но тутъ возникаетъ новое затрудненіе: Тьеръ не только не желаетъ сокращенія арміи, а напротивъ того старается увеличить ее до 450 т. человѣкъ, т. е. до такого числа, до какого она не достигала даже при экс-императорѣ Наполеонѣ III. Кромѣ того, онъ настаиваетъ еще на укрѣпленіи фортовъ, окружающихъ Парижъ, поправкѣ старыхъ и воздвиженіи новыхъ. Министерство же финансовъ противится такимъ планамъ, находя, что для осуществленія ихъ надо выбрать болѣе удобное время, когда Франція оправится отъ нанесеннаго ей пораженія и будетъ въ состояніи вынести новые налоги. Что касается до сокращеній по другимъ частямъ управленія, то они такъ незначительны, что ни въ какомъ случаѣ не могутъ наверстать собою недочетъ въ бюджетѣ на 560 м. франковъ.

Въ Австріи, какъ извѣстно, съ давнихъ поръ ведется борьба двухъ національностей: нѣмецкой и славянской. Во главѣ славянскаго движенія стоятъ чехи и поляки. Требованія чеховъ гораздо значительнѣе польскихъ желаній: они добиваются почти полнаго самоуправленія. Посредникомъ между чехами и правительствомъ является графъ Гогенвартъ, который, вопреки проискамъ нѣмецкихъ централистовъ, опирающихся на авторитетъ графа Бейста, успѣлъ привести дѣло къ полному соглашенію. Правительство не только рѣшилось сдѣлать требуемыя чехами уступки, но еще составило нѣсколько проектовъ, расширяющихъ политическія права всѣхъ національностей Австріи безъ различія. Эти проекты касаются избирательныхъ правъ и устройства областныхъ сеймовъ; они будутъ внесены правительствомъ въ эти сеймы для обсужденія. Послѣдніе выборы въ областные сеймы обнаружили слабость централистской партіи и силу партіи федералистовъ: почти на всѣхъ сеймахъ либеральные депутаты взяли перевѣсъ надъ централистами.

11-й тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.	№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.	№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.
00,058	42	500	04.832	32	500	08,914	16	500
00,069	17	1,000	04,909	38	500	08,934	23	500
00,179	31	500	04,974	34	1,000	09,011	12	500
00,389	33	500	05,182	18	500	09,063	35	8,000
00,461	35	500	05,287	5	500	09.128	46	500
00,472	15	500	05,316	23	500	09,184	3	1,000
00,566	19	500	05,327	38	500	09,255	11	500
00,766	38	5,000	05,336	15	10,000	09,289	16	1,000
00,924	33	500	05,340	40	1,000	09,296	41	500
00,957	33	500	05,493	2	500	09,432	46	500
00,990	44	500	05,565	47	500	09,452	39	500
01,119	13	500	05 610	1	500	09,455	24	500
01,163	31	500	05,691	45	500	09,529	2	500
01,213	11	500	05,815	2	500	09,529	7	500
01,247	34	500	05,836	4	1,000	09,544	45	500
01,255	4	500	05,904	25	25,000	09,643	44	500
01,342	30	500	05,946	14	1,000	09,728	43	500
01,379	22	500	05,960	16	500	10,014	19	1,000
01,465	41	500	06,004	29	5,000	10,028	42	500
01,487	6	5,000	06,145	39	500	10,086	21	500
01,618	24	500	06,222	6	500	10,097	44	40,000
01,682	37	500	06,281	2	500	10,138	42	500
01,709	13	500	06,304	34	500	10,159	31	500
01,854	28	500	06,526	37	500	10,264	6	500
01,933	2	500	06,536	25	500	10,383	29	500
01,959	43	500	06,548	50	500	10,400	12	500
02,026	39	500	06,629	4	500	10,432	25	500
02,075	11	500	06,820	22	500	10.479	24	500
02,076	39	500	06,830	48	500	10,592	6	500
02,082	38	1,000	06.854	38	500	10,610	8	500
02,107	4	500	06,927	45	500	10,642	33	500
02,120	30	500	07.206	17	500	10,810	1	500
02,148	28	500	07,284	49	500	10,857	21	500
02,176	2	500	07.340	34	500	10,861	9	500
02,287	12	500	07,348	50	500	10,882	14	500
02,363	20	500	07,560	28	500	10,888	25	500
02,575	24	500	07,607	4	500	10,930	30	500
03,584	20	500	07,651	27	500	10,946	28	500
02,686	42	500	07,654	14	500	11,081	48	500
02,720	45	500	07,734	31	500	11,176	36	500
02,826	32	500	07,797	24	500	11,263	38	500
02,884	18	500	08,024	48	500	11,349	27	500
02.897	17	500	08,150	12	500	11,389	11	500
02,901	8	500	08,157	21	1,000	11,474	33	500
02,961	3	500	08,220	1	500	11,492	10	500
02,987	6	500	08,243	29	500	11,507	39	500
03,012	5	8,000	08,267	16	500	11·709	4	5,000
03,048	4	500	08,287	47	500	11,735	38	500
03,275	25	500	08,373	39	500	11.812	32	500
03,545	13	500	08,432	1	500	11,822	24	200,000
03,685	40	500	08,433	15	500	11,928	12	1,000
03,748	15	500	08,489	41	500	11,989	21	500
04,145	36	500	08,522	29	500	12,009	2	8,000
04,186	32	5,000	08,533	37	500	12,050	27	500
04,252	5	500	08,610	11	8,000	12,130	4	500
04,308	48	500	08,633	43	500	12.147	15	500
04,330	33	500	08,834	38	500	12,220	2	500
04,653	13	500	08,858	44	500	12,246	42	5,000
04,702	18	500	08.874	4	500	12,350	38	500
04,825	14	500	08,897	43	500	12,392	34	500

№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.	№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.	№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.
12,503	33	500	15,483	7	000	17,450	26	75,000
12,615	38	500	15 509	5	500	17,613	35	500
12,619	11	500	15,577	5	500	17,625	42	500
12,639	45	500	15,654	10	500	17,727	35	500
12,661	16	500	15,675	9	500	17,737	5	500
12,669	29	500	15,856	1	500	17,810	46	500
12,760	42	500	15,858	3	500	18,140	23	10,000
12,763	5	500	15,892	20	500	18,169	17	500
12.855	21	500	15,920	1	500	18,210	36	500
12,878	36	1,000	15.967	11	500	18,260	42	500
12,892	17	500	15,971	34	500	18,292	18	500
12,892	38	500	15,979	44	500	18,394	40	500
12,953	33	500	16,018	7	500	17,397	28	500
13,183	46	500	16,067	31	1,000	18,440	9	500
13,229	43	500	16,101	2	500	18,508	6	500
13,452	49	500	16,272	9	500	18,713	13	500
13,531	41	500	16,333	38	500	18,713	46	500
13,675	50	500	16,469	18	500	18,714	3	500
13,684	10	500	16,487	50	500	18,785	4	500
13,879	24	500	16,488	36	500	18,845	45	500
13,902	22	500	16,491	37	1,000	18,861	39	500
13,963	42	500	16,510	9	500	18,862	35	500
14,089	10	500	16,530	14	500	18,952	43	5,000
14,108	37	500	16,567	30	500	19,014	35	500
14,125	28	500	16,586	16	1,000	19,120	41	1,000
14,149	25	500	16,629	50	500	19,149	15	500
14,152	20	1,000	16,709	11	500	19,158	41	500
14,209	29	500	16,794	47	500	19,234	9	500
14,280	20	500	16,796	12	500	19,266	19	1,000
14,392	27	500	16,841	1	500	19,273	35	500
14,494	1	500	16,926	30	500	19,337	20	500
14,542	2	500	17.002	46	500	19,416	33	500
14,553	9	5,000	17,011	42	500	19,528	41	500
14,605	24	500	17,207	17	500	19,553	35	500
14,607	50	8,000	17,220	22	500	19,614	19	500
15,183	25	500	17,260	39	500	19,664	45	10,000
15,206	40	500	17,289	31	500	19,782	4	500
15,285	11	500	17,386	30	500	19,842	5	500
15,342	18	500	17,389	39	500	19,924	9	1,000
15,349	1	500	17,412	5	500	19,949	37	1,000

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи государственнаго банка 1-го сентября 1871 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

00.216, 00,320, 00.344, 00 361, 00.893, 01,485, 01.568, 02.410, 03.707, 03 855, 03.870, 04.650, 04 856, 05.224, 05.410, 05.448, 05.615, 06.612, 07,254, 08.248, 08.448, 09.298, 09.695 10.336 10.442, 11.032, 11.487, 12.468, 12.546, 12.810, 13.337, 13,667 14.437, 15.186, 15.841 15.992, 16.126, 16 354, 16,455, 17.828 17.847, 18.184, 18.724, 18.855, 19.400, 19.846.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 11 Сентября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.-П.-б. Б Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. к Влад. д. № 45—1.

№ 38. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 20 сентября 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13. Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ настоящаго нумера мы начинаемъ печатать обѣщанную нами историческую повѣсть «При Петрѣ» В. И. Кельсіева, помѣщеніе которой нѣсколько запоздало, такъ какъ авторъ желалъ дополнить свое произведеніе на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій и матеріаловъ. Помня успѣхъ, которымъ пользовалась въ средѣ нашихъ читателей повѣсть «Москва и Тверь», мы надѣемся, что новое произведеніе того же автора, отражающее въ себѣ эпоху несравненно-ближайшую къ намъ и болѣе блестящую, прочтется ими тѣмъ съ большимъ интересомъ.

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

В. И. Кельсіева.

I.

Ничего кромѣ камыша въ болотѣ да лѣсовъ.

Свѣтловоднѣйшая въ мірѣ рѣка течетъ въ глухой пустынѣ, кое гдѣ подъ навѣсомъ сосенъ.

Нужно было быть геніемъ, чтобъ помыслить даже поставить на этомъ болотѣ цѣлый городъ — тотъ Петербургъ, который мы видимъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Инженерный Замокъ, при впаденіи Мьи въ Фонтанную рѣчку, споконъ вѣку, по крайней мѣрѣ со временъ Царя Ивана Васильевича III, стояла деревня Усадище. Тамъ, гдѣ теперь въ Лѣтнемъ Саду стоитъ Лѣтній Дворецъ, стояла мыза шведскаго майора Конау; а тамъ гдѣ теперь Мраморный Дворецъ стоитъ, былъ построенъ Петромъ почтовый дворъ, гдѣ государь не разъ дѣлывалъ пиры да банкеты.

Великій Государь началъ строить городъ, вернувши Невскія устья отъ шведовъ, на томъ островѣ, что называемъ мы Петербургскою стороной; близь зачатой земляной крѣпости, Меньшиковъ распорядился при самомъ же началѣ постройкою крошечнаго домика Петру

Великому, который хранится на Петербургской сторонѣ въ каменномъ футлярѣ.

Повсюду лѣса рубились, строилась верфь, и въ рѣдкіе пріѣзды сюда за всѣмъ наблюдалъ самъ Великій Государь. Онъ, какъ любитель всего иноземнаго, даже многія мѣста въ Петербургѣ назвалъ иностранными именами, такъ напр. имъ дано сохранившееся до сихъ поръ названіе Адмиралтейства корабельному судовому двору.

Много стоило завалить и топкія болота и трясины, но неутомимый Петръ не отказывался отъ своей задачи—и все что̀ было толковѣйшаго и дѣятельнѣйшаго въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ если и не совсѣмъ ему сочувствовало, за то и не выражало неодобренія, обязанное даже чинить посильную помощь. Противъ него былъ развѣ какой нибудь старовѣръ, человѣкъ искренній, но который дальше носу своего ничего не видѣлъ и не могъ предвидѣть, что придетъ другое время, будетъ другой монархъ, при которомъ Руси не будетъ надобности въ насильной выучкѣ. Тогда намъ русскимъ, это нужно было; поступать въ школу было трудно (волею-неволею, сказать правду), да выйдти изъ Московскихъ порядковъ, никуда не годившихся, приходилось во что̀ бы то ни стало — и старое дурное требовалось замѣнить новымъ лучшимъ, а безъ того нельзя было дальше тянуть государственную машину. И вотъ, къ концу втораго десятилѣтія XVIII вѣка новая столица мало по малу обстроилась, и стали все больше да больше наѣзжать въ нее русскіе люди изъ дальнихъ концовъ государства.

Алексѣй Парамоновичъ Свѣчниковъ родился и выросъ въ Ростовѣ, а потомъ жилъ въ Москвѣ, подъ тѣмъ вліяніемъ, которымъ были насквозь пропитаны современники царя Алексѣя Михайловича, и состоялъ при дворѣ его въ приспѣшникахъ. Стремленіе подѣлаться во что̀ бы то ни стало европейцами, сбросить подавляющій гнетъ старыхъ обрядовъ, старыхъ обычаевъ, всосалось въ его плоть и кровь. Когда пришла вѣсть, что царь Петръ собственноручно стрижетъ бороды у всѣхъ ближнихъ бояръ и велитъ всѣмъ одѣваться по европейски, — хотя и при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ уже велѣно было всѣмъ одѣваться въ венгерки,—Алексѣй Парамоновичъ съ радости позвалъ брадобрѣя и смахнулъ у себя изъ усердія не только бороду, но даже и усы.

Приходился Алексѣй Парамоновичъ—человѣкъ уже не молодой въ описываемое нами время—какимъ-то неизмѣримо дальнѣйшимъ родственникомъ съ женской стороны князю Меньшикову и на этомъ основаніи вздумалъ рабски просить свѣтлѣйшаго князя герцога Ингерманландскаго пожаловать его своей высокой милостью — перевести къ себѣ подъ бокъ въ Петербургъ. Алексѣй Парамоновичъ чувствовалъ, что при такомъ царѣ, который просвѣщенныхъ людей требуетъ, можно было себя показать и кое-какъ въ люди выйдти. Онъ былъ вдовецъ, изъ всей семьи у него остался только сынъ Константинъ. Князь былъ съ царемъ въ походѣ—со шведомъ воевалъ и послѣ цѣлаго года ожиданія удостоилъ отвѣтомъ. Самъ, какъ извѣстно, писалъ свѣтлѣйшій съ трудомъ и въ большинствѣ случаевъ отвѣчалъ черезъ своихъ приближенныхъ, и Свѣчниковъ получилъ чрезъ управляющаго имѣньемъ записку, само собою разумѣется не собственноручную, слѣдующаго содержанія:

«Жалуетъ тебя его свѣтлость, родня твоя по женѣ, князь Александръ Данилычь и позволяетъ тибе, холопу его, переехать въ новосозидаемый градъ Санктъ-Питербурхъ и держать въ семъ граде вольный дворъ такожде и пиревозъ чрезъ рѣку Неву, понеже бывшій содержатель вольнаго двора Митрофанъ Иванычь Собакинъ волею Божею умре а содержать оный дворъ таперече не кому».

Не прошло трехъ недѣль, какъ любитель всякой заморщины и замѣчатель новыхъ порядковъ, человѣкъ до такой степени просвѣщенный, что даже латинскія буквы разбирать умѣлъ, старикъ Парамонычъ очутился въ строющемся градѣ святаго Петра.

Была скверная погода—одна изъ тѣхъ, которыя петербургскимъ жителямъ не въ диковину; не дождикъ лилъ, а моросило; небо было хмурное, сѣрое, даже вѣтеръ былъ теплый, а между тѣмъ пробирало до костей.

По извилистой улицѣ, ведшей отъ Адмиралтейскаго двора къ царской усадьбѣ, къ вольному двору и къ перевозу шелъ одинъ одинехонекъ человѣкъ плечистый, непомѣрно-высокаго роста. На немъ были поношенный суконный охобень по колѣно и низенькая, лакированная голландская шляпа, въ какихъ ходятъ моряки. На ногахъ у него были высокія русскаго приготовленія ботфорты. Онъ шелъ большими шагами къ вольному двору по берегу Невы, запахнувшись въ охобень и угрюмый, сосредоточенный, чѣмъ-то взбѣшенный. Углы губъ у него вздрагивали и лицо подергивалось нервною судоргой, голова слегка тряслась, а правая рука судорожно сжимала желѣзную трость, описывая въ воздухѣ разные круги и какъ бы намекая, что страннику великану крѣпко хотѣлось кого нибудь отвозить ею приличнымъ образомъ по хребту и по бокамъ. Лицо у него было смуглое, гладко выбритое, по тогдашнему порядку; коротко-подстриженные усы были завернуты кверху. Во всей его манерѣ было нѣчто повелительное, грозное, такъ и говорившее: не шути со мной, потому что шутки я шучу не хорошія, и не стой ты мнѣ на дорогѣ.

Парамонычъ былъ человѣкъ обрядливый: во что бы то ни стало, возставъ отъ сна, ему нужно было выдти на крылечко, подышать чистымъ воздухомъ—что̀ онъ сдѣлалъ и въ этотъ день; къ нему тутъ же присосѣдился, на другой сторонѣ крылечка, двадцатипятилѣтній сынъ его, Константинъ, съ моделью водяной мельницы, которую онъ самъ выдумалъ. Чай только еще вводился въ употребленіе русскаго общества, и отецъ съ сыномъ, какъ самые цивилизованные люди, съ большой важностью и съ пущимъ достоинствомъ тянули его изъ стакановъ. Вдругъ явилась эта высокая, смуглая фигура, съ поддернутыми кверху усами, и остановилась предъ ними.

— Ей ребята, сказалъ онъ, — Иванычъ-то гдѣ?

— Какой-тѣ Иванычъ? отвѣчалъ Парамонычъ.

— Собакинъ, настойчиво сказалъ пришедшій, еще пуще задергавши губами и широко раздувая ноздри.

— Да ты кто такой? Мало васъ шляться будетъ всякихъ мастеровъ. Будетъ мнѣ что я третью недѣлю въ Питербурхѣ, а отъ васъ отбою нѣтъ.

— Слушай, сказалъ, подступая ближе, пришедшій,— ты мнѣ скажи толкомъ: гдѣ Собакинъ?

Парамонычъ всталъ, потому что въ жестахъ пришельца было столько внушительнаго, что онъ невольно ему покорялся, несмотря на всю свою гордость содержателя вольнаго двора и перевоза въ Санктъ-Питербурхѣ.

— Богу душу отдалъ, сказалъ онъ довольно почтительно.

— Ну, спаси Богъ его душу — онъ все это дѣло въ порядкѣ держалъ. Такъ это ты на его мѣсто поступилъ? Посмотримъ, каковъ то ты будешь?

Парамонычъ сталъ какъ-то къ дверямъ сторониться, ему почудилось въ этомъ прохожемъ что-то такое, что тутъ не сдерешь лишней деньги, или лишняго алтына. Несмотря на странный костюмъ, на это загорѣлое лицо, онъ чувствовалъ предъ собой силу и власть, и невольно робѣлъ. Константинъ, напротивъ того, сидѣлъ спокойно и разсматривалъ прохожаго съ любопытствомъ.

— Анисовка у тебя есть, какъ была у покойника? спросилъ прохожій.

— Анисовка водится, пріободрился Парамонычъ.

Подергиваніе губъ исчезло и прохожій усмѣхнулся.

Онъ, не спрашивая позволенія Парамоныча, шагнулъ на крылечко—и какъ человѣкъ, очевидно знающій расположеніе дома, вошелъ, сѣлъ на лавку прямо въ красный уголъ, подъ образа, сбросилъ шляпу свою и отсырѣвшій охобень и остался въ синемъ суконномъ бострогѣ и такого же цвѣта штанахъ, запрятанныхъ въ ботфорты по колѣно.

— Слушай, сказалъ онъ Парамонычу, — дай ты мнѣ рюмку анисовки, да чего-нибудь закусить.

Парамонычъ, попавшій изъ захолустья въ новостроющуюся столицу, наконецъ вломился въ амбицію; дома онъ былъ не послѣдняя спица въ колесницѣ, сюда онъ пріѣхалъ чтобъ всякихъ этихъ генераловъ и всякихъ вельможъ видѣть, а можетъ быть и самаго Великаго Государя, и такое обращеніе человѣка, у котораго подъ плащемъ ничего особеннаго не оказалось, съ нимъ, съ Парамонычемъ, немножко его передернуло.

— Полтора алтына, брюзгливо сказалъ онъ.

Великанъ-гость посмотрѣлъ на него ласково, съ усмѣшкой.

— Я сегодня получилъ жалованье, сказалъ онъ,— и вотъ тебѣ въ залогъ крестовикъ, только ужь ты меня для перваго знакомства угости. Видно ты, дядя, меня совсѣмъ не знаешь?

Парамонычъ посмотрѣлъ на серебряный рубль, выложилъ его на столъ, повернулъ во всѣ стороны, попробовалъ на зубъ и спросилъ весьма основательно:

— Такъ ты это при Собакинѣ сюда, значитъ, постоянно ходилъ?

Гость разсмѣялся своимъ звучнымъ смѣхомъ, подергалъ своими короткими, загнутыми къ верху усами.

— Ничего, отвѣчалъ онъ,—дверей намъ Собакинъ, дай Богъ ему царствіе небесное, не запиралъ; да вотъ я долго очень въ отлучкѣ былъ — а онъ мнѣ долго жить приказалъ. Ну, такъ дай же мнѣ рюмку водки да крендель.

И опять это было сказано такъ повелительно, что Парамонычу словно неловко сдѣлалось.

— Да и позови-ка ты ко мнѣ твоего этого вотъ молодца, что съ тобою сидѣлъ. Что онъ тебѣ, сынъ, что-ли, приходится? Кликни-ка его сюда.

Парамонычъ пошелъ за анисовкой, которую онъ держалъ въ стеклянномъ кувшинѣ, и сказалъ Константину, вышедши на крыльцо:

— Ступай—добро, къ этому мастеру, что-то больно онъ диковинный человѣкъ.

Константинъ вошелъ, таща съ собою модель своей мельницы.

— Эй, молодецъ, подойди-ка сюда, сказалъ гость.

— Чего тебѣ надобно? отвѣчалъ Константинъ.

— Надо посмотрѣть твою машину, сказалъ гость такъ настойчиво, что Константинъ посмотрѣлъ на него и поставилъ передъ нимъ на столъ свою модель.

— Ариѳметику и геометрію знаешь? спросилъ гость.

Константинъ обидѣлся.

— Да ты чего? спросилъ онъ.

Гость разсмѣялся.

— Да ты мнѣ прямо скажи говорилъ смуглый великанъ, — знаешь или не зна ль? Мнѣ любопытно знать, отчего вотъ эта шестерня у тебя о восьми зубцахъ?

— Это мое дѣло, отвѣчалъ Константинъ.

— Много вашего брата, мастеровъ, тутъ таскается, отвѣчалъ Константинъ,—а какъ поглядишь на васъ, мало кто въ счетномъ художествѣ силенъ. Мы вотъ съ тятенькой недавно изъ Ростова пріѣхали; у насъ въ Ярославской сторонѣ люди — Господи Твоя воля—какъ надъ счетомъ убиваются!

— Правда? воззрился на него гость, закусывая кренделемъ,—учатся?

— Что-жъ, слава Тебѣ Господи, сказалъ Константинъ,—не совсѣмъ въ лѣсу живемъ, не совсѣмъ на пень Богу молимся. Какъ Царское Величество сталъ это новые порядки вводить, такъ много-много народу кинулось всему учиться.

— А ты самъ, молодецъ, допрашивалъ великанъ,— отъ кого научился математикѣ?

— Отъ кого научился? Первое—это не твое дѣло; а ужь коли тебѣ любопытно, научился я отъ нѣмца; такой голанскій нѣмецъ у насъ живетъ тамъ, въ самомъ Ярославлѣ, у такого-жь нѣмца на конторѣ служитъ. Шесть рублевъ тятенька ему за науку далъ.

— Мѣло́къ есть? спросилъ гость.

— Есть.

— Подай сюда.

И молодой человѣкъ опять точно невольно повиновался. Великанъ всталъ и заскорузлыми пальцами написалъ на стѣнѣ алгебраическую задачу. Блѣдный, худенькій, русый Константинъ, ухмыляясь ему въ лицо, взялъ у него изъ рукъ мѣло́къ, подошелъ къ стѣнѣ и тутъ же написалъ разрѣшеніе.

— Вѣрно, сказалъ незнакомецъ. — Ну, а теперь объясни ты мнѣ, коли ты знаешь это дѣло, какъ снять лонгитуду и латитуду?

— Какъ снять? отвѣчалъ Константинъ,—а вотъ такъ.

Онъ поставилъ палецъ противъ праваго глаза въ видѣ зрительной трубы.

— Видишь ты, мастеръ: въ полдень поймать солнце на меридіанѣ.

Парамонычъ, не смотря на все свое величіе бывшаго приспѣшника и на свои связи съ Меньшиковымъ, молчаливо и смирно сидѣлъ на лавкѣ подлѣ великана и ломалъ голову, кто бы это могъ быть: онъ слышалъ, что въ Петербургѣ многіе, даже и родовитые люди топорами работаютъ.

— Ну, молодецъ, продолжалъ гость, — покажи-ка мнѣ твою машину.

— Эхъ, мастеръ, чего добраго, ты у меня ее высмотришь, да потомъ самому Царю покажешь?

Гость расхохотался.

— Я тебѣ говорю, покажи.

И они вмѣстѣ принялись разсматривать модель.

— Не пойдетъ, сказалъ гость.

— Отъ чего не пойдетъ? обидѣлся Константинъ.

— Считай, сталъ толковать гость,—у тебя въ шестернѣ восемь зубцовъ, а главное, у тебя все на этомъ колесѣ вертится; обломится—и все твое зданіе прахомъ пойдетъ, развалится.

Молодой человѣкъ задумался. Замѣчаніе было вѣрно.

— Слушай, мастеръ, раззадорившись сказалъ онъ,— пойдемъ-ка мы въ сарай, тамъ у меня другая машина. Сказать тебѣ теперь ничего не могу на счетъ моей мельницы, а ты другое посмотри.

— Пойдемъ, сказалъ весьма охотно гость и лицо его окончательно просвѣтлѣло,—пойдемъ. Я въ этомъ дѣлѣ кое-что смыслю... и отчего мнѣ тебѣ не помочь!

Константинъ дружески пошелъ рядомъ съ гостемъ, а Парамонычъ, въ головѣ котораго засѣла догадка, что гость не простой человѣкъ, и вертѣлось даже имя этого человѣка, глубокомысленно и почтительно шагалъ за ними.

— Видишь, говорилъ Константинъ, почесывая рукою подбородокъ, гдѣ недавно у него была русая борода,—вотъ-тѣ тоже механика. Вотъ поди ты и разбери: винтъ такой у меня простой, деревянный—такъ отъ руки взялъ и вырѣзалъ — это чтобъ землю копать. Станетъ землю буравить—и ты хоть до самой глубины землю буравь такъ и пробуравишь.

— Ты это съ собой изъ Ростова привезъ?

— Съ собой, изъ Ростова. Мало чего у меня, какихъ затѣй въ головѣ нѣтъ!

— Да ужь онъ у меня затѣйникъ, вмѣшался Парамонычъ, робко вглядываясь въ лицо гостя.—Что до этихъ махинъ, такъ даже, государь мой, уши мнѣ просверлилъ, а руки у него золотыя, да и голова не кашей набита.

Гость стоялъ въ сараѣ и какъ-то особенно пристально смотрѣлъ на нихъ. Наконецъ, размахнувшись могучимъ кулакомъ, онъ треснулъ по стѣнѣ, такъ-что стѣна, какъ показалось Константину и отцу его, дрогнула.

— Вотъ они гдѣ прячутся, кого мнѣ нужно! прогремѣлъ гость.

Но вдругъ глаза его сверкнули какимъ-то грознымъ блескомъ и губы опять задрожали.

— Ага, и тѣ ѣдутъ, крикнулъ онъ,—милости просимъ!

Онъ выскочилъ изъ сарая и какъ былъ, въ одной курткѣ, простоволосый, выбѣжалъ на дорогу. Какъ ни размокла эта болотистая земля, которая теперь составляетъ Англійскую и Дворцовую набережную, но всетаки былъ слышенъ звукъ лошадиныхъ копытъ и подъѣзжающаго экипажа,—и будь ухо Парамоныча попривычнѣе, онъ разобралъ бы, что это ѣдетъ одноколка, а не четырехъ-колесная телѣга.

Ухо гостя было разборчивѣе. Сжавши кулаки, онъ стоялъ посреди дороги въ своемъ синемъ бострогѣ и не обращалъ вниманія на то, что вѣтеръ раскидывалъ его черные, какъ смоль, волосы. Смуглое широкое лицо его было блѣдно.

— Развѣ такъ дѣлается?! кричалъ онъ страшнымъ голосомъ.—Развѣ такъ дѣла дѣлаются? Я прихожу— я *самъ* прихожу на работы, а васъ нѣту! Спрашиваю: гдѣ твое сіятельство и гдѣ твое благородіе?—а васъ и не видали. Я за топоръ — я, вашъ Царь, работаю какъ никто другой не работаетъ,—а гдѣ вы въ это время были?!

Парамонычъ и Константинъ, стоя у воротъ, обмерли.

Такъ вотъ страшный Царь, котораго имъ хотѣлось хоть изъ-за угла посмотрѣть, явился воочію, анисовки выпилъ, посмотрѣлъ всякія затѣи Константина!.. «Господи, да будетъ воля Твоя!» думалъ Парамонычъ: «можетъ быть онъ намъ головы посымаетъ, да впредь того велитъ въ Преображенскомъ приказѣ побывать,— грубенько съ нимъ обошелся».

Тутъ Парамонычъ увидѣлъ, какъ изъ одноколки проворно выскочили двое вельможъ, сбросивъ съ себя мѣховые плащи. До сихъ поръ они сидѣли какъ статуи: они-было окаменѣли отъ ужаса.

Одинъ изъ нихъ очень маленькій, съ лицомъ пухлымъ и небольшими умными глазами, былъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, директоръ петербургскихъ строеній; другой, худощавый, роста выше средняго, блѣднолицый съ жесткими черными волосами при усахъ, былъ Наумъ Акимовичъ Сенявинъ, раздѣлявшій съ княземъ Черкасскимъ завѣдованіе петербургскими работами, дѣлецъ исполнительный и аккуратный, большой хлопотунъ, но примѣрной честности и не слишкомъ податливый на требованія вельможъ и приближенныхъ.

— Отчего желѣзо до сихъ поръ не принято? продолжалъ великанъ, понижая голосъ, когда тѣ двое подошли къ нему: — пріѣзжаю сегодня на работы и что же мнѣ кровельный мастеръ говоритъ: «желѣза нѣтъ». Почему до сихъ поръ не принято?

— Цаловальники *) всѣ въ разгонѣ, государь, отвѣчалъ князь Черкасскій съ поклономъ.

— Собрать поскорѣе, нетерпѣливо перебилъ государь: — Демидовъ тоже вонъ жаловался на проволочку, что люди его проѣдаются здѣсь, а желѣзо лежитъ даромъ ржавѣетъ...

— Инъ позволь, государь, заговорилъ Сенявинъ, выступая въ свою очередь: — демидовское желѣзо зря принимать негоже, надо съ осторожностью: тамъ у него между хорошимъ-то браку много, а послѣ и пойдутъ трещины въ полосахъ...

— Ну, ну, дѣлай какъ знаешь, только справь проворнѣй, сказалъ смягченный государь, кивнувъ головой, и затѣмъ, обернувшись назадъ, крикнулъ:

— Эй, ты, какъ тебя звать?

— Алешка, робко отвѣчалъ Парамонычъ.

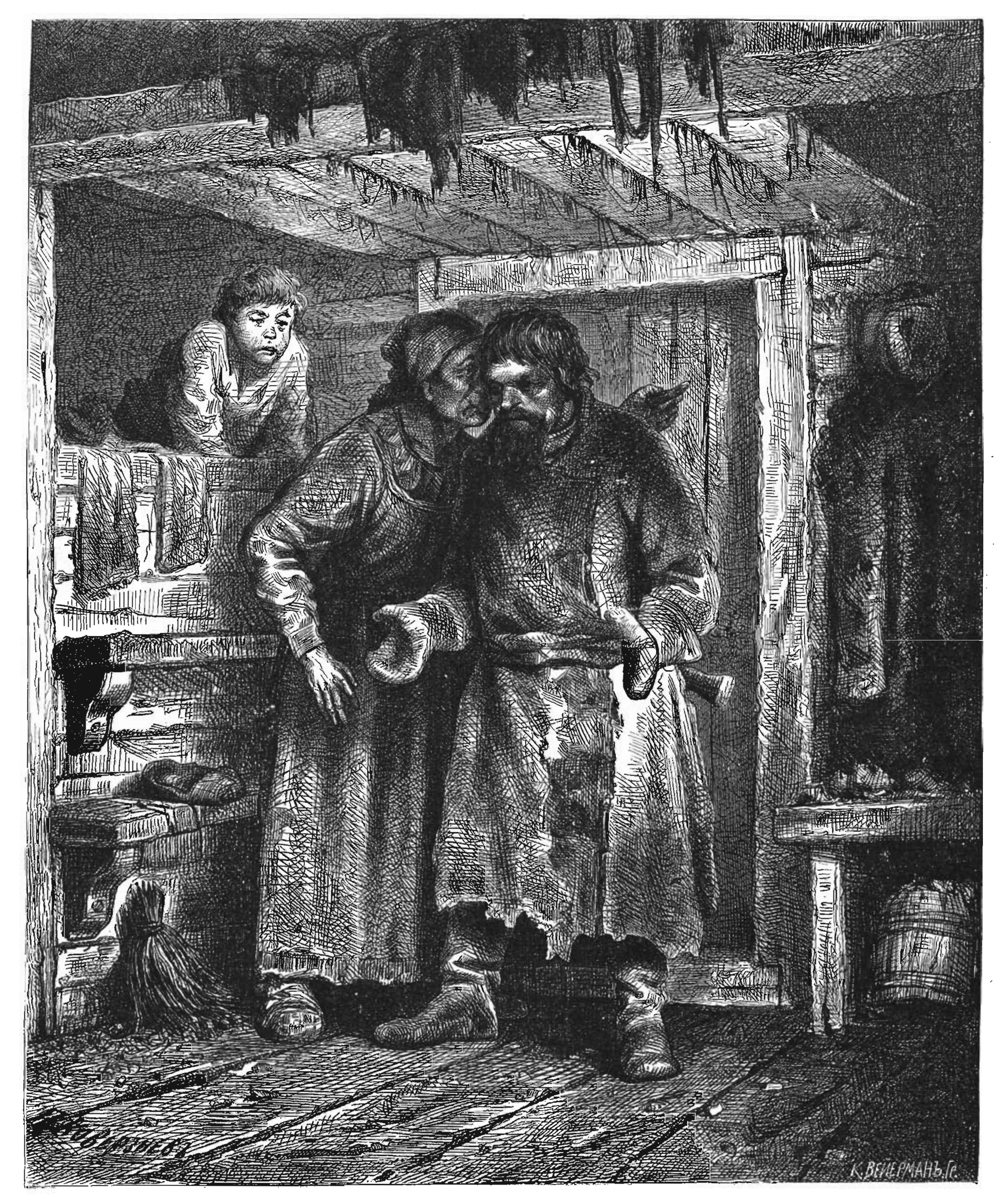
— А тебя, молодецъ, какъ звать?

— Костька, проговорилъ Константинъ.

— Ботъ мнѣ сюда!..

Парамонычъ со всѣхъ ногъ кинулся на перевозъ. Государь пошолъ слѣдомъ, разговаривая съ двумя строителями и поглядывая впередъ на рѣку. По Невѣ катились крупныя свинцовыя волны, изрѣдка пѣнясь и какъ бы подпрыгивая; вѣтеръ крѣпчалъ и гналъ темныя, грозовыя тучи, отороченныя золотистымъ солнечнымъ отсвѣтомъ; широко и все еще какъ-то пустынно раскинулась бурливая рѣка, сдерживаемая сваями; обрывки мелкихъ облаковъ быстро неслись по блѣдной синевѣ... Петръ вошелъ въ поданный ботъ одинъ одинехонекъ, сильной рукою поднялъ и закрѣпилъ мачту; парусъ трепеща надулся будто грудь могучаго лебедя, государь

*) Цаловальниками назывались выборные пріемщики, которые не получали жалованья и вступая въ отправленіе должности цаловали крестъ, принимая присягу.

Бабій секретъ.

Оригинальный рисунокъ П. Е. Коверзнева, на деревѣ исполненъ самимъ авторомъ, гравированъ К. Вейерманомъ.

взялъ весло...—и судно тихо пошло противъ теченія къ домику на городскомъ острову, нынѣ Петербургской сторонѣ.

— Слышь, Константинъ! внезапно крикнулъ государь, оборачивая голову черезъ плечо, — токарную мою знаешь?

— Слыхалъ, Ваше Царское Величество, отвѣтилъ молодой человѣкъ, и сердце его дрогнуло въ предчувствіи чего-то нежданно-желаннаго.

— Приходи завтра пораньше — ты мнѣ нуженъ, сказалъ Петръ, сильно работая весломъ; ботъ покачивался, ныряя въ сизыхъ волнахъ, становясь малъ-мала-меньше, постепенно скрадывая въ глазахъ стоявшихъ на берегу образъ великана-кормчаго съ загорѣлымъ лицомъ и развѣвающимися изъ-подъ шляпы чорными волосами...

(Продолженіе будетъ).

Бабій секретъ.

(Оригинальный рисунокъ П. Е. Коверзнева).

Быть можетъ нѣкоторые изъ нашихъ петербургскихъ читателей, посѣщавшихъ въ 1869 году выставку художественныхъ произведеній при Императорской Академіи художествъ, вспомнятъ небольшую картинку одного изъ учениковъ ея: «Іоаннъ Грозный у гроба сына». Трудно было по этому первому опыту предвидѣть въ то время, какъ разовьется талантъ молодаго художника, и еще труднѣе угадать, какое направленіе примутъ окрѣпшія творческія силы. Кому бы, при взглядѣ на прилагаемый рисунокъ чисто-русскаго жанра, могло придти въ голову, что произведеніе это принадлежитъ карандашу того самаго П. Е. Коверзнева, который два года тому назадъ впервые выступилъ съ попыткой исторической живописи масляными красками?.. Это одна изъ тѣхъ обычныхъ и вѣчно-дивныхъ метаморфозъ, которымъ подвергается каждый талантъ, отрѣшаясь отъ ученическаго, робкаго, подражательнаго, навѣяннаго чтеніемъ и классныхъ изученіемъ отдаленныхъ эпохъ прошлаго, и обращаясь къ живой дѣйствительности, проникающей всѣ поры близкаго, понятнаго намъ народнаго быта; это одно изъ самыхъ наглядныхъ и блестящихъ доказательствъ того, какія силы черпаетъ художникъ въ столкновеніи съ родною стихіею, подобно Антею припадавшему къ своей матери-землѣ...

Взгляните, какой жизненной правдой дышетъ обстановка этой избы — палати съ развѣшаннымъ тряпьемъ, тотчасъ надъ дверью, въ которую не нагнувшись не войдешь, что̀ видно въ самой позѣ только-что вернувшагося мужика; русская печь со стремянкой, сушащееся полотенце, лапоть и голикъ, а тамъ подъ лавкой полуопрокинутый боченокъ и на бревенчатой стѣнѣ шапка — все это съ такою полнотой рисуетъ нехитрое житье-бытье крестьянина... Самъ онъ повидимому прямо изъ лѣсу: рваный зипунишка туго-на-туго стянутъ кушакомъ, за которымъ торчитъ топоръ, и рукавицы еще не скинуты, а баба что-то ужь шепчетъ мужу на ухо, словно она ждала недождалась подѣлиться съ нимъ новостью, такъ и кинулась къ нему съ вѣсточкой... Все лицо ея пріятно осклаблено, а въ глазахъ свѣтится старческое участіе къ тому, что̀ она разсказываетъ... Мужу по горло своихъ заботъ, для того чтобъ придавать много важности бабьимъ розсказнямъ; но за то мальчуга, грѣвшійся на печи, никакъ не можетъ совладать съ любопытствомъ и весь такъ и тянется подслушать, въ чемъ дѣло у дѣда съ бабкой...

Предоставляя самому читателю судить объ общемъ впечатлѣніи рисунка, мы не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о гравюрѣ, исполненной нашимъ даровитымъ сотрудникомъ, К. Вейерманомъ. Это положительно лучшее изъ всѣхъ его произведеній, помѣщенныхъ въ «Нивѣ»,—и мы надѣемся, что знатоки гравировальнаго искусства отдадутъ ему тѣмъ большую справедливость, что рисунокъ этотъ запечатлѣнъ чисто-русскимъ народнымъ характеромъ, передача котораго требуетъ несомнѣннаго таланта со стороны гравера-иностранца.

Всеобъемлющая міровая сила.

(*Продолженіе*).

Точно такъ же вопросъ о животной теплотѣ въ настоящее время настолько разслѣдованъ, что для объясненія его достаточно однихъ химическихъ процессовъ, совершающихся внутри тѣла. Извѣстно, что температура тѣла млекопитающихъ постоянно остается одна и та же какъ зимою, такъ и лѣтомъ, и у различныхъ животныхъ колеблется между 37° и 40° Цельзія; у птицъ температура тѣла немного выше 41° и 44° Ц.; а у животныхъ съ холодною кровью, каковы земноводныя и рыбы, на 1° или 2° выше температуры окружающей среды.

Изъ этого факта видно, что тѣло животныхъ заключаетъ въ себѣ значительный источникъ теплоты; этотъ источникъ теплоты животнымъ необходимъ уже по одному тому, что они теряютъ значительныя количества теплоты въ окружающую среду, болѣе холодную чѣмъ ихъ собственная температура. Кромѣ того, поверхность кожи бываетъ всегда болѣе или менѣе влажна отъ испаренія, вслѣдствіе чего извѣстное количество теплоты дѣлается скрытымъ. Что эта потеря теплоты чрезвычайно значительна—видно уже изъ того факта, что человѣческое тѣло, имѣющее среднимъ числомъ поверхность въ $1^1/_2$ квадратныхъ метра, окружено средою болѣе холодною, чѣмъ оно само, градусовъ на двадцать. Далѣе, въ животномъ организмѣ теплота потребляется на то, что принимаемая пища и питье, вдыхаемый воздухъ, бываютъ холоднѣе тѣла и въ немъ нагрѣваются до температуры тѣла. Наконецъ значительное количество теплоты идетъ на образованіе водянаго пара, выдыхаемаго животнымъ. Для человѣка съ вѣсомъ тѣла въ 82 килограмма — количество теплоты, расходуемое въ теченіе сутокъ, Гельмгольцъ оцѣниваетъ среднимъ числомъ въ 2,700,000 единицъ теплоты.

Источникъ этой теплоты, безъ всякаго сомнѣнія, составляютъ различные химическіе процесы, которыми внутри организмовъ перерабатываются различныя питательные вещества. Тѣло взрослаго животнаго при нормальномъ состояніи постоянно сохраняетъ одинъ и тотъ же вѣсъ—и въ теченіе года вѣсъ его колеблется только на нѣсколько фунтовъ; поэтому, все количество съѣдаемой пищи опять выдѣляется тѣломъ. Пища состоитъ большею частію изъ соединеній углерода, водорода, кислорода и азота и незначительнаго количества неорганическихъ веществъ. Эти соединенія выходятъ изъ организма въ совершенно другихъ формахъ. Часть ихъ въ пометѣ остается неразложенною или мало измѣненною, большая же часть ихъ вступаетъ въ кровь въ жидкомъ видѣ и превращается частію въ мочу, углекислый амміакъ и проч. соединенія, которыя съ частію принятой воды выдѣляются мочею, а частію — въ углекислоту и воду, которыя выдѣляются легкими и кожею.

Изученіе различныхъ процессовъ организма показываетъ, что всѣ они представляютъ собою общій процессъ горѣнія посредствомъ кислорода воздуха, принимаемаго

легкими при дыханіи. По изслѣдованіямъ ученыхъ, въ легкихъ, взамѣнъ выдѣляемой углекислоты венною кровью—ею поглощается кислородъ. Отъ этого венная кровь дѣлается артеріальною, вступаетъ въ кровообращеніе посредствомъ силы сокращеній сердца, въ которое она притекаетъ черезъ вены, соединяющія легкія съ сердцемъ, и на своемъ пути соединяется съ питательными веществами, измѣненными извѣстнымъ образомъ аппаратомъ пищеваренія и отложившимися въ волосныхъ сосудахъ.

Цѣль пищеваренія состоитъ въ томъ, чтобы доставлять крови вещества (принятыя въ пищѣ) въ растворенномъ видѣ, чтобы они могли быть превращены въ кровь и такимъ образомъ служить для возстановленій организма постоянно - сгорающаго при помощи кислорода, поглощаемаго венною кровью въ легкихъ. Такимъ растворяющимъ средствомъ служить желудочный сокъ, дѣйствующее начало котораго состоитъ въ веществѣ называемомъ пепсиномъ, относящимся къ категоріи нерастворимыхъ ферментовъ. Этотъ пепсинъ, будучи растворенъ въ слабой соляной кислотѣ, находящейся тоже въ желудкѣ и происходящей изъ поваренной соли и другихъ хлоридовъ при посредствѣ органическихъ веществъ, имѣетъ свойство растворять нерастворимыя бѣлковинныя вещества, какъ напр. вареныя яицы, хрящъ и. т. д. Азотистыя вещества, измѣненныя такимъ образомъ пепсиномъ, называютъ пептонами—и они уже не имѣютъ свойства бѣлковыхъ веществъ: осаждаться при кипяченіи и отъ дѣйствія кислоты. Опыты (производимые въ сосудахъ) надъ измѣненіемъ пищи отъ дѣйствія солянокислаго раствора пепсина получили названіе искуственнаго переваривапія пищи. Въ настоящее время пепсинъ добывается фабричнымъ образомъ изъ желудочнаго сока животныхъ и употребляется какъ медикаментъ, для поддержки слабаго пищеваренія.

Слюна же и сокъ поджелудочной железы имѣютъ способность превращать крахмалъ въ сахаръ и такимъ образомъ дѣлать его растворимымъ; а желчь, дѣйствіемъ натронныхъ солей своихъ кислотъ, обмыливаетъ жиры, слѣдовательно тоже переводитъ ихъ въ растворимую форму; кромѣ этого желчь тоже превращаетъ крахмалъ въ сахаръ. Далѣе, въ кишкахъ отъ дѣйствія сока поджелудочной железы при содѣйствіи кишечнаго сока, превращающаго обыкновенный сахаръ въ виноградный и разлагающаго послѣдній въ молочную кислоту, а эту въ масляную, опять растворяются бѣлковыя вещеества, осажденныя передъ этимъ желчью. Такимъ образомъ, какъ въ желудкѣ, такъ и въ тонкихъ кишкахъ происходятъ постепенно растворенія различныхъ веществъ, которыя усвоиваются волосными сосудами, вводятся въ кровь, гдѣ и переработываются надлежащимъ образомъ для возобновленія организма, постоянно разрушающагося для развитія въ себѣ надлежащей температуры. Въ толстую же кишку поступають только вещества неперевариммыя, какова древесина, воскъ и т. д. и продукты разложенія желчи и другихъ выдѣленій железъ.

Всѣ соединенія, образованныя посредствомъ пищеваренія и поступающія въ кровь, окисляются кислородомъ, находящимся въ ней, и превращаются частію въ вещества, поступающія въ мочу, а частію въ вещества, выдѣляемыя при дыханіи и испаринѣ кожи.

Поэтому химическіе процессы совершающіеся въ организмѣ—довольно запутаны; но все количество теплоты развиваемое ими можетъ быть легко оцѣнено, при помощи вышесказаннаго. Именно: извѣстно, что количество теплоты, выдѣляющейся при химическихъ процессахъ, зависитъ отъ начальнаго и конечныхъ членовъ ихъ; такъ напримѣръ, все равно: сожжемъ ли мы одинаковое количество угля прямо въ углекислоту—или сначала въ окись углерода, а потомъ эту послѣднюю въ углекислоту. Въ обоихъ случаяхъ получили 8080 единицъ теплоты.

Изъ этого слѣдуетъ, что животная теплота должна быть равна той, которая получается при прямомъ сжиганіи съѣдаемыхъ веществъ на ихъ послѣдніе продукты, получающіеся при процессѣ питанія. Мы уже упомянули, что эти продукты, кромѣ веществъ нерастворяющихся при пищевареніи, въ сущности состоитъ изъ углекислоты, воды, углекислаго амміака и мочевины. Принявъ во вниманіе то, что при превращеніи мочевины въ углекислый амміакъ не можетъ происходить значительнаго отдѣленія теплоты (потому что оба эти вещества по количественному составу разнятся между собою только нѣкоторымъ количествомъ воды), увидимъ, что теплота развиваемая организмомъ должна быть равна той, которая развивается при сжиганіи надлежащаго количества пищи въ углекислоту, воду и амміакъ.

Для числоваго сравненія этой теоріи съ опытомъ необходимо, чтобы были опредѣлены количества теплоты, образующіяся при сжиганіи веществъ употребляемыхъ въ пищу; эта задача до сихъ поръ еще не разрѣшена опытомъ. Существуютъ же только опредѣленія теплоты, отдѣляемой животными, посредствомъ калорилитовъ и количественныя опредѣленія выдыхаемой углекислоты и воды, а также количество мочевины выдѣляемой мочею и твердыхъ экскрементовъ при извѣстномъ количествѣ опредѣленной пищи. Эти данныя могутъ служить только для приблизительной оцѣнки количества теплоты выдѣляемой животными. Вотъ количество веществъ, выдѣляемыхъ при спокойномъ состояніи человѣкомъ вѣсомъ въ 60 килограммовъ въ теченіе 24 часовъ, опредѣленныя Петтенкоферомъ, при помощи его мюнхенскаго аппарата: углекислоты 911,5 граммовъ, воды 828 грм., мочи 37,2 грм., количество же поглощеннаго кислорода за это время 70, 89 грм. Равновѣсіе между количествомъ принимаемыхъ веществъ и выдѣляемыхъ, въ видѣ продуктовъ горѣнія, также уже доказано физіологическими опытами. Для этой цѣли нужно точно знать количество вдыхаемаго кислорода, количество выдѣляемой углекислоты, воды и наконецъ количество азота, углерода и солей, выдѣляемыхъ мочею и экскрементами—потому что тогда, опредѣляя, по элементарнымъ анализамъ питательныхъ веществъ, количество простыхъ тѣлъ, заключающихся въ принятой пищѣ, имѣемъ на лицо всѣ данныя для опредѣленія этого равновѣсія. Вотъ количество простыхъ веществъ, какъ принимаемыхъ собакою въ 1500 граммахъ говядины и 477,2 грм. кислорода воздуха, такъ и выдѣляемыхъ ею при дыханіи, испареніи кожи, въ мочѣ и калѣ, въ теченіе 24 часовъ. Принято: углерода 187,8, водорода 152,5 гр. азота 51 гр., кислорода 1566,4 грм. солей 19,5 грм., итого 1977,2 грм. Выдѣлено: углерода 184 грм., водорода 157,3 грм., азота 51,1 грм., кислорода 1599,7 грм., солей 19,7 гр. итого 2011,8 грм. Небольшая разность существуетъ только въ водѣ, которой недоставало собакѣ и потому пришлось выдѣлить насчетъ вѣса своего тѣла.

Выше у насъ встрѣчалось слово ферментъ, отъ

котораго происходитъ слово ферментація, броженіе. Этимъ словомъ обозначаютъ измѣненія происходящія въ веществахъ отъ соприкосновенія съ ферментами. По этому явленія броженія и относятся къ явленіямъ соприкосновенія или контакта. Отъ полнаго изученія этихъ явленій наука ожидаетъ разъясненія всѣхъ измѣненій вещества, происходящихъ въ живыхъ существахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшенія задачи самой жизни. Поэтому намъ не будетъ лишнимъ бросить бѣглый взглядъ на эти явленія, резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ характеръ свойственный броженіямъ.

При всякомъ родѣ броженія различаютъ три вещи: бродящее вещество, продукты броженія и бродило (ферментъ). Два первые предмета могутъ быть опредѣлены съ точностію, но что касается до природы ферментовъ, то она еще остается темною, а способъ ихъ дѣйствія загадочнымъ. Для поясненія этого разсмотримъ въ отдѣльности какъ ферменты растворимые, такъ и нерастворимые.

Ферменты растворимые—ферменты типическіе. Ихъ можно отдѣлять, очищать, подобно тому какъ это дѣлаютъ съ чисто-химическими веществами. Эти ферменты не имѣютъ никакого строенія. Таковы: діастазъ, заключающійся въ солодѣ и измѣняющій крахмалъ; эмульсинъ, заключающійся въ миндалѣ и имѣющій свойство разлагать салицинъ (горькое вещество, заключающееся въ корѣ ивы); панкреатинъ, заключающійся въ сокѣ поджелудочной железы и разлагающій жиры и пр.

Сравнительное изученіе явленій производимыхъ этими ферментами—особенно легко, потому что сюда относятся болѣе простые случаи, въ которыхъ анализъ явленія можетъ быть прослѣженъ очень основательно. Поэтому явленія, относящіяся сюда, съ точки зрѣнія химической опредѣлены съ большою точностію. Это изученіе между прочимъ показало, что растворимые ферменты, будучи разъ добыты, имѣютъ способность дѣйствовать внѣ всякихъ физіологическихъ условій и что ихъ дѣйствія не имѣютъ соотношенія ни съ какимъ физіологическимъ явленіемъ. Точность результатовъ, полученныхъ при помощи подобныхъ ферментовъ, увеличивается еще тѣмъ, что эти результаты могутъ быть воспроизведены средствами чисто-химическими, главнѣйшимъ образомъ при помощи разведенныхъ кислотъ. Теперь уже несомнѣнно, что послѣднія тѣла дѣйствуютъ тоже своимъ соприкосновеніемъ.

Тождество явленій, полученныхъ отъ вліянія кислотъ, съ явленіями, полученными отъ вліянія растворимыхъ ферментовъ, заставляетъ принять сходство причинъ. Какъ при дѣйствіи разведенной сѣрной кислоты на тростниковый сахаръ, такъ и при дѣйствіи глюкознаго фермента, мы одинаково встрѣчаемъ измѣняющееся вещество, продукты измѣненія и тѣло измѣняющее. Все различіе заключается въ тѣлѣ измѣняющемъ. Если это тѣло сѣрная кислота или что-нибудь подобное, то оно хорошо извѣстно и остается неизмѣненнымъ; между тѣмъ соотвѣтствующіе ферменты извѣстны мало и во время своего дѣйствія измѣняются. Но эти различія не представляютъ препятствія для сужденій, сравнивающихъ способъ дѣйствія разведенныхъ кислотъ со способомъ дѣйствія растворимыхъ ферментовъ. Въ самомъ дѣлѣ, измѣненіе, происходящее въ растворимомъ ферментѣ во время броженія, не имѣетъ отношенія къ измѣненію сахара—и въ области неорганической химіи оно можетъ быть сравнено съ разложеніемъ перекиси водорода при соприкосновеніи ея съ окисью серебра.

Для того чтобы глубже проникнуть въ сущность этого явленія, слѣдуетъ опредѣлить причину, по средствомъ которой ферментъ производитъ измѣненіе бродящаго вещества. Эта причина вѣроятно зависитъ отъ нѣкотораго антагонизма въ ихъ сродствѣ, подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто при дѣйствіи слабыхъ кислотъ на сахаръ и при явленіяхъ электрохимическихъ, именно при вліяніи металловъ, останавливающихъ окисленіе другаго металла, вслѣдствіе образованія галванической пары, какъ напр. желѣзо жести не ржавѣетъ покуда не окислится все олово. Вся разница заключается въ томъ, что при металлахъ этотъ антагонизмъ сродства ихъ бросается въ глаза, а при дѣйствіи жидкостей другъ на друга совсѣмъ не замѣчается. Хотя эта неизвѣстность еще не устранена наукою, но все-таки, прилагая къ способу дѣйствія растворимыхъ ферментовъ объясненія, прилагаемыя къ подобному же способу дѣйствія агентовъ химическихъ, мы получаемъ правильныя заключенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, какъ это вообще и дѣлается въ опытныхъ наукахъ.

Теперь обратимся къ другой категоріи ферментовъ нерастворимыхъ. Они извѣстны мало, потому что еще не извѣстенъ способъ отдѣлять ихъ отъ веществъ организованныхъ, съ которыми они необходимо соединены вслѣдствіе своего происхожденія. Они имѣютъ другой характеръ, вслѣдствіе котораго изученіе ихъ еще болѣе затрудняется; именно, большая часть ихъ размножается во время своего дѣйствія при броженіи. Это размноженіе объясняется тѣмъ, что ферменты, способные къ этому, находятся въ нѣдрахъ различныхъ организованныхъ существъ; это новое усложненіе условій требуетъ разбора явленій болѣе развитаго.

Однако для нихъ можно привести объясненіе болѣе вразумительное, чѣмъ для тѣхъ. Для этого достаточно принять, что живыя существа, содержащія ихъ, сами по себѣ не суть настоящіе ферменты, но что они имѣютъ способность выдѣлять ихъ, какъ наприм. проросшій ячмень выдѣляетъ діастазъ, миндаль—эмульсинъ, пивныя дрожжи—глюкозный ферментъ, поджелудочная железа животныхъ—пепсинъ и т. д. Кромѣ этого нерастворимые ферменты, подобно растворимымъ, представляютъ собою особенныя вещества, произведенныя дѣйствіемъ растенія или животнаго. Относительно ферментовъ растворимыхъ ясно видно, что живое существо не составляетъ фермента, но только образуетъ его. Это мнѣніе, какъ болѣе вѣроятное, принято и относительно нерастворимыхъ ферментовъ. Далѣе извѣстно, что каждый изъ этихъ ферментовъ обыкновенно, если и не исключительно, можетъ быть образованъ тѣмъ или другимъ животнымъ или растеніемъ, которыя образуютъ и увеличиваютъ имъ свойственный ферментъ, совершенно такимъ же образомъ, какъ они образуютъ и увеличиваютъ и всѣ другія вещества, химически опредѣленныя, изъ которыхъ образованы сами. Это показываютъ успѣхи опытовъ засѣеванія ферментовъ, или, вѣрнѣе, организованныхъ существъ, выдѣляющихъ эти настоящіе ферменты. Замѣтимъ еще, что одинъ и тотъ же ферментъ можетъ выдѣляться многими различными растеніями, подобно всѣмъ остальнымъ ихъ веществамъ. Наконецъ, a priori ничто не противорѣчитъ тому, что такіе ферменты могутъ быть получены искуственно, подобно тому какъ получаются различныя органическія соединенія.

Если при болѣе глубокомъ изученіи предмета этотъ взглядъ установится и съ точностію будетъ приложенъ,

какъ къ нерастворимымъ, такъ и къ растворимымъ ферментамъ, то тогда всѣ броженія будутъ подведены подъ одну общую точку зрѣнія и ихъ можно будетъ окончательно сравнить съ явленіями, происходящими отъ соприкосновенія кислотъ и химическихъ агентовъ въ собственномъ смыслѣ слова. Такой результатъ очень важенъ. Поэтому для всякаго броженія слѣдуетъ стараться воспроизводить тѣ же самыя явленія посредствомъ химическихъ методовъ и объяснять ихъ исключительно механическимъ путемъ. Цѣль изслѣдованій органической химіи и состоитъ въ томъ, чтобы не допускать никакихъ условныхъ объясненій. Только этимъ путемъ и можетъ создаться полная наука, развивающаяся собственными силами, то есть такая наука, которая будетъ въ состояніи успѣшно содѣйствовать объясненію физіологическихъ измѣненій и воспроизводить ихъ искуственнымъ путемъ.

Другой болѣе важный вопросъ науки состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что броженія представляютъ явленія промежуточныя между явленіями химическими и жизненными. Теперь признано всѣми, что явленія броженія составляютъ одинъ изъ основныхъ механизмовъ, къ которымъ, слѣдуетъ прибѣгать для объясненія химическихъ явленій, происходящихъ въ организмахъ живыхъ существъ. Этому механизму слѣдуетъ отдавать его значеніе независимо отъ самой жизни — и если возможно, то посредствомъ его составлять себѣ абстрактное воззрѣніе на сущность этихъ явленій.

Въ настоящее время броженія могутъ быть разсматриваемы какъ явленія составляющія связь между явленіями химически-опредѣленными и явленіями происходящими въ животныхъ и растеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, не зная ясно истиннаго характера броженій, можно располагать силами, производящими ихъ, заставлять ихъ дѣйствовать на тѣла опредѣленныя и направлять ихъ къ усложненію опредѣленныхъ явленій. Этотъ способъ изслѣдованія одинаковъ со способомъ химическаго изслѣдованія, гдѣ внутренняя причина сродства тѣлъ извѣстна не лучше, чѣмъ сущность броженій. Отъ другихъ веществъ ферменты отличаются только тѣмъ, что обладаютъ формою и чрезвычайною подвижностію своего состава.

Разработка броженій до сихъ поръ главнѣйшимъ образомъ была аналитическая; но, благодаря тому, что извѣстенъ одинъ примѣръ синтетическаго броженія, открытый Бертло, именно сахаристое броженіе маннита и глицерина, можно ожидать и ихъ синтетической разработки. При броженіяхъ, какъ и вездѣ, причины, обусловливающія разложенія веществъ, тѣсно соединены съ причинами, обусловливающими соединеніе ихъ. Поэтому если бы былъ основательно извѣстенъ способъ дѣйствія первыхъ причинъ, то было бы сравнительно легко измѣнять направленіе ихъ дѣйствія и, при помощи ихъ самихъ, синтетически образовать вещества. Здѣсь синтезъ чрезвычайно важенъ, потому что онъ обусловливается дѣйствіемъ тѣхъ же силъ, которыхъ механизмъ работаетъ въ живыхъ существахъ, и при помощи которыхъ происходятъ всѣ измѣненія веществъ въ живыхъ существахъ.

(Продолженіе будетъ).

Рижскій городской театръ.

Рига, губернскій городъ Лифляндіи и мѣстопребываніе военнаго генералъ-губернатора остзейскихъ губерній, конечно одинъ изъ самыхъ красивыхъ, а еще болѣе одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ городовъ Россійской имперіи. Собственно городъ (потому-что кромѣ города есть еще три предмѣстья или форштадта) содержитъ только каменныя кирпичныя строенія и сохранилъ до сихъ поръ видъ древняго ганзейскаго города; улицы его, большею частію узкія и кривыя, всѣ вымощены камнемъ и имѣютъ вездѣ тротуары, хотя и довольно узкіе. Собственно въ городѣ находится три площади: дворцовая, впереди замка, между городскими строеніями и цитаделью, съ гранитною каменною колонною, поставленною въ 1817 г. въ память Александра I и побѣдоносной русской арміи; плацъ-парадъ и рынокъ впереди ратуши, на берегу Двины. Рига (собственно городъ) была прежде крѣпостью, но нынѣ крѣпостныя валы обращены въ сады и гульбища. Изъ числа казенныхъ и общественныхъ зданій больше другихъ замѣчательны: замокъ (Schloss), обширное строеніе, построенное съ 1494 по 1515 г. магистромъ ордена меченосцевъ, Вальтеромъ фонъ-Плетенбергомъ, — оно перестроивалось нѣсколько разъ, въ немъ имѣетъ пребываніе губернаторъ и помѣщаются всѣ присутственныя мѣста; домъ лифляндскаго дворянства; домъ общества Черноголовыхъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Ригѣ, въ готическомъ вкусѣ. Изъ церквей замѣчательны: церковь св. Петра, построенная въ 1406 г.; соборная (Domkirche) древняя церковь Риги, основанная въ 1204 г. епископомъ Альбрехтомъ и бывшая до реформаціи главною церковью города, — она сгорѣла въ 1547 г. и возобновлена во второй половинѣ XVI столѣтія. Наконецъ зданіе театра, о которомъ мы поговоримъ нѣсколько далѣе.

Нѣмцы (конечно, далеко не всѣ) гордятся тѣмъ, что въ городѣ *одинъ только* нѣмецкій театръ, изъ чего они выводятъ заключеніе, будто бы «не смотря на то, что вотъ уже около 300 лѣтъ, какъ городъ оторванъ отъ германскаго государства, онъ въ сущности — нѣмецкій городъ». Посмотримъ, такъ-ли это?

Въ началѣ XIII вѣка прибалтійскій край, заключающійся между западною Двиной и Финскимъ заливомъ, былъ населенъ въ сѣверной части чудскимъ племенемъ (эсты), а въ южной — смѣсью литвы и чуди (латыши и ливы); въ первой мало-по-малу распространили свое господство новгородцы, а во второй — полоцкіе князья. Въ землѣ Чуди находился крѣпкій русскій городъ Юрьевъ (нынѣ Дерптъ, основанъ великимъ княземъ Ярославомъ I, около 1130 г.); а въ области латышей полоцкимъ князьямъ принадлежали два города на Двинѣ: Кукейносъ и Герсике. Когда германскіе купцы завели на Двинѣ торговлю съ туземцами, бременскій архіепископъ, во второй половинѣ XII вѣка, прислалъ сюда монаха Мейнгарда въ качествѣ миссіонера. Мейнгардъ началъ крестить ливовъ, строить церкви и былъ поставленъ первымъ епископомъ Ливоніи. Замѣтивъ наконецъ властолюбивые замыслы пришельцевъ, туземные обитатели возстали противъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, и принявшіе христіанство опять возвращались къ язычеству; многіе изъ нихъ (какъ разсказываетъ «Древ-

няя Ливонская хроника» Генриха Латыша, жившаго въ XIII вѣкѣ) погружались въ Двину, думая смыть съ себя крещеніе и отослать его обратно въ Германію. Тогда римскій папа велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ ливонцевъ. Епископъ Альбертъ Буксгевденъ прибылъ съ крестоносным ополченіемъ на берега Двины, построилъ городъ Ригу (1200 г.), и съ разрѣшенія папы основалъ духовный рыцарскій орденъ подъ именемъ «Братства креста Господня» или «Ордена Меченосцевъ». Съ тѣхъ поръ туземцы, не смотря на упорную борьбу, мало-по-малу покорились нѣмцамъ, и силою оружія обращены были въ христіанскую вѣру. Слабые полоцкіе князья тщетно старались остановить успѣхи рыцарей; а новгородцы, занятые внутренними дѣлами, вначалѣ не обратили на нихъ должнаго вниманія. Получая постоянныя подкрѣпленія изъ западной Европы, рыцари взяли города Юрьевъ (Дерптъ), Медвѣжью голову (по чудски Одензе) и др., впослѣдствіи купили у датчанъ Эстонію съ городомъ Колывань (Ревель), и такимъ образомъ завладѣли всѣмъ пространствомъ, извѣстнымъ теперь подъ именемъ Балтійскаго или Остзейскаго края. Они усѣяли страну крѣпкими зáмками (Венденъ, Феллинъ, Вейсенштейнъ и др.), которые держали въ страхѣ туземцевъ и надолго утвердили здѣсь суровое владычество Ордена. Туземное литовское и финское населеніе обращено было въ крѣпостное состояніе...

Такъ вотъ этотъ городъ или пожалуй и край, оторванный будто бы отъ германскаго государства. Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на дальнѣйшую исторію города Риги.

Дальнѣйшему распространенію нѣмецкаго владычества на сосѣднія области много мѣшали внутренніе раздоры. Магистръ или начальникъ Ордена (мѣстопребываніемъ магистровъ ливонскаго Ордена и средоточіемъ управленія всею Ливоніею былъ *Венденъ*, теперь уѣздный городъ Рижской губерніи) скоро сдѣлался сильнѣе рижскаго архіепископа и не только не считалъ себя его вассаломъ, а напротивъ хотѣлъ и его подчинить своему вліянію; отсюда возникла между ними долгая и продолжительная вражда.

Около 1525 г. въ Ригу было введено лютеранское ученіе, не безъ продолжительныхъ споровъ съ архіепископомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ архіепископы лишились и свѣтской власти надъ городомъ, который до паденія Ордена зависѣлъ уже непосредственно отъ магистра. Въ 1561 г. Готгардъ Кетлеръ сложилъ съ себя всенародно въ Ригѣ достоинство магистра ордена меченосцевъ—и Рига вмѣстѣ съ южною Ливоніею поступила подъ власть Польши. Въ 1621 г. шведскій король Густавъ Адольфъ, послѣ мужественной шестинедѣльной обороны города гарнизономъ и жителями, взялъ Ригу, и не смотря на старанія поляковъ, удержалъ ее за собою по мирному договору. Въ сѣверную войну, послѣ полтавской битвы, все вниманіе шведовъ было обращено на сохраненіе Риги и защита ея поручена генералъ-губернатору графу Стеремберсу, который, послѣ мужественной защиты, долженъ былъ сдать однако же Ригу фельдмаршалу графу Шереметьеву на капитуляцію 30-го іюня 1710 г. Въ 1781 году въ Ригѣ было открыто рижское намѣстничество, въ 1796 г. это намѣстничество переименовано въ Лифляндскую губернію и Рига осталась губернскимъ городомъ.

Къ этому краткому очерку исторіи города Риги намъ остается только прибавить списокъ населяющихъ его народностей,—и вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли Рига вполнѣ нѣмецкій городъ, рѣшится самъ собою.

По однодневной переписи 9-го мая 1867 г. оказалось, что жителей въ Ригѣ, со включеніемъ предмѣстій, 102,042 обоего пола, а именно:

Нѣмцевъ	47,479
Русскихъ.	25,647
Латышей	23,718
Эстовъ	1,172

Принадлежащихъ къ другимъ народностямъ 4,027.

Итого нѣмцевъ 47,479, а русскихъ, латышей, эстовъ и др. 54,564.

И такъ, если нѣмцевъ въ Ригѣ чуть не вдвое больше русскихъ, за то русскихъ, латышей, эстовъ и другихъ національностей больше нѣмцевъ; а если нѣмецкій элементъ преобладающій—что дѣйствительно правда—то иначе этого и быть не можетъ, принимая въ разсчетъ небольшое, сравнительно, количество русскихъ и неразвитость, а слѣдовательно и приниженность латышей и эстовъ. Но что съ улучшеніемъ быта этихъ послѣднихъ и увеличеніемъ русскихъ элементовъ этотъ порядокъ вещей долженъ измѣниться—это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Надо отдать справедливость нѣмцамъ. Какъ цивилизованный (цивилизованный, но не цивилизующій, что можно видѣть хотя бы изъ исторіи Риги) народъ, они устроили у себя постоянный театръ еще въ девяностыхъ годахъ XVIII столѣтія. До тѣхъ поръ въ Ригѣ, какъ и во многихъ нѣмецкихъ городахъ, довольствовались представленіями странствующихъ актеровъ, дававшимися въ устроенныхъ на скорую руку помѣщеніяхъ, въ родѣ нашихъ балагановъ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ тайный совѣтникъ Фитингофъ купилъ въ Королевской улицѣ домъ, въ нижнемъ этажѣ котораго былъ устроенъ театръ и здѣсь-то давались впослѣдствіи времени лучшія произведенія нѣмецкой сцены.

Съ теченіемъ времени рижскіе нѣмцы стали ощущать потребность въ другомъ, болѣе обширномъ театрѣ,—да и домъ, гдѣ находился тогдашній театръ, началъ приходить въ упадокъ. Они давно уже собирали деньги для постройки новаго, и наконецъ, по окончаніи восточной войны, когда сумма всѣхъ собранныхъ денегъ возрасла до 500,000 руб. сер., имъ удалось осуществить свое желаніе. Готскій архитекторъ, профессоръ Бонштедъ, начертилъ планъ, а въ іюнѣ 1860 г. положенъ былъ первый камень и къ августу 1863 г. это великолѣпное зданіе было уже готово и открылось представленіемъ «Валленштейнова лагеря», къ несказанной радости всего нѣмецкаго народонаселенія.

Построенный на прекраснѣйшемъ пунктѣ такъ-называемаго новаго променада, новый театръ составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній города. Вблизи его находятся прекраснѣйшія и важнѣйшія изъ рижскихъ построекъ послѣдняго времени: заводъ для газа, вокзалъ желѣзной дороги, политехническая школа, реальная школа, заведеніе минеральныхъ водъ и пр. Внутреннее убранство исполнено съ большимъ вкусомъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ новаго времени; въ особенности же замѣчательно освѣщеніе театра сверху, которое производится посредствомъ газоваго аппарата, скрытаго за громадной крышей изъ матоваго стекла, вслѣдствіе чего всѣ предметы освѣщаются ровнымъ пріятнымъ свѣтомъ, который не рѣжетъ глазъ ни зрителямъ, ни актерамъ, что неизбѣжно при освѣщеніи люстрами.

Фельетонъ.

Осень.—Признаки ея.—Петербургскіе домовладѣльцы и дровяники.—Причины дороговизны квартиръ и дровъ. — «Полицейскія Вѣдомости» о дровяномъ вопросѣ. — Докладъ г. Сентъ-Илера въ педагогическомъ Собраніи.

Осень наступила. Объ этомъ петербуржцы узнали не столько изъ календарей, которымъ можно было-бы и не повѣрить, сколько по дороговизнѣ дровъ, квартиръ и по сырой дождливой погодѣ, установившейся въ настоящее время. Въ такое-то непріятное время года, какъ нарочно, увеличеніе цѣнъ на квартиры идетъ параллельно съ возвышеніемъ ихъ на дрова, такъ что бѣдствіе является, такъ сказать, въ квадратѣ. Возвысившіяся цѣны на квартиры не могутъ быть объяснены ни чѣмъ инымъ, какъ только усилившимся спросомъ на нихъ, что̀ вызвало неимовѣрныя требованія со стороны домовладѣльцевъ, почувствовавшихъ, что теперь «на ихъ улицѣ праздникъ». Увеличеніе же спроса объусловливается прибылью жителей Петербурга, которая съ каждымъ годомъ дѣлается замѣтнѣе. Надо припомнить, что недостатокъ въ квартирахъ сталъ обнаруживаться еще съ весны прошлаго года, когда многіе изъ нашихъ соотечественниковъ, устрашенные войной, наѣхали въ Петербургъ изъ за-границы и рѣшились провести въ нашей «сѣверной Пальмирѣ» всю зиму. Спросъ на квартиры и цѣны на нихъ были тогда столь велики, что многіе изъ запоздавшихъ дачниковъ предпочли остаться на зиму въ своихъ лѣтнихъ резиденціяхъ, находя, что даже ежедневное путешествіе въ городъ обойдется для нихъ дешевле тѣхъ дорогихъ, но весьма неудобныхъ помѣщеній, которыя предлагали имъ гг. петербургскіе домовладѣльцы. Совсѣмъ обратное, казалось бы, должно быть теперь, когда ужасы войны перешли уже въ исторію, а мечты о состязаніи на trente et quarante—въ дѣйствительность, когда «современный Вавилонъ», на половину разрушенный, сдѣлался вслѣдствіе этого еще интереснѣе, а пребываніе въ здѣшней столицѣ, отъ неисчезающей все-таки холерной эпидеміи, еще невыносимѣе, — когда наконецъ нервныя разстройства съ одной стороны, а приступы подагры съ другой заставили часть петербургскихъ жителей оставить свои зимнія квартиры на произволъ судьбы и гг. домовладѣльцевъ и двинуться въ чужіе края на воды и пр... Казалось-бы, послѣ всего этого, что квартиры должны вздешевѣть; а между тѣмъ, то-ли мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Очевидно, населеніе Петербурга увеличивается изъ другихъ источниковъ и притомъ неравномѣрно съ количествомъ ежегодно выстраивающихся зданій. О дороговизнѣ дровъ говорятъ то-же самое, приписывая ее произволу дровяниковъ, съ намѣреніемъ набивающихъ цѣны. Это тѣмъ болѣе странно, что количество дровъ, доставленныхъ въ настоящую навигацію въ Петербургъ (около 600 тыс. саженъ), какъ оказывается, не только не менѣе прошлогодняго, но еще вдвое больше его. Нельзя также объяснить этого явленія болѣе дорогою доставкою дровъ, или болѣе дорогою цѣною ихъ на мѣстѣ, потому-что дровяники не жалуются ни на то, ни на другое. Положеніе ухудшается слухами, что къ зимѣ дрова еще болѣе вздорожаютъ, такъ-что сажень березовыхъ дровъ дойдетъ будто бы до 10 р. сер. Въ виду всего этого, «Полицейскія Вѣдомости» приняли на себя трудъ объяснить истинную причину вздорожанія дровъ и помѣстили объ этомъ предметѣ статью; оказывается, что явленіе это - временное и что оно главнымъ образомъ можетъ быть объяснено жестокою прошлогоднею зимою, истощившею всѣ запасы дровъ на лѣсныхъ дворахъ Петербурга; — вслѣдствіе чего всѣ дровяники, всѣ поставщики дровъ въ казенныя заведенія вдругъ бросились дѣлать запасы на предстоящую зиму и тѣмъ усилили спросъ на топливо. Впрочемъ, названная газета не отвергаетъ и того, что сильному вздорожанію дровъ способствуетъ также произволъ хозяевъ дровяныхъ дворовъ, жаждущихъ скораго обогащенія и поэтому съ намѣреніемъ распространяющихъ слухи о новомъ возвышеніи цѣнъ на этотъ предметъ первой необходимости. Много говорятъ о томъ, какимъ образомъ предъупредить это бѣдствіе; но пока все ограничивается одними слухами, мы не рѣшаемся сообщить ихъ нашимъ читателямъ.

При такихъ невеселыхъ ожиданіяхъ, не пойдутъ на умъ никакіе серіозно-научные интересы и мысли. Неудивительно, поэтому, что на засѣданіе Педагогическаго Собранія 4-го сентября, въ которомъ слушался въ высшей степени интересный докладъ г. Сентъ-Илера, стеклось такъ мало публики. Рефератъ касался одного изъ самыхъ важныхъ общественныхъ вопросовъ — «воспитанія мальчиковъ въ богатыхъ семействахъ» и состоялъ изъ двухъ частей: въ первой авторъ общими чертами намѣтилъ характеристику воспитанія дѣтей въ богатыхъ домахъ вообще и русскихъ въ особенности; во второй, указалъ на средства, при помощи которыхъ оно можетъ быть приведено въ нормальное положеніе. Характеризуя дѣтей въ богатыхъ семействахъ, референтъ говоритъ, что большею частью они отличаются золотушными свойствами и развитіемъ мускульной системы насчетъ нервной. Слабое развитіе нервной системы сказывается въ нервическихъ, непроизвольныхъ движеніяхъ пальцевъ, рукъ, лица, въ порывистыхъ ласкахъ, и въ трудноустанавливающемся почеркѣ. Что касается до умственнаго и нравственнаго развитія ихъ, то и этимъ они не могутъ похвалиться: слабое развитіе памяти, поверхностная наблюдательность, а иногда и полное отсутствіе ея, разсѣянность, упрямство и высокомѣрное обращеніе съ окружающими, въ особенности же съ прислугой, — вотъ отличительныя качества дѣтей этого класса. Большая часть этихъ качествъ зависитъ отъ недостатковъ домашняго воспитанія и обученія, а нѣкоторыя—отъ недостатковъ нашего соціальнаго устройства. Слабое развитіе памяти, разсѣянность и непривычка къ самостоятельному мышленію происходятъ отчасти отъ вліянія гувернантокъ, молодыхъ нянекъ-иностранокъ и пр., которыя слишкомъ много занимаютъ ребенка, слишкомъ много руководятъ имъ, не давая ему времени заняться однимъ какимъ-нибудь предметомъ. Въ этомъ отношеніи, наши старыя няни, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣютъ большое преимущество передъ молодыми швейцарками и англичанками. Излишнее стѣсненіе ребенка въ его играхъ и занятіяхъ ведетъ къ развитію въ немъ упрямства, а заносчивое обращеніе родителей съ прислугой подаетъ дѣтямъ худой примѣръ, дѣлая ихъ высокомѣрными и дерзкими. Вліяніемъ того-же примѣра объясняется рождающееся въ старшемъ возрастѣ тщеславіе и нелюбовь къ труду; напротивъ того, дѣти бѣдныхъ родителей, поставленныхъ въ условія, при которыхъ трудъ является единственнымъ источникомъ для существованія всей семьи, привыкаютъ трудиться съ самаго ранняго возраста. Не менѣе вредное вліяніе на дѣтей въ богатыхъ семействахъ оказываютъ подчасъ и сами гувернеры и гувернантки, очень часто незнакомые съ требованіями педагогики, а еще чаще находящіеся въ зависимости отъ родителей, которые наружное благонравіе ребенка принимаютъ за дѣйствительное его исправленіе. Всѣ эти недостатки воспитанія, по мнѣнію референта, могутъ быть исправлены лишь тогда, когда воспитателями явятся люди независимые и педагогически-образованные; а этого можно достигнуть назначеніемъ испытаній для лицъ, желающихъ посвятить себя воспитанію дѣтей въ частныхъ домахъ. Чтобы облегчить имъ знакомство съ педагогическими началами и дидактическими пріемами, необходимо устроить курсы и выдержавшимъ испытаніе изъ предметовъ этого курса выдавать свидѣтельства. Починъ въ этомъ дѣлѣ, равно какъ и въ устройствѣ коммиссіонерской конторы для рекомендаціи учителей и воспитателей, должно принять на себя Педагогическое Общество.

Внутреннее обозрѣніе.

Однимъ изъ могущественнѣйшихъ двигателей благосостоянія страны является народный кредитъ въ самыхъ простыхъ его формахъ. Возможность, во всякое время и при самомъ незначительномъ обезпеченіи, получить въ ссуду деньги — составляетъ истинное благодѣяніе для людей, все достояніе которыхъ заключается въ ихъ здоровьѣ, какъ рабочей силѣ, да въ небольшомъ клочкѣ земли, предоставленномъ имъ въ пользованіе за извѣстную долю податей и повинностей. Все значеніе этого благодѣянія можно оцѣнить въ особенности тогда, когда съ одной стороны наступаетъ срокъ уплаты податей, а съ другой—дѣлается очевиднымъ невозможность уплатить ихъ за неимѣніемъ денегъ; въ такихъ горестныхъ случаяхъ, плательщику обыкновенно предстоитъ выбирать одно изъ двухъ: или обратиться за помощію къ кулаку-капиталисту и получить отъ него требуемую сумму, платя за нее отъ 50 до 200 процентовъ, или свести на ярмарку послѣднюю коровенку, а за неимѣніемъ ея—единственную рабочую скотину — лошадь... Можетъ случиться надобность въ деньгахъ и въ другое время, когда подати уже внесены и наступаетъ время посѣва. Прохарчивъ на себя и свою семью весь урожай текущаго года, крестьянинъ съ горестью усматриваетъ, что за пріобрѣтеніемъ сѣмянъ для посѣва ему нужно обратиться къ тому же кулаку-благодѣтелю и получить отъ него ссуду на тѣхъ же тягостныхъ условіяхъ. Самое лучшее, чего можно ожидать ему въ такомъ положеніи—это помощи со стороны земства, ссужающаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣмена для посѣва или выдающаго бѣдствующему населенію пособія безвозвратно. Но, во 1-хъ, такая помощь имѣетъ характеръ благотворительный, выпужденный и выплаканный, во 2 хъ, она не можетъ удовлетворить всѣхъ нуждающихся въ деньгахъ, и наконецъ въ 3-хъ, не всѣ земства располагаютъ свободными капиталами, чтобы во всякое время быть готовыми подать руку помощи бѣдствующему населенію. Такимъ образомъ, единственнымъ выходомъ изъ этого положенія является кредитъ,—кредитъ скорый, легкій и нетребующій имущественнаго обезпеченія. Но гдѣ найти такого рода кредитныя учрежденія, которыя согласились бы выдавать ссуды на началахъ личнаго кредита, безъ всякаго вещественнаго обезпеченія, которыя бы своими операціями распространялись въ массѣ неимущаго населенія, были бы у него подъ - бокомъ и довѣряли бы его нематерьяльному ручательству? Такихъ учрежденій у насъ до послѣдняго времени не существовало. Наши многочисленные городскіе поземельные, сословные, земскіе и иные банки кредитуютъ не иначе какъ подъ матеріальное обезпеченіе: подъ недвижимыя имущества, товары, векселя и проч. и пр. Личнаго кредита, основаннаго исключительно на довѣріи къ лицу, получающему ссуду, у насъ не было. Существующія же у насъ теперь кредитныя учрежденія созданы людьми болѣе или менѣе состоятельными и удовлетворяютъ потребностямъ только ихъ однихъ. Ведя обширныя дѣла, они въ состояніи выдавать своимъ членамъ значительный дивидендъ, содержать многолюдныя и дорогія правленія и т. д. Совсѣмъ не въ такого рода кредитныхъ учрежденіяхъ нуждается наше сельское населеніе: для него необходимъ кредитъ дешевый, легкій, основанный на началахъ личнаго довѣрія и круговой поруки; необходимы ссуды на короткій срокъ и въ то именно время, когда, по характеру своихъ занятій, населеніе въ нихъ нуждается; необходимо личное участіе и личный контроль въ дѣлахъ кредитнаго учрежденія; необходимо, наконецъ, взаимное сближеніе членовъ, тѣсное знакомство ихъ между собою и возникающія отсюда — довѣріе, честность, акуратность и сознаніе общаго интереса. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворяютъ такъ-называемыя *сельскія ссудныя товарищества*, возникающія впервые на русской почвѣ. Сущность этого рода кредитныхъ учрежденій состоитъ въ томъ, что нѣсколько лицъ, болѣе или менѣе коротко знающихъ другъ друга какъ съ имущественной, такъ и съ нравственной стороны, вступаютъ между собою въ товарищество, вносятъ въ общую кассу паи въ заранѣе условленныхъ размѣрахъ, выбираютъ изъ среды себя правленіе для завѣдыванія кассою и выдачею ссудъ. Операціи товарищества состоятъ: во 1-хъ, въ увеличеніи основнаго капитала, который образуется изъ паевыхъ взносовъ, изъ вкладовъ частныхъ лицъ, отдающихъ свои деньги товариществу на проценты, и изъ запаснаго капитала, составляющагося отчисленіемъ прибылей пайщиковъ; и во 2-хъ, въ выдачѣ ссудъ своимъ членамъ, но не иначе какъ за поручительствомъ нѣсколькихъ пайщиковъ. Понятно, что процвѣтаніе товарищества обусловливается, съ одной стороны—своевременнымъ взносомъ ссудъ, а съ другой—обиліемъ вкладовъ и количествомъ паевъ, что служитъ самымъ лучшимъ мѣриломъ довѣрія къ кредитному учрежденію. Въ настоящее время такихъ кредитныхъ учрежденій насчитывается у насъ 36; кромѣ того 12 новыхъ предполагается открыть въ скоромъ времени. Существующія ссудо-сберегательныя товарищества разсѣяны по разнымъ мѣстностямъ, но наибольшее развитіе получили въ Новгородской, Петербургской и Костромской губерніяхъ. Ихъ организація, дѣятельность, значеніе для края, отношеніе къ нимъ населенія,—все это настолько интересно и важно, какъ одно изъ проявленій нашей самодѣятельности и какъ средство къ развитію благосостоянія, что мы намѣрены остановиться на этомъ предметѣ подольше.

Потребность въ народномъ кредитѣ чувствовалось у насъ съ давнихъ временъ. На первыхъ порахъ, именно послѣ крестьянской реформы, думали удовлетворить ее учрежденіемъ такъ-называемыхъ волостныхъ кассъ, составившихся изъ разнаго рода суммъ, принадлежащихъ сельскимъ обществамъ и цѣлымъ волостямъ. Такихъ кассъ по настоящее время существуетъ у насъ болѣе 2,000, но существуютъ только на бумагѣ, такъ-какъ во многихъ изъ нихъ не имѣется ни гроша денегъ и вся дѣятельность ихъ ограничивается представленіемъ отчетовъ, да повѣркою пустыхъ сундуковъ. Учрежденія такого рода, какъ оказалось впослѣдствіи, не только не помогли дѣлу народнаго кредита, но даже принесли ему положительный вредъ: устроенныя по образцу простыхъ ссудныхъ кассъ, поставленныя подъ контроль лицъ, вовсе незаинтересованныхъ въ дѣлѣ, подъ ближайшее завѣдываніе волостнаго начальства, отъ котораго зависѣла самая выдача ссудъ, волостныя кассы служили ареною для цѣлаго ряда злоупотребленій — въ видѣ подкупа лицъ, назначавшихъ ссуду, расхищенія казны, обогащенія кулаковъ, пользовавшихся ссудою для раздачи ея мелкими частями, но за баснословные проценты, неимущимъ крестьянамъ, и т. д. и т. д. Положеніе дѣлъ было вообще таково, что требовалось во что бы то ни стало положить конецъ дѣятельности волостныхъ кассъ, замѣнивъ ихъ учрежденіями такого рода, которыя бы привлекали къ себѣ личное участіе пайщиковъ въ дѣлахъ образованнаго ими кредитнаго учрежденія,—въ которыхъ выдача ссудъ зависѣла бы не отъ произвола волостнаго старшины или писаря, весьма мало заинтересованныхъ въ дѣлахъ учрежденія, а отъ совѣта этихъ пайщиковъ и отъ поручителей,—гдѣ бы, однимъ словомъ, въ выдачѣ ссуды и въ своевременномъ ея возвращенія замѣшанъ былъ интересъ всѣхъ безъ исключенія вкладчиковъ. Такимъ учрежденіемъ явилось Рождественское ссудо-сберегательное товарищество, въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи. Открытіе товарищества относится ко второму году дѣятельности земскихъ учрежденій (1866) и составляетъ явленіе весьма замѣтное въ нашей провинціальной жизни. Основаніе этому учрежденію положено С. Лугининымъ, при основномъ капиталѣ въ 1,000 р. с. Въ продолженіе трехъ лѣтъ дѣятельность Рождественскаго товарищества не находила себѣ подражателей ни въ одной изъ губерній нашего обширнаго отечества: дѣло было слишкомъ

Рижскій городской театръ.

ново для насъ, чтобы можно было тотчасъ-же приняться за него. Многіе смотрѣли на этотъ первый опытъ съ недовѣріемъ, предсказывая ему полный неуспѣхъ; говорили, что крестьянинъ нашъ, не привыкшій къ самостоятельной дѣятельности, не съумѣетъ вести это новое дѣло,—что по своей всегдашней безпечности и неразвитости онъ не будетъ акуратно вносить взятую имъ ссуду, отчего средства товарищества скоро истощатся, а вмѣстѣ съ ними утратится и довѣріе къ новому учрежденію какъ со стороны пайщиковъ, такъ равно и со стороны лицъ, желающихъ помочь ему своими капиталами посредствомъ вкладовъ и проч. Къ удивленію этихъ многихъ, дѣла товарищества шли, однако, прекрасно; крестьяне не только весьма серіозно и добросовѣстно исполняли принятыя ими на себя обязательства, но даже оказались весьма приготовленными вести новое дѣло безъ всякаго почти содѣйствія со стороны лицъ болѣе ихъ знающихъ и просвѣщенныхъ. Такой блестящій результатъ выразился въ особенности въ образцовой акуратности при возвратѣ ссудъ: бывали многіе примѣры, что ссуды возвращались даже раньше срока; отсрочекъ было дано чрезвычайно мало, обращаться же къ взысканіямъ за просроченную ссуду приходилось чрезвычайно рѣдко. Послѣ этого блистательнаго опыта, всякія сомнѣнія должны были разсѣяться и мало по малу земства разныхъ губерній на своихъ собраніяхъ стали поговаривать о возможности устроить и у себя нѣчто подобное. Дѣятельнѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи оказалось Новгородское губернское земское собраніе, ассигновавшее въ 1870 году 14,500 р. на выдачу въ видѣ основнаго капитала тѣмъ кредитнымъ товариществамъ, которыя могли открыться въ прошедшемъ году. Стараніями губернской управы къ 1-му января настоящаго года было открыто 5 ссудныхъ товариществъ, въ Череповецскомъ, Новгородскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ. Сверхъ того, въ январѣ нынѣшняго года, тѣмъ-же Новгородскимъ земствомъ отпущено въ распоряженіе управы еще 15,000 р., для раздачи ихъ товариществамъ заимообразно на 12 лѣтъ, изъ 5 процентовъ въ годъ. Съ 1-го января по 1-е августа открыто еще 6 товариществъ. Такимъ образомъ, въ одной Новгородской губерніи оказывается ихъ 11; тамъ же существуетъ еще одно товарищество, основанное на средства одного частнаго лица, и Бѣлозерская ссудо-сберегательная касса, имѣющая, впрочемъ, характеръ нѣсколько отличный отъ кредитныхъ товариществъ. Кромѣ означенныхъ 14 товариществъ, народныя кредитныя учрежденія существуютъ еще въ слѣдующихъ губерніяхъ: въ Костромской 1, Московской 3, Лифляндской 2, С.-Петербургской 3, Тверской 2, Херсонской 2, Екатеринославской 1, Полтавской 1, Пензенской 1, Пермской 1, Псковской 1, Рязанской 1, Тамбовской 1, Тульской 1 и Эстляндской 1. Изъ этого перечня губерній видно, что земства совершенно различныхъ мѣстностей отнеслись сочувственно къ идеѣ народнаго кредита и успѣли уже выразить свое сочувствіе на дѣлѣ. Участіе земства выразилось: ссудою значительныхъ суммъ для основанія товариществъ, заботами объ ихъ устройствѣ и пріисканіи лицъ, способныхъ руководить дѣйствіями малоопытныхъ учредителей, составленіемъ уставовъ товариществъ и препровожденіемъ ихъ на утвержденіе министерства финансовъ, устройствомъ кассъ для выдачи ссудъ артелямъ и кредитнымъ товариществамъ (Тверское земство), наконецъ—изданіемъ и распространеніемъ брошюры, въ которой изложена сущность этого учрежденія (Тамбовская губ. зем. управа). Около 100 управъ признали распространеніе ссудо-сберегательныхъ товариществъ крайне полезнымъ; многія изъ управъ еще не высказали своего мнѣнія по этому поводу и только 3 не признали удобнымъ устройство такихъ учрежденій *). Такимъ образомъ, полезное это дѣло встрѣтило сочувствіе въ самыхъ различныхъ по своему экономическому характеру мѣстностяхъ, начиная отъ промышленныхъ центральныхъ губерній и кончая глухими мѣстностями Пермской губерніи и чисто-земледѣльческими губерніями юга Россіи. О томъ, какія мѣры приняты были земствомъ для образованія новыхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, а также о результатахъ дѣятельности уже существующихъ—мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Смѣсь.

Многочисленная фамилія.—Газета «Tribune», издающаяся въ Ріо-Жанейро (въ Бразиліи), сообщаетъ слѣдующій куріозъ, заимствованный ею изъ приходскихъ списковъ Паска-Курру: Тамъ живетъ 120-лѣтняя матрона, очень хорошо сохранившаяся, какъ въ духовномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Она была два раза замужемъ. Отъ перваго брака у ней было 10 человѣкъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, а отъ второго брака одна дочь. Отъ этихъ 11 дѣтей произошло 117 внуковъ, которые произвели 400 правнуковъ; у этихъ правнуковъ теперь 300 человѣкъ дѣтей, а у этихъ послѣднихъ уже 80. Все семейство этой почтенной матроны состоитъ изъ 908 человѣкъ, а такъ какъ 135 женщинъ этой фамиліи недавно были въ интересномъ положеніи, то въ настоящую минуту вся эта фамилія насчитываетъ, можетъ быть, до 1043 человѣкъ обоего пола. Въ день рожденія этой старушки всѣ члены ея многочисленнаго семейства собираются вокругъ нея. Живи они въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, имъ пришлось бы пожалуй заявлять о себѣ въ полиціи, чтобъ получить право на подобное сборище.

Оригинальное завѣщаніе.—«New-York-Times» пишетъ о такомъ завѣщаніи, какого еще никогда не являлось Мистеръ Соломонъ Санборнъ, изъ Медфорда въ штатѣ Массачузетъ, завѣщалъ свой трупъ профессорамъ гарвардскаго университета Агассицу, Оливеру, Венделю и Гольмсу, съ просьбой препарировать его «самымъ лучшимъ образомъ по всѣмъ правиламъ науки», и выставить въ музеумѣ этого заведенія. Его кожа должна пойти на приготовленіе двухъ барабановъ, которые должны быть подарены «его уважаемому другу, согражданину и патріоту Варренъ Симсону, барабанщику въ Коссагетѣ», съ условіемъ, чтобъ онъ каждый годъ барабанилъ или приказывалъ барабанить на нихъ, у подножія памятника на Бункеръ-Гиллѣ, 17 іюня, при восходѣ солнца, національный гимнъ «Yankee Doodle». Кромѣ того на одномъ изъ этихъ барабановъ должна быть начертана «Pope's Universal Prayer», а на другомъ «объясненіе независимости, въ томъ смыслѣ какъ понималъ ее ея знаменитый виновникъ, Томасъ Джефферсонъ». Тѣ части тѣла, которыя не годятся для анатомическихъ цѣлей, должны — говоря собственными словами мистера Соломона Санборна — «быть употреблены для удобренія какого-нибудь американскаго вяза, который долженъ быть посаженъ на какой нибудь большой дорогѣ, для того чтобъ въ тѣни его вѣтвей, которыя будутъ обязаны своей богатой листвой моему трупу, усталый путникъ могъ отдохнуть, а невинные дѣти играли бы и рѣзвились». Самое лучшее въ этой исторіи то, что она не принадлежитъ къ числу извѣстныхъ американскихъ утокъ; потому что «New-York-Times» увѣряетъ, что мистеръ Соломонъ Санборнъ изъ Медфорда въ Массачузетѣ, по званію шляпникъ, не только написалъ это завѣщаніе, но еще внесъ его въ протоколъ оффиціальнымъ образомъ.

Оцѣпенѣніе мертвыхъ. Тысяча покойниковъ,—можете представить себѣ, что долженъ ощущать врачъ, видя ихъ погибшими въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, съ такою быстротою, съ какою

---

*) Матеріалы для настоящаго обозрѣнія взяты нами: изъ брошюры, изданной по этому предмету комиссіею при Импер. Московскомъ Обществѣ сельск. хозяевъ; изъ статьи предсѣдателя Новгор. губ. зем. управы г. Фирсова въ «СПб. Вѣд.», изъ отчета о Новгородскихъ ссудныхъ товариществахъ и изъ другихъ источниковъ.

только можетъ губить пуля! Тысяча покойниковъ! Какое число! Страшное чувство овладѣваетъ человѣкомъ при видѣ этой человѣческой бойни и того какъ они лежатъ рядами и шеренгами и какъ потомъ ихъ валятъ въ большія могилы. Я не стану описывать всѣхъ этихъ покойниковъ, не стану говорить о различномъ выраженіи физіогномій, свидѣтельствующемъ о томъ, что происходило въ душахъ этихъ людей въ послѣднія минуты ихъ жизни - выраженіи энтузіазма, угрозы, надежды, страха, покорности судьбѣ,—все это слишкомъ хорошо извѣстно и безъ моихъ описаній. Что всего поразительнѣе—это тѣ странныя позы, какія были замѣчены у нѣкоторыхъ покойниковъ. Постигнутые внезапнымъ смертнымъ оцѣпенѣніемъ, они имѣли такой видъ, какъ будто бы они были еще живы и занимались тѣмъ или другимъ дѣломъ."

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ внезапнаго смертнаго оцѣпенѣнія передаетъ намъ американскій военный врачъ Бринтонъ. Во время междоусобной американской войны отрядъ союзныхъ солдатъ, отправленныхъ на фуражировку, встрѣтился съ эскадрономъ южной кавалеріи, который спѣшился тутъ для отдыха. Въ одну минуту кавалеристы повскакали на лошадей и выстрѣлили залпомъ на разстояніи около 200 шаговъ. Но эти выстрѣлы очевидно не произвели никакого дѣйствія, потому-что всѣ союзные солдаты, за исключеніемъ одного, ускакали. Этотъ послѣдній оставался на одномъ и томъ же мѣстѣ; одна нога была у него въ стремени; лѣвой рукой, въ которой у него была узда, онъ держался за гриву лошади, а правою охватывалъ стволъ карабина подлѣ дула, въ то время какъ противуположный конецъ этого оружія упирался въ землю. Голова этого солдата была обращена къ лѣвому плечу, очевидно для того чтобъ наблюдать за приближеніемъ нападающихъ. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ хотѣли еще разъ выстрѣлить, но были удержаны отъ этого офицеромъ, который приказалъ имъ идти впередъ и взять этого страннаго человѣка въ плѣнъ. Ему кричали издали, предлагая сдаться, но безуспѣшно. Подойдя ближе, его нашли мертвымъ и совершенно оцѣпенѣвшимъ въ описанной выше позѣ. Съ большимъ трудомъ удалось освободить изъ его лѣвой руки гриву лошади, а изъ правой карабинъ. Будучи положенъ на-земь, трупъ продолжалъ сохранять то же самое положеніе и оцѣпенѣлость. Лошадь же не трогалась съ мѣста, потому-что ее удерживалъ недоуздокъ.

Касательно этого страннаго рода смертнаго оцѣпенѣнія, обратившаго на себя въ первый разъ вниманіе во время американской и италіанской войнъ, нѣмецкіе врачи собрали новые опыты впродолженіи послѣдней войны, въ особенности же на поляхъ Седана и Бомона. Докторъ Росбахъ издалъ даже по этому поводу особое сочиненіе, въ которомъ описываетъ самымъ подробнымъ образомъ различные случаи внезапнаго смертнаго оцѣпенѣнія. Такъ напр. одинъ нѣмецкій солдатъ былъ найденъ мертвымъ на возвышеніи предъ Бомономъ. Онъ лежалъ на спинѣ съ поднятыми къ небу руками. Вѣроятно онъ, когда еще былъ живъ, держалъ ихъ передъ собою, какъ бы для защиты, и упалъ мертвый, не измѣняя положенія. Подъ Седаномъ нашли одну лошадь, у которой оторвало гранатою шейные позвонки, когда она дѣлала скачокъ. Въ то время какъ переднія и заднія ноги всѣхъ другихъ мертвыхъ лошадей были одинаково вытянуты, идя подъ прямымъ угломъ безъ всякаго изгиба отъ торса, ноги этой лошади сохраняли ту позу, какая была принята ими во время скачка: переднія были изогнуты, а заднія сильно вытянуты.

Мы привели только обыкновенные случаи; но были и другіе, гораздо болѣе замѣчательные, когда легкія и граціозныя позы не потерпѣли ни малѣйшаго искаженія отъ смерти. На бомонскомъ возвышеніи Росбахъ видѣлъ группу изъ шести французовъ, убитыхъ гранатою. У одного изъ труповъ было веселое улыбающееся лицо, которому недоставало только черепа, оторваннаго гранатою. Подлѣ этого смѣющагося трупа сидѣлъ другой, который, держа между большимъ и указательнымъ пальцемъ оловянную чашку, подносилъ ее къ губамъ; края чашки только-что коснулись нижней губы этого трупа, когда у него оторвало весь черепъ и лицо, за исключеніемъ нижней челюсти. Онъ не могъ упасть, такъ какъ солдаты сидѣли близко другъ къ другу въ одномъ углубленіи, и такимъ образомъ, 24 часа спустя, его нашли въ полу-лежащемъ, въ полу-сидячемъ положеніи съ поднятою рукою, въ которой была чашка, поднесенная къ безголовой челюсти

Особенно трогателенъ былъ видъ одного солдата, который, чувствуя приближеніе своего конца, пожелалъ взглянуть на изображеніе своей жены или возлюбленной. Онъ лежалъ на боку на своемъ ранцѣ и держалъ еще въ оцѣпенѣлой рукѣ, поднятой къ глазамъ, фотографическую карточку. Эта поза была такъ граціозна, въ ней такъ мало выказывалось напряженія, борьбы со смертью и конвульсій, что это можетъ служить новымъ доказательствомъ тому, что между послѣднею минутою жизни и первою минутою смерти оцѣпенѣніе можетъ явиться съ быстротою молніи, вслѣдствіе чего тѣло и получаетъ возможность сохранить то положеніе, какое было принято имъ въ послѣдній разъ въ жизни. Но это внезапное смертное оцѣпенѣніе составляетъ исключеніе; обыкновенно же смертное оцѣпенѣніе является не иначе, какъ по прошествіи нѣкотораго времени и объясняется химическимъ преобразованіемъ въ крови; но причины внезапнаго смертнаго оцѣпенѣнія до сихъ поръ еще не объяснены.

Высочайшими деревьями въ свѣтѣ считаются слѣдующія: мамонтовая сосна въ Калифорніи, которая имѣетъ до 450 футовъ вышины и слѣдовательно выше страсбургскаго собора, считающагося самой высокой башней во всемъ свѣтѣ; дерево — Эвкалиптусъ въ Вандименовой землѣ (въ Австраліи) въ 320 футовъ вышины и норфолькская сосна въ Новомъ Южномъ Валлисѣ (въ Австраліи), въ 270 футовъ. Самыя высокія изъ существующихъ теперь въ Германіи сосенъ имѣютъ не болѣе 200 футовъ вышины. Самыми старыми деревьями въ свѣтѣ считаются: боабабы при рѣкѣ Сенегалѣ въ Африкѣ, которымъ естествоиспытатель Адансонъ насчитываетъ до 5750 лѣтъ. Высочайшія калифорнскія мамонтовыя сосны существуютъ, какъ полагаютъ, уже около 5000 лѣтъ, нѣкоторые изъ ливанскихъ кедровъ около 2000 лѣтъ, а въ Англіи есть тисовое дерево, которому, какъ думаютъ, уже около 3000 лѣтъ. Самые старые германскіе дубы, липы и сосны пережили, вѣроятно, уже 800 слишкомъ лѣтъ.

Перо мира.—Окончательный миръ между Пруссіею и Франціею былъ подписанъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ отелѣ подъ вывѣской «лебедя», только вовсе не тѣмъ золотымъ перомъ, которое заранѣе было приготовлено съ этой цѣлью для князя Бисмарка однимъ пфорцгеймскимъ фабрикантомъ. Простое гусиное перо, купленное главнымъ кельнеромъ, вмѣстѣ съ столь же простой чернильницей, одержало верхъ надъ золотымъ перомъ. По самое-то забавное впереди. Одинъ изъ сыновъ Альбіона, узнавъ объ этомъ, предлагалъ упомянутому выше кельнеру 10 гульденовъ за это перо, но сверхъ ожиданія его предложеніе было отвергнуто; тогда онъ сейчасъ же обратился къ самому хозяину «Лебедя», которому онъ предложилъ уже 500 гульденовъ. Но и тутъ ему не удалось. Злой кельнеръ отказался выдать перо, потому что, какъ сказано выше, оно было его собственностью, и даже не побоялся своего хозяина, грозившаго ему судомъ.—Столикъ, на которомъ были подписаны предварительныя статьи версальскаго мирнаго договора, находится въ пріемной комнатѣ княгини Бисмаркъ. На маленькой серебряной дощечкѣ, вдѣланной въ столъ, написано для какого употребленія служила эта мебель.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ ЛУЧШИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

Невскій просп., № 62 противъ Аничкина Дворца.

А. КРУМБЮГЕЛЬ.

Невскій просп., № 62 противъ Аничкина Дворца.

Постоянно снабженъ: полнѣйшимъ и разнообразнѣйшимъ ассортиментомъ оныхъ, съ новыми улучшеніями въ конструкціяхъ и всѣми аппаратами къ нимъ; для семействъ, мастерскихъ и фабрикъ.

Швейныя машины:	
А. Б. Хауе	80, 95, 110 руб.
Эліасъ Хауе младш.	85, 100, 115 —
Вилькоксъ Гибсъ	75, 85 руб.
Системы Вилькоксъ-Гибсъ	60 —
Виллера Вильсона	55, 65, 75, 85, 95 р.
Гровера Беккера	70, 75 руб.

Ручныя швейныя машины:	
Системы Вилькокса-Гибса	15 руб.
(Silencieuse) Экспресъ	25
Свиртшуръ	35, 45 руб.
Natalis	45 руб.
Виллера Вильсона	50 — (въ деревян. полир. футлярѣ.

Столы къ ручнымъ машинамъ для дѣйствія ногою 12, 15, 20, 27 рублей. Огромный выборъ: нитокъ, бумаги, шелку, иголокъ, масла и другихъ принадлежностей. *Безплатное обученіе, постоянная гарантія.* Заказы иногородныхъ исполняются въ точности. Укладка и укупорка на счетъ магазина, безъ пересылки, на отвѣтъ, — при требованіи свѣденій должна прилагаться мочтовая марка.

ОСЕННІЯ И ЗИМНІЯ МОДЫ 1871 ГОДА.

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ.

ВЫШЛИ №№ съ 1 по 38.

Журналъ **„МОДНЫЙ СВѢТЪ“** выходитъ **въ двухъ изданіяхъ**, въ количествѣ **48 номеровъ въ годъ**, т. е. **четыре номера въ мѣсяцъ** (два модныхъ и два литературныхъ) и въ теченіе года заключаетъ въ себѣ: **въ 24 модныхъ номерахъ до 2000 политипажныхъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ, 12 большихъ листовъ выкроекъ** (въ **каждомъ** листѣ **до 15 выкроекъ**), **12 выкроекъ въ натуральную величину и 24** (или **12 для перваго изданія**) модныхъ, **раскрашенныхъ парижскихъ картинъ**, исполненныхъ лучшими художниками, **а въ 24 литературныхъ номерахъ** новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Годовая Цѣна журнала «МОДНЫЙ СВѢТЪ»:

I изданію, т. е., съ 12 раскрашенными картинами: безъ доставки **4 руб.**, съ пересылкою **6 руб.**

II изданію, т. е., **съ 24 раскрашенными картинами:** безъ доставки **5 руб.**, съ пересылкою **7 руб.**

Съ 1-го іюня открыта подписка на ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ, т. е., съ 1-го іюня по 1-е декабря.

Цѣна I изданію: безъ доставки **2 р. 50 к.**, съ пересылк. **3 р. 50 к.**
„ **II** „ „ „ **3** „ „ „ **4** „

Гг. желающихъ приобрѣсти **„МОДНЫЙ СВѢТЪ“ за первое полугодіе 1871 года,** Редакція покорнѣйше проситъ выпискою поторопиться, такъ какъ осталось очень мало экземпляровъ онаго.

Контора Редакціи находится въ С.-Петербургѣ, на большой Садовой улицѣ, д. Коровина, № 16.

АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

СИСТЕМЫ КАЛЬБО

Л. КАСТИЛЬОНЪ

Коммисіонеръ Военнаго Министерства.

Старѣйшій и важнѣйшій торговый домъ въ Россіи.

Челночныя машины, работающія въ двѣ нитки не распускающимся швомъ; исполняющія всевозможныя швейныя работы и снабженныя различными аппаратами для ихъ производства. — Кромѣ уже давно извѣстнаго превосходства ихъ по качеству, надъ другими системами, вновь полученныя машины имѣютъ еще ту неоспоримую выгоду, что продаются по дешевой цѣнѣ.

ДЕПО ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

Виллера и Вильсона, Гровера и Беккера, Хау, Зингера, Вилькоха и Гибса и пр. отъ **20** р.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Елисѣева. Въ Бель-этажѣ. | Въ МОСКВѢ: на Кузнецкомъ мосту д. Комарова № 11. (39)—22

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ.

Бальзамическія и освѣжительныя свойства этого уксуса, сдѣлали его незамѣнимымъ въ обыденномъ употребленіи, при дамскомъ и мужскомъ туалетѣ.

ЦѢНА 50 КОП. ЗА ФЛАКОНЪ.

Въ магазинѣ **И. САБЛУКОВА**, въ С.-Петербургѣ въ Гостиномъ Дворѣ, по Зеркальной линіи. № 39. (10)—8

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ПОВѢСТИ, ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Всеволода Крестовскаго.

Цѣна 1 р. 25 к.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Катакомбы Фары; 2) Подземный ходъ; 3) О собакахъ; 4) Сильныя ощущенія подъ Петербургомъ; 5) Красавица; 6) Любовь въ двухъ часахъ; 7) M-lle Galliard; 8) Вѣчный дежурный; 9) Торныя дороги; 10) Погибшее, но милое созданье; 11) Царь отъ міра сего; 12) Въ веселомъ домѣ.

Главный складъ находится у издателя „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСА, на углу Большой Морской и Невскаго просп., д. Росмана № 9—13.

Выписывающіе изъ главнаго склада за пересылку ничего не платятъ.

ДЛЯ ВСѢХЪ НЕОБХОДИМОЕ,

ГОРЧИЧНАЯ БУМАГА ИЗЪ ЛУЧШЕЙ САРЕПТСКОЙ ГОРЧИЦЫ,

Т. ШМИДЕНА.

Разсмотрѣна и разрѣшена къ продажѣ медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Удобство и преимущество этой бумаги, въ сравненія съ обыкновенными горчичниками, многостороннія. Цѣна умѣренная, а именно:

Дюжина горчичниковъ въ коробкѣ 40 копѣекъ.

Для иногородныхъ высылается чрезъ почту, не менѣе какъ на 2 рубля

Главный складъ въ магазинѣ **И. САБЛУКОВА**, въ гостиномъ дворѣ по зеркальной линіи, № 39-й, въ С.-Петербургѣ. (10)—7

Дозволено ценсурою 17 Сентября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Тип. [illegible] д. № 45—1

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2–3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 27 сентября 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногороднихъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.

Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

В. И. КЕЛЬСІЕВА.

(Продолженіе).

II.

Царскій искусъ.

На другой день утромъ Великій Государь Петръ Алексѣевичъ работалъ въ своей токарной, на Городскомъ Острову. Царь то присаживался къ станку, то вставалъ, — и нога его, обутая въ кожаную ботинку съ круглымъ носкомъ, проворно и въ тактъ ударяла въ педаль. Колесо визжало и вертѣлось, такъ-что сливалось въ одинъ туманный кругъ. Подлѣ него лежала бѣлая глиняная трубка; возлѣ этой трубки на станкѣ стоялъ ящикъ съ табакомъ и кружка пива.

Царь былъ одинъ въ своей крохотной комнаткѣ и, раздумывая о своей войнѣ со шведомъ, быстро приставлялъ подпилокъ къ куску слоновой кости толщиною въ вершокъ.

У Царя было съ часъ свободнаго времени послѣ того, какъ онъ выслушалъ докладъ, и ему хотѣлось остаться одному, для того чтобъ сообразиться.

Нога работала усердно, кость обтачивалась быстро.

— Вели войти, Государь, раздался голосъ за дверью.

— Ушаковъ, ты? спросилъ Петръ, продолжая усиленно бить ногой по педали.

— Ушаковъ, Государь, раздалось за дверью.

— Ну, входи.

Любимый деньщикъ Государя вошелъ и сталъ у косяка, прижавшись къ нему спиной.

— Стоятъ у тебя предъ крыльцомъ, Государь, молодцы наши; съ чужихъ сторонъ воротились — посмотри самъ: каковы.

— Зови ребятъ, сказалъ Государь.

Ушаковъ отворилъ дверцу царской избы, которую мы называемъ теперь домикомъ Петра Великаго, и вышелъ на улицу.

— Ну-ка, ребятушки, сказалъ онъ, — ступайте къ Царскому Величеству. Коли правы, кнута не отвѣдаете.

А Петръ все точилъ.

Трепеща всѣмъ тѣломъ, замирая всѣмъ сердцемъ и подталкивая другъ друга впередъ, вошли трое молодыхъ людей въ домикъ.

Царь бросилъ работать, повернулся на своей табуреткѣ спиной къ станку и ласково взглянулъ на молодежь.

— Который изъ васъ Римскій-Корсаковъ? спросилъ онъ.

— Я, Ваше Царское Величество, отвѣчалъ одинъ, а двое другихъ поклонились въ ноги.

— Изъ французской земли? спросилъ Петръ.

— Изъ французской, Государь, изъ Тулона, отвѣчалъ первый.

— Фортификаціи и артиллеріи обучался?

— По твоему приказу, Великій Государь, обучался.

— Ну, выучился?

— Сколько умишка моего хватило, Великій Государь, выучился.

— А фортецію съумѣешь начертить? спросилъ Государь.

— Коли твое Царское Величество прикажетъ, отвѣчалъ съ достоинствомъ Римскій-Корсаковъ, встряхивая напудреннымъ парикомъ,—такъ—не во гнѣвъ тебѣ будь сказано—въ грязь лицомъ не ударю.

— «Когда Царское Величество прикажетъ!» Къ тому что-ли я клоню, чтобъ вы только по приказу Царскаго Величества дѣлали? — сами дѣлайте! — Инъ ты не пугайся, спохватился Петръ: — это я такъ, съ сердцовъ; а теперь давай-ка лучше смотрѣть, какъ ты чертежъ сдѣлалъ бы. Ты моего гнѣва не бойся. Присядь и дѣлай.

Юный Римскій-Корсаковъ замялся; онъ никогда предъ Царемъ еще не сиживалъ.

Петръ подалъ ему бумагу, готовальню, карандаши, линейки, ящикъ красокъ и задумался.

— Что-жь, Государь, чертить прикажешь? спросилъ Римскій-Корсаковъ, пріободрясь.

— Нарву хорошо знаешь?

— Твердо знаю, Государь. У меня тамъ даже и дворъ стоитъ.

— Ну и я хорошо Нарву знаю, сказалъ Государь. — Сядь и начерти ты мнѣ фортификацію города Нарвы, такъ-что если бы я самъ ее сталъ брать, а ты бы въ ней комендантомъ былъ, такъ чтобъ я ее взять не могъ.

— Ну, Великій Государь, молвилъ уже совершенно пришедшій въ себя юноша, — коли ты самъ, своимъ царскимъ словомъ, велишь противъ тебя Нарву защищать, то подожди часа три; я начерчу, какъ я противъ тебя бунтовать стану.

Великій Государь всталъ, подошелъ къ нему, положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Коли съумѣешь, молодецъ, Нарву защитить, обниму и разцѣлую тебя завтра въ ассамблеѣ, при всѣхъ. Вишь что мнѣ нужно: нужно чтобъ завелись у насъ на Руси такіе люди, которыхъ понукать бы не нужно было.

Римскій-Корсаковъ, сотворивши крестное знаменіе, набросалъ планъ Нарвы и сталъ окружать ее всякими бастіонами, шанцами, рвами, причемъ не пощадилъ нѣсколькихъ огородовъ, мельницу и одну подгородную слободу срылъ, обративъ ее въ кронверкъ.

— Ну, а ты кто такой? спросилъ царь, обратившись къ другому. — Да я тебя видывалъ? ты, кажись, Коробовъ?

— Я, Государь, робко пропищалъ, весь трепещущій, маленькій, худенькій, бѣлокурый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-осьми, съ миловиднымъ и неглупымъ, но ужь очень тихимъ и не смѣлымъ лицомъ, блѣднымъ и носившимъ явные признаки безсонной ночи.

— Ты въ Англію, кажись, былъ посланъ?

— Въ Англію, Государь, въ Англію, отвѣчалъ тотъ.

— А по аглицки знаешь?

— Научился, Государь, научился.

— Что у меня память теперь коротка становится, прежде востреe была. По какому дѣлу ты былъ посланъ?

— По какому дѣлу, Государь, былъ посланъ? растерянно переспросилъ молодой человѣкъ, трясясь всѣмъ тѣломъ и оглядываясь на товарищей.

— Ну, да, по какому дѣлу ты былъ посланъ?

— По какому дѣлу, Государь?

У юноши съ перепугу въ глазахъ потемнѣло, онъ безпомощно развелъ руками...

— Слушай, засмѣялся Петръ, — отъ предковъ положено, что повинную голову и мечь не сѣчетъ. Выди ты въ сѣнцы и полчасика тамъ постой — припомни, за какимъ дѣломъ я тебя посылалъ. Какъ припомнишь, входи прямо сюда и скажи намъ. А пугать тебя не хочу.

Разводя руками, юноша вышелъ въ сѣнцы, сталъ, и долго еще никакъ не могъ припомнить, какой онъ наукѣ обучался.

— А ты, сказалъ государь, обращаясь къ третьему,— никакъ сынъ Кайсарова?

— Я самый, Ваше Царское Величество, отвѣчалъ тотъ бойко.

— Морскому дѣлу выучился?

— Плохо, Государь, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ, плохо? нахмурился Петръ. — Аль не знаешь, что у меня, въ христіанскомъ царствѣ, на такую глупоту припасено? ужь лучше-бъ ты и не ворочался.

— Что же это, Ваше Царское Величество, будетъ? спросилъ тотъ, нисколько не испугавшись, даже какъ будто посмѣиваясь.

— А то что будешь ты у меня кнутомъ битъ, коли не исполнишь своего дѣла.

— А какъ же ты самъ, Царь Государь, морское дѣло знаешь,—а не понимаешь, что морякъ, который на венецейскихъ галерахъ да голандскихъ корабляхъ простымъ матросомъ по твоей волѣ пять лѣтъ хаживалъ, который...

И онъ разстегнулъ камзолъ, вынулъ изъ-за пазухи нѣсколько бумагъ, и, смѣло подойдя къ Царю, положилъ ихъ къ нему на станокъ.

— Вотъ атестаты отъ голандскихъ шкиперовъ и венецейскихъ супракомито о томъ, что прослужилъ я, сынъ боярина твоего, простымъ матросомъ.

Петръ смотрѣлъ на этого человѣка молча.

— Видишь, Ваше Царское Величество, продолжалъ Кайсаровъ, — похвалять самъ себя я не стану — суди самъ, съ толкомъ я или не съ толкомъ въ твоей посылкѣ былъ.

— Молодецъ, наконецъ весело сказалъ Петръ, все время слушавшій юношу не перебивая, — такихъ-то вотъ людей мнѣ и надо!.. а въ навигаціи плоской испытаніе долженъ выдержать въ Адмиралтейской коллегіи.

— Не знаю, Государь, отвѣчалъ Кайсаровъ. — Можетъ что спросятъ, не съумѣю отвѣта держать.

Петръ задумался. Петру нужны были именно такіе русскіе люди, которые поступали бы всѣ такъ же самостоятельно, какъ казалось самостоятельно поступалъ Кайсаровъ. Онъ подошелъ къ шкапу, вынулъ изъ него руководство мореплаванія, развернулъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ были показаны румбы, и ткнулъ пальцемъ въ одинъ изъ нихъ.

— Ну, если вотъ этотъ вѣтеръ дуетъ, а надо намъ идти на зюйдъ-вестъ, какъ ты корабль поведешь?

— Лавировать, Государь, надо, отвѣчалъ съ усмѣшкой Кайсаровъ.

— Какъ же ты лавировать станешь?

— Царь-Государь, отвѣчалъ Кайсаровъ, — я тебѣ пожалуй разскажу это — только я лавировалъ и въ ураганы, когда шкиперомъ былъ аглицкаго судна «*Королева Елизавета*».

— Да ты что же не сказывалъ, что у англичанъ служилъ? спросилъ Петръ, чрезвычайно польщенный подвигами русскаго.

— А ты, Государь, отвѣчалъ насмѣшливо Кайсаровъ,—не изволилъ посмотрѣть на патенты, что я передъ Твоимъ Величествомъ положилъ на станокъ.

Затѣмъ, не спрашивая позволенія императора, онъ взялъ у него со стола карандашъ и листъ бумаги и сталъ чертить, какъ кораблю слѣдуетъ изворачиваться противъ вѣтра. Вопросъ былъ заданъ Петромъ самый трудный.

— Дѣло, сказалъ государь. — Теперича скажи ты мнѣ по солнцу, который часъ будетъ?

Предъ этимъ онъ взялъ стѣнные часы, хронометръ, постоянно лежавшій у него на столѣ, спряталъ въ карманъ и сунулъ Кайсарову въ руку секстантъ.

— Солнце плоховато видно, отвѣчалъ Кайсаровъ,— минуты двѣ ошибки у меня будетъ. Самъ Государь, видишь, солнце плоховато.

Кайсаровъ подошелъ къ окну, отыскалъ на небѣ пятно, которое въ петербургскомъ климатѣ замѣняетъ солнце, и задумался.

— Ваше Царское Величество, сказалъ онъ, — ни одинъ морякъ на память этого дѣла не высчитаетъ — я скажу тебѣ по счету голландскому, по широтѣ Амстердама; справься теперь — счетъ мой вотъ каковъ.

Петръ взглянулъ на часы. Ошибка была въ пяти минутахъ времени. Онъ всталъ, подошелъ къ Кайсарову, обнялъ его и сказалъ:

— Не забудь же, завтра въ урочное время будь въ Адмиралтействѣ, а вечеромъ увидимся въ Асамблеѣ. Только гдѣ же тотъ проказникъ?

— Постой, Государь, не гнѣвайся на него, отвѣчалъ Кайсаровъ, — сейчасъ приведу. Онъ человѣкъ толковый, только тебя перепужался.

Кайсаровъ вышелъ въ ту маленькую переднюю, гдѣ все еще трусившій Коробовъ, прижавшись лбомъ къ стѣнѣ, стоялъ въ совершенномъ недоумѣніи.

— Слушай, толкнулъ онъ его, — ты чего?

— Боюсь, говорилъ Коробовъ.

— Да ты не бойся, дуракъ!.. шепталъ ему Кайсаровъ.

— Боюсь, повторилъ тотъ.

— Ну, пойдемъ, сказалъ Кайсаровъ. — Я тебя выручу.

— Пойдемъ, отвѣчалъ тотъ, — пойдемъ: одинъ конецъ.

И онъ покорно, какъ овечка, вступилъ въ кабинетъ Государя.

— Припомнилъ? спросилъ Петръ со смѣхомъ.

— Мы за него, Государь, съ Римскимъ-Корсаковымъ припомнимъ, отвѣчалъ Кайсаровъ. — Онъ архитектурѣ учился—и выучился.

— Зодчій! зодчій, Твое Царское Величество!

Подлѣ колоссальнаго Петра, этотъ маленькій Коробовъ казался какой-то мухой.

— Ну, слушай, сказалъ ему Петръ, схватившись за бока и смѣясь, — я тебя сегодня даже и трогать не стану; ты только скажи мнѣ такъ по совѣсти — выучился ты чему-нибудь?

— Не знаю, Государь, отвѣчалъ Коробовъ. — Ей Богу не знаю. А если ты, Великій Государь, велишь построить — я построю.

Римскій Корсаковъ вдругъ обратился отъ своего чертежа.

— Государь, сказалъ онъ, — Царское Твое Величество, малый-то робкій — мокрая курица. Онъ всю ночь не спалъ, а сюда шелъ, такъ лихорадка его била, а дѣло свое знаетъ.

— Ну, ребята, съ Богомъ, а завтра въ ассамблею.

— Какъ же это, Государь? сказалъ вставая Римскій-Корсаковъ, — вѣдь ты мнѣ далъ Нарву укрѣпить, а я не кончилъ....

— Ну-ка покажи, что̀ ты тамъ изобразилъ? спросилъ его улыбаясь Петръ.

— Да вотъ, все, что̀ успѣлъ.

— Ну и ты ступай, сказалъ Петръ. — Молодцы, нечего сказать; только ты ужь, куропатка, прибавилъ онъ, взявши за плечо Коробова и встряхивая его своей могучей рукой, — съ тобой мнѣ трудно будетъ кашу варить, больно ты красная дѣвка. Спасибо молодцы, что выучились.

Обомлѣвшій отъ счастья Коробовъ съ товарищами только-что выходилъ изъ этой крохотной комнатки, какъ въ нее вошелъ человѣкъ невысокаго роста, въ нарядѣ, котораго ни намъ ни дѣтямъ нашимъ уже не увидать. На немъ былъ надѣтъ тогдашній кафтанъ, того самаго фасона, который носили при Людовикѣ XIV; правая пола была красная, а лѣвая зеленая; одна нога была въ сапогѣ, а другая въ чулкѣ.

— Алексѣичъ! сказалъ онъ, не обращая вниманія на присутствующихъ, — ты чего настроилъ?

— Говори, дуракъ, отвѣчалъ ему Петръ.

Присутствующіе остановились.

— Ты тамъ, на вольномъ дворѣ вчера — а еще умнымъ человѣкомъ тебя считаютъ! — съ какимъ-то мальчишкой связался, что машины строитъ. Кто изъ насъ послѣ этого умнѣе — я или ты? Я кумпанство съ царомъ и первыми вельможами вожу, а ты съ борку да съ сосенки товарищество себѣ набираешь. Ты вотъ ничего небось не заработалъ, а у меня... гляди-ко!..

Шутъ вынулъ изъ кармана и показалъ рублевикъ.

— Пришелъ сюда этотъ парнишка къ намъ во дворецъ, а солдаты его по шеямъ. Ну и я, признаться сказать, хотѣлъ было въ ухо ему съѣздить, а онъ мнѣ и говоритъ: «самъ вѣдь Царь велѣлъ мнѣ придти». Я и думаю: «какъ же, шушера, стану я даромъ тебя до Царя доводить!.. Давай, говорю, рубль, а иначе къ Царю не пойду, потому-что мы, говорю, царскіе слуги, отъ васъ, отъ дураковъ, кормимся, а не будь васъ, дураковъ, можетъ и насъ бы не было». Я, Алексѣичъ, такъ поступаю, какъ всѣ твои воеводы и какъ всѣ твои слуги, потому-что отъ тебя, другъ мой любезный, кормы малы, въ часточку.

— Съ вольнаго двора мальчишка? переспросилъ Петръ. — А, знаю, знаю!.. зови его сюда. — А вы ступайте.

И вся компанія молодыхъ людей вышла изъ кабинета.

Петръ подошелъ къ станку—и опять слилось въ

одинъ кругъ токарное колесо, и опять заходила его ботинка.

— Алексѣичъ! раздалось за нимъ, — вотъ онъ, тотъ, что съ вольнаго двора.

— Подойди-ка сюда, молодецъ, сказалъ Петръ Константину, который натянулъ на себя кафтанъ изъ зеленаго сукна, стамедовый камзолъ, зеленые штаны и гарусные чулки. Онъ держалъ подъ мышкой трехъугольную шляпу, не такую что мы недавно видали на нашихъ войнахъ, а ту французскую шляпу, у которой три угла въ три разныя стороны смотрѣли.

— Ваше Царское Величество, сказалъ замирая отъ какого-то непонятнаго чувства Константинъ, — прислалъ ко мнѣ, чтобъ я къ Вамъ явился.

И онъ преклонилъ колѣно.

— Встань, сказалъ Петръ, — я сегодня о тебѣ вспомнилъ, и послалъ за тобою. Только ты подумай— есть у тебя голова на плечахъ?

Константинъ посмотрѣлъ царю въ глаза, не робко, но и не дерзновенно, а просто и прямо.

— Въ смерти и животѣ моемъ ты, Государь, воленъ, отвѣчалъ онъ покорно, и Петру почудилось во взглядѣ его именно то, что сказалъ молодой человѣкъ — какая-то на всякій часъ готовность къ смерти.

— Толковый ты парень. Дамъ я тебѣ такое дѣло, для котораго голова нужна. Въ математикѣ ты показалъ мнѣ, что умнъ; а по тому, что ты дѣлаешь, руки у тебя золотыя. Обдѣлай ты мнѣ одно дѣльцо.

Константинъ слегка покраснѣлъ отъ удовольствія, но всегдашняя сдержанность не дозволила этому чувству выразиться чѣмъ нибудь посильнѣе.

— Приказывай, Государь, проговорилъ онъ съ обычной простотой.

— Видишь, сказалъ Петръ, подумавши минуты двѣ,—надо такъ, чтобы ни кто на свѣтѣ объ этомъ дѣлѣ не зналъ.

И Петръ опять задумался, глядя на молодаго человѣка, лицо котораго поразило его еще въ первую встрѣчу на вольномъ дворѣ: что-то затаенное, грустное и вмѣстѣ сильное проглядывало и въ тогдашней его бойкости и въ теперешней покорности. Видно было, что этотъ человѣкъ умѣетъ держать языкъ за зубами когда нужно, хотя бы на сердцѣ камень пудовой лежалъ.

— Видишь, продолжалъ Государь какимъ-то полушопотомъ. — Когда я былъ въ Голландіи, взялъ я съ собою оттуда лучшаго канатнаго мастера, Гармсена; у меня съ нимъ сдѣлка на то, чтобъ канаты для кораблей вить у насъ, въ Россіи, и учить этому мастерству нашихъ русскихъ. Ну, онъ и учитъ ихъ, да какъ-то недоучиваетъ. Пока у него на заводѣ работаютъ— ладно выходитъ; а какъ возьмешь оттуда человѣка, да заставишь самого дѣлать—тѣ же канаты да не тѣ. Вы, русскіе, люди все способные, только все такіе—Богъ васъ знаетъ—сами ничего не начинаете, носомъ тыкать васъ нужно. Гармсенъ что-то держитъ въ секретѣ, а я узнать это хочу. Ссориться мнѣ съ нимъ не хочется, человѣкъ онъ хорошій и на многія иныя дѣла пригодный. Сдѣлай ты мнѣ это дѣло, хоть сквозь щелку да подсмотри.

Константинъ, стоя потупившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Царя въ этой крохотной комнаткѣ, слушалъ его съ тѣмъ напряженнымъ и вмѣстѣ нѣсколько разсѣяннымъ вниманіемъ, которое свойственно людямъ сосредоточеннымъ на одной мысли—и сосредоточеннымъ до того, что мысль эта какъ бы поглощаетъ все ихъ существованіе, словно проступая во всѣхъ поступкахъ, словахъ и даже другихъ мысляхъ.

— Попытка не пытка, спросъ не бѣда, вырвалось у него съ невольнымъ вздохомъ,—попробую!..

Петръ внезапно подошелъ къ нему и положилъ свою тяжелую руку на плечо Свѣчникова.

— Скажи мнѣ прежде, что у тебя за кручина? Чего ты такимъ старикомъ глядишь? Помочь тебѣ, что-ли, въ чемъ?

Константинъ поблѣднѣлъ и отступилъ, видимо колеблясь.

— Нѣтъ, Государь, не пристало мнѣ просить тебя, ничѣмъ не послуживъ, рѣшительно проговорилъ онъ, овладѣвъ собою, — да и дѣло-то мое... такое... пропащее...

Онъ махнулъ рукой.

— Говори — на то тебѣ мой приказъ! перебилъ Петръ.

Константинъ вскинулъ на него своими свѣтлыми и вмѣстѣ грустными глазами.

— Коли велишь, Государь, изволь, какъ на духу скажу всю правду, началъ онъ, едва осиливая волненіе въ голосѣ,—пропащая моя голова, Государь!.. Сгубила меня присуха злая... Пуще жизни, пуще душеньки моей мила мнѣ... шутка сказать!.. дочь боярина твоего, Лукерья Куроѣдова...

— Какая же это такая Куроѣдова? спросилъ Петръ,—я что-то не знаю.

— Такая, Государь, наши же ярославскіе; говорятъ, въ Питерѣ живутъ и совсѣмъ распышились. Горды больно—за меня, за такого худороднаго человѣка, Лукерью не отдадутъ.

— Да ты что... спознался съ ней? спросилъ Петръ.— Какая это Лукерья? Лукерья Куроѣдова? — что-то не припомню. Здѣсь это, въ Санктъ-Питербурхѣ?

— Здѣсь, Великій Государь.

— Да какъ же это вы стакнулись?

— Въ Ростовѣ, Ваше Царское Величество, черезъ заборъ переглядывались. Грѣха, Государь, не было; я даже и не говорилъ ей, а иное глядишь да и вздохнешь, и она то же вздохнетъ—ну и понимаетъ...

Петръ задумался.

— Костька, сказалъ онъ,—Лукерью Куроѣдову я не знаю, а сослужишь ты мнѣ эту службу,—да ты главное помни, вѣдь это не мнѣ, а отечеству,—изволь, сватать буду!.. И взявъ руку Константина, Государь хлопнулъ по ней своею рукой.

Константинъ, не выпуская мозолистой руки Монарха, поднесъ ее къ губамъ и сталъ цѣловать со слезами на глазахъ.

Петръ усмѣхнулся и свиснулъ; изъ передней выскочилъ Ушаковъ.

— Разнимай, сказалъ Петръ.

— Въ чемъ? спросилъ деньщикъ.

— Въ томъ, что я далъ слово этому парню: буде онъ мнѣ службу сослужитъ, идти мнѣ сватомъ за него къ его зазнобѣ.

— Разниму, коли прикажешь, сказалъ Ушаковъ.

— Ну, и выдь!.. ступай и ты! сказалъ Петръ.

Минутъ черезъ пять Константинъ уже переѣзжалъ Неву съ Троицкой пристани, отъ домика Петра, домой, разсказать отцу о своемъ невѣроятномъ похожденіи.

(Продолженіе будетъ).

Прогулка по Петербургу.

Сѣнная площадь.

Если вы сядете у Гостинаго Двора въ вагонъ конно-желѣзной дороги и отправитесь по Большой Садовой улицѣ на юго-западъ, то вамъ придется проѣхать мимо цѣлаго ряда громадныхъ, сросшихся одинъ съ другимъ, домовъ, нижніе этажи которыхъ заняты многочисленными магазинами и лавками, и выѣхать на большую, со всѣхъ сторонъ застроенную площадь. Это и будетъ знаменитая Сѣнная. Съ перваго раза она поразитъ васъ своимъ многолюдствомъ, своею кипучею дѣятельностью: десятки крохотныхъ лавченокъ съ самымъ разнообразнымъ, по большей части мелкимъ товаромъ; сотни людей, толкущихся на мостовой и между рядами лавокъ; крики разнощиковъ, предлагающихъ разные съѣдомые и несъѣдомые продукты, начиная съ мессинскихъ лимоновъ и кончая весьма подозрительными пирогами; движеніе экипажей, извощичьихъ дрожекъ, общественныхъ каретъ, ломовыхъ извощиковъ, чухонскихъ одноколокъ и проч. и проч. Все это сливается въ общій шумъ, который состоитъ изъ гула, грохота, треска, стука и человѣческихъ голосовъ, раздающихся тутъ неумолчно. Можно сказать положительно, что ни одна изъ улицъ и площадей столицы не отличается такимъ многолюдствомъ, а тѣмъ болѣе не производитъ такого ошеломляющаго дѣйствія, какъ Сѣнная площадь съ ближайшими своими окрестностями. Въ самомъ дѣлѣ, Спасская часть, и преимущественно 3-й и 4-й участки ея, т. е. именно та мѣстность, которую мы описываемъ, представляетъ самое населенное мѣсто во всемъ Петербургѣ: въ 343 домахъ Спасской части помѣщается 23,000 жителей, среднимъ числомъ по 66 человѣкъ на домъ,—число, равнаго которому не найдете ни въ одной изъ остальныхъ частей Петербурга. По своему центральному положенію въ городѣ, вблизи Невскаго проспекта и разныхъ второстепенныхъ рынковъ, Спасская часть привлекаетъ къ себѣ массу торговаго и промышленнаго люда, проводящаго цѣлые дни въ рынкахъ: Апраксиномъ, Щукиномъ, Сѣнной, Маріинскомъ и проч., а на ночь стекающагося въ переулки вокругъ Сѣнной площади и Большой Садовой. Сѣнная площадь занимаетъ пространство примѣрно око-

Сѣнная площадь въ Петербургѣ.

ло 2-хъ десятинъ и имѣетъ форму прямоугольнаго четырехъ-угольника. Въ юговосточной части ея возвышается церковь Успенія Пресвятой Богородицы, называемая въ народѣ «Спасомъ на Сѣнной». Къ сѣверо-западной ея части, позади гауптвахты, примыкаетъ Спасскій переулокъ, прославленный извѣстнымъ убійствомъ Зона; немного подальше, съ правой же стороны, Конный переулокъ. Съ лѣвой—тянется Обуховскій проспектъ, съ знаменитыми домами князя Вяземскаго, а немного правѣе его—небольшой Таировскій переулокъ, съ неменѣе знаменитымъ «Малинникомъ». Наконецъ, Большая Садовая улица пересѣкаетъ Сѣнную въ направленіи отъ сѣверовостока къ югозападу. Разсмотримъ все это подробнѣе.

Церковь Спаса своею обновленною внѣшностью представляетъ довольно рѣзкій контрастъ съ сѣрою, грязною обстановкою всей остальной площади. Построена она по образцу старинныхъ православныхъ церквей, т. е. въ видѣ корабля, съ большимъ куполомъ по серединѣ и нѣсколькими малыми по сторонамъ. Въ недавнее время куполы выкрашены синею краской, съ золотыми звѣздами, что нѣсколько напоминаетъ византійскій стиль. Церковь эта, по преданію, основана усердіемъ нѣкоего г. Яковлева, въ 1753 году, и имѣетъ 5 придѣловъ, въ томъ числѣ одинъ во имя Всемилостиваго Спаса. Длина храма, отъ горняго мѣста до западныхъ дверей, 29 саженъ; въ ширину, отъ сѣверныхъ до южныхъ дверей, 13 саж. $2^1/_2$ фута. Иконостасъ считается однимъ изъ лучшихъ въ столицѣ. Между иконами замѣчательны — мѣстныя иконы въ главномъ предѣлѣ *Спасителя и Божіей Матери*, греческаго письма. Кромѣ образовъ, особенное украшеніе Успенской церкви составляютъ: а) *серебряный*, чеканной работы, *престолъ*, вѣсомъ слишкомъ 6 пудовъ; б) отдѣланное серебромъ, большаго формата *евангеліе*, вѣсомъ около $1^1/_2$ пуда и в) серебряные, вызолоченные сосуды и такія же ризы на иконахъ и проч. Главнѣйшія празднества въ этомъ храмѣ совершаются 1-го и 15-го августа. Первое изъ нихъ сопровождается крестнымъ ходомъ и водосвятіемъ. При церкви находится элементарная школа и нѣчто въ родѣ богадѣльни для неимущихъ лицъ духовнаго званія.

Лѣтъ 6 тому назадъ, Сѣнная площадь была застроена множествомъ лавокъ и балагановъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ по всему ея пространству. Послѣ этого она нѣсколько разъ перестраивалась; настоящій же свой видъ получила только съ прошлаго года. Лавки и балаганы ея образуютъ теперь нѣсколько правильныхъ рядовъ вдоль площади, съ поперечными проходами. Ряды по правую сторону (если ѣхать отъ Невскаго проспекта) заняты продавцами зелени, овощей, ягодъ и фруктовъ; по лѣвую сторону—продаютъ разную суровскую мелочь: нитки, иголки, шерстяные и бумажные чулки, шарфы, бусы, пуговицы и т. д.; нѣсколько далѣе—лавки съ деревянной, оловянной и желѣзной посудой, лавки съ живыми цвѣтами и растеніями и проч. Позади ихъ, просто на землѣ, на разостланныхъ рогожахъ и на возахъ, продается разная крупная зелень: огурцы, капуста, свекла и проч. Сюда же, въ базарные дни, сходится чернорабочій народъ и разные подрядчики, огородники и проч., которые договариваютъ здѣсь для себя рабочихъ. Мѣсто это составляетъ первый планъ прилагаемаго рисунка. Наканунѣ большихъ праздниковъ, въ особенности же за нѣсколько дней передъ рождественскими святками и на Страстной недѣлѣ, Сѣнная площадь принимаетъ еще болѣе оживленную физіогномію: тогда Большая Садовая дѣлается похожею на живую рѣку изъ экипажей, лошадей, человѣческихъ головъ и проч., которая движется по направленію къ Сѣнной за покупками для праздниковъ. На площади въ тѣ дни стоитъ такой стонъ и гамъ, который можно слышать развѣ только на большой сельской ярмаркѣ. Сотни возовъ или саней съ замороженною дичью, поросятами, свиньями и домашней птицей заставили не только площадь, но и часть прилежащихъ къ ней улицъ. Толкотня у возовъ, на тротуарахъ и по всей площади—страшная. Конные жандармы и пѣшіе городовые соблюдаютъ порядокъ при движеніи ѣдущей и идущей публики. Движеніе же общественныхъ каретъ и вагоновъ желѣзно-конной дороги на это время вовсе прекращается. При этомъ не обходится, конечно, безъ смѣшныхъ сценъ, скандаловъ, воровства и проч.

По характеру своему, торговля на Сѣнной площади—крайне разнообразна: здѣсь торгуютъ и въ постоянныхъ помѣщеніяхъ, и въ разносъ, торгуютъ оптомъ и въ раздробь, торгуютъ въ подвижныхъ лавчонкахъ, торгуютъ на ларяхъ и лоткахъ, торгуютъ даже тѣмъ, чѣмъ по настоящему не слѣдовало бы торговать—совершенно гнилыми яблоками, рубцами, отвратительной печонкой и проч. Весь бракъ съ Апраксина и Щукина дворовъ находитъ для себя сбытъ на Сѣнной. Здѣсь встрѣчаешь бабъ, продающихъ ломтиками полу-разложившіеся арбузы,—бабъ, сбывающихъ въ «обжорномъ ряду» какое-то отвратительное по виду и по вкусу варево; тутъ же можно встрѣтить и женщинъ, продающихъ самихъ себя... Все это толчется подъ открытымъ небомъ (иногда въ проливномъ дождѣ или подъ мокрымъ, похожимъ на какую-то слизь, снѣгомъ), закусываетъ и обѣдаетъ, глазѣетъ и лакомится, споритъ, кричитъ и бранится, а потомъ отправляется во всевозможныя ресторации, портерныя, съѣстныя, закусочныя, кабаки и проч., во множествѣ находящіяся въ домахъ, которые со всѣхъ сторонъ окружаютъ Сѣнную площадь. Тутъ происходитъ самый развалъ пьянаго веселья, съ его печальными аттрибутами: развратомъ и преступленіемъ.

Но главными гнѣздилищами нищеты, болѣзней и порока являются дома князя Вяземскаго, снискавшіе себѣ сказочную извѣстность и описанные Крестовскимъ въ его романѣ «Петербургскія трущобы». Этотъ притонъ петербургской «голотьбы» находится на Обуховскомъ проспектѣ, вблизи Сѣнной. Наружность дома не представляетъ ничего необыкновеннаго: каменный, четырехъ-этажный, выкрашенъ жолтою краской, какъ и многое множество петербургскихъ домовъ; внизу помѣщается неизмѣнная ресторація, лабазъ и проч. Но вотъ вы входите во дворъ. Передъ вами тотчасъ же открываются два проулка, образуемые большими каменными флигелями; одинъ изъ нихъ приводитъ васъ къ банямъ, съ заплывшими и полинявшими стеклами, другой—къ Полторацкому переулку, выходящему на Фонтанку. Во дворѣ, занимающемъ 6 тыс. квадр. сажень, находится 3 отдѣльныхъ дома и 18 флигелей; всѣ они построены безъ всякаго порядка и представляютъ множество таинственныхъ переходовъ и закоулковъ. Въ этихъ домахъ 132 квартиры, въ которыхъ гнѣздится болѣе 4,000 жильцовъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей; четвертая часть ихъ состоитъ изъ ночлежниковъ, вовсе не имѣющихъ квартиры и приходящихъ сюда только на ночлегъ, за который, смотря по удобствамъ и бе-

зопасности пришельца, взимается отъ 2-хъ до 5-ти коп. въ ночь. Въ одной квартирѣ помѣщается отъ 30 до 50 человѣкъ изъ самаго бѣднаго и преступнаго класса петербургскаго населенія. Наибольшій процентъ здѣсь составляютъ нищіе, потомъ безпаспортные, бродяги, лишившіеся мѣста и занятій, наконецъ, такъ-называемые «мазурики». Все что есть въ Петербургѣ самаго несчастнаго и преступнаго—все имѣетъ здѣсь своихъ представителей и агентовъ. Полиціею ежегодно предпринимаются облавы домовъ кн. Вяземскаго и каждый разъ ей удается выловить отъ 100 до 150 безпаспортныхъ и вообще крайне подозрительныхъ личностей. Одинъ разъ тамъ нашли женщину, которая, желая избѣгнуть плѣна, взобралась на крышу... Полиція нѣсколько разъ также обращала вниманіе на санитарное состояніе этихъ домовъ, которые, по скученности своего населенія, по крайне безпорядочному устройству и содержанію квартиръ, корридоровъ и отхожихъ мѣстъ, представляютъ настоящіе разсадники эпидемій. Говорятъ, что и въ настоящемъ году холера началась съ дома кн. Вяземскаго, котораго уже два раза подвергали отвѣтственности передъ судомъ за неисправное въ гигіеническомъ отношеніи содержаніе его домовъ. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что квартиры въ нихъ чрезвычайно дороги. Вслѣдствіе этого, квартирные хозяева стараются набить жильцовъ какъ сельдей въ боченки, такъ-что, по разсчету доктора Эрисмана («Архивъ Судебн. Медицины» 1871 г. кн. 2), на каждаго жильца дома князя Вяземскаго приходится воздуха въ *пять разъ* менѣе того количества, которое необходимо вообще для поддержанія тѣла въ здоровомъ состояніи... Присоединивъ сюда еще стѣны, покрытыя зимою льдомъ, а весною потеками воды и несмѣтнымъ множествомъ грибковъ, отсутствіе всякой вентиляціи, поразительную нечистоту и зловоніе,—мы будемъ имѣть нѣкоторое понятіе объ изнанкѣ Сѣнной площади.

Въ такомъ положеніи и при такой обстановкѣ проводитъ свою жизнь безпріютная часть петербургскаго населенія, нравственно испорченная, частію преступная, но во всякомъ случаѣ несчастная и жалкая. Въ этомъ темномъ царствѣ есть свои законы, свои власти, свой самосудъ, свои преданія, своя исторія и, наконецъ, своя школа... Изъ этой послѣдней невыученнымъ никто не выходитъ.

Итакъ, вотъ та будничная сторона Сѣнной площади, которую мы желали представить нашимъ читателямъ. О праздничной мы не говоримъ, потому-что у такого мѣста и у такой жизни ея и быть не можетъ.

П. С.

Расколъ и раскольничьи секты въ Россіи.

(*Продолженіе*).

II.

Никонъ и соборное исправленіе книгъ. — Первое смущеніе отъ расколовъ: осада Соловецкая и стрѣлецкій мятежъ Никиты Пустосвята. — Увѣтъ духовный патріарха Іоакима. — Раздѣленіе раскола на многіе толки. — Поморье, Вѣтка, Керженецъ и сибирскіе Аввакумовцы.

Исторія патріарха Никона, простаго поселянина по рожденію, «собиннаго друга царя Алексѣя Михайловича», быстрое возвышеніе къ патріаршеству, его обширный умъ и высокія дарованія, непреклонная воля съ которой онъ исправлялъ книги и обрядъ, непомѣрное честолюбіе, ставшее причиною паденія этего человѣка, который наравнѣ съ царемъ писался «Божіею милостію великимъ государемъ»,—все это слишкомъ извѣстно, для того чтобы подробно излагаться въ нашемъ очеркѣ.

Въ 1654 году созванъ былъ въ царскихъ палатахъ соборъ почти всѣхъ архіереевъ русскаго государства, подъ предсѣдательствомъ самого царя и Никона. Патріархъ предложилъ рѣшительный вопросъ: «чему должно слѣдовать — новымъ ли московскимъ печатнымъ книгамъ, въ которыхъ много обрѣтено несходства съ древними греческими и славянскими, или этимъ греческимъ и славянскимъ книгамъ, которыя давно показываютъ единый уставъ и порядокъ?» На это государь и весь соборъ единогласно отвѣчали: «достойно исправить противъ древнихъ харатейныхъ и греческихъ, и мы такъ же утверждаемъ, какъ греческія и наши старыя книги и уставъ утверждаютъ». По этому же случаю константинопольскій патріархъ Паисій держалъ соборъ въ Константинополѣ—и соборъ этотъ подтвердилъ всѣ постановленія московскаго собора.

Но не смотря на все это, какъ во времена Максима Грека, такъ и теперь возникло сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны невѣжественной массы. Сама царица Марія Ильинична, воспитанная въ старыхъ обрядахъ, свято чтимыхъ Милославскими и всѣми ихъ родственниками и свойственниками, набожная но не развитая, возненавидѣла Никона за его новшества. За нею стояли ближайшій совѣтникъ ея, старикъ Соковнинъ, его дочери, самыя любимыя царицыны боярыни, Морозова и княгиня Урусова, царицынъ духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, вся родня цавицына, то-есть, Милославскіе и Хованскіе, наконецъ все высшее бѣлое духовенство московскаго кремля. Изъ кремлевскихъ теремовъ расколъ пошолъ по московскимъ улицамъ, а изъ Москвы во всѣ стороны по городамъ, селамъ и деревнямъ. Всюду, во главѣ раскола стало высшее бѣлое духовенство. Въ монастыряхъ служили по новому, въ приходахъ по старому; народъ, видя такую рознь соблазнялся, монахи доносили на ослушныхъ поповъ. Ослушниковъ подвергали денежнымъ пенямъ, сажали подъ началъ, держали въ поварняхъ на цѣпяхъ, иногда смиряли и батогами. Въ числѣ противниковъ исправленія богослужебныхъ книгъ былъ одинъ изъ бывшихъ на соборѣ епископовъ, Павелъ Коломенскій; Никонъ заключилъ его въ монастырь безъ соборнаго суда. Князь Львовъ, какъ первый виновникъ ложныхъ вставокъ въ книги, былъ сосланъ въ Соловецкую обитель. Но еще опрометчивѣе поступлено было съ протопопомъ Аввакумомъ; это былъ человѣкъ простодушный и малосвѣдущій, но искренній и глубоковѣрующій; онъ, болѣе чѣмъ кто-нибудь, способенъ былъ своими страданіями, гоненіями, воздвигнутыми на него, освятить заблужденія зарождавшагося раскола... Вотъ какъ онъ разсказываетъ въ своей автобіографіи о постигшей его опалѣ: «меня взяли отъ всенощнаго и со мною человѣкъ до шестидесяти; ихъ отвели въ тюрьму, а меня на патріарховѣ дворѣ на цѣпь посадили ночью». Потомъ

далѣе его перевели въ какое-то подземелье и держали тамъ трое сутокъ: «никто ко мнѣ не приходилъ, говоритъ Аввакумъ, токмо мыши, да тараканы, и сверчки кричатъ». Потомъ этого простодушнаго человѣка сослали въ Тобольскъ, оттуда на Лену, а оттуда въ Даурію, и чего-то чего онъ не вытерпѣлъ! Разсказъ его дышетъ искренностію и правдою. Въ мученичествѣ своемъ Аввакумъ такъ глубоко былъ убѣжденъ, что, описывая свое заключеніе, по приказанію Никона, говоритъ: *бысть же въ третій день пріалченъ, сирѣчь ѣсть захотѣлъ и послѣ вечерни сталъ передо мною невѣмъ ангелъ, невѣмъ человѣкъ и по се время незнаю, и ложку далъ въ руки, хлѣбца немножко, и штецъ*

Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ) близь Москвы.

далъ похлѣбать, зѣло превкусно хороши, и реклъ мнѣ: полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію». Съ такимъ человѣкомъ, наивнымъ и простодушнымъ какъ дитя и несокрушимо твердымъ какъ скала, въ тѣхъ убѣжденіяхъ, которыя онъ считалъ за истинныя, нужно было обойдтись осторожнѣе... Народъ видѣлъ въ нихъ мучениковъ за старую вѣру, тѣмъ болѣе, что изъ хоромъ и палатъ московскихъ шли по сельщинѣ недобрыя вѣсти: Никонъ старую вѣру рушитъ. Ему приписывалъ народъ всѣ тогдашнія бѣдствія: и чуму, и голодъ, происшедшій отъ того, что полей некому было обработывать, морозы, бури и градобитія, затмѣніе, столпы кровавые и звѣзду съ метлой. «То Божіе наказаніе, говорилъ народъ,—за то, что многіе христіане, послѣдуя за Божіемъ врагомъ, отринули свято-отеческіе завѣты и преданія». Въ греческихъ патріарховъ на Руси уже не вѣрили; «у грековъ вѣра пестра», говорили двуперстники: «по взятіи турскимъ султаномъ Цареграда, православіе у нихъ погибло—и они теперь подъ личиною православія содержатъ три ереси: латинскую, кальвинскую и армянскую; а Никонъ къ намъ хочетъ вводить эту пеструю вѣру». Въ Никонѣ стали видѣть антихриста, не слушали ни патріарховъ, ни аѳонскихъ монаховъ, а читали *Проскинитарій* Арсенія Суханова, посланнаго царемъ и Никономъ на востокъ досматривать тамошніе обряды. Сухановъ преимущественно описывалъ небреженіе грековъ къ обряду, равнодушіе ихъ къ памятникамъ святыни, нестрогое соблюденіе постовъ,—а для русскихъ въ этомъ заключалось самое главное. Сами заѣзжіе греки говорили, что только въ единой Москвѣ, семъ третіемъ Римѣ, истинная вѣра сіяетъ яко свѣтило. Возненавидѣли Никона всѣ отъ мала до велика, и не было ему другаго имени какъ врагъ Божій да антихристъ; а онъ между тѣмъ спорилъ съ боярами, поссорился съ царемъ, самовольно оставилъ патріаршій престолъ и засѣлъ въ новоотстроенномъ имъ Воскресенсымъ монастырѣ, который назвалъ Новымъ Іерусалимомъ. Соборъ, для суда надъ Никономъ, собрался въ 1666 году — въ этихъ цифрахъ видѣли число звѣрево. Но трудно было ревнителямъ старины подѣлать что-либо противъ новыхъ книгъ, такъ какъ исправленіе Служебника Никонова и его Новой Скрижали, а равно и напечатаніе ихъ было поручено образованнѣйшимъ инокамъ того времени: Епифанію Славинецкому, іеромонахамъ Арсенію и Дамаскину (всѣ трое изъ Кіева), Іакову философу изъ обители Соловецкой и Арсенію Греку. Никонъ былъ осужденъ, но всѣ новшества его одоб-

рены и утверждены, а ревнители старины преданы анаѳемѣ. «Погибло православіе!» завопилъ народъ, и въ Москвѣ и на Волгѣ, и на сѣверѣ и въ Сибири. Неудерживаемые властію патріаршею, попы Лазарь и Никита прислали изъ своихъ городовъ челобитныя царю въ 30 и 70 обличеній противъ мнимыхъ нововведеній Никона. Діаконъ Ѳеодоръ разсылалъ посланія о правой вѣрѣ и объ антихристѣ. Нѣкто Семенъ Жулевъ написалъ Духовный Цвѣтникъ для суевѣровъ. Авраамій, ученикъ сосланнаго протопопа Аввакума, любимецъ боярина Салтыкова, явно покровительствовавшаго расколу, осмѣлился подать царю просьбу въ защиту суевѣрія. Возвратили даже самого Аввакума изъ дальней шести-лѣтней ссылки, откуда онъ писалъ грамотки о томъ, какъ «греки съ варваромъ турскимъ съ одного блюда ѣдятъ, а русачки миленькіе не такъ, въ огонь полѣзутъ, а благовѣріе не предадутъ». Для вразумленія отступниковъ, поручено было Симеону Полоцкому написать отвѣты на тридцать вопросовъ Никиты Пустосвята и на 70 Лазаря. Онъ сдѣлалъ это въ своей книгѣ Жезлъ Правленія, но она мало принесла пользы, потому что люди безграмотные болѣе вѣрили своимъ невѣжественнымъ вождямъ, — и челобитныя Никиты и Лазаря повторялись впослѣдствіи, какъ будто на нихъ не было отвѣта.

Патріаршій соборъ 1667 г. можетъ считаться эпохою, послѣ которой расколъ, до сихъ поръ таившійся, выступаетъ явно, противодѣйствуя власти духовной и гражданской не только словомъ, но и оружіемъ. Минуя частныя смятенія, какъ наприм. въ Ниловой пустынѣ, гдѣ пономарь Корнилій запрещалъ служащему священнику совершать проскомидію на пяти просфорахъ съ четырехконечнымъ крестомъ и даже ударилъ іерея по головѣ кадиломъ съ горячими углями, а иноки начали драку въ храмѣ съ посланными отъ архіерея и обагрили церковный помостъ кровію, — мы обратимся прямо къ осадѣ Соловецкой обители. Изъ ея архивныхъ свѣденій видно, что до 150 человѣкъ, недовольныхъ церковнымъ исправленіемъ книгъ, были туда сосланы, и во главѣ ихъ сталъ другъ Аввакума и Лазаря, начальникъ печатнаго двора, князь Львовъ. Хотя онъ былъ удаленъ изъ обители вмѣстѣ съ сообщникомъ своимъ, казначеемъ Савватіемъ, но посѣянное ими пустило корни. Самозванцы, монахъ Азарій переименованный келаремъ и сынъ подъячаго Геронтій назвавшійся казначеемъ послали отъ себя челобитную царю какъ бы отъ лица всей братіи. Къ возмутителямъ набѣжали другіе мятежники, изъ донскихъ казаковъ Стеньки Разина, съ затаенною цѣлью разграбить обитель, когда она будетъ въ ихъ рукахъ. Они поставили себѣ начальниками сотниковъ своихъ Ѳаддея Бородина и Ивана Сарафанова. Надѣясь на крѣпость стѣнъ монастырскихъ, вооруженныхъ 90 пушками, на множество пороха и съѣстныхъ припасовъ, они побросали въ море до 200 книгъ новой печати и дерзнули даже открыть пальбу по малочисленной дружинѣ царской, присланной болѣе для вразумленія, чѣмъ для покоренія обители. Четыре года стоялъ стряпчій Волоховъ подъ монастыремъ, на Зайчемъ острову, зимуя въ Сумскомъ острогѣ, и за все это время успѣлъ переловить только 30 бунтовщиковъ, въ томъ числѣ зачинщиковъ Азарія и Бородина. Предъ осадой мятежники отвѣчали стряпчему Волохову, что «если и тьмами лютое пострадаютъ, но древняго благочестія отречься не могутъ», затворились въ монастырѣ и стали стрѣлять по царскому войску. По заключеніи же Азарія и Бородина въ Сумскій острогъ, во главѣ мятежа стали сотникъ Исаія Воронинъ и Самуилъ изъ Кеми съ Геронтіемъ — и осада продолжалась 9 лѣтъ. На смѣну Волохова присланъ былъ стрѣлецкій голова Іовлевъ съ 1000 стрѣльцовъ, но и онъ дѣйствовалъ такъ же слабо, потому что государь надѣялся образумить бунтовщиковъ мѣрами кроткими. Подъячій Истоминъ и священникъ Архангельскаго собора въ послѣдній разъ пріѣзжали съ царскимъ словомъ къ непокорнымъ, но были прогнаны съ безчестіемъ. Тогда-то посланъ былъ стольникъ Иванъ Мещериновъ съ 1300 стрѣльцовъ для покоренія монастыря силою оружія. Простоявъ безуспѣшно два лѣта, воевода рѣшился не возвращаться на зиму въ Сумскій острогъ, и вести осаду постоянную, бросая раскаленныя ядра въ ограду; нѣсколько приступовъ его однако было отбито. Но одинъ изъ иноковъ открылъ тайный выходъ, которымъ прежде добывали воду, и ночью 22 января 1674 года войско царское, пользуясь мятелью, проникло въ ограду и отбило изнутри ворота. Услышавъ шумъ, осажденные кинулись къ оружію; завязалась злая сѣча, въ которой убито болѣе 100 человѣкъ стрѣльцовъ и до 130 мятежниковъ; другіе разбѣжались по келліямъ; но вѣрные изъ монашествующихъ, кодорые сами страдали отъ разбойниковъ Стеньки Разина, вышли съ крестами на встрѣчу воеводѣ царскому. Семенъ Денисовъ, изъ рода князей Мышецкихъ, одинъ изъ начальниковъ раскола, въ своемъ описаніи осады Соловецкой, возводитъ въ подвигъ мученическій казнь зачинщиковъ мятежа, изъ которыхъ впрочемъ только 6 осуждено на смерть и прежде всѣхъ атаманъ ихъ Самуилъ. Восхваляя его ревность и архимандрита Никанора, Денисовъ пишетъ, что на вопросъ воеводы: «какъ дерзнули противиться самодержцу и отбивать посланное имъ войско?», оба отвѣчали, будто царю не противились, а только защищали обитель отъ попирающихъ отеческіе законы; архимандритъ же, бывшій нѣкогда духовникомъ царскимъ сказалъ, что «и царскую душу въ рукахъ своихъ держитъ и никого не боится, ибо удалился отъ молвы житейской въ стяжаніе чудотворцевъ, чтобъ идти по ихъ стопамъ».

Патріархъ Никонъ.
Гравир. Л. А. Сѣряковъ.

Прилагаемый портретъ патріарха Никона заимствованъ нами изъ готовящагося къ печати сочиненія Н. Н. Полеваго: «Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ», о которомъ своевременно дадимъ подробный отчетъ.

(Продолженіе будетъ).

Новая берлинская ратуша.

(Изъ берлинской жизни).

На дворѣ ночь и вѣтеръ, мы идемъ по тротуару еврейской части города. Наши шаги громко отдаются въ опустѣвшихъ уже улицахъ; только тамъ и сямъ горитъ еще фонарь, признакъ пивной лавки. На башнѣ св. Николая бьетъ одиннадцать часовъ. Темныя фигуры, мелькающія мимо насъ, исчезаютъ въ дверяхъ сосѣднихъ домовъ: на дворѣ холодно, а сонъ передъ полуночью—самый лучшій сонъ. Мы подходимъ къ Королевской улицѣ, этой улиткообразной артеріи стараго Берлина. Еще одна минута—и насъ окружаютъ темныя человѣческія волны, стремящіяся въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ: суматоха, давка, хихиканье дѣвушекъ, густые голоса мужчинъ.

— Что тамъ такое? Ужь не случилось-ли чего? спрашиваемъ мы представительнаго господина, очевидно какого нибудь ратсгера, съ толстою женою и двумя тоненькими дочерьми.

— Магистратскій погребъ! магистратскій погребъ! кричитъ онъ нараспѣвъ и идетъ дальше.

Колеблющимися шагами идутъ мимо насъ темныя фигуры. Онѣ даже поютъ; между ними есть и дѣвушки, и онѣ тоже поютъ съ ними. «Сижу я въ погребѣ глубокомъ», твердятъ они, то поднимаясь до самыхъ высокихъ нотъ, то опускаясь до самыхъ низкихъ, словно два колодезныхъ ведра. Ночной сторожъ задумчиво глядитъ имъ вслѣдъ.

— Что тамъ такое? Что такое случилось? спрашиваемъ мы опять.

— И пью, и пью, и пью! поютъ въ отвѣтъ молодые люди. Тутъ, словно привидѣніе, встаютъ передъ нами во мракѣ ночи своды стариннаго зданія суда, высящіяся надъ зданіемъ новой ратуши съ ея колоссальной башней.

Недавно послѣдніе подмостки, закрывавшія наружныя стѣны этого громаднаго зданія, пали—и оно стоитъ въ томъ самомъ видѣ, какъ изображено на прилагаемомъ при этомъ рисункѣ. Это избавляетъ насъ отъ необходимости подробнаго описанія, поэтому-то мы и ограничимся только нѣкоторыми статистическими замѣтками.

Ратуша представляетъ собою четвероугольникъ въ 310 футовъ длины и 285 ф. ширины; она выстроена изъ краснаго кирпича и сѣраго гранита, вслѣдствіе чего зданіе имѣетъ чрезвычайно пріятный и свѣжій видъ. Собственно ратуша заключаетъ въ себѣ 83, а башня 300 футовъ вышины, такъ-что новая ратуша превосходитъ своею вышиною всѣ вообще остальныя берлинскія башни и даже башни всей сѣверной Германіи. Великолѣпные фонари (выступы съ окнами), колонны, восемь медвѣдей, держащихъ щиты, и огромные часы служатъ украшеніемъ этой колоссальной башни.

Внутренность ратуши еще не совсѣмъ вышла изъ рукъ живописцевъ, скульпторовъ, золотильщиковъ и обойщиковъ. Но парадная зала уже окончена. Она имѣетъ 90 футовъ въ длину, при 60-ти футахъ ширины и простирается на 50 футовъ въ вышину черезъ три этажа. Это чудная свѣтлая комната, расчлененная аркадами, богато убранная и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно уютная.

Все зданіе цѣнится до $2^1/_2$ милліона талеровъ.

Но вѣдь сегодня холодный зимній вечеръ, и насъ влечетъ къ себѣ—магистратскій погребъ.

Вокругъ насъ страшная давка. Изъ глубины этого каменнаго колосса стремится безостановочно неистощимый потокъ людей мужскаго и женскаго пола, изливающійся въ Королевскую улицу или въ пограничныя съ ней области. Все это весело и разговорчиво, балагуритъ, смѣется, распѣваетъ. «Магистратскій погребъ», читаемъ мы на стеклянной вывѣскѣ, сіяющей намъ изъ глубины. Дѣло сдѣлано—мы въ погребѣ.

Но тамъ внизу просто страшно. Жаркій, удушливый паръ несется намъ навстрѣчу; насъ окружаетъ толпа людей, медленно протискивающихся взадъ и впередъ по длинному, неширокому ходу. Низкіе своды погреба заключаютъ въ себѣ что-то давящее, не смотря на поддерживающіе ихъ массивные столбы; больше камня, чѣмъ помѣщенія, точно такъ же какъ и наверху,— блистательный примѣръ того, какимъ образомъ можно истратить на зданіе цѣлые милліоны вопреки вкусу и дѣйствительной пользѣ!

Мы пробиваемся дальше. По правую руку тянется, за проволочными рѣшетками, винный складъ арендаторовъ этихъ подваловъ, на лѣво—встрѣчаются отъ времени до времени ниши со столомъ и разставленными вокругъ него стульями. Въ первой половинѣ этого длиннаго корридора находится всего пять или шесть такихъ помѣщеній, не болѣе какъ для десяти человѣкъ каждое: чрезвычайно мало мѣста для такого громаднаго пространства, въ особенности въ этотъ вечеръ, второй послѣ открытія, когда тутъ волнуется цѣлое море народа, снующаго взадъ и впередъ. Замѣтимъ ко всему этому, что если въ Берлинѣ покажется нѣчто достойное вниманія, то потокъ любопытныхъ, стремящихся полюбоваться новинкой, прекращается не раньше трехъ недѣль.

А новый магистратскій погребъ стóитъ посмотрѣть! Архитекторы и арендаторы сдѣлали все чтó только могли, для того чтобъ придать этимъ помѣщеніямъ, отдающимся въ наемъ за 3,000 талеровъ, поэтическій характеръ нѣмецкаго магистратскаго погреба. Берлинъ, бѣдный древними зданіями значительныхъ размѣровъ и постройками готическаго характера, былъ также бѣденъ и большими прекрасными погребами, хотя обыкновенныхъ погребовъ въ немъ такое множество, что едва-ли одна четверть всѣхъ домовъ избавлена отъ этихъ отвратительныхъ заведеній. Магистратскій погребъ существовалъ у берлинцевъ только въ идеѣ, а не въ дѣйствительности,—и кто не пировалъ когда нибудь въ бременскомъ или въ бреславскомъ погребахъ, въ берлинскомъ хлѣбномъ магазинѣ, въ «ауэрбаховскомъ» лейпцигскомъ погребѣ или же въ погребѣ Эстергази въ Вѣнѣ, между старыми гигантскими бочками, въ винной атмосферѣ гномовъ и пятисотъ тысячъ чертенятъ,—не пировалъ какъ истый, чистокровный нѣмецъ,—тотъ имѣлъ только самое фантастическое понятіе о чарующей прелести подобнаго пированья въ глубокомъ погребѣ.

Итакъ, у Берлина есть наконецъ свой собственный магистратскій погребъ, убранство котораго отличается какою-то оригинальностью. Вездѣ на плоскихъ аркахъ,

на карнизахъ и столбахъ начертаны старинныя нѣмецкія бражническія поговорки, которыя, вызывая въ памяти филистеровъ и бывшихъ студентовъ буйное время молодости, производятъ на нихъ самое пріятное впечатлѣніе. Поэтому-то отецъ семейства и выпиваетъ здѣсь внизу, въ погребѣ, свою шопину (кружку) утромъ, когда онъ поднимается въ ратушу, или же и подъ конецъ, когда онъ оттуда уходитъ. А тутъ еще насупротивъ храмъ Ѳемиды, для судопроизводства по гражданскимъ искамъ. Вотъ лучшее ручательство для будущности этого магистратскаго погреба.

Середина погреба образуетъ круглую площадку, крошечный заликъ съ разставленными вдоль стѣнъ столами, гдѣ останавливается волнующееся человѣчество, дабы послѣ перваго порыва удивленія касательно этого *petit cercle* насладиться убранствомъ стѣнъ, особенно тщательно украшенныхъ въ этомъ мѣстѣ. Даровитый художникъ Августъ фонъ-Гейденъ представилъ тутъ въ шести изящныхъ фрескахъ какъ бы исторію пьянства. Вотъ какимъ образомъ пили лесбосское вино прекрасные юноши и дѣвы древней Эллады—въ томъ самомъ видѣ, какъ они родились на свѣтъ, т. е. безъ всякой одежды; а вотъ пируютъ сказочные гномы; римлянинъ временъ Горація задумчиво прихлебываетъ огненное фалернское вино; германцы подносятъ ко рту рога съ охмѣляющимъ сокомъ ячменя; а вотъ наглядное доказательство тому, что во времена рыцарства, въ лагерѣ ратниковъ, въ Китаѣ и Персіи пили такъ же охотно, если даже и не съ такимъ самозабвеніемъ, какъ и нѣмецкіе студенты. Внизу подъ фресками начертаны замысловатые стишки, посвященные любви и вину; а на капители колонны, находящейся посрединѣ круглой площадки—многозначительный стихъ, — стихъ рисующій все блаженство этого пріятнаго занятія: «Сижу я въ погребѣ глубокомъ, и пью, и пью, и пью»!

Здѣсь, на этой круглой площадкѣ находится нейтральная область, куда приносятъ слѣва вино, а справа пиво, въ то время какъ оба эти склада напитковъ строго придерживаются своего собственнаго назначенія. Въ нишахъ виннаго склада сидѣло небольшое общество вокругъ двухъ маленькихъ столовъ, гордо взиравшее съ своихъ укрѣпленныхъ мѣстъ на проходившее мимо человѣчество. Царство пива, открывающееся по ту сторону круглой площадки, имѣетъ гораздо болѣе обширное помѣщеніе. Здѣсь можетъ помѣститься, по малой мѣрѣ, двѣсти человѣкъ. Аристократія винной области замѣняется тутъ демократіей, для которой баварское пиво *conditio sine qua non*. Вездѣ уютные уголки между столбами, а между ними масса напрасно-ищущихъ свободнаго стула; кельнеры, извивающіеся наподобіе угрей, съ блюдами и шопинами; отецъ семейства, съ котораго потъ льетъ ручьями, съ своей почти-падающей въ обморокъ женской свитой, звонитъ въ колокольчикъ, требуя пару новыхъ стаканчиковъ, и поучаетъ ее, какимъ образомъ съ наслажденіемъ освѣжить пылающее горло живительнымъ напиткомъ. Онъ читаетъ громко различныя надписи на стѣнахъ и карнизахъ, поучающіе мудрости бражничества, а иногда задѣвающіе также и философію брака. Но торжество стараго грѣшника надъ его ворчливой половиной не долго продолжается; она тоже находитъ отличный стишокъ по своему вкусу—и съ улыбкою самодовольствія на увядшихъ чертахъ примиряется съ назначеніемъ магистратскаго погреба.

Разсыпаясь въ похвалахъ винамъ и кухнѣ новаго магистратскаго погреба, достигли мы до выхода въ Жидовскую улицу. Очутившись на свѣжемъ ночномъ воздухѣ, мы какъ будто бы выкупались. На башнѣ св. Николая пробило 12 часовъ, а внизу, въ магистратскомъ погребѣ, все еще волновались человѣческія волны, все еще стремились туда и оттуда. Черезъ нѣсколько дней этотъ наплывъ любопытныхъ конечно уменьшится, а потомъ и совсѣмъ прекратится.

Внутреннее обозрѣніе.

Представивъ въ прошлый разъ краткій очеркъ развитія у насъ ссудныхъ товариществъ и указавъ на то значеніе, которое должны имѣть они для нашего неимущаго и темнаго крестьянства, обратимся къ разсмотрѣнію дѣятельности существующихъ уже у насъ учрежденій этого рода и посмотримъ, въ какой мѣрѣ примѣнимы они на русской почвѣ въ настоящее время. Прежде всего не надо забывать, что заведенныя у насъ ссудныя товарищества перенесены къ намъ изъ Германіи; по крайней мѣрѣ, идея самовспомоществованія (Selbsthülfe), провозглашенная между нѣмцами извѣстнымъ Шульце-Деличемъ, положена въ основаніе и нашихъ народныхъ банковъ. Благотворная сила этой мысли заключается въ томъ, что она устраняетъ отъ новыхъ учрежденій всякій благотворительный характеръ, и тѣмъ развиваетъ въ участникахъ предпріятія самодѣятельность, пріучая ихъ полагаться лишь на свои силы и средства; она же пріучаетъ ихъ къ бережливости, уясняетъ пользу отъ общаго дѣла и указываетъ на выгодное помѣщеніе капиталовъ. Вотъ *ближайшія* послѣдствія дѣятельности такого рода учрежденій. Насколько они привились на германской почвѣ, видно изъ того, что въ 1865 году число ссудныхъ товариществъ во всей Германіи не превышало 30, съ весьма незначительнымъ оборотомъ, а въ 1866 году ихъ считалось тамъ уже 1,047, съ оборотомъ до 100 мил. талеровъ; въ настоящее же время ихъ насчитывается болѣе 1,500; 666 изъ нихъ, доставившія свои отчеты, имѣютъ 255,337 членовъ и располагаютъ собственнымъ капиталомъ въ 10 милліоновъ талеровъ и занятымъ капиталомъ въ 34 мил. талеровъ *). За границей шульце-деличскія товарищества болѣе всего привились въ городахъ между ремесленниками, и только въ послѣдніе годы они стали проникать въ села. У насъ же, напротивъ того, какъ первое, такъ и послѣдующія товарищества явились между крестьянами—и нѣтъ ни одного городскаго, т. е. ремесленнаго. Эта особенность объясняется большимъ развитіемъ на западѣ городской жизни въ сравненіи съ нашей, по преимуществу крестьянской жизнью, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что наше сельское сословіе привыкло къ общей дѣятельности болѣе чѣмъ сословія городскія, которыя значительно разъединены между собою.

Первое ссудное товарищество основано было у насъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи—въ мѣстности, представляющей самыя неблагопріятныя условія для развитія этого рода учрежденій. Начать съ того, что Рождественская волость, въ которой впервые были посѣяны сѣ-

*) Данныя эти почерпнуты нами изъ книги Н. П. Колюпанова „Практич. руководство къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ" и брошюры гг. Лугинина и Яковлева „Сельскія ссудныя товарищества".

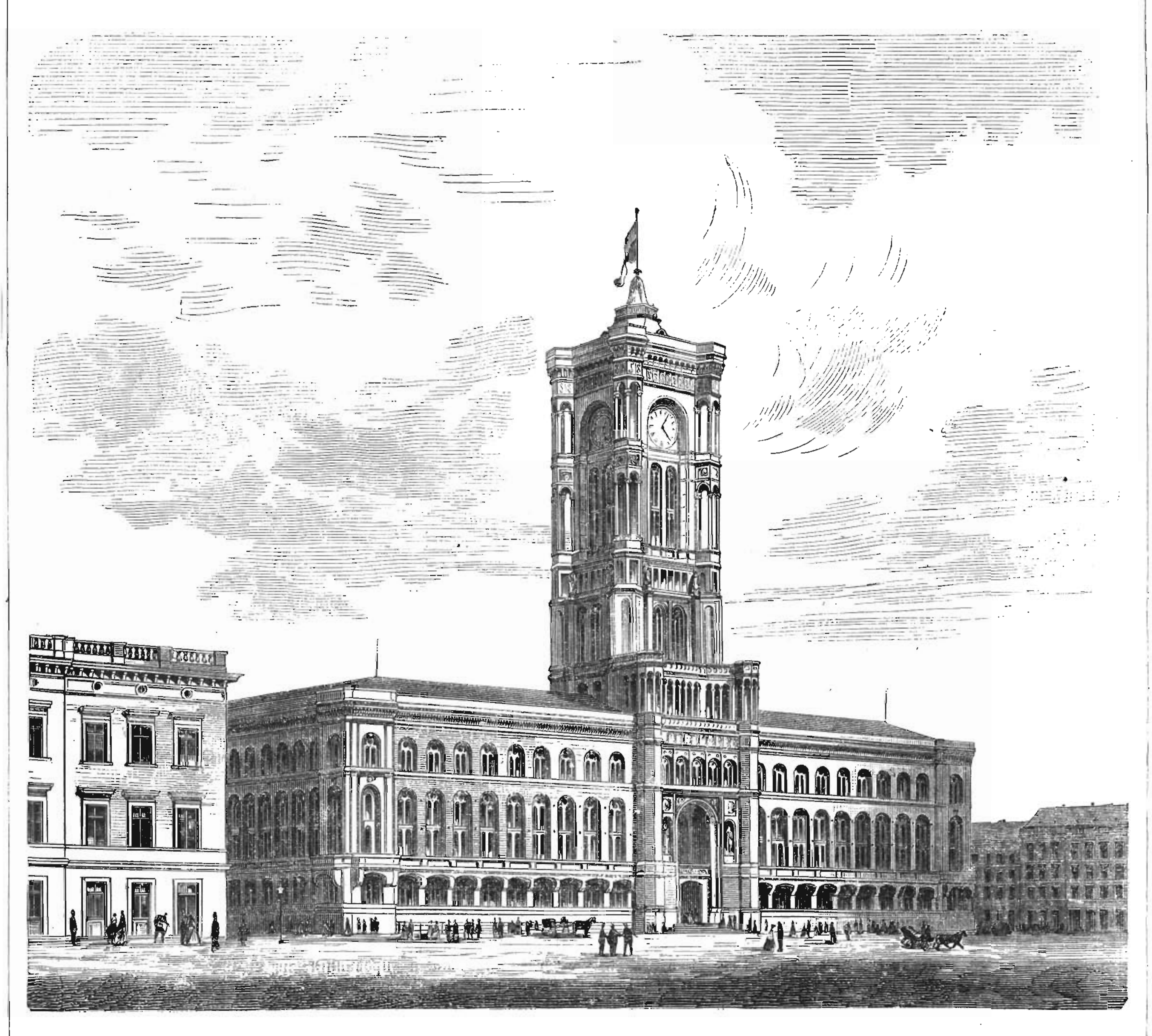
мена народнаго кредита, находится въ мѣстности лѣсной, глухой, вдали отъ центровъ просвѣщенія и даже въ 40 верстахъ отъ своего уѣзднаго города. Вся промысловая дѣятельность населенія состоитъ въ рубкѣ лѣса и сплавкѣ его на Волгу, да въ сдираніи бересты для гонки дегтя, которою, впрочемъ, занимаются одни только помѣщики. Съемкой лѣса для рубки и сплава занимаются болѣе состоятельные изъ крестьянъ; остальные же, за недостаткомъ собственныхъ средствъ, поневолѣ должны наниматься у съемщиковъ въ качествѣ простыхъ рабочихъ. Ко всему этому надо присоединить жалкое земледѣліе, не всегда прокармливающее жителей, малое развитіе ремеслъ и торговли, полное отсутствіе отхожихъ промысловъ и, наконецъ, грубость и крайнюю неразвитость населенія, пропивающаго всякую лишнюю копѣйку. И при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ тамъ удалось основать кредитное товарищество, на началахъ самовспомоществованія и круговой поруки, и вести его вполнѣ успѣшно какъ въ матерьяльномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ! Какимъ же путемъ достигли такихъ результатовъ? Не есть ли эти результаты — плодъ злой фантазіи, которая, по мнѣнію многихъ, старается навязать намъ учрежденія, чуждыя будто бы русской жизни вообще и ея экономическому устройству въ особенности? Разъясненіемъ этихъ вопросовъ служатъ нижеслѣдующіе факты. Мысль объ устройствѣ ссуднаго товарищества въ Рождественской волости возникла у одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, Стан. Фед. Лугинина, который долго бесѣдовалъ съ крестьянами объ этомъ кредитѣ и, наконецъ, успѣлъ склонить ихъ на сторону своей идеи. Составленный имъ уставъ, за подписью 21 человѣка (въ томъ числѣ 12 крестьянъ и 1 священникъ), препровожденъ былъ на утвержденіе правительства. Въ октябрѣ 1865 года послѣдовало утвержденіе устава, а съ іюля 1866 года товарищество открыло свои дѣйствія общимъ собраніемъ членовъ учредителей. Основной капиталъ, въ 1,000 р., данъ былъ заимообразно, но безъ процентовъ, на 10 лѣтъ, отцемъ учредителя—землевладѣльцемъ того же уѣзда. Въ то же время выбрано 11 новыхъ членовъ, выбранъ повѣрочный совѣтъ (изъ 5-ти крестьянъ и 1-го отставн. унтеръофицера). Къ 1-му августа 1867 года въ товариществѣ было уже 138 членовъ, по большей части крестьянъ. Для такого числа членовъ основнаго капитала въ 1,000 р. оказалось уже недостаточнымъ—и потому обратились къ займу въ 1,250 р., которые ссудила товариществу контора имѣнія гг. Лугининыхъ. Операціи перваго года принесли товариществу 210 р. чистой прибыли, что можетъ считаться совершенною удачею при 15-ти копѣечномъ паевомъ взносѣ въ мѣсяцъ, составившемъ сумму въ 245 руб. За это время выдано въ ссуду болѣе 4,000 р. Въ первое время крестьяне относились недовѣрчиво къ новому учрежденію; нѣкоторые изъ нихъ видѣли въ немъ спекуляцію помѣщика, прибѣгающаго къ этому средству для поправленія своихъ разстроенныхъ обстоятельствъ. Часть же крестьянъ, вступившихъ въ товарищество, желала только пользоваться дешевымъ кредитомъ, всячески уклоняясь отъ паевыхъ взносовъ; вслѣдствіе этого, согласно уставу, пришлось изъ 178 наличныхъ членовъ удалить 26 человѣкъ. Барыши 2-го года составили 201 р. 44 к.—и членамъ приходилось получить по 90 коп. дивиденда (барыша) на 1 р. паевыхъ взносовъ. Къ концу 3-го года число членовъ возрасло до 180, а сумма паевыхъ взносовъ и вступныхъ денегъ до 1,000 р. Въ настоящее время число членовъ достигло 250 чел.—и операціи товарищества весьма расширились, такъ что значительная часть хозяевъ уже примкнула къ новому учрежденію и пользуется всѣми его выгодами.

Ссудныя товарищества Новгородской губерніи, не смотря на недавнее существованіе, получили еще большее развитіе. Основанныя по вчинанію мѣстнаго земства и на данныя имъ средства, они представляютъ живой примѣръ того, въ какой мѣрѣ можетъ быть благотворно вліяніе истинныхъ друзей народа на улучшеніе его матерьяльнаго и нравственнаго быта и какъ, съ другой стороны, несправедливо мнѣніе, что «нашему народу ничего въ голову не вобьешь», что онъ «не въ состояніи постигнуть даже собственныхъ выгодъ». Чтобы представить отчетливѣе результаты дѣятельности новгородскихъ ссудныхъ товариществъ, воспользуемся данными изъ статьи г. предсѣдателя Новгородской губ. земской управы, напечатанной въ №№ 246 и 247 «С.-Петерб. Вѣдомостей». Оказывается, что наибольшее число товариществъ основано въ Череповецкомъ уѣздѣ, именно 6, 2 въ Новгородскомъ и по одному въ Старорусскомъ, Боровичскомъ и Валдайскомъ. Возможность легкаго займа сильно соблазняла крестьянъ, и легче всего товарищества устраивались въ такое время, когда крестьяне испытывали нужду въ деньгахъ. Но предложеніе, дѣланное крестьянамъ на сходкѣ, никогда не достигало цѣли; каждый разъ необходимо было участіе людей просвѣщенныхъ, которые своимъ вліяніемъ на болѣе смышленыхъ хозяевъ, въ частныхъ бесѣдахъ съ ними, успѣвали такимъ образомъ дѣйствовать и на всю крестьянскую среду. Во всѣхъ новгородскихъ товариществахъ введены выборы членовъ посредствомъ тайной баллотировки. Этимъ правиломъ обусловливается хорошій составъ пайщиковъ, отъ котораго зависитъ и процвѣтаніе товарищества. Выборы производятся чрезвычайно строго: бывали примѣры, что забаллотировывали (забраковывали) пятую часть вновь-поступающихъ лицъ, а иногда и того болѣе. Благодаря хорошему подбору членовъ, какъ уплата паевыхъ взносовъ, такъ и возвратъ ссудъ совершаются съ изумительною аккуратностью. До сихъ поръ не было ни одного примѣра исключенія члена за невзносъ пая въ срокъ. Напротивъ того, около четвертой части всего числа заемщиковъ возвратили взятыя ими ссуды ранѣе срока, и только 11-ти членамъ изъ 1,075 челов., входящихъ въ составъ 5-ти череповецкихъ товариществъ, пришлось напомнить о наступленіи срока уплаты, да и то потому, что, по малограмотности своей, они еще не усвоили себѣ механизма всего дѣла. Всѣхъ членовъ въ 11-ти товариществахъ насчитывается 1,800. Въ составъ товариществъ вошли по большей части люди бѣдные, но трудолюбивые, честные и хозяйственные, а не кулаки, пользующіеся обстоятельствами. Паевые взносы поступаютъ весьма аккуратно. Общая сумма ихъ по 8-ми товариществамъ простирается до 3,190 руб. Всѣхъ вкладовъ получено 8-ю товариществами на сумму 2,331 р. Кромѣ того, товариществами сдѣлано займовъ на сумму болѣе 13 т. р. Не смотря на значительность вкладовъ и займовъ (что показываетъ довѣріе къ товариществамъ), нѣтъ повода опасаться ихъ несостоятельности, до которой не могутъ допустить ни аккуратная уплата ссудъ и паевыхъ взносовъ, ни обороты обществъ, доставляющіе значительную прибыль (до 70 проц.). Ссуды обыкновенно берутъ на срокъ отъ 4-хъ до 9-ти мѣсяцевъ. Нѣкоторыя лица пользовались ссудою неоднократно. За ссуды взимается по 1-му проценту въ мѣсяцъ. Не смотря на свою новость, учрежденія эти обходятся безъ всякой опеки со стороны земства и попечителей, которые на первыхъ только порахъ руководили дѣломъ: имъ заправляютъ большей частью сами крестьяне.

О дѣятельности другихъ ссудныхъ товариществъ, за исключеніемъ Времевскаго (Александр. уѣзда, Екатериносл. губерніи), пока еще ничего не извѣстно, такъ-какъ ни уставы, ни отчеты ихъ еще не появлялись въ газетахъ. О Времевскомъ товариществѣ извѣстно только, что уставъ его утвержденъ, но съ весьма существеннымъ измѣненіемъ. Во всѣхъ ссудныхъ товариществахъ полагается уставомъ извѣстная высшая норма (предѣлъ) ссуды: въ одномъ 80 р., въ другомъ 60 р., въ третьемъ 50 р. и т. д. Ссудою, даже въ высшемъ размѣрѣ ея, можетъ пользоваться каждый изъ членовъ товарищества, если только онъ представитъ за себя поручителей изъ среды товарищей. Въ этомъ и заключается все значеніе *личнаго* кредита. Въ уставъ же Времевскаго товарищества, какъ сообщаетъ въ «С.-Петербургскія Вѣдом.» баронъ Н. Корфъ, министерствомъ вве-

дено правило, которое размѣръ ссуды ограничиваетъ размѣрами взнесенныхъ поручителемъ паевыхъ денегъ; такъ что, если напримѣръ поручитель взнесъ 60 коп. въ 1/3 года, то онъ имѣетъ право поручиться за другаго не болѣе какъ на эту сумму. Впрочемъ, бар. Корфъ не объясняетъ, сколько именно поручителей можно имѣть для полученія ссуды. Если число это не ограничено, то чѣмъ значительнѣе ссуда, тѣмъ больше должно быть представлено за должника поручителей, что во всякомъ случаѣ представляетъ важныя затрудненія, и—такъ или иначе по обращаетъ кредитъ личный (на какомъ, по настоящему, должно основываться всякое ссудное товарищество) въ кредитъ имущественный. А потому баронъ Корфъ совершенно справедливо заключаетъ, что воспитательной цѣли, при такихъ условіяхъ, товарищество имѣть не можетъ.

Ссудо-сберегательныя товарищества существуютъ также и въ привислянскихъ губерніяхъ. Въ началѣ настоящаго года считалось тамъ 311 кассъ; изъ нихъ 255 открыты на счетъ отпущеннаго правительствомъ капитала—166,560 р., и 56 кассъ—на счетъ общественныхъ (гминныхъ) капиталовъ—33,217 р. О злоупотребленіяхъ по веденію дѣлъ кассъ ничего не слышно, не смотря на то, что ими заправляютъ выборные отъ обществъ, люди мало-развитые. Кассы пользуются полнымъ довѣріемъ населенія, что видно изъ количества вкладовъ, составляющаго около 34% всего баланса.

Новая Берлинская ратуша.

Все вышесказанное приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что существующая въ народѣ потребность кредита можетъ быть съ успѣхомъ удовлетворена учрежденіемъ ссудныхъ товариществъ; 2) что починъ въ этомъ дѣлѣ удобнѣе всего взять на себя земству; 3) что оно же можетъ ссудить товариществамъ суммы для образованія основнаго капитала; 4) что для руководства мало-развитыхъ учредителей необходимо, по крайней мѣрѣ на первыхъ по-

рахъ. участіе людей просвѣщенныхъ; 5) существующія народныя кредитныя учрежденія показали, что дѣло это можетъ идти хорошо безъ постоянной опеки или вмѣшательства въ дѣла товариществъ извнѣ; 6) что успѣхъ дѣла вообще обусловливается: съ одной стороны—исправнымъ возвращеніемъ ссудъ, а съ другой—обиліемъ вкладовъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ настоящее время въ католическомъ мірѣ происходитъ движеніе, которому нельзя не порадоваться. Движеніе это вызвано недавними рѣшеніями собора, созваннаго въ Римѣ для признанія догмата папской непогрѣшимости, и вообще образомъ дѣйствія римской куріи за послѣдніе годы. Извѣстно, что догматъ о папской непогрѣшимости, провозглашенный на соборѣ, вызвалъ протестъ со стороны лучшей части католическаго духовенства и былъ ею отвергнутъ. Самыми горячими его противниками явились пражскій профессоръ Шульте и мюнхенскій—Дёллингеръ, возставшіе не только противъ признанія папской непогрѣшимости, но и противъ отчужденія духовенства отъ свѣтской жизни, науки и развитія. Пріобрѣтая все болѣе и болѣе сторонниковъ, эта часть католиковъ рѣшилась нынѣ созвать свой соборъ, чтобы на немъ публично заявить свои стремленія и начертать программу дальнѣйшихъ дѣйствій. Съѣздъ католиковъ состоялся въ Мюнхенѣ (столицѣ Баварскаго королевства) 22-го сентября (по стар. ст. 10-го сентября) и продолжался не болѣе трехъ дней. На засѣданія его съѣхались представители изъ Германіи, Франціи, Испаніи, Англіи, Россіи и изъ другихъ государствъ. Программа занятій съѣзда состояла въ изложеніи главнѣйшихъ убѣжденій старо-католической партіи, стремящейся преобразовать нынѣшнее церковное устройство по образцу древне-христіанской церкви, очистить нынѣшнюю церковь отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя проникли въ нее съ давнихъ поръ, и провозгласить новые догматы, отъ которыхъ пугливо открещивается римская курія. Программа заявляетъ, что борьба противъ догмата о непогрѣшимости папы останется и на будущее время главнымъ мотивомъ движенія старо-католиковъ; что остальные догматы католической церкви остаются неприкосновенными; что старо-католики домогаются: а) ограниченія правъ папы согласно ученію священнаго писанія и писаніямъ отцевъ церкви; б) признанія вселенскаго собора верховнымъ учрежденіемъ по дѣламъ вѣры и нравственности; в) избранія священниковъ, епископовъ, папъ и собора христіанскою паствою или ея представителями; г) уничтоженія обязательнаго безбрачія священниковъ, полнаго отдѣленія церкви отъ государства и необходимыхъ послѣдствій его—гражданскаго брака и устраненія приходскаго духовенства отъ завѣдыванія первоначальными школами; они требуютъ: а) чтобъ до учрежденія новаго порядка епископы судились наравнѣ со всѣми гражданами; б) чтобы уничтожено было искуственное обособленіе духовенства отъ современной образованности, такъ-какъ замкнутость, въ которой оно находится, приноситъ большой вредъ въ педагогическомъ и въ соціальномъ отношеніяхъ; а взамѣнъ того желаютъ «содѣйствія свѣтскихъ властей въ воспитаніи и подготовкѣ нравственно-смиреннаго, научно-образованнаго и патріотически-настроеннаго духовенства; в) требуютъ для низшаго духовенства «достойнаго и обезпеченнаго отъ іерархическаго произвола положенія»; г) уничтоженія ордена іезуитовъ, и отвергаютъ смѣняемость духовниковъ по произволу. Вотъ основныя стремленія старо-католической партіи на западѣ. Но кромѣ этихъ религіозныхъ и соціальныхъ вопросовъ, старо-католики преслѣдуютъ еще и цѣль религіозно политическую: они не теряютъ надежды на соглашеніе представителей некатолическихъ религій съ представителями католицизма, послѣдствіемъ котораго должно явиться соединеніе церквей въ одну общую церковь христову. Въ этомъ отношеніи они особенно разсчитываютъ на представителей англиканской и протестантской церквей, которыя прислали на съѣздъ значительное число своихъ представителей. Число же всѣхъ участниковъ въ съѣздѣ достигаетъ 6,000 человѣкъ; представителемъ православной церкви былъ профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи Осининъ. Съѣздъ рѣшилъ избрать изъ своей среды постоянный комитетъ, которому предоставилъ «неограниченное право почина», чтобы организовать католическое движеніе въ извѣстномъ направленіи; кромѣ этого центральнаго комитета, тамъ гдѣ встрѣтится надобность, открываются мѣстные комитеты, обязанные сноситься съ мюнхенскимъ (центральнымъ) комитетомъ. Нельзя не признать, что осуществленіе даже половины перечисленныхъ выше требованій произведетъ коренной переворотъ нетолько въ католической церкви, но и во всемъ католическомъ мірѣ.

Бонапартистская партія во Франціи подняла голову. Поводомъ къ этому послужили отчасти выборы въ генеральные совѣты, на которыхъ выступятъ многіе изъ приверженцевъ Наполеона III-го, частію же недавнее назначеніе Тьеромъ нѣкоторыхъ изъ наполеоновскихъ генераловъ на должности командующихъ арміями. Не дремлютъ и лондонскіе бонапартисты: бывшій императоръ закладываетъ свои имѣнія и занимаетъ значительныя суммы. Бывшая императрица отправилась въ Испанію, чтобъ занять и тамъ нѣсколько милліоновъ подъ залогъ своихъ имѣній. Въ Парижѣ стала выходить новая газета, взявшая на себя нелегкій трудъ защищать дѣло бонапартизма; происходятъ усиленные подкупы лицъ, для которыхъ все равно, кто бы ни правилъ Франціею; въ арміи быстро распространяются брошюры, которыя посредствомъ искаженія фактовъ думаютъ склонить солдатъ на сторону имперіи; распространяется также маленькая прокламація, напечатанная на листкѣ тончайшей бумаги. Всѣ бывшіе императорскіе министры находятся теперь въ Парижѣ и свободно разгуливаютъ по улицамъ; друзья бонапартизма собираются въ частныя собранія и обсуждаютъ мѣры, къ которымъ необходимо приступить для возстановленія монархіи. Въ виду такихъ поползновеній, правительство республики чувствуетъ себя неловко и внимательно слѣдитъ за происками имперіалистовъ. Возникшія между французскимъ и германскимъ правительствами пререканія, по поводу требованія послѣдняго о безпошлинномъ ввозѣ во Францію продуктовъ Эльзаса и Лотарингіи,—наконецъ улажены: уступки сдѣланы съ той и съ другой стороны. Этотъ вопросъ занималъ нѣмцевъ потому собственно, что до войны 1870 г., слѣдовательно, когда означенныя провинціи не принадлежали Германіи, Франція служила главнымъ мѣстомъ сбыта для эльзасскихъ и лотарингскихъ произведеній. Теперь же, когда эти провинціи отошли къ Германіи, продукты ихъ должны были бы облагаться извѣстною ввозною пошлиною, что неминуемо произвело бы кризисъ (переворотъ къ худшему) въ промышленности этихъ двухъ провинцій.

Въ Австріи продолжается борьба между нѣмецкою партіею и партіею федералистовъ, которые добиваются одинаковыхъ правъ съ нѣмецкою національностью. При этомъ не пренебрегаютъ никакими средствами, лишь бы только выйти побѣдителемъ. Говорятъ, что нѣмцы намѣрены склонить на свою сторону поляковъ и, при посредствѣ ихъ, получить преобладающее большинство голосовъ въ Рейхсратѣ; но до сихъ поръ они еще не достигли этого.

Смѣсь.

Магнитическіе часы.—Электрическіе часы, которые нашли себѣ теперь практическое примѣненіе не только въ большихъ промышленныхъ заведеніяхъ и станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, но во многихъ городахъ употребляются еще и на церковныхъ башняхъ, на углахъ улицъ, и т. п., имѣютъ однакоже значительный недостатокъ: будучи приводимы въ движеніе посредствомъ магнито-электрической баттареи, они при дальнѣйшемъ употребленіи, легко портятся, такъ какъ—вслѣдствіе постояннаго отскакиванія искръ—соприкасающіеся кончики перестаютъ дѣйствовать, да и самыя баттареи требуютъ частыхъ поправокъ. Для отвращенія этихъ неудобствъ, серъ Чарльзъ Гуитстонъ, какъ пишетъ «Chambers Journal», сдѣлалъ такія улучшенія въ своихъ магнитическихъ часахъ, что они вполнѣ удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ хронометра; они не требуютъ для своего хода никакой баттареи—и одни и тѣ же часы могутъ привести въ движеніе отъ 50 до 60 другихъ часовъ въ различныхъ частяхъ зданія. Въ то же самое время цѣна часовъ, вслѣдствіе замѣны большаго магнита маленькимъ, значительно понизилась. Автоматическій телеграфъ, устроенный Гуитстономъ по тому же самому принципу, передаетъ одновременно посредствомъ пяти проволокъ 95 словъ въ минуту и уже употребляется въ лондонскомъ почтамтѣ.

Важное изобрѣтеніе. Одинъ механикъ, по имени Эспозито, прислалъ на международную морскую выставку, происходившую въ нынѣшнемъ году въ Неаполѣ, новый аппаратъ, названный имъ «Nausismographe», который съ помощію одного или нѣсколькихъ карандашей записываетъ самымъ точнымъ образомъ, на длинныхъ лоскуткахъ бумаги, въ родѣ тѣхъ какіе употребляются при телеграфахъ, всякое задержанное направленіе корабля, точно такъ же какъ и всякую остановку, или обратное движеніе, давленіе машинныхъ паровъ, скорость движенія, даже колебаніе корабля. Однимъ словомъ этотъ аппаратъ представляетъ собою что-то въ родѣ самопишущагося корабельнаго журнала, который никогда не ошибается. Хотя онъ устроенъ собственно для пароходовъ, но его легко приспособить и къ парусньмъ судамъ, гдѣ онъ можетъ быть употребленъ съ тою же самою цѣлью.

Ядовитыя мухи. «Ахъ, какъ вы перемѣнились!» вскричалъ я, обращаясь къ одному знакомому, котораго я давно не видалъ. Онъ носилъ руку въ перевязкѣ, очень похудѣлъ и былъ блѣденъ какъ воскъ. «Это отъ того,» отвѣчалъ онъ, приподнимая перевязь на рукѣ, «что меня укусила въ это мѣсто ядовитая муха, и вотъ уже три недѣли какъ я не могу пошевелить руки отъ опухоли; у меня вовсе нѣтъ аппетиту, лѣкаря качаютъ головой и совершенно растерялись».

Мой знакомый теперь выздоравливаетъ. Его здоровая натура, какъ говорится, помогла ему; но этотъ случай былъ замѣченъ и объ немъ много говорили. Я передамъ то, что слышалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что лѣтомъ 1871 года укушенія «ядовитыхъ мухъ» повторялись довольно часто—и насчетъ этого не мѣшало бы принять мѣры. Правда, нѣкоторые врачи отвергаютъ существованіе «ядовитыхъ мухъ», но наши энтомологическіе опыты говорятъ совсѣмъ не то. Наши общіе мучители, мошки, комары и дождевые слѣпни—настоящіе кровопійцы, укушеніе которыхъ можетъ имѣть самыя опасныя послѣдствія. Отъ обыкновеннаго укушенія комара происходитъ только опухоль, которая, погорѣвъ и посвербѣвъ, на другой или на третій день исчезаетъ. Нѣкоторые изъ читателей замѣтили, можетъ-быть, что послѣ укушенія комара остается маленькій твердый бугорокъ, который иногда долго еще не сходитъ, даже и тогда, когда уже нѣтъ никакого болѣзненнаго ощущенія. Вотъ въ этомъ-то маленькомъ бугоркѣ и заключается опасность; изъ него, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ образоваться раковидный нарывъ, который убиваетъ человѣка. Подобные случаи получаютъ извѣстность и возбуждаютъ общее вниманіе только тогда, когда отъ нихъ умираетъ какая нибудь выдающаяся личность. Не дальше какъ за два года передъ этимъ, отъ укушенія комара умеръ одинъ чрезвычайно даровитый нѣмецкій художникъ, по имени Энгуберъ. Простое уязвленіе въ губу, которымъ онъ сначала пренебрегъ, повело за собою что-то въ родѣ рака, а потомъ и смерть.

Но укушеніе комара далеко еще не такъ опасно, какъ укушеніе дождеваго слѣпня, этого отвратительнаго насѣкомаго, которое часто является у насъ и посредствомъ котораго прививается, какъ полагаютъ, къ человѣку ужасная сибирская язва. Одинъ штутгардскій оберъ-бауратъ умеръ отъ укушенія слѣпня. Недаромъ нѣкоторые такъ боятся лѣтомъ укушенія мухъ и спрашиваютъ себя: какъ бы отъ нихъ защититься? На это есть превосходное средство, только оно очень неудобно для исполненія. Нѣмецкій путешественникъ Ягоръ (Iagor) пишетъ, что натерши себя спиртнымъ экстрактомъ изъ настоящаго персидскаго порошка отъ насѣкомыхъ, онъ, во время своего пребыванія въ восточной Азіи, спалъ совершенно спокойно въ открытомъ ботѣ на такихъ рѣкахъ, которые были покрыты роями москитосовъ. Я самъ однажды, ботанизируя въ одной мѣстности, чрезвычайно богатой комарами, намазалъ себѣ лицо и руки этой чрезвычайно пахучей жидкостью—и всякій комаръ, садившійся на мою руку съ кровожаднымъ намѣреніемъ, сію же минуту слеталъ съ нея, и я былъ пощаженъ. Но кто захочетъ, собираясь наслаждаться природою, мазать себя экстрактомъ порошка отъ насѣкомыхъ?

Долго не рѣшался вопросъ, переносятъ ли мухи съ гніющихъ труповъ звѣрей или зараженнаго сибирскою язвою скота ядовитую матерію на людей и могутъ ли онѣ такимъ образомъ причинять имъ болѣзнь и смерть. Нѣкоторые доктора отвергали это, но недавно ветеринарный врачъ Раймбертъ сдѣлалъ цѣлый рядъ наблюденій, ясно-доказывающихъ, что наши обыкновенныя мухи и такъ-называемыя мясныя мухи съ жадностію высасываютъ кровь скота, зараженнаго сибирскою язвою. Подъ микроскопомъ оказалось, что въ крови мухъ находились тѣ же самые организмы особеннаго рода, какія являются въ крови зараженнаго сибирскою язвою скота. Когда кровь этихъ мухъ прививали къ кроликамъ или морскимъ свинкамъ, то эти животныя умирали не далѣе какъ черезъ 60 часовъ со всѣми признаками сибирской язвы. Это доказываетъ, что мухи могутъ переносить сибирскую язву и на людей.

Христина Нильсонъ, знаменитая пѣвица, встрѣтила въ Нашвилѣ (въ Америкѣ) такой лестный пріемъ, какого не оказывалось еще ни одному художественному таланту. Тамъ, по распоряженію городскихъ властей, собрали всю милицію и заставили ее пройти въ полномъ парадѣ передъ пѣвицей, которая, дѣлая такимъ образомъ смотръ храбрымъ нашвильцамъ, чувствовала себя настоящей королевой.

Почтовый ящикъ.

С. А. З—ко въ с. П. Редакція проситъ васъ прислать предлагаемую повѣсть, обѣщая напечатать ее въ журналѣ, если по разсмотрѣніи она окажется удобною къ напечатанію.

Г-ну Н. Б. въ С—скѣ. Въ отвѣтъ на ваше письмо съ замѣткой о Чувашахъ, Редакція имѣетъ честь объяснить, что авторъ этнографическаго очерка «Чуваши», помѣщеннаго въ журналѣ «Нива», имѣлъ въ виду исключительно Чувашъ Ядринскаго уѣзда, и что Редакція, которой извѣстно близкое знакомство автора съ бытомъ чувашъ того края, не имѣетъ основанія раздѣлять ваше мнѣніе.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

А. КРУМБЮГЕЛЬ

МАГАЗИНЪ
ЛАМПЪ И БРОНЗОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

Невскій проспектъ № 62, противъ Аничкина дворца.

Полученъ большой выборъ самыхъ новѣйшихъ фасоновъ: люстръ, бра, канделябръ, висячихъ, столовыхъ и стѣнныхъ лампъ, подсвѣчниковъ и другихъ кабинетныхъ вещей, а также получены совершенно новыя и очень удобныя американскія машины для рубки мяса и овощей.

ЦѢНЫ ВООБЩЕ УМѢРЕННЫЯ

Заказы гг. иногородныхъ исполняются въ точности.

ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ 5-й И ПОСЛѢДНІЙ ТОМЪ РОМАНА

ЕВГЕНІЯ

или

ТАЙНЫ ФРАНЦУЗСКАГО ДВОРА.

Историческій романъ изъ новѣйшихъ событій во Франціи сочиненіе **БОРНА**.

Цѣна за 4 тома, объемомъ около 1,700 страницъ, 4 руб. 50 коп.

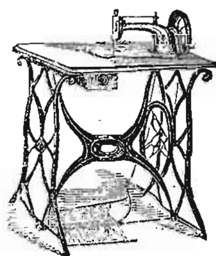
Талантливый авторъ романа «Тайны Мадридскаго Двора», разошедшагося у насъ въ прошломъ, 1870 году въ переводѣ въ огромномъ количествѣ, не преминулъ воспользоваться и новѣйшими событіями во Франціи. Соединивъ въ предлагаемомъ романѣ «Евгенія» историческую истину съ романическимъ живымъ разсказомъ, авторъ сдѣлалъ новое свое произведеніе столь интереснымъ, что мы, переведя его на русскій языкъ, вполнѣ надѣемся угодить этою книгою любителямъ легкаго чтенія.

Переводимые нами 4 тома романа «Евгенія» особенно интересны тѣмъ, что они, охватывая все царствованіе бывшаго императора Наполеона, знакомятъ читателя со многими придворными интригами, которыя, обрисовывая весьма характеристично какъ бывшаго императора и его супругу, такъ и окружавшія ихъ личности, были мало извѣстны нашей публикѣ. *Особенно интересны слѣдующія главы романа*: Кровавая баня въ декабрѣ 1851 г.—Бракосочетаніе Наполеона и Евгеніи.—Подъ Севастополемъ.—Бельвильская отравительница.—Тайный кабинетъ.—Принцъ Пьеръ Бонапартъ, убійца Виктора Нуара.—Оливье и герцогъ Граммонъ.—Война съ Пруссіей.—Маршалы: Базенъ и Макъ-Магонъ.—Наполеонъ въ плѣну.—Бѣгство императрицы.

Романъ продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга; главный же складъ въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, въ Гостинномъ дворѣ.

Гг. иногородные, обращающіеся непосредственно по слѣдующему адресу: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію Отдѣльныхъ Романовъ, получаютъ книгу съ первою почтою и за пересылку ничего не платятъ.

Книгопродавцы, выписывающіе не менѣе 10 экземпл., сверхъ того пользуются уступкою 20%.

АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
СИСТЕМЫ КАЛЬБО

Л. КАСТИЛЬОНЪ

Коммисіонеръ Военнаго Министерства.

Старѣйшій и важнѣйшій торговый домъ въ Россіи.

Челночныя машины, работающія въ двѣ нитки по распускающимся швомъ; исполняющія всевозможныя швейныя работы и снабженныя различными аппаратами для ихъ производства. — Кромѣ уже давно извѣстнаго превосходства ихъ по качеству, надъ другими системами, вновь полученныя машины имѣютъ еще ту неоспоримую выгоду, что продаются по дешевой цѣнѣ.

ДЕПО ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

Виллера и Вильсона, Гровера и Беккера, Хау, Зингера, Вилькоха и Гибса и пр. отъ **20** р.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Елисѣева. Въ Бель-этажѣ. Въ МОСКВѢ: на Кузнецкомъ мосту д. Комарова № 11. (39)—23

АУКЦІОННАЯ ПРОДАЖА ДРЕВНОСТЕЙ.

Принадлежащія мнѣ собранія предметовъ искусствъ (старыхъ картинъ, писанныхъ масляными красками, фарфора, хрусталя, рѣзнаго дерева и проч. и проч.), находящіяся въ родовомъ имѣніи моемъ, въ Гейзенгеймѣ, что въ Рейнгау, съ наступленіемъ лѣта 1872 г. будутъ на мѣстѣ распродаваться съ аукціона. Эти собранія упоминаются во многихъ гидахъ (Брадшау, Муррая, Бедекера, Гея и проч.). Вмѣсто отдѣльныхъ отвѣтовъ на частополучаемые мною запросы, я позволяю себѣ отвѣчать этимъ заявленіемъ. Подробности будутъ опубликованы своевременно.

Мюнхенъ 16/0 Максимиліановская улица. | Фрг. Г. Цвирлейнъ, каммергеръ и д-ръ jur. utr.

НАСТОЯЩІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
Американской компаніи

ЕЛІАСЪ ГОВЕ

изобрѣтатель швейныхъ машинъ

TRADE MARK. ELIAS HOWE JR. INVENTOR & MAKER NEW YORK U.S.A.

въ С.-Петербургѣ. Б. Конюшенная, д. Башмакова, | въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту

С. РОБЕРТЪ.

бывшій

ШАРЛІА и РОБЕРТЪ.

главный агентъ для Россіи. (10)—9

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ.

Этотъ элексиръ сохраняетъ зубы, укрѣпляетъ десны, уничтожаетъ дурной запахъ дыханія, придаетъ рту пріятную свѣжесть и успокоиваетъ самыя сильныя зубныя боли.

ЦѢНА ЗА ФЛАКОНЪ 65 КОП.

Въ Магазинѣ **И. САБЛУКОВА**, въ С.-Петербургѣ. Гостивый Дворъ, ео Зеркальной линіи, № 39. (10)—7

Дозволено цензурою 24 Сентября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Тип. [illegible] д. № 45—1.

№ 40. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 4 октября 1871 года

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

В. И. КЕЛЬСІЕВА.

(Продолженіе).

III.

Санктъ-питербурхская ассамблея.

Петербургъ того времени представлялъ собою какъ бы разрозненные члены великанскаго тѣла, разбросанные по двумъ островамъ невскимъ, Городскому и Васильевскому, по берегу Невки, при впаденіи ея въ Неву, и на материкѣ, который обходитъ теченіе Большой Невы, заворачиваясь отъ Смольнаго двора къ устью мимо крѣпости. Восточная часть Городскаго острова уже десятка полтора лѣтъ застроилась почти сплошной массой улицъ, площадокъ, домовъ и дворовъ чуть не до самой Карповки. Пунктомъ наибольшаго движенія были такъ-называемые Ростовскіе ряды за кронверкомъ, къ которымъ вели съ разныхъ сторонъ проложенные деревянные мостки черезъ болото, отъ населенныхъ слободъ, по берегамъ двухъ Невокъ. У Ростовскихъ рядовъ стояли обыкновенно извозчики, лѣтомъ предлагавшіе одноколку для объѣзда по всему Городскому острову съ его немощеными трущобами; зимою же пошевни и санки, за безцѣнокъ по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, отхватывали безъ дальнихъ споровъ здоровые концы отъ однихъ крайнихъ слободъ въ другія, — примѣрно изъ Казачьей отъ Сада (на Выборгской, гдѣ Новый Арсеналъ) къ Катерингофу на полотняные заводы,—или изъ слободки отъ Невскаго монастыря къ Городовому батальону на Выборгской. Служебная полу-знать, привезя волею-неволею сюда семьи свои для постояннаго пребыванія, пользовалась услугами подобныхъ возницъ для доставки женскаго пола на царскія Ассамблеи по указу. Ѣхали чаще всего *на свѣтъ*, такъ какъ приставленная къ стеклу оконъ пара свѣчей была вѣрнымъ признакомъ мѣстонахожденія Ассамблеи.

На этотъ разъ Ассамблея состоялась въ Большой Дворянской улицѣ, въ длинномъ двухэтажномъ домѣ, въ 12 оконъ, съ крылечкомъ на Неву. Отъ фасада этого зданія, въ голландскомъ вкусѣ, лился свѣтъ, и рабочіе отъ подрядчика Семена Карпова, тѣснясь у крыльца, почтительно глазѣли въ освѣщенныя окна. Очередные караульные уговаривали рабочій людъ не шумѣть, боясь въ свою очередь, чтобы палка полицейскаго солдата по приказу поручика не наказала ихъ за поблажку. У подъѣзда стояло нѣсколько экипажей, и ливрейные лакеи тараторили на крыльцѣ, не смѣя идти далѣе по уставу Ассамблеи. Фонари на чугунныхъ балясахъ, даромъ данныхъ домовладѣльцамъ, освѣщали улицу съ Невы, но

перерывы переулковъ темнѣли пятнами непроницаемой мглы.

Подъ Ассамблею были отведены три комнаты. Разставленныя на маленькихъ столикахъ свѣчи, хотя и хорошаго сала вологодскаго, все-таки тускло горѣли въ табачномъ дыму.

Въ послѣдней комнатѣ Ассамблеи сидѣлъ самъ мастеръ Piter, въ черномъ бархатномъ кафтанѣ, на подкладкѣ объяри песочнаго цвѣта, съ обшитыми золотомъ пуговками; бѣлый галстухъ съ кружевами рѣзко выдѣлялъ его смуглый обликъ съ чорными усами и блестящій взглядъ. Петръ сидѣлъ не съ русскими, а съ иностранными шкиперами и мастеровыми,—и предъ нимъ, какъ и предъ каждымъ изъ его кумпаніи, стояло по кружкѣ пива и у всѣхъ въ зубахъ были трубки.

Возлѣ царя сидѣлъ толстый голландецъ, съ краснымъ, полнымъ лицомъ и припухлымъ носомъ; какъ всѣ мениониты, онъ былъ одѣтъ въ темно-цвѣтный суконный кафтанъ. Голландецъ пыхтѣлъ, съ недовольнымъ видомъ, косясь на единственнаго русскаго, съ которымъ говорилъ Петръ,—то былъ мастеръ палатнаго убора.

Деньщикъ Государя Орловъ, маршалъ ассамблеи на этотъ разъ и всегда съ особенною любовью отправлявшій эту должность, подошелъ къ царю съ докладомъ:— вотъ новики въ нашу кумпанію — рады ли гостямъ?

Робко, покорно и почтительно подошли введенные имъ наши знакомые, Римскій-Корсаковъ, Кайсаровъ и Коробовъ.

— А, вотъ и вы! обратился Петръ къ новоприбывшимъ, — садитесь. А вы раздвиньтесь, гости мои дорогіе, продолжалъ онъ, обращаясь къ окружавшимъ его иностранцамъ.

Онъ говорилъ это по голландски, весьма чистымъ языкомъ.

— Вотъ архитекторъ, продолжалъ онъ рекомендуя юношей своимъ собесѣдникамъ, — этотъ — мастеръ фортификаціи, а вотъ морякъ.

Англичане, голландцы и нѣмцы, его собесѣдники, искоса взглянули на нихъ и какъ бы подумали: хорошъ этотъ русскій царь Петръ, только уча своихъ русскихъ онъ у насъ хлѣбъ отбиваетъ.

— Моряковъ, сказалъ одинъ изъ иностранцевъ чрезвычайно ласково и повидимому добродушно, — теперь на свѣтѣ много.

— Много, отвѣчалъ по голандски Кайсаровъ,— да и много кораблей пропадаетъ. Голандскихъ больше чѣмъ всякихъ другихъ, продолжалъ онъ, выпивъ залпомъ полкружки пива.

Петръ взглянулъ на Кайсарова, Кайсаровъ взглянулъ на него съ своей насмѣшливой улыбкой—и Петръ понялъ, что этотъ господинъ не изъ тѣхъ людей, которые посрамятъ его предъ иностранцами.

— Меридіанъ, продолжалъ толстый голландскій капитанъ, — многіе въ наше время съумѣютъ найдти, но теченія не всѣ понимаютъ.

— Нельзя сказать, возразилъ Кайсаровъ, — чтобъ не всѣ; вотъ хоть бы наши русскіе — тоже читывали географію генеральную, знаютъ какія теченія общія, какія собственныя или случайныя, ну и мнѣнія Аристотельчиковъ и Коперниканцевъ... а есть и иностранные моряки, которые, къ примѣру, за Скалигеромъ говорятъ что прибываніе и убыль воды морской отъ береговъ Америки происходитъ, не мня того, что единая причина тому луна.

— Къ чему же это знать? возразили голландцы, вступаясь за умолкнувшаго капитана, — моряку надо знать, какой парусъ когда закрѣпить и когда распустить, съ компасомъ умѣть справиться...

— Я плохой морякъ, возразилъ на это Кайсаровъ,— Господь Богъ мнѣ большаго разуму не далъ, а все-таки знаю, что игла магнитная вельми въ рѣдкихъ случаяхъ указываетъ самую сѣвера сторону, а чаще уклоняется мало отъ нея на востокъ или на западъ — и то уклоненіе есть халибоклипсисъ; — вотъ тутъ какъ быть? смѣло уже въ свою очередь поставилъ вопросъ Кайсаровъ, обводя всѣхъ испытующимъ взглядомъ.

Споръ закипѣлъ съ новой силою, какъ будто поддали масла въ огонь.

Петръ сидѣлъ въ своемъ углу, тянулъ пиво изъ своей кружки, искоса взглядывая на расходившихся спорщиковъ, дымя своей трубкой и въ глубинѣ души радуясь, что вотъ-таки нашлись русскіе, которые заткнутъ за поясъ даже и иностранцевъ.

— Что же, вдругъ подхватилъ Римскій-Корсаковъ по голландски (голландскій языкъ между моряками въ то время былъ такъ же распространенъ, какъ теперь англійскій),—хоть бы и то сказать, прожилъ я немного въ Голландіи, крѣпости посмотрѣлъ: что́ строили французы — важно; а что́ сами-то голландцы — негораздо. Это вѣдь не свайное дѣло — спору нѣтъ: ваше ремесло... Взялъ я да къ французамъ и поѣхалъ..

Петръ быстро повернулся къ говорившему и смѣрялъ его взглядомъ. За голландцевъ царь едва-ли бы заступился (онъ въ то время уже переставалъ цѣнить ихъ и отдавалъ первенство англичанамъ), но ему досадно было, что перебили Кайсарова, котораго онъ слушалъ съ удовольствіемъ, — и перебилъ именно Римскій-Корсаковъ, ничѣмъ еще не успѣвшій заявить себя царю.

— Какъ поживаетъ герцогъ Орлеанскій, которому ты кажется подражать вздумалъ? сказалъ царь, оглядывая бѣлый объяринный кафтанъ Римскаго-Корсакова, расшитый шелкомъ, — не въ аббаты ли записался, братецъ, во Франціи живучи? Терпѣть я не могу этихъ щелкоперовъ, сказалъ онъ по русски, — кафтаны расшитые, чулки шелковые, на лапахъ манжеты, а лапы бѣлыя будто восковыя, ухватки такія что глядѣть тошно — руки спроста не подастъ. Дѣло никакого не дѣлаютъ и считаютъ себя боярами такими, какихъ и на Москвѣ нѣтъ. А бѣлоручка по мнѣ, предъ Господомъ Богомъ и предъ своимъ государемъ, самый грѣшный человѣкъ. — А вотъ и не бѣлоручка идетъ, сказалъ онъ, увидя входящаго Константина. — Ступайка-ка сюда. Здорово. По голландски не говоришь?

Константинъ былъ самъ не свой: одно—честь была велика, а другое — съ тѣхъ поръ какъ царь далъ ему слово, передъ нимъ словно стѣны разступились и онъ со страхомъ заглядывалъ впередъ, смутно чувствуя, что тамъ или счастье заповѣдное или конечная гибель...

— Жаль, братецъ, жаль!..

При этомъ Петръ тяжело поднялся, развелъ руками тѣснившихся у стола, и обнявъ Константина за шею, вышелъ съ нимъ во вторую комнату. Одни только игроки, углубясь въ карты, не замѣтили проходившихъ; прочіе почтительно давали дорогу.

— Слушай, говорилъ государь, понизивъ голосъ,— вотъ этотъ толстякъ тотъ самый Гармсенъ, о которомъ я тебѣ намедни говорилъ. Замѣть его себѣ. А покажи, гдѣ сидитъ твоя писаная красавица?

И они дошли до первой комнаты, гдѣ уже начинались приготовленія къ менуэту. Кавалеры стояли кучками въ одномъ углу; а дамы сидѣли вдоль стѣнокъ на стульяхъ, сложивъ руки подъ грудью по старому русскому обычаю. Маменьки пыхтѣли, потому-что онѣ были болѣе привычны къ перинѣ и къ лежанкѣ,—тутъ же царской волею, а не то пожалуй и милостью, должны были нетолько въ этотъ окаянный корсетъ затянуться, а еще и на голову взгородить высокій фонтанжъ. Дѣвицы краснѣли изъ-подъ бѣлилъ и такъ - сказать чопорились, но въ глубинѣ души каждая изъ нихъ была рада, что наконецъ указалъ великій государь не всю жизнь сидѣть у батюшки въ терему, у родимаго въ высокомъ. Дико имъ было, крѣпко дико, и въ тоже время крѣпко забавно; вотъ, дескать, и наша копѣйка не щербата. Прежде мужчины пировали въ одиночку, а наша сестра сиди себѣ да сиди взаперти, а теперь пришли новыя времена, значитъ и наша сестра къ чему-нибудь понадобилась. Страшно только, жутко. «Что скажетъ мой Екимычъ», думала миловидная, но блѣдная молодая жена угрюмаго строителя, крѣпко-пожилаго Трезини, — «какъ подойдетъ ко мнѣ какой-нибудь кавалеръ и станетъ звать на менуэтъ да раскланиваться передо мной!»

И она искоса поглядывала на голанокъ и нѣмокъ, которыя тутъ же сидѣли и чулки вязали, по привычкѣ даже и здѣсь не обходясь безъ этого милаго занятія. Манерамъ ихъ дочекъ, учившихся у танцмейстеровъ, русскія старались подражать—и внимательнымъ, женскимъ, зоркимъ окомъ оглядывали своихъ собесѣдницъ, какъ онѣ присѣдаютъ и какъ онѣ себя держатъ. Не одна спина выгибалась чтобъ сѣсть такъ, какъ сидитъ какая-нибудь дочь мастера корабельнаго, либо шпалернаго. Ноги старались поставить не такъ, какъ въ старину на Руси онѣ ставились, подъ прямымъ угломъ, а немножко ступни выдвинуть впередъ и показать башмакъ.

Начали смекать, что это выдвиганіе башмака изъ-подъ роброна можетъ загубить и заполонить сердце мужчины. Одно что смущало русскихъ женщинъ—это то, что шведки, которыя тутъ сидѣли, не были ни набѣлены, ни нарумянены. Еще въ наколкѣ, съ волосами взбитыми въ кудри по послѣдней парижской модѣ, явиться въ общество куда ни шло,—но безъ бѣлилъ, румянъ и безъ сурмленыхъ бровей, былъ такой зазоръ, что развѣ самая отчаянная изъ тогдашнихъ русскихъ дамъ признала бы это не совсѣмъ стыднымъ. Глубокое равенство было между женщинами до того времени: каждая должна была свой образъ расписать такъ, какъ другая расписывала, выштукарить всю свою наружность, брови другой подвести и розаны по щекамъ пустить, такъ что всѣ дамы, болѣе или менѣе, были на одно лицо и у всѣхъ были такъ-сказать физіогноміи казенныя, — а тутъ вдругъ какая-нибудь шведка въ тарлатановой юпкѣ безъ бѣлилъ, безъ румянъ является! И вдругъ Марья Кузьминишна можетъ подумать, что Авдотья Карповна надъ нею первенство беретъ, показывая что она ея красивѣе!

Прогулка государя съ молодымъ человѣкомъ по заламъ весьма высоко поставила Константина Алексѣевича въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ. Несмотря на весьма простое обращеніе Петра, все-таки оказанное имъ комунибудь особенное вниманіе незамѣченнымъ не проходило.

Пристально и нѣсколько подозрительно посмотрѣлъ на Константина сидѣвшій въ углу и игравшій въ шахматы герцогъ Ингерманландскій, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ… «Это кого онъ подхватилъ?» мелькало у него въ головѣ: «въ первый разъ вижу! Или выдумалъ онъ что-нибудь въ авантажъ Россіи? коли парень не глупъ, ино лучше его поддержать». Онъ подозвалъ своего адъютанта и велѣлъ освѣдомиться, что за птица.

За исключеніемъ всѣхъ этихъ шкиперовъ, всякихъ корабельныхъ, канатныхъ, кузнечныхъ, слесарныхъ и другихъ мастеровъ-иноземцевъ, общество было блестящее. Тутъ были молодые и старики, и приказные изъ новыхъ коллегій, и моряки, и иностранные офицеры, и плѣнные шведы.

— Гдѣ же, спрашивалъ Петръ, стоя въ дверяхъ танцовальной залы,—гдѣ твоя красавица писаная?

— Ея здѣсь нѣтъ, Государь.

Петръ засмѣялся.

— И ты туда же: «Государь»… Прешкодить?.. А штрафъ-отъ Великаго Орла?

— Нѣтъ, мастеръ Piter, помилуй!

— То-то; ты помни, здѣсь мы всѣ равны.

Только что онъ сказалъ, какъ дверь изъ передней отворилась.

— Выручай, Государь! проговорилъ задыхаясь и мгновенно блѣднѣя Константинъ,—вотъ, это она вошла!

Онъ дѣйствительно только *ее* и видѣлъ—и совершенно не замѣтилъ, какъ слѣдомъ вошли боярыня Куроѣдова, сестра ея боярыня Болдырева, тетка ея Спѣсивцева, сноха тетки Кузнецова, дальняя родственница Кузнецовой, Пѣтухова, и еще какая-то княгиня Туluповская,—какъ вошелъ четвероюродный по женской линіи братъ боярина старичокъ, который еще на Стеньку Разина хаживалъ,—Константинъ видѣлъ только ее одну. Оба, и Петръ и Константинъ, невольно остановились.

Изъ середины этой массы новоприбывшихъ гостей выступила дѣвушка лѣтъ шестнадцати, средняго роста, бѣлая какъ снѣгъ,—не отъ бѣлилъ и румянъ, а по той странной прозрачности кожи, которая встрѣчается у нѣкоторыхъ женщинъ, такъ что при взглядѣ на нихъ вамъ иногда сдается, будто вы видите, какъ подъ этой кожей жилки сквозятъ и бьются. Волосы ея, взбитые кверху, были того рѣдкаго цвѣта, что принято называть пепельнымъ. Талія ея затянутая въ корсетъ колыхалась какъ на пружинахъ. Ножка въ сафьянномъ черевикѣ на высокомъ каблучкѣ то и дѣло выскакивала и пряталась; дѣвушка держала въ рукахъ вѣеръ—и увидя предъ собою Государя, отдала ему реверансъ, низко присѣвъ, но подымаясь она такъ и зардѣлась, потому что подлѣ Государя она узнала Константина Алексѣевича Свѣчникова.

Петръ прижалъ его рукою и, поклонившись вошедшимъ, увелъ его, дрожавшаго какъ осиновый листъ, въ другую комнату.

— Ну, братъ, сказалъ онъ ему,—губа-то, я вижу, у тебя не дура, а языкъ не лопата. Далъ я тебѣ вчера слово…. Ну, да пусть будетъ по твоему — твоя такъ твоя! Какъ вошла, такъ ровно сіяніе полилось въ покои!

Въ эту секунду грянула музыка. Придворные трубачи и кларнетисты, отпускаемые на ассамблеи, заиграли тушъ. Тутъ не было артистовъ,—артистамъ въ Петербургъ и въ Россію въ ту пору ѣздить еще не приходилось; къ намъ тогда попадали такъ-себѣ простые добрые люди, кое-какіе завалящіе музыканты, которымъ въ Европѣ до тошноты приходилось. Тутъ были саксонцы, пруссаки, плѣнные шведы, одинъ чехъ былъ, неизбѣжная принадлежность всякаго оркестра. Англійскій рожокъ въ то время былъ любимымъ инструментомъ.

Константинъ какъ-то невольно держался поближе къ Петру, какъ ребенокъ льнетъ къ матери, хотя Государь начиналъ уже забывать объ немъ и разсѣянно слѣдилъ за приготовленіемъ къ танцу. Лукерья сидѣла поджавши руки—и Константину въ самомъ дѣлѣ казалось, что отъ нея лился какой-то неуловимый свѣтъ и какъ бы наполнялъ залу. Какъ удавъ въ кролика впивается глазами, такъ впился въ нее глазами Константинъ; а она, подобно всѣмъ дамамъ, оправляла юбки и училась какъ слѣдуетъ выставлять носокъ. Вдругъ она нечаянно обернула голову къ дверямъ—и опять вздрогнула и покраснѣла. «Что за странность! теперича Константинъ и Государь? Зачѣмъ Константинъ съ Государемъ ходитъ? давича думала—это такъ случилось, дескать рядомъ стоятъ, а теперича.... Разбойникъ этотъ Коська! продолжала она разсуждать,—вишь куда залетѣлъ! Вѣдь чего добраго и въ самомъ дѣлѣ замышляетъ меня сосватать! Вишь, стоитъ себѣ съ Царемъ—не боится, воръ!»

Она было отвела глаза въ сторону, но ихъ опять потянуло къ двери.

— Шушукуются, сказала она сама себѣ.—Каковъ? А кафтанишка у него проще, чѣмъ у другихъ... Вотъ вѣдь придетъ, подойдетъ — чего добраго станетъ звать въ плясъ.

Въ эту самую минуту подошелъ къ ней братъ ея, подъ руку съ какимъ-то молодымъ щеголемъ. Куроѣдовъ былъ солдатъ Преображенскаго полка и носилъ зеленый мундиръ съ красными отворотами, съ выпуклыми мѣдными пуговицами, напудренный парикъ съ косою, штиблеты, башмаки съ крагеномъ. Но тотъ кого онъ подвелъ къ сестрѣ—на первыхъ порахъ какъ бы ослѣпилъ дѣвушку своимъ нарядомъ, до того не походилъ онъ на прочихъ. Одѣтъ онъ былъ по послѣдней парижской модѣ и одинъ одинехонекъ въ такомъ кафтанѣ; почти всѣ прочіе гости были въ кафтанахъ довольно простаго сукна и большею частію польской фабрикаціи, которая въ то время только-что заводилась въ большихъ размѣрахъ. На щеголѣ былъ кафтанъ бѣлый объяринный въ шелковыхъ цвѣтахъ, съ бархатными красными пуговицами вышитыми золотомъ; всѣ петли на кафтанѣ, камзолѣ и у клапановъ проложены позументомъ. Тонкія какъ паутина, алансонскія кружева, небрежно затянутыя въ петлю вокругъ шеи и спущенныя широкими концами, составляли жабо; изъ подъ рукавовъ кафтана выглядывали мелко-сплоенныя манжеты. Тѣльнаго цвѣта чулки съ яркими стрѣлками, башмаки со стразовыми пряжками, на высокихъ каблукахъ краснаго сафьяна, широкія перчатки чуть не полокоть, самой тонкой замши, дополняли его нарядъ. Изъ кармана камзола небрежно свѣшивалась цѣпочка часовъ; въ рукѣ онъ держалъ трость, а тупей его былъ завитъ въ крупные локоны двумя ярусами надъ головой.

Только тутъ, въ другой или въ третій разъ глянувъ на лицо щеголя, Лукерья узнала своего нарѣченнаго, съ которымъ бывало игрывала въ дѣтствѣ, а теперь лѣтъ пять уже въ глаза не видала.

— Луша, сказалъ Куроѣдовъ,—помнишь-ли? прошу любить да жаловать по прежнему! Только что вернулся изъ-за рубежа, я и не чаялъ его здѣсь встрѣтить. Какъ начнутъ менуэтъ, вотъ тебѣ кавалеръ.

Римскій-Корсаковъ поклонился ей, шаркнувъ ногой, прижимая шляпу къ груди, глядя съ улыбкой на свою невѣсту.

— Здравствуй, Михаилъ Андреевичъ! проговорила наконецъ молодая дѣвушка, вспыхивая безпокойнымъ румянцемъ и косясь въ ту сторону къ дверямъ, куда ее притягивало что-то такое, въ чемъ она сама себѣ еще не отдавала отчета.

Константинъ стоялъ блѣдный, впившись въ нее взоромъ, между тѣмъ какъ Римскій-Корсаковъ, наклонясь къ Лушѣ, что-то говорилъ ей.

Петръ глядѣлъ на молодыхъ людей, любуясь сіяющей красотою Луши. Онъ мгновенно понялъ, въ чемъ дѣло. Луша, немножко раскрывши ротъ, молчала, точно ожидая себѣ отъ кого нибудь спасенья, потому что у ней составился за нѣсколько секундъ передъ этимъ планъ: пройтись въ менуэтѣ со Свѣчниковымъ и распросить его... а о чемъ именно, ей самой было еще не въ домекъ.

Петру сдѣлалось ужасно смѣшно.

Споконъ вѣку русскіе цари любили быть сватами и женить своихъ приближенныхъ: устроить свадьбу было для нихъ величайшею утѣхою. Такъ любила устраивать свадьбы впослѣдствіи Императрица Елисавета Петровна; такъ Екатерина Великая выдавала за мужъ своихъ фрейлинъ. Петръ же, въ лѣта своей юности, съ любовью брался быть посаженымъ отцемъ и шаферомъ—и теперь, прежде чѣмъ Луша успѣла опомниться отъ нежданной встрѣчи, толкнулъ растерявшагося Константина и, взявъ его подъ мышки, подвелъ къ Лукерьѣ.

— Это твоя сестра, Куроѣдовъ? спросилъ онъ брата ея.

— Моя, Государь, отвѣчалъ Куроѣдовъ, почтительно, но съ какою-то сдержанностью, замѣтно бросавшеюся въ глаза.

— Красавица, сказалъ Петръ.—Вотъ я ей и кавалера привелъ, на менуэтъ.

Куроѣдовъ поблѣднѣлъ.

— Государь.... началъ было онъ.

— Здѣсь Государя нѣтъ, возразилъ Петръ,—а здѣсь есть кубокъ великаго Орла! А ты, парень, подойди-ка сюда, обратился онъ къ Римскому-Корсакову,—ты мнѣ припомни это хорошенько—по обычаю французскаго инженера Вобана доселева ничего не начертилъ; ты потолкайся сегодня въ ассамблеѣ, а завтра, другъ любезный, приходи ко мнѣ съ чертежемъ Нарвы сколько есть готоваго.

Тотъ поклонился съ изящнымъ выгибомъ спины и милѣйшей улыбкой—точь въ точь настоящій французскій маркизъ.

— Не то что завтра, отвѣчалъ онъ,—я и сегодня готовъ, коли ты, мастеръ Piter, прикажешь...

Музыканты, послѣ краткаго отдыха, заиграли менуэтъ. Константинъ подошелъ и подалъ руку Лукерьѣ.

Вѣжливость требуетъ занимать даму въ менуэтѣ, но Константинъ и Луша молчали; у него языкъ отнялся; у нея какъ-то не шло съ языка то что думалось...

— Что же это такое наконецъ? шопотомъ спросила Луша у Константина.

— Что? шепотомъ же отвѣчалъ онъ.

— Какъ ты здѣсь? сказала она.

— Царь.... отвѣчалъ онъ.

— Чудно! молвила она.

— Канаты... отвѣчалъ онъ.

— Какіе канаты?

— А чтобы для свадьбы, говорилъ онъ.

— Да ты путаешь... хочешь сказать, кольца подвѣнечныя.

— Сказываю—канаты.

Первая встрѣча царя Алексѣя Михайловича съ Натальею Кириловною Нарышкиной.

Оригинальный рисунокъ В. Шпака, на деревѣ исполненъ самимъ авторомъ, гравировалъ И. Матюшинъ.

— Чтожъ, канаты будутъ подвѣнечные? фыркнула наконецъ Луша.

— Самъ царь сватать тебя пойдетъ, вотъ тѣ Христосъ.

— Охъ, моркотно! выговорила Луша.

— Я тоже испугался, шепталъ онъ.

— Да ты разскажи, наконецъ!... взорвала ее женская пытливость.

А трубы, волторны, рожки дули, гудѣли, скрипки визжали.

Маленькій антрактъ—и Константинъ, какъ вѣжливый кавалеръ, отвелъ Лушу на ея мѣсто, посадилъ на стулъ. и въ силу даннаго царемъ приказа, усѣлся рядомъ съ нею и оглядывался, какъ всякіе голландцы, англичане занимали своихъ дамъ.

Куроѣдовъ и Римскій-Корсаковъ, ничего не понимавшіе, какъ-то съ недоумѣніемъ косились на юную чету, которая между тѣмъ неумолчно шепталась, разсказывая другъ другу несвязными словами все что̀ съ ними приключилось. Лукерья сильно перепугалась канатовъ.

— Вѣдь вишь какой ты, шептала она,—ну есть-ли голова у тебя на плечахъ? Ахъ ты бѣдный, бѣдный! И какъ это взяться за такое дѣло! Ну, а не узнаешь ты про канаты—что̀ тогда будетъ?

— Ужь узнаю, дѣвка, узнаю, съ увѣренностью возразилъ Константинъ.

— Взяться за такое дѣло, да съ такимъ еще грознымъ Царемъ!

— Молчи, дѣвка! Смотри, еще по вашему бабьему обычаю расплачешься. Гляди, мѣсяца не пройдетъ — буду канатныхъ дѣлъ мастеромъ.

— Да какъ ты это сдѣлаешь? А вдругъ Царь-Государь на тебя возьметъ да и осерчаетъ, что̀ ты тогда подѣлаешь? Мнѣ вѣдь не чего другаго... не себя даже... тебя, Костинька, жалко—пойми ты это.

Константинъ думалъ, что она смотритъ на все это дѣло чисто по женски—труситъ и робѣетъ, что оно выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ; а извѣстно, что все выходящее изъ ряда обыкновеннаго—большинству женщинъ на первыхъ порахъ не подъ силу и какъ-то безпокоитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока или опостылитъ имъ, или совсѣмъ завладѣетъ ими.

Было уже около десяти часовъ,—время, когда въ Питербурхѣ тогда спать ложились,—какъ мастеръ Piter вышелъ и прошелъ мимо танцующихъ.

Дежурный деньщикъ у входа подалъ ему верхнюю одежду. Царь взялъ неизмѣнную трость, и пѣшкомъ пошелъ въ свой крошечный домикъ.

Гости стали, раскланиваясь другъ другу, расходиться.

Смущенныя поступкомъ Царя, всѣ эти тетки, своячепицы, невѣстки Лукерьи, однимъ словомъ, весь боярскій родъ Куроѣдовыхъ закопошился и сталъ собираться, прощаясь съ Константиномъ,—впрочемъ, не грубо, потому что видѣли въ немъ царскаго любимца, но какъ-то со страхомъ и съ недоумѣніемъ. Самъ Куроѣдовъ подошелъ къ нему и, по мѣрѣ возможности, ласково распросилъ его, кто онъ таковъ, откуда и пр. Лукерья была блѣдна, ей было не до разговора: у ней все время въ головѣ крутились такіе канаты, какихъ никакому Гармсену, ни Константину, ни свить, ни распутать. Пріѣхавъ домой, она тотчасъ легла спать,—и какъ ее ни будили по утру сѣнныя дѣвушки—не добудились. Она только открывала глаза, лепетала: «дайте спать, вчера больно изморилась»—и опять засыпала. А когда, наконецъ добудясь ее, дѣвушки стали распрашивать, ладно-ли почивала и кого во снѣ видѣла,—она вдругъ улыбнулась какой-то знойной улыбкой, заломивъ руки надъ головой и глядя задумчиво-счастливыми глазами куда-то... не то внутрь себя, не то въ высь недосягаемую...

— Кого видѣла-то? повторила она разсѣянно-ласковымъ голосомъ:—ахъ, дѣвушки-дѣвушки, кабы вы знали, *кого*!

Воротясь домой, Константинъ проворно раздѣлся, бросился въ постель, и долго вертѣлся съ боку на бокъ на мягкомъ тюфякѣ; то холодно, то жарко становилось ему, и на распросы отца о томъ, какъ онъ былъ съ Царемъ? и что̀ въ ассамблеѣ было? и кто тамъ былъ? и какъ все устроено? и пилъ-ли онъ пиво? и хорошо-ли онъ танцовалъ? онъ коротко отвѣтилъ:

— Прости, Христа ради, батюшка, завтра все разскажу.

Отецъ проворчалъ себѣ подъ носъ что-то, растянулся на лежанкѣ и заснулъ, весьма недовольный, что сынъ не такъ скоро удовлетворилъ его любопытство.

Сонъ Констоптина былъ тревоженъ: ему снился какой-то огромный сарай, гдѣ какія-то колеса наставлены и навалена куча пеньки; самъ Царь ходитъ и говоритъ: «здѣсь курить нельзя, потому что пенька вспыхнетъ, а мнѣ нужны канаты». Гармсенъ глотаетъ пеньку и тянетъ изо рту канатъ... Пеньки все меньше да меньше, а грозный Царь приступаетъ къ Константину: «Что жь уговоръ—давай канаты!» Константинъ робѣетъ, теряется, проситъ, умаливаетъ Гармсена: «будетъ, позавтракалъ — оставь пеньки-то хоть немножко...» Гармсенъ скалитъ зубы, смѣется и знай уписаетъ за обѣ щеки... Вдругъ откуда ни возьмись Римскій-Корсаковъ, подъ руку съ Лушей... «Что̀ ты, Государь, слушаешь этого проходимца!?» говоритъ онъ Царю:—«канаты тебѣ надобны? Отдай мнѣ мою дѣвку — гляди: вотъ тебѣ канатъ!» Смотритъ Константинъ, а инженеръ окаянный ростетъ-ростетъ, вытягивается, длиннѣе да тоньше, сучится, гнется, да какъ хлестнетъ кругомъ Луши, скрутилъ ее по рукамъ и по ногамъ, вокругъ шеи обвивается, а Константину тяжко-тяжко, словно это его самого душатъ...

(Продолженіе будетъ).

Русскія царицы.

Наталья Кириловна Нарышкина.

Въ юго-восточной части нынѣшняго Михайловскаго уѣзда (рязанской губерніи), по правую сторону Пронской дороги, въ 22-хъ верстахъ отъ г. Михайлова, есть богатое село Старое Киркино, въ которомъ, въ наше время, жителей свыше 500 душъ обоего пола. Въ половинѣ XVII вѣка село это было еще деревнею и составляло вотчину Нарышкиныхъ, потомковъ окольничаго Іоанна III, выходца изъ Крыма, мурзы Нарыша. Въ восьмомъ колѣнѣ отъ него приходился тарусскій дворянинъ, изъ первой статьи, Полуехтъ Ивановичъ, сложившій, какъ

и отецъ его, свою голову на царской службѣ подъ Смоленскомъ (1673 г.), оставивъ всего десяти лѣтъ старшаго изъ двухъ сыновей своихъ Кирилла; младшій Ѳедоръ былъ еще моложе. О сыновьяхъ погибшаго храбреца въ первый разъ находимъ мы указаніе въ 1655 году, когда старшій изъ братьевъ былъ уже женатъ на дочери каширскаго дворянина (Леонтья Дмитріевича) Леонтьева — Аннѣ Львовнѣ. Старшая дочь этой четы родилась 22 августа 1651 года и названа Натальею, когда отецъ былъ еще *жильцомъ*. Ей уже было семь лѣтъ, когда Кирилла Полуехтовича произвели въ стряпчіе рейтарскаго строя, изъ которыхъ, послѣ пяти лѣтъ службы, перешелъ онъ (1667 г.) ротмистромъ въ новоприборной полкъ, рейтарскій же, Артемона Сергѣевича Матвѣева, давно уже знавшаго и любившаго Нарышкина. Въ три года службы въ полку его, трудно повѣрить чтобы могъ Кириллъ Полуехтовичъ до того сойтись со своимъ начальникомъ, чтобы тотъ взялъ къ себѣ его дочь, начинавшую подростать, и схлопотавъ ему должность стрѣлецкаго головы, да еще прямо съ прибавкою жалованья при назначеніи, — что́ очень не часто въ Москвѣ дѣлалось. Все это можно объяснить проще и скорѣе всего дружбою, соединявшею со своимъ ротмистромъ—теперь уже начинавшаго входить въ силу царскаго любимца — Матвѣева. Въ домѣ его дочь Нарышкина была что родная, не разлучаясь съ хозяйкою, пестовавшей своего ненагляднаго Андрюшу. Наташа Нарышкина въ это время разцвѣтала и выравнивалась. Скоро, въ церкви Николы въ Столпахъ, къ приходу которой отходилъ домъ Матвѣева, всѣ стали замѣчать, подлѣ жены любимца царскаго, сановитую, румяную красавицу, съ черными глазами на выкатѣ. Она была умна не по лѣтамъ и, по словамъ тосканскаго придворнаго Рейтенфельса, бывшаго въ Москвѣ немного позднѣе этого,— отличалась рѣдкою особенностью между столичными дамами — *пріятностью обращенія*. Въ то время когда дочь друга А. С. Матвѣева вполнѣ уже разцвѣла съ наступленіемъ 18-й весны, государь другъ-покровитель ихъ семейства, неожиданно понесъ тяжелую утрату подруги жизни, дѣлившей съ нимъ горе и радости двадцать лѣтъ съ годомъ. Въ началѣ поста 1669 г., 3 марта, царица Марья Ильинична, урожденная Милославская, переселась въ лучшій міръ, оставивъ вдовцемъ мужа-государя всего 40 лѣтъ отъ роду. Черезъ десять мѣсяцовъ съ небольшимъ, смерть похитила еще и старшаго сына, на котораго возлагалъ большія надежды государь-родитель и уже объявилъ своимъ наслѣдникомъ. Теперь больше еще почувствовалъ кроткій царь Алексѣй тоску одиночества и еще чаще сталъ посѣщать своего друга — Артемона Сергѣевича Матвѣева, являясь въ его домъ, по вечерамъ. Случалось, что государь являлся даже въ такіе часы, когда въ старинной Москвѣ готовились спать и собирались ужинать. Разъ пришелъ царь дѣйствительно къ накрытому столу—и замѣтивъ затрудненіе Матвѣева, просилъ не стѣсняться его присутствіемъ и всѣмъ занять обычныя мѣста за ужиномъ, въ которомъ и самъ соизволилъ принять участіе. Воля государя была исполнена. Жена Матвѣева вышла сама съ четырехъ-лѣтнимъ сыномъ и привела дѣвицу Нарышкину. При появленіи ея, царь Алексѣй прямо обратилъ вниманіе на красавицу, въ качествѣ родной хозяевамъ, поднесшую кубки ему и хозяину. Принявъ милостиво напитокъ, Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ угощательницѣ и былъ доволенъ разумными отвѣтами. Весь ужинъ государь не переставалъ смотрѣть на гостью своего любимца, а послѣ стола,— когда она и хозяйка ушли къ себѣ поклонившись почтительно, — сдѣлалъ неожиданный вопросъ Матвѣеву: кто эта дѣвица?

— Дочь стольника Нарышкина — Наталья.

— У васъ живетъ?

— Д-да... гоститъ постоянно у жены... почитай и выросла...

— Родная?

— Какъ бы сказать... считаемъ за родную... Отецъ ея другъ мнѣ, съ молодыхъ лѣтъ былъ въ моемъ полку ротмистромъ, а теперь головой стрѣлецкимъ...

— Замужъ бы пора дѣвушку!

— Не съ чѣмъ, государь, отцу выдавать. За худаго не хотимъ, а хорошіе много спрашиваютъ... Ни у меня, ни у отца ея столько нѣтъ еще.

— Надо подумать объ этомъ, отвѣтилъ государь какъ-то особенно привѣтно, а самъ задумался. Говорили потомъ и то и другое, но царь не разъ возвращался въ разговорѣ къ дѣвицѣ Нарышкиной, все о ней и про нее выспрашивая. Уходя же, сказалъ съ многозначительнымъ удареніемъ на первомъ словѣ: «Я найду жениха твоей бѣдняжкѣ».

Въ ту пору уже другой мѣсяцъ пошелъ, какъ стали представлять государю невѣстъ, по указу,—да только, изъ тридцати дѣвицъ, представляемыхъ отъ полудюжины за разъ до двухъ и по одиночкѣ, ни одна не оставила въ царственномъ женихѣ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Во время болѣзни и потомъ по смерти сына, смотрины эти какъ-то перемежились, не до того уже было. А въ эту пору увидѣлъ государь Наталью Нарышкину за ужиномъ у Матвѣева и сталъ о ней думать. Прошло нѣсколько дней—и вотъ онъ снова у Матвѣева. Послѣ первыхъ привѣтствій, самъ начинаетъ говорить о Нарышкиной и прямо объявляетъ, что нашелъ жениха ей.

Хозяинъ, почтительно кланяясь, благодаритъ за милость, промолвя:—Въ святой часъ да въ доброй, былъ бы человѣкъ хорошій!

— Кажется, смѣясь подтверждаетъ государь,—вѣдь ты знаешь меня не съ дурной стороны. Я самъ женюсь на ней. Матвѣевъ затрепеталъ отъ неожиданности и грохнулся въ ноги царственному свату.

— Помилуй, государь!.. И то уже лиходѣи мои подрываются подъ меня; а узнаютъ это—тогда... погибъ я совсѣмъ. Въ голосъ закричатъ: это я обошелъ, я твое Царское Величество приворотнымъ зельемъ...

— Будь спокоенъ...—поднимая своего друга, уговаривалъ его государь.—Можно устроить никому не въ примѣту. Представляйте Наталью по указу... да, смотри... поскорѣе...

Матвѣевъ исполнилъ волю царскую, какъ могъ поспѣшнѣе и, февраля въ первый день (1670г.), «Кирилова дочь Нарышкина Наталья», съ тремя другими дѣвицами (Евдокіею Леонтьевой дочерью думнаго дворянина, Марьей Ивановной Нащокиной и Дарьей Андреевной Незнановой), удостоилась формальнаго представленія предъ очи царскаго пресвѣтлаго величества. Государь велѣлъ всѣхъ четверыхъ *оставить на верху* до вторыхъ смотринъ, а самъ продолжалъ пріемы еще слѣдующіе два мѣсяца съ половиной. Теперь уже возили дѣвицъ изъ дальнихъ городовъ, отъ Новогорода, до Вязьмы, Костромы и Суздаля. Представленныя 67 невѣстъ посланы домой; только послѣ втораго смотра, 18 апрѣля, оставлены двѣ: Нарышкина, да Бѣляева Авдотья привезенная наканунѣ. О выборѣ ея сильно

хлопоталъ дядюшка съ материной стороны, какой-то Иванъ Шахиревъ, обѣщавшій врачамъ благодарность за поддержку его кандидатки и заранѣе разгласившій, что «Нарышкина свезена, а наша взята», хотя и зналъ противное. Не пронявшись однако и этимъ, усердный дядя—конечно разсчитывавшій на собственное возвышеніе черезъ племянницу—22 апрѣля сочинилъ два пасквильныхъ безъимянныхъ письма и подбросилъ ихъ: одно въ сѣни грановитой палаты, а другое прилѣпилъ къ сѣннымъ дверямъ шатерной палаты, что ходятъ на постельное крыльцо. Письма найдены шатерничимъ и истопникомъ, представившими ихъ боярину-дворецкому Б. М. Хитрово, а тотъ — государю. Что вычелъ въ этихъ грамоткахъ царь Алексѣй Михайловичъ—неизвѣстно, но тотчасъ велѣлъ разъискивать строго. На Шахирева на перваго пало подозрѣніе при распросахъ ближнихъ людей. Его притянули—и съ пытки несчастливый хлопотунъ сознался. Дальнѣйшая судьба его племянницы неизвѣстна; но Нарышкина, продолжая жить на верху, не объявлялась долго невѣстою царевою. Не хотѣлъ ли царь Алексѣй дождаться годовщины по сынѣ? Это всего вѣроятнѣе, потому что въ слѣдующее же воскресенье за нею — 22 января (1671 г.) праздновали бракъ государя съ Натальею Кириловной Нарышкиной. Могъ впрочемъ вліять на продолженіе необъявленія ея невѣстою и затянувшійся процессъ Шахирева, признаніемъ котораго дѣло не кончилось. Еще собирали подъячихъ да подъискивали, чья рука подходитъ къ подписи: *Артемошка*—на подметномъ письмѣ. Однако никто изъ подъячихъ писавшаго не указалъ, не позарившись на щедрую награду царскую и не боявшись угрозъ опалою. Потому царь остался въ подозрѣніи, что подписывалъ не подъячій, а подымай выше. Можетъ-быть и не безъ основанія подозрѣвалъ государь тутъ штуки дворецкаго (Хитрово)—и долго не забывъ интригъ по поводу второй женидьбы своей, по случаю рожденія перваго сына царицею Натальею (Петра I 30 мая 1672 года), нѣмецкимъ актерамъ, выписаннымъ изъ Гамбурга пасторомъ Ягономъ Готфридомъ Грегори, велѣлъ 4 іюня 1672 г. «учинити комедію, и по комедіи дѣйствовати изъ библіи книгу Эсфирь», по содержанію близко напоминавшую въ его глазахъ подземныя интриги противъ Натальи Кириловны. Для этого представленія, съ селѣ Преображенскомъ, построена вновь «*комедійная хоромина*», дорого стоившая по тогдашнимъ цѣнамъ. Однихъ лѣсныхъ матеріаловъ пошло на 1000 рублевъ. Къ годовщинѣ своей женитьбы на второй женѣ, царь Алексѣй приказалъ построить такую же хоромину въ Кремлѣ-городѣ, для зимнихъ представленій; но то къ сроку не поспѣло. Вмѣстѣ того, на другой день дано представленіе на сценѣ въ селѣ Преображенскомъ, сдѣлавшемся впослѣдствіи любимою резиденціею царицы Натальи, въ тяжелую годину вдовства, — когда и покровитель ея юности Матвѣевъ, при жизни царя Алексѣя Михайловича устроивавшій театральныя представленія, удаленъ въ ссылку, сыномъ его друга-государя, въ первый же годъ по воцареніи. Покрасовалась за мужемъ привѣтливая царица Наталья Кириловна, какъ извѣстно, только пять лѣтъ. 30 января 1676 года неожиданно умеръ царь Алексѣй—и любимцы его сына, царя-юноши Ѳеодора Алексѣевича, не много чинились со вдовою царицею. Одинъ изъ временщиковъ, гордецъ Языковъ даже хотѣлъ выжить совсѣмъ ее изъ Кремлевскаго дворца, подъ предлогомъ передѣлокъ. Но тогда, не по лѣтамъ умный, пятилѣтній ребенокъ, царевичъ Петръ Алексѣевичъ пошелъ къ царю-брату и настолько разжалобилъ его своимъ наивнымъ разсказомъ о продѣлкѣ Языкова, что молодой самодержецъ, запретивъ безпокоить мачиху, самъ пошелъ къ ней и увѣрилъ ее въ своей благосклонности. Тогда же, или скоро послѣ того, начавъ болѣе и болѣе интересоваться геніальнымъ братомъ, царь Ѳеодоръ предложилъ царицѣ Натальѣ начать учить ребенка. Соковнинъ, братъ казненнаго впослѣдствіи Петромъ I за посягательство на жизнь свою,—выбралъ въ учителя извѣстнаго Никиту Моисеевича Зотова, по нашимъ понятіямъ едва-ли годившагося въ наставники будущаго государя, проявлявшаго геніальный умъ очень рано уже. Мать-царица Наталья была рада и такому заявленію заботливости царствующаго государя, ея роднѣ недававшаго хода по службѣ и забиравшаго время отъ времени ея стольниковъ къ себѣ, безъ замѣны другими. Ей пожалуй во вдовствѣ много услуженій было и не надобно, но слишкомъ безцеремоннымъ обрѣзываніемъ двора ея наносилось ея лицу оскорбленіе. Такъ и принимала царица Наталья это и другія выходки окружавшихъ ея пасынка. Хилый и болѣзненный, онъ между тѣмъ чахнетъ да сохнетъ—и на 22 году жизни въ апрѣлѣ 1682 г. умираетъ. Патріархъ и бояре наиболѣе вліятельные выбираютъ на престолъ десятилѣтняго царевича Петра, обойдя стороною брата Ивана. Наталья Кириловна вновь выступаетъ для занятія первостепенной роли въ Москвѣ, вызываетъ Матвѣева, окружаетъ себя близкими родными; но въ то время, когда ея правительство сбирается, дѣйствуетъ, интриги царевны Софьи, третьей дочери царя Алексѣя, подготовляютъ Стрѣлецкій бунтъ (15 мая), и она путемъ убійства родныхъ и друзей царицы матери достигаетъ власти, заставивъ выбрать старшаго брата Ивана царемъ, а Петра ему соцарственникомъ. Человѣкъ у котораго не притуплено чувство—легко представитъ себѣ весь ужасъ положенія 31-лѣтней царицы Натальи въ страшные дни убійствъ 15—17 мая, когда Матвѣева на глазахъ ея бросили на копья изверги, братьевъ Ивана и Афонасія Кириловичей растерзали, какъ лютые звѣри, на порогѣ церкви, заставивъ отца постричь. Послѣ этихъ ужасовъ начинается замѣчательное правленіе царевны, во время котораго не разъ покушаются на жизнь Петра, предполагая прежде умертвить мать-государыню. Сторонники жаждущей царскаго вѣнца царевны не разъ заявляютъ сожалѣніе, что не *покончили* съ царицею Натальей въ одинъ разъ съ братьями. Но мало по малу, годъ за годомъ, летитъ крылатое время, унося невозвратно грозную пору страховъ и осторожности. Петръ Алексѣевичъ уже достигъ 17 лѣтъ, окружилъ себя потѣшными и заградилъ доступъ къ себѣ въ Преображенское, грудью тысячи людей преданныхъ. Царица Наталья спѣшитъ женить его, выискавъ въ преданномъ ей постоянно семействѣ Лопухиныхъ, красавицу Наталью Иларіоновну. Браку сынъ не противится—и 27 января 1689 г. царица вдова совершаетъ его. Тутъ ужъ правительница начинаетъ приготовляться покончить съ младшимъ братомъ и всей родней его по матери,—но другой дуетъ вѣтеръ, иныя мысли занимаютъ ужъ стрѣльцовъ, прежде покорныхъ орудій ея замысловъ. Она колеблется, отмѣняетъ рѣшенное, опять приказываетъ, назначаетъ рѣшительно ночь 7 августа на совершеніе кроваваго дѣла, — но Петръ, предупрежденный объ опасности стрѣльцами же, уѣхалъ въ стѣны крѣпкой Троицкой Лавры, и оставшись въ ней, доводитъ до конца борьбу съ правительницею — удаливъ ее. Наступаетъ для царицы-матери

Внутренность далматской хижины.

пора отдыха. Она оживаетъ духомъ. Удерживаетъ предпріятливаго сына отъ его дальнихъ разъѣздовъ, хотя не надолго. Видя безполезность удержки, мать уступаетъ и сама показывается интересующеюся затѣями Петра. Ѣдетъ съ нимъ въ Переславль полюбоваться флотомъ на Трубежской верфи и возвращается оттуда довольная но утомленная до болѣзни. Оправившись къ зимѣ, снова веселится, раздѣляя радости сына объ успѣхѣ дѣла. За спускъ фейерверка (21 февр.) даритъ вѣнценосному юношѣ такъ дорого цѣнимый имъ мундиръ Преображенскаго сержанта. Лѣтомъ же отпускаетъ его въ Архангельскъ, заботливо наказывая не подвергаться опасности плаваньемъ по бурному морю.

Петръ даетъ слово въ Москвѣ, но въ Архангельскѣ не можетъ утерпѣть, чтобы не пуститься съ голландскими купеческими кораблями въ неизвѣданную имъ еще пучину, на сѣверъ. Триста верстъ пролетѣли незамѣтно для царственнаго пловца. За рѣкою Полоемъ, онъ однако, хоть и со вздохомъ, поворачиваетъ обратно; однако, выйдя на берегъ, чувствуетъ новое искушеніе. А мать, безпокоясь о долгомъ пребываніи сына-государя, шлетъ письмо за письмомъ. Онъ проситъ позволить еще немножко, дожидаясь прихода кораблей изъ Голландіи.—«Какъ онѣ будутъ, я, искупя, что надобѣть, поѣду тотчасъ день и ночь». Посылая вдаль свои горячія благословенія, царица Наталья ждетъ исполненія обѣщанія сына и видитъ его въ своихъ объятіяхъ въ день покрова Богородицы. Все забыто. Она счастлива, что ненастливая осень удерживаетъ сына-непосѣду въ его любимой токарнѣ за блоками, но рѣдко видитъ его, не пеняя на его недосуги. Слышитъ, по временамъ, что пируетъ царь Петръ Алексѣевичъ съ своей обычной кумпаніей и добродушно помалчиваетъ при немъ, что ей извѣстны его подвиги въ Нѣменкой слободѣ. Но вотъ пришли святки. Царь-юноша начинаетъ поговаривать, что ему нужно ѣхать недалеко. Мать не прекословитъ, только что-то вздыхаетъ и порой утираетъ слезы, поглядывая на своего возлюбленнаго первенца. И Петра томитъ какое-то тяжелое предчувствіе да тоска, причины которой онъ прибрать не можетъ. Января 20-го 1694 г. узнаетъ государь, что матушка немного недомогаетъ; слегла въ постель, но— это часто бывало съ нею; легкое нездоровье, день-другой и... пройдетъ. Петръ I-й сидитъ у ея постели скучный, она веселитъ его, спрашиваетъ, далеколь поѣдетъ 25-го числа. Сынъ завѣряетъ, что ненадолго и недалеко—и успокоивается, получая отъ врачей донесенія о несуществованіи опасности. Вотъ и день отъѣзда. Молодой монархъ, уѣзжая къ матери прощаться, велитъ своему вѣрному генералу Гордону подождать его... скоро будетъ. Но часы летятъ—нѣтъ царя. Является наконецъ въ слезахъ. «Умираетъ матушка—никакой надежды. Не ѣду!»

И опять къ одру болящей, въ 8 часовъ вечера переставшей уже жить и страдать, на 48 году жизни, такъ много выстрадавъ и проливъ слезъ черезъ золото царскаго вѣнца.

По этикету византійскому, царившему при дворѣ московскомъ, на слѣдующій день Вознесенскій монастырь принялъ въ свою усыпальницу царицъ новую гостью.

Петръ I, идя за гробомъ и во все время службы, плакалъ навзрыдъ. Горькій плачь царя и крайняя печаль мѣшали ему выходить три дня изъ комнаты. Недоступный, онъ предавался святой горести потери матери, какъ сынъ. Вечеромъ на третій день увидѣли государя входившимъ къ Лефорту, на обычное собраніе всей компаніи. Онъ молчалъ только, и улыбка не освѣщала его грустнаго лика. На утро царь пересилилъ себя—принялся за дѣло и прежде всего написалъ одному изъ ближайшихъ друзей, Ѳ. М. Апраксину, въ Архангельскъ.

«Ѳедоръ Матвѣичъ! Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю. О ней же подробно писать рука моя не можетъ, купно и сердце. Обаче воспомнная апостола Павла: *яко же не скорбѣти о таковыхъ* и Ездры: *еже не возвратите день, иже мимо иде*, сія вся елико возможно, разсуждаю, яко всемогущему Богу и всяко волю свою творящу».

Самъ утѣшался сознаніемъ, что мать его была *страдалица* въ жизни, одна изъ тѣхъ, на кого мѣтилъ апостолъ Павелъ. Сознаніе сына можетъ подтвердить исторія, не отыскивающая никакихъ пятенъ ни въ частной, ни въ общественной жизни Натальи Кириловны, всѣмъ благодѣтельствовавшей, кому только могла она. Не мстила эта государыня и тѣмъ, чья слѣпая злоба заставила обливаться кровью ея сердце при видѣ гибели братьевъ и благодѣтеля—Матвѣева.

Къ этой характеристикѣ матери Петра I-го—достойной вполнѣ такого сына и понимавшей его лучше всѣхъ, можетъ быть, прибавимъ развѣ, что царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, — вообще очень благочестивой, но не суевѣрной,—принадлежитъ *починъ освобожденія русской женщины* изъ подъ непроницаемыхъ покововъ и затворовъ, съ выводомъ ея на свѣтъ Божій. Еще при жизни супруга, она стала лично принимать ближнихъ людей въ день своего тезоименитства. Сама раздавала имянинные пироги, принимала участіе въ заведеніи сценическихъ зрѣлищъ и любила смотрѣть на церемоніальные въѣзды посланниковъ. А живучи во вдовствѣ, ѣздила по Москвѣ совсѣмъ открыто и допускала къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ до нея надобность. Такъ что образъ ея въ памяти москвичей сохранился не смутный, а ясный и полный.

П. П—въ.

Внутренность далматской хижины.

Небольшой народъ, который отважился сопротивляться могущественной державѣ посредствомъ оружія, и соблазнившись обманчивой надеждой, продолжалъ эту борьбу долѣе чѣмъ ожидали, заслуживаетъ полнаго вниманія даже и послѣ своего покоренія.

Оставляя въ сторонѣ военные подвиги далматовъ, съ которыми желающіе могутъ познакомиться изъ исторіи, мы заглянемъ посредствомъ прилагаемаго при этомъ рисунка въ домашній бытъ этого народа, посмотримъ какъ онъ живетъ,—и это, само уже по себѣ наглядное, изображеніе культуры сразу познакомитъ насъ съ той степенью цивилизаціи, на которой стоятъ обитатели подобныхъ домовъ.

Совмѣстное жительство властелина созданія, человѣка, и самаго послѣдняго изъ четвероногихъ—сейчасъ же показываетъ намъ, что нерадѣніе и грязь здѣсь у себя дома.

Но прежде чѣмъ вдаваться въ подробности касательно внутренности, взглянемъ сперва на наружность. Домъ далмата строится въ каменистыхъ мѣстностяхъ изъ камня, а въ ровныхъ и лѣсистыхъ странахъ отчасти изъ глины, а отчасти изъ дерева. Послѣдняго рода дома стоятъ даже наполовину въ землѣ. Всѣ они покрыты маисовой соломой, а крыши у нихъ такъ высоки и остры, что ихъ можно сравнить съ индѣйскими хижинами. Деревня съ подобными домами издали производитъ тоже самое впечатлѣніе, что и индѣйское селеніе.

Главная обстановка дома или хижины состоитъ изъ одного или двухъ ларей и нѣсколькихъ бочекъ. Одна изъ нихъ представляетъ собою неистощимую капустную кадку, и происходящіе отъ броженія въ ней капусты пары еще болѣе портятъ и безъ того уже не совсѣмъ-то пріятную атмосферу; вторая заключаетъ въ себѣ соленую свинину, а третья — неизбѣжную водку, которая наполняетъ также и стоящіе кругомъ глиняные сосуды и бутылки, только приправленная различными кореньями, фруктами и сокомъ растеній для разнообразія.

Въ серединѣ комнаты, часто единственной во всемъ домѣ, лежитъ на полу нѣсколько камней — это очагъ; здѣсь разводится огонь, варится и жарится въ спускающемся съ потолка котлѣ.

Козы и свиньи раздѣляютъ это помѣщеніе съ хозяевами,—и можно себѣ представить, какая образуется поэтическая атмосфера отъ всѣхъ этихъ испареній, дыма, кушаньевъ и напитковъ.

А между тѣмъ, этотъ народъ не лишенъ поэтическаго чувства. У нихъ есть пѣсни, меланхолическій строй которыхъ свидѣтельствуетъ о славянскомъ происхожденіи. «Гусли», сербская скрыпка, въ большомъ ходу, и «гусляръ»—часто встрѣчаемое и съ удовольствіемъ принимаемое явленіе. Женщины слушаютъ и прядутъ, а мужчины хватаются при героическихъ пассажахъ за оружіе. Они едва-ли снимаютъ его совсѣмъ даже дома, а выйдти безъ оружія считается у нихъ позорнымъ. Они носятъ по два и болѣе пистолета за поясомъ и длинное ружье. Такое же оружіе развѣшивается у нихъ и по стѣнамъ, въ видѣ главнаго украшенія. Что женщина занимаетъ чрезвычайно подчиненное положеніе — это, при подобной степени культуры, само собою разумѣется. Попъ то и дѣло что входитъ да выходитъ изъ хижинъ, но часто и онъ такъ же мало смыслитъ грамотѣ, какъ и хозяинъ дома. Для народа съ такими отличными природными способностями основательная культура особенно желательна.

Санктпетербургская биржа.

Приступая къ описанію Санктпетербургской Биржи, мы считаемъ не лишнимъ бросить сперва бѣглый взглядъ на исторію и значеніе Биржи вообще.

Биржей (по фр. *bourse*, по нѣм. *Börse*, по англ. *exchange*, *change*, по ит. *borsa*, по гол. *beurs*) въ большихъ торговыхъ городахъ называется зданіе, гдѣ собираются въ опредѣленное время негоціанты, экспедиторы, шкипера, судохозяева, страховщики, маклера, агенты и спекулянты для нужныхъ по торговымъ оборотамъ свѣдѣній, для переговоровъ и сдѣлокъ, и тутъ-то устанавливаются цѣны на кредитные билеты и товары. Названіе Биржи нѣкоторые производятъ отъ имени одного фламандца Фанъ-деръ-Бёрзе, жившаго въ Брюгге, въ домѣ котораго собиралось купечество; другіе же отъ трехъ кошельковъ (*Börsen*), изображенныхъ надъ дверьми первой Биржи въ Амстердамѣ. Нѣчто подобное Биржѣ мы встрѣчаемъ еще въ древнемъ Римѣ, гдѣ собирались для заключенія различныхъ дѣлъ въ такъ-называемомъ *Tanus medius*, на форумѣ. Но хотя коммерческіе центры существовали еще въ началѣ среднихъ вѣковъ, такъ какъ для закупокъ товара купцы съѣзжались обыкновенно въ наиболѣе значительныя торговыя мѣста, тѣмъ не менѣе этотъ родъ купеческихъ дѣловыхъ сношеній получилъ правильное устройство только въ XVI столѣтіи (прежде всего въ Голландіи и Франціи), а вмѣстѣ съ этимъ и самое установленіе стало впервые называться Биржею. Биржа заняла мѣсто прежняго товарнаго штапеля (склада), когда товары продавались только по приходѣ ихъ на рынокъ, пользовавшійся правомъ штапеля—и притомъ только такимъ образомъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ торговыхъ и ярмарочныхъ дней, правомъ первенства въ покупкѣ за ту же цѣну пользовались одни только граждане штапельнаго мѣста. Именно въ Антверпенѣ, который вмѣстѣ съ Брюгге возвысился до степени главнаго штапельнаго мѣста, непосредственная покупка изъ рукъ въ руки уступила мало-по-малу мѣсто покупкѣ по заказу, что положило основаніе товарной Биржѣ, которая появилась впервые въ Антверпенѣ, Лондонѣ и Гамбургѣ. Много позже нашло себѣ доступъ это учрежденіе внутри Германіи, гдѣ оно появилось мало-по-малу сперва только во Франкфуртѣ на Майнѣ, а болѣе обширные размѣры приняло не прежде какъ къ концу XVIII столѣтія; точно такъ же какъ и въ ганзейскихъ городахъ, гдѣ это учрежденіе было введено еще прежде, оно получило самостоятельность и болѣе важное значеніе въ торговомъ мірѣ только тогда, когда эти города, переставъ зависѣть отъ Англіи и Голландіи, завели свою собственную морскую торговлю и пріобрѣли, вслѣдствіе этого, то вліяніе на торговыя дѣла, которое теперь неразлучно съ идеею Биржи. Чѣмъ живѣе становилось, вслѣдствіе развитія морской торговли, торговое движеніе,—чѣмъ болѣе увеличивались его размѣры,—тѣмъ болѣе стали колебаться цѣны, въ особенности на тѣ продукты, которые обусловливаютъ скорость потребленія. А такъ какъ Биржа единственное мѣсто, гдѣ скорѣе и вѣрнѣе всего узнаются цѣны на товары, что доставляетъ возможность извлечь болѣе или менѣе значительную пользу посредствомъ своевременной закупки или продажи этихъ товаровъ,—то это учрежденіе все болѣе и болѣе должно было привлекать къ себѣ сочувствіе торговаго міра. Не менѣе этого способствовало развитію этого учрежденія и появленіе государственныхъ обязательствъ (ассигнацій), вызванное увеличеніемъ государственныхъ долговъ, а также образованіе большихъ промышленныхъ обществъ, акціи которыхъ сдѣлались предметомъ биржеваго торга. Приводя, при возвышеніи и паденіи цѣнъ на товары и кредитные билеты, въ соприкосновеніе заинтересованныя лица, Биржа собираетъ ихъ переговоры въ одно цѣлое, и служитъ центромъ, откуда они могутъ видѣть на-

стоящее положеніе дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и контролировать всё вообще биржевыя дѣла. Это послѣднее находится въ рукахъ биржеваго начальства и происходитъ, большею частію (въ особенности, въ отношеніи цѣнъ), на основаніи сообщеній, дѣлаемыхъ уполномоченными на это лицами или маклерами. Польза Биржи, какъ центра торговой дѣятельности и торговаго учрежденія, такъ очевидна, что насчетъ этого не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Посѣщеніе Биржи знакомитъ негоціанта въ самомъ скоромъ времени со всѣми происшествіями торговаго міра, соприкосновенными его интересамъ, поддерживаетъ его сношенія съ другими негоціантами и доставляетъ ему возможность спокойно обозрѣвать различныя теченія и колебанія въ области торговли. Коммиссіонеръ, которому поручена закупка товара, находитъ на Биржѣ предложеніе этого товара; банкиръ, желающій продать или скупить векселя, можетъ сдѣлать на Биржѣ то и другое; спекулирующій фондами встрѣчаетъ здѣсь покупщиковъ и продавцевъ денежныхъ документовъ; судохозяинъ находитъ здѣсь грузъ для своего корабля, а шкиперъ — пассажировъ; ищущій ассекураціи можетъ заключить сдѣлку съ ассекураторомъ. Касательно цѣнъ на товары, количества заготовленнаго товара, предложенія, спроса, положенія дѣлъ, и т. п. всего вѣрнѣе и скорѣе узнается на Биржѣ, на которой прежде всего отражается все что́ имѣетъ вліяніе на ходъ торговли и которую сейчасъ же оффиціальнымъ путемъ увѣдомляютъ о политическихъ событіяхъ, приходѣ и отходѣ кораблей, кораблекрушеніяхъ перемѣнахъ въ таможенномъ и торговомъ законодательствѣ, банкротствахъ, и т. п. Но какъ отдѣльныя отрасли торговли имѣютъ свои собственные рынки, точно также и биржевая дѣятельность раздѣляется на нѣсколько отраслей, для которыхъ устраиваются особенныя помѣщенія. Такимъ образомъ въ Лондонѣ, кромѣ королевской Биржи (*royal exchange*) для товаровъ и векселей, существуетъ еще Биржа для государственныхъ бумагъ (*stock exchange*), Биржа для иностранныхъ фондовъ (*foreign stock exchange*), Биржа для зерноваго хлѣба (*corne xchange*), Биржа для угля (*coal exchange*) и Биржа для судоходства и страхованія, извѣстная подъ именемъ *Lloyd*. Точно такія же отдѣльныя Биржи для различныхъ отраслей торговли и промышленности существуютъ и въ нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ государствахъ. Въ Россіи, кромѣ санктпетербургской, есть еще Биржи въ Москвѣ, Одессѣ, Таганрогѣ, Архангельскѣ и Ригѣ. Санктпетербургская Биржа—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Европѣ биржъ, какъ по обширности своихъ оборотовъ, такъ и по красотѣ зданія, и съ нею-то именно мы и намѣрены познакомить нашихъ читателей.

Сѣверовосточная часть Васильевскаго острова, называемая *Стрѣлкою*, обведенная прекрасною гранитною набережною, образующею обширный полукругъ, съ пологими по обѣимъ сторонамъ спусками и двумя возвышающимися по краямъ полукруга ростральными маяками, чрезвычайно живописна. Здѣсь ясно выказываются колоннады прекраснаго биржеваго зданія, какъ древній храмъ стоящаго на гранитномъ подножіи, и расположенныя по сторонамъ его кладовыя, пакгаузы, портовыя строенія и таможня съ павильономъ и флагомъ на крышѣ. Все зданіе Биржи состоитъ изъ чрезвычайно обширнаго и высокаго зала, на весьма высокихъ погребахъ, съ покоями въ углахъ для маклеровъ и прочаго. Весною, при благопріятной погодѣ, Биржа служитъ здѣшнимъ жителямъ мѣстомъ для гулянья; рѣдкій кто не удѣлитъ свободнаго времени, чтобы побывать на Биржѣ и взглянуть на заморскихъ птицъ, разставленныхъ во множествѣ въ биржевомъ скверѣ и другихъ животныхъ, въ особенности различныхъ породъ собакъ, которые привозятся сюда для продажи.

Въ первое время основанія Петербурга, Биржа находилась на Петербургской сторонѣ, гдѣ нынѣ деревянный рынокъ, а въ 1735 г. перенесена была на Васильевскій Островъ. Въ 1784 г. на этомъ мѣстѣ начато было величественное зданіе Биржи по плану архитектора Гваренги и выведена гранитная лѣстница, но разныя обстоятельства не позволили продолжать работъ и уже въ 1804 г. Высочайше утвержденъ новый планъ архитектора Томона, которымъ въ 1811 году Биржа была открыта.

Биржевой годъ начинается съ 1-го мая. Биржа открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, ежели послѣдніе случаются не въ дни курсовые, съ 2-хъ до 5-ти часовъ пополудни, а съ 1-го ноября по 1-е февраля до 4-хъ часовъ; но въ первостепенные праздники Спасителя и въ 1-й день января Биржа считается закрытою, и курсовыя дѣла производятся наканунѣ. Курсовые дни бываютъ еженедѣльно два раза по вторникамъ и пятницамъ, т. е. накануне отправленія заграничной почты. Всякому позволяется придти на Биржу, но производить на ней коммерческія дѣла имѣютъ право банкиры, купцы первыхъ двухъ гильдій и мѣстные купцы 3-й гильдіи, торгующіе крестьяне по свидѣтельству 3-го рода, желающіе покупать на Биржѣ товары отъ русскихъ купцовъ первыхъ двухъ гильдій и крестьянъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ первыхъ двухъ родовъ и нѣкоторыя другія лица. При санктпетербургской и московской Биржахъ состоятъ биржевыя комитеты. Комитетъ имѣетъ обязанность надзирать за благочиніемъ биржевыхъ собраній, посредничествовать въ спорныхъ по торговлѣ дѣлахъ, распоряжаться хозяйственною частью, наблюдать за содержаніемъ биржеваго зданія и за правильнымъ производствомъ торговли при Биржѣ. Онъ состоитъ изъ предсѣдателя, городскаго головы, изъ трехъ членовъ купечества 1-й гильдіи и гофъ-маклера. Члены комитета именуются биржевыми старшинами. Городской голова и гофъ-маклеръ суть непремѣнные члены, члены же изъ купечества избираются биржевымъ купечествомъ 1-й гильдіи на 3 года съ зачетомъ городской службы. Сверхъ того избирается комитетомъ ежегодно три маклера для письменныхъ дѣлъ и разныхъ порученій. По дѣламъ, зависящимъ отъ усмотрѣнія и разрѣшенія высшаго начальства, комитетъ входитъ съ представленіемъ въ Департаментъ Внѣшней Торговли, а въ случаѣ особенной надобности и къ министру финансовъ. Каждый, желающій посѣщать Биржу, обязанъ внести въ комитетъ установленный приговоръ биржеваго купечества, сумму на содержаніе зданія и другія надобности. Всѣ и каждый, во время нахожденія въ биржевомъ собраніи, подчинены биржевому комитету и обязаны безпрерывно выполнять его законныя требованія. Внутренняя торговля находится вся почти въ рукахъ русскихъ купцовъ, но операціи по заграничному торгу производятся какъ русскими, такъ и иностранными купцами. Сбытъ нашихъ произведеній и заказы на доставку иноземныхъ произведеній дѣлаются иногда черезъ повѣренныхъ или коммиссіонеровъ. Всѣ товары,

привозимые оптомъ въ Петербургъ, прежде поступленія въ розничную продажу, бракуются или свидѣтельствуются въ качествѣ, раздѣляются на сорты нарочно-опредѣленными отъ правительства браковщиками. Для бракованія товаровъ, составляющихъ наиболѣе важные предметы торговли, устроены здѣсь складочные магазины или такъ-называемые *буяны*. Обороты на Биржѣ равняются своей обширностью первымъ европейскимъ Биржамъ, гдѣ торговля издревле утвердила свое первенство.

Санктпетербургская биржа.
Рисовалъ де-ла-Шарлери, гравировалъ Паннемакеръ.

Внутреннее обозрѣніе.

Ни въ чемъ, кажется, не отличаемся мы такъ рѣзко отъ иностранцевъ какъ въ способѣ веденія нашего сельскаго хозяйства. Проѣзжая по средней Германіи, въ направленіи отъ Берлина къ Франкфурту на Майнѣ, мимо тщательно обработанныхъ полей, съ прорытыми для стока воды канавками, съ растущими по краямъ ихъ ивами, каштанами и липами, мимо прекрасно-устроенныхъ шоссированныхъ проселковъ, наконецъ, мимо деревень, по своимъ постройкамъ и удобству не уступающимъ многимъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ, — невольно вспоминаешь о нашихъ бѣдныхъ истощенныхъ поляхъ, о родныхъ сѣрыхъ деревняхъ, тонущихъ въ грязи или занесенныхъ снѣгомъ. Это первое впечатлѣніе еще усиливается отъ болѣе близкаго знакомства съ характеромъ сельскаго хозяйства за границею. Прежде всего, васъ тамъ поражаетъ умѣнье пользоваться каждымъ клочкомъ земли для извлеченія изъ него извѣстной выгоды. Пустопорожнихъ

мѣстъ тамъ нѣтъ и въ поминѣ: все занято разнаго рода насажденіями, начиная отъ винограда, покрывающаго каменистые склоны горъ, и кончая картофелемъ, разводимымъ гдѣ ни попало. Густоживущее населеніе дорожитъ каждымъ квадратнымъ футомъ земли, и потому строитъ свои дома въ два и три этажа, чтобы только выгадать нѣсколько аршинъ подъ огородъ или поле. Во многихъ мѣстахъ, хлѣва и загоны для скота помѣщаются не въ отдѣльныхъ строеніяхъ, какъ у насъ, а въ нижнемъ этажѣ жилыхъ домовъ. Выгонныхъ мѣстъ, почти не существуетъ; луговъ очень мало, а между тѣмъ травы и сѣна—болѣе чѣмъ достаточно. Это послѣднее обстоятельство совершенно противоположно нашимъ сельско-хозяйственнымъ порядкамъ и составляетъ для насъ новый предметъ удивленія. Но что особенно рѣзко бросается въ глаза русскаго путешественнику за границей, такъ это тамошній рабочій скотъ, поражающій васъ не только своею крупною породистостью, но и сытымъ, здоровымъ видомъ. Изслѣдуя ближе заграничное сельское хозяйство, мы находимъ въ немъ слѣдующія особенности, отличающія его отъ нашего: во 1-хъ, вмѣсто трехпольной системы, господствующей у насъ повсемѣстно, находимъ тамъ систему многопольную, съ болѣе или менѣе правильнымъ сѣвооборотомъ; во 2-хъ, при существованіи многопольной системы, и при недостаткѣ луговъ, тамъ введено травосѣяніе; и въ 3-хъ, на удобреніе полей, благодаря хорошему скотоводству и знакомству съ землеудобрительными веществами, обращаютъ гораздо больше вниманія чѣмъ у насъ. Видимыми послѣдствіями всего этого являются: болѣе значительные урожаи, улучшенное скотоводство и выигрышъ въ трудѣ при обработкѣ земли. Обращаясь къ нашему сельскому хозяйству, мы видимъ въ немъ совершенно противоположное заграничному: наша трехпольная система дѣлаетъ то, что третья часть пахатной земли ежегодно находится подъ паромъ, т. е. «отдыхаетъ» не засѣянная, чего можно было бы избѣжать при хорошемъ, регулярномъ удобреніи земли; удобреніе такого же рода, какъ извѣстно, возможно только при обиліи домашняго скота, а это послѣднее въ свою очередь обусловливается обиліемъ корма, которое можетъ быть достигнуто травосѣяніемъ. Сѣно получается у насъ съ луговъ и то у однихъ только помѣщиковъ; большинство же крестьянскихъ хозяйствъ вовсе лишено луговой земли. О травосѣяніи знаютъ только по наслышкѣ. Наконецъ, удобреніе вывозится на поля только для успокоенія совѣсти. Не говоря уже о крестьянахъ, которымъ простительно даже полное незнаніе основныхъ агрономическихъ свѣдѣній, но и наши такъ-называемые образованные хозяева—и тѣ ведутъ свое дѣло по старинѣ, съ пріемами, оправдываемыми давностью, но не наукою. Напр. хоть-бы удобреніе полей, основанное на блистательно-доказанномъ Юстусомъ Либихомъ законѣ возмѣщенія того, что берется у поля ежегодною жатвою, — ужь какая, кажется, не замысловатая истина! Но много-ли найдется у насъ такихъ хозяевъ, которые придавали бы ей надлежащее значеніе? Такихъ хозяевъ у насъ можно по пальцамъ перечесть. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что поля наши съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе истощаются, давая только отъ самъ-$2^1/_2$ до самъ-$1^1/_2$ урожая, что крестьяне продолжаютъ вывозить навозъ на берега рѣкъ и озеръ, чтобы въ одно и то же время отравлять воду и лишать себя хлѣба. Общій голосъ твердитъ, что земли истощаются, что получаемое зерно легковѣсно до такой степени, что четверть его, вмѣсто 9 пудовъ, вѣситъ $7^1/_2$, что и на стебель хлѣбъ выходитъ неудовлетворителенъ и не годится даже на солому; а между тѣмъ все идетъ по старому и объ улучшеніи въ самой системѣ землевоздѣлыванія даже и не помышляютъ.

Весьма рѣдко приходится слышать о той или другой практической мѣрѣ, предпринимаемой земствомъ или какимъ нибудь сельско-хозяйственнымъ обществомъ для улучшенія нашего сельскаго хозяйства, но тѣмъ большую цѣну имѣютъ онѣ въ глазахъ нашихъ. На такія-то частныя, единичныя мѣры мы и намѣрены указать читателямъ въ настоящій разъ. Галичская земская управа (Костромской губ.), напримѣръ, принявъ участіе въ бѣдственномъ положеніи крестьянскихъ хозяйствъ, предложила собранію выписку хлѣбныхъ сѣмянъ, моделей и разныхъ земледѣльческихъ орудій, которыя можно было бы предложить хозяевамъ; но земское собраніе отпустило на этотъ предметъ только 200 р., на которые, разумѣется, ничего замѣтнаго сдѣлать нельзя. Нѣкоторыя изъ земскихъ собраній обратили вниманіе на важный вопросъ о мѣрахъ къ улучшенію скотоводства и съ этою цѣлью сдѣлали распоряженіе о томъ, чтобъ облегчить для крестьянъ привозъ кобылъ для случки съ казенными жеребцами. По словамъ «Голоса», нѣкоторые землевладѣльцы Тамбовской губерніи задумали учредить сельско-хозяйственный и торговый клубъ. Этотъ клубъ будетъ устраивать выставки, назначать преміи за сочиненія по сельско-хозяйственнымъ и торговымъ вопросамъ. Гораздо дальше идутъ наши провинціальные сельско-хозяйственные съѣзды, которые, не ограничиваясь однимъ обмѣномъ мыслей по разнымъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, перешли отъ словъ къ дѣлу и мало-по-малу стали вводить улучшенія въ хозяйства частныхъ владѣльцевъ. Новгородская губернія и въ этомъ случаѣ оказалась передовою: въ минувшемъ и нынѣшнемъ году тамъ были сельско-хозяйственные съѣзды въ двухъ уѣздахъ: Крестецкомъ и Боровичскомъ. Первый изъ нихъ обратилъ вниманіе на посѣвныя сѣмена; собравъ на 100 р. хорошихъ сѣмянъ, съѣздъ роздалъ ихъ лучшимъ хозяевамъ, съ тѣмъ, чтобы они произвели опытные посѣвы. Боровичскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ, подъ предсѣдательствомъ президента Вольнаго Экономическаго Общества, князя А. А. Суворова, собирался въ нынѣшнемъ году въ мартѣ мѣсяцѣ и въ прошедшемъ—въ сентябрѣ. Въ числѣ затронутыхъ вопросовъ былъ, между прочимъ, возбужденъ вопросъ объ удобреніи известью, поднятый присутствовавшимъ на съѣздѣ крестьяниномъ Михайловымъ, который заявилъ, что на тѣхъ поляхъ, черезъ которыя ему, занимающемуся выжиганіемъ извести, приходилось возить этотъ матеріялъ, яровой хлѣбъ родился лучше чѣмъ на остальныхъ. Приписывая это вліянію просыпавшейся извести, онъ предложилъ въ распоряженіе съѣзда 500 пудовъ извести для произведенія опытовъ надъ удобреніемъ этимъ минеральнымъ веществомъ. По просьбѣ съѣзда, покойный профессоръ Рейхель разъяснилъ значеніе этого удобренія, и привелъ въ подтвержденіе тотъ фактъ, что прежде десятина поля, засѣяннаго горохомъ, давала ему валоваго дохода 25 р.; а та же десятина при известковомъ удобреніи даетъ 60 р. Послѣ того, имъ указано было значеніе костянаго удобренія, удобренія золою, гипсомъ и алебастромъ. Отдано было преимущество удобренію костянымъ порошкомъ и золою, которыя годятся для всякой почвы и подъ всякій хлѣбъ. Въ нынѣшнемъ году, на Боровичскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ обращено было вниманіе на камни, которыми во множествѣ усѣяны новгородскія поля; затронутъ вопросъ объ осиновыхъ крышахъ, которыя могли бы принести большую пользу при постройкѣ сѣнныхъ сараевъ. Шла также рѣчь объ употребленіи различныхъ отбросовъ, причемъ было заявлено, что въ настоящее время возникаютъ двѣ компаніи для приготовленія искуственныхъ туковъ. Одна изъ нихъ, открывающаяся въ Москвѣ, имѣетъ цѣлью утилизацію (употребленіе въ дѣло) городскихъ нечистотъ и обѣщаетъ доставлять туки (удобрительныя вещества) самые дешевые. Въ числѣ удобрительныхъ веществъ, которыя съ внутренними достоинствами соединяютъ и дешевизну, указываютъ на фосфоритный камень, залегающій на пространствѣ между рѣками Десной (притокъ Днѣпра) и Волгой, а также въ губерніяхъ: Нижегородской, Харьковской, Каменецъ-Подольской, Волынской и другихъ. По словамъ г. Тимашева, напечатавшаго объ этомъ предметѣ статью въ «С.-Петерб. Вѣдом.», въ точно обслѣдованномъ до настоящаго времени пространствѣ этого минерала содержится болѣе 1,000 милліардовъ пудовъ, отъ 100 до 600 тыс. пудовъ на десятину. По своему составу, это минеральное вещество представляетъ одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ удо-

бреній и можетъ увеличить урожай болѣе чѣмъ въ 6 разъ. Такимъ образомъ, мы не можемъ жаловаться на недостатокъ удобрительныхъ веществъ, въ которыхъ такъ сильно нуждаются наши поля. Дѣло стоитъ за частной предпріимчивостью, которая должна взяться за дѣло собиранія этихъ веществъ, приготовленія изъ нихъ туковъ и за продажу по самой дешовой цѣнѣ, такъ чтобы этимъ самымъ сдѣлать ихъ доступнымъ и для малоимущихъ хозяевъ. Сельско-хозяйственныя бесѣды бываютъ также и въ Рыбинскѣ, Ярославской губерніи. Корреспондентъ «Петерб. Вѣдомостей» сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ одной изъ нихъ, бывшей 20-го сентября въ помѣщеніи тамошней земской управы. На этой бесѣдѣ г. Бландовъ прочелъ записку объ артельномъ сыровареніи въ Рыбинскомъ уѣздѣ за 1870 г. Оказывается, что въ одномъ этомъ уѣздѣ четыре сыроварни. Всѣ вмѣстѣ онѣ выработали въ прошломъ году около 900 пудовъ сыра, по 8 р. за пудъ. Сбытъ его производится въ Петербургъ и на Нижегородскую ярмарку; на будущій годъ предполагаютъ открыть еще складъ въ Москвѣ. Всѣхъ сыроварень въ Ярославской губерніи десять, именно: въ Рыбинскомъ уѣздѣ 4, въ Пошехонскомъ — 3, въ Любимскомъ—2 и въ Мологскомъ—1. Сыровареніе на всѣхъ ведется по голландскому способу, какъ наиболѣе дешовому. Вообще, этотъ новый родъ промышленности у насъ все болѣе и болѣе развивается. Не говоря уже о Тверской губерніи, гдѣ благодаря артельному началу и дѣятельности г. Верещагина, сыровареніе достигло блестящихъ результатовъ,—эта отрасль промышленности получила значительное развитіе и въ другихъ губерніяхъ, какъ напр. Калужской. Въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и во всемъ остальномъ, примѣръ много значитъ. Намъ неоднократно приходилось убѣждаться въ этомъ, когда крестьяне, съ недовѣріемъ смотрящіе на всякія нововведенія въ хозяйствѣ болѣе просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ, спустя нѣсколько лѣтъ, сами приступили къ этимъ улучшеніямъ. Въ подтвержденіе достаточно указать на посѣвъ крестьянами клевера въ центральныхъ губерніяхъ и на посѣвъ ими свекловицы и табаку на югѣ. Въ прежнее время они чуждались этихъ растеній, находя ихъ выгодными почему-то для однихъ только помѣщиковъ; теперь же ими пользуются уже во многихъ мѣстахъ.

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на этихъ частныхъ попыткахъ ввести въ наше сельское хозяйство идеи и стремленія, основанныя на научныхъ выводахъ, и тѣмъ предупредить его окончательный упадокъ. Оказывается, что весь вопросъ, этотъ гамлетовскій вопросъ нашего сельскаго хозяйства, сводится къ тому простому рѣшенію, что такъ-какъ упадокъ нашихъ хозяйствъ главнѣйшимъ образомъ происходитъ отъ истощенія полей, то необходимо отыскать источникъ изобильнаго и дешеваго удобренія, которое по цѣнѣ было бы доступно всѣмъ вообще сельскимъ хозяевамъ. Источникъ этотъ, съ одной стороны, находится у насъ подъ бокомъ (навозъ и всевозможные отбросы и нечистоты въ городахъ и селеніяхъ), а съ другой—безъ всякой пользы топчется нашими ногами (фосфоритный камень, известь и пр.). При этомъ не надо упускать изъ виду, что въ этомъ отношеніи мы имѣемъ значительное преимущество передъ западно-европейскими хозяевами, въ особенности же передъ англичанами, которые удобреніе для своихъ полей должны получать изъ другой части свѣта, за тридевять земель, въ видѣ дорогаго американскаго гуано (пометъ морскихъ птицъ) и не менѣе дорогихъ компостовъ (искуственные туки). Было бы, слѣдовательно, съ нашей стороны крайне непростительно — не воспользоваться этими новыми богатствами нашей почвы, которыми, какъ оказывается, весьма щедро надѣлила ее природа.

О другихъ причинахъ упадка нашего сельскаго хозяйства предоставляемъ себѣ поговорить въ одномъ изъ слѣдующихъ обозрѣній.

Политическое обозрѣніе.

Не одно только католическое духовенство, болѣе или менѣе близко заинтересованное въ провозглашеніи догмата папской непогрѣшимости, возстаетъ противъ этого начала: еще большее сопротивленіе оказываютъ ему нѣмецкіе протестанты. Не желая оставаться въ настоящемъ случаѣ равнодушными зрителями, они созвали въ Дармштадтѣ конгрессъ (съѣздъ) представителей протестантскаго духовенства изъ Сѣверной Германіи, Пруссіи, Швейцаріи и другихъ странъ, и на этомъ конгрессѣ постановили—всѣми силами противодѣйствовать догмату папской непогрѣшимости и настаивать на изгнаніи іезуитовъ изъ Германіи. Первое рѣшеніе свое протестантскій съѣздъ объясняетъ тѣмъ, что догматъ о папской непогрѣшимости подкапывается подъ основы государства, подрываетъ свободу совѣсти и идетъ въ разрѣзъ съ просвѣщеніемъ и наукою. Постановляя второе рѣшеніе, съѣздъ показалъ, какое важное значеніе придаетъ онъ дѣйствіямъ іезуитовъ въ этомъ противорелигіозномъ, противозаконномъ и противоестественномъ стремленіи римской куріи; а потому и высказался за изгнаніе ихъ изъ Германіи. Въ особенности настаивали на томъ, чтобы іезуитовъ не допускать въ школы, гдѣ вредное вліяніе ихъ, какъ показываетъ исторія, обнаруживалось постоянно и съ большою силою. Хотя въ настоящее время іезуитамъ невозможно достигнуть даже десятой доли тѣхъ успѣховъ, какіе имѣли они въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда не только элементарныя школы, но даже коллегіи и университеты находились въ ихъ рукахъ, когда они ворочали властью, измѣняли законы, преслѣдовали все живое и пытливое, сожигали ненавистныя имъ сочиненія на площадяхъ черезъ палача, когда, наконецъ, самая жизнь и свобода людей находились въ ихъ рукахъ, — но нельзя отрицать, что ученіе ихъ можетъ еще найти для себя весьма благодарную почву въ неиспорченныхъ сердцахъ нѣмецкаго и французскаго крестьянства. Вотъ почему мы думаемъ, что опасенія протестантскаго и католическаго съѣздовъ въ настоящемъ случаѣ — не напрасны.

Неизвѣстно, будутъ-ли также не напрасны происки австрійскихъ централистовъ, которые ведутъ открытую и рѣшительную борьбу противъ славянскихъ народностей Австріи вообще, и противъ чеховъ и моравовъ въ частности. До сихъ поръ все еще нельзя предвидѣть исхода этой борьбы, хотя уступки дѣлаются съ той и другой стороны. Нѣмцы сильно разсчитываютъ на австро-венгерскую партію—и уже вошли въ соглашеніе съ предводителями венгровъ и успѣли условиться съ ними насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Дѣйствительно, если уже австрійскимъ нѣмцамъ разсчитывать на кого-нибудь изъ своихъ, такъ это на австро-венгровъ, интересы которыхъ въ настоящемъ дѣлѣ весьма близко соприкасаются съ нѣмецкими: обѣ эти народности до послѣдняго времени имѣли въ государствѣ преобладающее значеніе; какъ та, такъ и другая не хотятъ раздѣлить этого значенія ни съ какой другой изъ національностей Австрійской имперіи—и всякое стремленіе измѣнить настоящій порядокъ считаютъ нарушеніемъ конституціи. Областные сеймы, отъ которыхъ зависитъ выборъ членовъ въ австрійскій Рейхсратъ, а слѣдовательно и рѣшеніе вопроса объ уравненіи всѣхъ народностей и дарованіи многихъ правъ Чехіи, высказались на-двое: 8 областныхъ сеймовъ, именно: чешскій, моравскій, галиційскій, буковинскій, истрійскій, далматинскій, тирольскій и форальбергскій подали голосъ за политику министра гр. Гогенварта, т. е. за преобразованія, клонящіяся въ пользу славянскихъ народностей имперіи; 5 сеймовъ: верх-

не-австрійскій, нижне-австрійскій, штирійскій, каринтійскій и силезскій—высказались противъ министерства. Остальные 3 сейма не подали голосъ ни за, ни противъ преобразованій. Въ нѣкоторыхъ сеймахъ нѣмецкіе депутаты протестовали и, признавая собранія незаконными, оставили залу, что̀, впрочемъ, не помѣшало оставшимся членамъ постановить рѣшенія въ своемъ собственномъ интересѣ. Съ другой стороны, министерство гр. Гогенварта, не ожидавшее встрѣтить такую бурю со стороны нѣмцевъ и чувствуя, что—рано или поздно, а ему не сдобровать, употребляетъ всѣ усилія, чтобы провести свои проекты и достигнуть осуществленія завѣтной мысли всѣхъ славянъ. Ему приписываютъ напр. желаніе пріобрѣсти въ собственность главныя изъ нѣмецкихъ централистскихъ газетъ, чтобы такимъ образомъ перетянуть печать на свою сторону. Но нѣмцы будто-бы увидали его замыслы и рѣшили не подписываться ни на одну изъ газетъ, тайно или явно противодѣйствующихъ имъ, и даже не посѣщать тѣхъ публичныхъ мѣстъ, гдѣ подобныя газеты получаются.

Главнѣйшимъ событіемъ во Франціи за последнюю недѣлю представляется назначеніе слѣдственной коммиссіи надъ дѣйствіями высшихъ чиновъ арміи, сдавшейся на капитуляцію въ послѣднюю войну. Для составленія коммиссіи представлялось не мало затрудненій: нужно было составить ее изъ такихъ генераловъ, которые не были бы замѣшаны ни въ седанскомъ, ни въ мецскомъ дѣлахъ и которые не находились бы въ подобномъ положеніи гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ и при другихъ обстоятельствахъ. Первымъ изъ генераловъ явится на судъ Базэнъ, сдавшійся на капитуляцію въ Мецѣ, не доведя борьбу до конца. Противъ него имѣютъ весьма серіозныя обвиненія, такъ какъ доказано, что въ Мецѣ, во время сдачи его нѣмцамъ, оставалось еще продовольствія на 20 дней. Слѣдовательно, можно было продолжать борьбу еще три недѣли, а не предавать въ руки непріятеля цѣлую армію какъ какое-нибудь стадо барановъ. Вообще, французская армія сильно уронила себя во мнѣніи свѣта, чего не отрицаютъ и сами французскіе офицеры, доказывающіе, что паденіе военной славы Франціи началось еще съ похода въ Италію. Въ числѣ разныхъ нововведеній, предпринимаемыхъ военнымъ министромъ во Франціи, укажемъ на распоряженіе его, чтобъ офицеры парижскаго гарнизона собирались для бесѣдъ о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ нѣмецкой литературѣ (военной?). Собранія эти, кромѣ ознакомленія съ текущими событіями и изобрѣтеніями между нѣмцами, принесутъ еще ту пользу, что облегчатъ для французскихъ офицеровъ изученіе нѣмецкаго языка, которому они стали теперь учиться. Mieux vaut tard que jamais!

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 1 Октября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 41. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 11 октября 1871 года. **Годъ II.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

В. И. КЕЛЬСІЕВА.

(Продолженіе).

IV.

Мастеръ Гармсенъ.

Константинъ долго думалъ, какъ ему приступить къ исполненію даннаго ему Государемъ порученія,—и наконецъ, какъ истый, кровный ярославецъ, задумалъ повести дѣло по-тонку и съ подвохомъ. Онъ надѣлъ гвоздичнаго цвѣта кафтанъ, вышитый цвѣтами камзолъ, накрылъ голову трех-уголкой, и, помахивая тросточкой, двинулся изъ дому къ Галерному двору, стоявшему на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ дворецъ В. К. Николая Николаевича. Адмиралтейскій островъ представлялъ въ то время меньшую связность въ застроенныхъ пространствахъ, или лучше сказать, промежутковъ между застройками было больше и встрѣчались они чаще, чѣмъ на Городскомъ острову. Лучшія зданія оказывались по набережной отъ Почтоваго двора къ Адмиралтейству, гдѣ возведено было хотя и не совсѣмъ еще готовое для жилья двух-этажное каменное строеніе и начиналъ обдѣлываться свайною убойкою довольно уже поднятый берегъ. За передней каменной улицей скрывался лабиринтъ узкихъ переулковъ, со скученными маленькими постройками къ Мойкѣ, такъ-называемой Греческой слободы, гдѣ поселились чины галерной эскадры, большею частію греки и венеціяне.

За изгибомъ Мойки, у большой прешпективы дороги (нынѣшній Невскій проспектъ) и далѣе параллельно Адмиралтейству, вдоль по Мойкѣ къ самому Галерному двору тянулись четыре слободы нижнихъ морскихъ служителей, поперекъ пересѣкаемыя мѣстахъ въ 4-хъ или 5-ти переулками. Здѣсь было съ полдюжины кружалъ, изъ которыхъ Петровское было самымъ бойкимъ пунктомъ; тутъ во всѣ часы дня можно было найти никакъ не меньше десятковъ двухъ посѣтителей—всѣхъ наименованій чиновъ Адмиралтейскаго штата, начиная отъ рѣзчика, столяра или плотника, и оканчивая подмастерьемъ блоковаго дѣла; шелъ вѣчный промѣнъ, покупка за безцѣнокъ, чаще всего на водку, чего бы вы только пожелали—отъ принадлежностей и инструментовъ кораблестроительнаго дѣла до пестрой экипировки разнородныхъ націй, столкнутыхъ случаемъ на невскихъ берегахъ для службы или корысти. Между кружалами незамѣтно пріютились 4 или 5 подворьевъ, которыя служили пріютомъ для бездомныхъ скитальцевъ, прикрывавшихся рясою какъ послѣднимъ убѣжищемъ отъ преслѣдованій администраціи. Маленькія лавочки, чаще все-

го въ заборахъ, съ выложенными у входа образчиками товаровъ по съѣстной части, служили мѣстомъ минутнаго отдыха во время утоленія голода—требователей не особенно разборчивыхъ подъ условіемъ дешевизны. Въ австеріи и герберги посѣтителямъ этимъ заглядывать не приходилось за ограниченностью средствъ. Тутъ же въ линію было нѣсколько лавочекъ брадобрѣевъ и 2 или 3 ларя съ ветошью, выгодно сбываемой бѣднякамъ.

Осматривая все это и распрашивая дорогу, Константинъ скоро пришелъ къ Галерному двору. Часовой при входѣ на мостъ чрезъ каналъ, опоясывавшій все пространство двора съ мастерскими, даже не окликнувъ пропустилъ такого важнаго барина, и Константинъ очутился во дворѣ.

— Гдѣ здѣсь такелажная мастерская? спросилъ онъ перваго попавшагося работника.

— А тебѣ кого? переспросилъ тотъ, оглядывая Константина съ ногъ до головы.

— Да какъ у васъ тутъ мастера одного... какъ бишь его звать?.. Голанецъ онъ, хитрилъ Константинъ,—такъ я ему поклонъ принесъ...

— А, тебѣ самого Гарсина, перебилъ работникъ,— а вонъ онъ—гляди!

На крылечкѣ сидѣлъ самъ мастеръ Гармсенъ, въ полотняномъ бострогѣ, изъ подъ котораго выглядывала зеленая фланелевая фуфайка, и въ башмакахъ на босую ногу; на головѣ у него былъ бумажный колпакъ, а во рту неизмѣнная бѣлая глиняная трубка. Онъ читалъ Амстердамскіе куранты. У Константина мигомъ составился планъ кампаніи.

Онъ подошелъ къ Гармсену, помахивая палочкой и раза два стукнулъ ею по ступенямъ крылечка. Голландецъ поднялъ голову.

— Минъ-геръ! вскрикнулъ онъ, вскакивая и протягивая Константину обѣ руки.—Ка-ако-ой сча-астье! Какимъ судьба-а! Са-адись, са-адись! Эй, Иванъ—дуракъ—свинъ! крикнулъ онъ, обернувшись къ двери,—сича-асъ неси господинъ кружку пи-ива.

Иванъ—дуракъ—свинья былъ красивый парень, съ очень толковымъ лицомъ; онъ мигомъ, въ рубахѣ и босикомъ, шмыгнулъ точно мышь изъ дверей, куда-то исчезъ и проворно воротился съ кружкой, на которой разрисованы были какія-то птицы, а подлѣ нихъ деревья.

— Отшенъ радъ, отшенъ радъ, говорилъ мастеръ Гармсенъ, — что твой пришелъ; тебя вѣрно Царь посылалъ ко мнѣ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ спокойно и равнодушно Константинъ, чокаясь съ Гармсеномъ.—Просто-на-просто мнѣ сегодня нечего было дѣлать, погода хорошая, я гулять пошелъ; а такъ-какъ я недавно въ Петербургъ пріѣхалъ, то мнѣ и любопытно было посмотрѣть Галерный дворъ.

— Вида-алъ я въ ассамблеѣ, говорилъ мастеръ Гармсенъ, — какъ Царь твой любитъ; подъ руку съ тебѣ ходилъ. Долженъ будешь большой человѣкъ.

— Все отъ Бога, возразилъ политично Константинъ.

— Ты закусить не хочешь-ли? спрашивалъ голландецъ.—Мужикъ Иванъ! крикнулъ онъ,—давай сельде и скажи *ме фроу* Каролинѣ, чтобъ онъ тетерька сюда присылалъ.

— Да за чѣмъ же ты все это? возразилъ Константинъ.

— Нельзя, говорилъ Гармсенъ, чрезвычайно польщенный тѣмъ, что у него на крылечкѣ сидѣлъ царскій любимецъ.

— Какъ ты познакомилъ съ царемъ? не вытерпѣлъ онъ.

— Какъ познакомился? — да просто, отвѣчалъ Константинъ. — Зашелъ къ намъ его царское величество на вольный дворъ, разговорились, толковали о разныхъ дѣлахъ, обласкалъ меня и позвалъ къ себѣ на ассамблею.

Гармсенъ, для приданія себѣ храбрости въ такомъ дипломатическомъ разговорѣ съ загадочнымъ для него Константиномъ, выдулилъ свою кружку и опять съ ругательствомъ вызвалъ свинью Ивана, поручая ему принести можжевеловой водки, которую вздумалъ здѣсь садить аптекарь. Отъ водки Константинъ наотрѣзъ отказался. Мастеръ Гармсенъ сконфузился, что гость не пьетъ и клюнулъ стаканчика три этой хваленой водки мѣстнаго производства, которой изобрѣтатель приписывалъ разныя цѣлебныя свойства. «Постой», думалъ Гармсенъ: «я тебѣ развяжу языкъ».

И онъ послалъ шельму-Ивана принести *польанкерка секъ*, которую привезъ ему знакомый шкиперъ. Подчуя своего гостя и стараясь его выпытать, Гармсенъ, порядкомъ уже подвыпившій съ утра, не замѣчая, хмѣлѣлъ самъ; въ глазахъ у него все начинало двоиться; двѣ собаки лежали рядомъ на дворѣ; два глупыхъ Ивана шмыгали мимо, и ногъ у него было уже не двѣ, а четыре. Онъ сдѣлался невѣроятно разговорчивъ, и, забывъ разспрашивать своего гостя о его отношеніи къ царю, сталъ самъ о царѣ разсказывать и даже не по русски, а на родномъ языкѣ.

— Чтó это за человѣкъ, говорилъ онъ, — такой человѣкъ, ровно и на царя совсѣмъ не похожъ, или пожалуй можно такъ сказать, что онъ изъ всѣхъ царей царь. Вдругъ пріѣзжаютъ къ намъ въ Саардамъ шесть русскихъ—Саардамъ знаешь, минъ-геръ?—съ ними плотникъ, въ красной фризовой курткѣ и въ обыкновенныхъ бѣлыхъ штанахъ; шляпа лакированная; плотникъ высокій, сильный, усики маленькіе, волосы черные.—Ну, русскіе у насъ дѣло диковинное. Пріѣхали учиться корабельному дѣлу, размѣстились. Этотъ плотникъ поселился у корабельщика Геррита Киста, который прежде въ Москвѣ работалъ—и оказалось, что Петръ Михаиловъ съ Герритомъ былъ еще въ Москвѣ знакомъ. А увидались они такъ: Герритъ Кистъ на лодкѣ угрей ловилъ, а Петръ Михайловъ мимо прохаживалъ. Понимаешь? говорилъ окончательно охмѣлѣвшій Гармсенъ.

— Понимаю, отвѣчалъ Константинъ, не слушавшій чуждой ему болтовни и думая свое.

— Кистъ, какъ его увидалъ, такъ и призналъ. Какъ это русскій царь въ такомъ платьѣ идетъ? А онъ говоритъ Кисту: «я, говоритъ, у тебя остановлюсь».— Ну, тутъ что дѣлать — кто себѣ врагъ; цари хоть и плотниками прикидываются, да платятъ не какъ простые плотники. Домишка у Киста маленькій, въ двѣ комнатки, тутъ одна вдова у него жила. Кистъ побѣжалъ къ вдовѣ, далъ ей семь гульденовъ, чтобъ убиралась куда знаетъ, и пустилъ къ себѣ царя, а царь съ него зарокъ взялъ, чтобъ никому не говорилъ, кто онъ такой, — просто, Петръ Михайловъ. — Да ты, минъгеръ, пей, какъ это по русски говорятъ, «не обезсудь»! Простые мы плотники, работы ищемъ, говорилъ царь, покуда еще въ гербергѣ сидѣлъ, пока у Киста не очистилась квартира, всѣмъ кто спрашивалъ. Самъ на другой день пошелъ въ лавку къ вдовѣ Якуба Ома — плот-

ничьими инструментами торгуетъ. Корабельнымъ плотникомъ записался — Петромъ Михайловымъ, у Лииста Рогге въ Бейтен-Занѣ. Поработаетъ цѣлый день, такъ что вспотѣетъ лицо даже, пойдетъ въ гербергъ, выпьетъ что-нибудь, пива, водки, колбасы съѣстъ, сыру кусокъ, а не то по гостямъ пойдетъ, по тѣмъ же плотникамъ Саардамскимъ, которые сюда на Русь выѣхали. Я думаю, у нашихъ людей изъ роду въ родъ останется память о томъ, какъ русскій царь жилъ тамъ. Диву всѣ дались въ Саардамѣ. По всѣмъ фабрикамъ, по всѣмъ заводамъ ходитъ этотъ плотникъ, матросовъ разспрашиваетъ—и стóило только ему какое дѣло посмотрѣть, такъ сейчасъ всему выучится. Есть у насъ тамъ бумажная мельница, вывѣска у ней «поваръ»; пришелъ онъ туда, смотрѣлъ-смотрѣлъ, да и попросилъ у мастера ковшъ. Мастеръ подумалъ: отчего не дать русскому, пусть позабавится. Взялъ царь ковшъ, плеснулъ—и вышелъ листъ такой, что мастеру даже завидно стало. Кто такой этотъ плотникъ? добивались мы, какъ вдругъ получили письмо отъ одного изъ нашихъ, отъ саардамца, который въ Москвѣ работалъ. Пишетъ, что въ посольствѣ самъ русскій царь, и описываетъ его такъ: росту онъ высокаго, на правой щекѣ бородавка и постоянно правой рукой машетъ. Писалъ это письмо плотникъ отцу, отецъ плотника прочелъ письмо своему закадышному другу, цирюльнику. Разъ какъ-то къ этому цирюльнику и зайди эти московскіе гости, и плотникъ Петръ Михайловъ бриться хотѣлъ. Полта глянь, анъ у него на правой щекѣ бородавка, и правая рука не спокойна. Выбрить-то онъ его выбрилъ—и мнѣ первому, какъ я только послѣ нихъ зашелъ къ нему бриться, онъ сказалъ, что московскій царь здѣсь у насъ. Чтó онъ вретъ! думаю я, а у самого подбородокъ такъ и дрожитъ. Я къ тому, къ сему изъ сосѣдей, всѣ мы диву дались. Вздоръ да и только чтобъ московскій царь простымъ плотникомъ работалъ. Пошли мы къ Кисту. «Простой плотникъ у тебя, Кистъ, живетъ?» «Простой», говоритъ Кистъ.— «Вѣрно?» «Вѣрно». Такъ бы мы и ушли, да жена Киста, при всѣхъ насъ, взяла да крикнула на мужа. «Терпѣть не могу, когда ты, Герритъ, говоришь неправду». Ну, какъ ты, минъ-геръ, хочешь, молчать объ этомъ нельзя было, и какъ у васъ по русски говорится: «шйло въ мѣшкѣ не утаишь». Я человѣкъ скромный, минъ-геръ, я бы молчалъ,—ну а другой, что со мной приходилъ къ Кисту, сейчасъ разнесъ это по городу, что Петръ Михайловъ въ самомъ дѣлѣ не простой человѣкъ; что еслибъ онъ былъ простой человѣкъ, не такъ было бы передъ нимъ страшно, тогда бы не прикрикивалъ онъ на всѣхъ и всѣ невольно ему бы не подчинялись. Онъ все самъ дѣлалъ, но точно повелѣвать привыкъ. Пустая исторія вышла, минъ-геръ. Есть у насъ въ Саардамѣ одна плотина, шелъ вашъ царь съ верфи, купилъ по дорогѣ сливъ, положилъ ихъ въ шляпу и ѣлъ. Пристала къ нему на плотинѣ толпа мальчишекъ и просятъ, чтобъ онъ полакомилъ ихъ. Онъ сталъ имъ раздавать сливы, но всѣмъ раздать нельзя было — много ихъ было – и вышло, что однихъ онъ угостилъ, другимъ ничего не досталось. Тѣ, которымъ не досталось, стали грязью въ него бросать, камушками; у насъ мальчишки не то что у васъ. — народъ бѣдовый! — царь въ гербергъ и велѣлъ оттуда позвать бургомистра къ себѣ. Ужъ это одна примѣта, что хотя онъ былъ и плотникъ, но плотникъ не простой. Бургомистръ нашъ перетрусилъ, за бюргерами послалъ, держали совѣщаніе. Ну, магистратъ саардамскій указъ и издалъ, чтобъ иностранцевъ не оскорбляли, а кто оскорбитъ тому наказаніе тяжелое. Тутъ всѣ мы—и я изъ первыхъ—стали сбѣгаться смотрѣть на него. Бургомистръ нашъ стражу на мосту поставилъ, чтобъ около дома Киста народъ не тѣснился. Какъ пошли мы, минъ-геръ, въ кулаки—такъ и стража испугалась, такъ и побѣжала. Изъ самаго Амстердама народъ повалилъ смотрѣть, чтó за птица такая царь-плотникъ. Ну и кончилось все это тѣмъ, что мы, саардамцы, большую глупость сдѣлали. Толпились, толпились около него такъ, что наконецъ любопытные даже проходу ему не давали, онъ отъ насъ и уѣхалъ. А пожива была бы большая нашему городу, еслибы дольше у насъ остался. Всего недѣлю у насъ прожилъ. А ужь какой мастеръ, какой мастеръ! прибавилъ Гармсенъ по русски.

— Плохой мастеръ, возразилъ Константинъ, перебивая своего неугомоннаго амфитріона.

— Нѣтъ, не плохой, отвѣчалъ тотъ, сладостно улыбаясь. — Какъ онъ что увидитъ, такъ сейчасъ перенимайтъ.

— Видѣть не умѣетъ, опять поспорилъ Константинъ.

— Умѣетъ, говорилъ голландецъ.

— Да вотъ, мастеръ Гармсенъ, далеко не ходя, будемъ такъ говорить — умѣетъ онъ канаты вить?

— Эхе-хе! хе! засмѣялся голландецъ, такъ же сладко. — Такъ-то, кана-аты! канатное-то дѣло, видишь-ты, минъ-геръ, секретъ. Да за такой секретъ милліонъ гульденовъ взять съ его мало!

— Да развѣ онъ не бывалъ на канатныхъ фабрикахъ? спрашивалъ Константинъ.

— Бывалъ онъ бывалъ, только какой же дуракъ ему показалъ въ чемъ секретъ дѣла. И такъ плачитъ наши корабельные мастера голландскіе и англійскіе, что прежде учили его корабля строить и по морю ихъ водить. Собственныхъ адмиралъ онъ теперь завелъ, изъ русскихъ. Вотъ у него и Апраксинъ теперь адмиралъ. Кто себѣ врагъ!

— Да вѣдь Крюйсъ-отъ вашъ же!

— Онъ не въ чести.

— Да что же, большой развѣ секретъ, допытывался Константинъ,—въ канатномъ дѣлѣ?

— Секретъ большой нѣтъ, отвѣчалъ Гармсенъ,— только мы иностранцы стакивались, чтобы русскій плутъ ничего не показывать, потому что какъ русскіе выучатся, такъ у насъ хлѣбъ прочь — а русскіе выучивайтъ про-ворно.

— Ну а рабочіе-то какъ же? спрашивалъ Константинъ.—Вѣдь выучиваются же они у тебя—а они русскіе.

— Сами никогда ничего не сдѣлайтъ, говорилъ окончательно-охмѣлѣвшій голландецъ, — потому что главне — какъ уставить снарядъ—они у меня не знаютъ.

Константинъ, смотрѣвшій въ полъ, въ задумчивости поднялъ голову и нечаянно взглянулъ въ растворенную дверь фабрики. За этой дверью сидѣлъ на лавочкѣ въ прихожей оселъ-Иванъ мужикъ дуракъ, опершись обѣими руками въ лавку, въ ожиданіи приказаній своего хозяина,—онъ всегда находился вблизи, ожидая его зова. Иванъ улыбался такъ саркастически и такъ добродушно, съ такимъ смысломъ смотрѣлъ на Константина, что тотъ невольно съ нимъ переглянулся.

Иванъ махнулъ Константину рукой отъ себя къ своему хозяину, такъ что Константинъ понялъ немедленно, что онъ ему говорилъ: «брось ты голландца, не

заботься, я тебѣ все про канатное дѣло разскажу и все тебѣ покажу».

Голландецъ продолжалъ разсказывать о похожденіяхъ Петра въ Саардамѣ и все больше путался въ словахъ. Съ похожденіями Петра какимъ-то образомъ сплелась исторія его женитьбы на Каролинѣ, и потомъ, какъ его недавно едва бревномъ не убило; какъ англичане нехорошо корабли строятъ; потомъ оказалось, что привозимыя въ Россію норвежскія селедки хуже голландскихъ... Наконецъ онъ сталъ зѣвать и очевидно былъ радъ, когда его нежданный гость сталъ откланиваться.

— Ивашка, закричалъ онъ.—Иванъ! отпирай, скотинъ, калитку!

И самъ шатаясь пошелъ вмѣстѣ съ Ивашкой провожать посѣтителя. Ивашка сталъ отпирать калитку, которая была на самой простой задвижкѣ, но задвижка не подавалась. Онъ бился, хлопоталъ, даже жилы на лбу налились, а калитка все не отпиралась.

— Прости ты, Господи Боже, развѣ кто ее съ наружи заперъ?! говорилъ онъ.

И наконецъ, послѣ долгихъ невѣроятныхъ усилій, онъ отодвинулъ задвижку и распахнулъ калитку.

— Хозяинъ, сказалъ онъ мастеру Гармсену,—меня не послушаютъ, скажи ты слесарю, чтобъ пришелъ задвижку поправить.

Гармсенъ между тѣмъ раскланивался, по тогдашнему обычаю троекратно лобызаясь съ Константиномъ, и замѣтивъ, что этимъ русскимъ скотинамъ рабочимъ у него на заводѣ даже задвижки сколотить довѣрить нельзя, ушелъ назадъ, оставивъ Константина и Ивана у воротъ.

Константинъ немедленно понялъ, что задвижка была въ безукоризненномъ положеніи, но что Ивану хотѣлось что-то ему сказать; поэтому онъ направился тихими шагами, оглядываясь, назадъ. Иванъ подманилъ его рукою.

— Слушай, господинъ, заговорилъ Иванъ, когда Константинъ торопливыми шагами подошелъ къ нему,— ты тайну канатнаго дѣла знать хочешь?

Лицо Константина такъ прояснилось, хотя языкъ прилипъ къ гортани, что одного выраженія его лица было довольно для Ивана.

— Рублевъ пятокъ дашь?

Константинъ кивнулъ.

— Ночью прибѣгу къ тебѣ и все разскажу, только скажи мнѣ, гдѣ тебя разыскать... Хозяину меня не выдавай; а теперь, твоя милость, хоть бы задатокъ какой дала...

У Константина былъ съ собой рублевикъ, единственный его наличный капиталъ, что̀ по теперешнему равняется по крайней мѣрѣ красненькой; онъ отдалъ его Ивану.

Мужикъ схватилъ его за руку, чмокнулъ—и видя что бѣжитъ слесарь, такой же оселъ-мужикъ какъ онъ самъ, между тѣмъ какъ на весь заводъ раздается ругань голландца на русскихъ, рванулъ рукой задвижку книзу, такъ что пробой дѣйствительно пришелся вершка на два выше задвижки. Константинъ исчезъ, донельзя довольный непредвидѣннымъ успѣхомъ.

Ночью, когда весь городъ спалъ, рискуя попасться всякимъ дозорнымъ и всевозможнымъ караульнымъ того времени, въ дверь вольнаго двора постучался этотъ перяшливый, нечесанный мужикъ, въ которомъ голландецъ не признавалъ ничего человѣческаго.

Разговоръ его съ Константиномъ продолжался до пѣтуховъ,—и мужикъ какъ умѣлъ, такъ и чертилъ карандашемъ планы разныхъ колесъ и чего-то въ родѣ гребня для трепанія пеньки. Совѣщаніе это происходило наверху въ свѣтелкѣ; а отецъ, уже съ самаго посѣщенія Петра махнувшій рукою на сына и не понимавшій, что̀ онъ дѣлаетъ, спалъ внизу на почти-что раскаленной лежанкѣ.

Отпустивъ Ивана, который чуть не бѣгомъ помчался на Галерный дворъ, Константинъ еще съ полчаса подумалъ о простотѣ этой махины для крученія канатовъ, затѣмъ сладко заснулъ и проспалъ до полудня.

(Продолженіе будетъ).

Давидъ Ливингстонъ.

О знаменитомъ путешественникѣ, съ біографіей котораго мы намѣрены познакомить нашихъ читателей, можно сказать, выражаясь словами одного англійскаго журнала: *he is doomed to death, though not fated to die* (онъ обреченъ на смерть, хотя ему и не суждено еще умереть), потому-что постоянныя извѣстія о его мнимой смерти не перестаютъ волновать всѣхъ, кому только дороги интересы науки. Къ счастью и послѣднія, повидимому чрезвычайно положительныя, извѣстія о его смерти оказались ложными; а между тѣмъ жизнь Ливингстона опять находится въ опасности, такъ какъ на восточномъ берегу Африки появилась довольно сильная холера и онъ можетъ пасть жертвой этой опустошительной болѣзни. Но обратимся къ его біографіи.

Давидъ Ливингстонъ родился въ 1817 г. въ Блантайрѣ въ Шотландіи. Когда ему минуло девять лѣтъ, отецъ его, бѣдный лавочникъ, отправилъ его на фабрику. Бѣдный мальчикъ покупалъ себѣ книги изъ своего скуднаго еженедѣльнаго заработка и, движимый невыразимой жаждой знанія, могъ, на шестнадцатомъ году возраста, не только читать латинскихъ авторовъ, но выучилъ почти наизусть Горація и Виргилія. Занимаясь пряжей хлопчатой бумаги, онъ въ то же самое время выучился еще по гречески, потомъ принялся за изученіе теологіи и медицины, и наконецъ, выдержавъ экзаменъ на доктора медицины, поступилъ на службу въ лондонское общество миссіонеровъ. Будучи посвященъ въ пасторы, Ливингстонъ отправился въ 1840 г. въ южную Африку, гдѣ женился на дочери своего сослуживца и дѣйствовалъ въ продолженіи девяти лѣтъ, въ качествѣ миссіонера въ Тшоуанѣ въ двухъ основанныхъ имъ станціяхъ: Маботса и Колобени. Въ 1849 г. онъ предпринялъ свое первое путешествіе во внутренность Африки и дошелъ до озера Нгами. Во время втораго своего путешествія, 1851—53г., онъ достигъ до области источниковъ Замбези и завязалъ дружественныя сношенія съ туземцами. Въ 1854 г. онъ проѣхалъ весь африканскій материкъ отъ Лоанды на западномъ берегу до Замбези и возвратился черезъ Египетъ въ Англію, гдѣ онъ издалъ свое первое сочиненіе: «Missionary travels

and researchs in South Afrika» (путешествіе миссіонера по южной Африкѣ). Съ этого времени Ливингстонъ сталъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ людей Англіи и, въ уваженіи тѣхъ великихъ заслугъ, какія были оказаны имъ англійской торговлѣ и миссіи, былъ отправленъ консуломъ въ Квиллимане съ порученіемъ посѣтить еще разъ изслѣдованныя имъ мѣстности, для того чтобъ завязать тамъ дружественныя отношенія, противодѣйствовать торгу невольниками и склонить туземцевъ къ обработкѣ хлопчатой бумаги. Въ 1858 г. онъ оставилъ Англію вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Чарльзомъ Ливингстономъ, прослѣдилъ на построенномъ нарочно для него пароходѣ теченіе рѣки Ширы до озера Ніассы и открылъ озеро Ширва. Это важное въ географическомъ отношеніи путешествіе не принесло особенныхъ практическихъ результатовъ, такъ какъ Замбези не судоходна для большихъ кораблей. Ливингстонъ возвратился въ 1864 г. и написалъ новое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Экспедиція къ Замбези и ея притокамъ». Но англійскому правительству вскорѣ опять понадобились его услуги и, будучи назначенъ въ 1865 г. консуломъ во внутреннюю Африку, онъ снова покинулъ отечество и присталъ въ 1866 года къ Занзибару, плавалъ вверхъ по Руфумѣ, обошелъ кругомъ озеро Ніасса, а потомъ, принявъ восточное направленіе, отправился далѣе во внутренность Африки. Разсказы нѣсколькихъ человѣкъ изъ экипажа, которые, опасаясь хищныхъ Мазиту, покинули Ливингстона и принесли въ Занзибаръ извѣстіе объ его убіеніи, оказались въ скоромъ времени ложными. Снаряженная подъ начальствомъ Юнга, прежде бывшаго спутникомъ Ливингстона, экспедиція отправилась вверхъ по Замбези, объѣхала озеро Ніассу и привезла неопровержимыя доказательства, что Ливингстонъ остался живъ и отправился дальше (The searh after Livingstone by D. E. Joung, London 1858). Справедливость юнговыхъ сообщеній была вскорѣ подтверждена письмами самого Ливингстона, дошедшими до Занзибара. Онъ отправился въ имперію Муата Казембе на югѣ озера Танганика, въ Ласерду, Монтейро и Гамито, страны, извѣстныя до сихъ поръ однимъ только португальцамъ. Вслѣдъ за этимъ объ немъ опять долгое время ничего не было слышно, чтó подало опять поводъ опасаться за его жизнь. Наконецъ въ 1869 г. отъ него пришло письмо, писанное отъ 8 іюля 1868 г. на озерѣ Бангвеоло, гдѣ онъ извѣщаетъ, что открылъ источники Нила между 10 и 12 градусами южной широты. Послѣ этого объ участи Ливингстона ходили самые разнообразные слухи, внушавшіе сильныя опасенія за его жизнь. Тѣмъ пріятнѣе было узнать, что Ливингстонъ не сдѣлался жертвою упомянутаго выше нападенія туземцевъ — и весь образованный міръ ожидаетъ теперь съ напряженнымъ любопытствомъ дальнѣйшихъ извѣстій о его судьбѣ.

Давидъ Ливингстонъ.

Парижскіе скицы.

Соч. Эрнста Экштейна.

I. Литературные бродяги.

Нѣтъ на свѣтѣ ремесла, легче ремесла журналиста и писателя. Прельщаетъ меня званіе сѣверо-германскаго ассесора губернскаго правленія, не получающаго никакого жалованья, — я долженъ выдержать рядъ страшныхъ экзаменовъ, требующихъ громаднаго запаса учености. Соблазняетъ меня положеніе лейтенанта, съ двадцатью талерами мѣсячнаго оклада, — я долженъ или пробыть цѣлыхъ семь лѣтъ въ какомъ нибудь кадет-

скомъ корпусѣ, питаясь потрохами и математическими формулами, или же подчинить свой непокорный умъ тискамъ какого нибудь отставнаго капитана, который, послѣ страшныхъ усилій съ своей и моей стороны, даетъ ему наконецъ надлежащее устройство. Чтобы быть башмачникомъ, слесаремъ, портнымъ или перчаточникомъ, человѣкъ долженъ учиться и трудиться цѣлые годы. Но журналистомъ и писателемъ дѣлаются безъ дальнѣйшей подготовки, безъ спеціальныхъ свѣденій, даже безъ таланта, въ одинъ день. Чернильница, не слишкомъ заржавѣвшее перо, да нѣсколько дестей бумаги,—вотъ все чтó требуется для этого. Какъ бы по манію волшебнаго жезла, вчерашій комми, цирюльникъ, экспедиторъ превращается сегодня въ писателя. Въ одно мгновеніе ока, Викторъ Гюго и другія литературныя знаменитости дѣлаются его товарищами. Есть цѣлыя дюжины маленькихъ газетокъ, гдѣ новичокъ можетъ дебютировать. Правда, весь его гонорарій будетъ состоять изъ одного только дароваго экземпляра, но чтó за бѣда! Онъ все-таки получаетъ возможность обратить на себя вниманіе публики... сдѣлаться извѣстнымъ... знаменитымъ... Со временемъ ему станутъ дѣлать самыя блестящія предложенія—и новый рыцарь пера уже хватается въ воображеніи за золотой лавровый вѣнокъ, составляющій предметъ его пламенныхъ стремленій.

Эти иллюзіи въ такомъ ходу, что въ Парижѣ журналистика сдѣлалась послѣднимъ прибѣжищемъ всѣхъ неудавшихся существованій. Обанкрутившійся купецъ, промотавшійся франтъ, чиновникъ лишившійся мѣста, доставлявшаго ему средства для пропитанія,—всѣ они, дойдя до послѣдней крайности, набрасываются на авторство. Страсть къ чтенію такъ колоссальна въ парижской публикѣ, что сколько ни пиши и ни печатай — для нея все будетъ мало. Какъ же послѣ этого не увлечься и, воспользовавшись этой страстью, не сколотить себѣ кругленькаго капитальца?

Бывали примѣры, и даже вовсе не рѣдкіе, что даже посредственность (въ особенности, если она умѣла интриговать) успѣвала пріобрѣсти себѣ довольно хорошее положеніе. Такъ, напримѣръ, я знаю одного молодаго человѣка, который промѣнялъ прилавокъ магазина на бюро фельетониста и заработываетъ теперь 10,000 франковъ въ годъ. Его дѣятельность простирается исключительно на такъ-называемые «*Faits divers*» (разныя разности), которыя вошли такъ быстро въ милость у парижскаго читающаго міра. Большая часть его статеекъ чистая выдумка, да и остроумія-то въ нихъ мало! Но онъ пишетъ—какъ большая часть французовъ—прекраснымъ, игривымъ и изящнымъ слогомъ и постоянно приводитъ номера улицъ и домовъ, гдѣ будто бы случилось такое-то и такое-то происшествіе,—обстоятельство, придающее его выдумкамъ подобіе правды, — и вотъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ журналовъ всемірнаго города платитъ ему большія деньги за его, между нами сказать, никуда не годныя бездѣлки.

У молодаго человѣка, о которомъ я разсказываю, нельзя однако же отрицать нѣкоторыхъ достоинствъ. Онъ получилъ кой-какое образованіе, т. е. знакомъ въ главныхъ чертахъ съ исторіей своего отечества и знаетъ, что Фридрихъ Великій жилъ въ прошломъ столѣтіи. Онъ умѣетъ приводить съ величайшей самоувѣренностью, гдѣ слѣдуетъ, имена Канта и Шекспира. Онъ мастеръ рыться въ энциклопедическомъ словарѣ, а одинъ его знакомый изъ *Quartier latin* былъ такъ любезенъ, что написалъ ему двадцать или тридцать превосходныхъ цитатъ изъ Платона и Аристотеля, такъ что онъ можетъ блеснуть подъ часъ и ученостью. Къ сожалѣнію, онъ не знаетъ ни одного иностраннаго языка, иначе его разносторонность привела бы въ совершенный тупикъ ученыхъ сотрудниковъ «*Gaulois*» и «*Figaro*», которые до сихъ поръ разсуждали только о шекспировскомъ «*To be or not to be*» или о дантовскомъ «*Lasciate ogni speranza*».

Импровизированные журналисты и писатели, которымъ не достаетъ самыхъ необходимыхъ способностей, считаются тысячами. Тщетно прождавши въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ «блестящихъ предложеній», которыя, по ихъ предположеніямъ, должны были появиться на страницахъ какой нибудь неизвѣстной газетки, они сочиняютъ одноактную комедію для театра Бобино или для *Folies-Marigny*. Тотъ же результатъ. Или ихъ произведеніе заранѣе отвергнуто, или же оно падаетъ при первомъ представленіи съ такимъ шумомъ и гвалтомъ, что директоръ и слышать не хочетъ о повтореніи такой дряни. Романъ изъ временъ Людовика XIV испытываетъ такую же участь. Нѣтъ ни одного книгопродавца, который былъ бы настолько невѣжественъ, чтобъ рѣшиться напечатать подобную глупость. Ни одна газета не рѣшается пачкать свой *Rez-de-chaussée* подобною гадостью. Несчастный лжеавторъ бѣгаетъ отъ Гинца къ Кунцу, отъ Понтія къ Пилату. Все напрасно. Тутъ встрѣчаютъ его вѣжливымъ пожатіемъ плечь, а тамъ и вовсе указываютъ на дверь. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ не находится въ Парижѣ ни одной газеты, ни одной сцены, ни одного издателя, гдѣ бы нашъ авторъ не зарекомендовалъ себя съ самой дурной стороны. Съ горемъ пополамъ влачилъ онъ тѣмъ временемъ свое существованіе. Тайнымъ образомъ онъ былъ такъ снисходителенъ, что переписывалъ на-бѣло рукописи своихъ болѣе счастливыхъ товарищей, списывалъ ноты или же давалъ уроки по одному франку за часъ. Наконецъ терпѣніе его лопнуло. Ему надоѣло ждать и надѣяться. Его гордость сломилась; онъ рѣшился сдѣлаться литературнымъ бродягой.

На остающіяся у него деньги, онъ прежде всего покупаетъ себѣ на аукціонѣ черный фракъ, бѣлый галстукъ и цилиндрическую шляпу. Онъ платитъ за эти вещи наличными деньгами, такъ какъ ему давно уже никто не даетъ въ долгъ. Вслѣдъ за этимъ онъ отправляется къ букинисту и покупаетъ у него пять или шесть книгъ въ четвертую долю листа, чрезвычайно мудреныхъ съ виду. Портфель, карманная книжка и академическая чернильница дополняютъ вооруженіе истаго и совершеннаго литературнаго бродяги.

Чтобы познакомить читателя съ дальнѣйшей судьбой литературныхъ бродягъ вообще, я разскажу, какъ одинъ изъ нихъ оставилъ въ 1868 году Парижъ, для того чтобы попытать счастья въ провинціи. Глуглу—такъ назовемъ мы этого искателя приключеній—почти пять лѣтъ добивался лавровъ, которые повидимому росли вовсе не для него. Однажды утромъ онъ вооружился вышеописаннымъ образомъ и написалъ одному изъ немногихъ своихъ друзей слѣдующее письмо:

«Мой толстый песъ!*)

*) Ласкательное слово, чрезвычайно любимое въ Quartier latin.

Атмосфера столицы начинаетъ возбуждать во мнѣ страшное отвращеніе. Тутъ вездѣ партіи, шайки, интрига. Истинное достоинство не въ состояніи пробиться черезъ эту обстановку. Поэтому-то я и рѣшился искать другой, болѣе благопріятной мѣстности.—Я дебютирую лекціями о драмахъ Виктора Гюго, именно въ Руанѣ.—Здравомыслящіе жители этого провинціальнаго города еще не заражены предразсудками парижской черни.—Они принесутъ мнѣ непредубѣжденный умъ, бѣлый листъ, на которомъ я могу писать и рисовать что мнѣ угодно.—Я надѣюсь занять въ Руанѣ въ скоромъ времени почетное положеніе и тогда увѣдомлю тебя безъ малѣйшаго замедленія, для того чтобъ побудить къ переселенію и тебя. Тѣмъ временемъ ты чрезвычайно обязалъ бы меня, еслибъ предоставилъ въ мое распоряженіе нѣсколько наполеондоровъ. Я страшно издержался на мою экипировку, а тебѣ во мнѣ нечего сомнѣваться. До свиданія.

Твой прежній
Глуглу».

«Толстый песъ», къ которому были обращены эти строки, должно-быть не питалъ особеннаго довѣрія къ будущности своего друга, потому-что оставилъ это письмо безъ отвѣта,—а когда Глуглу, незадолго до отъѣзда зашелъ повидаться съ нимъ, то оказалось, что никого не было дома. Это вѣроломство еще болѣе укрѣпило рѣшимость писателя; добыть себѣ денегъ во что бы то ни стало—вотъ единственная мысль, овладѣвшая съ этихъ поръ великою душою Глуглу. Отнынѣ онъ не обращалъ уже никакого вниманія на различные предразсудки касательно приличія и чести,—онъ, отвергнутый Парижемъ,—онъ, которому измѣнилъ другъ молодости,—онъ, котораго судьба систематически такъ-сказать оскорбляла. Чѣмъ—скажите пожалуйста — лучше его этотъ Вильмесанъ, что его, главнаго редактора «Фигаро», гладили по головкѣ всѣ парижане и парижанки, цитировали всѣ французскіе и иностранные газеты, — этотъ Вильмесанъ, которому завидовали всѣ журналисты и весь свѣтъ, тогда какъ онъ, Глуглу, обѣдалъ вареннымъ картофелемъ и, не смотря на свои неусыпные труды, остался неизвѣстнымъ, какъ какой нибудь работникъ изъ предмѣстья? «У Вильмесана талантъ», говорилъ самъ себѣ Глуглу, «но врядъ у него его столько, сколько у меня. У Вильмесана есть свѣденія, но я готовъ клясться, что онъ не выдержитъ экзамена! Вильмесанъ написалъ пару плохихъ повѣстей—у меня приготовлено три культурно-историческихъ романа, и только одна ограниченность издателя виновата въ томъ, что мое имя не гремитъ въ обоихъ полушаріяхъ! Нѣтъ! При такой явной несправедливости судьбы, я былъ бы просто трусомъ, еслибъ сталъ еще хоть секунду колебаться. Впередъ!»

Окончивъ этотъ монологъ, Глуглу купилъ себѣ билетъ третьяго класса въ Руанъ, а три дня спустя тамошняя мѣстная пресса объявляла слѣдующее: «Историкъ литературы Глуглу, пользующійся въ литературномъ мірѣ чрезвычайно лестною извѣстностью, будетъ читать въ субботу, 12-го апрѣля, въ восемь часовъ вечера, въ большомъ залѣ господъ Гертсвана и Шлезингера, свою первую лекцію о драматическихъ произведеніяхъ Виктора Гюго». Само собою разумѣется, что къ этому не забыли прибавить: «Г. Глуглу пріѣхалъ прямо изъ Парижа, гдѣ его лекціи о стихотвореніяхъ Ламартина пользовались самымъ блестящимъ успѣхомъ». За входъ новоиспеченный профессоръ назначилъ по три франка, а съ дѣтей и отставныхъ военныхъ половину.

Идея сдѣлать драмы Виктора Гюго предметомъ популярныхъ лекцій была, съ точки зрѣнія Глуглу, очень смѣла, потому что онъ очень плохо былъ знакомъ съ драмою, эстетикою и исторіею литературы и сверхъ того у него не хватало дара слова. За то его проэктъ заключалъ въ себѣ что-то честное и благородное,—а что до послѣдняго, то развѣ онъ одинъ брался не за свое дѣло? Развѣ профессоръ Б. въ Мюнхенѣ не издалъ въ свѣтъ различныхъ сочиненій о краніологіи, не имѣя о ней ни малѣйшаго понятія? Развѣ Гейбель и Наполеонъ III не являлись въ качествѣ историковъ? Почему же не взойти и Глуглу на каѳедру въ качествѣ теоретическаго драматурга! Самыми необходимыми вспомогательными средствами онъ запасся. Сколько драгоцѣнныхъ свѣденій далъ ему Вильменъ, а между тѣмъ у него было еще собраніе біографій Ваперо. Такимъ образомъ онъ могъ, согласно съ принципами новѣйшей системы популяризированья, предстать на судъ руанской публики, не дѣлаясь виновнымъ въ обманѣ.

Читатель конечно заранѣе угадываетъ, что Глуглу потерпѣлъ пораженіе. Число посѣтителей на первой лекціи было сносно; за уплатой издержекъ у лжепрофессора осталось ровно двѣсти франковъ. Но второй опытъ окончательно не удался. Въ «*Journal de Rouen*» отъ 13-го апрѣля появилась убійственная критика, въ которой говорили о немъ не только какъ о плохомъ лекторѣ, но еще обличали его въ шарлатанствѣ. По этому-то на вторую лекцію явилось всего только три человѣка, именно: самъ лекторъ, приставленный къ залу слуга и отставной кавалерійскій офицеръ, такъ что Глуглу пришлось покрыть дефицитъ въ семьдесятъ восемь франковъ. Прочіе нормандскіе журналы перепечатали «предостереженіе» «*Journal de Rouen*», такъ что отважный авантюристъ такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ изъ Гавра, который онъ избралъ-было театромъ своей дѣятельности. Не прошло и трехъ недѣль, какъ въ сѣверозападной Франціи не было ни одного читателя газетъ, который не зналъ бы объ этомъ дѣлѣ. Для посѣщенія другихъ частей Франціи у Глуглу не было денегъ. Онъ съ удовольствіемъ отправился бы въ Бордо; тамошнее народонаселеніе считается легковѣрнымъ; но съ двадцатью франками въ карманѣ не купишь даже собачьяго билета на такое большое разстояніе, а такъ глубоко Глуглу еще не успѣлъ упасть...

Теперь-то, какъ онъ думалъ, наступило время взяться за тѣ средства, которыя употреблялись съ успѣхомъ еще до него.

Онъ замѣнилъ свое имя именемъ одного извѣстнаго парижскаго журналиста и отправился въ Каенъ. Тамъ онъ занялъ хорошенькую квартиру въ одномъ изъ первыхъ отелей и сдѣлалъ визиты всѣмъ почетнымъ лицамъ этого провинціальнаго города. Принявъ чрезвычайно важный видъ, онъ далъ вездѣ понять, что онъ пріѣхалъ для того, чтобъ изучить Каенъ и Нормандію. Фразы въ родѣ: «этотъ въ высшей степени интересный городъ», «эта благословенная страна», «это оригинальное, способное народонаселеніе», такъ и сыпались у него изо рта. «Конечно», говорилъ онъ г. Блуму, второму городскому нотаріусу, «конечно о Нормандіи уже много писали... но, сознайтесь сами, больше въ видѣ пріятной фельетонной болтовни... а красоты здѣшней природы, историческія воспоминанія, своеобразіе городскихъ зданій — все это отодвинули на задній

планъ, разсчитывая больше всего на поэтическое, цвѣтущее изложеніе...»

Г. Блумъ кивнулъ головою въ знакъ согласія.

«Но я», продолжалъ съ важностію Глуглу (или какъ онъ назвалъ себя теперь, Шарль М....), «но я гляжу на дѣло съ практической, и поэтому съ гораздо высшей точки зрѣнія. Я рѣшился представить Нормандію, а въ особенности Каенъ со стороны ихъ производительности. Мое сочиненіе будетъ національно-экономической монографіей. Я думаю обратить особенное вниманіе на производства хлопчатой бумаги и сидра... Я обращаюсь къ снисходительности знатнѣйшихъ гражданъ Каена... Только съ помощію ихъ благосклонной поддержки я надѣюсь достигнуть желанныхъ результатовъ. Я приму съ величайшею благодарностію всякое, даже повидимому самое незначительное замѣчаніе. Разъясните мнѣ все, что только касается вашей торговли, вашихъ фабрикъ, вашего земледѣлія, свойствъ вашей почвы. Никакая подробность не можетъ быть тутъ лишнею...»

Нотаріусъ Блумъ обѣщалъ содѣйствовать ему по мѣрѣ силъ и возможности. То же самое сдѣлали мэръ, *monsieur* Дордоньякъ, богатый негоціантъ Бабрильяръ изъ *Rue de Commerce*; владѣтель сидроваго завода Вабонтренъ изъ *Place du Prince*; словомъ, вся каэнская «аристократія». Вездѣ Глуглу успѣлъ намекнуть почтительнымъ образомъ, какую выгоду можетъ извлечь дѣловой человѣкъ изъ задуманнаго имъ сочиненія... Рекламой никогда не слѣдуетъ пренебрегать—а тутъ еще такая реклама, какую предлагаетъ Глуглу! Сочиненіе, написанное для всей Европы, конечно будетъ имѣть въ первые годы по три, по четыре изданія. Это было соблазнительно...

Въ особенности же заинтересовался, какъ казалось, этимъ предпріятіемъ владѣлецъ сидроваго завода Вабонтренъ. Онъ былъ чрезвычайно богатъ и къ тому же еще тщеславенъ и честолюбивъ и перессорился со всѣми товарищами.

«А что», думалъ Вабонтренъ, «какъ я возьму да и утащу изъ-подъ носа моихъ соперниковъ г. Шарля М...? Писатели не нечувствительны къ деньгамъ и ласковымъ словамъ... Какое торжество, когда мое имя будетъ осыпано въ книгѣ всевозможными похвалами, тогда какъ сосѣдъ Базеръ и толстый Жобаръ, что вонъ тамъ, будутъ фигюрировать какъ незначительные или даже и не совсѣмъ честные торговцы мелочнымъ товаромъ? Какая великолѣпная идея!»...

Сказано, сдѣлано. Отнынѣ Вабонтренъ сталъ донельзя вѣжливъ. Онъ пригласилъ Глуглу «почтить его низменную кровлю»; онъ отдалъ ему въ распоряженіе три лучшихъ комнаты и просилъ его быть у него какъ дома. Глуглу не заставилъ его повторить этого... Онъ расположился какъ можно удобнѣе и старался привлечь къ себѣ все семейство лестью и всевозможною угодливостью. Онъ игралъ съ дѣвочками и рѣзвился съ мальчиками; онъ щипалъ за щеки служанку, а хозяйкѣ дома держалъ при разматываніи нитокъ мотокъ. Даже домовую собаку онъ гладилъ съ непреодолимою нѣжностію. Даже самого г. Вабонтрена, побудительныя причины котораго онъ очень скоро открылъ, онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе располагалъ въ свою пользу. Временами онъ читалъ ему небольшія замѣчанія, которыми по его словамъ, онъ думалъ воспользоваться къ своемъ будущемъ сочиненіи. Вабонтренъ улыбался и кричалъ: «браво, брависсимо», потому-что эти замѣчанія всегда были направлены къ извѣстной цѣли, и, какъ замѣчалъ владѣтель сидроваго завода, всегда справедливы и вѣрны. Такъ проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцомъ. Дѣти Вабонтрена начали уже называть г. Шарля М. дядюшкой. Годъ подходилъ къ концу.

Тутъ хозяинъ попросилъ своего гостя позволить ему наконецъ заглянуть въ рукопись, которой до сихъ поръ никто еще не видалъ. Какъ другъ, онъ имѣлъ право просить объ этой милости. Ему кажется, какъ будто бы Шарль отдаетъ предпочтеніе наблюденію въ ущербъ изложенія. Надо же ему положить мало-по-малу конецъ собиранію матеріаловъ и проч.

Глуглу возразилъ, что черезъ три мѣсяца онъ положитъ къ ногамъ семейства Вабонтренъ все сочиненіе, но до тѣхъ поръ онъ проситъ Вабонтреновъ потерпѣть. Это ужь такое правило у литераторовъ, не показывать рукописи до тѣхъ поръ, пока не засохнетъ самая послѣдняя черта пера. Впрочемъ, онъ благодаритъ дорогихъ друзей за ихъ живое, постоянно-продолжающееся участіе.

Такъ протекло еще нѣсколько мѣсяцовъ. Тутъ остановился однажды вечеромъ въ *Hotel d'Angleterre* одинъ молодой человѣкъ, который сталъ распрашивать хозяина о мѣстныхъ журнальныхъ и литературныхъ дѣлахъ. Въ особенности же интересовался онъ г. Шарлемъ М..., который живетъ съ нѣкотораго времени въ Каэнѣ для изученія края, и записалъ адресъ владѣтеля сидроваго завода Вабонтрена. На другой день *garçon* подалъ ему книжку, въ которую записываются имена пріѣзжихъ, и молодой человѣкъ къ величайшему удивленію всего дома, росписался: «Шарль М... журналистъ, и проч.»

Нѣсколько часовъ спустя съ Глуглу сняли маску и указали ему на дверь. Шарль М... былъ такъ великодушенъ, что отказался отъ дальнѣйшаго преслѣдованія литературнаго бродяги; онъ удовольствовался публичнымъ посрамленіемъ своего двойника. Тѣмъ временемъ Глуглу разбилъ свою палатку гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ — потому-что глупцы есть вездѣ, а Франція велика. Онъ долго можетъ еще шарлатанить, пока не закроетъ себѣ доступа во всѣ департаменты.

Подобное этому происшествіе случилось незадолго до открытія войны съ извѣстнымъ писателемъ Жюлемъ Норіакомъ. Норіакъ также не преслѣдовалъ самозванца и пожималъ плечами.

Еслибы Глуглу пришло въ голову явиться подъ своимъ собственнымъ именемъ, ему удалось бы еще нѣсколько мѣсяцевъ ѣсть устрицы и пить шампанское на счетъ семейства Вабонтрена. Владѣльцу сидроваго завода было все равно, кого онъ пріютилъ у себя: человѣка составившаго уже себѣ литературную извѣстность или нѣтъ; лишь бы только онъ поносилъ сосѣда Базера и толстаго Жобара, что вонъ тамъ... Все другое для него дѣло второстепенное.

Такимъ-то или подобнымъ же образомъ живетъ довольно-значительное число неудавшихся литераторовъ на счетъ легковѣрныхъ провинціаловъ... Несмотря на всѣ предостереженія прессы, это ремесло превосходно вознаграждается, какъ прежде такъ и теперь, перо—послѣдній якорь спасенія для погибающихъ существованій,— потому ли что они дѣйствительно употребляютъ его въ дѣло, или потому только что они пользуются имъ въ видѣ вывѣски, для того чтобъ обманывать и кормиться на чужой счетъ.

Замѣчательныя постройки древнихъ и новыхъ временъ.

(*Продолженіе*).

VIII. Магометанская архитектура.

Въ седьмомъ столѣтіи по Р. Х. религіозная система, созданная Магометомъ и названная *исламомъ* (вѣрою), соединила между собою кочующія племена аравитянъ, которые, слившись въ одинъ могучій народъ, распространили это новое вѣроисповѣданіе отъ Атлантическаго океана до Ганга.

Потребность въ помѣщеніяхъ для новаго рода богослуженія пробудила во вновь-образовавшемся народѣ художественные элементы. А такъ какъ при бродячемъ образѣ жизни у него не могло явиться искусства и вообще самостоятельной культуры, то въ тѣхъ странахъ, гдѣ распространились аравитяне, они должны были усвоить себѣ существовавшія уже до нихъ формы искусства, примѣнивъ ихъ къ своимъ цѣлямъ, вслѣдствіе чего эти формы, принадлежавшія большею частію къ вне-христіанскому искусству послѣдняго періода римской исторіи, измѣнились въ рукахъ завоевателей, согласно съ ихъ духомъ и вкусомъ; такъ что, съ примѣсью азіатскихъ элементовъ, изъ нихъ образовался особенный аравійскій стиль, который, смотря по тѣмъ различнымъ странамъ, гдѣ онъ развивался, имѣетъ и различные оттѣнки. Такимъ образомъ въ Египтѣ, напримѣръ, къ нему примѣшался элементъ оцѣпенѣлой законности, составляющій одну изъ отличительныхъ чертъ въ характерѣ египетскаго народа, въ Индіи элементъ роскоши и т. д.

Внутренній видъ мечети въ Кордовѣ.

Аравійскій стиль, принявшій въ Испаніи названіе мавританскаго, развился на основаніи двухъ стилей: древне-христіанскаго (именно стиля древне-христіанскихъ базиликъ) и византійскаго. Его формы и характеристическія черты должны были (не говоря уже о вліяніи причудливаго духа и живой фантазіи аравитянъ) опредѣлиться отчасти уже тѣмъ, что всякое образное представленіе, какъ человѣка, такъ и животнаго, запрещено исламомъ.

Въ первыя времена христіанскія церкви служили также и для отправленія новаго культа. Самостоятельная художественная дѣятельность развилась у аравитянъ тогда только, когда весь востокъ былъ соединенъ исламомъ. Тогда только, когда въ руки *мослеминовъ* или *мусульманъ* (т. е. преданныхъ Богу) попала большая часть Азіи и сѣверный берегъ Африки и ихъ иго тяготѣло надъ Испаніей, стало распространяться изъ Багдада и арабское зодчество, посредствомъ сооруженія множества великолѣпныхъ дворцовъ и мечетей. Но эти послѣднія не имѣли такого сильнаго вліянія на образованіе архитектурнаго стиля, какое имѣли храмы народовъ другихъ вѣроисповѣданій, у которыхъ неизмѣняемость нѣкоторыхъ формъ обусловливается самимъ культомъ.

Тѣмъ не менѣе и у мечетей есть такія части, безъ которыхъ онѣ не могутъ обойтись, только расположеніе этихъ частей измѣняется, а вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и форма самой мечети. Необходимыя части мечети суть слѣдующія: *миграбъ*, зала молитвы, которая должна быть расположена по направленію къ Меккѣ, и слѣдовательно, смотря по различнымъ странамъ, имѣетъ и различное положеніе; потомъ *мѣсто для омовеній*, предшествующихъ молитвѣ и, наконецъ, *большое помѣщеніе*, куда входятъ и откуда уходятъ вѣрующіе и гдѣ читаются коранъ и молитвы. Въ этомъ помѣщеніи находятся: *максура*, мѣсто для калифа, гдѣ это требуется, потомъ мѣсто для храненія корана и, наконецъ, *мимбаръ*, родъ каѳедры. Затѣмъ у мечети долженъ еще быть *минаретъ*, башня, съ которой имамъ призываетъ вѣрующихъ къ молитвѣ. При мечетяхъ большаго размѣра такихъ минаретовъ бываетъ отъ четырехъ до шести.

Въ устройствѣ мечетей замѣчаются двѣ главныя формы. Одна, болѣе древняя, принадлежащая западнымъ странамъ исламизма, представляетъ обыкновенно продолговатый четыреугольникъ, окруженный стѣнами, а внутри галлереями изъ арокъ, но безъ крыши и, большею частію, осѣненный деревьями. Въ серединѣ этого четыреугольника, представляющаго собою что-то вродѣ обширнаго двора, устроенъ колодезь, надъ которымъ поднимается зданіе съ куполомъ, составляющее главное украшеніе всего помѣщенія. По одну сторону этого четыреугольника находится зданіе съ крышею, заключающее въ себѣ залу молитвы, святилище и каѳедру и состоящее, большею частію, изъ нѣсколькихъ рядовъ колоннъ съ плоскимъ потолкомъ. Внѣшность подобныхъ построекъ, кромѣ порталовъ и зубцовъ, отличается еще башнями (минаретами) и высокимъ куполомъ, поднимающимся надъ могилою строителя мечети, если этотъ послѣдній похороненъ въ ней. Зданіе и галлереи изъ арокъ прикрыты куполами различныхъ формъ.

Другой типъ мечетей, ведущій начало отъ визан-

тійскаго искусства, представляетъ слѣдующія особенности: корпусъ зданія образуетъ собою одно цѣлое, причемъ какъ главное помѣщеніе, такъ и соединенныя съ нимъ по византійскому способу второстепенныя помѣщенія покрыты, первое куполомъ, а послѣднія сводами. И эти зданія — подобно постройкамъ перваго рода—окружены дворомъ съ галлереями изъ арокъ, которыя точно такъ же образуютъ собою рядъ небольшихъ сводовъ. Что касается до внѣшности, то мечети этого типа кажутся снаружи изящнѣе первыхъ, чему способствуетъ также и расположеніе минаретовъ, поднимающихся въ углахъ этихъ построекъ въ количествѣ отъ двухъ до четырехъ.

Вообще аравійская архитектура, согласно съ восточнымъ образомъ жизни, имѣетъ въ виду больше внутренность зданія, чѣмъ внѣшность, въ особенности же при постройкѣ дворцовъ и жилыхъ зданій. Въ то время какъ эти зданія представляютъ собою снаружи одни только высокія стѣны безъ всякихъ украшеній, съ прорѣзанными тамъ и сямъ окнами,—все, что находится внутри ихъ, покрыто богатыми украшеніями. Въ особенности же отличаются въ этомъ отношеніи портики, окружающіе дворъ. При этомъ надобно замѣтить, что для колоннъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ постановленій и размѣровъ, какъ это было въ греческой и римской архитектурѣ; одни изъ нихъ низки и тяжелы, другія же, въ особенности построенныя въ позднѣйшее время, стройны и легки.

Для дуги галлерей, дверей и оконъ, въ различныхъ странахъ, находившихся подъ властью аравитянъ, образовались (рядомъ съ полукруглою дугою, которая впрочемъ употреблялась рѣдко) три формы: въ Египтѣ и Сициліи была въ ходу *острая дуга*, похожая на ту, которая употреблялась впослѣдствіи при постройкахъ такъ-называемаго готическаго стиля, только болѣе сжатая. Въ Персіи и Индіи употреблялась *килеобразная или луковицеобразная дуга*, т. е. родъ острой дуги съ выемками, напоминающая собою видъ корабельнаго киля или луковицы. Въ Испаніи же, напротивъ того, употреблялась преимущественно *подковообразная дуга*, т. е. такая, которая представляетъ собою болѣе значительный отрѣзокъ круга, чѣмъ полукруглая. Впрочемъ эти различныя формы дуги являются не какъ слѣдствіе сознанной и систематически-выполненной потребности, а скорѣе въ видѣ украшенія.

Стѣны надъ этими арками, точно такъ же какъ и вообще плоскости, покрывались *арабесками*, которыя, составляя собственность аравійскаго искусства, заимствовали отъ него и самое названіе. Они состо тъ изъ самаго разнообразнаго сплетенія прямыхъ и кривыхъ линій, напоминающаго собою иногда растительныя формы, причемъ одинъ и тотъ же рисунокъ идетъ по всей плоскости. Въ цѣломъ эти арабески, не смотря на живыя краски, поражаютъ насъ скорѣе блескомъ, чѣмъ пестротою. Согласно съ предписаніями закона, украшенныя такимъ образомъ части никогда не имѣютъ символическаго значенія. За то самыя видныя мѣста въ этихъ украшеніяхъ покрыты безчисленными надписями изъ корана, поговорками и стихами. Вообще *надписи* составляютъ существенно-характеристическую черту въ орнаментировкѣ аравійскихъ зданій.

Нигдѣ аравитяне не оставили такихъ многочисленныхъ слѣдовъ своей дѣятельности, какъ на югѣ Испаніи; поэтому-то оставляя въ сторонѣ, за недостаткомъ мѣста, всѣ прочія страны, гдѣ процвѣтало аравійское искусство, мы займемся памятниками мавританскаго стиля.

Начало художественной дѣятельности аравитянъ въ Испаніи относится ко второй половинѣ восьмаго столѣтія по Р. Х., когда Абдельрахманъ, основавъ въ Испаніи независимое государство, началъ украшать свою резиденцію *Кордову* зданіями, между которыми особенно замѣчательна большая мечеть. При этомъ аравійская архитектура не только придерживалась римскаго стиля, но даже воспользовалась остатками римскихъ зданій.

Самую цвѣтущую эпоху аравійскаго искуства въ Испаніи составляетъ царствованіе Абдельрахмана III-го (912—961), по повелѣнію котораго было воздвигнуто множество зданій, причемъ простыя формы первыхъ столѣтій должны были уступить мѣсто тѣмъ роскошнымъ и фантастическимъ формамъ, какими отличаются памятники позднѣйшихъ періодовъ. Подобно тому, какъ вначалѣ аравійская архитектура примкнула къ римской, такъ теперь она взяла за образецъ византійскую, для того чтобъ заимствовать изъ нея болѣе роскошныя формы. Но эти византійскіе элементы приняли въ рукахъ аравитянъ совершенно другой видъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ними они продолжали употреблять формы, свойственныя ихъ собственной архитектурѣ, напр. подковообразную дугу.

Изъ зданій, построенныхъ въ *Севильѣ*, особенно замѣчательны: *Хиральда*, минаретъ, основанный въ 1195 г., гдѣ римскія и византійскія формы окончательно исчезаютъ; дворецъ *Алькасара*, отличающійся точно такими же формами какъ и Хиральда, и нѣкоторые другіе памятники.

Въ то время какъ въ аравійскихъ зданіяхъ *Кордовы* первый періодъ арабской архитектуры въ Испаніи характеризуется тяжеловатостью исполненія и подражаніемъ римскимъ и византійскимъ формамъ,—зданія *Севильи*, какъ памятники втораго періода, когда мавританское искуство начало принимать своеобразныя формы, составляютъ переходъ къ третьему періоду, отличающемуся тѣми богатыми и своеобразными формами, которыя поражаютъ насъ въ зданіяхъ *Гренады*, въ особенности же въ *Альгамбрѣ*.

Только въ позднѣйшее время мавританскаго владычества въ Испаніи, послѣ того какъ Кордова и Севилья перешли опять подъ власть христіанскихъ королей и Андалузія сдѣлалась послѣднимъ прибѣжищемъ мавританскаго народонаселенія Испаніи,—Гренада (основанная въ десятомъ столѣтіи по Р. Х.) достигаетъ значенія и могущества и дѣлается центромъ аравійскаго владычества и культуры въ Испаніи, резиденціей блестящаго двора и школой искусства и науки. Въ четырнадцатомъ столѣтіи она достигла высшей степени величія. Отъ ея многочисленныхъ памятниковъ уцѣлѣло очень немногое. Кромѣ *Генералифа*, изящнаго садоваго павильона въ стилѣ Альгамбры, одинъ только этотъ дворецъ представляетъ собою самый значительный и наиболѣе хорошо сохранившійся образецъ прежняго великолѣпія.

Альгамбра составляетъ часть города, обнесенную со всѣхъ сторонъ стѣнами, цитадель, въ которой кромѣ дворца находились еще общественныя и частныя зданія, и представляетъ снаружи одни только стѣны и башни, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны: *Семиэтажная башня, башня Велы* и *башня двухъ Принцессъ*. Находящійся въ этой цитадели дворецъ основанъ въ тринадцатомъ столѣтіи, въ царствованіе *Абу-Абдалла-бенъ-Нассара* († 1270), но окончатель-

ная отдѣлка его, сохранившаяся до сихъ поръ, производилась въ царствованіе *Абуль-Валида* (1309 до 1325) и *Абу-Абдалла* (1359 до 1391), а нѣкоторыя отдѣльныя части были прибавлены однимъ изъ послѣднихъ королей, *Мулей-Гассаномъ* (1445 до 1453).

Если одна часть дворца и подверглась въ царствованіе Карла V искаженіямъ, то все-таки самыя прекрасныя части внутренняго строенія еще сохранились. Это великолѣпныя залы и жилыя комнаты, группирующіяся вокругъ двухъ дворовъ: *Бассейнаго* (*Patio de la Alberca*), обнесеннаго двумя рядами миртовыхъ деревьевъ, и знаменитаго *Львинаго* (*Patio de los Leones*).

Этотъ послѣдній дворъ, чудо мавританской архитектуры, представляетъ собою не очень обширный параллелограмъ, окруженный крытой галлереей съ небольшими павильонами по концамъ. Галлерея опирается на сто двадцать восемь мраморныхъ колоннъ, увѣнчанныхъ аркадами, необыкновенной отчетливости и тонкости въ отдѣлкѣ. Эти колонны нѣкогда были позолочены сверху до низу. Надписи такъ-называемыми куфическими письменами распредѣлены щедро повсюду и всѣ славословятъ Бога. Въ центрѣ двора возвышается Львиный фонтанъ (*la Tasa de los Leones*), большой десятигранный водоемъ бѣлаго мрамора, надъ которымъ устроенъ другой, круглый поменьше, причемъ оба украшены барельефными надписями и арабесками превосходной работы. Нижній бассейнъ опирается на двѣнадцать львовъ, также изъ бѣлаго мрамора.

Изъ залъ особенно замѣчательны: *Судебная*, *Двухъ сестеръ*, *Абенсеррагов*ъ и *Посланниковъ*, въ особенности же два послѣднія.

*Зала Абенсеррагов*ъ если не самая большая, то безспорно самая красивая въ Альгамбрѣ: сводъ устроенъ — по испанскому выраженію — *media naranja* — (полуапельсиномъ) и такой изумительно-изящной работы, какую невозможно себѣ представить. Тысячи пандативовъ или маленькихъ висячихъ куполовъ, безконечно-разнообразной формы, отдѣляются отъ свода и свѣшиваются подобно сталактитамъ. Эти удивительные мавританскіе потолки можно сравнить только съ безчисленными ячейками улья. Что можетъ быть любопытнѣе ихъ расположенія—строго-математическаго и совершенно симметричнаго, не смотря на кажущуюся неправильность! Эти пандативы образуются соединеніемъ семи призмъ различной формы, надъ которыми извиваются дуги, то кругообразныя, то овальныя. Невольно удивляешься поразительному эффекту, котораго умѣли достигать мавританскіе архитекторы съ помощью такихъ простыхъ средствъ.

Но эта зала, при всемъ своемъ изяществѣ и богатствѣ, ничто въ сравненіи съ *залой Посланниковъ*, которую по справедливости можно назвать чудомъ и верхомъ искусства въ мавританскомъ дворцѣ. Эта зала, самая обширная въ Альгамбрѣ, имѣетъ около сорока футовъ длины въ каждомъ фасѣ и семьдесятъ вышины отъ пола до потолка или свода,—размѣры значительные, въ сравненіи съ прочими комнатами. Потолокъ или сводъ сдѣланъ изъ смолистаго дерева, семейства кедровъ или лиственницы. Безчисленные куски дерева, образующіе куполъ, перекрещиваются между собою съ нескончаемымъ разнообразіемъ, недоступнымъ описанію. Все вмѣстѣ выкрашено въ голубой, красный и зеленый цвѣта и отдѣлано позолотой, которой время придало самые гармоничные оттѣнки. Что касается стѣнъ, то и тутъ все та же роскошь гипсовыхъ арабесковъ, выдѣланныхъ съ едва-замѣтной выпуклостью и нѣжностью кружевъ, посредствомъ предварительнаго отливанія въ форму. Такимъ образомъ, съ помощью самыхъ простыхъ началъ, воспроизводившихся и соединявшихся между собою, рисунки развиваются и разнообразятся до безконечности. Зала Посланниковъ освѣщена съ каждой стороны тремя окнами, оканчивающимися въ верхней части двойной круглой дугой. Толщина стѣнъ такова, что эти амбразуры составляютъ какъ бы альковы около десяти футовъ глубины. Изъ окна, обращеннаго къ главному входу, видъ великолѣпный: взоръ обнимаетъ съ высоты птичьяго полета холмъ, покрытый самой роскошной растительностью, у подошвы котораго протекаетъ Дарро.

(Продолженіе будетъ).

Судебная хроника.

Дѣло Кудриныхъ. Весь прошлый мѣсяцъ въ Москвѣ только и было толковъ что объ этомъ дѣлѣ. Интересъ заключался въ пикантности самаго процесса, въ огромномъ числѣ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ и въ различныхъ особенностяхъ того преступленія, за которое преслѣдуются братья Кудрины.

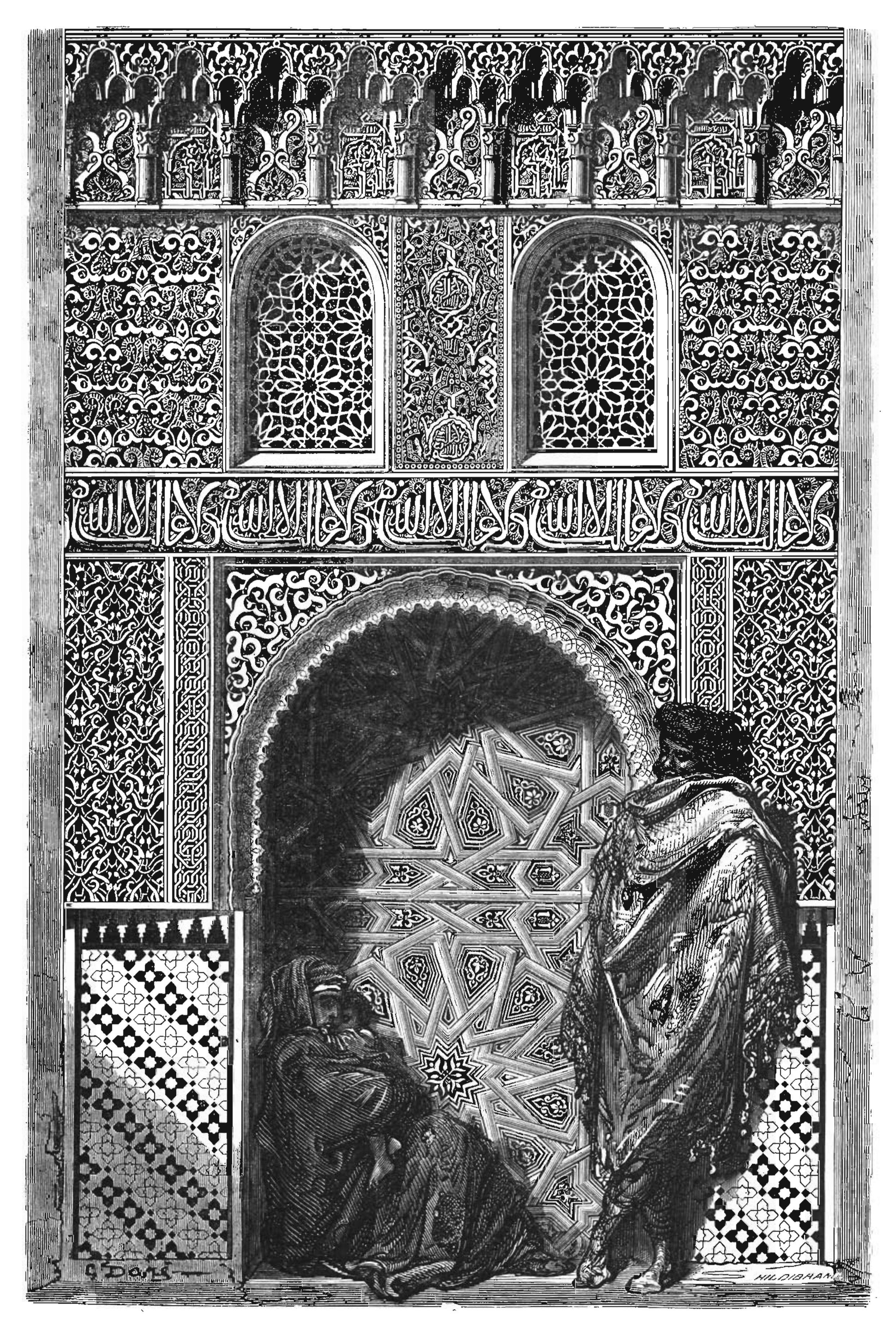
Дѣло Кудриныхъ разбиралось въ московскомъ окружномъ судѣ, при участіи присяжныхъ засѣдателей, съ 18-го по 24-е сентября. Всѣхъ подсудимыхъ 28 человѣкъ; свидѣтелей вызвано до 80 чел. Одно слѣдствіе заняло около 10-ти большихъ томовъ; обвинительный актъ на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ; множество вещественныхъ доказательствъ, разнообразнаго вида и достоинства. Подсудимые обвиняются въ принадлежности къ скопческой ереси и въ ея распространеніи.

Въ числѣ ихъ мужчинъ оказалось только 4; остальные всѣ — женщины. Возрастъ подсудимыхъ крайне различенъ: между ними находятся 80-ти-лѣтніе старики и старухи и дѣвочки 15-ти и 16-ти лѣтъ; большая часть принадлежитъ къ крестьянскому сословію, потомъ къ сословію мѣщанъ, цеховыхъ, къ купеческому (братъ Кудрина), двѣ дѣвицы изъ духовнаго званія, есть даже одна—дочь поручика.

Подсудимые большею частію неграмотны. Ни у кого изъ нихъ образованіе дальше умѣнья читать и писать не пошло. Съ самаго ранняго утра, зала окружнаго суда была осаждаема многочисленною публикою, желавшею послушать интересный процессъ и посмотрѣть на подсудимыхъ. Въ числѣ зрителей было много дамъ.

Наружность нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, въ особенности мужчинъ, показываетъ, до нѣкоторой степени, что они скопцы: такъ, Дмитрій Кудринъ, не смотря на свои 40 лѣтъ, на видъ чрезвычайно моложавъ и даже имѣетъ въ себѣ много женственнаго, цвѣтъ лица нѣжный съ румянцемъ, безъ бороды и усовъ; братья его Андрей и Никита, очень похожіе между собою, небольшаго роста, съ блѣдными лицами, съ румянцемъ на щекахъ, съ небольшими рѣдкими бородками и усами; 80-ти лѣтній старикъ Мих. Артамоновъ, совершенно глухой, съ сѣдыми, кудрявыми волосами, но безъ бороды и усовъ.

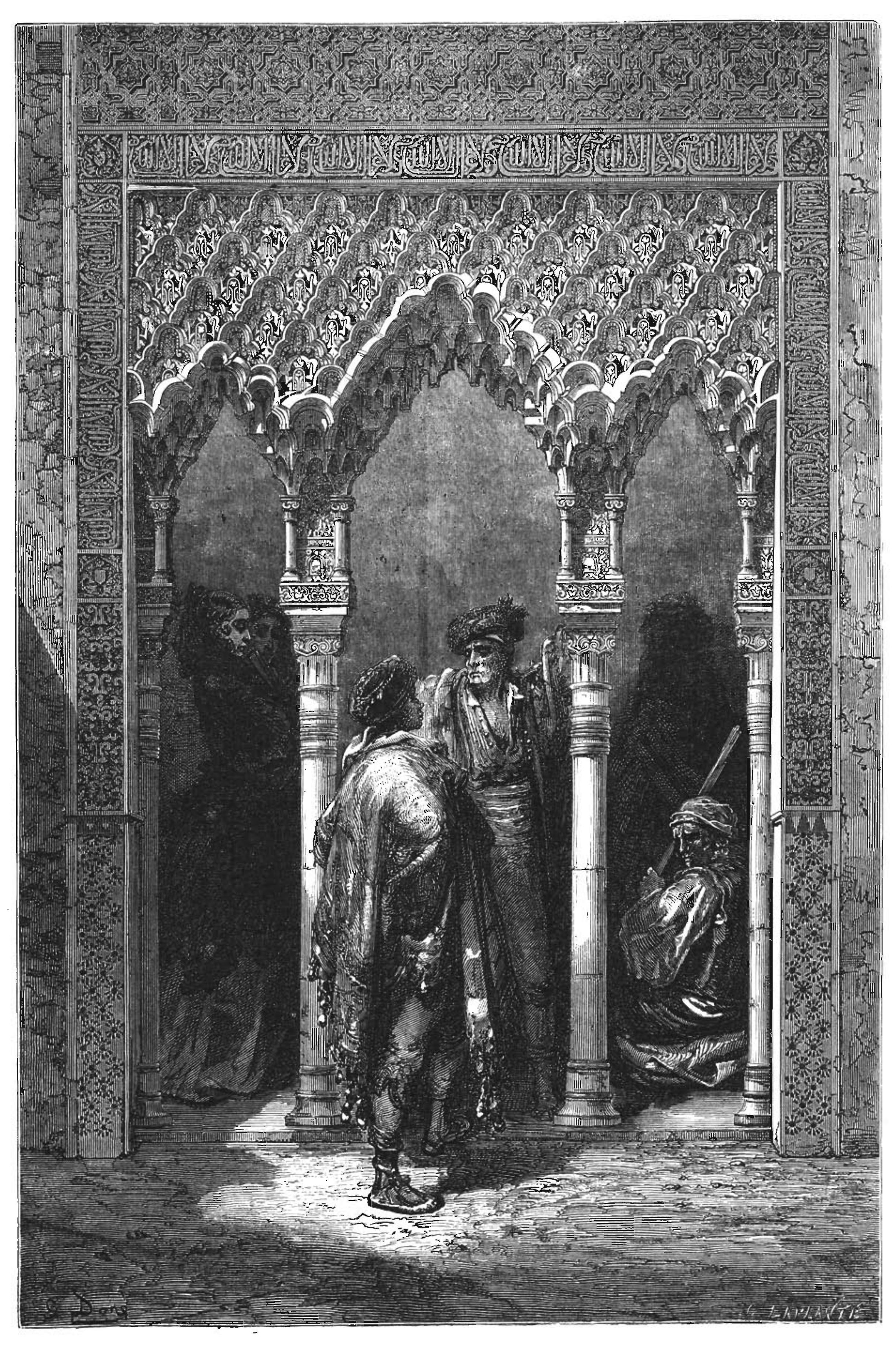
Всѣ подсудимые, за исключеніемъ Дмитрія Кудрина, явились на судъ одѣтыми въ арестантскіе халаты; на жен-

Дверь башни принцессъ.

Рисовалъ Доре, гравировалъ Гильденбрандтъ.

(См. стр. 650).

Дверь судебной залы.

Рисовалъ Доре, гравировалъ Лапланть.

(См. стр. 651).

щинахъ, кромѣ того, бѣлые платки на головахъ. Женщины держатъ себя спокойно, говорятъ громко, подходятъ къ столу чрезвычайно развязно.

Семейство Кудриныхъ происходитъ изъ брестьянъ помѣщика Крюкова, Крапивенскаго уѣзда Тульской губерніи. Первымъ пріѣхалъ въ Москву Андрей Кудринъ, въ качествѣ камердинера при своемъ баринѣ. Въ это время, именно въ 1843 году, онъ познакомился съ дочерью скопца, дѣвицей Екатериной Михайловой, и, по ея просьбѣ, поселился у нея, чтобы присматривать за постройками. Потомъ, на общія средства, они завели въ домѣ снурочное заведеніе и жили вмѣстѣ какъ братъ съ сестрой. Что-то таинственное происходило въ этомъ домѣ: мужчины въ него не допускались, хозявва обѣдали отдѣльно отъ рабочихъ, мяса никогда не ѣли. Спустя 9 лѣтъ, Михайлова строитъ новый домъ, а прежній продаетъ Андрею Кудрину и брату его Дмитрію, также явившемуся въ Москву, но продолжаетъ жить съ ними вмѣстѣ, въ роли хозяйки. Соединившись на общее житье, Кудрины быстро богатѣютъ: открываютъ мѣняльную лавку, потомъ арендуютъ дома, покупаютъ дачу Камшиловку, гдѣ Дмитрій Кудринъ устраиваетъ заводъ рысистыхъ лошадей, а братъ его Андрей пріобрѣтаетъ фотографію, въ которой приготовляетъ различные предметы для распространенія скопческой ереси, — снимаетъ портреты съ приходящихъ скопцовъ и скопчицъ, рисуетъ акварельный портретъ скопческаго ересіарха Селиванова, съ котораго снимаются фотографическіе снимки, и эмблематическій портретъ императора Петра III. Въ 1863 году, къ нимъ присоединяется Никита Кудринъ съ дочерью своею Анною. Черезъ годъ послѣ того, возникаетъ дѣло объ оскопленіи Никиты Кудрина. Все это внушило подозрѣнія къ дому Кудриныхъ—и въ іюлѣ 1869 года богородскій исправникъ доноситъ о своихъ подозрѣніяхъ товарищу прокурора московскаго окружнаго суда. По освидѣтельствованіи Кудриныхъ, всѣ трое оказались оскопленными. Въ московскомъ домѣ ихъ найдены различныя мази, пластыри, пояски, кипарисныя стружки, книга берлинскаго изданія «Таинственная капля» и нѣсколько частей сочиненія Эккартсгаузена «Ключъ къ таинствамъ природы»; кромѣ того, въ домѣ кр. Зачесова, куда была передана часть вещей Кудриныхъ, нашли картину, изображающую царя Давида, портретъ скопца съ медалью въ рукѣ и такой-же фотографическій, картину распятаго монаха и крестъ. Затѣмъ, въ домѣ Кудриныхъ найдены живущими три дѣвушки, далеко не первой молодости, изъ которыхъ одна оказалась съ признаками оскопленія на грудяхъ. Свидѣтельскими показаніями обнаружено, что въ домѣ Кудриныхъ собирались скопцы, человѣкъ по 15-ти, что между ними происходили радѣнія, т. е. молитвенныя собранія съ пѣніемъ, пророчествомъ, круженіемъ, скаканіемъ и проч., что такія же собранія бываютъ и въ домахъ Ирины Павловой, Маріи Домбровской, Екатерины Михайловой и Трофимовой. Обыски во всѣхъ этихъ домахъ подтвердили свидѣтельскія показанія: оказалось, что во всѣхъ ихъ устроены ленточныя заведенія—спеціальное изстари занятіе скопческихъ домовъ,—что въ нихъ живутъ дѣвушки, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ механически произведенныя поврежденія. Далѣе обыски показали, что образъ жизни обитательницъ этихъ домовъ отличается тѣми же особенностями какъ и обитателей дома Кудриныхъ, найдено значительное количество платковъ, поясковъ, крестиковъ, различныхъ лекарствъ и травъ, нѣсколько книгъ и картинъ чисто-скопческаго характера. На допросѣ, Дмитрій Кудринъ сознался въ томъ, что онъ скопецъ, и объяснилъ, что онъ былъ оскопленъ своимъ отцемъ 10-ти или 11-ти лѣтъ отъ роду; уговорилъ его отецъ, увѣряя, что за это онъ будетъ его любимымъ сыномъ, будетъ счастливымъ и угоднымъ Богу. Не понимая въ чемъ дѣло, онъ согласился и послѣ операціи былъ 6 недѣль боленъ. Въ домѣ ихъ бывали сборища скопцовъ и скопчихъ, и братъ его Андрей съ Михайловымъ «ходили у нихъ за пророковъ». Относительно порядка радѣній, Дмитрій Кудринъ разсказалъ, что они происходятъ подъ большіе праздники, преимущественно рано утромъ. Для радѣнія мужчины надѣваютъ халаты, а женщины иногда длинные сарафаны, но всегда покрываютъ головы бѣлыми платками съ мушками или полосками и такіе же платки надѣваютъ на шею. Затѣмъ разсаживаются въ комнатѣ по старшинству. Въ комнату ставятъ иконы и портреты прежнихъ старшихъ учителей, которыхъ называютъ «милосердый батюшка, великій страдалецъ», потомъ молятся на иконы и портреты и кланяются другъ другу въ ноги. Послѣ этого начинается пѣніе стиховъ, послѣ пѣнія кланяются въ ноги тому, кто будетъ ходить въ этотъ разъ въ словѣ или милости Божіей, т. е. пророчествовать. Пророчества эти бываютъ общія—обо всѣхъ членахъ ереси, и особо — каждому изъ присутствующихъ. Тотъ, кому особо пророчествуется, стоитъ на колѣняхъ, крестится обѣими руками и кланяется въ ноги. По окончаніи пророчествъ начинается радѣніе. Оно бываетъ четырехъ родовъ: *корабельное*, состоящее въ томъ, что всѣ становятся въ кругъ и ходятъ по солнцу, причемъ поютъ стихи; *стѣнкой*, заключающееся въ томъ, что, ставъ рядомъ, плечо къ плечу, ходятъ долго и сопровождаютъ это снова пѣніемъ стиховъ; радѣніе *крестикомъ* производится такъ, что 4, 6 или 8 человѣкъ, ставъ другъ противъ друга, быстро крестообразно пробѣгаютъ одинъ на мѣсто другаго, сидящіе же въ это время поютъ; наконецъ, радѣніе *кружкомъ* совершается каждымъ отдѣльно: причемъ радѣющіе крайне быстро вертятся на одномъ мѣстѣ. Это самое трудное радѣніе, и его производятъ особые мастера или пророки. Послѣ радѣнія всѣ молятся, цѣлуютъ портреты и, напившись вмѣстѣ чаю, расходятся. Исполняя свои обряды, скопцы наружно исполняютъ и обряды православной церкви. Андрей Кудринъ показалъ, что былъ оскопленъ еще въ 1829 году въ Москвѣ унтеръ-офицеромъ Горшковымъ, который жилъ въ Кремлѣ на казенной квартирѣ. Подъ вліяніемъ частыхъ бесѣдъ и чтенія священнаго писанія, которое объяснялъ ему Горшковъ и научалъ какъ надо жить, чтобы спастись, Андрей Кудринъ согласился на полное оскопленіе, что и было исполнено въ одну изъ бесѣдъ тѣмъ же Горшковымъ. Никиту Кудрина, по его собственнымъ словамъ, оскопилъ нѣкто Ефремовъ, съ которымъ онъ случайно познакомился въ Курскѣ, на Коренной ярмаркѣ, во время крестнаго хода. Ник. Кудринъ, въ числѣ другихъ богомольцевъ, легъ спать на берегу рѣки; Ефремовъ далъ ему чего-то выпить—когда подсудимый послѣ этого заснулъ, то во снѣ и было совершено надъ нимъ оскопленіе. Впослѣдствіи онъ указалъ суду на своего оскопителя и былъ оправданъ.

Подсудимыя о поврежденіяхъ въ различныхъ органахъ, а также по обвиненію въ принадлежности къ скопчеству, показали различно; одни, что ихъ оскопили въ дѣтствѣ, когда онѣ еще ничего этого не понимали; другія, что поврежденія въ различныхъ частяхъ тѣла произошли у нихъ отъ простуды, отъ оспы или отъ другой болѣзни, въ родѣ чирьевъ и т. под.; третьи, что ихъ оскопили во время сна въ родительскомъ домѣ; наконецъ, четвертыя утверждали, что это у нихъ отъ природы. О принадлежности къ скопчеству, почти всѣ отозвались, что не могутъ себя признать въ этомъ виновными, такъ-какъ образъ ихъ жизни не представлялъ ничего особеннаго. Профессоры богословскихъ наукъ, о предъявленныхъ имъ различныхъ предметахъ изъ скопческихъ домовъ, объяснили, что портреты Селиванова и Петра III принадлежатъ къ скопческимъ и служатъ у скопцовъ предметами особаго почтенія; сухой калачикъ, другія картины, кипарисныя стружки и проч., имѣютъ у скопцовъ религіозное значеніе; а книги: «Таинственная капля» и «Ключъ къ таинствамъ природы», по своему содержанію, могутъ пользоваться у скопцовъ особымъ уваженіемъ. Опредѣляя характеръ самаго ученія скопцовъ, эксперты отозвались, что сущность ученія скопцовъ состоитъ въ искаженіи христіанскаго ученія объ искупленіи и въ отрицаніи основанной Іисусомъ Христомъ церкви, хотя наружно они и исполняютъ таинства и обряды церкви. Христомъ искупителемъ они признаютъ основателя своей ереси Селиванова, совершив-

шаго будто бы искупленіе чрезъ оскопленіе. Селиванова они отождествляютъ съ лицомъ императора Петра III, торжественнаго пришествія котораго и воцаренія они постоянно ожидаютъ. Оскопленіе составляетъ главную черту въ практическомъ ученіи и жизни скопцовъ; оно и есть главный противонравственный элементъ въ скопчествѣ, какъ дѣйствіе противо-общественное и противо-естественное. Изъ обрядовъ противо-нравственныхъ главный — радѣніе. Относительно женщинъ оскопленіе не требуется, какъ условіе для вступленія въ секту.

Рѣчь прокурора длилась болѣе трехъ часовъ. Признавая за скопчествомъ противо-правительственную цѣль, противоестественное и безнравственное содержаніе, онъ пришелъ къ тому заключенію, что скопчество исправить нельзя, а надо его карать и преслѣдовать, чего именно онъ и ожидаетъ отъ присяжныхъ, такъ-какъ въ настоящемъ случаѣ фактъ преступленія, по его мнѣнію, отвергать нельзя.

Защитники обращали вниманіе присяжныхъ на то, что хотя скопческая секта и происходитъ отъ секты хлыстовъ, но смѣшивать ихъ было бы несправедливо; что опираться на мнѣніе Надеждина, доказывавшаго въ своей книгѣ, что скопчество имѣетъ политическій характеръ, нельзя, такъ-какъ Надеждинъ писалъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ до нашего времени, при другихъ политическихъ и общественныхъ условіяхъ. Если бы скопчество преслѣдовало политическія цѣли, то, за все время своего существованія, оно могло бы уже обнаружить ихъ, примкнувъ къ какому-нибудь изъ политическихъ движеній, бывшихъ у насъ последніе сто лѣтъ. Между тѣмъ, ничего подобнаго не было. По мнѣнію защиты, секта скопцовъ можетъ считаться дикою, невѣжественною, но не безнравственною,—она основана на цѣломудріи, доведенномъ до послѣдней крайности вслѣдствіе религіознаго фанатизма; что и скопцы, въ своемъ противоестественномъ увлеченіи, стремятся къ отысканію истины, а потому заслуживаютъ снисхожденія.

Присяжные признали *тринадцать* подсудимыхъ *невиновными*, въ томъ числѣ Никиту Кудрина и дочь его Анну; *Андрея Кудрина*—виновнымъ во вторичномъ самооскопленіи, принадлежности къ сектѣ, распространеніи ея, припискѣ въ купцы и въ томъ, что принялъ брата Никиту, безъ отмѣтки въ паспортѣ объ оскопленіи; *Дмитрія Кудрина*—только въ принадлежности къ скопчеству и заслуживающимъ снисхожденія; *Михаила Артамонова* — въ принадлежности къ скопчеству и распространеніи его, но заслуживающимъ снисхожденія; *остальныхъ* (*12 женщинъ*) въ принадлежности къ скопчеству, но нѣкоторыхъ съ правомъ на снисхожденіе.

Судъ приговорилъ: всѣхъ подсудимыхъ, признанныхъ виновными, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ отдаленный край Восточной Сибири съ порученіемъ ихъ строжайшему надзору мѣстнаго начальства.

Политическое обозрѣніе.

Съѣздъ протестантовъ въ Дармштадтѣ и съѣздъ старокатоликовъ въ Мюнхенѣ, о которыхъ упоминалось въ нашемъ послѣднемъ обозрѣніи, произвелъ сильное впечатлѣніе во всей Германіи. Нѣмецкимъ католикамъ, такъ открыто и рѣшительно возставшимъ противъ іезуитскихъ интригъ и религіознаго фанатизма, необходимо было заручиться покровительствомъ со стороны свѣтскаго правительства, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣйствовать въ будущемъ. И вотъ они, черезъ посредство либеральныхъ представителей своихъ въ баварской палатѣ депутатовъ, обращаются къ правительству съ запросомъ, какого рода политики намѣрено оно держаться въ виду послѣднихъ событій въ католическомъ мірѣ: намѣрено ли оно оказывать защиту тѣмъ изъ католиковъ, которые открыто заявили себя противниками догмата о папской непогрѣшимости; намѣрено ли оно признать за родителями право воспитанія ихъ дѣтей въ той или другой религіи, оказывать защиту общинамъ, стремящимся къ старо-католическому устройству и, наконецъ, законодательнымъ путемъ установить отдѣленіе церкви отъ государства? На этотъ запросъ, со стороны министра духовныхъ дѣлъ, послѣдовалъ отвѣтъ, сущность котораго передана телеграфомъ: министръ объявилъ, что «между точкою зрѣнія запроса и точкою зрѣнія правительства на этотъ предметъ существуетъ значительное сходство», что правительство «окажетъ законное покровительство всѣмъ гражданамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, которые не желаютъ признать догмата о папской непогрѣшимости; что оно признаетъ католическими общины «старо-католиковъ»; что оно, наконецъ, согласно на изданіе законовъ, способныхъ обезпечить полную независимость государства и церкви. Такимъ образомъ, современному намъ расколу въ католической церкви оказываютъ поддержку даже католическія правительства. Явленіе это чрезвычайно важно во всѣхъ отношеніяхъ; оно показываетъ, до какой степени умственной зрѣлости дошли представители католическаго духовенства въ Германіи и другихъ государствахъ, не побоявшіеся выступить на открытую борьбу съ римскою куріей и на защиту правъ древне-христіанской церкви. Оно показываетъ, что папство все болѣе и болѣе теряетъ своихъ сторонниковъ, которые, отступаясь отъ него, увеличиваютъ уже и безъ того значительное число его враговъ; что самъ папа, вслѣдствіе своей старости и безпомощности, является не болѣе какъ игрушкой въ рукахъ людей, умѣющихъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Его характеръ представляетъ смѣсь слабости, тщеславія и раздражительности и какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ желаніямъ іезуитовъ, его постоянно окружающихъ. Эти послѣдніе поддерживаютъ и даже разжигаютъ ненависть папы къ современному движенію мысли и дѣла, боясь, чтобы онъ, по своей слабости и безхарактерности, не примирился съ королемъ итальянскимъ и не выдалъ бы ему всѣхъ іезуитовъ головою. Итальянское же правительство поступаетъ въ настоящемъ случаѣ весьма рѣшительно: конфискуетъ монастырскія имущества, изгоняетъ изъ монастырей монаховъ и монахинь—и когда тѣ, ссылаясь на рѣшеніе папы, отказываются очистить свои кельи, то прибѣгаетъ къ силѣ и т. далѣе.

Несмотря, однако, на видимый и повсемѣстный успѣхъ либеральной католической партіи, въ нѣкоторыхъ странахъ еще находятся такіе католики, которые не только не стѣсняются заявлять себя приверженцами узкаго религіознаго направленія, но это направленіе считаютъ единственнымъ средствомъ спасти міръ отъ всесвѣтной революціи и всяческихъ безпорядковъ. Такъ наприм. одинъ изъ вліятельнѣйшихъ католиковъ Англіи напечаталъ въ самой распространенной газетѣ статью, въ которой старается доказать необходимость поддерживать католическую церковь (въ узкомъ ея значеніи) чтобы этимъ средствомъ (!) противодѣйствовать революціоннымъ стремленіямъ англійскихъ рабочихъ и вообще демократіи. На это заявленіе вскорѣ послѣдовалъ отвѣтъ, объясняющій нынѣшнее движеніе между англійскими рабочими.

Вообще говоря, англійскіе рабочіе болѣе чѣмъ когда-нибудь сознаютъ зависимость ихъ труда отъ капитала и необходимость противодѣйствовать ему всевозможными средствами. Доказательствомъ этому могутъ служить многочисленныя стачки послѣдняго времени и въ особенности стачка ньюкасльскихъ механиковъ, только недавно окончившаяся. Стачка эта, по своему характеру и размѣрамъ, явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ даже въ Англіи. Началась она еще въ маѣ мѣсяцѣ и продолжалась до конца сентября; слѣдовательно, она длилась

4 мѣсяца. Она возбудила къ себѣ со стороны рабочихъ классовъ самое живое сочувствіе. Рабочіе, числомъ около 9000 человѣкъ, требовали отъ своихъ хозяевъ уменьшенія рабочаго дня до 9-ти часовъ — при старой платѣ. Хозяева на это не согласились и стачка вспыхнула. Статчиковъ поддерживали рабочіе союзы и собственный запасный капиталъ, простирающійся до весьма почтенной цифры, такъ-что каждому рабочему выдавалось до 7 шилинговъ въ недѣлю (болѣе 2-хъ рублей сер.). Въ четыре мѣсяца на помощь стакнувшимся союзъ издержалъ 12000 фунтовъ стерлинговъ (около 75 тыс. рублей сер.). Фабриканты призвали было иностранныхъ рабочихъ; шотландцевъ, бельгійцевъ и норвежцевъ, но они, по прибытіи на мѣсто и разобравъ въ чемъ дѣло, также отказались работать. Тогда хозяева снова вступили въ переговоры съ рабочими и, наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, уступили ихъ требованію. Такимъ образомъ, рабочіе остались побѣдителями, хотя письменнаго подтвержденія новаго условія они не добивались со стороны фабрикантовъ, которые, къ тому-же, выговорили себѣ право увеличивать число рабочихъ часовъ въ случаѣ спѣшной работы. Въ дѣлѣ соглашенія рабочихъ съ хозяевами принимали участіе депутаты съ той и другой стороны и нѣкоторые изъ членовъ парламента. Не менѣе значительныя стачки начались между каменотесами въ Лидсѣ, которые хлопочутъ объ уменьшеніи работы на одинъ часъ въ недѣлю, стачка между рабочими въ каменноугольныхъ копяхъ въ южномъ Уэльсѣ, грозящая принять небывалые размѣры, между плотниками, столярами и ножевщиками въ Шеффильдѣ, стачка льнопрядильщиковъ въ Бостонѣ и другія. Общій характеръ требованій рабочихъ состоитъ или въ уменьшеніи числа часовъ дневной работы, или въ увеличеніи платы до той суммы, какую они получали лѣтъ семь тому назадъ и которая была уменьшена хозяевами. Консервативной газета «Times» становится на сторону рабочихъ, порицая дѣйствія хозяевъ, не желавшихъ уменьшить рабочее время на одинъ часъ въ день.

Турція, эта неподвижная и малопросвѣщенная страна, вступаетъ нынѣ на путь реформъ. Султанъ написалъ къ великому визирю письмо, въ которомъ онъ указываетъ на реформы, стоящія на-очереди, и излагаетъ свой взглядъ на то, при какихъ условіяхъ онъ желалъ бы видѣть ихъ осуществленіе.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 8 Октября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.-П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. пр. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 17 октября 1871 года. **Годъ II.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.

Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ ВЪ 1872 ГОДУ.

Открывая подписку на будущій 1872 годъ и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы“, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ заранѣе высылать свои требованія вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы“.

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 130—150 художественно-выполненными русунками.

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 руб.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 к.	Для иногородныхъ съ пересылкой и упаковкой.	5 »

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

В. И. КЕЛЬСІЕВА.

(Продолженіе).

VI.

Мастеровые.

На другой день Константинъ всталъ блѣдный, плохо выспавшись, и спустился изъ своей свѣтелки внизъ, гдѣ Парамоновичъ, какъ человѣкъ цивилизованный, уже сидѣлъ за кофе, который только-что подала на столъ рябая босая работница, исполнявшая въ одно и то же время должность и стряпки, и прачки, и коровницы, и швеи. Константинъ перекрестился на иконы, поклонился отцу, поцѣловалъ его руку и присѣлъ къ кофе.

— Что ты блѣденъ больно? спросилъ старикъ.

— Плохо спалъ, отвѣчалъ Константинъ.

— Чудишь ты, Костька, съ тѣхъ поръ какъ у царя побывалъ; по ночамъ какихъ-то гостей къ себѣ водишь. Смотри и заруби себѣ на носу: коли дѣло хорошее затѣялъ, мое родительское благословеніе тебѣ есть; а коли не хорошее, вотъ тебѣ Спасъ, Богородица, — старикъ указалъ на иконы стоявшія въ углу, — прокляну.

Константинъ улыбнулся.

— Ладно, сказалъ онъ отцу.

У старика камень отъ сердца отвалился. Онъ протянулъ сыну руку, они обнялись и поцѣловались.

— Да и гдѣ это показано, говорилъ Парамоновичъ,—

чтобъ сынъ, еще недолѣтокъ, отъ отца тайны держалъ?

— Тятенька, отвѣчалъ Константинъ, — а гдѣ написано, чтобъ отецъ сына на себя похожимъ рожалъ?

— Какъ на себя похожимъ?

— Да вотъ такъ: характеромъ я въ тебя уродился. Вѣдь и ты самъ, какъ какое большое дѣло задумаешь, такъ и ходишь точно пришибленный. Сколько разъ пытаешь тебя бывало: отчего ты, тятенька, не веселъ? куда ты по цѣлымъ днямъ уходишь? — и слова отъ тебя не добьешься: знаешь-молчишь да угрюмишься; такъ вотъ и я въ тебя пошелъ. Тайны у меня нѣтъ, а противно мнѣ говорить о томъ, что́ не додѣлано.

— Оно точно, сказалъ Парамоновичъ, — это будетъ складнѣй. Не хвались на пиръ ѣдучи, а хвались съ пиру ѣдучи.

Они оба замолчали — Парамоновичъ раскидывалъ умомъ, что̀ такое затѣялъ Костька, а Костька соображалъ слова и указанія скота-Ивашки.

— Тятенька, сказалъ онъ, напившись кофе,—буду я наверху одну махину строить, не пускай ты прямо ко мнѣ никого.

— И самому-чай не ходить? сказалъ старикъ обидчиво.

— Эхъ, куда не шло, махнулъ рукой Константинъ,— ходи, только чтобъ кромѣ тебя никто не видалъ.

Затѣмъ Константинъ забрался въ свою свѣтелку—и оттуда послышался визгъ пилы, стукъ молотка, шуршаніе рубанка. Только къ обѣду сошелъ онъ внизъ и противъ обыкновенія попросилъ у отца чарку водки. Отецъ удивился, потому-что Константинъ почти ничего не пилъ хмѣльнаго, но вглядѣвшись въ него и видя, какъ у него дрожатъ руки, какъ на лицѣ у него отразились слѣды напряженной мысли, самъ поднесъ ему чарку лучшей, какая только была на постояломъ дворѣ. Сейчасъ послѣ обѣда Константинъ опять ушелъ наверхъ. Опять послышались тамъ и пила и молотокъ и буравъ и рубанокъ—и уже засыпалъ старикъ на лежанкѣ въ десятомъ часу вечера, а шумъ все продолжался. Онъ проснулся около часу ночи — наверху визжало точно какія-то колеса вертѣлись. Въ пятомъ часу утра онъ всталъ, накинулъ полушубокъ пойдти къ заутрени — на верху все еще шелъ тотъ же визгъ и тотъ же стукъ.

— Ишь ты, парень какой! думалъ онъ. — Наградилъ Господь Богъ меня грѣшнаго. Ужь день и ночь спать не станетъ, а дѣло какое затѣялъ сдѣлаетъ. Да и царь-то, нечего сказать, ухъ какой чуткій!—взглянетъ, сразу человѣка насквозь провидитъ; ровно всѣ передъ нимъ стеклянные ходятъ. Эхъ, кабы Костька службу ему сослужилъ! Кто знаетъ, можетъ чѣмъ ни на есть его бы и пожаловали.

Старикъ стоялъ уже на порогѣ, собираясь выдти, но, почесавъ затылокъ, подошелъ къ поставцу. Отворивъ его, онъ отрѣзалъ толстый ломоть чернаго хлѣба, круто посолилъ его, положилъ на деревянный кружокъ. Подлѣ хлѣба онъ положилъ кусокъ копченаго сига, луковицу и налилъ еще чарку водки, затѣмъ взявъ въ лѣвую руку лучину, а въ правой держа кружокъ, поднялся наверхъ.

— Кто тамъ? крикнулъ голосъ Константина изъ комнаты.

— Отвори, Костенька, я тебѣ перекусить принесъ. Больно ты умаялся, всю ночь работаешь.

Дверь мигомъ распахнулась—и блѣдный какъ полотно Константинъ очутился на порогѣ, въ русской рубахѣ, въ портахъ босикомъ, съ засучеными рукавами, весь въ опилкахъ, въ клею и въ смолѣ.

— На, сказалъ старикъ, отворачивая лицо отъ комнаты, — перекуси и водки испей. Она, ты знаешь, утробу-тѣ обогрѣетъ и силы придастъ.

— Спаси тя Христосъ, тятенька! сказалъ Константинъ, принимая у него изъ рукъ кружокъ. — Больно ты обо мнѣ заботливъ.

— Ну, ну, ворчалъ Парамоновичъ, — свое дѣло сполняй. Къ заутрени не идешь, что-ли?

— Нѣтъ, тятенька, ужь помолись ты за меня, а какъ воротишься, покажу; все равно покажу, удастся или не удастся.

— А идетъ на ладъ? спросилъ Парамоновичъ заботливо.

— Кажись-что идетъ; развѣ въ мелочи какой ошибка будетъ.

Онъ поцѣловалъ руку отца, отецъ перекрестилъ его и спустился съ лѣстницы.

Затѣмъ снова пошли въ дѣло долото и молотокъ, буравъ и напилокъ, модель быстро выростала. Время летѣло незамѣтно. Вдругъ Константинъ отошелъ отъ верстака, тяжело вздохнулъ, перекрестился на иконы, вытащилъ изъ-подъ лавки мѣшокъ съ паклей и горшечекъ со смолою, прицѣпилъ паклю ровными пасьмами крючечкомъ на колесо, смазалъ смолою и началъ вертѣть колесо, пропуская паклю чрезъ разныя дырочки и между разными колесами, которыя каждую пасьму скручивали ровно — и въ цѣломъ выходила веревочка въ мизинецъ толщиною, гладенькая, ровная, просмоленая.

Сомнѣніе было разрѣшено — Иванъ не надулъ Константина. Вотъ онъ образцовый канатъ!.. вотъ начало будущаго завода, состоянія, почета!.. Вотъ леса той удочки, которою онъ вытащитъ Лукерью изъ ея гордаго родительскаго дома!

На лѣстницѣ послышались шаги. Акулина несла ему обѣдъ.

— Ишь озорникъ какой! сказала она, собирая на столъ, — ишь озорникъ какой! гдѣ это, прости Господи, Твоя воля, видано: ни днемъ не прилечь, ни ночью не спать? Взяла-бъ я у тебя всѣ эти штрументы и всѣ бы твои махины, да въ печь бы, да въ печь бы!—Правду говорятъ умные люди, что антихристово время наступило. Точно нѣмцы какіе — на болотѣ городъ строятъ, бороды поснимали, на бабъ стали похожи, и всѣ отъ мала до велика знай пилятъ да стругаютъ. Развѣ это крещенаго человѣка дѣло? Ты сообрази: на что Богъ нѣмца сотворилъ?

— Ну, ну, Акулинушка, виноватъ, виноватъ, въ другой разъ не буду, уговаривалъ Константинъ ворчливую работницу.

И онъ засѣлъ за обѣдъ, но то и дѣло вскакивалъ съ мѣста, подходилъ къ машинѣ, то тамъ то сямъ проходилъ по ней долотомъ, клей мѣстами счищалъ, спиливалъ шляпку какого-нибудь гвоздика и все разсматривалъ веревочку.

На другой день Константинъ ушелъ со двора чѣмъ-свѣтъ, на третій день тоже. Парамонычъ дѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ, отмалчивался, но видимо начиналъ дуться и скучать безъ сына. Только гости вольнаго двора и развлекали его — народъ самый разношерстный. Разъ онъ сидѣлъ одинъ, задумчиво поглядывая на окно; на дворѣ залаяла собака, брякнула калитка и, затѣмъ, въ сѣняхъ раздался незнакомый голосъ.

— А что, хозяинъ, спаси тя Христосъ, погрѣться можно будетъ?

— Милости просимъ, отвѣчалъ Парамоновичъ, предполагая что это какой заѣзжій, можетъ статься служилый идущій на работу, а можетъ статься и простой какой человѣкъ; да все равно — нажива будетъ: спроситъ поснѣдать чего-нибудь, а можетъ съ холодку-то и на винцо разрѣшитъ.

Дверь отворилась. Вошелъ человѣкъ оборванный, грязный, лицо было запачкано сажей, волосы и борода всклокочены. Истертый сермяжный армячишко прикрывалъ его, виднѣлась сквозь прорѣхи грязная полугнилая рубаха. За поясомъ былъ топоръ и долото.

— Спаси тя Христосъ! сказалъ пришелецъ, перекрестясь. — Что, поснѣдать у тебя ничего не найдется, а не то и выпить? Больно уже усталъ.

— Да ты отколь? спросилъ Парамоновичъ, глядя на него подозрительно.

— Да тутъ, дѣдушка, сваи обстругивалъ. Подрядчикъ всю ночь работать заставилъ, да спасибо ужъ вотъ хоть къ заутрени разсчиталъ. Изморились мы такъ, что еле душа въ тѣлѣ держится. Пошелъ я было ко двору, да вишь у тебя пузырь въ окнѣ свѣтится,—вспомнилъ, что у тебя вольный дворъ, — дай, думаю, зайду,—авось меня, сироту, за мое убожество не прогонятъ, а алтынъ, куда не шло, искошелю. Посмотри, какъ весь отсырѣлъ!

Парамоновичъ взглянулъ: отъ пришельца, въ самомъ дѣлѣ, паръ валилъ; армячишко такъ и дымился.

— Такъ тебѣ чего? спросилъ онъ его.

— Да первое дѣло, дѣдушка, коли перцовка есть— дай стаканчикъ; да коли каши найдется, а не то просто ломоть хлѣба, — чѣмъ Богъ послалъ.

Онъ полѣзъ за пазуху, вытащилъ мошну и выложилъ алтынъ передъ старикомъ.

— Это, дѣдушка, чтобъ сумнѣніе не приходило, сказалъ онъ. — Знаю, нашего брата, рабочаго-то, не больно чествуютъ; много нехорошихъ дѣловъ братъ нашъ дѣлаетъ. А все отчего? отъ сиротства.

Парамоновичъ, всегда осторожный и всегда мнительный, взялъ алтынъ, посмотрѣлъ, на зубы попробовалъ и положилъ въ мошну.

— Что сдачи придется, сказалъ онъ, — отдамъ.

— Все равно, дѣдушка, сумнѣнія никакого противъ тебя имѣть не могу.

Затѣмъ Парамоновичъ вынулъ изъ поставца кувшинчикъ, и жидкость чайнаго цвѣта налилась въ стаканчикъ. Ломоть хлѣба выползъ на кружкѣ съ тою же крупною солью изъ берестянаго бурака, луковка прилегла, квашеная капуста съ постнымъ масломъ и, наконецъ въ дополненіе всей роскоши, ломтикъ вареной говядины изъ вчерашнихъ щей.

Рабочій хватилъ перцовки, крякнулъ и сѣлъ противъ Парамоновича. Лучина ярко свѣтила ему лицо.

— Я тебя гдѣ-то видалъ, парень, сказалъ ему старикъ.

— А можетъ статься, отвѣчалъ тотъ, поглащая капусту и запуская въ ротъ кусокъ за кускомъ говядину.

Вилки тогда еще не были въ общемъ употребленіи, а ножа предусмотрительный старикъ не далъ. Столовыхъ ножей, т. е. такихъ, у которыхъ концы круглые, тогда еще не было, а тогдашній ножъ, востроносый, въ родѣ поварскаго или маленькаго мясницкаго, могъ, по мнѣнію Парамоновича, инаго человѣка въ соблазнъ ввести. Парамоновичъ былъ христіанинъ, и всегда помнилъ, что сказано въ Писаніи: «не введи во искушеніе»; а кто во искушеніе введется и его прирѣжетъ, то на страшномъ судилищѣ Господнемъ его же къ отвѣту потребуютъ: зачѣмъ, дескать, скажутъ, ты ножъ передъ нимъ положилъ? Яко ему на погибель вѣчную идти, такъ и ты съ нимъ ступай.

— А что, дѣдушка, можно тебя запытать будетъ, какое это питье предъ тобою стоитъ?

— Это бобъ такой — кофій, отвѣчалъ Парамоновичъ.—Въ Бѣлой Арапіи растетъ, гдѣ, коли Писаніе знаешь, доселѣ сыны Измаиловы живутъ.

— Это далеко?

— Далеко. За самымъ за святымъ градомъ Иерусалимомъ, близко того мѣста, гдѣ царь Фараонъ нечестивый потонулъ.

— Поди ты! премудрость какая! — А можно еще запытать, почемъ кружка стоитъ? да къ чему оно годится? отъ недуговъ какихъ, что-ли?

— Вся Европія, началъ Парамоновичъ,—сей напитокъ въ обычай взяла. Первое, на утробу хорошее дѣйствіе имѣетъ: отъ боли какой, примѣрно сказать, неисправности знатно помогаетъ. Другое, съ похмѣлья. Отъ усталости, послѣ безсонныхъ ночей свѣжитъ; какъ выпьешь кружку, такъ и помолодѣешь, и на умѣ свѣжѣе станетъ, а самъ ровно встрепаный.

— Премудрость! повторилъ рабочій.—До чего это человѣкъ не доходитъ: изъ далекихъ краевъ такое бобовое зерно возитъ. Да ужъ куда не шло, дѣдушка! а почемъ, скажи, кружка эта стоить будетъ?

Парамоновичъ, видя что парень-то тароватый, заломилъ неслыханную цѣну.

— Алтынъ, брякнулъ онъ.

— Эхъ! была не была! махнулъ рукой рабочій.

Вытащилъ мошну и выложилъ на столъ еще алтынъ.

— Давай, дѣдушка, сказалъ онъ съ важнымъ и торжественнымъ видомъ.

Парамоновичъ налилъ кружку, сахару положилъ, размѣшалъ и подалъ гостю, предварительно осмотрѣвши алтынъ.

Гость хлебнулъ, поморщился, еще разъ хлебнулъ и еще разъ поморщился.

— Ровно на полынь похоже, сказалъ онъ задумчиво.—Горьковато—а пить можно...

И онъ сталъ пить, прикусывая хлѣбомъ съ солью.

— Точно, сказалъ онъ,—какъ будто и въ правду легче стало. Ишь ты, до какихъ премудростей доходитъ человѣкъ! Встарину вѣдь этого не бывало.

— Теперь свѣтъ, догматически заявилъ Парамоновичъ.—Его Царское Величество Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ—дай Боже ему здравія, во всѣхъ дѣлахъ благое поспѣшеніе, а паче всего душевное спасеніе!—какъ свѣточъ какой озаряетъ своимъ державнымъ умомъ всю землю Русскую на наше величіе и на страхъ и изумленіе всѣмъ племенамъ земнымъ!

— Дай Богъ ему много лѣтъ жить и здравствовать! проговорилъ пришелецъ.—Только, дѣдушка, ты больно ученъ...

Парамоновичъ осклабился.

— Говоришь-то ты такъ высоко-высоко—слушалъ бы тебя не наслушался.

— За честь спасибо, отвѣчалъ Парамоновичъ скромно.—Только я что?—такіе-ли люди бываютъ на свѣтѣ—я такъ.

— Дѣдушка, съ того алтына-то сколько осталось? перебилъ гость.

— Съ того-то? алтына-то? четыре деньги осталось, сказалъ онъ.

— Дай-ка, дѣдушка, еще той перцовки на четыре деньги—посошкомъ на дорогу.

Парамоновичъ всталъ торжественно, видимо польщенный нежданнымъ комплиментомъ, и направилъ стопы свои къ поставцу, изъ котораго вытащилъ тотъ же кувшинчикъ съ перцовкой.

— А что, хозяинъ, ты меня все не признаешь? спросилъ вдругъ рабочій.

— Видать-то видалъ, только гдѣ—не помню.

— Такъ-таки и не помнишь?

— Нѣтъ, не помню.

— А я помню, гдѣ я тебя видалъ. За твое здоровье, дѣдушка! Дай тебѣ Богъ много лѣтъ жить и здравствовать! Пусть домъ твой будетъ какъ чаша полная, и пусть сынишка твой, Костька, въ люди выдетъ!

Парамоновичъ немного попятился и воззрился на чумазаго гостя.

— Ты Костьку-то какъ же знаешь? спросилъ онъ недоумѣвая.— Аль пріятели вы съ нимъ?

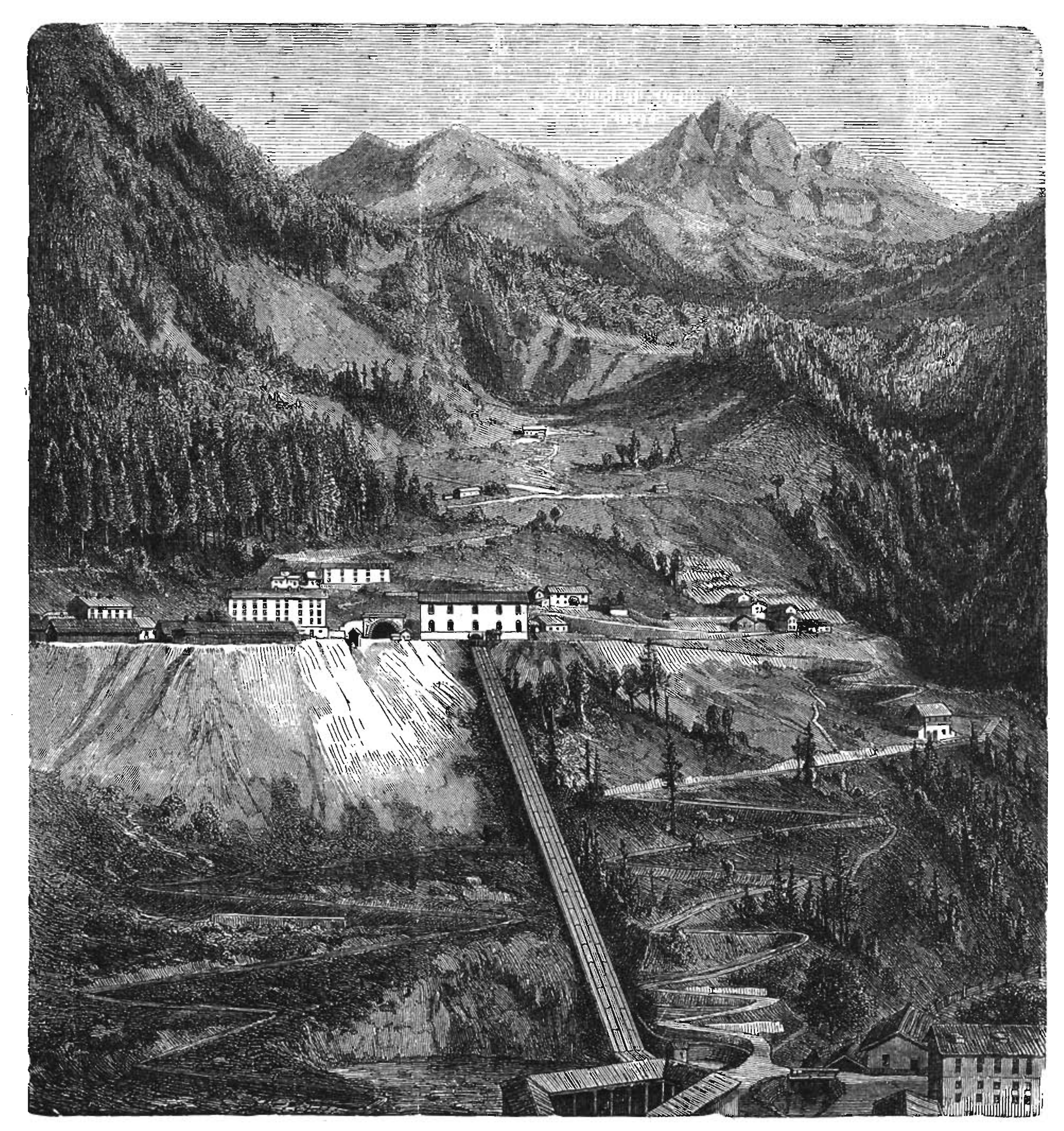
— А еще бы, отвѣчалъ тотъ.—Душа въ душу живемъ; еще такихъ пріятелей на свѣтѣ не бывало—съ одного плеча платье носимъ. однимъ и тѣмъ же кускомъ сыты бываемъ...

Парамоновичу пришло на мысль, что парень охмѣлѣлъ; но парень всталъ, помолился—и вдругъ быстро повернувшись къ Парамоновичу, сорвалъ съ себя подвязную бороду и бухнулся ему въ ноги.

— Тятенька, родной, заговорилъ онъ Костькинымъ голосомъ,—бей, только не гнѣвись!

Какъ стоялъ подлѣ лавки Парамоновичъ, такъ и сѣлъ.

— Бей, тятенька, бей! кричалъ онъ.—Нужно мнѣ было спытать, узнаютъ меня или не узнаютъ по голосу,

Въѣздъ въ Монсенисскій туннель съ французской стороны (отъ Модана).

по лицу, по одеждѣ; вотъ я и задумалъ грѣшное дѣло: дай, думаю, надъ тобой попытаю эту комедь сломать. Ужь коли, думаю, отецъ родной не признаетъ, значитъ чужихъ-то и подавно проведу.

— Ахъ ты разбойникъ! ахъ ты окаянный! говорилъ Парамоновичъ, держась обѣими руками за лавку.—И въ кого ты это такимъ воромъ уродился?

— Въ тебя, тятенька родной! въ тебя! Весь свѣтъ говоритъ, что ты умный человѣкъ.

— Ахъ ты окаянный! ахъ ты окаянный! Вѣдь ты надъ кѣмъ?— надъ родителемъ своимъ надругался!

— Бей тятенька, только прости!

— Ну вставай же, сказалъ наконецъ Парамоновичъ,—вставай проворнѣй. Зачѣмъ ты это все накуралесилъ? разсказывай!

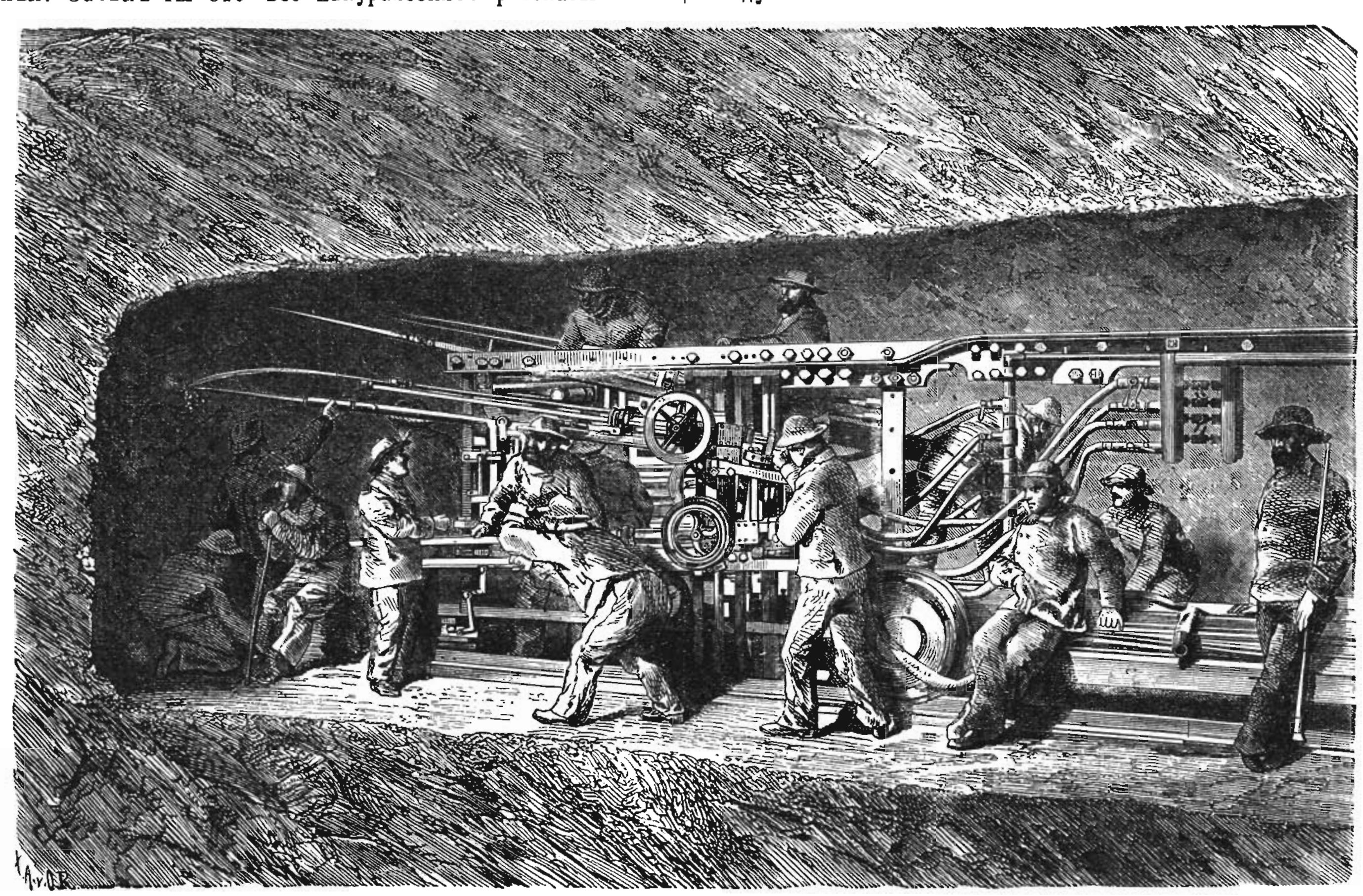

Въѣздъ въ Монсенисскій туннель съ итальянской стороны (отъ Бардонеша).

хорошо, какъ я самъ не ждалъ, только теперь надо мнѣ идти посмотрѣть тайкомъ на настоящую, какъ она въ большомъ размѣрѣ значитъ дѣствуетъ. Голландскій нѣмецъ, что заводъ держитъ, въ лицо меня знаетъ; такъ онъ мпѣ и понюхать-то ее не дастъ въ чемъ секретъ,—а вотъ такого чумазаго дурачину къ себѣ пуститъ, а я у него все и высмотрю.

— Самъ Царь тебѣ велѣлъ это? спросилъ старикъ задумчиво и серіозно.

— Царь мнѣ сказалъ, тятенька, коли ты, говоритъ, парень, узнаешь у голландца секретъ, я заводъ тебѣ поставлю и женю тебя на дочкѣ боярина Куроѣдова, па Лукерьѣ. Самъ, говоритъ, сватомъ пойду.

Работа сверлильной машины въ Монсенисскомъ туннелѣ.

— Затѣмъ, тятенька, что надо мнѣ найти секретъ, махину узнать, чтó для Царя строю. Сдѣлалъ я ее, и удалась—дѣство свое оказываетъ, и оказываетъ-то такъ

Старикъ облокотился спиною на стѣну и уставился на Константина.

— Да ты рехнулся? спросилъ онъ.

— Не рехнулся, тятенька.

— И сдѣлалъ махину?

— Сдѣлалъ, тятенька. Пойдемъ на верхъ, самъ посмотри.

— А что-жь она... дѣствуетъ?

— Дѣствуетъ.

— И хорошо?

— Маленькая еще, а работаетъ чисто.

— Какъ же ты ее соорудилъ?

— Рублевикъ, тятенька, далъ тому оборванцу, что ко мнѣ приходилъ, онъ мнѣ все и разскажи по тонку; вотъ я и сорудилъ съ его словъ.

— Какъ же ты пойдешь еще-то?

— Оборванецъ этотъ, тятенька, будетъ ждать меня тамъ, на кружалѣ, а коли его не застану, пошлю парнишку за нимъ. Надо имъ на заводѣ дворъ чистить, да и заборъ починить; вотъ я и пойду къ нимъ на поденную работу, а ужь тамъ онъ мнѣ хоть въ щелку покажетъ настоящую-то.

— Что-жь ему, чай, на водку нужно будетъ?

— Твоей милости попрошу. Ужь помоги, пять рубликовъ дай!

— Ухъ! крикнулъ Парамоновичъ, отъ природы прижимистый. — Чево ему?—рубликъ далъ... Должонъ бы чувствовать, собака. Поди, чай, отродясь столькихъ денегъ не бывало, а тутъ, не говоря худаго слова, цѣлыхъ пять заломилъ. Значитъ видно правду говорятъ, продолжалъ старикъ, — что послѣднія времена приходятъ. Избаловался народъ, страху Божьяго не знаетъ.

— Да какъ же быть-то, тятенька?

— Какъ быть?—да вотъ такъ: знай сверчокъ свой шестокъ. Мы, старики, жили по Божьи, а у васъ у всѣхъ выше лба уши растутъ. Развѣ это по закону христіанскому—и на боярышнѣ Куроѣдовой жениться, и свой заводъ заводить? Хорошо, это все ничего еще... но отдать пять рубликовъ!—шутка сказать—пять рубликовъ. Вѣдь это, какъ по нынѣшнему говорятъ, капиталъ. На пять-то рубликовъ, путный человѣкъ, почитай полгода проживетъ! За пять-то рубликовъ, Костька, избу можно купить! а тутъ, ничего не видя, пять рублевиковъ!

Старикъ сердито поднялся, отвязалъ отъ пояса на сорочкѣ ключъ и пошелъ за перегородку. Тамъ онъ отомкнулъ сундукъ и долго рылся въ немъ съ лучиною въ рукѣ. Слышно было, какъ звякали золотыя, серебряныя и мѣдныя монеты и, наконецъ, онъ вернулся съ пятью рублевиками въ рукѣ. Это были рубли истертые, пообрѣзанные и одинъ изъ нихъ какой-то подозрительно-желтый.

— На вотъ, отдай ему, вражьему сыну!

— Спаси тя Христосъ, тятенька! сказалъ ему Константинъ, цѣлуя его руку. — Вѣкъ не забуду твоей милости.

— Да! вѣкъ не забуду! А я для кого коплю? все для тебя же, а ты что? Въ страхѣ Божьемъ тебя ростилъ я, а ты и жениться-то задумалъ безъ родительскаго благословенія, на вѣки нерушимаго. Плюну на все и уйду въ скитъ, схиму приму, душу спасать буду, обѣтъ молчанія наложу и никого къ себѣ не пущу; тебя кольми паче!

Константинъ поблѣднѣлъ.

— Тятенька свѣтъ! возьми ты свои рублевики назадъ, ничего я не хочу, ни завода, ни боярышни, ничего мнѣ не надо, только сними съ меня ты родительскій гнѣвъ! А не снимешь—такъ ужь за одно мнѣ пропадать, сейчасъ же пойду къ Невѣ рѣкѣ—полощи ты мое тѣло бѣлое! Нечего мнѣ больше по свѣту мучиться!

Старикъ затрясся какъ въ лихорадкѣ.

— Что ты, Господь съ тобой, Костя! сказалъ онъ.— Да какой бѣсъ меня попуталъ, что я на старости лѣтъ съума спятилъ. Тфу! грѣхъ какой!—Гдѣ тулупъ?—давай его сюда и шапку. Идемъ, идемъ, молебенъ отслужимъ, а эпитимью я на себя кладу самъ по сто поклоновъ въ вечеръ и въ утро. Да провалисьь они, окаянные рублевики! Костюша, прости ты меня, Христа ради! согрѣшилъ я предъ тобою.

Старикъ быстро схватилъ рублевики въ руки, по томъ опять положилъ ихъ назадъ, торопливо шмыгнулъ за перегородку, открылъ сундукъ, вынулъ на удачу, уже не разбирая чекана, еще десять рублей, завязалъ ихъ въ платокъ, сунулъ его Константину за пазуху, проворно отыскалъ его мошну, четыре истертые рублевика въ нее же бросилъ, а одинъ себѣ взялъ—и таща сына за руку, бросился къ церкви.

Церковь была уже пуста, но старикъ проворно постучался въ сторожку, далъ алтынъ пономарю, чтобъ сейчасъ же позвалъ попа, дьякона, дьячка служить молебенъ. Минутъ черезъ десять причетъ собрался, отслужили молебенъ. Парамонычъ велѣлъ освѣтить всю церковь, а Константинъ заявилъ, что если удастся его дѣло, то лѣтъ черезъ пять онъ въ тысячу рублей вкладъ сдѣлаетъ на созданіе каменнаго храма.

Тотчасъ послѣ молебна весь причетъ двинулся со святой водой на вольный дворъ—и скупой Парамонычъ задалъ причту такое угощеніе, что священникъ и дьяконъ, ворочаясь домой уже не пѣшкомъ, а на телѣгѣ, толковали между собой, что и въ боярскихъ домахъ ихъ такъ не часто чествовали.

(Продолженіе будетъ).

Монъ-Сенисскій туннель.

Въ № 6 «Нивы» мы дали краткое описаніе этого чуда современнаго инженернаго искусства. Теперь, когда въ туннелѣ началось уже движеніе поѣздовъ, мы помѣщаемъ болѣе подробный очеркъ его устройства, съ приложеніемъ рисунковъ.

Въ то время какъ во Франціи гремѣли пушки—и двѣ сосѣднія націи, исполненныя взаимной вражды, боролись между собою съ величайшимъ ожесточеніемъ,— въ это самое время, на границѣ новаго года съ старымъ, совершилось одно изъ величайшихъ дѣлъ мирнаго времени, предназначенное служить цивилизаціи и дружественнымъ сношеніямъ народовъ. То была торжественная минута, когда, 26 декабря 1870 г., около полудня, пала каменная стѣна, раздѣлявшая двѣ оконченныя половины монъ-сенисскаго туннеля. Когда разсѣялся дымъ пороха, употребленнаго для взрыва скалы, люди, изъ которыхъ одни явились съ итальянской, а другіе съ французской стороны, привѣтствовали другъ друга восторженными объятіями, встрѣчаясь здѣсь, внутри земли, вдали отъ небеснаго свѣта, отъ человѣческихъ жилищъ,

подъ громадными каменными массами горы, поднимающейся почти до 10,000 футовъ. Съ какою радостью должны они были смотрѣть на окончаніе этого великаго дѣла, надъ которымъ человѣческій умъ трудился въ продолженіи 13 лѣтъ и 40 дней, — на одно изъ величайшихъ произведеній человѣческаго искусства, достойное нашего времени, сдѣлавшаго такъ много прекраснаго для сношенія и соединенія національностей!

По австрійскимъ Альпамъ уже проносятся шумящіе локомотивы; теперь открывается имъ дорога и въ савойскіе; естественныя преграды, такъ долго отдѣлявшія Италію отъ сосѣднихъ съ нею земель, отстранены еще въ одномъ мѣстѣ. Конечно, эта желѣзная дорога, ведущая черезъ гору посредствомъ туннеля, не первая; но чудное шоссе и устроенная надъ нимъ желѣзная дорога не удовлетворяли уже требованіямъ настоящихъ общественныхъ отношеній и должны были уступить мѣсто сооруженію бóльшихъ размѣровъ.

Дорога черезъ Монъ-Сенисъ была построена, точно такъ же какъ и дорога черезъ Симплонъ, по повелѣнію Наполеона I въ 1805—1810 годахъ и стоила $7^1/_2$ милліоновъ франковъ. Она оставляетъ при Ланлебурѣ на французской сторонѣ долину Арка, поднимается прямо въ гору и, извиваясь множествомъ зигзаговъ, доходитъ до ущелья. Въ области снѣга, зимою, ея направленіе обозначается каменными столбиками и путевыми указателями. На ней устроено 23 пріюта, доставляющихъ путешественникамъ защиту отъ бурь и лавинъ. Въ ущельѣ (2,098 метровъ или около 1,500 футовъ надъ уровнемъ океана) находится небольшое темноголубое озеро, окруженное со всѣхъ сторонъ горными вершинами, въ которомъ водится превосходная форель. На берегахъ его возвышается гостинница, основанная Карломъ Великимъ въ то время какъ онъ шелъ во главѣ своего войска въ Италію, — такъ что исторія переходовъ черезъ Монъ-Сенисъ ведетъ свое начало съ этого времени, слишкомъ за 1000 лѣтъ назадъ. Эта альпійская дорога (образцовое произведеніе, какъ по смѣлости плана, такъ и по превосходному исполненію) не мало способствовала тому, чтобъ увеличить сношенія между Франціей и Италіей. Она, какъ самая прямая дорога въ Туринъ, поддерживала постоянныя общественныя и торговыя сношенія. Но при увеличившейся потребности въ сношеніяхъ она оказалась недостаточною — и одно англійское общество замѣнило проѣзжую дорогу желѣзною.

Извѣстно, что между всѣми затрудненіями, встрѣчающимися при устройствѣ желѣзной дороги, большіе подъемы и кривыя линіи представляютъ собою самыя значительныя препятствія. Но человѣческая изобрѣтательность умѣла сладить и съ этимъ. Нѣмецкій инженеръ Энгертъ разрѣшилъ задачу перевозить черезъ Земмерингъ локомотивы, а англичанинъ Феллъ изобрѣлъ чрезвычайно замысловатую машину для перевоза черезъ Монъ-Сенисъ пассажирскихъ поѣздовъ. Самымъ опаснымъ врагомъ этого пути оказался въ 1867 г. снѣгъ, противъ котораго стали употреблять искуственныя прикрытія. Они оказали превосходный отпоръ давленію снѣга, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ опасались лавинъ, они должны были уступить мѣсто болѣе прочнымъ постройкамъ. Поэтому тамъ возвышаются теперь чрезвычайно крѣпкія каменныя галлереи съ покатыми крышами, по которымъ скатываются лавины. Конечно большая часть дороги была открыта, и тутъ-то накоплялось потомъ зимою столько снѣга, что часто для дальнѣйшей отправки путешественниковъ и почты должны были употреблять почтовыя сани. Впрочемъ, машина могла перевозить не болѣе 48 человѣкъ вразъ, а поѣздовъ отходило всего только по два въ день. О перевозкѣ пожитковъ не было и рѣчи.

Но не смотря на эти темныя стороны, монъ-сенисская дорога по системѣ Фелля имѣла и свои достоинства. По ней переправлялось ежедневно около 200 человѣкъ по двумъ различнымъ направленіямъ, и каждому изъ нихъ она обходилась 12-ю франками дешевле, чѣмъ почтовая ѣзда. При благопріятной погодѣ ее проѣзжали въ $5^1/_2$ часовъ; въ противномъ же случаѣ на проѣздъ требовалось отъ 12-ти до 14-ти часовъ; сверхъ того, подобный способъ ѣзды безопаснѣе, чѣмъ ѣзда въ экипажѣ. Концессія дороги имѣла силу только до окончанія гигантскаго туннеля, который тѣмъ временемъ былъ начатъ. Хотя строителямъ и была предоставлена безвозмездно для устройства новаго пути прежняя почтовая дорога, тѣмъ не менѣе они издержали на нее 12 милліоновъ франковъ, такъ-что въ коммерческомъ отношеніи это было очень плохое предпріятіе. Когда гигантское сооруженіе, совершавшееся подъ этою дорогою, было окончено, ея часъ пробилъ; она исполнила свое дѣло; теперь она была лишняя.

Это великое предпріятіе принадлежитъ вполнѣ Италіи, какъ по мысли, такъ и по исполненію. Кавуръ, величайшій изъ государственныхъ мужей Италіи, задумалъ его въ 1857 г., когда западный склонъ Альповъ принадлежалъ еще Италіи; итальянскіе инженеры и работники привели его въ исполненіе; Италія одна несла издержки, по крайней мѣрѣ въ первое время. Колыбель итальянской династіи, Савойя, съ которой предполагали соединить посредствомъ туннеля государство, принадлежитъ теперь сосѣду—французу, и онъ-то смотритъ съ высоты альпійскихъ горъ на піемонтскія долины.

Великъ и отваженъ былъ этотъ планъ, потому-что дѣло шло о туннелѣ такихъ размѣровъ, какого еще до сихъ поръ не бывало; тяжела и почти страшна была задача для инженеровъ, потому-что имъ предстояла борьба со множествомъ новыхъ препятствій; — по генію піемонтца Соммелье удалось отстранить всѣ затрудненія, употребивъ совершенно новый способъ сверленія: сжатый воздухъ. Воздухомъ, тѣмъ самымъ воздухомъ, которымъ мы дышемъ, былъ просверленъ камень альпійскихъ горъ на протяженіи почти двухъ нѣмецкихъ миль. Какъ много говорятъ эти немногія слова, какое изобиліе человѣческихъ опытовъ, какіе успѣхи механики рисуютъ они!

Прежде всего дѣло шло объ отысканіи дороги для туннеля—задача далеко не такой легкости, какъ кажется съ перваго взгляда. Чтобы ускорить по возможности дѣло, на которое сначала предполагали употребить 24 года, согласились приступить къ нему одновременно съ обѣихъ сторонъ: съ французской и итальянской. Необыкновенная длина туннеля была сокращена уже тѣмъ, что его заложили какъ можно выше. Еслибъ начали туннель ниже, въ долинѣ, онъ вышелъ бы гораздо длиннѣе, причемъ издержки, которыя по разсчету должны были простираться до 80 милліоновъ франковъ, увеличились бы по крайней мѣрѣ въ полтора раза, безъ соразмѣрнаго вознагражденія въ будущемъ. Поэтому-то туннель и заложили такъ высоко, какъ только было допущено подъемами, съ которыми приходилось имѣть дѣло, и назначили исходными пунктами: съ итальянской стороны Бардонешъ, на высотѣ 1,335 метровъ,

а съ французской Моданъ, на высотѣ 1,202 метровъ. Разстояніе между этими двумя мѣстами, а слѣдовательно и длина туннеля, который предстояло просверливать, простиралось до 12,220 метровъ или до $1^7/_8$ нѣмецкой мили. И такъ, сверленье должно было начаться съ обѣихъ сторонъ, а работники—идти на встрѣчу другъ другу и встрѣтиться въ серединѣ горы. Вотъ тутъ то требовалось остерегаться и держаться извѣстнаго направленія, потому-что, уклонившись въ началѣ на одну линію, работники разошлись бы въ серединѣ горы на 120 метровъ. Въ виду этого необходимыя измѣренія были исполнены съ необыкновенной точностію. Напротивъ входа, какъ разъ на продольной оси туннеля устроена была обсерваторія и поставленъ огромный теодолитъ (снарядъ для измѣренія съ зрительною трубою), который былъ направленъ съ одной стороны на вѣхи на вершинѣ горы, а съ другой—на свѣтъ внутри туннеля, и такимъ образомъ всякое уклоненіе отъ надлежащей линіи дѣлалось невозможнымъ. Само собою разумѣется, что этой мѣры держались обѣ стороны,—и какъ сѣверные, такъ и южные работники прокладывали съ математическою точностію дорогу, на серединѣ которой они должны были встрѣтиться. Проще всего было бы, конечно, вести туннель по прямой линіи, восходя отъ ниже-лежащей французской крайней точки при Моданѣ къ выше-лежащей итальянской крайней точкѣ Бардонешъ; но такъ какъ работы предполагалось начать одновременно съ обѣихъ сторонъ, то необходимо было обратить вниманіе на то, чтобъ туннель былъ покатъ и съ итальянской стороны; поэтому-то и рѣшено поднять середину туннеля такъ высоко, чтобы онъ былъ покатъ съ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ монъ-сенисскій туннель поднимается въ серединѣ на 1,338 метровъ надъ уровнемъ океана; его спускъ съ итальянской стороны заключаетъ въ себѣ только $^1/_2$ метра на тысячу, а съ французской, гдѣ входъ устроенъ ниже, слишкомъ 22 метра на тысячу.

Длина, направленіе, мѣста для входовъ были опредѣлены; между соотечественниками Соммелье нашлись превосходные руководители для предпріятія; набрали 1,200 піемонтскихъ работниковъ—и долины Арка на французской сторонѣ и Бардонешъ на итальянской сдѣлались театромъ самой кипучей дѣятельности.

Первые пріемы, употребленные въ отношеніи каменныхъ массъ, состоявшихъ изъ шифера и известняка юрской формаціи, а иногда и изъ твердаго кварца, были тѣ же самые, какіе употребляются обыкновенно рудокопами. Въ скалѣ сверлили дыры, наполняли порохомъ или другими разрывными веществами и раздвигали ихъ по этому способу. Но чѣмъ больше углублялись въ гору, тѣмъ менѣе (какъ уже было видно заранѣе) становилось возможнымъ придерживаться стариннаго способа.

Какимъ образомъ провесть внутрь горы свѣжій воздухъ, необходимый для дыханія работниковъ? Какимъ образомъ предохранить впослѣдствіи путешественниковъ отъ выходящаго изъ машины чада, отъ котораго они должны были задохнуться? Нечего было и думать о проеденіи въ туннель сверху такъ-называемыхъ воздушныхъ шахтъ, какъ это дѣлается въ рудникахъ, и освѣженіи такимъ образомъ воздуха. Да и чадъ отъ пороха при разрывѣ камня долженъ былъ дѣйствовать самымъ убійственнымъ образомъ на работниковъ, которые отъ него задохнулись бы. Какимъ образомъ удалить этотъ чадъ?

Всѣ эти вопросы разрѣшены самымъ удивительнымъ образомъ сверлильною машиною, устроенною Соммелье, приводимою въ движеніе посредствомъ сжатаго воздуха. Въ примѣненіи этой машины, напоминающемъ собою до извѣстной степени колумбово яйцо, скрывалась великая тайна, необъятной важности, доставившая возможность устроить туннель на протяженіи почти двухъ миль. Воздухъ имѣетъ много преимуществъ сравнительно съ паромъ, который впрочемъ тоже предполагалось употребить въ дѣло. Его можно вводить всюду безъ всякой опасности и притомъ на самыхъ значительныхъ разстояніяхъ; его легко собрать въ большіе резервуары и провести потомъ посредствомъ каналовъ особеннаго устройства къ тому пункту, гдѣ онъ долженъ дѣйствовать; для этого нужно только открыть кранъ; не надо ни пара, ни топлива, ни угля. Сжатый воздухъ, добытый въ большихъ мастерскихъ въ Бардонешѣ и въ Моданѣ, проводился въ то мѣсто, гдѣ стояли работники, посредствомъ длинныхъ трубъ, съ устройствомъ которыхъ читатель можетъ познакомиться изъ прилагаемаго при этомъ рисунка. Эта сверлильная машина приводила въ движеніе стальной буръ, на который для охлажденія его постоянно падала тонкая струя воды. Когда буровая скважина достигала 30-ти дюймовъ длины, машину отодвигали назадъ по лежавшимъ подъ ней рельсамъ, а потомъ приступали къ наполненію дыръ порохомъ. Съ замираніемъ сердца ожидалъ непосвященный, зашедшій сюда въ нѣдра земли убѣдиться въ успѣхѣ работъ, минуты сильнаго взрыва. Сцена величественная, переносящая въ кузницу Вулкана! Вокругъ зрителя стоятъ полунагіе работники съ закоптѣлыми лицами, они держутъ въ рукахъ лампы и зажигательныя спички, зная, что отъ страшнаго давленія воздуха, происходящаго вслѣдствіе взрыва, всѣ огни потухнутъ. Вдругъ слышится громоподобный трескъ; мина подрывается — огни тухнутъ, все покрывается мракомъ; чадъ пороха и дымъ вылетаютъ изъ туннеля.

Удаливъ оторванную часть камня, работники опять начинаютъ сверлить. Теперь-то сжатый воздухъ и начинаетъ оказывать величайшія услуги; будучи приведенъ сюда извнѣ, онъ прогоняетъ удушливый чадъ пороха, производитъ пріятный, освѣжающій вѣтерокъ, очищаетъ туннель и снабжаетъ его свѣжимъ воздухомъ, такъ-что можно опять приступить къ работѣ. Но для часто-смѣнявшихся работниковъ оставаться внутри горы было дѣло не легкое. На дворѣ стоялъ холодъ, все было покрыто снѣгомъ и льдомъ, въ туннель входили въ зимнемъ платьѣ. Но чѣмъ глубже проникали въ него, тѣмъ теплѣе становилось; теплота земли постоянно увеличивалась, а при одномъ километрѣ глубины температура доходила до 17° С; въ серединѣ она простиралась до 26° С. Масса пороха, употреблявшаяся при взрывѣ, изумительна; ее хватило бы на бомбардированіе крѣпости. Чтобы удалить камень величиною въ одинъ метръ, требовалось просверлить отъ 96 до 100 буровыхъ скважинъ и употребить для наполненія ихъ отъ 86 до 90 фунтовъ пороха. Если это число помножить на 12,220 метровъ, составляющихъ длину всего туннеля, то окажется, что число всѣхъ буровыхъ скважинъ доходитъ до 1,220,000, а количество пороха до 1,100,000; но это опредѣляетъ только количество пороха, употребленнаго на то, чтобъ проложить дорогу внутрь, а не для распространенія сводовъ туннеля.

Сначала работники подвигались медленно, пока не была употреблена сверлильная машина Соммелье. Отъ времени до времени работы замедлялись появленіемъ кварцоваго слоя, но въ цѣломъ было больше известняковыхъ и шиферныхъ породъ, съ которыми не очень было трудно совладать. Чѣмъ опытнѣе становились трудящіеся, тѣмъ быстрѣе подвигалось сверленье, такъ что просверливъ въ 1862 году только 643 метра, работники, начиная съ 1867 года, просверливали уже больше 1,500 метровъ въ годъ, а въ 1870 году, какъ расчитывали, долженъ былъ быть оконченъ и весь туннель. Такъ и случилось. Точно такъ же согласно съ предсказаніями инженеровъ сошлись, не уклоняясь ни на волосокъ, и обѣ половины туннеля.

Государственный канцлеръ
князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ.

Теперь именно, когда пятнадцатилѣтняя дѣятельность князя А. М. Горчакова на постѣ распорядителя внѣшнихъ сношеній Россіи съ другими державами, приноситъ уже видимые плоды, изглаживая изъ памяти враждебной Европы неосновательныя надежды ея на возможность униженія нашего отечества посредствомъ коалиціи сильнѣйшихъ державъ Запада, какъ было въ Крымскую войну,— теперь, повторимъ, не будетъ излишнимъ возобновить еще разъ въ памяти читателей хотя главнѣйшіе факты жизни нашего канцлера. Сами недоброжелатели Россіи сознаютъ его блестящія дипломатическія способности, а дурноскрываемый гнѣвъ ихъ даетъ вѣрное заключеніе, что канцлеръ ведетъ политику отечественную путемъ способнымъ привести къ цѣли возвышенія нашего, не отступая ни передъ какими препятствіями возбуждаемыхъ затрудненій. Проявилъ онъ свое умѣнье въ тяжелую пору, предшествовавшую Парижскому миру; а година возмущенія Польши, подготовляемаго извнѣ не одинъ десятокъ лѣтъ, утвердила за нашимъ дипломатомъ репутацію великаго политика. Поддерживаютъ ее всѣ бывшія потомъ явленія государственной жизни Европы, въ которыхъ выпадало на долю Россіи играть роль свою или сказать свое вѣское слово, получающее значеніе. Такъ наприм. было при искуственномъ возбужденіи турецко-греческой расприи изъ-за Крита, при одновременномъ возстаніи Болгаріи и переворотахъ въ Дунайскихъ Княжествахъ. Чутко прислушивалась Европа, что мы скажемъ по поводу франко-прусской борьбы, и выказала наивный гнѣвъ человѣка, сознающаго сдѣланный промахъ, при заявленіи нашемъ относительно флота на Черномъ морѣ. Во всѣхъ узлахъ, начинавшихъ завязываться по высказаннымъ поводамъ, Россія, благодаря бдительности и умѣнью князя Горчакова, не уронила своего достоинства, а показывая нежеланіе отступать, избѣгала столкновенія, при настоящемъ развитіи у насъ внутреннихъ новыхъ порядковъ могшаго если не остановить, то нарушить правильный ходъ преобразованій, что одинаково было бы невыгодно. Такимъ образомъ, заслуга охраненія настолько для насъ нужнаго мира—чтобы не мѣшать Россіи идти впередъ — остается безспорно за княземъ Горчаковымъ, дипломатомъ по призванію, образовавшимся практически въ полувѣковомъ наблюденіи за ходомъ европейскихъ дѣлъ, съ самаго еще начала государственной службы, постоянно продолжаемой по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ исключительно.

Государственный канцлеръ
князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ.
Съ фотографіи рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ О. Ротъ.

Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ остается теперь однимъ изъ немногихъ представителей древнихъ фамилій, ведущихъ родъ свой отъ Рюрика. Князья Горчаковы прямые потомки Св. Михаила Черниговскаго, изъ ближайшей къ нему вѣтви (за исчезновеніемъ рода князей Одоевскихъ). Одинъ изъ праправнуковъ Св. страдальца Михаила Всеволодовича—князь Романъ Ивановичъ Козельскій и Перемышльскій, имѣлъ въ 9-мъ колѣнѣ (въ XVI вѣкѣ уже) князя Ивана Өедоровича, прозваніемъ Горчака, бывшаго при Грозномъ намѣстникомъ въ Карачевѣ и Ряжскѣ. Первый князь Горчаковъ,

Петръ Ивановичъ, сынъ этого лица, вмѣстѣ съ Шеинымъ мужественно защищалъ Смоленскъ отъ Сигизмунда (1609—10 г.) и умеръ въ плѣну польскомъ. Родъ настоящаго канцлера идетъ отъ старшаго сына его, князя Димитрія Петровича. Праправнукъ его, князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, имѣлъ сына, генералъ-маіора, князя Михаила Алексѣевича (род. 29-го окт. 1768 и ум. 30 дек. 1831 г.), отъ брака котораго съ Еленою Васильевной б. Остенъ-Сакенъ, урожденною баронессою Ферзенъ, родился въ Москвѣ, 1-го іюля 1799 года, князь Александръ Михайловичъ государственный канцлеръ нашъ.

Онъ получилъ образованіе въ Царскосельскомъ Лицеѣ, въ одномъ курсѣ съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, барономъ М. А. Корфомъ и др., и выпущенъ въ 1817 г. 9-го іюня съ чиномъ 9-го класса, награжденный на публичномъ актѣ, въ присутствіи Императора Александра I, золотою медалью. Зачисленный на службу тогда же (13-го іюля) въ коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, съ первыхъ же шаговъ на новооткрывающемся поприщѣ, князь Горчаковъ попалъ подъ руководство величайшихъ дипломатовъ своего времени: Нессельроде и Каподистрія, состоя при нихъ на конгрессахъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ. Изъ Вероны получилъ онъ назначеніе (2 декабря 1822 г.) первымъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ, а черезъ пять лѣтъ (24-го іюля 1827 г.) переведенъ на такой же постъ въ Римъ; впрочемъ, не надолго. Апрѣля 17-го 1828 г. князя Горчакова назначили совѣтникомъ посольства въ Берлинъ, но онъ не вступалъ въ эту должность, оставаясь больнымъ и въ концѣ того же года (30-го декабря) опредѣленъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при дворахъ Тосканскомъ и Луккскомъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, перевели его совѣтникомъ посольства въ Вѣну, гдѣ, вообще долго служа какъ бы незамѣчаемый, въ 1838 г. онъ взялъ увольненіе отъ службы, но, зачисленный снова по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, 5-го декабря 1841 г. получилъ постъ полномочнаго министра при Виртембергскомъ дворѣ. Переѣхавъ въ Штутгардтъ, князь Горчаковъ прожилъ здѣсь тринадцать лѣтъ, выѣзжая только въ 1850 году для исполненія временно обязанностей полномочнаго министра при Германскомъ Союзѣ. Заслуги, выказанныя въ эту именно пору смутъ и затрудненій, въ которыя вовлекла мирную Германію революція 1849 г.,—обратили на искуснаго дипломата нашего благосклонное вниманіе Императора Николая I, вызвавшаго Горчакова въ Петербургъ въ первое же время начинавшейся союзнической войны. Дипломатъ назначенъ управлять дѣлами въ Вѣнѣ, гдѣ дѣлались попытки помирить воюющія державы. Благополучно царствующій Государь Императоръ временное назначеніе князя Горчакова обратилъ въ постоянное состояніе чрезвычайнымъ посланникомъ при Вѣнскомъ дворѣ (8-го іюля 1855 г.), и тутъ-то, при открывшихся конференціяхъ, выказалась вся изворотливость тонкаго ума и неистощимость искусныхъ комбинацій его политики. Имя князя А. М. Горчакова, прославленное между европейскими дипломатами, сдѣлалось въ это время девизомъ надежды патріотовъ на лучшій исходъ дѣла умиренія нашего съ сильными противниками. Апрѣля 15-го, 1856 года, князь Горчаковъ назначенъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ и продолжая свое высокополезное служеніе, 17-го апрѣля 1862 г. переименованъ въ вице-канцлеры.

Въ это время уже слышались отголоски смуты въ Привислянскомъ краѣ. Европа пыталась-было вмѣшаться въ наши внутреннія дѣла, но достоинство тона декларацій князя Горчакова и разъясненіе въ нихъ сущности фактовъ—отклонило въ самомъ началѣ всѣ мнимые поводы со стороны иностранной дипломаціи входить въ обсужденіе нашихъ счетовъ съ Польшею, давно уже сдѣлавшихся достояніемъ исторіи. Портретъ Государя Императора, осыпанный алмазами (19 апрѣля 1864 г.), былъ наградою усиленныхъ трудовъ вице-канцлера въ эпоху польскаго возстанія.

Спустя три года послѣ этого, исполнилось полустолѣтіе отъ начатія служебной карьеры заслуженнаго дипломата, стоящаго во главѣ Петербургскаго кабинета, всѣми любимаго и уважаемаго. Въ день празднованія этого памятнаго юбилея (9-го іюня 1867 г.), когда подчиненные князя Горчакова, сложившись по подпискѣ, заказали портретъ его въ ростъ профессору Келеру и картину эту поставили, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ залѣ Архива Иностранныхъ Дѣлъ, Государь Императоръ почтилъ заслуги юбиляра возведеніемъ его въ достоинство канцлера Имперіи — наградою, которая только и оставалась для сановника, имѣющаго всѣ отечественные ордена и множество иностранныхъ.

Внѣшнія происшествія послѣднихъ четырехъ лѣтъ слишкомъ памятны еще всѣмъ и каждому, чтобы повторять ихъ здѣсь или приводить на память—послѣ сказаннаго ранѣе уже—долю участія въ нихъ маститаго патріота-канцлера, все еще свѣжаго, полнаго силъ и ясности могучаго ума, такъ благородно и съ такою славою употребляемаго на служеніе Россіи. Одно искреннее желаніе ему здоровья, силъ и сколько возможно должайшаго продолженія дѣятельности, невольно является въ мысли нашей, какъ и у всѣхъ, слѣдящихъ съ интересомъ за ходомъ нашихъ отношеній къ сосѣдямъ, такъ хорошо направляемыхъ рукою искуснаго кормчаго отечественной политики.

Закавказская религіозная драма.

Подъѣзжая къ Шушѣ, я увидѣлъ надъ городомъ сильное зарево, и до меня сталъ долетать глухой гулъ голосовъ. По мѣрѣ того, какъ я приближался къ городу, зарево становилось ярче, небо окрасилось въ кровавый цвѣтъ, точно сильный пожаръ охватилъ городъ. Вмѣсто глухаго гула голосовъ, послышались дикіе вопли нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Удивленный, встревоженный и испуганный, я въѣхалъ въ городъ черезъ узкія ворота крѣпости, и вдругъ передо мной предстало зрѣлище самое невѣроятное, при которомъ пришлось мнѣ когда-либо присутствовать. Положительно вся площадь была покрыта наплывомъ шумной толпы. Раздѣлившись на сотни, вытянувшись въ рядъ, татары прыгали по площади, испуская неистовые крики. Каждый изъ нихъ держался лѣвой рукой за поясъ своего сосѣда, а правой, свободною рукою, потрясалъ, при каждомъ скачкѣ, толстую палку надъ своей головою. Безчисленнымъ толпамъ этимъ предшествовали мальчишки,

костюмъ которыхъ состоялъ изъ смѣшенія мишуры съ кожами, вывороченными шерстью кверху. Мальчишки тоже прыгали, кривлялись, били въ турецкій барабанъ, ударяли въ тактъ мѣдными тарелками посреди шума, криковъ и топанья танцующихъ. Малахи—распорядители—поощряли словами и движеніями толпу танцующихъ и отталкивали съ бранью толпящихся любопытныхъ.

Вскорѣ отдѣлился отъ этой толпы бекъ (благородный) и, потрясая саблей надъ головами, осыпалъ ругательствами любопытныхъ.

Ко всему этому гулу примѣшивался еще шумъ говора, оклики въ толпѣ, лошадиное ржаніе и тому подобные звуки, неизбѣжные при шумномъ народномъ праздникѣ. Зрѣлище освѣщалось громадными нефтяными факелами; въ желѣзныхъ рѣшетчатыхъ фонаряхъ горѣло тряпье, поливаемое безпрестанно нефтью. Сотни этихъ факеловъ, надѣтыхъ на длинныя жерди, распространяли потоки пламени на танцующихъ, освѣщая ихъ сзади.

Это было празднество въ честь двухъ магометанскихъ мучениковъ, внесенныхъ въ священную исторію магометанства; мученики эти особенно чтимы обширной сектой шіитовъ, Гасунъ и Гусейнъ.

Имамъ Гусунъ или Гассанъ наслѣдовалъ въ управленіи Медины четыремъ прямымъ наслѣдникамъ Магомета: Абу-Бекру, Омару, Осману и Али. Онъ почитался магометанами какъ потомокъ и представитель пророка, былъ любимъ имъ за правдивость и великодушіе.

Огромная торжественная процессія выходитъ изъ стѣнъ города въ сопровожденіи всего городскаго населенія, которое располагается на обширной полянѣ, чтобъ присутствовать на представленіи послѣдняго акта той кровавой драмы, которая совершилась нѣкогда на берегахъ Евфрата.

Смѣшавшись съ толпой народа, собравшагося на площадь, я вмѣстѣ съ нею жадно ждалъ начала представленія, долженствовавшаго изобразить нагляднымъ образомъ тотъ дикій фанатизмъ и варварство, которые уже немыслимы въ наше время.

Отдаленные и продолжительные крики: «Гуссейнъ! Гуссейнъ!» возвѣстили приближеніе процессіи, появившейся въ томъ же самомъ порядкѣ, въ которомъ она неизмѣнно появляется каждый годъ.

Впереди показались, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, такъ-называемые самоистязатели или изступленные. Они шли выстроившись въ два ряда и несли въ правой рукѣ саблю, обращенную остріемъ къ лицу.

Кожа на головахъ этихъ фанатиковъ изрублена саблями; кровь льетъ изъ ранъ, все лицо покрыто темно-красной массой крови, запекшейся отъ солнечнаго жара, такъ-что подъ этой кровавой сплошной маской видны только бѣлки глазъ и сверкающіе бѣлые зубы. Сектанты закутаны въ бѣлыя туго-накрахмаленныя простыни, которыя препятствуютъ крови, изобильно текущей по ихъ тѣлу, впитываться въ одежды.

Рядомъ съ этими фанатиками выступаютъ главныя дѣйствующія лица или герои этого дня, домогающіяся славы сравняться или даже превзойти самого Гуссейна. Они готовы для этого подвергнуться всевозможнымъ истязаніямъ, и потому наносятъ себѣ раны острымъ оружіемъ, вонзая его въ свое полуобнаженное тѣло. Лица ихъ испещрены острыми деревянными палками, которыя проходятъ подъ кожу лба и щекъ и выходятъ надъ ухомъ, къ которому привѣшены маленькіе замочки и маленькія складныя зеркала. Такія же зеркала на крючкахъ изъ проволоки проткнуты сквозь кожу живота, рукъ и груди. Два скрещенные кинжала прикрѣплены къ спинѣ и груди такъ близко къ тѣлу, что клинья ихъ могутъ каждую минуту проткнуть кожу; по бокамъ точно такъ же скрещиваются двѣ сабли, съ которыхъ спускаются тяжелыя мѣдныя или желѣзныя цѣпи, смотря по усердію добровольныхъ мучениковъ. Тѣла ихъ прикрыты тонкими желѣзными или деревянными прутьями, расположенными въ неравномъ разстояніи другъ отъ друга и иногда служащими для облегченія страшной пытки, которую они на себя налагаютъ. Многіе желая избѣжать мученій и въ то же время блеснуть предъ народомъ своимъ усердіемъ, стараются только для виду воткнуть всѣ эти предметы подъ кожу, но умѣютъ дѣлать это съ такимъ искусствомъ, что издали они кажутся глубоко вонзенными въ тѣло. Въ настоящее время отъявленныхъ фанатиковъ насчитываютъ не болѣе пяти или шести человѣкъ въ многочисленной сектѣ самоистязателей.

Я самъ видѣлъ многихъ изъ этихъ несчастныхъ, уносимыхъ безъ чувствъ съ мѣста торжества. Другіе, не смотря на видимое истощеніе силъ, все еще старались брести, съ помощью родныхъ и знакомыхъ, и не отставать отъ другихъ во время торжественнаго шествія.

Остальные члены процессіи играютъ второстепенную роль въ этой драмѣ. Они одѣты въ траурное платье; ихъ коротенькіе черные или фіолетовые кафтаны обыкновенно растегнуты на груди, по которой они колотятъ себя кулаками, испуская пронзительные крики. Нѣкоторые не довольствуются тѣмъ, что просто бьютъ себя въ грудь; они схватываютъ камни и, желая похвастаться своимъ религіознымъ усердіемъ, бьютъ себя до тѣхъ поръ, пока грудь не сдѣлается совершенно красною.

Народъ толпами слѣдуетъ за процессіей съ громкими криками: «Вотъ наши праведники, вотъ защитники нашей вѣры!»

Между сектантами я замѣтилъ одного дервиша въ бѣломъ суконномъ платьѣ и въ остроконечной шляпѣ. На груди у него развѣвались, въ видѣ украшенія, бумаги съ разными религіозными надписями. На шеѣ висѣли длинныя цѣпи и веревка, съ которой спускался тяжелый камень такихъ размѣровъ, что несчастнаго почти постоянно тянуло внизъ. Кругомъ толпилась куча любопытныхъ, въ особенности женщинъ, слѣдовавшихъ за процессіей. Онѣ жадно выжидали своей очереди, чтобъ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на ближняго мученика.

Впрочемъ, говоря вообще, большая часть дервишей посвящаетъ себя въ эти дни самымъ мирнымъ и спокойнымъ занятіямъ; они преимущественно разстилаютъ по дорогѣ маленькіе ковры, раскладываютъ на нихъ четки, камни и разныя мелочи, добытыя изъ Кербеле и другихъ священныхъ мѣстъ, садятся у этихъ ковровъ, горестно разводятъ руками, стонутъ, плачутъ и выпрашиваютъ милостыню.

Затѣмъ въ концѣ длиннаго шествія появляется торжественная процессія съ ковчегомъ на рукахъ, украшеннымъ драпировками и зеркалами. На подушкахъ лежитъ человѣкъ въ богатой одеждѣ, изображающій молодаго имама, злополучную жертву войны.

Ковчегъ окруженъ народомъ, поддерживающимъ его

со всѣхъ сторонъ. Каждый считаетъ за счастіе прикоснуться къ нему на одно мгновеніе.

Преданіе говоритъ, что юный имамъ, племянникъ Гуссейна, съ большимъ трудомъ добился отъ своего дяди позволенія идти на войну, гдѣ его ожидала вѣрная смерть, и когда онъ уже совсѣмъ собрался въ путь, Гуссейнъ обручилъ его съ своею дочерью. Въ память этого событія за ковчегомъ идетъ татаринъ съ бритой головой, на которой поставлена роскошная свадебная корзина и другія принадлежности свадебнаго торжества.

За татариномъ слѣдуетъ воинъ въ кольчугѣ и въ каскѣ; широкая шаль опоясываетъ его бедра; онъ держитъ сѣкиру изящной работы. Это начальникъ арміи калифа, тотъ самый, который умертвилъ имамовъ. За нимъ ведутъ раненую лошадь Гуссейна, въ золотой сбруѣ и богато-вышитомъ чепракѣ. Лошадь, чепракъ, сбруя пробиты пулями и въ нихъ вонзены въ разныхъ мѣстахъ стрѣлы, на которыхъ, для изображенія крови, приклеены бумажки, закапанныя краснымъ сургучемъ. Наконецъ, позади всѣхъ, появляется гробница имама, которую несутъ съ величайшими почестями. Имама изображаетъ манекенъ, одѣтый въ богатое платье.

Манекенъ этотъ безъ головы, а на мѣсто шеи подъ платьемъ проведены коровьи жилы, на которыхъ виситъ еще окровавленное мясо. Вся грудь испещрена стрѣлами; съ обоихъ боковъ еще трепещутъ двѣ живыя голубки, изображающія собой эмблему невинности. У подножія гробницы помѣщается мальчикъ на колѣняхъ, съ головы до ногъ окутанный бѣлымъ саваномъ, запятнаннымъ кровью. Для глазъ и для рта въ саванѣ сдѣланы прорѣзы, изъ отверстія рта высовывается длинный красный языкъ, придѣланный въ память того момента, когда Гуссейнъ и его семейство умирали отъ жажды.

Многочисленная толпа съ громкими рыданіями провожаетъ эту драгоцѣнную ношу.

За ней слѣдуютъ муллы и актеры. Послѣдніе вооружены и костюмированы, сообразно значенію своихъ историческихъ ролей.

Народъ замыкаетъ шествіе густой сплошной массой, въ которой безразлично смѣшиваются мужчины, женщины и дѣти.

Двери, окна, стѣны и балконы всѣхъ домовъ сплошь покрыты зрителями.

При выходѣ изъ города процессія располагается кругомъ на полянѣ, гдѣ должно происходить представленіе.

Въ срединѣ кружка, на самомъ видномъ мѣстѣ садятся самоистязатели. Вокругъ толпится народъ, конные занимаютъ задніе ряды.

При первомъ сигналѣ, поданномъ для начала представленія, со всѣхъ сторонъ раздаются вопли и стенанія.

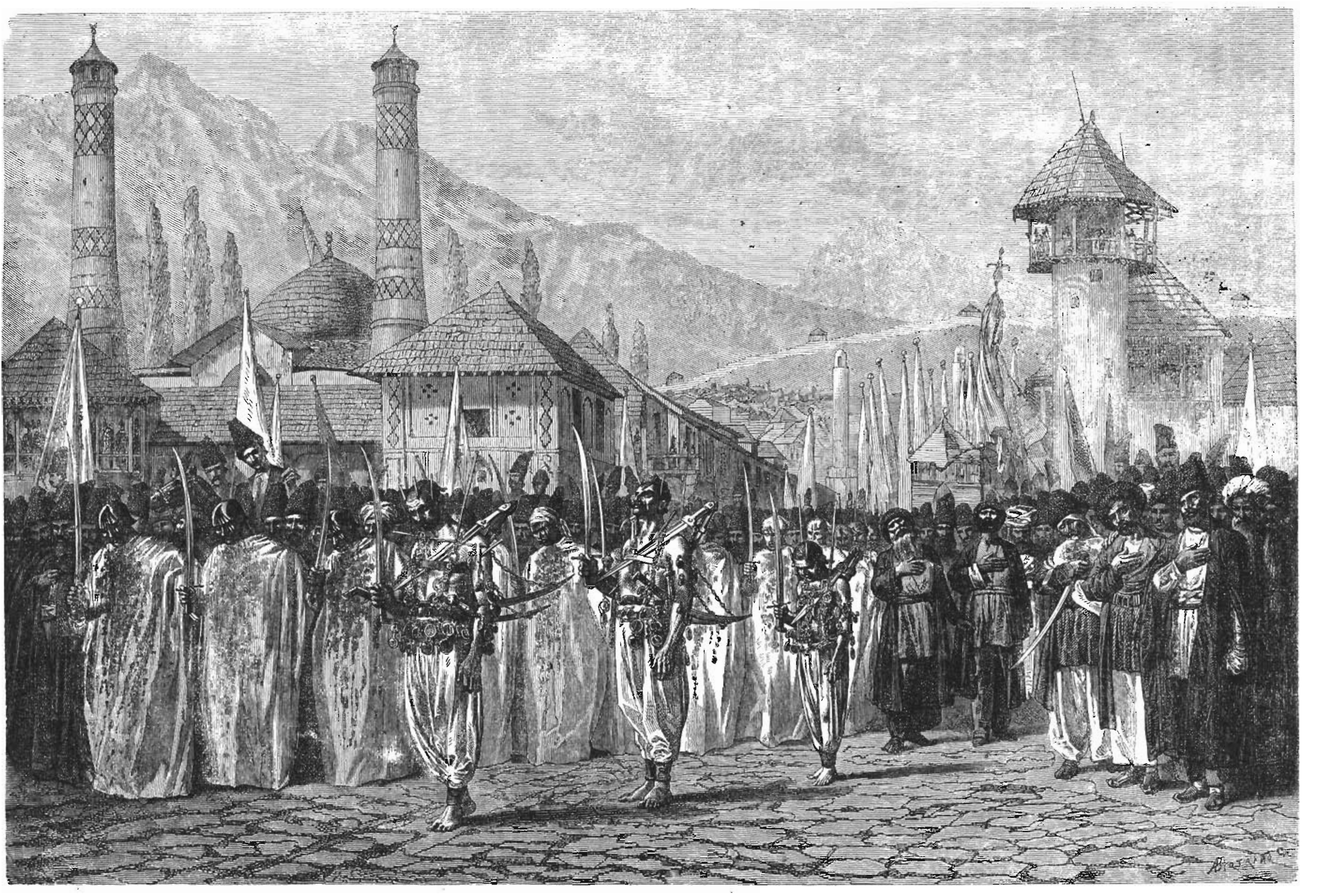
(Окончаніе будетъ).

Внутреннее обозрѣніе.

Желѣзнодорожное дѣло у насъ, не смотря на свое двадцатилѣтнее существованіе, находится почти еще въ зародышѣ. Наши 37 желѣзныхъ путей, простирающіеся на 13 слишкомъ тысячъ верстъ, составляютъ едва третью часть того количества дорогъ, въ которыхъ мы въ настоящее время нуждаемся. Множество свободныхъ капиталовъ ждутъ съ нетерпѣніемъ того времени, когда представится случай для удобнаго помѣщенія ихъ въ какое-нибудь желѣзнодорожное предпріятіе; не мало также лицъ, которыя въ предпріятіяхъ этого рода видятъ единственное мѣсто для приложенія своихъ техническихъ и административныхъ познаній и способностей. Ко всему этому необходимо присоединить, что желѣзные пути даютъ работу огромному числу людей нуждающихся въ ней для уплаты податей и повинностей, что на нихъ находятъ сбытъ мелкіе поставщики топлива и другихъ матерьяловъ. Однимъ словомъ, ни одно изъ предпріятій не захватываетъ такую массу людей и не соприкасается съ такими многообразными интересами, какъ желѣзныя дороги. Не мудрено, поэтому, что вопросъ о лучшемъ устройствѣ этого дѣла и объ опредѣленіи отношеній къ нему публики и администраціи—составляетъ одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ нашего времени и заслуживаетъ самаго старательнаго обсужденія.

Постройка желѣзныхъ дорогъ и отношенія къ нимъ государства у насъ нѣсколько отличаются отъ тѣхъ, какія существуютъ въ другихъ странахъ Европы. Въ Бельгіи, напримѣръ, всѣ желѣзные пути строятся и эксплоатируются (находятся въ пользованіи) правительствомъ: въ Англіи же мы видимъ совершенно обратное: тамъ и постройка, и эксплоатація желѣзныхъ дорогъ находится въ рукахъ частныхъ обществъ, безъ всякаго почти вмѣшательства со стороны правительства страны. Въ Россіи первые желѣзные пути строились правительствомъ и на казенныя деньги; эксплоатацію ихъ удержало за собой правительство же. Впослѣдствіи, постройку желѣзныхъ дорогъ и ихъ эксплоатацію приняли на себя частныя лица. Для поощренія, строющимся желѣзнымъ дорогамъ выдавались изъ казны субсидіи (денежныя вспомоществованія) и обезпечивалась извѣстная часть дохода; наконецъ, въ послѣдніе годы за постройку, нѣкоторыхъ вѣтвей взялись земства разныхъ губерній, а дороги бывшія прежде въ казенномъ управленіи переданы частнымъ обществамъ и компаніямъ капиталистовъ. Такимъ образомъ, успѣло выясниться, что правительство намѣрено предоставить это дѣло частной предпріимчивости, сохраняя за собою право надзора какъ за постройкою, такъ и за эксплоатаціею всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ государствѣ. Придя къ такому рѣшенію, оказалось необходимымъ установить опредѣленныя правила, которыми могли бы руководствоваться всѣ частныя общества и компаніи, въ рукахъ коихъ находится сѣть русскихъ паровозныхъ путей, а также и лица, находящіяся въ положеніи правительственныхъ инспекторовъ и чиновниковъ. И вотъ, въ министерствѣ путей сообщенія образована была особая коммиссія, для выработки проекта положенія объ эксплоатаціи паровозныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Для того же, чтобъ проектъ этотъ былъ какъ можно практичнѣе, рѣшено было подвергнуть его обсужденію самихъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей, какъ наиболѣе знающихъ это дѣло и какъ наиболѣе заинтересованныхъ въ немъ. Кромѣ разсмотрѣнія этого проекта, нашимъ желѣзнодорожникамъ необходимо было съѣзжаться и по другимъ нуждамъ для обмѣна мыслей по различнымъ вопросамъ, касающимся отношеній желѣзныхъ дорогъ къ публикѣ вообще и различнымъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ въ частности. Первый изъ такихъ съѣздовъ былъ въ прошломъ году, подъ предсѣдательствомъ графа Строгонова; второй состоялся на дняхъ, именно 25-го сентября и засѣданія его продолжались до 8-го октября. Съ дѣятельностью этого послѣдняго мы и намѣрены познакомить нашихъ читателей.

На съѣздъ прибыло 37 представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ; предсѣдательствовалъ генералъ Данненштернъ. На одномъ изъ засѣданій присутствовалъ бывшій министръ

Религіозная процессія въ Шушѣ (въ закавказьи).
(См. стр. 667).

путей сообщенія гр. Бобринскій, членъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и нѣкоторые члены отъ земства. Выше было замѣчено, что главнымъ предметомъ обсужденія нынѣшняго съѣзда назначенъ офиціальный проектъ эксплоатаціи паровозныхъ путей въ Россіи. Порядокъ разсмотрѣнія проекта состоялъ въ слѣдующемъ: тотчасъ по составленіи, онъ былъ разосланъ въ правленія всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ для обсужденія и замѣчаній; затѣмъ, отзывы и критическія замѣчанія на проектъ всѣхъ правленій представлены были въ предварительную коммиссію съѣзда, которая въ сентябрѣ настоящаго года представила ихъ на его разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе. При этомъ, вопросы, вызвавшіе со стороны правленій рѣшеніе единогласное, не подвергались обсужденію на съѣздѣ и считались рѣшенными; въ вопросахъ же спорныхъ дѣло рѣшалось большинствомъ голосовъ съѣзда. Разбирая проектъ по пунктамъ и затѣмъ въ цѣломъ, съѣздъ призналъ его непрактичнымъ и отнесся къ нему какъ къ труду кабинетному, основанному на теоретическихъ соображеніяхъ, а не на потребностяхъ и условіяхъ дѣйствительной жизни. Проектъ вводитъ самую строгую и мелочную регламентацію (правила стѣсняющія свободу дѣйствій), основываетъ многое на формѣ, а не на содержаніи, усложняя, такимъ образомъ, и безъ того уже сложное желѣзнодорожное дѣло; подчиняетъ дѣйствія правленій и управленій контролю (надзору) одной только правительственной инспекціи, забывая вовсе объ акціонерахъ, какъ участникахъ предпріятія, интересы которыхъ самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ дѣятельностью этихъ правленій; многія постановленія его крайне стѣснительны и для публики—и наконецъ есть такія, которыя вводятъ новый родъ натуральной повинности: напр. § 141 ст. 3 и § 142, въ случаѣ заноса пути снѣгомъ или несчастій съ поѣздами, желѣзныя дороги вправѣ требовать помощи отъ окрестныхъ жителей, живущихъ на 10 верстъ въ окружности, и «всѣ и каждый» обязаны подавать эту помощь немедленно. Обсуждая этотъ пунктъ, депутаты высказались, что «они всего менѣе желаютъ подавать поводъ къ налогу, крайне стѣснительному для населенія, что они отказываются даже и въ этомъ случаѣ пользоваться обязательнымъ трудомъ», находя его крайне неудовлетворительнымъ, въ особенности въ сравненіи съ трудомъ вольнонаемнымъ. Однимъ словомъ,—не было пункта, противъ котораго не представили бы возраженій.

Изъ другихъ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ съѣздомъ, заслуживаютъ вниманія нижеслѣдующіе. Московскій биржевой комитетъ прислалъ въ нынѣшній съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ два заявленія, въ которыхъ московское биржевое купечество домогается: пониженія тарифа (перевозной платы) на русскія сырыя произведенія, скорѣйшаго установленія правилъ для срочной доставки кладей, и введенія на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ страхованія товаровъ,—и наконецъ выражаетъ желаніе, чтобы въ Москвѣ былъ открытъ съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ, съ участіемъ въ немъ биржеваго купечества. Заявленія эти вызвали горячія пренія. Нѣкоторые изъ депутатовъ доказывали, что пониженіе тарифа на сырыя произведенія въ настоящее время едва ли возможно, и что хотя онъ долженъ понизиться, но не иначе какъ путемъ свободной конкуренціи, которая неизбѣжно явится при постройкѣ новыхъ вѣтвей; что необходимо ввести обязательное страхованіе грузовъ, которое давало бы возможность образовать фонды (суммы) для вознагражденія за утраченные и попорченные товары; что, наконецъ, жалобы на безпорядочность перевозки грузовъ, выставленныя биржевымъ комитетомъ, преувеличены. По баллотировкѣ, вопросъ объ обязательномъ страхованіи рѣшенъ утвердительно.—Вторымъ, по важности, вопросомъ можетъ быть поставленъ вопросъ о перевозкѣ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ по желѣзнымъ дорогамъ имперіи. Чтобы обезпечить для желѣзныхъ дорогъ вѣрную и по возможности акуратную со стороны военнаго министерства уплату суммъ, слѣдуемыхъ за перевозку солдатъ, рѣшено было открыть текущіе счеты съ уплатою черезъ 30 дней; въ случаѣ замедленія, на недоплаченную сумму наростаютъ проценты, по 6 въ годъ. Затѣмъ, представители желѣзнодорожнаго дѣла выразили, что всѣ желѣзныя дороги согласны на пониженіе тарифа при перевозкѣ землеудобрительныхъ туковъ полными вагонами до $^1/_{50}$ коп. съ версты (и съ пуда?). Точно такъ же, со стороны главнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ послѣдовало согласіе на уступку 50 процентовъ съ обыкновеннаго тарифа для перевозки товаровъ и пассажировъ на предстоящую политехническую выставку въ Москвѣ.—Вопросъ о техническихъ желѣзно-дорожныхъ школахъ значительно подвинулся впередъ: въ одно изъ засѣданій съѣзда прочитано было полученное отъ управляющаго министерствомъ путей сообщенія увѣдомленіе о томъ, что проектъ нормальнаго положенія о техническихъ школахъ, составленный на прошлогоднемъ съѣздѣ, утвержденъ почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ въ министерство. При обсужденіи этого вопроса, депутаты отъ Московско-Рязанской и Ряжско-Моршанской дорогъ заявили, что у нихъ все готово къ открытію школъ, а потому нельзя не пожелать скорѣйшаго утвержденія устава, который еще долженъ пройти черезъ Комитетъ Министровъ. Рѣшены были также менѣе важные вопросы: объ устройствѣ особыхъ отдѣленій для некурящихъ пассажировъ III класса; объ учрежденіи преміи за наилучшеустроенный вагонъ, для чего назначить конкурсъ (состязаніе); объ учрежденіи конкурса на устройство лучшаго отопленія и вентиляціи (провѣтриванія) пассажирскихъ вагоновъ, и на сей предметъ ассигновать 10,000 рублей, и другіе вопросы. 2-го октября представители русскихъ желѣзныхъ дорогъ осматривали механическій заводъ принадлежащій «Обществу горныхъ и механическихъ заводовъ» (бывшій гг. Семянникова и Полетики), а 5-го числа они собрались на общій обѣдъ, на которомъ было произнесено много рѣчей и составлена подписка на стипендію въ честь гр. Бобринскаго (бывшаго министра путей сообщенія, основателя съѣздовъ) на содержаніе одного воспитанника въ институтѣ путей сообщенія. 8-го октября съѣздъ окончилъ свои засѣданія.

Фельетонъ.

Опять о дровахъ! — Мѣры противъ вздорожанія ихъ. — Общественные толки.—Разрывъ крупповской пушки въ Кронштадтѣ и разрывъ паровоза на Курской желѣзной дорогѣ. — Московскіе адвокаты о евреяхъ.

Вопросъ о дровахъ продолжаетъ озабочивать петербургскихъ жителей. Въ pendant къ возгласамъ ихъ о недостаткѣ и дороговизнѣ топлива, слышатся жалобы на этотъ предметъ и изъ губерній: жалуется не только Москва, въ которой высокая цѣна на дрова—явленіе самое обыкновенное, но и другіе наши города: Одесса, Кіевъ, Харьковъ. Недоставало еще, чтобъ какая-нибудь Пермь или Вологда почувствовали нужду въ дровахъ... По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Петербургъ къ 21-му сентября доставлено болѣе 700,000 саженъ, да ожидаютъ еще слишкомъ 100 барокъ съ дровами, такъ-что въ привозѣ будетъ болѣе 800,000 саженъ. Это и составитъ нашъ запасъ на зиму. Кажется, достаточно, если принять во вниманіе, что въ это число входитъ не малое количество дровъ 2-хъ и 3-хъ-полѣнныхъ, и если сообразить, что число домовъ въ Петербургѣ простирается до 9,000 и если, наконецъ, сравнить привозъ нынѣшняго года съ привозомъ предшествующихъ лѣтъ. Не вдаваясь въ подробныя вычисленія, можно сказать только, что при та-

кихъ запасахъ дровъ, какіе имѣются въ настоящее время, недостатка въ топливѣ не предвидится. Но тѣмъ не менѣе, принять мѣры къ его удешевленію далеко не мѣшаетъ, потому особенно, что цѣны на дрова, какъ и на всякій предметъ торговли, возвышаются тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе остается его въ наличности. Къ числу такихъ мѣръ принадлежитъ образованіе при управленіи С.-Петербургскаго Оберъ-Полиціймейстера дровяной коммиссіи, которой поручена закупка дровъ для продажи мелкими частями наиболѣе нуждающимся жителямъ столицы. «С.-Петерб. Вѣдомости» извѣщаютъ, что съ 1-го декабря начнется продажа дровъ, закупленныхъ этою коммиссіею, по цѣнѣ не свыше 3 р. 30 к. за сажень (какихъ?). Изъ другихъ источниковъ узнаемъ о пониженіи перевозной платы на дрова по желѣзнымъ дорогамъ, сдѣланномъ Главнымъ Обществомъ Рос. жел. дорогъ, съ цѣлью облегчить привозъ дровъ въ Петербургъ; о намѣреніи означенной коммиссіи, въ случаѣ недостатка въ привозѣ, закупить большую партію дровъ у Главнаго Общества, которое, какъ извѣстно, располагаетъ значительными запасами ихъ по всему протяженію Николаевской и Варшавской линій. Слышно также о пожертвованіяхъ нѣсколькихъ дровяниковъ, которые согласились уступать дрова по пониженной цѣнѣ. Остается пожелать, чтобы при выдачѣ дровъ малоимущимъ жителямъ Петербурга устранены были различныя формальности и проволочки, но чтобы, съ другой стороны, дрова выдавались наиболѣе нуждающимся въ нихъ и наиболѣе терпящимъ отъ ихъ дороговизны. Если спекуляція вмѣшается и сюда, то дѣло будетъ навѣрное проиграно.

По поводу дороговизны дровъ приходится иногда слышать весьма странныя мнѣнія. Говорятъ, напримѣръ, что явленіе это вызвано извѣстными экономическими причинами, устраненіе которыхъ не въ нашей власти; что пониженіе цѣнъ можетъ быть достигнуто развитіемъ свободной конкурренціи, а не распродажею дровъ съ благотворительною цѣлью; что, наконецъ, гораздо проще и естественнѣе самимъ обывателямъ позаботиться о закупкѣ ихъ и не иначе, какъ изъ первыхъ рукъ, не утруждая администрацію новыми жалобами и просьбами. Съ послѣднимъ, пожалуй, и можно было бы согласиться, если бы только ограничиться однимъ среднимъ классомъ обывателей, которые въ состояніи внести впередъ извѣстную сумму для закупки дровъ большою партіею и прямо съ барки. Но откуда возьмутъ такую сумму люди, перебивающіеся изо дня въ день, жильцы подваловъ и чердаковъ? Откуда возьмутъ ее тѣ, которые покупаютъ за разъ по полъ-сажени и менѣе? Для такихъ людей необходима помощь извнѣ, которая располагаетъ капиталомъ и мало заинтересована въ предпріятіи.

Если намъ не легко справиться съ дороговизною дровъ и квартиръ, то еще труднѣе, полагаю, справиться съ круповской пушкою, которая на-дняхъ приготовила для насъ чудесный сюрпризъ. Въ самомъ дѣлѣ, читатель, престранная вещь: заказали пушку нѣмцамъ, пушку не простую, а стальную, вѣсомъ около 1000 пудовъ, заплатили за нее 40 тыс. рублей, привезли въ Кронштадтъ,—сколько надеждъ возлагали на нее!—а она возьми, да и разорвись, и разорвись именно при первомъ выстрѣлѣ и именно у насъ, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Изъ чего бы, кажется, ей разорваться? Заряжать мы давно умѣемъ, зарядъ положенъ настоящій, въ 2½ пуда вѣсомъ, крупповскія пушки показывали чудеса по части разрушенія подъ Версалемъ и не разрывались; а у насъ — трахъ! и нѣтъ ничего. И добро бы одни нѣмцы обижали насъ, а то вѣдь обижаютъ и французы. На Московско-Курской желѣзной дорогѣ вдругъ лопнулъ паровозъ; при этомъ были убитые и раненые. Что такое? Толки, волненіе, слѣдствіе; одинъ сворачиваетъ вину на другаго, русскій обвиняетъ нѣмца, нѣмецъ сваливаетъ вину на француза. Разнесся слухъ, что разорвавшійся паровозъ русской постройки; при этомъ, разумѣется, воспользовались случаемъ упрекнуть строителей русскихъ паровозовъ. Но дѣло скоро объяснилось, потому что паровозъ оказался французской работы, г. Гуэна. Слѣдствіе разъяснило также причину несчастья: оказывается, что снарядъ для измѣренія упругости пара былъ испорченъ, а предохранительный клапанъ не дѣйствовалъ, такъ-что машинистъ, съ одной стороны, не могъ знать объ излишнемъ количествѣ пара, а съ другой — лишенъ былъ возможности выпустить его на воздухъ. Такимъ образомъ, вся вина падаетъ на тѣхъ кто отпустилъ паровозъ на линію въ такомъ неисправномъ видѣ. Но все-таки, говорятъ наши патріоты, несчастье случилось съ паровозомъ французской работы; иностранцы же обижаютъ насъ, утверждая, что мы будто бы не умѣемъ управлять паровозомъ и вообще обходиться съ машинами.

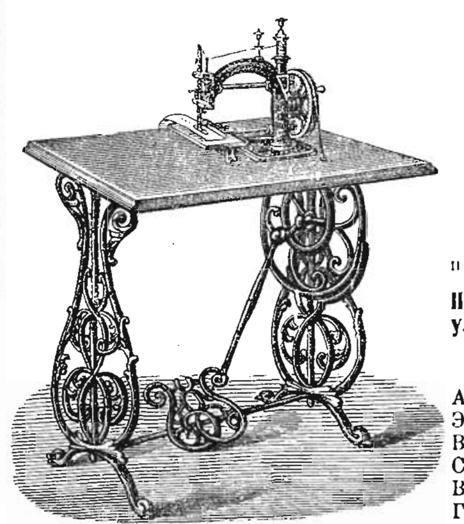
Вообще, насъ всѣ обижаютъ: нѣмцы, французы, «коварный Альбіонъ», даже евреи... Впрочемъ, евреевъ-то мы сами иногда обижаемъ. Вотъ примѣръ. Въ Москвѣ происходили частныя собранія присяжныхъ повѣренныхъ, для выбора членовъ въ совѣтъ. На собраніяхъ присутствовало до 25-ти человѣкъ, все изъ такихъ что получили высшее образованіе и принадлежатъ къ передовымъ людямъ. Но когда рѣчь зашла о томъ, принимать ли евреевъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ, то между присутствующими нашлось только трое, которые стояли за допущеніе евреевъ; остальные воздвигли противъ сыновъ Израиля гоненіе, а одинъ изъ нихъ, г. Измалковъ, высказалъ даже свое удивленіе, что находятся люди, которые защищаютъ ихъ!.. Такимъ образомъ, евреи-юристы были забракованы русскими юристами.

Нѣсколько словъ

къ нашимъ читателямъ.

Съ нѣкотораго времени въ Петербургѣ появилось объявленіе о какомъ-то новомъ иллюстрированномъ журналѣ (названія котораго невозможно разобрать), очень сходное форматомъ, программой, условіями подписки и расположеніемъ рисунковъ съ нашими объявленія за 1870 и 1871 годъ. Не зная ни денежныхъ средствъ, ни литературныхъ и художественныхъ матеріаловъ новаго органа, но имѣя основаніе думать, что объявленіе это весьма легко можетъ попасть въ руки нашихъ читателей, мы считаемъ своимъ долгомъ обратить вниманіе гг. подписчиковъ „Нивы“ на это несовсѣмъ удачное подражаніе намъ. Вообще подобныя объявленія должны служить образцомъ того, что можетъ обѣщать новый журналъ въ будущемъ. Но такъ-какъ объявленіе это, напечатанное на довольно плохой неклееной бумагѣ съ весьма посредственными рисунками, ничего не обѣщаетъ относительно своего содержанія, то мы ограничиваемся просьбою къ нашимъ читателямъ — не смѣшивать этого объявленія съ нашимъ объявленіемъ о „Нивѣ“ на 1872 годъ, которое появится черезъ нѣсколько недѣль.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ
ЛУЧШИХЪ
АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ
ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

Невскій просп., № 62 противъ Аничкина Дворца. **А. КРУМБЮГЕЛЬ.** Невскій просп., № 62 противъ Аничкина Дворца.

Постоянно снабженъ: полнѣйшимъ и разнообразнѣйшимъ ассортиментомъ оныхъ, съ новыми улучшеніями въ конструкціяхъ и всѣми аппаратами къ нимъ; для семействъ, мастерскихъ и фабрикъ.

Швейныя машины:		*Ручныя швейныя машины:*	
А. Б. Хауе	80, 95, 110 руб.	Системы Вилькокса-Гибса.	15 руб.
Эліасъ Хауе младш. . .	85, 100, 115 —	(Silencieuse) Экспресъ. .	25 —
Вилькоксъ Гибсъ. . . .	75, 85 руб.	Свиртшуръ.	35, 45 руб.
Системы Вилькоксъ-Гибсъ.	60 —	Natalis	45 руб.
Виллера Вильсона . . .	55, 65, 75, 85, 95 р.	Виллера Вильсона	50 — (въ деревян. полир. футлярѣ.
Гровера Беккера. . . .	70, 75 руб.		

Столы къ ручнымъ машинамъ для дѣйствія ногою 12, 15, 20, 27 рублей. Огромный выборъ: нитокъ, бумаги, шелку, иголокъ, масла и другихъ принадлежностей. *Безплатное обученіе, постоянная гарантія.* Заказы иногородныхъ исполняются въ точности. Укладка и укупорка на счетъ магазина, безъ пересылки, на отвѣтъ, — при требованіи свѣденій должна прилагаться почтовая марка.

ДЛЯ ВСѢХЪ НЕОБХОДИМОЕ.

ГОРЧИЧНАЯ БУМАГА ИЗЪ ЛУЧШЕЙ САРЕПТСКОЙ ГОРЧИЦЫ,

Т. ШМИДЕНА.

Разсмотрѣна и разрѣшена къ продажѣ медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Удобство и преимущество этой бумаги, въ сравненіи съ обыкновенными горчичниками, многостороннія. Цѣна умѣренная, а именно:

Дюжина горчичниковъ въ коробкѣ 40 копѣекъ.

Для иногородныхъ высылается чрезъ почту, не менѣе какъ на 2 рубля

Главный складъ въ магазинѣ **И. САБЛУКОВА**, въ гостиномъ дворѣ по зеркальной линіи, № 39-й, въ С.-Петербургѣ. (10)—8

АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
СИСТЕМЫ КАЛЬБО
Л. КАСТИЛЬОНЪ
Коммисіонеръ Военнаго Министерства.

Старѣйшій и важнѣйшій торговый домъ въ Россіи.

Челночныя машины, работающія въ двѣ нитки не распускающимся швомъ; исполняющія всевозможныя швейныя работы и снабженныя различными аппаратами для ихъ производства. — Кромѣ уже давно извѣстнаго превосходства ихъ по качеству, надъ другими системами, вновь полученныя машины имѣютъ еще ту неоспоримую выгоду, что продаются по дешевой цѣнѣ.

ДЕПО ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ
Виллера и Вильсона, Гровера и Беккера, Хау, Зингера, Вильхоха и Гибса и пр. отъ **20** р.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Елисѣева. Въ Бель-этажѣ. | Въ МОСКВѢ: на Кузнецкомъ мосту д. Комарова № 11. (39)—26

АУКЦІОННАЯ ПРОДАЖА ДРЕВНОСТЕЙ.

Принадлежащія мнѣ собранія предметовъ искусствъ (старыхъ картинъ, писанныхъ масляными красками, фарфора, хрусталя, рѣзнаго дерева и проч. и проч.), находящіяся въ родовомъ имѣніи моемъ, въ Гейзенгеймѣ, что въ Рейнгау, съ наступленіемъ лѣта 1872 г. будутъ на мѣстѣ распродаваться съ аукціона. Эти собранія упоминаются во многихъ гидахъ (Брадшау, Муррая, Бедекера, Гея и проч.). Вмѣсто отдѣльныхъ отвѣтовъ на часто-получаемыя мною запросы, я позволяю себѣ отвѣчать этимъ заявленіемъ. Подробности будутъ опубликованы своевременно.

Мюнхенъ 16/0 Максимиліановская улица. | Фрг. Г. Цвирлейнъ, каммергеръ и д-ръ jur. utr. (3)—3

С.-Петербургъ: Большая Морская на углу Кирпичнаго переулка **№ 20,**

ВАРШАВА И ОДЕССА

СКЛАДЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ
НАСТОЯЩИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ
ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ.

У КЕНИГСБЕРГА и К°.

Москва: Большая Лубянка домъ Мазуриной, Магазинъ **№ 1.**

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ПОВѢСТИ, ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.
Всеволода Крестовскаго.
Цѣна 1 р. 25 к.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Катакомбы Фары; 2) Подземный ходъ; 3) О собакахъ; 4) Сильныя ощущенія подъ Петербургомъ; 5) Красавица; 6) Любовь въ двухъ часахъ; 7) M-lle Galliard; 8) Вѣчный дежурный; 9) Торныя дороги; 10) Погибшее, но милое созданье; 11) Царь отъ міра сего; 12) Въ веселомъ домѣ.

Главный складъ находится у издателя „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСА, на углу Большой Морской и Невскаго просп., д. Росмана № 9—13.

Выписывающіе изъ главнаго склада за пересылку ничего не платятъ.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ.

Этотъ элексиръ сохраняетъ зубы, укрѣпляетъ десны, уничтожаетъ дурной запахъ дыханія, придаетъ рту пріятную свѣжесть и успокоиваетъ самыя сильныя зубныя боли.

ЦѢНА ЗА ФЛАКОНЪ 65 КОП.

Въ Магазинѣ **И. САБЛУКОВА**, въ С.-Петербургѣ. Гостиный Дворъ, по Зеркальной линіи, № 39. (10)—8

Дозволено цензурою 15 Октября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, ... № 45—1.

№ 43. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 25 октября 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ ВЪ 1872 ГОДУ.

Открывая подписку на будущій 1872 годъ и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы“, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ заранѣе высылать свои требованія вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы“.

Такъ какъ „Нива“ преимущественно назначается для семейнаго чтенія и вслѣдствіе заявленнаго многими изъ нашихъ подписчиковъ желанія получать въ „Нивѣ“ извѣстія о модахъ съ рисунками, — мы, спѣша какъ всегда удовлетворить потребности нашихъ читателей, рѣшились прилагать ежемѣсячное модное обозрѣніе съ рисунками парижскихъ модъ, **не увеличивая** подписной цѣны на нашъ журналъ, при полнотѣ и общедоступности его наидешевѣйшій въ Россіи. Необходимыя приготовленія для введенія новаго отдѣла настолько уже сдѣланы, что мы можемъ обѣщать модные рисунки до истеченія нынѣшняго 1871 года.

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 200—250 художественно-выполненными рисунками.

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 руб.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 к.	Для иногородныхъ съ пересылкой и упаковкой	5 »

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

В. И. КЕЛЬСІЕВА.

(Продолженіе).

VI.

Царственный гость.

Много часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ Константинъ; дѣло шло къ вечеру, а Константина все не было, да не было.

— Не стряслось-ли чего нибудь надъ парнемъ? думалъ Парамонычъ, — и угораздило же меня, окаяннаго, не впору поскупиться! Можетъ изъ-за какой малости дѣло стало, а малый съ отчаянья что ни есть надъ собой сдѣлалъ! Чего добраго, за пять рублевиковъ, аки Іуда Искаріотъ за тридцать серебрениковъ Спасителя

жидамъ продалъ. Серебряникъ-то чай не больше рублевика былъ. Такъ-то мы грѣшные и живемъ — Богъ за тридцать проданъ, а отецъ сына за пять продаетъ, да еще себя въ придачу. Прости Господи согрѣшеніе наше!

Вдругъ ему послышалось, что въ калитку стучатся.

Стучатся въ калитку днемъ и ночью; вольный дворъ, какъ всякая станція и постоялый дворъ, роздыха понятно не имѣетъ. Этотъ стукъ Парамонычъ принималъ обыкновенно равнодушно, но теперь онъ весь превратился въ слухъ и, точно примороженный къ лавкѣ, ждалъ—не Константинъ-ли явится.

Но явился не Константинъ, а тотъ же самый русскій скотъ Иванъ.

— Хозяинъ тутошный Алексѣй Парамонычъ не ты будешь?

— А ты крещеный или некрещеный?

— Крещеный.

— Ино перекрестись, да шапку-то съ головы снялъ бы... аль не видишь, что иконы честныя въ углу стоятъ?

Иванъ опѣшилъ, проворно сдернулъ шапку и сказалъ:

— Спасибо, добрый человѣкъ! Съ нѣмцами даже законъ христіанскій позабылъ!

Онъ не только перекрестился, но даже сотворилъ три земныхъ поклона.

— Спасибо, государь, сказалъ Иванъ,—что научилъ. Нынѣ времена—что ни шагъ ступишь, то грѣхъ сотворишь.

— Да, великъ соблазнъ въ мірѣ, это вѣрное твое слово, отвѣчалъ Парамонычъ, которому какъ нельзя больше по сердцу, по его душевному настроенію, пришлось замѣчаніе Ивашки.

— А все отчего? Все отъ нѣмцевъ!.. Ледащій народъ. Я съ ними все живу—ругаются надъ христіанами, какъ псы. Въ сумлѣніе послѣднее время сталъ приходить. Иконъ не держатъ и въ постъ — прости Господи—говядину трескаютъ; ни среды, ни пятницы не соблюдаютъ. И до чего теперь мы, христіане, дожили, что подъ началомъ у нѣмцевъ живемъ! Видно правду вонъ старцы-то говорятъ, что послѣднія времена пришли, сказалъ Ивашка, внезапно понижая голосъ и вытягивая шею къ Парамонычу, съ таинственнымъ выраженіемъ лица,—удались отъ зла и сотвори благо—сказано, государь. Я вотъ на что пропащій человѣкъ, аки песъ, а все больше да больше сдается мнѣ, что послѣднія времена приходятъ; а ужъ я и хмѣльному причастенъ и въ покой безъ крестнаго знаменія вхожу, да еще и шапки не ломаю. Развѣ, скажи ты мнѣ, государь, отъ святыхъ отцовъ такъ показано? Вѣдь показано, что въ послѣднія времена всѣ христіане пойдутъ скрываться въ пустыню и пропасти земныя. Что міръ? Вонъ старые-то люди что̀ говорятъ: міръ—суета, прахъ, мерзость житейская, да прелесть бѣсовская. Вотъ получу отъ сынка твоего благостыню и пойду на Волъ-озеро, въ скиты, къ христіанамъ, что еще старую вѣру держатъ.

Парамонычъ слушалъ этого забредшаго человѣка— и чудно ему становилось. Точно свѣтъ какой разливался по душѣ Парамоныча; точно все существо его исполнялось чѣмъ-то другимъ и разъяснялся давно-мутившій его вопросъ: почему ему жутко стало, когда онъ смахнулъ себѣ бороду, и отчего всегда чувствовалъ онъ какую-то неловкость, подражая заморскимъ обычаямъ.

— Прощаться приходи, сказалъ онъ, еще самъ не понимая, зачѣмъ ему нужно было проститься съ этимъ забулдыгой.

— Инъ приду, отвѣчалъ тотъ. — Да вотъ кстати совсѣмъ запамятовалъ, зачѣмъ пришелъ. Сынокъ твой послалъ меня къ тебѣ сказать, что онъ вернется попозднѣе, что на заводѣ у насъ теперь Царь сидитъ въ гостяхъ; и потомъ велѣлъ тебѣ онъ сказать, что дѣло свое онъ сполнилъ и что паче чаянія Царь къ тебѣ сюда завернетъ, такъ чтобы было чѣмъ его принять.

— Какъ, Царь? ночью? Да зачѣмъ же онъ сюда завернетъ? на перевозъ, что-ли?

— Ты, Алексѣй Парамонычъ, то познай: какъ пріѣхалъ Царь на заводъ, я твоему сыну и махнулъ, онъ мнѣ рублевикъ далъ и попросилъ достать ему бумаги и карандашъ. Я, грѣшный человѣкъ, у хозяина-то у нашего и стянулъ, а Константинъ Алексѣичъ возьми да и напиши на бумажкѣ:

«Приказъ-де Твой, Государь, сирота Твоя исполнилъ.

«А я здѣсь. А лицо у меня, Государь, перемазано. «А коли на вольный дворъ хоть сегодня заѣдешь—показать могу.

«А подаю Тебѣ, Великій Государь, это я самъ».

Парамонычъ сидѣлъ, еле переводя духъ. Такой прыти, какую Константинъ заявилъ въ послѣдніе дни, онъ отъ него никогда не ожидалъ.

— Ну!.. вырвалось у него изъ груди.

— Вотъ Царь и пошелъ съ голландскими нѣмцами да съ русскими рабочими по заводу ходить. Спрашиваетъ хозяина: «а что̀, говоритъ, въ порядкѣ у тебя та самая махина, что крутитъ канаты?» А хозяинъ-то и говоритъ: «въ порядкѣ, Государь, всѣ заказы сполняетъ въ аккуратѣ; вонъ, Ивану Михайловичу Головину, говоритъ, намедни въ Адмиралтейство столько-то отправили... Хочешь, самъ счеты посмотри». «Ну, а какъ съ прошлымъ годомъ по счетамъ выходитъ—больше али меньше?» это Государь-отъ спрашиваетъ. А хозяинъ ему: «да тысячи на четыре сажень супротивъ прошлаго года поболѣ будетъ средняго тоись каната». Видитъ Государь, не къ чему нѣмца подвести, такъ и не спросилъ, гдѣ у него машина самая; а у него есть подпольный ходъ къ махинѣ, каждый день смазываетъ ее и чиститъ, а туда никого не пускаетъ. Да я твоего Константина Алексѣевича этимъ ходомъ напередъ того провелъ, потому что, вишь ты, у меня ключъ отъ этого хода поддѣльный есть. Я вѣдь кузнецъ по настоящему-то, а такъ только по слабости своей чуть-что не въ кабалу къ хозяину попалъ.

— Ну, разсказывай, разсказывай! заторопилъ его Парамонычъ.

— Ну, Царь только улыбается, глядитъ кругомъ, будто глазами кого ищетъ, а Константинъ-то Алексѣевичъ вдругъ подлетѣлъ къ нему да самъ не своимъ голосомъ и заговорилъ: «Царь Государь, не вели казнить, вели миловать. Шелъ я, сирота твоя, дворъ чистить у мастера, да не доходя до Адмиралтейства бумажку поднялъ—вотъ эту. Самъ-то я грамотѣ не доволенъ, что̀ въ ней написано не знаю, и не знаю кому мнѣ ее показать, а сдается мнѣ, не подметное-ли это письмо какое. Да тутъ какіе-то два паренька шли, увидали у меня бумажонку да и говорятъ: «это что? покажь!» Прочитали, да какъ крикнутъ: «въ собственныя руки Его Царскаго Величества!» а сами бѣжать. Ну, я и подумалъ—значитъ, не начальникамъ, а самому Государю;

а другимъ показать не дерзнулъ, Государь; еще лихаго человѣка на злой умыселъ наведешь!» Царь, не говоря ни слова, взялъ бумажку и сталъ читать, а Константинъ Алексѣичъ ему въ ноги и лежитъ пластомъ.

— Мать Пресвятая Богородица! вскрикнулъ Парамонычъ,—откуда у него такая прыть взялась!

— Ты дальше слушай, государь Алексѣй Парамоновичъ.—Прочелъ это Государь и говоритъ ему: «встань, говоритъ, сейчасъ же». Да взялъ его за воротъ и какъ перышко передъ собой и поставилъ. За плечи держитъ да весело такъ смотритъ. У всѣхъ душа въ пятки ушла, даже и у меня, хотя я все это дѣло-то и знаю, — а онъ стоитъ себѣ передъ Царемъ трясется, а самъ ухмыляется. Царь его и направо и на лѣво и такъ и эдакъ.— «Ну, говоритъ, спасибо тебѣ, хорошо ты сдѣлалъ, что мнѣ подметное письмо это отдалъ. Увидишь самъ, какъ умѣю казнить и какъ умѣю жаловать; только ты, чуръ, со двора ни ногой! Возьми и у калитки и у забора караулъ поставь, хозяинъ, чтобъ онъ не улизнулъ,—колодокъ и желѣза не надо, — а это дѣло мы сегодня же разберемъ. Онъ со мной поѣдетъ, въ моей одноколкѣ», сказалъ Государь какому-то вельможѣ, что съ нимъ былъ, «а ты себѣ другую промысли; я, говоритъ, его самъ допытаю. Дай, говоритъ, ты ему, хозяинъ поѣсть, чарку вина поднеси, чтобъ онъ у меня не отощалъ». А самъ-то Государь отнюдь не гнѣвенъ, даже повеселѣлъ словно, посмѣивается, повернулся и пошелъ съ нѣмцами, а отъ Константина-то Алексѣевича весь народъ такъ и... въ сторону! Страхъ, государь, на всѣхъ большой напалъ, инъ и мнѣ жутко стало. А хозяинъ: «Иванъ!» кричитъ, и при Царѣ не ругается ни свиньей русской, ни скотомъ-Ивашкой, а такъ—вѣжливъ. «Поди, говоритъ, къ ме фроу Каролинѣ и скажи чтобъ прислала съѣстнаго. Да скажи: Государь приказалъ. Я, говоритъ, царское слово всегда готовъ исполнять —и всякое большое дѣло и всякое маленькое: коли Царь мнѣ умереть велитъ, вотъ сейчасъ лягу и умру; скажетъ Царь, воскресни, мастеръ Гармсенъ, и я воскресну. Потому, говоритъ, такихъ мудрыхъ монарховъ еще и свѣтъ не производилъ, и такого, говоритъ, способнаго народа, какъ русскій, нигдѣ, говоритъ, въ исторіи не показано». Хотѣлось мнѣ тутъ передъ Царемъ всю правду-матку брякнуть—да ужь такъ—рукой махнулъ. Побѣжалъ я, притащилъ всего: лучшій ломоть отъ пирога отрѣзалъ; вина не чарку взялъ, а цѣлый жбанъ, да другой жбанъ пива ему притащилъ,—тулупъ досталъ. Сидитъ онъ одинъ - одинехонекъ какъ рыбка трепещется и ухмыляется. «Ну, говоритъ, Иванушка, по гробъ жизни моей я не забуду твоей дружбы. Сбѣгай ты только къ тятенькѣ, разскажи ему все и, если съ Царемъ пріѣдемъ, чтобъ не опростоволосился. Да тятенька и самъ все знаетъ, не мнѣ его учить,—яица курицу не учатъ».

Парамонычъ вытащилъ ключъ изъ-подъ перины и пошелъ бродить по амбарамъ и клѣтямъ.

Вытащилъ онъ окорокъ свѣжій, завѣтный боченокъ селедокъ голландскихъ, сыръ голландскій; въ свиной тушѣ кусокъ вырѣзалъ и отдалъ Акулинѣ жарить. Жбанъ меду, жбанъ пива на столъ поставилъ, и ужь не въ кувшинчикахъ а въ стеклянныхъ бутылкахъ выставилъ мальвазію, ратафію, анисовку. Порылся въ сундукѣ—и оттуда выползли на свѣтъ Божій: широкая камчатная скатерть, затканная красной каймой, два жестяныхъ подсвѣчника, въ которые онъ воткнулъ лучшія свѣчи. Окурилъ весь домъ ладономъ—и все это такъ проворно, что Ивашка опомниться не успѣлъ, какъ изба преобразилась и стала, по его выраженію, — аки храмина нѣкая. Затѣмъ старикъ принарядился въ саксонскій кафтанъ отороченый лентой, парикъ напялилъ пудреный, чулки натянулъ на ноги.

— Да ты, Иванушка, сказалъ онъ, — ѣлъ ли?

— Какъ же, сегодня ѣлъ. Только мнѣ ко двору пора.

— Ну, ужь извини, родной, за твою добродѣтель, ты бы остался съ нами... Можетъ ты Костенькѣ и пригодишься; а можетъ и Царь самъ на тебя воззритъ милостивымъ окомъ.

Иванушка мялся.

— Только вотъ что, государь, сказалъ онъ, — не пригоже мнѣ передъ Царемъ стоять — больно ужь я малъ-человѣкъ, овца заблудшая. И говорить-то я съ такой большой персоной не умѣю, да и зазорно себя показать. Кафтанишка истасканый, на ногахъ лаптишки да и тѣ стоптаные. Да и чистоты не спрашивай! баня знаешь здѣсь какая — торговая, не то что въ деревнѣ: парься вволю, а тутъ только-что станешь мыться, говорятъ: «за твою копѣйку будетъ, ступай вонъ». Ну, окатишься да и вонъ — не то чтобы всласть измыться!

— Ну, сказалъ Парамоновичъ, — эта бѣда — еще не бѣда.

И онъ опять исчезъ за перегородкой, гдѣ, изъ другаго сундука, вытащилъ и новую рубаху и новые порты, заложенные ему какимъ-то проѣзжимъ, лапти и онучи, и купленный по случаю армячишко. Вынесъ все это Ивашкѣ, провелъ его въ сѣнцы, гдѣ висѣлъ глиняный рукомойникъ; даже мыла ему далъ. Потомъ провелъ его въ свѣтлицу и заставилъ его переодѣться съ ногъ до головы.

Ахнулъ Иванушка, какъ увидалъ махину.

— Да что у тебя за сынъ, Алексѣй Парамонычъ! сказалъ онъ. — Такъ-таки, съ моего дурацкаго разсказа — все и состряпалъ, да еще какъ.

Но въ это время послышался стукъ колесъ.

— Бѣги! сказалъ онъ Парамонычу.—Бѣги скорѣй!—Это Царь ѣдетъ.

Парамонычъ какъ былъ, даже не надѣвъ шляпы, мигомъ очутился за калиткой.

Толстенькая шведская лошадка быстро катила одноколку, въ которой виднѣлись двѣ фигуры: одна высокая и плотная; другая, точно приростокъ къ ней, тощая и сгорбленая.

Парамонычъ перекрестился, быстро вынулъ засовъ изъ воротъ, распахнулъ ихъ настежь, и Акулина, уже привычная къ своей должности, бѣжала съ фонаремъ.

— Отворяй, красавица! раздался изъ одноколки чей-то звучный голосъ.

Парамонычъ толкнулъ бабу въ избу, и подошелъ къ пріѣзжимъ.

— Здравствуй, старикъ!

— Дай Богъ здоровья, Ваше Царское Величество! отвѣчалъ Парамонычъ, касаясь рукой земли. — За честь спасибо — прости меня, старика неразумнаго, что я тогда согрубилъ передъ тобою.

— Что́ за счеты! сказалъ Петръ, выпрыгивая изъ одноколки, — дѣлаешь дѣло, ну и Богъ съ тобой! А кабы всѣ такъ понимали свою должность какъ твой сынъ — не надрываться бы мнѣ да не работать бы самому.

Парамонычъ бережно свѣтилъ ему подъ ноги росписнымъ фонаремъ, въ которомъ въ жестяной оправѣ тонко проложена была слюда.

— Да что́ у тебя, сказалъ Государь, входя въ горницу, — имянины что-ль?

— Хлѣбомъ-солью, Государь, моей не побрезгуй.

— Что-жь ты такъ растароватился-то? На радостяхъ видно, сказалъ Петръ, шутя.

— Какъ же не радость, Государь, для такого гостято! сказалъ Парамонычъ съ достоинствомъ.

— Ну что-жь пожалуй, хоть и не адмиральскій часъ!

— Вотъ сюда, Государь, сюда, говорилъ Парамонычъ, — въ красный уголъ, подъ иконы.

— Инъ, будь по твоему, только ужь и ты мнѣ по правую садись. Я у тебя въ гостяхъ, а ты должность хозяина исполняй. Садись, Константинъ.

— Позволь, Государь, сказалъ Константинъ,—умыться да пріодѣться, а то зазорно.

— Нѣтъ, парень, сказалъ Петръ, — ты мнѣ всего милѣе такимъ чернымъ. Намъ русскимъ нужны рабочіе люди, не къ чему намъ всѣ эти штуки выкидывать. Станемъ работать, не будемъ мозольныхъ рукъ стыдиться—такъ и выйдемъ въ люди, а нѣтъ—пропадемъ. И такъ довольно уже пропадали — пора очнуться!

— За тебя, Государь, душу всякій положить готовъ, заораторствовалъ-было Парамонычъ, —прикажи только— въ огонь и въ воду за тебя пойдемъ!

— Это-то я знаю твердо, что огонь и воду и мѣдныя трубы за мной пройдете; только не того, дѣдъ, мнѣ нужно: нужно мнѣ, чтобъ учить русскій народъ надобность прошла, чтобъ каждый самъ за себя справлялся. Вонъ, послушай иныхъ краснобаевъ, ропщутъ втихомолку на меня, что я больно нѣмцевъ жалую и балую,—и, коли правду сказать, я ихъ въ примѣръ русскимъ ставлю; каждый этотъ нѣмецъ самъ всякое дѣло измышляетъ, а русскій безъ указки ничего не дѣлаетъ. Да какъ я? да что́ я? да куда́ я? Дай дѣло — да самъ и смотри! Кабы были глупы отъ природы, все куда бы не шло,—на нѣтъ и суда нѣтъ. А вѣдь любаго возьми: молодецъ хоть куда, и смыслитъ, да чего-то все робѣетъ. Ровно красныя дѣвки! Фатой лицо закрываютъ и все въ уголокъ жмутся, другъ за дружкой хоронятся.

— Я, продолжалъ онъ, выпивъ анисовки изъ чарки, налитой ему Парамоновичемъ и закусывая селедкой, — я какъ рыбакъ по Россіи мечусь, здѣсь рыбку выдерну, тамъ выдерну—и каждую рыбку въ почетѣ въ прудъ свой пускаю; она плаваетъ и начнетъ почитай и въ люди иначе не показываться какъ жемчугахъ да въ дорогихъ камняхъ,—а мнѣ эти украшенія ни почемъ. Мои алмазы да жемчуги — это дѣльные люди. Увидѣлъ я, что въ Данилычѣ прокъ — и убѣдился, что всюду, гдѣ мнѣ самому нѣкогда, могу его послать,—а много-ли такихъ?

— Ну, парень, сказалъ онъ, — однако соловья-то баснями не кормятъ... За дѣло! круто перебилъ себя Петръ.

Парамонычъ засуетился подвигать ему всякія явства, но Константинъ понялъ, что́ сказалъ Государь. Онъ выскочилъ изъ-за стола, мигомъ поднялся на лѣстницу и черезъ минуту уже сходилъ внизъ, таща свою модель и толкая ею впередъ оборваннаго скота-Ивашку.

— Хоть умру, не пойду, говорилъ Ивашка шепотомъ.

— Нѣтъ иди, иди, кричалъ ему во всю глотку Константинъ,—иди! Надо чтобъ и ты передъ его свѣтлыя очи предсталъ, не хочу Великаго Государя обманывать. Я ужь ему на дорогѣ разсказалъ про тебя...

Не помнилъ себя Ивашка, какъ вступилъ онъ въ ярко-освѣщенную горницу, гдѣ изъ-за стола съ браною скатертью глядѣло на него въ упоръ лицо Государя; царскія очи привѣтливо сверкнули, чорные усы шевельнулись улыбкой, и впервые отъ роду услыхалъ Иванъ царское слово, обращенное къ нему малъ-человѣку.

— И тебѣ спасибо, сказалъ Петръ,—такъ и нужно: русскій русскимъ прежде всего братъ; а голландцы— вонъ они тамъ хвалятся своимъ Амстердамомъ, такъ мы здѣсь свой Амстердамъ заведемъ.

— А что́ Гармсенъ-то догадывается-ли? спросилъ Царь, видя что Ивашка по немногу приободряется.

— Ни вотъ на эстолько, ухмыльнулся Иванъ, пожимаясь какимъ-то неуклюжимъ жестомъ.

— Ну, спасибо. Ты тоже мнѣ службу сослужилъ, хоть самъ того не вѣдучи. Парамонычъ, подогрѣй-ка его, а то онъ перепужался ни съ того, ни съ сего.

— Ваше Царское Величество, говорилъ Ивашка, поводя глазами,—виноватъ, отпусти душу на покаяніе, съ царями никогда не говорилъ, кумпанства держать не умѣю.

Парамонычъ между тѣмъ налилъ ему анисовки въ стеклянный стаканчикъ.

— Будь здоровъ, Царь Государь, на многія лѣта! Иванъ осушилъ чарку, крякнулъ и несмѣло потянулся къ селедкѣ, волнуемый тѣмъ же чувствомъ, что и остальныхъ волновало. Да не сонъ-ли это? не греза-ли, что онъ передъ Царемъ стоитъ и Царь съ нимъ милостиво разговариваетъ?!

Между тѣмъ Константинъ, кряхтя и пыхтя, насилу втащилъ модель въ узкую дверь горницы; онъ ее поставилъ на лавку, поближе къ Петру, вытащилъ изъ-за пазухи клокъ пакли, прицѣпилъ на крючекъ, подставилъ гребень, отворилъ кранъ боченочка со смолой и завертѣлъ.

— А совсѣмъ такъ? спросилъ Петръ, пристально вглядываясь въ движеніе колеса.

— Сегодня вотъ, Государь, какъ сказывалъ я тебѣ по дорогѣ, Ивашка пропустилъ меня къ Гармсену въ подполье, гдѣ махина стоитъ; только вотъ одно, что въ такой маленькой штукѣ нельзя было вотъ тутъ и вотъ здѣсь ничего подѣлать.

— Покажи-ка веревку-то, сказалъ Петръ.—Хорошо, очень хорошо! Ну такъ теперь, коли заводъ устроимъ, справишься-ли ты?

— Чего не справиться!?

— Ну, инъ ладно, сказалъ Петръ, продолжая пристально и внимательно разсматривать модель и что-то соображая.—Инъ ладно; побывай-ка ты у меня, парень, завтра, послѣ обѣда.

— А все, Великій Государь, вотъ кому спасибо, не оставь твоей царской милостью.

Константинъ указалъ на Ивашку.

— И Ивашку я не оставлю, сказалъ Петръ.—Только что же мнѣ для тебя сдѣлать, добрый человѣкъ?

— Отпусти, Государь, душу спасать! Постричься хочу.

Выраженіе лица Государя мгновенно перешло въ недовольное. Онъ не любилъ тунеядцевъ, которые подъ видомъ пустынниковъ жили насчетъ рабочаго люда,— и полусердитымъ голосомъ, въ которомъ особенно слышались пронзительные звуки:

— Кто это тебя надоумилъ? сказалъ онъ,—признавайся, вѣдь не самому пришла въ голову эта блажь. Я знаю, что ты еще на дѣло годенъ...

— Нѣтъ, Государь, что ни на есть пропащій я человѣкъ, вздохнулъ бѣдняга.

— Такъ въ чемъ же я тебѣ тутъ помочь могу въ монастырь пойти? Указъ мой знаешь, что коли состарился—угождай Богу, а пока молодъ и силенъ—постригать не смѣютъ...

Церковь Грузинской Божіей Матери въ Москвѣ.

— Вотъ въ чемъ, Великій Государь. Погорѣлъ въ Новѣгородѣ. Всю силушку свою порастерялъ. Опустился совсѣмъ! Ни къ чему сердце не лежитъ. Въ твое царское кружало пошелъ—говорю тебѣ, Ваше Царское Величество,—при людяхъ говорю—задолжалъ. Туда-сюда мыкаться, на правежъ становиться не хотѣлось. Шкуры своей жалко стало! Взялъ да и заложился боярину Куроѣдову въ пятнадцати рубляхъ. Кабалу, значитъ, на себя написалъ. Посмотрѣлъ бояринъ на меня, видитъ, что я совсѣмъ пропащій человѣкъ, взялъ да и отдалъ меня Гармсену, пускай дескать у него отработываетъ свой долгъ. Ну я и отработываю. Ругается голландецъ. Только и слышишь отъ него: «скотъ», «мужикъ», «дуракъ», «болванъ». Фанатикусомъ обзываетъ! Вотъ сегодня меня не пустилъ Парамонычъ къ нему назадъ—завтра порка будетъ. А былъ я, Великій Государь, человѣкъ-человѣкомъ, и грамотѣ добре наученъ и писаніе разумѣю и счеты дѣлалъ. Да ужь такъ, значитъ, сдѣлался человѣкомъ пропащимъ, такъ только бы мнѣ хоть душеньку свою грѣшную спасти.

— Ну, братъ, сказалъ Государь, — дай подумать, сразу ничего не скажешь. Ты этого у какого Куроѣдова въ кабалѣ?

— Да у того самого, Государь, что на Городскомъ острову въ Дворянской хоромы нонѣ срублены.

— Это, сказалъ Государь,—не будетъ-ли тотъ самый, у котораго дочь такая краля писанная, Лукерья?

— Вотъ, вотъ, Государь, тотъ самый и есть.

Петръ лукаво улыбнулся на Константина.

— Скоро, сказываютъ, ея свадьба будетъ? продолжалъ онъ, какъ будто говоря только съ Ивашкой.

— А какъ же, Государь?! Мнѣ еще вечоръ ихъ сѣнная дѣвушка сказывала: молодой бояринъ есть— изъ-за моря недавно вернулся.

Петръ никакъ не ожидалъ этого оборота, а Константинъ даже пошатнулся на лавкѣ.

— Эхъ ты, сказалъ ему Петръ, подхвативши его,— вотъ что значитъ ночь-то не спать! Выпей-ка, парень, авось муха со слона не будетъ казаться. Жидокъ ты больно! Хорошее ты желѣзо, только мало ковано.

Константинъ вспыхнулъ и горячо поцѣловалъ государеву руку.

Парамонычъ понялъ теперь всю подноготную, но все не могъ увѣриться, что онъ не бредитъ. Этотъ диковинный вечеръ не укладывался въ его головѣ; ему казалось, что съ утра ужъ цѣлый годъ прошелъ,—и онъ только глядѣлъ на все въ недоумѣніи.

Пиръ пошелъ своимъ чередомъ. Петръ и щей похлебалъ и жаркого поѣлъ, да сверхъ того еще похвалилъ. Наконецъ всталъ изъ-за стола и сталъ прощаться.

— Однако я у васъ засидѣлся, пора покой дать— завтра вѣдь за дѣло! А ты, сказалъ онъ Ивашкѣ,— вотъ тебѣ мой царскій указъ: къ Гармсену ты больше не ходи, чтобъ тебѣ въ самомъ дѣлѣ за то, что мнѣ, Царю, службу сослужилъ, не досталось; ночуй ты здѣсь на почтовомъ дворѣ и жди моего указу, а чтобы тебя майоръ Рыкуновъ не захватилъ отъ усердія, дайте-ко мнѣ перо да бумаги!

И государь написалъ своимъ неразборчивымъ, угловатымъ почеркомъ:

«Ивану Безпалову на вольномъ дворѣ находиться мы повелѣли. Петръ».

— Вотъ, покажи, если спросятъ, сказалъ Царь, сунувъ въ руку трепещущему Ивану бумажку, и затѣмъ, накинувъ верхнюю одежду, вышелъ изъ горницы.

(Продолженіе будетъ).

Церковь Грузинской Божіей Матери въ Москвѣ.

Прежде всего сдѣлаемъ общій очеркъ старинныхъ храмовъ въ первопрестольной столицѣ; зодчество во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ являетъ духъ, характеристику ихъ, оно какъ будто пишетъ бытъ народа колоссальными каменными буквами.

Въ душѣ русскихъ людей искони преобладаетъ религіозный элементъ; поэтому въ большихъ и древнихъ городахъ нашихъ, особенно въ Москвѣ, построено много церквей [1]). По отзывамъ иностранныхъ авторовъ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, т. е. въ XVII ст., считалось въ Москвѣ до двухъ тысячъ церквей; конечно это количество преувеличено и кажется удивительнымъ и несбыточнымъ, но должно принять во вниманіе, что встарину всякій знатный и зажиточный человѣкъ хотѣлъ имѣть *свою* церковь, и потому въ то время существовало много домовыхъ церквей. Кромѣ того, на перекресткахъ улицъ (на распутіяхъ) находились часовни и монастырскія подворья. По случаю частыхъ пожаровъ, страшныхъ казней, въ честь упокоенія душъ своихъ родичей, также по случаю перенесенія изъ далекихъ странъ св. иконъ и мощей въ Москву, чувствуя угрызеніе совѣсти или просто по обѣщанію, въ честь своихъ патроновъ, въ благодарность, за исполненіе горячихъ и слезныхъ моленій, — многіе строили церкви, разумѣется сперва деревянныя, небольшія, потомъ вѣковѣчныя, каменныя [2]). Патріархъ Никонъ, замѣчая частые пожары въ Москвѣ, уговаривалъ набожныхъ и богатыхъ людей строить каменныя церкви, вслѣдствіе чего многія деревянныя были сломаны и на мѣстѣ ихъ выстроены каменныя.

Послѣ *ляхолѣтья*, т. е. послѣ литовско-польскаго разгрома Москвы, развалины и пепелища ея требовали возрожденія, москвитяне нуждались въ зодчествѣ; въ то смутное время многіе храмы въ ней были разграблены, осквернены и сожжены, и такъ-какъ въ русскихъ зодчихъ ощущался большой недостатокъ, то для построекъ приглашали иностранцевъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ итальянскіе зодчіе, вмѣсто византійскаго, распространяли въ Москвѣ свой стиль (смѣсь византійскаго съ ломбардскимъ), а въ XVII вѣкѣ новые зодчіе перенесли къ намъ гото-мавританскій стиль, который впрочемъ получилъ въ Москвѣ видоизмѣненіе, потому что русскіе не хотѣли во всемъ подчиняться чужеземному вкусу. Въ то время художественныя произведенія иностранныхъ зодчихъ обозначились въ храмахъ и потомъ въ домахъ.

Сколько ни упразднено и ни перестроено на новый стиль церквей въ Москвѣ помянутаго вѣка, но и до нашего вѣка уцѣлѣли еще нѣкоторые храмы, являющіе на себѣ печать существовавшаго въ то время византійско-русскаго зодчества, замѣчательнаго по своей оригинальности, вычурности и, въ особенности, избытку архитектурныхъ украшеній; въ этомъ стилѣ хотя и удерживалась первоначальная символика, но появилось болѣе изысканности во внѣшней орнаментовкѣ. Вотъ общая характеристика тогдашнихъ храмовъ:

[1]) Изъ нихъ многія уже уничтожены, особенно послѣ 1812 г. Въ XVI ст. въ одномъ Кремлѣ считалось 30 церквей, а во всей Москвѣ 400; можно полагать, что въ томъ числѣ находились и предѣлы церковные.

[2]) Эти въ особенности боярами и царями: напримѣръ, за изгнаніе изъ Москвы поляковъ, кн. Пожарскій соорудилъ въ Китаѣ городѣ храмъ *Казанской Б. М.*, а кн. Трубецкой на Арбатѣ *Знаменіе Б. М.* Царь Мих. Ѳед. въ дворцовомъ селѣ Рубцовѣ по этому же случаю построилъ храмъ во имя *Покрова Б. М.*, а на Тверской *св. Пророка Елисея*, въ память возвращенія изъ Польши родителя своего, митрополита Филарета. Старинный домъ Романовыхъ, на Варваркѣ, также обращенъ въ *Знаменскій монастырь*; царь Алексѣй Мих. вступленіе свое на престолъ ознаменовалъ сооруженіемъ въ Огородной слободѣ церкви *св. Харитонія*, а бракосочетаніе съ Маріею Ильин. Милославскою—храмомъ *св. Петра Веригъ* на Покровкѣ.

Кровли церквей крыты были чешуйчатымъ гонтомъ, завивными черепицами, сизо-бѣловатымъ желѣзомъ и ярко-позолоченою мѣдью, какъ и нѣкоторыя главы церквей, съ водруженными на нихъ блестящими крестами, поэтому Москва и названа *златоглавою* (Москва золотыя маковки). Ко входамъ въ церковь пристраивались крыльца, паперти и трапезы на сѣверъ, двери которыхъ назначались для крестныхъ хожденій. Въ то же время построено было нѣсколько двухъ-этажныхъ церквей (верхній ярусъ для лѣтняго служенія, а нижній для зимняго). Длинныя и узкія окна ихъ съ желѣзными переплетами, рѣшотками и запорами мало пропускали свѣта внутрь зданій; за то, вмѣсто дневнаго свѣта, храмы озарялись блескомъ неугасимыхъ лампадъ и свѣчей. Этотъ таинственный полумракъ производилъ на душу молившихся глубокое и благоговѣйное впечатлѣніе...

Алтари обыкновенно строили полукругомъ, съ выступомъ па сѣверъ; хоры, тогда называвшіеся *полатями*, устраиваемые въ предшествовавшіе вѣка, стали уничтожаться; рѣзные изъ дерева иконостасы, пестроузорчатые, были ярко вызолочены. *Звонницы* или *колокольницы* располагались на западъ и устраивались отдѣльно отъ церквей, съ пролетами для колоколовъ, съ отверстіями для звуковъ и съ крышами, подобными коронѣ. Таковые въ Москвѣ вычурные храмы суть: *св. Никола Большаго Креста* на Ильинкѣ, *Спасъ за Золотой рѣшоткой* въ Кремлѣ, *Никола во Столпахъ* въ Бѣломъ городѣ, *Соборный храмъ въ Богоявленскомъ монастырѣ* на Никольской, *Успеніе на Покровкѣ* въ Бѣломъ городѣ (приведшій въ восхищеніе Наполеона, который строго приказалъ оберегать его отъ пожаровъ)—и описываемый мною, замѣчательный по оригинальности своей, отчетливо изображенный въ рисункѣ пятиглавый храмъ *Грузинской Божіей Матери*.

Историкъ Татищевъ утверждаетъ, что встарину въ Москвѣ всѣ церкви были одноглавыя и что только патріархъ Никонъ велѣлъ сдѣлать на каждой церкви по пяти главъ, среднюю принимать за Іисуса Христа, а четырмя большими означать Евангелистовъ; другіе же полагаютъ, что среднею главою изображался Московскій патріархъ, а четырьмя остальными патріархи: Александрійскій, Антіохійскій, Константинопольскій и Іерусалимскій; впрочемъ замѣтимъ, что еще гораздо прежде Никона въ старинныхъ русскихъ городахъ существовали пятиглавые храмы.

Еще замѣтимъ, что всѣ наши храмы изстари бываютъ съ круглыми сводами; иностранные посѣтители Москвы хотѣли знать причину того, но не достигли до этого. Извѣстно, что языческіе храмы (напр. Пантеонъ въ Римѣ) по большей части имѣли круглые своды, безъ сомнѣнія видъ небосклона былъ для нихъ образцомъ. Католики и лютеране также спрашивали у русскихъ: «для чего въ нашихъ храмахъ не бываетъ музыки?» «Для того», отвѣчали имъ, «что бездушные инструменты не могутъ славословить Бога и что въ Новомъ Завѣтѣ совсѣмъ не упоминается о музыкѣ». Также изстари русскіе любили громогласный звонъ колоколовъ. Олеарій говоритъ, что только одно русское ухо можетъ сносить этотъ звонъ.

Церковь *Грузинской Божіей Матери* придѣльная, а не главная, при храмѣ *св. Живоначальной Троицы, что въ Никитникахъ* (у Микитникова двора у мельницъ, на Глинищахъ), между Ильинкою и Варваркою, недалеко отъ Варварскаго крестца [3]); она извѣстна болѣе подъ именемъ *Грузинской Б. М.* [4]), потому-что въ ней находится чудотворный образъ Богоматери, привезенный въ Москву гостемъ Степаномъ Никитниковымъ въ 1629 г. изъ Персиды; этой иконѣ, по повелѣнію Московскаго патріарха Іосифа, сочинена особенная служба и установлено праздновать ей августа 22-го.

Придѣлы въ этомъ храмѣ суть:

1) *св. Никиты великомученика*; 2) св. Николая Чудотворца (построенная на иждивеніе гостя Ив. Лобкова); 3) Іоанна Богослова. Главный храмъ, какъ видно изъ находящейся въ ризницѣ записи, сооруженъ каменный, въ 1628 г. при царѣ Алек. Мих., иждивеніемъ московскаго гостя Григорія Леонтьева сына Никитникова, почему это урочище и называется *въ Никитникахъ;* еще быть можетъ потому, что эта церковь (т. е. св. Живоначальная Троица) сооружена на мѣстѣ деревянной, ветхой св. Никиты великомученика.

Жаль, что описываемый мною прекрасный храмъ находится въ глухомъ Грузинскомъ переулкѣ, сзади городскаго частнаго дома, близь пограничной стѣны, отдѣляющей Китай городъ отъ Бѣлаго. Этотъ храмъ и принадлежитъ къ Китаю городу, Китайскаго Сорока.

---

[3]) *Варварка* прежде называлась *Покровкою*, по бывшей здѣсь церкви *Покрова Божіей Матери*. На этомъ крестцѣ, близь церкви св. Варвары, за *травянымъ* рядомъ, гдѣ собирались разные знахари и знахарки, лечить отъ напущенныхъ болѣзней, находились тюрьмы съ пыточнымъ застѣнкомъ, почему полагаютъ и произошла поговорка: *пойдемъ къ Варварѣ на расправу*. Тамъ же, близь церкви св. Георгія, находился и *Денежный дворъ*.

[4]) Ц. Грузинской Б. М. находится еще въ *Земляномъ городѣ*, Ивановскаго Сорока. При императорѣ Александрѣ I-мъ принесена въ Москву грузинская святыня, крестъ св. Нины. Въ Москвѣ, въ XVIII ст., въ Новинскомъ монастырѣ была игуменьей Имеретинская царевна Нина. Съ подданствомъ Грузіи Россіи населилось въ Москвѣ урочище *Грузины*.

С. Любецкій.

Князь Бисмаркъ фонъ-Шенгаузенъ.

Полагая, что нашимъ читателямъ небезъинтересно было бы ознакомиться съ личностью и біографіей такого крупнаго политическаго дѣятеля, какъ нынѣшній канцлеръ Германской имперіи, — издатель «Нивы» обратился письменно къ князю Бисмарку, прося его портрета и автографа на русскомъ языкѣ, которымъ первый министръ имперіи владѣетъ въ совершенствѣ. На эту просьбу послѣдовалъ отвѣтъ, приводимый въ переводѣ ниже in extenso, такъкакъ онъ чрезвычайно ярко характеризуетъ теперешнее настроеніе главы германскаго кабинета относительно Россіи. Вотъ это письмо за собственноручной подписью князя Шёнгаузенскаго.

«Книгопродавцу-издателю А. Ф. Марксу въ Петербургѣ.

Берлинъ 3 іюля 1871 г.

Искренно благодарю васъ за присланный мнѣ вмѣстѣ съ любезнымъ письмомъ вашимъ отъ 27 іюня экземпляръ «Нивы» и за ласковое слово, которымъ сопро-

вождалась эта посылка. Искренно и горячо сочувствую задачѣ, которую вы поставили себѣ при изданіи вашего далеко-распространеннаго журнала, такъ какъ и моя дѣятельность по призванію имѣетъ своей задачей сохранять и поддерживать основанныя на взаимномъ уваженіи дружески-сосѣдскія отношенія между Германіей и Россіей. Желаніе ваше получить мой портретъ и автографъ на русскомъ языкѣ—охотно исполняю, посылая вамъ тотъ и другой вмѣстѣ съ увѣреніемъ въ чувствѣ глубокаго уваженія.

Бисмаркъ».

I.
До университета.

Отецъ нынѣшняго государственнаго канцлера Германіи, Карлъ Вильгельмъ фонъ-Бисмаркъ родился 13-го ноября 1771 года, служилъ въ лейбъ-карабинерскомъ полку, вышелъ въ отставку съ чиномъ ротмистра, и 7-го іюля 1807 года женился на Луизѣ Вильгельминѣ Менкенъ. Отъ этого брака произошли Александръ Фридрихъ Фердинандъ, Луиза Іоанна, Бернгардъ, Францъ, Франциска Ангелика Мальвина и наконецъ нынѣшній первый министръ Германской имперіи, Отто Эдуардъ Леопольдъ, родившійся 1-го апрѣля 1815 года въ Шенгаузенѣ. Первую молодость провелъ онъ не въ древнемъ Альтмарскомъ наслѣдіи отцовъ, но въ Помераніи, куда его родители переселились уже съ 1816 года. По смерти одного изъ родственниковъ они получили въ наслѣдство ленныя владѣнія Кнейпгофъ, Ярхелинъ и Кюльцъ, находящіяся въ округѣ Раугардъ. Въ Кнейпгофѣ, который отецъ и мать Бисмарка выбрали мѣстомъ своего жительства, провелъ онъ первые шесть лѣтъ своей жизни, туда же вернулся онъ и послѣ изъ Берлина на каникулы, такъ что на это померанское владѣніе родителей Бисмарка слѣдуетъ смотрѣть какъ на колыбель его дѣтства.

Въ то время и позже молодой Бисмаркъ бывалъ постояннымъ гостемъ въ сосѣднемъ Циммергаузенѣ, принадлежавшемъ Бланкенбургамъ; дружба, которую онъ питалъ къ молодому Морицу Бланкенбургъ, нынѣ извѣстному предводителю консервативной партіи въ палатѣ господъ и на сеймѣ, остается неизмѣнною и до сихъ поръ.

На святой недѣли 1821 г. Бисмарка отправили въ Берлинъ, съ тѣмъ чтобы отдать его въ знаменитый пансіонъ и воспитательное заведеніе профессора Пламана, гдѣ учился его единственный оставшійся въ живыхъ братъ Бернгардъ. Въ этомъ заведеніи пробылъ Бисмаркъ до 1827 года, а потомъ вступилъ въ гимназію Фридриха Вильгельма, для дальнѣйшаго образованія.

Родители Бисмарка имѣли обыкновеніе проводить зимніе мѣсяцы въ Берлинѣ—и на это время брали къ себѣ обоихъ сыновей, такъ что въ молодыхъ людяхъ все-таки поддерживалось чувство семейнаго кружка, несмотря на то, что они не всегда проводили время дома.

Съ 1827 года оба брата оставались большею частью въ Берлинѣ, ввѣренные попеченію вѣрной служанки Трине Нейманъ, между тѣмъ какъ молодые, образованные учителя надзирали за ними въ отсутствіи родителей на лѣтніе мѣсяцы. Они же и помогали братьямъ въ занятіяхъ. Въ ту пору Отто фонъ-Бисмаркъ положилъ основаніе изученію французскаго и англійскаго языка, которыми впослѣдствіи онъ владѣлъ въ совершенствѣ.

Очевидно, что отецъ и мать Бисмарка не щадили ни трудовъ, ни издержекъ для возможнаго развитія способностей богато-одаренныхъ мальчиковъ. Это было постоянной заботой матери, очень развитой женщины, соединявшей въ себѣ вмѣстѣ съ большими познаніями религіозность и либеральныя воззрѣнія, унаслѣдованныя отъ отца. Госпожа Бисмаркъ была безъ сомнѣнія замѣчательная женщина, не одной своей красотой славящаяся въ обществѣ и стяжавшая похвалы въ собственномъ кружкѣ. Ея дѣятельности, страстно хватавшейся за всякую новизну, недоставало скорѣе настойчивости, чѣмъ прозорливости, но это самое и причиняло большія упущенія въ управленіи помѣстьями: веденіе хозяйства страдало отъ безчисленныхъ и дорогихъ нововведеній и попытокъ, такъ что благосостояніе семейства все болѣе и болѣе рушилось; кромѣ того открытая жизнь зимой въ Берлинѣ, а лѣтомъ въ Баденѣ еще болѣе увеличивала расходы. Въ сыновьяхъ же своихъ мать повидимому рано постаралась развить честолюбіе; ея завѣтнымъ желаніемъ было, чтобы младшій сынъ Отто избралъ дипломатическую карьеру, къ которой она считала его наиболѣе способнымъ; старшаго же сына она прочила для службы. Оба желанія матери исполнились, хотя она не дожила до этого; лишь нѣсколько лѣтъ спустя по смерти ея, младшій сынъ вступилъ на дипломатическое поприще; но ея материнской прозорливости дѣлаетъ большую честь, что она безошибочно угадала ту дорогу, на которой молодой Бисмаркъ такъ быстро возвысился. Какъ часто вспоминалъ Бисмаркъ, будучи посланникомъ въ Петербургѣ, въ Парижѣ и во Франкуртѣ, это страстное желаніе своей матери! Какъ часто старинные друзья дома говорили ему: «Бисмаркъ, что еслибы твоя матушка могла это видѣть!»

Въ противоположность умной, развитой и честолюбивой, но немного холодной матери, отецъ Бисмарка отличался добродушіемъ, веселостью и остроуміемъ, но безъ особенныхъ притязаній на духовное развитіе и и познанія. Онъ служилъ въ карабинерахъ, начальникомъ которыхъ былъ въ то время одинъ изъ Бисмарковъ,—и его единственное занятіе (какъ онъ послѣ самъ разсказывалъ своимъ сыновьямъ) состояло въ томъ, что въ продолженіи пяти лѣтъ аккуратно каждое утро онъ отмѣривалъ овесъ карабинерамъ. Онъ любилъ деревенскую жизнь, сильно скучалъ въ Берлинѣ, къ тому же былъ немного глухъ; къ женѣ же своей Бисмаркъ питалъ чисто-рыцарскую преданность и безпрекословно исполнялъ всѣ ея желанія.

Г-жа фонъ-Бисмаркъ, кромѣ бесѣды съ умными и развитыми людьми, любила шахматную игру, въ которой она достигла высшей степени совершенства; главною же страстію ея мужа была охота—и онъ остался вѣренъ ей до конца своей жизни.

Съ 1830 по 1832 г. Отто Бисмаркъ былъ въ пансіонѣ профессора Прево, потомъ перешелъ въ гимназію Фридрика Вильгельма, гдѣ онъ и оставался до 1832 г.; затѣмъ, сдавъ вступительный экзаменъ, занялся изученіемъ правъ.

Мы видимъ Отто Бисмарка еще въ молодыхъ лѣтахъ, подобно его старшему брату, удаленнымъ изъ отцовскаго дома; мы не можемъ судить, какія тому были причины, но во всякомъ случаѣ это дѣлалось съ лучшими намѣреніями, хотя онѣ и не удались. Самъ Бисмаркъ говаривалъ впослѣдствіи, что раннее удаленіе изъ родительскаго дома было ему далеко не въ пользу. Можетъ-быть мать боялась, что сына ея слишкомъ избалуютъ, такъ-какъ мальчикъ покорялъ себѣ

всѣ сердца своею ласковостью; особенно же сильно баловали его отецъ и Лоте Шмелингъ, камеристка матери и его нянька. Въ берлинскомъ пансіонѣ Пламана Бисмарку было далеко не по себѣ; учителей онъ не любилъ за то, что они придавали слишкомъ большое значеніе гимнастическимъ упражненіямъ, за проповѣдуемую ими методическую ненависть къ французамъ и за ту безтактность, съ которой они совали въ глаза молодому аристократу грубую нѣмецкую народность. Бисмаркъ вовсе не былъ воспитанъ въ сословныхъ предразсудкахъ; напротивъ, его мать считалась замѣчательно-либеральной женщиной и вовсе не любила знати; въ то время браки между дворянствомъ и среднимъ сословіемъ бывали гораздо рѣже, чѣмъ теперь; г-жѣ фонъ-Бисмаркъ приходилось нѣсколько разъ извѣдать нелюбезное обращеніе гордой аристократіи Альтамарка и Помераніи, слѣдовательно, объ сословіяхъ не могло быть и рѣчи въ дѣтствѣ Бисмарка. Не отвращеніе къ товарищамъ, но черезъ чуръ демократическія воззрѣнія учителей пробудили въ юношѣ юнкерство.

Ученикомъ молодой Бисмаркъ вообще велъ себя такъ, что никогда не подвергался наказаніямъ и не подавалъ повода къ выговорамъ и внушеніямъ; все ему такъ легко давалось и способности его были настолько замѣчательны, что онъ безъ особеннаго затрудненія выполнялъ требованія учителей и наставниковъ. Изъ всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ училищѣ, онъ занялся преимущественно и съ особенной любовью изученіемъ исторіи, а именно отечественной, бранденбургской, прусской и обще-нѣмецкой.

Въ молодыхъ лѣтахъ онъ положилъ основаніе тому высшему знанію исторіи, которымъ впослѣдствіи сталъ такъ опасенъ своимъ противникамъ въ парламентскихъ преніяхъ.

Князь Бисмаркъ-Шёнгаузенъ

Гравировалъ Крешъ.

При вступленіи въ университетъ, Бисмарку еще не было семнадцати лѣтъ. Въ дѣтствѣ и въ юношествѣ онъ не отличался особенной живостью характера; что-то спокойное и созерцательное таилось въ немъ. Любимыми его удовольствіями были верховая ѣзда и охота; кромѣ того онъ былъ превосходнымъ пловцемъ, искуснымъ фехтовальщикомъ и танцоромъ. Бисмаркъ въ дѣтствѣ и юности былъ высокъ ростомъ, строенъ и худощавъ; только впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ мощное и полное тѣлосложеніе. Хотя въ юношѣ и сказывалось нѣкоторое своенравіе, но оно вовсе не отталкивало; обхожденіе же его было свободно и просто, что не исключало однако нѣкоторой сдержанности. Мы можемъ назвать лишь немногихъ друзей его дѣтства и школьной поры, но если ужь онъ съ кѣмъ-либо дружился, то эта дружба длилась всю жизнь. Къ старинным друзьямъ Бисмарка принадлежатъ: кромѣ Морица Бланкенбурга, Оскаръ фонъ-Арнимъ, Вильгельмъ фонъ-Шенкъ, Ганцъ фонъ-Девицъ и графъ Мильцовъ; потомъ изъ университетской жизни — графъ Кейзерлингъ, Вентвортъ Мотлей, Ольдекопъ.

Въ заключеніе упомянемъ, что Бисмаркъ всегда обращался надлежащимъ тономъ съ своими слугами и они всѣ очень любили его, хотя онъ и бывалъ взыскателенъ, когда нужно.

Позже, вмѣстѣ съ своимъ братомъ управляя померанскими владѣніями, Бисмаркъ сдѣлалъ однажды строгій выговоръ молодому управляющему, который оправдывался тѣмъ, что онъ никогда не питалъ особенной любви къ управленію сельскимъ хозяйствомъ, что его къ этому принудили и такъ далѣе.

— Ужь я бился-бился надъ этимъ! заключилъ молодой человѣкъ.

— Мало еще бились! сухо возразилъ Бисмаркъ.

Это возраженіе, перешедшее впослѣдствіи въ поговорку между тамошними крестьянами, заставило сильно призадуматься управляющаго; онъ сдѣлался превосходнымъ сельскимъ хозяиномъ и часто съ благодарностію вспоминалъ слова Бисмарка: «Мало еще бились».

(Продолженіе будетъ).

Закавказская религіозная драма.

(Окончаніе).

Извѣстна трагическая смерть Гуссейна. Послѣ сраженія при Куфѣ, въ которомъ имамъ, имѣя при себѣ всего 70 человѣкъ, дрался противъ тридцатитысячной арміи и наконецъ покрытый ранами упалъ съ лошади, ему отрубили голову. Все семейство Гуссейна было взято въ плѣнъ, а голову его вздернули на пику и носили по многимъ городамъ. Эти событія совершились въ 661 году христіянской эры и подали поводъ къ ежегодному празднованію, свято исполняемому всѣми мусульманами шиитами, въ теченіи первыхъ десяти дней мѣсяца Могарема.

Первые девять дней этого мѣсяца татары въ Шушѣ проводятъ въ томъ, что скачутъ и кричатъ какъ сумасшедшіе. Десятый день исключительно посвященъ празднованію смерти Гуссейна.

Въ теченіи десяти дней мусульмане соблюдаютъ строгій постъ, и не ѣдятъ ничего отъ утренней зари до вечерней; а самые набожные даже не брѣютъ ни волосъ ни бороды, воздерживаются отъ куренія, бань и всякаго рода путешествій.

Тѣ которые въ теченіи цѣлаго дня не касаются пищи и не курятъ наргиле — съ избыткомъ вознаграждаютъ себя за это лишеніе при первомъ наступленіи сумерокъ, и до утренней зари не перестаютъ ѣсть и курить.

Въ мечетяхъ читаютъ описаніе страданій имама и говорятъ проповѣди по этому предмету. Изъ этихъ описаній берутъ сюжеты для мистерій или драмъ, которыя играютъ въ теченіи первыхъ десяти дней. Наиболѣе же торжественныя сцены и большое представленіе оставляютъ къ десятому дню.

Еслибы татары въ точности придерживались древняго обычая, то всю драму слѣдовало бы розыграть только въ послѣдній день; но такъ какъ это было бы слишкомъ утомительно для публики и для актеровъ, то піэсу раздробили на столько же дней, сколько дней праздиества. Смерть Гуссейна составляетъ развязку послѣдней сцены.

Въ Шушѣ представленіе драмы происходило обыкновенно или близь мечети, или въ купеческихъ караван-сераяхъ, или въ другихъ мѣстахъ, гдѣ находятся дворы окруженные зданіями. Для это тамъ устроиваютъ подмостки. Большинство актеровъ набирается охотой изъ самихъ жителей; но для выполненія главныхъ ролей выписываютъ изъ Персіи, изъ секты шiитовъ, особенныхъ актеровъ, уже прославившихся на этомъ поприщѣ.

Главный распорядитель спектакля опредѣляетъ форму костюмовъ, въ которыхъ оригинальность и фантастичность преобладаютъ надъ исторической вѣрностью. Въ этихъ переодѣваньяхъ не соблюдается ни истины, ни цѣльности. Такъ, наприм., среди актеровъ со щитами въ рукахъ, одѣтыхъ въ кольчуги, панцыри и каски, я вдругъ замѣтилъ одного въ платьѣ русскаго чиновника, современнаго покроя, и въ старой шляпѣ съ пуховымъ околышемъ.

Мнѣ сказали, что эта смѣшная фигура представляетъ будто бы французскаго посланника, очевидца историческихъ событій, составляющихъ сюжетъ драмы.

Другой актеръ, представлявшій арабскаго калифа, неподвижно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; вмѣсто тюрбана у него на головѣ надѣта была французская кавалерійская каска съ длиннымъ хвостомъ изъ лошадиныхъ волосъ.

Всѣ женскія роли выполняли мужчины, драпированные до самыхъ глазъ длинными покрывалами или шалями, на манеръ того какъ ихъ обыкновенно носятъ туземныя женщины.

Дворы, въ которыхъ даются представленія, биткомъ набиты народомъ, а въ галлереяхъ исключительно видны только покрывала мусульманскихъ женщинъ.

Актеры группируются и садятся полукругомъ на платформу; у каждаго изъ нихъ въ рукахъ тетрадка, по которой онъ читаетъ свою роль жалобнымъ и монотоннымъ голосомъ. Это зрѣлище всегда сильно дѣйствуетъ на толпу. Со всѣхъ сторонъ слышатся рыданія, слезы текутъ изъ всѣхъ глазъ. При выполненіи одной изъ сценъ,—именно той, гдѣ молодой имамъ, послѣдній изъ рода Гуссейновъ, прощается (передъ отъѣздомъ на войну) съ своею матерью и семействомъ,—слезы и рыданія зрителей доходятъ до такой степени, что даже пріостанавливаютъ на время представленіе. Я самъ видѣлъ стариковъ съ сѣдыми волосами, которые плакали навзрыдъ какъ дѣти. Я уже не говорю о женщинахъ, которыя обливались слезами, бились въ конвульсіяхъ и не переставали рыдать во все продолженіе піэсы. У шiитовъ существуетъ преданіе, что каждая слеза смываетъ цѣлыя горы грѣховъ.

Въ теченіи цѣлыхъ девяти дней татары расхаживаютъ по городу многочисленными толпами; ихъ торжественныя шествія и пѣніе жалобныхъ гимновъ сопровождаются мѣрными ударами въ грудь. Съ наступленіемъ вечера они собираются съ разныхъ концовъ города на площади, гдѣ остаются скакать и кричать до поздней ночи.

Такимъ образомъ татары выражаютъ свою скорбь и мужество, съ которымъ бы они стали защищать свою вѣру и своихъ святыхъ. Но такъ какъ имамы давнымъ давно уже переселились въ вѣчность, и такъ какъ нѣтъ никакого средства вернуть ихъ оттуда на землю, то поклонники этихъ святыхъ хотятъ по крайней мѣрѣ показать міру, съ какимъ рвеніемъ они стали бы защищать своихъ патроновъ, еслибы имъ суждено было жить въ тѣ блаженныя времена.

Впрочемъ эти ночныя собранія уже много лѣтъ какъ запрещены закономъ, по причинѣ часто случавшихся на нихъ кровопролитій.

Каждый татарскій городъ раздѣленъ на нѣсколько партій, ведущихъ между собою вѣковую вражду съ незапамятныхъ временъ. По своему невѣжеству татары смѣшиваютъ событія давно минувшихъ дней и нынѣшнихъ временъ — и въ память того, что ихъ предки когда-то дрались въ Шушѣ за Гайдари и Неемета, оспа-

ривавшихъ другъ у друга право на персидскій престолъ, татары по прошествіи многихъ столѣтій, когда уже самыя имена обоихъ соперниковъ почти забыты, все еще продолжаютъ драться то за Гайдари, то за Неемета.

Такъ какъ мѣстному правительству очень хорошо извѣстно это враждебное расположеніе партій, то оно не допускаетъ ихъ сходиться вмѣстѣ и заботится объ удаленіи той или другой партіи, изъ мѣста общаго собранія, хотя при этомъ рѣдко обходится безъ сопротивленія со стороны изгоняемыхъ.

На прилагаемыхъ рисункахъ изображены изступленные самоистязатели и добровольные мученики, о которыхъ говорилось въ предшествовавшемъ нумерѣ и которыхъ фигуры въ меньшемъ размѣрѣ видны впереди процессіи, изображенной на стр. 669.

Внутреннее обозрѣніе.

Нельзя сказать, чтобы русская жизнь была бѣдна такъ называемыми необыкновенными происшествіями. Съ одной стороны, вы слышите о разрывѣ пушекъ и паровозовъ, о крушеніяхъ поѣздовъ на желѣзныхъ дорогахъ и столкновеніи пароходовъ на водѣ; съ другой — о самоубійствахъ, смертоубійствахъ, грабежѣ, поджогахъ и т. д. и т. далѣе. Если бы кому нибудь пришла охота собирать извѣстія о подобныхъ необычайныхъ явленіяхъ нашей жизни, чтобы потомъ представить ихъ цѣльной картиной, то вышло бы нѣчто поразительное, — нѣчто такое, надъ чѣмъ можно было бы призадуматься. Не беря на себя такой непосильной работы, мы желаемъ разсказать читателямъ только тѣ изъ необыкновенныхъ случаевъ, которые были въ послѣднее время, выбирая изъ нихъ самые интересные и загадочные. Предваряемъ, что раскрытіе причинъ каждаго выдающагося событія имѣетъ для насъ больше значенія, чѣмъ заманчивыя анекдотическія или романическія условія, при которыхъ оно происходило.

Вотъ, напримѣръ, кража, отличающаяся какъ своими размѣрами, такъ въ особенности дерзостью совершившихъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, среди бѣла дня, чуть не въ центрѣ города, изъ дома, находящагося на одной изъ многолюднѣйшихъ улицъ Петербурга (Офицерской), выносятъ мебель: диваны, кресла, рояли, кровати и т. д., преспокойно складываютъ все это на возы и отвозятъ... на Апраксинъ дворъ, гдѣ и продаютъ нѣсколькимъ торговцамъ. Покража открылась черезъ два дня, когда, по порученію дѣйствительнаго владѣльца мебели, явился въ означенную квартиру посланный отъ него, съ тѣмъ, чтобы отправить мебель въ деревню. Украденное оцѣнено въ 4 тысячи рублей. Дѣятельными розысками полиціи похищенная мебель была найдена; часть ея была перепродана и оказалась уже въ четвертыхъ рукахъ. Похититель, кронштадтскій мѣщанинъ, которому было поручено охраненіе означенной мебели, успѣлъ уѣхать съ пассажирскимъ поѣздомъ въ Москву, но въ Твери былъ задержанъ и вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, обойнымъ подмастерьемъ (прусскимъ подданнымъ), переданъ судебному слѣдователю. На этотъ необыкновенный случай воровства было обращено особенное вниманіе высшаго полицейскаго начальства: генер. Треповъ въ своемъ приказѣ, благодаря пристава 3-го участка Казанск. части за успѣшный и скорый розыскъ, обращаетъ вниманіе полиціи такъ же на другую сторону этого дѣла и находитъ, что если похвально рвеніе и усердіе ея при розысканіи виновныхъ въ какомъ-либо преступленіи, то еще болѣе должно быть похвально предупрежденіе и пресѣченіе самаго преступленія, чего въ данномъ случаѣ г. оберъ-полиціймейстеръ не усматриваетъ, такъ-какъ для того, чтобы вынести мебель на 4 тыс. рублей, необходимо было очистить всю большую квартиру и употребить на это не мало времени и хлопотъ.

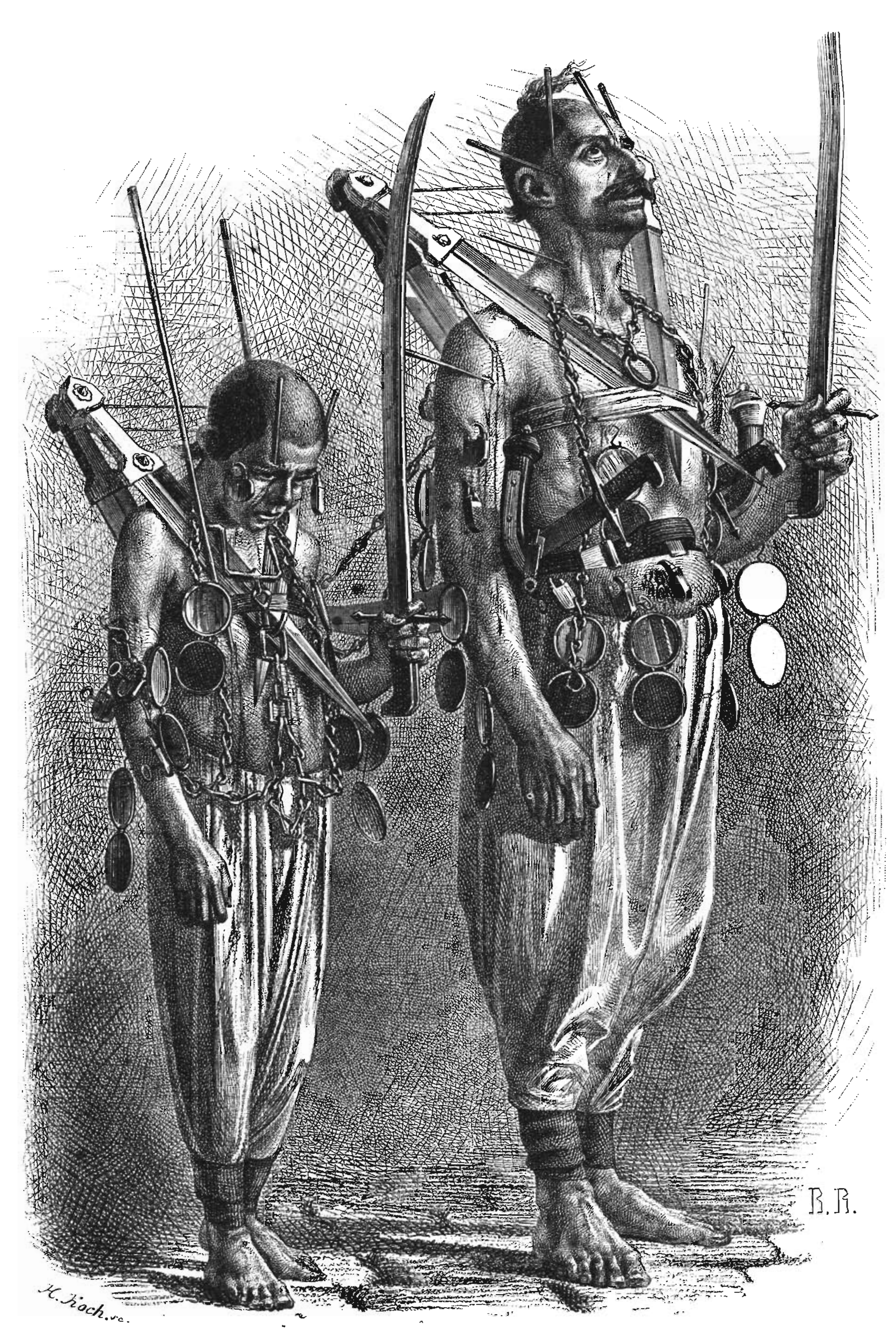
Другое преступленіе, такъ же выдающееся изъ ряда обыкновенныхъ, совершено 10-го октября, въ Петербургской Исправительной тюрьмѣ (на Выборгской сторонѣ). По извѣстіямъ газетъ, дѣло это состояло въ слѣдующемъ. По окончаніи обѣдни, въ 1-мъ часу пополудни, когда начальникъ тюрьмы, полковникъ Михѣевъ сталъ обходить камеры, въ которыхъ арестанты занимаются работами, къ нему подошли два долгосрочныхъ арестанта — бывшій рядовой спб. пожарной команды Герасимовъ и кронштадтскій мѣщанинъ Мироновъ — при чемъ Герасимовъ ударилъ его ножомъ (употребляемымъ для картонажныхъ работъ) въ грудь, а Мироновъ — въ спину. Удары были такъ сильны, что полковникъ Михѣевъ тутъ же упалъ безъ чувствъ; преступники были схвачены, да они и не думали скрываться. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ тѣ же газеты, здоровье полковника значительно улучшилось. Слѣдовательно, есть надежда и на выздоровленіе. По свѣдѣніямъ полиціи, преступленіе совершено съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, вслѣдствіе строгихъ порядковъ, существующихъ въ Исправительной тюрьмѣ, — въ сравненіи съ порядками въ острогѣ, въ которомъ главный зачинщикъ (Герасимовъ) до этого содержался. Замѣчательно, что Герасимову оставалось доживать въ тюрьмѣ только шесть мѣсяцевъ. На допросѣ онъ сознался въ своей винѣ и объявилъ причину, побудившую его къ преступленію, сказавъ, что «не выдержалъ» строгихъ тюремныхъ порядковъ и подговорилъ Миронова къ совершенію убійства.

На желѣзныхъ дорогахъ въ послѣднее время такъ же не обошлось безъ несчастныхъ случаевъ. Кромѣ разрыва паровоза, о которомъ упоминалось въ прошедшемъ № «Нивы», не менѣе ужасный случай произошелъ на Орловской дорогѣ. Въ «Русскія Вѣдомости» пишутъ, что въ ночь на 4-е октября, на большомъ переѣздѣ, расположенномъ между полустанкомъ Батыево и станціею Мценскъ, на 306 верстѣ отъ Москвы, проѣзжалъ кучеръ съ тарантасомъ, запряженнымъ тройкой лошадей, принадлежащихъ одному изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Такъ-какъ шлагбаумъ былъ отпертъ и сторожа на переѣздѣ не было, то кучеръ безъ всякаго опасенія направился черезъ этотъ переѣздъ; но лишь только онъ въѣхалъ на его средину, какъ былъ настигнутъ шедшимъ къ Москвѣ товарнымъ поѣздомъ. При этомъ двѣ лошади, испугавшись, оторвались и бросились въ сторону; кучеръ не усидѣлъ на козлахъ и слетѣлъ на рельсы. Третья лошадь бросилась такъ же впередъ съ экипажемъ и была раздавлена, а экипажъ искрошенъ въ щепы. Колесами вагоновъ кучеру отрѣзало обѣ ноги, и онъ спустя нѣсколько часовъ найденъ мертвымъ у самыхъ рельсовъ дороги. Этотъ случай напомнилъ намъ другой, подобный же, бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ на одной изъ южныхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ: ѣхалъ крестьянинъ ночью въ саняхъ и задремалъ; лошадь, не руководимая ни кѣмъ, взошла на переѣздъ и направилась между рельсами, но была настигнута летѣвшимъ на всѣхъ парахъ поѣздомъ и, разумѣется, разорвана въ куски. Крестьянинъ найденъ мертвымъ въ саняхъ, засыпанныхъ снѣгомъ, обратившимъ ихъ въ огромный комъ. Особенно-трагическій случай произошелъ на Одесской желѣзной дорогѣ: нѣсколько вагоновъ и платформъ оторвались отъ только-что пришедшаго на станцію поѣзда и, увлекаемые по наклонной плоскости дороги, помчались съ ужасною быстротою назадъ, на встрѣчу экстренному поѣзду, шедшему къ той же станціи... Произошла страшная катастрофа: нѣсколько вагоновъ и платформъ разбились въ дребезги; паровозъ сильно пострадалъ; оказалось нѣсколько и раненыхъ и убитыхъ. Въ числѣ послѣднихъ одинъ ге-

Добровольные мученики

Рисовалъ В. Верещагинъ. Гравировалъ Г. Кохъ.

Изступленные самоистязатели

Рисовалъ В. Верещагинъ. Гравировалъ Г. Кохъ.

нералъ, дремавшій въ своей коляскѣ на одной изъ платформъ. Наконецъ, въ послѣдніе дни получено въ Петербургѣ официальное извѣстіе о крушеніи поѣзда съ войсками на той же Одесской желѣзной дорогѣ. Разбилось 12 вагоновъ; убитыхъ четверо, раненыхъ болѣе 30. О подробностяхъ этого послѣдняго несчастія сообщимъ по полученіи свѣдѣній съ мѣста.

На морѣ такъ же былъ несчастный случай. На большомъ кронштадтскомъ рейдѣ, 8-го октября, въ 5 часовъ пополудни, броненосный фрегатъ «Адмиралъ Спиридовъ», приближаясь къ якорному мѣсту, близь стоящаго на якорѣ броненоснаго же фрегата «Адмиралъ Лазаревъ», толкнулъ сей послѣдній въ подводную часть такъ сильно, что сдѣлалъ въ ней значительную пробоину, отчего фрегатъ «Адмиралъ Лазаревъ» началъ наполняться водою. На пробоину наложили пластырь и съ фрегата стали выгружать баластъ и артиллерію, чтобы такимъ образомъ облегчить его и не дать ему еще болѣе погрузиться въ воду. Теперь его отправили въ докъ для починки. Причина этого несчастнаго случая не раскрывается нашею морскою газетою «Кронштадтскимъ Вѣстникомъ», но изъ описанія видно, что виною несчастія была пароходная прислуга, не успѣвшая во время дать задній ходъ машинѣ на фрегатѣ «Адмиралъ Спиридовъ». Не такъ легко отдѣлалось другое судно, 2-хъ-мачтовый бригъ «Викторія», на которое въ темную ночь набѣжалъ пароходъ «Рюрикъ» и, пробивъ его своимъ бугшпритомъ, отправилъ ко дну, при чемъ погибли капитанъ корабля и одинъ изъ матросовъ.

Изъ происшествій съ характеромъ болѣе или менѣе романическимъ, укажемъ на слѣдующія три. Первое изъ нихъ носитъ на себѣ отпечатокъ звѣрства и вызвано ревностью. «Полицейскія Вѣдомости» описываютъ это происшествіе слѣдующимъ образомъ. 4-го октября, къ проживающему по 15-й линіи Васильевскаго Острова, въ домѣ № 58, артельщику Филипову, крестьянину Архангельской губерніи, Онежскаго уѣзда, пришла с.-петербургская мѣщанка Ольга Осинина, съ которою крестьянинъ этотъ съ давняго времени находился въ любовной связи. Того же числа вечеромъ, около 9½ часовъ, пришла къ нему крестьянка костромской губерніи, Марья Тихомірова, въ которую означенный крестьянинъ былъ въ послѣднее время влюбленъ. Такъ-какъ дверь въ комнату, въ которой онъ находился съ Осининою, была заперта, то Тихомірова постучала, желая взять изъ комнаты оставленныя ею вещи; но крестьянинъ не хотѣлъ отворить двери, почему вышедшій въ переднюю квартирный хозяинъ уговаривалъ его возвратить Тихоміровой вещи. Тогда крестьянинъ, подъ вліяніемъ ревности къ Тихоміровой, которая, какъ ему было извѣстно, познакомилась съ другимъ мужчиною, — вынулъ изъ комода револьверъ, зарядилъ его за перегородкой и выстрѣлилъ въ Осинину, которая найдена была мертвою. Выстрѣлъ попалъ въ лѣвую подвздошную часть живота. Другимъ выстрѣломъ убійца ранилъ Тихомірову въ спину около лѣвой лопатки. Послѣдняя найдена была живою и отправлена для пользованія въ больницу св. Маріи Магдалины. Убійца задержанъ на мѣстѣ, и о случаѣ этомъ тотчасъ же сообщено судебному слѣдователю, товарищу прокурора и донесено прокурору окружнаго суда.

Въ данномъ случаѣ неизвѣстно, совершено-ли преступленіе изъ ненависти къ Осининой, причина которой, впрочемъ, непонятна, или изъ одной только ревности къ Тихоміровой; но въ такомъ случаѣ становится необъяснимымъ убійство Осининой, тѣмъ болѣе, что оно *предшествовало* пораненію Тихоміровой и, слѣдовательно, однимъ минутнымъ раздраженіемъ объяснено быть не можетъ. Надѣемся, что слѣдствіе разъяснитъ мотивы этого печальнаго событія.

Другое происшествіе въ этомъ же родѣ, но окончившееся самоубійствомъ, представляетъ богатый сюжетъ для современной драмы и во всякомъ случаѣ крайне грустно и загадочно. Московскій корреспондентъ «Биржев. Вѣдом.», сообщающій объ этомъ самоубійствѣ въ означенную газету, описываетъ его слѣдующимъ образомъ: 4-го октября, часа въ 4 пополудни, къ гостинницѣ «Европа», находящейся на Неглинномъ проѣздѣ, противъ Малаго театра, въ домѣ Щенковой, бывшемъ купца Ломакина, подъѣхалъ экипажъ, изъ котораго вышла молодая красивая женщина, Ш.... а родной братъ ея, пріѣхавшій съ нею вмѣстѣ, отправился, какъ говорятъ, по своимъ дѣламъ, на Дмитровку. Г-жа Ш.... вошла въ № 25 гостинницы «Европа», который занималъ студентъ московскаго университета, С....., жившій вмѣстѣ съ отставнымъ гусарскимъ офицеромъ Б......; послѣдняго въ то время въ нумерѣ не было. Черезъ два часа въ упомянутый нумеръ вошелъ мальчикъ, бывшій въ услуженіи у г. С......, и увидалъ на полу своего хозяина и г-жу Ш..... мертвыми. Сейчасъ же была приглашена полиція и судебный слѣдователь. Какъ говорятъ, у С..... найдено было болѣе 3-хъ тыс. денегъ; кровяныхъ лужъ на полу не было, на трупахъ обоихъ оказалось по круглой ранѣ отъ пуль шестиствольнаго маленькаго револьвера, который лежалъ тутъ же; на одеждахъ видны были слѣды крови, выступившей изъ ранъ. Г-жа Ш.... лежала съ открытыми глазами, — изъ этого можно судить, что она умерла моментально; у трупа С...... глаза были закрыты, челюсти сжаты. Г-жа Ш..... была въ бурнусѣ и въ шляпкѣ. Ни сосѣди, ни прислуга выстрѣла не слыхали. Всѣ эти обстоятельства даютъ поводъ къ предположенію, что выстрѣлы были сдѣланы въ упоръ. Близкіе къ покойной говорятъ, что г. С...... былъ учителемъ дѣтей покойной, которыхъ осталось 7 человѣкъ. Что происходило у нихъ въ нумерѣ, двери котораго не были заперты, унесено вмѣстѣ съ ними въ могилу. Трупы покойныхъ находились въ гостинницѣ до поздняго вечера другаго дня. Г. С...... было 22 года, а г-жѣ Ш..... 28 лѣтъ. Г. С...... былъ средняго росту, красивой наружности.

О еще болѣе грустномъ происшествіи разсказываетъ корреспондентъ «Петерб. Листка» изъ Новгорода. Въ этомъ городѣ на дняхъ трагически окончила жизнь одна молодая дѣвушка. Она пріѣхала туда съ молодымъ офицеромъ, г. О......., и остановилась въ гостинницѣ наслѣдниковъ Соловьевой. Въ 7-мъ часу вечера, въ одномъ изъ нумеровъ гостинницы раздался выстрѣлъ. Прислуга и нѣсколько проѣзжихъ господъ, услышавъ пистолетный выстрѣлъ, бросились въ корридоръ, смежный съ буфетной комнатой. Въ дверяхъ одного номера толпа встрѣтила офицера, едва проговорившаго: «застрѣлилась!» По первому дознанію оказалось, что дѣвушка готовилась выѣхать изъ гостинницы вмѣстѣ съ офицеромъ. Она была уже совсѣмъ одѣта въ дорогу, когда раздался выстрѣлъ. Онъ положилъ на повалъ жертву, пуля попала въ високъ и на вылетъ. Приведенное происшествіе надѣлало громаднаго шуму въ городѣ. Всѣ пускаются, по его поводу, въ разнообразныя сужденія. Кто говоритъ объ убійствѣ, кто о самоубійствѣ. Покойную наканунѣ видѣли ѣздившею до вечера по магазинамъ. Она покупала себѣ разныя вещи и заказала у одного портнаго пальто. Несчастная была въ интересномъ положеніи.

Политическое обозрѣніе.

За послѣднія двѣ недѣли положеніе дѣлъ во Франціи стало нѣсколько опредѣленнѣе: правительство Тьера получило новую точку опоры и можетъ взирать на будущее съ большимъ спокойствіемъ. Такой точкой опоры является результатъ послѣднихъ выборовъ въ департаментскіе совѣты. Не смотря на неоднократныя предупрежденія правительства,

что выборы на должности генеральныхъ совѣтниковъ не должны имѣть политическаго характера, такъ-какъ учрежденіямъ этого рода поручается завѣдываніе лишь мѣстными земскими интересами,—вліяніе политическихъ партій сказалось на этихъ выборахъ какъ нельзя быть ярче. Въ избирательной борьбѣ приняли участіе: бонапартисты, т. е. приверженцы Наполеона III-го; орлеанисты (сторонники дома Орлеановъ), умѣренные республиканцы и радикалы или крайніе республиканцы. Многіе изъ гражданъ, по разнымъ причинамъ, воздержались отъ подачи голосовъ и тѣмъ дали перевѣсъ той партіи, которая, при другихъ обстоятельствахъ, осталась бы въ проигрышѣ. Изъ официіальныхъ источниковъ извѣстно, что на выборахъ огромный перевѣсъ остался за партіей консервативно-республиканской, т. е. за той, которая желаетъ сохраненія настоящаго порядка вещей—республики съ Тьеромъ во главѣ. Въ этомъ желаніи сошлись двѣ главныя партіи Франціи: умѣренные республиканцы и орлеанисты. Объ умѣренныхъ республиканцахъ не можетъ быть и рѣчи: они давно добиваются признанія этой формы правленія; что же касается орлеанистовъ, то эта партія уступаетъ теченію обстоятельствъ потому, что разсчитываетъ добиться осуществленія своихъ плановъ послѣ смерти Тьера, въ покровительствѣ котораго теперь сильно нуждается. За этими двумя партіями, выдвинувшими въ департаментскіе совѣты болѣе двухъ-третей всѣхъ голосовъ, слѣдуютъ: партія радикаловъ (болѣе десятой части всѣхъ выбранныхъ), партія легитимистовъ (столько же) и наконецъ бонапартисты (менѣе $^1/_{20}$ части). Итакъ, несомнѣнно, что страна довѣряетъ нынѣшнему правительству болѣе чѣмъ обѣщаніямъ крайнихъ республиканцевъ съ одной стороны и историческимъ преданіямъ бонапартистовъ—съ другой. Впрочемъ, эти послѣдніе, съ окончаніемъ выборовъ, значительно понизили тонъ: куда дѣвалась прежняя самоувѣренность, прежнее высокомѣріе и самообольщеніе! Вмѣсто того видимъ или дурно скрываемое неудовольствіе, или открытое озлобленіе, доходящее до того, что одна изъ бонапартистскихъ газетъ прямо заявила, что послѣдніе выборы показываютъ только, до какой сильной испорченности дошла нація... А тутъ еще подоспѣло письмо бывшаго императора французовъ, напечатанное въ англійской газетѣ «Times», въ которомъ Наполеонъ III приглашаетъ своихъ приверженцевъ «прекратить попытки къ ниспроверженію настоящаго французскаго правительства». Другое письмо его, къ англійскому фельдмаршалу лорду Бургоину, объявляющее, что главнѣйшей причиной ошибокъ французовъ въ войнѣ противъ Германіи были политическія соображенія его, Наполеона III-го,—наноситъ окончательный ударъ бонапартизму: бывшій императоръ открыто сознается, что ради своихъ политическихъ соображеній онъ не задумался пожертвовать честью и кровью своего народа. Въ виду такого самобичеванія, не имѣютъ серіознаго значенія ни путешествіе принца Наполеона въ Корсику, ни рѣзкія выходки бонапартистскихъ газетъ, ни бонапартистскіе комитеты и клубы, съ нѣсколькими тысячами членовъ... Все это—не что иное какъ послѣднія конвульсивныя движенія умирающаго организма, который старается увѣрить себя, что онъ еще можетъ протянуть нѣкоторое время.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ говорили объ Австріи и происходящей въ ней борьбѣ нѣмцевъ съ славянами, въ этой странѣ многое перемѣнилось къ худшему. Министерство графа Гогенварта, поддерживавшее славянъ, встрѣтило сильное противодѣйствіе въ соединенныхъ силахъ партіи гр. Бейста и Андраши (венгерскій министръ-президентъ). Эти два государственныхъ человѣка рѣшились употребить всѣ усилія, чтобы помѣшать осуществленію плановъ славянскихъ народностей Австріи, добивающихся одинаковыхъ съ нѣмцами и мадьярами правъ въ государствѣ. Употребивъ все свое вліяніе на императора, они достигли того, что требованія чеховъ не были уважены и все осталось по прежнему. Представители чеховъ употребили всѣ старанія, чтобы склонить императора на свою сторону, дѣлали всевозможныя уступки, ссылались на обѣщанія, данныя императоромъ въ его посланіи чешскому сейму отъ 12-го сентября,—все было безъ успѣха. Переговоры прерваны; представители чеховъ возвратились изъ Вѣны; министерство гр. Гогенварта выходитъ въ отставку; нѣмецко-мадьярская партія торжествуетъ свою побѣду. Неизвѣстно, впрочемъ, долго-ли продлится это торжество и не обратится-ли оно со временемъ въ раскаяніе и сожалѣніе объ ошибкахъ и несправедливости, выказанныхъ въ настоящемъ дѣлѣ. Теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь чехи могутъ считать себя правыми; болѣе чѣмъ когда нибудь они могутъ враждебно смотрѣть на противную партію, захватившую власть въ свои руки и не желающую подѣлиться ею съ другими національностями; болѣе чѣмъ когда-нибудь они вправѣ сказать, что дѣйствовали законнымъ путемъ, опираясь на обѣщаніе, исполненію котораго изъ своихъ личныхъ выгодъ помѣшала противная партія. Результатомъ всего этого является то, что самое зданіе государства, сшитаго бѣлыми нитками, мало-по-малу расшатывается и грозитъ въ будущемъ новыми катастрофами.

4-го октября открылись засѣданія германскаго Парламента. Въ тронной рѣчи императора сказано, что главная задача собранія будетъ заключаться въ установленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ для всей имперіи. Расходы на военныя нужды возмѣщены изъ суммъ военной контрибуціи (дань, платимая французами за послѣднюю войну); кромѣ того, Парламенту будутъ представлены проекты новаго займа, заключеннаго на покрытіе военныхъ расходовъ. Выражена увѣренность въ сохраненіи европейскаго мира и желаніе поддержать его на возможно-долгое время. Отчетъ о наиболѣе интересныхъ засѣданіяхъ германскаго Парламента представимъ въ слѣдующій разъ.

Смѣсь.

Состязаніе артистовъ. Лондонской публикѣ предстоитъ быть свидѣтельницей самаго благороднаго состязанія. Друзья мистера Пеннингтонса предложили закладъ въ 1,000 фунт. стерл., что никто не съумѣетъ исполнить Шекспировской роли лучше его. Этотъ вызовъ былъ, какъ говорятъ, принятъ какимъ-то незнакомцемъ; двѣ тысячи фунт. стерл. внесены—и гигантское состязаніе между двумя артистами, для котораго уже дѣлаются приготовленія, произойдетъ на одномъ изъ величайшихъ лондонскихъ театровъ.

Одна вдова, китаянка, часто приходила на могилу своего мужа и постоянно махала надъ нею своими опахалами. На вопросъ: для чего она это дѣлаетъ, она отвѣчала, что дала своему умирающему мужу обѣщаніе до тѣхъ поръ не выходить замужъ пока могила его будетъ сырою. Но такъ какъ та сохнетъ очень медленно, то вдова считаетъ себя въ правѣ по возможности ускорить это высыханіе.

Почтовый ящикъ.

Г-ну И. Ф. въ К-но. Имѣя у себя квитанцію С.-Петербургскаго Почтамта въ томъ, что требуемые вами нумера журнала своевременно сданы были на почту для пересылки вамъ, редакція имѣетъ честь увѣдомить васъ, что въ такихъ случаяхъ утраченные нумера вторично не высылаются.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

А. КРУМБЮГЕЛЬ

МАГАЗИНЪ

ЛАМПЪ И БРОНЗОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

Невскій проспектъ № 62, противъ Аничкина дворца.

Полученъ большой выборъ самыхъ новѣйшихъ фасоновъ: люстръ, бра, канделябръ, висячихъ, столовыхъ и стѣнныхъ лампъ, подсвѣчниковъ и другихъ кабинетныхъ вещей, а также получены совершенно новыя и очень удобныя американскія машины для рубки мяса и овощей.

ЦѢНЫ ВООБЩЕ УМѢРЕННЫЯ.

Заказы гг. иногородныхъ исполняются въ точности.

Въ самомъ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ новая книга изданія А. Ф. Маркса, подъ заглавіемъ:

МОСКВА и ТВЕРЬ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

В. КЕЛЬСІЕВА.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСЪ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Авторъ этой повѣсти получилъ 1,000 р. преміи, предложенной Редакціей журнала «Нива» въ первый годъ ея изданія русскимъ писателямъ за лучшую историческую повѣсть изъ русской жизни. Въ то время повѣсть эта была напечатана въ журналѣ безъ гравюръ; но тотъ громадный успѣхъ, которымъ пользовалась она въ кругу читателей «Нивы», и многочисленныя заявленія не только со стороны подписчиковъ, но и вообще со стороны читающаго общества побудили издателя предпринять иллюстрированное изданіе ея отдѣльной книгой. Украшенная 6-ю великолѣпными, художественно-выполненными рисунками и представляя собою первый опытъ изданія отдѣльной повѣсти изъ русской исторіи съ гравюрами, новая книга является въ настоящее время въ высшей степени интересной не только со стороны литературной, но и со стороны художественной. *Цѣна* для подписчиковъ «Нивы» 1 р. 50 к. съ пересылкой.

У книгопродавца-издателя **Вас. Егор. Генкеля**, въ С.-Петербургѣ (Большая Конюшенная, д. № 5., кв. № 37) и другихъ книгопродавцевъ поступилъ въ продажу

МѢСЯЦЕСЛОВЪ,

СВЯТЦЫ И СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

НА 1872 ГОДЪ.

Изданіе В. Е. Генкеля.

384 страницы убористой печати, въ красивой оберткѣ съ **портретомъ Е. И. В. Государя Императора Александра Николаевича** (въ краскахъ) и картою Сибири. Цѣна 30 к., съ пересылкою 50 к.— Десять экз. съ перес. 4 руб.—25 экз. съ перес. 9 р.—50 экз. съ перес. 15 р. — 100 экз. съ пере. 28 р.

СЪ 1-ГО ЯНВАРЯ 1872 Г. ЦѢНЫ НА ПЕРЕСЫЛКУ ИЗМѢНЯТСЯ, СОГЛАСНО НОВОЙ ТАКСѢ.

Желающіе получить при мѣсяцесловѣ еще новѣйшую карту желѣзныхъ дорогъ Россіи приплачиваютъ по 5 к. за экземп. (въ отдѣльной продажѣ 10 к. съ перес. 20 к.).

Извлеченіе изъ полнаго содержанія: Церковный отдѣлъ (самый полный 86 стр.). Россійс. Имперія, ея поверхность, горы, низменности, степи, лѣса и пр. (20 стр.). Роды и виды русской промышленности (19 стр.).—Россійск. Импер. домъ.—Времена года.—О затмѣніяхъ.—Виды луны.—Госуд. доходы и расходы.—Судебныя свѣдѣнія (35 стр.).—Торговыя свѣдѣнія (19 стр.).—Денежныя бумаги и банки (15 стр.).—Паспорты и адресные билеты.—Гербов. бумага.—Почтовыя свѣдѣнія (10 стр.).—Пути сообщенія, желѣз. дороги, пароходство (42 стр.). — Краткій историч. календарь (14 стр.).—Разсказы о землѣ и о водѣ (26 стр.).—Смѣсь (18 стр.).— Таблицы билетовъ внутр. займовъ вышедш. въ тиражъ.—Списокъ книгамъ для народн. учителей и для народн. чтенія и т. д. (4)—2

НАСТОЯЩІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

Американской компаніи

ЕЛІАСЪ ГОВЕ

изобрѣтатель швейныхъ машинъ.

въ С.-Петербургѣ. Б. Конюшенная, д. Башмакова,

въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту

С. РОБЕРТЪ.

бывшій

ШАРЛПА и РОБЕРТЪ.

главный агентъ для Россіи. (10)—10

ПРИ СЕМЪ НУМЕРѢ ПРИЛАГАЕТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ КНИГОПРОДАВЦА ЕКШУРСКАГО, ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ.

Дозволено цензурою 22 Октября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Тип. [illegible] д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 1 ноября 1871 года. **Годъ II.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (**А. Ф. Марксъ**) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммисіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ ВЪ 1872 ГОДУ.

Открывая подписку на будущій 1872 годъ и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы“, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ **заранѣе** высылать свои требованія вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы“.

Такъ какъ „Нива“ преимущественно назначается **для семейнаго чтенія** и вслѣдствіе заявленнаго многими изъ нашихъ подписчиковъ желанія получать въ „Нивѣ“ извѣстія о модахъ съ рисунками, — мы, спѣша какъ всегда удовлетворить потребности нашихъ читателей, рѣшились прилагать **ежемѣсячное модное обозрѣніе съ рисунками парижскихъ модъ, не увеличивая подписной цѣны на нашъ журналъ,** при полнотѣ и общедоступности его наидешевѣйшій въ Россіи Необходимыя приготовленія для введенія новаго отдѣла настолько уже сдѣланы, что мы можемъ обѣщать модные рисунки до истеченія нынѣшняго 1871 года.

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 200—250 художественно-выполненными рисунками.

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 руб.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 к.	Для иногородныхъ съ пересылкой и упаковкой.	5 »

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

В. И. КЕЛЬСІЕВА.

(Продолженіе).

VII.

Просакъ.

Если столица Петра въ лучшихъ своихъ частяхъ не представляла ни особенной стройности ни красоты, то Московская сторона за Фонтанкою всего лѣтъ за восемь начавшая застраиваться, была такъ-сказать однимъ сколкомъ, какъ бы пробой примѣненія еще нерѣшенныхъ окончательно плановъ застройки. Широкая дорога отъ Литейнаго двора, окопанная съ двухъ сторонъ канавками, была совсѣмъ пустынна. Даже ряды лачугъ, которыя Императрица Анна лѣтъ двадцать

спустя называла чуланами, только что стали появляться, издали глядя другъ на друга и какъ бы не думая еще о возможности болѣе тѣснаго сближенія. По волѣ хозяевъ стояли они другъ къ другу какъ попало зря: гдѣ въ одну сторону косясь, гдѣ стоя даже задомъ къ сосѣду, а въ иныхъ мѣстахъ и совсѣмъ запрятавшись за плетневую изгороду. Важнѣйшимъ зданіемъ между этими миніатюрными жилищами оказывался Хамовный дворъ, переведенный изъ Москвы вмѣстѣ съ типографіей, а до того числившійся по вѣдомству Оружейной палаты. Въ обширныхъ мастерскихъ его работало ежедневно больше сотни людей, стало быть можно смѣло сказать, что обширностью взялъ онъ, если не красотой. Былъ онъ въ два жилья и начатъ былъ въ своемъ родѣ съ затѣями; но мазанковое строеніе, въ здѣшнемъ климатѣ, лѣтъ черезъ пять-шесть по сооруженіи дѣлалось ветхимъ, чуть не развалинами. И то правда, что московское заведеніе при старыхъ московскихъ смотрителяхъ ведено было спустя рукава; никто о немъ не заботился. Начальство знало свой разсчетъ, а работниковъ интересовало больше сосѣдство резиденціи Ивана Елкина. Да и какъ не интересоваться, когда и утро и вечеръ въ гостепріимныхъ бревенчатыхъ стѣнкахъ его находила себѣ пріютъ живая ватага мастеровыхъ, угощаясь подъ иной часъ и въ кредитъ,—не то что на царскомъ кабакѣ, гдѣ вынимай чистыя денежки. Сидѣлецъ былъ человѣкъ привѣтливый; грубости не выказывалъ и отказа ни въ чемъ не дѣлалъ; потому двери его, со вставленной слюдой въ фигурные переплетцы, стояли настежь весь день деньской, да и на ночь бы не запирались, еслибъ не майоръ Рыкуновъ. Народу тутъ толпилось тьма тьмущая, кто на лавкахъ, кто на подоконникахъ, иная компанія попросту располагалась на четырехступенномъ крыльцѣ подъ навѣсомъ—и чего тутъ не услышишь: въ одномъ углу, калмыкъ ломанымъ языкомъ требовалъ себѣ драгоцѣнной влаги въ промѣнъ на какія-то блестящія запонки; съ другой стороны стойки, два чухонца узнавали, хороша ли дорога къ Нарвѣ, отъ шведскаго плѣннаго; какой то хлопецъ подбривалъ подбородокъ украинскому урядинку, пока двое его товарищей слушали бойкое чтеніе нараспѣвъ курантовъ съ послѣдней реляціей. Въ уголку, держа на колѣняхъ засаленую книгу, о чемъ то шептались старцы, косясь на гренадера, пускавшаго широкими клубами дымъ изъ своей люльки. На ступенькахъ двое хлопцевъ боярскихъ дулись по носкамъ на мѣдняки, а за воротишками за угломъ въ укромномъ мѣстечкѣ гадала на рукѣ сморщеная цыганка молодому красивому барину, въ которомъ нетрудно было узнать Римскова-Корсакова, хотя и не такъ пышно одѣтаго какъ на ассамблеѣ. Онъ былъ въ зеленомъ инженерскомъ кафтанѣ съ чорными отворотами, съ узенькимъ отложнымъ воротникомъ и блестящими пуговицами подъ клапанами и по борту,—въ шляпѣ, при шпагѣ, въ ботфортахъ. Въ рукѣ держалъ онъ на перевѣсъ свертокъ бумагъ и линейку, къ которой прикрѣплена была свинцовая гирька, замѣнявшая отвѣсъ. Когда онъ оставилъ цыганку, лицо его на минуту освѣтилось блаженствомъ отъ золотыхъ обѣщаній сивиллы, которымъ онъ хотя и не вѣрилъ, но какъ-то невольно поддался. Очень ужь много она насказала ему изъ прошлаго, что дѣйствительно было. Но въ то время какъ, схватясь рукой за веревку, онъ сильно ударилъ въ колоколъ и когда всѣ высыпали изъ кабака, лицо его приняло выраженіе прежней озабоченности и невольный вздохъ приподнялъ съ усиліемъ грудь.

Народу надобна была не одна сотня, чтобы рыть каналъ для завода барокъ отъ Фонтанки до Литейной, едвали не во всю ширину нынѣшней Семіоновской улицы. Семифутовая глубина у береговъ, доходящая въ срединѣ до десяти футовъ, показывала, что здѣсь думали устроить мѣсто зимней стоянки для большихъ судовъ; потому съ особенной отчетливостью обдѣлывались берега. Три ряда пятисаженныхъ свай были уже забиты съ одного берега; со стороны Литейной дѣлалась перемычка, и на мысу у Фонтанки при заворотѣ на трехъ копрахъ забивались послѣднія сваи.

Римскій-Корсаковъ, заложивъ руки за спину, задумчиво шелъ вдоль канала къ перемычкѣ, какъ вдругъ раздался крикъ почти прямо противъ него; онъ оборотилъ голову въ ту сторону — и видитъ, что какого-то старика церковный сторожъ держитъ за руку и зоветъ на помощь. Думая, что это какой нибудь нищій, инженеръ не обратилъ вниманія, продолжалъ путь и перешелъ черезъ перемычку, въ это время уже образовалась толпа зѣвакъ и нѣсколько рабочихъ побѣжали отъ канала на усиливавшійся гвалтъ. Римскій-Корсаковъ, боясь чтобъ не вышло драки, послѣдовалъ за ними, уговаривая ихъ воротиться; но его голосъ пропадалъ въ сотнѣ прочихъ, гудѣвшихъ со всѣхъ сторонъ. Когда инженеръ подоспѣлъ къ церковной паперти, ему представилось не совсѣмъ обыкновенное зрѣлище.

Церковный сторожъ изо всѣхъ силъ боролся съ высокимъ, худощавымъ и смуглымъ старикомъ въ темной рясѣ, надсаживаясь и крича: «подсобите, ребятушки!.. добро, постой ты воръ-разбойникъ!.. Вотъ ужо будетъ тебѣ!»..

Два-три человѣка было кинулись помогать ему, но старикъ вдругъ сильнымъ движеніемъ рванулся изъ рукъ сторожа и, взбѣжавъ ступеньки на три наверхъ, забился въ нишу церковной стѣны.

— А вы чего, православные? загремѣлъ онъ оттуда звучнымъ голосомъ, съ усиліемъ переводя духъ и гнѣвно поводя сверкающими глазами изъ-подъ густыхъ бровей, — не зазорно вамъ держать руку этихъ головорѣзовъ?... божьяго человѣка обижать?.. Кого слушаете!.. Слугъ антихристовыхъ, имъ же уготованъ огонь вѣчный на страшномъ судѣ Христовомъ!...

Толпа, кинувшаяся было за нимъ, остановилась, пораженная силою этихъ рѣчей.

— Стой! Что это? спросилъ подошедшій Римскій-Корсаковъ: — что у васъ тутъ?

— Да вотъ, твое благородіе, заговорилъ сторожъ, подходя къ инженеру и протягивая ему скомканную бумагу, — который день ужь подметныя письма раскидываетъ на паперти, а нонѣ я его и подстерегъ....

Римскій-Корсаковъ сталъ разбирать старинный узорчатый почеркъ: это было раскольничье воззваніе, увѣщавшее возстать за древнее благочестіе.

— Порадѣйте, православные, за вѣру истинную!.. кричалъ межь тѣмъ раскольникъ громкимъ голосомъ, въ которомъ слышалась рѣшимость отчаянія, — побойтесь гнѣва Божія!.. Послѣднія времена приходятъ, близокъ конецъ міру... Не давайте въ обиду божьяго человѣка — на томъ свѣтѣ воздадутъ сторицею за доброе дѣло... Опомнитесь, изъ за чего грѣхъ на душу берете?.. Вѣрно вамъ говорю, пропадаетъ земля русская, пропадаетъ вѣра христіанская...

— Да ты что за пророкъ? Ты почемъ знаешь! рванулся было изъ толпы молодой парень.

— Постой, не трожь, отвелъ его рукою другой че-

ловѣкъ постаршѣ, извѣстно, старецъ дѣло говоритъ... Ты лучше послушалъ бы умныхъ рѣчей...

— Да онъ почемъ знаетъ, что послѣднія времена пришли? Это гдѣ показано? горячился парень.

— А это что?! загремѣлъ раскольникъ, выхватывая изъ-за пазухи бородовой знакъ:—это не печать антихристова?.. Коли грамотный, прочти что написано: «съ бороды пошлина взята». За древнее благочестіе пошлину платимъ — это ли еще не покорились антихристу? Вонъ отъ писанія-то указъ прямой: не указано мужскому полу быть на женскій похожу. Даже въ ветхомъ завѣтѣ запрещается іереямъ подстригать бороды, а женоподобіе ни откуда не показано. Далъ Богъ бороду мужчинѣ — носи бороду; не далъ Богъ женщинѣ бороды — ходи безъ бороды. Это такой же грѣхъ какъ мошну носить. Здѣсь вотъ машкарады разныя бываютъ: кто звѣремъ какимъ нарядится, мужикъ бабой, баба мужикомъ. — Развѣ это законъ и порядокъ?

Въ толпѣ послышался глухой ропотъ; многіе стали поближе къ раскольнику, какъ бы загораживая его собою.

Римскій-Корсаковъ межь тѣмъ дочиталъ подметное письмо и поднялъ голову; глаза его засвѣтились необычнымъ блескомъ—и онъ самъ чувствовалъ, какъ стучала кровь у него въ вискахъ.

— Чего стоите! закричалъ онъ властнымъ повелительнымъ голосомъ: — вязать его!..

— Начто вязать!.. насмѣшливо протянулъ кто-то изъ толпы: — ты намъ указъ что ли? много васъ всякихъ нѣмцевъ здѣсь понаѣхало — будетъ мудрить-то!

— Не выдавай, робя, чаво въ самомъ дѣлѣ! гаркнуло гдѣ-то въ другомъ кружкѣ.

— Говорю вамъ, ослушники, худо будетъ! покрылъ ихъ своимъ голосомъ Римскій-Корсаковъ: — царевымъ именемъ приказываю: вяжите его... Не то я самъ своими руками...

— Поди-ка, сунься! выступилъ приземистый коренастый мужикъ, подзадоривая молодаго инженера.

Но тотъ уже не слушалъ; быстро обнаживъ шпагу, онъ ринулся въ толпу, схватилъ раскольника за воротъ, сбилъ его съ ногъ—и наступивъ колѣномъ на грудь, приставилъ остріе клинка къ самому горлу старца...

— Только шевельнись, проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ, судорожно сжимая эфесъ шпаги, — шевельнись только — и духъ вонъ!.. Онъ оставался въ томъ же положеніи, не замѣчая, что его работники давно уже подоспѣли на выручку и что кругомъ идетъ общая свалка, какъ вдругъ шумъ и гамъ разомъ затихъ — и Корсаковъ, невольно оборотя голову черезъ плечо, увидалъ передъ собою Петра, окруженнаго рабочими и двумя-тремя вельможами.

Государь былъ грозенъ и пасмуренъ; онъ молча выслушалъ Римскова-Корсакова, молча взялъ у него и прочелъ подметное письмо.

— Ты откуда? спросилъ онъ раскольника, котораго уже держали подъ руки двое дюжихъ молодцовъ.

— Помилуй, государь, заговорилъ тотъ, блѣдный какъ полотно, — мы верхотурскіе... съ Демидовымъ Акинфіемъ Никитичемъ сюда пріѣхали...

— Демидова сюда! коротко приказалъ Петръ, сдвигая брови и обращаясь къ кому-то изъ приближенныхъ.

Тотъ проворно сѣлъ въ одноколку и погналъ что есть духу.

— А ты, молодецъ, это одинъ на одинъ съ нимъ управился? сказалъ Государь, взявъ Римскова-Корсакова подъ руку, — я къ тебѣ на работы пріѣхалъ взглянуть, продолжалъ онъ, переходя къ другому и какъ-бы не придавая значенія происшедшему, — инъ изволь показать, что ты тамъ соорудилъ...

Но видно было по лицу, какъ тяжелыя волны гнѣва вставали въ груди Государя, и какъ онъ пересиливалъ ихъ.

Они подошли къ плотинѣ у перемычки. Государь, еще издали окинувъ ее взглядомъ, остановился и быстро спросилъ у Корсакова: «что это — кирпичная? Зачѣмъ же кирпичная? — вѣдь здѣсь болото, не надежно будетъ».

— Будетъ надежно, отвѣчалъ съ увѣренностью инженеръ: — а бревна бы принялись гнить съ первой же зимы.

— А чтожь по твоему кирпичъ-то крѣпче что-ли дѣлается въ болотѣ?

— Нѣтъ, не скажу этого, да до кирпича не скоро вода дойдетъ — известь стягиваетъ надежно. Чѣмъ будетъ дѣлаться мокрѣе, тѣмъ крѣпче. А здѣсь я чаю и въ серединѣ лѣта не просыхаетъ, такъ я надѣюсь на известь, что будетъ все какъ слѣдуетъ быть....

— Какая же это известь? спросилъ Петръ.

— А вотъ изволишь видѣть, государь, какъ отецъ мой былъ Новгор—скимъ воеводой, принесли однажды каменщики и челобитье накатали твоему Царскому Величеству: говорятъ, что камень этотъ самый преотмѣнный. Челобитье отъ нихъ приняли и известь въ мѣшочкѣ. Я былъ съ измаленьку любопытенъ и выпросилъ себѣ горсточку другую; да какъ былъ за границей — и покажи своему мастеру. Мы и сдѣлали пробу; такъ нашли, что и римскій цементъ крѣпчаѣ того не будетъ. Я и намоталъ себѣ на усъ, узналъ что въ гогородовой конторѣ партія этой извести въ присылкѣ имѣется, вытребовалъ да на ней во всѣхъ мокрыхъ мѣстахъ кладку и произвелъ... Такъ ужь будь, государь, надеженъ — болото тутъ не попрепятствуетъ.

Къ царю шелъ человѣкъ-рослый, красивый, плечистый, статный мужчина лѣтъ за сорокъ. Наружность его была чисто-солдатская, и угловатыя манеры дѣлали его какъ бы выросшимъ въ лагерѣ. Лицо его было толковое, смышленное, себѣ на умѣ. Голосъ звучалъ какъ бы командой съ проницательной звонкостью и непріятной рѣзкостью. Это былъ Акинфій Никитичъ Демидовъ, сынъ тульскаго кузнеца, а нынѣ владѣтеля Невьянскаго завода въ Верхотурскомъ уѣздѣ. Такъ цѣнилъ Петръ людей способныхъ. Простому оружейнику, чуть не посадскому, за попытку обработывать металлы на свой страхъ въ обширныхъ зауральскихъ странахъ, дальновидный Государь далъ чуть что не самосудъ, поставивъ его въ такія отношенія даже къ такому деспоту какъ князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, предъ которымъ трепетала Сибирь, и поручивъ даже Сенату заботиться объ интерсахъ частнаго лица. Замѣтимъ, что этотъ человѣкъ, которому такъ много довѣрялъ Великій Петръ, оказался далеко ниже репутаціи составленной въ умѣ Царя. По части прижимокъ за нимъ на порядкахъ числилось прорухъ; но Петръ на многое смотрѣлъ сквозь пальцы, если только дѣло доставляло дѣйствительную пользу.

Государь пошелъ на встрѣчу Демидову, ничего не знавшему о происшествіи, и поздоровавшись съ нимъ, заговорилъ какъ ни въ чемъ не бывало. Римскій-Корсаковъ могъ слышать лишь конецъ ихъ бесѣды, когда оба, разговаривая подошли къ инженеру.

— Ты это, Ваше Царское Величество, все толку-

ешь, Губернаторы пишутъ, что у меня тамъ что ни человѣкъ то бѣглый — да такіе головорѣзы намъ и нужны! говорилъ Демидовъ своимъ рѣзкимъ голосомъ:— я тебѣ вотъ что скажу: бѣгутъ къ намъ люди разные, и монастырскіе бѣгутъ и боярскіе. Старая вѣра въ нашемъ краю сильна. Почитай, кто ни прибѣжитъ, такъ въ старую вѣру и уходитъ. Розыскивать намъ, кто, откуда, — изволишь вѣдать, — не приходится, потому что сему зѣло полезному дѣлу поруха будетъ. Да кому и разбирать!.. я одинъ а все прикащики, почемъ знать— можетъ и всѣ изъ такихъ. Наше дѣло хозяйское: строго приказывать, чтобы не было; а какъ тамъ сдѣлается — я государь не отвѣтчикъ. Ты хозяинъ па все Россійское государство, да и то вишь сколько у тебя коммисій заведено, а отчего—потому воровство непроглядное, круговая порука, другъ за друга стоятъ; я хозяинъ на Невьѣ—у меня тѣ же люди. Можетъ и есть какіе бѣглые, но завѣдомо клейменыхъ не держимъ. Тѣмъ болѣе, Государь, что наша работа стóитъ каторги: работу отбывай а голодать голодай — изъ шахты выбѣжитъ да только трясется, ну и хватитъ для согрѣвы, а лѣтомъ иное и водицы не придется испить. А живетъ безъ поповскаго благословенія—чтó мнѣ за дѣло!.. оженится хоть, положимъ, и не по христіанскому закону, да дѣтки отъ него народятся, ужь которые на этомъ па заводскомъ дѣлѣ и выростутъ. Жена татарка, мужъ чувашенинъ, а дѣти выйдутъ заводскіе русскіе. Ну, сотня другая въ годъ и откуда ни-на-есть найдетъ и попрячется въ нашу сторону или за Камень въ Сибирь. Да кабы ты вѣдалъ, какъ руки надобны — зѣло трудное дѣло! Махни на нихъ рукой, Государь! Баловства же у себя на заводахъ мы не терпимъ.— Баловство намъ не надобе! Какъ разъ милаго друга въ кандалы — да къ воеводѣ и предоставимъ.

Петръ задумался.

— Разоришь ты эти галочьи гнѣзда, Государь, въ нашей сторонѣ,—безъ желѣза самъ сядешь, а желѣзо ты видишь какое — куда шведское противъ него! Куда шведу такъ работать! Загулялъ человѣкъ, можетъ и смертный грѣхъ на душу положилъ, заплечный мастеръ ему не поможетъ и на старое гнѣздо его не посадитъ, а на нашемъ мѣстѣ живетъ себѣ. Знаетъ, что у насъ строго, у насъ другъ другу спуску не дается—мало по малу въ колею и войдетъ.

Петръ молчалъ; онъ внутренно былъ согласенъ съ Демидовымъ, но прямо ободрять его поступки ему всетаки не приходилось. Положеніе его было неловкое. Дѣйствительно, чтó было лучше: сквозь пальцы смотрѣть на это пристанодержательство бѣглыхъ, или отказаться отъ хорошаго желѣза и отъ отличнаго оружія?

— Ну, вывернулся онъ,—это по твоему такъ выходитъ, а по моему иначе; надо объ этомъ подумать и сдѣлать какъ нибудь иначе, чтобъ и рабочіе были и порядокъ былъ бы. Ты мнѣ вотъ что скажи: озарничать то зачѣмъ же твоимъ приказчикамъ: бить подъячихъ да на воеводу грозиться?..

— Да все ли правду ли доносятъ тебѣ, Государь?.. не все перейметь чтó порѣкѣ плыветъ. Иной можетъ и по насердку, что мало получилъ...

— Вовсе не по насердку, а какъ станутъ приниматься за вашихъ старцевъ, вы въ задоръ и поѣдете.

— Охъ, ужь эти старцы! заминая рѣчь сказалъ Демидовъ,—дивлюсь я и самъ, откуда у нихъ такая дурь и дьявольщина лѣзетъ? попадаютъ грамотки, мало ли что тамъ брешутъ—пишутъ: антихристъ пришелъ, три феала ярости уже пролилось на землю, богоспасаемый градъ Москва блудницей вавилонской стала. Щепотью, говорятъ, лукъ можно держать и всякую нечисть; а коли, говорятъ, щепоть—троица Святая, то вѣдь не Троица на крестѣ была...

Это стараніе замять рѣчь возмутило наконецъ Государя.

— Добро, сказалъ онъ,—такъ-ты вотъ какъ! Впередъ знай, какихъ людей въ нашу столицу возить. Ступай-ка вонъ расприси своего молодца, чтó онъ здѣсь умышлялъ. А я къ тебѣ Татищева пошлю—развѣдать чтó у тебя на заводахъ дѣлается... Тогда смотри — держи ухо востро!

Государь повернулся отъ опѣшеннаго Демидова и хотѣлъ было идти, но замѣтивъ Римскова-Корсакова, почтительно стоявшаго невдалекѣ, подошелъ къ нему и хлопнулъ по плечу.

— А тебѣ спасибо, молодецъ! весело проговорилъ онъ:—я въ тебѣ ошибался: ты при мнѣ все на какого-то маркиза смахивалъ... Инъ винюсь, проси чего хочешь теперь...

— Ваше Царское Величество, сказалъ вполголоса Римскій-Корсаковъ, покусывая губы,—кабы еще пять минутъ такъ ты мнѣ удѣлилъ! Такая у меня къ тебѣ просьба, что—не откажешь—по гробъ жизни моей я буду Богу за тебя молиться.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Петръ Римскова-Корсакова.

Тотъ вспыхнулъ.

— Жениться хочу, Великій Государь, сказалъ онъ.

— Что-жь, въ посаженые что-ли звать хочешь? спросилъ Петръ шутливо.

— Нѣтъ, Государь, не въ посаженые. А коли и такая милость твоя будетъ, спохватился онъ, — такъ ужь пиръ бы на весь міръ задалъ! Другое — невѣста больно артачится; кричитъ, что ты, Государь, не велишь, что безъ твоего указа подъ вѣнецъ не пойдетъ, изъ дому сбѣжитъ. Въ умѣ, что ли, дѣвка тронулась, аль ее испортили!? Такъ ты ей, Государь, самъ бы сказалъ, что съ твоей стороны помѣхи нѣтъ.

Петръ ничего не понималъ.

— Говори, что я разрѣшаю.

— Да она, Государь, говоритъ, что покелева отъ тебя самого не услышитъ, что ты велишь за меня ей выдти, до тѣхъ поръ не посмѣетъ подъ вѣнцомъ стоять. И отецъ, и мать, и родные спрашивали ее, чтó у ней такое, Великій Государь, съ тобою. «Тайну царскую, говоритъ, — хранить я должна прежде всего; онъ, говоритъ, мнѣ голову сниметъ, если я тайну его скажу кому нибудь.»

Петръ понималъ еще меньше.

— Да кто она такая? спросилъ онъ наконецъ.

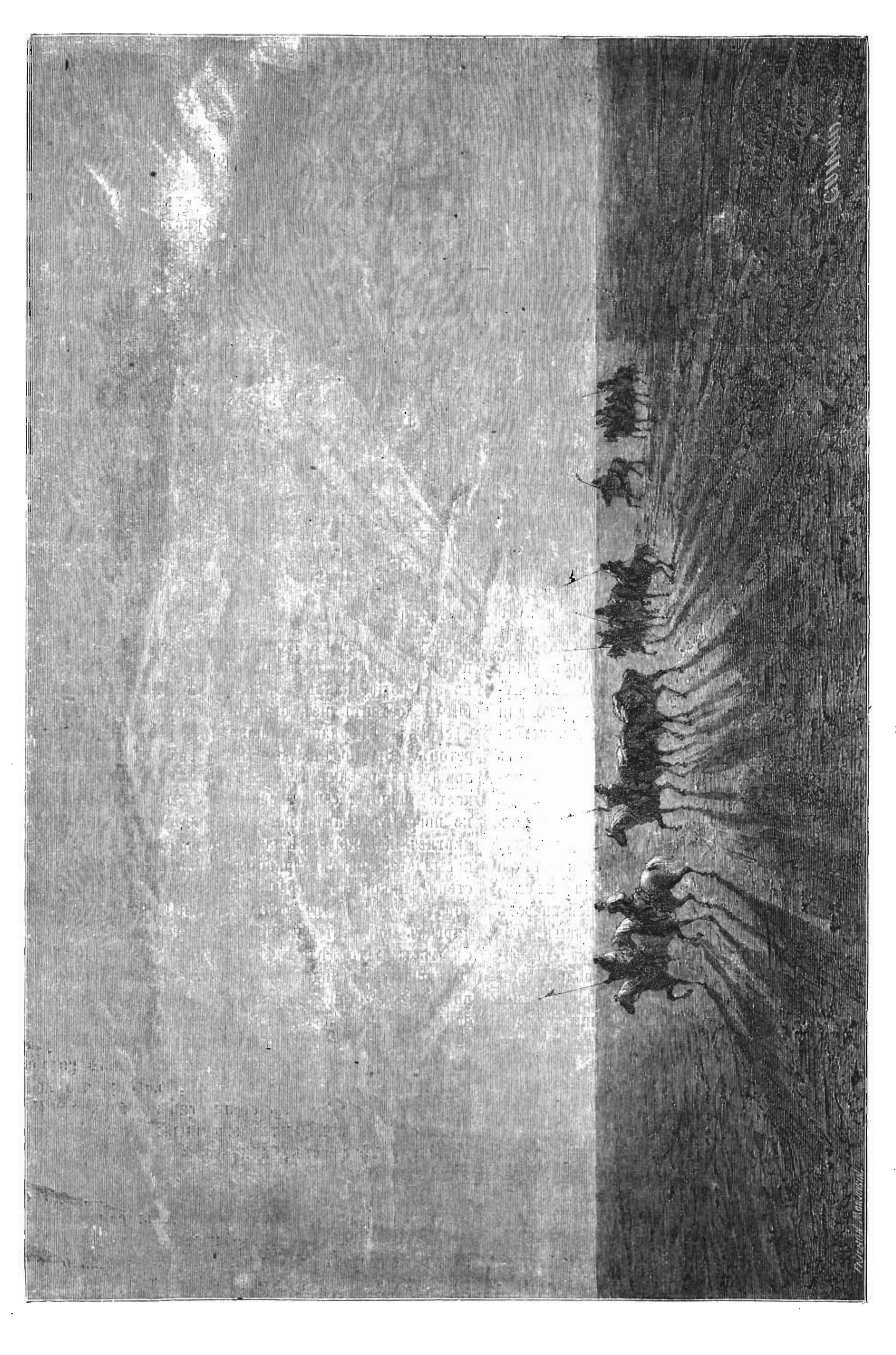
— Куроѣдовыхъ — Лукерья, отвѣчалъ Римскій-Корсаковъ.

Петръ ударилъ себя рукою по лбу.

— Вотъ что! сказалъ онъ, — это такая русая, круглолицая, продолжалъ онъ, какъ бы спохватясь,— въ ассамблеѣ еще недавно была. — Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! проговорилъ онъ, разводя руками,—въ чужомъ пиру похмѣлье неси. Да что она тебѣ люба что-ли очень? мало что-ли невѣстъ у насъ?

— И люба она мнѣ, Государь, а потомъ чуть не съ поконъ вѣку хлѣбъ соль водили. Сосѣди мы по вотчинамъ.

— Какъ тутъ быть! говорилъ съ недоумѣніемъ

Киргизская степь.

Петръ. — Послушай, сказалъ онъ наконецъ, — отступись ты отъ нея. Я далъ слово другому сватомъ идти; я тебѣ другую высватаю — и пригожую и богатую. Нельзя мнѣ моего слова нарушить...

Римскій-Корсаковъ поблѣднѣлъ и потупилъ голову.

— Не вводи, Государь, въ грѣхъ, сказалъ онъ, — больно дѣвка-то мнѣ люба; вѣдь я — оборони Боже — увозомъ обвѣнчаюсь!

— Безъ благословенія родительскаго?

— Благословятъ, Государь.

— Чужой вѣкъ заѣсть!

— Своими руками въ гробъ лучше положу, чужому не доставайся, глухимъ голосамъ проговорилъ Римскій-Корсаковъ, — тому-лиходѣю моему! Лучше душу свою загублю, на нее и на себя руки наложу, а чужому не доставайся! Какъ передъ Богомъ говорю тебѣ это, Ваше Царское Величество.

Петръ пристально посмотрѣлъ на этого юношу, такъ недавно казавшагося ему офранцуженнымъ дворянчикомъ, и понялъ, что онъ говоритъ правду.

— Слушай, сказалъ онъ, — отъ слова я отступиться не могу; сватомъ пойду и можетъ сегодня же. Не Царемъ пойду, а простымъ сватомъ. Велю дѣвку позвать и самъ запытаю ее: кого она выберетъ — тебя или твоего супротивника? Какъ она скажетъ, такъ тому и быть.

— Да кто онъ, супостатъ-то мой? сказалъ Корсаковъ, задрожавъ всѣмъ тѣломъ и какъ полотно блѣдный, но все таки гордо поднимая голову и выпрямляя грудь, причемъ рука его машинально взялась за эфесъ шпаги. Петръ уловилъ это движеніе быстрымъ взглядомъ.

— Это что? — поединокъ умышляешь? А знаешь мой законъ: поединщиковъ — и живаго и мертваго повѣсить? здѣсь не французская земля, братецъ. Кто онъ — покуда не скажу; а если Лукерья его выберетъ, а не тебя, не моя вина будетъ.

— Да меня-то она не выберетъ! — это я безъ тебя, Великій Государь, знаю, пробормоталъ въ сторону, съ какимъ-то отчаяннымъ и болѣзненнымъ выраженіемъ лица, несчастный Римскій-Корсаковъ.

— Такъ чего-жь тебѣ надо? вѣдь насильно милъ не будешь?

— И не хочу быть милымъ, Государь, а ужь коли не мнѣ, пускай въ монастырь идетъ.

Крѣпко задумался Петръ.

— Погоди, сказалъ онъ, — сегодня я не пойду сватомъ; а тѣмъ часомъ, Богъ дастъ, что и надумаемъ. Не кручинься.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Оренбурга до Ташкента.

(Отрывокъ изъ дорожныхъ замѣтокъ).

Получивъ командировку въ 1868 году въ Ташкентъ, я, въ концѣ августа, прибылъ въ Оренбургъ, и запасшись всѣмъ нужнымъ для такого дальняго путешествія, какъ-то: провизіей и полною сбруею для тройки лошадей (безъ которой въ степи ѣхать невозможно), выѣхалъ по дорогѣ въ Ташкентъ. Мѣстность отъ Оренбурга до Орска не представляетъ ничего замѣчательнаго; станціи, содержимыя казаками, вездѣ чистенькія, и почти на каждой изъ нихъ предлагаютъ издѣлія изъ козьяго пуха, за весьма дешевую цѣну. Въ Орскѣ приходится часто ждать лошадей, и оттуда встрѣчались постоянно различныя препятствія, не смотря на курьера, посланнаго за нѣсколько дней впередъ для заготовки лошадей мнѣ и моимъ спутникамъ. Такимъ образомъ на первой станціи отъ Орска, на которую пріѣхали поздно вечеромъ, потребовали лошадей. Явился киргизъ и отвѣтилъ, что надо ждать, потому что нѣтъ алашей [1]). Не смотря на наши угрозы, онъ все стоялъ на своемъ, и чтобы отдѣлаться отъ насъ, сказалъ, что пойдетъ къ хозяину въ аулъ [2]) объявить о нашемъ требованіи, а затѣмъ болѣе не являлся. Простоявъ болѣе сутокъ, мы кое-какъ, на обратныхъ, тронулись дальше.

Доѣхавъ благополучно до Карабутака, мы отдохнули немного и торопились скорѣе доѣхать до Уральскаго укрѣпленія, гдѣ намъ заранѣе обѣщали хорошее угощеніе. Такъ и случилось. Комендантъ пригласилъ къ себѣ обѣдать — и мы выѣхали уже вечеромъ, поблагодаривъ его отъ души за милое гостепріимство. Отъ Уральскаго укрѣпленія не встрѣчаемъ болѣе станціонныхъ домиковъ, но тутъ уже пойдутъ киргизскія кибитки. Это родъ палатки, сплетенной изъ прутьевъ и обтянутой кругомъ войлокомъ; вмѣсто входа сдѣлано отверстіе, закрытое войлокомъ; все украшеніе кибитки состоитъ изъ огромнаго тагана для варки пищи, нѣсколькихъ грязныхъ ковровъ, стола и двухъ табуретовъ. Вы подъѣзжаете къ такой кибиткѣ, требуете лошадей, но вамъ говорятъ, что ихъ нѣтъ. Вы начинаете кричать, сердиться — и все это напрасно, покуда не погрозите нагайкою. При видѣ этого инструмента, киргизъ наконецъ рѣшается удовлетворить пассажира и посылаетъ ловить арканомъ лошадей, пасущихся въ степи. Наконецъ, черезъ нѣсколько томительныхъ часовъ, пускаемся въ путь, но увы! лошади не везутъ; киргизъ понукаетъ и кнутомъ и горломъ, а лошади ни съ мѣста. Что дѣлать? какъ помочь горю? Вы говорите киргизу: «гайда» [3]), а онъ что-то бормочетъ и, видя, что его не понимаютъ, отпрягаетъ лошадь и въ одинъ моментъ исчезаетъ. Такимъ образомъ, приходится ждать въ степи, по нѣскольку часовъ, покуда не вернется киргизъ съ новыми конями. Такого рода остановки встрѣчались весьма часто, потому что лошади заморены, а кормъ въ степи самый плохой. Между тѣмъ станціи попадаются огромныя: иная значится по маршруту 25 верстъ, а на дѣлѣ выходитъ иначе, и дѣлаемъ равно вдвое.

Отъ Уральскаго укрѣпленія начинается, до форта № 1 (Казалы), Каракумская степь; ее проѣзжаютъ, по случаю песковъ, на верблюдахъ, которыхъ запрягаютъ въ тарантасъ, и они везутъ довольно скоро, такъ что я предпочелъ бы всегда ѣзду на нихъ, но та бѣда, что не вездѣ найдешь верблюдовъ. Наконецъ проѣзжаемъ Каракумы и передъ нами является хоро-

---

[1]) По киргизски, лошадей.

[2]) Деревня.

[3]) Пошелъ.

шенькій ландшафтъ: это фортъ № 1-й; отъ него начинается Туркестанская область и появляется рѣка Сыръ-Дарья, берега которой частію покрыты высокимъ тростникомъ, гдѣ обитаютъ тигры, частію колючкою и саксауломъ, весьма пригоднымъ для топлива; къ сожалѣнію, онъ почти весь истребленъ Аральскою флотиліею, пароходы которой ходятъ по Сыръ-Дарьѣ черепашьимъ шагомъ. Въ фортѣ можно тоже отдохнуть въ гостинницѣ или у коменданта и запастись провизіею до форта № 2-й, гдѣ опять отдыхъ и заготовка провіанта до форта Перовскаго (Ахъ-Мечеть). Фортъ этотъ стоитъ на весьма живописной мѣстности, и около него растетъ много саксаула. Здѣсь слѣдуетъ запастись продуктами до укрѣпленія Джулекъ.

Далѣе, отъ укрѣпленія Джулекъ до Туркестана опять начинается степь, опять исчезаетъ всякая растительность; глазъ рѣшительно ничего не видитъ, кромѣ неба да земли, да изрѣдка попадающихся каравановъ туземцевъ на верблюдахъ и лошакахъ. Кромѣ того, мѣстами видны сдѣланные изъ глины курганы: это могилы (мазарки) киргизовъ и оставшіяся послѣ кокандцевъ глиняныя крѣпости. Но вотъ подъѣзжаемъ къ Туркестану, что доказывается появленіемъ огромныхъ садовъ; затѣмъ появляется глиняный валъ, коимъ обнесенъ городъ, и вы наконецъ въѣзжаете въ него черезъ узенькія ворота. Повсюду грязь и нечистота, узенькія улицы съ глиняными заборами, за коими находятся сакли туземцевъ. Жителей считается пять тысячъ. 800 саклей и тридцать двѣ мечети. Изъ нихъ главная «Азаретъ-Султанъ», замѣчательная по могилѣ св. Азарета, находящейся внутри зданія, на поклоненіе которой стекаются изъ отдаленныхъ краевъ области, и по громадному мѣдному котлу, отлитому для жертвоприношеній 450 лѣтъ тому назадъ. Элементъ преобладающій—таджики или сарты. Городъ въ торговомъ отношеніи не имѣетъ значенія; жители занимаются хлѣбопашествомъ; базаръ служитъ только для мѣстныхъ окрестныхъ жителей. Жары лѣтомъ доходятъ на солнцѣ до 48 градусовъ, въ тѣни—28; зима непостоянная и холода бываютъ не свыше 15 гр. Въ 20-ти верстахъ отъ города водятся: барсы, дикіе бараны, газели, олени и кабаны. Городъ стоитъ на нѣсколькихъ канавахъ и для питья есть колодцы. Мѣстныя власти состояли: изъ казы (судьи), аксакаловъ (гласныхъ отъ городской думы), реиса (городничаго) и караванъ-баши. Въ городѣ есть комендантъ и управляющій населеніемъ. Обѣ эти личности весьма любезны, въ особенности послѣдній, въ квартирѣ котораго мы провели сутки весьма пріятнымъ образомъ. Затѣмъ на другой день отправились по дорогѣ къ Чемкенту и менѣе сутокъ ѣхали до этой маленькой крѣпостцы, весьма схожей съ Туркестаномъ: тѣ же глиняные заборы, та же мертвенность, та же природа; однимъ словомъ, видѣвши одинъ азіятскій городъ, можно имѣть понятіе обо всѣхъ. Въ Чемкентѣ немного отдохнувъ у мѣстнаго жителя, подавшаго намъ чай и сушеные фрукты, мы, благодаря распорядительности начальника туркестантскаго населенія Кр....ва, на третьи сутки утромъ узрѣли Ташкентъ. Подъѣзжая къ нему, видимъ безконечные сады, окруженные заборами и больше ничего. Въѣздъ тоже черезъ ворота по узенькимъ улицамъ, по которымъ двѣ арбы (тѣлеги на двухъ колесахъ) разъѣхаться не могутъ; прибавьте къ этому часто попадающіеся по срединѣ улицъ огромные камни, почти постоянную грязь—и вы будете имѣть понятіе объ удобствѣ ѣзды по Ташкенту. Отъ въѣзда въ городъ до цитадели, гдѣ живутъ русскіе, по крайней мѣрѣ верстъ десять,—и покуда до нея доѣдешь, то жизнь проклянешь. Усталые, измученные, мы помѣстились въ домѣ г-жи Ш...

Въ цитадели сосредоточивалась администрація: интендантство, штабъ, расходное отдѣленіе и канцелярія губернатора, губернаторскій домъ и гибель зданій одноэтажныхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Дома эти глиняные, большею частію съ каменными полами, рамами заклееными бумагой, а иногда и со стеклами, продающимися очень дорого. Отъ цитадели, обнесенной стѣною, начинается европейскій кварталъ, по срединѣ котораго сдѣлано шоссе до самой крѣпости, гдѣ жилъ комендантъ и находилось комендантское управленіе, госпиталь и казармы. По обѣимъ сторонамъ европейскаго квартала строились дома и генералъ-губернаторскій домъ; заложена православная церковь и готова гостинница, гдѣ помѣщается часть лавокъ и есть номера для пріѣзжающихъ съ приличною мебелью и столомъ. Постройкою этого зданія русскіе колонисты обязаны маіору Жемчужникову, бывшему коменданту. Доходъ съ него такъ великъ, что въ теченіи двухъ лѣтъ зданіе вѣроятно окупилось. Вскорѣ по взятіи Ташкента постройка домовъ обходилась весьма дешево, такъ-что за сто рублей (или немного болѣе) можно было соорудить домъ изъ четырехъ комнатъ, стоющій теперь рублей шестьсотъ. Матеріалы и рабочіе съ каждымъ днемъ дорожаютъ, а потребность въ домахъ съ каждымъ днемъ увеличивается. Невдалекѣ отъ европейскаго квартала находится городской садъ, въ которомъ ташкентская публика гуляетъ.

Теперь уже тамъ настоящій хоръ музыки, и надо предполагать, что есть и бальный оркестръ.

Въ это время года бываютъ страшные жары, а хорошей воды почти нѣтъ, и приходится пить воду проведенную въ городъ изъ рѣки Черчика, текущую по маленькимъ канавкамъ, проведеннымъ черезъ сады, кладбища, и такимъ образомъ получающую вкусъ лимбургскаго сыра. Канавки эти попадаются на каждомъ шагу и чтобы черезъ нихъ перескакивать, приходится иногда дѣлать отчаянные salto - mortale. Экипажей въ городѣ не было никакихъ, кромѣ нѣсколькихъ тарантасовъ и одной или двухъ бричекъ. Вся публика ѣздила верхами, даже и духовенство; въ грязь же нѣкоторыя дамы допускали переносить себя солдатамъ. Сколько разъ приходилось мнѣ пачкаться въ этой грязи; никакія калоши въ мірѣ отъ нея не спасутъ,—и желая вытащить одну ногу, вы погружаете до такой степени другую, что нужны нечеловѣческія усилія, чтобы вытащить ее. Въ сухое же время года песокъ страшный на улицахъ; при малѣйшемъ дотрогиваніи до него, онъ летитъ въ носъ, ротъ и на платье, а на сапогахъ приносимъ въ квартиру достаточное количество. Не смотря на различныя неудобства, все-таки скажу, что жизнь въ Ташкентѣ была бы довольно сносна (потому-что мѣстныя произведенія дешевы), но наши купцы, пользуясь отдаленностію края, продаютъ какъ мануфактурные товары, такъ и колоніальныя произведенія по баснословнымъ цѣнамъ.

Между военными встрѣчаемъ много георгіевскихъ кавалеровъ, такъ-что въ маленькомъ отрядѣ, находившемся въ Туркестанской области, ихъ считалось, вмѣстѣ съ нижними чинами, болѣе 800 человѣкъ. Зима бываетъ коротенькая; съ декабря идетъ дождь, дѣла г-

ся непроходимая грязь; въ январѣ же показывается трава, въ февралѣ весна въ полномъ разгарѣ. Съ мая и почти круглый годъ можно пользоваться какъ свѣжими такъ и сухими фруктами; все это очень дешево и вкусно, но зато самыхъ простыхъ овощей вы не найдете, какъ-то: хрѣну, картофелю, который недавно только стали разводить, и много другихъ произведеній. Вѣчно синее небо, ни малѣйшаго вѣтерка, но зато солнце палитъ немилосердно, и въ сентябрѣ жары бываютъ не меньше нашихъ іюльскихъ. Климатъ тамошній дѣйствуетъ довольно разрушительно, въ особенности на пріѣзжающихъ; часто появляется сыпь; дѣйствуетъ: тифъ, диссентерія, лихорадка; болятъ глаза, лѣзутъ волосы и крошатся зубы. Хотя и есть доктора, но зато лекарствъ очень мало и аптекъ всего одна. Заболѣвъ лихорадкою, я едва могъ достать малины у прикащика купца Хлудова, ведущаго торговлю на базарѣ, отстоящемъ верстъ на семь отъ цитадели. Я часто бывалъ на немъ, потому-что только тамъ можно видѣть вполнѣ азіятскій разгулъ. Вообразите, посрединѣ улицы, съ обѣихъ сторонъ глиняныя лавки, подпертыя перекладинами и сверху покрытыя рогожами; это какой-то лабиринтъ, тянущійся на нѣсколько верстъ; въ лавкахъ сидятъ поджавши ноги: сарты, татары и жиды; кромѣ того устроены на открытомъ воздухѣ печи, гдѣ пекутъ для желающихъ пельмени и пирожки; между лавками, посрединѣ, страшная толпа народу пѣшкомъ, верхомъ на лошадяхъ, лошакахъ и верблюдахъ; кромѣ того, безпрестанно попадающіяся арбы и поющіе заунывныя пѣсни дервиши въ остроконечныхъ шапкахъ съ бубенчиками и длинными въ рукахъ палками; — все это чрезвычайно оглушительно дѣйствуетъ на иностранца, и долгое время стоишь въ изумленіи прежде чѣмъ что-нибудь поторгуешь. На базарѣ этомъ почти ничего интереснаго не найдешь. Единственно чѣмъ могутъ похвастать жители, это вышиваньемъ арабесковъ шелкомъ, на чемъ хотите, платьевъ, скатертей, туфлей, панталонъ и пр., но зато все это продается очень дорого, такъ же какъ и другой товаръ. Ежели хотите что-нибудь выторговать, то платите серебромъ; въ особенности туземцы берутъ съ охотою наши серебряные рубли и тогда товаръ отдаютъ за пол-цѣны. Случалось мнѣ прицѣниваться къ коврамъ, которые нашелъ очень недурные, такъ же какъ и мѣха, преимущественно куницы и бараньи шкуры; изъ каменьевъ можно пріобрѣсти за дешевую цѣну: бирюзу и кораллы, достоинствомъ не такъ хорошіе. Жаль, что, по случаю военныхъ дѣйствій, караваны изъ Бухары и Кашемира не приходили, а потому и не было кашемирской шали, которую мнѣ очень хотѣлось купить. Зато искавъ ее, я былъ въ индѣйскомъ караванъ-сераѣ и видѣлъ индѣйцевъ, которыхъ потомъ встрѣчалъ и на базарѣ. Они довольно пріятной наружности, съ черными глазами и длинными носами; лобъ, посрединѣ, и концы ушей татуированы; одѣты они въ сюртуки, съ круглыми шапочками на головахъ, и многіе съ босыми ногами, на пальцахъ которыхъ надѣты кольца. По воскресеньямъ рынокъ переносился на полуверстное разстояніе отъ цитадели, но товары привозились въ маломъ количествѣ. На большомъ же рынкѣ, по воскресеньямъ, сарты занимаются бараньимъ боемъ. Вообще говоря о ташкентской торговлѣ, городъ этотъ можно признать центромъ средне-азіятской торговли. Торгъ съ Россіею, большею частію, производится хлопкомъ и сушеными фруктами. Въ Ташкентѣ же бумажные товары сбываются весьма выгодно, чему обязаны туземкамъ. Красавицы эти носятъ синіе бумажные халаты, накидывая ихъ на голову, и на лицо надѣвая черную квадратную волосяную тряпку, совершенно скрывающую ихъ черты. Тѣ, которыхъ я видѣлъ безъ тряпокъ, очень не дурны, съ черными глазами, смуглыми лицами и бѣлыми зубами, хотя многія изъ нихъ ихъ чернятъ. Вообще сарты, какъ мужчины такъ и женщины, довольно красивы и способны къ разнымъ ремесламъ. Въособенности мнѣ понравилось раскрашиваніе стѣнъ въ домахъ. На нихъ рисуютъ арабески, горшки съ цвѣтами — и послѣдніе сначала вырѣзываютъ довольно искусно, а потомъ серебрятъ или золотятъ, что очень красиво, въ особенности на синемъ фонѣ. Случилось мнѣ быть однажды въ гостяхъ у одного богатаго татарина, по имени Шарафея. Домъ принадлежащій ему весьма помѣстителенъ, стѣны росписаны арабесками, а полъ устланъ коврами; вмѣсто стульевъ — табуреты, съ мягкими подушками и по срединѣ столъ. Много изъ туземцевъ есть очень богатыхъ, бывающихъ въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Всѣ они очень любезны, и при встрѣчѣ говорятъ «аманъ» и пожимаютъ руку. Костюмы ихъ почти у всѣхъ одинаковы, а именно: халаты, подпоясанные чѣмъ-то въ родѣ шали; чалма или шапочка на головѣ; на ногахъ туфли, а для верховой ѣзды сапоги изъ черной или зеленой кожи, съ подошвами подбитыми огромными мѣдными гвоздями, загнутыми къ верху носками и большими мѣдными каблуками; женщины же носятъ «ичики», башмаки изъ такой же кожи, чрезвычайно жесткія.

Пробывъ въ городѣ Ташкентѣ мѣсяца три съ половиною, надобно было собираться обратно въ Оренбургъ. Я и мои товарищи были весьма рады, что наконецъ выберутся изъ этой азіятчины, и не смотря на ужасное время года, (начало декабря) и отвратительную дорогу, мы, 10 числа, простившись съ добрыми знакомыми, отправились въ путь.

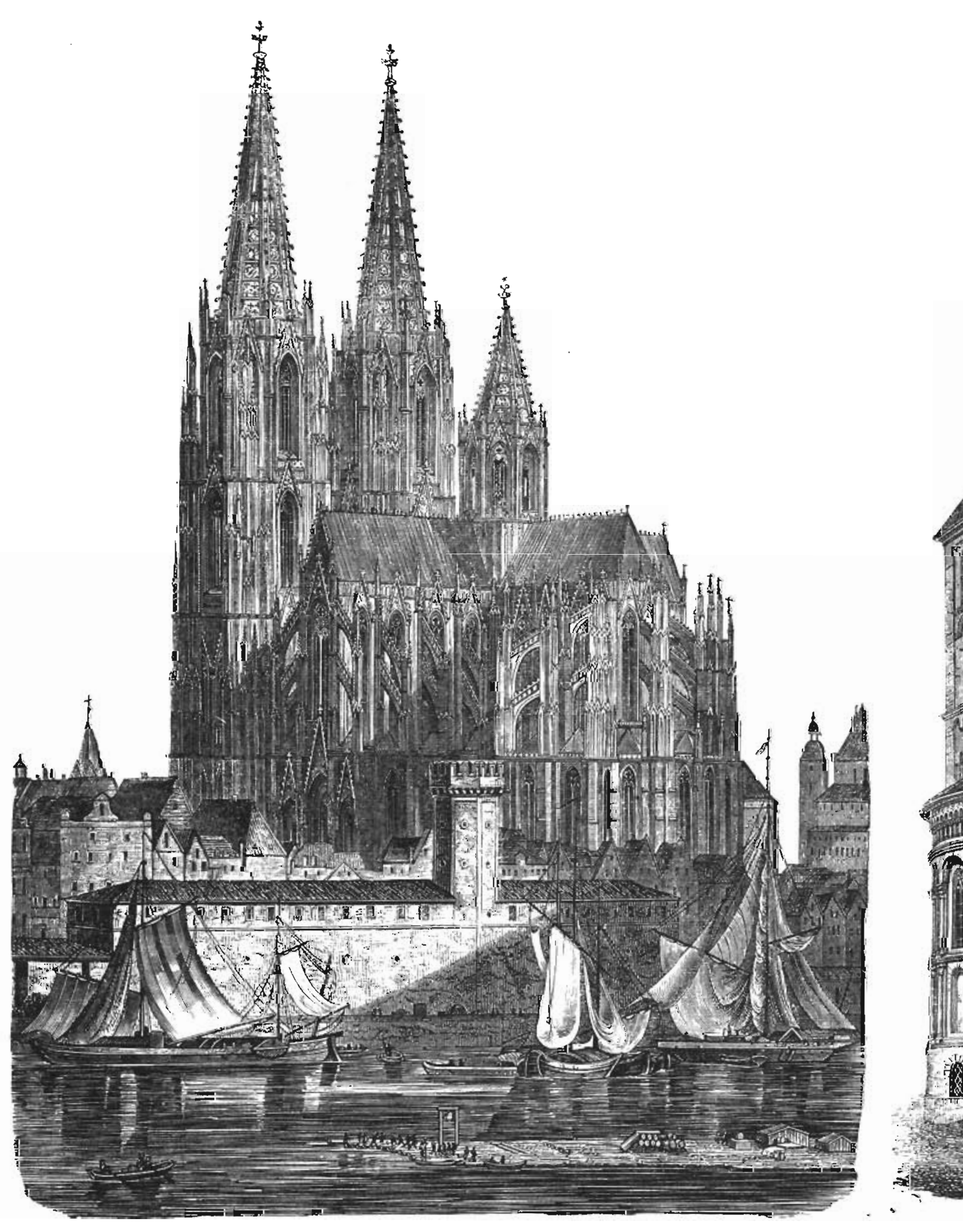
На обратномъ пути по степи, экипажъ опять въѣхалъ въ грязь, и не смотря на понуканіе лошадей и крикомъ и кнутомъ, ничего нельзя было сдѣлать для нашего спасенія; пришлось послать въ аулъ за верблюдами, и въ ожиданіи дѣлать что хочешь. Уже день клонился къ вечеру, а помощь все не являлась. Между тѣмъ становилось довольно холодно, вѣтеръ сильно завывалъ и еще болѣе усиливалъ нашу тоску. Захотѣлось ѣсть, но провизія наша замерзла, а разогрѣть негдѣ. Оставалось одно: вооружиться терпѣніемъ и заснуть. Такъ и случилось. Кто закурилъ папиросу, а я, хорошенько завернувшись въ шубу, заснулъ. Проспавши часу до шестаго утра, видимъ идетъ караванъ, да еще на нѣкоторыхъ верблюдахъ лежатъ вязанки дровъ. Объяснившись кое-какъ пантомимами, т. е. указавъ на дрова и вынувъ двугривенный, получили вязанку саксаула и сей часъ же развели костеръ, чтобы хоть сколько нибудь согрѣться. Между тѣмъ, подошли наши валеты и сказали, что были въ аулѣ, гдѣ отлично спали и пили чай. Затѣмъ явились киргизы съ предложеніемъ нанять у нихъ верблюдовъ, и мы едва едва уломали ихъ взять по два рубля за каждаго. Этотъ случай описываю для того, чтобы дать хотя малѣйшее понятіе, о ѣздѣ по Киргизскимъ степямъ, которыхъ изображеніе можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ.

Замѣчательныя постройки древнихъ и новыхъ временъ.

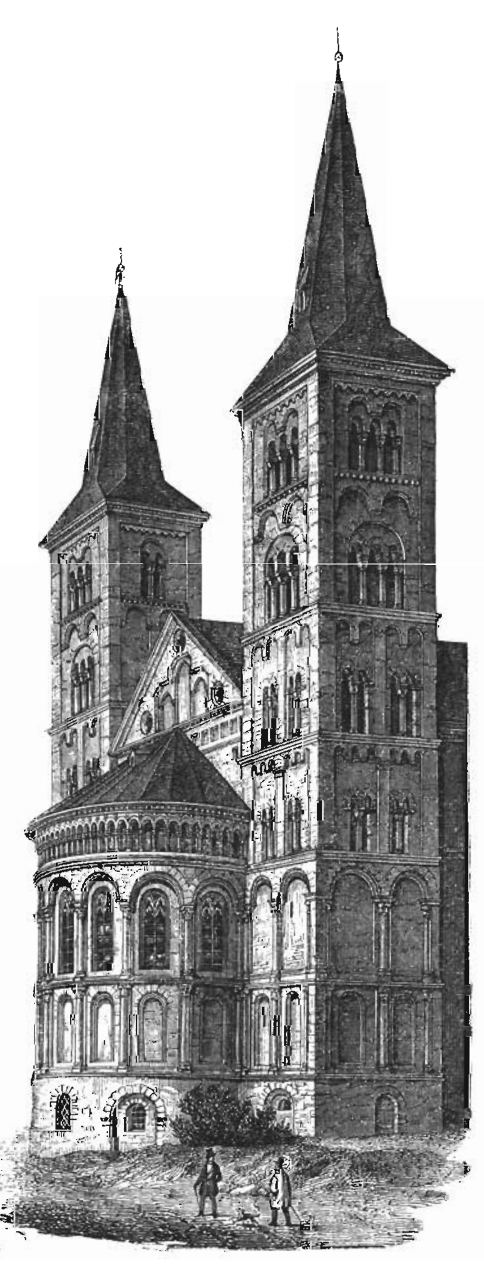
(*Продолженіе*).

IX. Романская архитектура.

Латинскія племена и германскіе народы, раздѣлившіе между собою остатки древняго погибшаго міра, употребляли для своихъ сооруженій, вплоть до десятаго одно и то же направленіе, основанное на древнехристіанскомъ искусствѣ, съ его формами, заимствованными у древняго міра. Изъ этого направленія произошелъ самостоятельный архитектурный стиль, употреблявшійся впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій и получившій, по

1. Видъ Кельнскаго собора съ восточной стороны, когда онъ будетъ оконченъ.

2. Восточная часть Бонскаго собора.

столѣтія, древнехристіанскій римскій стиль (извѣстный въ особенности подъ именемъ стиля древнехристіанскихъ базиликъ) на ряду съ византійскомъ. Только съ этого времени искусство начинаетъ принимать особенныя формы въ рукахъ новыхъ народовъ и государствъ, образовавшихся частію изъ германскихъ элементовъ, частію же посредствомъ примѣси къ этимъ элементамъ римскаго.

Но хотя это преобразованіе искусства происходило чрезвычайно различнымъ образомъ, согласно съ различными степенями культуры и тѣми элементами, изъ которыхъ новые народы образовались въ одно цѣлое, тѣмъ не менѣе въ главныхъ чертахъ его выказывается своему происхожденію, названіе *романскаго*, подобно тому какъ языки, обязанные своимъ происхожденіемъ римскому, называются въ филологіи романскими.

Романскій архитектурный стиль имѣетъ различныя степени развитія и образованія. Въ первомъ періодѣ (въ десятомъ, а отчасти и одиннадцатомъ столѣтіи), большею частію грубыя формы искаженнаго античнаго искусства еще вполнѣ сохраняются, но вмѣстѣ съ этимъ замѣчается присутствіе новаго германскаго элемента, выражающагося въ употребленіи полуварварскихъ и болѣе или менѣе фантастическихъ формъ. Въ теченіи одиннадцатаго столѣтія, романскій стиль представляется

еще грубѣе и тяжеловатѣе, но съ такимъ положительнымъ своеобразіемъ, котораго уже нельзя не признать, а въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ онъ развивается съ такою силою и красотою, что его формы приближаются уже къ формамъ чисто-классическаго искусства. Затѣмъ въ тринадцатомъ столѣтіи, впродолженіи котораго германское искусство достигаетъ высшей степени своеобразія,—это стремленіе къ античнымъ формамъ, а вмѣстѣ съ этимъ и романскій стиль, вытѣсняются остросводнымъ, стрѣльчатымъ или такъ-называемымъ готическимъ стилемъ.

Между различными элементами, легшими въ основу романскаго стиля, самая главная роль принадлежитъ стилю римско-христіанскихъ базиликъ, при чемъ, какъ замѣчено выше, употреблялся и византійскій стиль. При этомъ обнаруживается иногда мѣстами и магометанское вліяніе, а въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и въ архитектурномъ расположеніи цѣлаго проглядываютъ слѣды мѣстныхъ преданій или вновь-образующихся германскихъ элементовъ.

При такомъ разнообразіи элементовъ, которые притомъ же почти всѣ заимствованы, романская архитектура образуетъ собою не однородное цѣлое, развившееся послѣдовательно во всѣхъ своихъ частяхъ изъ одного и того же начала, а скорѣе какую-то смѣсь, *которую не легко подвести подъ одно общее правило*, тѣмъ болѣе что этотъ стиль отличается необыкновеннымъ *разнообразіемъ* формъ, основывающемся на мѣстныхъ и индивидуальныхъ случайностяхъ и большей или меньшей степени образованія.

Начиная характеристику романскаго стиля съ основнаго плана церквей, построенныхъ по образцу древне-римскихъ христіанскихъ базиликъ, мы замѣтимъ только, что при всѣхъ измѣненіяхъ, которымъ долженъ былъ подвергнуться этотъ планъ при постройкѣ церквей этого стиля, онъ тѣмъ не менѣе остается тотъ же что и въ римскохристіанскихъ базиликахъ, т. е. представляетъ фигуру продолговатаго латинскаго креста. Но въ то время какъ римскіе древне-христіанскія базилики покрыты плоскою крышею, церкви романскаго стиля, начинаютъ, со второй половины двѣнадцатаго столѣтія, покрываться *сводами*, составляющими одно изъ самыхъ характеристическихъ нововведеній этого стиля. Вообще примѣненіе свода къ большимъ нефамъ составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ заслугъ романскаго зодчества. Римляне были хорошо знакомы съ полукруглымъ сводомъ, такъ же какъ и со сводомъ, образовавшимся изъ перекрещиванія четырехъ круглыхъ сводовъ, но они покрывали ими только небольшія пространства. Но латинскія племена, закрывая сводомъ трансепсъ и квадратъ трансепса (какъ назывались пересѣченіе большаго нефа съ поперечнымъ), стали покрывать тѣмъ же способомъ боковыя части и наконецъ самый нефъ. Это повидимому очень простое усовершенствованіе произвело реформацію въ зодчествѣ и сдѣлалось основнымъ условіемъ романскаго стиля. Изъ покрытія сводомъ пространства въ пятнадцать метровъ вытекаютъ всѣ нововведенія пятнадцатаго и слѣдующихъ вѣковъ: аркатуры, нервація, перекрещиваніе сводовъ, всѣ различныя части—колонки и выступы группирующіеся вокругъ толстыхъ столбовъ, всѣ эти красоты романскихъ и готическихъ церквей суть только необходимыя поддержки, облегчающія сводъ.

Самая употребительная въ романской архитектурѣ *форма дуги — полукруглая*, но въ тѣхъ странахъ, гдѣ романское зодчество подвергалась магометанскому вліянію, она замѣняется иногда арабскою *остроконечною дугою*, а въ послѣднемъ переходѣ романскаго стиля появляется (впрочемъ больше въ видѣ украшенія) *дуга съ надломленною вершиною*, которую романская архитектура тоже можетъ быть заимствовала у магометанской.

Особенно замѣчательны *порталы* романскихъ церквей, на которыхъ раскрывается все богатство этого стиля. Они, большею частію, украшены лѣпными изображеніями святыхъ и разныхъ фантастическихъ фигуръ, а между колоннами поставлены статуи. Въ числѣ разныхъ другихъ скульптуръ встрѣчаются также и изображенія символическаго, историческаго и астрономическаго характера. Такъ напр. вдоль дверныхъ косяковъ попадается часто изображеніе зодіака, показывающее созвѣздія черезъ которыя солнце проходитъ въ продолженіи года, а также и двенадцати мѣсяцевъ года, представленныхъ посредствомъ занятій свойственныхъ каждому мѣсяцу.

Надъ главнымъ порталомъ находится часто (впрочемъ больше въ церквяхъ послѣдняго періода) такъ-называемая *розетка*, т. е. круглое окно, устроенное въ видѣ колеса.

Башни романскихъ церквей сливаются въ одно гармоничное цѣлое съ самими церквями, тогда какъ въ находящихся въ Италіи церквяхъ этого стиля онѣ стоятъ отдѣльно отъ церквей. Онѣ имѣютъ, большею частію, четыреугольную, а также восьмиугольную или круглую форму и состоятъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ этажей почти одинаковой вышины, въ которыхъ — за исключеніемъ нижняго этажа—устраиваются галлереи изъ арокъ и оконъ. Обыкновенно церкви этого стиля имѣютъ по двѣ башни на западной сторонѣ, а въ церквяхъ съ двумя хорами къ этимъ двумъ башнямъ прибавляются еще двѣ другія башни на восточной сторонѣ. Кромѣ того надъ квадратомъ трансепса устроена обыкновенно шести или восьмиугольная башня съ куполомъ. Благодаря подобному устройству, внѣшность всего зданія представляетъ чрезвычайно живописный видъ, свойственный преимущественно церквямъ романскаго стиля и составляющій принадлежность средневѣковой архитектуры.

Между гражданскими постройками особенно характеристичны *замки* рыцарей. Они составляли группы изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ зданій, расположенныхъ другъ подлѣ друга, которыя окружали внутренній дворъ и обносились зубчатыми стѣнами и рвами различной вышины. Самую главную часть этихъ сооруженій составляли *господскій домъ* и *башня*. Замки менѣе значительныхъ размѣровъ, кромѣ нѣсколькихъ хозяйственныхъ зданій, имѣли при себѣ только одну башню изъ нѣсколькихъ этажей, которая заключала въ себѣ жилыя и парадныя комнаты владѣльца замка и вслѣдствіе этого достигала иногда до значительной высоты. Ворота, ведшія въ подобный замокъ, покрывались зубцами и запирались посредствомъ подъемнаго моста и опускной рѣшетки.

Не менѣе замковъ замѣчательны и *городскіе дома* романскаго стиля. Узкая сторона этихъ домовъ обращена обыкновенно къ улицѣ, а окна устроены такимъ образомъ, что каждыя два окна, раздѣленныя колонками и соединенныя одной общей дугой, составляютъ одно цѣлое.

Прилагаемый при этомъ рисунокъ 2. представляетъ

часть Бонскаго собора, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ романскаго стиля.

X. Готическая архитектура.

Приступая къ описанію остросводнаго (стрѣльчатаго) стиля, называемаго, большею частію, готическимъ или германскимъ стилемъ, мы замѣтимъ прежде всего, что названіе «готическаго» впервые дано этому стилю итальянцами, употреблявшими это выраженіе въ смыслѣ варварскаго стиля, въ противоположность съ классическимъ, а потомъ это неподходящее названіе до такой степени вошло въ привычку, что отъ него чрезвычайно трудно отрѣшиться.

Вопросъ о происхожденіи въ Германіи и вообще на Западѣ готическаго стиля — вопросъ еще нерѣшенный, потому что отдѣльные случаи употребленія острой дуги въ періодъ романскаго стиля не даютъ еще права заключать о существованіи системы этой дуги или о знакомствѣ съ этою системою; одно, какъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію: это то, что аравитяне были первымъ народомъ, употреблявшимъ острую дугу для эстетическихъ цѣлей, съ большимъ или меньшимъ искусствомъ. Но система острой дуги (т. е. стиль, основной элементъ котораго составляетъ острая дуга, которая проникаетъ все зданіе, находится въ тѣсной связи нимъ) развивается впервые (въ тринадцатомъ столѣтіи) въ концѣ романскаго періода, въ сѣверныхъ странахъ, внѣ всякихъ постороннихъ вліяній, подвергаясь измѣненіямъ только вслѣдствіе мѣстныхъ условій. Въ это-то время острая дуга употребляется не въ однихъ только отдѣльныхъ случаяхъ, но всѣ отверстія безъ исключенія точно такъ же какъ всѣ своды и арки устроиваются въ видѣ острой дуги.

Если такимъ образомъ острая дуга и заимствована у Востока, то все-таки готическая архитектура, всего болѣе соотвѣтствующая сѣверному климату и воззрѣнію германскихъ племенъ, развилась только впослѣдствіи; чѣмъ и объясняется то, что въ горныхъ странахъ, гдѣ не было этихъ причинъ (не говоря уже о приверженности къ античнымъ преданіямъ), эта архитектура не нашла себѣ полнаго доступа. Вообще этотъ стиль достигъ своего высшаго развитія и получилъ самое обширное распространеніе только тамъ, гдѣ преобладали германскіе элементы, — тогда какъ въ романскомъ мірѣ онъ носитъ на себѣ скорѣе печать случайности и произвола, чѣмъ характеръ органическаго цѣлаго.

Но если о происхожденіи остросводнаго стиля нельзя сказать ничего положительнаго, то есть причины приписывать его норманнамъ, такъ какъ этотъ стиль появляется впервые, въ одиннадцатомъ столѣтіи, на зданіяхъ, воздвигнутыхъ этимъ племенемъ въ сѣверной Франціи, а потомъ въ Англіи, и уже въ двѣнадцатомъ столѣтіи возводится въ систему.

Послѣ соціальныхъ революцій и стремленія освободиться отъ церковныхъ оковъ, развитію готическаго стиля конечно не мало способствовали такъ-называемыя строительныя артели (впослѣдствіи общества вольныхъ каменщиковъ), образовавшіяся для противодѣйствія іерархическимъ стачкамъ, вѣроятно еще въ періодъ перехода отъ романскаго стиля къ готическому, и стоявшія за острую дугу, сдѣлавшуюся выраженіемъ новаго времени, точно такъ же какъ романская старая дуга была тождественна съ понятіемъ о феодализмѣ.

За этимъ переходнымъ періодомъ начинается періодъ *ранняго готическаго стиля*, простирающійся отъ конца двѣнадцатаго до конца тринадцатаго вѣка. Это тотъ стиль, при которомъ острая дуга начинаетъ употребляться какъ существенно-характеристическій и преобладающій элементъ и составляетъ необходимое условіе для образованія архитектурныхъ формъ. Этотъ ранній готическій стиль является простымъ и строгимъ, а въ его размѣрахъ и образованіи деталей проглядываетъ что-то тяжеловатое, свойственное предшествовавшему стилю.

Средній или выработавшійся, *гармоническій* (въ Англіи *«украшенный»*) стиль представляетъ самое совершенное развитіе готической архитектуры въ соединеніи съ изяществомъ и богатствомъ формъ. Существованіе этого стиля продолжается отъ конца тринадцатаго до конца четырнадцатаго столѣтія.

Поздній выродившійся или переродившійся стиль образуетъ, одновременно съ англійскимъ *перпендикулярнымъ стилемъ*, *пламенистый стиль* (style flamboyant), употреблявшійся на континентѣ. Эти имена произошли отъ оконныхъ просвѣтовъ, которые въ окнахъ пламенистаго стиля наполнялись неправильными расположеніями, сердцами, пламенами и арабесками, а въ окнахъ перпендикулярнаго стиля перпендикулярными линіями. Существованіе этихъ двухъ стилей упадка простирается отъ конца четырнадцатаго до середины шестнадцатаго столѣтія.

Переходя къ характеристикѣ готическаго стиля, мы замѣтимъ, что сущность этого стиля, на которой основывается структура и организація всего цѣлаго — сама *острая дуга*. Эта дуга состоитъ изъ двухъ отрѣзковъ круга, соприкасающихся между собою на ея вершинѣ. Чѣмъ больше радіусъ этихъ отрѣзковъ, тѣмъ стройнѣе описываемая ими дуга. Въ началѣ своды основывались на короткихъ и толстыхъ столбахъ и употреблялось менѣе украшеній, впослѣдствіи же они представляются какъ бы висящими въ воздухѣ; гладкія стѣны покрываются безчисленными прихотливыми украшеніями, окна прорѣзываются какъ кружева. Вообще, послѣ заостренныхъ сводовъ и арокъ, главныя черты остросводнаго стиля, отличающія его отъ другихъ архитектурныхъ стилей, — это необыкновенная роскошь каменотесной и скульптурной работы, чрезвычайное раздробленіе большихъ массъ на мелкія и пирамидальность въ нѣкоторыхъ частяхъ и цѣломъ. Главная краса его — въ стройно-высокихъ башняхъ, которыя чѣмъ далѣе идутъ вверхъ, тѣмъ становятся смѣлѣе и изящнѣе, а потомъ завершаются крестообразнымъ цвѣткомъ, который, простирая листья къ небу, указываетъ на цѣль, недоступную задушевнымъ стремленіямъ человѣка. Внутренность готическихъ соборовъ, освѣщенныхъ лучами дня, пробивающимися сквозь разноцвѣтныя стекла стрѣльчатыхъ оконъ, представляетъ что-то величественное и таинственное, выражая собою пареніе человѣческаго духа отъ земнаго къ небесному.

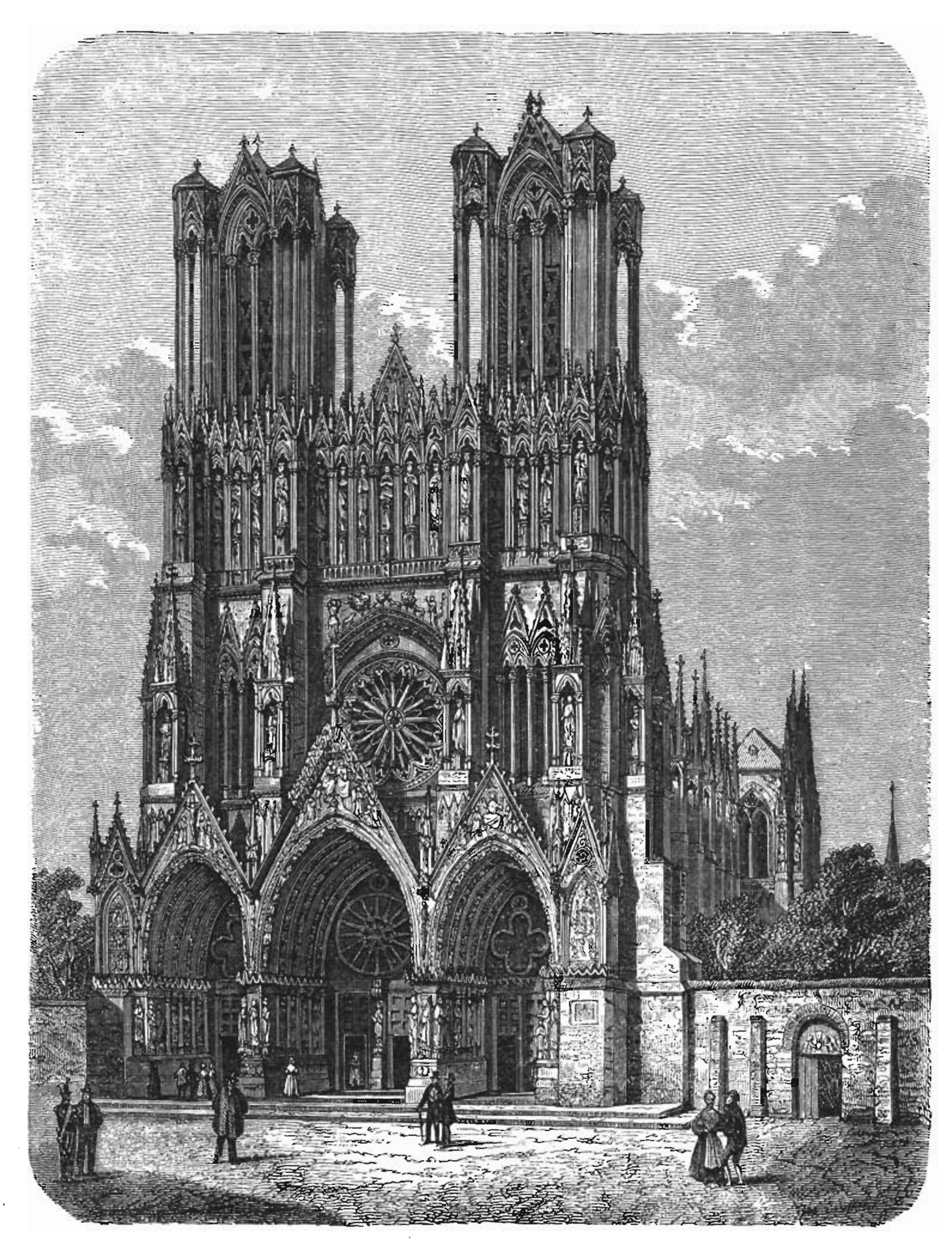
Сущность готическаго стиля лучше всего выражается на церковныхъ зданіяхъ, такъ какъ этотъ стиль проявляется въ первый разъ и развивается до высшаго совершенства на этихъ сооруженіяхъ. *Основный планъ* и главное расположеніе готическихъ церквей — въ сущности тѣ же самые, что и въ романскихъ сводчатыхъ базиликахъ, хотя и съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями. Соборные храмы состоятъ изъ нѣсколько приподнятаго *хора*, доступнаго только для духовныхъ лицъ, гдѣ находится главный алтарь, изъ средняго нефа, осѣненнаго высшимъ кровомъ, куда входятъ богато-украшеннымъ главнымъ *порталомъ*, и изъ двухъ

или четырехъ боковыхъ нефовъ, отдѣленныхъ отъ середины легкими колоннами и стрѣльчатыми арками, въ которыя ведутъ два малые портала. Все вмѣстѣ поддерживается громадными *подстрѣлинами*.

Замѣчательнѣйшіе памятники готическаго стиля суть слѣдующіе: въ Германіи: Кельнскій соборъ (р. 1), котораго обѣ чудесныя башни еще не достроены, Страсбургскій мюнстеръ, у котораго одна башня, проектированная великимъ мастеромъ Эрвиномъ фонъ-Штейнбахомъ (въ Баденской области † 1318 г.), окончена въ 1439 г., великолѣпный Фрейбургскій соборъ, соборъ Антверпенскій, церковь св. Стефана въ Вѣнѣ, и др.; во Франціи: соборъ парижской Богоматери, Реймскій, (см. рис. 3), и др.; въ Англіи: Вестминстерское аббатство, (рис. 5), церковь въ Іоркѣ и многія другія зданія.

Въ Италіи готическій стиль оставался всегда скорѣе постороннимъ элементомъ, чѣмъ самобытнымъ стилемъ, вслѣдствіе чего этотъ стиль и не могъ достигнуть въ этой странѣ самостоятельнаго развитія. Находящіеся здѣсь памятники готическаго стиля далеко не выражаютъ того стремленія вверхъ (одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ готическаго стиля), какимъ отличаются готическія сооруженія въ другихъ странахъ, — а скорѣе обнаруживаютъ стремленіе къ распространенію въ ширину, въ особенности во внутреннихъ помѣщеніяхъ. Они не производятъ того величественнаго впечатлѣнія, какъ соборы по сю сторону Альпъ, но все-таки дѣйствуютъ на васъ благодѣтельнымъ образомъ, благодаря тому успокоительному впечатлѣнію, которое производитъ на душу человѣка чувство простора, и богатству украшеній.

Миланскій соборъ, изображенный на прилагаемомъ при этомъ рисункѣ 4-мъ, — самый величественный памятникъ готическаго стиля въ Италіи, хотя его стиль и не соотвѣтствуетъ идеѣ настоящаго готическаго стиля, а скорѣе представляетъ смѣсь готики съ стилемъ возрожденія (renaissance), которая производила бы чрезвычайно непріятное впечатлѣніе, еслибъ этотъ недостатокъ не выкупался совершенствомъ исполненія, превосходнымъ матеріаломъ, именно бѣлымъ мраморомъ, величественностью размѣровъ и тѣмъ торжественнымъ впечатлѣніемъ, какое производитъ внутренность собора, освѣщеннаго слабымъ свѣтомъ дня, пробивающимся сквозь расноцвѣтныя стекла.

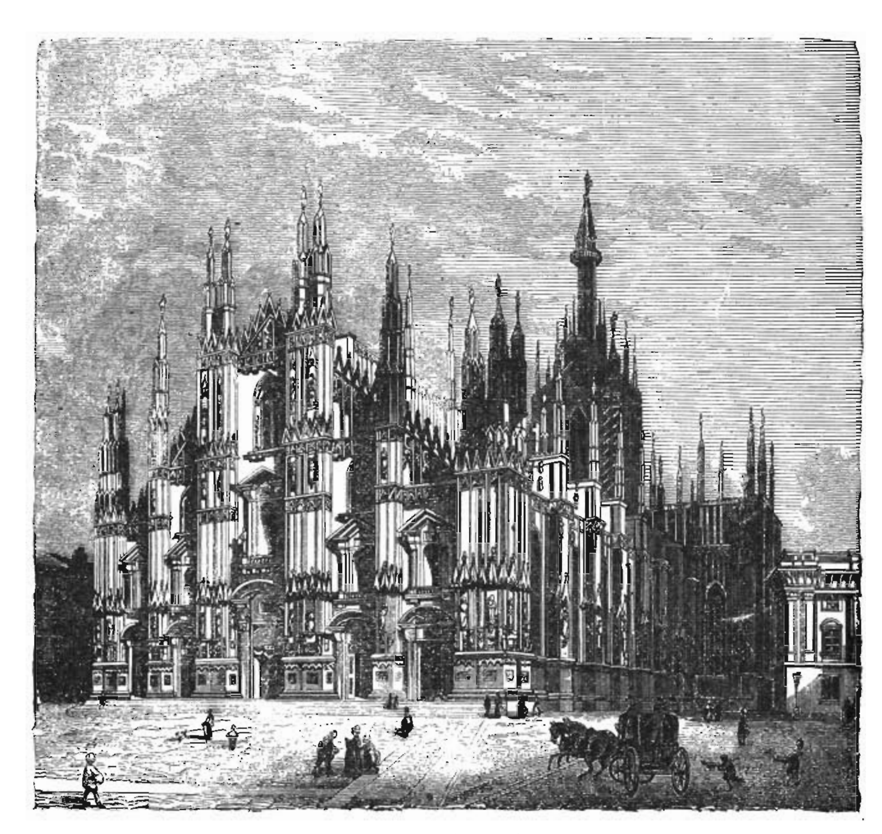
3. Реймскій соборъ.

(Продолженіе будетъ).

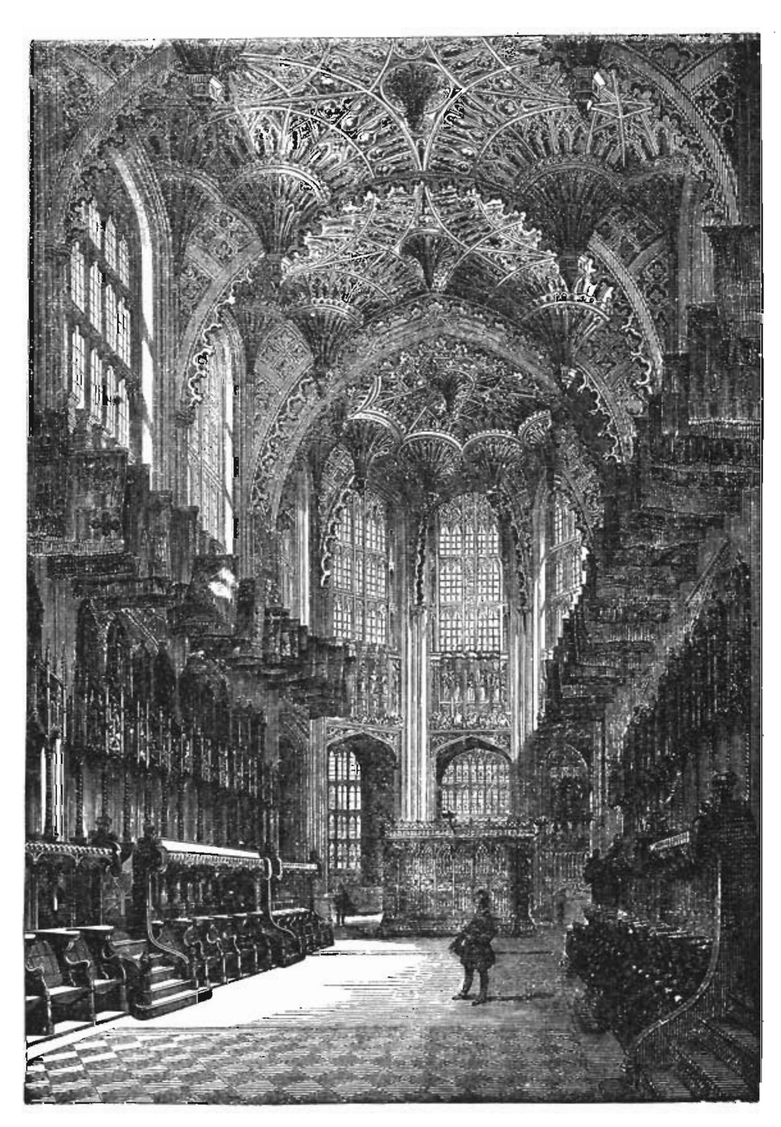
Внутреннее обозрѣніе.

Въ будущемъ году, въ Москвѣ предполагается открытіе политехнической выставки. Устройство помѣщенія, вызовъ желающихъ участвовать въ выставкѣ и вообще всѣ подготовительныя работы по этому предмету приняло на себя «Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи», которому принадлежитъ и самый замыселъ дѣла. Успѣхъ устроенной Обществомъ въ 1867 году этнографической выставки побудилъ его продолжать осуществленіе тѣхъ

цѣлей, которыя имѣлись въ виду при основаніи Общества (распространеніе научныхъ свѣденій по естествознанію, — и устроить такую выставку, которая нагляднымъ образомъ знакомила бы каждаго съ практическими выгодами научныхъ открытій и изобрѣтеній. Но одной этой цѣли было бы недостаточно; а потому Общество задумало соединить прикладную часть естествознанія — съ частью чисто-научною, чтобы тѣмъ облегчить возможность изученія предметовъ изъ всѣхъ трехъ царствъ природы, посредствомъ ихъ сопоставленія и сравненія. Вслѣдствіе этого выставка будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: естественно - историческаго и политехническаго. Въ первый отдѣлъ войдутъ различныя минералогическія, ботаническія и зоологическія коллекціи, собраніе ветеринарныхъ, медицинскихъ орудій и инструментовъ, различные промысловые снаряды и пр. Во второмъ — будутъ помѣщены такіе предметы, которые имѣютъ прямое приложеніе въ жизни или какимъ-нибудь образомъ служатъ къ уясненію законовъ и выводовъ чистой науки. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ аппараты для фотографіи; машины и аппараты по общей механикѣ, отдѣльныя части машинъ, счетчики, динамометры, мѣры, гидравлическія машины, принадлежности паровиковъ, газодѣйствующія машины, электромагнитные двигатели, ручные инструменты, телеграфы, станки прядильные, ткацкіе и т. п. Сверхъ того могутъ быть устроены обсерваторія съ телескопами и другими приборами, маякъ, телеграфныя станціи, сигнальные снаряды, панорама, водолазный колоколъ, аппараты Галибера, автоматы, аппараты для добыванія и оцѣнки газа, и т. д. Къ этому же отдѣлу принадлежатъ коллекціи матеріаловъ и снарядовъ для освѣщенія, отопленія и вентиляціи, коллекціи промышленныхъ предметовъ и снаряды для ихъ обработки.

4. Миланскій соборъ.

Часовня Генриха VII въ Вестминстерскомъ аббатствѣ въ Лондонѣ.

Изъ этого перечня главнѣйшихъ предметовъ и отдѣловъ выставки можно вывести то заключеніе, что она не ограничивается однимъ только значеніемъ своимъ для промышленности; но, по мысли учредителей, должна имѣть и образовательное вліяніе на публику. При недостаткѣ у насъ промышленныхъ и политехническихъ музеевъ, предпріятіе такого рода, несмотря на свой временной характеръ, безспорно принесетъ не малую пользу для всѣхъ, кому не чужды интересы науки и промышленности. Единственное въ своемъ родѣ учрежденіе у насъ и даже въ Европѣ — представляетъ въ высшей степени поучительный матерьялъ для естественно-научнаго изслѣдованія; но музей этотъ имѣетъ ту существенную особенность, что большая часть выставленныхъ въ немъ предметовъ и коллекцій пріурочена къ одной сель-

скохозяйственной цѣли, а слѣдовательно, не можетъ замѣнить собою музея политехническаго, въ которомъ сосредоточиваются предметы по всѣмъ отраслямъ промышленности — и притомъ такимъ образомъ, что каждая изъ нихъ можетъ быть изучена какъ въ отдѣльности, такъ и въ совокупности съ другими, ей родственными. Было бы очень полезно, если бы при разстановкѣ предметовъ и коллекцій по различнымъ отдѣламъ было обращено вниманіе на наглядность, чтобы такимъ образомъ все существенное въ промышленности бросалось въ глаза при первомъ взглядѣ, а не терялось бы въ кучѣ подробностей и всяческихъ декоративныхъ принадлежностей. Въ высшей степени желательно также, чтобы при этомъ имѣлось въ виду показать, съ одной стороны — полную зависимость успѣховъ промышленности отъ естественно-научныхъ открытій и изобрѣтеній, а съ другой — связь самыхъ естественныхъ наукъ между собою; такъ-что напр. отдѣлъ физики долженъ предшествовать отдѣлу механики, метеорологическому, оптическому и т. далѣе, отдѣлъ химическихъ принадлежностей — физіологическому, сельскохозяйственному отдѣламъ и проч. При такомъ распредѣленіи предметовъ по отдѣламъ, посѣтителю не трудно будетъ замѣтить тѣ вклады, которые дѣлаетъ одна наука въ другую, а также какой разумный обмѣнъ услугъ существуетъ между различными отраслями естествознанія. Изъ московской корреспонденціи «Русскаго Міра» можно заключить, что это послѣднее условіе имѣлось ввиду при распредѣленіи мѣстъ подъ различные отдѣлы выставки, такъ что посѣтителямъ будетъ наглядно представляться связь, существующая между различными предметами выставки.

Предварительно устройству помѣщенія для выставки, командированы были Обществомъ за границу члены спеціальныхъ коммисій, для того чтобы «ознакомиться на мѣстѣ съ европейскими музеями, осмотрѣть существующія тамъ выставки, произвести нужные заказы и установить непосредственныя сношенія съ нѣкоторыми европейскими обществами и учеными». По извѣстіямъ «Голоса», въ Лондонѣ русское предпріятіе встрѣтило особенное сочувствіе. Въ Берлинѣ основанъ подкомитетъ, который будетъ органомъ московскаго комитета для всей Германіи. Въ этомъ городѣ нѣсколько десятковъ экспонентовъ заявили уже желаніе участвовать въ нашей выставкѣ.

Открытіе выставки предполагается соединить съ празднованіемъ двухсотлѣтней годовщины рожденія императора Петра Великаго, т. е. съ 30 мая 1872 г. Нельзя не признать, что сліяніе этихъ двухъ празднествъ — мысль весьма счастливая. Въ самомъ дѣлѣ, кому какъ не Великому Основателю русской фабричной и мануфактурной промышленности были близки сердцу ея интересы и интересы тѣхъ наукъ, которыя даютъ значеніе и жизнь промышленности? Съ чьимъ именемъ можетъ быть болѣе соединено настоящее развитіе у насъ и этой промышленности, и этихъ наукъ какъ не съ именемъ Великаго Преобразователя? Къ тому же, весеннее время, назначенное для выставки, во многихъ отношеніяхъ представляетъ болѣе удобствъ чѣмъ какое-нибудь другое; то же самое должно сказать и о выборѣ мѣста. По своему центральному положенію, среди фабричной и заводской дѣятельности нашей, Москва представляетъ много преимуществъ передъ Петербургомъ и другими городами Россіи. Для выставки отведено мѣсто въ трехъ кремлевскихъ садахъ и московскій экзерцпргаузъ. Работы по устройству выставки начались съ конца минувшаго лѣта и, по слухамъ, быстро подвигаются впередъ. Въ одномъ изъ садовъ, надъ Троицкимъ мостомъ, устроивается императорскій павильонъ, а вблизи его, строится огромный ресторанъ, постройка котораго займетъ не менѣе 50 саженъ по фасаду. Въ круглой залѣ ресторана будетъ устроенъ общій столъ (table d'hôte) на 300 человѣкъ. Судя по описанію «Русскихъ Вѣдомостей», заведеніе это будетъ нѣчто необыкновенно-эфектное. «Всѣхъ залъ, кромѣ средней, будетъ 10. Вдоль всего строенія протянута будетъ крытая галлерея; такая же галлерея пойдетъ внизу, за круглой залой, по срединѣ. Кухни и погреба помѣщены будутъ внутри сводовъ, соединяющихъ оба сада, а кладовыя — подъ постройками, идущими паралельно мосту. На площадкѣ, передъ главнымъ входомъ ведущимъ съ двухъ сторонъ прямо въ круглую залу, выстроенъ будетъ открытый павильонъ для оркестра, а по обѣимъ сторонамъ его устроено будетъ по фонтану, струи которыхъ, поднимаясь дугообразно, будутъ соединяться надъ павильономъ. Въ огромныхъ бассейнахъ будетъ плавать множество рыбы, которую, по мѣрѣ требованія посѣтителей, будутъ ловить рыбакъ и рыбачка, въ русскомъ національномъ костюмѣ. Прибавивъ къ этому роскошный партеръ цвѣтовъ, множество пестрыхъ флаговъ, музыку, а вечеромъ блистательное освѣщеніе бенгальскимъ огнемъ, легко можно представить себѣ, что этотъ ресторанъ уже одной своей обстановкой будетъ привлекать къ себѣ не мало посѣтителей. Всѣ залы, съ боковыми галлереями, легко будутъ вмѣщать до 1000 посѣтителей; прислуги будетъ до 100 человѣкъ: что же касается до практической стороны дѣла, т. е. до кулинарнаго искусства, то за это ручается извѣстность г. Гашедуа, извѣстнаго московскаго ресторатора».

Противъ этого красиваго зданія предполагаютъ устроить водопадъ, шириною въ 50 саженъ (!) и вышиною въ уровень кремлевской стѣны. При роскошномъ освѣщеніи, онъ будетъ представлять нѣчто волшебное, сказочное. Неизвѣстно только, хватитъ ли для него воды изъ московскихъ вмѣстилищъ, которыя, какъ слышно, въ этомъ отношеніи не особенно богаты, а потому, вѣроятно, заставятъ отказаться отъ этой послѣдней затѣи.

Весьма оригинально будетъ устроенъ морской отдѣлъ, который занимаетъ пространство въ 50 саженъ по набережной Москвы-рѣки: онъ будетъ состоять изъ 50 желѣзныхъ арокъ, съ четырмя отдѣльными павильонами; вся постройка будетъ имѣть видъ судна, на одномъ концѣ котораго будетъ развѣваться военный флагъ, а на другой — коммерческій. Г. фонъ-деръ-Маде (голландецъ) устроиваетъ въ морскомъ отдѣлѣ «Саардамскій домикъ». Музыкальнымъ отдѣломъ завѣдываетъ г. Карлъ Давидовъ, извѣстный нашъ артистъ, бывшій студентъ московскаго университета и, затѣмъ, профессоръ Лейпцигской консерваторіи. На выставкѣ будутъ читаться публичныя лекціи. Профессоръ Овсянниковъ устроитъ искуственное разведеніе стерлядей — этотъ на столько-же интересный, насколько поучительный научный опытъ, и т. д., и т. далѣе. Однимъ словомъ, выставка эта, по характеру своему, будетъ совершенно отличаться отъ бывшихъ у насъ до сихъ поръ и вѣроятно привлечетъ въ Москву массу народа со всѣхъ концовъ Россіи и даже Европы. Остается пожелать, чтобы въ виду огромнаго стеченія публики, приняты были своевременно мѣры противъ холерной эпидеміи, появленіе которой, при такихъ условіяхъ, болѣе чѣмъ вѣроятно.

Политическое обозрѣніе.

Во французской печати и въ обществѣ было много толковъ о рѣчахъ Тьера и Жюль-Симона, выражающихъ настроеніе нынѣшняго правительства Франціи. Рѣчь Тьера обращена была къ членамъ генеральнаго совѣта департамента Сены и Уазы, которые пожелали представиться президенту; она проливаетъ свѣтъ на дѣятельность этого государственнаго человѣка среди упорной борьбы различныхъ партій и имѣетъ важное политическое значеніе. Не причисляя себя ни къ какой партіи, Тьеръ объявляетъ, что въ качествѣ француза, любящаго свою родину, онъ всѣми си-

лами будетъ поддерживать республику, порученную ему народомъ; какъ другъ порядка, онъ желалъ бы видѣть и въ республиканцахъ стремленія поддержать этотъ порядокъ, чтобы тѣмъ внушить довѣріе къ этой формѣ правленія. Но послѣ рѣшительныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ для усмиренія парижскаго возстанія, настало время для умѣренности и снисходительности; освобожденіе же страны отъ несчастнаго прошедшаго должно быть окончено не оружіемъ, для котораго время уже миновало, а помощію труда, порядка и общихъ жертвъ. Въ заключеніе президентъ благодарилъ депутацію и префекта за одушевляющія ихъ мысли и стремленія. Эта «умѣренная» рѣчъ принята была общественнымъ мнѣніемъ съ живѣйшею радостью; каждая изъ партій толкуетъ ее въ свою пользу, находя въ то-же время подтвержденіе ей въ рѣчи министра народнаго просвѣщенія, Жюль-Симона. Этотъ ловкій политическій дѣятель, удержавшій за собой министерство несмотря на всевозможныя политическія бури, произнесъ длинную рѣчь въ засѣданіи франц. академіи наукъ, на которомъ присутствовалъ и Тьеръ. Министръ жестоко бичуетъ нынѣшнее французское правительство, находя, что своею нравственною, умственною и гражданскою испорченностью оно подготовило себѣ паденіе еще задолго до Седана. Нарисовавъ мрачную картину, Жюль-Симонъ старается однако ободрить французовъ указаніемъ на прошлое ихъ отечества, такъ много сдѣлавшаго для цивилизаціи. Въ настоящее время французамъ предстоитъ одержать побѣду надъ собою и этимъ средствомъ исцѣлить Францію отъ ея внутренняго разложенія. Такимъ образомъ, взгляды на этотъ предметъ президент. франц. республики и министра народнаго просвѣщенія сходятся. Остается убѣдиться, въ какой мѣрѣ проэктъ новаго закона о народномъ обученіи, предполагаемый министерствомъ, можетъ обезпечить для страны просвѣщеніе, въ которомъ она такъ сильно нуждается.

Иностранныя газеты приводятъ много подробностей о возвращеніи чешскихъ депутатовъ въ Прагу послѣ неудавшагося соглашенія ихъ съ нѣмцами. Пріемъ, сдѣланный имъ представителями города, депутатами отъ окрестныхъ обществъ, и народомъ, отличается восторженностью и сильнымъ приливомъ національнаго чувства.

Произошли стычки народа съ полицейскими, при чемъ произведено было много арестовъ; нумера нѣкоторыхъ газетъ были отобраны полиціею; городскія общества провинціальныхъ городовъ, желая выразить сочувствіе павшему министерству Гогенварта, избираютъ членовъ его почетными гражданами. Нѣмцы, съ своей стороны, торжествуя побѣду, производятъ демонстраціи противъ чеховъ въ театрахъ и клубахъ. Въ день отставки гр. Гогенварта вся Вѣна была иллюминована и расцвѣчена флагами.

Смѣсь.

Театральная роскошь древнихъ Римлянъ. Мы удивляемся великолѣпію и роскоши, съ какими обставлены въ настоящее время балеты и оперы. Но что это въ сравненіи съ театральною роскошью древнихъ римлянъ? Такимъ образомъ, напримѣръ, театръ, назначавшійся всего только для четырехъ недѣль, былъ построенъ эдилемъ М. Скаурусомъ въ три этажа и украшенъ тремя тысячами бронзовыхъ статуй; въ этомъ театрѣ помѣщалось 80,000 человѣкъ. — Трибунъ Скрибонесъ Куріо построилъ два полукруглыхъ деревянныхъ театра, которые, смотря по надобности, придвигались другъ къ другу, для того, чтобы образовать собою овальный амфитеатръ для гладіаторовъ. Для защиты отъ солнца надъ этими театрами, которыхъ вслѣдствіе ихъ громадной величины нельзя было покрыть крышею, раскидывался шелковый наметъ пурпуроваго цвѣта, вышитый золотомъ. Первый каменный театръ, вмѣщавшій въ себѣ 40,000 человѣкъ, былъ построенъ Помпеемъ. Богатые римляне строили, въ угодность народу, такіе же громадные театры и убирали ихъ съ величайшимъ великолѣпіемъ колоннами, картинами и обоями. Роскошь и расточительность достигли такой степени, что употреблявшіяся при представленіяхъ машины оковывались серебромъ; во время одного изъ подобныхъ представленій, Помпей, чтобы выказать свое богатство, приказалъ пронести по сценѣ въ торжественной процессіи 3,000 золотыхъ чашъ, принадлежавшихъ ему.— Величайшее сооруженіе подобнаго рода представляютъ существующіе еще и теперь въ Римѣ развалины Колизея, громаднаго амфитеатра для гладіаторовъ и травли звѣрей, гдѣ находилось девять тысячь сидѣній для зрителей (См. «Нива» № 00 «Римская архитектура»).

Для охотниковъ. Въ Силезской газетѣ поднятъ вопросъ: не пора ли перестать стрѣлять весною вальдшнеповъ. Многолѣтній опытъ учитъ, что тамъ, гдѣ ихъ не стрѣляютъ весною, на сколько нибудь значительномъ протяженіи, они остаются и выводятъ птенцовъ. Этимъ открытіемъ обязаны распоряженію герцога Ратибора, запретившаго тревожить вальшнеповъ въ одномъ лѣсномъ округѣ, гдѣ ихъ было особенно много весною. Въ этомъ округѣ вальдшнепы водятся цѣлое лѣто—и въ августѣ мѣсяцѣ легко отличить молодыхъ вальдшнеповъ отъ старыхъ. Но и въ тѣхъ лѣсныхъ областяхъ, гдѣ вальдшнепы не выводятъ птенцовъ, вмѣсто каждаго худаго вальдшнепа, незастрѣленнаго весною, является по малой мѣрѣ два отлично-выкормленныхъ.

Для пьющихъ. Приготовленіе водки изъ разныхъ остатковъ, новая отрасль промышленности, открытая въ Чикаго шотландцемъ Петеромъ Робинзономъ, обѣщаетъ такія выгоды, которыя способны смягчить приговоры проповѣдниковъ трезвости и отвращеніе эстетическихъ умовъ. Собираютъ всякій домашній соръ, всевозможныя остатки и объѣдки, мертвыхъ крысъ, гнилые капустныя листья, словомъ всякую дрянь; варятъ всю эту смѣсь впродолженіи 6-ти часовъ, при 212 градусахъ по Фаренгейту, снимая сверху жиръ, который идетъ потомъ для приготовленія мыла, и добываютъ изъ остальной жидкости посредствомъ броженія и перегонки отличный чистый алкоголь, въ которомъ только немного больше гари, чѣмъ въ настоящемъ. Тѣлега подобной дряни (10 бочекъ) даетъ среднимъ числомъ 30 фунтовъ мыльнаго сала и 40 галлоновъ алкоголя въ 90 градусовъ, такъ что изъ собранныхъ въ Чикаго остатковъ можно получать еженедѣльно до 15,000 фунтовъ сала и до 30,000 галлоновъ водки. Вопросъ о томъ, долженъ-ли быть обложенъ податью, подобно обыкновенному алкоголю, этотъ новый алкоголь назначающійся будто бы только для фабричнаго производства, но въ сущности какъ нельзя лучше годный для приготовленія водки,—еще не рѣшенъ, но конечно рѣшится утвердительно. Особая компанія, занимающаяся съ нѣкотораго времени въ Чикаго этою отраслью промышленности, предложила цинцинатскому Обществу заботящихся о пользѣ (Fertilizing Company) одно изъ двухъ: или уступить ему свой патентъ на этотъ городъ за 20,000 долларовъ вознагражденія, или же взять на себя эту промышленность за 8,000 долларовъ и половинную долю чистаго барыша.

Величайшій почтамтъ въ свѣтѣ—это безъ сомнѣнія лондонская восточная компанія. Она поддерживаетъ посредствомъ своихъ многочисленныхъ пароходовъ постоянныя правильныя сношенія съ Испаніей, Франціей, Мальтой, Египтомъ, Аравіей, Цейлономъ, со всѣми берегами Индіи, Австраліи, Китая и Японіи. Нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній, совершающихся на разстояніи 10 — 13,000 миль пути, ведутся такъ правильно, что пароходы, большею частію, только нѣсколькими минутами приходятъ раньше или позже. Изъ 12,600 чиновниковъ этой компаніи, 8,000 находятся почти всегда въ морѣ, на которомъ нибудь изъ ея 53 пароходовъ или различныхъ парусныхъ транспортныхъ судовъ. Кромѣ того, 170 парусныхъ судовъ этой ком-

ненiи, назначенныхъ для доставки угля на различныя станцiи, остаются безъ дѣйствiя почти только во время нагрузки и выгрузки. На всѣхъ вообще судахъ этой компанiи плыветъ ежедневно среднимъ числомъ, включая сюда же всѣхъ ея чиновниковъ, матросовъ и пассажировъ, до десяти тысячъ человѣкъ, не говоря уже о миллiонахъ писемъ и пакетовъ, сохраняющихъ въ живой связи между собою всѣ гавани и страны свѣта.

Игорный домъ въ Гонконгѣ. Если англичане считаютъ грѣхомъ предаваться у себя въ домѣ въ воскресенье самымъ невиннымъ удовольствiямъ; если они не терпятъ въ своемъ отечествѣ ни лоттереи, ни зеленаго стола, то всякiй, кому случалось видѣть, какое множество ихъ съѣзжается въ Эмсъ или Баденъ-Баденъ, знаетъ, что для нравственнаго Джонъ-Булля тутъ вовсе ужь не такъ худо. Поэтому-то нечего удивляться, если англичанинъ, избѣгающiй зеленаго сукна на европейскомъ континентѣ или Гельголандѣ, обтягиваетъ имъ свой собственный столъ въ Гонконгѣ, и точно также нечего удивляться и тому что англiйское правительство, какъ бы оно высоко ни ставило себя въ нравственномъ отношенiи, очень не прочь видѣть червонцы своихъ игролюбивыхъ подданныхъ въ своемъ карманѣ. Такъ напр. газета «Overland China Mail» пишетъ, что въ нынѣшнемъ году концессiи на игорныя дома продавались въ Гонконгѣ съ публичнаго торгу въ правительственномъ зданiи. Благодаря набавкѣ Но-а-Зика (No-ah-Sik), владѣльца Гирамъ-Гонга, англiйское правительство выиграло при этомъ 15,800 долларовъ въ мѣсяцъ; 2,500 больше чѣмъ въ прошломъ году.

Материнская гордость. Въ Америкѣ принять теперь англiйскiй обычай устраивать выставки дѣтей и выдавать премiю матери самаго образованнаго маленькаго гражданина свѣта. Подобная выставка была сдѣлана недавно въ Седаръ-Рапидсѣ. На нее явилось шестьдесятъ три матери, каждая съ своимъ ребенкомъ, и имъ, какъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ судьямъ, было предоставлено избрать большинствомъ голосовъ самаго лучшаго ребенка для присужденiя ему премiи. Голоса были собраны, оказалось, что выборъ палъ на шестьдесятъ три ребенка. Каждая мать нашла своего ребенка прекраснымъ. Среди всеобщаго смѣха выставка кончилась безъ всякаго результата.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПОПРАВКА. — Въ № 40 „Нивы" въ объявленiи музыкальнаго магазина Г. Юргенсона, ошибочно поставлена цѣна 1 р. вмѣсто 5 р. за элементарную школу для фортепiано, Врассеръ и Iотти.

Дозволено цензурою 29 Октября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Тип. [illegible] № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 8 ноября 1871 года.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

О подпискѣ на журналъ «НИВА» въ 1872 году.

Открывъ подписку на будущій 1872 годъ и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы“, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ **заранѣе** высылать свои требованія вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы“.

Такъ какъ „Нива“ преимущественно назначается **для семейнаго чтенія** и вслѣдствіе заявленнаго многими изъ нашихъ подписчиковъ желанія получать въ „Нивѣ“ извѣстія о модахъ съ рисунками, — мы, спѣша какъ всегда удовлетворить потребности нашихъ читателей, рѣшились прилагать **ежемѣсячное модное обозрѣніе съ рисунками парижскихъ модъ, не увеличивая подписной цѣны на нашъ журналъ,** при полнотѣ и общедоступности его наидешевѣйшій въ Россіи. Необходимыя приготовленія для введенія новаго отдѣла настолько уже сдѣланы, что мы можемъ обѣщать модные рисунки до истеченія нынѣшняго 1871 года.

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа съ 200—250 художественно-выполненными рисунками.

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 руб.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 к.	Для иногородныхъ съ пересылкой и упаковкой.	5 »

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

В. И. КЕЛЬСІЕВА.

(Продолженіе).

VIII.

Сватовство.

Убранство хоромъ боярина Куроѣдова было смѣсью заморскаго съ русскимъ, самодѣльщины съ издѣліями хитрыхъ нѣмцовъ. Воевода не у дѣлъ, изъ великопомѣстныхъ, вызванный на житье въ новопостроенный городъ Санктъ-Питербурхъ, двинулся съ родомъ и съ племенемъ, съ чадами и домочадцами. Дворня — человѣкъ пятьдесятъ — конечно перевезена была вполнѣ. Оно пожалуй было и не лишнее, потому что имѣть своихъ дѣльцовъ про всякую подѣлку было необходимо; гдѣ тутъ искать нѣмцовъ мастеровыхъ—они другъ друга знаютъ, а къ себѣ и не допросишься, да и не поймешь языка ихъ. Нужны были конюхи за лошадьми ходить. Къ конюшнѣ нужны были кузнецы. Для дому — всякіе рабочіе отъ плотника до столяра. Чтобы хозяйство шло на стать, слѣдовало имѣть по крайней мѣрѣ трехъ кухарей; а такъ какъ изготовлять обильные столы въ скудной мясомъ сторонѣ было бы слишкомъ отяготительно, то при переселеніи захватили весь дворовый скотъ съ коровницами, птичницами и прочей прислугой скотнаго двора, забрали и ткачей, и ткачихъ, и мастерицъ хамовное дѣло смыслящихъ, да и портныхъ своихъ нельзя было не взять, такъ что усадьба заслуженнаго человѣка на Городскомъ острову едва-едва размѣстилась на довольно-порядочномъ пространствѣ, да и то потѣснясь.

Старикъ Куроѣдовъ, сбривши бороду и одѣвшись по нѣмецки, все-таки твердо и неукоснительно держался старыхъ русскихъ обычаевъ. Углы были убраны иконами и предъ ними горѣли неугасимыя лампады; по стѣнамъ тянулись лавки, крытыя краснымъ сукномъ, по тутъ же стояли и стулья, и кресла, тутъ же были и часы съ курантами. Тутъ же на стѣнахъ висѣли портретъ Государя въ преображенскомъ кафтанѣ и масляная картина, довольно не дурной работы, изображавшая «семь чувствій» — характерныя головы, лица которыхъ преимущественнымъ выраженіемъ своимъ напоминали одно о зрѣніи, другое о слухѣ и т. д.

На поставцѣ съ посудою стояло подъ банкой чучело райской птицы съ яхонтовымъ горлышкомъ, съ изумруднымъ затылочкомъ и съ рубиновымъ хвостикомъ. Надъ нимъ — изображеніе ввода фрегатовъ 9 Сентября 1714 г., Зубовская гравюра, купленная въ книжной лавкѣ типографіи и отдѣланная въ чорной флемованной рамѣ подъ стекломъ.

На столѣ у боярина лежала только-что вышедшая изъ печати книга, одна изъ самыхъ первыхъ напечатанныхъ въ Россіи гражданскою печатью; это былъ «Прикладъ, како пишутся куплименты» руководство необходимое всѣмъ посѣщавшимъ ассамблею. Возлѣ нея лежала «Книга марсова», исторія военныхъ подвиговъ Петра, съ гравюрами.

Бояринъ и боярыня, Лукерья и младшій Куроѣдовъ сидѣли за вечернимъ столомъ. Бояринъ въ углу сидѣлъ, боярыня отъ него налѣво, Лукерья противъ матери, сынъ подлѣ отца; мужской полъ отъ иконъ направо, а женскій отъ иконъ налѣво. Столъ былъ покрытъ отмѣнно-чистой скатертью, а на столѣ предъ каждымъ стоялъ какъ слѣдуетъ приборъ: глубокая и мелкая фаянсовая тарелка, росписанная синимъ узоромъ. Около стола стояло человѣкъ двадцать прислуги— и какъ только миса со щами оказалась пустою, ее сняли со стола и замѣнили блюдомъ съ разварной рыбой. Раздѣлялъ на части отецъ семейства, а слуги разносили. Ужинъ шелъ чинно: первое дѣло, при холопахъ говорить много не приходилось; во вторыхъ, съ пищей, даромъ Божьимъ, небрежно обходиться и подавно нельзя было. За столомъ подобаютъ разговоры не простые, а такіе чтобъ учительные были, чтобъ и чадамъ и домочадцамъ шли бы они въ назиданіе.

— А что же твоего шведа не видать? спрашивалъ бояринъ у дочери: — что-то частенько сталъ отлучаться твой учитель — многому ли выучитъ-то онъ тебя этакъ?

— Да что-же, батюшка, отвѣчала Лукерья, —я нынче по нѣмецки говорю, вотъ по шведски только не всякое слово понимаю...

— Да это на что? Шведовъ у насъ видимо не видимо — въ кабалу къ намъ идутъ, а мы ихъ языку станемъ учиться!

— Ну, а танцовать минуэтъ, кланяться и держать себя — самъ посмотри, какъ умѣю; вотъ хоть на будущей ассамблеѣ....

— А что же, прежде-то развѣ не умѣла? Чему же тутъ учиться?.. Или вы какъ особенно кланяетесь?.. Ну, ладно, вотъ посмотрю...

Ужинъ приближался уже къ концу, какъ вдругъ дверь распахнулась и опрометью вбѣжалъ старшій ключникъ.

— Государь, сказалъ онъ,—Царица къ тебѣ въ гости пріѣхала.

Всѣ сидѣвшіе за столомъ поднялись на ноги, и какъ испуганныя птицы разсѣялись по коморкамъ.

Царица между тѣмъ медлепно и съ повагой выходила изъ кареты. Съ ней были Анисья Кириловна Толстая да княжна Марья Ѳедоровна Вяземская. Государыня была въ темнокрасномъ робронѣ, убранномъ на груди жемчужными нитками; на ней накинута была темнозеленая бархатная шубка, на головѣ соболья шапка, форма которой напоминала старинные капоры съ отворотами. Она шла, опираясь на плеча своихъ спутницъ, тоже въ матерчатыхъ шубкахъ. Звонкій смѣхъ Анисьи Кириловны, какъ и всегда, весело раздавался по лѣстницѣ. Она щебетала безъ умолку. Самая странность исчезновенія хозяевъ и непринятіе у входа какъ слѣдуетъ — дали обильную пищу ея остроумію. Государыня тоже улыбалась, унимая рѣзвую не по лѣтамъ шалунью.

— Полно, полно, что о насъ подумаютъ! говорила она, вступая наконецъ въ ту комнату, гдѣ сію минуту кушало семейство Куроѣдова.

Тамъ уже никого не было; но едва Екатерина переступила порогъ, какъ распахнулась противоположная дверь—и въ синемъ саксонскомъ кафтанѣ, въ безукориз-

ненно-напудренномъ парикѣ, вышелъ хозяинъ, низко кланяясь, какъ только завидѣлъ Государыню. Государыня ласково отвѣтила на поклонъ кивкомъ высочайшей головы; затѣмъ онъ подошелъ къ ея рукѣ, и получилъ легкій поцѣлуй въ лобъ.

— Матушка Царица, сказалъ онъ,—какими это судьбами! Сказали — ушамъ не повѣрилъ, вижу — глазамъ не вѣрю.

— Я люблю знакомиться съ сосѣдями, отвѣчала Государыня, — слышу что вы совсѣмъ къ намъ перебрались — вотъ я и пріѣхала...

— Спасибо, Государыня Царица, вѣкъ не забуду сегодняшняго дня, всему роду племени закажу его справлять.

— А гдѣ же твои? спросила Государыня.

— Сейчасъ выйдутъ, позволь имъ только принарядиться и прихорошиться, потому что, Государыня Царица, даже и къ простой гостьѣ безъ наряда выходить невѣжливо, а кольми паче къ Царскому Величеству, говорилъ Куроѣдовъ, усаживая Государыню на самое почетное мѣсто.

Екатерина сѣла и около нея разсѣлись ея спутницы.

По характеру своему Екатерина легко сводила знакомство. Въ ея обращеніи не было ничего такого, что невольно сковывало решпектомъ; а напротивъ, съ перваго же слова ея, собесѣдники невольно поддавались ласковому обращенію. Особенно неотразима была сила ея улыбки, въ которой, несмотря на проглядывавшую хитрость, главнѣйше заключалась тайна умѣнья овладѣвать сердцами. Спасительница Государя при Прутѣ, его искренній другъ и единственный укротитель въ порывахъ гнѣва, добрѣйшее существо по природѣ, — эта женщина была подругою величайшаго изъ преобразователей. Петръ былъ весь — огонь и дѣло; Екатерина была воплощеніемъ удовольствій, которыя необходимы для отдыха отъ умственныхъ занятій. Супруги видѣлись въ теченіи дня не часто; это бывало въ тѣ минуты, когда Екатерина знала, что Петру нужно положить безпокойную, многодумную, усталую голову на дружеское плечо — и такое плечо подставила ему женщина, въ пріемахъ которой проглядывала золотая беззастѣнчивость, простота.

Только съ нею великій Петръ чувствовалъ себя запросто. Будь его жена ровня ему — нуждаться въ ея совѣтахъ вѣроятно было бы ему въ тягость, какъ съ Евдокіей Лопухиной, любившей своего державнаго супруга со всѣмъ пыломъ самой нѣжной и вполнѣ-безкорыстной страсти, но сознававшей, что она жена и царица. Дѣлиться мыслями уже получившими окончательную форму—Петръ очень любилъ со всѣми близкими; но никто не могъ подмѣтить въ лицѣ его, какъ созрѣвала идея. Вотъ такому-то человѣку нужно было, воротясь домой, встрѣтить ласковый привѣтъ женщины, всегда-показывавшей довольный видъ, когда супругъ ея былъ веселъ. Ничего не могло быть проще домашняго костюма Екатерины, состоявшаго изъ кофты и юпки; все отличіе отъ прислуги заключалось въ необыкновенной бѣлизнѣ, прочности и вмѣстѣ тонинѣ тканей да граціозности покроя. На пышныхъ праздникахъ Екатерина являлась въ бархатѣ и алмазахъ, всѣмъ расточая улыбки.

Дверь распахнулась — и вошла боярыня Куроѣдова. Она была въ объяринномъ сарафанѣ игольнаго цвѣта и такой же душегрѣйкѣ; на головѣ у ней была шапочка корабликомъ вишневаго бархата съ зелеными лентами. Въ рукахъ держала она подносъ съ кубкомъ мальвазіи,— и съ величайшимъ подобострастіемъ, хотя и неуклюже присѣдая, все ближе подходила къ Государынѣ, наклоняясь впередъ рыхлымъ тѣломъ. Государыня привстала, взяла кубокъ, и сказавъ: «желаю благополучія хозяину и всему дому», прикушала сладкое вино. Затѣмъ Екатерина поздоровалась съ хозяйкой. Придворныя дамы въ свою очередь подходили къ боярынѣ и цѣловались.

— Ваше Царское Величество, начала трепещущая боярыня,—за какія добродѣли дождались мы такой чести, что и въ нашу избу заглянуло Твое Величество?

— Давно собиралась, дай, думаю, посмотрю Куроѣдову, взяла да и поѣхала.

— А что, матушка, начала Анисья Кириловна, — благословилъ васъ Богъ семейкой? Много ли дѣтокъ-то?

— Благодареніе Богу, отвѣчала хозяйка,—двоихъ далъ Господь: сынъ и дочка есть...

— Покажите мнѣ ихъ, ласково проговорила Екатерина.

— Да, сынокъ-то у меня на службѣ царской, а дочку сейчасъ покличу, коли Твое Царское Величество приказываешь... Луша! крикнула она.

Снова послышался шорохъ и снова съ такимъ же глубокимъ поклономъ явилась предъ Государынею Лукерья. Она нарочно нарумянилась, потому что ей хотѣлось скрыть блѣдность; а блѣдна она была потому, что догадывалась о причинѣ такого невѣроятнаго посѣщенія,—да и какъ было тутъ не поблѣднѣть, когда судьба ея рѣшалась, когда вся ея жизнь была поставлена на карту. Не Государыни боялась Лукерья, а боялась она: съ чѣмъ государыня пріѣхала, или, что пуще того, не просватана ли она уже окончательно, что ей крѣпко думалось въ послѣднее время, потому что ужь больно усердно приданое ей шили, больно шушукались и посматривали на нее.

Лукерья подошла къ Государынѣ, горячо поцѣловала ея руку и потупила глаза. Государыня посадила ее подлѣ себя и внимательно смотрѣла на нее.

— Такъ вотъ какая у васъ дочка! — пора замужъ, смѣялась она ей прямо въ лицо.

— Молода еще, Государыня, отвѣчала поклонившись боярыня, съ видимымъ замѣшательствомъ.

— Я ей найду, да еще молодца-то какого; Государю моему службу большую сослужилъ и въ большомъ у него почетѣ, и хотя не большой человѣкъ, да хорошій и зѣло богатъ будетъ скоро.

Боярыня сидѣла такъ недвижно, какъ сидятъ египетскіе статуи, но вдругъ она ожила.

— Матушка, Государыня, ваше Царское Величество, а можно будетъ Твое Величество спросить: за кого наше дѣтище просватываешь? Дѣвка на порѣ и самая пора замужъ, только родовитъ ли будетъ зятекъ нашъ?

— Да что, матушка, толковать о родовитости! отрѣзала Анисья Кириловна, — кого Царь-Государь жалуетъ, тотъ и родовитъ будетъ. За Румянцова выдаетъ бояринъ Матвѣевъ дочку, а пожалуй и дѣда-то Александрова указать трудно: крестьянинъ или посадскій.

Бояринъ и боярыня не насупились только потому, что насупиться не смѣли.

— Это-то точно, заговорила боярыня, которая была (какъ вообще женщины) храбрѣе мужа, — кто родомъ теперь считается, времена теперь новыя. Да только, Государыня, дѣтище то свое.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Лукерья стояла, потупивъ голову.

— А сама-то хочешь замужъ? ласково обратилась Екатерина къ молодой дѣвушкѣ.

— Мое дѣло дѣвичье, Государыня, отвѣчала та, съ мольбою глядя на Царицу,—какъ прикажите вы съ родителями.

— Который тебѣ годъ?

— Семнадцатый, Государыня.

— Пора, пора.

Опять всѣ помолчали.

— Ваше Царское Величество, поднялся съ мѣста Куроѣдовъ,—ты скажи на прямоту, за кого ты, Государыня, дѣвку мою сватаешь.

— За Свѣшникова Константина, за человѣка близкаго къ царю, да и который свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу сродни приходится. А что насчетъ сватовства моего, воли вашей мы не снимаемъ; коли примете, спасибо скажу,—а не примете, лиха вашего поминать не буду. А женишокъ хоть куда — прокъ изъ него будетъ: человѣкъ молодой, можетъ скоро и въ воеводы угодить....

— Подумайте на досугѣ, а мы подождемъ... А можетъ у васъ есть кто на примѣтѣ?

Бояринъ и боярыня видимо смутились и только переглядывались другъ съ другомъ, а Луша поблѣднѣла какъ смерть.

— Знаю, знаю, сказала Екатерина, улыбаясь ласково молодой дѣвушкѣ,—слухомъ земля полнится; ничего, не тужи. А мой совѣтъ таковъ, бояринъ: дочку не неволь, это дѣло большое — на всю жизнь. Лучше сговоритесь ладкомъ.

И Государыня, съ очаровательной улыбкой, перешла къ домашнимъ дѣламъ Куроѣдовыхъ, распрашивала ихъ объ удобствѣ житья-бытья въ Питербурхѣ, о службѣ ихъ сына, и наконецъ стала прощаться, взявъ съ нихъ слово быть на слѣдующей ассамблеѣ и привезти Лукерью.

Проводивъ Государыню съ почетомъ до экипажа, Куроѣдовъ остановился передъ дочерью и долго пристально глядѣлъ ей въ глаза.

— Кто этотъ Свѣшниковъ? выгорилъ онъ строго и не спуская съ нея глазъ.

— Нашъ — ростовскій, отвѣчала Луша, закраснѣвшись и потупивъ взоръ.

— Это и есть Государева тайна, про которую ты говорила намъ? допрашивалъ онъ.

Лукерья вдругъ подняла на него кроткіе голубые глаза, сверкавшіе слезами.

— Батюшка, не гнѣвись, проговорила она молящимъ голосомъ, — что бы то ни было, кто бы меня ни сваталъ, я изъ твоей воли не выйду...

— Да скажи мнѣ толкомъ, кто изъ нихъ тебѣ милъ — Корсаковъ или этотъ проходимецъ?

Луша молчала, съ какою-то нѣжностью и какъ-бы съ сожалѣніемъ глядя на отца; грудь ея высоко приподнималась; видно было, что въ ней совершается борьба: сказать или не сказывать...

— Ну, еслибъ я далъ тебѣ самой на выборъ: за кого бы ты пошла?

Луша недовѣрчиво глянула на отца.

— Ну, говори...

— А позволилъ бы ты мнѣ, батюшка, остаться при тебѣ... покорной, доброй, любящей дочерью?

— Да ты въ своемъ умѣ, дѣвка?.. Такъ таки ни за того, ни за другаго и не пошла бы.

— Не пошла-бы, твердо отвѣтила Лукерья, обвивъ руками отца за шею и больше не выдержала; рыданія такъ и хлынули изъ стѣсненной груди.

(Продолженіе будетъ).

Великая княгиня Ольга Константиновна

Греческая королева.

Великая Княгиня Ольга Константиновна, королева Эллиновъ, родилась 1851 г., 22 августа; съ 15 октября 1867 г. въ супружествѣ съ Его Величествомъ королемъ Эллиновъ, Георгомъ I. У нихъ дѣти: 1) Константинъ (Десмосфенъ-Генрихъ), наслѣдный принцъ, родился 21 іюля (2 августа) 1868 года; 2) Георгъ, графъ Корфу, родился 12 (24) іюля 1869 г.

Супругъ Великой Княгини, король Георгъ I—третье дитя нынѣ царствующаго датскаго короля Христіана IX и королевы Луизы, принцессы гессенъ-кассельской. До своего восшествія на греческій престолъ, принцъ носилъ имя «Вильгельма» и родился 24 декабря 1845 г. Онъ получилъ, какъ и всѣ дѣти датскаго короля, превосходное воспитаніе и очень рано поступилъ въ морскую службу въ датскій флотъ. Когда его старшая сестра отправилась, въ сопровожденіи своихъ родителей и родныхъ въ Англію, для того чтобъ вступить въ супружество съ принцемъ уэльскимъ, то молодой принцъ, тоже сопровождавшій ее туда, обратилъ на себя вниманіе англійскихъ государственныхъ мужей, искавшихъ кандидата на упразднившійся греческій престолъ. Россія и Франція изъявили согласіе на этотъ выборъ и 23 марта 1863 года англійскій посланникъ въ Аѳинахъ объявилъ временному правительству, что три покровительствующія державы согласны на избраніе принца Вильгельма датскаго королемъ греческимъ. 30 марта принцъ былъ единодушно выбранъ національнымъ собраніемъ въ короли, подъ именемъ Георга I-го, а 25 апрѣля прибыла въ Копенгагенъ греческая депутація подъ начальствомъ адмирала Константина Канариса, для приглашенія короля въ Грецію. Главныя условія, предложенныя со стороны датскаго двора, были слѣдующія: присоединеніе къ Греціи Іоническихъ острововъ, 1 милліонъ драхмъ штатной суммы, опредѣленной на государственные расходы и 12,000 ф. стерл. въ годъ на личные расходы короля. Національное собраніе приняло эти условія безъ всякаго затрудненія, а покровительствующія державы гарантировали ихъ протоколомъ отъ 5 іюня. 17 сентября Его Величество оставилъ Копенгагенъ, посѣтилъ, въ сопровожденіи датскаго камергера графа Шпанека, дворы трехъ покровительствующихъ державъ, а 30 октября присталъ въ Пирей, торжественно вступилъ въ Аѳины и на слѣдующій же день принесъ присягу конституціи. Его Величество скоро усвоилъ себѣ греческій языкъ и очень любимъ народомъ. Первые годы его правленія были однако же отравлены ожесточенною борьбою партій; одно министерство смѣнялось другимъ, а тутъ высту-

пилъ на сцену кандійскій вопросъ, который и теперь еще не рѣшенъ окончательно. Въ 1867 г. король передалъ на время бразды правленія въ руки своего дяди, а самъ предпринялъ путешествіе на сѣверъ, а 15 (27) октября того же года вступилъ въ супружество съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княжною Ольгою Константиновной. Его Величество остался лютераниномъ, но, согласно съ государственными установленіями, всѣ будущіе наслѣдники престола должны исповѣдывать греко-россійскую вѣру.

Князь Бисмаркъ фонъ-Шенгаузенъ.

(*Продолженіе*).

II.

До женитьбы.

Вступая въ университетъ, Бисмаркъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ студенческой жизни; ея нравы, обычаи были для него совершенно чужды, да онъ и не скоро изучилъ все, такъ какъ у него не было тамъ близкихъ знакомыхъ. Дренкханъ, встрѣчаемый имъ прежде мелькомъ, ввелъ Бисмарка сначала въ кружокъ мекленбургцевъ, которые хотя и не принадлежали къ студенческой корпораціи, но все-таки проводили время очень весело. Бисмаркъ совершилъ съ ними путешествіе на Гарцъ — и только по возвращеніи оттуда узналъ всѣ прелести настоящей студенческой жизни. Чтобы увѣнчать достойнымъ образомъ совершенное путешествіе, Бисмаркъ задалъ завтракъ, на которомъ много надѣлали глупостей и даже до того разшалились, что выбросили бутылку за окно. На другой день господинъ Бисмаркъ вызванъ былъ въ совѣтъ университета; послушный своему университетскому начальству, онъ туда отправился и явился передъ судьей въ цилиндрѣ, въ берлинскомъ пестромъ шлафрокѣ, въ ботфортахъ, въ сопровожденіи своей огромной собаки. Университетскій судья вытаращилъ глаза на этотъ фантастическій костюмъ и не прежде рѣшился подойдти къ Бисмарку, когда тотъ отозвалъ къ себѣ собаку. По поводу этой, запрещенной закономъ, собаки, наложенъ былъ на ея счастливаго обладателя, денежный штрафъ въ пять талеровъ; потомъ уже начался самый строгій допросъ объ выкинутой за окно бутылкѣ. Основательный чиновникъ не удовольствовался простымъ показаніемъ Бисмарка, что бутылка, будучи разъ выброшена, полетѣла за окно; онъ хотѣлъ знать, какимъ образомъ это произошло, — и только тогда совершенно успокоился, когда обвиняемый ясно и точно разсказалъ ему, что прежде всего онъ держалъ бутылку въ рукѣ, а потомъ чрезъ нѣкоторое мускульное движеніе бутылка получила надлежащій толчекъ для дальнѣйшаго движенія за окно. Уже и безъ того раздосадованный этимъ допросомъ, Бисмаркъ сильно разгнѣвался, встрѣтивъ на обратномъ пути четырехъ студентовъ изъ

Король и королева Эллиновъ.

гановерской корпораціи, которые принялись смѣяться надъ нимъ, хотя на костюмъ его трудно было смотрѣть безъ смѣху. «Это вы надо мной изволите смѣяться?» спросилъ Бисмаркъ и получилъ слѣдующій отвѣтъ: «конечно; я думаю, вы сами это видите». По неопытности, Бисмаркъ не зналъ какъ слѣдуетъ продолжать дальнѣйшій разговоръ, хотя онъ очень хорошо догадывался, что дѣло тутъ пахнетъ отличнѣйшей дуэлью; ему недоставало только необходимаго знанія формальностей, и поэтому онъ боялся какъ бы не ударить лицомъ въ грязь, вдругъ спасительная мысль пришла ему въ голову — «дуракъ», пробормоталъ онъ, и почувствовалъ въ себѣ необыкновенную гордость, получивъ наконецъ желаемый вызовъ отъ четырехъ гановерцовъ. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ необходимыя приготовленія и сдалъ свое оружіе въ брауншвейгской корпораціи. Но ни одной изъ четырехъ дуэлей не суждено было осуществиться, такъ какъ одинъ изъ гановерцевъ, жившій въ одномъ домѣ съ Бисмаркомъ и знавшій, что тотъ принадлежитъ къ тому закалу, изъ котораго выходятъ настоящіе студенты, заставилъ своихъ четырехъ братьевъ по корпораціи извиниться; короче сказать, лиса-Бисмаркъ перелетѣлъ къ гановерцамъ, т. е. сдѣлался членомъ ихъ союза. По этому случаю возникло сильное негодованіе со стороны брауншвейгцевъ, такъ какъ подобный поступокъ вовсе не былъ согласенъ съ уставомъ (паукоментомъ): сдать оружіе въ одной корпораціи и потомъ перескочить въ другую,—объ чемъ Бисмаркъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Брауншвейгскій консеніоръ вызвалъ лису; они сильно сцѣпились—и господинъ консеніоръ получилъ кровавый рубецъ вдоль по лицу, послѣ того какъ онъ раздразнилъ Бисмарка нѣсколькими ударами плашмя. За этой первой дуэлью послѣдовали еще двадцать другихъ въ три семестра въ Геттингенѣ; Бисмаркъ выдержалъ всѣ очень счастливо, за исключеніемъ одной, когда онъ былъ раненъ отлетѣвшимъ кускомъ клинка противника. Рубецъ отъ этой раны еще до сихъ поръ видѣнъ на щекѣ министра-президента. По строгому уставу паукантовъ ударъ этотъ *не считался*, такъ какъ онъ произошелъ отъ отлетѣвшаго куска клинка, и не признанъ былъ дѣйствительнымъ къ великому неудовольствію противника, который и до сихъ поръ еще утверждаетъ, что ударъ вполнѣ дѣйствителенъ; еще недавно въ бѣлой залѣ передъ министръ-президентомъ онъ съ жаромъ оспаривалъ несправедливость признанія этого удара недѣйствительнымъ.

При томъ бурномъ образѣ жизни, который Бисмаркъ велъ въ Геттингенѣ, ему понятно недоставало времени посѣщать лекціи, но это все-таки не помѣшало ему получить прекрасный аттестатъ за свое прилежаніе; только старый Гуго замѣтилъ, что онъ никогда не видалъ господина Бисмарка на своихъ лекціяхъ. Тотъ конечно думалъ, что на лекціяхъ знаменитаго юриста безъ него много слушателей и онъ съ спокойной совѣстью можетъ не посѣщать ихъ; но къ несчастію у стараго Гую было только три слушателя, а отсутствіе Бисмарка сильно огорчало его.

На каникулы Бисмаркъ пріѣхалъ къ родителямъ, но бархатный сюртукъ и студенческій тонъ сильно не понравился матери, нашедшей все его появленіе далеко не соотвѣтствующимъ образу дипломата, котораго она провидѣла въ своемъ сынѣ.

Въ Берлинѣ, куда Бисмаркъ вернулся осенью 1833 года, нашелъ онъ свободу и независимость студенческой жизни настолько сладкой, настолько привлекательной, что не въ силахъ былъ оторваться отъ нея. Лишь незадолго до экзаменовъ, которые подобно грозному призраку подходили все ближе и ближе, рѣшился наконецъ Бисмаркъ въ первый разъ въ своей жизни пойдти на лекціи; онъ отправился туда еще во второй, но уже и въ послѣдній разъ, такъ какъ онъ ясно увидѣлъ, что въ то короткое время, которое ему оставалось, онъ не можетъ пріобрѣсти необходимыхъ познаній для экзамена по отдѣлу правъ. Послѣ этихъ двухъ часовъ, онъ никогда уже болѣе не появлялся на лекціяхъ. Но экзаменъ сошелъ для Бисмарка довольно счастливо, благодаря его желѣзному прилежанію и блестящимъ способностямъ.

Во время студенческой жизни въ Берлинѣ Бисмаркъ жилъ спачала съ графомъ Кайзерлингомъ изъ Курляндіи, который впослѣдствіи сдѣлался кураторомъ Дерптскаго университета; у него выучился Бисмаркъ понимать музыку, часто слушалъ его игру, въ особенности же любилъ Бетховена. За Кайзерлингомъ слѣдовалъ американецъ Вентвортъ Мотлей, жившій въ одномъ домѣ съ Бисмаркомъ и составившій себѣ литературное имя «исторіей освобожденія Нидерландовъ» и другими историческими сочиненіями; впослѣдствіи долгое время спустя Вентвортъ Мотлей назначенъ былъ посланникомъ Сѣверо-американскихъ штатовъ въ Вѣнѣ.

Сдавъ экзаменъ на Святой недѣлѣ 1835 г., Бисмаркъ въ качествѣ аускультатора переселился опять на свою прежнюю квартиру въ Беренштрассе и сталъ жить вмѣстѣ съ своимъ братомъ Бернгардомъ, который въ то время, прослуживъ четыре года офицеромъ въ кавалергардскомъ драгунскомъ полку, перемѣнилъ мечъ на перо, а въ слѣдующемъ году сдалъ экзаменъ и вступилъ на коронную службу въ Потсдамѣ референдаріемъ. Работая въ судѣ въ качествѣ протоколиста, Бисмаркъ предавался своему врожденному юмору и всевозможнаго рода шуткамъ. Такъ напримѣръ, аускультаторъ вноситъ однажды въ протоколъ дѣло одного берлинца, который своею наглостью до того выводитъ изъ себя протоколиста, что тотъ вскакиваетъ и кричитъ: «удержитесь, сударь, иначе я вышвырну васъ вонъ!» Присутствующій тутъ судья треплетъ дружелюбно разгоряченнаго аускультатора по плечу и говоритъ успокоивающимъ тономъ: «господинъ аускультаторъ, вышвырнуть вонъ ужь мое дѣло!» Допросъ продолжается, но не долго длится, Бисмаркъ снова вскакиваетъ и кричитъ громовымъ голосомъ: «удержитесь, сударь, не то я прикажу господину судьѣ вышвырнуть васъ!» Можете себѣ представить лицо господина судьи въ эту минуту! Между потѣшными происшествіями тѣхъ дней не маловажное мѣсто занимаетъ тотъ способъ, которымъ Бисмаркъ пріучилъ одного сапожника изъ Кроненштрассе къ точности; тотъ, несмотря на всѣ свои обѣщанія, имѣлъ очень дурное обыкновеніе надувать Бисмарка самымъ непріятнымъ образомъ; разъ, когда подобная вещь снова повторилась, въ тотъ же самый день рано утромъ часовъ въ 6 явился къ сапожнику посолъ съ вопросомъ: «готовы ли сапоги господина Бисмарка?» Получивъ отрицательный отвѣтъ, посолъ удалился, но чрезъ 10 минутъ раздался звонокъ: динь! динь! явился другой посолъ: «готовы ли сапоги господина Бисмарка?» и такъ продолжалось чрезъ каждыя десять минутъ, цѣлый день, и до обѣда и послѣ обѣда, пока не поспѣли сапоги. Съ тѣхъ поръ сапожникъ уже болѣе никогда не заставлялъ Бисмарка дожидаться.

Въ числѣ избраннѣйшихъ кружковъ, которыя Берн-

гардъ и Отто преимущественно посѣщали, первое мѣсто занимаетъ родственный, обильный дочерьми, домъ генеральши фонъ-Кессель, которая была сестрою матери Бисмарка и жила въ Берлинѣ. Въ этомъ домѣ Бисмаркъ находилъ веселое, свободное общество и родственный пріемъ. Бисмаркъ любилъ также посѣщать семейство своего родственника графа фонъ-Бисмаркъ-Боленъ.

(Продолженіе будетъ).

Ноябрскія падающія звѣзды.

Если ночи съ 11 до 13 ноября (по старому стилю съ 30 октября до 1 ноября) ясны, то ежегодно повторяющееся въ эти дни явленіе громаднаго сонма падающихъ звѣздъ представляетъ необыкновенно-величественное зрѣлище. Милліоны и милліарды этихъ тѣлъ кружатся, какъ самостоятельныя міровыя тѣла, вокругъ солнца. Смотря по бо̀льшей или мѐньшей густотѣ встрѣчаемаго землей сонма, число падающихъ звѣздъ бываетъ больше или меньше. Тоже самое явленіе происходитъ и 10 августа (въ день св. Лаврентія), когда земля проходитъ черезъ одно изъ подобныхъ же звѣздныхъ колецъ; въ это время, какъ говоритъ простой народъ, св. Лаврентій плачетъ огненными слезами.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, когда ученые обратили вниманіе на падающія звѣзды, онѣ считались метеорами или огненными шарами, которые отличаются отъ обыкновенныхъ метеоровъ только тѣмъ, что кружатся въ міровомъ пространствѣ на неизмѣримомъ разстояніи и отъ нашей земли. Первыя точныя наблюденія были сдѣланы Брандесомъ и Бенценбергомъ. Ихъ примѣру послѣдовали другіе астрономы — и теперь извѣстно, что разстояніе падающихъ звѣздъ отъ земли составляетъ при ихъ появленіи, среднимъ числомъ, 16, а при ихъ исчезаніи 10 миль. Для непосвященнаго глаза ихъ внезапное появленіе и почти мгновенное исчезаніе—дѣло одной минуты, едва ли подлежащее изслѣдованію. Но астрономы взялись опредѣлить скорость движенія и путь падающихъ звѣздъ. Они нашли, что большая часть ихъ путей имѣетъ юговосточное направленіе, противуположное движенію нашей земли въ міровомъ пространствѣ, и что скорость движенія падающихъ звѣздъ составляетъ *отъ четырехъ до восьми миль* въ минуту. Это страшная быстрота—въ родѣ той съ какою обращаются вокругъ солнца планеты и далеко превосходящая ту съ какою движется большая часть земныхъ тѣлъ, возбуждающихъ въ насъ удивленіе своею быстротою. «Съ быстротою вихря!» говоримъ мы, а между тѣмъ буря пролетаетъ только 50 футовъ въ секунду, ружейная пуля 1500, а пушечное ядро 2300 футовъ. Сравните-же теперь съ этими футами тѣ четыре, восемь миль, которыя пролетаетъ въ секунду падающая звѣзда.

Особенно интересно періодическое появленіе необыкновенно-громаднаго сонма падающихъ звѣздъ. Когда упомянутый выше Брандесъ ѣхалъ по почтѣ, 9 декабря, изъ Геттингена въ Временъ, то онъ, смотря въ окно экипажа, — откуда само собою разумѣется, могъ видѣть только небольшую часть неба, — насчиталъ въ одну ночь 480 падающихъ звѣздъ, на основаніи чего онъ заключилъ, что число всѣхъ падающихъ звѣздъ въ эту ночь должно простираться по меньшей мѣрѣ до 2000. Дальнѣйшій поводъ къ изученію сонмовъ падающихъ звѣздъ былъ данъ въ слѣдующемъ году великимъ Александромъ Гумбольдтомъ, находившимся тогда въ Куманѣ въ южной Америкѣ. «Ночь съ 11 на 12 ноября», разсказываетъ онъ, «была прохладна и удивительно хороша. Къ утру, около половины третьяго часа, появился чрезвычайно-замѣчательный огненный метеоръ. Тысячи огненныхъ шаровъ и падающихъ звѣздъ падали одни за другими впродолженіи четырехъ часовъ. Ихъ направленіе было чрезвычайно правильно. Въ самомъ началѣ явленія — на небѣ не было ни одного мѣста, величиною въ три лунные поперечника, которое не кишѣло бы каждую минуту огненными шарами и падающими звѣздами. Первыхъ было меньше, но такъ какъ они были различной величины, то между этими двумя классами явленій нельзя было провести опредѣленной границы. Всѣ метеоры оставляли за собою длинныя полосы свѣта. Сіяніе этихъ полосъ свѣта продолжалось отъ 7 до 8 секундъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ звѣздъ очень явственно виднѣлось ядро (величиною въ кругъ Юпитера), изъ котораго вылетали очень яркія искры. Огненные шары какъ будто бы лопались вслѣдствіе взрыва; но самые большіе исчезали, не бросая отъ себя искръ и оставляя за собою сіяющія широкія полосы. Жители Кумана были въ высшей степени испуганы необыкновеннымъ видомъ неба, объятаго пламенемъ и извергавшаго искры, — и думали, что наступила кончина міра. Но болѣе пожилые люди вспомнили, что въ 1776 г., слѣдовательно 33 года назадъ, они видѣли такое же громадное воздушное явленіе.

Прошло много лѣтъ. Объ описанномъ Гумбольдтомъ явленіи давно уже перестали думать и стали писать объ этомъ только въ 1833 г., когда, 13 ноября, это явленіе повторилось опять въ Америкѣ. Съ тѣхъ поръ вниманіе астрономовъ стало больше и больше обращаться на падающія звѣзды—и профессоръ Ольмстедъ въ Нью-Гевенѣ напечаталъ весьма важное сочиненіе по этому предмету. По присланнымъ ему показаніямъ онъ разчислилъ, что число падающихъ звѣздъ, которыя видѣли въ различныхъ мѣстахъ въ ночь съ 12 на 13 ноября, простирается больше, чѣмъ до 200,000. Падающія звѣзды сдѣлались повсемѣстно предметомъ наблюденія, и мало по малу объ нихъ получили болѣе точныя свѣденія.

Ольмстедъ полагалъ, что явленіе звѣздъ падающихъ массами — періодическаго свойства и повторяется ежегодно въ упомянутые выше ноябрскіе дни,—и дѣйствительно онѣ показывается тогда на небѣ во множествѣ, но вовсе не такими страшными массами, которыя наблюдалъ Гумбольдтъ въ 1799 г. въ Куманѣ, а Ольмстедъ въ 1833 г. въ Нью-Гевенѣ. Но истинный періодъ ихъ возвращенія массами все еще не былъ открытъ, въ то время какъ бременскій астрономъ Ольберсъ писалъ въ 1837 эти пророческія слова: «Можетъ быть намъ придется прождать до 1867 г. чуднаго феномена, который представился въ 1799 и въ 1833 г.» И его смѣлое предположеніе сбылось годомъ позже, именно въ 1866 г. Затѣмъ разрѣшенію этого вопроса въ особенности способствовалъ Кетле, который заявилъ въ присутствіи брюссельской академіи, что ночь 10 августа, дня святаго Лаврентія, нисколько не уступаетъ

ноябрской ночи относительно великолѣпнаго явленія падающихъ звѣздъ. Теперь извѣстно, что въ промежуткѣ отъ 33 до 34 годовъ всегда слѣдуетъ ожидать появленія большаго сонма падающихъ звѣздъ; но вмѣстѣ съ этимъ признали также и ежегодное ихъ возвращеніе только въ уменьшенныхъ размѣрахъ.

Всѣ падающія звѣзды, надъ которыми производилъ наблюденія Ольмстедъ, падавшія какъ снѣжные хлопья, выходили изъ одного и того же мѣста въ небѣ, изъ звѣзды въ созвѣздіи Льва; а изъ одинаковаго направленія этихъ звѣздъ оказывалось, что сіяющія тѣла приходятъ въ нашу атмосферу извнѣ изъ небеснаго пространства. Но тѣ падающія звѣзды которыя были видимы 10 августа — являлись въ созвѣздіи Персея. Поэтому-то ноябрскія падающія звѣзды были названы Леонидами, а августовскія Персеидами—и образовали два класса періодическихъ падающихъ звѣздъ, въ въ противоположность которымъ звѣзды, падающія по одиночкѣ и въ различныхъ направленіяхъ, получили названіе «спорадическихъ».

Дальнѣйшими открытіями, убѣждающими насъ въ томъ, что падающія звѣзды находятся въ тѣсной связи съ кометами, мы обязаны чрезвычайно важному наблюденію итальянца Шіапарелли. Онъ замѣтилъ, что путь Персеидъ совпадалъ противъ всякаго ожиданія съ путемъ большой кометы 1862 г. Это совпаданіе двухъ путей могло быть чистой случайностью, подобно тому какъ два корабля могутъ, случайнымъ образомъ, плыть по одному и тому же пути. Но слѣдовавшее за этимъ открытіе отстранило всякую случайность и бросило яркій свѣтъ на отношеніе кометъ къ падающимъ звѣздамъ. Нашли, что круговое движеніе Леонидъ согласуется съ кометою, открытою въ началѣ 1866 г. Въ виду этого открытія нельзя уже было оставаться слѣпымъ—и ученые начали изслѣдывать связь кометъ съ падающими звѣздами. Кромѣ упомянутыхъ выше двухъ большихъ сонмовъ, въ августѣ и въ ноябрѣ, открыли еще два, менѣе значительныхъ, являющихся 10 декабря и 10 апрѣля. Путь перваго сонма согласовался съ путемъ знаменитой кометы Біелы, а путь втораго сонма съ планетой, открытой въ 1861 года. Послѣ того не было уже мѣста никакому сомнѣнію: падающія звѣзды и кометы должны находиться въ тѣсной связи между собою.

Вмѣстѣ съ этимъ, вопросъ о происхожденіи падающихъ звѣздъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Комета, несущаяся въ міровомъ пространствѣ по тому же самому пути, какъ и пролетѣвшій передъ нею сонмъ падающихъ звѣздъ, должна составлять часть этого сонма. Эти звѣзды—ея сыплящіяся искры, сверкающіе предшественники, за которыми она слѣдуетъ съ тихимъ блескомъ и величіемъ. Сама комета ничто иное, какъ мѣстное скопленіе той же самой матеріи, изъ которой состоитъ и сонмъ падающихъ звѣздъ, — скопленіе настолько плотное, что масса кометы можетъ быть видима, даже на большомъ разстояніи отъ земли. Кометы и падающія звѣзды состоятъ изъ одного и того же вещества, съ тою разницею, что эти послѣднія представляютъ собою такія незначительныя части этой матеріи, что, кружась въ міровомъ пространствѣ, не бываютъ видны—и тогда только становятся замѣтны, когда попадаютъ въ область нашей атмосферы. Подобно кометѣ или, покрайней мѣрѣ, такъ-называемому хвосту кометы, онѣ газообразнаго свойства. Всѣ наблюдатели утверждаютъ, что неподвижныя звѣзды проглядываютъ сквозь хвостъ кометы, не теряя своего сверкающаго свѣта, и что точно также можно видѣть ихъ и сквозь падающія звѣзды. Изъ этого слѣдуетъ, что и падающія звѣзды тоже прозрачны; это массы тумана, разсѣянныя по міровому пространству, которыя тогда только становятся сіяющими, когда попадаютъ въ область нашей земной атмосферы. Но это еще не рѣшаетъ вопроса о томъ, нѣтъ ли между этими проносящимися по небу въ видѣ звѣздоподобныхъ искръ тѣлами такихъ, которыя были бы совершенно отличнаго свойства. Падающія звѣзды, точно такъ же какъ и принадлежащія къ нимъ кометы, кружатся по небу въ замкнутыхъ, продолговатыхъ эллиптическихъ кольцахъ; въ этихъ кольцахъ находятся мѣстами громадныя скопленія звѣздъ; когда наша земля перерѣзываетъ на своемъ пути эти мѣста звѣздныхъ колецъ, то въ это-то время и появляются на небѣ эти блестящіе сонмы, передъ которыми мы стоимъ, удивляясь и восхваляя могущество Творца.

Прусскій кронпринцъ Фридрихъ Вильгельмъ.

Великое дѣло объединенія Германіи, начатое прусскимъ королемъ Вильгельмомъ кровопролитною семидневною битвою на богемскихъ поляхъ и закрѣпленное цѣлымъ рядомъ блистательныхъ побѣдъ и успѣховъ, будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, завершено его будущимъ преемникомъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ, который уже пріобрѣлъ себѣ извѣстность своею дѣятельною жизнію и военными подвигами. Фридрихъ Вильгельмъ Николай Карлъ, единственный сынъ нынѣ царствующаго короля Вильгельма, родился 18 октября 1831 г. и получилъ какъ и всѣ гогенцоллернскіе принцы, еще въ дѣтствѣ военное воспитаніе, за которымъ наблюдалъ его отецъ съ свойственною ему добросовѣстностью. Но при этомъ не было также упущено ничего, что̀ доставило бы будущему наслѣднику престола высшее духовное и нравственное воспитаніе. Въ этомъ отношеніи особенно благодѣтельно дѣйствовало на него вліяніе его матери, дочери Карла Августа саксенъ-веймарскаго. Шестнадцати лѣтъ кронпринцъ поступилъ въ бонскій университетъ, гдѣ онъ ходилъ на лекціи наравнѣ съ другими студентами, подчиняясь, какъ и впродолженіи всего своего воспитанія, условіямъ частной гражданской жизни. Возвратившись изъ Бонна, принцъ поступилъ солдатомъ въ первый гвардейскій полкъ въ Потсдамѣ, начавъ такимъ образомъ, по обыкновенію всѣхъ прусскихъ принцовъ, службу съ самаго нижняго чина. Черезъ годъ онъ былъ сдѣланъ ротнымъ командиромъ и появился на придворныхъ торжествахъ, гдѣ его привлекательный, веселый и мужественный характеръ пріобрѣлъ ему всѣ сердца. Для окончанія воспитанія его отправили путешествовать—и онъ пробылъ больше всего въ Италіи. Самыя задушевныя желанія королевскаго дома были исполнены, когда, пробывъ нѣсколько времени въ Англіи, онъ обручился съ королевской принцессой Викторіей и женился на ней въ январѣ мѣсяцѣ 1858 года. Критическое положеніе дѣлъ въ Пруссіи все болѣе и болѣе

обращало взоры всѣхъ на принца; когда же регенство перешло изъ рукъ его дяди въ руки его отца, то принцъ еще болѣе приблизился къ престолу. Въ это время будущность Пруссіи внушала сильныя опасенія, такъ какъ это была самая цвѣтущая пора реакціи мантейфельской системы; но когда эта система была оставлена,—что было приписано, главнымъ образомъ, вліянію матери кронъ-принца,—то, основываясь на тѣхъ задушевныхъ отношеніяхъ, какія существовали между матерью и сыномъ, стали опять надѣяться на лучшія времена.

Принцесса, дочь свободной Англіи, съ которой принцъ велъ самую счастливую супружескую жизнь, могла только способствовать либеральнымъ воззрѣніямъ своего супруга. Кронъ-принцъ — такъ какъ онъ тѣмъ временемъ уже сталъ кронпринцемъ — окружилъ себя свободно-мыслящими людьми съ высокимъ государственнымъ значеніемъ, имѣлъ частныя сношенія съ либеральными личностями и не скрывалъ своихъ убѣжденій. Все это дѣлало его популярнымъ и располагало въ его пользу. Тѣмъ временемъ онъ былъ сдѣланъ генералъ-лейтенантомъ и принималъ участіе въ шлезвигъ-голштинскомъ походѣ въ качествѣ главнаго генерала втораго армейскаго корпуса, конечно не принимая лично участія въ сраженіяхъ. Тѣмъ не менѣе онъ, шутя и смѣясь, вынесъ всѣ тяжести зимняго похода, въ продолженіи котораго его безпритязательность и готовность, съ какой онъ дѣлилъ труды солдатъ, пріобрѣли ему расположеніе всей арміи. Онъ возставалъ тогда противъ бисмарковой политики, съ которой онъ не могъ примириться, точно такъ же, какъ и его мать; поэтому-то онъ употребилъ всевозможныя усилія, чтобъ отклонить войну отъ своего отечества. Когда же эта война была рѣшена его отцомъ, то принцу было уже не до своихъ политическихъ мнѣній. Онъ отдался всею душою борьбѣ за свое главное отечество, опредѣленное болѣе тѣсными границами. Кронпринцъ былъ назначенъ генераломъ и губернаторомъ Силезіи и выступилъ во главѣ втораго армейскаго корпуса. Разбивъ свою главную квартиру сперва въ Фюрстенштейнѣ, а потомъ въ Нейсѣ, онъ, 26 іюня, двинулся въ Силезію, черезъ богемскую границу при Либенѣ по направленію къ Траутенау и при Рейнерцѣ по направленію къ Находу. Въ слѣдующій за этимъ день его армейскій корпусъ одержалъ побѣды въ обоихъ этихъ мѣстахъ, но самымъ знаменитымъ для него днемъ было 3 іюля, потому-что кенигсгрецкое дѣло рѣшено имъ, такъ какъ, прорвавшись при Легедитшѣ со всѣмъ своимъ корпусомъ черезъ австрійское войско и появившись на полѣ сраженія, онъ доставилъ возможность напасть на австрійцевъ одновременно съ фронта и съ фланговъ и вытѣснить ихъ изъ всѣхъ позицій, вслѣдствіе чего и было выиграно это сраженіе. Еще вечеромъ того же дня король украсилъ своего сына орденомъ *pour le mérite*. Армія кронпринца шла отъ побѣды къ побѣдѣ, пока не остановились передъ Вѣной. 4 августа кронпринцъ вернулся въ Берлинъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, при радостныхъ крикахъ народонаселенія.

Всѣмъ извѣстно, какую важную роль игралъ кронпринцъ во время недавно-оконченной франко-прусской войны: сраженія при Вейсенбургѣ (4 августа 1870 г.) и Вертѣ (6 августа 1870) выиграны имъ однимъ, а въ битвѣ подъ Седаномъ (2 сентября 1870) онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Въ какой степени удастся будущему императору осуществить тѣ надежды, которыя возлагаетъ на него Германія, это рѣшитъ будущее; но если прошедшее и настоящее могутъ служить до извѣстной степени ручательствомъ за будущность, то конечно Германія владѣетъ такимъ ручательствомъ въ лицѣ прусскаго кронпринца.

Прусскій кронпринцъ Фридрихъ Вильгельмъ.

Алоизій Зенефельдеръ, изобрѣтатель литографіи.

25 октября петербургскіе литографы праздновали, вмѣстѣ съ нѣкоторыми содержателями типографій, литераторами и учеными, столѣтнюю годовщину рожденія изобрѣтателя литографскаго искусства Алоизія Зенефельдера (онъ родился по новому стилю 7 ноября). По этому поводу мы считаемъ не лишнимъ познако-

мить нашихъ читателей съ біографіею этого замѣчательнаго человѣка.

Іоганъ Алоизій Зенефельдеръ родился въ Прагѣ, Его отецъ актеръ, сперва кёнигсгофенскаго театра въ Грабфельдѣ, а потомъ мюнхенскаго, назначалъ его для юридической карьеры, хотя мальчикъ и выказывалъ склонность къ сценѣ. Къ сожалѣнію, старикъ умеръ еще въ 1791 г., а три года спустя мы находимъ молодаго Зенефельдера членомъ странствующей труппы актеровъ, къ которымъ впрочемъ привела его скорѣе нужда чѣмъ склонность. Черезъ два года безотрадной жизни, Зенефельдеръ рѣшился (въ 1796 г.) попытать счастья въ акчествѣ писателя. Нѣкоторые изъ его драматическихъ произведеній были приняты такъ благосклонно, что онъ отдалъ ихъ въ печать. Но это стоило очень дорого, а его средства были ограничены. Поэтому онъ пытался, нельзя ли открыть такой способъ печати, при которомъ можно бы было обойтись безъ типографщика. Онъ писалъ на мѣдной доскѣ, загрунтованной ѣдкими веществами, но и это также обходилось слишкомъ дорого, а болѣе дешевое олово не соотвѣтствовало цѣли. Наконецъ онъ воспользовался такъ-называемой кельгеймской плитой и чернилами собственнаго изобрѣтенія, но только впослѣдствіи пришло ему на умъ употреблять для оттиска камень, употребляемый теперь для выворотнаго письма. Все это не давало еще право на названіе изобрѣтателя, но онъ сдѣлался имъ, когда пользуясь изобрѣтенными имъ чернилами, перешелъ отъ испытаннаго уже углубленнаго способа къ выпуклому. Въ этомъ помогъ ему случай. За недостаткомъ чернилъ и бумаги онъ написалъ своей матери нѣсколько строкъ на выполированной каменной плитѣ изобрѣтенными имъ чернилами для камня. А когда онъ захотѣлъ стереть написанныя имъ буквы, ему пришло на мысль вытравить плиту, возвысить такимъ образомъ буквы, а потомъ отпечатывать ихъ такъ какъ типографскія литеры. Это удалось; новое искусство было изобрѣтено. Для того чтобъ достать себѣ необходимый оборотный капиталъ, онъ пытался наняться за 200 флориновъ въ солдаты за одного рекрута, но это ему не удалось. Придворный музыкантъ Глейснеръ ссудилъ его деньгами и Зенефельдеръ напечаталъ нѣсколько сочиненій своего друга, прежде всего «Егерскій маршъ баварскихъ войскъ», а потомъ «Двѣнадцать новыхъ пѣсенъ съ аккомпанементомъ для фортепьяно и пр.» (въ 1796 г.) Это было первое практическое примѣненіе Зенефельдеровскаго открытія. Въ слѣдующемъ году онъ изобрѣлъ и устроилъ первый литографическій печатный станокъ и напечаталъ первые литографированные эстампы. Затѣмъ Зенефельдеръ сдѣлалъ множество другихъ открытій, которыя, будучи взяты въ совокупности, состоятъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: I. Чернила для камня. II. Первые литографическіе печатные станки. III. Слѣдущіе виды печати: А: по выпуклому способу: 1) рисунки перомъ и кистью, штрихами и пунктами, 2) рисунки карандашомъ на одномъ или на нѣсколькихъ камняхъ, 3) перепечатанные и перерисованные, 4) въ родѣ рѣзьбы на деревѣ, 5) два вида рисунковъ тушью, 6) по вспрыскивающему способу, 7) рисунки тушью, 8) напечатанные красками посредствомъ нѣсколькихъ плитъ, 9) напечатанные золотомъ и серебромъ. В: по углубленному способу: 10) вырѣзанные или высѣченные, 11) вытравленные, 12) нарисованные препарированными чернилами съ вспрыскиваніемъ каватинта, 13) акватинта по способу гравируемыхъ на мѣди рисунковъ и по вытравленному грунту, 14) акватинта по затушеванному карандашомъ грунту, 15) углубленные посредствомъ прорисовки, 16) затушеваные ѣдкими красками и лимоннымъ сокомъ. С: по смѣшанному способу: 17) рисунки перомъ съ вырѣзаннымъ тономъ, 18) углубленные рисунки съ выпуклымъ тономъ, 19) углубленные и поднятые нѣсколькими тонами, 20) превращеніе выпуклыхъ въ углубленные, и на оборотъ. Д: особые виды печати: 21) печатанье водяными и масляными красками въ одно и то же время 25) печатанье по химическому и механическому способу вмѣстѣ; 23) употребленіе камня для набивки ситцевъ посредствомъ сглаживанья; 24) печатанье красками посредствомъ сглаживанья и 25) печатанье масляныхъ картинъ посредствомъ перевода. Е. Употребленіе химической печати для металлическихъ плитъ. F. Мозаическая печать. G. Размноженіе экземпляровъ картинъ, писанныхъ масляными красками. IV. Суррогатъ камня.

Касаясь такимъ образомъ цѣлаго ряда новыхъ предметовъ, Зенефельдеровское открытіе образовало особенную вѣтвь искусства и создало нѣсколько новыхъ промысловъ. Нѣтъ ни одного класса общества, который не пользовался бы произведеніями литографіи, доступными по своей дешевизнѣ даже самымъ небогатымъ людямъ. Число оттисковъ, получаемыхъ съ одного камня, доходитъ до громадныхъ размѣровъ; одна таблица кадастровой коммисіи была напечатана въ числѣ 318,720 экземпляровъ, а потомъ число этихъ оттисковъ дошло до 500,000.

Зенефельдеръ былъ женатъ два раза, сперва на дочери королевскаго оберъ-аудитора Вершъ, а потомъ на племянницѣ извѣстнаго композитора, капельмейстера фонъ-Винтеръ, и имѣлъ двухъ сыновей, которые оба умерли въ дѣтствѣ. Награжденный различными знаками отличія, онъ въ 1827 г. былъ сдѣланъ инспекторомъ литографіи съ 1200 гульденовъ годоваго оклада, и умеръ на 63 году, вслѣдствіе ревматизма.

Зенефельдеръ былъ чрезвычайно добросердеченъ. У него былъ живой, проницательный умъ, который сразу видѣлъ въ чемъ дѣло. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе особенной болѣзни мозга, онъ въ послѣдніе двацать лѣтъ своей жизни казался иногда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, какъ бы помѣшаннымъ. Онъ велъ очень простой образъ жизни и чуждался всякой роскоши. Только изрѣдка позволялъ онъ себѣ отдохнуть на нѣсколько минутъ — и въ такомъ случаѣ игралъ обыкновенно на бильярдѣ, который онъ страстно любилъ. Въ интересахъ своего изобрѣтенія онъ нѣсколько разъ путешествовалъ.

Двѣ московскія площади.

I. Красная площадя въ Москвѣ.

Обширная мѣстность за стѣною Кремля, отъ Воскресенскихъ воротъ до лобнаго мѣста, четвероугольной, продолговатой фигуры, противъ городскихъ рядовъ, называется *красною площадью*, т. е. *красивою*, видною. Въ 1300 г. при Московскомъ князѣ Даніилѣ Александровичѣ, когда еще Москва приготовлялась быть

столицею, Красная площадь отдѣлена была отъ кремля деревяннымъ палисадомъ, который сгорѣлъ; Іоаннъ Калита вмѣсто него обнесъ кремль дубовою стѣною, а Дмитрій Донской обвелъ кремль каменною стѣною; полагаютъ, что отъ красныхъ кирпичей этой стѣны и площадь назвалась *красною*, но это только предположеніе. Съ этого мѣста начинается *Китай*, *т. е. средній городъ*. (Замѣтимъ, что Китай есть въ Кіевѣ, во Владимірѣ, въ Костромѣ и въ Подольскомъ воеводствѣ, родинѣ вел. кн. Елены Глинской, которая была строительницей въ Москвѣ Китая-города). Площадь въ самомъ кремлѣ, между Грановитою Палатою, Иваномъ Великимъ, Успенскимъ и Архангельскимъ соборами также называется *красною* по красивой обстановкѣ своей и по значенію; тамъ въ дни коронацій императрицъ Елисаветы и Екатерины II, на этомъ тѣсномъ пространствѣ, роскошно угощали москвитянъ; иначе называютъ ее *царскою*, а площадь между арсеналомъ и сенатомъ *императорскою*.

Лобное мѣсто (ближе къ Спасскимъ воротамъ) съ его площадями: Васильевскою, Троицкою и Красною, занимаетъ *взлобье* горы, идущей отъ Москвы-рѣки на площадь; это высокое мѣсто, открытое со всѣхъ сторонъ, всѣми видимое; его сравнивали съ Іерусалимскою *Голгоѳою*. Въ древнее время здѣсь было нѣчто въ родѣ Вѣча, народнаго собранія; тамъ чрезъ бирючей объявлялись великокняжескіе и царскіе указы и происходили *торговыя казни*.

Отъ Никольскихъ воротъ до Спасскихъ, на пространствѣ 91 сажени, находилось 15 церквей съ кладбищами [1]); ихъ въ разныя, древнѣйшія времена, сооружали родственники, по обѣтамъ, на поминовеніе душъ своихъ родичей казненныхъ на этой мѣстности, близь кремлевскаго рва; по этому урочищу церкви и назывались *на крови*. Многія изъ нихъ, при Екатеринѣ II, перенесены въ Покровскій соборъ и составили придѣлы къ храму Василія Блаженнаго.

Въ началѣ XVI ст. для защиты Посада Кремля, т. е. всего Китая-города, отъ нашествія враговъ и разоренія, рѣчка Неглинка была запружена и наполняла водою своею всѣ каналы, прокопанные на восточной сторонѣ Кремля и Китая, отъ чего они издали представлялись островами. Въ 1534 г. выкопанъ былъ глубокій ровъ чрезъ Троицкую площадь до самой Москвы-рѣки, а въ слѣдующемъ году, около вырытаго канала, была заложена китайская стѣна и четыре башни съ воротами: *Срѣтенскими* (что нынѣ Никольскія), *Троицкими*, по Троицкому подворью (нынѣ Ильинскія), *Всесвятскими* (нынѣ Варварскія) и *Космодемьянскими* (нынѣ закладенныя).

Въ Ляхопольское нашествіе на Москву, Китай-городъ былъ сожженъ; въ лѣтописяхъ сказано, что отъ неоднократныхъ пожаровъ въ той мѣстности «желѣзо яко олово разливашеся и мѣдь яко вода растаяше». Въ XVII ст. противъ Красной площади, на Никольскомъ крестцѣ, распространены уже были ряды *иконный*, *сайдачный*, *калганный*, и между ними проложена улица (нынѣшняя Никольская), а на Варварскомъ крестцѣ распространены ряды: *масляной*, *луковой*, *сельдяной* и *медовой*; Покровской же Соборъ огороженъ былъ надолбами и *тынчакомъ* (тыномъ). Еще прежде Ц. Михаила для всякаго товара былъ въ Москвѣ особенный рядъ. Гостиный дворъ обнесенъ былъ каменною стѣною и наполненъ азіатскими и европейскими товарами, какъ показываютъ названія рядовъ: *Сурожскій*, *Панской* и проч., свидѣтельствующіе намъ о древнихъ отношеніяхъ Россіи съ ближними и дальними государствами, откуда привозили въ Москву козыльбатскіе (персидскіе) товары, цареградскія ткани, шемаханскіе шелки, фряжскія вины, бакалею и разные фарфоровые и хрустальные сосуды. Олеарій именуетъ ряды: *шелковой*, *суконный*, *серебряный*, *шапочный*, *сѣдельный* и пр. Онъ говоритъ еще о рынкѣ между Посольскимъ дворомъ (находившимся на Ильинкѣ) и Красною площадью, гдѣ въ хорошую погоду московскіе жители стригли себѣ волосы, которыми земля была устлана, какъ мягкими тюфяками; а недалеко отъ церкви Василія Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ *лежали* двѣ огромныя пушки, обращенныя къ той улицѣ, откуда обыкновенно приходили татары. Противъ самыхъ Спасскихъ воротъ, на Красной площади, до 1786 г., возвышалось *лобное мѣсто*. Тамъ, во время крестныхъ ходовъ, совершалось молитвословіе; тамъ избираемы были цари и объявлялись наслѣдники престола, возглашались указы. Лобное мѣсто было кирпичное съ деревянной рѣшеткой, надъ нимъ находился шатеръ (навѣсъ) на столбахъ до временъ имп. Екатерины II-й (которая, приказала построить шатеръ изъ бѣлаго тесанаго камня а круглый помостъ его съ амвономъ огородить каменными перилами).

Много событій прошло по лицу русской земли, а Москва была представительницей всей Россіи; *Красная площадь* драгоцѣнна для исторіи по многимъ знаменательнымъ происшествіямъ, *Лобное* мѣсто нераздѣльно отъ нея. Тамъ Грозный послѣ губительнаго пожара въ Москвѣ говорилъ народу о причинахъ бѣдствій столицы; тамъ, по его приказанію, совершались частыя мучительныя казни; тамъ, въ 1612 г. доблестные русскіе воеводы: князья Пожарскій и Трубецкой, послѣ освобожденія Москвы отъ Ляховъ, появились съ побѣдоносными своими хоругвями, гдѣ радостно встрѣтили ихъ истомленные кремлевскіе *заключники* съ Архіепископомъ Арсеніемъ, съ клиромъ и съ чудотворною иконою Владимірской Богоматери,—въ то время тамъ совершено было первое, колѣнопреклоненное, благодарственное молебствіе со слезами и рыданіями, послѣ чего вошли въ поруганный и оскверненный непріятелями Кремль. Тамъ въ недѣлю *Ваій* (въ вербную) Святители совершали церемоніальное шествіе *на осляти*; тамъ, для поклоненія народа выставлены были мощи с. Филиппа митрополита, привезенныя изъ Соловокъ (изъ Соловецкаго монастыря), и мощи Димитрія Царевича, принесенныя изъ Углича. Чрезъ Красную площадь Шуйскій съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой шелъ въ Кремль освобождать Москву отъ самозванца; тамъ же посланцы Отрепьева (въ 1605 г.) читали народнымъ толпамъ воззваніе его—и они восторженно провозгласили его законнымъ царемъ и встрѣтили его на площади съ радостными восклицаніями, подъ звуки польской музыки; но вскорѣ послѣ того, по тому же мѣсту, народныя толпы волочили обезображенный трупъ его съ проклятіями и швырнули его на скамью, съ маскою на груди и съ дудкою во рту.

Въ 1682 г. раскольники подъ предводительствомъ Никиты Пустосвята, неистово и угрожательно требовали собора; вскорѣ послѣ того Красная площадь представляла страшную картину стрѣлецкихъ казней. Тамъ въ 1812 г. Архипастырь московскій, Августинъ, по

[1]) что видно въ дѣлахъ патріаршаго приказа, 1667 г.

изгнаніи французовъ изъ столицы, совершалъ (на самомъ лобномъ мѣстѣ) торжественное и благодарственное молебствіе, съ водосвятіемъ, послѣ котораго процессія двинулась и обошла Кремль (это совершается и донынѣ въ Окт. мѣс.).

Представимъ еще, для дополненія описанія событій на Красной площади, нѣсколько грустныхъ позорищъ: туда выводили въ прошедшемъ столѣтіи колодниковъ изъ разныхъ застѣнковъ (тюремъ),—и они, гремя цѣпями, подъ крѣпкой стражей волоклись по площади съ жалобнымъ пѣніемъ: «милосердые наши батюшки, подайте несчастнымъ заключеннымъ Христа ради [2]); этимъ унылымъ, протяжнымъ напѣвомъ вымаливали они себѣ много полушекъ и денежекъ у доброхотныхъ дателей. Туда выводили и арестантовъ изъ разбойничьяго приказа и изъ убогихъ домовъ подкидышей (до учрежденія Воспитательнаго Дома) и неимущихъ, престарѣлыхъ, безпріютныхъ, просившихъ подаянія на пропитаніе или на гробъ, на ладонъ и на саванъ.

Особенно въ грозныя времена Бироновщины (при имп. Аннѣ Ивановнѣ) московскіе жители были напуганы появленіемъ колодниковъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ надѣты были широкіе балахоны, закрывавшіе ихъ съ головою и съ лицомъ,—только для глазъ сдѣланы были у нихъ отверстія, съ тою цѣлію, чтобы они могли узнать тайныхъ преступниковъ въ народѣ и оговорить ихъ страшнымъ восклицаніемъ—*слово и дѣло*! На кого они указывали, тѣхъ брали подъ стражу и отводили въ тюрьму, гдѣ жестоко пытали. Часто закрытые колодники дѣлали большія злоупотребленія и оговаривали невинныхъ большею частію богатыхъ; поэтому появленіе ихъ на Красной площади и въ другихъ мѣстахъ производило большой переполохъ—и испуганные горожане метались во всѣ стороны, чтобы скрыться въ толпѣ народной, торгаши спѣшили закрывать свои лавки, и вся мѣстность оглашалась восклицаніями: *языкъ, языкъ*! т. е. доносчикъ, спасайтесь!.. Красная площадь быстро пустѣла...

При Петрѣ I-мъ на Красной площади была построена комедіальная палата, въ родѣ балагана, смѣхотворное позорище для народной потѣхи, въ которой лицедѣйствовала нѣмецкая труппа, недалеко отъ того мѣста, гдѣ нѣкогда выставляемы были отрубленныя головы казненныхъ, воткнутыя на желѣзныя рожны. Одинъ изъ самыхъ опустошительныхъ пожаровъ въ Москвѣ былъ въ 1737 г., который истребилъ даже всѣ мосты въ Китаѣ-городѣ, а на самой Красной площади: комендантскій домъ, цейхгаузъ и казанскую австерію. Три дня и три ночи свирѣпое пламя пожирало Москву; этотъ пожаръ, по преданію, произошелъ отъ *копѣечной свѣчи*. Въ 1771 г. во время моровагo повѣтрія и бунта въ Москвѣ, отрядъ Великолуцкаго полка, подъ предводительствомъ Еропкина, стрѣлялъ изъ пушекъ на Красной площади въ густыя толпы мятежниковъ, и тогда вся площадь была завалена трупами и залита кровію,— тогда она именно была *красною*.

Красная площадь въ Москвѣ.

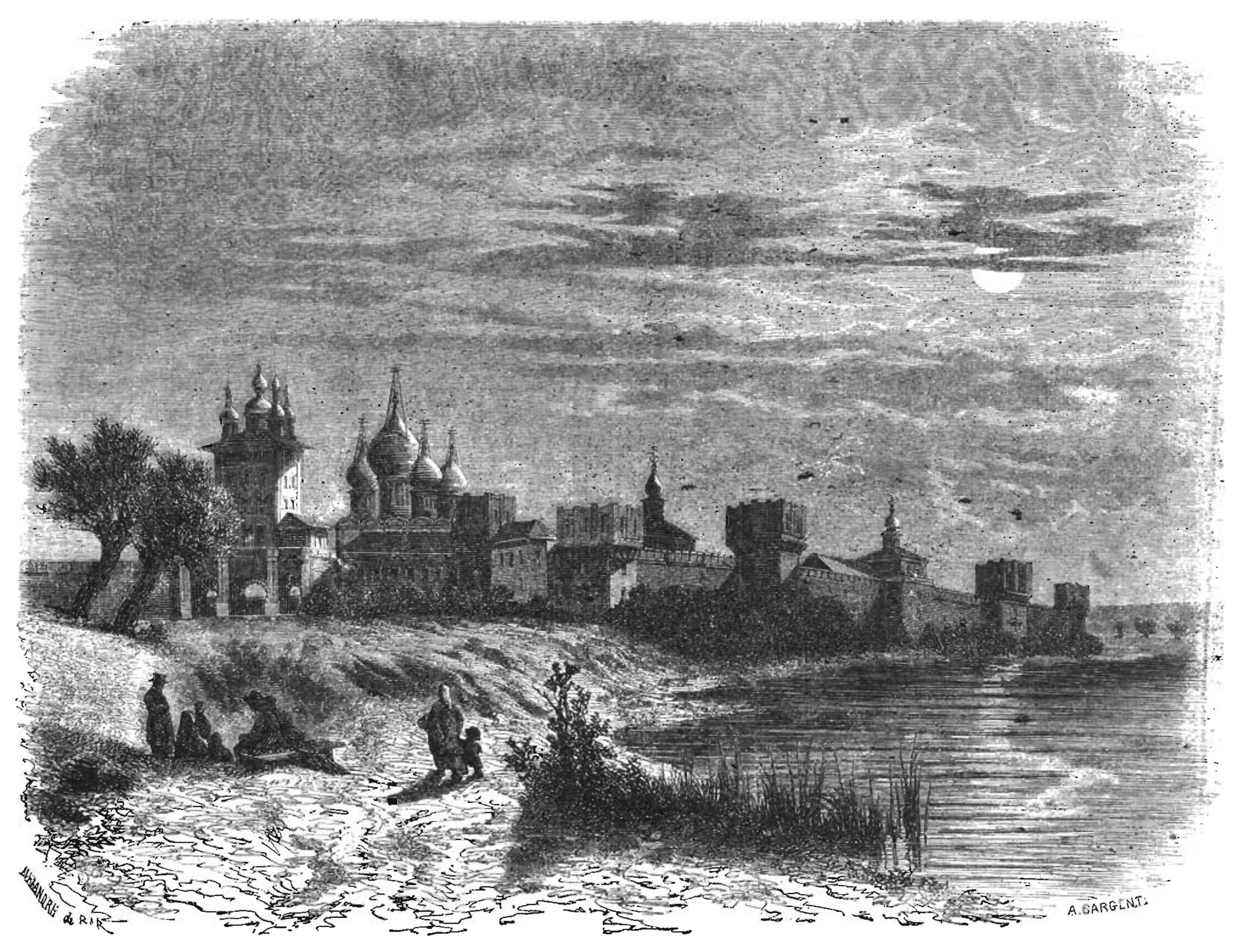
Рисовалъ Александръ де-Баръ, гравировалъ Ротеленъ Гюрель.

[2]) Это называлось *казенною пѣснію*.

Въ 1812 г. непріятели устроили себѣ биваки на Красной площади; тамъ Наполеонъ дѣлалъ смотръ своимъ разнороднымъ полчищамъ.

Въ топографическомъ отношеніи замѣтимъ, что Красная площадь въ прошедшемъ вѣкѣ заставлена была лавками, лавочками и лубяными шалашами съ навѣсомъ рогожъ, въ которыхъ торговали шапками, рукавицами, кушаками и проч. Тамъ былъ и обжорный рядъ, въ которомъ варились, жарились, пеклись разные съѣстные припасы [3]). Эта площадь не была вымощена и мѣстами заростала крапивою, разнымъ злакомъ и *драгіемъ*, т. е. сорною травою. При находящихся на ней пушкахъ стоялъ кабакъ, называемый *подъ пушкою*, въ которомъ и около котораго толклись праздношатающіеся люди, господскіе слуги и *площадные* подъячіе, изгнанные изъ разныхъ приказовъ съ готовыми *послухами* (свидѣтелями) которые, за небольшую плату или просто за *крючекъ* вина (таковая была мѣрка), писали желающимъ всякія ябеды [4]).

Въ 1786 г. нѣкоторыя пушки перевезены были съ Красной площади въ Кремль, для пальбы въ торжественные дни, и на нихъ навѣсили шатеръ; по недостатку открытаго тамъ мѣста, онѣ поставлены были подлѣ митрополичьяго дома — и въ томъ же году, во время пальбы изъ нихъ, въ архіерейскомъ домѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ перебито было множество стеколъ, слуги и служки со страху попрятались въ погреба; тогда Платонъ (бывшій тогда еще архіепископомъ) просилъ Еропкина, градоначальника Москвы, отвести пушки подальше отъ его дома; но Еропкинъ отвѣчалъ, что онъ этого не можетъ сдѣлать, потому что пушки велѣно поставить по Высочайшему Указу [5]).

Новодѣвичій монастырь въ Москвѣ.
Рисовалъ Александръ де-Баръ, гравировалъ А. Саржанъ.

Въ заключеніе описанія событій, происшедшихъ на Красной площади, вспомнимъ, что въ недавнее время, въ текущемъ столѣтіи, на ней, какъ на обширнѣйшей изъ всѣхъ площадей московскихъ, былъ поставленъ памятникъ, въ воспоминаніе спасенія Россіи отъ поляковъ въ 1612 году. Это мѣсто избрано было какъ почетное и отовсюду видное. Здѣсь, подлѣ него, находится московская божница: величавый Кремль съ своими вѣковѣчными зданіями, здѣсь и Казанскій Соборъ съ чудотворной иконой Богоматери, построенный Пожарскимъ, въ благодарность Богу, за дарованную ему

[3]) Эта торговля переведена на Ильинку, гдѣ она находится и теперь. Въ 1778 г. былъ указъ, чтобъ не ставить кабаковъ на большихъ улицахъ.

[4]) Въ указахъ Петра I-го находится приказъ: «площадныхъ подъячихъ и *кривосудовъ* вмѣстѣ съ послухами бить батогами нещадно на козлѣ», т. е. на скамьѣ, за ложныя показанія.

[5]) Въ послѣдствіи времени пушки поставили около арсенала въ пирамидахъ.

побѣду надъ врагами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ прекрасный, коллосальный памятникъ изъ гранита поставленъ и въ честь спасителей Москвы отъ лютости поляковъ: *гражданина Минина* и *князя Пожарскаго*.

Церемоніальное открытіе памятника происходило 1818 г. февраля 20-го въ присутствіи Императора Александра 1-го.

II. Дѣвичье поле.

По дорогѣ изъ Кремля на западъ, чрезъ урочище *Зубово*, взору открывается широкое *Дѣвичье поле*, обрамленное съ обѣихъ сторонъ домами и домиками, садами и садиками; нельзя и на немъ не остановить вниманія: есть преданіе, разумѣется не достовѣрное, будто бы, во время владычества татаръ надъ Россіею, баскаки, собирая вмѣстѣ съ денежною данью особенную дань съ Россіи *дѣвицами*, для отсылки ихъ къ ханамъ, выводили на *Дѣвичье поле* и дѣлали изъ нихъ выборъ, чтобы красивѣйшихъ послать въ Золотую Орду,—и потому будто бы это поле и назвалось *Дѣвичьемъ*. Впрочемъ объ этихъ событіяхъ писали иностранцы, а за ними, въ половинѣ XVI ст., стали писать и русскіе. Грустно думать, чтобы наши предки допустили своихъ родственницъ до такого униженія.

А вотъ историческіе факты, совершавшіеся на Дѣвичьемъ полѣ:

Здѣсь, въ 1610 г. августа 27-го, разставлены были два богато-убранные шатра и при нихъ находились два алтаря, вокругъ которыхъ стояло московское духовенство съ иконами и съ крестами; въ это время происходила присяга польскому королевичу Владиславу, приглашенному на русское царство. Здѣсь, послѣ этого, цари Михаилъ Ѳеод. и сынъ его Алексѣй Мих. раскидывали шатры свои объ масляной и о святой недѣлѣ и справляли народное гулянье; иногда дѣлали они тамъ и смотры своимъ дружинамъ. При Императорахъ Петрѣ II-мъ и Николаѣ I-мъ (во время коронаціи послѣдняго) происходило тамъ роскошное угощеніе народу.

Границею Дѣвичьяго поля, какъ прекрасный оазисъ, какъ дивная панорама, высится *Новодѣвичій монастырь* съ своими древними, величественными храмами, съ своею стройною колокольнею, съ широкою оградою и вычурными башнями; за нимъ далѣе разстилаются, полосятся длинные ряды огородныхъ грядъ и заливные луга до самого берега Москвы-рѣки и виднѣется укромная церковь Троицы въ Лужникахъ—а по ту сторону рѣки возвышаются громадныя Воробьевы горы, нѣкогда красное царское село Воробьево съ деревяннымъ дворцомъ, съ разными приселками, пригородьями и дачами. Видъ съ этихъ горъ на монастырь поразительно-хорошъ.

Въ древности мѣсто, занимаемое монастыремъ, лежало на пути въ Смоленскъ. Извѣстно, что этотъ городъ долго былъ удѣльнымъ самобытнымъ княжествомъ, и въ гибельное время междоусобій подпалъ подъ власть Литвы. Болѣе ста лѣтъ находился онъ у ней, какъ бы въ плѣну; сынъ Іоанна III, вел. кн. Василій, отнялъ родовой русскій городъ у враговъ,—и въ память этого событія, въ благодарность Богу, построилъ *Дѣвичій монастырь* въ 1525 г., на томъ мѣстѣ, гдѣ в. к. Василій Темный провожалъ *за градъ два поприща* въ Смоленскъ икону Богоматери *Одигитріи* (т. е. *путеводительницы*), находившуюся въ Москвѣ со времени сына Донскаго, Юрія). В. кн. Василій IV выдалъ для распространенія и украшенія монастыря 3,000 р. Соборный храмъ монастыря освященъ былъ во имя *Смоленской Богородицы* Одигитріи; копія съ этой иконы снята была еще при Василіѣ III-мъ и при митрополитѣ московскомъ Іонѣ, когда епископъ смоленскій упросилъ вел. князя, чтобы онъ отпустилъ икону обратно въ Смоленскъ. Съ великимъ торжествомъ, въ сопровожденіи всего освященнаго собора, перенесена она была въ новосооруженный монастырскій храмъ 28-го іюля. Этотъ день празднуется и донынѣ крестнымъ ходомъ изъ кремлевскихъ соборовъ въ Новодѣвичій монастырь.

Первая настоятельница этого монастыря, схи-монахиня Елена, имѣла прозваніе: *Дѣвочкина*; нѣкоторые полагаютъ, что по этому случаю и монастырь могъ назваться *Дѣвичьимъ*.

Многія царственныя особы, питая благоговѣніе къ этому монастырю, имѣли къ нему особенное вниманіе: невѣстка царя Іоанна Грознаго, Юліанія, избрала Новодѣвичій монастырь пристанью жизни своей и постриглась въ немъ въ 1563 г. Царь Іоаннъ устроилъ для нея богатую келью и далъ въ монастырь богатый вкладъ. Тамъ, однажды, въ день храмоваго праздника (св. Прохора и Никанора), во время крестнаго хода по монастырской стѣнѣ, въ присутствіи царя Іоана Грознаго, св. Филиппъ митрополитъ, готовясь читать Евангеліе, увидѣлъ около себя опричника, который не только не снялъ съ головы тафьи своей, но и стоялъ не чинно;—святитель, въ праведномъ негодованіи, обратился къ царю и сталъ укорять его въ неуваженіи къ святынѣ; царь разгнѣвался, митрополитъ сосланъ былъ въ Тверской Огрочь монастырь, гдѣ, въ 1569 г., Малюта Скуратовъ задушилъ св. пастыря.

По смерти бездѣтнаго царя Ѳеодора, супруга его, Ирина, сестра Годунова, удалилась въ Новодѣвичій монастырь и приняла тамъ чинъ ангельскій; Годуновъ заключился тамъ же съ нею, Россія осиротѣла, *престолъ вдовствовалъ*; духовенство и бояре отправились туда къ нему и стали звать его на царство—Годуновъ отказался; послѣ того собрались въ Кремлѣ чины изо всего государства русскаго и вторично избрали его царемъ, Годуновъ опять отвергъ просьбу *искусителей*. Тогда уже чиноначаліе и народъ собрались на Красную площадь, отслужили во всѣхъ церквахъ молебенъ—и на другой день, при звукѣ колоколовъ, съ пѣніемъ духовныхъ стихиръ, двинулась большая процессія въ Новодѣвичій монастырь. Патріархъ Іовъ и другіе духовные сановники несли иконы Владимірскую и Донскую, подъ сѣнію священныхъ знаменъ-хоругвей. Изъ монастыря вынесли на встрѣчу процессіи Смоленскую Богоматерь, Годуновъ слѣдовалъ за нею—и палъ предъ иконами. Патріархъ поднялъ его и вошелъ съ нимъ въ обитель; народъ покрывалъ собою все Дѣвичье поле; патріархъ обратился съ просьбой къ царицѣ—и Борисъ избранъ былъ на царство.

Въ царствованіе Василія Шуйскаго и въ междоцарствіе (или боярщину) монастырь много пострадалъ; его обратили въ крѣпость, тамъ запирались то враги Москвы, то защитники ея; монастырь былъ выжженъ и разоренъ святотатственною рукою поляковъ. Царь Михаилъ богато одарилъ монастырскую обитель, въ ней пребывали порою и дочери царя Алексѣя Мих. и потѣшались тамъ перезваниваніемъ колоколовъ.

Теперь приступимъ къ одной изъ важнѣйшихъ эпохъ Новодѣвичьяго монастыря.

Настали времена Петра; извѣстно, какъ властолю-

бивая сестра его, царевна Софія, стремилась къ самодержавію; могучій государь поборолъ всѣ козни ея и заключилъ ее въ Новодѣвичій монастырь, тамъ пострижена она была подъ именемъ *Сусанны*. Послѣ этого Петръ отправился въ чужіе края, въ отсутствіе его Софія тайно сносилась съ приверженцами старыхъ обычаевъ; преданные ей стрѣльцы, сосланные на границы Россіи, взбунтовались и грозно подступали къ Москвѣ, но блюститель столицы, генералъ Гордонъ, разбилъ ихъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Петръ, увѣдомленный о грозящей опасности, спѣшно прибылъ въ Москву и началъ расправляться съ мятежниками; полторы тысячи стрѣльцовъ были казнены, а 230 главнѣйшихъ изъ нихъ были повѣшены предъ самымъ монастыремъ, въ виду царевны,—троеже, которые писали къ ней просьбу о принятіи короны, качались со свитками въ рукахъ предъ самыми окнами ея кельи.

Въ Новодѣвичій монастырь была переведена изъ Вознесенскаго и первая супруга Петра, Евдокія, при внукѣ своемъ, Петрѣ II-мъ, въ 1727 г. и скончалась тамъ въ 1731 г.

Наконецъ, въ 1812 г. отрядъ французскаго войска квартировалъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; французскіе генералы сохранили его отъ конечнаго разоренія, святыя ворота монастыря были закладены пескомъ и бревнами, а передъ ними стояли пушки. Внутри и внѣ монастыря, на могильныхъ камняхъ, даже въ храмахъ, непріятели устроили себѣ бивуаки; съ дозволенія неаполитанскаго короля, въ соборномъ храмѣ монастыря продолжалась божественная служба. Однажды самъ Наполеонъ, съ большою свитою, пріѣзжалъ осматривать монастырь; вниманіе его особенно остановилось на монастырской оградѣ, съ высокими и красивыми башнями ея (изъ которыхъ въ одной находилась встарину церковь св. Николая).

Въ то время оберегательницею монастыря была монахиня *Сарра Николаевна* (преданіе сохранило ея имя); возможное охраненіе монастыря было слѣдствіемъ ея твердости, самоотверженія и благоразумія. По выступленіи непріятелей изъ Москвы, она увидала на монастырскомъ дворѣ зажженные фитили, проведенные къ церковнымъ подваламъ, наполненнымъ порохомъ; съ спокойною твердостью она созвала своихъ сожительницъ-монахинь и начала съ ними гасить и заливать фитили, послѣ того она проникла въ самые подвалы и приняла всѣ мѣры предосторожности противъ огня, противъ страшнаго взрыва.

Тамъ, гдѣ изъ-за ограды виднѣются кельи настоятельницы, обитала нѣкогда царевна Софія; сколько воспоминаній о быломъ запросится въ душу при одномъ взглядѣ на это мѣсто! Софія покоится въ соборномъ храмѣ, подъ чернымъ покровомъ схи-монахини, у южной стѣны; тамъ же находятся гробницы дочерей царя Іоанна и Алексѣя Мих. и царицы (въ инокиняхъ Елены) Евдокіи, супруги Петра. Соборный храмъ обширенъ и великолѣпенъ, въ немъ находятся три придѣла: въ южныхъ дверяхъ, въ алтарѣ, *Чудо Архистратига Михаила*; на той же сторонѣ муч. *Софіи* и трехъ дщерей ея: *Вѣры*, *Надежды*, *Любви*. Со входа, съ переднихъ воротъ на паперти:—*апостоловъ* и *діаконовъ Прохора и Никанора*. Кромѣ того, въ монастырѣ находятся еще слѣдующія церкви: бывшая Трапезная о 2-хъ этажахъ, внизу: *Успеніе Пресв. Богородицы*, а вверху *Сошествіе Св. Духа;* церковь больничная *Амвросія* (епископа Медіоланскаго), апостола *Іакова Алфеева* (устроенная въ память 1812 г. за избавленіе монастыря отъ враговъ, въ день Іакова, 9 октября). Церковь въ колокольнѣ, внизу, во имя препод. *Варлаама* и *Іоасафа* царевичей; въ средней части колокольни была еще церковь св. *Іоанна Богослова* (теперь составляетъ придѣлъ въ трапезной церкви); на св. воротахъ церковь *Преображенія Господня*, а на противуположныхъ *Покрова Пресвятой Богородицы*.

Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ находится *первая копія* Иверской Божіей Матери.

С. Любецкій.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ новая книга изданія А. Ф. Маркса, подъ заглавіемъ:

Авторъ этой повѣсти получилъ 1,000 р. преміи, предложенной Редакціей журнала «Нива» въ первый годъ ея изданія русскимъ писателямъ за лучшую историческую повѣсть изъ русской жизни. Въ то время повѣсть эта была напечатана въ журналѣ безъ гравюръ; но тотъ громадный успѣхъ, которымъ пользовалась она въ кругу читателей «Нивы», и многочисленныя заявленія не только со стороны подписчиковъ, но и вообще со стороны читающаго общества побудили издателя предпринять иллюстрированное изданіе ея отдѣльной книгой. Украшенная 6-ю великолѣпными, художественно-выполненными рисунками и представляя собою первый опытъ изданія отдѣльной повѣсти изъ русской исторіи съ гравюрами, новая книга является въ настоящее время въ высшей степени интересной не только со стороны литературной, но и со стороны художественной. *Цѣна* для подписчиковъ «Нивы» 1 р. 50 к. съ пересылкой.

У книгопродавца-издателя **Василія Егоровича Генкеля** въ С.-Петербургѣ, (Большая Конюшенная, д. № 5) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ поступили въ продажу:

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ВСѢХЪ
НА 1872 ГОДЪ.

850 страницъ убористой печати. Съ портретами: Наслѣдныхъ Принцевъ Пруссіи и Саксоніи, Принца Фридриха-Карла и Великаго Герцога Мекленбургскаго, фельдмаршала графа Мольтке и Военнаго Министра графа Роона, Президента французской республики Ад. Тьера, генерала Трошю, Л. Гамбетты, Ж. Фавра, маршаловъ: Базена и Макъ-Магона, и отдѣльнымъ приложеніемъ: Алфавитно-справочный перечень Удѣльныхъ Князей Русскихъ и членовъ Царствующаго дома Романовыхъ. Половина первая, А—И. Сост. М. Д. Хмыровымъ. 180 стр., и картою желѣзныхъ дорогъ Россіи.

Цѣна: въ бумажн. перепл. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 30 к. съ перес. 1 р. 50 к.; въ англ. перепл. 1 р. 40 к.; съ перес. 1 р. 75 к.

За «Перечень Хмырова» прилагается особо 30 к.

За карту желѣзныхъ дорогъ прилагается особо 5 к.

При требованіи пяти экземпляровъ издатель уступаетъ *одинъ* рубль.

Этотъ календарь полнѣе всѣхъ, изданныхъ и объявленныхъ до сихъ поръ. Онъ составленъ весьма тщательно, и свѣденія, въ немъ помѣщенныя, провѣрены по послѣднимъ источникамъ.

КАЛЕНДАРЬ-БУМАЖНИКЪ
НА 1872 ГОДЪ.

На почтовой бумагѣ, для записыванія разныхъ замѣтокъ, сроковъ и пр, на каждый день. Въ прочномъ кожаномъ переплетѣ съ рамкою и застежкою изъ новаго серебра. Нужнѣйшія каледарныя свѣдѣнія. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. 5 экз. съ пер. 6 р.

КАБИНЕТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ
НА 1872 ГОДЪ.

Состоящій изъ 366 листковъ съ крупными числами на каждый день. Ежедневно отрывается одинъ листокъ. Праздники на красной бумагѣ. Ц. 60 к., съ перес. 1 р.

5 экз. съ пересылкою 4 рубля.

МѢСЯЦЕСЛОВЪ,
святцы и справочная книжка на 1872 годъ.

384 стр. убористой печати, въ красивой оберткѣ, съ портретомъ **Е. И. В. Государя Императора Александра Николаевича** (въ краскахъ) и картою Сибири. Ц. 30 к. съ перес. 40 к., 10 экз. съ пер. 4 р., 25 экз. съ пер. 9 р., 50 экз. съ пер. 15 р., 100 экз. съ пер. 28 р.

За новѣйшую карту желѣзныхъ дорогъ прилагается особо 5 к.

КАЛЕНДАРЬ-ТАБЕЛЬ
НА 1872 ГОДЪ.

На одномъ листѣ, съ обозначеніемъ праздниковъ, постовъ, видовъ луны и проч. Ц. 5., съ перес. 10 к., 15 экз. 1 р., 40 экз. 2 р.

Требованія просятъ присылать до 25 декабря. Съ 1 января 1872 года цѣны на пересылку измѣнятся, согласно новой таксѣ.

Дозволено цензурою 5 Ноября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 46. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 15 ноября 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

О подпискѣ на журналъ „Нива“ въ 1872 году.

Открывъ подписку на будущій 1872 годъ и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы“, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ **заранѣе** высылать свои требованія вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы“.

Такъ какъ „Нива“ преимущественно назначается **для семейнаго чтенія** и вслѣдствіе заявленнаго многими изъ нашихъ подписчиковъ желанія получать въ „Нивѣ“ извѣстія о модахъ съ рисунками, — мы, спѣша какъ всегда удовлетворить потребности нашихъ читателей, рѣшились прилагать **ежемѣсячное модное обозрѣніе съ рисунками парижскихъ модъ, не увеличивая подписной цѣны на нашъ журналъ,** при полнотѣ и общедоступности его наидешевѣйшій въ Россіи. Необходимыя приготовленія для введенія новаго отдѣла настолько уже сдѣланы, что мы можемъ обѣщать модные рисунки до истеченія нынѣшняго 1871 года.

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа съ 200—250 художественно-выполненными рисунками.

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 руб.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 к.	Для иногородныхъ съ пересылкой и упаковкой.	5 »

При семъ № приложено **объявленіе о подпискѣ на журналъ „Нива“ на 1872 г.** Покорнѣйше просимъ обратить вниманіе **на подписной бланкъ,** находящійся на 4-й стр. объявленія, и незамедлить высылкою подписныхъ денегъ, во избѣжаніе несвоевременной доставки №№ «Нивы» въ **1872 году.** Гг. подписывающіеся благоволятъ какъ можно **яснѣе** обозначать свой адресъ или **прилагать печатный адресъ, наклеенный на бандероляхъ „Нивы“.**

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

В. И. КЕЛЬСІЕВА.

(Продолженіе).

IX.

Птенцы Петровы.

На Троицкой площади, перпендикулярно къ Невѣ, высилось длинное, полукирпичное, полумазанковое зданіе съ нѣсколькими крылечками, и по времени и мѣсту очень обширными, чуть не квадратными окошками. Это былъ первый Сенатъ, девять членовъ котораго (поставленные въ состояніе вести дѣло государево по совѣсти, не взирая ни на какое лицо) теперь еще пригласили въ свое засѣданіе трехъ майоровъ, производившихъ спеціальныя дослѣдованія о злоупотребленіяхъ власти и растратѣ казенныхъ денегъ лицами очень высокопоставленными. Этихъ смѣлыхъ слѣдователей принялъ подъ свое мощное покровительство генералъ-пленипотенціаръ князь Яковъ Долгорукій, занимавшій въ настоящемъ засѣданіи роль презуса суда. Дѣло шло о раскрытіи разнородныхъ прегрѣшеній по пользованію трудовыми сборными съ бѣднаго народа деньгами, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно, могущественнымъ княземъ Александромъ Даниловичемъ, подъ благовидными названіями подрядовъ казенныхъ, поставокъ на армію и флотъ, и еще (независимо такихъ недозволенныхъ источниковъ обогащенія) о безцеремонной запискѣ на себя казенныхъ имуществъ въ Малороссіи. Сѣть неправдъ и хищеній была сплетена такъ хитро и при помощи такого большаго числа сотрудниковъ и покровителей, что самъ генералъ-адмиралъ Апраксинъ обвинялся даже въ попоровкѣ Данилычу, конечно умѣвшему представить ему дѣло въ благовидномъ свѣтѣ. Только Кошелеву, Лихареву и Ушакову удалось распутать эту сѣтку, принявшись за розыски по строжайшему царскому повелѣнію, съ разныхъ сторонъ, въ разныхъ мѣстахъ и разными мотивами, съ одинаковымъ, жгучимъ упорствомъ отчаянія и самохраненія, если увернется изъ тенетъ ихъ всегда-находчивый и дерзкій герцогъ Ижорскій; онъ же былъ мастеръ находить всюду лазейки, чтобы исчезнуть и замести слѣдъ своихъ похожденій. На этотъ разъ оправдаться отъ тучи возстававшихъ обвиненій и выйдти сухимъ изъ воды, изъ рукъ этихъ неподкупныхъ птенцовъ Великаго Петра, ему все же не удалось. Всѣ его неправды всплыли какъ масло на водѣ. До послѣдней копѣйки все оказалось на счету, что уже онъ и самъ давно забылъ и думалъ, что темная могила навсегда скрыла всякій слѣдъ, а не то чтобы явилась возможность обвиненія.

Цѣлые три часа читалъ секретарь, утомленнымъ уже голосомъ, громадный экстрактъ обвиненій противъ князя Меньшикова. Мертвая тишь царствовала въ палатѣ засѣданій Общаго Собранія Сената. Каждый изъ членовъ его представлялъ себѣ явнопогибшимъ могущественнаго фельдмаршала, крѣпко упавшаго духомъ еще при самыхъ начальныхъ розыскаціяхъ, когда его наперсники, привлеченные къ отвѣту за содѣйствіе Его Свѣтлости, понесли тяжкое наказаніе, облегченія котораго онъ даже не могъ исходатайствовать черезъ Государыню, всегдашнюю его заступницу.

Римскій-Корсаковъ, дядя нашего инженера, и Феофилатьевъ поплатились жизнью, оставаясь до конца вѣрными своему патрону; ничего не говорили на пыткахъ и приказчики изъ деревень Его Свѣтлости, забранные въ разныя коммиссіи; — но такой ищейкѣ какъ Герасимъ Михайловичъ Кошелевъ удалось по счетнымъ выпискамъ подъячихъ разныхъ приказовъ и Семеновской Канцеляріи добраться до подлинныхъ росписокъ Свѣтлѣйшаго въ полученіяхъ денегъ незаконно — и эти собственноручныя улики виновности должны были наложить печать молчанія на уста любимца Петра I. Лихаревъ подъискалъ подставныхъ заключателей подрядныхъ условій по незаконнымъ торговымъ операціямъ Свѣтлѣйшаго; а лютый Андрей Ивановичъ Ушаковъ умѣлъ выспросить всю подноготную, какъ, гдѣ и что́, у несчастливцевъ, ввѣренныхъ его заботливости. Князь Александръ Даниловичъ, видя бѣду неминучую и зная, что Великаго Петра можно склонить на пощаду только собственнымъ признаніемъ, въ послѣднія минуты переписки доклада Сенату добылъ черезъ подъячаго этотъ обвинительный актъ. Всѣ исчисленныя въ немъ хищенія секретарь князя вписалъ въ осьмилистовую вѣдомость, — и подъ диктовку Его Свѣтлости, при каждомъ внесъ подробности очень не казистыя, но необходимыя, чтобы представить, будто не щадя себя, въ чорномъ цвѣтѣ преступныя дѣянія и разъиграть кающагося. Мастерской мотивъ удался.

Было еще пять часовъ утра. На дворѣ шумѣла вьюга, мокрымъ снѣгомъ залѣплявшая глаза, когда у наружныхъ дверей конторки царской или (какъ всѣ привыкли называть) токарни Петра I, во всей своей кавалеріи, легонько постучался блѣдный, исхудалый, непохожій на себя, герценскиндъ Алексаша, и ласково спросилъ дежурнаго деньщика, можно ли войти и каковъ *онъ*. Орловъ, съ просонья, пробурчалъ какую-то нелѣпость, не разобравъ въ чемъ дѣло; но послышался звучный голосъ царя: «кто тамъ? — войди!», князь проскользнулъ въ полуотворенную дверь, да такъ и замеръ на колѣняхъ, держа на головѣ свое признаніе — приговоръ. Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Царь не оборачивался, сидя спиною къ дверямъ, у стола покрытаго бумагами. Онъ читалъ громадное дѣло, по временамъ тяжело вздыхая и, какъ можно было догадаться, не ложась спать съ вечера. Почти сгорѣвшія свѣчи давали неясное представленіе предметамъ, неопредѣленно рисуя громадную тѣнь отъ фигуры Петра во всю ширину стѣны. Подъ защитой этой тѣни укрылся теперь, едва позволяя себѣ дышать, кающійся любимецъ. Лицо Государя по временамъ вспыхивало лихорадочнымъ румянцемъ, глаза начинали горѣть зловѣщимъ свѣтомъ, поднимались даже волоса надъ челомъ приходившаго въ ярость Государя. Онъ какъ бы про себя шепталъ: «что́-жь мнѣ съ нимъ сдѣлать!? Охъ, ужь этотъ мнѣ Данилычъ!.. Пощада невозможна... невозможна государственному вору!.. А дѣлецъ, бестія!.. И какая нераскаянность! — кругомъ виноватъ, а все запирается».

— Не запираюсь, Государь, вся душа моя передъ тобою, прошепталъ рѣшительно потерявшійся Меньшиковъ.

При звукѣ, Государь обернулся; глаза его, горѣвшіе негодованіемъ, остановились на ползущемъ князѣ.

— Какъ же ты не запираешься? Который часъ бьюсь, разбирая твои отповѣди — и все одни мошенническія отговорки!

— Государь, Кошелевъ не пойметъ моего признанія, я пришелъ каяться тебѣ.

— Это вѣрно? медленно протянулъ гнѣвный Петръ, вставая съ мѣста и протягивая руку чтобы взять повинную князя.

Вотъ она въ рукахъ Петра; вотъ онъ, читая ее, забылъ и себя и стоящаго предъ нимъ преступника. Часы летятъ за часами. Давно уже брезжетъ свѣтъ, проникая въ миніатюрную токарную черезъ такія же миніатюрныя окошки; свѣчи догорѣли и потухли; запахъ нагара успѣлъ уже пройдти, — а царь все читаетъ, а Меньшиковъ все стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ. Вотъ листы подъ пальцами государя стали спѣшно перелетать. Онъ какъ будто принялся за сравненіе цифръ въ разныхъ мѣстахъ повинной, взялъ счеты, сталъ на нихъ прокладывать съ какой-то судорожной дрожью въ пальцахъ. Вотъ глухимъ голосомъ проговорилъ онъ: «милліонъ триста сорокъ три тысячи», поднялъ голову — Меньшиковъ машинально повалился въ ноги.

— Легко сказать: «милліонъ» — ты достоинъ смерти!

— Пощади, Государь! милліонъ и больше найдется у меня достатка по твоей великой милости.

— Законъ неумолимъ для воровъ—ты умрешь. И лицо Государя поблѣднѣло больше прежняго. — Ты умрешь—говорю тебѣ.

— Но, Государь, возьми все, оставь мнѣ жизнь— и... я... тебѣ.... Уста Меншикова лепетали отъ страха какіе-то безсвязные звуки.

При этомъ, какая-то новая мысль осѣнила гнѣвное чело Великаго, и, подъ неотразимымъ вліяніемъ ея, сдвинутыя брови непримѣтно стали расходиться; лицо приняло мягкое выраженіе. Видимо, Петръ былъ тронутъ.

— Пусть судитъ насъ Богъ съ тобой, Данилычъ, не могу лишить тебя жизни, которою тебѣ обязанъ въ бою при Полтавѣ. Взыщется съ тебя все до копѣйки— и не проси о скидкѣ. Ты воровалъ кровавыя деньги, потъ и кровь народную. Исправься, второй разъ этого не будетъ! Встань, и ступай съ Богомъ! А въ Сенатѣ-то пусть разбираютъ...

Улыбка надежды освѣтила блѣдное лицо растерявшагося Меньшикова. Онъ машинально вытянулся во весь длинный ростъ свой, и, какъ-то задомъ подаваясь къ дверямъ, очутился за перегородкой у выхода изъ царскаго обиталища.

При появленіи его, всѣ четыре деньщика переглянулись, и дежурный, войдя въ токарную, громко сказалъ: «десять часовъ било, пора въ Сенатъ, Ваше Величество».

— Знаю, собери всѣ эти бумаги въ сумку и отдай въ присутствіе. Я сейчасъ буду.

Докладъ уже былъ къ концу, когда въ дверяхъ Общаго Присутствія показался деньщикъ царскій съ сумкой бумагъ и передалъ сумку князю Якову Ѳедоровичу Долгорукому.

— Государь не будетъ? спросилъ тотъ.

— Сейчасъ идетъ, отвѣчалъ Орловъ, удаляясь.

Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій сталъ бережно вынимать изъ сумки громадный фоліантъ подлиннаго дѣла о Меньшиковѣ, и развертывая его, уронилъ какую-то тетрадь.

— Это что̀ еще такое? взявъ въ руки измятую тетрадку и просматривая ее говорилъ онъ самъ съ собою: — и за подписью Меньшикова! Что-жь я ее въ глаза не видалъ? Гдѣ-жь она была?

Члены суда поднялись всѣ съ мѣстъ своихъ, заглядывая другъ изъ-за друга на документъ, остановившій вниманіе презуса. Оберъ-секретарь Щукинъ, взглянувъ изъ-за плеча сидящаго князя, сказалъ вслухъ: «этого въ дѣлѣ не было». Настала пауза и общіе переговоры.

Какъ-то не слышно растворились двери—и широкими шагами подошелъ къ столу Петръ.

— Вы еще не кончили? обратился онъ къ коммиссару Зотову.

— Тебя поджидали, Великій Государь, собирать голоса.

— А читали экстрактъ?

— Оканчиваемъ.

— Продолжайте, я вѣдь знаю въ чемъ дѣло.

И голосъ дьяка зазвучалъ съ новой энергіей. Рѣчисто отчеканивалъ онъ теперь текстъ уложенія и новоуказныхъ статей о лихоимствѣ и ущербѣ интересу Великаго Государя. Смыслъ прочитаннаго присуждалъ виновнаго ни болѣе ни менѣе какъ къ «лишенію живота всемѣрно».

— Прикажешь собирать голоса? спросилъ Долгорукій.

— Начинайте.

Первымъ всталъ Кошелевъ. Въ сжатомъ обзорѣ отчетливо представилъ онъ знакомыя ему фазы процесса и сущность обвиненій и коротко заключилъ, что обвиняемый подлежитъ всей строгости законовъ, какъ уличенный но не раскаянный.

— Ну, такъ ты знаешь не все! кротко прибавилъ Государь,—нераскаяннымъ нельзя считать: онъ принесъ повинную—она у васъ—читайте.

И тетрадка передана секретарю. Началось чтеніе.

При каждомъ почти пунктѣ повинной, майоры переглядывались и кивкомъ головы давали другъ другу знать, что это имъ извѣстно.

Петръ былъ весь погруженъ въ смыслъ читаемаго. Сенаторы слушали тоже напряженно—до конца. Когда чтецъ умолкъ и всѣ оживились—«признался во всемъ искренно», съ достоинствомъ сказалъ Государь и оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ.

Слѣдователи подтвердили по одиначкѣ, что не потаено ни одно дѣло.

— А полное признаніе заслуживаетъ снисхожденія, какъ объявлялъ я не разъ въ моихъ указахъ, сказалъ съ оживленіемъ Государь.

— Но это не примѣнимо къ настоящему случаю, заявилъ коммиссаръ Сената Зотовъ, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ прокуроровъ,—преступленій слишкомъ много—и тяжкихъ.

— Почему же не примѣнять къ тяжкой винѣ обѣщаннаго облегченія наказаній? опять спросилъ Государь.

— Къ такимъ преступникамъ у кого въ рукахъ все—и сила и полная мочь—не могутъ относиться, и я скажу, облегченія винъ за признаніе,—да и каково это признаніе, когда все безъ того открыто?.. И гдѣ-жь узда на такихъ самовольцевъ? Глядя, что Александру Меньшикову учинена будетъ понаровка, родня Римскова-Корсакова, за него же казненнаго, вправѣ назвать нашъ судъ

лицепріятнымъ! торжественно съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ князь Яковъ Долгорукій и далъ знакъ слѣдующему послѣ Кошелева высказывать свое мнѣніе.

Дошло и до послѣдняго.

Мнѣнія были рѣшительны. Ни у кого не хватило отваги и доброй воли признать облегчающимъ обстоятельствомъ повинную, а смягчающимъ—забвеніе обязанностей въ омутѣ заботъ, тревогъ и предположеній съ видами на лучшій исходъ, который бы давалъ возможность оправдать рискъ принесенною выгодою казнѣ, — какъ старался дать тонъ въ своей повинной князь Меньшиковъ своимъ самовольнымъ захватамъ, для покрытія которыхъ употреблялись потомъ средства запугиванія и застращиванія.

Петръ молчалъ, но лицо его дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе. Мрачность эта была впрочемъ не яростнаго свойства, скорѣе выказывая внутреннюю борьбу сознанія справедливости кары, пересиливаемаго потребностью миловать.

Вотъ встаетъ онъ и съ жестомъ, проявляющимъ невольное волненіе, начинаетъ говорить:

— Вы упустили еще изъ виду многосторонность поручаемаго мной Александру... Оказывалось совершенною необходимостью — способныхъ людей у насъ мало, разумныхъ еще меньше. Бываетъ пора, когда ничего не пощадишь, только бы нашелся человѣкъ годный... Бываетъ надобность, во чтобы то ни стало, добыть... Тутъ не до того чтобъ торговаться, когда хлѣба нѣтъ: не спрашиваешь что̀ дорого продаютъ, а только давай! Александръ изъ такихъ, что онъ извоpотится въ самомъ затруднительномъ случаѣ — и дѣло сладитъ, и времени не потеряетъ. Ради такихъ заслугъ облегчимъ его участь. Ущербъ взыскать слѣдуетъ — а жизнь его нужна.

— И воевода Римскій-Корсаковъ таковъ былъ, замѣтилъ Шафировъ въ свою очередь, — самъ вѣдаешь, Государь, тяжелую пору спервоначала шведской войны. Люди не мерли у него. Урядъ всему давалъ, да какъ изворовался—никуда не годенъ сталъ; а все въ угодность Александру блудить началъ да его шашни покрывать.

— Что правда, то правда, со вздохомъ подтвердилъ Государь, — былъ въ свое время хорошъ Римскій-Корсаковъ; но такихъ услугъ государству какъ Александръ Меньшиковъ онъ не могъ оказывать, исполняя только его же приказанія — дѣльныя и своевременныя.

— Тѣмъ хуже для такого умника, что постыдилъ твою государскую довѣренность изъ-за скаредныхъ прибылей. Чего воровать — когда Государь города даетъ! опять отозвался Шафировъ.

— Я Меньшикова не награждалъ задаромъ, строго замѣтилъ Государь, — онъ заслуживалъ — и давалъ; въ чины производится также всякій за заслуги. Ему, Меньшикову, между тѣмъ не дано награду за подвигъ, котораго цѣну всякій изъ васъ не усумнится опредѣлить. Спрошу тебя, князь Яковъ: какая награда полагается за спасеніе жизни съ забвеніемъ своей?

— Какъ тутъ сказать — жизнь жизни рознь; а во всякомъ случаѣ — подвигъ примѣрный, отвѣчалъ Долгорукій, — это знать тому, кого спасли: ино обязанъ своею жизнью жертвовать.

— Ты, дядя, хорошо разсудилъ, весело сказалъ Государь, — воистину мое дѣло говорить за Александра. За жизнь его стою я потому, что спасъ онъ мнѣ жизнь подъ Полтавой. Пощадите жизнь спасшаго жизнь вашему Государю!

— Твоя воля, Государь, для насъ законъ, а законная правда пусть исполнится въ свой чередъ, робко заявилъ Квашнинъ-Самаринъ.

— Еще разъ прошу васъ о пощадѣ, за что̀ вы сами знаете, громко произнесъ взволнованный монархъ и склонился передъ своими сенаторами.

— Быть такъ: за жизнь государскую да пощаженъ будетъ Александръ, хотя и преступникъ; а съ имѣнія доправлять будемъ что̀ слѣдуетъ, сказали почти въ одинъ голосъ присутствующіе.

Лицо царя-защитника свѣтилось безмятежною радостью; всѣ были растроганы.

Майоры, слѣдователи Меньшикова, поклонясь вышли изъ собранія.

— Такъ и впредь будемъ взвѣшивать пользу государственную въ облегченіе погрѣшеній — съ другими кто выгоду чинилъ, заключилъ формулируя рѣшеніе маститый князь Яковъ,—угодно слушать такого-жь сорта дѣло о Демидовыхъ? Польза несомнѣнная, да и самовольство дерзкое и указамъ ослушаніе.

Начался разборъ дѣла о перебѣжчикахъ на заводы Демидова и объ изувѣрѣ, привезенномъ имъ, что подбрасывалъ письма у Симеона. Члены, даже и младшіе, небоязненно заявляли необходимость обращенія съ раскольниками нѣсколько мягкаго, въ виду появленія изувѣровъ, рвавшихся на мнимое мученичество. Демидовъ признанъ невиновнымъ въ пристанодержательствѣ непрошеннаго проповѣдника, котораго, какъ показало разслѣдованіе, онъ почти не зналъ лично. Зато предложены были разумныя мѣры для обузданія на будущее время монополистическихъ замашекъ заводчика по дѣламъ о шурфовкѣ, зачатой казенными развѣдцами и присвоеваемой имъ подъ разными предлогами. Ревизія на мѣстѣ и посылка для нея надежнаго знающаго человѣка найдены наилучшею мѣрою по заявленію большинства. Обсужденія длились долго, такъ что потребовалось зажечь свѣчи. Короткій декабрскій день совсѣмъ уже скрылся, когда кончилось засѣданіе.

Петербургская погода перемѣнчива; утренней мглы съ мокрымъ туманомъ и вьюгой къ вечеру какъ не бывало. Рѣзкій морозъ замѣнилъ слякоть, испестривъ золотыми узорами освѣщенныя окна деревянныхъ домовъ на Городскомъ острову. Темная синь неба пронизывалась кое-гдѣ теплившимися звѣздочками. Начиналъ задувать рѣжущій сѣверъ, качая быстро обледенѣвшія сучья молодой поросли въ огородѣ Куроѣдовыхъ. Подъ лучами свѣта изъ оконъ, трепетавшія вѣтки горѣли алмазными искрами. Пригорюнившись съ своей неразлучной теперь думой, сидѣла Лукерья въ своей свѣтлицѣ, чутко прислушиваясь къ смѣшанному шуму, казалось происходившему невдалекѣ отъ ихъ двора. Она наконецъ не выдержала, накинула шубейку и очутилась на заднемъ крылечкѣ. При выходѣ ее поразили уже не одни звуки трещотокъ, призывающихъ окольныхъ жителей на подмогу. Темный фонъ прорѣзывался какими-то трепещущими въ воздухѣ отсвѣтами то синеватаго, то бѣлозеленаго цвѣта. Луша не обратила бы вниманія на этотъ свѣтъ, нѣсколько походившій на начало отдаленнаго сѣвернаго сіянія,—но долетавшіе неиздалека крики людей не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это пожаръ и что горитъ казенное вино въ складѣ посторонь Мытнаго двора, въ сосѣдствѣ съ Губернской канцеляріей.

Усадьба Куроѣдовыхъ отъ задворка Губернской канцеляріи отдѣлялась однимъ излучистымъ, но не широ-

кимъ переулкомъ. Когда вышла Луша на крылечко, огонь съ виннаго склада перешелъ уже на маленькіе флигельки задняго двора губернской канцеляріи, гдѣ кишма-кишили многосемейные подъячіе въ даровыхъ, хотя и не казистыхъ помѣщеніяхъ; крики дѣтей, кутерьма отъ выносившихъ сами не зная куда свой бѣдный скарбишко хозяевъ, искры вздымавшіяся на воздухъ снопами, разсыпаясь разноцвѣтнымъ дождемъ звѣздочекъ, и медленно падавшія рикошетомъ головни отъ разламываемыхъ бочекъ, визжанье струй воды, направляемой въ горящій голубымъ пламенемъ потокъ спирта,—все это составляло картину оригинальную и вмѣстѣ страшную. Генералъ-полицмейстеръ Дивьеръ распоряжался со всегдашней своей толковитостью, холодно отдавая приказанія и наряжая команды для дѣйствій съ сосѣднихъ дворовъ; но сила бунтующей стихіи дѣлала безполезными людскія усилія и предпріимчивую находчивость дѣльнаго начальника полиціи. Вотъ въ толпѣ послышался говоръ: «Государь! Государь!» и въ то же мгновеніе яркій столбъ пламени, вырвавшись изъ подъ крыши задняго фаса склада, освѣтилъ людей, разбиравшихъ кровли на ближайшихъ къ огню постройкахъ.

— Берись дружнѣе—вотъ здѣсь! раздался громовый голосъ Петра, ярко освѣщеннаго заревомъ съ его протянутой рукой.

Онъ самъ уже былъ на крышѣ, какъ казалось, ближайшей къ дому Куроѣдовыхъ.

Сердце Луши застучало ускоренно.

Но приказъ Государя опоздалъ; мазанковыя стѣны рухнули съ крышею, и грозный образъ великана-царя исчезъ въ тучѣ повалившаго дыма.

Съ какимъ-то стенящимъ крикомъ, схватясь рукою за сердце, Луша рванулась съ крыльца, ноги ея подкосились, голова закинулась назадъ, — и выбѣжавшая мамка нашла молодую дѣвушку уже безъ чувствъ лежащею на деревянныхъ ступенькахъ.

— Гдѣ онъ? Живъ? Нѣтъ? были первыя слова ея, когда она опомнилась на рукахъ матери, въ своей свѣтлицѣ.

— Кто? да что ты, Господь съ тобою, дочушка! успокоивала ее заплаканная старушка,— всѣ живы, всѣ здоровы, отца съ дворнейГосударь потребовалъ на подмогу на пожаръ, самъ сейчасъ заходилъ звать...

— Самъ сейчасъ заходилъ?.. съ радостно-блистающимъ взоромъ отозвалась Луша, и рука ея порывисто дрожа творила крестное знаменіе...

(Продолженіе будетъ).

Любитель политики.
Рисовалъ на деревѣ И. Пановъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

Любитель политики.

Если вы, читатель, принадлежите къ постояннымъ жителямъ Петербурга или подолгу въ немъ гащивали, то едва-ли нужно пояснять вамъ прилагаемый рисунокъ. Съ перваго взгляда, вы узнаете одну изъ тѣхъ «кухмистерскихъ», которыя ежедневно наполняются самымъ разнокалибернымъ и преимущественно-недостаточнымъ

людомъ. Это одинъ изъ тѣхъ пріютовъ, гдѣ во всякое время дня можно достать полный обѣдъ — horribile dictu — за 25—30 копѣекъ, и никакой аналитическій химикъ никогда не доберется, изъ чего состряпаны поданныя ему яства. Зато весьма легко можетъ случиться, что пальто или шуба его исчезнетъ гораздо прежде обѣда, почему въ такихъ заведленіяхъ и красуется обыкновенно на стѣнѣ печатное объявленіе, что-де «содержатель не отвѣчаетъ за пропажу верхняго платья», а завсегдатаи, если и позволяютъ себѣ спустить съ плечь долой теплую одежду, то не иначе какъ на спинку своего стула. Въ первой комнатѣ, за прилавкомъ, деспотически властвуетъ самъ хозяинъ, большею частію греческаго происхожденія, или помощница его, болѣе или менѣе достаточно видавшая на своемъ вѣку. Прилавокъ заставленъ различными закусками, при видѣ которыхъ пропадаетъ всякое желаніе выпить рюмку-другую, какая бы слякоть или морозъ не стояли на дворѣ; тутъ обыкновенная плотва переработанная въ сардинки ловкимъ мастеромъ изъ Бердичева и политая деревяннымъ масломъ; икра, свойствами своими болѣе подходящая къ коксу, такъ что, при существующихъ цѣнахъ на дрова, ею весьма успѣшно можно бы отапливать наши жилища; рябчики убитые и зажаренные въ прошломъ году и т. п. Но голодъ не тетка — и на эту снѣдь находятся потребители. Вотъ одинъ изъ нихъ, изображенный бойкимъ карандашемъ нашего даровитаго сотрудника, Н. Панова, прикурнувшій на стулѣ за газетой. Повидимому это одинъ изъ многочисленныхъ представителей служебнаго пролетаріата, которые рады-радехоньки куда-нибудь приткнуться, лишь бы не идти на скучную и вдобавокъ холодную квартиру. Тяжесть въ желудкѣ послѣ неудобоваримаго обѣда, нерѣдко оканчивающаяся катарромъ, снотворно подѣйствовала на этого искателя свѣжихъ впечатлѣній по газетнымъ столбцамъ; не спасли его отъ дремоты ни пререканія чешскихъ депутатовъ съ австрійскими чиновниками, ни маститый Тьеръ съ его сотрудниками, ни раскрытіе продѣлокъ чайзельгорсткаго refugié, — да и не мудрено:

Юдольный міръ явленій
Своихъ не измѣнитъ;
Все вѣдомо — и только повторенье
Грядущее сулитъ...

А толстый котъ, отъѣвшійся на хозяйскихъ кормахъ, такъ мирно, такъ ласково мурлыкаетъ свою пѣсенку, словно баюкая засыпающаго и навѣвая ему золотыя грёзы... на нѣсколько минутъ.

Князь Бисмаркъ фонъ-Шенгаузенъ.

(*Продолженіе*).

II.

До женитьбы.

Зимою 1835 и 1836 года Бисмаркъ былъ представленъ ко двору и принималъ самое живое участіе въ происходившихъ тамъ празднествахъ. На одномъ изъ придворныхъ баловъ онъ встрѣтился въ первый разъ съ принцемъ Вильгельмомъ, сыномъ его величества короля. Бисмаркъ былъ представленъ королевскому принцу господиномъ Шенкомъ, который былъ одного роста съ Бисмаркомъ и также состоялъ аускультаторомъ. При видѣ этихъ двухъ высокихъ мужественныхъ юношей, принцъ Вильгельмъ сказалъ шутя: «ну, славныхъ же молодцовъ вербуетъ себѣ правосудіе — какъ разъ по гвардейской мѣркѣ!» Такова была первая встрѣча нынѣ царствующаго короля Вильгельма съ его Бисмаркомъ; первый въ то время еще мало думалъ о будущемъ вступленіи на престолъ, а Бисмаркъ никакъ уже не полагалъ, что онъ займетъ первое мѣсто совѣтника и вѣрнаго слуги при этомъ самомъ королѣ.

Въ 1836 году Бисмаркъ перешелъ изъ министерства юстиціи въ министерство внутреннихъ дѣлъ; какъ будущему дипломату, ему нужно было послужить въ этомъ министерствѣ, и онъ вступилъ въ королевское Ахенское правленіе. Предсѣдателемъ въ то время былъ графъ Арнимъ Бойценбургъ, настолько уже вошедшій въ славу, что Бисмаркъ разсчитывалъ идти по слѣдамъ этого восходящаго свѣтила. Въ этомъ домѣ Бисмарка приняли очень любезно, и онъ принялся работать съ большимъ прилежаніемъ, но вскорѣ попалъ въ водоворотъ большого свѣта, который царилъ въ этотъ сезонъ на древлепрославленныхъ минеральныхъ водахъ. Бисмаркъ вступалъ въ знакомство съ англичанами, бельгійцами, французами, совершалъ съ ними различныя поѣздки въ Бельгію, во Францію и въ прирейнскія провинціи.

Осенью 1837 года Бисмаркъ вышелъ въ отставку изъ королевскаго правленія въ Потсдамѣ. Въ 1838 г., отбывая военную повинность, онъ вступилъ въ гвардейскій стрѣлковый полкъ. Но веселая жизнь въ кругу офицеровъ продолжалась не долго, ибо въ томъ же году Бисмаркъ изъ гвардейскаго стрѣлковаго полка перешелъ во второй стрѣлковый баталіонъ въ Грейфвальдѣ, разсчитывая прослушать въ тамошней эльденской академіи курсъ сельскаго хозяйства.

Лѣтомъ 1839 года Бисмаркъ вступилъ въ управленіе померанскими владѣніями и велъ это дѣло вмѣстѣ съ своимъ братомъ Бернгардомъ до 1841 года; за это время братъ его успѣлъ жениться, и они раздѣлили свои владѣнія слѣдующимъ образомъ: старшій получилъ Кюльцъ, а меньшой — Книпгофъ и Ярхелинъ.

Вступивъ на двадцать-третьемъ году въ управленіе имѣніями, въ самыхъ гнетущихъ обстоятельствахъ, безъ кредита, безъ оборотнаго капитала, Бисмаркъ выказалъ громадную прозорливость и дѣятельность. Пока суровая нужда тяготѣла надъ нимъ, до тѣхъ поръ находилъ онъ полнѣйшее удовлетвореніе къ сельско-хозяйственной дѣятельности; но чѣмъ болѣе имѣнія трудами его приводились въ порядокъ и чѣмъ болѣе онъ могъ полагаться на довѣренныхъ лицъ, тѣмъ менѣе удовлетворяло его хозяйство; кругъ такихъ занятій былъ для него слишкомъ тѣсенъ. Мучимый жаждою дѣятельности, Бисмаркъ не зналъ чѣмъ наполнить время: то бродилъ безъ цѣли, безъ устали по полямъ, то собиралъ къ себѣ веселыхъ друзей и задавалъ пиры.

Но вдругъ настало время, когда бурная, веселая жизнь въ Книпгофѣ внезапно пріостановилась; сначала этому дивились, потомъ заговорили: «въ Книпгофѣ скоро появится хозяйка». Но хозяйка не являлась; предположеніе

такъ и осталось однимъ предположеніемъ. Вскорѣ потомъ разнесся слухъ: «Бисмаркъ отправляется въ Индію». Но онъ не поѣхалъ въ Индію, хотя можетъ быть и собирался. За все это время Бисмаркъ много работалъ, читалъ преимущественно историческія сочиненія, посѣтилъ Англію, Францію, даже поступилъ вторично въ потсдамское правленіе референдаріемъ, и работалъ прилежно.

Послѣ смерти отца, послѣдовавшей въ ноябрѣ 1845 года, сыновья раздѣлили доставшееся наслѣдство такимъ образомъ, что старшій братъ Бернгардъ получилъ Ярхелинъ, а младшій — Книпгофъ и Шенгаузенъ въ Альтмаркѣ. Съ тѣхъ поръ Бисмаркъ основалъ въ Шенгаузенѣ свое постоянное мѣстопребываніе, и былъ тамъ впослѣдствіи депутатомъ дворянства округа Іерихова на саксонскомъ провинціальномъ сеймѣ въ Мерзебургѣ

Шенгаузенъ, старинное мѣстечко, какъ и вся вообще эта часть Іериховскаго округа, нѣкогда составлялъ владѣніе духовенства. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ жалованнымъ имѣніямъ, которыя императоръ Оттонъ I въ 946 году отвелъ основанному имъ аббатству Гавельбергъ. Эти имѣнія съ теченіемъ времени многообразно дробились, но Шенгаузенъ и Фишбекъ оставались приписанными къ соборной церкви въ Гавельбергѣ собственностью епископа. До пятнадцатаго столѣтія Шенгаузенъ былъ простымъ селеніемъ, но во время епископства Іоанна фонъ-Шлабрендорфа съ 1501 по 1620 г. значеніе Шенгаузена стало возрастать и въ мѣстечкѣ этомъ появились нѣкоторыя городскія учрежденія. Прилегающая къ нему земля, кромѣ лѣсныхъ урочищъ, занимала болѣе двухъ тысячъ моргеновъ подъ пахатью. Результатомъ этого было то, что въ Шенгаузенѣ и донынѣ гораздо болѣе жителей, нежели въ сосѣднемъ городѣ Іериховѣ. Въ тридцатилѣтнюю войну Шенгаузенъ много терпѣлъ то отъ шведовъ, то отъ имперцевъ. Въ 1642 году замокъ былъ разграбленъ и сожженъ, а въ 1651 весь околодокъ покрыло наводненіе. Многіе годы церковь оставалась безъ пастора, пока наконецъ въ 1650 году Бисмарки вызвали пастора Адама Винклера изъ Гросвункова.

Церковь и господскій домъ расположены рядомъ на холмѣ; съ кладбища открывается превосходный видъ на окрестность. Бисмарковская усадьба — подлѣ самой церкви; сюда въѣзжаютъ въ ворота, влѣво отъ которыхъ расположены службы, а передъ ними ростетъ прекрасная раскидистая липа; нѣсколько шаговъ далѣе, минуя громадную вазу изъ песчаника, путникъ станетъ лицомъ къ лицу съ домомъ, въ которомъ родился Бисмаркъ.

Это тяжелое, четырехугольное зданіе (конца XVII столѣтія), мощныя стѣны котораго уцѣлѣли еще отъ перваго замка, опустошеннаго и выжженнаго въ тридцатилѣтнюю войну. Домъ трехэтажный съ высокой крышей. Слѣва начинается паркъ съ превосходными аллеями каштановъ и липъ.

Характеристическія особенности этого дома заключаются въ четырехугольной формѣ, постройкѣ, толщинѣ стѣнъ, широкой тяжелой лѣстницѣ, глубокихъ и сравнительно-низкихъ комнатахъ, и въ изобиліи стюковыхъ работъ на потолкахъ, фризахъ, по каминамъ и нишамъ.

Въ паркѣ, первоначально разбитомъ во французскомъ вкусѣ съ прямыми аллеями, статуями и фонтанами, а нынѣ природно-разросшемся, попадаются мостики, искуственный островокъ съ уединеннымъ павильономъ и двѣ могилы, изъ которыхъ въ одной похороненъ братъ Бисмарка, а въ другой одинъ изъ его родственниковъ. По другую сторону парка разведена оранжерея.

Въ 1846 году Бисмаркъ получилъ первый орденъ, бывшій въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ единственнымъ, украшавшимъ его грудь, и который онъ носитъ еще и до сихъ поръ между звѣздами высшихъ степеней. Лѣтомъ 1842 года, будучи офицеромъ въ кавалерійскомъ полку ландвера и находясь на военныхъ экзерциціяхъ въ Неймаркѣ съ уланскимъ эскадрономъ ландвера, Бисмаркъ однажды вмѣстѣ съ другими офицерами стоялъ на таможнемъ мосту черезъ озеро и замѣтилъ, что его рейткнехтъ Гильдебрандтъ, сынъ лѣсничаго въ его помѣстьяхъ, повелъ лошадь къ озеру для водопоя, неподалеку отъ моста. Вдругъ лошадь потеряла равновѣсіе — и когда испуганный наѣздникъ крѣпко схватился за узду, лошадь опрокинулась и Гильдебрандтъ упалъ въ воду. Раздался громкій крикъ ужаса, въ то же мгновеніе Бисмаркъ сорвалъ съ себя саблю, мундиръ, и очертя голову бросился въ озеро, чтобы спасти своего слугу; но тотъ въ смертельномъ страхѣ обхватилъ Бисмарка обѣими руками такъ сильно, что они оба пошли ко дну. Ихъ считали уже погибшими, но неустрашимый Бисмаркъ высвободился изъ охватившихъ его объятій, черезъ нѣсколько минутъ вынырнулъ на поверхность воды, таща за собой слугу, и вытащилъ его благополучно на берегъ, почти безжизненнаго; но съ помощью различныхъ оживляющихъ средствъ Гильдебрандтъ скоро былъ приведенъ въ себя и на другой день уже совершенно выздоровѣлъ. Нечего и говорить, какъ горячо изъявляли свою благодарность Бисмарку всѣ жители маленькаго городка. За это спасеніе Бисмаркъ получилъ извѣстную прусскую медаль, которая и теперь красуется на ряду съ другими орденами на груди министра-президента. Бисмаркъ гордится этимъ знакомъ отличія — и когда однажды знатный дипломатъ спросилъ его, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ насмѣшки, о значеніи этого ордена, Бисмаркъ рѣзко перебилъ его слѣдующими словами: «Я имѣю обыкновеніе подъ-часъ спасать людей отъ смерти». Дипломатъ молча опустилъ глаза подъ строгимъ взглядомъ, которымъ Бисмаркъ сопровождалъ свои какъ бы шутливыя слова.

Въ домѣ своего друга и сосѣда по имѣнію, Морица фонъ-Бланкенбурга, Бисмаркъ часто встрѣчался съ подругой хозяйки, дѣвицею Іоанною фонъ-Путкаммеръ; еще ближе сошелся онъ съ ней въ одно изъ путешествій, которое предпринимали они вмѣстѣ съ Бланкенбургами. Бисмаркъ скоро признался въ своей любви къ молодой особѣ, но въ этомъ дѣлѣ предстояло много трудностей. Мы упоминали уже, какой дурной славой пользовался Бисмаркъ между старинками и старушками въ Помераніи. Можно себѣ представить, какое смятеніе и ужасъ овладѣли тихимъ, патріархальнымъ домомъ господъ Путкаммеровъ въ Рейнвальдѣ, когда получено было письмо отъ Бисмарка, въ которомъ онъ прямо и открыто просилъ руки ихъ дочери. Ужасъ еще болѣе увеличился, когда дочь хотя робкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердымъ голосомъ созналась въ своей любви къ Бисмарку. «Меня точно обухомъ по головѣ ударили», разсказывалъ впослѣдствіи господинъ фонъ-Путкаммеръ объ впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ сватовствомъ. Онъ далекъ былъ отъ мысли разыгрывать изъ себя роль отца-тирана, а потому скрѣпя сердце далъ свое согласіе и конечно не имѣлъ впослѣдствіи никакой причины раскаяваться; но мать, принявъ это дѣло

гораздо ближе къ сердцу, выказывала сильное сопротивленіе до тѣхъ поръ, пока Бисмаркъ самъ явился въ Рейнвальдъ и въ ея глазахъ заключилъ въ объятія свою невѣсту. Тогда, проливая горячія слезы, она благословила союзъ—и съ той поры сдѣлалась самымъ вѣрнымъ, самымъ ревностнымъ другомъ того человѣка, которому она послѣ такой трудной борьбы отдала свою возлюбленную дочь.

Между временемъ помолвки и свадьбой, Бисмаркъ въ первый разъ былъ на соединенномъ сеймѣ 28 іюля 1847 года.

Отто фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ женился на Іоаннѣ-Фредерикѣ-Шарлоттѣ-Доротеѣ-Елеонорѣ фонъ-Путкаммеръ, родившейся 11 апрѣля 1824 года.

Послѣ свадьбы Бисмаркъ отправился съ молодой женой въ Швейцарію и Италію. Въ Венеціи онъ засталъ короля Фридриха Вильгельма IV, получилъ приглашеніе явиться къ царскому столу и король долго бесѣдовалъ съ нимъ объ нѣмецкихъ дѣлахъ. Этотъ разговоръ имѣлъ большое вліяніе на неожиданное назначеніе Бисмарка посломъ Германскаго союза.

Бисмаркъ основалъ свой домашній очагъ въ старомъ фамильномъ помѣстьѣ въ Шенгаузенѣ. Тамъ, гдѣ прежде стояла его собственная колыбель, въ слѣдующемъ году заняла мѣсто колыбель его первенца-дочери Маріи. Молодые жили также и въ Берлинѣ, во Франкфуртѣ, въ Петербургѣ.

У Бисмарка было трое дѣтей: Марія-Елизавета-Іоанна, Николаусъ-Генрихъ-Фердинандъ-Гербертъ и Вильгельмъ-Отто-Альбрехтъ.

(Окончаніе будетъ).

Прогулка по Петербургу.

(Продолженіе).

Тріумфальныя ворота по нарвской или петергофской дорогѣ, близь Екатерингофа.

Если вы, благосклонный читатель, живя въ провинціи и наслышавшись о великолѣпіи Петербурга, въѣдете въ него съ московскаго тракта, то конечно, вмѣсто того чтобы бы быть поражену величественнымъ видомъ нашей сѣверной столицы, вы будете скорѣе удивляться тому, что Петербургъ вовсе не производитъ на васъ сильнаго впечатлѣнія, къ какому вы, можетъ статься, приготовились. Это чувство обманутаго ожиданія не замедлитъ однакоже смѣниться другимъ, совершенно противоположнымъ, коль скоро, посѣщая окрестности Петербурга, вы будете въѣзжать въ него водою. Наружный видъ Петербурга со стороны Невы и моря очарователенъ — кому неизвѣстно это? Вотъ почему, вмѣсто того чтобъ рисовать передъ нашими читателями прелестную, но все же болѣе или менѣе знакомую имъ картину, мы познакомимъ ихъ съ тѣмъ живописнымъ видомъ, какой представляетъ Петербургъ съ нарвскаго тракта.

Приближаясь къ городу съ этого тракта, вы ѣдете по длинной и довольно широкой дорогѣ, не уступающей, какъ говорятъ, аллеѣ Елисейскихъ полей — въ Парижѣ. Прелестныя загородныя дачи съ своими фантастическими жилищами украшаютъ боковыя аллеи—и глаза ваши, скользя по разнороднымъ домикамъ, останавливаются напослѣдокъ на зданіи тріумфальныхъ воротъ. Вниманіе ваше привлекаютъ эти колоссальные витязи, торжественная колесница, несущая богиню побѣдъ; вы желали бы прочесть надписи, познакомиться съ исторіей памятника.... Это очень легко сдѣлать, если только вы потрудитесь прочесть предлагаемое нами описаніе.

Тріумфальныя ворота по нарвской или петергофской дорогѣ воздвигнуты въ память участія императорской гвардіи въ отечественной войнѣ, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ воротъ, построенныхъ по повелѣнію Александра I, на той же самой дорогѣ, для возвращенія изъ Парижа войскъ. Въ послѣднее время своей жизни Императоръ Александръ I имѣлъ намѣреніе, согласно съ постановленіемъ с.-петербургскаго дворянства, состоявшимся въ 1814 году, соорудить въ честь гвардейскаго корпуса каменныя тріумфальныя ворота, сохранивъ притомъ, сколько возможно, видъ такихъ же временныхъ воротъ, выстроенныхъ по плану архитектора Гваренги; но это намѣреніе оставалось неисполненнымъ, хотя бывшій начальникъ гвардейскаго корпуса генералъ Уваровъ и пожертвовалъ для этой цѣли 400,000 рублей, а петербургское дворянство и купечество, послѣ отечественной войны 1812 года, внесло отъ себя въ Заемный Банкъ, для сооруженія воротъ 56,663 р. 32½ коп., которые хранились съ приращеніемъ процентовъ, увеличившихъ капиталъ къ 1827 году до 102,021 р. 42 к. Наконецъ, поручивъ сооруженіе воротъ особому комитету, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Михаила Павловича, и придворному архитектору Стасову, Императоръ Николай I совершилъ 17 августа (день Кульмскаго сраженія) 1827 года закладку воротъ, при чемъ, между прочимъ, должны были присутствовать всѣ чины гвардейскаго корпуса, бывшіе въ сраженіи подъ Кульмомъ, 17 и 18 августа, и служившіе въ походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Въ 1833 году тріумфальныя ворота были сооружены окончательно, а 18 августа 1834 года открыты въ присутствіи Государя Императора, Великаго Князя Михаила Павловича и воиновъ, участвовавшихъ въ отечественной кампаніи 1812 года.

Касательно зданія тріумфальныхъ воротъ мы сдѣлаемъ слѣдующія замѣчанія. Будучи сооружены изъ гранита съ мѣдною одеждою, эти ворота, кромѣ стѣнъ и сводовъ, составлены изъ двадцати колоннъ, имѣющихъ, между базою и капителью 15 аршинъ вышины, при 2 аршинахъ ширины въ нижнемъ діаметрѣ и 1 арш. $10^2/_3$ вершк. въ верхнемъ; двѣнадцати разныхъ капителей, вышиною 2, шириною 2 арш.; карнизовъ и ваятельныхъ украшеній, какъ-то: четырехъ воиновъ въ одѣяніи старинныхъ русскихъ витязей, поставленныхъ на боковой части воротъ, каждый воинъ вышиною въ $5^1/_2$ аршинъ,—и изображеній, представляющихъ двѣнадцать побѣдъ, вышиною въ 5 аршинъ, четыре славы надъ арками, величиною въ $5^1/_4$ аршинъ, и побѣду въ колесницѣ, запряженной четырьмя конями, величиною въ $5^1/_2$ аршинъ. Надписи, сдѣланныя литыми бронзовыми буквами, слѣдующаго содержанія:

1. Главная, въ серединѣ аттики.

Побѣдоносной Россійской Императорской Гвардіи

признательное отечество въ 18 день августа 1834 года.

2. Въ главномъ фризѣ.

Воздвигнуты повелѣніемъ Императора Александра Перваго.

Съ другой стороны: 18 августа 1834 года

5. На маломъ фризѣ внутри воротъ.

Сооружены значительнымъ денежнымъ соучастіемъ начальствовавшаго Гвардейскимъ Корпусомъ Генерала Уварова.

Тріумфальныя ворота по нарвской или петергофской дорогѣ, близь Екатерингофа.

Рисовалъ де-ла-Шарлери, гравировалъ Паннемакеръ.

3. Съ боковъ главной надписи, съ обѣихъ сторонъ воротъ въ аттикѣ, вмѣсто барельефовъ.

Въ 1-й { Бородино, Тарутино } Во 2-й { М. Ярославецъ, Красное }

Въ 3-й { Кульмъ, Лейпцигъ } Въ 4-й { Ф. Шампенуазъ, Парижъ. }

4. На боковыхъ фасадахъ, подъ нишами.

Съ одной стороны: 17 августа 1827 года.

За тѣмъ надъ статуями воиновъ къ городу и ко въѣзду въ городъ начертаны имена различныхъ полковъ императорской гвардіи.

Во внутренность зданія ведутъ два входа, устроенные подъ аркою въ видѣ нишей, а въ аттикѣ сохраняются документы касательно походовъ 1812, 1813 и 1814 годовъ.

Общій итогъ суммы, употребленной на сооруженіе

этого памятника — 1.096,125 рублей 90 коп. Мѣдная одежда и украшенія отлиты на Александро-невскомъ чугунно-литейномъ заводѣ, подъ наблюденіемъ Кларка, а модели фигурамъ дѣланы профессоромъ Демутомъ-Малиновскимъ и другими художниками Императорской академіи художествъ.

Переправа черезъ Енисей.

Енисейская губернія, занимающая громадное пространство въ 2.211,589 квадратныхъ верстъ (почти $^1/_4$ Европы), надѣлена рѣкою, вполнѣ соотвѣтствующею размѣрамъ орошаемой поверхности. Енисей, берущій начало подъ именемъ Кеми за южными предѣлами губерніи, протекаетъ ее на всемъ протяженіи къ сѣверу, разсѣкая ее пополамъ; длина его 748 миль. Устье его, образующее дельту островами, разсѣянными въ такъ-называемомъ Енисейскомъ заливѣ, имѣетъ 10 миль ширины и большею частію бываетъ обложено полярнымъ льдомъ. Послѣднее къ сѣверу поселеніе, въ которомъ еще возможно зимовать, Крестовское, лежитъ почти въ 15-ти миляхъ отъ моря. Съ обѣихъ сторонъ въ Енисей впадаютъ многія горныя рѣки. Съ лѣвой стороны Енисей принимаетъ въ себя Абаканъ, многоводную и быструю рѣку, съ живописными берегами, текущую въ узкой горной долинѣ. Съ правой въ Енисей вливается Ангара, которая начинается на сѣверо-востокѣ Байкала, подъ именемъ Верхней Ангары, протекаетъ это озеро и выходитъ изъ него подъ названіемъ Нижней Ангары (или Верхней Тунгузки); на ней много острововъ. Прочіе притоки Енисея съ правой стороны: Подкаменная или Средняя Тунгузка, текущая между скалами и горами, отчего и получила свое названіе,— и Нижняя Тунгузка.

На Енисеѣ лежатъ три города: Красноярскъ (губернскій), въ одной изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей Сибири, гдѣ хорошо родится рожь и табакъ, а прекрасные луга даютъ возможность заниматься скотоводствомъ; Енисейскъ, торгующій хлѣбомъ, рыбою и солью, и Минусинскъ съ плодородными окрестностями.

Всѣ три города находятся въ южной части губерніи, сѣверная же населена лишь кочующими и охотничьими племенами.

У береговъ Енисея, близь Абаканска, находится гора Изикъ, о которой мы упоминали въ статьѣ «Шаманство и шаманы», замѣчательная древними могилами, заключающими въ себѣ различныя золотыя и серебряныя украшенія, а также грубо-отесанными статуями отъ 7—9 футовъ вышиною, покрытыми диковинною рѣзьбой. Кромѣ того часто встрѣчаются курганы, въ которыхъ, вмѣстѣ со скелетами и пепломъ, находятъ бронзовую и деревянную утварь, металлическихъ или каменныхъ истуканчиковъ.

На обширномъ пространствѣ береговъ Енисея лежатъ тундры и встрѣчаются деревья южной растительности; изъ животныхъ здѣсь можно встрѣтить множество родовъ и видовъ, начиная отъ полярнаго медвѣдя и до хищника тропическихъ странъ, тигра, изрѣдка забѣгающаго сюда съ истоковъ Оби. Бѣдная и суровая картина на сѣверѣ измѣняется на югѣ въ живописные и роскошные пейзажи.

А человѣкъ—какимъ онъ является въ этихъ странахъ? На югѣ онъ имѣлъ когда-то могущественное вліяніе на судьбы сосѣдственныхъ съ собою народовъ; теперь же за монгольскими племенами осталась лишь грубость кочеваго состоянія или непоколебимость ламайскихъ вѣрованій, въ которыхъ они пребываютъ, оставаясь глухими ко всякому прогрессу. Далѣе, гдѣ скотоводство становится почти невозможнымъ, живутъ небольшими скопищами остатки звѣроловныхъ народовъ, происхожденіе которыхъ опредѣлить весьма не легко. Къ нимъ примыкаютъ народы, населяющіе высокія сѣверныя плоскогорья.

Населеніе Сибири вообще такъ не пропорціонально къ ея огромному пространству, что даже маленькая Бельгія (550 кв. миль), имѣющая $4^1/_2$ милліона жителей, относительно народонаселенія значительно превосходитъ Сибирь, гдѣ насчитывается всего 4.625,699 душъ. Но и это ничтожное населеніе распредѣлено весьма неравномѣрно. Жители, большею частію русскіе и татары, преимущественно поселились на югѣ и западѣ, по рѣкамъ и вдоль главныхъ путей сообщенія, ведущій изъ одной рѣчной области въ другую, какъ напр. Енисейская система посредствомъ Ангары и озера Байкала соединяется съ истоками Лены и ея системой. На сѣверѣ точно такъ же большинство жителей разсѣялось вдоль рѣкъ; а большая часть какъ неизмѣримой лѣсной области, такъ и необозримой тундры, или вовсе необитаема, или же по ней разгуливаютъ небольшія орды кочевыхъ инородцевъ.

Конечно, Сибирь богата судоходными рѣками, но достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что, не смотря на обиліе воды, эти рѣки мало приносятъ пользы для внутреннихъ сообщеній. Всѣ рѣки текутъ съ юга на сѣверъ въ негостепріимное море, вѣчно закрытое для мореплаванія, да и сами онѣ бываютъ закованы льдомъ въ теченіи большей части года. Огромныя пространства отдѣляютъ бассейнъ одной рѣки отъ бассейна другой, что требуетъ частой перегрузки товаровъ.

Холода играютъ въ Сибири чрезвычайно важную роль. Зимній холодъ Иркутска, Якутска и Енисейска превосходитъ по разсчету средней температуры даже полярныя страны. Различныя причины обусловливаютъ такую низкую зимнюю температуру въ сердцѣ Сибири. Во первыхъ, эта страна есть большая равнина, спускающаяся къ Ледовитому морю; во вторыхъ, Сибирь лежитъ такъ далеко отъ умѣряющаго холодъ Океана, что по ту сторону Уральскихъ горъ теплый западный вѣтеръ уже дѣлается холоднымъ, континентальнымъ вѣтромъ,—и, въ третьихъ, огромная, въ 4,000 футовъ высоты, монгольская горная возвышенность не пропускаетъ въ Сибирь много тепла съ юга, такъ-что зимою, откуда ни дуй вѣтеръ, онъ приноситъ на своихъ крыльяхъ только одинъ холодъ.

Лѣтомъ сцена перемѣняется. Подъ вліяніемъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, около сѣвернаго полюса вращающагося солнца, волны тепла развиваются по внутренности Сибири и быстро поднимаютъ ртуть термометра. Нѣтъ близкаго моря, освѣжающаго воздухъ прохладнымъ вѣтромъ; подуетъ-ли онъ съ раскаленной монгольской пустыни или пройдетъ по громадной равнинѣ, онъ лишь насытится тепломъ. И такимъ образомъ, за страшною зимою слѣдуетъ такое же неумѣренное лѣто.

Образъ Іоасафской Божіей Матери
въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

Архангельскій соборъ, стоящій вмѣстѣ съ прочими соборами *на бору*, на гребнѣ Кремлевской горы, или, какъ выражались встарину, *на маковицѣ*,—самъ по себѣ достопамятенъ во многихъ отношеніяхъ; онъ основанъ еще въ 1333 г. Вел. княз. Іоанномъ Даниловичемъ Калитою, въ благодарность Богу, за избавленіе отъ бывшаго въ Москвѣ голода; при вел. кн. Василіѣ Іоанновичѣ и при митрополитѣ Симеонѣ со всѣмъ священнымъ соборомъ перенесли въ него мощи русскихъ великихъ князей. Наконецъ по указу императрицы Екатерины II-й, онъ опять возобновленъ и украшенъ въ 1772 г. До XVIII стол. этотъ соборъ былъ царской усыпальницей, первымъ положенъ въ него основатель храма въ 1341 г. Въ соборѣ трое мощей и 52 гробницы, въ числѣ которыхъ одна императорская (Петра II); на стѣнахъ, противъ гробницы, находятся портреты родовыхъ и удѣльныхъ князей.

Въ соборѣ два придѣла: св. *Іоанна Предтечи* (гдѣ погребенъ кн. Скопинъ-Шуйскій, тамъ находится и портретъ его) и *Покрова Пресвятой Богородицы*, въ иконостасѣ котораго замѣчательны иконы своимъ богатымъ убранствомъ: *Спаситель*, сидящій на престолѣ, архистратигъ небесныхъ силъ, *Михаилъ Архангелъ*, образъ *Пресвятой Богородицы* съ предвѣчнымъ младенцемъ, въ сіяніи и проч. Тамъ много драгоцѣнностей [1]), дорогія раки, покровы на нихъ, евангелія, кресты, кадилы, кіоты и пр.

Великіе князья и цари, предъ походами своими на враговъ, также и въ прощальные дни на масляницѣ, и въ христо-воскресные хаживали въ Архангельскій соборъ поклониться своимъ предкамъ [2]).

Тамъ, налѣво отъ царскихъ воротъ на особомъ налоѣ, поставлена икона *Одигитріи* (Смоленской Божіей Матери); въ длину она менѣе аршина, а въ ширину нѣсколько болѣе полуаршина. Эта икона принадлежитъ Іосафу и извѣстна подъ именемъ *Іосафской* [3]). Она извѣстна по древности, по изображенію и по оригинальному убранству своему. Должно полагать что этотъ образъ поставленъ въ Архангельскомъ соборѣ не въ древнее время, потому что объ ней не упоминается ни въ одномъ путеводителѣ, памятникѣ событій и въ указателѣ древнихъ монастырей и церквей московскихъ, въ которыхъ встрѣчаемъ довольно подробное описаніе иконъ, находящихся въ Архангельскомъ и другихъ соборахъ; въ нихъ означена даже мѣра и вѣсъ золота въ ризахъ и въ вѣнцахъ. На краяхъ доски Іосафской Божіей Матери изображены лики разныхъ святыхъ; точная копія ея представляется въ прилагаемой здѣсь картинѣ.

С. Любецкій.

[1]) Къ числу ихъ принадлежитъ рукописная псалтирь, съ краткимъ толкованіемъ, изложенная красивымъ уставомъ; на поляхъ ея изображены лица, упоминаемыя пророками въ псалмахъ.

Еще находится тамъ *тафья* или *скуфья*, убранная яхонтами и жемчугомъ; ее принесъ въ соборъ, въ 1700 г. Стольникъ Нарышкинъ, объявивъ, что ее прислалъ государь Петръ Алексѣевичъ и что эту скуфью носилъ царевичъ Димитрій Іохимовичъ. Замѣтимъ кстати, что подобное головное украшеніе носили тогда и свѣтскіе люди.

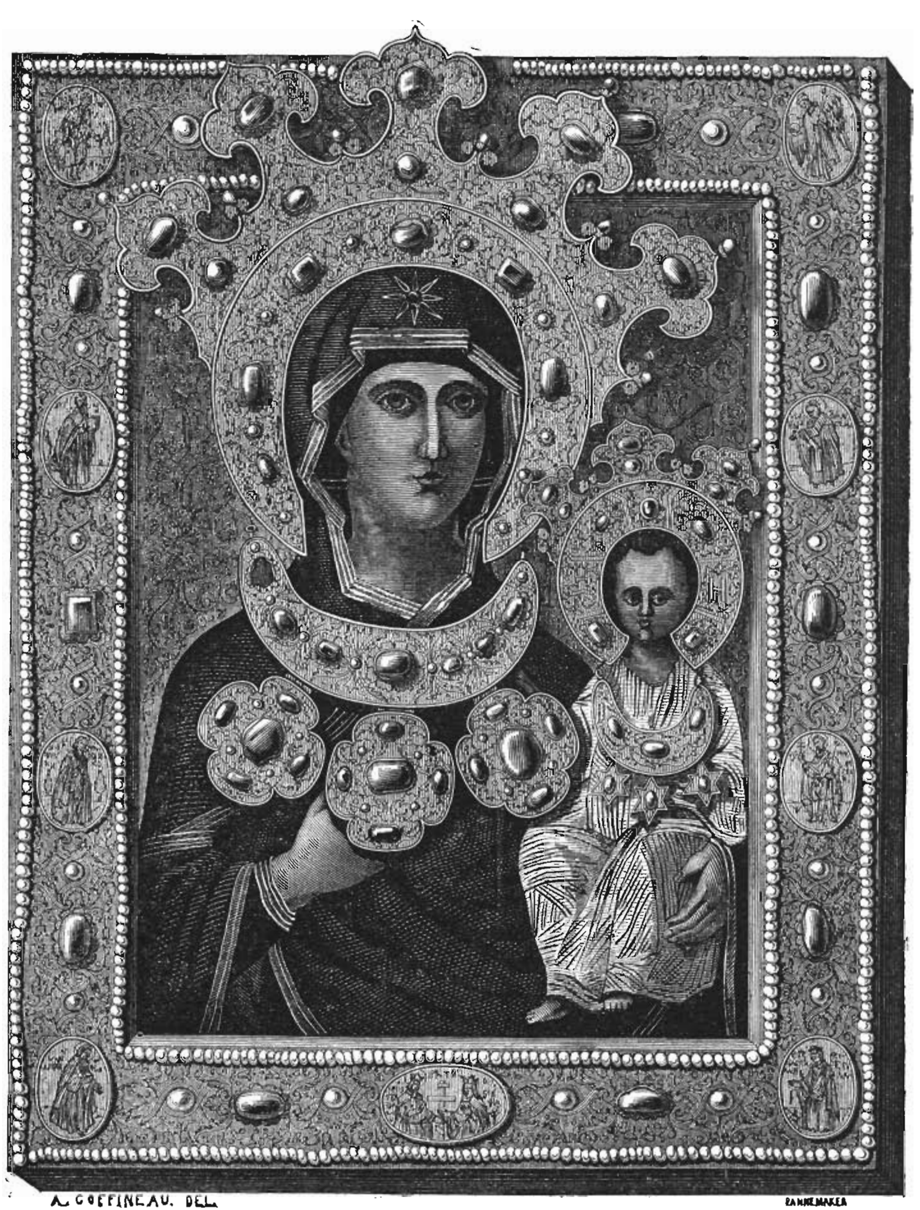
[2]) Мѣстомъ погребенія велик. княгинь былъ Спасопреображенскій соборъ до сооруженія Вознесенскаго монастыря.

[3]) Патріархъ Іосафъ находился на патріаршемъ престолѣ въ XVII столѣт. и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ.

Судебная хроника.

Дѣло объ убійствѣ Ф. Штрамъ. Въ Петербургѣ, по Средней Подъяческой улицѣ, въ домѣ Ханкиной, въ августѣ мѣсяцѣ настоящаго года проживало небогатое семейство, состоявшее изъ матери Елизаветы Штрамъ—старухи лѣтъ за 50, и сына ея Александра — 23 лѣтъ. Семейство это, не пользовавшееся хорошею репутаціею, перебивалось изо дня въ день: за квартиру платили по 2 и по 3 рубля, а за послѣдніе два мѣсяца и вовсе не платили; вслѣдствіе чего имущество ихъ было описано и продано за 6 рублей. Послѣ продажи у нихъ остались только двѣ кровати и подушки. Жили они тихо, т. е. у нихъ никто почти не бывалъ; но между матерью и сыномъ происходили частые споры и брань, причемъ мать упрекала сына за то, что онъ не хочетъ идти на работу. Въ 1864 году, по пріѣздѣ изъ Ревеля, мать отдала своего сына въ ученье къ переплетному мастеру, у котораго Александръ Штрамъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, по контракту, въ качествѣ ученика, а потомъ мѣсяцевъ 8 жилъ подмастерьемъ. По отзыву этого переплетнаго мастера, Александръ Штрамъ былъ мальчикъ старательный, скромный и любимый всѣмъ его семействомъ; характера онъ былъ очень мягкаго, даже къ животнымъ относился съ большимъ состраданіемъ; былъ до того робокъ, что когда у хозяина умерла дочь, то онъ, 17-ти-лѣтній мальчикъ, боялся пройти мимо покойницы, такъ что надъ нимъ даже смѣялись. Сдѣлавшись подмастерьемъ, Штрамъ получалъ по 1 р. 15 к. въ день, и былъ очень хорошимъ работникомъ; но потомъ сталъ вдругъ небрежнѣе къ своему дѣлу и даже по нѣсколько дней не приходилъ, вслѣдствіе чего ему было отъ мѣста отказано. По разъясненію свидѣтелей, причиною этой перемѣны въ Штрамѣ было знакомство съ дочерью Елизаветы Таленъ, любовныя отношенія, возникшія между ними и потомъ разныя непріятности по поводу писемъ, полученныхъ ею отъ другаго мужчины. Приходя въ гости къ Таленъ, Александръ Штрамъ неоднократно говорилъ, что будетъ богатъ, что у него есть богатый дядя, отъ котораго онъ получитъ наслѣдство. Дядя, о которомъ такъ часто упоминалъ Александръ Штрамъ, дѣйствительно существовалъ: это былъ родной братъ его отца, Филиппъ Штрамъ пріѣзжавшій по временамъ въ Петербургъ изъ Ревеля. Каждый разъ онъ останавливался у Елизаветы Штрамъ, которой никогда ничего не платилъ за это и не помогалъ, хотя разсказывалъ, что она очень нуждается, такъ что иногда сидитъ безъ хлѣба. Занимая мѣсто домашняго учителя, онъ скопилъ небольшія деньги; благодаря чрезвычайной скупости, доходившей до того, что онъ отказывалъ себѣ даже въ бѣльѣ и не носилъ рубашки, ему удалось сберечь эту сумму неприкосновенною. Деньги свои онъ хранилъ въ Обществѣ Взаимнаго кредита. Въ послѣдній разъ Филиппъ Штрамъ былъ въ Петербургѣ въ августѣ текущаго года и, по обыкновенію, остановился у жены брата своего, которая съ 1864 года, т. е. со времени переѣзда въ Петербургъ, жила врозь съ мужемъ. Семейство Штрамъ оставалось въ этой квартирѣ до 18-го августа, причемъ съ 7-го августа никого

изъ постороннихъ жильцовъ въ квартирѣ не было. 18-го августа оно выбыло въ Ревель. Квартира нѣсколько дней оставалась незанятою. Но вотъ, 11-го сентября полиція получаетъ извѣстіе, что вновь переѣхавшими въ эту квартиру жильцами усмотрѣнъ на чердакѣ сундукъ, заложенный кусками гипса, запертый висячимъ замкомъ и издававшій сильный гнилостный запахъ. Прибывшіе въ означенную квартиру судебный слѣдователь, товарищъ прокурора и участковый приставъ вскрыли сундукъ и въ немъ нашли сильно-изгнившій трупъ неизвѣстнаго мужчины, пожилыхъ лѣтъ. Трупъ лежалъ на лѣвомъ боку съ согнутыми въ колѣнкахъ и прижатыми къ передней части туловища нижними конечностями. Голова и туловище трупа были обернуты простынею. Шея трупа была крѣпко стянута ремнемъ; другой ремень, привязанный къ первому, обхватывая нижнія конечности трупа, притягивалъ ихъ вверхъ. Трупъ былъ одѣтъ въ изгнившую и лопнувшую по швамъ одежду, въ видѣ камзола, а на днѣ сундука лежалъ старый, грязный сюртукъ. Близь сундука найдена наволочка отъ перины съ кровяными пятнами. При врачебномъ осмотрѣ и вскрытіи, на головѣ трупа оказались три прямолинейныя прорубленныя раны, проникавшія сквозь черепныя кости. По заключенію врача, смерть означеннаго человѣка произошла отъ ранъ нанесенныхъ топоромъ, и со времени убійства прошло отъ 3 до 4 недѣль. При осмотрѣ трупа, дворникъ дома Ханкиной призналъ въ убитомъ старика, часто посѣщавшаго Штрамъ, а съ начала августа вовсе не появлявшагося. Въ то же время стало извѣстнымъ, что въ ночь съ 12-го на 13-е августа полиціею задержаны Александръ Штрамъ и нѣкто Эммануилъ Скрыжаковъ, личный почетный гражданинъ, съ книгою чековъ Общества взаимнаго кредита и девятью векселями на имя ревельскаго уроженца Филиппа Штрамъ. Затѣмъ поэтому же дѣлу была арестована и Елизавета Штрамъ. При первоначальномъ допросѣ, Александръ Штрамъ, сознаваясь въ убійствѣ дяди, показалъ, что убилъ его на чердакѣ, въ отсутствіе матери, посредствомъ гипсоваго камня; но послѣ того измѣнилъ показаніе, объяснивъ, что убійство было задумано имъ еще въ іюнѣ наст. года, по наущенію Скрыжакова, который неоднократно совѣтовалъ убить дядю Филиппа Штрама, чтобы воспользоваться его имуществомъ и увѣрилъ, что убійство никогда не откроется, такъ какъ Филиппъ Штрамъ не имѣетъ паспорта; онъ же, Скрыжаковъ отрубитъ убитому голову, руки и ноги и разнесетъ по сторонамъ. Въ субботу вечеромъ 7 августа, онъ, Александръ Штрамъ, окончательно рѣшился. На утро, когда Филиппъ Штрамъ лежалъ на постели въ третьей комнатѣ, Елизавета Штрамъ стояла у окна въ той же комнатѣ и въ квартирѣ болѣе никого не было, — онъ взялъ въ кухнѣ топоръ, незамѣтно подошелъ къ дядѣ и убилъ его нѣсколькими ударами топора по головѣ; затѣмъ Елизавета Штрамъ вышла въ другую комнату, а онъ взялъ у убитаго 16 к. деньгами, книгу чековъ и векселя, вымылъ въ комнатѣ кровь, уложилъ тѣло въ сундукъ и вкатилъ сундукъ на чердакъ. Далѣе Александръ Штрамъ сознался, что пытался вмѣстѣ съ матерью, Елизаветою Штрамъ, и Эммануиломъ Скрыжаковымъ сбыть книгу чековъ убитаго и векселя, чтобъ получить по нимъ денегъ, но въ ночь съ 12 на 13 августа былъ задержанъ, и означенные документы были отъ него отобраны. По объясненію Александра Штрамъ, послѣ убійства, мать купила ему, вмѣсто окровавленныхъ, другіе панталоны; сюртукомъ же, жилеткою и сапогами онъ Штрамъ, перемѣнился съ Скрыжаковымъ. Елизавета Штрамъ и Скрыжаковъ на предварительномъ слѣдствіи ни въ чемъ не сознались. Векселя же и книжку чековъ сбывали не зная будто бы о способѣ, какимъ они добыты. На основаніи многихъ уликъ и собственнаго сознанія Александра Штрамъ, три означенныя лица преданы были суду окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Товарищъ прокурора, въ своей рѣчи доказывалъ, что убійство совершено раннимъ утромъ, когда въ квартиру никто изъ постороннихъ войдти не могъ, и притомъ не на чердакѣ, а въ комнатѣ, въ то время, когда покойный спалъ или лежалъ въ постели, что Скрыжакова можно обвинить въ укрывательствѣ преступленія, равно какъ и Елизавету Штрамъ, но

Образъ Іосафской Божіей Матери въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

Переправа чрезъ Енисей.

сія послѣдняя, по мнѣнію товарища прокурора, заслуживаетъ снисхожденія, такъ какъ дѣйствовала въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ любви къ сыну, который на судѣ старался выгородить мать отъ прежнихъ своихъ оговоровъ. Защита указывала на испорченную среду, въ которой жили подсудимые, ихъ крайнюю нужду и нѣкоторыя хорошія качества, могущія возбуждать къ нимъ снисхожденіе. Присяжные признали Александра Штрамъ виновнымъ въ убійствѣ своего дяди съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, и въ завладѣніи имуществомъ покойнаго; Скрыжакова — виновнымъ въ томъ, что послѣ совершенія убійства завѣдомо участвовалъ въ мѣрахъ къ сбыту или закладу чековъ, заграбленныхъ у Филиппа Штрама, и наконецъ Елизавету Штрамъ—въ томъ-же что и Скрыжакова, но заслуживающею снисхожденія. Вслѣдствіе чего судъ приговорилъ: Александра Штрамъ сослать въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, Скрыжакова — въ крѣпостяхъ на 9 лѣтъ и Елизавету Штрамъ на 5 лѣтъ, и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

Дѣло о поджогѣ. Корреспондентъ «Русскаго Міра» разсказываетъ, что 19 октября въ К...... окружномъ судѣ разбиралось дѣло, довольно необыкновенное по мотивамъ преступленія. Сущность его заключается въ слѣдующемъ: М......, крестьянину одной изъ деревень К...... губерніи, надоѣла жена, и онъ, прельстясь красотой и свѣжестью крестьянской дѣвушки Н......, которой тогда было 17 лѣтъ, началъ за ней ухаживать. Дѣло кончилось тѣмъ, что между ними завязалась любовная связь. Эта связь не могла остаться тайной, и слухъ о ней дошелъ до родителей подсудимой. Встревожась этимъ извѣстіемъ, они, не долго думая, подыскали ей жениха, вдовца, у котораго была куча дѣтей, и выдали дочь за него замужъ. Любовникъ при этой вѣсти совершенно потерялся: онъ плакалъ и упрашивалъ Н......, чтобъ она не слушалась отца, хотѣлъ повѣситься или зарѣзаться и, кромѣ того угрожалъ отмстить отцу Н...... поджогомъ его дома. Поджечь ему однако не удалось, такъ какъ онъ вскорѣ былъ взятъ сельскимъ начальствомъ подъ надзоръ; но онъ не оставилъ своего намѣренія и исполнилъ его посредствомъ своей прежней возлюбленной. Онъ выбралъ какую-то минуту для свиданія съ ней и началъ уговаривать Н...... поджечь домъ своего мужа. Та, не понимая, къ чему это поведетъ, спрашивала его: «что же изъ этого выйдетъ?»—«Пойдемъ вмѣстѣ по одной дорогѣ», отвѣчалъ тотъ. Н...... исполняетъ порученіе своего возлюбленнаго—и двадцать домовъ въ деревнѣ дѣлаются жертвою пламени. Вотъ обстоятельства дѣла. Суду предстояло рѣшить, какъ дѣйствовала подсудимая: по собственной ли иниціативѣ, или по подстрекательству М......, какъ слѣпое его орудіе? Присяжные признали ее невиновною; а М...... виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія. Приговоръ суда корреспондентъ почему-то не сообщаетъ.

Случай съ ходатаемъ по дѣламъ. Съ введеніемъ новаго суда, особенно размножились частные ходатаи по дѣламъ. Къ сожалѣнію, большинство ихъ выбрало эту дорогу не по призванію или подготовкѣ, а просто потому, что занятіе подобнаго рода представляетъ довольно легкое средство къ наживѣ. Въ разнообразной коллекціи представителей этой промышленности находятся личности самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, званій и состояній. Кромѣ заштатныхъ и отставныхъ чиновниковъ, хожденіемъ по дѣламъ занимаются отставные офицеры, юнкера, выключенные изъ учебныхъ заведеній воспитанники, бывшіе купеческіе прикащики, цѣловальники и проч. До какой степени эти люди приготовлены къ своему дѣлу и какъ они ведутъ его, — можетъ служить образчикомъ слѣдующій случай, приводимый «Петерб. Вѣдомостями:»

На прошлой недѣлѣ въ одномъ засѣданіи мироваго съѣзда слушались гражданскія дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ. Предсѣдатель, прочитавъ содержаніе иска, вызываетъ стороны. Выходятъ отвѣтчикъ мѣщанинъ и повѣренный истицы, частный ходатай. Объявивъ свою фамилію, онъ опирается на пюпитръ. «Что имѣете сказать?» спрашиваетъ предсѣдатель.

Кажется, этого только и ждалъ ходатай. Рѣкой полились слова изъ медоточивыхъ устъ его, скоро, безостановочно, однообразнымъ тембромъ— какъ по писанному. Публика не наслушается, только судьи что-то съ двусмысленной улыбкой смотрятъ на защитника.

— Постойте! раздается вдругъ голосъ предсѣдателя.

Защитникъ замолкъ.

— Какъ вамъ не совѣстно, милостивый государь, продолжаетъ обыкновеннымъ, тихимъ голосомъ предсѣдатель:— вы беретесь за дѣло, хотите вести его, защищать передъ судомъ, а не потрудились вникнуть въ смыслъ, въ сущность его. Вѣдь вы совсѣмъ не то говорите!...

Защитникъ хотѣлъ что-то возражать и даже произнесъ уже какое-то слово.

— Довольно! перебилъ его, уже гораздо громче, предсѣдатель.

Затѣмъ, послѣ краткаго на мѣстѣ совѣщанія, объявлена была резолюція суда, — «въ искѣ просительницѣ отказать!»

Политическое обозрѣніе.

Ни въ одномъ изъ современныхъ государствъ, за исключеніемъ развѣ Франціи, перемѣны во внутреннемъ управленіи не слѣдуютъ такъ быстро какъ въ Австріи. Едва только успѣло выйти въ отставку министерство гр. Гогенварта, какъ произошла новая перемѣна: графъ Бейстъ, занимавшій постъ министра иностранныхъ дѣлъ, государственнаго канцлера и министра императорскаго двора, подалъ въ отставку и сейчасъ же получилъ ее. Такое неожиданное происшествіе подняло на ноги всю централистскую партію; нѣмцы сильно опечалены выходомъ въ отставку человѣка, политика котораго въ послѣднее время клонилась къ тому, чтобы какъ можно тѣснѣе сблизить Австрію съ Германіей. Но таковы неисповѣдимыя судьбы исторіи, которая подчиняетъ факты множеству самыхъ разнообразныхъ причинъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ поручено графу Андраши, венгерскому министру. Новая загадка! Графъ Андраши до сихъ поръ сходился въ своихъ взглядахъ съ гр. Бейстомъ и отличался отъ него только большею рѣшимостью по отношенію къ Россіи... Слѣдовательно, перемѣны въ политикѣ при новомъ министрѣ ожидать нельзя, такъ-какъ прежній замѣщенъ лицомъ одной съ нимъ политической партіи. Но въ такомъ случаѣ, чѣмъ же объяснить увольненіе гр. Бейста отъ должности министра иностр. дѣлъ? Газеты пускаются во всевозможныя объясненія причинъ, побудившихъ его оставить свой постъ именно въ то время, когда политика его,—какъ внѣшняя, такъ и внутренняя,—взяла верхъ надъ вліяніями другихъ государственныхъ дѣятелей Австріи.

Многія изъ нихъ приходятъ къ заключенію, что поводомъ къ отставкѣ послужили личныя столкновенія... Если такое объясненіе и справедливо, то отъ этого остальнымъ народностямъ Австріи все-таки не легче. Вотъ почему чешскія газеты и тѣ изъ нѣмецкихъ, которыя сочувствовали задуманному чехами преобразованію,—всѣ эти газеты крайне неодобрительно отзываются о новомъ назначеніи. Чехи кромѣ того, имѣютъ еще другой поводъ къ неудовольствію: они не могутъ быть довольны назначеніемъ новаго министра — президента, графа Келлерсперга, которому, по выходѣ въ отставку министерства гр. Гогенварта, порученъ подборъ остальныхъ министровъ, а также назначеніемъ генерала Келлера— чешскимъ намѣстникомъ. Оба эти лица крайне ненавистны

чехамъ: одинъ—какъ самый крайній нѣмецкій централистъ, всегда рѣзко противившійся чешскимъ требованіямъ, что въ особенности доказалъ въ бытность свою сначала вице-президентомъ чешскаго намѣстничества, а потомъ и намѣстникомъ; другой—за свою безграничную ненависть къ чехамъ и вообще какъ человѣкъ крутаго военнаго нрава. Обсуждая эти назначенія, чешская газета «Народные Листы» говоритъ, что если оба эти лица задумаютъ возвратиться къ своей прежней политикѣ, то они, чехи, съумѣютъ справиться съ своими противниками, которые въ лицѣ Келлерсперга дѣлаютъ открытый вызовъ Чехіи. Поэтому, чехи рѣшили не отвѣчать на послѣдній императорскій рескриптъ и не посылать депутатовъ въ Рейхсратъ. Вообще, нынѣшнее настроеніе чеховъ, вызванное происками нѣмецкой партіи, не предвѣщаетъ въ будущемъ ничего хорошаго.

Пренія въ германскомъ парламентѣ (Рейхстагѣ) замѣчательны въ особенности тѣмъ, что чрезвычайно ясно показываютъ отношенія мелкихъ государствъ къ Пруссіи послѣ франко-германской войны и взгляды представителей ихъ на ту роль, которую Германская имперія должна имѣть по отношенію къ отдѣльнымъ государствамъ. Два вопроса, поднятые и обсужденные въ собраніи германскихъ представителей, чрезвычайно вѣрно характеризуютъ настроеніе нѣмцевъ по этимъ двумъ предметамъ. Первый вопросъ касается основанія имперскаго военнаго фонда (отдѣльныхъ суммъ)—взамѣнъ нынѣшняго прусскаго. По этому поводу высказаны были два мнѣнія: одно—въ пользу предложенія, доказывавшее необходимость образованія такого фонда въ виду всевозможныхъ политическихъ случайностей, другое—противъ него. Многіе депутаты, преимущественно изъ южныхъ государствъ Германіи, доказывали, что лучшимъ источникомъ, изъ котораго государство можетъ черпать средства для войны, служитъ кредитъ, а не постоянный военный фондъ, представляющій постоянную угрозу войной; притомъ, если Германія потерпитъ пораженіе, то весь военный фондъ достанется непріятелю. А между тѣмъ, всѣмъ понятно, сколько крови пролито за каждый талеръ военной контрибуціи. Нѣкоторые изъ депутатовъ предлагали установить за правило, что, въ случаѣ войны, расходованіе суммъ изъ военнаго фонда должно быть производимо не иначе какъ съ согласія Союзнаго Совѣта и Рейхсрата—и только въ случаѣ оборонительной войны, когда необходима скорость дѣйствія, позволеніе можетъ быть испрошено позже. Несмотря, однако, на всѣ эти возраженія, вопросъ объ образованіи военнаго фонда былъ принятъ большинствомъ голосовъ. Другой еще болѣе интересный вопросъ относится къ тому, вправѣ-ли Германская имперія предписывать для отдѣльныхъ германскихъ государствъ ту или другую форму правленія. Вопросъ этотъ возбужденъ былъ совершенно случайно, по поводу заявленія одного изъ депутатовъ, что въ великомъ герцогствѣ Мекленбургскомъ не существуетъ представительнаго правленія, а это, какъ извѣстно, имѣетъ весьма важныя неудобства; а потому сдѣлано было предложеніе внести слѣдующую поправку къ 3-й статьѣ союзной конституціи: «Въ каждомъ изъ союзныхъ государствъ должно существовать выборное представительное собраніе, согласіе котораго необходимо при введеніи всякаго (мѣстнаго) закона и при опредѣленіи государственнаго бюджета». Поправка эта возбудила чрезвычайно горячія пренія: консервативные члены собранія были противъ нея, доказывая, что имперія не въ правѣ вмѣшиваться во внутреннее устройство отдѣльныхъ государствъ, которыя сами знаютъ какъ имъ лучше устроиться; нѣкоторые изъ прогрессистовъ (Бебель) также не соглашались допустить это вмѣшательство, но по другимъ причинамъ; остальные члены стояли за поправку, и она была принята значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Библіографія.

Берлинскія народныя кухни. Планъ устройства и культурно-историческое и статистическое описаніе, съ приложеніемъ устава, отчета управленія, отчета кассъ и 36 кухонныхъ рецептовъ. Соч. Лины Моргенштернъ. Перев. съ нѣм. Цѣна 50 коп.

Весьма кстати недавно вышла книжка подъ этимъ заглавіемъ. Она разъясняетъ значеніе народныхъ кухонь, возникшихъ въ Берлинѣ въ 1866 г., по иниціативѣ г-жи Л. Моргенштернъ, разсказываетъ исторію ихъ учрежденія и даетъ подробный отчетъ объ ихъ устройствѣ, состояніи и управленіи. Въ нынѣшнемъ году, какъ извѣстно, и въ Петербургѣ составился значительный кружокъ дамъ, приступившихъ къ устройству такихъ же кухонь и открывшихъ уже двѣ кухни: на Петербургской сторонѣ и на Царскосельскомъ просп. Изданная теперь книжка можетъ служить очень хорошимъ руководствомъ для болѣе широкаго развитія этого дѣла въ Петербургѣ и въ другихъ большихъ городахъ, гдѣ скопляется большая масса людей, стѣсненныхъ въ своихъ средствахъ къ существованію. Въ предисловіи отъ переводчицы высказывается весьма вѣрная мысль, что кухни, подобныя берлинскимъ, были бы у насъ чрезвычайно благодѣтельны не только для бѣдныхъ людей, но вообще для низшаго слоя городскаго народа. Въ Берлинѣ эти кухни явились во время холеры и войны, когда многія семейства очутились въ нищетѣ. Затѣмъ онѣ остались доселѣ и умножились для многочисленнаго класса бѣдныхъ рабочихъ и служащихъ. Въ предисловіи къ русскому изданію говорится: «У насъ нѣтъ пролетаріевъ (въ смыслѣ цѣлаго общественнаго класса), голодающихъ потому, что *негдѣ* заработать кусокъ хлѣба, при всемъ добромъ желаніи и способности трудиться. У насъ просто невѣжественная бѣдность, не умѣющая не только выйти изъ своего положенія, но даже воспользоваться съ толкомъ тѣми весьма не бѣдными средствами, которыми располагаетъ часто, напримѣръ, нашъ рабочій. Въ нашихъ самобытныхъ народныхъ кухняхъ господствуетъ искусство «изъ муки пшеничной дѣлать пироги пепеличные». Нужно видѣть, чѣмъ питается рабочій въ Петербургѣ, получающій по 1 и 1½ рубля въ день заработной платы и проѣдающій половину ея,—чтобы сознать необходимость учрежденія искуственныхъ народныхъ кухонь, въ родѣ берлинскихъ».

Насколько подобныя кухни могутъ быть благодѣтельны, можно судить по тому, что въ Берлинѣ обѣдъ въ нихъ, вкусный и сытный, какого не даетъ ни одна наша кухмистерская низшаго разряда, обходится въ 10 коп.

ПОПРАВКА.

Въ № 44 «Нивы» вкралась слѣдующая опечатка: на 703 стр. въ лѣвомъ столбцѣ, 20-я строка сверху, вмѣсто слова *правительство*,—слѣдуетъ читать *общество*.

Почтовый ящикъ

Г. А. Н—ву въ Москву. Переведенное нами сочиненіе слишкомъ обширно для помѣщенія его въ «Нивѣ», такъ какъ оно заняло бы до 40 №№.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Самый полезный и лучшій ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ есть безспорно

РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА.

Огромный и разнообразнѣйшій выборъ оныхъ съ полными апаратами, подробнымъ наставленіемъ и постоянной гарантіей, можно имѣть

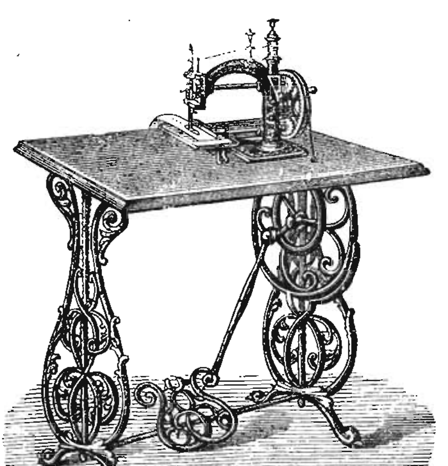
ТОЛЬКО

ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ СКЛАДѢ

ЛУЧШИХЪ

АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

Невскій просп., № 62 противъ Аничкина Дворца.

А. КРУМБЮГЕЛЬ.

Невскій просп. № 62 противъ Аничкина Дворца.

А также въ ономъ имѣется: разнообразный ассортиментъ швейныхъ машинъ, разныхъ величинъ и фабрикъ съ новыми усовершенствованіями въ конструкціяхъ и всѣми аппаратами къ онымъ; для семействъ, мастерскихъ и фабрикъ.

Швейныя машины:		*Ручныя швейныя машины:*	
А. Б. Хауе	80, 95, 110 руб.	Системы Вилькоса-Гибса. .	15 руб.
Эліасъ Хауе младш. . .	85, 100, 115 —	(Silencieuse) Экспрессъ. . .	25 —
Вилькоксъ Гибсъ. . . .	75, 85, руб.	Свиргшуръ.	35, 45 руб.
Системы Вилькоксъ-Гибсъ.	60 —	Natalis	45 руб.
Виллера Вильсона . . .	55, 65, 75, 85, 95 р.	Виллера Вильсона	50 — (въ деревин. полир. футлярѣ.
Гровера Беккера	70, 75 руб.		

Столы къ ручнымъ машинамъ для дѣйствія ногою 12, 15, 20, 27 рублей. Огромный выборъ нитокъ, бумаги, шелку, иголокъ, масла и другихъ принадлежностей. *Безплатное обученіе, постоянная гарантія.* Заказы иногородныхъ исполняются въ точности. Укладка и укупорка на счетъ магазина, безъ пересылки на отвѣтъ,—при требованіи свѣденій должна прилагаться почтовая марка.

У книгопродавца-издателя **Вас. Егор. Генкеля**, въ С.-Петербургѣ (Большая Конюшенная, д. № 5., кв. № 37) и другихъ книгопродавцевъ поступилъ въ продажу

МѢСЯЦЕСЛОВЪ,

СВЯТЦЫ И СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

НА 1872 ГОДЪ.

Изданіе В. Е. Генкеля.

384 страницы убористой печати, въ красивой оберткѣ съ **портретомъ Е. И. В. Государя Императора Александра Николаевича** (въ краскахъ) и картою Сибири. Цѣна 30 к., съ пересылкою 50 к.— Десять экз. съ перес. 4 руб.—25 экз. съ перес. 9 р.—50 экз. съ перес. 15 р. — 100 экз. съ пере. 28 р.

СЪ 1-ГО ЯНВАРЯ 1872 Г. ЦѢНЫ НА ПЕРЕСЫЛКУ ИЗМѢНЯТСЯ, СОГЛАСНО НОВОЙ ТАКСѢ.

Желающіе получить при мѣсяцесловѣ еще новѣйшую карту желѣзныхъ дорогъ Россіи приплачиваютъ по 5 к. за экземп. (въ отдѣльной продажѣ 10 к. съ перес. 20 к.).

Извлеченіе изъ полнаго содержанія: Церковный отдѣлъ (самый полный 86 стр.). Россійс. Имперія, ея поверхность, горы, низменности, степи, лѣса и пр. (20 стр.). Роды и виды русской промышленности (19 стр.).—Россійск. Импер. домъ.—Времена года.—О затмѣніяхъ.—Виды луны.—Госуд. доходы и расходы.—Судебныя свѣдѣнія (35 стр.).—Торговыя свѣдѣнія (19 стр.).—Денежныя бумаги и банки (15 стр.).—Паспорты и адресные билеты.—Гербов. бумага.—Почтовыя свѣдѣнія (10 стр.).—Пути сообщенія, желѣз. дороги, пароходство (42 стр.). — Краткій историч. календарь (14 стр.).—Разсказы о землѣ и о водѣ (26 стр.).—Смѣсь (18 стр.).—Таблицы билетовъ внутр. займовъ вышедш. въ тиражъ.—Списокъ книгамъ для народн. учителей и для народн. чтенія и т. д. (4)—3

АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

СИСТЕМЫ КАЛЬБО

Л. КАСТИЛЬОНЪ

Коммиссіонеръ Военнаго Министерства.

Старѣйшій и важнѣйшій торговый домъ въ Россіи.

Челночныя машины, работающія въ двѣ нитки не распускающимися швомъ; исполняющія всевозможныя швейныя работы и снабженныя различными аппаратами для ихъ производства. — Кромѣ уже давно извѣстнаго превосходства ихъ по качеству, надъ другими системами, вновь полученныя машины имѣютъ еще ту неоспоримую выгоду, что продаются по дешевой цѣнѣ.

ДЕПО ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

Виллера и Вильсона, Гровера и Беккера, Хау, Зингера, Вилькоха и Гибса и пр. отъ **20** р.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Елисѣева. Въ Бель-этажѣ. | Въ МОСКВѢ: на Кузнецкомъ мосту д. Комарова № 11. (39)—29

ДЛЯ ВСѢХЪ НЕОБХОДИМОЕ,

ГОРЧИЧНАЯ БУМАГА ИЗЪ ЛУЧШЕЙ САРЕПТСКОЙ ГОРЧИЦЫ

Т. ШМИДЕНА.

Разсмотрѣна и разрѣшена къ продажѣ медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Удобство и преимущество этой бумаги, въ сравненіи съ обыкновенными горчичникамр, многосторонни. Цѣна умѣренная, а именно:

Дюжина горчичниковъ въ коробкѣ 40 копѣекъ.

Для иногородныхъ высылается чрезъ почту, но менѣе какъ на 2 рубля.

Главный складъ въ магазинѣ **И. САБЛУКОВА**, въ гостиномъ дворѣ по зеркальной линіи, № 39-й, въ С.-Петербургѣ. (10)—9

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ГАЗЕТУ

„ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ"

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

Съ 1-го января 1872 по 1-й января 1873 года.

Выходитъ ежедневно, на листѣ большаго формата, безъ предварительной цензуры.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки; на годъ 7 р., на полгода 3 р. 50 к., на мѣсяцъ 60 к. Съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ: на годъ 9 р. на полгода 4 р. 50 к., на мѣсяцъ 75 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи на углу Невскаго и Малой Конюшенной ул., въ домѣ Гансина; а также во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ открыта подписка на періодическія изданія.

Желающимъ дѣлается разсрочка въ платежѣ, но только при выпискѣ изъ самой Редакціи *).

Новые подписчики, желающіе начать полученіе «Дѣятельности» въ истекающемъ году, приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ текущаго года по 50 к. съ пересылкою.

---

*) Платежи по частямъ и даже полученіе газеты безъ присылки впередъ денегъ, допускаются съ увѣренностію *своевременнаго* удовлетворенія, чтобы не могло повторяться т го что случалось въ текущемъ 1871 г., когда Редакція, имѣя на долгахъ до 5000 р., стѣснялась въ теченіи двухъ мѣсяцевъ даже почтовою пересылкою и другими платежами, недопускающими кредита.

Дозволено цензурою 12 Ноября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. №9—13. Тип. [illegible] д. №45—1.

№ 47. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 22 ноября 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С. Петербургѣ на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммисіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

О подпискѣ на журналъ «Нива» въ 1872 году.

Открывъ подписку на будущій 1872 годъ и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы“, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ **заранѣе** высылать свои требованія вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы“.

Такъ какъ „Нива“ преимущественно назначается **для семейнаго чтенія** и вслѣдствіе заявленнаго многими изъ нашихъ подписчиковъ желанія получать въ „Нивѣ“ извѣстія о модахъ съ рисунками, — мы, спѣша какъ всегда удовлетворить потребности нашихъ читателей, рѣшились прилагать **ежемѣсячное модное обозрѣніе съ рисунками парижскихъ модъ, не увеличивая подписной цѣны на нашъ журналъ**, при полнотѣ и общедоступности его наидешевѣйшій въ Россіи. Необходимыя приготовленія для введенія новаго отдѣла настолько уже сдѣланы, что мы можемъ обѣщать модные рисунки до истеченія нынѣшняго 1871 года.

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа съ 200—250 художественно-выполненными рисунками.

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 руб.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 к.	Для иногородныхъ съ пересылкой и упаковкой.	5 »

Покорнѣйше просимъ незамедлить высылкою подписныхъ денегъ, во избѣжаніе несвоевременной доставки №№ «Нивы» въ 1872 году. Гг. подписывающіеся благоволятъ какъ можно яснѣе обозначать свой адресъ или прилагать печатный адресъ, наклеенный на бандероляхъ „Нивы“.

Изъ охотничьей поэмы „Времена года“

Соч. Николая Меллера.

съ 3 картинами.

I.

О, радостное время года
Для всѣхъ и каждаго — весна!
Но для сподвижниковъ Немврода
Дороже всѣхъ временъ она.
Межъ-тѣмъ какъ корифеи свѣта,
Изнѣженные львы паркета,
Встрѣчаютъ золотой Апрѣль
Ѣдой сморчковъ у Msieur Borell,
Или вдоль Невскаго проспекта
Шагаютъ чинно, въ честь весны,
Въ ботфортахъ, пропустивъ штаны
За голенища для эфекта, —
Вы озабочены, друзья,
Челномъ да выправкой ружья.

II.

Васъ тянетъ за городъ, скорѣе —
На взморье, на поля взглянуть;
Тамъ воздухъ чище и свѣжѣе
И такъ широко дышитъ грудь!
На Сѣверъ съ Юга въ это время
Валитъ летающее племя;
И, съ поля, вы садитесь въ челнъ
И носитесь по гребнямъ волнъ.
Для васъ — утѣха и отрада
Смотрѣть на бѣлыхъ лебедей,
На стаи утокъ и гусей,
Когда крылатая громада
Несется тучей иль плыветъ
По лону зыблющихся водъ.

III.

Въ солидномъ томѣ «Уложенья»
Законъ диктуетъ всѣмъ на страхъ,
Что только въ видѣ исключенья,
Весной, бить можно на токахъ
Тетеревей-самцовъ, — и что же?
Обычай исполняютъ строже
Того, что̀ заповѣдь гласитъ, —
Иной безъ устали палитъ
Во дни пролета разной дичи,
Не разбирая ничего,
Какъ будто совѣсти его
Смолкаетъ гласъ въ виду добычи.
Да правъ ли онъ? — И да, и нѣтъ —
Скажу на это я въ отвѣтъ.

IV.

Любой охотникъ твердо знаетъ,
Что птица въ эти дни у насъ,
Какъ гостья, только отдыхаетъ
И кормится въ извѣстный часъ, —
Что въ первое о весну время,
Еще въ станицахъ, птичье племя
Совсѣмъ не думаетъ о томъ,
Что̀ гнѣздовитьемъ мы зовемъ:
Всѣ самки холосты, самцы же
Ни даже признаковъ любви
Не выкажутъ въ такіе дни;
Недѣли черезъ три, не ближе,
Когда степлѣютъ вечера,
Настанетъ брачная пора.

V.

Какая-жъ польза, что въ Апрѣлѣ
Имѣютъ, такъ сказать, права
Служить живымъ предметомъ цѣли
Одни самцы тетерева,
А перелетной крупной птицы
Необозримыя станицы
Того закономъ лишены?
Не въ томъ ли интересъ страны,
Что эти тысячи пернатыхъ —
Отъ лебедя до журавля —
На Сѣверъ тянутъ чрезъ поля
Въ виду охотниковъ завзятыхъ
И портятъ пашни, а дѣтей
Плодятъ за тридевять полей?

Охота на утокъ.

VI.

Гусямъ числа нѣтъ, какъ воронамъ;
Въ охранѣ ихъ не видѣнъ прокъ.
Весною, грѣшный предъ закономъ,
Частенько думаетъ стрѣлокъ:
«Нельзя-ль изъ общаго итога,
«Къ тетеревамъ, еще немного
«Примкнуть изъ тѣхъ пролетныхъ стай,
«Которымъ нашъ поморскій край
«Лишь станціей почтовой служитъ?
«Вѣдь гусь и лебедь во весь годъ
«У насъ гнѣзда себѣ не вьетъ,
«И селянинъ не мало тужитъ
«О томъ, что мы спугнуть не смѣй
«Въ поляхъ прожорливыхъ гостей». —

VII.

Да, мы желаемъ — вскрытье взморья
Свободно праздновать пальбой,
Лишь до весенняго Егорья,
По крупной дичи водяной, —
Но разсуждать о томъ довольно!
Апрѣль насталъ—и насъ невольно

Онъ тянетъ въ поле: тамъ весна;
Туда пернатыхъ племена,
Всѣхъ видовъ и породъ, стремятся,
Къ роднымъ мѣстамъ,—и въ поле я,
Съ ружьемъ (вѣдь скучно безъ ружья!),
Васъ приглашаю прогуляться.
Дождя не бойтесь: есть на то
Непромокаемый пальто.

VIII.

Повсюду снѣжныя громады
Уже исчезли; на поля
Лощатъ пернатые отряды.
Сухіе клочья щавеля
Торчатъ надъ желтою травою;
Овраги залиты водою;
Вездѣ, на всемъ печальный видъ,
И все какъ будто говоритъ,
Что, пробудясь отъ сна, природа
Въ себя еще не вдругъ пришла.
И впрямь: красавица спала
Въ объятіяхъ зимы полгода,
И на булавки нужно ей
По крайней мѣрѣ сорокъ дней.

IX.

Въ лѣсу, гдѣ солнце чаще свѣтитъ,
Земля — какъ мягкая постель;
Но тамъ, въ тѣни, охотникъ встрѣтитъ,
Мѣстами, снѣгъ — на что мятель
Нигдѣ въ Россіи не скупится, —
И долго льду не растопиться,
Гдѣ сосенъ и елей темный сводъ
Сто лѣтъ полянамъ тѣнь даетъ.
Въ народѣ этотъ ледъ зовется
Не льдомъ, а черепомъ; по немъ
Неловко странствовать съ ружьемъ:
Нога скользитъ, и намъ придется,
Пожалуй, шлепнувшись ничкомъ
Какъ разъ ударить въ грязь лицомъ.

X.

Идете по лѣсу, предъ вами
Еловы шишки; листъ сухой
Шуршитъ подъ вашими ногами;
Повсюду — хвоя, мохъ сѣдой;
Нигдѣ зеленаго росточка
Не видно въ почвѣ, ни цвѣточка;
Куда ни обратите взглядъ, —
Впередъ ли, всторону-ль, — стоятъ,
Какъ исполины, передъ вами —
То ели, полныя смолы,
То сосенъ красные стволы,
Въ коронахъ зелени съ иглами,
И пахнетъ сыростью вокругъ,
И васъ охватитъ ужасъ вдругъ.

XI.

Но успокойтесь. Осмотрите —
Въ порядкѣ ли у васъ ружье?
А если нѣтъ, такъ зарядите:
Въ бору привольное житье
Не темнымъ силамъ — въ чемъ завѣрю
А хищному лѣсному звѣрю.
Чу, слышите-ль, какъ стонетъ боръ?
То птицъ гремитъ немолчный хоръ:
Свистятъ дрозды во всѣ лопатки, —
Съ чуфыканьемъ тетеревей
Сливаясь гдѣ-то, до ушей
Доходятъ крики куропатки,
И рябчикъ голоскомъ своимъ
Какъ бы подтягиваетъ имъ.

XII.

Числомъ несмѣтные, несутся
Повсюду звуки, голоса,
Не прерываясь, звонко льются,
Какъ бы съ небесъ и въ небеса.
Съ предѣловъ пламеннаго Юга,
Едва отъ насъ и снѣгъ, и вьюга
На полюсъ хладный отойдутъ,
Ужъ птицы къ намъ летятъ, бѣгутъ, —
Ужъ ихъ живыя миріады
Селятся въ сѣверныхъ лѣсахъ,
Кишатъ въ болотахъ и поляхъ
Ихъ караваны и отряды;
Здѣсь утки, вальшнепъ и бекасъ
Какъ будто поджидаютъ васъ.

XIII.

А какъ весной красива птица,
И сколько жизни въ ней кипитъ!
Природа — чудо-мастерица;
Она перу ея даритъ
Къ порѣ любви и страстныхъ ласокъ —
Весь лучшій блескъ цвѣтовъ и красокъ.
И не заслушаться нельзя
Лѣсныхъ концертовъ ихъ, друзья!
Но только минетъ время это,
Пора побоищъ и любви, —
Одежды брачныя свои
Бросаютъ всѣ, линяя въ лѣто...
Здѣсь воля, цѣль видна Того,
Кто создалъ все изъ ничего.

XIV.

Но, какъ ни сладостно послушать
Лѣсной концертъ ихъ, въ честь Творца,
А дичи вы не прочь покушать,
Иль, иначе, добыть рябца.
Вотъ, вы ударили въ манoчикъ
(Такая дудочка, свисточикъ),
Затѣмъ еще... Чу! — вотъ взлетѣлъ,
Какъ говорится, «загремѣлъ»...
Вы ждете, стоя или сидя,
А главное, безъ шума, — вдругъ,
Рябецъ перепорхнулъ на сукъ...
Онъ слушаетъ и, васъ завидя,
Съ какимъ-то любопытствомъ, съ васъ
Секундъ пять-шесть не сводитъ глазъ, —

XV.

Какъ будто очень удивленный
Тѣмъ, что, заслышавъ самки гласъ
И ринувшись сюда, влюбленный,
Не самку встрѣтилъ онъ, а васъ.
Перомъ красивый, статный, ловкій,
Ужъ онъ вертитъ своей головкой,
Принизился, какъ бы присѣлъ,
Хотѣлъ вспорхнуть... и не успѣлъ:
Пресѣкли вы поползновенье
Лѣснаго франта, — дождь свинца,
Въ огнѣ и дымѣ, сшибъ рябца;
Уже вы видите паденье
Добычи красной, и съ травы
Ее поднять спѣшите вы.

XVI.

Идете дальше, — передъ вами —
Кустарникъ хвойный и вода,
Чуть-чуть не въ уровень съ краями
Кочкарники... Идти-ль туда?
Замѣтны клюквы здѣсь остатки,
А клюкву любятъ куропатки,
И этой ягодкой привыкъ
Питаться старый полевикъ... [1]
Все это вамъ на мысль приходитъ,
Межь тѣмъ какъ темной дебри царь,
Крылатый великанъ, глухарь,
Съ васъ въ это время глазъ не сводитъ,
Шаговъ за триста, съ вышины
Недосягаемой сосны,

XVII.

И солнца лучь на немъ играетъ,
И грудь, какъ паладина щитъ,
То бронзой темной отливаетъ,
То синей сталью заблеститъ...
Какъ онъ хорошъ между вѣтвями,
Съ своими красными бровями,
И что за радость — для стрѣлка —
Удачнымъ выстрѣломъ, съ сука
Спустить его къ подножью ели!
Но онъ пугливъ, отнюдь не глухъ,
Имѣетъ самый тонкій слухъ —
Въ чемъ убѣдились мы на дѣлѣ,
Когда, весной, въ ночную тьму,
Въ припрыжку, кралися къ нему.

XVIII.

О, юные мои собратья!
Чтобъ вамъ о токѣ [2]) получить
Возможно - вѣрное понятье,
Необходимо посѣтить
Мѣста такія въ это время,
Гдѣ разнородной дичи племя
Токуетъ, то есть, всѣ самцы
Поютъ, на всѣ лады пѣвцы.

[1]) Обыкновенный тетеревъ, косачъ (Tetrao tetrix L.).
[2]) Мѣсто, гдѣ весной собираются птицы для *токованія*.

Хоть по чугункѣ верстъ за двѣсти
Отъѣхавъ, въ сторону свернуть
На Волховъ чрезъ окольный путь:
Вотъ тамъ, въ глухомъ и дикомъ мѣстѣ,

Въ виду награды отъ Гимена,
Подраться въ честь пернатыхъ дамъ.
Косачь, осанкой, по фигурѣ,
Точь въ точь, индюкъ въ миніатюрѣ:

Охота на бекасовъ.

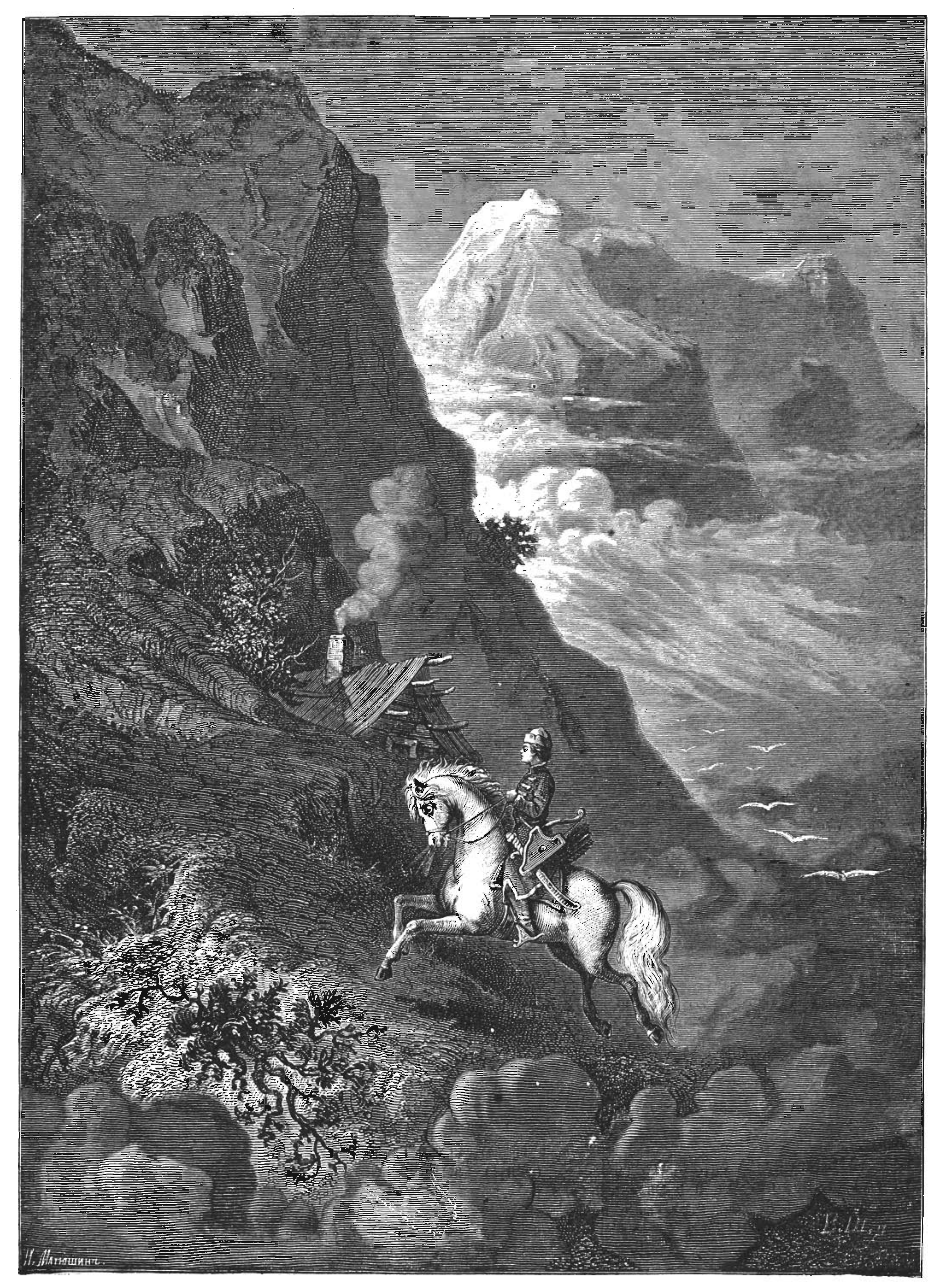
Охота на вальшнеповъ.

Свою охотничью страсть
Насытить вы могли бы всласть!

XIX.

Тетеревиный токъ — арена,
Гдѣ случай предстоитъ самцамъ,

Отвѣсивъ крылья, распустивъ
Хвоста косицы, — горделивъ
И важенъ — онъ готовъ на драку.
Вотъ, къ дамѣ сердца жмется онъ,
Желаньемъ страсти распаленъ,

Иванъ-царевичъ, ѣдущій за царь-дѣвицей.

Оригинальный рисунокъ В. Шпака, исполненъ на деревѣ самимъ авторомъ, гравировалъ И. Матюшинъ.

Бормочетъ... вдругъ на забіяку
Наткнулся, кверху подскочилъ
И въ бой «на жизнь и смерть» вступилъ.

XX.

До свѣта, подъ покровомъ ночи,
Въ отвѣтъ токовику, [3]) самцы
Начнутъ чуфыкать [4]) что есть мочи
И къ току лѣзутъ, храбрецы.
Со стороны, нельзя безъ смѣха
Смотрѣть, какая тутъ потѣха
Кипитъ межъ ними, какъ въ задоръ
Войдя они рѣшаютъ споръ —
О правѣ обладанья—силой,
И въ этой кутермѣ, пока
Одни другъ другу мнутъ бока,
Въ надеждѣ ласкъ подруги милой,
Другіе, подъ шумокъ, безъ дракъ,
Тѣ ласки получаютъ *такъ*.

XXI.

Есть мнѣнье (личныхъ наблюденій
Не дѣлалъ я), что всѣ самцы,
Въ дѣлахъ заботъ и попеченій
О дѣтяхъ — злости образцы.
Про нихъ такіе ходятъ слухи,
Что, къ голосу природы глухи,
Жестокіе отцы творятъ,
При видѣ крошечныхъ цыплятъ,
Неистовыя съ ними штуки.
Но въ этомъ безусловно я
Не завѣряю насъ, друзья.
И въ самомъ дѣлѣ — гдѣ поруки
Того, что частный фактъ въ законъ
Здѣсь не ошибкой возведенъ?

XXII.

Вы взяли въ сторону; предъ вами —
Все то же: ель, сосна, да пни,
Да мохъ сѣдой, да снѣгъ мѣстами,
Подобьемъ бѣлой простыни,
Лежитъ въ тѣни столѣтнихъ сосенъ,
Но путь впередъ довольно сносенъ —
Гдѣ ровнымъ шагомъ, гдѣ прыжкомъ,
Лишь ледъ хруститъ подъ каблукомъ!
Вдругъ, вы, я вижу, *приложились*.
Гляжу... косачъ! и черезъ мигъ,
Добычу выстрѣлъ вашъ настигъ, —
Вы бросились... и оступились,
И въ воду прямо — бухъ ногой,
И залили сапогъ водой...

XXIII.

Какъ не воспѣть тебя, о фляга!
Въ цѣлебной помощи твоей,
Блуждая въ топяхъ, какъ бродяга,
Нерѣдко, мокрый до костей, —
Какой охотникъ усомнится?
Угрозъ болѣзни не боится
Съ тобою онъ, и для него
Въ лѣсу не страшно ничего.
Тебя съ почтеньемъ всюду носитъ,
Какъ животворный талисманъ,
Сбурокъ зеленый иль карманъ, —
И если ты пуста, не броситъ
Тебя охотникъ, — нѣтъ, иной
Вздохнетъ лишь и махнетъ рукой.

XXIV.

Весь день мы на ногахъ, и очень
Устали; каждый — вы и я —
Серьозно мыслью озабоченъ —
Нельзя ли заморить червя?
Ну, чтожъ? Закусимъ и приляжемъ,
И разбудить себя прикажемъ
Часа въ два ночи, и потомъ —
Опять на токъ, за глухаремъ.
Итакъ — къ привалу! Вонъ — поляна;
Въ концѣ ея горитъ костеръ...
Идемъ же, сядемъ на коверъ,
Въ виду закусокъ и тагана,
Гдѣ мѣдный чайничекъ стоитъ,
А въ немъ ключемъ вода кипитъ,

XXV.

И паръ изъ чайника клубится.
Охотникъ-мужичокъ надъ нимъ,
Завидя насъ, уже трудится.
Пылаетъ хворостъ; клубомъ дымъ
Несется въ ширину поляны;
Сквозь иглы сосенъ, ликъ Діаны,
Какъ бы съ сочувствіемъ, глядитъ
На всѣхъ насъ; дебрь глухая спитъ;
Повсюду мертвое молчанье,
Лишь изрѣдка — какой-то стонъ,
Чуть-слышный, будитъ ночи сонъ:

Н. Меллеръ.

Русскія народныя сказки.

«Сказка — складка, а пѣсня — быль», говоритъ народъ. Сказка и пѣсня — безъ всякаго сомнѣнія древнѣйшія, первоначальныя формы, въ которыя выливается поэтическое творчество народа. Ими начинаются литературы всѣхъ народовъ; но онѣ, какъ и прочія произведенія устной словесности, преданія, заговоры, загадки, пословицы, записываются очень поздно. Зарождаясь въ періодъ доисторическій, пѣсня и сказка долго живутъ въ памяти народной, переходя изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе; но передаваясь изустно, онѣ подвергаются измѣненіямъ, искаженіямъ, соотвѣтственно нравамъ того времени, которому принадлежитъ послѣдняя ихъ передѣлка, — и слѣдовательно не принадлежатъ строго ни къ какой эпохѣ. Тѣмъ не менѣе онѣ даютъ возможно полную картину вѣрованій, нравовъ и обычаевъ народа, создавшаго ихъ, въ періодѣ соотвѣтствующемъ дѣтству отдѣльнаго человѣка, въ періодъ преобладанія чувства и воображенія надъ разсуждающимъ умомъ. Народная поэзія выражаетъ собою первое пробужденіе народнаго духа — героическую, богатырскую пору жизни народной. Это время болѣе или менѣе сходно у всѣхъ народовъ; различіе заключается въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ совершается обособленіе народа. Такъ поэзія народовъ кочевыхъ отличается отъ поэзіи осѣдлыхъ или дружинъ выдѣляющихся изъ осѣдлаго быта для молодечества. Въ этомъ отношеніи Русской землѣ особенно посчастливилось, такъ какъ въ древнѣйшей исторіи ея встрѣчаются всѣ эти три быта, ложащіеся въ основу народнаго творчества; отсюда необыкновенное богатство и разнообразіе нашихъ сказокъ.

При всемъ томъ наши русскія сказки поразительно походятъ на весь кругъ содержанія сказокъ, извѣстныхъ намъ народовъ индоевропейскаго племени, — и это племенное сходство служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ сѣдой древности происхожденія сказокъ. Поэтому-то не слѣдуетъ придавать большое значеніе вышеприведенному народному присловію, будто бы «сказка — складка, пѣсня — быль». Присловіе это составилось вѣроятно въ позднѣйшія времена, когда содержаніе сказокъ стало уже не совсѣмъ понятнымъ народу и начало казаться ему чистымъ вымысломъ, по мѣрѣ того какъ

[3]) Старый тетеревъ, своимъ пѣніемъ привлекаетъ на токъ самокъ и молодыхъ самцовъ.

[4]) Молодые тетерева отвѣчалъ на голосъ токовика протяжнымъ крикомъ «чуфыыы».

въ памяти его сглаживались воспоминанія о томъ отдаленномъ періодѣ, въ теченіи котораго произошли сказки. Многія изъ нихъ представляютъ намъ дѣтски-наивное отношеніе къ природѣ и стремленіе олицетворять всѣ ея силы, свойственное порѣ начальнаго развитія народовъ, чуждыхъ всякой гражданственности. Такъ, въ нашихъ народныхъ сказкахъ встрѣчаются межь дѣйствующими лицами, кощей безсмертный (зимняя стужа), баба яга (мятель) и другіе представители славянской миѳологіи, чтó весьма рѣдко бываетъ въ пѣсняхъ. Изъ всего этого ясно, что изученіе народной поэзіи далеко не такое пустое дѣло, какимъ оно представляется съ перваго взгляда; оно необходимо историку: основы ея восходятъ къ той эпохѣ, къ которой не восходятъ почти никогда историческіе памятники. Это эпоха, когда и религія, и право, и поэзія, и исторія, еще не обособились въ отдѣльные элементы духовной жизни, носятъ одинъ общій характеръ и самый бытъ основанъ на давнихъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ.

Народная поэзія представляетъ то замѣчательное явленіе, что творческая сила ея ослабѣваетъ по мѣрѣ развитія умственнаго. Безъискуственное творчество есть дѣло общее, безличное; произведенія его — произведенія безъименныхъ поэтовъ, находящихся на одной степени умственнаго развитія со всею массою своихъ соотечественниковъ и отличающихся отъ послѣднихъ единственно талантомъ, т. е. даромъ воспроизведенія въ образахъ того, чѣмъ живетъ эта масса. Поэтому и масса эта легко воспринимаетъ и усвоиваетъ себѣ эти понятныя ей произведенія. Съ успѣхами же исторической жизни и гражданственности начинаются выдѣленія: дружина, опричина изъ земства; боярщина, торговый людъ изъ народа, ученые и духовные изъ массъ необразованныхъ; вторгаются чуждые элементы — и тѣмъ легче чѣмъ болѣе поколеблено единство первоначальнаго сознанія; — творческая поэтическая дѣятельность народа все болѣе отодвигается на задній планъ и наконецъ создается различіе между поэзіею народною и поэзіею искуственною. Народное становится простонароднымъ и дѣлается достояніемъ избъ, откуда изрѣдка заносится или въ дѣтскую мамками, или въ сборники немногими любителями старины.

Взгляните многоуважаемый читатель, на прилагаемый рисунокъ; не пахнётъ-ли на васъ чѣмъ-то отдаленнымъ и вмѣстѣ милымъ сердцу? Не видится ли вамъ маленькая комнатка, загроможденная старинною мебелью и всякимъ хламомъ, — комнатка слабо освѣщенная лампадкой въ переднемъ углу, едва мерцающей сквозь кисейныя занавѣски вашей кроватки, надъ которой склонилось доброе старушечье лицо въ каляномъ чепцѣ или обрамленное темнымъ платкомъ... тихо шевелятся старческія губы и несмолкаемымъ говоркомъ льется мѣрная рѣчь о томъ, какъ ѣхалъ Иванъ-царевичъ добывать себѣ Царь-дѣвицу... Но лучше выпишемъ эти немногія строки изъ превосходнаго собранія русскихъ народныхъ сказокъ Афанасьева.

На водахъ, на земляхъ, на русскихъ городахъ былъ царь; у него было три сына, послѣдній сынъ Иванъ-царевичъ. При томъ царствѣ была гора, на которую никто не могъ ни сходить, ни съѣздить. Слышитъ царь: на горѣ стукъ стучитъ и громъ гремитъ, а отчего — неизвѣстно; и посылаетъ своего перваго сына узнать, отчего на горѣ стукъ стучитъ и громъ гремитъ. Взъѣхалъ первой сынъ только до треть горы и воротился назадъ; пріѣхалъ къ отцу и говоритъ: «государь мой батюшка! ѣздилъ я по твоему наказу, насилу могъ подняться до треть горы». Спустя нѣсколько времени отправлялъ царь средняго сына, который доѣхалъ до половины горы, а болѣе не смогъ и воротился назадъ. Потомъ посылаетъ царь меньшаго сына Ивана-царевича. Иванъ-царевичъ выбралъ себѣ на царскихъ конюшняхъ добраго коня, простился съ отцомъ, и въ минуту изъ глазъ скрылся; взъѣхалъ на гору, словно соколъ взлетѣлъ, и увидѣлъ тамъ — дворъ стоитъ. Слѣзаетъ Иванъ-царевичъ съ своего добраго коня и входитъ въ избу; сидитъ въ избѣ на стулѣ старая баба-яга и прядетъ тонкій шелкъ. «Здравствуй, старая баба-яга!» говоритъ Иванъ-царевичъ. «Здравствуй, добрый молодецъ! доселева русской костки видомъ не видано, слухомъ не слыхано, а теперча сама на дворъ пришла». И стала его спрашивать: «какихъ ты родовъ, какихъ городовъ и какого отца сынъ?» Отвѣчаетъ ей Иванъ-царевичъ: «я русскаго царя сынъ, Иванъ-царевичъ; ѣду на ваши горы узнать, чтó за стукъ стучитъ и громъ гремитъ?» Сказала ему баба-яга: «то у насъ на горахъ стукъ стучитъ и громъ гремитъ, что красная краса, черная коса, царь-дѣвица катается». — «Далеко ли до той царь-дѣвицы?» спросилъ Иванъ-царевичъ. «Еще два столька, сколько ты проѣхалъ!» сказала баба-яга, напоила его накормила и спать повалила; а поутру Иванъ-царевичъ вставалъ ранехонько, простился съ старой ягой-бабой и поѣхалъ впередъ. Ѣхалъ онъ ровно четыре мѣсяца, видитъ — дворъ стоитъ; сошелъ съ своего коня, вошелъ въ избу, а въ избѣ сидитъ старая баба-яга. «Здравствуй, баба-яга!» сказалъ Иванъ-царевичъ. «Здорово, дитятко! далеко ли твой путь? какъ тебя Богъ занесъ?» Онъ ей все разсказалъ; баба-яга его напоила-накормила и спать повалила, а поутру Иванъ-царевичъ встаетъ ранехонько, простился съ бабой-ягой и поѣхалъ впередъ. Опять ѣхалъ ровно четыре мѣсяца, и видитъ — стоитъ дворъ; слѣзаетъ съ своего добраго коня, входитъ въ избу, а въ избѣ сидитъ баба-яга. «Здравствуй, старая баба-яга!» сказалъ Иванъ-царевичъ. «Здравствуй, Иванъ-царевичъ? куда тебя Богъ понесъ?» Онъ ей все разсказалъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ. «Были къ нашей царь-дѣвицѣ многіе цари и царевичи, сказала баба-яга, — а назадъ въ живыхъ не выѣзжали! У нея кругъ града стѣны высокія, а на стѣнахъ натянуты струны, и ежели ты задѣнешь хоть за одну струну, то вдругъ струны запоютъ, барабаны забьютъ, возмутятся всѣ богатыри и караульные и тебя убьютъ». Выждавши темной ночи, садился Иванъ-царевичъ на своего коня, и скакалъ его добрый конь за стѣны высокія, не задѣвалъ ни за одну струну. Сошелъ Иванъ-царевичъ съ коня, а богатыри и караульные въ то время всѣ спали, и пошелъ прямо въ палаты царскія — въ спальню царь-дѣвицы; царь-дѣвица тожь спала. Засмотрѣлся добрый молодецъ на ея красоту неописанную, и забывая, что смерть за плечами, сладко поцѣловалъ ее. Вышелъ изъ спальни вонъ, сѣлъ на своего добраго коня и поѣхалъ изъ града вонъ; конь поднялся и задѣлъ за натянутыя струны. Тотчасъ струны запѣли, барабаны загремѣли, богатыри, караульные и вся армія возмутилися, а красная краса, черная коса царь-дѣвица пробудилась и узнала, что кто-то у ней въ спальнѣ былъ, и что отъ того она сдѣлалась беременною. Приказываетъ она заложить карету, беретъ провіанта на цѣлый годъ, и поѣхала вслѣдъ за Иваномъ-царевичемъ. Доѣхала до старой бабы-яги и весьма сердито ей говорила: «зачѣмъ ты эдакаго человѣка не хватала? заѣхалъ онъ въ мое царство, осмѣлился ко

мнѣ въ спальню зайдти да меня цѣловать». Отвѣчаетъ ей баба-яга: «я этого человѣка сдержать не могла, да и тебѣ едва-ль его схватать!» Царь-дѣвица поѣхала дальше достигать, и доѣхала до средней яги-бабы: «для чего ты эдакаго человѣка не держала?» Отвѣчала ей старая баба-яга: «гдѣ мнѣ старой бабѣ добраго молодца удержать? да и ты едва ли можешь его догнать!» Опять пустилась въ дорогу царь-дѣвица; не доѣхала немного до старшей бабы-яги и родила сына. Росъ ея сынъ не по годамъ, а по часамъ: у кого трехъ мѣсяцевъ, у нея такой трехъ часовъ; у кого трехъ годовъ, у нея такой трехъ мѣсяцевъ. Пріѣхала до послѣдней бабы-яги и спрашивала: «почто ты добраго молодца не хватала?» «Гдѣ мнѣ старой бабѣ добраго молодца схватать?» Не маня [1]) нисколько, бросилась царь-дѣвица впередъ, доѣхала до горы и увидѣла, что Иванъ-царевичъ спускается въ половинѣ горы, и сама опустилась за нимъ подъ гору. Подъѣзжаетъ подъ его царство — разставляла шатры бѣлые, устилала всю дорогу къ городу сукнами красными, и посылала къ царю посланника съ просьбою: «кто бы ни былъ изъ его царства, кто въ почное время зашелъ къ ней въ палаты, чтобы таковаго царь ей выдалъ. Ежели не выдашь, то все твое царство поплѣню, огнемъ сожгу, головней покачу». Призываетъ царь своего старшаго сына, посылаетъ его на отвѣтъ къ царь-дѣвицѣ. Пошелъ царевичъ и доходитъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ постланы были сукна красныя, вымываетъ ноги бѣлехонько и идетъ босикомъ. Увидалъ его сынъ царь-дѣвицы, и говоритъ своей матери: «вонъ идетъ мой батюшка!» — «Нѣтъ, любезный сынъ! то идетъ твой дядюшка». Какъ скоро старшій царевичъ пришелъ къ царь-дѣвицѣ, она дала ему одну стежь [2]) и вышибла изъ спины два сустава: зачѣмъ-де идетъ невинно отвѣчать? На другой день опять потребовала отъ царя виноватаго; царь посылаетъ средняго своего сына. Царевичъ доходитъ до суконъ красныхъ, скидаетъ съ ногъ сапоги и идетъ босикомъ. Царь-дѣвица дала ему стежь и вышибла изъ спины два сустава. На третій день посылаетъ царь меньшаго своего сына Ивана-царевича. Иванъ-царевичъ садится на своего добраго коня, доѣзжаетъ до тѣхъ суконъ красныхъ, и всѣ сукна въ грязь вбиваетъ. Увидалъ его сынъ царь-дѣвицы, и говоритъ своей матери: «что за дуракъ ѣдетъ!» — «Любезный сынъ! ѣдетъ-то твой батюшка, отвѣчала царь-дѣвица; выходила сама на встрѣчу, брала его за руки бѣлыя, цѣловала его во уста сахарныя и вела его въ шатры бѣлые, садила за столы дубовые, кормила и поила досыта. Потомъ поѣхали они къ царю и приняли законный бракъ, и побывъ недолгое время въ этомъ царствѣ, отправились на корабляхъ во владѣнье царь-дѣвицы; тамъ они царствовали долго и благополучно.

[1]) Не медля.

[2]) Ударъ прутомъ или плетью (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 215).

Замѣчательныя постройки древнихъ и новыхъ временъ.

(Окончаніе).

XI. Стиль возрожденія и стиль рококо.

Романскимъ и готическимъ стилемъ оканчивается рядъ оригинальныхъ стилей въ строгомъ смыслѣ слова, потому что все бывшее въ области искусства послѣ того, какъ готическій стиль вышелъ изъ употребленія, составляетъ въ большей или меньшей степени подражаніе прежнимъ стилямъ, или покрайней мѣрѣ сформировано изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ. Но способъ употребленія этихъ элементовъ, большею частію, совершенно другой, а при этомъ измѣненномъ способѣ выработалось (въ особенности въ послѣдніе періоды стиля *renaissance*) нѣсколько своеобразныхъ формъ, неизвѣстныхъ художникамъ прежняго времени.

Еще въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, въ послѣдній періодъ готическаго стиля, обнаруживается новое направленіе искусства, которое вскорѣ распространилось повсемѣстно.

Открытіе и послѣдовавшее за этимъ изученіе древнихъ произведеній пластики и живописи, вмѣстѣ съ пробудившеюся страстью къ классической литературѣ и обнародованіемъ извлеченныхъ изъ неизвѣстности пергаментовъ, между прочимъ сочиненій *Витрувія* о зодчествѣ древнихъ,—вызвало и въ архитектурѣ стремленіе къ изученію памятниковъ римскаго зодчества и сочувствіе къ его стилю. Но вмѣстѣ съ этимъ, согласно съ духомъ временемъ, шла и наука все болѣе и болѣе исчезавшаго романтизма.

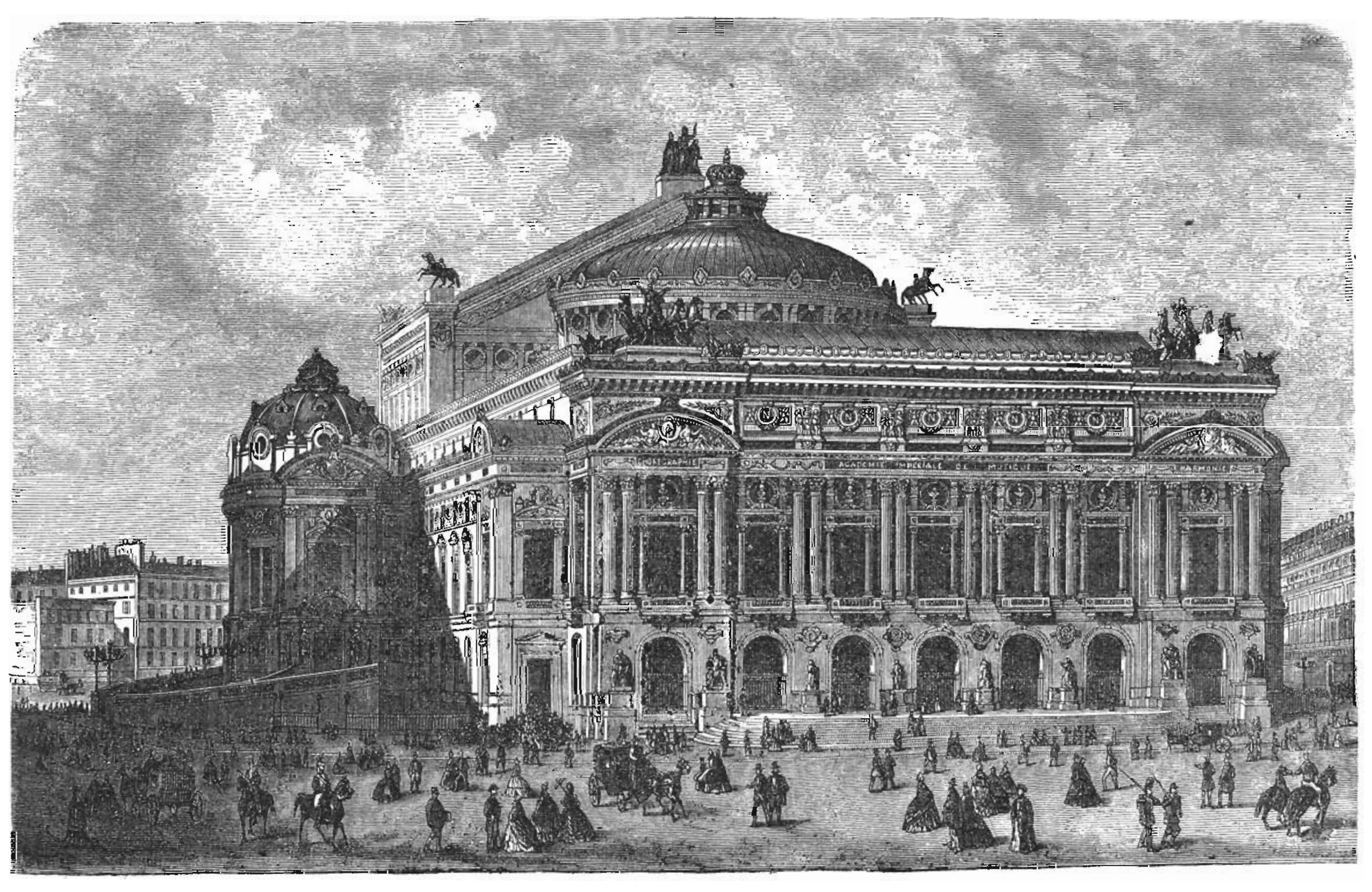
Такимъ образомъ образовалась новая система, при употребленіи которой въ первое время, въ періодъ *переходнаго стиля*, художники стали опять пользоваться элементами римской архитектуры, не оставляя однако же совершенно формъ принадлежащихъ періоду романтизма, напр. дугообразныхъ оконъ, раздѣленныхъ колонками.

Эта новая архитектура, обозначаемая именемъ *«renaissance»* т. е. *возрожденія* (римской архитектуры), появилась прежде всего въ Италіи еще въ началѣ XV ст., достигла высшей степени развитія въ теченіи этого столѣтія и въ началѣ слѣдующаго, и сдѣлалась образцомъ для всѣхъ прочихъ странъ, гдѣ еще долго употреблялся готическій стиль—сначала исключительно, а впослѣдствіи наряду съ новымъ стилемъ, тогда какъ въ Италіи это составляетъ отдѣльные, исключительные случаи. Въ страны по сю сторону Альпъ, этотъ новый стиль, возникшій изъ возвращенія къ римскому, перешелъ уже совершенно сложившимся и употреблялся только въ видѣ подражанія, не развиваясь далѣе и не измѣняясь, вслѣдствіе чего онъ и обозначается, въ особенности въ Германіи, именемъ «итальянскаго стиля».

Новый способъ зодчества обнаруживаетъ въ первое время не столько перемѣну въ расположеніи помѣщеній и въ главныхъ формахъ, сколько въ способѣ украшеній. Назначеніе и родъ тогдашнихъ построекъ были слишкомъ отличны отъ коллосальныхъ зданій Рима, служившихъ образцами; поэтому-то формы этихъ послѣднихъ употреблялись только для декоративныхъ цѣлей, въ особенности колонны съ ихъ антаблементами, которыя являются какъ бы прислоненными къ фасаду. При этомъ художники не могли отрѣшиться сразу отъ привычной свободы концепціи, которою они пользовались при постройкахъ зданій романтическаго періо-

да, и подчинить вполнѣ свою фантазію неизмѣннымъ правиламъ римской архитектуры; точно такъ же трудно было имъ отказаться отъ стремленія къ эффектамъ. Поэтому то римская архитектура и была впервые примѣнена только къ такимъ зданіямъ, которыя не обусловливали совершеннаго отрѣшенія отъ употреблявшагося до сихъ поръ способа зодчества.

Согласно съ духомъ времени, церковныя постройки, на которыхъ развились стили предшествовавшихъ періодовъ (византійскій, романскій и готическій), отступаютъ на задній планъ. Стиль *renaissance* служитъ, напротивъ того, архитектурѣ замковъ и дворцовъ, причемъ

Новый парижскій оперный театръ.

разнообразіе направленій является не результатомъ времени и національныхъ особенностей, а скорѣе опредѣляется произведеніями отдѣльныхъ личностей,—смотря по занимаемому ими положенію и по степени ихъ таланта, эти произведенія дѣлались образцами для другихъ художниковъ.

Первое время этого новаго стиля составляетъ также и самый цвѣтущій періодъ его, какъ можно видѣть изъ прилагаемаго при этомъ рисунка, изображающаго фасадъ знаменитаго картезіанскаго монастыря Ла-Чертоза (*la Certosa*) близь Павіи, начатаго въ 1473 *Амброжіо Боргоньоне* и богато украшеннаго скульптурами,—хотя впрочемъ это зданіе, за исключеніемъ купола, сооруженнаго въ одно время съ фасадомъ, принадлежитъ еще времени готическаго стиля.

Въ это первое время преобладало стремленіе примѣнить съ большею или меньшею свободою классическія формы къ новымъ зданіямъ, тогда какъ впослѣдствіи (въ XVI столѣтіи) художники должны были держаться одного и того же образца созданнаго по правиламъ античной архитектуры. Этому первому періоду принадлежатъ два вида стиля *renaissance*, именно *ранне-византійскій* и *ранне-венеціанскій*,—тогда какъ, напротивъ того, въ *римскомъ стилѣ renaissance* преобладаетъ система втораго періода, представляющая болѣе тѣсныя отношенія съ античными формами.

Въ главѣ *флорентійской школы* стоитъ главный основатель ея *Филиппо Брунелески*, которому Флоренція обязана колоссальнымъ куполомъ, прикрывающимъ часть флорентійскаго собора, церквами С. Лоренцо и С. Спирито и дворцомъ Питти, сдѣлавшимся прототипомъ всѣхъ флорентійскихъ дворцовъ этого времени. Будучи сооружены изъ громадныхъ плитъ, выступающихъ надъ плоскостью фасада отъ полуфута до цѣлаго фута, эти дворцы представляются скорѣе укрѣпленными замками, въ которыхъ живутъ знатныя фамиліи, чѣмъ дворцами. Но слѣдовавшимъ за тѣмъ художникамъ удалось придать грубымъ постройкамъ подобнаго рода печать художественности и красоты посредствомъ измѣненія формы плитъ, болѣе изящнаго устройства оконъ, и т. п. Между флорентійскими архитекторами особенно замѣчательны: *Михелоццо*, лучшій ученикъ Брунелески, построившій замокъ Риккарди, *Бенедето да Маяно* и *Симонъ Кронака*, построившій (1489—1533 г.) замокъ Строцци, и др., въ особенности же *Лео Батиста Альберти*, (1390—1472), который, примѣняя античныя формы къ потребностямъ новаго времени, проложилъ дорогу тому на-

правленію, коимъ отличается римскій стиль *renaissance*, въ особености въ началѣ шестнадцатаго столѣтія.

Венеціанскій стиль renaissance вошелъ въ употребленіе только къ концу XV столѣтія и процвѣталъ до конца XVI. Венеціанскіе дворцы этого времени, какъ бы въ противоположность флорентійскимъ, поражающимъ насъ своею простотою и массивностью и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ мрачнымъ и строгимъ видомъ, отличаются изяществомъ и богатствомъ своей архитектуры. Это впечатлѣніе еще болѣе усиливается особеннымъ способомъ орнаментировки, заимствованнымъ у византійскаго стиля. Это родъ мозаическаго украшенія, причемъ употреблялись различные виды тонкаго мрамора, чаще всего красный порфиръ и зеленый серпентинъ (змѣевикъ), которые вставлялись въ видѣ дощечекъ, круговъ, панелей, и т. п. въ стѣны фасадовъ. Другая особенность, заимствованная у византійскаго стиля, состоитъ въ употребленіи полукруглыхъ фронтоновъ. Въ произведеніяхъ перваго періода венеціанскаго стиля *renaissance* выказывается еще нѣкоторая оригинальность и свобода изобрѣтенія; старый стиль переходитъ въ новый, сохраняя еще нѣкоторыя оттѣнки романтизма. Замѣчательными памятниками этого періода (конецъ XV и начало XVI вѣка) считаются произведенія *Піетро* и *Мартино Ломбардо* (дворецъ Вендраминъ, церковь *Scuola di San Marco*, и многіе др.). Болѣе рѣшительное подражаніе римскимъ образцамъ представляютъ собою произведенія Михелоццо (первая половина XVI столѣтія), поражавшія современниковъ величіемъ своего стиля, и произведенія *Жакопо Татти*, называемаго *Сансовино* (147?—1570), которыя, уступая первымъ въ силѣ и величіи, превосходятъ ихъ своею прелестью и роскошью деталей. Другое направленіе, болѣе рабски придерживающееся римскихъ образцовъ и правилъ Витрувія, встрѣчаемъ мы въ произведеніяхъ *Палладіо* (1518—1580), которыя поэтому принадлежатъ скорѣе римскому стилю *renaissance*, чѣмъ венеціанскому. Это одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ архитекторовъ новаго времени, который послѣ Микель-Анджело имѣлъ самое большое вліяніе на архитектуру.

Римскій стиль renaissance. Въ началѣ шестнадцаго столѣтія въ итальянской архитектурѣ начинаетъ преобладать болѣе строгая критика—касательно воспроизведенія античныхъ формъ зодчества въ томъ самомъ направленіи, какъ и тѣ стремленія, которыя были обнаружены впервые флорентинцемъ Алберти; этимъ достигается извѣстная чистота стиля и въ то же время уменьшается то поэтическое дыханіе, то богатство фантазіи, какими проникнута большая часть произведеній XV вѣка. Съ этихъ поръ художники останавливаются на тѣхъ правилахъ, которыя заимствованы изъ античныхъ памятниковъ и сочиненій Витрувія—и тамъ, гдѣ стремленіе къ эффекту заставляло ихъ уклониться отъ обыкновенной комбинаціи античныхъ формъ. они видимо не въ состояніи отрѣшиться отъ общепринятыхъ правилъ, такъ что это уклоненіе носитъ на себѣ печать произвола. Римъ сдѣлался главнымъ средоточіемъ итальянской архитектуры. Первымъ художникомъ, способствовавшимъ, главнымъ образомъ, перемѣнѣ архитектурнаго направленія считается *Доннато Лаззари*, называемый обыкновенно *Браманте* (1444—1514). Но онъ стоитъ еще на переходѣ изъ одного направленія въ другое—и въ тѣхъ изъ его произведеній, которыя исполнены имъ въ XV столѣтіи, выказывается, въ сущности, прежній способъ обработки. Его миланскія постройки отличаются той прелестью, какая свойственна верхнеитальянской архитектурѣ позднѣйшаго времени XV столѣтія, и принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ произведеніямъ этого рода. Впослѣдствіи Браманте перешелъ въ Римъ, гдѣ непосредственная близость древнеримскихъ памятниковъ побудила его, повидимому, къ болѣе строгому подражанію ихъ формамъ. Между его послѣдователями особенно замѣчательны: *Бальтазаръ Перуцци*, построившій нѣсколько дворцовъ въ Римѣ, между прочимъ такъ-называемый Фарнезине, и *Антоніо да-Сангалло*, строитель дворца Фарнезе. Совсѣмъ другое направленіе развивается въ итальянской архитектурѣ съ появленіемъ *Микель Анджело Буонаротти* (1474—1564). Этотъ великій умъ, стремившійся къ необыкновенному и преувеличенному, не будучи въ состояніи подчиниться общепринятымъ правиламъ, началъ измѣнять архитектурныя формы скорѣе по прихоти и произволу, чѣмъ на основаніи архитектурныхъ и эстетическихъ потребностей,—и положилъ такимъ образомъ начало злоупотребленіямъ *неправильнаго или смѣшаннаго стиля renaissance*, перешедшаго въ началѣ семнадцатаго столѣтія въ стиль *рококо*. Между архитектурными произведеніями этого художника особенно замѣчателенъ грандіозный куполъ церкви св. Петра, — геніальное произведеніе, которое впрочемъ было окончено только послѣ его смерти. Ученики Микель Анджело подражали его способу зодчества съ большимъ или меньшимъ своеобразіемъ, да и вообще въ первыя десятилѣтія послѣ его смерти преобладало скорѣе противоположное направленіе, однимъ изъ главныхъ представителей котораго былъ *Джіакомо Бароцціо*, называемый *Виньолою* (1507—1573), одинъ изъ самыхъ сильныхъ приверженцевъ классической древности, старавшійся способствовать ея изученію своимъ примѣромъ и ученіемъ и написавшій сочиненіе о пяти орденахъ колоннъ, употреблявшихся въ классическомъ мірѣ.

Неправильный и смѣшанный стиль renaissance и стиль рококо. Подобно тому какъ Лео Баттиста Альбертини проложилъ дорогу стремленіямъ, которые нашли обширное распространіе только въ шестнадцатомъ столѣтіи, Микель Анжело является основателемъ направленія архитектурнаго вкуса, характезирующаго семнадцатый вѣкъ. Онъ стремился больше всего къ тому, чтобы поражать зрителей величіемъ своихъ произведеній и удивлять ихъ смѣлостію комбинацій, не обращая особеннаго вниманія на чистоту стиля, на внутреннюю необходимость средствъ, которыя онъ употреблялъ для достиженія этой цѣли. Это стремленіе сдѣлалось въ началѣ семнадцатаго вѣка преобладающимъ. Архитектурныя произведенія этого періода не лишены поэтическаго полета, который, конечно, отличается по временамъ своего рода величіемъ, но чаще выражается странностію и причудливостію формъ и отсутствіемъ глубокаго чувства. Въ этомъ отношеніи особенно характеристичны постройки, предпринятыя въ Римѣ для окончанія церкви св. Петра, выполненныя *Карло Мадерно* (1556—1629) и *Лоренцо Бернини* (1589—1680). Если этотъ послѣдній художникъ и его единомышленники заботились о величественности впечатлѣнія, то имъ мѣшало другое направленіе, которое, уклоняясь отъ внутренняго и внѣшняго закона касательно формы, стремится только къ тому, чтобъ дѣйствовать посредствомъ самыхъ странныхъ и прихотливыхъ комбинацій. Глава этой партіи *Франческо Барромини* былъ самымъ ревностнымъ

соперникомъ Бернини. Все прямолинейное (какъ въ основномъ планѣ, такъ и въ планѣ наружнаго вида строенія) изгонялось имъ по мѣрѣ возможности и замѣнялось кривыми линіями, самаго разнообразнаго рода, завитками, улитками, и т. п.; главныя формы лишались у него законнаго значенія, тогда какъ второстепенныя (назначавшіяся больше для украшенія) обработывались имъ какъ самыя важныя части. Но какъ ни поразительны были подобныя уклоненія отъ архитектурныхъ законовъ, они тѣмъ не менѣе встрѣчались самымъ живымъ одобреніемъ и находили себѣ многочисленныхъ послѣдователей. Римъ былъ полонъ подобными карикатурами на архитектуру. Въ XVIII столѣтіи въ итальянской архитектурѣ замѣчается стремленіе возвратиться къ большему спокойствію чувства и болѣе строгой правильности, но это не ведетъ ни къ какому новому духовному развитію, а скорѣе указываетъ на изнеможеніе, неминуемое слѣдствіе такого болѣзненнаго напряженія.

Въ то время какъ новый стиль появился въ Италіи еще въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, другія западно-европейскія страны стали употреблять его не прежде XVI столѣтія. Но уже на тѣхъ памятникахъ готическаго стиля, которые принадлежатъ XV и началу XVI столѣтія, обнаруживаются очень часто нѣкоторыя уклоненія отъ этого стиля, которыя, не представляя ничего такого, что̀ бы могло быть приписано вліянію классической архитектуры, скорѣе служатъ выраженіемъ новаго духа времени. Это направленіе художественнаго чувства служило и здѣсь также приготовленіемъ къ принятію античныхъ формъ. Эти послѣднія явились изъ Италіи и притомъ изъ той эпохи, когда новая итальянская архитектура утратила уже ту свободу художественной концепціи, которою отличаются тамошнія произведенія XV вѣка. Охотно и отказавшись отъ всякой самостоятельной производительности приняли въ этихъ странахъ правила, установленныя итальянскими художниками; съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за всѣми тѣми колебаніями, изъ которыхъ состоитъ исторія итальянскаго зодчества этого столѣтія. Особенно своеобразныя произведенія встрѣчаемъ мы, кромѣ Италіи, преимущественно въ тѣхъ странахъ, гдѣ античныя формы искусства пришли, въ первое время ихъ введенія, въ столкновеніе съ болѣе древнимъ туземнымъ способомъ зодчества. Именно, Франція владѣетъ нѣсколькими замѣчательными произведеніями подобнаго рода, въ числѣ которыхъ заслуживаетъ особеннаго вниманія фасадъ замка Гальонъ (построеннаго 1510—50 г.), выставленный въ Парижѣ передъ Ecole des beaux arts. Вообще Франція была первою страною, принявшею новую архитектуру и примѣнившею ею къ особенно-важнымъ постройкамъ. Особенно способствовали этому художественныя предпріятія короля Франциска I (1515—47). Наиболѣе замѣчательные архитекторы, дѣйствовавшіе въ его время и въ царствованіе его преемниковъ суть слѣдующіе: *Жанъ-Бюлланъ* (Экуэнскій замокъ, 1540 г.), *Пьеръ Леско* (древнѣйшія части Лувра) и *Филиберъ Делормъ* (древнѣйшія части Тюильри). Между архитекторами начала XVII столѣтія особенно замѣчателенъ *Жакъ Дебросъ;* ему обязанъ люксамбургскій дворецъ своимъ происхожденіемъ. Значительныя зданія, воздвигнутыя въ позднѣйшее время XVII столѣтія, при Людовикѣ XIV, не имѣютъ особеннаго значенія. Въ числѣ архитекторовъ, жившихъ въ царствованіе этого короля особенно замѣчателенъ *Перро*, построившій главный фасадъ Лувра съ величественною колонадою. Напротивъ того версальскій замокъ, построенный *Мансартомъ*, порядочно безхарактеренъ. Французскіе архитекторы XVIII столѣтія, точно такъ же какъ и современные имъ итальянцы, не отличаются особенными дарованіями. Одинъ только *Жакъ Суффло* (1731—1781), построившій церковь св. Женевьевы (теперь пантеонъ), величественное при всѣхъ своихъ недостаткахъ произведеніе, составляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи.

Постройки этого періода, находящіяся въ другихъ странахъ Европы, не представляютъ никакого особенно характеристически-національнаго или мѣстнаго отличія, вслѣдствіе чего мы и не станемъ говорить о нихъ.

XII. Архитектура деревянныхъ построекъ.

Описавъ различные роды стилей, замѣчательныхъ по своему историческому или художественному значенію, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ архитектурѣ деревянныхъ построекъ. Эти постройки раздѣляются на два вида, одни — изъ дерева въ соединеніи съ кирпичемъ, такъ-называемые фальерковыя строенія, встрѣчающіяся въ особенности въ окрестностяхъ Гарца; другіе — изъ одного дерева. Къ этому послѣднему роду принадлежатъ деревянные дома, встрѣчающіеся въ гористыхъ странахъ, между которыми особенно хороши швейцарскіе дома, вслѣдствіе чего весь этотъ родъ домовъ, строящихся болѣе или менѣе схожимъ образомъ и въ другихъ гористыхъ странахъ, и называютъ швейцарскими домами (châlet).

Наружныя стѣны швейцарскихъ домовъ образуются обыкновенно изъ бревенъ съ законопаченными или замазанными пазами. Но временами, въ особенности же въ настоящее время, встрѣчаются и дома со сплошными наружными стѣнами, сверху до низу или только въ нижней части дома. Въ первомъ случаѣ бревна или обтесаны и незакрыты ничѣмъ, или же обшиты выстроганными досками.

Что особенно характезируетъ эти дома — это далеко выдающаяся крыша, какъ надъ фронтономъ, такъ и надъ боковыми сторонами, подъ которою устроены красивыя галлереи съ деревянными рѣзными перилами. Эти галлереи устраиваются или въ одинъ или въ два расположенные другъ надъ другомъ ряда и идутъ иногда вокругъ всего зданія, но чаще вокругъ одной его части. Ведущія на верхъ лѣстницы располагаются обыкновенно снаружи, если галлереи устроиваются въ видѣ балкона. Кровельныя стропила большею частію не прикрываются ничѣмъ и вырѣзываются выемками. Фронтонъ и нижніе боковые выпуски крыши обшиты иногда досками съ прорѣзными узорами, вслѣдствіе чего все зданіе принимаетъ чрезвычайно живописный и привлекательный видъ. Крыша не крута и покрыта деревомъ, шиферомъ или каменными плитами.

Хотя характеръ подобныхъ строеній вообще одинъ и тотъ же, тѣмъ не менѣе въ нихъ встрѣчаются легкія измѣненія, смотря по тѣмъ странамъ, а въ Швейцаріи и по тѣмъ кантонамъ, гдѣ они находятся.

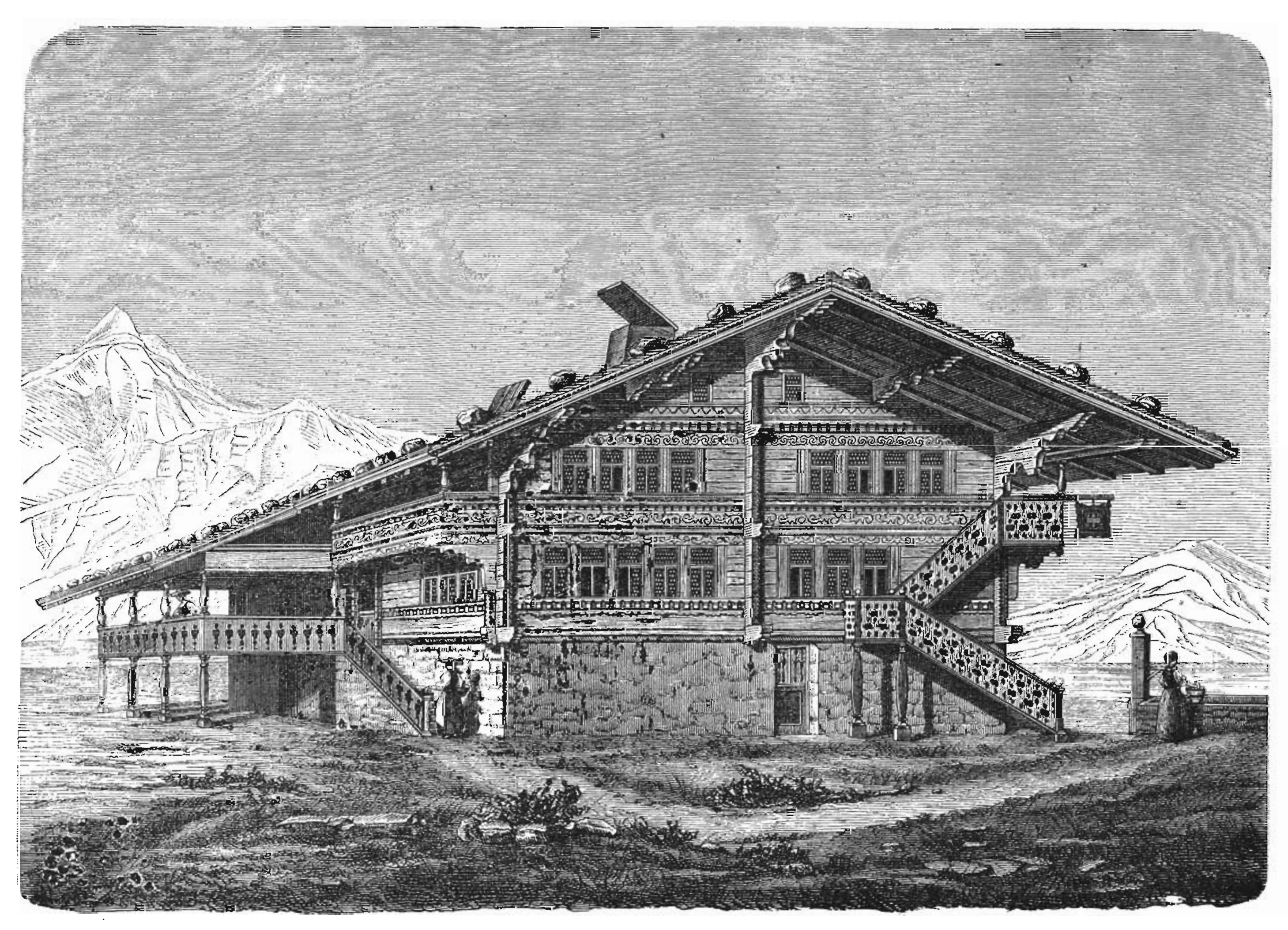
XIII. Современная архитектура.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія въ области искусства образовалось новое стремленіе, какъ блестящее отраженіе тѣхъ движеній, которыя произвели такую сильную перемѣну въ европейской народной жизни и вызвали новую жизнь науки, новое чувство бытія и сознаніе сво-

его собственнаго человѣческаго достоинства. То, что началось въ XV столѣтіи, достигло пышнаго цвѣта въ XVI столѣтіи, но скоро распалось; за что схватились съ возобновленными силами въ XVII столѣтіи, опять довели до блестящихъ результатовъ, опять должны были утратить;—то самое стремленіе, но опять въ измѣненномъ же видѣ, является намъ въ произведеніяхъ современнаго искусства. Италія, такъ долго бывшая законодательницею въ области художественнаго творчества, является глубоко упавшею—и только временами встрѣчаемъ мы у ней отдѣльныя явленія, представляющія какъ бы отголоски болѣе счастливыхъ дней. То же самое представляетъ намъ собою и Испанія. Напротивъ того, Франція и Германія являются двумя державами, которымъ принадлежитъ главнымъ образомъ, новая жизнь искусства. Блестящѣе, поразительнѣе, а отчасти и въ болѣе обширной сферѣ развивается оно во Франціи; спокойнѣе и проще, но понятое болѣе глубокимъ и чистымъ чувствомъ въ Германіи; Бельгія примкнула главнымъ образомъ къ Франціи, Голландія пошла по дорогѣ, проложенной ея предками. Въ Англіи выступило нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ художественныхъ силъ, хотя въ цѣломъ ея дѣятельность и не могла равняться съ дѣятельностью Франціи и Германіи. Еще менѣе можно сказать это о художественномъ стремленіи, пробудившемся въ скандинавскихъ и славянскихъ земляхъ, хотя и тамъ тоже замѣчается нѣсколько отдѣльныхъ художественныхъ явленій высокаго значенія. Стремленіе къ простотѣ и естественности, проявившееся еще около половины XVIII столѣтія, можетъ считаться первою ступенью развитія новаго искусства. Всего болѣе обнаруживается это стремленіе въ Германіи, въ особенности въ простотѣ берлинскихъ сооруженій этого времени, которыя, будучи лишены всякаго ненужнаго украшенія, поражаютъ насъ только спокойною гармоніею своихъ массъ. Между этими постройками особенно замѣчательно великолѣпное зданіе, построенное въ концѣ XVIII ст. Одновременно съ этимъ направленіемъ замѣчаются другія стремленія, основанныя на болѣе глубокомъ и серіозномъ изученіи античнаго міра, на которыя мы можемъ смотрѣть, какъ на вторую ступень развитія новаго искусства. Могущественнымъ вѣстникомъ этихъ стремленій является *Іоганъ Винкельманъ* (1714—68), пророчески вдохновенная рѣчь котораго нашла себѣ примѣненіе только въ живомъ творчествѣ послѣдующаго поколѣнія. За его научными изслѣдованіями послѣдовали изысканія касательно памятниковъ греческаго искусства. Особенно много было сдѣлано въ этомъ отношеніи *Стуартомъ* и *Реветомъ*. Прибавимъ къ этому, что драгоцѣнныя украшенія, увезенныя въ европейскіе музеумы (въ особенности лордомъ Эльджиномъ) распространились повсемѣстно. Такимъ образомъ, оставивъ причудливый, вычурный стиль прежняго времени, художники перешли опять къ благородно-простымъ классическимъ формамъ, частію усвоивая себѣ римскія, какъ это было во Франціи, частію подражая греческимъ, какъ это замѣчается на нѣкоторыхъ англійскихъ сооруженіяхъ, или же стараясь создать изъ греческихъ элементовъ нѣчто новое. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи самыя замѣчательныя попытки сдѣланы въ Германіи, въ особенности же основателемъ берлинской школы *Шинкелемъ*. — Третьей ступенью развитія можетъ считаться стремленіе возвратиться къ цвѣтущему періоду романтическаго искусства, развившееся въ видѣ оппозиціи одностороннему и холодному пониманію античнаго міра, послужившему поводомъ къ болѣе или менѣе рабскому подражанію памятникамъ классическаго искусства. И тутъ также, конечно, было сдѣлано много одностороннихъ попытокъ, но это направленіе ограничивалось тѣснымъ кругомъ (большею частію одними германскими художниками) и скоро прошло. Вообще заимствованія изъ разныхъ моментовъ развитія прежнихъ эпохъ становятся все рѣже и рѣже, и искусство дѣлается все болѣе и болѣе самостоятельнымъ.—Особенно много сооруженій было сдѣлано въ послѣднее время въ Баваріи, преимущественно въ Мюнхенѣ: великолѣпныя церкви, дворцы, музеумы,

Картезіанскій монастырь Ла-Чертоза въ Павіи.

театръ, общественныя зданія разныхъ родовъ появились въ короткое время одни за другими. Между мюнхенскими архитекторами особенно замѣчательны *Кленце* (Глиптотека, собраніе статуй, Пинакотека, картинная галлерея, зало славы и др.), и *Іертнеръ* (церковь Людовика, витель்баховскій дворецъ, библіотека, университетъ, и пр.). Изъ берлинскихъ художниковъ послѣ *Шинкеля* замѣчательнѣе другихъ *Штюлеръ* (новый музеумъ) и *Штрахъ* (церковь Петра). Между французскими художниками особенной извѣстностью пользуются *Персье, Фонтенъ Гарнье*, построившій зданіе парижской оперы, изображенное на прилагаемомъ при этомъ рисункѣ. Первое мѣсто между всѣми сооруженіями новѣйшаго времени въ Англіи конечно принадлежитъ зданію парламента, построенному *Барри*. Все болѣе и болѣе увеличивающіяся сѣти желѣзныхъ дорогъ подали поводъ къ сооруженію многихъ построекъ громадныхъ размѣровъ: мостовъ, водопроводовъ, станцій желѣзныхъ дорогъ, и т. п.

Швейцарскій домъ въ Бернскомъ кантонѣ.

Внутреннее обозрѣніе.

Самарская губернія, несмотря на отдаленное положеніе свое отъ обѣихъ столицъ, является одною изъ передовыхъ по части разныхъ улучшеній и нововведеній. Это въ особенности замѣтно на дѣятельности мѣстныхъ земскихъ учрежденій. Недавно самарское земство открыло на свой счетъ семинарію для приготовленія народныхъ учителей, въ которую на первыхъ же порахъ поступило около 70 человѣкъ; кромѣ того, имъ же задумано открытіе первой въ Россіи семинаріи для сельскихъ учительницъ. Переложеніе натуральной повинности въ денежную — этотъ важный вопросъ земскаго хозяйства — было сдѣлано въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской губерніи раньше, чѣмъ объ этомъ стали говорить въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ. Другіе весьма серіозные вопросы, возбужденные земскими законоположеніями послѣднихъ четырехъ лѣтъ, также были поднимаемы въ этой сторонѣ и находили себѣ отголосокъ въ мѣстномъ земствѣ; таковы: податная реформа, законъ, ограничивающій права земскихъ собраній при обложеніи сборами торговыхъ и промышленныхъ заведеній и т. д. Наконецъ, въ послѣднее время, однимъ изъ тамошнихъ земскихъ собраній — Бугульминскимъ — будетъ обсуждаться вопросъ, котораго, сколько намъ извѣстно, не касалось еще ни одно изъ нашихъ земскихъ собраній. По сообщенію корреспондента газеты «Голосъ», въ это земское собраніе будетъ представленъ землевладѣльцемъ г. Г—мъ проектъ, предлагающій ходатайствовать у правительства о томъ, чтобы право открытія и содержанія питейныхъ домовъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ предоставлено было исключительно одному земству. Проектъ этотъ вызываетъ горячіе толки на мѣстѣ и по своей оригинальности заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться подольше. По вычисленіи г. Г—на, отъ всѣхъ питейныхъ домовъ, которыхъ въ уѣздѣ болѣе

сотни, хозяева, большею частью люди богатые и монополисты, получают чистой прибыли около 80 тысяч руб. сер. в год. Земский сбор со всего уезда простирается от 50 до 60,000 руб. в год, так что с открытием питейных домов от земства, по соображениям г. Г—лина, чистая прибыль от питейных заведений будет превышать все земские расходы, почему уезду нетолько не придется ничего платить на нужды земства, но у него еще будет оставаться каждый год запасный капитал, предназначаемый, по проекту, на устройство земскаго банка. Для покупки вина, г. Г—лин предлагает устроивать ежегодно торги, и конечно, вино, во всяком случае, будет поставляться местными заводчиками, что подниметъ хлебную торговлю и оживит винокуренную промышленность. Сколько нам известно, до такой изобретательности, в выборе средств для облегчения жителей от налогов, не доходило еще ни одно учреждение. В самом деле, читатель, мысль счастливая: земство принимает на себя роль частнаго предпринимателя, забирает в свои руки целую отрасль торговли, получает с нея барыши и на эти барыши заводит школы, больницы, содержит врачей, фельдшеров, учителей, платит жалованье членам управы и председателю, содержит суд, исправляет дороги, чинит мосты и проч. и проч. Таким образом, с одной стороны — от земства не потребуется сборов на местныя нужды, а с другой — эти нужды будут удовлетворены барышами от содержания питейных домов, т. е. суммами которыя берутся с потребителей. Этот род косвеннаго налога, остающийся до сих пор в руках кабатчиков и содержателей питейных домов, перейдет в руки потребителей и будет обращен на их собственныя нужды; от такого проекта выиграют и высшие классы земства, участие которых в потреблении простаго вина, как известно, не столь значительно: не неся никакого налога на местныя нужды, они, тем не менее, будут пользоваться всеми улучшениями, введенными земством на суммы, собранныя с постоянных потребителей. Необходимо, впрочем, заметить, что найдется не мало доводов и против означеннаго проекта; но мы не решаемся приводить их раньше того времени, когда на предложение г. Г—на отзовется земское собрание, которое, конечно, обратит внимание и на практическую сторону этого дела.

Точно так же важен для земства вопрос об отчетности. До сих пор практика земских учреждений еще не разъяснила, кого должно считать ответственным за растрату земских сумм: одного-ли непосредственнаго виновника ея, или весь состав земской управы, обязанный отдавать ежегодный отчет собранию, или, наконец, само земское собрание, ответственное перед избирателями и всем земством? Обыкновенно бывает так, что за совершенное преступление отвечает непосредственный его виновник; но бывают случаи, когда растративший обществ. суммы не в состоянии покрыть их из собственнаго кармана. Тогда, по закону, взыскание обращается на тех, кто заведомо способствовал присвоению или растрате; в случае же их несостоятельности — на тех, кому вверен надзор и которые изобличаются в упущении по оному (ст. 360 Уложения). Таким образом, в конце концов, взыскание падает на земство, и действительно оно одно поплачивается обыкновенно за растраты денежных сумм, производимыя его избранниками. До какой степени этот вопрос важен для земства видно из того, что одним из земских собраний вносится ходатайство о разъяснении этого вопроса в законодательном порядке.

Политическое обозрение.

Германский парламент (Рейхстаг) предпринял на днях весьма важное решение. По предложению баварских депутатов, в собрание внесен проэкт закона, в силу котораго духовныя лица, признанныя виновными в том, что во время исполнения своих обязанностей по церкви, публично, в общественном собрании, поднимали государственные вопросы, затевали манифестации или такого рода споры, которыя могут нарушить общественное спокойствие, — подлежат заключению в тюрьме не свыше двух лет. Предлагаемый закон направлен преимущественно против иезуитов и вообще сторонников римской курии, злоупотребляющих своим влиянием на паству. Многие депутаты говорили в пользу новаго закона, рассматривая его с разных сторон, и сходились в том, что враждебныя государству действия духовных лиц не должны быть терпимы. Против закона говорили члены от духовенства, находившие, что опасения правительств относительно иезуитской и католической пропаганды несколько преувеличены. Затем, по баллотировке, проект закона принят большинством всех голосов, за исключением только завзятых клерикалов.

С этим, в высшей степени знаменательным, событием имеет связь недавнее происшествие в столице Бельгии, где народ ярко выразил свои чувства к нынешнему клерикальному министерству. Дело в том, что настоящий состав бельгийских министров состоит большею частью из лиц с клерикальным направлением; некоторые из них заправляли предприятием известнаго Лагранда-Дюмонсо, которое под видом финансовых целей собирало с народа деньги для целей папизма а потом обанкрутилось, пустив по миру не мало бедных семейств во Фландрии и других бельгийских провинциях. Раздражение против этого общества росло с каждым часом и ожидало только повода, чтобы перейти в открытую народную демонстрацию. Таким поводом явилось назначение г. де-Деккера, одного из членов этого общества и бывшаго министра, губернатором в Лимбург. Чтобы воспрепятствовать этому назначению, один из членов парламента, бывший министр юстиции, сделал по этому случаю запрос правительству и в сильной речи старался доказать участие вновь назначеннаго в Лимбург губернатора в разных неблаговидных поступках по управлению делами означеннаго общества. Во время прений по этому предмету, перед зданием Национальнаго Собрания собралась громадная толпа народа с криками: «долой министерство! долой клерикалов!» По выходе из залы заседаний, либеральные депутаты были встречены восторженными криками, а клерикалы подверглись оскорблениям. Демонстрации происходили также перед королевским дворцом и перед зданием министерства; народ протестовал против нынешняго министерства, требуя смены неприятных ему министров. В предупреждение более сериозных безпорядков, приняты были разныя военныя предосторожности: собраны войска под ружье, усилены полицейские обходы и проч. На другой день после этого, подана де-Деккером отставка королю и была тотчас-же принята. Таким образом, общественному мнению сделана была уступка.

Неизвестно, будет-ли сделана такая-же уступка чехам, которые по-прежнему твердо стоят на своем, требуя отнятых у них прав и опираясь на обещание, данное им императором Францом-Iосифом. Надежды их в последнее время опять укрепились, так-как составление министерства гр. Келлеспергом, человеком в высшей степени враждебным чехам, состояться не могло а потому император счел необходимым поручить это дело другому лицу князю Ауэрспергу. Хотя и этот государственный деятель принадлежит к немецкой партии централистов,

слѣдовательно, къ числу противниковъ реформъ въ Чехіи, но, тѣмъ не менѣе, онъ скорѣе чѣмъ его предшественникъ можетъ придти къ какому-нибудь соглашенію, только не по отношенію къ чехамъ, потому-что программа его дѣйствій отрицаетъ всякія уступки стремленіямъ федералистовъ. Эти послѣдніе, въ виду совѣщаній партіи централистовъ, составили свои собственныя совѣщанія, на которыхъ выработали программу дальнѣйшихъ дѣйствій. На съѣздѣ федералистовъ, кромѣ представителей Чехіи, приняли участіе депутаты моравскіе, словенскіе, польскіе и отъ Тироля.

Съ наступленіемъ ноября, во многихъ государствахъ открылись засѣданія парламента. Кромѣ германскаго Рейхстага и бельгійскаго Національнаго собранія, открыты: засѣданія прусскаго сейма. баденскаго сейма и засѣданій итальянскаго парламента. Въ тронной рѣчи короля прусскаго замѣчательно то мѣсто, гдѣ говорится, что «въ виду церковнаго движенія, правительственная власть будетъ охранять независимость государства». Значитъ, католическое движеніе внушаетъ страхи даже протестанской Пруссіи... Оно-же заставляетъ задумываться и нынѣшняго президента французской республики. По извѣстіямъ газетъ, папа обратился къ Тьеру съ рѣшительною просьбою дозволить ему поселиться во Франціи. Тьеръ затрудняется, какъ поступить ему въ настоящемъ случаѣ, и намѣренъ тщательно обдумать этотъ вопросъ, прежде чѣмъ предпринять какое-нибудь рѣшеніе.

Смѣсь.

Послѣднія слова Дюма. Одна французская газета передаётъ касательно послѣднихъ словъ Дюма слѣдующее. Пріѣхавъ въ Пюи въ совершенномъ изнеможеніи и едва живой, этотъ знаменитый авторъ обратился къ своему сыну съ слѣдующими словами: «Ты видишь, что я пріѣхалъ къ тебѣ умирать!» Авторъ «*la Dame aux camélias*» пытался утѣшить своего отца, который молча раздѣлся и сію же минуту легъ въ постель. Вдругъ онъ всунулъ руку въ карманъ своего жилета и прервалъ своего сына, говоря ему: «Ты знаешь, — да и кто-же не знаетъ этого, — что я пришелъ въ Парижъ молодымъ и неизвѣстнымъ человѣкомъ съ тремя луидорами въ карманѣ?» «Точно такъ!» Тутъ Дюма съ невыразимой улыбкой на лицѣ вынулъ изъ кармана луидоръ. Это было все, что у него оставалось. «Теперь скажи, расточитель ли я? У меня еще остается одинъ».

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ новая книга изданія А. Ф Маркса, подъ заглавіемъ:

Авторъ этой повѣсти получилъ 1,000 р. преміи, предложенной Редакціей журнала «Нива» въ первый годъ ея изданія русскимъ писателямъ за лучшую историческую повѣсть изъ русской жизни. Въ то время повѣсть эта была напечатана въ журналѣ безъ гравюръ; но тотъ громадный успѣхъ, которымъ пользовалась она въ кругу читателей «Нивы», и многочисленныя заявленія не только со стороны подписчиковъ, но и вообще со стороны читающаго общества побудили издателя предпринять иллюстрированное изданіе ея отдѣльной книгой. Украшенная 6-ю великолѣпными, художественно-выполненными рисунками и представляя собою первый опытъ изданія отдѣльной повѣсти изъ русской исторіи съ гравюрами, новая книга является въ настоящее время въ высшей степени интересной не только со стороны литературной, но и со стороны художественной. *Цѣна* для подписчиковъ «Нивы» 1 р. 50 к. съ пересылкой.

АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
СИСТЕМЫ КАЛЬБО
Л. КАСТИЛЬОНЪ
Коммиссіонеръ Военнаго Министерства.
Старѣйшій и важнѣйшій торговый домъ въ Россіи.

Челночныя машины, работающія въ двѣ нитки не распускающимся швомъ; исполняющія всевозможныя швейныя работы и снабженныя различными аппаратами для ихъ производства. — Кромѣ уже давно извѣстнаго превосходства ихъ по качеству, надъ другими системами, вновь полученныя машины имѣютъ еще ту неоспоримую выгоду, что продаются по дешевой цѣнѣ.

ДЕПО ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

Виллера и Вильсона, Гроверa и Бейкера, Хау, Зингера, Вилькоха и Гибса и пр. отъ 20 р.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Елисѣева. Въ Бель-этажѣ. | Въ МОСКВѢ: на Кузнецкомъ мосту д Комарова № 11. (39)—30.

ДЛЯ ВСѢХЪ НЕОБХОДИМОЕ,
ГОРЧИЧНАЯ БУМАГА ИЗЪ ЛУЧШЕЙ САРЕПТСКОЙ ГОРЧИЦЫ
Т. ШМИДЕНА.

Разсмотрѣна и разрѣшена къ продажѣ медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Удобство и преимущество этой бумаги, въ сравненіи съ обыкновенными горчичниками, многостороннія. Цѣна умѣренная, а именно:

Дюжина горчичниковъ въ коробкѣ 40 копѣекъ.

Для иногородныхъ высылается чрезъ почту, но менѣе какъ на 2 рубля.

Главный складъ въ магазинѣ **И. САБЛУКОВА**, въ гостиномъ дворѣ по зеркальной линіи, № 39-й, въ С.-Петербургѣ. (10)—9

НАСТОЯЩІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
Американской компаніи
ЕЛІАСЪ ГОВЕ
изобрѣтатель швейныхъ машинъ

въ С.-Петербургѣ. Б. Конюшенная, д Бишакова, | въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту

С. РОБЕРТЪ.
бывшій
ШАРЛІА и РОБЕРТЪ.
главный агентъ для Россіи. (10)—10

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ГАЗЕТУ
„ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ"
ПЯТЫЙ ГОДЪ.

Съ 1-го января 1872 по 1-й января 1873 года.

Выходитъ ежедневно, на листѣ большаго формата, безъ предварительной цензуры.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки; на годъ 7 р., на полгода 3 р 50 к., на мѣсяцъ 60 к. Съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ: на годъ 9 р. на полгода 4 р. 50 к., на мѣсяцъ 75 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи на углу Невскаго и Малой Конюшенной ул., въ домѣ Гансина а также во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ открыта подписка на періодическія изданія.

Желающимъ дѣлается разсрочка въ платежѣ, но только при выпискѣ изъ самой Редакціи *)

Новые подписчики, желающіе начать полученіе «Дѣятельности» въ истекающемъ году, приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ текущаго года по 50 к. съ пересылкою.

---

*) Платежи по частямъ и даже полученіе газеты безъ присылки впередъ денегъ, допускаются съ увѣренностію своевременнаго удовлетворенія, чтобы не могло повториться т го что случалось въ текущемъ 1871 г., когда Редакція, имѣя на долгахъ до 5000 р., стѣснялась въ теченіи двухъ мѣсяцевъ даже почтовою пересылкою и другими платежами, недопускающими кредита

озволено цензурою 18 Ноября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пп. д. № 9—13. Тип... Невск. ... д. № 45—1.

№ 48. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 29 ноября 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

(Продолженіе).

X.

Сердечные удары,

Прошло нѣсколько ассамблей. Константинъ не пропустилъ ни одной и высиживалъ до конца, все отъискивая глазами Лушу. Ни мать ни она не показывалась, братъ бывалъ, да рѣдко. Но къ нему, Куроѣдову, принудить себя подойти и заговорить было свыше силъ Константина, —да еслибъ онъ и подошелъ, то говорить было бы не удобно. Молодой Куроѣдовъ былъ не одинъ, а все ходилъ съ своимъ неразлучнымъ другомъ Римскимъ Корсаковымъ — и сба такіе важные, неприступные, что подступить къ этимъ господичамъ ему, деревенщинѣ въ ихъ глазахъ, чуть не холопу, рѣшительно претило. Глядѣли они такъ свысока на него, издали; а послѣ пріѣзда Государыни, молодой Куроѣдовъ рѣшительно возненавидѣлъ Константина, какъ видимую причину ожидаемаго безчестья своему роду.

Но извѣстіе о Лушѣ, хоть бы даже въ одномъ словѣ, стало жизненной потребностью влюбленнаго Свѣчникова настолько, что онъ пересилилъ себя — и на одной изъ ассамблей передъ масляницей подошелъ съ поклономъ къ брату своей милой; заглушая въ себѣ природную гордость, еще болѣе способную усилиться при леденящемъ взглядѣ барича, онъ, не владѣя собой, спросилъ: «Ваша сестрица не выѣзжаетъ?»

Куроѣдовъ повторилъ его слова съ усмѣшкой: «не выѣзжаетъ», а стоявшій съ нимъ подъ руку Римскій-Корсаковъ заносчиво прибавилъ съ своей стороны: «Бояринъ твой чтоль тебѣ велѣлъ освѣдомиться? Ты чей?»

— Свой! прохрипѣлъ въ бѣшенствѣ Свѣчниковъ, у котораго кровь бросилась въ голову и потомъ прилила къ сердцу, — я на такой же службѣ Великаго Государя какъ и ты...

— Такъ та́къ бы, дурашка, и сказалъ, что ты служивый, небрежно процѣдилъ Римскій-Корсаковъ:— ну, а я поручикъ, а онъ сержантъ — стало чинъ чина почитай; коли не по службѣ, не спрашивай лишняго...

— Да что́ съ нимъ толковать! перебилъ Куроѣдовъ, хлопнувъ друга по плечу: — это женихъ-безъ-невѣстный... Напрасливъ да не счастливъ... Сестра батюшку сказала, что не пойдетъ за него; Государь насильно не заставитъ идти за нелюба, кончилъ онъ вполголоса, отходя съ пріятелемъ прочь отъ Константина, пораженнаго въ сердце послѣдними словами.

Голова его загорѣлась. Онъ забылъ все и всѣхъ, и коснѣющимъ языкомъ повторялъ: «не можетъ быть....

Это клевета... Луша не таковская!.. За что́ ей было терзать меня, бѣднаго!..

Прислонясь къ стѣнѣ чтобы не упасть, онъ простоялъ нѣсколько минутъ и потомъ, незамѣченный ни кѣмъ, вышелъ на улицу.

Тамъ уже, не пересиливая себя, бѣднякъ далъ волю слезамъ, прикурнувъ у чьего-то забора въ переулкѣ. Съ ассамблеи давно разошлись и спать полегли, когда онъ опамятовавшись поплелся на свой вольный дворъ, и не достучался бы пожалуй, если бы его вѣрный Иванъ-болванъ не дожидался у воротъ.

— Ну, слава Богу, не прокараулилъ таки, свѣтя ему и идя впереди по лѣстницѣ въ свѣтелку говорилъ Иванъ, заботливо смотря на поблѣднѣвшаго Свѣчникова, очевидно бывшаго не въ себѣ, — что̀ съ тобой, Константинъ Алексѣевичъ? Повѣдай мнѣ свое горе!.. помогая ему снять кафтанъ, выспрашивалъ его съ братскимъ сердечнымъ радушіемъ этотъ бѣднякъ, привязавшійся къ Свѣчникову за его ласковое съ нимъ обращеніе.

— Ахъ, Ваня, ты меня лучше не спрашивай про мое горе!... разсказывать — вередить раны! Довольно того, что Луша, говоритъ братъ ея, меня бѣднаго разлюбила... Пропадай моя головушка! Константинъ въ безсиліи опустился на свое ложе. Иванъ присѣлъ на корточки, и гладя своими жесткими руками по его чуть не дѣтскимъ ладонямъ, вздумалъ разувѣрять его.

— Братъ, говоришь? ну это еще не много. Ино кабы сама — куда ни шло; а братъ можетъ обманывать — своему дружку наровитъ. А вотъ ужо я узнаю тебѣ...

— Узнаешь? порывисто вскрикнулъ Константинъ, сѣвъ на постель свою и обнявъ дружески своего Ивана, — да только правда ли, Ваня? Какъ ты узнаешь? Вѣдь она боярыня — ты ее не увидишь...

И опять, погруженный въ недовѣріе, Константинъ упалъ духомъ. Сердце еще пуще защемило, и опять въ слезы...

— Не плачь, утѣшалъ его Иванъ, — право слово увижу, дойду до самой боярыни и скажу ей, что Богъ молъ тебѣ судья, а такъ тиранить моего барина не приходится, коли есть въ тебѣ душа христіанская... Да что я говорю: можетъ это все злые люди, недруги твои брешутъ на нее, — а она, голубушка наша, сама по тебѣ убивается, коли не выпускаютъ; затѣмъ и не видно...

Чуть свѣтъ Ивашка разбудилъ Константина радостною вѣсточкой.

— А что, видишь, вотъ и вышло по моему, говорилъ онъ, осклабляясь широкою, добродушной улыбкой: — сама зоветъ... Вотъ ужо какъ ударятъ къ обѣднѣ, ты одѣнься попроще да и ступай къ нимъ во дворъ; мамка проведетъ тебя въ свою горенку, а тамъ ужь столковаться — ваше дѣло; смотри — не сплошай!

Не помнилъ себя Константинъ, какъ дождался благовѣста. Съ первымъ ударомъ церковнаго колокола, одѣтый въ короткій полушубокъ, стоя невдалекѣ отъ дома Куроѣдовыхъ, онъ видѣлъ какъ выѣхали изъ воротъ ковровыя сани съ бояриномъ и боярынею, перекрестился на церковную главу, высившуюся надъ крышами, оглядѣлся вверхъ и внизъ по улицѣ, и робкою поступью пробрался на задворки. Старуха-мамка, накинувъ старую штофную душегрейку и покрывшись темнымъ платкомъ, уже давно ждала его тамъ. На задворкѣ никого не было, кромѣ пожилаго мужика, который тяжело взмахивая топоромъ, рубилъ дрова на боярскую кухню.

— Тебѣ чего, молодецъ? окликнула мамка Свѣшникова, видимо для отвода.

— Ой, да никакъ это ты-то и будешь тетушка Дарья!

— Я, я, касатикъ, а ты самъ-то чей?

— Изъ Ростова тебѣ поклонъ, тетушка, принесъ отъ сына, весело отвѣчалъ Константинъ.

На душѣ у него было легко, грудь вольно дышала утренникомъ, слова сами собою шли съ языка.

— Ахъ, ты желанный! заспѣшила старуха: — ну, вотъ спасибо что̀ не полѣнился зайдти... Ну, вотъ и ладно... Ну, пойдемъ ко мнѣ, разскажи путемъ что̀ и какъ тамъ... каково поживаютъ въ Ростовѣ...

Старуха, плутовато подмаргивая, пошла дворомъ и на крылечко, съ котораго недавно уносила на рукахъ свою Лушу, найдя ее безъ памяти на ступенькахъ. Константинъ, не чуя ногъ подъ собою, слѣдовалъ за нею, — и скоро очутился въ низенькой, тѣсной горенкѣ, съ тиковой периной на красномъ сундукѣ и кое-какой поломаной мебелью. Молодой человѣкъ остановился на порогѣ, переминая шапку въ рукахъ; сердце его сильно билось, точно ему тѣсно было подъ полушубкомъ и оно рвалось выскочить и броситься туда, къ подножію лавчонки, на которой, пригорюнясь, въ простенькомъ голубомъ сарафанѣ, съ заплетенными въ двѣ косы пепельными волосами, сидѣла блѣдная, смущенная Луша...

При входѣ Свѣчникова, она подняла голову, взгляды ихъ встрѣтились, его — сверкавшій огнемъ страсти, ея — скорбный и какъ бы недоумѣвающій; ни у той, ни у другаго не нашлось словъ въ первую минуту...

— Ну, вотъ, ишь пришелъ, проговорила мамка, — посидите тутъ, а я пойду неровенъ часъ покараулю...

Старческій голосъ ея какъ бы разрушилъ чару оцѣпенѣнія, охватившаго молодежь. Константинъ бросилъ шапку въ уголъ, быстрыми шагами перешелъ горницу, взялъ Лушу за обѣ руки и хотѣлъ привлечь ее къ себѣ на грудь...

Луша тихо отстранилась, еще тише отвела ему руки, молча указала ему глазами на лавку подлѣ себя и потупилась, какъ бы соображая то, что̀ надо было сказать; въ лицѣ ея по прежнему не было ни кровинки, только выраженіе его становилось уже не смущеннымъ, а какимъ-то сдержаннымъ и какъ бы строгимъ...

Константинъ стоялъ передъ нею озадаченный и смутно чуя, что это не та Лукерья, которую онъ знавалъ въ Ростовѣ, даже не та что говорила съ нимъ на ассамблеѣ.

Луша медленно подняла на него голубые глаза, остановила долгій вдумчивый взглядъ, и вполголоса но твердо проговорила: «прости меня, Константинъ Алексѣичъ».

Какъ услыхалъ это Свѣчниковъ, такъ и опустился подлѣ нея на лавку, словно ему что-то клещами сжало сердце и потянуло книзу, а языкъ его коснѣя лепеталъ: «въ чемъ... простить?.. Въ чемъ-же, Луша?....»

Блѣдность ли его, дрожащій ли звукъ его голоса подѣйствовали на Куроѣдову, только она тихонько положила ему руку на плечо и слегка сжимала его пальцами, какъ бы отвлекая угаданную ею боль...

— Въ томъ, что не могу быть тебѣ женою — и не послала сказать этого раньше, отвѣтила она, опуская голову какъ виноватая.

Константинъ рванулъ плечо прочь и встряхнулъ бѣлокурыми волосами.

— Такъ стало правда? Такъ ты никогда меня не

любила? На что-жь ты меня обманывала? проговорилъ онъ въ порывѣ внезапной злобы.

Луша покачала головой.

— Какъ прежде любила, такъ и теперь не меньше... да только это не то, Константинъ Алексѣичъ! Слушайся меня, заговорила она со внезапною нѣжностью придвигаясь къ нему, — забудь ты меня, не бери замужъ — послѣ самъ скаешься... Не обманывала я тебя, видитъ Богъ; я сама себя не знала....

— Что-жь, слюбилась что-ли съ нимъ?

Луша опять покачала головой.

— Нѣтъ, не слюбилась, а просто взялъ онъ у меня сердце... такъ просто обѣими руками взялъ его — и нѣтъ мнѣ съ тѣхъ поръ покою ни днемъ ни ночью...

— Да когда жь это онъ? вскрикнулъ Константинъ, и зловѣщій огонь блеснулъ въ его впалыхъ отъ безсонницы глазахъ, — да знаешь ты, что̀ я съ нимъ сдѣл...

Луша въ испугѣ такъ быстро захлопнула ему ротъ ладонью, что слово замерло какъ оторванное.

— Что ты, безумный! шептала она, поблѣднѣвъ какъ смерть: — еслибъ ты зналъ что̀ ты говоришь-то!..

— Ты думаешь, что тебѣ любъ да грозенъ, такъ и всѣмъ страшенъ? продолжалъ Константинъ, — али за моремъ побывалъ, такъ и все ни по чемъ? А вотъ помѣряемся — такъ увидимъ...

— Да ты про кого это? съ какимъ-то даже сожалѣніемъ улыбнулась Луша.

— Извѣстно, про господича этого... поручика Корсакова, друга твоего братца...

— Полно, Костенька, не смѣши — не до смѣху мнѣ! проговорила Куроѣдова, — еслибъ ты могъ видѣть мою душу — не сталъ бы меня мучить...

Она опустила голову на плечо къ нему, и теплыя слезы смочили руку Свѣчникова. Вздрогнувъ какъ ужаленный, онъ быстро поднялся на ноги.

— Ты что, дѣвка, вертишься? — не время теперь... Ты правду говори — не бывать что-ль свадьбѣ?

— Нѣтъ, Костенька, не бывать, ни твоей, ни Корсакова, ни моей...

— Вѣрно?

— Вѣрно, затѣмъ и звала тебя, чтобъ самой сказать; думала: все не такъ больно будетъ... А что виновата я передъ тобою, такъ вотъ изволь...

И она тихо опустилась передъ нимъ на колѣна. Константинъ безсознательно подхватилъ ее, но голова его кружилась уже въ какомъ-то вихрѣ, красныя свѣтовыя пятна мелькали въ глазахъ, онъ вдругъ толкнулъ ее отъ себя — и какъ былъ безъ шапки выбѣжалъ вонъ...

Дома его дождались только на другія сутки, да и то никто изъ домашнихъ уже не узнавалъ его.

Константинъ страшно измѣнился. Потускнѣвшіе глаза его вспыхивали только изрѣдка, но за то быстро переходили съ предмета на предметъ, на самомъ дѣлѣ ничего не видя и въ сущности ничего не разсматривая. Онъ тяжело страдалъ, и мука душевная превышала молодыя его силы. Въ этомъ состояніи мысль его находилась какъ бы подъ гнетомъ чего-то уничтожающаго, обрушившагося на нее внезапно и все еще одинаково-тяготѣвшаго. На расспросы отца онъ ничего не отвѣчалъ, погруженный въ какую-то спячку мысли, почти безсознательное состояніе. Воспоминанія прошлаго до того смѣшались, что Лукерья, надежды его и любимыя занятія дня какъ бы никогда не существовали, — а будущее представлялось до того горькимъ и тяжелымъ, полнымъ чудовищныхъ страховъ, что смерть, которая бы разомъ покончила все, сама собою рисовалась какъ единственное спасеніе. Нечего говорить, что сонъ оставилъ страдальца, съ роковаго дня уничтоженія надеждъ, — что требованія даже желудка заглушались въ немъ подъ неотразимымъ вліяніемъ испытаннаго глубокаго потрясенія. Мало по малу впрочемъ стало приходить у него сознаніе своихъ обязанностей по фабрикѣ, но и это сознаніе сливалось съ овладѣвшею его идеею: во что̀ бы то ни стало умереть. Такое состояніе сильно-влюбленныхъ и, какъ онъ, отверженныхъ — очень хорошо извѣстно испытавшимъ этого рода напасть. Не на всѣхъ конечно одинаково дѣйствуетъ она — но безъ сомнѣнія сильнѣе на людей искреннихъ и предающихся влеченію сердца, такихъ какимъ оказывался Свѣчниковъ. Ему и въ голову не могла придти потребность обуздывать разсудкомъ приступы овладѣвавшаго имъ отчаянія. Напротивъ, онъ какъ бы лелѣялъ замыселъ добиться выхода изъ этого міра какъ можно съ большимъ страданіемъ, этимъ настроеніемъ болѣзненной фантазіи облегчая жгучесть боли. Какъ только сложилась подобная идея, мысль страдальца легко принялась вырабатывать планъ приступленія къ самому дѣлу. Тысяча проэктовъ, одинъ другаго ближе ведущихъ къ цѣли, зароились въ горячей головѣ Константина, не въ силахъ бывшаго остановиться ни на одномъ изъ нихъ...

Изъ дому онъ убѣжалъ, цѣлый день бродилъ самъ не зная гдѣ, но вотъ ноги его начинаютъ уставать... хотѣлось бы присѣсть, но длинная просѣка и по ней ровная грунтовая дорога, какъ бы врѣзанная въ рамки двухъ широкихъ канавъ, своей безпріютностью понуждаетъ идти все дальше и дальше. Кажется, нѣтъ конца высокимъ тонкимъ краснѣющимъ стволамъ сосенъ на болотѣ и нѣтъ между ними никакой прогалины, которая давала бы чувствовать, что онѣ рѣдѣютъ и ихъ уже не много остается. Константинъ — дѣлать нечего — идетъ, начиная посматривать слабѣющими отъ утомленія глазами. Но вотъ перекрестокъ — не то берегъ. Страдалецъ подошелъ, оглядываетъ, начинаетъ всматриваться... Берегъ въ самомъ дѣлѣ, вотъ блеснула и широкая свѣтлая полоса на матовомъ коврѣ запорошеннаго льда. Константинъ взялъ себя за голову обѣими руками и простоявъ такъ, какъ бы припоминая — что̀ онъ и что̀ съ нимъ, — словно обрадовался озаренію новой мыслью. «Вотъ славно! Стоитъ только нырнуть и не выплывешь — поминай какъ звали!.. Такъ чтожъ! Благословясь да и того... Господи Іисусе Христе...

И онъ перекрестился, думая что это уже въ послѣдній разъ, но рука съ крестомъ такъ и остановилась на челѣ...

— Чтожъ я злодѣй хочу сдѣлать? Богъ такъ не велѣлъ, будешь чорту баранъ. И подумать страшно...

И онъ, быстро повернувшись, пустился чуть не бѣгомъ въ противную сторону отъ воды; рысь путника скоро убавилась, уже шагомъ дошелъ онъ до заворота — и въ нѣсколькихъ шагахъ влѣво видитъ фигурный фасадъ боенъ, только-что открашенный по царскому повелѣнію. Тамъ суетятся нѣсколько рабочихъ, будто кому-то почтительно доносящихъ, — и Свѣчниковъ, самъ не зная для чего, повернулъ въ ту сторону. Навстрѣчу ему катится одноколка — равняется — и изъ нея раздается голосъ опроса: «Что за человѣкъ?» Это Дивіеръ.

— Самъ не знаю.

— Что-о? Какъ ты смѣешь такъ отвѣчать!

— Чего смѣть коли не знаю!

— Откуда ты?
— Кажись, изъ дому.
— А гдѣ домъ?
— На вольномъ дворѣ Алексѣя Парамонова...
— Кто-жь онъ тебѣ?
— Мнѣ-то? Да какъ тебѣ сказать... Какъ это... какъ онъ мнѣ? Прости, батюшка, не знаю... Вѣришь ты Господу Богу, хоть убей не скажу... И несчастный Константинъ развелъ руками какъ пьяный.
— Кто-жь тебя еще знаетъ?

Константинъ безотчетно отвѣчалъ: «знаетъ меня?.. Государь».

При этомъ словѣ Дивіеръ вышелъ изъ одноколки, взялъ за руки Константина и сталъ смотрѣть ему въ глаза, какъ понимать смыслъ сейчасъ имъ сказаннаго. Наблюденія взгляда бѣдняка почему-то поселили въ генералъ-полицмейстерѣ убѣжденіе, что тутъ кроется какая-то таинственность, — что это больной человѣкъ или совсѣмъ начинающій пятиться, но не издѣватель, не воръ и не пьяница. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дивіеру показалось, что онъ гдѣ-то его видѣлъ; сталъ припоминать — такъ точно: этотъ парень ходилъ объ руку съ Государемъ на одной изъ ассамблей. — Садись, дружокъ, со мною!.. уже довольно ласково отдалъ ему приказъ Дивіеръ, и поѣхали.

Передъ глазами Константина замелькали монотонныя подробности другой такой же просѣки по берегу Невы; тамъ началась Ишневенская слобода съ своими нарядными домиками — вотъ и ее проѣхали. Блеснулъ крестъ Исакія — мимо; Адмиралтейская фортеція — и ее мимо; за ней и дома Луговой Нѣмецкой улицы. Вотъ и мостъ у Дворца, и караульня у воротъ. Одноколка остановилась; Дивіеръ сошелъ, давъ знакъ слѣдовать за собою Константину.

Четою поднялись они на небольшое крылечко, отворилась дверь — и деньщикъ государевъ, вытянувшись передъ генералъ-адъютантомъ, сказалъ ему: «Васъ Государь ужь спрашивалъ». Генералъ-полицмейстеръ показалъ глазами на Константина, чтобы за нимъ смотрѣлъ деньщикъ, а самъ вступилъ въ кабинетъ Петра I.

Нѣсколько минутъ прошло въ докладываніи о чемъ слѣдуетъ, — и получивъ на все государевы резолюціи, Дивіеръ разсказалъ встрѣчу съ привезеннымъ имъ съ собою молодымъ человѣкомъ, дававшимъ странные, но казалось не обманные отвѣты.

— Каковъ онъ собой? спросилъ Петръ.

Генералъ-полицмейстеръ не успѣлъ докончить обстоятельнаго описанія наружности попавшагося, какъ Государь, прервавъ его, сказалъ: «Это Свѣчниковъ и есть — вели позвать».

Но въ тѣ немногія мгновенія, пока докладывалъ Дивіеръ, Константинъ, сидя въ маленькомъ чуланчикѣ деньщика царскаго, внезапно принялъ твердое рѣшеніе вклепать на себя преступныя дѣянія, за которыя бы законъ наложилъ на него карающую десницу, освободивъ его отъ жизни, столь ему постылой, и не отяготивъ смертнымъ грѣхомъ его совѣсти, — какъ многіе вѣрили въ тѣ времена, не вдаваясь въ тонкости казуистики.

Раздумывать впрочемъ времени не было. Услышавъ зовъ, деньщикъ довелъ молодаго человѣка до порога кабинета и воротился, оставивъ Константина одинъ на одинъ съ Государемъ и строгимъ Генералъ-полицемейстеромъ.

— Куда шелъ? отрывисто спросилъ Государь.

Константинъ, мѣшаясь при звукѣ знакомаго голоса Монарха, въ первыя мгновенія не могъ ничего сказать — и только благодаря благосклонной внимательности обратившагося къ нему Государя, постепенно приходилъ въ себя, входя вмѣстѣ съ тѣмъ въ роль сочиненную имъ въ чуланчикѣ деньщика.

— Шелъ къ старцамъ, спасаясь отъ праведнаго гнѣва твоего, убоясь что погубилъ я твое государское иждивеніе за посмѣхъ словно, началъ Константинъ, — канатовъ мнѣ не сдѣлать, великій Государь... Похвалялся я, окаянный, обманывая тебя... деньги и махина и товаръ — все погублено.

Дивіеръ при этихъ словахъ насторожилъ свое ухо, думая, что и въ самомъ дѣлѣ доставилъ очень важнаго преступника. Лицо его стало принимать обычное выраженіе строгости, какъ вдругъ Государь перебилъ Свѣчникова.

— Ты лжешь, или я ничего не понимаю... Какая тутъ гибель, когда ты уже дѣлалъ канаты? Я вѣдь самъ видѣлъ...

— Дѣлалъ, Государь, отвѣчалъ Константинъ, — но теперь все въ провалъ пошло, ничего уже не сдѣлаю; прикажи казнить меня, Государь!.. я достоинъ, самъ чувствую, тяжкой казни...

— Да что-жь это съ тобою сдѣлалосЪ? Сама рѣчь твоя обличаетъ, что ты не преступникъ и не злодѣй; съ чего тебѣ клепать на себя?

— Недостоинъ глядѣть на свѣтъ божій, на людей добрыхъ, продолжалъ уже рыдая Константинъ, — измѣнилъ я крестному цѣлованію...

Дивіеръ еще разъ смѣрялъ съ головы до ногъ Константина своимъ рысьимъ, испытующимъ взглядомъ и остановилъ его на немъ въ нерѣшимости.

— И дѣло твое государево продалъ, и, концы думая спрятать, сжогъ заводъ...

— Чтò-ò? Какой заводъ... канатный что-ли? Когда-же?

И Государь посмотрѣлъ недовѣрчиво на Дивіера; тотъ на этотъ разъ даже улыбнулся, чтò съ нимъ рѣдко бывало, — процѣдивъ сквозь зубы: «и дыму по сей часъ никто не видалъ».

Государь пожалъ плечами и погрузился въ глубокую думу.

Дивіеръ, храня молчаніе, смотрѣлъ на плачущаго Свѣчникова — и перебирая въ головѣ возможныя мотивы уловокъ употребляемыхъ ловкими обманщиками, не останавливался ни на одной, находя явное противорѣчіе съ наружностью и движеніями мнимо-каявшагося.

Петръ Великій сѣлъ къ столу, давая время Свѣчникову, рыдавшему навзрыдъ, нѣсколько успокоиться; самъ между тѣмъ терялся въ догадкахъ, чтò-бы могло быть причиной проявленія такой странности; потомъ вдругъ устремилъ свой орлиный взглядъ на молодаго человѣка и спросилъ его отрывисто, стараясь казаться гнѣвнымъ:

— Какъ-же ты, губя себя, не подумалъ о своей невѣстѣ?.. Чтò съ ней будетъ?

— Не хочетъ она меня знать, я несчастнѣйшій человѣкъ!.. надрывающимъ душу крикомъ вырвалось у рыдающаго Свѣчникова — и Петру стала ясна какъ день истинная причина всѣхъ выходокъ жертвы отверженной страсти.

— Г-мъ! вотъ оно что! вполголоса произнесъ Государь и прибавилъ важнымъ голосомъ: — Если ты такой важный преступникъ, трепещи моего гнѣва... Я тебя упрячу въ доброе мѣсто. Дивіеръ, возьми надеж-

Претеденты на французскій престолъ.

Герцогъ Алансонскій. Принцъ Жуанвильскій. Людовикъ импер. принцъ. Людовикъ Наполеонъ Бонапартъ

Графъ Парижскій. Графъ Шамборъ. Герцогъ Немурскій.

Герцогъ Омальскій. Герцогъ Монпансье. Герцогъ Шартрскій.

наго человѣка и вели стеречь этого молодца какъ свою голову, чтобы онъ у меня никуда не ушелъ и не задѣвался. Одного мнѣ жаль: это бѣднаго отца его. Онъ вѣрный человѣкъ, бѣжать ему не дастъ. Можно будетъ съ твоимъ караульнымъ свести его на вольный дворъ къ отцу. Рѣшеніемъ не замедлимъ, а пока пусть будетъ тамъ.

Дивіеръ подалъ знакъ—и Константинъ, совершивъ чуть не земное поклоненіе Монарху, казавшемуся гнѣвнымъ, вышелъ въ переднюю.

Прошло битыхъ полчаса, а Генералъ-полицімейстеръ все еще былъ у Государя. Что они говорили—Константинъ, подавленный своими ощущеніями, не любопытствовалъ знать. Ему и въ голову не приходило, чтобы судьба готовила ему другую долю кромѣ смерти, а самое меньшее каторги. Въ разстроенной головѣ его носилось сложившееся уже убѣжденіе, что онъ достаточно взвелъ на себя обвиненій и эти обвиненія настолько сильны, что намѣреніе или желаніе укоротить свой вѣкъ несомнѣнно достигается и самымъ удачнымъ образомъ.

Государь же объяснилъ Дивіеру разгадку побужденій, по которымъ нашъ наивный Константинъ задумалъ съиграть непосильную роль..

— Видѣлъ, говорилъ Петръ своему Генералъ-полиціймейстеру,—какіе есть еще у насъ чудаки? Врѣзался молодецъ въ одну раскрасавицу, а она какъ на бѣду спервоначалу словно и впрямь любила, а какъ дошло дѣло до перстней—раздумала. А онъ, бѣдняга, какъ видишь, чуть не рехнулся. А жаль! способный человѣкъ, толковая голова!.. что захочетъ—перейметъ, да и самъ иное кое-что выдумаетъ. Вотъ ужь не ожидалъ, чтобы сталъ такой младенецъ изъ-за бабы. Ну да мы его вылечимъ! Главное, смотрѣть за нимъ и держать въ страхѣ, авось дурь сама собой выкурится,—а тамъ въ чужую сторону, въ Европскіе штаты пошлемъ, спознается съ наукой настоящей и забудетъ совсѣмъ и какъ чудитъ теперь да и про зазнобу.

— Онъ человѣкъ молодой, многому еще научиться сможетъ, ввернулъ съ своей стороны Дивіеръ.

— Такъ пошли-же, Антонъ, хорошаго человѣка въ дядьки, изъ нашихъ преображенскихъ солдатика постарше, что ѣзжалъ съ господичами и Бога помнитъ.

В. Кельсіевъ.

В. Клюшниковъ *)

(Продолженіе будетъ).

Претенденты на французскій престолъ

Наполеонъ III, эксъ-императоръ.

Опять онъ въ Англіи, опять изгнанникомъ; тамъ, гдѣ годы тому назадъ онъ плелъ сѣти и строилъ ковы, которыя должны были вознести его на высочайшую степень могущества. И онъ успѣлъ, во всемъ успѣлъ. Нужно-ли говорить, *какимъ образомъ* и *для какихъ результатовъ?*.. Исторія жизни знаменитаго заговорщика такъ тѣсно связана съ исторіею послѣдняго времени, она такъ сильно вліяла на нее, что для дополненія всѣмъ извѣстныхъ фактовъ біографіи Людовика Наполеона требуется очень мало подробностей.

Отцомъ Людовика Наполеона былъ король голландскій Людовикъ, братъ Наполеона «великаго». Очень естественно, что когда этотъ король, Наполеоновой милостію, впалъ въ немилость у своего брата, съ которымъ вообще не такъ-то легко было ладить, то вмѣстѣ съ этимъ онъ утратилъ и все свое величіе. Матерью Людовика Наполеона была прелестная, поэтическая, но при этомъ и въ высшей степени легкомысленная—Гортензія, пріемная дочь Наполеона, который чрезвычайно благоволилъ къ ней. Бракъ Людовика и Гортензіи не могъ быть счастливымъ; супруги держались въ отдаленіи другъ отъ друга, а наконецъ и совсѣмъ разошлись. Сынъ остался при матери и не имѣлъ никакихъ сношеній съ отцомъ. Въ дѣтствѣ Наполеона III особенно выдается слѣдующій случай, бывшій, такъ-сказать, предвозвѣстникомъ его будущаго величія.

Когда, въ маѣ мѣсяцѣ 1816 года, возвратившійся съ острова Эльбы императоръ дѣлалъ смотръ войскамъ, которыя должны были, нѣсколько недѣль спустя, усѣять своими трупами Ватерлооское поле, то при немъ находился и сынъ Гортензіи. Въ то время, какъ передъ нимъ проходили повзводно войска, онъ поднялъ къ себѣ на сѣдло семилѣтняго мальчика, какъ дѣлалъ это съ своимъ наслѣдникомъ, римскимъ королемъ, который находился уже въ Вѣнѣ у своего дѣда съ материнской стороны,—и старые посѣдѣвшіе въ бояхъ гренадеры привѣтствовали одновременно цезаря, теряющаго престолъ, и наслѣдника, который, сорокъ лѣтъ спустя, пытался играть громами, выпавшими изъ рукъ его дяди.

Годы, послѣдовавшіе за паденіемъ дома Бонапарте, Людовикъ Наполеонъ провелъ въ изгнаніи, сначала въ Аугсбургѣ, гдѣ онъ ходилъ въ общественную школу, а потомъ въ Швейцаріи, въ прелестномъ горномъ замкѣ Аренбергъ, купленномъ его матерью. Онъ считался однимъ изъ самыхъ понятливыхъ учениковъ, и его любимыми предметами были математика и точныя науки.

Въ 1831 г. начинаются бури его жизненнаго поприща. Онъ отправляется съ своей матерью въ Парижъ и занимаетъ квартиру насупротивъ теперь-низверженной Вандомской колонны. Людовикъ Филиппъ, который только-что достигъ въ то время престола, приказываетъ выѣхать изъ Парижа и изъ Франціи какъ матери, такъ и сыну. Тогда маленькій караванъ направляетъ свои стопы въ Италію; потомки притѣснителя этого полуострова бросаются въ водоворотъ мадзини-карбонарскаго заговора, охватившаго въ то время всю Италію.

Между заговорщиками мы находимъ и обоихъ сыновей Гортензіи. Замѣчательно, что они сражались въ церковномъ государствѣ, которое потомъ одинъ изъ нихъ поддерживалъ своимъ могуществомъ до тѣхъ поръ, пока не палъ самъ. Старшій братъ погибъ въ Апенинскихъ горахъ, а Людовикъ Наполеонъ, хотя и попавшійся въ плѣнъ, вышелъ невредимымъ, благодаря высокому заступничеству. Какія причины могли побудить тогдашняго юношу броситься стремглавъ въ водоворотъ карбонарскаго движенія? Революціонныя-ли

---

*) Скромная доля участія, которое мы принимали въ композиціи исторической повѣсти «При Петрѣ» совмѣстно съ авторомъ, не дозволяла намъ подписывать свое имя наряду съ именемъ В. И. Кельсіева; нынѣ, вслѣдствіе заявленнаго авторомъ желанія, мы охотно исполняемъ это. *Ред.*

идеи увлекли его или онъ желалъ изучить организацію и причины могущества тайныхъ обществъ, пользовавшихся въ то время такимъ вліяніемъ? Не думалъ-ли онъ расположить въ пользу своей династіи революціонную партію? Не было-ли у него уже и тогда честолюбивыхъ замысловъ? Какъ бы то ни было, но онъ составлялъ исключеніе изъ всей своей фамиліи; всѣ прочіе братья и племянники могущественнаго когда-то дяди жили спокойно, а иногда даже и весело, довольствуясь тѣми доходами, майоратами и т. п., которые были за ними признаны. Кто являлся къ нимъ съ планами и проэктами, тому они указывали на дверь.

Мало-по-малу вокругъ молодаго Людовика Наполеона образовалось что-то въ родѣ двора. Со времени смерти герцога Рейхштадтскаго, всѣ приверженцы наполеоновской династіи устремили свои взоры на принца, потому-что онъ одинъ изъ всей фамиліи былъ одаренъ духомъ предпріимчивости и вѣрилъ въ свою звѣзду. Поддержанный въ своихъ планахъ окружающими его лицами, онъ выступилъ открыто въ качествѣ претендента и предпринялъ (въ 1836 году) смѣшную страсбургскую экспедицію, успѣхъ которой основывался, главнымъ образомъ, на переходѣ гарнизона. Но солдаты остались вѣрны своему знамени,—и претендентъ, облекшійся по этому случаю въ мундиръ дяди, едва успѣлъ спастись за Рейнъ. Многіе изъ его соучастниковъ были взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ и нѣсколько дамъ, потому-что бонапартистскія похожденія никогда не обходились безъ любовныхъ интригъ.

Еще болѣе жалкая участь постигла вторую экспедицію, предпринятую Людовикомъ-Наполеономъ послѣ четырехъ-лѣтняго изгнанія, проведеннаго имъ сперва въ Америкѣ, а потомъ, вопреки данному слову, въ Швейцаріи (которую онъ чуть было не вовлекъ по этому случаю въ войну съ Франціею) и, наконецъ, въ Англіи. Въ сопровожденіи своихъ вѣрныхъ и сотни наемныхъ служителей (у него въ то время была очень богатая любовница), одѣтыхъ въ гренадерскій мундиръ временъ имперіи, самъ же облекшись въ классическій костюмъ, съ руками заложенными за спину и заранѣе заготовленнымъ орломъ въ воздухѣ, присталъ онъ въ Булонь,—но не только не произвелъ желаннаго впечатлѣнія, а еще былъ взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ обозомъ, въ томъ числѣ и орломъ, и отправленъ по экстра-почтѣ въ Парижъ.

Во время происходившаго по этому случаю процесса, главный отвѣтчикъ, избравшій себѣ въ адвокаты чрезвычайно-искуснаго беррійца, хотя и съ легитимистскимъ направленіемъ,—держался съ дипломатическимъ спокойствіемъ и вмѣсто длинной рѣчи прочелъ только нѣсколько строкъ, заранѣе приготовленныхъ для него беррійцемъ, предоставляя все прочее адвокату. Будучи осужденъ на пожизненное заключеніе, онъ вскорѣ послѣ этого былъ отправленъ въ горный замокъ Гамъ, лежащій въ живописной мѣстности, недалеко отъ Арраса. Въ это самое время принцъ Жуанвильскій перевезъ въ Европу прахъ стараго Наполеона,—и народонаселеніе, въ особенности же республиканская партія, думавшая воспользоваться бонапартизмомъ для ниспроверженія тогдашняго правительства, сдѣлали изъ пріема этого праха настоящую овацію. Республиканцы заигрывали съ племянникомъ, который, само собою разумѣется, принималъ это съ большимъ удовольствіемъ. Только два человѣка выказали въ этомъ случаѣ ясное пониманіе дѣла: депутатъ Гле-Бизуэнъ, вотировавшій противъ перевезенія Наполеонова праха, и пэръ, графъ д'Альтонъ Ше, требовавшій казни претендента и подавшій голосъ въ этомъ смыслѣ. Въ замкѣ Гамъ принцу Людовику-Наполеону Бонапарте очень недурно жилось. Въ то время какъ республиканскіе плѣнники были посажены въ смирительные дома или же изнемогали въ сырыхъ тюрьмахъ, претенденту на французскій престолъ были отведены пространныя комнаты крѣпости, съ обширнымъ мѣстомъ для гулянья; онъ могъ имѣть сношенія съ внѣшнимъ міромъ, принимать гостей, держать столъ по своему вкусу и пр.

По прошествіи шести лѣтъ этого далеко не тяжелаго заключенія, претенденту пришло на умъ подняться изъ праха. Сказано, сдѣлано; дѣло было вовсе не трудное, достаточно было одного изъ тѣхъ обмановъ, какіе обыкновенно употребляются въ итальянскихъ фарсахъ. На постель положили Наполеона, сдѣланнаго изъ дерева и соломы, надвинувъ ему какъ можно ниже ночной колпакъ и обернувъ лицомъ къ стѣнѣ, въ то время какъ настоящій Наполеонъ, Наполеонъ изъ плоти и крови, одѣтый въ платье работника, съ строительнымъ матеріаломъ на плечахъ, прокрадывался къ воротамъ. Переодѣванье было сдѣлано такъ искусно, что одинъ изъ работниковъ, трудившихся у воротъ замка, принялъ комедіанта за одного изъ своихъ товарищей и закричалъ ему: «*Vous êtes Badinguet*». Съ тѣхъ поръ насмѣшники и враги экс-императора иначе и не называли его, какъ этимъ именемъ, которое особенно вошло въ ходъ въ послѣднее время.

Отъ 46—48 г. Людовикъ-Наполеонъ жилъ въ Англіи, довольно уединенно,—и изъ всего, что̀ дѣлалось имъ въ это время, получили гласность только его отношенія къ миссъ Говардъ да его появленіе въ качествѣ констабля при партіи чартистовъ.

О томъ, что̀ произошло послѣ этого, намъ незачѣмъ разсказывать. Извѣстно, какимъ образомъ онъ достигъ престола и какъ потерялъ его. Туда, куда революціонныя бури этого столѣтія перебросили мало-помалу столько принцовъ крови, былъ выброшенъ и онъ, старый, больной, сломленный, но тѣмъ не менѣе полный надеждъ и проэктовъ для будущности своей династіи.

У человѣка, который такъ долго распоряжался, безъ всякой отвѣтственности, государственной казной, конечно нѣтъ недостатка въ средствахъ, и точно такъ же нѣтъ у него и недостатка въ честолюбцахъ, готовыхъ помогать ему въ его подпольныхъ интригахъ. Насчетъ выбора средствъ эти люди не затрудняются, и пока онъ живетъ въ Чайзльгорстѣ, или по крайней мѣрѣ пока онъ не лишенъ возможности вредить, Франція не безопасна отъ всевозможныхъ заговоровъ, возмущеній, покушеній и т. п.

Наполеонъ, экс-наслѣдникъ французскаго престола.

Одна часть приверженцевъ наполеоновской династіи, считающая невозможнымъ возстановленіе отца, возлагаетъ свои надежды на главу сына и уже называетъ его Наполеономъ IV. Но онъ гораздо болѣе извѣстенъ подъ именемъ «Лулу». Лулу родился 16 марта 1856 г. Точно такъ же какъ и римскій король, онъ родился, когда могущество его отца стояло въ зенитѣ. Празднества, происходившія по поводу крестинъ молодаго принца, считаются еще и теперь образцомъ самой не-

обузданной роскоши и величайшей расточительности. Одни *dragées*, конфекты, которыя, согласно принятому обычаю, подаются во Франціи на крестинахъ, стоили цѣлыя тысячи франковъ. Малютку отвезли въ *Notre-Dame* въ той самой каретѣ, которая употреблялась при крестинахъ Наполеона и при коронаціи Карла X. Крестнымъ отцомъ (хотя и заочнымъ) былъ папа. Вечеромъ на балѣ въ *Hôtel de Ville* была такая давка, что у многихъ дамъ были оторваны шлейфы, а брилліантовъ потеряно и растоптано на цѣлые милліоны. Между тѣмъ какъ нѣмецкіе принцы крови воспитываются, большею частію, какъ обыкновенные граждане, очень просто, а сыновья Людовика-Филиппа учились въ публичныхъ школахъ, воспитаніе молодаго Наполеона было совершенно замкнутое и окруженное самымъ строгимъ этикетомъ. Сперва къ нему была приставлена гувернантка, а на седьмомъ году—гофмейстеръ; на двѣнадцатомъ году у него уже былъ свой собственный придворный штатъ, которымъ завѣдывалъ его гувернеръ, генералъ Фроссаръ, саарбрюкенскій герой. Ребенокъ обучался самымъ различнымъ отраслямъ наукъ, у самыхъ лучшихъ учителей парижскихъ гимназій и общественныхъ школъ, но всегда въ Тюильри и въ присутствіи гофмейстера, наблюдавшаго за тѣмъ, чтобы къ уроку не примѣшалось какого нибудь нечистаго ученія. Отецъ Лулу хотѣлъ «записать» его въ лицей Бонапарта, т. е. принцъ долженъ былъ конкурировать съ лицеистами, не посѣщая однако же лицея. Но молодыя головы, въ которыхъ и тогда уже начинало бродить, встрѣтили этотъ проэктъ такимъ сопротивленіемъ, что царственный отецъ долженъ былъ отъ него отказаться.

Еще худшій пріемъ былъ сдѣланъ мальчику, когда впослѣдствіи ему пришлось присутствовать однажды при раздачѣ наградъ. Молодой сынъ генерала Кавеньяка отказался принять награду изъ рукъ принца, а всѣ присутствовавшіе приняли это съ величайшимъ одобреніемъ. Впрочемъ, у принца не оказалось ни особенной охоты къ ученію, ни сколько нибудь порядочныхъ способностей,—тогда какъ, напротивъ того, онъ очень любилъ играть съ своимъ товарищемъ, сыномъ генерала Эспинаса, убитаго при Маджентѣ, который никогда не отходилъ отъ него и, по всему вѣроятію, послѣдовалъ за нимъ и въ изгнаніе.

Лулу былъ сдѣланъ почетнымъ капраломъ втораго гренадерскаго полка и присутствовалъ въ мундирѣ этого полка на нѣсколькихъ смотрахъ. Онъ заявилъ также это званіе, угощая разъ въ годъ за своимъ столомъ солдатскихъ дѣтей (*enfants de troupe*). Въ послѣдніе годы имперіи по поводу мальчика не разъ возникали при дворѣ споры. Мать желала воспитать его въ строго-ультрамонтанскомъ духѣ, водила его во всѣ церкви и т. д., тогда какъ Наполеону хотѣлось бы, чтобъ его считали воспитаннымъ по новѣйшимъ принципамъ, что доставило бы его наслѣднику популярность въ народѣ. Какъ бы то ни было, но сынъ выросъ скорѣе на глазахъ матери, чѣмъ отца. Если онъ, паче чаянія, достигнетъ когда нибудь престола, то эта вредная женщина будетъ играть роль Анны австрійской или Маріи Медичисъ; поэтому-то клерикальная фракція бонапартистовъ и фракція стоящая за абсолютизмъ и настаиваютъ на низверженіи Наполеона и на провозглашеніи французскимъ императоромъ пятнадцатилѣтняго мальчика.

Въ послѣдній періодъ имперіи принцу порядочно доставалось отъ журналовъ различныхъ партій. Его называли «золотушнымъ ребенкомъ» и разсуждали безъ всякаго стѣсненія, въ какой степени онъ одержимъ этою болѣзнію Дѣло въ томъ, что четыре года тому назадъ онъ чуть было не умеръ. Впрочемъ, онъ красивъ съ виду и хорошаго росту, но чрезвычайно надмѣненъ, а временами и жеманенъ.

Графъ Шамборъ.

Когда, выѣхавъ изъ Вѣны по южной дорогѣ, вы проѣдете Медлингъ и Алжерсдорфъ Лизингъ, куда уѣзжаетъ на лѣто часть жителей Вѣны, Баденъ и Веслау, извѣстные своими минеральными водами, и, достигнувъ Нейштадта, отличающагося превосходными колбасами, пересѣчете эденбургскую дорогу,—то, держась по направленію къ синѣющимся вдали горамъ, вы пріѣдете въ Фрошдорфъ, небольшую деревеньку, которая тѣмъ не менѣе сдѣлалась историческою. Само по себѣ это одно изъ самыхъ незначительныхъ мѣстечекъ; крестьянскіе дома, сравнительно съ домами нижне-австрійскихъ земледѣльцевъ, бѣдны и, большею частію, покрыты соломою.

Между этими домиками поднимается замокъ, обитаемый представителемъ новѣйшаго легитимистскаго принципа, прямымъ наслѣдникомъ Генриха и Людовика Святаго.

Зданіе замка не отличается ни колоссальностью размѣровъ, ни архитектурою; второстепенныя постройки, службы, конюшни и т. п. устроены цѣлесообразно, но безъ всякаго притязанія на внѣшній блескъ. Снаружи жилище княжеской четы похоже скорѣе на великолѣпную виллу, чѣмъ на замокъ. Главный входъ украшенъ эмблемою Бурбоновъ, вырѣзанною на кампѣ: тремя лиліями. Внутренніе аппартаменты обширны и прекрасно расположены, но меблированы въ нелѣпомъ стилѣ временъ реставраціи и переполнены фамильными и другими картинами. Часовня—небольшое образцовое произведеніе, сверкающее пурпуромъ, золотомъ и серебромъ. Когда «monseigneur» живетъ въ замкѣ, то обѣдня бываетъ по два раза въ недѣлю, а когда онъ въ отсутствіи, то только по воскресеньямъ, для прислуги.

Всего великолѣпнѣе паркъ; столѣтніе дубы и липы даютъ тѣнь даже въ самые жаркіе дни; въ аллеяхъ устроены кегельный катокъ, игра въ крикетъ и т. п. Сады содержатся въ величайшемъ порядкѣ, и за этимъ имѣньемъ лежатъ горы и лѣса, гдѣ графъ Шамборъ охотится за дичью въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей. Весь округъ, начиная отъ Нейштадта и кончая Фрошдорфомъ, составляетъ, за небольшими исключеніями, собственность потомка Бурбоновъ; кромѣ этого ему принадлежитъ еще нѣсколько помѣстьевъ и замокъ Браунзе въ Штейермаркѣ, два прекрасные замка съ значительнымъ участкомъ земли въ верхней Австріи и, наконецъ, какъ бы изъ уваженія къ принципу дуализма, онъ не только австрійскій, но и венгерскій землевладѣлецъ. Сверхъ этого, у него есть еще нѣсколько владѣній въ Банатѣ, которыя цѣнятъ чрезвычайно дорого. Изъ этого можно заключить, что не жадность къ деньгамъ и не желаніе улучшить свой жребій—побудили графа Шамбора выступить въ качествѣ претендента на французскій престолъ.

Конечно, потомку такихъ могущественныхъ королей, сыну предпріимчивой Каролины беррійской, трудно было принудить себя довольствоваться своей счастливой, но скромной судьбой,—въ особенности же если прибавить къ этому то благоговѣніе, съ какимъ относится

во Франціи высшая аристократія къ представителю легитимистскаго принципа, и тѣ вѣрноподданническія заявленія, какія дѣлались ему ежегодно. Теперь ему кажется, что онъ все ближе и ближе къ осуществленію «своего права», какъ онъ это называетъ,—и нѣсколько недѣль тому назадъ онъ счелъ себя настолько сильнымъ, что пересталъ скрываться и выступилъ впередъ съ своей программой. Претендентъ въ самыхъ лучшихъ мужскихъ годахъ: онъ родился въ 1820 г., черезъ мѣсяцъ послѣ умерщвленія его отца (герцога Беррійскаго). Шамборъ женился на дочери Моденскаго герцога д'Эсте, изгнаннаго въ 59 году. Такимъ образомъ онъ породнился съ австрійскимъ домомъ и полагалъ, что это обстоятельство принесетъ ему существенную пользу въ отношеніи его кандидатуры. Но габсбургскій домъ и до сихъ еще поръ не оправдалъ его ожиданій, хотя легитимистская реставрація и должна нравиться этому дому. При вѣнскомъ дворѣ графъ очень хорошо принятъ; онъ очень часто видится съ эрцгерцогами, а съ нѣкоторыми изъ нихъ даже очень коротокъ. Каждую зиму онъ живетъ по нѣскольку недѣль во дворцѣ своего тестя и даетъ тамъ балы, на которые съѣзжается все вѣнское высшее общество.

Съ августа мѣсяца прошлаго года, ни графъ, ни жена его не показывались въ Фрошдорфѣ; впродолженіе войны графъ жилъ близь самой французской границы въ одномъ швейцарскомъ замкѣ, откуда онъ какъ нельзя усерднѣе переписывался съ вожаками легитимистской партіи. Тѣмъ не менѣе Фрошдорфскій замокъ не совсѣмъ пустъ; тамъ живетъ племянникъ графа, который ботанизируетъ и ловитъ рыбу, въ то время какъ его дядя гонится за трономъ своихъ предковъ.

Герцогъ Омальскій.

Герцогъ Омальскій, второй сынъ Людовика-Филиппа, слѣдовательно по старшинству лѣтъ глава фамиліи, самая выдающаяся личность изъ всѣхъ Орлеановъ. Хотя въ сущности онъ и не имѣетъ права престолонаслѣдія, да и не заявлялъ никакихъ личныхъ притязаній на это право, тѣмъ не менѣе въ глазахъ большинства онъ представляетъ право и принципъ младшей линіи, что оправдывается его дарованіями и тѣми разнообразными свѣденіями, какія онъ съумѣлъ пріобрѣсти.

Герцогъ Омальскій родился въ 1822 г. Онъ учился, такъ же какъ и всѣ прочіе его братья, въ общественной школѣ, заключилъ дружескія связи въ самыхъ различныхъ кружкахъ общества, которымъ онъ остается вѣренъ еще и теперь.

Окончивъ ученіе, онъ поступилъ въ армію въ качествѣ простаго поручика и отплылъ въ Африку. Само собою разумѣется, что онъ не долго носилъ серебряныя эполеты, но, какъ это бываетъ съ королевскими сыновьями, получалъ чины съ необыкновенною быстротою.

Но, что въ отношеніи другихъ бываетъ, большею частію, слѣдствіемъ протекціи или возмутительнаго пристрастія, то въ отношеніи герцога Омальскаго было справедливою наградою за оказанныя имъ услуги. Не въ качествѣ любителя, окруженнаго роскошью и ком-

Церковь св. Николая чудотворца, что у большаго креста, въ Москвѣ.
Рисовалъ Александръ де-Баръ, гравировалъ Готеленъ Гюрель.

фортомъ и благоразумно держащагося вдали отъ выстрѣловъ, принималъ участіе герцогъ въ тяжеломъ алжирскомъ походѣ; онъ ѣлъ черствый солдатскій хлѣбъ и провелъ не одну ночь подъ открытымъ небомъ. Поэтому-то его очень любили въ войскѣ, и никто не смотрѣлъ на его возвышеніе косыми глазами. Занявъ высшія должности, онъ выказалъ довольно значительныя стратегическія способности. Ему обязаны, главнымъ образомъ, возвращеніемъ Константины и нѣсколькими счастливыми походами противъ Смалы и Арабовъ. Возвратившись въ 1843 г. изъ Алжира въ Парижъ, герцогъ въ скоромъ времени оставилъ его, на долгіе-долгіе годы. Тѣмъ временемъ наступила французская революція—и герцогъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, герцогомъ Жуанвильскимъ, съ удивительнымъ самоотверженіемъ послѣдовалъ предложенію новаго министра Араго (Франсуа) оставить занимаемыя ими должности. Надобно принять въ соображеніе, что въ то время африканская армія готова была идти за принцовъ въ огонь и воду, что между офицерами было много такихъ, которые питали къ нимъ самую живую симпатію,—и, не смотря на то, принцы добровольно послѣдовали распоряженію республиканскаго правительства и отправились въ изгнаніе, чтобы спасти страну отъ ужасовъ междоусобной войны.

Пока длилась республика, о герцогѣ Омальскомъ не было слышно ничего особеннаго. Когда же, послѣ декабрской продѣлки Наполеона, наступила имперія, герцогъ обнаружилъ большую дѣятельность, возставая противъ нея.

Онъ облегчалъ изданіе сочиненій, въ которыхъ разъяснялась (если не для Франціи, куда подобныя сочиненія доходили только въ видѣ контрабанды, то по крайней мѣрѣ для другихъ странъ) сущность наполеоновскаго управленія,—и основалъ въ Брюсселѣ и Швейцаріи газеты съ анти-имперіалистскимъ направленіемъ или же поддерживалъ ихъ субсидіями. Самъ онъ написалъ довольно много статей научнаго содержанія, помѣщавшихся въ *Revue des deux Mondes*, которыя всѣ до одной написаны въ томъ же самомъ оппозиціонномъ духѣ, покрайней мѣрѣ для тѣхъ, кто умѣетъ читать между строчками.

Впослѣдствіи онъ основалъ въ самомъ Парижѣ *Courrier du Dimanche*. Между сотрудниками этого журнала находилось также и нѣсколько даровитыхъ писателей республиканской партіи, которые, какъ почти всѣ республиканцы, были въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ герцогомъ. Въ Парижъ онъ не рѣшался ѣздить, а такъ какъ почта перехватывала его письма, то редакція посылала каждую недѣлю въ Кель одного повѣреннаго, который сходился тамъ съ герцогомъ; не смотря на всю бдительность полиціи, ей однако же не удалось ни разу поймать этого вѣстника.

Впослѣдствіи герцогъ купилъ вполнѣ эту газету, вслѣдствіе чего многіе сотрудники, Пельтанъ, Луи Ульбахъ и даровитый страсбургскій писатель Лоранъ-Лаппъ вышли. Но еще до основанія этого журнала герцогъ издалъ книгу: «Исторія принца Конде» и письмо «о французской исторіи».

Оба сочиненія, само собою разумѣется, были запрещены; первое подало поводъ къ продолжительному процессу между издателемъ Мишелемъ Леви и правительствомъ, а второе повело къ полемикѣ между герцогомъ Омальскимъ и принцемъ Плонъ-Плономъ, корчившимъ тогда изъ себя либерала. Послѣднее слово осталось за герцогомъ. Онъ, вслѣдствіе одного заявленія наполеоновскаго двоюроднаго братца, призналъ себя оскорбленнымъ и сдѣлалъ ему вызовъ. Но альмскій герой и не подумалъ удовлетворить этому требованію, а вмѣсто этого грозился въ сенатѣ—разстрѣлять путемъ военнаго суда всѣхъ орлеанистовъ, если только они ступятъ когда нибудь на французскую почву.

Теперь онъ въ изгнаніи, а Орлеаны торжествуютъ; поговариваютъ о томъ, чтобы избрать президентомъ республики герцога Омальскаго.

Герцогъ любитъ придавать себѣ видъ офицера, одѣтаго въ штатское платье; онъ любитъ путешествовать, былъ нѣсколько разъ въ Германіи, Швейцаріи, и т. д. У него очень большое состояніе, потому что онъ наслѣдникъ могущественнаго дома Конде, послѣдній потомокъ котораго повѣсился вскорѣ послѣ іюльской революціи.

Графъ Парижскій.

Если лучшіе претенденты, точно такъ же какъ лучшія женщины, тѣ о которыхъ ничего не говорятъ, то графъ Парижскій конечно претендентъ самаго лучшаго сорта. Его исторія коротка. Родившись въ 1838 году, онъ, будучи четырехъ лѣтъ отъ роду, потерялъ своего отца, умершаго вслѣдствіе несчастнаго случая съ экипажемъ, и сдѣлался наслѣдникомъ престола. Затѣмъ, когда ему только что минуло десять лѣтъ, революція выгнала его изъ роднаго города. 24 февраля, когда все было потеряно, мать привела его въ палату депутатовъ; но депутаты были не вѣрноподданные мадьяры, да и герцогиня, урожденная принцесса мекленбургская, была не Марія Терезія. Мятежники подступили уже къ самымъ дверямъ палаты, уже слышались ихъ буйные крики; ребенка и его мать едва успѣли отвести въ безопасное мѣсто. Какъ тотъ, такъ и другая потерялись въ толпѣ; одинъ изъ друзей Кремье отвелъ ребенка въ домъ одного банкира—и онъ оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока за нимъ не пришла мать, которая, запасшись паспортомъ отъ правительства, уѣхала съ нимъ въ Англію.

Тутъ графъ получилъ полуанглійское-полуфранцузское воспитаніе, которое онъ усовершенствовалъ путешествіями по разнымъ странамъ; между прочимъ онъ былъ даже въ Австраліи. Вообще, онъ чрезвычайно сдержанъ и предоставляетъ агитировать въ пользу своей короны своимъ дядямъ. У него привлекательная наружность, и онъ знакомъ со многими республиканцами, которые очень расположены къ нему. Луи Бланъ былъ съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ и доставилъ ему матеріалы для его сочиненія: «*les associations ouvrières en Angleterre*», которое недавно вышло въ свѣтъ.

Герцогъ Жуанвильскій.

Родившись въ 1818 г., герцогъ Жуанвильскій назначался для морской службы еще въ дѣтствѣ. Поступивъ во флотъ, онъ, въ правленіе Людовика-Филиппа, игралъ тутъ такую же видную роль, какъ его братъ, герцогъ Немурскій, въ сухопутномъ войскѣ. Изъ совершенныхъ имъ дѣлъ особенно замѣчательны: блокада и бомбардированіе портоваго города Танжера и побѣда, одержанная имъ на мексиканскихъ водахъ (С. Жанъ д'Уллуа).

Въ 1840 г., г. Тьеру пришло на мысль усилить поклоненіе Наполеону, вытребовавъ отъ Англіи прахъ великаго императора, для того чтобъ выставить его въ церкви дома инвалидовъ. Людовикъ-Фивиппъ, вѣрный своему принципу не пропускать ни одного случая для пріобрѣтенія дешевой популярности, одобрилъ это рѣ-

шеніе. Онъ самъ сдѣлалъ совѣту предложеніе послать своего сына, герцога Жуанвильскаго, на островъ св. Елены. Принцу это дѣло не нравилось, потому-что, говоря объ немъ съ окружающими, онъ постоянно выражался такъ: «испаренія, которыя издадутъ отъ себя эти кости, будутъ гибельны для страны».

Наперекоръ своему взгляду на этотъ предметъ, онъ долженъ былъ повиноваться отцовскому приказанію и отправился на кораблѣ *Belle Poule* къ острову св. Елены. При переговорахъ съ англичанами, онъ обнаружилъ такую твердость характера, которая едва не разстроила всего дѣла.

Находясь, большею частію, въ путешествіяхъ или экспедиціяхъ, онъ оставался совершенно чуждъ политическимъ движеніямъ и стремленіямъ. Революція 1848 г. застала его въ главѣ флота, въ Алжирѣ; добровольно и безъ малѣйшей жалобы сложилъ онъ съ себя званіе начальника и отправился въ изгнаніе, прежде всего въ Испанію, къ своему брату, герцогу Монпансье.

Съ 1850 г. онъ жилъ, большею частію, у своего брата герцога Омальскаго. Главныя лица англійскаго адмиралтейства, съ которыми онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ, высоко цѣнятъ его познанія и опытность.

Послѣ открытія войны и провозглашенія республики, онъ тщетно пытался вступить въ ряды французской арміи. Когда же онъ, не имѣя на это права, явился во Франціи, то начальникъ полиціи Ранкъ, поставленный на это мѣсто Гамбеттою, отправилъ его подъ конвоемъ въ море. Когда національное собраніе было созвано, онъ былъ выбранъ двумя округами.

Съ виду герцогъ очень красивый и сильный мужчина и вовсе не похожъ на «морскаго кота» или «тюленя;» у него чрезвычайно энергическія, но не рѣзкія черты лица. Онъ отличается отъ братьевъ своею щедростію. Впрочемъ, никогда не было слышно, чтобъ онъ заявилъ какія бы то ни было притязанія на французскій престолъ.

Герцогъ Немурскій.

Въ жизни представителя этого древняго историческаго имени нѣтъ ничего замѣчательнаго. Онъ обучался, точно такъ же какъ и его братья, въ коллегіи Генриха IV, гдѣ считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Вотированный послѣ смерти герцога Орлеанскаго законъ о правительствѣ—дѣлалъ его, въ случаѣ смерти короля, регентомъ. Оспоривая этотъ законъ, противники нападали и на принца, упрекая его въ честолюбивомъ намѣреніи ускорить время своего регенства посредствомъ отреченія короля. Во всякомъ случаѣ, онъ неоднократно заигрывалъ съ оппозиціей—и его роль, какъ роль королевскаго сына, была 24 февраля чрезвычайно двусмысленна. Онъ всѣхъ живѣе настаивалъ на отреченіи, а потомъ отправился вмѣстѣ съ герцогиней Орлеанской, графомъ Парижскимъ и Кремье въ палату, гдѣ уже провозгласили республику. Съ этой минуты герцогъ Немурскій живетъ какъ частное лицо—и изъ всѣхъ братьевъ о немъ рѣже всего слышно.

Герцогъ Шартрскій.

Братъ графа Парижскаго, не смотря на англійское воспитаніе, сохранилъ вполнѣ національный характеръ, не писалъ ничего, но служилъ въ итальянской арміи и въ войскѣ Соединенныхъ штатовъ. Во время послѣдней войны, онъ исполнялъ подъ именемъ Робера-Лефоръ, должность офицера въ лоарской арміи и получилъ въ этомъ званіи орденъ почетнаго легіона. Чрезвычайно гордится этимъ и не имѣетъ никакихъ дальнѣйшихъ притязаній.

Герцогъ Монпансье.

Этотъ сынъ короля Людовика-Филиппа тоже претендентъ—съ тою разницею, что онъ собирается осчастливить собою не Францію, а Испанію; его отецъ имѣлъ на него особенные виды. Онъ хотѣлъ привить въ королевскомъ домѣ младшую линію Бурбоновъ къ старшей, для чего и придумалъ соединить бракомъ герцога Монпансье и испанскую королеву Изабеллу. Но Англія такъ косо взглянула на это, что Людовикъ Филиппъ долженъ былъ согласиться на слѣдующую сдѣлку: молодая невинная Изабелла досталась испанскому принцу, а Монпансье женился на ея сестрѣ. Съ 1846 г., онъ живетъ въ Севильѣ, гдѣ у него свой собственный придворный штатъ, и нисколько не скрываетъ своихъ притязаній на испанскій престолъ. Онъ заигрывалъ съ вожаками либеральной оппозиціи и держался то Прима, то О'Доннеля. Въ послѣднее министерство Нарваэца, его царственная свояченица нашла, что его оппозиція ужь слишкомъ сильна,—и изгнала его вмѣстѣ съ женой. Сентябрская революція развязала ему руки, и онъ въ первый разъ выступилъ открыто въ качествѣ претендента. Но всѣ его усилія остались тщетны, главнымъ образомъ потому, что Наполеонъ противился его кандидатурѣ и даже угрожалъ возстановленіемъ Изабеллы. У него были приверженцы даже въ совѣтѣ—и все-таки ему не удалось достигнуть своей цѣли, даже и послѣ паденія имперіи.

Во время кандидатуры герцогъ не разъ подвергался самымъ ожесточеннымъ нападкамъ; одного изъ своихъ противниковъ, принца Бурбонскаго, двоюроднаго брата экс-короля, онъ вызвалъ на дуэль и застрѣлилъ.

Послѣ выбора Амедея, претендентъ удалился въ Севилью; утверждаютъ, что онъ все еще составляетъ заговоры и ищетъ сближенія со своячениццей, для того чтобъ сдѣлаться регентомъ принца Астурійскаго. О французскихъ дѣлахъ онъ нисколько не заботится и не принималъ никакого участія въ агитаціи своихъ своихъ братьевъ.

Герцогъ Алансонскій.

Младшая отрасль фамиліи, сынъ герцога Немурскаго живетъ въ своихъ владѣніяхъ въ качествѣ землевладѣльца и оставляетъ ихъ только для того, чтобъ предпринять какое нибудь большое путешествіе. Между прочимъ онъ ѣздилъ въ Америку и посѣтилъ тамъ своего брата, женатаго на дочери бразильскаго *императора*.

Церковь св. Николая чудотворца,

что у большаго креста, въ Москвѣ.

Этотъ храмъ, такъ же какъ и грузинской Божіей Матери, принадлежитъ къ зданіямъ византійско-русскаго стиля XVII столѣтія. Онъ находится въ Китаѣ (среднемъ) городѣ, Китайскаго сорока, на Ильинкѣ, близъ Ильинскихъ воротъ, и есть придѣльный; настоящая же церковь сооружена во имя *Успенія Пресвя-*

той Богородицы каменная. Въ 1826 г., во время случившагося пожара (мая 3-го), она сгорѣла и вновь построена въ 1688 г. московскими гостями Филатьевыми. Она имѣетъ названіе *у Большаго креста* потому, что въ ней тогда же Филатьевы (въ 1697 г.) поставили большой крестъ, который находится и доселѣ въ этой церкви у праваго клироса.—Другіе полагаютъ, что крестъ стоялъ при въѣздѣ въ посадъ, у Ильинскихъ воротъ; урочище стариннаго Николаевскаго монастыря, нѣкогда существовавшаго около этого мѣста, означается въ актахъ также *у большаго креста*. Замѣтимъ, что въ древнія времена, при въѣздѣ въ нѣкоторые русскіе города, находились кресты и часовни, какъ сохранители тѣхъ мѣстностей. У грековъ и римлянъ, когда они еще коснѣли въ язычествѣ, на каждой улицѣ городовъ ихъ стояли боги-истуканы, называемые *ларами*, каждому изъ нихъ посвящена была особая улица.

Въ верхнемъ концѣ *Большаго креста*, находящагося въ церкви св. Николая, числится *тридцать шесть* мощей, но какихъ святыхъ—не поименовано; тутъ же начертано 12 годовыхъ праздниковъ. Въ нижнемъ концѣ креста находится *сорокъ шесть* частицъ отъ мощей, въ числѣ которыхъ видимъ мощи Алексѣя человѣка Божьяго, царицы Елены, Великом. Екатерины и Варвары, князя Михаила Черниговскаго, Максима Блаженнаго, препод. Нила, царя Константина, кн. Владиміра, Маріи Магдалины и Маріи Египетскія. Въ правомъ концѣ креста 37 частицъ мощей, изъ нихъ поименованы: Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова, Василія Великаго, Іоанна Предтечи, апостоловъ Филиппа и Андрея, архидіакона Стефана, митрополитовъ: Петра, Іоны, Алексѣя. Въ лѣвомъ концѣ тоже 37 частицъ. Въ срединѣ креста находится частица мощей *св. Николая чудотворца*.

На этомъ крестѣ находятся еще надписи:

«1-я: 7188 лѣта отъ сотворенія міра (1680 отъ Р. Хр.) Іюня въ двадесятый день, сей святый крестъ вдадеся въ храмъ чудотворца *Николая Большаго креста*, что въ Китаѣ городѣ, въ вѣчное поминовеніе по родственникамъ подъячаго Андрея Городецкаго».

2-я надпись:

«7198 л. (1690 г.), марта въ 4 й день далъ сосуды въ церковь *св. Николая чудотворца Великокрестовскаго*, Аѳонасій Семененниковъ по родителяхъ своихъ, въ вѣчное поминовеніе».

Въ этомъ же храмѣ находится еще замѣчательный образъ *всѣхъ святыхъ*, старинной иконописи, съ надписью: «Лѣто отъ сотворенія міра 7208, отъ Рожд. Хр. 1700»; неизвѣстно, когда и кѣмъ онъ отданъ въ церковь.

Изъ тамошнихъ колоколовъ праздничный литъ 1694 г. а вседневный 1697 г.

Окрестности этой мѣстности также замѣчательны въ историческомъ и топографическомъ отношеніи; недаромъ мудрая Екатерина называла Москву: *Русскій міръ*. Близъ храма св. Николая находился *Посольскій дворъ* (когда и кѣмъ построенъ онъ неизвѣстно), и былъ названъ онъ такъ потому, что въ немъ прежде живали иностранные послы (онъ перешелъ въ частныя руки со времени Петра I-го, который отдалъ его подъ шолковыя фабрики). Въ старинный бытъ Ильинскій крестецъ, чрезъ который шла дорога на Ильинку къ Никольской церкви, также не лишенъ характеристики своего времени; онъ, какъ и улица Ильинка, называется этимъ именемъ по Ильинскому монастырю, находившемуся тамъ, гдѣ нынѣ церковь пророка Иліи, на Новгородскомъ подворьѣ. Ильинскій крестецъ простирается собственно отъ Спасскихъ (въ древности Флоровскихъ) воротъ до существовавшаго нѣкогда Ильинскаго моста (на самой Ильинкѣ), гдѣ находился притонъ безмѣстныхъ поповъ и дьяконовъ, къ которымъ посылали господа слугъ своихъ, нанимать ихъ на разныя требы (отъ 5 до 10 коп. за требу). Тамъ находилась и такъ называемая, *поповская изба*, въ родѣ нынѣшней консисторіи; и по преданіямъ и по стоглаву извѣстно, что тамъ попы вели себя не чинно: предъ литургіею не правили установленныхъ правилъ, иные изъ нихъ громко бранились за наемъ, иные нагло торговали святынею, иные играли, боролись и *кулачились*, что видно изъ актовъ археографической экспедиціи. Архіепископъ Амвросій не успѣлъ совершенно уничтожить ихъ безобразіе, митрополитъ Платонъ своимъ строгимъ указомъ разогналъ ихъ сходбища на Ильинскомъ крестцѣ и на Спасскомъ мосту.

Италіанская рыбачка.

Приморскіе рыбаки—совершенно особенный народъ, богатый пѣснями и сагами. Тихое однообразіе ихъ жизни, которая идетъ точно такъ же, какъ шла нѣсколько столѣтій тому назадъ, наложило на ихъ бытъ неизгладимую печать, встрѣчаемую нами вездѣ, гдѣ только берегъ омывается морскими волнами. Ихъ дѣятельность—одна изъ первобытныхъ формъ человѣческой культуры,—и поэтому-то тѣ, которые занимаются ею, отличаются какимъ-то первобытнымъ, почти патріархальнымъ характеромъ. Песчаный берегъ съ его зубчатыми скалами, игра волнъ съ ихъ таинственнымъ говоромъ и надъ всѣмъ этимъ необъятное небо — вотъ какую картину рисуетъ природа и какую пѣсню поетъ намъ она здѣсь!

Да, воспоминаніе о морѣ—самая поэтическая изъ всѣхъ картинъ, какія сохраняются въ душѣ нашей по возвращеніи изъ путешествія. Какъ часто вспоминаю я о тѣхъ дняхъ, когда, стоя на берегахъ Адріатическаго моря, я смотрѣлъ, какъ солнце опускалось въ волны, какъ сумерки набрасывали свой сѣрый покровъ на землю, какъ первые лучи мѣсяца серебрили волны!

Мы были въ Венеціи и ѣхали вечеромъ по Лидо къ тѣмъ узкимъ дюнамъ, которые отдѣляютъ отъ моря этотъ городъ лагунъ. Почти неслышно скользила нога по мягкому песку; высокая трава, которою поросли каменистыя мѣста, пожелтѣла отъ жара и гнулась отъ вѣтра; тутъ-то мы расположились въ ожиданіи ночи. Небо было въ этотъ день не синее, какимъ оно бываетъ обыкновенно въ южныхъ странахъ, но покрыто черными тучами, по которымъ пробѣгали зарницы. Точно такъ же мрачна была и вода; сѣроватыя волны, мѣшаясь съ бѣлою пѣною, роптали, какъ бы предчувствуя сильную бурю.

Мы смотрѣли на море и слѣдили за далекими мачтами; это были парусныя суда, отправлявшіяся въ Ге-

Италіанская рыбачка.

Съ картины Отто Мейеръ, гравировалъ Г. Кохъ.

пую и Неаполь. Ближе къ берегу море кишило рыбачьими лодками, спѣшившими убрать сѣти и возвратиться домой до бури. Какую оживленную картину представляли собою хлопотавшіе тамъ люди, съ загорѣлыми, веселыми лицами!.. какъ сильно работали они веслами, когда ботъ исчезалъ за высоко-поднявшимися волнами!

Тамъ въ окруженной акаціями гостинницѣ раздавались звуки мандолины, слышались итальянскіе голоса; желтоватыя стѣны освѣщались краснымъ отблескомъ огня.

Но на дворѣ, на морскомъ берегу, виднѣлись темныя фигуры; это были женщины и дѣти, ожидавшія возвращенія своихъ. Все ближе подвигались барки къ землѣ; уже слышались раздававшіеся во мракѣ удары широкаго весла и кликъ рыбаковъ надъ шумными волнами. Наконецъ одна лодка причалила, изъ нея вышелъ человѣкъ въ красной фригійской шапочкѣ и съ открытой грудью. Молодая женщина и черпокудрявый мальчикъ были его. Это было видно по радостной живости ихъ движеній; подойдя къ нимъ на довольно-близкое разстояніе, рыбакъ сталъ на одно колѣно, захлопалъ въ ладоши и раскрылъ руки; тогда мальчикъ, которому было не больше двухъ лѣтъ, побѣжалъ къ нему небольшими колыхающимися шагами; еще нѣсколько минутъ—и онъ уже почти достигъ цѣли, и отецъ съ крикомъ радости охватилъ его руками, какъ будто бы завладѣлъ царствомъ. Надъ нимъ стояла нагнувшись прекрасная цвѣтущая мать. «Джіованна!» вскричалъ онъ и всталъ, чтобы идти домой. Тѣмъ временемъ причалили и другія барки, и въ скоромъ времени на узкихъ дюнахъ образовалась веселая давка: тамъ болтали и пили какъ будто бы справлялся праздникъ. Потомъ отправились въ Венецію черезъ лагуны, гдѣ уже начался приливъ. Это были бѣдные рыбаки, а между тѣмъ они чувствовали себя, благодаря своей добычѣ, богатыми. Мы вошли въ одну лодку, гдѣ сидѣло четверо братьевъ съ сестрою; ихъ родители умерли, и легкая парусная лодка была ихъ единственнымъ имуществомъ.

Въ лагунахъ вода была тиха, здѣсь вѣтеръ не могъ достигнуть волнъ. Люди въ баркѣ пѣли. Это были гимны, дышавшіе самой жаркой любовью къ родинѣ, и любовныя пѣсни, отличавшіяся тѣмъ благозвучіемъ, какое свойственно языку Петрарки. Шестнадцатилѣтняя дѣвушка сидѣла, опустя руки на колѣна,—и право, молчаніе сестры было еще прекраснѣе, чѣмъ пѣсни братьевъ. Ея роскошные волосы развѣвались по плечамъ, а на шеѣ у ней была надѣта легкая цѣпочка изъ раковинъ. Какъ тонко были очерчены ея черныя брови и какой сіяющій взоръ скрывался, повидимому, за ея темными рѣсницами! Кто могъ бы сказать: что́ играло вокругъ ея полуоткрытаго ротика—блаженство или горе, и что́ скрывалось подъ этою грубою одеждою? Такъ сидѣла она тутъ, глядя на гладкую поверхность воды, отражавшую въ себѣ огни Венеціи. Мы ѣхали мимо высокихъ дворцовъ; бѣдные рыбаки—они пѣли внизу о своихъ радостяхъ, а тамъ наверху, гдѣ жило богатство, все было мрачно и нѣмо.

Вблизи канала *Grande* мы вышли на берегъ и подали содержателю парома слѣдующую ему плату. *A rivedervi, Angelica!* закричалъ я прекрасной дѣвушкѣ, которая въ то же самое мгновеніе исчезла изъ глазъ за угломъ какого-то зданія.

Когда мы на слѣдующее утро пробирались къ моему *Rialto*, движеніе на улицахъ было гораздо живѣе прежняго. Это былъ базарный день—и между кричавшею толпою женщинъ, торговавшихъ тутъ рыбою, намъ попалась навстрѣчу странная фигура, которая, опустивъ голову, поддерживала обѣими руками тяжелую корзинку, заключавшую въ себѣ вчерашнюю добычу. «Анджелика!» закричалъ я ей, но она, поднявъ голову, бросила на меня гнѣвный взглядъ, выражавшій, что она не желаетъ чтобъ ее узнавалъ и кланялся ей посторонній мужчина.

Гордая, съ чувствомъ собственнаго достоинства ушла она оттуда, но ея образъ остался въ воспоминаніи художника; его-то мы и предлагаемъ теперь нашимъ читателямъ въ той прелестной формѣ, въ какой онъ представился тогда намъ.

Фельетонъ.

Выставка въ Академіи Художествъ. — Конкурсныя работы учениковъ. — «Передвижныя» выставки и ихъ значеніе. — Засѣданіе Педагогическаго Общества. — Празднованіе двухсотлѣтней годовщины импер. Петра Великаго. — Кое-что о магазинахъ.

Вотъ уже три недѣли какъ петербургская публика ходитъ смотрѣть на выставленныя въ залахъ Академіи Художествъ работы нашихъ молодыхъ художниковъ и учениковъ. Небольшая выставка эта, созданная усиліями художническаго кружка, представляетъ явленіе, которому нельзя не порадоваться. Много найдете вы тамъ незрѣлаго, недоконченнаго, непродуманнаго какъ слѣдуетъ; но за то не мало и такого, что носитъ на себѣ отпечатокъ свѣжести, молодости и надеждъ, отпечатокъ несомнѣннаго таланта и эстетическаго чутья. Осеннія выставки послѣднихъ трехъ лѣтъ, устраиваемыя обыкновенно Академіею, заключали въ себѣ такъ мало истинно-художественныхъ произведеній, что невольно заставляли отчаяваться за русское художество: бѣдность сюжета, отсутствіе творчества, отсутствіе мысли и въ концѣ концовъ слабосильная техника—виднѣлась чуть не на каждомъ полотнѣ. Несомнѣнными же признаками упадка можно считать недостатокъ картинъ историческаго содержанія и полнѣйшую безсодержательность произведеній русскаго жанра. Теперешняя маленькая выставка, устроенная самими учениками, воскрешаетъ заглохнувшія-было надежды, показывая, что наши молодые таланты умѣютъ черпать вдохновеніе даже изъ сухихъ академическихъ сюжетовъ, задаваемыхъ на конкурсъ,—что художественное чутье не покидаетъ ихъ даже тогда, когда для творчества полагаются довольно-тѣсныя границы. Наиболѣе выдающимися, какъ по объему, такъ и по выполненію, являются 5 картинъ, удостоенныя полученія 1-ой золотой медали. Сюжетъ ихъ взятъ изъ новозавѣтной исторіи и представляетъ воскрешеніе дочери Іаира. Каждая изъ выставленныхъ картинъ имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Превосходнымъ по освѣщенію можно считать произведеніе г. Рѣпина: темная комната съ голыми каменными стѣнами освѣщена трехсвѣчникомъ, стоящимъ въ изголовьѣ покойницы; свѣтъ падаетъ на подушки, вѣнокъ изъ цвѣтовъ, мертвенно-блѣдное лицо и руки дѣвушки. Фигура Христа, съ задумчиво-грустнымъ выраженіемъ лица, поставлена у самой постели, на первомъ планѣ,—и была бы недурна, если-бы не было замѣтно на щекахъ красныхъ полосъ; фигура-же отца, стоящаго позади, въ глубинѣ картины, превосходна и по мысли, и по выполненію, — это растерявшееся, подавленное горемъ лицо, эти руки, сложенныя въ тупомъ молчаніи, производятъ въ высшей степени сильное впечатлѣніе. Именно такое горе и должно быть на-

писано на лицѣ отца. Гораздо менѣе удачно лицо близь-стоящей матери: въ ея горѣ нѣтъ ничего типическаго. По превосходному воспроизводенію всей группы, окружающей смертный одръ дочери Іаира, выдѣляется картина г. Макарова. Художникомъ схваченъ моментъ самаго пробужденія дѣвушки и впечатлѣніе его на всѣхъ окружающихъ. Задача, по замыслу, труднѣйшая. Здѣсь Іисусъ, простирающій руки къ покойницѣ, удачнѣе чѣмъ у остальныхъ конкурентовъ; но въ особенности правдивы фигуры родителей: мать, какъ женщина, первая повѣрила чуду и простираетъ руку къ дочери; на лицѣ отца не просвѣчиваетъ ничего кромѣ изумленія, смѣшаннаго съ ожиданіемъ, которое, впрочемъ, готовится перейти въ чувство радости. О благодарности тутъ не можетъ быть и рѣчи, — вся жизнь отца и матери вложена въ чувство высокой радости отъ того, что̀ они видятъ передъ глазами и чему еще отказываются вѣрить. Выраженіе лица пробуждающейся дѣвушки вѣрнѣе всѣхъ схвачено г. Полѣновымъ: во взглядѣ обращенномъ его къ Іисусу, свѣтится и удивленіе, что она видитъ предъ собою незнакомое лицо, и сомнѣніе въ дѣйствительности того что кругомъ ея происходитъ, и, наконецъ, непониманіе всей этой обстановки. Все это правдиво, жизненно, свѣжо. Изъ нѣсколькихъ десятковъ небольшихъ картинокъ, большею частію акварельныхъ, нельзя не упомянуть о картинкѣ г. Боголюбова «Видъ въ Голландіи», пейзажахъ г. Клевера, въ особенности же о его опушкѣ соснового бора, и другихъ.

Вслѣдъ за этой маленькой но интересной выставкой, въ залахъ Академіи предполагается открытіе другой — «передвижной» выставки Эта послѣдняя устраивается товариществомъ, которое задумало устраивать странствующія выставки художественныхъ произведеній, чтобы, съ одной стороны, знакомить публику съ русскимъ искусствомъ, а съ другой — облегчить художникамъ сбытъ ихъ произведеній. Картины русскихъ художниковъ товариществомъ перевозятся изъ одного города въ другой, показываются тамъ публикѣ и продаются. Первую въ такомъ родѣ выставку предполагается открыть въ Петербургѣ; отсюда она переѣдетъ въ Москву, изъ Москвы въ Кіевъ и т. далѣе. Мысль во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная. До сихъ поръ жители нашихъ городовъ не могли знакомиться съ русскими художественными произведеніями даже по гравюрамъ и фотографическимъ снимкамъ; теперь-же имъ предстоитъ увидать самые оригиналы.

Засѣданіе Педагогическаго Общества 20-го ноября было въ высшей степени поучительно и интересно: г. Миропольскій, по порученію собранія, представилъ разборъ извѣстной книги барона Н. Корфа подъ заглавіемъ «Нашъ другъ», — разборъ, вызвавшій со стороны присутствовавшаго тутъ автора горячія возраженія. Въ спорѣ были подняты самые существенные вопросы и задачи русской начальной школы; высказано было много дѣльнаго съ той и съ другой стороны. Докладчикъ упрекалъ автора «Нашего друга» за излишнюю практичность его книги, которая будто-бы носитъ на себѣ хозяйственно-земледѣльческій характеръ и чуждается общечеловѣческихъ идеаловъ; выставлялъ на видъ недостатокъ поэтическаго матерьяла и отсутствіе статей историческихъ; находилъ, что она не удовлетворяетъ обще-педагогической точкѣ зрѣнія, а потому далеко отъ *нормальной* книги для чтенія и т. д. Баронъ Корфъ, говорившій болѣе часу, возражалъ, что практичность (утилитаризмъ) книги вызывается потребностями сельской школы, сельскаго быта, и обусловливается краткостью времени, въ продолженіи котораго ученикъ посѣщаетъ школу. Докладъ г. Миропольскаго и возраженія бар. Корфа встрѣчены были весьма сочувственно.

Въ заключеніе, сообщимъ слухъ, передаваемый газетами, о празднествѣ двухсотлѣтія рожденія Петра Великаго. Коммисія избранная петербургскимъ общественнымъ управленіемъ, между прочимъ, предлагаетъ устроить «трехдневное народное гулянье на Петровской площади, торжественное плаваніе на Невѣ яликовъ и судовъ за ботикомъ Петра Великаго («дѣдушка русскаго флота»), дневной маскарадъ на Невскомъ проспектѣ, и проч.

Кстати объ Невскомъ, этомъ пріютѣ всевозможныхъ модъ. Центральныя аристократичныя улицы Петербурга кишатъ множествомъ великолѣпныхъ магазиновъ, каковы напр. на Большой Морской фирмы Кумберга, Штанге, Флорана и др., въ которые обыкновенный смертный, не обремененный тяжеловѣснымъ кошелькомъ, боится показать носъ, будучи увѣренъ что въ этихъ пресловутыхъ магазинахъ съ него возьмутъ вдвое-втрое, расчитывая что наемная плата за магазинъ здѣсь должна быть гораздо дороже, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Какъ же удивлены были мы, случайно зайдя въ магазинъ Юлія Флорана и найдя въ немъ предметы не только не дороже, но даже едва-ли не дешевле противъ другихъ магазиновъ. Сдѣлавъ свои покупки, мы освѣдомлялись о цѣнахъ на всевозможныя принадлежности мужскаго и дамскаго туалета, воротнички, сорочки, блузы, чулки и проч. и проч. — и все оказывалось чрезвычайно дешевымъ; но каково было наше удивленіе, когда намъ показали полный ассортиментъ приданаго, правда для небогатыхъ людей, но весьма порядочнаго качества, стоющій всего 50 рублей. Мы даже взяли списокъ, а именно: по полдюжинѣ рубашекъ шертинговыхъ, простынь и наволочекъ полотняныхъ, полотенецъ и носовыхъ платковъ, 3 кофты, 3 пары панталонъ, 6 паръ чулокъ, 3 юбки (одна съ воланомъ и шлейфомъ), 1 корсетъ, 3 воротничка съ манжетами, и столовый сервизъ — скатерть и салфетки на 6 персонъ, и все это за 50 руб.

Жаль, что магазинъ Юлія Флорана не довольно гласно публикуетъ о своихъ общедоступныхъ товарахъ. Вѣроятно большинство потребителей не знаетъ, что въ вышеупомянутомъ магазинѣ можно пріобрѣтать не одни роскошные предметы, но и скромные общеполезные и по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

С.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

О подпискѣ на 1872 годъ

НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШОВЫЙ МОДНЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

Съ 1 Декабря 1871 года „Модный Свѣтъ" начнетъ V годъ своего существованія и, не измѣняя ни въ чомъ своей програмы, будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „Модный Свѣтъ" въ 1872 году будетъ выходить также въ двухъ изданіяхъ:

Въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

2,000 политипажныхъ рисунковъ, модъ и рукодѣлій въ текстѣ.
Рисунки конвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.
12 большихъ листовъ выкроекъ (въ каждомъ листѣ до 15 выкроекъ).
12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.
24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашенныхъ картины, исполненныхъ лучшими художниками.
Коллекцію рисунковъ модъ стараго времени и характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ.
Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи и пр. для семейнаго чтенія

Съ 1 нумера 1872 года въ журналѣ „МОДНЫЙ СВѢТЪ" будетъ печататься историческій романъ Л. Мюльбаха:

ОТЪ СОЛЬФЕРИНО ДО КЕНИГГРЕЦА.

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

Благодаря своему **богатому содержанію,** пріобрѣлъ огромное число подписчиковъ и считается **лучшимъ и полнѣйшимъ** изъ всѣхъ выходящихъ въ настоящее время въ **Россіи семейныхъ журналовъ,** такъ какъ заключаетъ въ себѣ **самыя новѣйшія и самыя лучшія моды, рукодѣлья, рисунки для вышиванія** по канвѣ, гладью, шифры для вышиванія и проч., съ подробнымъ и популярнымъ объясненіемъ каждой малѣйшей вещи.

Цѣна годовому изданію Моднаго Свѣта.

I изданію съ 12 раскрашенными картинами:	въ С.-Петербургѣ безъ доставки	4	руб. —	коп.
» » » » » »	» » съ доставкою	5	» 50	»
» » » » » »	для иногородныхъ	6	» —	»
II изданію, съ 24 раскрашенными картинами:	въ С.-Петербургѣ безъ доставки	5	» —	»
» » » » » »	» » съ доставкою	6	» 50	»
» » » » » »	для иногородныхъ	7	» —	»

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I изданію **5** руб. II **6** руб. **50** коп.

Книгопродавецъ-издатель ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

Главная Контора Редакціи (ГЕРМАНА ГОППЕ) находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой ул., д. **Коровина, № 16.**

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: **И. Г. Соловьева** на Страстномъ бульварѣ, въ д. бывш. Загряжскаго, **А. Ланга,** на Кузнецкомъ мосту, **Г-на Постъ, М. М. Черенина.** и др.

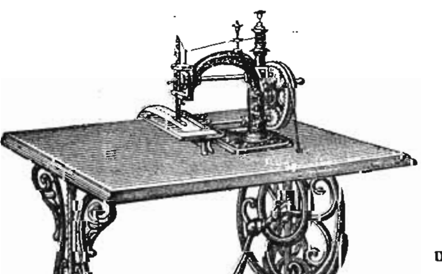
Главная Контора Редакціи Моднаго Свѣта покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ не замедлить высылкою требованій на журналъ 1872 г., во избѣжаніе задержки своевременной высылки №№ онаго.

Самый полезный и лучшій ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ есть безспорно

РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА.

Огромный и разнообразнѣйшій выборъ оныхъ съ полными апаратами, подробнымъ наставленіемъ и постоянной гарантіей, можно имѣть

ТОЛЬКО
ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ СКЛАДѢ
ЛУЧШИХЪ
АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ
ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

Невскій просп., № 62 противъ Аничкина Дворца. **А. КРУМБЮГЕЛЬ.** Невскій просп. № 62 противъ Аничкина Дворца.

А также въ ономъ имѣется: разнообразный ассортиментъ швейныхъ машинъ, разныхъ величинъ и фабрикъ съ новыми усовершенствованіями въ конструкціяхъ и всѣми апаратами къ онымъ; для семействъ, мастерскихъ и фабрикъ.

Швейныя машины:		*Ручныя швейныя машины:*	
А. Б. Хауе	80, 95, 110 руб.	Системы Вилькоса-Гибса	15 руб.
Эліасъ Хауе младш.	85, 100, 115 —	(Silencieuse) Экспресъ	25 —
Вилькоксъ Гибсъ	75, 85, руб.	Свиртшуръ	35, 45 руб.
Системы Вилькоксъ-Гибсъ.	60 —	Natalis	45 руб.
Виллера Вильсона	55, 65, 75, 85, 95 р.	Виллера Вильсова	50 — (въ деревян. полир. футлярѣ.
Гровера Беккера	70, 75 руб.		

Столы къ ручнымъ машинамъ для дѣйствія ногою 12, 15, 20, 27 рублей. Огромный выборъ нитокъ, бумаги, шелку, иголокъ, масла и другихъ принадлежностей. *Безплатное обученіе, постоянная гарантія.* Заказы иногородныхъ исполняются въ точности. Укладка и укупорка на счетъ магазина, безъ пересылки на отвѣтъ. -при требованіи свѣденій должна прилагаться почтовая марка.

При этомъ нумерѣ прилагается объявленіе для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объ изданіи журналовъ „Всемірная Иллюстрація" и „Модный Свѣтъ" и объявленіе о „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" для иногородныхъ.

Дозволено цензурою 25 Ноября 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Мроск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. [illegible] д. № 45—1.

№ 49. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 6 декабря 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

О подпискѣ на журналъ «НИВА» въ 1872 году.

Открывъ подписку на будущій 1872 годъ и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы“, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ **заранѣе** высылать свои требованія вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы“.

Такъ какъ „Нива“ преимущественно назначается **для семейнаго чтенія** и вслѣдствіе заявленнаго многими изъ нашихъ подписчиковъ желанія получать въ „Нивѣ“ извѣстія о модахъ съ рисунками, — мы, спѣша какъ всегда удовлетворить потребности нашихъ читателей, рѣшились прилагать **ежемѣсячное модное обозрѣніе съ рисунками парижскихъ модъ, не увеличивая подписной цѣны на нашъ журналъ,** при полнотѣ и общедоступности его наидешевѣйшій въ Россіи. Необходимыя приготовленія для введенія новаго отдѣла настолько уже сдѣланы, что мы можемъ обѣщать модные рисунки до истеченія нынѣшняго 1871 года.

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа съ 200—250 художественно-выполненными рисунками.

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 руб.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 к.	Для иногородныхъ съ пересылкой и упаковкой.	5 »

Покорнѣйше просимъ незамедлить высылкою подписныхъ денегъ, во избѣжаніе несвоевременной доставки №№ «Нивы» въ 1872 году. Гг. подписывающіеся благоволятъ какъ можно яснѣе обозначать свой адресъ или прилагать печатный адресъ, наклеенный на бандероляхъ „Нивы“.

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

(Продолженіе).

XI.

Крѣпышъ.

Слухъ о посылкѣ молодаго Свѣчникова за море дошелъ и до Куроѣдовыхъ, все черезъ того же Ивашку. Въ старобоярскомъ домѣ все какъ бы повеселѣло, всѣмъ точно легче стало, словно избыли бѣду неминучую. Одна боярыня только и держала немного сторону Константина съ тѣхъ поръ, какъ сама Государыня пріѣзжала сватать Лушу. Любящая мать, по опыту знавшая, каково сживаться съ замужнею долею, когда повѣнчаютъ по приказу родительскому, — сбиваемая съ толку сдержанностью и молчаливостью Луши, — она чуяла въ Константинѣ сердечный выборъ своего дѣтища и невольно защищала его на семейныхъ пересудахъ. Но какъ только замѣтила зоркимъ материнскимъ окомъ, что отъѣздъ Свѣчникова Луша приняла равнодушно, такъ и перестала закидывать о немъ порою доброе словечко, а въ глубинѣ души несказанно радовалась, что все обошлось такъ благополучно. Про самого воеводу и говорить нечего: ему только царская воля связывала руки. Онъ любилъ Римскова-Корсакова еще съ тѣхъ лѣтъ, когда тотъ бойкимъ черноглазымъ курчавымъ парнишкой лазилъ по яблонямъ заповѣднаго боярскаго сада въ Ростовѣ; а теперь, когда молодой инженеръ явился такимъ ловкимъ, дѣльнымъ и смѣлымъ на всѣ руки молодцомъ, — просто души въ немъ не чаялъ: спалъ и видѣлъ во снѣ, какъ бы поскорѣе породниться съ сыномъ своего друга. Старики давнымъ давно просватали молодежь другъ за дружку, дѣти съизмала привыкли одинъ къ другому, парень все время жилъ за моремъ считаясь женихомъ и назадъ пріѣхалъ въ надеждѣ на боярское нерушимое слово — и вдругъ на поди, какое лихо приспѣло: слово не въ зачетъ, отдавай дочь невѣсть кому, невѣсть за что̀, невѣсть на какую жизнь, тѣмъ болѣ что дѣвкѣ и самой не по нутру—сама призналась. Услыхавъ, что тучу пронесло мимо, старикъ Куроѣдовъ тотчасъ послалъ сына за Римскимъ-Корсаковымъ и велѣлъ ему звать инженера откушать хлѣба-соли по старинному. Новопожалованный сержантъ радъ радехонекъ былъ за своего друга и поспѣшилъ передать ему добрую вѣсточку.

Римскій-Корсаковъ пріѣхалъ настоящимъ женихомъ, въ троечныхъ саняхъ съ богатой медвѣжьей полостью, въ дорогой собольей шубѣ. Только неизмѣнный съ пріѣзда въ Петербургъ инженерскій кафтанъ его и ботфорты свидѣтельствовали, что онъ какъ бы разъ навсегда покончилъ съ былыми замашками французскаго щегольства и роскоши; но за то этотъ простенькій нарядъ какъ нельзя лучше присталъ къ нему, облегая стройный станъ и выдѣляя всю красу еще юныхъ, но уже мужественныхъ чертъ выразительнаго лица. Какъ у большой части тогдашней знати, лицо это было довольно полное, съ небольшимъ зобомъ у подбородка, что при высокомъ челѣ и слегка закинутой головѣ придавала юношѣ видъ горделиваго превосходства надъ окружающими. Большіе темные глаза его смотрѣли смѣло и умно, какъ бы за разъ обнимая и охватывая всю обстановку въ данное время и схватывая самую суть ея. На крупныхъ изящнаго очертанія губахъ, въ минуты обычнаго расположенія духа, скользила улыбка безпечной силы... Даже Луша, несмотря на всѣ свою сосредоточѣнность, бросавшуюся въ глаза всѣмъ и каждому и остававшуюся загадкой для семьи, раза два взглядывала за столомъ на молодаго красавца—и онъ подмѣтилъ эту невольную дань, которая пріятно щекотала его самолюбіе.

Старый воевода былъ очень веселъ, безпрестанно приказывалъ подливать вина въ большіе стаканы гостя и сына, не отставалъ и самъ, предлагая различные тосты— то за Государя, то за *здравіе дѣтокъ Ивана Михайловича Головина,* какъ тогда назывались корабли русскаго флота, заставлялъ Корсакова разсказывать о своемъ житьѣ-бытьѣ за моремъ.

— Да, да, говорилъ расходившійся старикъ,—вотъ у Ивана-то Михайловича семейка-то на славу, а мнѣ видно, какъ ни бьюсь, внуковъ не дождаться... и при этомъ бросалъ лукавые взгляды на дочь.

Луша сидѣла съ опущенными глазами прислушиваясь къ тому, что̀ говорилъ ея нарѣченный.

Онъ живо, складно и бойко переходя отъ одного предмета къ другому, разсказывалъ, какъ ихъ учили въ тулонской академіи королевскіе мастера биться на шпагахъ и ѣздить верхомъ, солдатскому артикулу, инженерству, артиллеріи,—какъ сажали въ штрафъ въ тюрьму на хлѣбъ и на воду, ежели что согрѣшитъ,—описывалъ галерную гавань и постройку галеръ въ Марселіи отрядами каторжныхъ, французскіе суды или палацо де юстиція, гдѣ судьи ходятъ въ чорныхъ платьяхъ, а за истцовъ и отвѣтчиковъ говорятъ наемные стряпчіе адвокаты, и многое множество чудесъ на морѣ и на сушѣ...

Когда онъ особенно увлекался воспоминаніями недавняго прошлаго и на щекахъ его проступалъ бойкій румянецъ ожнвленія,—Луша съ любопытствомъ обращала на него задумчивые глаза и краснѣла, если онъ улавливалъ ея взглядъ.

Обѣдъ тянулся долго, блюдъ было множество и преимущественно жаркихъ. Римскова-Корсакова до того привыкли считать своимъ, что, выйдя изъ-за стола, старики тотчасъ разошлись по своимъ горницамъ соснуть послѣ ѣды, и молодежь осталась одна. Луша тоже хотѣла было удалиться въ свою свѣтелку, но братъ, во что̀ бы то ни стало радѣвшій пріятелю, удержалъ сестру.

— Посиди съ Мишуткой-то, чего боишься? сказалъ онъ посмѣиваясь: — не волкъ — не съѣстъ!.. А мнѣ надо къ завтрашнему ученью изрядно приготовиться, чтобъ моя сержантская трость не опростоволосилась какъ!.. И не желая мѣшать Корсакову, вышелъ напѣвая полтавскій маршъ.

Луша оставалась въ какой-то нерѣшимости, потомъ какъ бы переставъ колебаться, сѣла на стулъ у окна, оправляя платье.

— Ну что, надумалась? подошелъ къ ней Римскій-Корсаковъ съ своей безпечной улыбкой.

— Надумалась, Михайло Андреевичъ, отвѣтила дѣвушка, поднимая на него многозначущій взглядъ, — охъ, кабы вѣдалъ ты, какъ надумалась-то!

— Давно бы такъ! Ты погляди на меня: ну чѣмъ я не женихъ? полушутливо говорилъ Корсаковъ: — малый добрый, не уродъ — вонъ княгиня Черкасская на прошлой ассамблеѣ говоритъ мнѣ, пригожѣе днемъ съ огнемъ не сыщешь, — денегъ у меня куры не клюютъ, будешь въ золотѣ ходить, на лѣто поѣдемъ жить въ новгородскія помѣстья, все что́ хочешь — всякую прихоть твою исполню...

— Спасибо за честь, Михайло Андреевичъ, страшно только...

— Э! страшно — вотъ вы всѣ дѣвки такія; а того не знаешь — стерпится слюбится!

— Мнѣ-то стерпится, улыбнулась Луша, — тебѣ-то слюбится ли, Михайло Андреевичъ?

Вся шутливость Корсакова разомъ пропала.

— Да что-жь ты не видишь что-ли!.. шепнулъ онъ, внезапно наклоняя къ ней вспыхнувшее лицо и глядя куда-то въ сторону, между какъ слова вырывались у него прерывистымъ полушопотомъ, — эй, Луша, смотри, не брезгай!.. затопчешь — послѣ пожалѣешь...

Луша подалась даже назадъ — такимъ жаркимъ вѣяніемъ пахнуло ей въ лицо отъ его щекъ.

— Вижу — вижу! тихонько простонала она, — ты только не видишь .. никто не видитъ... никто вы не хотите понять меня!..

А Корсаковъ, словно устыдясь мгновеннаго порыва, уже одолѣлъ его и стоялъ возлѣ нея, гордо выпрямившись и выжидая съ обычной усмѣшкой.

— Слушай же, Михайло Андреевичъ, заговорила Луша, вдругъ оборачиваясь къ нему, — изволь, я скажу тебѣ всю правду, — захочешь ты погубить и себя и меня — Богъ тебѣ судья!.. Будь я прежняя Луша, ростовская, не за Свѣчникова Константина, за тебя пошла бы я замужъ.... Ну, а теперь.... Ты не то что онъ; у него само пройдетъ, а ты перемоги себя...

Усмѣшка понемногу исчезала на губахъ Корсакова; онъ слушалъ, блѣднѣя и въ то же время стараясь не проронить слова.

— Ты вотъ похвалялся, что скорѣй пострижешь меня, чѣмъ другому отдать; ну, коли не вѣришь, что я никому женою не буду, окажи мнѣ милость, упроси батюшку чтобы отдалъ меня въ монастырь... А коли вѣришь — оставь такъ: пусть я твоя нарѣченная — стану вѣкъ коротать, пока женишься на другой какой...

— Это вѣрно? глухо выговорилъ Корсаковъ.

— Суди самъ, заговорила Луша, какъ бы подчиняясь ему и также понижая голосъ, — росли мы съ тобою въ Ростовѣ — что́ мы видѣли, что мы знали у батюшки въ терему? Дѣти мы были — большіе а дѣти. И ты, и я, и онъ, Костя... вспомни-ка. А тутъ привезли меня въ Питербурхъ городъ, самъ знаешь какія дѣла тутъ вершатся, какихъ людей встрѣчаешь — и все въявь, у всѣхъ на виду.... Нешто я та Луша?..

— Ну? перебилъ Римскій-Корсаковъ.

— Ну? переспросила Луша съ улыбкой, и вдругъ глаза ея засіяли, все лицо зардѣлось какъ маковъ цвѣтъ, въ какомъ-то восторженномъ, смѣломъ выраженіи, — ну, а кто насъ сюда вызвалъ? кто всему починъ? нынче послышишь, завтра послышишь — про кого говорятъ?

И Луша перевела сіяющій взоръ съ своего нарѣченнаго къ стѣнѣ, вскользь мимо картины изображавшей «семь чувствій», остановила глаза на портретѣ Государя въ преображенскомъ мундирѣ, — и вдругъ, закрывъ лицо руками, выбѣжала изъ горницы.

Семенъ Куроѣдовъ, затворясь у себя на верху, продѣлывалъ шпагой офицерскій артикулъ, когда на лѣстницу поднялись медленные и тяжелые шаги, скрипнула дверь и вошелъ Римскій-Корсаковъ.

— А что, Семенъ, никогда мы не пробовали, ты гораздъ на шпагахъ биться, али нѣтъ? спросилъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Изволь, попытаемъ, отвѣчалъ Куроѣдовъ, сгибая объ полъ свою шпагу, — только вѣдь у меня отточена; не было бъ бѣды—смотри осторожнѣй...

— Ничего, небойсь, отвѣтилъ инженеръ, обнаживъ свою и становясь въ позицію, — коли ты, я только отбивать буду; гляди, и зажмурюсь даже — видалъ ты экую штуку?... Ну, коли!

Римскій-Корсаковъ въ самомъ дѣлѣ закрылъ глаза, и Куроѣдовъ смѣясь хотѣлъ сдѣлать обманное движеніе своей шпагой, но вдругъ почувствовалъ, что клинокъ инженера словно приросъ къ его клинку, — какъ ни хитрилъ Семенъ, какъ ни вилялъ остріемъ своей своей шпаги, шпага Римскова-Корсакова слѣдила за каждымъ изворотомъ, точно ощупью какъ живая чувствуя подлѣ себя и ловя оружіе противника...

— Эна ты какой мастеръ!.. выговорилъ Куроѣдовъ.

— А ты чаялъ какъ?! улыбнулся инженеръ, открывая глаза и насмѣшливо глядя въ упоръ, — ну-ка, берегись, полно крѣпко ли у тебя держится шпага?

Куроѣдовъ видѣлъ какъ блеснули глаза ринувшагося инженера вмѣстѣ съ неуловимымъ блескомъ лезвія— и въ тотъ же мигъ съ какимъ-то шипящимъ визгомъ собственная шпага его, вывернувшись изъ руки, звеня отлетѣла къ стѣнѣ... Покраснѣвъ съ досады, онъ поднялъ оружіе и быстро сталъ противъ Корсакова.

— Полно, будетъ! Не серчай, сказалъ Корсаковъ, вложивъ свою шпагу въ ножны и разминая усталую руку.—Слушай-ко, Семенъ, быстро перешелъ онъ къ другому предмету, — неравно отецъ спроситъ обо мнѣ, такъ ты скажи, что мы съ Лушой сговорились—порѣшили отложить дѣло годика на два...

— Что-жь такъ? сухо спросилъ Куроѣдовъ.

— Да ужь такъ, молода больно, неохота ей замужъ идти, скороговоркой пояснялъ Римскій Корсаковъ, — пусть ее въ дѣвкахъ понѣжится, на своей волѣ поживетъ... Да ты чего хмуришься?.. Небойсь, не сбѣгу...

— А ты говори прямо—на попятный что-ль?

— Говорю, подождемъ... Видишь, дѣвка совсѣмъ какъ дитя малое—въ головѣ еще и то и сё бродитъ... Ну, придетъ и на нашей улицѣ праздникъ... А пока, прощай, мнѣ теперь недосугъ—пора на крѣпостныя работы взглянуть...

— Ну, прощай, сказалъ Куроѣдовъ.

— Прощай, Семенъ, заѣзжай по старому, двери мои тебѣ настежь какъ всегда и душа тожь...

Римскій-Корсаковъ обнялъ друга и трижды крѣпко поцѣловалъ его.

Часъ спустя молодаго инженера видѣли уже на работахъ. Степенно и толковито отдавалъ онъ приказанія, стоя на бастіонѣ, и только складочка межь сдвинутыхъ бровей обличала не то скрытое и подавляемое страданіе, не то думу и озабоченность насчетъ ввѣреннаго ему дѣла.

В. Кельсіевъ.

В. Клюшниковъ.

(Продолженіе будетъ).

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что на Филяхъ (въ селѣ Покровскомъ).

Изъ подмосковныхъ селеній, лежащихъ на большой Смоленской или Можайской дорогѣ, многія достопримѣчательны по прекрасной мѣстности своей и по историческимъ воспоминаніямъ; путь къ нимъ ведетъ чрезъ Дорогомиловскую заставу. Первый предметъ, встрѣчающійся любознательному путешественнику, есть тянущійся чрезъ Москву рѣку *Бородинскій мостъ*; ужь одно это названіе напоминаетъ славнѣйшую эпоху въ нашей отечественной исторіи. Вотъ вправо за заставой расположено Дорогомиловское кладбище, на которомъ похоронены Бородинскіе герои [1]). Въ верстѣ за Дорогомиловской заставой, на покатистомъ холмѣ, близь кургана, памятника многихъ битвъ москвитянъ съ врагами, скромно пробирается рѣчка *Сѣтунь*, на которую (по преданію) приходили осиротѣвшіе горожане *сѣтовать* о потерѣ своихъ родныхъ. [2]). Вотъ, недалеко отъ этой же мѣстности и Воробьевыхъ горъ, горитъ крестъ на храмѣ села Троицкаго-Голенищева, куда удалился отъ городской суеты и шума (въ XV-мъ стол.) Святитель Кипріянъ, *какъ въ мѣсто не плещно и безмятежно* (по его выраженію), и куда пріѣзжалъ къ нему бесѣдовать и просить его совѣтовъ и благословенія Вел. Кн. Василій Дмитріевичъ, въ смутныя времена усобицъ и страшнаго нашествія Тамерлана на Россію.

Нѣсколько далѣе, на прекрасной возвышенной мѣстности, по изгибистымъ берегамъ Москвы рѣки, находятся деревни *Волынское* и *Давыдово*, которыя въ лѣтнее время служатъ отраднымъ убѣжищемъ отъ душной городской жизни московскимъ жителямъ. Наконецъ, на шестой верстѣ отъ Москвы, подлѣ деревеньки *Мазиловой*, красуется, называемое русской швейцаріей, село *Кунцево*, а около него *Фили*, или село *Покровское*, что *на Филяхъ*.

Кунцево, Фили и Петровское Разумовское [3]) (за Бутырской заставой) подарены были Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ тестю своему, бѣдному дворянину, Кирилѣ Полуехтовичу Нарышкину [4]); сынъ его Левъ Кириловичъ [5]), чудодѣйственно спасшійся отъ ярости стрѣльцовъ [6]), выстроилъ себѣ на Филяхъ хоромы и проживалъ тамъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, родственникъ и другъ фамиліи Нарышкиныхъ, былъ представителемъ образованія тогдашняго времени; вѣроятно онъ внушилъ мысль Льву Кириловичу: воздвигнуть въ 1593 году въ этомъ селеніи великолѣпный храмъ съ живописными окнами, во имя Покрова Пресв. Богородицы, по избранному, изысканному, своеобразному, но прекрасному фасаду, который представленъ на прилагаемой картинѣ.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ главнымъ предметомъ зодчества и вмѣстилищемъ художественныхъ произведеній — были храмы; они достойны вниманія и сохраненія для потомства, какъ памятники благочестія, вкуса и событій того времени. Мы видимъ, что многіе изъ нихъ ознаменованы замысловатостью, искусствомъ и изяществомъ не только иностранныхъ, но и русскихъ зодчихъ, которые усвоили себѣ художества просвѣщенныхъ народовъ и умѣли сами изобрѣтать и творить до такой степени, что вполнѣ заслуживали одобренія и похвалы иностранцевъ.

Мѣстность, на которой сооруженъ этотъ храмъ, прекрасна, оттуда видна вся Москва; преданіе говоритъ, что тамъ находились и царскіе дворцы (простыя брусяныя палаты) и высокая башня съ боевыми часами.

Что касается до внутренности церкви, то всѣ образа въ иконостасѣ ея—стариннаго но искуснаго фряжскаго письма [7]). Тамъ замѣчательна икона Спаса Нерукотвореннаго, въ богатомъ золотомъ окладѣ, украшенная драгоцѣнными камнями, на ней находится надпись, въ родѣ стиховъ:

«Іисуса сына живаго Бога,
Милосердная пучина премнога,
Вся мы, яко на Тя кто уповаетъ,
Отъ всѣхъ злыхъ спасенъ бываетъ.
Авгарь князь на Тя надежду имяше,
Симъ твоимъ знакомъ съ домомъ спасенъ бяше,
И нынѣ, зрящимъ Христе, на образъ Твой,
Въ молитвѣ приносящимъ къ Тебѣ гласъ свой,
Льву, вѣрному рабу своему,
Милость свою подаждь и дому всему;
Не мятежное даруй благоденство,
По семъ въ небеси вѣчное блаженство.

Другая надпись находится тамъ на иконѣ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла:

«Образъ камене, его же Христосъ нарѣче: Петре! Ты еси камень Вѣры, на немъ же созижду церковь и врата адовы не одолѣютъ ю.»

На хартіи у Апостола Петра, изображеннаго съ крестомъ на рамѣ и съ двумя ключами въ рукѣ, начертано изъ его посланія:

---

[1]) Многіе изъ нихъ, раненые на бородинскомъ сраженіи, привезены были въ Москву и умерли въ ней; они похоронены на кладбищѣ въ одной общей могилѣ, надъ ними ежегодно совершается поминовеніе.

[2]) Рѣчка Сѣтунь выходитъ изъ Троицкой деревни и сливается съ Москвой-рѣкой.

[3]) Петровское-Разумовское, гдѣ нынѣ находится Академія, долго было во владѣніи Нарышкиныхъ и перешло въ наслѣдство внуку Кирилла Полуехтовича, Петру I-му. Въ 1776 году фельдмаршалъ, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій женился на боярышнѣ Нарышкиной, Императрица Екатерина дала за ней въ приданіе эту отчину, а къ названію *Петровское* прибавилось *Разумовское*.

[4]) Историкъ Миллеръ говоритъ, что родъ Нарышкиныхъ происходитъ отъ выѣхавшаго изъ Крыма татарина Нарыша, но это сомнительно; другіе иностранные писатели правдоподобнѣе пишутъ, что родъ Нарышкиныхъ происходитъ отъ древняго Чешскаго (богемскаго), т. е. славянскаго племени, имѣвшаго во владѣніи городъ *Хебъ-Эгеръ*, что подтверждается и гербомъ этого города, сходнымъ съ гербомъ Нарышкиныхъ. При Вел. Кн. Іоаннѣ III-мъ одинъ изъ Нарышкиныхъ былъ Окольничьимъ, чинъ почетный.

[5]) Родной братъ царицы Натальи Кириловны, дядя Петра I-го.

[6]) Въ 1-й день стрѣлецкаго бунта (1682 г. мая 15-го) онъ, съ братьями своими: Мартемьяномъ и Ѳеодоромъ, успѣлъ скрыться отъ опасности въ крестьянской одеждѣ, у родственниковъ, въ оталенной деревнѣ отъ Москвы. По укрощеніи мятежа, въ царствованіе Іоанна и Петра, Левъ Кириловичъ пожалованъ былъ саномъ Боярина, но въ 1689 г. новый заговоръ стрѣльцовъ угрожалъ ему гибелью: подъячій Шошинъ, по наущенію главныхъ виновниковъ, одѣвшись въ боярское платье и имѣя сходство со Львомъ Кирилловичемъ, произвелъ съ сообщниками своими разныя неистовства надъ стрѣльцами и громко кричалъ: «я бояринъ, Левъ Кир.». Отъ этого возникъ ропотъ, стрѣльцы еще болѣе взбунтовались противъ Нарышкиныхъ — Левъ Кир. спасся во второй разъ Во время отъѣзда Петра въ чужіе края, Левъ Кир. былъ 2-мъ членомъ, послѣ князя-кесаря Ромодановскаго, въ Совѣтѣ, устроенномъ для управленія Россіею; онъ также неоднократно управлялъ Посольскимъ Приказомъ. Въ благодарность Богу за свое спасеніе онъ выстроилъ на Филяхъ храмъ. Левъ Кир. скончался въ 1705 г.

[7]) Въ настоящее время кое-что подновлено, но многое осталось въ первобытномъ своемъ видѣ.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что на Филяхъ (въ селѣ Покровскомъ).

Рисовалъ П. Е Коверзневъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

«Отложише убо всяку злобу и всяку мысль, лицемѣріе и зависть и всѣ клеветы, яко новорожденные младенцы, словесное и нелестное млеко возлюбите, да въ немъ возрастете спасеніе.»

Въ тамошней ризницѣ хранится Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ въ 1689 г., дорогія аксамитныя ризы, а надъ запрестольнымъ образомъ серебряныя вызолоченыя лампады, пожертвованіе Нарышкиныхъ. Въ числѣ рѣдкостей, сохраняющихся тамъ, находится полотенце, работы царицы Натальи Кирилловны, вышитое золотомъ и разноцвѣтными шелками.

Еще есть преданіе, что Петръ, посѣщая Фили, пѣлъ басомъ въ тамошнемъ храмѣ, на клиросѣ; царское мѣсто устроено въ немъ у западной стороны.—Въ 1812 г. и на Филяхъ хозяйничали французы: въ нижнемъ ярусѣ устроили они себѣ конюшню, а въ верхнемъ швальню; много драгоцѣнностей было заранѣе спасено отъ ихъ хищности, но храмъ былъ оскверненъ ихъ пребываніемъ тамъ.

Фили, какъ красивое и скромное селеніе, любилъ посѣщать извѣстный поэтъ Ив. Мих. Долгорукій; на закатѣ жизни своей, смотря на закатъ солнца съ тамошняго пригорка, онъ возъимѣлъ мысль написать *завѣщаніе*, въ которомъ онъ заповѣдываетъ схоронить его на филевскомъ кладбищѣ; онъ выразилъ эту мысль слѣдующими стихами:

«И въ кучѣ тѣлъ простонародныхъ,
Пускай истлѣетъ мой составъ!
Повѣрьте, съ кѣмъ ни схорониться,
Земля все въ землю обратитъ:
Се равенство природныхъ правъ!...»

1812 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ, Имп. Александръ 1-й, во время самаго разгара отечественной войны, ѣхалъ изъ дѣйствующей арміи въ Москву. «И я стану посреди васъ», сказалъ онъ въ воззваніи своемъ къ первопрестольной столицѣ. 11 числа толпы народа двинулись встрѣчать его за дорогомиловскую заставу, но тщетно прождали его цѣлый день на Поклонной горѣ—и разошлись по домамъ; крестьяне же деревни Филей и села Покровскаго не хотѣли успокоиться до тѣхъ поръ, пока не увидятъ Государя,—они хотѣли встрѣтить его, по коренному русскому обычаю, съ хлѣбомъ и солью. Посланные ими гонцы увѣдомили ихъ, что Государь въ этотъ день не прибудетъ въ Москву. Императоръ, по обычной своей скромности, хотѣлъ уклониться отъ торжественной встрѣчи и въѣхать въ столицу, не бывъ никѣмъ видимымъ. Въ самую полночь Государь прибылъ на Поклонную гору; священникъ села Покровскаго-Филей ожидалъ уже его тамъ въ облаченіи, держа на серебряномъ блюдѣ крестъ; маститый старецъ, дьяконъ, стоялъ съ горящей свѣчой, трепетный блескъ которой, въ темную, безлунную ночь, озарялъ благоговѣйную картину. Государь ѣхалъ шибко, въ отрытой коляскѣ,—но вдругъ, увидалъ священную встрѣчу, приказалъ остановиться, и, вышедъ изъ экипажа, съ глубокимъ вздохомъ приложился къ распятію...

Въ скоромъ времени послѣ этого рѣшилась судьба Москвы. На крутой горѣ, близь Можайской дороги, въ деревнѣ Филяхъ, стоялъ отдѣльный домикъ (онъ сгорѣлъ въ 1869 г.) съ красными окошками, обнесенный валомъ и обведенный рвомъ; онъ находился въ одной верстѣ отъ села Покровскаго, что на Филяхъ. Въ этомъ домикѣ происходилъ роковой военный совѣтъ, на которомъ присутствовали: фельдмаршалъ Кутузовъ, генералы: Барклай, Дохтуровъ, Уваровъ, Остерманъ, Ермоловъ, Раевскій, Коновницынъ и другіе. Тамъ, послѣ долговременныхъ преній, рѣшено было отдать Москву непріятелямъ—безъ боя...

На голыхъ стѣнахъ этого домишка, до самаго пожара, висѣли портреты героевъ 1812 г.; на столѣ стояла чернильница и лежала книга, для вписыванія именъ любопытныхъ посѣтителей. Въ 1826 г. въ немъ останавливался Цесаревичъ, Константинъ Павловичъ, проѣздомъ въ Москву, на коронацію своего брата, Николая Павловича.

2-го сентября непріятели входили въ Москву тремя колоннами: 1-я изъ нихъ переходила Москву рѣку у Воробьевыхъ горъ, 2-й перешла ее на Филяхъ и направилась въ Тверскую заставу, а главная входила въ Москву чрез Дорогомиловскую. Тщетно за этой заставой прождавъ депутаціи отъ Москвы, Наполеонъ въ крайней досадѣ и нетерпѣніи велѣлъ себѣ подавать лошадь. En avant! (впередъ!) скомандовалъ онъ—и поскакалъ къ Дорогомиловской заставѣ. Проѣхавъ Дорогомиловскую слободу и приближаясь къ Москвѣ-рѣкѣ, онъ остановился на береговомъ косогорѣ, пѣхота и артиллерія тянулись мимо его, конница перешла Москву-рѣку вбродъ. Наполеонъ остался ночевать недалеко отъ заставы въ домѣ харчевника.

Почти въ безлюдную Москву, изъ пригородья, вступилъ онъ съ большею пышностью, подъ звуки военной музыки, въ сопровожденіи блестящей гвардіи своей. Москва безмолствовала...

Еще не касаясь сумерекъ временъ давно-прошедшихъ—сколько воспоминаній на этой дорогѣ!

С. Любецкій.

Приключеніе въ Остъ-Индіи.

(Съ англійскаго).

— Теперь ваша очередь разсказывать, капитанъ!.. вскричали нѣкоторые изъ общества, сидѣвшаго за бутылкой вина и забавлявшагося разсказываньемъ разныхъ исторій и приключеній, пѣньемъ пѣсенъ и провозглашеніемъ тостовъ.

— О чемъ же вы желали бы послушать, джентльмены?.. отвѣчалъ капитанъ С., маленькій, худенькій человѣчекъ, сдѣлавшій нѣсколько походовъ въ Остъ-Индію.

— Разскажите намъ какое-нибудь изъ самыхъ страшныхъ вашихъ приключеній, сказалъ кто-то:—вѣдь вы были въ Остъ-Индіи, а тамъ, какъ говорятъ, происходятъ страшныя сцены.

— Хорошо; мнѣ именно пришло на умъ одно подобное приключеніе, которое можетъ заинтересовать васъ. Въ 183* году я поступилъ подпоручикомъ въ одинъ изъ находившихся въ Бенгалерѣ полковъ, и такъ какъ я не привыкъ къ климату, гдѣ ртуть поднимается на 35° даже весною и падаетъ ниже этого только осенью, то чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, что проклялъ тотъ день, въ который согласился промѣнять прохладную старую Англію на эту огненную калильную печь.

Нѣкоторые изъ друзей совѣтовали мнѣ съѣздить въ Малабаръ — и я съ удовольствіемъ послѣдовалъ этому совѣту, такъ какъ твердо вѣрилъ, что перемѣна мѣста будетъ благодѣтельна для моего здоровья. Поэтому-то я досталъ себѣ паланкинъ и отправился въ путь — по такой прекрасной дикой мѣстности, какой только можетъ желать искатель приключеній.

Мы достигли уже такъ называемыхъ Вейнардъ-Джонгловъ, а со мной не случилось еще ничего особеннаго; еслибъ и эти послѣдніе оказались также безопасными, то видъ всей этой мѣстности былъ бы чрезвычайно обманчивъ. Дай Богъ, чтобы мнѣ никогда больше не пришлось проѣзжать по такой чащѣ! Ситникъ, высокая трава и различныя кустарники густо сплелись между собою подъ тиковыми деревьями, а эти послѣднія образовали своими сплетшимися вѣтьвями такой навѣсъ, что во многихъ мѣстахъ было совершенно темно.

Когда меня несли въ паланкинѣ по кочковатой, болотистой тропинкѣ, проложенной слонами, мною овладѣла мысль, что я нахожусь въ совершенной пустынѣ, населенной слонами, кабанами, тиграми, леопардами, гіенами, шакалами и безчисленнымъ множествомъ змѣй, и что, по всему вѣроятію, мои носильщики бросятъ меня, если который нибудь изъ этихъ дикихъ звѣрей нападетъ на насъ.

Если вы въ состояніи представить себѣ окружавшій меня мракъ, завываніе дикихъ звѣрей, ядовитыя испаренія болотистой почвы и милліонъ мускитовъ, клоповъ и моли, роившихся вокругъ меня, то получите нѣкоторое понятіе о томъ удовольствіи, которое можетъ доставить подобная прогулка безсильному, хворому человѣку.

Было жаркое душное послѣобѣденное время, когда мы достигли середины джонгловъ. Я сидѣлъ, прислонившись къ спинкѣ своего паланкина и, полудремля, прислушивался къ монотонному пѣнію моихъ носильщиковъ, какъ вдругъ меня разбудили два или три трубные звука, которые очевидно исходили отъ какого-нибудь дикаго слона, прокладывающаго себѣ, не вдалекѣ отъ насъ, дорогу черезъ джонглы. Прежде чѣмъ я успѣлъ произнести одно слово, мои носильщики бросили безъ церемоніи паланкинъ и обратились въ бѣгство.

Я зналъ, что, оставаясь на мѣстѣ, я переселился бы въ вѣчность не далѣе какъ черезъ минуту же. Поэтому-то я съ лихорадочной поспѣшностью вскочилъ на ноги и какъ безумный бросился въ кусты, лежавшіе въ противоположномъ направленіи отъ того мѣста, откуда неслись звуки.

Къ счастью я достигъ черезъ нѣсколько секундъ до подножія высокаго тиковаго дерева, на которое и началъ взбираться съ быстротою смертельнаго страха. Я слышалъ, какъ громадное животное топтало кусты; земля дрожала подъ его тяжелыми ногами; а я весь въ поту, такъ что все мое платье было мокро, карабкался все выше да выше, такъ быстро, какъ никогда не карабкался ни прежде, ни послѣ, не столько изъ боязни умереть, сколько отъ инстиктивнаго ужаса передъ подобной смертью.

Должно-быть слонъ нѣсколько сбился съ дороги, прежде чѣмъ увидалъ меня, потому что хотя мнѣ и казалось, когда я началъ лѣзть на дерево, что онъ стоитъ какъ разъ за мною, но онъ подошелъ къ дереву только тогда, когда я достигъ сука, отстоявшаго болѣе чѣмъ на 30 футовъ отъ земли; тутъ слонъ разразился страшнымъ фырканьемъ и ревомъ.

Не будучи въ состояніи достать меня, онъ впалъ въ настоящее бѣшенство, и его сравнительно-маленькіе глаза метали на меня искры. Обхвативъ своимъ хоботомъ стволъ дерева, онъ старался раскачать его, но стволъ былъ такъ толстъ, что всѣ усилія оказались тщетны, и тогда этотъ чудовищный звѣрь принялся за другой опытъ.

Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ и, вымѣривъ разстояніе, вдругъ ринулся впередъ и ударился о стволъ головой и клыками. Я, не сводя съ него глазъ, наблюдалъ за нимъ.

Едва я угадалъ его намѣреніе, какъ обвился руками и ногами вокругъ сука, чтобъ защитить себя отъ дѣйствія подобнаго толчка. Тѣмъ не менѣе онъ сильно встряхнулъ меня — и будь этотъ ударъ крошечку сильнѣе, я свалился бы съ дерева.

Но врагъ мой еще не кончилъ Онъ опять отступилъ назадъ и посмотрѣлъ на меня, какъ бы спрашивая, что я объ этомъ думаю. Затѣмъ, онъ повторилъ нападеніе съ удвоенною силою, такъ что я легко могъ видѣть, что это еще только начало.

На этотъ разъ я приготовился лучше и держался еще крѣпче, чѣмъ при первомъ толчкѣ, который едва не погубилъ меня. Но слонъ не терялъ, какъ видно, надежды; онъ опять отступилъ назадъ и ринулся впередъ съ стремительностью лавины. Ударъ былъ ужасенъ. Онъ не только произвелъ сотрясеніе во всѣхъ моихъ членахъ, но у меня едва, какъ говорится, душа не разсталась съ тѣломъ, — и я такъ ослабѣлъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, упалъ бы на землю, еслибъ мнѣ не удалось сохранить равновѣсія въ вилѣ одного сука, такъ что выдержавъ главный толчокъ, я безъ труда могъ опять приподняться.

Я взглянулъ внизъ на слона и не мало удивился, увидавъ, что онъ стоитъ смирно, нагнувъ голову къ дереву. Въ тоже самое время онъ взрывалъ ногами землю и ревѣлъ, какъ раздраженный быкъ, готовящійся напасть на врага.

Сначала я никакъ не могъ понять, что бы это такое значило, и подумалъ, что слонъ намѣревается прекратить свои неудачные приступы, — но скоро увидѣлъ, что мнѣ скорѣе слѣдовало радоваться, чѣмъ бояться. Громадный звѣрь сдѣлалъ свое послѣднее нападеніе съ такою стремительностью, что его большіе, крѣпкіе клыки глубоко засѣли въ дерево — и онъ попался въ плѣнъ, по милости собственной силы. Напрасно онъ рвался, стоналъ и ревѣлъ, напрасно хлесталъ онъ вокругъ себя хвостомъ. Онъ попался въ свою собственную западню, и если есть случаи, когда бѣдный смертный имѣетъ право радоваться несчастію другаго созданія, то это былъ именно одинъ изъ такихъ случаевъ.

Но вѣдь и я тоже былъ плѣнникъ. Сойти-ли мнѣ съ дерева и куда я тогда пойду? Слонъ, по всѣмъ вѣроятіямъ не скоро еще освободится и, слѣдовательно, не можетъ напасть на меня; но я настолько уже познакомился съ ужасными джонглами, что дрожалъ при одной мысли идти по нимъ одному. На главную дорогу выходило такъ много тропинокъ, и если я заблужусь, то мнѣ не миновать голодной или какой-нибудь другой ужасной смерти.

Ближайшее поселеніе находилось не ближе какъ на разстояніи двѣнадцати часовъ пути; поэтому-то, даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ, я не могъ бы достигнуть человѣческаго жилья до наступленія ночи, а между тѣмъ малѣйшая ошибка съ моей стороны привела

бы меня въ этой ужасной пустынѣ къ смерти. Поэтому-то я и рѣшился не покидать своего мѣста, по крайней мѣрѣ до слѣдующаго утра или до тѣхъ поръ, пока не увижу какого нибудь человѣческаго существа, которое могло бы быть мнѣ проводникомъ.

Солнце клонилось къ западному горизонту—и я началъ отчаяваться въ возможности встрѣтить помощь въ тотъ же день, какъ вдругъ я услышалъ какой-то шорохъ невдалекѣ отъ меня, въ джонглахъ. Птицы всевозможныхъ родовъ съ крикомъ поднимались съ своихъ мѣстъ вверхъ и неподвижно парили надъ ними или же боязливо летѣли дальше. Я замѣтилъ также, что олени, буйволы и нѣкоторыя другія животныя тоже разбѣгались въ различныя стороны.

Что бы такое могло быть причиною этой суматохи? Ужь не мои ли это проводники, которые возвращаются назадъ, для того чтобы узнать, что со мною сталось? Я зналъ, что, за немногими исключеніями, человѣка боятся какъ пернатыя, такъ и четвероногія,—и моя единственная надежда основывалась на прибытіи какого-нибудь человѣческаго существа. Сердце сильно билось у меня въ груди, и я напрягалъ глаза, чтобъ увидать своего избавителя.

Сфера смятенія приближалась мало-по-малу, но причина этого смятенія оставалась еще неизвѣстной. Она подходила все ближе да ближе и вдругъ—морозъ пробѣжалъ у меня по всему тѣлу—я увидалъ королевскаго тигра, медленно и украдкою пробиравшагося черезъ джонглы къ тому дереву, которое служило мнѣ убѣжищемъ.

Тигръ подходилъ все ближе къ слону и на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ остановился, какъ бы взвѣшивая вѣроятность успѣха. Затѣмъ онъ обошелъ вокругъ избранной имъ жертвы, ползя на довольно значительномъ отъ нея разстояніи. Въ то же самое время онъ скрежеталъ своими острыми бѣлыми зубами, а его ужасные глаза пылали жадностію и дикою лютостію. Наконецъ онъ прилегъ, громко завылъ и однимъ скачкомъ очутился на затылкѣ своей безпомощной жертвы, испустившей такой отчаянный жалобный крикъ, что даже я невольно пожалѣлъ о бѣдномъ слонѣ, хотя онъ и былъ моимъ врагомъ.

Его страданія были однако же не продолжительны. Такъ-какъ слонъ не могъ сопротивляться, то тигру не предстояло особеннаго труда. Почти во столько же времени, сколько мнѣ понадобилось для этого разсказа, онъ разорвалъ слону глотку и напился струившейся изъ нея крови. При видѣ этого, со мной чуть не сдѣлалось дурно. У меня закружилась голова—и я, закрывши глаза, крѣпко держался за дерево.

Когда я взглянулъ внизъ, ужасный обитатель джонгловъ возвращался въ пустыню, облизывая свои окровавленные когти. Слонъ лежалъ въ видѣ окровавленнаго трупа, въ то время какъ его клыки все еще оставались въ древесномъ стволѣ. Его смерть способствовала моему освобожденію, хотя я все еще боялся сойти съ дерева, опасаясь нападенія какого нибудь звѣря, который можетъ быть привлеченъ сюда запахомъ крови.

По моимъ предположеніямъ, мнѣ не оставалось ничего больше какъ провести ночь на деревѣ, но все-таки я сдѣлалъ усиліе и закричалъ какъ можно громче, зовя къ себѣ на помощь. Къ величайшему моему удивленію и радости, на этотъ разъ послѣдовалъ отвѣтъ. Я еще разъ крикнулъ—и увидалъ одного изъ своихъ проводниковъ, а затѣмъ и остальныхъ.

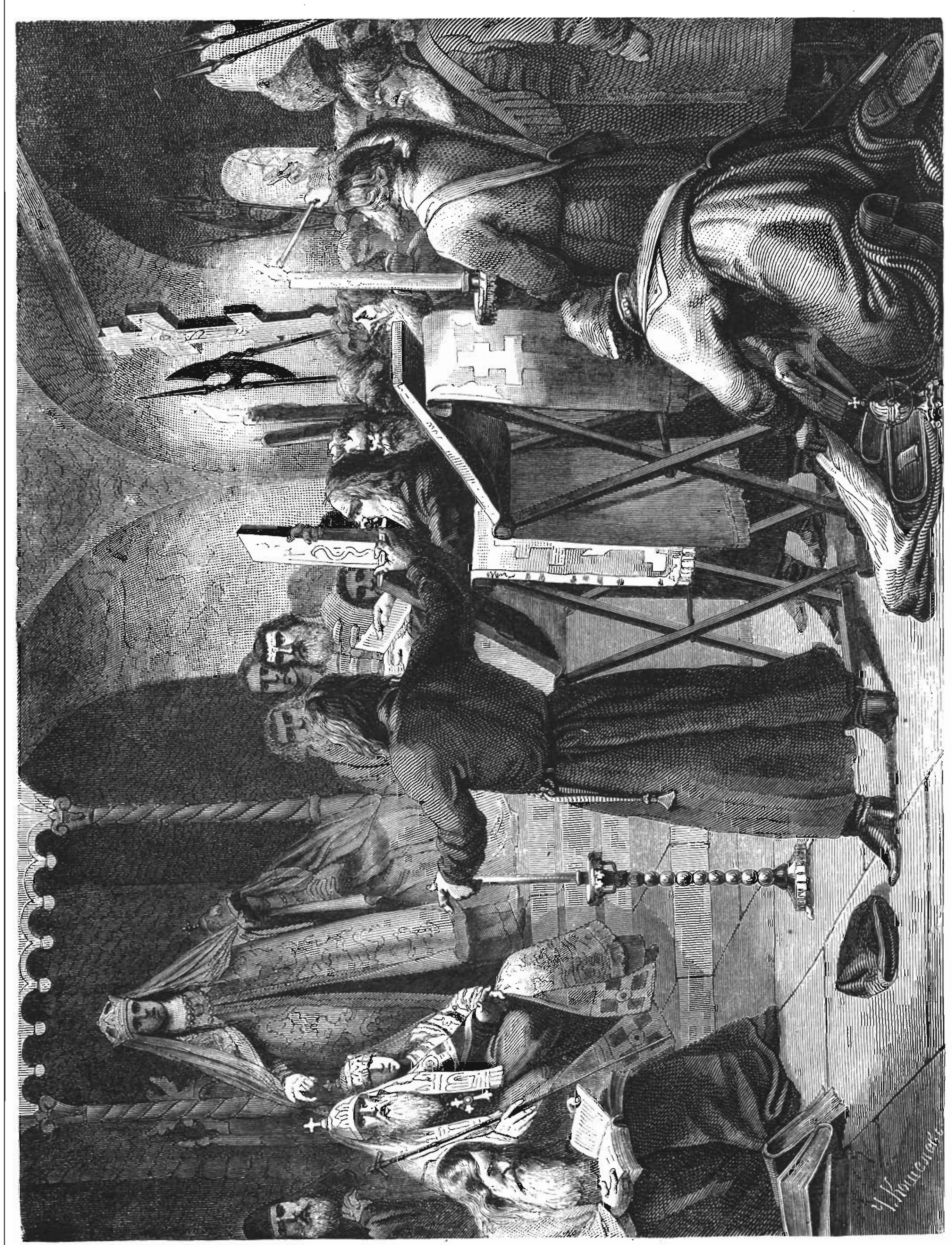
Расколъ и раскольничьи секты въ Россіи.

(*Продолженіе*).

II.

Никонъ и соборное исправленіе книгъ.—Первое смущеніе отъ раскольниковъ: осада Соловецкая и стрѣлецкій мятежъ Никиты Пустосвята.—Увѣтъ духовный патріарха Іоакима.—Раздѣленіе раскола на многіе толки.—Поморье, Вѣтка, Керженецъ и Сибирскіе Аввакумовцы.

Стрѣлецкій мятежъ 15 мая, жертвами котораго пали почти всѣ родственники вдовствующей царицы Натальи Кириловны, бояринъ Матвѣевъ и князь Долгорукій, слишкомъ извѣстенъ, для того чтобы описывать его. Совершивъ свои неистовства, спустя три дня стрѣльцы собрались на думу и совѣтъ, чтобы сложить челобитную о водвореніи въ царствующемъ градѣ Москвѣ старой православной вѣры «и отвѣтъ дать патріарху и властямъ» какъ пишетъ историкъ этого раскола, Савва,—за что они, власти, старыя книги, которыя печатаны при благовѣрныхъ князяхъ и царяхъ и пяти россійскихъ патріархахъ, возненавидѣли и возлюбили новую латиноримскую вѣру, по своей волѣ а не по Божьей сотворенную. Но при всей ревности стрѣльцовъ, не нашлось между ними человѣка, который могъ бы составить челобитную. Наконецъ, выискался, по словамъ Саввы, новый Илія и адамантъ, инокъ Сергій; съ его благословенія стали писать челобитную въ домѣ одного посадскаго. Стрѣльцы, выслушавъ ее, говорили въ изумленіи: «мы въ дняхъ своихъ не слыхали толикаго описанія ересей въ новыхъ книгахъ.» Князь Хованскій, назначенный отъ царевны Софіи начальникомъ Стрѣлецкаго приказа вмѣсто убитаго князя Долгорукаго, выслушавъ челобитную, замѣтилъ, что простому иноку не подъ силу будетъ стоять за такое дѣло, и спросилъ «нѣтъ ли еще кого изъ ученыхъ?»; но когда ему указали на Никиту, бывшаго попа Суздальскаго, онъ успокоился, говоря: «противъ того нечего молвить, онъ имъ всѣмъ уста заградитъ.» Стрѣльцы просили князя, чтобъ онъ для нихъ устроилъ соборъ всенародный на Лобномъ мѣстѣ, въ присутствіи царей и царицы Натальи Кириловны, патріарха и всѣхъ архіереевъ, или въ Кремлѣ у Краснаго крыльца. Въ назначенный день, стрѣльцы, отслуживъ молебенъ, пришли въ Кремль, подъ водительствомъ Сергія съ крестомъ въ рукахъ, Никиты Пустосвята съ евангеліемъ и выходца Волоколамскихъ лѣсовъ Савватія съ иконою страшнаго суда. Народъ столпился у Краснаго Крыльца изъ любопытства. Хованскій принялъ ихъ выборныхъ въ отвѣтной палатѣ, и какъ бы ничего не зная, спрашивалъ ихъ о причинѣ прихода, затѣмъ взялъ у нихъ челобитную, трижды ходилъ съ нею къ государямъ и принесъ ее обратно съ такимъ словомъ: что на эту челобитную недѣли на три есть дѣло, и патріархъ упросилъ царей чтобъ до среды отложить разсужденіе соборное. Такова сущность показаній Саввы. Отсюда можно уже слѣдить за ходомъ дѣла по разсказу самаго патріарха въ его книгѣ: «Увѣтъ духовный».

Пренія въ грановитой палатѣ предъ царевной Софіей.

Изъ русской исторіи въ картинахъ изданія Н. Дементьева.

На соборѣ въ Грановитой Палатѣ присутствовала царица Наталія Кириловна и царевна, патріархъ и восемь митрополитовъ, 6 архіепископовъ и 2 епископа. Раскольники вошли въ палату, съ иконами и свѣчами, и разставили свои аналои. Когда спросили ихъ государи, зачѣмъ пришли,—они отвѣчали: «старую вѣру утвердить, потому что вы всѣ теперь въ новой, отъ которой нельзя спастись.» Когда же ихъ спросили: «что есть вѣра, и какая старая, какая новая», они ничего про то не знали, а только подали челобитную. Никита же, пьяный, во время чтенія челобитной, началъ досаждать патріарху какъ бѣсноватый, и когда ему воспретилъ Аѳанасій епископъ Холмогорскій, онъ при всѣхъ бросился терзать святителя. «Что де ты ноги выше головы ставишь? Я не съ тобою говорю, а со святѣйшимъ патріархомъ» (таковы слова, приписываемыя Пустосвяту Саввою.) Видя такое неистовство, выборные люди всѣхъ полковъ оборонили архіерея. Патріархъ показалъ имъ евангеліе Святителя Алексія и соборный свитокъ Іова Патріарха, гдѣ написанъ символъ безъ приложенія, и убѣждалъ ихъ не безумствовать, представляя свидѣтельство изъ древнихъ книгъ. Раскольники же, видя что имъ нечего дѣлать противъ правды, сложивъ два перста и поднявъ руки, долго вопіяли: «тако, тако!» При такомъ безчиніи царскія величества хотѣли оставить престолы—и едва умолены были соборомъ остаться. (Любопытно при этомъ замѣтить, что Савва приписываетъ стрѣльцамъ, сторонникамъ Софіи, слѣдующія слова къ ней же обращенныя: «пора вамъ, Государыня, въ монастырь; полно вамъ царство мутить; намъ бы цари были здоровы, а и безъ васъ пусто не будетъ»). По прочтеніи челобитной, не было отъ Государей никакого слова или указа, ибо день уже склонялся къ вечеру. Скопище вышло изъ палаты, взывая къ народу: «побѣдили! побѣдили!» и поднявъ руки кверху, кричали во всеуслышаніе: «такъ слагайте персты». Пришедши на лобное мѣсто, стали учить старой вѣрѣ, будто бы по повелѣнію царскому, говоря: «такъ вѣруйте! мы всѣхъ архіереевъ переспорили и посрамили.» Нѣсколько дней спустя, повелѣніемъ царскимъ схвачены были возмутители чернецы, разстрига Пустосвятъ казненъ отсѣченіемъ головы, а товарищи его разсажены по монастырямъ.

Въ этомъ же «Увѣтѣ духовномъ» находится пространный отвѣтъ на всѣ совопрошенія Никиты Пустосвята, написанный съ тою цѣлію, дабы не могли ревнители говорить опять, что не дано удовлетворительнаго разрѣшенія ихъ сомнѣній. Патріархъ Іоакимъ, самый ревностный искоренитель раскола, велѣлъ въ 1689 г. «смотрѣть накрѣпко, чтобы раскольники въ лѣсахъ и волостяхъ не жили, а гдѣ объявятся — самихъ ссылать, пристанища ихъ раззорять, имущества продавать, а деньги присылать въ Москву.» Но раскольники уходили изъ городовъ и селились по лѣсамъ, отодвигаясь далѣе и далѣе отъ Москвы къ украинамъ государства. Вскорѣ отдаленное Поморье Бѣлое и южныя украины на Дону, Волгѣ, Яикѣ и въ Сибири, наполнились старообрядцами. Московское правительство не ослабляло преслѣдованій: костры горѣли, рѣзались языки, рубились головы, удары кнута раздавались въ застѣнкахъ и на площадяхъ, тюрьмы и монастыри были полны раскольниками. Раскольники бѣгали по лѣсамъ, въ глубокія трущобы, за болота, за трясины, но усердные сыщики и здѣсь отыскивали ихъ. Однако не смотря на всѣ увѣщанія, ни на строгія мѣры и преслѣдованія, расколъ распространялся во многихъ мѣстахъ Россіи, частію бѣглецами, частію ссылаемыми въ заточеніе. Въ рукописи раскольнической о *бѣглыхъ попахъ* первымъ изъ нихъ прославляется Іовъ, который при Никонѣ удалился сперва въ предѣлы Курскіе, около Рыльска, а потомъ на Донъ, гдѣ устроилъ обитель и умеръ тамъ, имѣя болѣе ста лѣтъ отъ рожденія. По смерти его пришелъ туда бывшій игуменъ Тихфинскій Досиѳей, освятилъ церковь и прожилъ 5 лѣтъ, но вынужденный искать болѣе безопаснаго пріюта, бѣжалъ къ берегамъ Каспійскаго моря и провелъ остальные годы на рѣкѣ Кумѣ, а послѣдователи его переселились на Кубань. Такимъ образомъ Іовъ и Досиѳей были сѣятелями раскола въ станицахъ Донскихъ и Кубанскихъ, держащагося тамъ и до сихъ поръ; казаки шли въ расколъ почти поголовно.

А между тѣмъ время шло; поповъ, оставившихъ господствующую церковь при изданіи Никонова *служебника,* становилось все меньше да меньше, наконецъ и совсѣмъ вымерли. При такомъ оскудѣніи священства, нѣкоторыя раскольничьи общины рѣшились остаться вовсе безъ поповъ. «Самъ Христосъ, говорили они, будетъ для насъ невидимымъ святителемъ, какъ непреложно есть Онъ невидимый глава церкви православной.» Такъ образовался расколъ *безпоповщины*, вскорѣ распавшійся на многіе толки. Безпоповщина отвергла бракъ, снисходительно относилась къ блудной жизни, стремилась къ суровому аскетизму и всеподавляющей обрядности. Послѣдователи этого толка явились первоначально въ краѣ Заонежскомъ, поморьѣ Бѣломъ; учителями были выходцы Соловецкіе: Епифаній, Игнатій, Іосифъ и др. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ считался Корнилій, о которомъ мы упоминали въ замѣткѣ о мятежѣ Ниловой пустыни. Ученикъ скитавшагося въ Костромскихъ лѣсахъ монаха Капитона, Корнилій, ключарь при патріархахъ Филаретѣ и Іосафѣ, во время исправленія книжнаго удалился вмѣстѣ съ игуменомъ Тихвинскимъ Досиѳеемъ на Донъ, вернулся въ предѣлы русскіе, возбудилъ смятеніе въ Ниловой пустыни и бѣжавъ поселился въ пустыняхъ Олонецкихъ. Мало по малу стала собираться къ нему братія, ставить келліи — и образовалось скопище *Выговское* или *Поморское*, которое дало названіе цѣлой отрасли безпоповщины, не признававшей священства, потому что первые наставники ея не были рукоположены. Приходили къ Корнилію и женщины, которымъ онъ позволилъ составить общежитіе на рѣкѣ Лексѣ неподалеку отъ своего скита — и такъ образовались впослѣдствіи два главныхъ монастыря поморскихъ, мужской Богоявленскій и Крестный дѣвичій. Пришелъ къ Корнилію бывшій дьячокъ Шуйскаго Новгородскаго Погоста, Данило Викулинъ, скитавшійся по волостямъ и развращавшій народъ ученіемъ противъ церкви и ея таинствъ, будто бы уже несуществующихъ; по его имени Выговская пустынь назвалась даже Даниловскимъ скитомъ и до сихъ поръ почитается основнымъ гнѣздомъ своего толка. Данила нашелъ себѣ двухъ именитыхъ по рожденію сотрудниковъ, братьевъ Андрея и Семена, князей Мышецкихъ; прадѣдъ ихъ, князь Борисъ, помѣщикъ новгородскій, во время смутъ самозванцевъ, ушелъ изъ своей вотчины въ Заонежскую область и тамъ вмѣстѣ съ сыномъ Яковомъ скончался въ раскольничествѣ. Дѣти, внуки и правнуки его всѣ болѣе или менѣе развивались подъ вліяніемъ раскола и принимали участіе въ смутахъ. Все семейство Мышецкихъ мало по малу переселилось въ Выговскую пустынь. Семенъ Мышецкій, называемый у раскольни-

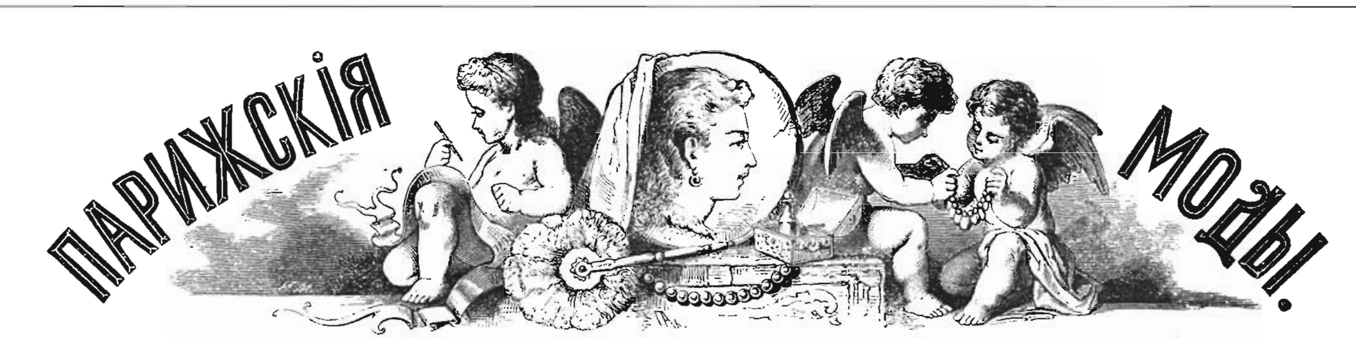
ковъ ластовицею церковною, описалъ осаду Соловецкую и повѣсть о страданіи ревнителей раскола—отъ епископа Павла Коломенскаго и до Мемнона, послушника Выговскаго, сожженнаго въ Холмогорахъ; книга эта называется у поморянъ *Виноградомъ Россійскимъ* и пользуется большою славою, хотя наполнена множествомъ басенъ и ложныхъ чудесъ.

Пока такимъ образомъ усиливалось Поморье, не то было въ городахъ и большихъ селеніяхъ, гдѣ населеніе жило тѣснѣе и крѣпче были узы общественныя и семейныя. Тамъ образовалась такъ-называемая *поповщина*. Такъ, сильное гнѣздо раскола основалось въ предѣлахъ Черниговскихъ, около Стародубскихъ казачьихъ слободъ. Московскій попъ Косма, когда на соборѣ 1667 г. провозгласили анаѳему раскольникамъ, не захотѣлъ оставаться въ Москвѣ, которую теперь называлъ «Новымъ Вавилономъ». Съ двѣнадцатью семействами самыхъ ревностныхъ прихожанъ бѣжалъ онъ на рубежъ литовскій, въ украйну Стародубскую. Сотникъ Стародубскаго полка Гаврило Ивановичъ велѣлъ поселить московскихъ выходцевъ въ мѣстечкѣ Попуровкѣ. Подлѣ этого мѣстечка на рекѣ Ревнѣ явилось первое раскольничье поселеніе въ Стародубьѣ. Въ первый же годъ (1669) бѣглые изъ Россіи раскольники, по слѣдамъ попа Кузьмы, населили 5 слободъ: Бѣлый Колодезь, Синій Колодезь, Шелому, Замѣшево и Митьковку. Но когда и сюда достигло гоненіе отъ царевны Софіи, насельники старообрядческихъ слободъ перешли рубежъ литовскій. У самой границы на пустынномъ островѣ рѣки Сожи, притока Днѣпра, неподалеку отъ нынѣшняго Гомеля они построили первую слободу и назвали ее по имени острова Вѣткою. Владѣлецъ острова, панъ Халецкій, за хорошій чиншъ (оброкъ) защищалъ ихъ сколько могъ. Послѣдователи поповщины въ Россіи, узнавъ, что за рубежомъ «старая вѣра во ослабѣ (т. е. не преслѣдуется), устремились отовсюду «во оная на Вѣткѣ прославляемыя мѣста» и въ короткое время населили 14 слободъ. Первыми попами на Вѣткѣ были Косма и Стефанъ изъ Бѣлева, основатель Митьковки. По смерти ихъ, Вѣтковское общество пригласило къ себѣ въ священники Іосафа, который называлъ себя послушникомъ старца Іова, умершаго на Дону; досель же онъ жилъ въ уединеніи, неуважаемый народомъ, потому что хотя былъ и стараго крещенія, т. е. до Никона Патріарха, но рукоположенъ вновь архіереемъ тверскимъ уже послѣ патріарха, и народъ въ насмѣшку называлъ его Асапомъ вмѣсто Іосафа. Онъ сталъ строить церковь, но не успѣлъ довершить ее,—а между тѣмъ Вѣткѣ, въ эти десять лѣтъ постоянно усиливавшейся, предстояло стать средоточіемъ и какъ бы метрополіей всей поповщины. Это случилось вслѣдствіе переселенія сюда изъ Керженскихъ скитовъ Чернаго попа Ѳеодосія.

Центромъ Керженца (Макарьевскаго уѣзда Костромской губерніи, на самой почти границѣ съ Нижегородскою) и Чернораменья былъ скитъ Смольяны, основанный Сергіемъ Салтыковымъ, Ефремомъ Потемкинымъ и другими Смольянами, пришедшими на Керженецъ около 1656 г. Тутъ жилъ Діонисій Шуйскій, у котораго былъ достаточный запасъ мνра и св. даровъ, освященныхъ еще при патріархѣ Іосифѣ. Это возвысило Діонисія на степень главы старообрядчества, а жительство его Керженецъ, сдѣлано какъ бы митрополіей. За дарами пріѣзжали на Керженецъ издалека и всюду гремѣла слава Діонисія и Керженца, въ то время еще не раздѣлившагося на толки. Около 1690 года преемникомъ Діонисія сталъ Ѳеодосій, который при началѣ церковнаго раздора, бѣжалъ изъ Рыльскаго монастыря на Донецъ, но былъ пойманъ и заточенъ въ Кириловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ, а черезъ семь лѣтъ бѣжалъ на Поморье и оттуда въ Керженскіе лѣса вмѣвмѣстѣ съ Пошехонскимъ дворяниномъ Ѳеодоромъ Яковлевичемъ Токмачевымъ, съ которымъ по смерти Діонисія и сталъ править всѣмъ Керженцомъ. Въ 1694 г. начались розыски, Токмачева арестовали, судили и сожгли, а Ѳеодосій бѣжалъ въ Калугу — и здѣсь ночью въ великій четвертокъ освятилъ запасные дары сообразно всѣмъ требованіямъ старообрядчества — въ до-Никоновской церкви, на до-Никоновскомъ антиминсѣ, по старому *служебнику* и самъ будучи священникомъ до-Никоновскаго рукоположенія. Святость этихъ даровъ была до того несомнѣнна въ глазахъ раскольниковъ, что сами безпоповцы просили у него запасныхъ даровъ. Кромѣ того Ѳеодосій неизвѣстно какимъ образомъ сталъ владѣтелемъ Іоанновскаго иконостаса, сто лѣтъ слишкомъ находившагося въ Калужской церкви. Свѣдавъ, какимъ сокровищемъ обладаетъ Ѳеодосій, вѣтковскіе отцы послали искуснаго старца Нифонта и другихъ въ Калугу звать Ѳеодосія къ себѣ на жительство. Ѳеодосій согласился, прибылъ на Вѣтку, велѣлъ срубить изъ дубоваго лѣса большую церковь и поставилъ въ ней Калужскій иконостасъ. Вѣтка съ церковью возрасла до того, что самый Керженецъ преклонился предъ нею. Недоставало только мνра; старое Іосифовское старообрядцы разбавляли деревяннымъ масломъ. Черезъ полвѣка и разбавленнаго такимъ образомъ стало мало. Ѳеодосій сварилъ и мνро.

Между тѣмъ какъ безпоповщина въ Поморьѣ, а поповщина въ Керженцѣ и на Вѣткѣ усиливались годъ отъ году,—и въ дальнюю Сибирь проникли чрезъ ссыльныхъ вѣтви раскола. Нѣкто Астоменъ, армянинъ сосланный въ Сибирь еще при Никонѣ, распространялъ свое ученіе въ Енисейскѣ; его главнымъ сообщникомъ былъ Яковъ Лепихинъ, который имѣя двухъ женъ, одну изъ нихъ убилъ — и не будучи рукоположенъ, священнодѣйствовалъ по разнымъ мѣстамъ Сибири. Тамъ же проповѣдывали Авраамъ выходецъ изъ Венгріи, самопостриженный монахъ Капитонъ, попъ Домитіанъ изъ Тюмени и нѣкто Шапошниковъ изъ Томска; почти каждый городъ имѣлъ своего лжеучителя. Одинъ чернецъ, Иванищъ, на вопросъ соумышленника своего, тюменскаго Дементія: «что прикажетъ дѣлать съ тѣми, которые, собравшись къ нему, просятъ втораго неоскверняемаго крещенія огнемъ?», отвѣчалъ: «заваривши кашу, не жалѣй масла»; тогда злодѣй, собравъ смоляныхъ веществъ, устроилъ срубъ, внутрь котораго заключилъ до 1,700 убѣжденныхъ имъ къ добровольному мученичеству, и сжегъ ихъ съ женами и дѣтьми. Другой изувѣръ Шапошниковъ, убѣдивъ до 200 человѣкъ къ самосожженію, самъ хотѣлъ избѣжать этого, но былъ удержанъ внутри и сгорѣлъ съ прочими. Около Тобольска попы Аввакумъ и Лазарь, діаконъ Ѳеодоръ и чернецъ Епифаній, долго жившіе тамъ до казни, также составили зародышъ раскола.

(Продолженіе будетъ).

Декабрь **ДОМАШНІЕ КОСТЮМЫ.** 1871 г.

1. **Поплиновое платье цвѣта гаванъ.** Вырѣзанная зубцами и окаймленная чернымъ атласомъ юпка убрана зубчатыми полосами, положенными вдоль, и подобрана съ обѣихъ сторонъ посредствомъ бантовъ, тоже вырѣзанныхъ зубчи-

К. ВЕЙЕРМАНЪ. Гр. ИВАНОВЪ р.

№ 1—3. Домашніе костюмы.
Рисовалъ на деревѣ В. Ивановъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

ками. Задній пуфъ подобранъ съ изнанки на тесемкахъ. Корсажъ съ басками, вырѣзанными назади зубцами. Вырѣзанные зубцами рукава, съ разрѣзомъ до локтя, обшиты внутри кружевомъ. Галстучекъ изъ китайскаго крепа, убранный кружевомъ.

2. **Кашемировое платье синевато-краснаго цвѣта.** Юпка отдѣлана на подолѣ біэ, обшитыми атласнымъ кантикомъ того же цвѣта. Острые зубцы отдѣланы атласомъ того же цвѣта. Вторая юбка, очень короткая, украшена шелковой бахрамой подъ цвѣтъ матеріи. Корсажъ съ басками, которые напереди гладки, а назади сложены большими складками. Рукава пагодъ. Баски и рукава отдѣланы бахрамой и узкими атласными біэ. Чорная поярковая шляпа, обшитая бархатомъ, съ длиннымъ отброшеннымъ назадъ перомъ.

3. **Костюмъ изъ легкаго темно-зеленаго сукна.** Юпка убрана на подолѣ положенными вдоль рюшами. Тюникъ отдѣланъ рюшью изъ той же матеріи, подобранъ съ обѣихъ сторонъ, а сзади поднятъ въ видѣ пуфа.

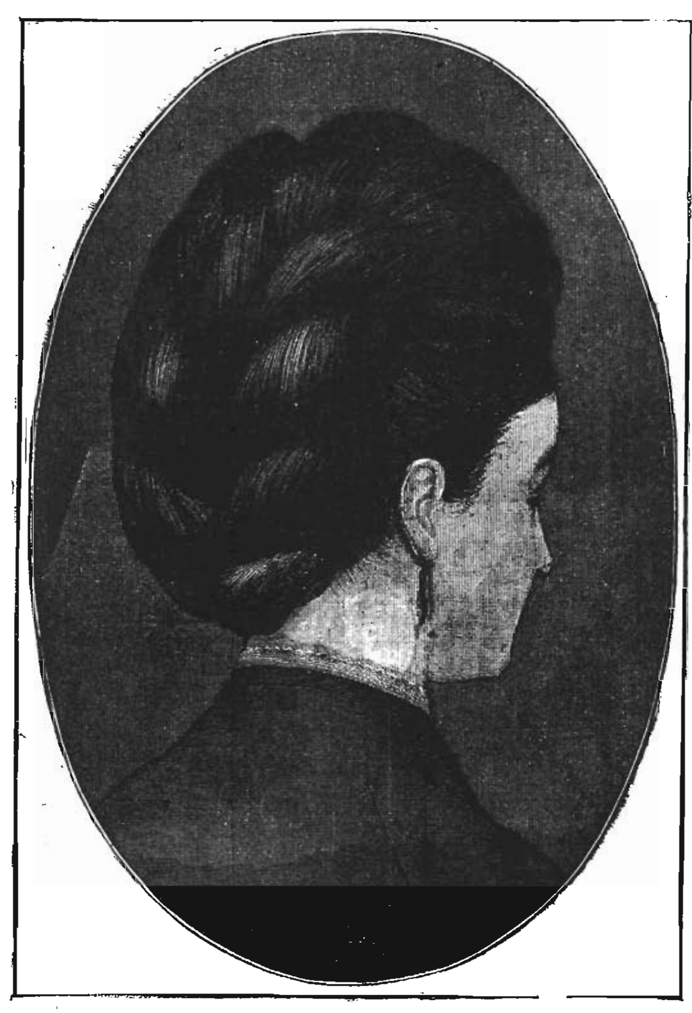
4—5. **Изящный бальный туалетъ спереди и сзади.** Нижнее платье съ длиннымъ трэномъ сдѣлано изъ бѣлаго атласа и отдѣлано широкимъ бѣлымъ кружевнымъ воланомъ и вѣтвями розовыхъ розъ. Верхняя юпка и талія сдѣланы изъ оранжеваго шелковаго репсу, и отдѣланы сообразно съ нижнимъ платьемъ.

№ 4—5. Изящный бальный туалетъ (спереди и сзади).

6. **Прическа съ шиньономъ изъ косъ и съ косой, положенной спереди въ видѣ діадемы.** Волосы раздѣлены спереди проборомъ и пышно зачесаны назадъ. Задніе волосы заплетены косой въ три пряди и положены въ формѣ вѣнка вокругъ головы. Шиньонъ въ двѣ косы, свободно заплетенныхъ въ три пряди.

7. **Прическа изъ пышно-взбитыхъ спереди бандо, рас-**

№ 6. Прическа изъ косъ и съ косой, положенной въ видѣ діадемы.

№ 7. Прическа изъ пышно-взбитыхъ спереди бандо, распущенныхъ назади и вмѣстѣ съ длинными локонами.

№ 8. Обтяжное пальто изъ коричневаго бархатнаго драпа (сзади).

№ 9. Обтяжное пальто изъ коричневаго бархатнаго драпа (спереди)

пущенныхъ назади вмѣстѣ съ длинными локонами. Отдѣльные цвѣты украшаютъ эту прическу, какъ показано на картинкѣ.

8—9. **Обтяжное пальто изъ коричневаго бархатнаго драпа.** Обшито чорными грогреновыми біэ, въ 4 и въ $1^1/_2$ сантиметра ширины, отдѣлано бахрамой, басонными розетками, шелковыми шнурками и кистями. Шейная вырѣзка обшивается обшивкой въ 2 сантиметра ширины въ видѣ стоячаго воротничка.

10—14. **Мантлеты для дамъ (спереди и сзади) и пальто для дѣвочки отъ 10—12 лѣтъ.**

10—11. **Мантлета изъ сукна (спереди и сзади).** Фестончатыя края обшиты узкимъ косымъ грогреномъ и отдѣланы грогреновымъ біэ. Подкладка фланелевая. Стоячій воротничокъ, вырѣзанный фестонами изъ полоски въ 3 сантиметра шириною. На спинѣ бантъ изъ десяти петель и одной перекладины, помѣщаемый надъ широкой складкой, идущей отъ таліи. Снизу къ подкладкѣ пришивается подъ бантомъ кушакъ, застегивающійся напереди крючками. Мантлета застегивается бассонными пуговицами. Платье, представленное на нашей картинкѣ сдѣлано изъ такой же матеріи и съ соотвѣтствующей отдѣлкой.

12. **Костюмъ для дѣвочки отъ 10—12 лѣтъ** изъ чорнаго шерстяннаго атласа, отдѣланное бахрамой и узенькимъ бархатцемъ.

13 и 14. **Мантлета изъ кашемира (спереди и сзади),** на шелковой стеганой подкладкѣ, отдѣланная грогреновыми біэ и шелковой бахрамой. Задняя часть, которая пришивается къ маленькой спинкѣ, закладывается на серединѣ глубокой складкой, а по бокамъ дѣлается по двѣ обыкновенныхъ складки. Воротникъ также закладывается на спинѣ глубокой складкой. Снизу пришивается къ подкладкѣ широкій кушакъ въ 4 сантиметра, который застегивается спереди крючками. Платье изъ одной матеріи съ мантлетой и съ соотвѣтствующей отдѣлкой.

№ 10—14. Мантлеты для дамъ (спереди и сзади) и пальто для дѣвочки отъ 10—12 лѣтъ.

15. **Круглая шляпа изъ коричневаго бархата** съ отдѣлкой изъ такого же бархата, болѣе свѣтлой тѣни; перья обѣихъ тѣней и чорный тюлевый вуаль.

16. **Шляпа изъ чернаго бархата,** съ тремя маленькими чорными перышками и длиннымъ чорнымъ вуалемъ. Подъ

№ 15. Круглая шляпа изъ коричневаго бархата.

№ 16. Шляпа изъ чорнаго бархата.

полами отдѣлка изъ голубаго бархата съ блѣдно-розовой розой. Завязки изъ чорнаго бархата.

17. **Шляпа изъ свѣтло-коричневаго шелковаго репсу съ тремя свѣтло-коричневыми перьями.** Отдѣлка изъ косыхъ біэ, образующихъ съ одной стороны конецъ изъ одной матеріи съ шляпой. Завязки изъ косой матеріи, окаймленной узенькимъ біэ.

18. **Круглая шляпа изъ шелковаго поярка** съ чорными бархатными отворотами; отдѣлана бархатными біэ, бантомъ изъ репсовыхъ біэ съ бархатной перекладиной и пѣтушиными перьями.

19. **Круглая черная бархатная шляпа.** Ободки обшиты чорной шелковой матеріей; отдѣлка изъ чорной репсовой ленты, тюлеваго вуаля и розовыхъ розъ.

№ 17. Шляпа изъ свѣтло коричневаго шелковаго репсу.

№ 18. Круглая шляпа изъ шелковаго поярка.

№ 18. Круглая чорная бархатная шляпа.

№ 20. Чорная бархатная шляпа.

20. **Чорная бархатная шляпа.** Съ одной стороны убрана большимъ чорнымъ перомъ, съ другой большимъ бантомъ изъ чорной репсовой ленты. Завязки изъ чорной репсовой ленты.

Внутреннее обозрѣніе.

За послѣдніе мѣсяцы, въ разныхъ частяхъ нашего обширнаго отечества, было нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ, болѣе или менѣе характеризующихъ наше время и наши нравы. Особенно часто приходится слышать о различныхъ происшествіяхъ въ острогахъ и въ разныхъ исправительныхъ заведеніяхъ. Не такъ давно сообщали мы о случаѣ нападенія арестантовъ на начальника исправительной тюрьмы въ Петербургѣ. Судъ, назначенный по этому дѣлу, проговорилъ главнаго виновника, Герасимова, къ смертной казни; но это рѣшеніе, по разнымъ причинамъ, не могло быть приведено въ исполненіе тогда же, дѣло это передано въ московскій военно-окружной судъ и, какъ слышно, вызвало со стороны сего послѣдняго рѣшеніе, одинаковое съ первымъ. Гораздо болѣе обширные размѣры приняло недовольство распоряженіями начальства въ рижскомъ смирительномъ домѣ. Поводомъ къ происшедшимъ тамъ безпорядкамъ, по словамъ мѣстной газеты, послужило то, что въ помощь инспектору назначенъ былъ главный смотритель. Это вызвало неудовольствіе со стороны рабочихъ и они, въ числѣ 8 человѣкъ, отказались выполнить данную имъ работу. Троихъ изъ нихъ начальство подвергло одиночному заключенію; остальные же пятеро воспротивились исполненію этой мѣры. Тогда, по просьбѣ инспектора, въ заведеніе явилась вооруженная команда и принудила ихъ покориться. Оказалось, что изъ 23 заключенныхъ въ сопротивленіи участвовало 11 человѣкъ. Вотъ еще что случилось недавно въ Ярославлѣ. Одинъ арестантъ изъ тамошней исправительной тюрьмы выпросился у своего ближайшаго начальства купить въ лавкахъ нужныя ему вещи. Получивъ согласіе, онъ отправился на рынокъ въ сопровожденіи конвойнаго салдата, имѣвшаго, какъ водится, заряженное ружье. Путешествіе арестанта съ солдатомъ по городскимъ улицамъ не ограничилось прямою цѣлью, т. е. посѣщеніемъ лавокъ: оба они очутились въ кабакѣ, гдѣ конечно. дѣло не обошлось безъ угощенія и притомъ столь обильнаго, что послѣ него конвоирующій обратился въ конвоируемаго. Солдатъ, переодѣвшись въ партикулярное платье и оставивъ свою амуницію и ружье въ кабакѣ, отправился въ публичный домъ, гдѣ и пропадалъ нѣсколько часовъ. Арестантъ же противъ ожиданія, не только не убѣжалъ, но еще оказалъ своему пьяному стражу услугу—выкупилъ заложенное ружье и амуницію и принесъ ихъ солдату, который между тѣмъ успѣлъ опомниться и придти къ сознанію, что сдѣлалъ худо: желая оправдать себя предъ начальствомъ, онъ рѣшился застрѣлить своего амфитріона, подъ тѣмъ предлогомъ, что тотъ будто-бы хотѣлъ убѣжать. Послѣдняго нельзя допустить ни въ какомъ случаѣ: удобное время для бѣгства было уже потеряно. Солдатъ и арестантъ возвращались домой. Выстрѣлъ раздался на одной изъ многолюдныхъ улицъ, безъ всякаго повода со стороны бѣдняги-арестанта. Пуля пролетѣла на вершокъ отъ виска, и несчастный отдѣлался однимъ страхомъ. Исторія эта разсказана нами со словъ корреспондента газеты «Русскій Міръ».

Если найдется многое множество людей, которые рады случаю, совершенно нечаянно сохранившему имъ жизнь,—то не мало найдется и такихъ, что рѣшаются покончить съ нею добровольно, безъ всякаго сожалѣнія объ утрачиваемомъ. Въ ту-же газету пишутъ изъ гор. Венева (Тульской губерніи), что командиръ стоящаго тамъ Бородинскаго полка «назначилъ у себя повѣрку суммъ и для этого собралъ въ свою квартиру всѣхъ ротныхъ командировъ, квартирмистра

и полковаго казначея. Придя къ денежному ящику, стоявшему на дворѣ у квартиры полковаго командира, поручикъ Розовъ хладнокровно отперъ его; вынувъ оттуда нѣсколько маленькихъ ящиковъ съ суммами, передалъ ихъ стоявшему возлѣ него ефрейтору и, приказавъ отнести ихъ въ квартиру полковаго командира, самъ остался при ящикѣ — и затѣмъ минуту спустя, на дворѣ раздался выстрѣлъ; г. Розовъ упалъ мертвый. Что побудило его на самоубійство, мы положительно сказать не можемъ.

Но что сказать о такихъ случаяхъ, въ которыхъ самоубійство является средствомъ спасти себя отъ скуки, когда, какъ говорится «жизнь надоѣла?». Такіе случаи своею загадочностью и таинственностью ставятъ въ тупикъ и наводятъ на весьма грустныя мысли. Вотъ, напримѣръ, случай, бывшій недавно въ Петербургѣ. 26-го октября, въ 8 часовъ утра, въ Лѣтнемъ саду, по аллеѣ, ведущей отъ цѣпнаго моста къ набережной, проходившій поручикъ лейбъгвардіи московскаго полка увидалъ на откосѣ аллеи мертваго человѣка, одѣтаго въ гимназическое пальто. Тѣло лежало на кучѣ снѣгу, сгребеннаго съ аллеи; у головы лежала окровавленная кепи со значкомъ 2-й с.-петербургской гимназіи, у лѣваго плеча — небольшой семивыстрѣльный револьверъ съ одною камерою разряженною. Въ карманѣ найдено письмо, писанное сначала чернилами, а потомъ карандашемъ. Въ письмѣ между прочимъ написано: «Давно я думалъ покончить съ жизнью. Прощаюсь со всѣми и еще разъ повторяю, что никто не былъ причиною моей смерти. Я свыкся съ мыслью о самоубійствѣ, и она меня не страшитъ. Не желая никого безпокоить, я застрѣлюсь въ мѣстѣ уединенномъ; къ тому, тамъ никто не можетъ оказать помощи — чего я боюсь. Если рана и не будетъ смертельна (револьверъ малъ), то все-таки, оставшись безъ помощи цѣлую ночь, я долженъ умереть». Покойный 18-ти лѣтъ, сынъ вдовы, живщей въ Прачешномъ домѣ, куда приходилъ незадолго до самоубійства, въ квартиру матери, и, сказавъ, что забылъ книгу, въ исходѣ 5-го часа ушелъ. Какъ попалъ онъ въ Лѣтній садъ — сторожа объяснить не могли; ворота сада были затворены въ 5 часовъ вечера и отворены на другой день въ 7 часовъ утра. Рана нанесена въ правой високъ, отступя два пальца вверхъ отъ наружнаго угла глаза. Покойный очень часто пользовался у врача отъ припадковъ меланхоліи.»

Другое же происшествіе въ этомъ же родѣ еще болѣе трогательно. Вотъ какъ о немъ разсказываютъ въ газетѣ «Новости»: «13-го октября, въ 10-мъ часу вечера, воспитанникъ московской второй гимназіи, сынъ дворянина, Сергѣй Петровъ Скалонъ, 13 лѣтъ, живущій на квартирѣ у учителя Рязанова, нанесъ себѣ въ плечо рану выстрѣломъ изъ револьвера. Пуля засѣла у него въ лѣвомъ плечѣ. По оказаніи Скалону первоначальнаго медицинскаго пособія, онъ былъ отправленъ немедленно въ клинику. Какой исходъ будетъ имѣть эта рана для его жизни, врачи пока не могутъ опредѣлить. Замѣчательна причина, побудившая этого мальчика рѣшиться нанести себѣ столь опасную рану. Скалонъ вообще былъ хорошаго поведенія, учился прекрасно. По его словамъ, онъ не намѣренъ былъ лишить себя жизни, а только хотѣлъ себя ранить, дабы вслѣдствіе этого къ нему пріѣхала изъ деревни его мать, по которой онъ сильно скучалъ, не смотря на то, что недавно съ нею видѣлся. Другаго способа вызвать свою мать изъ деревни мальчикъ не видѣлъ.» Наконецъ, о третьемъ самоубійствѣ, случившимся въ Москвѣ, узнаемъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей», которыя описываютъ его слѣдующимъ образомъ: «во вторникъ, 2-го ноября, въ особый нумеръ торговыхъ бань купца Горячаго, у Большаго Каменнаго моста, часовъ въ 12 дня, вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ 27-ми въ партикулярномъ платьѣ, въ фуражкѣ инженернаго вѣдомства. По прошествіи двухъ часовъ, служащіе при баняхъ, удивясь, что посѣтитель долго не выходитъ, взглянули со двора въ окно и увидали его лежавшимъ на полу въ крови; дали знать полиціи, которая, пригласивъ судебнаго слѣдователя, выломала двери. Оказалось, что пришедшій застрѣлился изъ револьвера; изъ двухъ ранъ на правой и на лѣвой сторонѣ груди сочилась кровь. Кто былъ этотъ несчастный, неизвѣстно, такъ какъ при немъ никакихъ записокъ не имѣлось. Трупъ его отправленъ въ анатомическій театръ.»

Въ Петербургѣ, на-дняхъ былъ также случай самоубійства на улицѣ, среди бѣла-дня: у воротъ Таврическаго сада, которые выходятъ на Кирочную улицу, застрѣлился изъ револьвера молодой человѣкъ, прилично одѣтый.

Вообще, самоубійства стали повторяться довольно часто въ послѣднее время. Большинство случаевъ такого рода дѣйствительно, какъ утверждаетъ статистика, выпадаютъ на осенніе мѣсяцы, преимущественно же на сентябрь и октябрь. Объяснить такое явленіе лежитъ на обязанности изслѣдователей нашей нервной системы, которая съ наступленіемъ осенняго времени дѣлается крайне возбужденною и прихотливою. Это замѣчено всѣми, кто хоть мало-мальски наблюдалъ человѣческую природу. Природа-же эта заключаетъ въ себѣ много звѣрскаго и отвратительнаго, что можетъ быть подтверждено хотя бы слѣдующимъ примѣромъ. Проживающій въ Калужской губерніи мещовскій купецъ Матвѣй Барышниковъ, 18 или 20-го минувшаго августа, выѣхалъ изъ дому на своей лошади съ работникомъ въ Украйну для покупки меду. Отъѣхавъ отъ дому верстъ на 15, ночевалъ на станціи, расположенной на большой дорогѣ, пролегающей отъ Мещовска на Жиздру и называемой Калужскіе дворы. Говорятъ, будто бы отъѣхали оттуда на другой день рано утромъ, но тутъ теряется ихъ слѣдъ. Такъ какъ прошло два мѣсяца, а о Барышниковѣ не было никакого слуху, то домашніе послали его племянника розыскивать пропавшаго Барышникова. Племянникъ обращался къ знакомымъ торговцамъ, но Барышникова нигдѣ не видали. Между тѣмъ, работникъ, который возилъ Барышникова, возвратясь на другой день домой, сказалъ, что онъ свезъ хозяина до Плахина, гдѣ былъ нанятъ какой-то мужикъ, съ которымъ Барышниковъ и поѣхалъ далѣе. Этотъ работникъ, возвратясь къ женѣ Барышникова, не дожилъ до условленнаго срока, который кончился 15-го ноября, и, поставивъ вмѣсто себя другаго, самъ отправился въ Орловскую губернію. Когда начался розыскъ, то его нашли въ Ливенскомъ уѣздѣ, откуда онъ и былъ доставленъ въ Серпѣйскъ, къ становому приставу, послѣ допроса котораго работникъ былъ отправленъ съ однимъ сотскимъ въ Мещовскъ къ исправнику; на дорогѣ арестантъ бѣжалъ, оставивъ у сотскаго армякъ. Сотскій же, проходя на возвратномъ пути черезъ деревню, не объявилъ крестьянамъ, что отъ него бѣжалъ арестантъ. Нынѣ открылось, что въ лѣсу, принадлежащемъ селенію Колодцы, въ Мещовскомъ уѣздѣ, нашли трупъ человѣка, который, съ отрубленною головой и раздѣтый, былъ зарытъ въ землю, и головы до сихъ поръ еще не найдено. По признакамъ оказывается, что убитый есть Матвѣй Осиповъ Барышниковъ, при немъ было до 20,000 руб. Говорятъ, что убійца пойманъ».

Случай этотъ, оглашенный въ печати «Биржев. Вѣд.» заставляетъ насъ припомнить, кстати, нѣсколько подобныхъ же, бывшихъ въ недавнее время, именно: о похищеніи 15 тысячъ рублей серіями и кредитными билетами у богатаго Московскаго купца, ѣхавшаго изъ Москвы въ Курскъ, въ то время какъ онъ спалъ, и объ извѣстной кражѣ въ Москвѣ акцій на 40,000 рублей серебромъ. Обвиняемый въ этомъ послѣднемъ преступленіи, нѣкто г. Щ., молодой человѣкъ 23—24 лѣтъ, бѣжалъ съ похищенною суммой за-границу, въ Женеву, гдѣ и былъ арестованъ. При немъ найдены 2 паспорта и, кромѣ того, акцій на 35 тыс. рублей, которыя ему трудно было сбыть за-границей, такъ-какъ это были акціи русскихъ обществъ.

Политическое обозрѣніе.

22-го ноября возобновились засѣданія французскаго Національнаго собранія. По этому случаю прочтено было объемистое посланіе президента, заключающее въ себѣ отчетъ о состояніи страны въ періодъ времени отъ закрытія собранія въ сентябрѣ мѣсяцѣ до открытія его въ настоящее время. Въ посланіи заявляется объ успѣхахъ умиротворенія страны какъ внутри, такъ и извнѣ; упоминается о столкновеніяхъ между французскимъ населеніемъ и нѣмецкими солдатами въ занятыхъ еще нѣмцами департаментахъ и выражается надежда, что случаи такихъ столкновеній будутъ уменьшаться по мѣрѣ того какъ французы проникнутся убѣжденіемъ, что «жизнь иноземца столь-же священна, какъ и жизнь собственныхъ соотечественниковъ.» Поэтому, Тьеръ умоляетъ населеніе «терпѣливо переносить иностранное занятіе, не увеличая зла неосторожными дѣйствіями, которыя подвергли бы серіозной опасности интересы и достоинство Франціи.» О миролюбивой политикѣ Европейскихъ державъ президентъ выразился такъ, что «если уже Франція, которая имѣетъ основательныя причины быть недовольной своей судьбой, желаетъ мира», то ужъ ничто не заставляетъ опасаться войны со стороны другихъ державъ. О формѣ правленія Тьеръ сказалъ, что разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ Національнаго Собранія, которому принадлежитъ въ странѣ верховная власть. Говоря вообще, настроеніе собранія не въ пользу политики Тьера: консервативная партія недовольна предпочтеніемъ, которое онъ оказываетъ республиканцамъ, а этимъ послѣднимъ не нравится его чрезмѣрная осторожность, чуть не скрытность, проявляющаяся во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Впрочемъ, печать встрѣтила посланіе президента довольно благосклонно и тѣмъ какъ-бы упрочила за нимъ эпитетъ «необходимаго человѣка.» Дѣйствительно, если разобрать хорошенько, то лучшаго выбора, въ настоящую, трудную пору, страна и сдѣлать не могла: несмотря на свою политику, стремящуюся повидимому не раздражать ни одной партіи,—несмотря на чрезмѣрную осторожность, съ которою онъ проводитъ свои идеи,—несмотря, наконецъ, на раздраженіе, вызванное въ рабочихъ классахъ недавнюю казнію капитана Росселя, — положеніе Тьера не ухудшилось, и онъ не безъ надежды взираетъ на будущее. Послѣднее событіе произвело сильное впечатлѣніе не только на массы, но и на общественное мнѣніе Европы.

Довольно сильное впечатлѣніе произвела также во Франціи новая мѣра германскаго правительства—введеніе осаднаго положенія въ провинціяхъ, занятыхъ еще германскими войсками. Къ этой мѣрѣ германское правительство было вызвано постоянно-повторяющимися случаями убійства нѣмецкихъ солдатъ и разными насиліями со стороны французовъ же; суды французскіе, на разсмотрѣніе которыхъ поступали дѣла объ этихъ убійствахъ, подсудимыхъ оправдали. Такое рѣшеніе признано было въ Берлинѣ за потворство со стороны французскаго суда убійствамъ и насиліямъ, и вызвало упомянутую строгую мѣру. Вся французская печать скорбитъ объ этой мѣрѣ, призывая населеніе съ терпѣнію и благоразумной сдержанности, столь необходимымъ въ настоящее время.

Брюссельскіе безпорядки и волненія приходятъ къ концу. Въ уваженіе къ общественному мнѣнію, король принялъ отставку отъ нынѣшняго министерства, поручивъ составленіе новаго министерства другому лицу, болѣе симпатичному для народа, хотя и принадлежащему къ одной партіи съ прежнимъ министромъ-президентомъ. Старое министерство противилось народной волѣ до тѣхъ поръ, пока наконецъ не получило отъ короля повелѣнія выйти въ отставку; говорятъ что оно настаивало на принятіи энергическихъ военныхъ мѣръ противъ уличныхъ безпорядковъ, но король воспротивился этому, находя что средство такого рода можетъ быть употреблено лишь въ крайнемъ случаѣ. Тогда министерство рѣшилось взвалить всю отвѣтственность за послѣднія событія на короля и въ засѣданіи палаты объявило о томъ, что оно выходитъ въ отставку по принужденію, вслѣдствіе чего будто-бы нарушаются права конституціи. Въ собраніи произошла такая страшная буря, предъ которой померкли даже уличные безпорядки: депутаты раздѣлились на два враждебныхъ лагеря—сторонниковъ прежняго министерства и его противниковъ. Дѣло впрочемъ не привело ни къ чему серіозному, и новое министерство выступаетъ на сцену.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ПРИЛОЖЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО МАГАЗИНА К. ПЛОТНИКОВА.

Дозволено цензурою 3 Декабря 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Тип. ... д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 13 декабря 1871 года. **Годъ II.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

О подпискѣ на журналъ «НИВА» въ 1872 году.

Открывъ подписку на будущій 1872 годъ и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы", мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ **заранѣе** высылать свои требованія вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы".

Такъ какъ „Нива" преимущественно назначается **для семейнаго чтенія** и вслѣдствіе заявленнаго многими изъ нашихъ подписчиковъ желанія получать въ „Нивѣ" извѣстія о модахъ съ рисунками, — мы, спѣша какъ всегда удовлетворить потребности нашихъ читателей, рѣшились прилагать **ежемѣсячное модное обозрѣніе съ рисунками парижскихъ модъ, не увеличивая подписной цѣны на нашъ журналъ**, при полнотѣ и общедоступности его наидешевѣйшій въ Россіи. Необходимыя приготовленія для введенія новаго отдѣла настолько уже сдѣланы, что мы можемъ обѣщать модные рисунки до истеченія нынѣшняго 1871 года.

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 **№№** или 104 печатныхъ листа съ 200—250 художественно-выполненными рисунками.

Безъ доставки въ Петербургѣ	**4** руб.	Съ доставкою въ Петербургѣ	**5** руб.
Безъ доставки въ Москвѣ	**4** » **50** к.	Для иногородныхъ съ пересылкой и упаковкой.	**5** »

Покорнѣйше просимъ незамедлить высылкою подписныхъ денегъ, во избѣжаніе несвоевременной доставки №№ «Нивы» въ 1872 году. Гг. подписывающіеся благоволятъ какъ можно яснѣе обозначать свой адресъ или прилагать печатный адресъ, наклеенный на бандероляхъ „Нивы".

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

(Продолженіе).

XII.
Странникъ.

Константинъ, приведенный домой изъ дворца, остался въ какомъ-то умственномъ безсиліи. Выходилъ изъ него онъ въ рѣдкія минуты болѣзненнаго раздраженія фантазіи. Ему представлялось тогда, что онъ въ тюрьмѣ или что его арестуютъ и отправляютъ въ ссылку. Онъ напрягалъ слухъ, блѣднѣлъ и трясся при каждомъ звукѣ снаружи; потомъ мало по малу страхъ этотъ исчезалъ, Константинъ на что-то злился; люди, даже самъ отецъ, казались ему до того противны, что онъ никого не хотѣлъ видѣть. Когда къ нему приступали съ вопросами, на лицѣ его являлась презрительная улыбка—и подъ защитой ея онъ хранилъ упорное молчаніе. Въ такія минуты отецъ уже не подходилъ къ нему, а около больнаго хлопотали Иванъ-болванъ да старый пестроевой солдатъ, присланный Дивіеромъ по царскому приказу, для роли дядьки, который и обращался съ молодымъ Свѣчниковымъ какъ съ ребенкомъ, приказывая ему ѣсть, пить, спать — тономъ недопускающимъ возраженія. Константинъ ѣлъ и пилъ что̀ подавали, закрывалъ глаза и засыпалъ. О положеніи больнаго Клементьичъ (такъ звали стараго дядьку) сначала ежедневно доносилъ Дивіеру. Царь раза два присылалъ своего доктора, Блументроста. Константина сажали на постель, врачъ съ большимъ вниманіемъ ощупывалъ его грудь и спину, и качая головой, задумывался, давалъ какія-то пилюли раза два—да и тѣ бросилъ. Должно-быть полагалъ, что природа возьметъ свое, — и коли вылечиться такъ вылечится малый, а нѣтъ — такъ та̀къ ужь ему на роду написано. Между тѣмъ прошла зима — и Константинъ сверхъ чаянія началъ поправляться. Блументростъ рѣшилъ, что ѣхать можно, — и Дивіеръ отдалъ строгій приказъ: въ одинъ день собраться въ дорогу. Сборы были коротки. Въ памяти Константинъ удержалъ только то, какъ отецъ его перекрестилъ, сажая на тѣлежку. Пока ѣхали Петербургомъ, предметы казались знакомыми, но куда и въ какую сторону выѣхали — отчета больной не давалъ себѣ. Все это время думалъ онъ, что везутъ его въ ссылку. Прежнее желаніе испить горькую чашу уже ослабѣло; порою пробивала жалость объ отцѣ-старикѣ. Западало иной разъ въ Константина сомнѣніе: что-то больно по отечески поступаетъ приставникъ-служба съ арестантомъ? Но скоро эта мысль и проходила, когда Клементьичъ, не смотря на обычную кротость нрава, при такомъ спросѣ такъ бывало окрысится да закричитъ: «а тебѣ что за дѣло?», что Свѣчниковъ, отъ природы робкій въ нормальномъ состояніи, замолчитъ и ни гу-гу, только вздыхать начнетъ.

— А что, Клементьичъ, почитай, скоро можетъ и сдашь ты меня куда слѣдуетъ? осмѣлился спросить Константинъ какъ-то за столомъ, передъ чашею цѣльнаго молока поданною имъ на обѣдѣ, гдѣ-то въ Курляндіи, когда остановились они въ деревнѣ, къ краю, у самаго поля засѣяннаго хлѣбомъ. Кучеръ впрягалъ пару сытыхъ лошадокъ въ тѣлежку, катившуюся, во всемъ этомъ маленькомъ герцогствѣ, по хорошей дорогѣ, какъ по скатерти. Глаза свои, полные слезъ, устремилъ теперь Константинъ искомо въ своего приставника съ такою задушевною кротостью и тоскливостью, щемившею сердце, — что старикъ не выдержалъ. Отворотился и промолчалъ. Мнимый узникъ настойчиво повторилъ вопросъ, на который, не могши совладѣть съ собою, старикъ добродушно улыбнулся, проговоривъ вполголоса: — А ты какъ думаешь?

— Да что думать-то! Не знаю, но смекаю, что скоро должно быть. Ѣдемъ никакъ ужь двѣ недѣли...

И онъ сталъ припоминать. — Выѣхали мы въ воскресенье; въ прошлое воскресенье были... гдѣ-то... городъ шведской што-ль, говорятъ не по нашему. А сегодня — еще воскресенье.

— Такъ-что-же тебѣ? лукаво не въ домекъ вопросчику подмигнувъ, расправляя усы и взглянувъ на него будто случайно, допытывался Клементьичъ, самъ думая уже открывать ему по маленьку тайну, когда малый въ себя вошелъ примѣтно.

— Да я такъ говорю, отвѣтилъ робко и болѣе заискивающимъ тономъ Свѣчниковъ. — Прошать хотѣлъ твою милость... Коли разлучиться придется, а ты въ Питеръ покатишь, возьми письмецо, напишу я; свези батюшкѣ... И юноша тяжело вздохнулъ.

— Ахъ ты телятина-телятина! — раскисъ-отъ чево: нинъ пиши — вмѣстѣ отправимъ, по почтѣ.

— Ой-ли?

— А-то что-жь!

— И ты позволишь?

— Пиши—говорю... одно слово.

И Константинъ повеселѣлъ. Купили бумаги у почтаря и перо достали. Константинъ началъ писать и... вдругъ остановился: «Слава Богу, молитвами твоими, до сего дни здоровъ». А тутъ-что? Перо обсыхало — мысль нейдетъ.

Тутъ Клементьичъ, будто думая въ слухъ, голосомъ диктующаго, подсказалъ: «Мы съ Клементьичемъ ѣдемъ въ нѣмецкую сторону ума-разума набираться»...

Константинъ машинально пишетъ.

— Чтобы было что̀ тебѣ батюшко показать и Государя потѣшить, какъ воротимся.

Константинъ бросилъ перо и плача сталъ выговаривать приставнику:

— Какъ тебѣ не грѣхъ, Клементьичъ, насмѣхаться? Какой возвратъ!.. Куда возвратъ!.. ужь... тутъ... умереть... придет..ся....

— Какъ куда ворочаться!... съ участіемъ, уже не скрывая его, сталъ урезонивать Клементьичъ. — Извѣстно куда — домой.. Только позаймися въ нѣмецкихъ сторонахъ, Константинъ Алексѣичъ, какъ у нихъ это дѣлается на заводахъ на всякихъ. Повезу ужо я тебя въ Прусы, а тамо въ самую Галандію... И велѣно посламъ предоставлять тебѣ всякую науку, какая приглянется. Скажешь господину послу: хочу-молъ, хоша примѣрно ткацкія мастерства произойти, въ Прусахъ ли-то, въ Саксони-ли, аль въ Галандіи... Тотчасъ онъ-отъ и напишетъ кому слѣдуетъ, а тебя въ науку и примутъ...

— Хорошо-бы такъ было! повеселѣлъ совсѣмъ,

повторяя про себя, все еще не довѣряя какъ-бы ушамъ своимъ, Свѣчниковъ и снова просилъ—разъ по десяти переговаривать одно и то же Клементьича. Даже заставлялъ его божиться, что не обманываетъ и не насмѣхается надъ нимъ.

Находясь между страхомъ и надеждою, или лучше сказать, полюбивъ думы и мечты о заграничномъ бытѣ и будущихъ занятіяхъ, — насколько можно было понять изъ словъ Клементьича, не много знавшаго, хотя и бывшаго въ нѣмечинѣ, — Константинъ отрывался отъ этихъ пріятныхъ мыслей, занимавшихъ молодой умъ его, чтобы уяснить себѣ: какъ могло все это совершиться послѣ взведенія имъ на себя небывалыхъ преступленій, которымъ тогда повѣрилъ Государь. Клементьичъ на этотъ вопросъ отвѣта уже дать не могъ никакого, а только могъ разсказать какъ призванъ онъ былъ къ начальству, посланъ къ Генералъ-Полицмейстеру и отъ него назначенъ въ вольный домъ смотрѣть за сыномъ хозяина, бывшимъ словно въ болѣзни. Въ постели этотъ чудной больной не лежалъ, а казалось былъ не въ себѣ, тяжко страдалъ и исхудалъ такъ, что краше въ гробъ кладутъ. Такъ прошла вся зима; рѣки вскрылись и трава уже поспѣла къ сѣнокосу, когда, по осмотрѣ въ послѣдній разъ царскимъ врачемъ Блументростомъ этого больнаго, дали Клементьичу ордеръ, отсчитали казну на двоихъ, на проѣздъ по курьерски, до Галандіи. Отправили скоро, торопивъ сборами, не приведи Богъ какъ строго. До границы надо было Константину ничего не говорить и по вопрошеніи не отвѣчать. А въ нѣмецкой землѣ: дать ему понять, зачѣмъ ѣдетъ. Ну... теперя границу почитай и настоящей-отъ нѣмецкой земли не сегодня—завтра прокатимъ... Значитъ, можно тебѣ все какъ есть разсказать, Константинъ Алексѣевичъ, заключилъ Клементьичъ, обнявъ молодаго человѣка.

— А ты гнѣва на меня не моги класть — на то воля командировъ. Наше дѣло солдатское — исполняй только, а ослушаться не смѣй и помыслить.

Оба успокоенные объясненіемъ дѣла, Свѣчниковъ и Клементьичъ доѣхали до Крулевца́ и съ общаго согласія порѣшили сдѣлать здѣсь дневку, на первый случай. Константинъ хотѣлъ поразсмотрѣть первый же большой нѣмецкій городъ. Любознательность пробудилась въ немъ съ неукротимою силою перваго впечатлѣнія.

Константинъ, проснувшись рано, вышелъ изъ гостинницы, надѣвъ свое лучшее платье,—Клементьичъ съ отцомъ о туалетѣ его много заботились при отправленіи, и, по мнѣнію стараго содержателя вольнаго дома, Костя его нуждаться не могъ въ одеждѣ — но вышло совсѣмъ непредвидѣнное. День былъ праздничный, и народъ толпился вездѣ. Со своимъ костюмомъ, выфрантившійся молодой Свѣчниковъ, на улицахъ нѣмецкаго Кенигсберга, казался какимъ-то выходцемъ съ того свѣта. Кафтановъ саксонскихъ показывалось много на гуляющихъ, но сшиты они были какъ словно вырѣзаны на человѣкѣ; а на немъ сидѣло платье—мѣшокъ мѣшкомъ. Башмаки носилъ нѣмецкій людъ все тонкіе лакированные съ красными каблуками, съ серебряными пряжками; а у нашего русопета—здоровая кожа заскорузлая, безъ всякаго глянца, покрой чуть не квадратный, носки разъѣхались, каблучищи чуть не пудовые. Одно слово: все не такъ, не ту стать какъ надобно. А малый былъ примѣтливый, на асамблѣ петербургской не хуже другихъ.

— Вотъ оно что! Чѣмъ Лушѣ-то я не показался супротивъ Корсакова — не статенъ, да невольяженъ... Ходить не умѣю. Э, да все это пустяки! Смотри, какъ выфранчусь! И ворогу моему еще будетъ въ диковину.

Въ этихъ мысляхъ молодецъ повернулъ домой, прогулявъ часа съ три и всѣ запримѣтивъ здѣшнія особенности. Высокіе дома, съ изукрашенными верхушками, да окошечками росписанными. Соборъ-кирху превысочайшій. Сады съ рѣшетчатыми фигурными заборами, набережныя чисто-обдѣланныя, впрочемъ такъ же какъ и въ Петербургѣ начали. Должно быть и житье въ здѣшнихъ узкихъ да высокихъ домахъ не нашему чета? Можетъ и веселятся не въ примѣръ лучше.

Только подумалъ — глядь, на поворотѣ ѣдетъ тихо и чинно должно-быть свадебный поѣздъ, съ музыкой, съ цвѣтами, съ лентами! «Точно—свадьба» рѣшилъ Константинъ и послѣдовалъ за поѣздомъ, прибавивъ шагу. Въ концѣ улицы — длинной-предлинной — свадьба остановилась у парадпаго дома, а домъ-то этотъ приходился какъ разъ противъ гостинницы, гдѣ остановились наши пріѣзжіе. Придя къ себѣ, увидѣлъ передъ собою Константинъ — изъ окошка въ окошко и только черезъ узенькую улицу—свадебную залу, и во весь остатокъ дня, не отходя отъ окошка, смотрѣлъ какъ что́ дѣлалось на свадебно-брачномъ пиру. Черезъ Клементьича, мароковавшаго по нѣмецки, узналъ нашъ путешественникъ, кто и женился — часовой мастеръ; а выходила за него дочь торговца щепнымъ товаромъ, попросту сказать *бондаря*. А ужь великатство такое по свадьбѣ было, что и сказать нельзя! Не токмя невѣста—и поѣзжане всѣ въ перчаткахъ длинныхъ весь день просидѣли. Обносили гостей шоколадомъ и чаемъ. Танцевъ - танцевъ было: во всю ночь гремѣла музыка, да такая пріятная, что слушать бы ее одну и ѣсть не хочется. Видя ходившихъ парами по залѣ нѣмцовъ, молодыхъ, Константинъ рѣшилъ сшить себѣ такую же пару и обзавестись всѣмъ, чтобы никакъ не отстать отъ заморскаго народу ни въ чемъ; на томъ и рѣшено было. Клементьичъ не прекословилъ, объявивъ, что старикъ Свѣчниковъ далъ двѣсти рублевиковъ ему, на нужды Кости, опричь царскаго положенія. Заботы о костюмѣ заняли весь слѣдующій день, а къ вечеру возвращаясь домой, нашъ герой составилъ знакомство съ нашимъ русскимъ, молодымъ же человѣкомъ его лѣтъ: подьячимъ изъ числа трехъ-сотъ, здѣсь учившихся правамъ и нѣмецкому языку. Молодой Свѣчниковъ завелъ къ себѣ новаго знакомаго, угостили его съ Клементьичемъ, а онъ имъ наговорилъ съ три короба: какъ здѣсь живется и что́ самое замѣчательное. Было темно и тихо совсѣмъ въ городѣ, когда разстались пріѣзжіе съ гостемъ и полегли спать. Мысли Константина теперь окончательно занялись блистательною перспективою европейскихъ порядковъ и жизни. Луша ни на одно мгновеніе не приходила на умъ воспріимчивому юношѣ, поглощенному новостью ощущеній. Вмѣсто дня Кенигсбергъ занялъ на недѣлю путниковъ; Берлинъ столько же.

Эта столица юнаго тогда прусскаго королевства была немногимъ лучше Петровскаго Петербурга и ужь никакъ не больше. Новый дворецъ перваго прусскаго короля, построенный Шлиттеромъ, нанятымъ хотя и неудачно Петромъ I,—потому обратилъ на себя вниманіе путниковъ, что Клементьичу страхъ хотѣлось посмотрѣть па однополчанъ—ту полусотню гренадеровъ-великановъ, которую подарилъ Петръ I отцу Фридриха II, зная его слабость къ великорослымъ солдатамъ. Въ фа-

лангѣ этихъ молодцовъ находились два побратима Клементьича—и объ нихъ-то поразузнать хотѣлось старому служакѣ, полагавшему, что такой дорогой народъ будетъ у прусскаго короля въ почетѣ и пріюченъ гдѣ нибудь по близости его королевской особы. Вотъ онъ и сманилъ Константина—пойдемъ посмотрѣть: парады и смотры здѣсь первѣющіе. А какъ-то дознался старина, что въ этотъ день безпремѣнно долженъ быть парадъ. Ну и пошли. «Шпрея—рѣчка-то совсѣмъ не столичная. Мосту черезъ нея не на такой бы рѣкѣ стоять—истинно отмѣнный: есть что посмотрѣть!» говорилъ дорогой предупредительный Клементьичъ, еще не подходя къ знаменитому мосту Бранденбурскому. А перейдя чрезъ него, дѣйствительно увидѣли передъ дворцомъ разводъ. Какъ завидѣлъ только Клементьичъ, такъ не владѣя собой и закричалъ: «вотъ они всѣ на лицо, мои голубчики! Смѣкаешь наши-то, цѣлой головой выше. Ну да и здѣшніе молодцы! Постоимъ же здѣсь, братъ, Костя! Вотъ ужо кончатъ, мы и поздоровкаемся». Долго пришлось ждать. Король былъ что называется въ ударѣ — и два часа, не сходя съ коня, муштровалъ свою гвардію. Лицо его сіяло отъ удовольствія; улыбка не сходила съ лучезарной королевской физіогноміи. Подлѣ него, на рыжемъ конькѣ, подпрыгивалъ и осьмилѣтній сынокъ, тогда еще очень имъ любимый, будущій великій Фридрихъ, въ голубомъ кафтанчикѣ и съ форменной косичкой. На балконѣ сидѣла сама королева съ дочками. Проходили чуть не по пятидесяти разовъ на разные темпы любимые драбанты и гвардейцы королевскіе. Наконецъ ужь упарились бѣдняжки, когда милостиво изволилъ отпустить ихъ на отдыхъ его величество и самъ сошелъ съ боеваго коня. Клементьичъ чуть не бѣгомъ пустился за земляками, но фельдфебель своей тростью порасхолодилъ его порывы, — такъ что старикъ, разгибая спину, намоталъ себѣ на усъ прусскіе порядки, а подумавъ рѣшилъ, что за дѣло: не сбивай значитъ фрунта. Когда ужь въ казармы пришли, тутъ признались — и фельдфебель-то сердитый русскимъ оказался. Пошло угощеніе. Константинъ ждалъ - ждалъ, не дождался, ушелъ домой, одинъ и обѣдалъ. Старикъ воротился, когда ужь стемнѣло, видимо подгулявшій, однако счелъ нужнымъ оправдываться, говоря, что никакъ не могъ оторваться, слушая про подвиги самого батюшки, Государя Петра I, какъ значитъ онъ, шведскаго фельдмаршала Штейнбока изъ *дамовъ* выбивалъ— и пруcакъ, и полякъ, и датскі: вишь велику ему честь предоставили развѣдаться съ этимъ самымъ Штейнбокомъ, который ихъ всѣхъ собща недѣль за шесть поколотилъ; такъ ему, значитъ, Государю, они и выдали, чтобы взялъ его головой да и дѣлалъ что хотѣлъ, коли справится; насъ-де—думаютъ—поколотилъ, такъ и тебѣ то-жь будетъ: больно остеръ. Анъ вышло не такъ. Государь-отъ не отрекся—въ болото пошелъ какъ есть по поясъ и солдатство повелъ; шведы-то вишь перекопали эту *даму* самую, думаютъ: не дойдешь до насъ. А какъ Царь повелъ—кудажь не дойдти! Извѣстно, что хошь пройдутъ. А ужь и слякоть была—не приведи ты, Господи! Вотъ шведъ-отъ видитъ, что половину прошли и усомъ не моргнутъ, а все дальше добираются— попалилъ-попалилъ изъ пушечекъ да и тягу. Думалъ спастись за крѣпкими стѣнами крѣпости, Тонингомъ называется, да не отсидѣлся—князю Меньшикову сдался мѣсяцевъ черезъ восемь. А это что значитъ?—наше регулярство почитай что лучше всѣхъ! У прусскихъ и порядокъ и строгости, а безъ насъ - то они не много что - то хаживали, а мы безъ нихъ завсегды.

Съ этой идеей превосходства русскаго оружія храбрый служака и заснулъ, а на утро говорилъ, что во снѣ видѣлъ, какъ это онъ, Государь, черезъ болото-то по поясъ перебирался, въ одной епанчѣ преображенской да извѣстно въ кафтанчикѣ, а на шеѣ хоть бы что, а вѣтеръ то свищетъ реветъ, а дождь что изъ ведра, а валъ-то высокій, облѣденѣлый, а съ него жарятъ изъ пушекъ.... Клементьичъ — будто какъ есть гренадеромъ первой шеренги—подлѣ бока Государя идетъ да оступился - было, а Государь хвать за руку да и поднялъ.

Боевыя воспоминанія очень естественны въ военной столицѣ, гдѣ на каждомъ шагу чуть не вочію лагерный бытъ и казарменные порядки, особенно при королѣ, простиравшемъ дисциплину даже на пѣвицъ италіанской оперы. Въ Гамбургѣ, куда направили свои стопы наши путники, — обстановка какъ быть мѣщанская—вѣдь и сенаторы ихъ тѣ же бюргеры; одинъ годъ сенаторъ, судитъ и рядитъ дѣла государственныя, да повѣряетъ и книги по своей лавкѣ, проживетъ урочное время и станетъ тѣмъ же чѣмъ былъ. Въ погребъ пойдетъ или пивной заводъ строитъ, либо канатный. Въ Гамбургѣ просто; можно дѣломъ заниматься. Ходи въ чемъ хочешь — никто на тебя не обращаетъ вниманія. Въ смолѣ осмолишься или мукой перепачкаешься— и ничего, знаютъ: человѣкъ за дѣломъ. На первыхъ порахъ приглянулось такое житье Константину, и крѣпко было ему мысль запала въ голову поприсмотрѣться къ купеческому кораблестроительству. Оказались здѣсь и нѣсколько шкиперовъ знакомыхъ, въ Питерѣ бывавшихъ; тутъ же и консулемъ одинъ купецъ считался. Можно было значитъ къ нему и попристать. «А купеческіе корабли, смекалъ нашъ малый, — для великаго Государя могли быть нужны, коли Питеръ — первый городъ для заграничнаго отпуска. И на верфи купецкія сходилъ; хотѣли принять въ ученики, такъ что совсѣмъ дѣло склеивалось; да и кромѣ купеческаго судостроенія— и парусныя фабрики здѣсь, и веревки вьютъ отмѣнно.

Въ Гамбургѣ думалъ было и совсѣмъ остаться жаждущій знаній юноша, да наслышался, что въ Голландіи не въ примѣръ важнѣе быть, — и поѣхали.

Повторять всѣ случайности поѣздки: ночлеги, завтраки, трактъ, впечатлѣнія—дѣло біографа нашего юнаго героя, если таковой окажется; наше дѣло: показать читателямъ конечные результаты поѣздки туда—самую суть дѣла, благодаря которой изъ робкаго любознательнаго мальчика вышелъ мастеръ на всѣ руки, освоившійся съ заграничнымъ житьемъ-бытьемъ, языкомъ нѣмцовъ, датчанъ, голандцевъ и французовъ, неговоря о дѣлѣ и разныхъ мастерствахъ чему онъ такъ научился, что впослѣдствіи не хотѣли вѣрить даже иностранцы (не петербургскіе только, а тамошніе), чтобы онъ Свѣчниковъ былъ уроженецъ варварской Россіи. Онъ, задумчивый мыслитель, слушавшій весь курсъ чистой и прикладной математики въ Лейденѣ, пристрастившійся къ естествовѣденію, меломанъ и знатокъ сценическаго искусства, получившій дипломъ философскаго даже факультета. Удивлялись, когда только у этого русскаго хватаетъ время все прочитать, что нужно было знать ему, чтобы не отставать въ курсѣ. А онъ еще всюду бывалъ: смотрѣлъ всякія замѣчательности, равно интересуясь блескомъ красной пыли на крыльяхъ суринамской бабочки и сложнымъ приводомъ машины, съ помощью которой

Переправа казацкихъ лошадей черезъ Волгу.

вычищались амстердамскія канавы. Письма въ Петербургъ сталъ онъ писать аккуратно, увѣдомляя отца о своихъ успѣхахъ, надеждахъ, планахъ и стремленіяхъ. Отецъ, въ очкахъ, по складамъ читывалъ бывало Ивану-болвану эти сыновнія писулечки по десяти разъ на день, а все не могъ начитаться. И каждый разъ, крестясь и творя молитву Іисусову, кладя письмо шепталъ: «Ой, что-то будетъ съ моимъ Костей!.. больно затѣйливъ ненаглядный мой!..» Отецъ, по приказу сына, даже два раза носилъ письмо отъ него къ Государю. И Его Величество читалъ и старика Алексѣя Парамоновича удостоить изволилъ въ оба раза своимъ монаршескимъ поцѣлуемъ въ голову. «Вотъ—говорилъ—тебѣ за то, что сына мнѣ такого предоставилъ!»

Прислалъ Константинъ и свой портретъ отцу: не вдругъ узналъ старичокъ сынка, въ парикѣ высокомъ такомъ взбитомъ, съ буклями чинно прибранными. Смотрѣлъ смотрѣлъ сперва, да вдругъ какъ заплачетъ: «точка въ точку покойница моя Глафира Симоновна съ личика! Не дай Господи только, чтобы Костинька такой недолговѣкъ былъ какъ она, моя голубушка, да и вся роднія ея! Вотъ какимъ бариномъ смотритъ! Фу ты, ну ты какіе брызжи выпустилъ, да все плойное дѣло! А глазки то у сердешнаго что-то туманны! Здоровъ-ли голубчикъ?

Сомнѣнія нѣжнаго отца были на этотъ счетъ, впрочемъ, совершенно безосновательны. При своихъ громадныхъ занятіяхъ, Константинъ Алексѣевичъ Свѣчниковъ былъ здоровъ физически и мысль его росла и окрѣпла, какъ русскихъ людей спознавшихся съ наукою въ ту пору. Посланникъ русскаго двора, Александръ Гавриловичъ Головкинъ приглашалъ его къ себѣ на-домъ почасту, и вокругъ молодаго русскаго собирался кружокъ ученыхъ тамошнихъ и заводилась бесѣда дѣльная и интересная. Многіе расточали комплименты послу насчетъ ума и знаній молодого его соотечественника, но большинство скрытныхъ голландцевъ отходили молча, съ недовольнымъ видомъ, думая про себя: совсѣмъ пропасть будетъ, когда Казеръ Питеръ обзаведется такими людьми какъ этотъ Свѣчникофъ. А нашъ Константинъ работаетъ себѣ; учится; пишетъ и только книгъ покупаетъ да на рѣдкости тароватъ. Клементьичъ хмурится а въ душѣ очень доволенъ, что молодецъ, ему ввѣренный, съ одною книгою знается, хмѣлькомъ либо инымъ баловствомъ какимъ не зашибается. А время летитъ быстрѣе чѣмъ на крыльяхъ. Вотъ уже Константинъ сдалъ экзамены и писаньице свое подалъ старшему на разсмотрѣнье, а самъ сталъ объѣзжать приморскіе пункты, да подмѣчать какія тамъ ни на есть самыя первыя строенія. Пріѣдетъ, да такъ Клементьичу словно изъ мѣшка и примется выкладывать, какъ по книгѣ читаетъ: это такъ, а то этакъ. А старикъ только позёвываетъ, креститъ ротъ, да думаетъ: «хоть-бы и кончилъ, такъ будетъ. Ну что я, старый песъ, въ премудрости-то твоей смыслю! Онъ-же думаетъ да доходитъ до всего, а нашему брату, подъ иной часъ и на умѣ не то. Недуги стали сказываться: то заболитъ или другое.» Если-же не въ объѣздъ, и нѣтъ ассамблеи какой ученой, либо чего другого занятнаго, то Константинъ нашъ Алексѣевичъ любилъ больше дома сидѣть. Горница его окнами на каналъ, обсаженный душистыми липками, такая сама по себѣ пригожая и уютная, не вышелъ бы. Все чистота—пороху нѣтъ пыли—самъ Клементьичъ смотритъ за работницей Гертрудой чтобы все стирала до чиста и со стола, и въ углахъ, и за цвѣтниками на окошкѣ и въ уголкахъ и подъ кроватями даже. Старина самъ порядокъ любилъ да и работница голландка истинно-святой человѣкъ была; все за работой, все за дѣломъ, такъ что жилище русскаго искателя знаній было просто игрушечка. И чего тамъ не было!.. Книги все въ печатанной обертке, съ краснымъ обрѣзомъ. Глобусы, реторты, скелеты, чучелы птицъ. Всего много и все это развѣшено, разложено, уставлено съ пола до потолка, на потолкѣ даже. Во весь полъ ковры посланы; по нимъ дорожки холстинныя. Рабочій столъ заваленъ грудами и книгъ и бумагъ, рисунковъ и чертежей. Краски и циркуля въ открытой готовальнѣ. Съ окошекъ луковицы цвѣтныя своего сожанья разливаютъ благоуханія да цвѣтутъ. Не вышелъ бы изъ этого гнѣзда!

В. Кельсіевъ.

В. Клюшниковъ.

(Продолженіе будетъ).

С.-Петербургская Императорская Публичная Библіотека.

С.-Петербургская Императорская Публичная библіотека самая младшая изъ всѣхъ значительныхъ современныхъ библіотекъ. Тѣмъ не менѣе, въ ней находится уже около милліона томовъ, такъ-что въ этомъ отношеніи ее превосходитъ только парижская библіотека, заключающая въ себѣ слишкомъ два милліона книгъ, да развѣ еще мюнхенская. Императорскою Публичною Библіотекою Петербургъ пользуется только съ 1810 года, хотя первый и самый важный шагъ для ея основанія былъ сдѣланъ еще Екатериною II посредствомъ запаса значительной коллекціи книгъ. Точно такъ же и мѣсто для помѣщенія библіотеки, вблизи котораго строится теперь памятникъ этой мудрой государыни, насупротивъ Аничкина дворца и подлѣ Александринскаго театра, было избрано ею же. Часть зданія, образующая уголъ Невскаго проспекта и Большой Садовой, была построена въ упомянутомъ выше году по плану архитектора Руско. Но такъ какъ въ теченіи сорока лѣтъ коллекція книгъ умножилась больше чѣмъ втрое, то для нея потребовалось болѣе обширное помѣщеніе и занимаемый библіотекою домъ расширился, именно вдоль театральной площади, на которую выходитъ теперешній главный фасадъ библіотеки, построенный 1820—1830 г. архитекторомъ Росси. Все зданіе занимаетъ теперь площадь больше чѣмъ въ 20 кв. фут. Наружная сторона имѣетъ 625 ф. длины при 64 фут. вышины. На устройство внутреннихъ помѣщеній, пристройки, перестройки и другія сооруженія,— между которыми особенно важны: новая зала для чтенія, сводообразные потолки верхняго этажа, аппараты для топки и пожарогасительные снаряды,—употреблено въ два послѣднія столѣтія больше 300,000 руб., почти столько же сколько стоили правительству коллекціи книгъ и рукописей, пріобрѣтенныя въ это же самое время для библіотеки на экстраординарныя суммы. Молотокъ и заступъ были окончательно положены не прежде какъ въ 1867 году.

По своей доступности Императорская Публичная Библіотека—единственное въ своемъ родѣ заведеніе. Исключая іюля мѣсяца и высокоторжественныхъ дней, она открыта для всякаго съ 10 часовъ утра до 9 вечера въ дни рабочіе и съ 12 и до 3 пополудни въ дни праздничные. Публичное обозрѣніе всѣхъ залъ происходитъ по вторникамъ и воскресеньямъ, начиная съ часу пополудни; а ученые и художники, заявивъ родъ своихъ занятій, могутъ работать почти въ каждой изъ этихъ залъ, которыя зимою всѣ отопляются.

Опредѣлять величину коллекціи книгъ посредствомъ цифръ — дѣло не вѣрное въ томъ отношеніи, что какъ ни точны ариѳметическія опредѣленія, они тѣмъ не менѣе нисколько не наглядны. Никто не знаетъ, каковъ видъ милліона книгъ, такъ какъ однимъ взглядомъ можно обнять не больше нѣсколькихъ тысячъ томовъ. Напротивъ того, при геометрическомъ опредѣленіи это дѣло представляется гораздо яснѣе. По вычисленію 1860 г. протяженіе всѣхъ книжныхъ полокъ составляетъ 15 верстъ. Съ тѣхъ поръ число полокъ увеличилось еще на нѣсколько верстъ, которыя однако же далеко еще не всѣ заняты. Предполагая, что всѣ эти сочиненія достойны чтенія и что кто-нибудь вздумалъ бы посвятить каждому изъ нихъ среднимъ числомъ по одному часу, оказывается, что пришлось бы читать день и ночь слишкомъ сто лѣтъ, а тѣмъ временемъ набралось бы вдвое больше книгъ. Вотъ отчего нельзя отдѣлить положительно всѣ безполезныя книги отъ полезныхъ и побросать ихъ за бортъ — у кого же найдется время прочитать ихъ всѣ? — и отчего даже и каталогизація такихъ большихъ библіотекъ никогда не бываетъ кончена. Единственное средство достигнуть хоть этого послѣдняго—состояло бы въ томъ, чтобъ каждый библіотекарь продолжалъ рабски и слѣпо работы своего предшественника, хороши ли они, худы ли. А такъ какъ вновь-опредѣляемые библіотекари начинаютъ обыкновенно съ осужденія и исправленія того, что сдѣлано ихъ предшественниками, то этому дѣлу не видать и конца. Что касается до опредѣленія денежной стоимости большой библіотеки, то это то же самое, что исчисленіе безконечно малыхъ величинъ. Въ 1829 г. намѣревались застраховать библіотеку отъ огня, причемъ напечатанныя книги (тогда въ количествѣ 300,000 томовъ) были оцѣнены въ 2,150,000 рублей, а рукописи (числомъ 12,000) и прочіе предметы въ 1 милліонъ. Эти суммы могли бы увеличиться вдвое или вдесятеро, потому-что въ библіотекѣ есть многое, что не подчиняется денежной оцѣнкѣ. На милліонъ рублей можно купить безчисленное множество книгъ, но конечно не всегда можно возвратить всѣ эти книги—въ случаѣ еслибъ онѣ были утрачены.

Каждая основная часть библіотеки, различныя собранія, входящія въ составъ ея, имѣютъ свою собственную исторію, которую надо знать, чтобы оцѣнить цѣлое; одни — блестящую, связанную съ міровыми событіями, войнами, революціями; другія — самую простую и скромную. Только новѣйшая часть поступила въ библіотеку прямо съ книжнаго рынка или въ качествѣ обязательнаго экземпляра изъ типографіи; что касается до болѣе древнихъ основныхъ частей, то одни изъ нихъ были завоеваны на аукціонномъ столѣ, другія на поляхъ сраженій. Иное отдано добровольно, иное взято силою въ церквахъ и мечетяхъ, въ монастыряхъ и школахъ. Содержаніемъ одного шкапа обязаны штурму Бастиліи, содержаніемъ другаго взятію Ахалцыха. Мавзолеи, могильныя насыпи и алтари поступились своими надписями и книгами, какъ мы увидимъ это при обозрѣніи библіотеки.

Первымъ главнымъ фондомъ, положившимъ начало библіотекѣ, была коллекція книгъ и рукописей, принадлежавшая вначалѣ графамъ Залусскимъ, которая, послѣ третьяго раздѣла Польши, была доставлена въ 1795 году, по приказанію императрицы Екатерины II, въ Петербургъ для поступленія въ императорскую библіотеку. Первоначальными основателями этой коллекціи были два брата Залусскіе: краковскій кардиналъ-архіепископъ графъ Андрей Залусскій и коронный великій референдарій и кіевскій (номинальцый) епископъ графъ Іосифъ Залусскій. Этотъ послѣдній, настоящій собиратель книгъ, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ польскимъ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ, котораго онъ сопровождалъ въ Лотарингію, былъ знакомъ съ самыми главными библіографами своего времени: Менгеніусомъ и Готшедомъ, и числился членомъ Берлинской и С.-Петербургской Академіи Наукъ. Онъ употребилъ все свое состояніе на устройство въ Варшавѣ публичной библіотеки, при выборѣ которой обращалъ главное вниманіе на польскую исторію и римско-католическую религію и, благодаря помогѣ своего ученаго и усерднаго библіотекаря Яноцкаго и поддержкѣ своего брата и дядей (отчасти деньгами, отчасти книгами), достигъ своей цѣли. Въ 1745 году библіотека Залусскихъ, въ которую перешли также и драгоцѣнныя рукописи короля польскаго Іоанна III, была открыта для всеобщаго употребленія и воспѣта на латинскомъ языкѣ тогдашними поэтами, называвшими ее «вѣнцомъ города и міра, славой и украшеніемъ польскаго королевства», а также «невѣстой агнца» (въ гербѣ Залусскихъ находилось изображеніе агнца съ девизомъ: *sic vos non vobis*). Съ своей стороны папа Бенедиктъ XIV издалъ въ 1752 году буллу, изрекавшую проклятіе тому, кто покусился бы на это книгохранилище, которое графъ Залусскій не переставалъ умножать. Онъ завѣщалъ его іезуитамъ, но такъ какъ ихъ орденъ былъ упраздненъ еще въ 1773 г., при его жизни, то библіотека перешла во владѣніе государства и впродолженіи двадцати лѣтъ ею завѣдывала особая коммиссія, хотя родственники основателя и протестовали противъ этого. Когда Суворовъ вступилъ въ Варшаву, процессъ этотъ еще длился: Городъ, какъ извѣстно, былъ переданъ Пруссіи, но библіотека осталась за Россіею и отправлена въ Петербургъ.

Вторымъ литературнымъ фондомъ, поступившимъ въ библіотеку, была собранная Дубровскимъ коллекція рукописей, обязанная своимъ происхожденіемъ большею частью французской революціи 1789 года. Дубровскій, начавшій свою службу при русскомъ посольствѣ, сначала въ качествѣ пѣвчаго, находился при взятіи Бастиліи и грабежѣ Сен-Жерменскаго предмѣстья; онъ успѣлъ пріобрѣсти за безцѣнокъ и такимъ образомъ спасти отъ истребленія множество драгоцѣнныхъ документовъ и рукописей, выброшенныхъ изъ архивовъ и библіотекъ. Нѣсколько тысячъ автографовъ было собрано имъ еще прежде. Будучи произведенъ въ совѣтники посольства, онъ поднесъ свою коллекцію въ даръ императору Александру I, который назначилъ его хранителемъ отдѣленія рукописей при библіотекѣ съ богатымъ пожизненнымъ содержаніемъ. Мирнымъ путемъ поступили въ библіотеку между 1817 и 1830 г. церковно-славянскія книги и рукописи сенатора Фролова, коллекція генерала Вязмитинова, часть библіотеки князя Лобанова-Ростовскаго,

рукописи, принадлежавшіе Италинскому, русскому посланнику, умершему въ Римѣ, и большая церковно-славянская коллекція графа Толстаго.

Слѣдующими чрезвычайно-значительными пріобрѣтеніями, сдѣланными въ царствованіе императора Николая I, библіотека обязана опять оружію.

Въ видѣ военной добычи, доставшейся во время походовъ на Востокъ, были отправлены въ Петорбургъ фельдмаршаломъ Паскевичемъ рукописи изъ мечети Ахмеда въ Ахалцыхѣ, изъ Дагестана, Эрзерума и Баязида, собраніе рукописей корана изъ Адріанополя и знаменитыя и драгоцѣнныя рукописи изъ мовзолея шейка Сефи въ Ардебилѣ, гдѣ эти послѣднія были въ буквальномъ смыслѣ слова погребены. Мѣсто погребенія святаго Сефи, родоначальника нынѣ царствующей персидской династіи, описано еще Олеаріемъ (въ его путешествіи въ Персію), какъ зданіе имѣющее видъ монастыря, столь же удивительное, какъ и недоступное. Даже шахъ не могъ входить въ самую середину его, гдѣ находились библіотека и гробъ, иначе какъ босыми ногами. Къ счастію, амулеты и заговоры не помѣшали увезти библіотеки.

За этими трофеями идутъ подарки принца Хозрева-мирзы, который былъ посланъ въ Петербургъ по поводу совершеннаго въ Тегеранѣ убійства русскаго посла и поэта, Грибоѣдова.

Между 1831 и 1834 г. поступило въ библіотеку нѣсколько коллекцій, сдѣлавшихся послѣ польскаго возстанія собственностью государства· собраніе рѣдкихъ сочиненій, принадлежавшее когда-то іезуитамъ, изъ Плоцка; превосходная библіотека князя Чарторыйскаго и большая часть библіотекъ Сапеги и Ржевусскаго, изъ Пулавы и, наконецъ, больше 150,000 томовъ, принадлежавшихъ *обществу любителей литературы въ Варшавѣ* и варшавскимъ публичнымъ библіотекамъ, въ томъ числѣ нѣсколько тысячъ томовъ первенцовъ типографскаго искусства XV столѣтія, скрывавшихся въ прежнее время въ польскихъ монастыряхъ.

Съ тѣхъ поръ библіотока увеличивалась только посредствомъ покупокъ, главнымъ образомъ на суммы, ассигнованныя по Высочайшему повелѣнію, и посредствомъ добровольныхъ приношеній. Такимъ образомъ была пріобрѣтена въ 1836 г. за 100,000 руб. превосходная библіотека графа *Сухтелена* (въ числѣ 27,000 томовъ), отъявленнаго библіофила, умершаго въ томъ же году посланникомъ въ Стокгольмѣ. За тѣмъ, не говоря уже о другихъ менѣе значительныхъ спеціальныхъ коллекціяхъ, въ библіотеку поступила коллекція древне-русскихъ книгъ и рукописей, собранная извѣстнымъ московскимъ археологомъ и славянистомъ *Погодинымъ*, которая была куплена за 150,000 рублей.

Къ погодинской коллекціи вскорѣ прибавились коллекціи *Коробанова* и *Кастерина* (послѣдняя цѣною въ 20,000 р. была принесена въ даръ купцомъ Соловьевымъ), также *далевское* собраніе древне-русскихъ политипажей. Такимъ образомъ была удовлетворена одна изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей библіотеки. Отдѣленіе русской литературы основано только въ 1810 г. Высочайшимъ указомъ, въ силу котораго всѣ появляющіяся въ имперіи книги должны быть представлены въ Библіотеку въ количествѣ двухъ экземпляровъ, при чемъ были переведены въ Библіотеку прежнія изданія Сената, Сѵнода и Академіи Наукъ и другихъ государственныхъ учрежденій. Изъ этого видно, что даже при самомъ точномъ исполненіи этого указа, отдѣленіе древне-русской литературы далеко не было бы полно безъ упомянутыхъ выше коллекцій, такъ какъ древнѣйшія церковно-славянскія книги издавались не только въ Россіи, но и въ Польшѣ, Галиціи, Богеміи, Венеціи и Черногоріи, а первыя книги, напечатанныя гражданскимъ шрифтомъ, сдѣлались крайне рѣдкими.

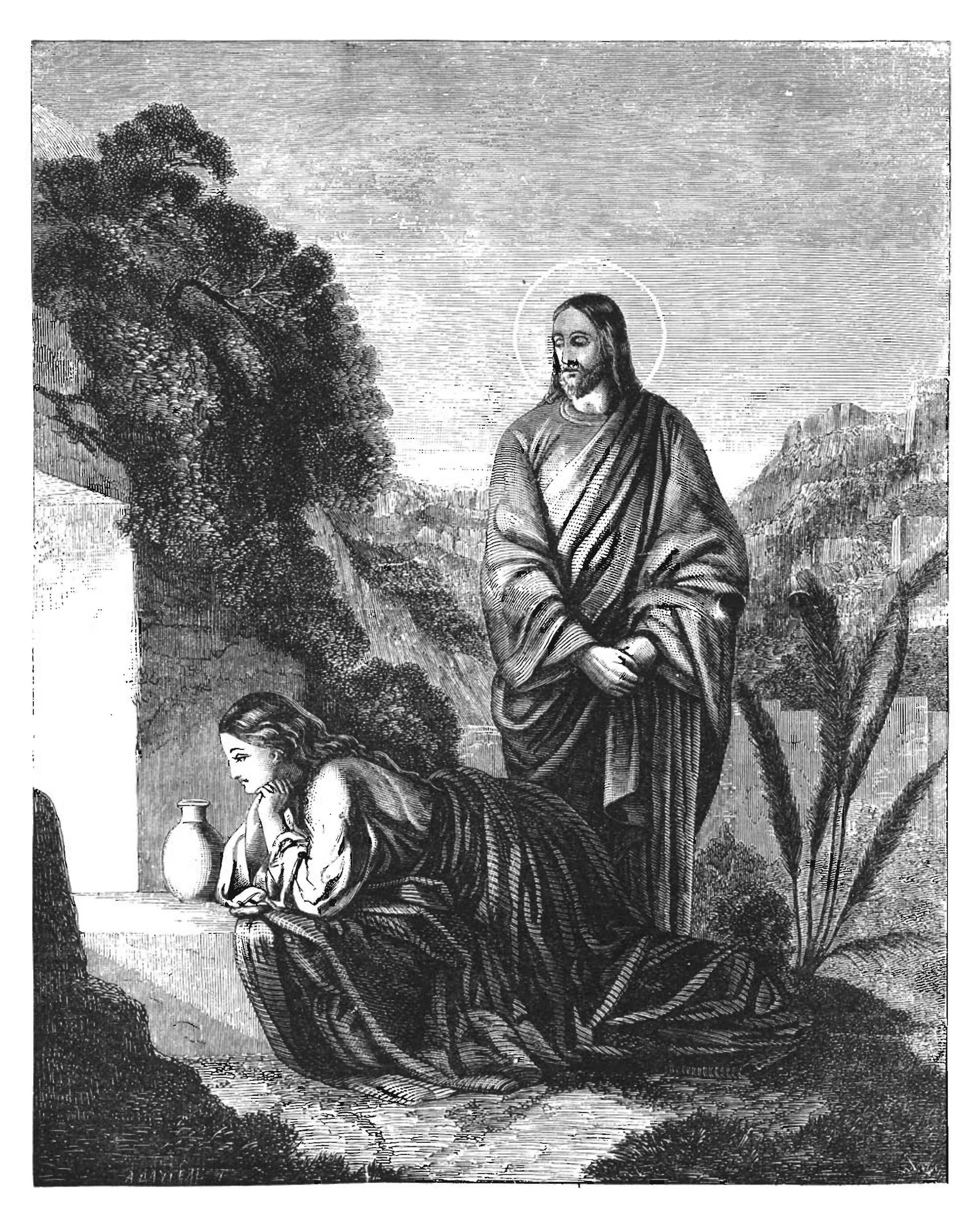
Въ послѣдніе годы отечественный отдѣлъ обогатился еще нѣсколькими коллекціями, между прочимъ—особенно богатой древними книгами кириловскаго шрифта и рѣдкими лубочными картинами—коллекціей почетнаго корреспондента *Каратаева*, купленной за 10,000 р. При этомъ Каратаевъ передалъ библіотекѣ хронологическій указатель древнѣйшихъ церковнославянскихъ сочиненій, напечатанныхъ отъ 1491 до 1630 г. Кромѣ того библіотека получила въ даръ книги и рукописи *Карамзина*, рукописи *Сперанскаго* и еще нѣсколько другихъ приношеній. Такимъ образомъ, благодаря этимъ щедрымъ и разнообразнымъ приношеніямъ (не говоря уже о постоянной покупкѣ всѣхъ вновь-появляющихся сочиненій и пріобрѣтеніи болѣе-древнихъ книгъ, не имѣющихся въ библіотекѣ), отечественный отдѣлъ называемый «*Russica*» составляетъ самое полное отдѣленіе Библіотеки.

Въ настоящее царствованіе также значительно расширены отдѣлы рукописей на греческомъ и восточныхъ языкахъ которые обогатились покупками нѣсколькихъ знаменитыхъ коллекцій. Особенно драгоцѣнное пріобрѣтеніе между ними, составляющее эпоху въ исторіи Библіотеки — это древне-еврейскія рукописи *Караимовъ*, купленныя за 100,000 рублей, и *синайская рукописная библія*, писанная на греческомъ языкѣ. Въ числѣ различныхъ приношеній по этому отдѣлу особенно замѣчательны фотографическіе снимки съ рукописей аѳонскихъ монастырей, которыя были подарены Библіотекѣ ея почтеннымъ членомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ *Севастьяновымъ*, путешествовавшимъ по востоку для изученія древне-христіанскаго искусства, и различныя замѣчательныя рукописные оригиналы на греческомъ языкѣ отъ XI до XII столѣтія, полученныя ею въ даръ отъ тѣхъ же монастырей.

Собраніе автографовъ *Дубровскаго* и *Сухтелена* было увеличено покупкою *андреевской* коллекціи. Приращеніе музыкальнаго отдѣла было тоже очень значительно. Сюда поступило полное собраніе рукописей и печатныхъ музыкальныхъ сочиненій изъ Императорскаго Эрмитажа, въ томъ числѣ множество экземпляровъ, посвященныхъ авторами русскимъ монархамъ, начиная съ Екатерины II. Къ этому надо прибавить еще рѣдкія изданія партитуръ старыхъ маестро: *Глюка*, *Херубини*, *Сальери*, *Чимарозы* и др. и полную коллекцію музыкальныхъ автографовъ и переписку знаменитаго русскаго композитора *Глинки*. Отдѣлъ портретовъ и гравюръ, равно какъ и топографическій, также были обогащены принесенными въ даръ Библіотекѣ превосходными частными коллекціями.

Между коллекціями, пріобрѣтенными въ послѣднее десятилѣтіе, особенно замѣчательны коллекціи статскаго совѣтника *Аделунга* и купленная въ Прагѣ библіотека славяниста *Юнгмана*, обѣ лингвистическаго содержанія; коллекція медицинскихъ книгъ, принадлежавшая доктору *Розенбергеру*, собраніе актовъ конгрессовъ соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (въ числѣ 100 томовъ), полное собраніе англійскихъ патентовъ и привиллегій, заключающее въ себѣ въ настоящее время болѣе 63,000 нумеровъ; акты ландтаговъ и синія книги конституціонныхъ государствъ Европы; революціонная

(или такъ называемая «подпольная») польская литература временъ послѣдняго возстанія, присланная въ Библіотеку графомъ *Бергомъ* и *Муравьевымъ*, и др. Библіотеки графа *Ростопчина* (6000 томовъ) и *Прше-*кою Департамента Народнаго просвѣщенія, дублетами Законодательнаго Отдѣленія Императорской Канцеляріи и значительными запасами книгъ, уступленными Библіотекѣ Морскимъ Министерствомъ, Генеральнымъ Шта-

Іисусъ Христосъ и Самарянка.

ленскаго (испанская литература), подаренныя ими Библіотекѣ, такъ же какъ и книги, поступившія сюда изъ цензурнаго комитета для иностранныхъ сочиненій, гдѣ онѣ копились съ 1815 г. (болѣе 26,000 томовъ), большею частію беллетристическаго содержанія; а отдѣлы различныхъ отраслей наукъ были дополнены: библіоте-бомъ и Министерствомъ Финансовъ. Такъ возрастала библіотека въ послѣднее время.

Но самымъ важнымъ изъ новѣйшихъ пріобрѣтеній было пріобрѣтеніе эрмитажной библіотеки, которая (за исключеніемъ относящихся къ искусству и древности сочиненій) была переведена въ Библіотеку по Высочай-

шему приказу (въ числѣ 50,000 томовъ печатныхъ книгъ и 1180 томовъ). Въ то же самое время поступила въ Библіотеку изъ Эрмитажа и библіотека Вольтера, заключающея въ себѣ до 7000 томовъ книгъ и рукописей, вмѣстѣ съ его мраморною статуею.

(Продолженіе будетъ).

Прогулка по Петербургу.

(Продолженіе).

Николаевскій мостъ.

Послѣ Стокгольма, Амстердама и Венеціи, едва ли найдется городъ въ Европѣ, столъ щедро надѣленный водами, какъ Петербургъ. Семнадцать рѣкъ и восемь каналовъ перерѣзываютъ городъ въ разныхъ направленіяхъ и почти четвертая часть его омывается волнами Финскаго залива. Черезъ эти рѣки и каналы перекинуто болѣе 100 мостовъ, изъ которыхъ *Николаевскій* единственное въ своемъ родѣ произведеніе.

Не то было лѣтъ сто назадъ, въ особенности же въ первое время существованія Петербурга!

Сообщеніе между различными частями города, раздѣляемыми Большою Невою и ея протоками, производилось, въ царствованіе Петра Великаго, не по мостамъ, какъ нынѣ, а на судахъ. Только черезъ большія рѣчки и каналы, какъ-то Фонтанку, Мойку и др., были устроены маленькіе подъемные мосты, столь узкіе, что доставляли проѣздъ только одному экипажу въ двѣ лошади. Царь не желалъ заведенія экипажей, содержаніе которыхъ, по дороговизнѣ фуража, могло быть отяготительнымъ; онъ нерѣдко запрещалъ придворнымъ пріѣзжать иначе какъ въ лодкахъ, и самъ показывалъ примѣръ, разъѣзжая на катерѣ всюду, куда можно было подъѣзжать водою. Хозяева домовъ и каждый не совершенно бѣдный постоялецъ обязаны были имѣть у берега, во всякое время, перевозныя суда; люди зажиточные строили ихъ отъ себя, небогатымъ они давались отъ казны—съ тѣмъ однакоже, чтобъ по обветшаніи оныхъ замѣнили ихъ новыми, уже на свой собственный счетъ. Безпрестанно возрастающее число жителей Петербурга начало однакоже затруднять своевременное заготовленіе необходимыхъ по положенію рѣчныхъ судовъ. Петръ повелѣлъ учредить для строенія ихъ особую верфь, назначивъ мѣсто на лѣвомъ берегу Фонтанки, близь истока оной изъ Невы. Вновь учрежденной верфи было дано названіе *партикулярной*, а управленіе этою верфью ввѣрено особому *комиссару*. Предполагавшіяся тамъ къ постройкѣ суда дѣлились на парусныя (яхты, буеры и торншхауты) и гребныя (баржи или шлюбки и верейки). Всѣ они строились по образцамъ, даннымъ самимъ государемъ, и назначались: парусныя для ѣзды мужчинъ, а гребныя для женщинъ. О содержаніи и употребленіи этихъ судовъ изданъ былъ особый указъ.

Царь требовалъ, чтобы эти суда *были употребляемы точно такъ же, какъ на сухомъ пути кареты и коляски, а не какъ сорныя тѣлеги.* При осеннемъ появленіи льда, когда переправа черезъ Неву становилась слишкомъ опасною, суда вытаскиваемы были на берегъ, подъ закрытія, а съ наступленіемъ весны ихъ починивали, подкрашивали и опять спускали на воду. Они составляли особый флотъ подъ названіемъ *невскаго*, а завѣдывавшій ими комиссаръ партикулярной верфи именовался *невскимъ адмираломъ*. Три раза въ годъ онъ былъ обязанъ осматривать флотъ: черезъ недѣлю по вскрытіи Невы, въ исходѣ іюля и въ октябрѣ. Для упражненій невскаго флота всѣ суда должны были собираться въ воскресные дни по полудни, по пушечному выстрѣлу съ крѣпости на мѣста, предварительно назначенныя комиссаромъ, и ѣздить вслѣдъ за нимъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ, иногда на взморьѣ; въ маѣ и іюнѣ плаванье продолжалось три съ половиной часа, въ іюлѣ четыре, въ августѣ три, а въ сентябрѣ два съ половиной часа. Многіе изъ буеровъ ѣздили съ музыкою, салютовали другъ другу выстрѣлами изъ маленькихъ пушечекъ и маневрировали при многочисленномъ стеченіи зрителей; поднятіе флага на мачтѣ *невскаго адмирала* было знакомъ къ вступленію подъ паруса, а спущеніе онаго — знакомъ къ разъѣзду по домамъ. Упражненія отмѣнялись только въ случаѣ сильнаго восточнаго вѣтра; потому и самое направленіе вѣтра означалось флагами, выкидываемыми въ четырехъ различныхъ мѣстахъ города. Петръ не рѣдко участвовалъ со всѣмъ Дворомъ въ этихъ занятіяхъ. Онъ говорилъ, что назначалъ катанья собственно для себя и что «стыдно было бы забыть морскія эволюціи тому, кто *имѣлъ честь* командовать на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ».

Первые мосты на каменныхъ устояхъ и сводахъ были устроены, въ царствованіе Екатерины II, по Екатерининскому, Крюкову каналамъ и Фонтанкѣ. До этого же времени, всѣ мосты, черезъ рѣки и каналы въ Петербургѣ, были деревянные, утвержденные на сваяхъ, которыя вскорѣ послѣ устройства портились,—и становились даже совершенно негодными для проѣзда.

Николаевскій мостъ, называвшійся сначала Благовѣщенскимъ, ведетъ съ Адмиралтейской стороны, отъ Благовѣщенской улицы, на Васильевскій островъ, между 5-ю и 6-ю линіями,—и былъ открытъ 1 января 1851 года. Мостъ этотъ, превосходящій, по мнѣнію знатоковъ, самыя лучшія постройки въ этомъ родѣ, сооруженъ на семи гранитныхъ устояхъ. У берега Васильевскаго острова устроенъ удивительный простотою и легкостью своею механизмъ, посредствомъ котораго пропускаются за мостъ суда, проходящія вверхъ и внизъ по Невѣ. Съ этой же стороны, на самомъ мосту, устроена великолѣпная мраморная часовня, внутри съ мозаическимъ образомъ св. Николая Чудотворца, а снаружи съ образомъ св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Строителемъ моста былъ инженеръ-генералъ-маіоръ Кербедзъ.

Народы Россіи.

III. Эсты.

Эсты, вмѣстѣ съ лапландцами, финляндцами, карелами, черемисами, вотяками, зырянами, вогулами, остяками, пермяками и мордвою, принадлежатъ финскому племени, извѣстному въ нашихъ лѣтописяхъ подъ име-

пемъ Чуди и монгольской расѣ. Составляя первобытное населеніе острова Эзеля и всего сосѣдняго съ нимъ архипелага острововъ: Менъ, Даго, Вормсъ, Наргенъ и др., Эсты живутъ въ Эстляндіи, въ сѣверной половинѣ Лифляндіи (въ дерптскомъ и перновскомъ уѣздахъ), по всему берегу Рижскаго залива и озера Пейпусъ, занимая до 700 кв. миль, въ числѣ 7—800,000 человѣкъ. Изъ этого числа 275,000 слишкомъ человѣкъ живутъ собственно въ Эстляндіи, 400,000 слишкомъ въ Лифляндіи, 12,000 въ Витебской губерніи, 10,000 въ Псковской и столько же въ Петербургской. Эсты издревле занимались земледѣліемъ (больше, чѣмъ какое либо другое изъ родственныхъ имъ племенъ, жившихъ только охотою и рыбною ловлею), и въ то же время были самыми извѣстными моряками, рыбаками и остзейскими пиратами,—пока наконецъ датчане, шведы, а потомъ нѣмцы не подчинили ихъ своей власти и не ограничили ихъ занятій только земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Теперь крѣпостное право въ Эстляндіи отмѣнено; эсты отбываютъ барщину на своихъ нѣмецкихъ помѣщиковъ и живутъ большею частью деревнями, тогда какъ латыши, образующіе сельское народонаселеніе южной Лифляндіи и Курляндіи живутъ на отдѣльмызахъ.

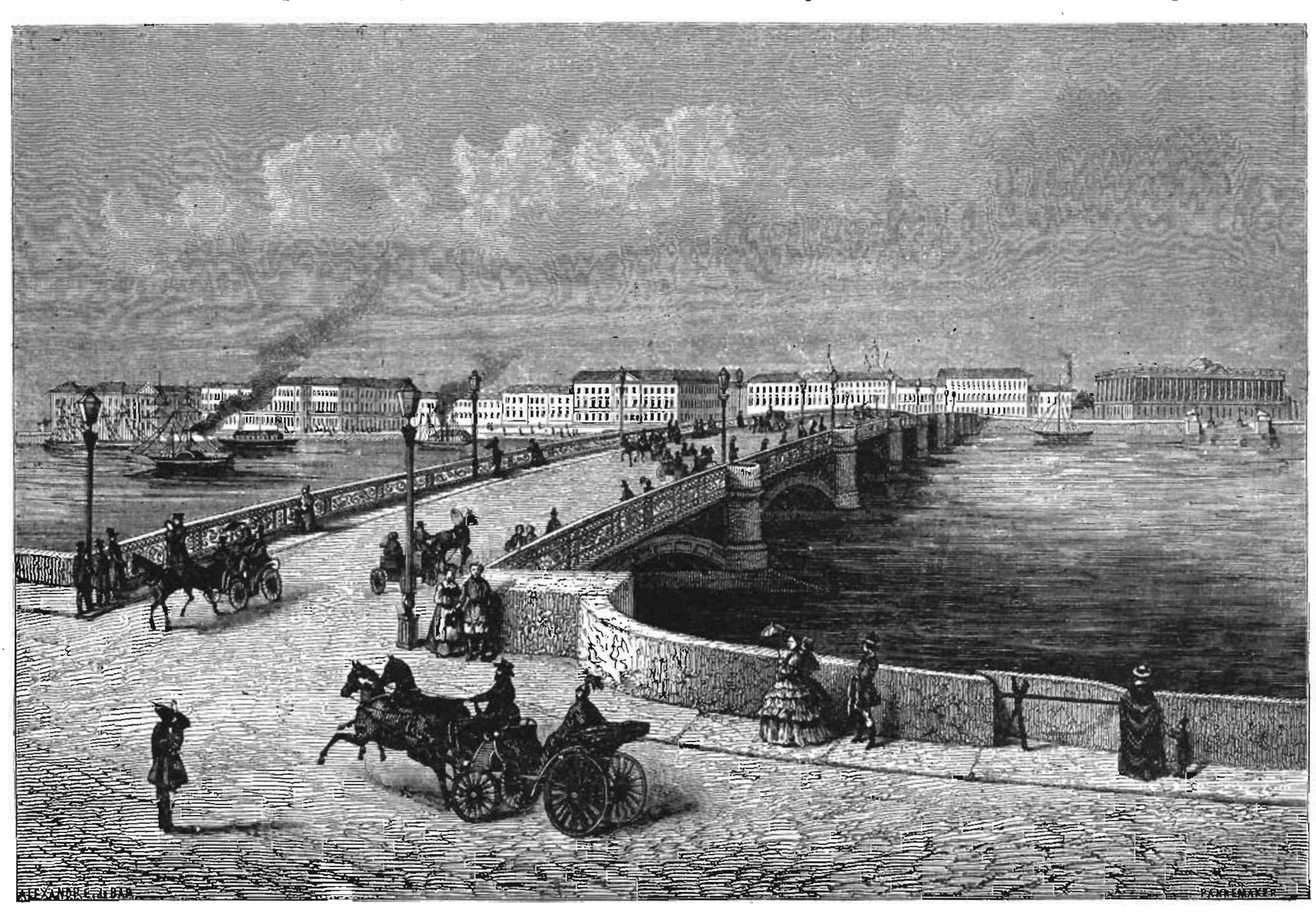
Въ теченіи шестидесяти-лѣтняго рабства эсты, не смотря на повсемѣстно-распространившееся христіанство и постоянное соприкосновеніе съ нѣмцами, сохранили свою первобытную національность, тѣлосложеніе, языкъ, міросозерцаніе, одежду, жилище, образъ жизни и нравы чище и съ меньшими измѣненіями, чѣмъ какой либо другой европейскій народъ,—и въ то время какъ порабощеніе латышей нѣмцами въ цѣломъ было довольно легко, борьба съ эстами длилась необыкновенно долго и стоила много крови. Еще и теперь эсты цѣнятъ выше всего свободу. Эсты вообще суроваго и необходительнаго характера и отличаются лукавствомъ, скрытностію, лѣностію и полнымъ равнодушіемъ къ улучшенію своего состоянія. Но что эти недостатки привиты къ нимъ извнѣ (печальными условіями ихъ жизни) и что, напротивъ того, натурѣ эстовъ присущи болѣе благородныя свойства — это доказывается разумностью, съ какой они относятся къ явленіямъ природы и произведеніямъ искусства, глубиною чувства, проявляющеюся въ ихъ обращеніи съ дѣтьми, больными и стариками, вѣрностью сужденій о должномъ и недолжномъ и наконецъ серіозностью ихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятій. Чрезвычайно замѣчательна ихъ склонность къ мелкому воровству, тогда какъ случаевъ воровства со взломомъ и вообще значительныхъ похищеній почти никогда не бываетъ. Эсты очень любятъ водку; это любимый праздничный напитокъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Супружеская вѣрность у нихъ нарушается чрезвычайно рѣдко. Они называютъ это преступленіе «tulli to», т. е. дѣломъ достойнымъ огня, и дѣйствительно у нихъ есть одинъ древній законъ, въ силу котораго всѣ подобнаго рода преступники сожигались. Эсты небольшаго роста и не отличаются силой, только одни жители береговъ составляютъ въ этомъ случаѣ исключеніе; но тѣ, которые живутъ внутри страны, тѣмъ малорослѣе, чѣмъ болѣе пострадали отъ рабства и чѣмъ скуднѣе питались они камбалою.

Голова и лицо у нихъ малы и сжаты. Узкій разрѣзъ глазъ, выдавшіяся скулы и маленькій ротъ указываютъ на ихъ монгольское происхожденіе. Необстриженные, большею частію гладкіе волосы льнянаго цвѣта лежатъ по плечамъ. Изъ подъ густыхъ бровей выглядываютъ глубоко-лежащіе добродушные глаза, составляющіе противоположность съ унылымъ выраженіемъ лица. При болѣе или менѣе узкихъ плечахъ, руки у нихъ длинны, а кисти рукъ напротивъ того широки съ короткими пальцами. Широкій тазъ сзади плоскокъ и опирается на короткія ноги и маленькія ступни, вслѣдствіе чего ихъ осанка небрежна, а походка медленна.

Языкъ эстовъ, составляющій отрасль финскаго, чрезвычайно своеобразенъ. Въ цѣломъ онъ отличается благозвучіемъ, вслѣдствіе многочисленныхъ окончаній на *а* и *о*, чрезвычайно часто употребляющихся двугласныхъ *ӥ* и *ӧ*, пріятныхъ для слуха, и незначительнаго употребленія безгласнаго *е* и непріятно звучащаго *â*. Многія отвлеченныя понятія (напр. добродѣтель, порокъ, свобода, и проч.) не нашли себѣ у эстовъ особенныхъ словъ и выражаются перифразами; за то образъ выраженія этого народа необыкновенно живописенъ. Такимъ образомъ напр. «глупый человѣкъ» называется у нихъ «убогой головой», «звѣри» — «нѣмыми существами», и т. д. Какъ племя эстовъ раздѣляется на 3 вѣтви, такъ и ихъ языкъ распадается на три главные *діалекта*: восточный, сѣверный и западный, которые по главнымъ городамъ тѣхъ округовъ, гдѣ употребляются эти діалекты, называются дерптскимъ, ревельскимъ и перновскимъ. Главная масса народа говоритъ вездѣ по эстонски; только очень немногіе примкнувшіе къ нѣмцамъ въ качествѣ слугъ, ремесленниковъ, и т. п., выучились нѣмецкому языку. Положительно можно сказать, что большинство не понимаетъ ни одного нѣмецкаго слова. Всѣ школы, устроенныя до сихъ поръ для образованія крестьянъ, употребляли всегда для обученія народа его собственный языкъ. Эсты чрезвычайно наклонны къ *поэзіи*. Подобно латышамъ они импровизируютъ на всѣхъ своихъ сходкахъ стихотворенія, отличающіяся болѣе или менѣе грустнымъ напѣвомъ. Они поютъ и импровизируютъ (въ особенности женщины) за работой, въ лѣсу, въ полѣ, дома, за прялкою, въ хороводахъ, и пр. У эстовъ больше военныхъ пѣсень и воспоминаній о прошедшемъ, чѣмъ у латышей. Ихъ языкъ, по множеству гласныхъ, удобнѣе для пѣнія, да и въ отношеніи способа пѣнія между ними значительная разница: въ то время какъ латыши поютъ хоромъ подъ управленіемъ одного какого нибудь пѣвца, эсты раздѣляются на нѣсколько хоровъ, которые отвѣчаютъ другъ другу и повторяютъ послѣдніе стихи. Въ то время какъ пѣсни латышей идиллически-лирическаго характера и (согласно съ субъективной натурой самаго народа) выражаются почти всегда въ первомъ лицѣ и въ настоящемъ времени, эстонскія — этическаго и, вслѣдствіе болѣе объективной натуры эстонскаго племени, выражаются въ третьемъ лицѣ и въ прошедшемъ времени. Только въ послѣднее время начали обращать вниманіе на многочисленныя народныя пѣсни и саги, живущія въ устахъ этого племени. Когда великій финляндскій эпосъ «Калевала», появившись въ печати, обратилъ на себя вниманіе европейскаго ученаго міра, въ Эстляндіи тоже стали принимать мѣры, чтобы собрать остатки тамошнихъ народныхъ пѣсень: разослали въ разныхъ направленіяхъ ученыхъ, которые записали на мѣстѣ что̀ слышали, потомъ разобрали и пополнили и послѣ многолѣтняго труда издали въ свѣтъ подъ именемъ *Калеви Поэгъ* (т. е.

сынъ Калевса) твореніе, достойное стоять на ряду съ упомянутымъ выше финляндскимъ эпосомъ. Эсты, за небольшими исключеніями—лютеранскаго *вѣроисповѣданія*; пасторскія мѣста занимаютъ у нихъ нѣмцы. Суевѣріе, колдовство и привидѣнія играютъ у эстовъ большую роль. Ивановъ день — чрезвычайно радостный для нихъ праздникъ. Крестины, свадьбы и похороны сопровождаются у нихъ особенными обычаями, ведущими, отчасти, начало еще изъ временъ язычества.

Одежда эстовъ, за исключеніемъ дерптскихъ, вездѣ одинакова. Всѣ они ходятъ въ длинныхъ, черныхъ кафтанахъ изъ грубаго сукна (безъ воротниковъ и обшлаговъ). Подъ кафатаномъ они носятъ фуфайку изъ голубаго или зеленаго сукна, короткіе кожанные или полотняные панталоны, шерстяные чулки, а вмѣсто сапоговъ что-то въ родѣ башмаковъ, которые у болѣе зажиточныхъ дѣлаются изъ недубленой коровьей кожи, а у бѣдныхъ изъ липоваго или ивоваго лыка, и привязываются къ ногамъ веревками. Лѣтомъ они ходятъ въ круглыхъ шляпахъ, а зимою въ шапкахъ изъ лисьяго мѣха и въ овечьей шубѣ безъ покрышки. Женщины носятъ широкія шерстяныя юпки съ разноцвѣтными полосами и узкій обтяжной черный кафтанъ; замужнія плотно прилегающую шапочку, чепчикъ, и т. п., а дѣвушки особый головной уборъ, извѣстный подъ именемъ «пиркъ». Къ женскому туалету принадлежитъ, кромѣ того, особый родъ пряжекъ или застежекъ для рубахи, къ которому привѣшиваются различныя украшенія. Дерптскіе эсты носятъ рубашку сверхъ панталонъ, обвиваютъ себѣ ноги, вмѣсто чулокъ, тряпками и носятъ бѣлые кафтаны. Какъ одежда, такъ и *жилища* во всей Эстляндіи одинаковы, т. е. аляповаты и грубы таковы же и употребляемые ими *снаряды*. Ихъ тѣлеги малы, низки, сдѣланы изъ одного только дерева, безъ гвоздей и желѣзной оправы, съ аляповатыми колесами, а ихъ сани и того хуже. Плугъ — самое лучшее изъ всѣхъ ихъ орудій и, несмотря на свою незатѣйливость, очень хорошъ въ дѣлѣ. Равнымъ образомъ и употребляемая у нихъ *система земледѣлія* чрезвычайно проста и основывается, главнымъ образомъ, на лѣсопашенномъ хозяйствѣ. Хотя въ настоящее время эсты и обработываютъ свои земли по трехпольной системѣ, но при этомъ каждый изъ нихъ старается добыть себѣ для пашни новины, разчистивъ для этого частичку лѣса, разумѣется срубленнаго и сжегши пропорціонально-разложенный по полю и прикрытый дерномъ валежникъ, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, земля даетъ, нѣсколько лѣтъ кряду, обильныя жатвы. Разчистка лѣсовъ и умноженіе скота были прежде у эстовъ единственнымъ путемъ къ благосостоянію, но съ 1819 года они начали заниматься разведеніемъ льна и картофеля и вообще промышленностью. *Главная пища* эстовъ состоитъ изъ ячменной каши.

Николаевсій мостъ въ Петербургѣ.
Рисовалъ Александръ де-Баръ, гравировалъ Панисмакеръ.

Судебная хроника.

«**Дѣло крестьянина Филиппова.** Въ одномъ изъ предшествующихъ обозрѣній мы сообщили читателямъ подробности объ убійствѣ крестьяниномъ Архангельской губерніи Иваномъ Филипповымъ крестьянки Осининой, о пораненіи кр. Тихомировой, которыя сошлись въ его квартирѣ и, затѣявъ ссору, стали упрекать его въ обманѣ и другихъ по-

ступкахъ. 3-го декабря, какъ пишутъ въ «Петерб. Вѣд.», въ здѣшнемъ окружномъ судѣ, дѣло это разбиралось съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Признавая себя въ означенномъ преступленіи виновнымъ, подсудимый объяснилъ, что въ день убійства онъ нѣсколько разъ заходилъ съ знакомыми выпить водки и пива, что, встрѣтившись потомъ съ Осининою, онъ пригласилъ ее къ себѣ, такъ-какъ она жаловалась, что не имѣетъ квартиры. Выпивъ еще двѣ рюмки водки, онъ легъ спать и не слыхалъ, какъ въ комнату вошла Тихомирова и стала требовать отъ него свои вещи. Онъ вынулъ ихъ изъ комода вмѣстѣ съ револьве-

Эсты.
Рисовалъ А. Каленъ, гравировалъ П. Перришонъ.

ромъ, который былъ пріобрѣтенъ имъ для дороги, такъ-какъ онъ собирался на родину. Какъ, зачѣмъ и по какому поводу послѣдовали съ его стороны выстрѣлы въ обѣихъ женщинъ, онъ не помнитъ, потому что пришелъ въ чувство только послѣ прихода городоваго. Свидѣтели объяснили, что подсудимый былъ вообще мягкаго нрава, но очень вспыльчивъ и ревнивъ, — что, оставивъ мѣсто артельщика, которое доставляло ему отъ 1,200 до 1,400 рублей, собирался ѣхать на родину. На судѣ возникъ вопросъ о томъ, дѣйствовалъ ли подсудимый въ состояніи просонокъ, или въ полномъ сознаніи. Призванные эксперты, специалисты по психическимъ болѣзнямъ, признали, что состояніе просонокъ, въ которомъ находился Филипповъ, не могло быть настолько продолжительно, чтобы подсудимый не помнилъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, такъ-какъ, притомъ, совершеннаго безпамятства въ этомъ состояніи быть не можетъ; но что подсудимый могъ находиться подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ и нравственнаго раздраженія отъ упрековъ, дѣлаемыхъ ему двумя женщинами. Присяжные признали Филиппова виновнымъ въ умышленномъ убійствѣ и въ покушеніи на убійство, но дѣйствовавшимъ въ запальчивости и раздраженіи, подъ вліяніемъ упрековъ, и заслуживающимъ полнаго снисхожденія. Судъ постановилъ: лишивъ Филиппова всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года и, по окончаніи этого срока поселить въ Сибири навсегда.

«Русскія Вѣдомости» приводятъ на своихъ страницахъ нѣсколько интересныхъ дѣлъ, разбиравшихся въ Московскихъ судахъ въ послѣднее время. Случаи эти, съ одной стороны — рисуютъ мѣстные нравы, а съ другой — показываютъ, какимъ образомъ относится къ нимъ новый судъ, какъ законный выразитель нашего общественнаго мнѣнія. Остановимся пока на слѣдующихъ:

Растрата монастырскаго имущества. Въ половинѣ ноября мѣсяца, въ московскомъ окружномъ судѣ судился бывшій канцелярскій служитель Озеровъ, 33 лѣтъ отъ роду, за растрату 10 р. денегъ и попошеннаго монастырскаго

полукафтанья, принадлежащихъ Николо-Грѣшенскому монастырю. Исторія эта весьма несложна. По закрытіи 6 департамента сената, въ которомъ служилъ подсудимый до того времени писцомъ, онъ былъ оставленъ за штатомъ и пріобрѣталъ средства къ существованію частной перепиской бумагъ, но такъ какъ этотъ трудъ не доставлялъ ему возможности къ удовлетворенію даже самыхъ насущныхъ потребностей жизни, то онъ и рѣшился поступить въ монахи. По вступленіи послушникомъ въ Николо-Грѣшенскій монастырь, Озеровъ полгода занимался въ монастырской прачечной стиркою бѣлья на монаховъ. По прошествіи этого времени, настоятель монастыря, удостовѣрившись въ его хорошемъ поведеніи, сдѣлалъ его распорядителемъ надъ нѣкоторыми работами и тогда же (въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года) послалъ его вмѣстѣ съ монастырскимъ кучеромъ въ Москву очистить дворъ и помойную яму монастырскаго подворья, а для содержанія и, въ случаѣ надобности, для найма въ помощь себѣ рабочихъ, выдалъ ему 10 руб. денегъ. По пріѣздѣ на подворье, подсудимый съ кучеромъ цѣлый день занимались очисткою ямы и такъ перезябли, что зашли погрѣться въ харчевню, гдѣ оба выпили чаю и по стакану вина. Подсудимый отъ этого стакана вина и другаго поднесеннаго имъ какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ такъ опьянѣлъ, что совершенно обезпамятѣлъ и очнулся лишь отъ холода. Оказалось, что онъ былъ на улицѣ и безъ полукафтанья, въ которомъ были деньги. Потерянъ ли этотъ кафтанъ, или украденъ — подсудимый не знаетъ. Черезъ два дня онъ оправился въ монастырь съ повинною, но настоятель не внялъ просьбамъ его о прощеніи. Изгнанникъ, неимѣющій паспорта, выпросилъ Христа ради позволеніе провести остатокъ ночи въ избѣ у крестьянина деревни, находящейся въ 3-хъ верстахъ отъ монастыря. На другой день онъ былъ арестованъ и пробылъ въ острогѣ около полугода. Присяжные, черезъ нѣсколько минутъ совѣщанія, признали Озерова по суду оправданнымъ, и старшина ихъ вручилъ предсѣдателю 10 р. отъ присяжныхъ для передачи монастырю въ уплату за подсудимаго. Кромѣ того, присяжными собрано еще 18 р. собственно въ пользу подсудимаго.

Дѣло о присвоеніи убитаго кабана. «Дѣло это разбиралось мировымъ судьею Александровскаго участка и состоитъ въ слѣдующемъ: Въ сентябрѣ мѣсяцѣ наст. года, владѣтельница села Спасскаго, Дмитр. уѣзда, г-жа Ададурова, пригласила московскаго мѣщанина Ирхена убить появившагося въ ея владѣніяхъ и наводящаго страхъ на окрестныхъ жителей неизвѣстнаго звѣря. 23-го сентября Ирхенъ выслѣдилъ этого звѣря, который оказался кабаномъ, и убилъ его. Послѣ того какъ убитый кабанъ былъ привезенъ въ Москву, мѣщанинъ Ирхенъ получилъ вдругъ отъ г. Рабенека заявленіе, что кабанъ убитъ въ его владѣніяхъ, въ доказательство чего показалъ Ирхену планы арендуемыхъ имъ, Рабенекомъ, для охоты пустошей. Ирхинъ, слѣдуя охотничьимъ обычаямъ, возвратилъ убитаго кабана Рабенеку, прося его уплатить хоть 10 р., истраченныхъ охотникомъ на провозъ звѣря въ Москву; но Рабенекъ не согласился и на это, угрожая Ирхену, что онъ взыщетъ съ него еще за трехлѣтній прокормъ кабана. Вскорѣ послѣ того, Ирхенъ узнаетъ, что кабанъ убитъ не во владѣніяхъ Рабенека и что слѣдовательно этотъ послѣдній не имѣлъ на присвоеніе себѣ убитаго звѣря никакого права; а потому обращается къ мировому судьѣ съ жалобой на г. Рабенека. На разбирательствѣ дѣла выяснилось, что убитый кабанъ принадлежалъ не къ дикой породѣ свиней, а къ породѣ свиней кавказскихъ, что, вслѣдствіе этого, онъ не могъ причинить страхъ окрестнымъ жителямъ; г. Рабенекъ выпустилъ свиней «на раззаводъ», а онѣ забрели въ лѣса помѣщицы Ададуровой, гдѣ упомянутый кабанъ и былъ убитъ Ирхеномъ. Въ доказательство своихъ словъ, Рабенекъ представилъ въ судъ голову кабана, а, по требованію мироваго судьи, и другую, которая была признана экспертомъ за голову кабана кавказской породы, ручной и смирной, а свидѣтелями — за ту самую, которая принадлежала убитому звѣрю. Мировой судья присудилъ возвратить убитаго кабана г. Ирхену, а также заплатить ему за убытки, по доставленіи свѣдѣній. На Рабенека возложить также и судебныя издержки; отъ обвиненія же въ мошенничествѣ и въ несоблюденіи мѣръ осторожности—признать свободнымъ. Дѣло объ оскорбленіи нанесенномъ Ирхену Рабенекомъ, было устранено состоявшимся на судѣ примиреніемъ, такъ какъ Рабенекъ попросилъ у Ирхена извиненія. Тяжущіяся стороны остались рѣшеніемъ судьи недовольны, и дѣло, такимъ образомъ, перейдетъ въ мировой съѣздъ.

Внутреннее обозрѣніе.

23-го ноября, въ 3½ часа пополудни, съ экстреннымъ поѣздомъ варшавской желѣзной дороги, изволили прибыть изъ-за границы въ Петербургъ: Е. И. Выс. принцъ Фридрихъ-Карлъ Прусскій, въ сопровожденіи фельдмаршала графа Мольтке и нѣсколькихъ лицъ свиты, принцъ Вюртембергскій и герцогъ Мекленбургскій. Высокіе гости прибыли къ празднованію дня св. великомученика и побѣдоносца Георгія, 26 ноября. По этому случаю, на дворцовой площади происходилъ большой парадъ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, послѣ котораго былъ въ Зимнемъ дворцѣ высочайшій обѣдъ въ присутствіи иностранныхъ гостей. 30 ноября, въ 10½ часовъ утра, Его Корол. Высочество принцъ Фридрихъ-Карлъ изволилъ посѣтить Главный Штабъ. Его Выс. былъ въ мундирѣ 12-го гусарскаго Ахтырскаго имени своего полка.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ, въ сопровожденіи Военнаго Министра, генералъ-адъютанта Милютина, сначала посѣтилъ библіотеку Главнаго Штаба, гдѣ ему представлены были старшіе чины Штаба и Военно-Ученаго Комитета. При осмотрѣ наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ библіотеки, вниманіе Его Выс. было обращено на рельефное изображеніе мѣстности, окружающей Ахульго, взятый нашими войсками въ 1839 году; при этомъ генералъ-адъютантъ Милютинъ въ краткомъ очеркѣ ознакомилъ Принца съ военными дѣйствіями, происходившими при осадѣ этого укрѣпленнаго пункта. Въ залѣ библіотеки его Выс. былъ поднесенъ полный экземпляръ «Военно статистическаго Сборника»; кромѣ того нашъ почтенный историографъ, генералъ-лейтенантъ Богдановичъ поднесъ Его Выс. свой извѣстный историческій трудъ о войнѣ 1813 года, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ *), а генералъ-маіоръ Лееръ свои сочиненія: «Опытъ критико-историческаго изслѣдованія законовъ искусства веденія войны» и «Публичныя лекціи о войнѣ 1870 года между Франціею и Германіею».

Изъ библіотеки Его Выс. направился, черезъ Отдѣленія Главнаго Штаба, въ помѣщеніе Военно-Топографическаго Отдѣла, гдѣ осмотрѣлъ наиболѣе замѣчательныя картографическія работы послѣдняго времени, преимущественно относящіяся до нашихъ среднеазіятскихъ владѣній и Кавказа. Здѣсь Его Выс. были поднесены экземпляры: «Карты Средней Азіи» и «Дорожной карты Кавказскаго Края». Посѣщеніе этого отдѣла было заключено бѣглымъ осмотромъ фотографическаго павильона и картографическаго заведенія. Въ тотъ же день фельдмаршалъ графъ Мольтке, назначенный почетнымъ членомъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, въ 11 часовъ утра, во время лекцій, посѣтилъ Академію. Осмотрѣвъ библіотеку и остановившись на нѣ-

*) Geschichte des Krieges im Jahre 1813. Переводъ сдѣланъ бывшимъ офицеромъ нашего Генеральнаго Штаба г. Щ.

сколько минутъ передъ большою стратегическою картою средней Европы, графъ вошелъ въ аудиторію старшаго класса. Здѣсь одинъ изъ обучающихся офицеровъ доложилъ графу о своей картографической работѣ, а начальникъ Академіи познакомилъ его сіятельство съ общимъ распредѣленіемъ занятій въ Академіи и съ ходомъ практическихъ работъ по курсу военной администраціи.

Въ читальной комнатѣ графъ обратилъ вниманіе на большое количество различныхъ русскихъ и иностранныхъ военныхъ журналовъ и газетъ, которые лежали выложенные на столѣ для чтенія обучающимся офицерамъ.

Прощаясь съ офицерами, его сіятельство пожелалъ имъ успѣха въ занятіяхъ и на экзаменѣ и, затѣмъ, обратившись къ начальнику Академіи, приглашалъ его въ Берлинъ посѣтить прусскія военныя училища и Главный Штабъ. Кромѣ того, высокіе гости посѣтили Императорскую публичную библіотеку, Эрмитажъ и театры. Въ середу 1-го декабря, они изволили отбыть въ Москву.

Іисусъ Христосъ и Самарянка.

(См. стр. 797).

Прилагаемая картина новѣйшей англійской школы представляетъ тотъ моментъ Евангельской исторіи, когда Спаситель міра, «утрудившись отъ пути, сѣлъ у колодезя. Приходитъ женщина изъ Самаріи почерпнуть воды. Іисусъ говоритъ ей: дай Мнѣ пить (ибо ученики отлучились въ городъ купить пищи). Женщина самарянская говоритъ Ему: какъ Ты, будучи Іудей, просишь пить у меня, Самарянки? Ибо Іудеи съ Самарянами не сообщаются. Іисусъ сказалъ ей въ отвѣтъ: если бы ты звала Даръ Божій, и Кто говоритъ тебѣ: дай Мнѣ пить; то ты сама просила бы у Него, и Онъ далъ бы тебѣ воду живую. Женщина говоритъ ему: Господинъ, тебѣ и почерпнуть нечѣмъ, а колодезь глубокъ; откуда же у тебя вода живая? Неужели ты больше отца нашего Іакова, который далъ намъ этотъ колодезь, и самъ изъ него пилъ, и дѣти его, и скотъ его? Іисусъ сказалъ ей въ отвѣтъ: всякій, пьющій воду сію, возжаждетъ опять. А кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ; но вода, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную».

Эта живая вода есть Божественное ученіе Искупителя—источникъ спасенія души. Прилагаемое художественное произведеніе запечатлѣно классической простотой и такъ-сказать цѣломудріемъ кисти, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующими святости и чистотѣ изображаемаго сюжета. Гравюра чрезвычайно точно передаетъ ту строгость исполненія, недопускающую ничего лишняго, которою отличается оригиналъ (къ сожалѣнію, только неточно передающій евангельскую исторію. См. Ев. Іоан. гл. 4).

Переправа казацкихъ лошадей черезъ Волгу.

(См. стр. 793).

Прилагаемый рисунокъ — одно изъ тѣхъ чудесъ перспективы, которыя наглядно даютъ болѣе ясное понятіе объ извѣстной мѣстности, чѣмъ десятки страницъ описанія. Всѣ мы знаемъ изъ географіи, какъ широка Волга близь устья; но небывавшіе въ тѣхъ краяхъ—едва ли могутъ себѣ представить эту величественную русскую рѣку въ полномъ ея разливѣ, основываясь на числовыхъ данныхъ. На рисункѣ нашемъ нѣтъ ничего кромѣ воды и лошадиныхъ торсовъ, а между тѣмъ съ перваго взгляда можно видѣть, что изображенная рѣка не чета ни одной изъ орошающихъ среднюю полосу Россіи, далеко не чета даже нашей Невѣ, какъ ни широка она близь устья. Устье же Волги такъ мелководно, что даже небольшія суда, чтобъ выйдти въ море, должны ожидать прилива воды отъ морскаго вѣтра. Въ извѣстную пору года оно до того мельчаетъ, что казаки переправляютъ табуны своихъ коней въ бродъ и вплавь черезъ Волгу, что и представлено на прилагаемомъ рисункѣ.

Почтовый ящикъ.

На запросъ многихъ изъ гг. подписчиковъ «Нивы» редакція имѣетъ честь увѣдомить ихъ, что историческія сцены «Князь Василько Теребовльскій» и рядъ статей подъ заглавіемъ «Расколъ и раскольничьи секты въ Россіи» будутъ окончены въ будущемъ 1872 году въ ближайшихъ нумерахъ «Нивы».

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПОДПИСКА НА 1872 ГОДЪ.

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“

Самый практическій и полезный, изъ всѣхъ модныхъ журналовъ, и **ЕДИНСТВЕННЫЙ** въ Россіи, дающій **ФРАНЦУЗСКІЯ,** а не **НѢМЕЦКІЯ** моды.

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“ выходитъ два раза въ мѣсяцъ, книжками большого формата, въ два печатные листа, съ великолѣпными гравюрами въ текстѣ и съ парижскими раскрашенными модными картинками въ каждомъ нумерѣ.

Кромѣ того въ приложеніе дается: въ одномъ нумерѣ, листъ узоровъ и выкроекъ, въ другомъ большая вырѣзанная изъ бумаги выкройка, (преимущественно верхнихъ одеждъ—confections)—въ настоящую величину.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала помѣщаются статьи для легкаго чтенія: оригинальныя и переводныя повѣсти и разсказы, съ иллюстраціями, путешествія, новости, статьи научныя, гигіеническія, хозяйственныя; анекдоты, новыя открытія, и проч,

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“ издается спеціально для тѣхъ, кто желаетъ одѣваться хорошо и дешево; съ этою цѣлью въ журналѣ даются такія выкройки, по которымъ легко сшить всякую вещь дома.

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ редакціи „МОДНАГО МАГАЗИНА“ Литейная, 45.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ—съ 1 января до конца года.		На полгода съ 1 января и 1 іюля.	
Въ Петербургѣ, безъ доставки	**6** руб.	Безъ доставки	**3** руб. **50** коп.
„ „ съ доставкой на домъ . .	**8** „	Съ доставкой на домъ.	**4** „ **50** „
Съ пересылкой по почтѣ, во всѣ концы Россіи	**8** „	„ пересылкой въ Россіи	**4** „ **50** „
„ „ заграницу.	**10** „	„ „ за границу.	**6** „ — „

☛ Не надо смѣшивать «МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ»—**самостоятельный русскій журналъ,** примѣненный къ потребностямъ русскаго общества,—съ публикующими о себѣ **переводными нѣмецкими** журналами: *Bazar, Modenwelt* и *Victoria,* распространяемыми въ нашей публикѣ подъ русскими названіями.

Редакція «Моднаго Магазина» не имѣетъ съ этими журналами ничего общаго.

Редакторъ-издательница **Софія Григорьевна МЕЙ.**

Вышла и поступила въ продажу только-что отпечатанная новая книга изданія **А. Ф. Маркса**, подъ заглавіемъ:

МОСКВА И ТВЕРЬ.

Цѣна 1 руб. **50** коп.

Авторъ этой повѣсти получилъ 1,000 р. преміи, предложенной Редакціей журнала «Нива» въ первый годъ ея изданія русскимъ писателямъ за лучшую историческую повѣсть изъ русской жизни. Въ то время повѣсть эта была напечатана въ журналѣ безъ гравюръ; но тотъ громадный успѣхъ, которымъ пользовалась она въ кругу читателей «Нивы», и многочисленныя заявленія не только со стороны подписчиковъ, но и вообще со стороны читающаго общества побудили издателя предпринять иллюстрированное изданіе ея отдѣльной книгой. Украшенная 6-ю великолѣпными, художественно-выполненными рисунками и представляя собою первый опытъ изданія отдѣльной повѣсти изъ русской исторіи съ гравюрами, новая книга является въ настоящее время въ высшей степени интересной не только со стороны литературной, но и со стороны художественной. *Цѣна* для подписчиковъ «Нивы» 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Подписчики «Нивы», желающіе пріобрѣсть «Москву и Тверь», ничего не платятъ за пересылку, буде обратятся съ требованіями прямо въ контору редакціи **и до истеченія 1871 года**, такъ какъ въ будущемъ году цѣны за пересылку возрастутъ втрое.

ДЛЯ ВСѢХЪ НЕОБХОДИМОЕ,

ГОРЧИЧНАЯ БУМАГА ИЗЪ ЛУЧШЕЙ САРЕПТСКОЙ ГОРЧИЦЫ

Т. ШМИДЕНА.

Разсмотрѣна и разрѣшена къ продажѣ медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Удобство и преимущество этой бумаги, въ сравненіи съ обыкновенными горчичниками, многосторонніе. Цѣна умѣренная, а именно:

Дюжина горчичниковъ въ коробкѣ 40 копѣекъ.

Для иногородныхъ высылается чрезъ почту, не менѣе какъ на 2 рубля.

Главный складъ въ магазинѣ **И. САБЛУКОВА,** въ гостиномъ дворѣ по зеркальной линіи, № 39-й, въ С.-Петербургѣ. (10)—10

АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

СИСТЕМЫ КАЛЬБО

Л. КАСТИЛЬОНЪ

Коммиссіонеръ Военнаго Министерства.

Старѣйшій и важнѣйшій торговый домъ въ Россіи.

Челночныя машины, работающія въ двѣ нитки не распускающимся швомъ; исполняющія всевозможныя швейныя работы и снабженныя различными аппаратами для ихъ производства. — Кромѣ уже давно извѣстнаго превосходства ихъ по качеству, надъ другими системами, вновь полученныя машины имѣютъ еще ту неоспоримую выгоду, что продаются по дешевой цѣнѣ.

ДЕПО ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

Виллера и Вильсона, Гровера и Бекнера, Хау, Зингера, Вилькоха и Гибса и пр. отъ **20** р

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Елисѣева. Въ Бель-этажѣ. | Въ МОСКВѢ: на Кузнецкомъ мосту д. Комарова № 11. (39)—33

Бонбоньерки и украшенія для **ЁЛКИ** получены въ огромномъ выборѣ, и **ЁЛКИ** съ сюрпризами въ каррикатурномъ видѣ, отъ **5 коп. сер.** за штуку, цвѣтныя парафиновыя **Свѣчи** и самый разнообразный выборъ **полезныхъ вещей** для подарковъ, **въ магазинѣ бумагъ Константина ЧЕРНОХВОСТОВА, въ Гостинномъ Дворѣ, № 35.** (10)—3

ПРОДАЮТСЯ двѣ превосходныя, почти не бывшія въ употребленіи, енотовыя шубы, одна за **155 руб.,** другая за **85 руб.** Буде кто изъ иногородныхъ пожелаетъ пріобрѣсти ихъ, просятъ обращаться къ нижеподписавшемуся. Пересылку принимаетъ на себя продавецъ

ДАВИДЪ ЭЙЛНЕРЪ,

Малая Мѣщанская, домъ Стефаницъ, № 5.

За скорую и аккуратную высылку ручается Контора Редакціи «Нивы», которой извѣстенъ г. Эйлнеръ. (3)—2

КОНТОРА РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «НИВА» ВТОРИЧНО ПРОСИТЪ Гг. ПОДПИСЧИКОВЪ НА БУДУЩІЙ 1872 ГОДЪ ПРИЛАГАТЬ СВОЙ ПРЕЖНІЙ ПЕЧАТНЫЙ АДРЕСЪ ИЛИ ЖЕ ОПРЕДѢЛЕННЫЙ НОВЫЙ ДЛЯ СКОРѢЙШАГО ПИСКАНІЯ ТРАКТА И МѢСТА, ТРЕБУЕМЫХЪ ПОЧТАМТОМЪ,

При этомъ нумерѣ прилагается объявленіе отъ издателя-книгопродавца Генкеля для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ Нивы.

Дозволено цензурою 10 Декабря 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Тип. [illegible] д. № 45—1.

№ 51. ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 20 декабря 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 15 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.

Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

О подпискѣ на журналъ «НИВА» въ 1872 году.

Открывъ подписку на будущій 1872 годъ и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы“, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ **заранѣе** высылать свои требованія вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы“.

Такъ какъ „Нива“ преимущественно назначается **для семейнаго чтенія** и вслѣдствіе заявленнаго многими изъ нашихъ подписчиковъ желанія получать въ „Нивѣ“ извѣстія о модахъ съ рисунками, — мы, спѣша какъ всегда удовлетворить потребности нашихъ читателей, рѣшились прилагать **ежемѣсячное модное обозрѣніе съ рисунками парижскихъ модъ, не увеличивая подписной цѣны на нашъ журналъ**, при полнотѣ и общедоступности его наидешевѣйшій въ Россіи. Необходимыя приготовленія для введенія новаго отдѣла настолько уже сдѣланы, что мы можемъ обѣщать модные рисунки до истеченія нынѣшняго 1871 года.

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа съ 200—250 художественно-выполненными рисунками.

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 руб.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 к.	Для иногородныхъ съ пересылкой и упаковкой.	5 »

Покорнѣйше просимъ незамедлить высылкою подписныхъ денегъ, во избѣжаніе несвоевременной доставки №№ «Нивы» въ 1872 году. Гг. подписывающіеся благоволятъ какъ можно яснѣе обозначать свой адресъ или прилагать печатный адресъ, наклеенный на бандероляхъ „Нивы“.

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

(Продолженіе).

XIII.
Судьба.

А время крылатое летитъ своимъ чередомъ, укрѣпляя связи людскія и передѣлывая по своему задушевныя симпатіи.

Въ пять лѣтъ житья-бытья между голландцами нашъ молодой ученый совершенно сжился нетолько съ бытомъ, но и со всею окружающею его обстановкой интимнаго кружка, въ который занесъ его слѣпой случай. Началъ дѣлать знакомства, однако, прежде, Клементьичъ. Онъ, старый ужь человѣкъ, какъ мы видѣли, коверкая по русски голландскія имена и не умѣя привыкнуть тянуть гласныхъ, какъ дѣлаютъ добрые сосѣди Зюйдерзе, зналъ между тѣмъ цѣлую улицу свою, можно сказать, досконально. Перекумился онъ не съ одной дюжиной всякаго работнаго люда и такъ вошелъ въ ихъ обиходъ и вкусы — что имянины женъ, тетокъ, матерей и бабушекъ своихъ новыхъ знакомыхъ никогда не пропускалъ безъ обычнаго поздравленія или посѣщенія. Но самымъ любимымъ знакомствомъ для Клементьича было конечно семейство хозяйки дома, Ме фроу Эвелины фанъ Хальсенарсъ, вдовы еще въ порѣ, очень веселой тараторки, но впрочемъ набожной, и болѣе любопытной, чѣмъ довѣрчивой. Она хотя и любила порисоваться на счетъ безпомощнаго своего одиночества, на самомъ дѣлѣ была женщина съ характеромъ. Впрочемъ всегда у ней грустно-сентиментальный разсказъ сводился на одну дорогу: горячее желаніе пристроить къ мѣсту сироту-племянницу нѣжно ею любимую Маріанну, дѣйствительно существо очень живое и милое по вкусамъ своимъ. Прежде госпожа Хальсенарсъ намѣрена была отказать ей все свое движимое и недвижимое, но въ послѣднее время отчего-то какъ бы передумала; причиною этого, какъ оказалось, было сильное увлеченіе одно время проповѣдью краснорѣчиваго кордельера, настоятеля той общины, гдѣ она числилась прихожанкой. Замѣчательно, что этотъ святой человѣкъ любилъ свои рѣчи сочинять чаще всего на извѣстную тему о юношѣ и игольныхъ ушахъ, — и раздачу неимущимъ имущими всегда старался формулировать не иначе какъ чрезъ посредство совѣта общины, въ которой былъ предсѣдателемъ.

Ме фроу Эвелина слушала его весьма охотно до поры до времени. Но одинъ случай разомъ положилъ конецъ этой внимательности.

При выходѣ изъ кирхи разъ какъ-то случилось столкнуться благочестивой Эвелинѣ въ самыхъ воротахъ пастората съ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ.

— Были вы на проповѣди? прямо началъ онъ вопросомъ, обратившись къ Ме фроу Хальсенарсъ.

— Какже, какже! Я не пропускаю ни одной рѣчи вашей; только и пищи имѣю — ваше святое слово.

— Исполняйте-же, что повелѣно, строго и внушительно отозвался пасторъ, — если вы были внимательны — вы слышали приказъ всѣмъ вѣрующимъ: иди, продаждь имѣніе твое и раздай.

— И! какое мое имѣніе! люди богатые могутъ...

— Ме фроу, не гнѣвите Бога! вашъ домикъ такой красивенькій; нельзя не предполагать, кромѣ его есть у васъ особый достатокъ: ваши тюльпаны на окнахъ такъ пышны — такія луковицы стоютъ не меньше какъ три гульдена.

— Это разводитъ моя племянница, дѣвушка-сирота. Я о ней должна заботиться...

— Пристройте ее въ Бегинажъ...

— Но она молода, мой отецъ, какъ я ее заживо похороню въ этой почти монашеской обители!

— Вовсе не монашеской, тамъ живутъ благочестивыя женщины — и хорошо дѣлаютъ, пораньше принявшись за спасеніе души...

— Но она не имѣетъ никакой склонности къ созерцательной жизни, я уже ей совѣтовала, но получила отказъ.

— Какъ же вы потерпѣли такое непокорство? Если она живетъ у васъ, вы замѣняете ей мать... родительскія права....

— Я принуждать не стану — она у меня такая добрая... Правда, веселая... Ну да я сама въ ея года рѣзва была...

— И вамъ не совѣстно, Ме фроу, вспоминать такое вредное для души состояніе?!

— Да какъ же быть, отецъ мой, когда это правда? Я и теперь, хоть очень сожалѣю, а люблю развлечься въ веселой бесѣдѣ; а моя Маріанна такая пѣвица, музыкантша, что прогонитъ чью хотите хандру.... Вотъ у насъ на что ужь жилецъ — очень ученый, говорятъ, человѣкъ, но и то — я слышала отъ вѣрнаго человѣка, — какъ запоетъ она, бросаетъ всякое дѣло — и книгу оставитъ, и обращается точно въ одну изъ тѣхъ прекрасныхъ статуй, которыми облѣпленъ нашъ великолѣпный соборъ; — знаете, эти статуи со сложенными на груди руками, что смотрятъ вверхъ...

— Да! вы въ своихъ неловкихъ примѣненіяхъ этого разсѣяннаго чужестранца, между нами сказать, къ духовному сану не совсѣмъ почтительнаго, приравниваете къ священнымъ изображеніямъ? Какъ вы такъ не зрѣлы еще, Ме фроу Хальсенарсъ! Жалости подобно такое гибельное заблужденіе! И вы еще, Ме фроу Хальсенарсъ, какъ я вижу, изволите улыбаться! Вы, какъ видно, не воображаете, что положеніе вашей племянницы — на прямой дорогѣ къ аду, — что это вниманіе чужестранца не спроста, — что теперь онъ только слушаетъ — а потомъ заговоритъ — и ваша племянница развѣситъ уши на его розсказни...

— Да какъ же иначе! Этого требуетъ вѣжливость — слушать хорошихъ людей.

— Смотрите только, чтобы этотъ хорошій человѣкъ не сдѣлался губителемъ вашимъ!.. чтобы за гибель племянницы не пришлось вамъ отвѣчать передъ Создателемъ!

— Что вы подъ этимъ разумѣете, отецъ мой?

— Что онъ окажется въ роли соблазнителя, а она — жертвы...

Ме фроу Эвелина не могла уже болѣе владѣть собой и повернувшись пошла быстрыми шагами прочь отъ патера, дозволявшаго себѣ слишкомъ много.

— Знаемъ мы, ворчала она про себя дорогой, —

знаемъ мы, чего вамъ хочется ее въ Бегинажъ, а не замужъ... Замужъ вѣдь никто безъ приданаго не возьметъ; а дай-ка вамъ волю моими денежками распорядиться! Недаромъ подговаривался къ домику — вишь какую нашелъ прицѣпку, что у меня тюльпаны на окнѣ! Пока сама себѣ госпожа — дѣлаю что̀ хочу... Нога моя не будетъ въ кирхѣ, когда онъ проповѣдуетъ....

Какъ гнѣвъ Ме фроу Хальсенарсъ такъ и смѣлыя предположенія проповѣдника были не совсѣмъ лишены логичной послѣдовательности. Только и тотъ и другая брали слишкомъ далеко. Она вскипѣла, представляя себѣ слишкомъ близкую опасность отнятія у нея самостоятельности, да и родъ нападенія былъ слишкомъ обиденъ по своей безцеремонной откровенности, — тѣмъ болѣе что дѣло касалось любимой племянницы, которая была положительной утѣхой для тетки. Тетка знала притомъ, что у ея племянницы, если бы возникла на самомъ дѣлѣ сильная страсть, не могло бы замедлиться открытіе ей. Что касается патера, то пустился онъ на проломъ, думая что этотъ маневръ скорѣе удастся, по тому понятію, которое онъ составилъ себѣ о характерѣ Ме фроу Хальсенарсъ, — и сильно ошибся. Сама же Ме фроу оказалась бы проигравшею пари, если бы рѣчь зашла о дѣйствительномъ существованіи какихъ-либо отношеній Маріанны къ Свѣчникову, — отношеній положимъ непреступныхъ и даже не предосудительныхъ, но отрицать которыя было бы рѣшительно невозможно самому поверхностному наблюдателю.

Свѣчниковъ уже ходилъ въ квартиру Ме фроу — и рѣзвая Маріанна чуть не каждый часъ, то за тѣмъ то за другимъ, находила надобность спускаться по неудобной узкой деревянной внутренней лѣсницѣ изъ своей половины въ кухню къ жильцамъ — то поторопить Гертруду, то показать ей что либо очень нужное, чаще всего озадачивавшее старуху, при этомъ отсылаемую, когда Фреле оставалась сама. Съ уходомъ же старухи, она находила возможность перекинуться двумя-тремя словами съ Константиномъ, у котораго съ приходомъ дѣвицы Книфферсъ всегда оказывалась надобность самому выйдти въ кухню. Мало по малу, при этихъ выходахъ, привыкъ онъ совершенно машинально брать за руки заботливую хозяйку или дружески класть руку на плечо ея. Молодые люди при этомъ вспыхивали и не находили словъ объясняться, хотя повидимому имѣли многое передать другъ другу, но только глядѣли другъ другу въ глаза, пока чей либо голосъ не выводилъ ихъ этого пріятнаго положенія. Клементьичъ, придя однажды съ рынка и завидѣвъ чету, занятую такимъ интереснымъ молчаніемъ, не выдержалъ, чтобы откровенно не заявить своихъ наивныхъ соображеній.

— Э, да васъ, какъ посмотрю, совсѣмъ пора женить! проговорилъ онъ, махнувъ рукой. Какъ обожженные отскочили другъ отъ друга молодые люди — и Маріанна чуть не сбила съ ногъ Гертруду, несшую умывальникъ и проворчавшую что-то своимъ неудобовнятнымъ голосомъ.

Скоро и Ме фроу Эвелина привыкла видѣть молодыхъ людей вмѣстѣ, и даже пускалась иногда съ ними на вечернія прогулки вдоль уединенныхъ липовыхъ аллей по набережнымъ, впрочемъ всегда въ парѣ съ Клементьичемъ.

Передняя чета молодыхъ обыкновенно отъ задней уходила на значительное разстояніе, такъ что однажды, когда за поворотомъ молодежь совсѣмъ пропала, Ме фроу не могла не сообщить конфиденціально своему спутнику, что парочка была бы хоть куда; къ сожалѣнію, со стороны минъ-гера Свѣшникофа нѣтъ никакой деклараціи.

— Какая тебѣ еще декларація, коли парень отъ дѣвки не отстаетъ? будто нехотя и только стараясь идти въ ногу съ своей дамой, процѣдилъ сквозь зубы дядька, давно уже латинизированный у Ме фроу въ Клеменціуса.

Сладкая улыбка и тихій сдержанный хохотъ были съ ея стороны отвѣтомъ, при нѣжномъ пожатіи черствой руки честнаго служиваго. За свѣтлыми минутами въ жизни, какъ извѣстно, всегда слѣдуютъ мгновенія грустныя. Судьба какъ бы подстерегаетъ неосторожныхъ и наноситъ имъ сердечные удары тогда именно, когда они менѣе всего къ тому приготовлены. Такъ было и въ этотъ вечеръ. Послѣ прогулки Константинъ получилъ коротенькую записку отъ Головкина, приглашающую его пожаловать немедленно. Несвоевременный призывъ переполошилъ не однихъ жильцовъ, но и хозяевъ.

Почти всѣ окна помѣщенія Головкина были совершенно темны; только черезъ гардины его кабинета сквозилъ какой-то неопредѣленный свѣтъ. Подъѣздъ уже былъ запертъ, и послѣ трехъ ударо̀въ молотка, расположившійся-было спать швейцаръ неторопливо отворилъ входъ въ жилище посланника. Хорошо знакомый съ расположеніемъ дома, Константинъ и по неосвѣщенной лѣсницѣ нашелъ ближайшій проходъ въ кабинетъ.

Привѣтливый всегда Головкинъ видимо былъ не въ духѣ, и отмѣривая широкіе шаги вдоль и поперегъ своей рабочей комнаты, какъ-то нетерпѣливо сжималъ концы пальцевъ, видимо затрудняясь начать объясненіе о дѣлѣ, для котораго нужно было ему было видѣть Константина. Посолъ былъ безъ парика, и потому гладко обстриженные волосы давали ему видъ нѣсколько рѣзкій.

— Какъ здоровъ, ваша милость? кланяясь раза три повторилъ Свѣчниковъ, при приближеніи посла, который молча и какъ бы необращая вниманія опять уходилъ вдаль, пока наконецъ, въ отвѣтъ на послѣднее привѣтствіе, заговорилъ, собравъ всѣ свои силы.

— Здоровъ, благодарю... Но долженъ сообщить нерадостную вѣсть — строгій приказъ... Вонъ онъ тамъ на столѣ — посмотри.

И самъ снова сталъ ходить.

Константинъ, при неполномъ свѣтѣ лампы, поставленной на столѣ, нашелъ бумагу, какъ видно скомканную отъ неудовольствія благодушнымъ посланникомъ.

Это былъ ордеръ изъ тайнаго кабинета, гласившій: *Ея Императорское Величество Высочайшимъ Своего Императорскаго Величества указомъ повелѣла:* изъ русскихъ робятъ Алексѣя Свѣчникова выслать бы вамъ изъ Голландіи немотчавъ, понеже науки его опытовъ доселѣ никакихъ не прислано, а живетъ онъ долгіе годы...

Дальше Константинъ уже не читалъ, ошеломленный и вперивъ глаза въ титулъ ордера.

— Какъ? Ея Императорское Величество? невольно выговоривъ вслухъ, взглянулъ онъ въ глаза Головкину, ожидая отъ него подтвержденія.

— Да, Константинъ Алексѣевичъ, со вздохомъ сказалъ посолъ, — не стало великаго государя, потому-то тебя видно и требуютъ... Новые люди тебя не знаютъ, но если нужно, отговориться можно... Одно: могутъ уменьшить твой пансіонъ или совсѣмъ...

Онъ не договорилъ. Впрочемъ, тутъ же поправившись, прибавилъ: «ты мнѣ скажи, какъ твои дѣлишки здѣсь?»

Вмѣсто прямаго отвѣта на послѣдній вопросъ, нѣсколько пришедшій въ себя Константинъ спросилъ въ свою очередь: «да что же съ Государемъ-то сдѣлалось?..

Головкинъ, и безъ того сильно-боровшійся съ своимъ чувствомъ, заплакавъ ничего не отвѣтилъ, а только показалъ рукою вверхъ.

— Такъ его нѣтъ уже? вырвалось съ какимъ-то воплемъ изъ надорванной груди Свѣчникова, съ ливнемъ слезъ.

Нѣсколько минутъ слышались одни всхлипыванія, заглушаемые вздохами. Наконецъ, нѣсколько оправившись, утеревъ слезы, Головкинъ подошелъ и, положивъ руку на плечо Константина, повторилъ прежній вопросъ: «успокойся, ты скажи мнѣ, что ты думаешь съ собой думать?»

— Ѣхать! коротко отвѣтилъ Константинъ.

— А здѣшнихъ стало-быть совсѣмъ оставляешь?

— Кого? съ невольнымъ вздохомъ спросилъ Константинъ, схватясь за грудь, какъ бы его что́ кольнуло.

— Можетъ жаль кого будетъ и здѣшнихъ? еще настойчивѣе и прямо допытываясь, кротко спрашивалъ Головкинъ, а самъ смотрѣлъ въ глаза Свѣчникова.

— О здѣшнихъ послѣ... теперь ни о чемъ не спрашивайте, мрачно отвѣтилъ Свѣчниковъ, смотря въ землю, и самъ взялся за шляпу.

— Послѣ такъ послѣ! Провожая его до лѣстницы, дружески говорилъ посолъ, — будь увѣренъ только, что я готовъ сдѣлать что́ пожелаешь.

Головкинъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ молодой еще, привлекателенъ и не отличался особенной скрытностью. Начальническаго тона также никогда не принималъ на себя, по крайней мѣрѣ съ Константиномъ, что очень естественно. Взросшій за границей, по манерамъ своимъ онъ былъ чистый европеецъ—и если впослѣдствіи отличался нерѣшительностью дѣйствій, то никто никогда не могъ пожаловаться на его холодность къ чужимъ непріятностямъ.

Константинъ шелъ домой тихой походкой, понуривъ голову. Ночь была свѣтлая, тихая; въ струившейся ряби канала золотистымъ снопомъ разбивалась отраженная луна; рѣзкія тѣни липъ чорными шапками лежали по набережной; свѣжій морской вѣтерокъ заигрывалъ съ волосами Свѣчникова. Странное что то дѣялось въ душѣ молодаго парня. Всѣ планы его, всѣ надежды какъ будто порвались вмѣстѣ съ кончиною Великаго Государя. Но это не было то безвыходное отчаяніе, которое овладѣло Константиномъ лѣтъ пять тому назадъ, при разрывѣ съ Лушей. Тихая грусть, словно подъ ладъ этой ночи, какимъ то сумракомъ осѣняла его душу, сильнѣе сказывалось одиночество, но умъ его не былъ подавленъ и сердце почти внятно просило чего-то вѣдомаго, о чемъ даже думать не надо было, а просто придти, протянуть руку да взять... И самая возможность желаемаго, самая достижимость его въ самомъ дѣлѣ какъ бы не давали думать о немъ... Въ мысляхъ Константина неотразимо вставалъ образъ царя-великана, съ самой первой встрѣчи ихъ на вольномъ дворѣ, потомъ въ токарной, на ассамблеѣ, въ зимнемъ домѣ... а тамъ вдругъ все обрывалось, и сердце жутко ныло при мысли, что нѣтъ ужь болѣе Великаго Государя и ни чьимъ глазамъ не глядѣть со страхомъ и упованіемъ въ его свѣтлыя очи... Собственная будущность Свѣчникова блѣднѣла предъ этимъ проявленіемъ неисповѣдимой судьбы: что́ значила его темная, жалкая жизнь предъ тою, которая пресѣклась нынѣ такъ нежданно негаданно?! Что станется съ отечествомъ, гдѣ еще такъ слабо привилось то, что́ насаждалось могучей рукою и чему Константинъ теперь вполнѣ понималъ цѣну?..

Въ такомъ настроеніи Константинъ незамѣтно очутился у двери темнаго домика съ тюльпанами по окнамъ, и машинально взявшись за молотокъ, стукнулъ имъ раза два. Тотчасъ же внизъ по лѣстницѣ зачастилъ быстрый и легкій бѣгъ чьихъ-то ногъ, дверь распахнулась, послышался звонкій смѣхъ — и въ этомъ смѣхѣ, въ бѣломъ свѣтѣ мѣсяца, передъ Константиномъ стояла веселая, рѣзвая Фреле Книфферсъ, грозя ему ему пальчикомъ. Рыжеватыя волосы ея выбивались колечками на лбу изъ подъ кружевнаго чепчика, и при лунномъ освѣщеніи казались золотыми; тонкія брови ея причудливо изгибались и двигались надъ большими свѣтлыми глазами; во взглядѣ ихъ свѣтились разомъ и радость, и любопытство, и всегда присущій дѣтски-чистый умъ, которому всю жизнь повидимому предстояло рости какъ тюльпанамъ, нисколько не грязнясь отъ родной почвы и всасывая только лучшіе соки. Въ коротенькомъ бострогѣ и темноцвѣтной юпочкѣ, маленькая, тоненькая, подвижная Маріанна показалась Константину какимъ-то духомъ-соблазнителемъ, олицетвореніемъ призыва къ жизни... Онъ залюбовался ею.

— Какъ поздно! Я одна еще не сплю въ домѣ.... Зачѣмъ васъ требовали, минъ-геръ? Спрашивала она съ улыбкой, оттѣненной крошечными ямочками на щекахъ

Константинъ вздрогнулъ, разомъ возвращенный къ дѣйствительности; рука его невольно потянулась къ рукѣ Фреле Книфферсъ, и онъ со внезапною болью въ сердцѣ выговорилъ: «приказъ ѣхать... зовутъ на родину»....

Маріанна поблѣднѣла какъ бѣлый свѣтъ мѣсяца на плитахъ крылечка и долго смотрѣла на Свѣчникова, словно не понимая...

— Такъ скоро? прошептала она: — а у насъ еще ничего и не готово... ни бѣлье ваше... ни... Ахъ, я глупая дѣвушка! засмѣялась она вдругъ, утирая рукавомъ брызнувшія слезы и отворачиваясь.

— Маріанна, мнѣ такъ тяжело на сердцѣ, заговорилъ Константинъ, — точно я родныхъ покидаю...

— А я-то?.. какъ же я останусь теперь безъ васъ... милый, милый минъ-геръ Константинъ? вырвалось у нея съ растерянной улыбкой, и не владѣя собою, она приподнялась на цыпочки, бросила руки вокругъ его шеи, и прижавшись къ ней щекою, тихонько и безпомощно плакала, забывъ про окружающее...

Все какъ бы освѣтилось въ душѣ Константина — онъ обнялъ маленькую, тоненькую Фреле и почувствовалъ то, чего никогда не чувствовалъ близь Луши: никакихъ преградъ не было между нимъ и Маріанной, оба они точно по мѣркѣ пришлись другъ къ дружкѣ и оторваться имъ нельзя — сердце изойдетъ кровью и жизнь станетъ не въ жизнь... Они оставались все въ томъ же положеніи, хотя въ верхнемъ этажѣ стукнуло окошко и ворчливый голосъ Мефроу Эвелины, явно выражающій неудовольствіе, послышался имъ сверху... Маріанна только взглянула въ глаза Константину, какъ бы прося его отвѣчать, а онъ пролепеталъ ей: «послѣ!.. послѣ!.. теперь все равно!»... и снова прильнулъ къ ней всѣмъ сердцемъ, всею душою.

В. Кельсіевъ.
В. Клюшниковъ.

(Окончаніе будетъ).

Русланъ и живая голова.
Композиція и рисунокъ И. Панова; гравировалъ И. Матюшинъ.

Русланъ и живая голова.

Если вы, благосклонный читатель давно не перечитывали Пушкина, то послушайтесь нашего совѣта, перечтите его вновь, перечтите «не мудрствуя лукаво», безъ предвзятыхъ мыслей, не задаваясь тѣмъ или другимъ вопросомъ,—и у васъ посвѣтлѣетъ на сердцѣ. Вы заслушаетесь дивной музыки пушкинскаго стиха, заглядитесь на великолѣпныя, полныя жизни, картины; въ высшей степени симпатичная, обаятельная личность величайшаго изъ русскихъ поэтовъ встанетъ передъ вами, какъ живая. Пушкинъ! кто изъ насъ не читалъ его? кто не обязанъ ему часами высокаго художественнаго наслажденія? больше этого — на чье нравственное и умственное развитіе не имѣлъ онъ вліянія?.. Недавно намъ случилось перечитать его первую поэму «Русланъ и Людмила», написанную имъ еще въ лицеѣ, въ 1817 году, гдѣ въ свободной формѣ сказочнаго вымысла выразилъ все, что роилось въ его молодой фантазіи и неудержимымъ потокомъ захватывало сердце, и — и мы зачитались. Сдѣлайте то же и вы, а пока, вотъ передъ вами Русланъ, изображенный въ моментъ его перваго знакомства съ живой головой, и описаніе этой встрѣчи у Пушкина:

Ужь поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землей;
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою темной,
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный
И что то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ,
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ,
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ спокойнымъ духомъ.
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь —
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова,
Огромны очи сномъ объяты,
Храпитъ, качая шлемъ пернатый, —
И перья въ темной высотѣ,
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь;
Безмолвіемъ окружена, —
Пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ,
И ставъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотитъ ноздри копіемъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Проснулись рощи молчаливы...

С.-Петербургская Императорская Публичная Библіотека.

(Продолженіе).

По послѣднему исчисленію 1859 г. Библіотека содержала въ себѣ, не считая дублетовъ, 840,853 тома печатныхъ книгъ, 29,035 томовъ рукописей и автографовъ и 66,152 экземпляра гравюръ, картъ, музыкальныхъ сочиненій и пр. Къ концу 1867 г. число книгъ увеличилось до 1.044,045, рукописей до 34,178, а гравюръ и т. п. до 85,691 экземпляровъ.

По воскресеньямъ и вторникамъ публика собирается въ 1 часъ пополудни въ передней залѣ, чтобъ осмотрѣть подъ руководствомъ одного изъ библіотекарей внутреннія залы. Тѣмъ временемъ уже одинъ видъ этой массы какъ бы олицетворенныхъ, окристаллизованныхъ человѣческихъ мыслей производитъ на васъ необыкновенное впечатлѣніе.

Обыкновенно обходъ начинается съ залы, которая, если войти въ библіотеку съ стороны театральной площади, будетъ по правую руку. Прежде здѣсь помѣщались произведенія русской литературы, составлявшія всегда, какъ законченное цѣлое, особое отдѣленіе; три года тому назадъ оно было переведено въ другое помѣщеніе, но въ залѣ еще остались воспоминанія объ немъ: направо и налѣво отъ входной двери висятъ портреты *Державина* и *Новикова*, и тутъ же, подъ портретомъ маститаго поэта, вы видите и аспидную доску съ 8 стихами (которые теперь трудно прочесть), написанными имъ незадолго до смерти. Онъ умеръ въ 1816 г.

Въ настоящее время здѣсь помѣщается такъ называемая *изящная литература новыхъ временъ*.

Главную роль играютъ здѣсь французскіе и нѣмецкіе классики, затѣмъ новѣйшіе латинисты, эти схоластическія растенія съ такимъ скуднымъ цвѣтомъ, и польская литература. Итальянская и англійская литература имѣетъ здѣсь очень мало представителей, а литературы другихъ странъ (русскіе, восточные и древне-классическіе поэты помѣщаются въ другихъ особыхъ отдѣленіяхъ) еще меньше. Можно сказать, что это отдѣленіе никогда не было предметомъ особенной заботливости библіотечнаго начальства.

Слѣдующая зала внизу, образующая уголъ первоначальнаго зданія Библіотеки, не велика и вся загромождена шкапами. Налѣво виситъ грудной портретъ *фонъ Визина*, писанный масляными красками. Направо у окна, выходящаго на театральную площадь, было обыкновенное мѣсто, гдѣ работалъ *Крыловъ*, бывшій до 1844 г., т. е. до своей смерти библіотекаремъ русскаго отдѣленія. Теперь около этого литературно-историческаго мѣста стоитъ бюстъ *Гумбольдта*, сдѣланный съ фотографіи Борнчевскимъ. Это значитъ, что мы находимся въ естественно-историческомъ отдѣленіи, съ которымъ обыкновенно соединяются медицинскія и математическія науки. Но такъ какъ въ настоящее время въ областяхъ точныхъ знаній кипитъ страшная дѣятельность, то, даже ограничиваясь только самымъ важнымъ, эта маленькая зала, какъ она ни переполнена шкафами, далеко не можетъ вмѣстить въ себѣ всего богатства современной науки. Поэтому-то слѣдующая зала, служившая прежде залой для чтенія, занята этимъ

же отдѣломъ. Здѣсь находится собраніе болѣе значительныхъ и дорогихъ произведеній по естественной исторіи; нѣкоторыя изъ самыхъ знаменитыхъ, какъ напр., американскія птицы *Одюбона*, изображенныя въ натуральную величину, и прелестныя розы и лиліи *Редуте*, изображенныя во всей роскоши природныхъ красокъ, выставлены для публики. У самаго входа направо поставленъ на особомъ пьедесталѣ астрономическій инструментъ; это знаменитая астролябія *Валленштейна*, къ которой, можетъ быть, онъ прибѣгалъ даже въ день своей смерти. По крайней мѣрѣ заслуживающіе довѣрія документы, на основаніи которыхъ *Великая Княгиня Елена Павловна* купила въ Богеміи эти трагическіе останки, говорятъ, что это та самая астролябія, которая постоянно служила ему.

Остальное мѣсто вдоль оконъ, направо, занимаетъ рядъ витринъ, помѣщенныхъ здѣсь, вѣроятно, на время. Въ нихъ выставлены *замѣчательнѣйшія произведенія церковно-славянской и русской печати*, распредѣленныя въ хронологическомъ порядкѣ по типографіямъ, полнѣйшее собраніе, какое только есть въ этомъ родѣ.

Первое мѣсто занимаютъ древнѣйшія книги, напечатаныя кирилловскимъ шрифтомъ: четыре краковскія изданія 1491 г., всѣ литературнаго содержанія; далѣе венеціанскія 1519 — 1572 г., отличающіяся красотою шрифта и орнаментами во вкусѣ итальянскихъ и французскихъ книгъ того времени.

Еще большую драгоцѣнность составляютъ произведенія южно-славянскихъ типографій, именно книги, изданныя въ Черногоріи, Герцоговинѣ, Молдавіи, Валахіи и Сербіи съ 1494 до 1791 года, и другія. Каждый экземпляръ этой категоріи—библіографическая рѣдкость.

За тѣмъ слѣдуетъ: единственная древняя церковно-славянская книга, напечатанная въ Богеміи, переводъ библіи доктора *Франца Скорина*, изданный въ Прагѣ 1516 — 1519 г., единственный полный экземпляръ, существующій въ настоящее время; цѣлый рядъ церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ, изданныхъ въ Германіи и Венгріи съ 1562 г.; изданія бѣлорусскихъ и странствующихъ типографій, т. е. такихъ, которыя переходили изъ одного литовскаго помѣстья въ другое, 1562—1798 г.; московскія изданія 1564 — 1661 г., галиційскія, кіевскія и наконецъ петербургскія, начиная съ книги: «*Богъ войны Марсъ*», напечатанной въ 1713 г.; книги, изданныя на русскомъ языкѣ въ Амстердамѣ, Римѣ, Стокгольмѣ, Парижѣ, Лондонѣ и другихъ европейскихъ городахъ. Въ цѣломъ здѣсь выставлено до 300 экземпляровъ.

На почетномъ мѣстѣ во главѣ витринъ лежитъ маленькій фоліантъ въ массивномъ серебряномъ переплетѣ, первая напечатанная въ Россіи книга: «Апостолъ» на церковно-славянскомъ языкѣ, отпечатанная въ Москвѣ, какъ гласитъ надпись, 1 марта 1564 г. дьякономъ церкви св. Николая Иваномъ Θедоровымъ и Петромъ Тимофѣевичемъ Мстиславцемъ. Слѣдовательно введеніе книгопечатанія въ Россію послѣдовало больше чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ его изобрѣтенія и было однимъ изъ лучшихъ дѣлъ царя Ивана Грознаго, которое впрочемъ пришлось совсѣмъ не по душѣ москвичамъ. Народъ разрушилъ типографскіе станки какъ дьявольскую выдумку, и только въ царствованіе Романовыхъ типографія заняла у насъ мѣсто въ ряду христіанскихъ искусствъ.

Рѣзная дверь съ зеркальными стеклами ведетъ въ слѣдующую большую залу, посреди которой возвышается на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ колоссальный мраморный бюстъ императора Александра I, работы Демута-Малиновскаго. Эта зала освѣщена пятью полукруглыми окнами, амбразуры которыхъ представляютъ собою особые кабинеты. Первый изъ нихъ, справа, отчасти замаскированъ книжнымъ шкапомъ, гдѣ хранятся первыя книги, напечатанныя современнымъ русскимъ, такъ-называемымъ гражданскимъ шрифтомъ. Какъ извѣстно, изобрѣтателемъ этого шрифта былъ Петръ Великій. Въ 1703 г. онъ велѣлъ напечатать имъ одну маленькую газету и самъ держалъ корректуру.

Въ послѣдней амбразурѣ, въ большомъ стеклянномъ шкапу хранится собраніе *караимскихъ рукописей*, обращавшее на себя вниманіе ученыхъ гебраистовъ много прежде, чѣмъ оно сдѣлалось достояніемъ библіотеки. Караимы — остатокъ десяти израильскихъ племенъ; послѣ плѣненія вавилонскаго они не возвратились въ свое отечество, претерпѣли много гоненій и наконецъ послѣ двухъ-тысячилѣтняго странствованія нашли себѣ убѣжище въ русскихъ владѣніяхъ, на Кавказѣ и въ Крыму. Глава Караимовъ Фирковичь привезъ на продажу, сначала въ Одессу, а потомъ въ Петербургъ тѣ древнія рукописи, которыя были спасены караимами. Не слѣдуетъ однакоже думать, чтобы эти рукописи доходили до временъ Навуходоносора, потому что, исключая того что было написано на камнѣ и папирусѣ, до насъ не дошло ни одного письменнаго памятника до-христіанскаго времени, а также и двухъ первыхъ столѣтій по Р. Х. Тѣмъ не менѣе, это собраніе караимскихъ рукописей заключаетъ въ себѣ древнѣйшія еврейскія рукописи; нѣкоторыя изъ нихъ, написанныя на кожѣ, принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ письменности, какія только существуютъ на свѣтѣ. Рѣдкость древнихъ рукописей извѣстна. Въ лейденской и болонской библіотекахъ есть только по одной рукописи ранѣе одиннадцатаго столѣтія, тогда какъ наша библіотека обладаетъ 25 рукописями древнѣе девятаго и 20 древнѣе десятаго столѣтія.

Прежде всего бросаются въ глаза въ упомянутомъ выше стеклянномъ шкапу 47 почтенныхъ свитковъ Моисеева пятикнижія; одни изъ нихъ на почти совершенно чорной бумагѣ, другія на пожелтѣвшемъ пергаментѣ; подлѣ нихъ другія библейскія книги; переводъ этихъ книгъ на различные восточные языки; нѣсколько сотъ караимскихъ и раввинскихъ рукописей; документы и договоры, относящіеся, большею частію, къ исторіи Караимовъ въ Россіи, и т. д.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ также древнія надписи, снятыя караимами съ могилъ ихъ предковъ, отчасти посредствомъ фотографіи, а отчасти посредствомъ стереотипныхъ досокъ. Сами караимы приписываютъ имъ глубокую древность, но такъ какъ въ нихъ попадаются татарскія имена, то надо полагать, что ни одни изъ нихъ не старше 500 лѣтъ.

Створчатыя двери противъ входа, такія же какъ и упомянутыя выше, ведутъ въ отдѣленіе рукописей, занимающее двѣ залы, раздѣленныя между собою только обширной аркой. Въ послѣдней изъ нихъ находится портретъ Императора Николая I въ натуральную величину и въ великолѣпной рамѣ. Обѣ эти соединенныя залы такъ чудесно освѣщены, что ни одинъ уголокъ не остается въ тѣни. Рукописи хранятся въ стеклянныхъ шкапахъ, идущихъ вокругъ стѣнъ. Точно такъ же и шесть столбовъ, на которые опираются своды первой

залы, одѣты изящными стеклянными шкапами. Кромѣ того, въ пространствѣ между боковыми стѣнами и столбами помѣщаются низенькіе шкапы, на которыхъ разставлены стеклянные ящики для выставки особенно замѣчательныхъ рукописей; для той же самой цѣли служатъ и стеклянные ящики на подоконникахъ, устроенные въ столбахъ шкапы и шесть большихъ двойныхъ витринъ, помѣщающихся между столбами. Но прежде чѣмъ приступить къ осмотру шкаповъ, чего конечно нельзя сдѣлать въ одно посѣщеніе, невольно останавливаешься полюбоваться видомъ этихъ свѣтлыхъ роскошныхъ залъ, особенно когда вспомнишь другія мрачныя, непривѣтливыя хранилища рукописей, напр. Ватиканское, гдѣ, рядомъ съ безсмертными произведеніями искусства, въ отдѣленіи манускриптовъ, видишь только грубые, деревянные, выкрашенные масляной краской шкапы, замкнутые цѣпями и тяжелыми замками.

Если, входя въ эти залы, вы остановитесь на порогѣ, то вамъ представятся, направо и налѣво двѣ длинныхъ, покрытыхъ гіератическими знаками полосы папируса, изъ ѳивскихъ гробницъ царей, представляющія собою начало письменности. Знатокъ египетскихъ древностей Бругшъ разобралъ ихъ, но кромѣ имени одного царя, бывшаго современникомъ Моисея, не вычиталъ въ нихъ ничего важнаго.

Шкапы, устроенные въ столбахъ въ серединѣ залы, заключаютъ въ себѣ собранія автографовъ; шкапъ направо — книги и рукописи парижскаго архива, спасенныя Дубровскимъ во время революціи: корреспонденціи Генриха IV, Ришелье, Мазарини, Екатерины Медичи, и др., писанныя собственноручно или продиктованныя.

Въ стеклянныхъ шкапахъ, идущихъ по стѣнамъ залы, помѣщается болѣе 600 автографовъ знаменитыхъ историческихъ личностей, расположенныхъ по націямъ и эпохамъ; къ каждому автографу присоединенъ портретъ автора, такъ что, видя заразъ физіогномію и почеркъ, вы составляете себѣ приблизительное понятіе о множествѣ знаменитостей, причемъ, конечно, вы не всегда встрѣчаете то, что ожидали видѣть. Такъ напр. мелкое царапанье Робеспьера — его подпись подъ какимъ-то актомъ, гдѣ онъ сначала написалъ до половины свое имя и зачеркнулъ, а потомъ все-таки написалъ сполна, — какъ нельзя болѣе подходитъ къ его непріятно-щеголеватой наружности; но ни лицо, ни почеркъ не соотвѣтствуетъ той идеѣ, которую обыкновенно составляютъ себѣ о немъ. Марія Стюартъ была слишкомъ хороша для своего почерка. Очень порядочно писалъ Людовикъ XIV еще мальчикомъ. Здѣсь мы видимъ знаменитый листъ — знаменитый по содержанію, гдѣ говорится, что королямъ все дозволяется (*«l'hommage est dû aux rois; ils font ce qui leur plaist»*). Это мудрое изрѣченіе семилѣтній король старательно переписалъ разъ двадцать въ свою тетрадь и столько же разъ подписалъ подъ нимъ свое имя. Тутъ вполнѣ оправдывается поговорка, что по письму видѣнъ человѣкъ.

Пройдя болѣе или менѣе замѣчательные автографы изъ всѣхъ нѣмецкихъ странъ, мы останавливаемся въ нѣмецкомъ отдѣленіи на твердомъ почеркѣ Лютера и на всеобъемлющихъ каракуляхъ Гумбольдта.

Въ окнахъ выставлено множество автографовъ безъ портретовъ, большею частью знаменитостей новѣйшаго времени; въ среднемъ — по серединѣ, направо, выставлены музыкальные автографы: композиціи Скарлатти, Себастіана Баха, Гайдна, Моцарта, Бетговена, Вебера и др. до Листа, Берліоза и Вагнера, а также письма знаменитыхъ композиторовъ отъ семнадцатаго столѣтія до нашего времени.

Въ шкапахъ, стоящихъ въ лѣвомъ отдѣленіи залы помѣщаются замѣчательнѣйшія рукописи на древнихъ классическихъ языкахъ: греческія, начиная съ отрывковъ на лоскуткахъ папируса, написанныхъ во второмъ столѣтіи по Р. Х., и палимпсесты отъ четвертаго до восьмаго столѣтія. Это отрывки изъ библій, древнѣйшія, послѣ ватиканскихъ пергаментныя рукописи. Онѣ обязаны своимъ сохраненіемъ тому обстоятельству, что папирусъ всегда былъ очень дорогъ, потому изъ бережливости старое письмо соскабливали (отсюда и названіе *palimpsestos*) и снова писали на этихъ листахъ. Рукописи, о которыхъ идетъ дѣло, исписаны коптскими, сирійскими и славянскими текстами. Сквозь нихъ, хотя слабо, но довольно отчетливо просвѣчиваетъ первоначальное древне-греческое письмо, которое гораздо крупнѣе и имѣетъ обыкновенно противоположное направленіе. Послѣ этихъ интересныхъ палеографическихъ документовъ слѣдуютъ прекрасныя полныя рукописи позднѣйшихъ временъ византійской имперіи.

Далѣе начинается рядъ латинскихъ древнихъ рукописей въ хронологическомъ порядкѣ съ четвертаго до шестнадцатаго столѣтія и многочисленные образцы меровингскаго, карловингскаго, древне-ирландскаго и лонгобардскаго письма. Къ латинскимъ примыкаютъ рукописи на романскихъ и германскихъ языкахъ.

Этотъ рядъ витринъ заключается богатымъ собраніемъ рукописей корана куфическаго, т. е. древняго арабскаго письма первыхъ столѣтій ислама, написанныхъ большими буквами и съ своеобразными украшеніями. Онѣ были найдены Марселемъ, однимъ изъ ученыхъ, сопровождавшихъ Наполеона въ Египетъ, въ старой мечети въ Каирѣ, и весьма важны для исторіи текстовъ корана, равно какъ и для арабской палеографіи.

Почти вся правая сторона залы занята восточной выставкой. Здѣсь собраны превосходнѣйшіе образцы того искусства и прилѣжанія, какое употреблялось на Востокѣ на рукописи. При этомъ чрезвычайно интересно сравнить ихъ съ соотвѣтствующими западными произведеніями. Что между ними общаго — это наивность вымысла, рисунокъ безъ перспективы и поразительная роскошь красокъ; но тамъ, гдѣ въ западныхъ произведеніяхъ уже высказывается стремленіе къ гармоніи, Востокъ старается поразить только яркостію и контрастомъ красокъ. Каждая буква тонетъ въ океанѣ блестящихъ вычурныхъ украшеній — и, какъ персидскія и индѣйскія шали, эти произведенія недоступны для подражанія европейцу

Къ замѣчательнѣйшимъ манускриптамъ на арабскомъ языкѣ принадлежатъ: посланіе Павла 829 года; евангеліе 1046, амулетъ въ 10 аршинъ длины 1456 г.; также въ высшей степени интересны персидскія, турецкія, санскритскія, эѳіопскія и др. рукописи, въ особенности же сирійская рукопись: исторія церкви Евсевія 463 г., древнѣйшій и единственный полный экземпляръ этого творенія въ Европѣ.

Нельзя также пройдти молчаніемъ богатую коллекцію западныхъ манускриптовъ съ миніатюрами, гдѣ помѣщаются также и византійцы. Византійскіе темные, едва напоминающіе человѣческій образъ, лики Спасителя и апостоловъ, на густомъ золотомъ фонѣ, были, какъ извѣстно, первыми зачатками новѣйшей живописи, къ которой конечно должно было спустя тысячу лѣтъ присоединиться возрожденіе античнаго искусства, чтобы довести живопись до высшей степени совершенства. Осо-

Подвигъ Архипа Осипова на Кавказѣ.

Изъ русской исторіи въ картинахъ изданіе И. Дементьева.

беннымъ изяществомъ отличаются итальянскія миніатюры. Между французскими, въ одномъ манускриптѣ, принадлежавшемъ Аннѣ Бретанской, гдѣ она изображена сама, окруженная своимъ дворомъ, этотъ родъ живописи достигъ кульминаціонной точки; вскорѣ затѣмъ, съ распространеніемъ типографскаго искусства и живописи масляными красками, онъ совершенно падаетъ. Въ той же витринѣ (посерединѣ налѣво) лежитъ знаменитый молитвенникъ Маріи Стюартъ, находившійся при ней во все время ея заключенія въ тюрьмѣ и сопутствовавшій ей на эшафотъ. Впрочемъ онъ болѣе интересенъ по своимъ трагическимъ воспоминаніямъ и меланхолическимъ стихамъ, написаннымъ на поляхъ рукою несчастной королевы, но ничѣмъ не отличается въ художественномъ отношеніи.

Правая сторона залы манускриптовъ кончается западно-европейскими музыкальными рукописями, начиная съ девятаго столѣтія до пятнадцатаго и слѣдующихъ столѣтій.

Вторая зала манускриптовъ, по серединѣ которой передъ упомянутымъ выше портретомъ императора Николая I, лежитъ подъ стекломъ на маленькомъ постаментѣ Высочайшая грамота объ открытіи Императорской Публичной Библіотеки,—заключаетъ въ себѣ церковно-славянскія и русскія рукописи и кромѣ того главное сокровище этой залы: *синайскую библію*, лежащую на особомъ налоѣ. Въ ней заключается, какъ и въ знаменитой ватиканской библіи, древнѣйшій греческій текстъ всей библіи. Полагаютъ, что она написана до Никейскаго собора, бывшаго въ 325 году.

(Окончаніе будетъ).

Библіографія.

Исторія Россіи въ картинахъ.

Картины и текстъ составлены В. Золотовымъ. Изданы Н. Дементьевымъ. Одобрены ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для распространенія въ начальныхъ народныхъ и уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Выпуски I, II, III, IV, V, VI, VII и VIII. Цѣна 9 руб. съ пер. 10 руб.

Въ октябрѣ текущаго 1871 года вышелъ послѣдній (VIII) выпускъ этого во всѣхъ отношеніяхъ превосходнаго руководства къ наглядному изученію отечественной исторіи. Изданіе это состоитъ изъ рисунковъ и текста на большихъ полулистахъ, а иногда и листахъ, печатанныхъ на одну сторону, такъ что могутъ быть наклеены на полотно или картонъ и развѣшаны по стѣнамъ школы въ хронологическомъ порядкѣ. Труды г. Золотова по педагогической литературѣ давно уже пріобрѣли заслуженную извѣстность въ русской публикѣ—и нельзя не порадоваться тому обстоятельству, что послѣднее произведеніе почтеннаго педагога еще болѣе упрочиваетъ эту извѣстность.

Вмѣсто всякаго критическаго разбора, мы находимъ совершенно достаточнымъ, для ознакомленія читателей съ этимъ изданіемъ, ограничиться перечнемъ содержанія его 8-ми выпусковъ и затѣмъ приложить на образецъ нѣсколько рисунковъ съ соотвѣтствующими выписками изъ текста.

Выпуски эти заключаютъ въ себѣ слѣдующіе 107 рисунковъ и статей. 1. Начало Россіи.—2. Прибытіе князя Олега въ Кіевъ.—3. Торжество Олега въ Царьградѣ.—4. Тризна надъ могилою Олега.—5. Князь Игорь и тяжкая его кончина.—6. Мщеніе княгини Ольги за смерть Игоря.—7. Цареградскій патріархъ благословляетъ Ольгу.—8. Военный совѣтъ князя Святослава въ г. Доростолѣ.—9. Судъ надъ Рогнѣдою.—10. Поклоненіе Перуну.—11. Греческій мудрецъ убѣждаетъ Владиміра принять православіе.—12. Крещеніе князя Владиміра.—13. Крещеніе кіевлянъ.—14. Истребленіе идоловъ въ Новгородѣ.—15. Пиры князя Владиміра.—16. Святополкъ-Окаянный.—17. Ярославъ испытываетъ въ грамотности дѣтей.—18. Ярославъ-законодатель.—19. Ослѣпленіе князя Василька.—20. Поученіе Мономаха дѣтямъ.—21. Князь Глѣбъ караетъ волхва.—22. Кузьма, вѣрный слуга Андрея Боголюбскаго.—23. Новгородцы готовятся къ битвѣ съ суздальцами.—24. Появленіе кометы передъ нашествіемъ татаръ.—25. Мученическая смерть Михаила черниговскаго.—26. Александръ Невскій въ Ордѣ.—27. Іоаннъ Калита.—28. Возвращеніе святителя Алексѣя изъ Орды.—29. Дмитрій Донской передъ битвою на Куликовомъ полѣ.—30. Встрѣча иконы Владимірской Божіей Матери на Куликовомъ полѣ.—31. Примиреніе князя Василія (Темнаго) съ Шемякою. 32. Василій Темный и сынъ его, Іоаннъ III.—33. Іоаннъ III уничтожаетъ ханскую басму.—34. Владыко новгородскій Симеонъ примиряетъ новгородцевъ.—35. Уничтоженіе новгородскаго вѣча.—36. Торжество Василія III и кручина псковитянъ.—37. Поступокъ Шуйскихъ съ Воронцовымъ.—38. Покаяніе Іоанна Грознаго передъ народомъ.—39. Сильвестръ и Адашевъ.—40. Въѣздъ Іоанна IV послѣ покоренія Казани.—41. Пріемъ Іоанномъ посла Сигизмундова.—42. Іоаннъ у гроба сына.—43. Посланные Ермака передъ Іоанномъ.—44. Царь Өедоръ надѣваетъ на Годунова золотую цѣпь и поручаетъ царство.—45. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день.—46. Борисъ Годуновъ принимаетъ царскій санъ.—47. Инокиня Марөа и Шуйскій подтверждаютъ о смерти Дмитрія.—48. Пріемъ у самозванца.—49. Возстаніе Москвы на самозванца.—50. Болотниковъ является съ повинною передъ Шуйскимъ.—51. Скопинъ-Шуйскій открываетъ Шуйскому замыселъ Ляпунова.—52. Патріархъ Гермогенъ. 53. Мѣщанинъ Козьма Мининъ призываетъ гражданъ къ спасенію Россіи.—54. Авраамій въ станѣ Трубецкаго.—55. Сусанинъ и воцареніе Михаила.—56. Царь Михаилъ встрѣчаетъ отца своего.—67. Королевичъ Вольдемаръ.—58. Царь Алексѣй Михайловичъ.—59. Никонъ.—60. Украйна.—61. Хмѣльницкій.—62. Стенька Разинъ.—63. Царь Алексѣй любуется младенцемъ Петромъ.—64. Уничтоженіе мѣстничества.—65. Царевна Софія угощаетъ стрѣльцовъ.—66. Пренія раскольниковъ въ Грановитой палатѣ.—67. Повинная стрѣльцовъ.—68. Пріемъ польскихъ пословъ.—69. Петръ въ слободѣ.—70. Возвращеніе Петра изъ Троицкой лавры.—71. Неустрашимость Петра.—72. Взятіе Азова.—73. Петръ въ Сардамѣ.—74. Стрѣлецъ Масловъ.—75. Заложеніе Петербурга.—76. Обѣдъ послѣ Полтавской битвы.—77. Принятіе Петромъ Императорскаго титула.—78. Ассамблея при Петрѣ.—79. Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ. 80. Спасеніе погибающихъ на Лахтѣ.—81. Меньшиковъ въ Березовѣ.—82. Анна Іоанновна принимаетъ поздравленія.—83. Маскарадъ придворный.—84. Набожность Елисаветы.—85. Шуваловъ и Ломоносовъ.—86. Возвращеніе Миниха Петромъ III.—87. Екатерина II на обѣдѣ у Бирона.—88. Репнинъ на сеймѣ.—89. Чтеніе «Наказа».—90. Чесменскій бой.—91. Пугачевъ.—92. Сподвижники Екатерины II.—93. Праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ.—94. Екатерина у Ломоносова.—95. Обмундированіе войскъ при Павлѣ I.—96. Тильзитское свиданіе.—97. Переходъ черезъ Кваркенъ.—98. Старостиха Василиса.—99. Вступленіе въ Парижъ.—100. Сподвижники Александра I.—101. Волненіе на Сѣнной площади.—102. Подвигъ Архипа Осипова.—103. Сподвижники Николая I.—104. Привѣтствіе народа за освобожденіе крестьянъ.—105. Сдача Шамиля въ аулѣ Гунибъ.—106. Смерть Александра Граббе при Сендзіовице.—108. Высочайшій смотръ флота 13 Августа 1871 г.

Какъ образецъ изложенія, отличающагося сжатостью и вмѣстѣ полнотою, мы беремъ разсказъ о дѣйствіяхъ Репнина на сеймѣ 1767 года:

«Екатерина, хорошо понимавшая выгоды Россіи, не могла не обратить своего особаго вниманія на Польшу, а потому и под-

твердила заключенный Петромъ III съ Фридрихомъ договоръ, чтобы не допускать въ Польшѣ наслѣдственности престола, т. е. чтобы по смерти Августа III не вступалъ сынъ его, король Саксонскій, иначе Польша сдѣлалась бы опасною для обоихъ государствъ.

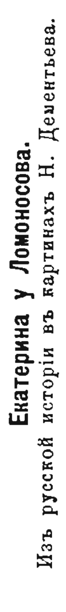
Неожиданная смерть Августа потребовала выполненія договора, а потому русскому и прусскому посламъ въ Варшавѣ было приказано, чтобы они не допускали на польскій престолъ никого кромѣ какъ изъ потомковъ Пяста, т. е. природнаго поляка, ведущаго свое происхожденіе отъ первыхъ польскихъ королей изъ фамиліи Пястовъ. Въ Польшѣ было три партіи: Придворная—поддерживавшая саксонскую линію—сына Августа, самая нелюбимая народомъ; Французская съ графомъ Радзивиломъ, Браницкимъ и нѣкоторыми изъ Потоцкихъ дѣйствовавшихъ въ интересахъ Франціи, и Русская—съ двумя братьями Браницкими, самыми богатыми и вліятельными людьми въ царствѣ. Обѣ партіи желали вступленія на престолъ Пяста, но Русская хотѣла обратить *Рѣчь посполитую* (правленіе) въ наслѣдственную монархію, ограничить своеволіе вельможъ и сейма, ввести постоянную армію, чего не имѣла одна только Польша. Франція же хотѣла удержать старинное республиканское правленіе. Когда же Екатерина узнала, что саксонская партія грозитъ заключеніемъ Чарторійскимъ, ближайшей линіи короля Пяста, то написала русскому послу Кейзерлингу *«розгласите, что я населю Сибирь врагами Чарторійскихъ и спущу на Польшу запорожцевъ»*. Такая поддержка немедленно дала силу русской партіи, которая полагала, что Императрица заботится только о Чарторійскихъ и установленіи ограниченнаго правленія; тогда какъ Екатерина имѣла въ виду возстановленіе правъ православныхъ подданныхъ Польши, находившихся въ полномъ угнетеніи и въ утвержденіи вліянія Россіи на дѣла Польши. Такая политика, поддерживая заблужденія поляковъ—незамѣтно вела ихъ подъ опеку Россіи; а потому, по вліянію Екатерины и при содѣйствіи призванныхъ въ Варшаву русскихъ войскъ и избранъ былъ на польскій престолъ племянникъ Чарторійскихъ—Станиславъ Понятовскій, котораго Императрица лично хорошо знала и въ которомъ была увѣрена, что онъ будетъ послушнымъ орудіемъ Россіи. На выборъ этотъ согласился Фридрихъ и Чарторійскіе, надѣявшіеся управлять государствомъ черезъ своего племянника; и дѣйствительно, едва только вступилъ Станиславъ, какъ Чарторійскіе стали отнимать привилегіи гражданъ: они уничтожили то знаменитое слово каждаго поляка *«не позволямъ»* (не позволяю, не согласенъ), по которому никакое рѣшеніе правительства не осуществлялось, пока было хотя одно—не позволямъ. Отнявъ это кровное право каждаго шляхтича (дворянина), они въ то же самое время уничтожили званіе гетмановъ, постоянно стѣснявшихъ королевскую власть, и такимъ образомъ все болѣе и болѣе вели государство къ монархическому правленію. Екатерина, допуская усиливаніе власти короля, въ то же время зорко слѣдила за внутренними дѣлами Польши, гдѣ преслѣдованіе *диссидентовъ* (подданные польскіе, но исповѣдающіе не католическую, а православную и лютеранскую религіи) росло съ каждымъ днемъ; сначала ихъ перестали допускать къ занятію какихъ либо должностей въ государствѣ, а потомъ лишили и всякаго права на участіе не только въ общественныхъ дѣлахъ, но и явно отказывали въ правосудіи; ибо каждый католическій судья считалъ богоугоднымъ дѣломъ оправдать католика и осудить диссидента. Такимъ неестественнымъ положеніемъ подданныхъ одной и той же страны, за которыми постановленіями (конституціями) сеймовъ были укрѣплены одинаковыя права, и воспользовалась Екатерина. Она вызвала въ Москву знаменитаго архіепископа Георгія Конисскаго и бывшаго игумена виленскаго Свято-Духовскаго монастыря Леонтовича, и получивъ отъ нихъ подробныя свѣдѣнія о диссидентахъ, она отправила Конисскаго въ Варшаву, поручивъ ему вмѣстѣ съ новымъ посломъ Россіи, Репнинымъ, разработать диссидентскій вопросъ, отъ котораго зависѣла участь Польши. Молодой, но способный и энергическій Николай Александровичъ Репнинъ, былъ вѣрнымъ исполнителемъ намѣреній Императрицы. Въ 1765 г. онъ внесъ въ сеймъ ходатайство въ пользу диссидентовъ, какъ православныхъ такъ и лютеранъ, требуя уравненія ихъ правъ съ католиками. Король и его партія согласны были съ предложеніемъ, но большинство депутатовъ, возбужденныхъ католическимъ духовенствомъ, подняли на сеймѣ страшную бурю и едва не изрубили депутата Гуровскаго говорившаго за предложеніе. Чарторійскіе тоже отказались помогать Репнину, ссылаясь на то, что всякая поддержка диссидентовъ вредна Польшѣ. Послѣ сейма гоненіе на православныхъ еще болѣе усилилось, а потому Екатерина и приказала Репнину возобновить предложеніе о диссидентахъ на будущемъ сеймѣ; когда же сеймъ опять отвергнетъ предложеніе, тогда пригласить диссидентовъ, при помощи русскихъ войскъ, образовать конфедераціи (союзъ, или вооруженное общество); а если и Чарторійскіе будутъ противиться, то возбудить и поддержать противную имъ партію. Весною 1767 года образовались конфедераціи: изъ протестантовъ въ Торнѣ, а изъ православныхъ въ Слуцкѣ, въ то же время въ Радомѣ образовалась польско-литовская конфедерація противу Чарторійскихъ, къ которой примкнулъ и король. Не смотря на это, разсчитывать на польсколитовскую конфедерацію въ дѣлѣ диссидентовъ было невозможно, сгруппировалась же она исключительно противу временщиковъ Чарторійскихъ; въ дѣлѣ же вѣротерпимости она тоже была врагомъ диссидентовъ. Передъ открытіемъ сейма, Репнинъ, чтобы пригрозить оппозиціи, приказалъ, съ разрѣшенія короля, заарестовать самаго буйнаго на сеймѣ крикуна шляхтича Кожуховского. Депутаты сейма, оскорбленные въ лицѣ арестованнаго, собрались къ маршалу (предводитель дворянства) Радзивилу и требовали полнаго удовлетворенія; волненіе и крики, стукъ сабель, клятвы умереть за отчизну не умолкали ни на минуту. Въ самый разгаръ засѣданія подъѣхала къ крыльцу карета Репнина; нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, расположенные къ посланнику за его очаровательную любезность, вышли къ нему на встрѣчу и убѣждали уѣхать, опасаясь за его безопасность. Но Репнинъ смѣло вошелъ въ залу, и встрѣченный угрозами, спокойно сказалъ: *«перестаньте шумѣть, или я также заведу шумъ, который будетъ посильнѣе вашего»*. Когда всѣ смолкли, то Репнинъ сказалъ: *«что никто не думаетъ истреблять католической вѣры, но если вы соблюдаете свои права и свой законъ, такъ не дѣлайте беззаконіе сами и не отнимайте у другихъ принадлежащихъ имъ правъ*. Крики объ освобожденіи депутата перервали рѣчь посла. Тогда Репнинъ спокойно отвѣчалъ: *«если не перестанете кричать, ничего не сдѣлаю; просите тихо, учтиво, какъ слѣдуетъ порядочнымъ людямъ, такъ, можетъ быть, и сдѣлаю вамъ удовольствіе»*. Тогда Радзивилъ скромно заявилъ Репнину, что собравшіеся просятъ освободить Кожуховского, что́ и было немедленно исполнено. Но когда собрался сеймъ, то бискупы (епископы) Залусскій и Солтыкъ рѣшительно высказались противу сдѣлки съ диссидентами, а Ржевусскіе провозгласили короля измѣнникомъ. Не ожидая миролюбиваго исхода, Репнинъ, съ согласія короля, арестовалъ бискуповъ и Ржевусскихъ. Это до того подѣйствовало на сеймъ, что всѣ предложенія Репнина были приняты безъ возраженій; диссиденты получили права наравнѣ съ католиками; во внутреннемъ же управленіи предоставлено было правительству болѣе силы, но при этомъ было возвращено полякамъ дорогое ихъ—*не позволямъ*; а чтобы конституціи сейма не остались мертвою буквою, то республика заключила съ Россіею договоръ, по которому Россія наблюдала за точнымъ исполненіемъ постановленій сейма. Цѣль Екатерины блистательно была выполнена, Польша поступила подъ опеку Россіи.

Другіе два изъ прилагаемыхъ рисунковъ изображаютъ: первый Императрицу Екатерину во время посѣщенія ею Ломоносова; второй—подвигъ рядоваго Тенгинскаго полка Архипа Осипова, взорвавшаго пороховой погребъ Михайловскаго укрѣпленія, когда гарнизонъ былъ уже весь перерѣзанъ горцами.

Въ заключеніе нашего отзыва, остается пожелать, чтобы дальнѣйшія изданія «Исторіи Россіи въ картинахъ», которой мы предсказываемъ прочный и полный успѣхъ, были стереотипированы издателемъ и такимъ образомъ возможно удешевлены для повсемѣстнаго ихъ распространенія.

Рѣпнинъ на сеймѣ.
Изъ русской исторіи въ картинахъ Н. Дементьева.

Екатерина у Ломоносова.

Изъ русской исторіи въ картинахъ Н. Дементьева.

Фельетонъ.

Зимній сезонъ. — Предстоящіе праздники и предстоящіе подарки дѣтямъ. — Какъ у насъ покупаютъ книги для дѣтей. — Чѣмъ можно пособить горю.—Иностранныя знаменитости и оваціи въ честь ихъ.—Нѣчто о Петербургскомъ земскомъ собраніи. — Бѣглый обзоръ передвижной выставки: картины гг. Ге, Перова и Крамскаго.—Ложа на италіанскую оперу

Такъ-называемый зимній сезонъ въ полномъ разгарѣ. По всѣмъ улицамъ Петербурга происходитъ усиленное движеніе, вызываемое наплывомъ всякаго народа и предстоящими праздниками. По обыкновенію, газеты наполняются объявленіями о подаркахъ, объявленіями о подпискѣ, о выходѣ новыхъ журналовъ и о возобновленіи старыхъ; въ окнахъ книжныхъ, игрушечныхъ, бумажныхъ и другихъ лавокъ красуются всевозможные сюрпризы для дѣтскихъ баловъ и елокъ. Обозрѣвая всю эту массу выставленныхъ вещей и вещицъ, приходишь къ убѣжденію, что изобрѣтательность на этомъ пути сдѣлала весьма небольшіе успѣхи: чуть не повсюду бѣдность мысли и содержанія, погоня за внѣшностью въ ущербъ внутреннему достоинству; красивые переплеты на дрянныхъ книжкахъ; дрянныя книжки съ дорогими картинками; сантиментальная бездарность и беззастѣнчивая спекуляція; сплошь и рядомъ происходитъ то, что родители и лица, которымъ поручается выборъ подарковъ, тѣмъ бываютъ поставлены въ крайнее затрудненіе, не зная, на чемъ остановиться и что купить. Кончается же обыкновенно тѣмъ, что покупаютъ первое попавшееся подъ руку. Такъ какъ по большей части приходится выбирать изъ того что есть, а между тѣмъ предложеніе не соотвѣтствуетъ спросу, то выборъ рѣдко бываетъ удаченъ. Случается, конечно, и на оборотъ, т. е. покупатели сами не знаютъ, что имъ купить для своихъ дѣтей, и волей-неволей полагаются на рекомендацію продавцовъ, какъ извѣстно далеко не всегда знакомыхъ съ требованіями. А между тѣмъ, торговля дѣтскими подарками въ обширномъ смыслѣ этого слова все болѣе и болѣе развивается, принося ловкимъ предпринимателямъ весьма изрядные барыши. Къ сожалѣнію, за нее берутся люди, которые могутъ торговать чѣмъ хотите, но только не «дѣтскимъ товаромъ». Наше изданіе, назначаемое преимущественно для семейнаго чтенія, постарается, по крайней мѣрѣ для своихъ иногородныхъ читателей, указать на тѣ дѣтскія книжки, которыя могутъ хоть сколько-нибудь удовлетворить этой насущной потребности. Этимъ средствомъ можно будетъ отчасти предостеречь родителей отъ весьма возможныхъ въ настоящемъ случаѣ ошибокъ, въ особенности же отъ изданій съ заманчивыми заглавіями, но съ пустымъ и даже вреднымъ содержаніемъ. Наша несостоятельность въ этомъ отношеніи видна изъ того, что своего-то родного мы почти не производимъ и мало-мальски интересная книжка есть непремѣнно передѣлка или переводъ съ иностранной. Нельзя сказать, чтобы такое явленіе было особенно утѣшительно, особенно если принять во вниманіе, что дѣло касается «малыхъ сихъ»...

Вообще, иностранцы, даже и теперь, не могутъ упрекнуть насъ въ равнодушіи къ нимъ. Иностранныя знаменитости постоянно встрѣчаютъ у насъ радушный пріемъ; даже знаменитости втораго разбора—и тѣ не могутъ пожаловаться на «русскихъ медвѣдей». О звѣздахъ первой величины, г-жахъ Патти и Лукка, и говорить нечего: обѣ онѣ, при выступленіи своемъ на сцену, были просто засыпаны цвѣтами и подарками, и оглушены аплодисментами. Не мало было сумазбродствъ и въ Москвѣ: тамъ сумасбродствовали всѣ—старъ и младъ, богачъ и бѣднякъ,—все по поводу той-же Патти. Говорятъ, что нѣкоторыя особы, для того чтобы слышать эту вокальную знаменитость, закладывали даже дѣтское бѣлье... Признаюсь, меня не особенно удивляетъ это послѣднее обстоятельство, и я ни мало не пожалѣлъ бы, если-бы такимъ господамъ пришлось заложить даже свою голову. Не удивляютъ меня также оваціи и приготовленія въ честь г-жи Гортензіи Шнейдеръ, которая находитъ многочисленныхъ поклонниковъ въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества. Пѣвица эта, извѣстная шикарнымъ исполненіемъ ролей разныхъ оффенбаховскихъ героинь, прибыла на дняхъ въ нашу столицу и подвизается въ театрѣ-Буффъ. Говорятъ, что для нея навстрѣчу былъ посланъ даже особый экстренный поѣздъ... Во французскомъ театрѣ пожинаютъ лавры г-жи Делапортъ и Паска, а на нѣмецкой сценѣ талантливая г-жа Буска. Такимъ образомъ, въ настоящее время у насъ гостятъ двѣ нѣмецкихъ и три французскихъ знаменитости. Перевѣсъ остается все-таки за француженками...

За иностранными знаменитостями мы не замѣчаемъ того, что дѣлается у насъ подъ носомъ. Было время, когда и земскія собранія напр. обращали на себя всеобщее вниманіе, когда о нихъ толковали и въ газетахъ и въ обществѣ, когда въ залу дворянскаго собранія собирались люди изъ разныхъ слоевъ общества, привлеченные туда желаніемъ услышать «краснорѣчивыхъ» ораторовъ. Теперь не то: объ открывшихся засѣданіяхъ петербургскаго земства едва слышно; рѣдкая изъ газетъ обращаетъ должное вниманіе на этотъ предметъ: общество же смотритъ на него равнодушно, находя, вѣроятно, что онъ представляетъ лишь *мѣстный* интересъ и разномастной петербургской публикѣ не можетъ быть близокъ. Не знаю, на столько-ли близки для этой публики интересы русскаго художества, которое начинаетъ напоминать о себѣ устраиваемыми въ залахъ Академіи выставками. Рядомъ съ выставленными работами учениковъ Академіи, о которыхъ упоминалось прошлый разъ, помѣстилась теперь другая коллекція картинъ, принадлежащихъ кисти и карандашу профессоровъ и академиковъ. Эта послѣдняя затѣя принадлежитъ товариществу передвижныхъ выставокъ и является первою попыткою въ этомъ родѣ. Несмотря на то, что въ залѣ помѣщается всего только 50 нумеровъ, большая часть которыхъ представляетъ небольшія полотна, а нѣкоторые даже недокончены, — посѣщеніе выставки способно доставить истинное наслажденіе для каждаго. Общее вниманіе сосредоточивается на прекрасной картинѣ г. Ге «Петръ I-й, допрашивающій царевича Алексѣя въ Петергофѣ». Много мысли и драматизма вложено художникомъ въ фигуры этого энергичнаго отца и этого слабосильнаго, загнаннаго сына. Картина поражаетъ васъ рѣзкимъ контрастомъ между твердою рѣшимостью, отвагой, сознаніемъ этой силы одного и между робостью, безпомощностью другаго. Съ одной стороны — вы видите пытливое, ничѣмъ неудержимое стремленіе впередъ, къ новому и лучшему, съ другой — желаніе успокоиться на чемъ-нибудь одномъ, лишь бы избавиться отъ этихъ постоянныхъ перемѣнъ и волненій; съ одной стороны, нетерпимость къ противорѣчіямъ и жесткость души, съ другой — покорность, малодушіе и борьба между долгомъ и собственными склонностями. Картина, такимъ образомъ, производитъ двоякое впечатлѣніе: смотря на нее, въ одно и то же время — и проникаешься уваженіемъ къ великому борцу за русское просвѣщеніе, и состраданіемъ къ его неудавшемуся сыну. Рѣдкая картина способна производитъ такое полное впечатлѣніе какъ это новое произведеніе даровитаго профессора. Лучшею въ русскомъ жанрѣ представляется картина Перова «Охотники на привалѣ». Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе правдивое, болѣе жизненное чѣмъ эта сцена, переданная мастерскою кистью нашего знаменитаго жанриста! Начиная съ юмористическаго содержанія картины, выхваченной имъ прямо изъ жизни, и кончая малѣйшими подробностями въ отдѣлкѣ костюмовъ, оружія, убитой дичи и проч., — все необыкновенно вѣрно и типично. Послѣднее дѣйствуетъ на зрителя въ особенности: по нашему мнѣнію, художнику болѣе чѣмъ кому-нибудь другому удалось соединить русскую сѣрую картину съ русскимъ сѣрымъ денькомъ и русскими людьми, занимающими ея первый планъ. И русскій баринъ средней руки, въ своемъ

синемъ ватномъ пальто съ засаленной подкладкой, съ жаромъ передающій юному собесѣднику свои охотничьи похожденія, когда «Догоняй» схватилъ матераго, а матерой, увернувшись, царапнулъ «Терзая», и какъ потомъ «Стрѣлка» — эта собака, которой «цѣны нѣтъ», — въ одинъ день «дошла» шестерыхъ бѣляковъ и проч. и проч.; и этотъ другой, въ дубленомъ тулупчикѣ и съ незакуренной папиросой въ рукѣ, съ недоумѣніемъ поглядывающій на увлекшагося разсказчика; и, наконецъ, на второмъ планѣ, мужичекъ-охотникъ, лукаво улыбающійся и почесывающійся за ухомъ, — все это необыкновенно живо и типично. Изъ другихъ картинъ русскаго жанра очень хороши такъ же «Рыболовъ», того же г. Перова, «Порожняки» г. Прянишникова и отчасти — его же «Погорѣлые». Изъ историческихъ необходимо упомянуть о «Дѣдушкѣ русскаго флота», красиво написанномъ г. Мясоѣдовымъ. Что касается пейзажей, то общее вниманіе привлекаетъ картинка г. Крамскаго «Майская ночь», сюжетъ для которой взятъ имъ изъ Гоголя и выполненъ необыкновенно поэтично. Портретами тоже можетъ похвалиться нынѣшняя выставка: первое мѣсто между ними занимаетъ портретъ нашего извѣстнаго драматическаго писателя г. Островскаго, сдѣланный г. Перовымъ.

Иностранные принцы, по осмотрѣ въ Москвѣ Университета, лицея цесар. Николая и другихъ учебныхъ заведеній, изволили отбыть — черезъ Петербургъ, обратно за границу.

По словамъ Русскихъ Вѣдомостей, въ Москвѣ, въ камерѣ мироваго судьи Арбатскаго участка, разбиралось слѣдующее куріозное дѣло. Нѣкая г-жа К—ая, вмѣстѣ съ нѣкіимъ г. С—кимъ, заявили жалобу на одного изъ своихъ знакомыхъ г. Карт—ва, за то, что онъ, какъ участникъ вмѣстѣ съ истцами въ абонементѣ ложи на оперу, купивъ по общему порученію въ кассѣ театра абонементный билетъ на ложу и записавъ ее на свое имя, воспользовался этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, для того чтобы отказать истцамъ въ правѣ слушать оперу. Сначала г. Карт—въ деликатнымъ образомъ прислалъ г-жѣ К—ой и С—му назадъ заплаченныя имъ за абонементъ деньги, а потомъ, когда они не согласились принять ихъ и пріѣхали слушать Патти, участвовавшую въ оперѣ «Лючія-ди-Маммерморъ», въ среду, 10 ноября, просто не пустилъ ихъ въ ложу силою, захлопнувши передъ нимъ дверь ложи и давъ приказаніе капельдинеру не пускать ихъ. Повѣренный г. Карт—ва на судѣ требовалъ письменнаго документа на то, что его довѣритель получилъ съ исцовъ деньги для взноса за абонементъ. Г-жа К—ая на это отвѣчала ему, что его довѣрителю поручено было купить билетъ на ложу просто по личному довѣрію къ нему, безъ всякаго письменнаго документа. Повѣренный г. Карт—ва никакъ не хотѣлъ принять этого объясненія въ уваженіе; но г-жа К—ая, какъ видно, очень догадливая барыня, прихватила съ собой письмецо отъ жены г. Карт—ва, въ которомъ послѣдняя отъ имени своего мужа проситъ мать г-жи К—ой передать дочери и г. С—ому деньги, внесенныя ими за абонементъ; письмо это было предъявлено мировому судьѣ. По выслушаніи сторонъ судья призналъ г. Карт—ва обязаннымъ допустить г-жу К—ую и г. С—аго слушать оперу въ ложѣ, сообща ими абонированной, на что и выдалъ истцамъ исполнительный листъ.

Почтовый ящикъ.

Многіе изъ нашихъ подписчиковъ просили насъ высылать №№ «Нивы» въ заклеенныхъ пакетахъ, для предохраненія отъ порчи въ дорогѣ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ исполнить этого желанія, такъ какъ почтамтъ не принимаетъ заклеенныхъ пакетовъ; но для возможнаго удовлетворенія просьбы нашихъ подписчиковъ, мы употребляемъ широкія бандероли, которыя почти замѣняютъ собою пакетъ.

Г-жѣ В. З—ко въ селѣ Подкопаевѣ, въ Мѣщовскѣ. Повѣсть «Двѣ Нины» не можетъ быть напечатана въ нашемъ журналѣ, за избыткомъ матеріаловъ.

Гг. В. Л. Б—ву, въ Харьковѣ, и А. Ве—ву, въ селѣ Новомъ, въ Можайскѣ, присланныя вами стихотворенія не будутъ напечатаны.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Вышла и поступила въ продажу только-что отпечатанная новая книга изданія **А. Ф. Маркса**, подъ заглавіемъ:

МОСКВА И ТВЕРЬ.

Цѣна 1 руб. **50** коп.

Авторъ этой повѣсти получилъ 1,000 р. преміи, предложенной Редакціей журнала «Нива» въ первый годъ ея изданія русскимъ писателямъ за лучшую историческую повѣсть изъ русской жизни. Въ то время повѣсть эта была напечатана въ журналѣ безъ гравюръ; но тотъ громадный успѣхъ, которымъ пользовалась она въ кругу читателей «Нивы», и многочисленныя заявленія не только со стороны подписчиковъ, но и вообще со стороны читающаго общества побудили издателя предпринять иллюстрированное изданіе ея отдѣльной книгой. Украшенная 6-ю великолѣпными, художественно-выполненными рисунками и представляя собою первый опытъ изданія отдѣльной повѣсти изъ русской исторіи съ гравюрами, новая книга является въ настоящее время въ высшей степени интересной не только со стороны литературной, но и со стороны художественной. *Цѣна* для подписчиковъ «Нивы» 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Подписчики «Нивы», желающіе пріобрѣсть «Москву и Тверь», ничего не платятъ за пересылку, буде обратятся съ требованіями прямо въ контору редакціи **и до истеченія 1871 года**, такъ какъ въ будущемъ году цѣны за пересылку возрастутъ втрое.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1872 ГОДУ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

НЕДѢЛЯ.

Въ 1872 году газета «Недѣля» будетъ издаваться на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года. Газета будетъ выходить одинъ разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, въ количествѣ 52 нумеровъ въ годъ; каждый нумеръ отъ 2 до 3 листовъ убористаго шрифта.

Обыкновенное содержаніе газеты «Недѣля» слѣдующее: **I. Передовыя статьи** по важнѣйшимъ вопросамъ русской общественной жизни. — **II. Внутренняя хроника.** Обзоръ выдающихся событій русской жизни, изложенныхъ въ обобщенномъ видѣ. Этотъ обзоръ всегда сопровождается надлежащими объясненіями со стороны редакціи. — **III. Городскія и земскія извѣстія.** Обзоръ фактовъ изъ дѣятельности городскаго и земскаго самоуправленія въ Россіи. Здѣсь излагаются только такіе факты, которые имѣютъ существенное значеніе для дѣла и представляютъ общій интересъ.— **IV. Судебно-общественныя замѣтки.** Рядъ очерковъ, заимствованныхъ изъ текущихъ судебныхъ дѣлъ и представляющихъ собою любопытныя явленія общественной жизни. — **V. Правительственныя распоряженія.** Сокращенное изложеніе важнѣйшихъ законовъ и правительственныхъ мѣръ. — **VI. Политическая хроника.** Изложеніе важнѣйшихъ фактовъ общественной и политической жизни за границей. — **VII. Беллетристика.** Повѣсти, романы, разсказы и т. п., какъ оригинальные, такъ и переводные. Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщаются извлеченія изъ иностранныхъ сочиненій беллетристическаго характера. — **VIII. Статьи общественно-научныя**, преимущественно по русскимъ общественнымъ вопросамъ. — **IX. Корреспонденція.** Письма изъ провинціи, имѣющія нетолько мѣстный, но и общій интересъ. — **X. Журналистика.** — **XI. Книжная хроника.** — **XII. Фельэтонъ.**

Главнѣйшая цѣль, какую преслѣдуетъ «Недѣля», состоитъ въ разработкѣ преимущественно тѣхъ общественныхъ вопросовъ, которые возбуждены **реформами послѣдняго десятилѣтія.** Слѣдить за тѣмъ, чтобъ начала, положенныя въ основаніи этихъ реформъ, не извращались на практикѣ, разъяснять важность и полезность этихъ началъ — вотъ задача «Недѣли» и ея направленіе.

Подписка на 1872 годъ открыта.

Цѣна газеты «НЕДѢЛЯ» на 1872 годъ:

ГОДОВАЯ (съ 1-го января 1872 года по 1-е января 1873 года): безъ пересылки и доставки 6 руб., съ пересылкой и доставкой 7 р.

ПОЛУГОДОВАЯ (съ 1-го января по 1-е іюля, то-есть, за 26 нумеровъ): безъ пересылки и доставки 3 руб. 50 к., съ пересылкой и доставкой **4** руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «Недѣля», на углу Ивановской и Кабинетской, д. Матушевича, кв. № 31, и въ главной конторѣ редакціи, въ «Русской Книжной Торговлѣ», на Невскомъ проспектѣ, противъ гостинаго двора, домъ армянской церкви, № 42; въ Москвѣ, у И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ. (3)—2

Издатели-сотрудники: П. Гайдебуровъ.
В. Конради.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1872 ГОДУ
ЖУРНАЛА
ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ
Изд. Н. С. Львовымъ.

Начиная ШЕСТОЙ годъ своего существованія, редакція, не дѣлая заманчивыхъ обѣщаній, считаетъ не лишнимъ объяснить, что при дальнѣйшимъ изданія журнала она будетъ руководиться прежнею программою и помѣщать на страницахъ своего журнала новѣйшія произведенія заграничной литературы и преимущественно такіе романы, которые въ настоящую эпоху составляютъ **живой** интересъ для читающей публики. Романы прошлыхъ годовъ: «Изабелла», «Мексика», «Евгенія», «До Седана», «Тайны города Мадрида», разошедшіеся въ большомъ количествѣ экземпляровъ и частію потребовавшіе вторыхъ изданій, указали редакціи на современный вкусъ публики. Для будущаго 1872 года приготовляются къ печати и будутъ помѣщены, по возможности въ первыхъ книгахъ журнала, слѣдующіе романы даровитыхъ авторовъ, охватывающіе собою современныя событія Запада:

1) **ВОЙНА 1870 ГОДА, или НОВЫЯ ПАРИЖСКІЯ ТАЙНЫ**, историческій романъ изъ жизни Парижа во время послѣдней войны, *Виктора Салеса*.

(Романъ этотъ имѣетъ своимъ предметомъ дѣйствія Людовика Наполеона и его сподвижниковъ съ одной стороны, съ другой стороны—Тьеръ, Гамбетта; Трошю, Асси, Піа, Рошфоръ, Курбе, Рауль Риго, Россель, коммунисты и интернаціоналы находятъ себѣ мѣсто въ этомъ романѣ, для котораго авторъ не жалѣлъ яркихъ красокъ, описывая страсти, дѣйствія и ошибки политическихъ дѣятелей. Романъ этотъ, такъ сказать, дополняетъ романъ «Евгенія» Борна, разошедшійся въ редакціи въ **4** мѣсяца 3000 экз.).

2) **РАБЫ ПАРИЖА**, юридическій романъ *Габоріо*.

3) **ЛОНДОНСКІЯ ДРАМЫ**, романъ *Рейнольда*.

4) **ДУХОВНОЕ СРОДСТВО**, романъ *Макса Ринга*.

5) **ЖЕЛѢЗНЫЙ ГРАФЪ**, историческій романъ *Г. Ф. Борна*.

(Приводимъ перечень нѣкоторыхъ главъ: Первый орденъ Бисмарка.—Замокъ Шенгаузенъ.—Князья биржи.—Дуель у королевской плотины.—Брилліанты танцовщицы.—Будущность дипломата.- Сонъ Бисмарка.—Убійство въ Берлинѣ.—Балъ у графа Бисмарка.— Великодушіе Мольтке. — Желѣзный крестъ. — Исповѣдь фрейлины. — Шпіоны — Бисмаркъ и Наполеонъ. — Императрица Евгенія.—Версаль.- Отъ Эмса до Гастейна, и проч. и проч.).

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ: безъ пересылки и доставки СЕМЬ руб., съ доставкою на домъ **7** руб. **50** коп., съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, **въ редакціи.** Колокольная улица, домъ № 7 и въ книжномъ магазинѣ **А. Я. Исакова**, въ Гостиномъ дворѣ.

Гг. иногородные непосредственно адресуютъ свои требованія: въ С.-Петербуро, въ редакцію **Отдѣльныхъ романовъ**.

Для желающихъ допускается разсрочка, съ платою по полугодно, или по третямъ. (3)—1

АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
СИСТЕМЫ КАЛЬБО
Л. КАСТИЛЬОНЪ
Коммиссіонеръ Военнаго Министерства.
Старѣйшій и важнѣйшій торговый домъ въ Россіи.

Челночныя машины, работающія въ двѣ нитки не распускающимся швомъ; исполняющія всевозможныя швейныя работы и снабженныя различными аппаратами для ихъ производства. — Кромѣ уже давно извѣстнаго превосходства ихъ по качеству, надъ другими системами, вновь полученныя машины имѣютъ еще ту неоспоримую выгоду, что продаются по дешевой цѣнѣ.

ДЕПО ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ
Виллера и Вильсона, Гровера и Беккера, Хау, Зингера, Вилькоха и Гибса и пр. отъ **20 р.**

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Елисѣева. Въ Бель-этажѣ. | Въ МОСКВѢ: на Кузнецкомъ мосту д. Комарова № 11. (39)—31

Бонбоньерки и украшенія для **ЁЛКИ** получены въ огромномъ выборѣ, и **ЁЛКИ** съ сюрпризами въ каррикатурномъ видѣ, отъ **5 коп. сер.** за штуку, цвѣтныя парафиновыя **Свѣчи** и самый разнообразный выборъ **полезныхъ вещей** для подарковъ, **въ магазинѣ бумагъ Константина ЧЕРНОХВОСТОВА, въ Гостинномъ Дворѣ, № 35.** (10)—4

Дозволено цензурою 17 Декабря 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 52. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 27 декабря 1871 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 15 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Руской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

О подпискѣ на журналъ «НИВА» въ 1872 году.

Открывъ подписку на будущій 1872 годъ и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы", мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ **заранѣе** высылать свои требованія вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы".

Такъ какъ „Нива" преимущественно назначается **для семейнаго чтенія** и вслѣдствіе заявленнаго многими изъ нашихъ подписчиковъ желанія получать въ „Нивѣ" извѣстія о модахъ съ рисунками, — мы, спѣша какъ всегда удовлетворить потребности нашихъ читателей, рѣшились прилагать **ежемѣсячное модное обозрѣніе съ рисунками парижскихъ модъ, не увеличивая подписной цѣны на нашъ журналъ**, при полнотѣ и общедоступности его наидешевѣйшій въ Россіи. Необходимыя приготовленія для введенія новаго отдѣла настолько уже сдѣланы, что мы можемъ обѣщать модные рисунки до истеченія нынѣшняго 1871 года.

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа съ 200—250 художественно-выполненными рисунками.

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 руб.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 к.	Для иногородныхъ съ пересылкой и упаковкой.	5 »

Покорнѣйше просимъ незамедлить высылкою подписныхъ денегъ, во избѣжаніе несвоевременной доставки №№ «Нивы» въ 1872 году. Гг. подписывающіеся благоволятъ какъ можно яснѣе обозначать свой адресъ или прилагать печатный адресъ, наклеенный на бандероляхъ „Нивы".

При Петрѣ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

(Окончаніе).

XIV.

Развязка.

Теплый ясный лѣтній день, какіе на рѣдкость въ Петербургѣ, незамѣтно склонялся къ вечеру; съ моря подувалъ вѣтерокъ и, вмѣстѣ съ янтарно-розоватыми облаками, гналъ противъ теченія широкой Невы, небольшой ботъ съ подиятымъ парусомъ—мимо палатъ и хоро́мъ свѣтлѣйшаго герцога Ингерманландскаго на Васильевскомъ острову. Трехэтажный домъ князя Меньшикова, украшенный множествомъ статуй по фронтону, съ двумя четырехэтажными флигелями по бокамъ, его сады, равно какъ и вся часть острова на рѣку, были уже въ тѣни. За то, когда ботъ миновалъ ихъ, съ противуположнаго берега, ярко озаренные заходящимъ солнцемъ, такъ и загорѣлись шпицы Исакія Далматскаго и Адмиралтейскій, а за ними вдали по набережной вереница каменныхъ палатъ Апраксина, Ягужинскаго, Чернышева, адмирала Крюйса, Алсуфьева и Зимній домъ Ея Императорскаго Величества, какъ золотомъ залитые по безчисленнымъ окнамъ; а по ту сторону вдали надъ самой рѣкою низенько залегли каменныя стѣны крѣпости, надъ которыми тонкой иглой высилась колокольня Петропавловскаго собора...

Все это зрѣлище было такъ ново молодой женщинѣ, сидѣвшей въ ботѣ, что она только изрѣдка отрывала отъ него любопытные глаза, переводя ихъ съ улыбкою на мужа, который безъ устали толковалъ ей все, что́ она видѣла передъ собою. По платью молодая чета весьма походила на голландцевъ, да и говорили они другъ съ дружкой по голландски.

— Вонъ, тотъ островъ, Марьяна, Васильевымъ зовутъ, говорилъ молодой человѣкъ, показывая рукой назадъ,—Великій Императоръ намѣренъ былъ наибогатѣйше застроить, прорѣзать каналами, и укрѣпить на подобіе твоего Амстердама...

— Мнѣ съ тобою, Ко-о-стя, вездѣ будетъ Амстердамъ, ласково отвѣтила Маріана, растягивая мужнино имя на голландскій ладъ...

— А вонъ въ тотъ соборъ мы сходимъ поклониться гробницѣ Великаго Государя, моего благодѣтеля, коли не довелось поблагодарить его самого! грустно проговорилъ Константинъ, и лицо его подернулось тѣнью заботы и скорби...

Много воды утекло по широкой Невѣ съ тѣхъ поръ, какъ молодой человѣкъ оставилъ ея берега, много дѣлъ совершилось. Двадцатилѣтняя война со Швеціею, великая какъ оба соперника ведшіе ее, кончилась Ништадскимъ миромъ и дала Россіи почти все юго-восточное Балтійское поморье. Побѣдителю поднесенъ титулъ Великаго, Отца отечества и Всероссійскаго Императора.

Великій государь праздновалъ это торжество наравнѣ со всѣми, участвуя въ маскарадѣ, веселился, плясалъ и пѣлъ пѣсни. А потомъ совершенъ былъ и персидскій походъ. Но тяжелые труды, душевная тревога и семейныя огорченія надломили здоровье того, кого не брали ни пули Полтавскія, ни козни стрѣлецкія. Впрочемъ, внезапной кончины Государя никто даже изъ близкихъ людей не предвидѣлъ. 7 мая 1724 г. въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, Государь, одѣтый въ роскошномъ гродетуровомъ голубомъ кафтанѣ, вышитомъ серебромъ самой Екатериной, лично короновалъ свою супругу.

Спустя нѣсколько мѣсяцовъ разразилась гроза: Петръ сильно разгнѣвался на Екатерину—и новыя семейныя огорченія окончательно потрясли его здоровье. Недоставало только послѣдняго, внѣшняго толчка нѣкогда могучей натурѣ. Ударъ этотъ нанесенъ Великому собственнымъ человѣколюбіемъ: Въ глубокую осень, 1 ноября, на морѣ сѣлъ на мель ботъ, перевозившій солдатъ; Государь кинулся въ воду, спасая погибавшихъ, и погибъ самъ жертвою жестокаго недуга, послѣдовавшаго за простудой. 28 января 1725 не стало Отца отечества...

«Новые люди тебя не знаютъ» говорилъ Головкинъ предъ отъѣздомъ Константина—и эта мысль невольно озабочивала новобрачнаго, по мѣрѣ приближенія къ отчему дому. Бывшая Френе Книпфферсъ, а теперь Ме фроу Маріана, какъ шутя звалъ ее мужъ въ подражаніе Гармсену,—тоже притихла, глядя на омраченное лицо Свѣчникова и раздумывая о своемъ близкомъ будущемъ, какъ-то приметъ ее свекоръ, не разгнѣвается ли на сына за самовольство, а на нее—незванную гостью—и подавно. Правда, не первый разъ, русскіе, посылаемые по указу царя за море, женились на голландкахъ, но не всѣмъ одинаковая судьба выходитъ...

А перевозъ при вольномъ дворѣ виднѣлся уже на томъ-же мѣстѣ—и казалось бѣжалъ на встрѣчу возвращавшемуся блудному сыну. Съ трепетомъ сердца разглядѣлъ Константинъ сгорбленную, старческую фигуру съ развѣвающимися по вѣтру сѣдинами; внезапныя слезы, рѣзнувъ, затуманили ему глаза, и онъ невольно стиснулъ руку Маріаны. Ме фроу была блѣдна и пугливо, съ полуоткрытыми губами, смотрѣла на мужа, словно моля о защитѣ...

— Ахъ, ты разбойникъ!.. Ахъ, душегубецъ!.. слышался уже явственно голосъ Парамоныча, отчаянно размахивавшаго руками, между тѣмъ какъ ноги его невольно сгибались въ колѣнахъ,—ахъ, пострѣлъ тебя возьми!.. глядите, добрые люди!.. Ахъ, ты...

Но Константинъ уже не вслушивался, какъ честилъ его старикъ: до того несомнѣненъ былъ радостный звукъ этихъ кликовъ, до того надежно было ожидаемое прощеніе, что едва ботъ успѣлъ толкнуться о пристань, Константинъ проворно вывелъ подъ руку Ме фроу Маріану, и больше для обряда поклонился въ ноги отцу. Молодая женщина, пораженная этой невидалью, безсознательно опустилась на колѣни и протянула руки...

Въ тѣ времена, вѣжливость далеко не доходила до той утонченности какъ нынѣ, особенно въ минуты знаменательныя. Пара́монычъ поднялъ не Маріану а сына, прижалъ его къ себѣ и только изрѣдка всхлипывалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Бѣдной Маріанѣ пришлось бы пожалуй долго простоять въ томъ же положеніи, еслибы не мужъ... Константинъ тихонько дернулъ отца за рукавъ, и тихо, просительно выговорилъ: «Батюшка... прости... жена...»

— Давай и ее сюда! крикнулъ расходившійся старикъ, подхватывая молодую женщину въ объятія, —

ну, иди, цалуй меня, красавица!.. Эхма, да вѣдь ты по нашему-то не понимаешь...

— Н-нѣтъ... я понимай... цалуй миня — понимай! второпяхъ и краснѣя бормотала Маріана.

— Ай-да Костька! молодецъ! смѣялся Парамонычъ, обнимая невѣстку.

Ожидаемой семейной передряги какъ не бывало, а что касается другихъ опасеній Константина, то Парамонычъ въ тотъ же вечеръ успокоилъ сына и на этотъ счетъ. Во главѣ *людей въ случаѣ*, съ воцареніемъ Екатерины, снова сталъ опора Свѣчниковыхъ, утратившій-было свое вліяніе въ послѣдніе годы жизни Петра, свѣтлѣйшій князь Александръ Данилычъ и вѣрному холопу его оставленъ по прежнему вольный дворъ съ перевозомъ; въ большой силѣ также стоявшіе за Екатерину Ѳеоѳанъ Прокоповичъ, Ягужинскій и другіе изъ людей новаго Петровскаго порядка.

— Стало, если поискать, можетъ и подсобятъ... А то и такъ обойдемся; у меня, слава Богу, достатку на твой вѣкъ хватитъ, заключилъ старикъ, утѣшая своего любимца, — а ты небось и взаправду струсилъ, какъ мы тебя отсель припужнули!

— Да, нетолько мнѣ — и посланнику было на удивленье, съ чего это взяли у васъ въ Питерѣ такъ приказывать, нѣсколько обиженно отвѣтилъ Константинъ, вспомнивъ то тяжелое положеніе, въ которое повергъ его этотъ приказъ.

— То-то же, сказалъ старикъ, усмѣхаясь, — вотъ мы каковы нонѣ стали — и посланниковъ озадачиваемъ!

И, похлопывая сына по плечу, примолвилъ:—а это никто другой, какъ Артемьичъ, секретарь свѣтлѣйшаго, изъ нашихъ съ Ростова же — теперь мой истый благопріятель. Черезъ его что хошь устроимъ; — на службу хошь на какую — скажи только — такъ и запишутъ. У насъ эвотка академея заводится, говорятъ, про ученыхъ людей; такъ тебѣ бы, Костя, не мѣшало... Всего лучше. Съ нѣмцами-то вѣдь ты маракуешь? А не то вотчинами Царицы-Государыни заправлять... Може въ наше Ярославское намѣстничество... Вотъ бы хорошо, Костя, истинно бы потѣшилъ!.. И старикъ, затаивъ дыханіе, молча глядѣлъ въ глаза сыну.

— И то хорошо... куда-нибудь... посмотримъ, ласково говорилъ Константинъ, — а ты теперь скажи мнѣ, батюшка, какъ что у васъ дѣлается?

— То-есть объ чемъ же? Боярыня твоя...

Константинъ быстро сжалъ руку отца, старикъ понялъ и остановился.

Такъ же выгодно отозвались придворныя перемѣны и въ другой семьѣ нашихъ знакомцевъ. На другой день, послѣ описаннаго свиданія отца съ сыномъ, изъ воротъ боярскаго дома Куроѣдовыхъ потянулся длинный поѣздъ, со всею дворней и обозомъ, изъ Петербурга по Московской горогѣ. Впереди, въ большой колымагѣ, запряженной цукомъ, везли стараго воеводу Куроѣдова, не владѣющаго правой половиной тѣла и обложеннаго подушками. Возлѣ больнаго помѣщалась заплаканная боярыня, а насупротивъ Луша съ мамкою. Возлѣ колымаги ѣхали верхами молодой Куроѣдовъ и Римскій-Корсаковъ. Крѣпышъ таки дождался своего; онъ провожалъ въ ростовскія помѣстья свою нарѣченную невѣсту. Уступая настояніямъ семьи, Луша, вскорѣ по смерти Великаго Государя, изъявила покорность волѣ родительской и страстному желанію своего жениха. За пять лѣтъ, молодая дѣвушка сильно измѣнилась; она развилась до поразительной красоты, но какой-то совсѣмъ особенной, небывалой еще въ боярскомъ роду Куроѣдовыхъ и приводившей въ недоумѣніе всю семью. Яркій, живой румянецъ ея поблекъ до едва уловимаго оттѣнка на сквозящей, словно восковой бѣлизнѣ ея лица; нѣкогда кроткіе голубые глаза слегка запали, но вмѣстѣ точно выросли и въ нихъ самихъ выросло что-то новое, зрѣлое, сосредоточенное. Нѣкоторая усталость чуялась во всемъ ея существѣ, осанкѣ и обращеніи, какъ будто она долго носила въ себѣ и питала несбыточную надежду или неосуществимое стремленіе, жила ими, жила и почувствовала истому этой жизни. Съ женихомъ своимъ она обращалась ласково и почтительно, видимо уважая его; она слегка улыбалась ему, когда онъ, равняясь съ дверцей колымаги, наклонялся съ сѣдла и заговаривалъ съ нею.

Домашніе замѣчали, что она понемногу становилась такою съ тѣхъ поръ, какъ извѣстія объ усиливающемся недугѣ Императора чаще и чаще стали доходить въ домъ Куроѣдовыхъ. Она ходила, вмѣстѣ съ матерью, поклониться тѣлу отшедшаго въ вѣчность, и при этомъ выказала величавое спокойствіе, бросавшееся въ глаза даже постороннимъ...

Римскій-Корсаковъ души въ ней не чаялъ; его особенно трогало то, что въ разговорахъ съ нимъ Луша постоянно наводила рѣчь на воспоминанія объ дѣтствѣ и отыскивала въ нихъ ту или другую привлекательную черту въ характерѣ своего суженаго.

Прочіе Куроѣдовы, кромѣ Луши, считали бы свое положеніе совсѣмъ блаженнымъ, еслибы надъ головами ихъ не висѣло зловѣщимъ предвѣщаніемъ бѣды завершеніе процесса, открытіе котораго произвело параличъ старика Куроѣдова. Бывшій воевода никакъ не думалъ, чтобы спустя пять-шесть лѣтъ послѣ смѣны его начались розыски и открылись его недосмотры по воеводству—настолько важные, чтобы кромѣ начета привлечь его самого къ отвѣту за допущенные злоупотребленія. Самъ онъ не бралъ, но подъячимъ, которые кормились отъ дѣлъ, не считалъ противузаконнымъ позволеніе брать съ просителей, сколько кому заблагоразсудится, только бы дѣло не останавливалось. На жалобы-же о тягости вымогаемаго никогда не обращалъ вниманія, боясь разборомъ баловать просителей. А между тѣмъ нашлись люди, которые дали ходъ жалобамъ ужь на самого воеводу—и правительствующій сенатъ занялся разборомъ, притянувъ къ суду самого Куроѣдова. Въ первое время открытія процесса, его хватилъ параличъ, и это лишь обстоятельство дало ему возможность оставаться, считаясь подъ арестомъ, въ своемъ домѣ впредь до выздоровленія. Екатерина I, съ перваго же мѣсяца своего царствованія, стала увольнять обязанныхъ жить въ Петербургѣ на неопредѣленное время въ помѣстья. Щедрые подарки дѣльцамъ, при новомъ правленіи, когда кара закона уже не висѣла дамокловымъ мечомъ надъ исполнителями, примѣтно склонили вѣсы правосудія въ Невской столицѣ. Куроѣдову, несмотря на нахожденіе подъ судомъ, одному изъ первыхъ позволили ѣхать въ свою деревню и быть тамъ до востребованія, что переводя на языкъ обыкновенный могло значить: какъ себѣ хочешь.

Старые плевелы на нивѣ правды, которыхъ не могла вполнѣ выполоть суровая рука Петра I, въ слабыхъ рукахъ его преемницы, понятно, опять поднялись, чтобы рости и множиться еще полвѣка, до новаго грома учрежденія о губерніяхъ, начертаннаго Екатериною Второй.

В. Кельсіевъ.
В. Клюшниковъ.

Прогулка по Петербургу.

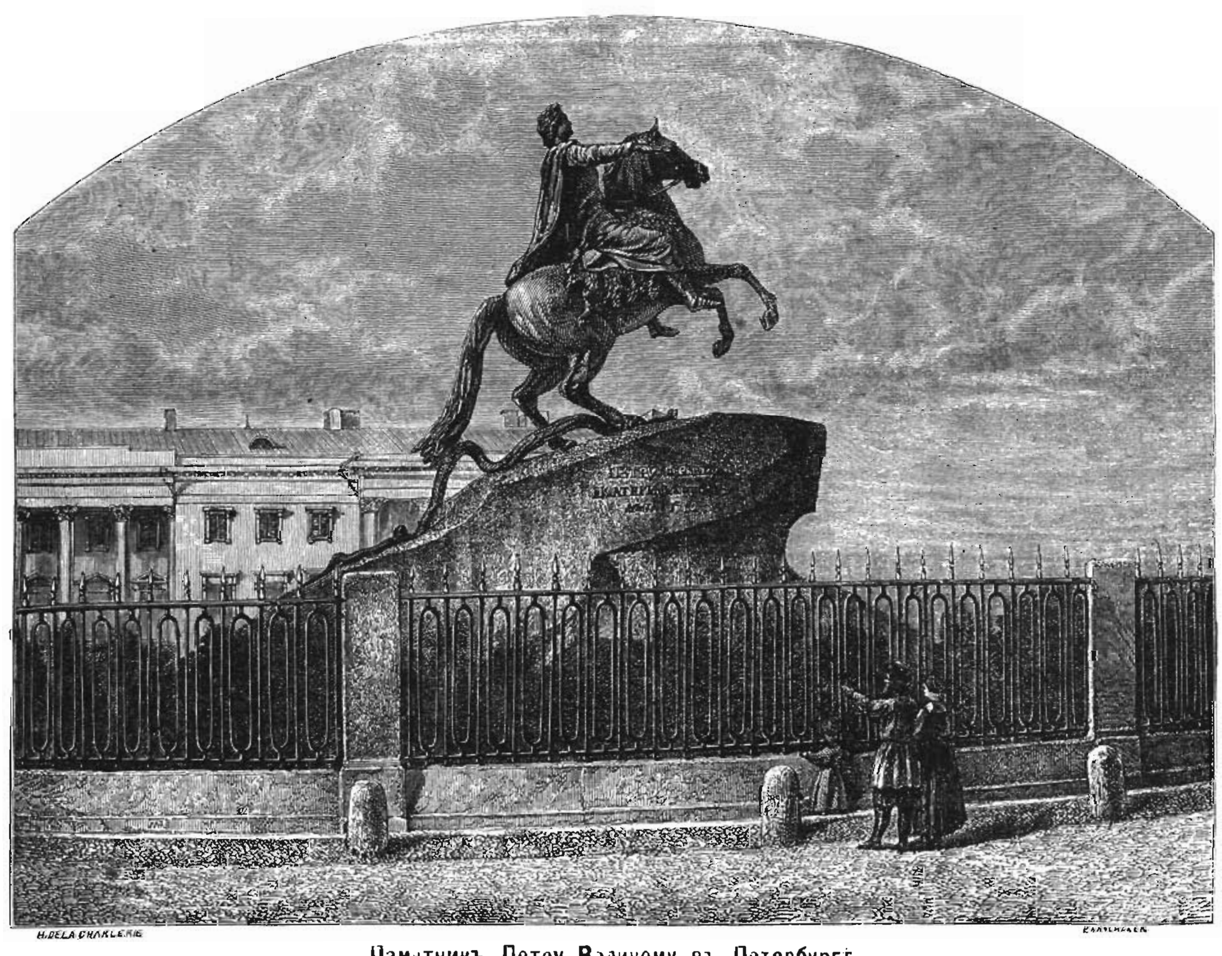
(Окончаніе).

Памятникъ Петру Великому.

Этотъ памятникъ, поставленный на Петровской площади, передъ зданіемъ Сената и Синода въ 1782 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, — слишкомъ извѣстенъ для того чтобы вдаваться въ подробное описаніе его.

Великій Государь изображенъ верхомъ на конѣ, лицомъ къ Невѣ, скачущимъ на гору и топчущимъ змѣя. заботы о перевозкѣ, уже отчаявался, но все обошлось благополучно. Заколебавшееся подъ паденіемъ глыбы судно благополучно довезло ее до противуположнаго берега рѣки.

Съ правой стороны этого самороднаго пьедестала находится надпись на русскомъ языкѣ: *Петру Первому Екатерина Вторая*, а съ лѣвой — такая же точно на латинскомъ языкѣ Petro Primo Catharina Secunda.

Памятникъ Петру Великому въ Петербургѣ.
Рисовалъ де ла Шарлери, гравир. Паннемакеръ.

Фигура всадника съ конемъ отлита изъ бронзы, работы Фальконета.

Гора, служащая этой конной статуѣ пьедесталомъ, есть глыба финляндскаго гранита въ 100,000 слишкомъ пудовъ вѣсу. До перевезенія въ Петербургъ глыба эта была еще больше; она имѣла 6½ саженей въ длину, 3 сажени въ ширину и 3½ въ вышину. На дорогѣ она обилась и уменьшилась въ размѣрахъ, но и въ томъ видѣ, какъ ее положили на Исакіевской площади, она вѣсила слишкомъ въ 4 раза болѣе самаго большаго обелиска въ Римѣ. Очень трудно было перевезти такую глыбу гранита; предложили 7,000 рублей преміи тому, кто найдетъ способъ доставить ее въ Петербургъ.

Уже 160,000 рублей были израсходованы на доставку глыбы, когда она грозила потонуть при перевозкѣ черезъ Неву. Бецкій, которому поручены были

Эта надпись уже сама по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ чтила Великая Государыня память Петра I. Преобразователь Россіи былъ для нея образцомъ, которому она постоянно хотѣла слѣдовать. Смотря на портретъ Петра, Екатерина, по ея собственнымъ словамъ, нерѣдко думала: сдѣлалъ ли бы онъ точно такъ же? Одобрилъ ли бы ея поступокъ? Во время путешествія въ Крымъ, она отслужила молебенъ въ Полтавѣ, въ память Полтавскаго сраженія. Она собственноручно преклонила предъ гробницею Петра одно изъ знаменъ, отбитымъ у турокъ въ Чесменскомъ бою.

Краткость, простота и выразительность надписи на памятникѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ недосягаемому для похвалъ величію преобразователя Россіи, такъ и характеру воздвигшей этотъ памятникъ Государыни, отказавшейся отъ поднесеннаго ей титула «Великой», «Мудрой» и «Матери Отечества».

Мадонна д'Альба.

(Съ картины Рафаэля въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

Человѣку не чуждому эстетическаго вкуса — быть въ Петербургѣ и не зайдти въ Эрмитажъ, значитъ быть въ Римѣ и не видать папы. А быть въ Эрмитажѣ и не

Мадонна д'Альба Рафаеля въ Императорск. Петербург. Эрмитажѣ.
Гравировалъ на деревѣ Паннемакеръ.

остановиться хоть на нѣсколько минутъ предъ картиной, о которой прилагаемая гравюра даетъ возможно-приблизительное понятіе, — значитъ, не видать творенія величайшаго изъ представителей римской школы, а равно и живописцевъ вообще. Это знаменитая *Мадонна д'Альба* безсмертнаго Рафаэля, купленная въ 1836 г. изъ собранія банкира Кузвельта для Эрмитажа за 14,000 фунтовъ стерлинговъ, по курсу около 400,000 франковъ или 10,000 рублей.

Насколько недосягаема для гравюры полная передача впечатлѣнія картины, писанной масляными красками, а геніальнаго произведенія и подавно, — можно видѣть изъ того, что даровитый нѣмецкій художникъ, пытавшійся передать въ гравюрѣ Мадонну Рафаэля, хранящуюся въ Дрезденской галлерeѣ, сошелъ съ ума, не выполнивъ и половины того, что постигалъ, воспринимая въ себя непосредственныя впечатлѣнія оригинала.

Тѣмъ не менѣе, прилагаемый рисунокъ весьма способенъ напоминать черты безцѣннаго творенія Рафаэля тому, кто хоть разъ любовался подлинникомъ въ небольшой залѣ, отведенной собственно Римской школѣ.

С.-Петербургская Императорская Публичная Библіотека.

(Окончаніе).

На противоположномъ пюпитрѣ красуется *Остромирово евангеліе*, относящееся, какъ извѣстно, къ временамъ св. Владиміра, древнѣйшій памятникъ письменности всѣхъ славянскихъ народовъ. Это знаменитое евангеліе написано между 1056 и 1057 г. дьякономъ Григоріемъ для посадника Остромира и служило прежде напрестольнымъ евангеліемъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Послѣ смерти Екатерины II оно было найдено въ ея кабинетѣ и передано въ Публичную Библіотеку.

Массивный серебряный переплетъ съ позолотами и украшеніями въ византійскомъ стилѣ исполненъ извѣстнымъ художникомъ Сазиковымъ по рисункамъ академика Голубкова.

За этимъ древнѣйшимъ памятникомъ кирилловскаго письма слѣдуетъ древнѣйшій памятникъ письменности *глаголической*, также евангеліе, подарокъ зоографскаго монастыря на Аѳонѣ.

Первыя витрины по правую руку отведены для новѣйшей русской литературы. Здѣсь мы видимъ оригинальныя рукописи большею частью полныя сочиненія лучшихъ писателей: переводъ Одиссеи *Жуковскаго*, сказка *Пушкина* (о пѣтушкѣ) съ сдѣланными имъ самимъ рисунками и многочисленными поправками, свидѣтельствующими о томъ, что его свободно-льющійся стихъ давался ему не такъ легко, какъ можно бы думать; стихотворенія *Лермонтова*, также съ собственноручными иллюстраціями, одно сочиненіе *Гоголя*, и др.

Далѣе слѣдуютъ автографы Императорскаго Дома, начиная съ родоначальника-патріарха Филарета Никитича до нынѣ царствующаго Государя Императора, и болѣе 200 экземпляровъ автографовъ знаменитыхъ русскихъ людей вмѣстѣ съ ихъ портретами.

Разсматривая автографы, нельзя не задуматься надъ разницею почерковъ Петра III и Екатерины II. На другомъ концѣ лежитъ декретъ незваннаго кремлевскаго гостя съ подписью какъ бы вырвавшеюся изъ подъ лапы разъяреннаго льва. Одинъ бѣшеный взмахъ—и вышло: «*Напо*», а ужь объ львѣ должны догадаться сами, «*леон*» не написано. И тутъ же подлѣ лежитъ тюльерійскій указъ императора Александра I съ подписью, выражающею полное душевное спокойствіе и заканчивающеюся завивающимся въ нѣсколько разъ росчеркомъ.

Портреты основателей первыхъ коллекцій Библіотеки графовъ Залусскихъ, а также и портреты фельдмаршаловъ Суворова и Паскевича, побѣды которыхъ доставили такъ много богатствъ Библіотекѣ, висятъ въ первой залѣ рукописей, куда мы должны вернуться, чтобы черезъ описанную уже выше овальную залу пройти къ лѣстницѣ, ведущей въ верхній этажъ.

Если стоя на серединѣ лѣстницы, вы взглянете на верхъ, то первое, что бросится вамъ въ глаза — это превосходная мраморная статуя Вольтера, произведеніе скульптора Гудона.

Знаменитый фернейскій затворникъ сидитъ здѣсь въ своей собственной библіотекѣ, состоящей изъ 7,000 томовъ книгъ и рукописей. Эта библіотека была куплена Екатериною II и составляла особое отдѣленіе Эрмитажа.

Большая главная зала въ центрѣ Библіотеки съ двойной галлереей поднимается на два этажа. Верхняя ея часть освѣщается тремя окнами, нижняя такимъ же количествомъ высокихъ стеклянныхъ дверей, выходящихъ на балконъ, съ котораго открывается далекій видъ на Невскій проспектъ.

Зала эта заключаетъ наверху теологію, внизу литературу; кромѣ того, большое количество витринъ, весьма искусно сгруппированныхъ и устроенныхъ такъ, что ихъ можно поворачивать во всѣ стороны.

Въ среднихъ витринахъ выставлены письменныя матеріалы всѣхъ временъ, а именно употребительнѣйшія вещества, на которыхъ писали встарину и теперь еще пишутъ или печатаютъ; слѣдовательно: надписи на камнѣ: ассирійско - вавилонскія (собственно гипсовые отпечатки съ хранящихся въ луврскомъ музеумѣ) и античныя надписи на мраморѣ; восковыя дощечки, папирусъ, кожа, пергаментъ всѣхъ сортовъ до самаго тонкаго; хлопчато-бумажная и тряпичная бумага; новая вѣнская маисовая бумага; на восточной сторонѣ: металлическія дощечки, хлопчато-бумажная и шолковая бумага, шелковыя матеріи; дерево, древесная кора, листья и т. д.

Изъ первыхъ произведеній книгопечатанія, выставленныхъ здѣсь, нельзя не остановиться на двухъ древнѣйшихъ памятникахъ ксилографической печати: Откровеніе Іоанна и Жизнь Пресвятой Богородицы (1430—1445 г.). Древнѣйшіе памятники типографскаго искусства: листки майнцскаго псалтыря (1457—1459) и первой майнцской библіи, гутенберговскій католиконъ (1460) тоже выставлены здѣсь на показъ и всѣ вообще напечатаны металлическимъ шрифтомъ, изобрѣтеніе котораго составляетъ главную заслугу Гуттенберга. Напрасные попытки печатать деревянными литерами дѣлались и до него и при немъ, но онѣ ни къ чему не повели.

Кромѣ того мы находимъ здѣсь первенцовъ польской, прусской, шведской и др. печатей, а также рѣдкія, большею частію первыя изданія древней испанской, итальянской, французской и нѣмецкой литературъ.

Въ этой же залѣ выставлены: вытканное изъ шелку завѣщаніе короля Фридриха Вильгельма и портретъ Вашингтона.

Посрединѣ залы, въ витринахъ, сдѣланныхъ въ видѣ башни, бросаются въ глаза великолѣпные переплеты, принадлежащіе большею частію сочиненіямъ, посвященнымъ русскимъ монархамъ, начиная съ Екатерины II.

Изъ двухъ большихъ залъ, примыкающихъ къ овальной залѣ, зала налѣво посвящена новѣйшей русской литературѣ, а примыкающая къ ней меньшая зала исключительно русской журналистикѣ. Это собраніе заключаетъ въ себѣ до 50,000 томовъ, изъ которыхъ всего только пять находились въ первоначальной коллекціи Залусскихъ. Зала направо заключаетъ въ себѣ всеобщую исторію литературы и полиграфію на иностранныхъ языкахъ.

Черезъ полиграфическую залу проходятъ въ отдѣленіе изящныхъ искусствъ и технологіи. Это самое тѣсное помѣщеніе Библіотеки, составляющее угловую залу стараго зданія; впрочемъ, она отлично освѣщена четырьмя окнами, но въ полномъ смыслѣ слова загромождена высокими и низкими шкапами, лѣсенками, гал-

лереями; тѣмъ не менѣе, все это какъ нельзя болѣе удачно приспособлено для выставокъ.

Во первыхъ мы здѣсь нагляднымъ образомъ знакомимся со всѣми способами печатанія картинъ, начиная отъ первыхъ опытовъ до фотографій и наконецъ самопечатанія, этого остроумнѣйшаго изобрѣтенія нашего времени.

Далѣе слѣдуетъ выставка гравюръ, расположенная по школамъ въ хронологическомъ порядкѣ. Мы остановимся на собраніи произведеній русскихъ граверовъ отъ лубочныхъ уродливыхъ картинъ, какъ напр. «Баба-Яга» и политической сатиры «мыши кота погребаютъ» до художественныхъ картинъ Уткина, между которыми «*pius Aeneas*»—одно изъ лучшихъ произведеній искусства. Въ числѣ диллетантскихъ работъ здѣсь есть листикъ, нарисованный рукою Петра Великаго, гдѣ представлено торжество христіанства надъ исламомъ; маленькіе опыты императора Николая I и Великаго Князя Михаила Павловича; литографическій рисунокъ Вел. Кн. Ольги Николаевны, гравюры работы Жуковскаго и бывшаго директора Библіотеки и президента Академіи Художествъ Оленина.

Стѣны этого отдѣленія увѣшаны коллекціей портретовъ Петра Великаго, простирающейся до 200 экземпляровъ, группирующихся вокругъ болѣе или менѣе подлинныхъ оригиналовъ.

Изъ художественнаго отдѣленія мы переходимъ въ главныя залы новѣйшаго зданія. Передъ нашими глазами открывается пространство болѣе, чѣмъ въ четыреста футовъ длины. Свѣту и простору тутъ вдоволь. Два ряда оконъ освѣщаютъ залы окруженныя галлереями, на которыя подымаются по витымъ лѣстницамъ. Врядъ ли можно видѣть въ какомъ либо другомъ мѣстѣ столько книгъ разомъ. Семнадцать рядовъ одѣваютъ стѣны и поднимаются до 60 футовъ высоты, не говоря уже о находящихся тутъ шкапахъ съ книгами.

Всѣ эти книги относятся къ исторіи и ея вспомогательнымъ наукамъ.

По угламъ обѣихъ большихъ залъ возвышаются пирамидальныя витрины. Справа отъ входа выставлены разныя диковины типографскаго искусства, книги напечатанныя необыкновенными шрифтами на цвѣтной бумагѣ, книги съ красными буквами, книги печатанныя на холстѣ, и т. д.

Въ остальныхъ витринахъ лежатъ первыя печатныя книги по всѣмъ отраслямъ наукъ.

Нашъ бѣглый обзоръ не позволяетъ намъ останавливаться на этихъ любопытныхъ памятникахъ—и мы переходимъ въ среднюю залу, называемую теперь корфовскою. Она составляетъ отечественное отдѣленіе, извѣстное подъ названіемъ «*Russica*», гдѣ собрано все что только было напечатано на иностранныхъ языкахъ о Россіи. Благодаря усерднымъ трудамъ барона Корфа, который съ 1849 г. до конца 1861 г. былъ директоромъ Библіотеки и создалъ это отдѣленіе, тутъ собрано теперь болѣе 30,000 экземпляровъ. Въ память такой важной заслуги зала эта съ Высочайшаго соизволенія названа его именемъ и украшена его портретомъ во весь ростъ.

По серединѣ залы стоитъ отдѣльный стеклянный шкапчикъ, украшенный двуглавымъ орломъ, гдѣ хранятся всѣ относящіеся къ библіотеки документы, отъ перваго проекта графа Іосифа Залусскаго 2 января 1744 г., до послѣдняго годоваго отчета.

Слѣдующая зала называется ларинской въ честь благотворительнаго купца Ларина, жившаго въ царствованіе Екатерины II.

Ларинская зала содержитъ въ себѣ описанія путешествій по всему земному шару, археологію, нумизматику, геральдику и другія отрасли историческихъ знаній. Въ витринахъ по обѣимъ сторонамъ портрета Императрицы выставлены древнѣйшія историческія книги: большая нюрнбергская хроника съ 2,000 политипажей, 1433 г. и другія хроники XV столѣтія; древнѣйшія описанія путешествій, напр. Марка Поло, 1481 года, и др.

Двѣ двери ведутъ въ слѣдующее за этимъ отдѣленіе правовѣденія и камеральныхъ наукъ, занимающее, кромѣ большой угловой залы, еще двѣ небольшія комнаты. Въ одной изъ этихъ комнатъ можно видѣть дно большаго мѣднаго резервуара, откуда проведены рукава во всѣ залы библіотеки, такъ-что въ случаѣ пожара стоитъ только отвернуть краны, чтобы въ одну минуту получить нѣсколько тысячъ кубич. футовъ воды.

Между достопримѣчательностями юридической залы бросаются въ глаза двѣ, которыя вы никакъ не предполагали бы встрѣтить въ этомъ мѣстѣ: большая мраморная ваза на пьедесталѣ эпохи *Renaissance*, съ горельефами, изображающими сватьбу Амура и Психеи,—подарокъ графа Ростопчина,—и шкапъ изъ розоваго дерева, чудеснѣйшей работы, который Библіотека получила въ подарокъ отъ австрійскаго государственнаго министерства. Въ выдвижныхъ ящикахъ этого шкапа или, какъ его называетъ выложенная инкрустаціями надпись, «полиграфическаго апарата» хранятся образцы всѣхъ шрифтовъ вѣнской типографіи, одной изъ первѣйшихъ въ мірѣ. Здѣсь можно видѣть невѣроятныя произведенія печати, даже печатанныя масляными красками, картины, образцы самопечатанія, и пр.

Выйдя изъ корфовской залы черезъ среднюю дверь, мы входимъ въ переднюю залу верхняго этажа, убранную шкапами съ книгами, небеснымъ и земнымъ глобусомъ и бюстомъ Аддисона, статуями музъ, диваномъ для ожидающихъ и вазой съ водою для посѣтителей. Сюда выходитъ главная лѣстница, поднявшись по которой вы поворачиваете на лѣво въ новую, открытую въ 1862 г. читальную залу, вмѣщающую въ себѣ до 250 человѣкъ. Послѣ ротонды Британскаго Музеума, въ которой можетъ помѣститься вдвое больше народу, это единственная читальная зала, строившаяся собственно для чтенія, гдѣ встрѣчаются всѣ, какія только можно вообразить себѣ удобства, и кромѣ того она одна изъ всѣхъ подобныхъ залъ освѣщается по вечерамъ газомъ.

Зала эта имѣетъ вышину двухъ этажей, плоскій потолокъ и рядъ высоко-устроенныхъ на правой сторонѣ оконъ, превосходно освѣщающихъ все помѣщеніе. Насупротивъ помѣщается эстрада чиновниковъ, выдающихъ книги. Нѣсколько тысячъ сочиненій, такихъ которые больше всего требуются, помѣщаются въ окружающихъ шкапахъ; нѣкоторыя какъ-то: полное собраніе законовъ, адресъ-календари, лексиконы лежатъ на опредѣленныхъ мѣстахъ для непосредственнаго употребленія читателя. Слѣва къ главной залѣ примыкаетъ небольшая читальная зала для дамъ, а справа особый кабинетъ для чтенія газетъ и періодическихъ ученыхъ изданій, гдѣ можно получать также и большія изданія съ гравюрами. Вы можете выбирать здѣсь между 100 отечественными и 2—300 иностранныхъ журналовъ.

Теперь намъ опять надо спуститься внизъ, чтобы

осмотрѣть остальныя залы. Первая изъ нихъ очень похожа на описанную уже залу современной литературы, только второй рядъ шкаповъ по обѣ стороны залы поставленъ дальше и расположенъ иначе, такъ-что тутъ можно было поставить прекрасныя большія гипсовыя статуи Аполлона бельведерскаго, Венеры медицейской и праксителевскихъ Гермеса и Весту. Эта зала посвящена греческимъ и латинскимъ классикамъ, равно какъ ихъ переводчикамъ и комментаторамъ восточныхъ языковъ и вообще лингвистикѣ.

Въ глубинѣ, противъ самаго входа, стоитъ портретъ во весь ростъ Императора Александра I.

ста, отъ 1,390 до 1,500 г. только младшіе изъ этихъ старцевъ, которымъ нѣтъ еще полныхъ 400 лѣтъ. Тутъ же помѣщаются Альды шестнадцатаго и Эльзевиры семнадцатаго столѣтія, которые могутъ привести въ восторгъ самаго прихотливаго библіофила.

Теперь намъ остается заглянуть въ послѣдній и самый своеобразный уголокъ Библіотеки. Намъ не нужно отворять двери, надо только раздвинуть занавѣсъ и перешагнуть черезъ мистическій знакъ, пентаграмму, чтобы перейдти въ другое столѣтіе, въ помѣщеніе, устроенное въ 1857 г. совершенно въ стилѣ среднихъ вѣковъ, гдѣ собрано до 7000 почтенныхъ инкунабулъ;

Зала инкунабуловъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.
Рисовалъ де ла Шарлери, гравировалъ К. Паннемакеръ.

Съ особеннымъ интересомъ останавливаемся мы въ этой залѣ передъ замѣчательной выставкой библій на всѣхъ извѣстныхъ письменныхъ языкахъ. Всѣхъ языковъ на свѣтѣ не менѣе девятисотъ; изъ нихъ едва пятая часть пишется, и между этими послѣдними есть много такихъ, которыя могутъ предъявить всего одну книгу-библію, и то благодаря только миссіонерскимъ обществомъ.

Эта коллекція заключаетъ въ себѣ болѣе трехъсотъ экземпляровъ, выставленныхъ по группамъ языковъ.

Позади портрета Александра I идетъ дверь въ отдѣленіе древнѣйшихъ книгъ, такъ-называемымъ инкунабуловъ, первенцовъ типографскаго искусства.

Въ маленькой узкой залѣ, куда мы сперва входимъ, стоятъ рядами и шеренгами, по степенямъ ихъ возра-

большею частью въ ихъ первобытномъ переплетѣ. Готическіе своды потолка, расписанные разноцвѣтными красками, опираются на толстый средній столбъ, образуемый четырьмя соединенными колоннами. Оба стрѣльчатыя окна съ ихъ розетками и трилистниками изъ цвѣтнаго стекла; массивныя репозиторіи, далеко выступающіе карнизы которыхъ, поддерживаемые витыми колонками, поднимаются до самаго свода; тяжеловѣсные столы и стулья; высокая конторка съ часами (изъ которыхъ одни съ кукушкою, а другіе песочные), арабскимъ глобусомъ и астролябіей и парящій надъ всѣмъ этимъ вампиръ; налой для чтенія прикрѣпленныхъ на цѣпяхъ книгъ, — все до массивной боковой двери и чернильницы, напоминаетъ намъ о монастырской библіотекѣ пятнадцатаго столѣтія, когда было изобрѣтено книгопечатаніе.

Между различными надписями, соотвѣтствующими виду всей залы, одна на архитравѣ, надъ капителью средняго столба, гласитъ, что здѣсь находятся первенцы типографскаго искусства и что имя его изобрѣтателя Іоганна Гуттенберга никогда не умретъ. Другая, какъ разъ у входа, заимствована у нѣкоторыхъ средневѣковыхъ библіотекъ и увѣщеваетъ не дѣлать шуму и не поднимать голоса тамъ, гдѣ говорятъ мертвые. Прикованныя цѣпями, книги выставляютъ въ яркомъ свѣтѣ гнусность книжнаго воровства. На одномъ ящикѣ, гдѣ собраны мельчайшіе остатки разрозненныхъ старинныхъ книгъ, написано на наивно-монашескомъ латинскомъ языкѣ: «Собирайте крошки, чтобъ ничто не пропало даромъ», — невинный теологическій каламбуръ, потому что въ текстѣ Вульгаты хлѣбныя крошки названы словомъ *fragmenta*. Надпись подлѣ часовъ съ кукушкою, заключаетъ въ себѣ вопросъ: «Что поетъ птичка?» «Старую пѣсню: время бѣжитъ» — и горестное восклицаніе: «О ты, злая земная жизнь, зачѣмъ ты такъ радуешь меня!» А на конторкѣ, на полосѣ пергамента написано по гречески многознаменательное библейское изрѣченіе: «Ищите и обрящете».

Князь Бисмаркъ фонъ-Шенгаузенъ

(Окончаніе).

III. Парламентская и дипломатическая дѣятельность.

Когда король Фридрихъ-Вильгельмъ IV издалъ въ 1847 г. свой февральскій патентъ и созвалъ соединенный парламентъ съ двумя палатами — палатою господъ и трехъ-сословною, — онъ хотѣлъ, чтобъ народъ принялъ это какъ доказательство любви его и довѣрія къ народу; но вслѣдъ за радостью, которою былъ встрѣченъ патентъ, короля ожидало самое горькое разочарованіе.

Прежде всего съ недовѣріемъ смотрѣли на новую конституцію старые роялисты Пруссіи, выросшіе и состарившіеся въ чистокровномъ прусскомъ абсолютизмѣ Фридриха-Вильгельма III; они никакъ не могли понять, почему самъ ихъ король добровольно счелъ за нужное созвать парламентъ, на подобіе англійскаго, и, покачивая въ раздумьи посѣдѣвшими головами, выводили отсюда всякаго рода печальныя послѣдствія. Рядомъ съ этими людьми, стояли тѣ, которые конечно предчувствовали, что злоупотребленія бюрократизма нельзя болѣе лѣчить только патріархальнымъ абсолютизмомъ, — но которые вмѣстѣ съ тѣмъ были убѣждены, что король, своимъ патентомъ, далъ въ этомъ отношеніи все, что только могъ дать, и видѣли въ патентѣ послѣдній оплотъ королевской власти, который слѣдовало изъ всѣхъ силъ отстаивать противъ либерализма. Въ отпоръ этимъ роялистамъ развернула свое пестрое знамя армія либераловъ, состоявшая изъ нѣсколькихъ разрозненныхъ колоннъ, но которыя всѣ, опираясь на февральскій патентъ, желали превратить абсолютное управленіе государствомъ въ современную конституціонную монархію.

Мы не намѣрены здѣсь подвергать подробной критикѣ стремленія этихъ разныхъ партій, но несомнѣнно то, что ни одна изъ нихъ не приняла февральскаго патента въ томъ смыслѣ, который желалъ придать ему король; это сдѣлали только тѣ, которые поняли, что король, исходя отъ существовавшаго провинціальнаго и сословнаго устройства государства, желалъ этими имперски-сословными учрежденіями образовать особую прусскую сословную монархію, которая конечно могла развиться только при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ и съ теченіемъ времени. Къ числу этихъ-то людей принадлежалъ и Бисмаркъ, принимавшій участіе въ соединенныхъ ландтагѣ въ качествѣ депутата отъ дворянства іериховскаго округа.

Его первая рѣчь, сказанная имъ въ этомъ смыслѣ, въ засѣданіи трехъ-сословной куріи 17 мая, вызвала такую бурю негодованія со стороны либераловъ, что предсѣдатель долженъ былъ употребить все свое вліяніе, чтобы удержать за нимъ право слова.

Съ этой минуты — говоритъ извѣстный біографъ Бисмарка Георгъ Гезкіель — вся ненависть печати, которая вся находилась тогда въ рукахъ либераловъ, обратилась на Бисмарка. Такимъ образомъ, эта первая рѣчь Бисмарка способствовала сложившемуся общему убѣжденію въ его обскурантизмѣ и его крайнихъ юнкерскихъ стремленіяхъ. Но начавшій свое поприще политикъ, на насмѣшки своихъ противниковъ, часто отвѣчалъ не менѣе рѣзкими насмѣшками. Такъ началась парламентская борьба Бисмарка съ его противниками.

Въ засѣданіи трехъ-сословной куріи 1-го іюня, по поводу такъ-называемыхъ преній о періодичности парламентскихъ собраній, рѣчь Бисмарка, — доказывавшаго, что добиваться этихъ собраній путемъ петиціи и подходить къ трону съ просьбою объ измѣненіи законодательства не слѣдуетъ, что надо подождать пока по крайней мѣрѣ патентъ 3 февраля «обрастетъ травой нынѣшняго лѣта», что проведенная однимъ изъ депутатовъ паралель между способомъ, которымъ англійскій народъ въ 1588 г., по изгнаніи Якова II, умѣлъ защитить свои права, и тѣмъ, какъ прусскій народъ можетъ въ настоящее время добиться признанія своихъ правъ, неудачна, такъ какъ «прусскіе монархи обладаютъ не по милости народа, но по милости Божіей, короной фактически неограниченной, и добровольно отдали часть ея правъ народу», — эта рѣчь, принятая какъ прусско-роялистское *profession de foi* въ отношеніи къ конституціонной доктринѣ, была встрѣчена съ одной стороны криками: «браво!», съ другой ропотомъ и наконецъ цѣлымъ потокомъ перерывовъ.

Не менѣе этого замѣчательна, какъ выраженіе основныхъ воззрѣній Бисмарка на государство, и рѣчь, произнесенная Бисмаркомъ 15 іюня, во время преній объ эмансипаціи евреевъ, въ которой Бисмаркъ отрицалъ за евреями право занимать правительственныя должности въ христіанскомъ государствѣ — на томъ основаніи, что каждое государство, если оно желаетъ видѣть свою будущность упроченною, должно находиться на религіозномъ основаніи, что этимъ основаніемъ у европейскихъ государствъ можетъ быть только христіанство и что если мы отнимемъ у государства это религіозное основаніе, то государство превратится лишь въ случайный аггрегатъ правъ, въ родѣ оплота противъ войны всѣхъ съ каждымъ, воздвигнутаго древней

философіей. «Законодательство его — говорилъ онъ — уже не будетъ болѣе возраждаться изъ первобытнаго источника вѣчной истины, но изъ неопредѣленныхъ и измѣнчивыхъ понятій о гуманности, въ томъ видѣ, какъ эти понятія сложатся въ умахъ людей, стоящихъ во главѣ управленія».

Рѣчь эта, естественно, подверглась сильнымъ нападкамъ со стороны либеральной партіи, которая вообще не щадила колкостей для того, чтобъ поражать своего противника. Эти первыя столкновенія съ либералами вызвали въ Бисмаркѣ тѣ нравственныя и умственныя силы, съ которыми онъ являлся потомъ постояннымъ побѣдителемъ.

Берлинскіе мартовскіе дни, бывшіе отголоскомъ парижской февральской революціи, произвели на Бисмарка тяжелое впечатлѣніе. Когда, 2 апрѣля 1848 г., отвѣтный адресъ королю на его предложеніе о созваніи новаго парламента для изготовленія новой конституціи и составленія новаго министерства, не смотря на протестъ Бисмарка, требовавшаго обсужденія этого адреса въ комиссіи, былъ тотчасъ же составленъ, обсужденъ и принятъ,— Бисмаркъ тоже принялъ его, но по той единственной причинѣ, что не видалъ другаго средства помочь бѣдѣ, и выражая свое сожалѣніе о томъ, что «прошлое погребено и никакая человѣческая сила не въ состояніи вновь пробудить его, послѣ того какъ сама корона бросила горсть земли на его гробъ».

Но покоряясь тому, чего нельзя уже было поправить, Бисмаркъ вооружался для будущаго въ пользу королевской власти. Прежде всего онъ предпринялъ планъ овладѣть революціей, которая пріобрѣтала все болѣе и болѣе силы. Совѣщанія съ друзьями и людьми одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій, соглашенія съ представителями разныхъ партій, всякаго рода приготовительныя мѣры,—такова была его дѣятельность въ это время.

Королевской или консервативной партіи не было, но элементы для нея находились въ изобиліи; ихъ-то и соединилъ Бисмаркъ, привелъ въ связь, организовалъ и наконецъ дисциплинировалъ.

Послѣ мартовскихъ дней, Бисмаркъ, подъ вліяніемъ волновавшихъ его чувствъ, написалъ письмо къ королю—не политическое письмо, наполненное совѣтами и планами, но простое изліяніе впечатлѣній и чувствъ преданности. Послѣ этого Бисмаркъ былъ часто призываемъ въ Санъ-Суси и король выслушивалъ его мнѣнія по многимъ важнымъ предметамъ. Министерство Мантейфеля также было составлено подъ значительной долей вліянія Бисмарка.

Послѣ изданія декабрской конституціи 1848 г. Бисмаркъ былъ въ декабрѣ этого года выбранъ въ Бранденбургѣ въ члены второй палаты, какъ представитель провинціи, лежащей по ту сторону Гавеля.

26 февраля 1849 г. произошло открытіе парламента. Бисмаркъ помѣстился почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ нѣкогда засѣдалъ въ соединенномъ ландтагѣ въ качествѣ представителя іериховскаго дворянства,—и здѣсь около него собрались не только его бывшіе единомышленники, но и его противники, какъ бывшіе, такъ и тѣ, которымъ было суждено впослѣдствіи сдѣлаться его противниками.

Бисмаркъ не старался обмануть себя насчетъ затруднительности положенія, хотя роялисты и громко торжествовали насчетъ результата выборовъ, именно: партіи численностью своею были равны. Но разсчитывать такъ было бы невѣрно, и, не смотря на то, подобный результатъ, послѣ событій прошлаго года, былъ уже великимъ успѣхомъ.

Въ засѣданіяхъ второй палаты, послѣдовавшихъ за открытіемъ парламента, Бисмаркъ увидѣлъ себя въ необходимости защищать конституцію, мало соотвѣтствовавшую его желаніямъ и убѣжденіямъ, отъ напора демократическихъ идей. Онъ принялъ конституціонализмъ, только потому что иначе не могъ поступить, — теперь же онъ долженъ былъ защищать королевскую власть на этой почвѣ. Онъ дѣлалъ это съ ловкостью и открыто и часто поражалъ своихъ противниковъ.

30 мая былъ обнародованъ новый избирательный законъ для второй палаты и королевское повелѣніе, которымъ обѣ палаты созывались на 7 августа. Эта новая палата, въ которой положеніе партій уже болѣе выяснилось, занималась преимущественно пересмотромъ новой конституціи и германской политикой Пруссіи, т.-е. объединительными планами Радовица.

Бисмаркъ, который теперь болѣе и болѣе усвоивалъ себѣ роль одного изъ вождей консервативной партіи, возсталъ противъ этихъ объединительныхъ стремленій и противъ союза трехъ королей, находя, что планы эти клонились къ ущербу собственно прусскаго элемента и могли привести его къ ослабленію.

Что касается до пересмотра конституціи, то Бисмаркъ и его единомышленники старались устроить такъ, чтобы королю вообще можно было управлять при помощи ея.

Зимою 1849—1850 г. жизнь Бисмарка была почти совершенно поглощена политикой. Засѣданія палатъ, комиссій, фракцій, дѣла ферейновъ, всякаго рода совѣщанія занимали его непрерывно.

Очень часто, какъ и многіе члены консервативной партіи, Бисмаркъ посѣщалъ въ то время редакцію «Крестовой Газеты», чтобъ узнавать и приносить новости. Но онъ не былъ только разсказчикомъ въ редакціи «Крестовой Газеты»; онъ поддерживалъ основанную при его содѣйствіи газету и собственными статьями.

Послѣ закрытія сессіи, въ февралѣ 1850 г., онъ былъ на короткое время въ Шенгаузенѣ, а уже въ слѣдующемъ апрѣлѣ мы находимъ его снова въ Эрфуртѣ, въ союзномъ сеймѣ. Онъ, какъ извѣстно, высказался съ самаго начала противъ стремленій къ объединенію; они, по его твердому убѣжденію, не могли привесть ни къ какой благопріятной для Пруссіи цѣли. Слѣдя съ научной любознательностью за усиліями, которыя дѣлалъ Радовицъ, чтобъ спасти единство Германіи, онъ удивлялся ловкости этого государственнаго человѣка, но находилъ, что создать это единство, точно такъ же какъ и всякую другую государственную организацію, нельзя, если не имѣешь мужества или силы оказывать достаточное давленіе на то, что сопротивляется.

Союзъ трехъ королей не состоялся, войны нельзя было вести при грозномъ положеніи германскихъ государствъ относительно Пруссіи, идея единства была оставлена, Радовицъ вышелъ изъ министерства, а Мантейфель, замѣнившій мѣсто его въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, долженъ былъ подписать постыдную для Пруссіи ольмюцскую конвенцію.

Не извѣстно, у кого перваго возникла мысль ввѣрить Бисмарку, который до того времени вовсе не былъ употребляемъ въ дипломатическихъ дѣлахъ, постъ посланника при союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ на Май-

нѣ — у самаго-ли Фридриха Вильгельма IV или у министра Мантейфеля; во всякомъ случаѣ, къ ней прибѣгли въ томъ предположеніи, что именно Бисмаркъ будетъ для Австріи *persona grata,* потому что тогдашняя задача Пруссіи заключалась въ томъ, чтобъ вести германскія дѣла въ самомъ дружескомъ согласіи съ Австріей.

Въ маѣ 1851 года, Бисмаркъ былъ назначенъ первымъ секретаремъ при посольствѣ съ титуломъ тайнаго совѣтника посольства, а въ августѣ того же года былъ уже дѣйствительнымъ посланникомъ при сеймѣ.

Живя во Франкфуртѣ, Бисмаркъ скоро убѣдился въ томъ, что Австрія совершенно не признавала равноправности Пруссіи въ управленіи германскими дѣлами (что̀ поставлялъ онъ первымъ условіемъ), что Австрія, напротивъ, увеличиваетъ затрудненія Пруссіи. Благодаря своему личному преобладанію, Бисмаркъ добился нѣкоторыхъ выгодъ для Пруссіи и дѣйствовалъ рѣшительно путемъ печати, которой онъ постоянно посвящалъ не только свое вниманіе, но и часто свою непосредственную дѣятельность.

Между тѣмъ положеніе Пруссіи было таково, что союзная организація могла держаться только при политикѣ князя Меттерниха; эта политика, которая состояла въ возможномъ отстраненіи Австріи отъ германскихъ дѣлъ и предоставляла Пруссіи свободное поле дѣятельности, покрайней мѣрѣ въ ея сѣверно-германскомъ районѣ,—держалась всегда возможно-дружественныхъ формъ. Когда же князь Шварценбергъ обратился къ совершенно-противуположной политикѣ, тогда столкновеніе сдѣлалось только вопросомъ времени. Такимъ образомъ политика Шварценберга, которой слѣдовалъ и преемникъ его, графъ Буоль-Шауенштейнъ, сдѣлала Бисмарка открытымъ противникомъ Австріи, и сопротивленіе враждебной Пруссіи политикѣ вѣнскаго кабинета стало лозунгомъ его политической дѣятельности.

Само собою разумѣется, что Бисмаркъ зорко и внимательно слѣдилъ не только за дѣйствіями Австріи, но и за политикой ея вообще,—и вскорѣ изслѣдовалъ принципы, на которыхъ основывалась политика Австріи, которая стремилась пріобрѣсти силу и значеніе въ Европѣ одной только дипломатической игрой. Бисмаркъ былъ убѣжденъ, что Австрія потерпитъ неудачу и, по его мнѣнію, Пруссія должна была воспользоваться наступившимъ вслѣдъ за тѣмъ кризисомъ, чтобы освободиться отъ Австріи и первенствовать въ Германіи. Вслѣдствіе того онъ не переставалъ настаивать въ Берлинѣ на возможно-большемъ усиленіи прусскихъ военныхъ силъ. Убѣжденія его не остались тщетны, но они, какъ извѣстно, восторжествовали только впослѣдствіи, съ помощію крайнихъ усилій и послѣ внутренней борьбы, которую онъ велъ; обстоятельства въ то время сложились такимъ образомъ, что, когда кризисъ дѣйствительно наступилъ, Пруссія не могла имъ воспользоваться,—и какъ скоро вспыхнула война въ Италіи, и Пруссія не выступила противъ Австріи, то министерство сочло невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе Бисмарка во Франкфуртѣ и отозвало его.

Пребываніе Бисмарка во Франкфуртѣ представляло ему выгоду, не маловажную для государственнаго человѣка. Франкфуртъ лежитъ, подобно большой гостинницѣ, на пути, по которому лѣтомъ европейское общество проѣзжаетъ во всѣхъ направленіяхъ. Представитель Пруссіи принималъ тамъ не только многихъ государей, которые находились въ родственныхъ или дружескихъ связяхъ съ королевскимъ прусскимъ домомъ, но съ теченіемъ времени лично познакомился и съ большей частью министровъ и дипломатовъ всѣхъ европейскихъ государствъ.

Между государственными людьми, съ которыми Бисмаркъ познакомился на Рейнѣ, надо прежде всего упомянуть о старомъ князѣ Меттернихѣ, котораго онъ посѣтилъ въ замкѣ Іоганисбергъ и съ которымъ имѣлъ продолжительную бесѣду.

Лѣтомъ 1855 г. Бисмаркъ, бывшій уже въ маѣ 1852 г. по важному порученію въ Вѣнѣ, посѣтилъ промышленную выставку въ Парижѣ и былъ представленъ императору французовъ. Весною 1857 г. мы встрѣчаемъ Бисмарка снова въ Парижѣ, гдѣ въ то время онъ имѣлъ первыя политическія бесѣды съ Наполеономъ. Во время своей дѣятельности во Франкфуртѣ Бисмаркъ не разъ предпринималъ далекія путешествія; онъ объѣхалъ большую часть Италіи,—вѣроятно также для личнаго наблюденія надъ положеніемъ дѣлъ. Затѣмъ Бисмаркъ получилъ назначеніе въ Петербургъ.

Разставаясь въ 1858 г. съ своей дѣятельностью во Франкфуртѣ на Майнѣ, Бисмаркъ высказалъ лично принцу-регенту сожалѣніе свое по поводу перемѣщенія его на другой постъ; но принцъ-регентъ сказалъ ему, что постъ въ Петербургѣ считается первымъ въ прусской дипломатіи и что онъ долженъ считать свое назначеніе туда за особое отличіе. Бисмаркъ умѣлъ снискать и сохранить во все время своего пребыванія въ Петербургѣ уваженіе русскихъ государственныхъ людей. Въ мартѣ 1859 года отправился онъ въ Петербургъ, а 1 апрѣля 1859 г. вступилъ въ свою новую должность.

Бисмаркъ нанималъ домъ графини Штейнбокъ на англійской набережной. Живя въ Петербургѣ, онъ учился по русски съ помощію учителя. Въ высшемъ русскомъ обществѣ Бисмаркъ пользовался почетомъ. Канцлеръ князь Горчаковъ обнаруживалъ къ нему постоянное вниманіе, какъ по крайней мѣрѣ говорятъ біографы Бисмарка.

23 мая 1862 г. Бисмаркъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ и уѣхалъ туда, а въ половинѣ сентября того же года, будучи вызванъ по телеграфу изъ Пиренеевъ, пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы принять должность министра.

Дипломатическая дѣятельность Бисмарка въ Парижѣ занимаетъ всего промежутокъ времени въ нѣсколько недѣль, но она имѣла весьма важныя послѣдствія. Именно, въ это время онъ успѣлъ ближе узнать много правительственныхъ лицъ во Франціи и точнѣе ознакомиться съ положеніемъ французскихъ дѣлъ, которыя онъ еще болѣе уяснилъ себѣ при своихъ позднѣйшихъ многократныхъ поѣздкахъ въ Біарицъ.

IV. Министерская дѣятельность и ея результаты.

Удалившееся либеральное министерство оставило въ наслѣдство консервативному, замѣнившему его мѣсто, столкновеніе съ палатой депутатовъ.

Какого рода борьба ожидала Бисмарка при вступленіи его въ должность министра, можно видѣть изъ того, что многіе изъ сподвижниковъ Бисмарка бились уже не изъ-за побѣды, но такъ-сказать изъ-за того, чтобы

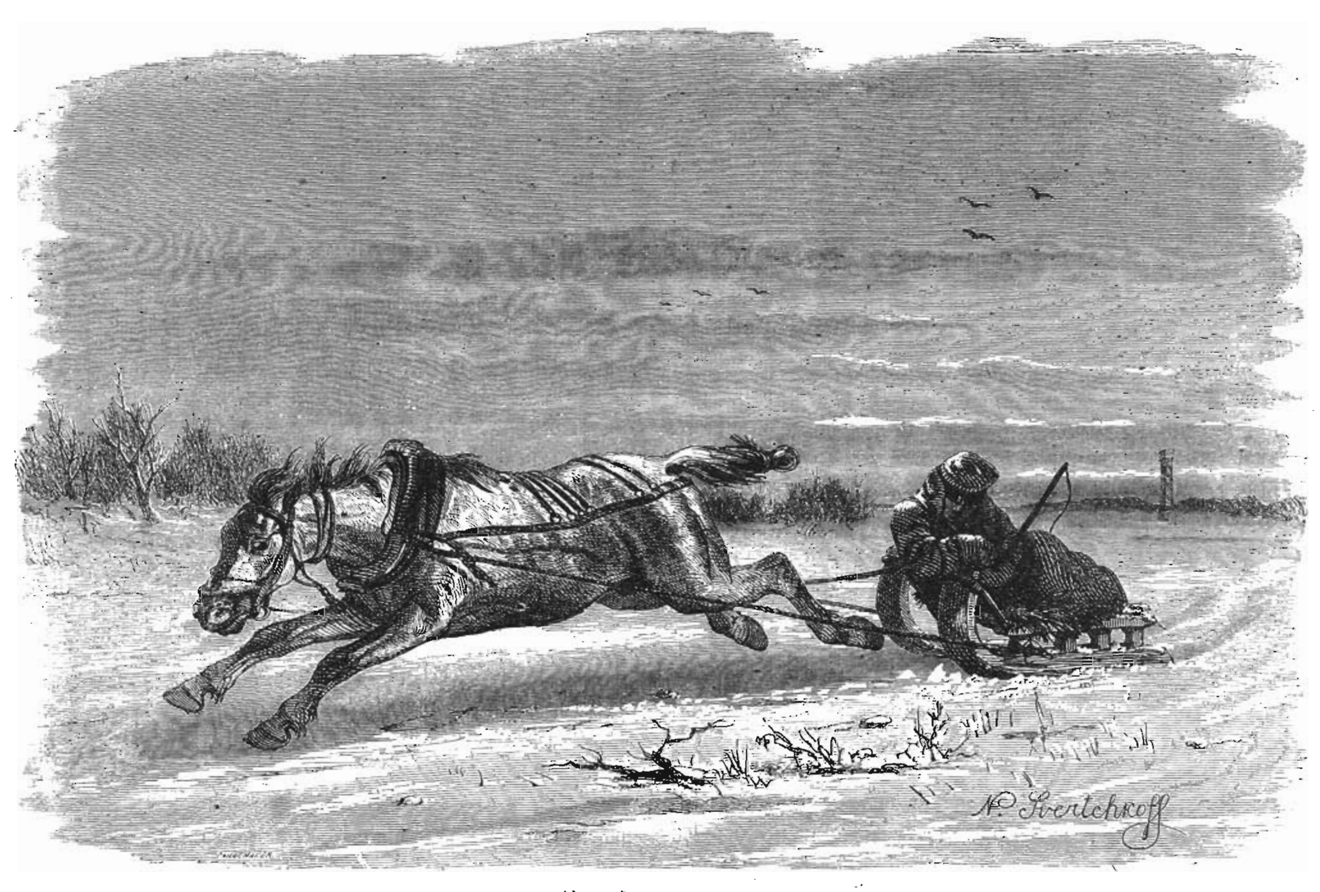
умереть съ честью. Что касается до Бисмарка, то онъ не терялъ надежды и вѣрилъ въ будущность Пруссіи и Германіи, но въ то же самое время сознавалъ, что ему предстоитъ борьба на жизнь и на смерть.

Ослабить или даже уничтожить въ Пруссіи парламентизмъ, дать сильную организацію арміи, въ которой онъ видѣлъ всю будущность Пруссіи и Германіи — вотъ задача, которую задалъ себѣ прежде всего, Бисмаркъ.

Всѣ, которые видѣли или говорили съ нимъ въ то время, вспоминаютъ его самонадѣянность и увѣренность, съ которыми онъ приступилъ къ дѣлу. Ему казалось сначала вещью не невозможной склонить на свою сторону вождей противныхъ партій—и онъ вступилъ съ ними въ переговоры; онъ взывалъ къ ихъ патріотическому чувству, убѣждалъ ихъ, что хотя они и идутъ собрать свою силу для удобной минуты, которая уже нѣсколько разъ упущена; границы Пруссіи неудобны для здороваго государственнаго организма. Не рѣчами и постановленіями большинства рѣшаются великіе вопросы времени — въ этомъ заключалась ошибка 1848 и 1849 годовъ — но желѣзомъ и кровью».

На эти примирительныя попытки палата отвѣчала постановленіемъ 7-го октября, которымъ всѣ расходы, отвергнутые народными представителями, объявлены противными конституціи.

На слѣдующій день Бисмаркъ, котораго 23 сентября король назначилъ государственнымъ министромъ и временно предсѣдательствующимъ въ государственномъ министерствѣ, былъ утвержденъ президентомъ государственнаго министерства и министромъ иностранныхъ

Эстафета зимою.
Рисунокъ Сверчкова.

по другому пути, но все же должны имѣть въ виду общую съ нимъ цѣль — славу и величіе родины. Если же они желаютъ спасенія Пруссіи и Германіи, то они должны желать и средства къ тому — реорганизованной арміи. Но, несмотря на всѣ свои усилія, Бисмаркъ успѣлъ убѣдить только не многихъ.

29 сентября 1862 г. Бисмаркъ возвѣстилъ палатѣ, что правительство беретъ обратно свой проектъ бюджета на 1863 годъ, потому что считаетъ долгомъ не увеличивать еще болѣе препятствій къ соглашенію съ палатой. Въ это-то время, убѣждая депутатовъ въ томъ, что не на либерализмъ Пруссіи взираетъ Германія, а на ея силу, онъ произнесъ свои знаменитыя слова, что великіе вопросы времени рѣшаются не рѣчами, но желѣзомъ и кровью. «Баварія, Виртембергъ и Баденъ, говорилъ онъ, могу поблажать либерализму; но зато никто не припишетъ имъ роли Пруссіи. Пруссія должна дѣлъ, а 13 октября парламентъ былъ закрытъ и Бисмаркъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ снова высказаться насчетъ своего положенія.

«Правительство — сказалъ онъ — вполнѣ сознаетъ отвѣтственность, проистекающую для него изъ этого грустнаго положенія дѣлъ; но оно вмѣстѣ съ тѣмъ памятуетъ о своихъ обязанностяхъ передъ страною и вслѣдствіе того считаетъ себя уполномоченнымъ, впредь до законнаго утвержденія бюджета, дѣлать расходы, необходимые для поддержанія государственныхъ учрежденій и развитія благосостоянія страны, будучи увѣрено, что они въ свое время будутъ одобрены палатою».

Таково было начало безбюджетнаго управленія.

Вскорѣ по принятіи управленія министерствомъ, именно въ декабрѣ 1862 г., Бисмаркъ поручилъ сдѣлать Австріи предложенія въ томъ смыслѣ, что если Австрія откажется отъ политики Шварценберга, враждебной Прус-

сіи, и согласится предоставить Пруссіи руководящее положеніе въ Германіи, тогда Бисмаркъ изъявлялъ готовность вступить съ Австріей въ тѣсную связь; если же Австрія не согласится на это—то, въ случаѣ опасной для нея войны, она рискуетъ найдти Пруссію на сторонѣ своего противника.

Бисмаркъ, какъ видно, высказался весьма откровенно, прямо указалъ на свою цѣль и на средства, которыми думалъ ея достигнуть. Предупреждать о своихъ намѣреніяхъ — это отличительная чертахъ Бисмарка. Австрія въ то время занималась вопросомъ о такъ-называемыхъ делегаціяхъ и по этому поводу уклонилась отъ непосредственнаго отвѣта.

Лѣтомъ 1763 года, Австрія выступила съ своими новыми проектами о реорганизаціи, въ которыхъ кромѣ того она старалась дать господству федеративному принципу для противудѣйствія унитарнымъ стремленіямъ Пруссіи,—и король Вильгельмъ, ѣздившій въ это время въ сопровожденіи Бисмарка въ Карлсбадъ, а оттуда въ Гастейнъ, получилъ въ Гастейнѣ приглашеніе на съѣздъ государей во Франціи. Прусскій король, отправившійся вмѣстѣ съ своимъ министромъ изъ Гастейна, черезъ Мюнхенъ и Штутгартъ въ Баденъ-Баденъ, отклонилъ отъ себя предложеніе прибыть на съѣздъ, который, благодаря неучастію Пруссіи, не имѣлъ результата, хотя собравшіеся государи и одобрили основыя положенія австрійскаго проекта.

Затѣмъ сдѣлалось ясно, что соперничество Пруссіи съ Австріей должно было чѣмъ-нибудь разрѣшиться, прежде чѣмъ начнется пересозданіе Германіи. Австрія отвергла всѣ предложенія Пруссіи, клонившіеся, въ сущности, къ изгнанію Австріи изъ Германскаго союза или къ новой организаціи Союза подъ руководствомъ Пруссіи и Австріи, и отвѣтила на нихъ актомъ о реформахъ, въ силу котораго Пруссія утрачивала свою гегемонію въ Союзѣ. Вмѣстѣ съ соединенными съ нею средне-германскими государствами она предлагала Пруссіи на выборъ: или безусловно покориться, потерять свою гегемонію, или же исключить себя изъ новаго союза.

Пруссія исполнила этотъ актъ самоисключенія, но однако это не помогло Австріи, — вѣнскій актъ о реформахъ не осуществился.

Въ лагерѣ Австріи и ея союзниковъ предчувствовали въ то время войну, можетъ быть даже и разсчитывали на нее,—и дѣйствительно война явилась, но не война между Пруссіей и Австріей, а къ несказанному удивленію міра, Пруссія и Австрія выступили рука объ руку, какъ союзники, въ войнѣ противъ Даніи.

Какимъ образомъ однако Бисмарку удалось повести Австрію на эту войну, какимъ образомъ онъ могъ побудить старинняго соперника Пруссіи, въ противность всей его прежней политикѣ обнажить мечъ за ея интересы? Справедливо, конечно, мнѣніе, что энергическая инціатива Бисмарка увлекла Австрію, но это еще не разъясняетъ дѣла. Вѣроятно также и увѣреніе австрійской дипломатіи, будто бы она была вынуждена дѣйствовать вмѣстѣ съ Пруссіей, чтобы наблюдать за послѣдней и обуздывать ее; но правъ былъ и житель Вѣны, восклицавшій: «этотъ Бисмаркъ ведетъ насъ куда захочетъ!», когда Австрія пошла вмѣстѣ съ Пруссіей въ Голштинію, Шлезвигъ и Ютландію—въ интересахъ своей соперницы и Германіи.

Когда въ апрѣлѣ 1864 г., послѣ побѣды надъ Даніей, король Вильгельмъ поѣхалъ на сѣверъ къ своему

Финны.

войску, Бисмаркъ сопровождалъ его въ этой тріумфаторской поѣздкѣ и при этомъ случаѣ могъ лично убѣдиться, что онъ уже далеко не прежній ненавистный министръ-президентъ, но что эта побѣда значительно увеличила толпу его почитателей.

Послѣ этой, столь «элегантно» — по выраженію Георга Гезекіеля — веденной войны, которая вмѣстѣ съ тѣмъ доставила случай испытать реорганизованную армію и игольчатыя ружья, которая снова пробудила въ Пруссіи патріотически-воинственный духъ, король пожаловалъ своему министру-президенту высшій знакъ отличія въ Пруссіи, орденъ Чернаго Орла.

Наступилъ слѣдующій 1865 г.; въ силу вѣнскаго мира 30 октября 1864 г. герцогства Голштинія и Шлезвигъ были уступлены Пруссіи и Германіи. Но какъ скоро пришло время распорядиться этимъ пріобрѣтеніемъ тотчасъ же обнаружилось, что Австрія намѣрена была дѣйствовать противъ политики Бисмарка, конечной цѣлью которой было организованіе Германскаго Союза, подъ гегемоніей Пруссіи, — тогда какъ Австрія, напротивъ того желала образовать изъ Шлезвигъ-Голштейна новое мелкое государство. Средне-германскіе дворы были противъ политики Бисмарка, потому что, въ случаѣ ея побѣды, имъ пришлось бы конечно пожертвовать частью своихъ владѣній. Эти государи не могли рѣшиться возвратиться къ такому же положенію, которое они нѣкогда занимали, какъ германскіе князья; они хотѣли удержать за собою свою полудержавную власть, хотя и въ случаѣ побѣды Австріи, они также сдѣлались бы ея вассалами. Какъ ни старался Бисмаркъ распространять и поддерживать свои идеи въ средѣ Союза и при германскихъ дворахъ, но онъ не имѣлъ успѣха. При такомъ положеніи дѣлъ рѣшено было начать войну съ Австріей.

Съ какою цѣлью была заключена, 14 августа 1865 г., гастейнская конвенція, остановившая на этотъ разъ враждебныя дѣйствія, до сихъ еще поръ не выяснено; но миръ не долго длился; 14 іюня 1866 года послѣдовало рѣшеніе Союза о мобилизированіи союзной арміи, разумѣется противъ Пруссіи, вслѣдствіе чего и самъ Союзъ объявленъ разорваннымъ.

Оставляя въ сторонѣ описаніе открывшихся вслѣдъ за этимъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ предметъ нашей статьи дѣятельность Бисмарка, — скажемъ только то, что Бисмаркъ, присутствовавшій въ качествѣ маіора ландвера при всѣхъ рѣшительныхъ сраженіяхъ, находился и въ эту войну въ свитѣ короля, и хотя онъ не спеціалистъ въ военномъ дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе вмѣшательство и вліяніе его на всѣ предпріятія несомнѣнно. Вскорѣ послѣ заключенія гастейнской конвенціи онъ былъ пожалованъ графомъ, а послѣ послѣдней прусско-французской войны княземъ.

Годъ войны съ Австріей пруссаки и вообще германскіе уніонисты называютъ «великимъ годомъ»; дѣйствительно, побѣда Пруссіи надъ Австріей разрѣшила великій вопросъ объединенія Германіи и открыла ей новый путь въ исторіи. Вопросъ этотъ созрѣвалъ въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій и осложнялся множествомъ политическихъ обстоятельствъ, иногда случайныхъ, а иногда вытекающихъ непосредственно изъ свойствъ самаго вопроса; Бисмарку суждено было сдѣлаться исполнителемъ историческаго стремленія германской націи къ объединенію, преодолѣть трудности своей миссіи и обезсмертить себя на этомъ поприщѣ.

Причина послѣдней, прусско-французской войны лежитъ главнымъ образомъ въ томъ, что Франція еще во время войны Пруссіи съ Австріей выказала поползновеніе помѣшать объединенію Германіи подъ гегемоніей Пруссіи. Послѣ того какъ Австрія перестала быть помѣхой Пруссіи въ Германіи и, потерпѣвъ пораженіе, сознала себя безсильной для того, чтобы вступить въ новую борьбу съ своей соперницей, Пруссіи оставалось уничтожить противодѣйствіе со стороны Франціи. Военные успѣхи Пруссіи уже достигли этой цѣли.

Судьба Германіи зависитъ теперь отъ Пруссіи и отъ борьбы Бисмарка съ нѣмецкими политическими партіями, — борьбы, которая должна начаться одновременно съ тѣмъ моментомъ, какъ скоро возникнетъ снова вопросъ о союзной реформѣ.

Народы Россіи.

IV. Финны.

Многочисленное племя Финновъ, распространенное по сѣверо-востоку Европы и сѣверо-западу Азіи, владѣло въ древности всѣмъ пространствомъ земли между Ураломъ и Балтійскимъ моремъ, но теперь все (за исключеніемъ одной отрасли, о которой свидѣтельствуютъ только нѣсколько незначительныхъ племенъ) находится подъ русскимъ владычествомъ. Финская, чудская, угрская или уральская раса (получившая это послѣднее названіе отъ имени горнаго хребта, обѣ отлогости котораго принадлежали когда-то ей) одна изъ самыхъ замѣчательныхъ расъ и занимаетъ значительное мѣсто въ этнографіи. Тамъ, гдѣ она не сохранилась въ чистотѣ, какъ напр. въ Венгріи, она смѣшалась съ завоевавшими ее народами и пришельцами: гуннами, хазарами, аварами, болгарами, монголами, даже турками, бывшими съ незапамятныхъ временъ ея южными сосѣдями. Отъ Урала она распространилась къ востоку и западу — и вскорѣ ея племена заняли огромное пространство земли между Балтійскимъ моремъ и источниками Нарыма, притока Оби. Еще и теперь встрѣчаются по всему этому протяженію ея остатки, которые, даже болѣе или менѣе слившись съ русскими, все-таки узнаются по особеннымъ чертамъ лица и по общему корню всѣхъ ихъ языковъ.

Финское племя раздѣляется на три главныя отрасли: 1) *Западныхъ или прибалтійскихъ финновъ*, въ Лапландіи, великомъ княжествѣ Финляндіи и вдоль того берега Балтійскаго моря которому, они дали свое названіе, въ Эстляндіи и отчасти Лифляндіи. Эти племена, начиная съ юго-запада, суть слѣдующіе: *Куры* или *Ливы*, когда-то владѣвшіе Курляндіей и Лифляндіой, теперь почти совершенно исчезнувшіе и живущіе еще только въ нѣсколькихъ деревняхъ, по обѣ стороны Рижскаго залива; къ сѣверу отъ нихъ *Эсты*; потомъ *Ижора*, *Саваколы* и *Водь*, находившіеся подъ властью Россіи еще въ XI-мъ столѣтіи; еще сѣвернѣе, по ту сторону Невы, *Карелы*, распространившіеся отъ озера Пейяне и рѣки Кюменя до Ладожскаго озера, и

къ сѣверу отъ него, въ восточномъ направленіи; *Тавасты* и *Квены*, распространившіеся до границъ шведскаго округа Гельзинга; наконецъ, къ сѣверу, между Норвегіей и бѣлымъ моремъ, *Лапландцы* или *Лопари*. Всѣ эти Финны имѣютъ въ своемъ языкѣ, раздѣляющемся на нѣсколько нарѣчій, множество скандинавскихъ или германскихъ словъ. Сначала имя *Чуди* давалось у насъ собственно *Води*, но въ послѣдствіи оно распространилось и на другія племена, которыя получили у насъ насмѣшливое названіе *Чухонцевъ*, *Чухонъ* или *Маймистовъ*, въ особенности же тѣ, которые живутъ во окрестностяхъ Петербурга. 2) *Приволжскихъ и Приуральскихъ Финновъ*. Эта отрасль распадается на 2 группы: на *приволжскихъ финновъ* въ губерніяхъ: симбирской, пензенской, казанской, нижегородской, и проч., которые по своему языку скорѣе могутъ быть отнесены къ татарской расѣ, съ которой они, частію, смѣшались, и на *пріуральскихъ*, живущихъ больше къ сѣверу отъ первыхъ, въ сосѣдствѣ съ *Самоѣдами*, и къ западу отъ Урала по рѣкѣ Камѣ, въ губерніяхъ: пермской, вятской, вологодской и даже въ архангельской. Племена этой отрасли суть *Зыряне*, *Пермяки*, *Вотяки*, *Черемиса и Мордва*. 3) *Угрскихъ или Зауральскихъ Финновъ*. Эта отрасль, отъ которой происходятъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, Венгры (Мадьяры), жившая по ту сторону Урала, по обѣимъ сторонамъ Оби, до самаго ея впаденія въ Ледовитый океанъ, состоитъ изъ двухъ племенъ: *Вотяковъ* и *Остяковъ*. Ихъ нарѣчіе представляетъ большое сходство съ мадьярскимъ.

Собственно такъ-называемые финны, извѣстные въ настоящее время подъ этимъ именемъ, живутъ въ великомъ княжествѣ Финляндіи, въ Швеціи и Норвегіи. Они вообще сильнаго тѣлосложенія, съ полнымъ длиннымъ лицомъ, средняго роста, съ жидкою бородою, бѣлокурыми волосами, желтовато-коричневаго или красноватаго оттѣнка, выдающимися скулами, смуглымъ цвѣтомъ лица, грязноваго оттѣнка, угрюмаго вида, съ грубымъ голосомъ и медленною рѣчью. Они честны, добродушны, храбры, пріучены къ холоду и нуждѣ, молчаливы и флегматичны. Финляндское упрямство вошло у шведовъ въ пословицу. Не смотря на все свое гостепріимство, финнъ не легко довѣрится чужеземцу; — при этомъ онъ врагъ всякихъ нововведеній и не поддается лести. Будучи раздраженъ, онъ становится вспыльчивъ и мстителенъ. Крестьяне трудолюбивы и довольствуются плохой пищей. Нравы довольно чисты, уваженіе къ чужой собственности составляетъ главную черту въ національномъ характерѣ финновъ. Темную сторону этого характера составляетъ страсть къ пьянству и лѣность. Сѣверныхъ финновъ упрекаютъ въ хитрости — и они слывутъ у южныхъ, которые ихъ боятся, большими колдунами (въ среднихъ вѣкахъ имя финнъ было равнозначительно имени волшебникъ).

Жилища финновъ чрезвычайно непривлекательны съ виду, но въ послѣднее время они стали строить ихъ лучше, съ чистыми комнатами. Баня у нихъ — одна изъ самыхъ необходимыхъ потребностей, и у каждаго мужика есть подлѣ дома особая баня. Въ *нравахъ* и *обычаяхъ* у нихъ очень много своеобразнаго и древне-національнаго, напр. въ свадебныхъ. Христіанскія празднества сопровождаются у нихъ большими увеселеніями, въ особенности Рождество. Праздникъ Всѣхъ Святыхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ жатвы, сопровождаемый веселыми пѣснями и суевѣрными обрядами. Вообще финны, въ особенности же живущіе внутри Финляндіи чрезвычайно склонны къ поэзіи. Финскіе крестьяне называются отчасти по фамиліи, а отчасту прибавляютъ къ своему имени слово Son (сынъ), напр. Olof Jönson Kauvola: при этомъ они называются по имени той усадьбы, гдѣ они живутъ въ данную минуту. Собственно финны принадлежатъ къ лютеранскому *вѣроисповѣданію*; греко-россійскаго вѣроисповѣданія держится, сравнительно, незначительная часть, впрочемъ въ послѣднее время это вѣроисповѣданіе все болѣе и болѣе распространяется между ними. Они живутъ сѣверными оленями, рыболовствомъ, охотой и земледѣліемъ. *Языкъ* собственно финновъ чрезвычайно благозвученъ, вслѣдствіе частаго употребленія гласныхъ и двугласныхъ, простъ и мужественъ, и при этомъ богатъ и въ высшей степени гибокъ. Онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ наклонности финновъ къ поэзіи и пѣнію и раздѣляется на нѣсколько нарѣчій, изъ которыхъ наиболѣе уклоняющіеся — *карельское* и *олонецкое*. Въ половинѣ XIII столѣтія шведы ввели въ Финляндію христіанство, а вмѣстѣ съ этимъ и грамоту. Вслѣдствіе этого языкъ нѣсколько измѣнился и утратилъ часть своей оригинальности. *Народная поэзія* финновъ начинается съ древнихъ временъ.

Эстафета зимою.

(Стр. 832):

Быть можетъ недалеко время, когда самое названіе «эстафета» исчезнетъ въ памяти людей, благодаря паровозамъ и телеграфу; но пока главныя и соединительныя вѣтви желѣзныхъ дорогъ не настолько еще размножились по свѣту, и особенно у насъ въ Россіи, одинокій курьеръ, изображенный на прилагаемомъ рисункѣ художника Сверчкова, долго еще будетъ служить радостнымъ или скорбнымъ вѣстникомъ во многихъ углахъ, нетронутыхъ цивилизаціей. Заболѣетъ-ли кто съ опасностью жизни, грозитъ ли капиталисту какое внезапное бѣдствіе въ торговомъ мірѣ, требуется-ли немедленный призывъ должностнаго лица на мѣсто его служенія, — пакетъ съ таинственнымъ увѣдомленіемъ вручается туземному меркурію — и вотъ онъ летитъ почти въ буквальномъ смыслѣ слова, по снѣжнымъ пустырямъ нашего обширнаго отечества, закутавшись въ теплую шубу, равнодушный къ непогодамъ равно какъ и къ той бурѣ, которую зачастую поднимаетъ въ семьѣ привезенное имъ извѣстіе... «Эстафета! Этафета пришла!» слышится по всему дому — и обитатели его невольно блѣднѣютъ отъ этого слова.

Объявленіе для гг. подписчиковъ „Нивы“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Вышла и поступила въ продажу только-что отпечатанная новая книга изданія **А. Ф. Маркса**, подъ заглавіемъ:

МОСКВА И ТВЕРЬ.

Цѣна **1** руб. **50** коп.

Авторъ этой повѣсти получилъ 1,000 р. премія, предложенной Редакціей журнала «Нива» въ первый годъ ея изданія русскимъ писателямъ за лучшую историческую повѣсть изъ русской жизни. Въ то время повѣсть эта была напечатана въ журналѣ безъ гравюръ; но тотъ громадный успѣхъ, которымъ пользовалась она въ кругу читателей «Нивы», и многочисленныя заявленія не только со стороны подписчиковъ, но и вообще со стороны читающаго общества побудили издателя предпринять иллюстрированное изданіе ея отдѣльной книгой. Украшенная 6-ю великолѣпными, художественно-выполненными рисунками и представляя собою первый опытъ изданія отдѣльной повѣсти изъ русской исторіи съ гравюрами, новая книга является въ настоящее время въ высшей степени интересной не только со стороны литературной, но и со стороны художественной. *Цѣна* для подписчиковъ «Нивы» 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Подписчики «Нивы», желающіе пріобрѣсть «Москву и Тверь», ничего не платятъ за пересылку, буде обратятся съ требованіями прямо въ контору редакціи **и до истеченія 1871 года**, такъ какъ въ будущемъ году цѣны за пересылку возрастутъ втрое.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1872 ГОДУ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

НЕДѢЛЯ.

Въ 1872 году газета «Недѣля» будетъ издаваться на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года. Газета будетъ выходить одинъ разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, въ количествѣ 52 нумеровъ въ годъ; каждый нумеръ отъ 2 до 3 листовъ убористаго шрифта.

Обыкновенное содержаніе газеты «Недѣля» слѣдующее: **I. Передовыя статьи** по важнѣйшимъ вопросамъ русской общественной жизни. — **II. Внутренняя хроника**. Обзоръ выдающихся событій русской жизни, изложенныхъ въ обобщенномъ видѣ. Этотъ обзоръ всегда сопровождается надлежащими объясненіями со стороны редакціи. — **III. Городскія и земскія извѣстія**. Обзоръ фактовъ изъ дѣятельности городскаго и земскаго самоуправленія въ Россіи. Здѣсь излагаются только такіе факты, которые имѣютъ существенное значеніе для дѣла и представляютъ общій интересъ. — **IV. Судебно-общественныя замѣтки**. Рядъ очерковъ, заимствованныхъ изъ текущихъ судебныхъ дѣлъ и представляющихъ собою любопытныя явленія общественной жизни. — **V. Правительственныя распоряженія**. Сокращенное изложеніе важнѣйшихъ законовъ и правительственныхъ мѣръ. — **VI. Политическая хроника**. Изложеніе важнѣйшихъ фактовъ общественной и политической жизни за границей. — **VII. Беллетристика**. Повѣсти, романы, разсказы и т. п., какъ оригинальные, такъ и переводные. Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщаются извлеченія изъ иностранныхъ сочиненій беллетристическаго характера. — **VIII. Статьи общественно-научныя**, преимущественно по русскимъ общественнымъ вопросамъ. — **IX. Корреспонденція**. Письма изъ провинціи, имѣющія нетолько мѣстный, но и общій интересъ. — **X Журналистика**. — **XI. Книжная хроника**. — **XII. Фельэтонъ**.

Главнѣйшая цѣль, какую преслѣдуетъ «Недѣля», состоитъ въ разработкѣ преимущественно тѣхъ общественныхъ вопросовъ, которые возбуждены **реформами послѣдняго десятилѣтія**. Слѣдить за тѣмъ, чтобъ начала, положенныя въ основаніи этихъ реформъ, не извращались на практикѣ, разъяснять важность и полезность этихъ началъ — вотъ задача «Недѣли» и ея направленіе.

Подписка на 1872 годъ открыта.

Цѣна газеты «НЕДѢЛЯ» на 1872 годъ:

ГОДОВАЯ (съ 1-го января 1872 года по 1-е января 1873 года): безъ пересылки и доставки 6 руб., съ пересылкой и доставкой 7 р.

ПОЛУГОДОВАЯ (съ 1-го января по 1-е іюля, то-есть, за 26 нумеровъ): безъ пересылки и доставки 3 руб. 50 к., съ пересылкой и доставкой 4 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «Недѣля», на углу Ивановской и Кабинетской, д. Матушевича, кв. **№ 31**, и въ главной конторѣ редакціи, въ «Русской Книжной Торговлѣ», на Невскомъ проспектѣ, противъ гостинаго двора, домъ армянской церкви, **№ 42**; въ Москвѣ, у И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ. (3)—3

Издатели-сотрудники: П. Гайдебуровъ.
Б. Конради.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ **1872** ГОДУ

ЖУРНАЛА

ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ

Изд. Н. С. Львовымъ.

Начиная ШЕСТОЙ годъ своего существованія, редакція, не дѣлая заманчивыхъ обѣщаній, считаетъ не лишнимъ объяснить, что при дальнѣйшемъ изданіи журнала она будетъ руководиться прежнею программою и помѣщать на страницахъ своего журнала новѣйшія произведенія заграничной литературы и преимущественно такіе романы, которые въ настоящую эпоху составляютъ живой интересъ для читающей публики. Романы прошлыхъ годовъ: «Изабелла», «Мексика», «Евгенія», «До Седана», «Тайны города Мадрида», разошедшіеся въ большомъ количествѣ экземпляровъ и частію потребовавшіе вторыхъ изданій, указали редакціи на современный вкусъ публики. Для будущаго 1872 года приготовляются къ печати и будутъ помѣщены, по возможности въ первыхъ книгахъ журнала, слѣдующіе романы даровитыхъ авторовъ, охватывающіе собою современныя событія Запада:

1) **ВОЙНА 1870 ГОДА**, или **НОВЫЯ ПАРИЖСКІЯ ТАЙНЫ**, историческій романъ изъ жизни Парижа во время послѣдней войны, *Виктора Салеса*.

(Романъ этотъ имѣетъ своимъ предметомъ дѣйствія Людовика Наполеона и его сподвижниковъ съ одной стороны, съ другой стороны—Тьеръ, Гамбетта; Трошю, Асси, Піа, Рошфоръ, Курбе, Рауль Риго, Россель, коммунисты и интернаціоналы находятъ себѣ мѣсто въ этомъ романѣ, для котораго авторъ не жалѣлъ яркихъ красокъ, описывая страсти, дѣйствія и ошибки политическихъ дѣятелей. Романъ этотъ, такъ сказать, дополняетъ романъ «Евгенія» Борна, разошедшійся въ редакціи въ **4** мѣсяца 3000 экз.)

2) **РАБЫ ПАРИЖА**, юридическій романъ *Габоріо*.

3) **ЛОНДОНСКІЯ ДРАМЫ**, романъ *Рейнольда*.

4) **ДУХОВНОЕ СРОДСТВО**, романъ *Макса Ринга*.

5) **ЖЕЛѢЗНЫЙ ГРАФЪ**, историческій романъ *Г. Ф. Борна*.

(Приводимъ перечень нѣкоторыхъ главъ: Первый орденъ Бисмарка.—Замокъ Шенгаузенъ.—Князья биржи.—Дуэль у королевской плотины.—Брилліанты танцовщицы.—Будущность дипломата. Сонъ Бисмарка.—Убійство въ Берлинѣ.—Балъ у графа Бисмарка. — Великодушіе Мольтке. — Желѣзный крестъ. — Исповѣдь фрейлины. — Шпіоны — Бисмаркъ и Наполеонъ. — Императрица Евгенія.—Версаль.—Отъ Эмса до Гастейна, и проч. и проч.).

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ: безъ пересылки и доставки СЕМЬ руб., съ доставкою на домъ **7** руб. **50** коп., съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, **въ редакціи**. Колокольная улица, домъ **№ 7** и въ книжномъ магазинѣ **А. Я. Исакова**, въ Гостиномъ дворѣ.

Гг. иногородные непосредственно адресуютъ свои требованія: въ С.-Петербургъ, въ редакцію **Отдѣльныхъ романовъ**.

Для желающихъ допускается разсрочка, съ платою по полугодно, или по третямъ. (3)—2

Дозволено цензурою 23 Декабря 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. . Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

